

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

1856.

ОКТАБРЬ.

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ТРЕТЬЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

1856.

ОКТАБРЬ.

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА

НА 1856 ГОДЪ.

Отд. I. Дѣйствія Правительства. — 1) Высочайшія Повелѣнія и 2) Министерскія распоряженія.

Отд. II. Словесность, Науки и Художества. — Статьи по части Вѣроученія, Философіи, Законовѣдѣнія, Педагогики, Исторіи, Словесности, Русскаго языка и другихъ общепользныхъ знаній; путешествія ученыхъ или имѣющія историческую важность.

Отд. III. Извѣстія о вѣ Отечественныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Отд. IV. Извѣстія о вѣ Иностранныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Отд. V. Исторія просвѣщенія и гражданскаго образованія. — Сюда же относятся и Біографіи людей, содѣйствовавшихъ успѣху Наукъ и гражданственности.

Отд. VI. Обзоръ книгъ и журналовъ.

Отд. VII. Новости и Смѣсь касаются: новѣйшихъ открытій въ Наукахъ и полезныхъ изобрѣтеній; древностей, находимыхъ въ Россіи и въ чужихъ краяхъ; отличныхъ произведеній Художествъ, примѣчательныхъ физическихъ явленій, мелкихъ литературныхъ замѣчаній; задачъ, предлагаемыхъ отъ Академій и Ученыхъ Обществъ, разныхъ пособій, имѣющихъ отношеніе къ просвѣщенію, и т. д.

Къ книжкамъ Журнала отъ времени до времени прилагаются картинки, карты, планы, снимки съ почерковъ и пр.

Три книжки составляютъ одну часть, а четыре части — полное годовое изданіе.

Изъ издававшихся четырехъ родовъ Прибавленій къ Журналу, будетъ продолжаемо отдѣльное печатаніе лишь Бліографическихъ Прибавленій; содержаніе же Прибавленій Литературныхъ и Офиціально-Учебныхъ будетъ входить въ составъ самаго Журнала, а именно: Литературныхъ — въ отдѣлъ Словесности и Наукъ, а Офиціально-Учебныхъ — въ отдѣлъ Разныхъ Извѣстій. Изданіе же Трудовъ Воспитанниковъ отмѣняется.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЧАСТЬ ХСII.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

—

1856.

I.
ДѢЙСТВІА
ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ

за Сентябрь мѣсяць 1856 года.

23. (5 Сентября) *Объ опредѣленіи въ пансіонъ Псковской гимназіи дворянствомъ губерніи двухъ пансіонеровъ 26 Августа 1856 года.*

Дворянство Псковской губерніи, желая выразить вѣрноподданническія чувства свои ознаменованіемъ съ своей стороны для священнѣйшаго Коронованія Его Императорскаго Величества, предположило опредѣлять на свой счетъ въ благородный пансіонъ Псковской гимназіи двухъ сыновей изъ бѣднѣйшихъ дворянъ пансіонеровъ 26 Августа 1856 года.

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу о семъ г. Министра внутреннихъ дѣлъ, Высочайше повелѣно съ тѣмъ, чтобы по сему Высочайшему повелѣнію исполнено было. *Часть XCII. Отд. I.*

чайше на сіе соизволилъ и повелѣлъ благодарить Псковское дворянство.

24. (15 Сентября) *Объ отправленіи нѣкоторыхъ лицъ за границу съ ученою цѣлію.*

Государь Императоръ, по положенію Главнаго Правленія Училищъ, Высочайше повелѣтъ соизволять:

1) Исправляющаго должность экстраординарнаго профессора С. Петербургскаго университета, Надворнаго Совѣтника *Ценковскаю* — отпрать за границу съ ученою цѣлію, на одинъ годъ, съ сохраненіемъ содержанія и съ выдачею пособія на путевыя издержки на счетъ суммъ университета, съ тѣмъ чтобы, по возвращеніи въ Россію, онъ прослужилъ по Министерству народнаго просвѣщенія не менѣе шести лѣтъ. Цѣль отпрать Ценковскаго за границу заключается въ томъ, чтобы предоставить ему возможность пополнить новыми наблюденіями и изслѣдованіями выводы его по изученію сѣверныхъ формъ низшихъ растений.

2) Исправляющаго должность экстраординарнаго профессора Московскаго университета *Капустина* — отпрать на два года въ Германію, Францію, Бельгію, Голландію и Англію, — для изученія междонароднаго права чрезъ практическое наблюденіе надъ тѣмъ, какъ прилагаются къ дѣлу общія юридическія начала, и чрезъ сравнительное изученіе законодательства различныхъ государствъ, въ его главныхъ вопросахъ и практикѣ, — съ сохраненіемъ содержанія, съ выдачею одновременно на подъемъ и путевыя издержки изъ свободныхъ суммъ университета, и съ обязательствомъ выслуги за сіе по возвращеніи въ Россію 6 лѣтъ въ званіи профессора.

3) Доктора естественныхъ наукъ, Надворнаго Совѣтника *Гремячинскаго*—отправить на три года за границу для приготовленія къ занятію, въ званіи профессора, кафедръ ботаники въ Московскомъ университетѣ, съ производствомъ ему на содержаніе и путешествіе адъюнктскаго оклада изъ экономическихъ суммъ сего университета и съ выдачею пособія на подъемъ и путевыя издержки изъ суммы, собираемой со студентовъ за слушаніе лекцій.

Отправить ординарныхъ профессоровъ университета св. Владиміра, Коллежскихъ Совѣтниковъ :

4) *Павлова* — въ Германію, Италію, Францію, Грецію и Славянскія земля, на полтора года, для нагляднаго изученія древностей, выражающихъ жизнь Европейскихъ народовъ, древнихъ и новыхъ.

5) *Митюкова* — въ Германію и Италію, на полтора года, для разработки источниковъ Римскаго права.

6) *Чугаевича* — въ Берлинъ, Мюнхенъ, Гейдельбергъ и Парижъ, на два года, для обогащенія себя свѣдѣніями по части технологіи.

Три послѣдніе отправлены за границу съ сохраненіемъ получаемого ими по университету содержанія, съ выдачею пособій на путевыя и другія издержки и съ обязательствомъ прослужить, по возвращеніи въ Россію, не менѣе шести лѣтъ въ званіи профессоровъ по вѣдомству Министерства народнаго просвѣщенія.

Высочайшія грамоты.

I.

Нашему Дѣйствительному Статскому Совѣтнику, вице-директору Департамента народнаго просвѣщенія *Кисловскому*.

Въ воздаяніе отлично-усердной и полезной службы вашей, Министромъ народнаго просвѣщенія засвидѣтельствованной, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена св. Станислава 1-й степени, знаки коего, при семъ препровождаемые, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію.

Пребываемъ Императорскою и Царскою милостію Нашею къ вамъ благосклонны.

II.

Нашему Дѣйствительному Статскому Совѣтнику, члену Главнаго правленія училищъ *Постельсу*.

Въ награду долговременной усердной службы вашей и полезныхъ трудовъ, Министромъ народнаго просвѣщенія засвидѣтельствованныхъ, Всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Св. Станислава 1-й степени, знаки коего при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію.

Пребываемъ Императорскою и Царскою милостію Нашею къ вамъ благосклонны.

III.

Ординарному академику Нашей академіи наукъ, числящемуся по морскому министерству, Нашему Дѣйствительному Статскому Совѣтнику *Якоби*.

По засвидѣтельствованію начальства объ отлично-усердной и ревностной службѣ вашей, Всемилостивѣйше пожаловали

Мы васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Нашею Св. Станислава 1-й степени, въ слѣдствіе чего препровождаемъ при семь орденскіе знаки, для ношенія по установленію, пребывая Императорскою и Царскою милостію Нашею къ вамъ благосклонны.

IV.

Нашему Дѣйствительному Статскому Совѣтнику, ординарному профессору Московскаго университета *Полю*.

Въ воздаяніе отлично-усердной службы вашей и полезныхъ трудовъ, Министромъ народнаго просвѣщенія засвидѣтельствованныхъ, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Св. Станислава 1-й степени, знаки коего при семь препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію.

Пробываемъ Императорскою и Царскою милостію Нашею къ вамъ благосклонны.

На подлинныхъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано :

«АЛЕКСАНДРЪ».

Въ Москвѣ,
26 Августа 1856 года.

Указъ Правительствующему Сенату.

Совѣщательному члену медицинскаго совѣта Министерства внутреннихъ дѣлъ, заслуженному профессору, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику *Пирюеву* Всемилостивѣйше повелѣ-

всѣмъ быть неправящими должностъ помечтателя Одесскаго учебнаго округа.

На подлинномъ Собственною Его
Императорскаго Величества
рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Въ Москвѣ,
3 Сентября 1856 года.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ, ПЕРЕМѢЩЕНІЯ И УВОЛЬНЕНІЯ.

Высочайшими приказами по гражданскому вѣдомству

ОПРЕДѢЛЕНІЯ:

По учебнымъ округамъ.

С. Петербургскому: Отставной Коллежскій Регистраторъ *Болушевичъ* — почетнымъ смотрителемъ Лепельскаго уѣзнаго училища (19 Сентября).

Московскому: Отставной Коллежскій Секретарь *Плечко* — почетнымъ смотрителемъ Бѣлевскаго уѣзнаго училища (3 Сентября).

Харьковскому: Отставной Поручикъ *Плохово* — почетнымъ смотрителемъ Малоархангельскаго уѣзнаго училища (20 Сентября).

Кіевскому: Отставной Поручикъ *Капцевичъ* — почетнымъ смотрителемъ Погарскаго уѣзнаго училища (29 Сентября).

По Сибирскому управленію.

Отставной Коллежскій Ассессоръ *Барковъ* — почетнымъ смотрителемъ Енисейскаго уѣзнаго училища (11 Сентября).

НАЗНАЧЕНІЯ:

По Департаменту народнаго просвѣщенія.

Исправляющій должность начальника отдѣленія, Коллежскій Советникъ *Гуртс* — начальникомъ отдѣленія (15 Сентября).

П Р І В Ѣ Щ Е Н І Я :

Депутатъ Таврическаго дворянскаго депутатскаго собранія отъ дворянъ Перекопскаго уѣзда, Коллежскій Регистраторъ *Балетюковъ* — почетнымъ смотрителемъ Есватерійскаго уѣзднаго училища (20 Сентября).

У В О Д І Е Н І Я :

По учебнымъ округамъ.

Московскому: Почетный смотритель Вереѣвскаго уѣзднаго училища, Капитанъ *Коробинъ* — по болѣзни (11 Сентября).

Кіевскому: Почетный смотритель Нововыбковскаго уѣзднаго училища, Коллежскій Регистраторъ *Ширай* — по болѣзни (14 Сентября).

НАГРАЖДЕНІЯ:

Напернымъ крестомъ.

Ординарный профессоръ практическаго богословія въ Дерптскомъ университетѣ и пасторъ университетской лютеранской церкви *Христіани* — за отличное исполненіе нѣз своихъ обязанностей (7 Сентября).

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ЗА СЕНТЯБРЬ МѢСЯЦЪ 1856 ГОДА.

10. (10 Сентября) *О перемѣнахъ въ курсахъ чтеній въ университетъ св. Владимира.*

По уваженіямъ, изложеннымъ въ представленіи г. исправляющаго должность попечителя Кіевскаго учебнаго округа, г. Товарищъ Министра Народнаго Просвѣщенія одобрилъ предположеніе совѣта университета св. Владимира объ отнесеніи геологіи къ числу предметовъ, назначенныхъ для чтенія въ теченіе 5, 6, 7 и 8 семестровъ, и о перенесеніи на первую половину испытанія студентовъ неорганической химіи.

11. (11 Сентября) *Циркулярное предложеніе въ слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія о сохраненіи дѣтямъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ, воспитывающимся въ учебныхъ заведеніяхъ на счетъ инвалиднаго капитала, права на полученіе пенсіи изъ государственнаго казначейства.*

Въ слѣдствіе поступившей въ Министерство внутреннихъ дѣлъ просьбы вдовы одного чиновника, о назначеніи пенсіи дочерямъ ея, воспитывающимся въ патріотическомъ институтѣ на счетъ инвалиднаго капитала, возникъ вопросъ — относятся ли суммы комитета, Высочайше

учрежденнаго въ 18 день Августа 1814 года, къ числу тѣхъ, на счетъ которыхъ воспитывающіеся дѣвцы не теряютъ права на полученіе за службу ихъ отцовъ пенсій изъ казны.

Комитетъ входилъ по сему предмету со всеподданнѣйшимъ докладомъ.

Его Императорское Величество, имѣя въ виду, что находящіеся въ распоряженіи комитета, учрежденнаго въ 18 день Августа 1814 года, инвалидный и другіе капиталы, на счетъ коихъ воспитываются въ учебныхъ заведеніяхъ дѣти генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ, составлены преимущественно изъ частныхъ приношеній, Высочайше повелѣтъ соизволяя: дочерямъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ, воспитывающимся въ патриотическомъ институтѣ на счетъ суммъ комитета, равно сыновьямъ, находящимся въ гражданскихъ учебныхъ заведеніяхъ, сохранять право на полученіе пенсіоновъ, слѣдующихъ имъ за службу отцовъ, изъ суммъ государственнаго казначейства и во время нахождения ихъ въ означенныхъ заведеніяхъ, но съ тѣмъ, чтобы (согласно 239 ст. 3 т. Св. Зак. *Уст. о пенс. по XIX. прод.*) пенсіи эти на руки имъ не выдавались, но доставлялись бы къ начальству заведенія, которое должно вносить оныя въ кредитныя установленія для прिवращенія процентами и выдавать вмѣстѣ съ процентами воспитанникамъ и воспитанницамъ при выпускѣ ихъ изъ заведеній.

О сей Монаршей милости имѣю честь увѣдомить къ надлежащему объявленію по учебнымъ заведеніямъ.

Подписалъ: *Товарищъ Министра народнаго просвѣщенія
Князь Вяземскій.*

12. (17^{1/2}, Сентября) *Объ увеличеніи числа воспитанниковъ въ Варшавскомъ благородномъ институтѣ.*

По представленію г. попечителя Варшавскаго учебнаго округа, сообщеннаго г. Министромъ народнаго просвѣщенія на усмотрѣніе г. Намѣстника Царства Польскаго, послѣдовало разрѣшеніе на увеличеніе комплекта воспитанниковъ въ Варшавскомъ благородномъ институтѣ до 250 человекъ.

13. (12 Сентября) *О раздѣленіи на два отдѣленія курса училища при Евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С. Петербургѣ.*

По разсмотрѣніи приложеннаго къ представленію г. управляющаго С. Петербургскимъ учебнымъ округомъ доведенія совѣта училища при Евангелическо-лютеранской церкви св. Анны въ С. Петербургѣ, разрѣшено въ мужскомъ отдѣленіи училища раздѣлить учебный курсъ въ двухъ высшихъ классахъ оваго на два разряда — классическій и реальный, согласно одобренному совѣтомъ училища предначертанію о новомъ распредѣленіи предметовъ преподаванія.

14. (27 Сентября) *О введеніи въ Самарской гимназіи обученія фронтовой военной выправкѣ.*

По представленію г. попечителя Казанскаго учебнаго округа, разрѣшено ввести въ Самарской гимназіи обученіе фронтовой военной выправкѣ, в потребную для сего издержку, до 100 руб. сер. въ годъ, производить изъ экономической суммы гимназіи съ 1 Января 1857 года.

15. (29 Сентября) *Циркулярное предложеніе о приглашеніи преподавателей въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ къ составленію описаній губерній, въ которыхъ означенныя учебныя заведенія находятся.*

Бывшій учитель Петрозаводскаго уѣзднаго училища *Андреевъ* составилъ «Записки объ Олонецкой губерніи». Записки эти разсмотрѣны, и какъ содержащія полныя и вѣрныя географическія, статистическія и этнографическія свѣдѣнія объ Олонецкой губерніи, изложенныя въ принятой наукою системѣ, ясно и яснымъ правильнымъ, напечатаны на счетъ суммъ дирекціи и служатъ полезнымъ пособіемъ при преподаваніи географіи въ учебныхъ заведеніяхъ дирекціи училищъ Олонецкой губерніи.

Принимая во вниманіе, что подобныя книги, распространяя общія свѣдѣнія о государствѣ, въ особенности полезны для учениковъ того края, въ которомъ они или родились или воспитываются, я покорнѣйше прошу сдѣлать распоряженіе о приглашеніи преподавателей географіи въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ къ составленію описаній губерній, въ которыхъ тѣ учебныя заведенія находятся, и о каждомъ такомъ трудѣ, признанномъ за лучшій по дирекціи, доводить до свѣдѣнія министерства, съ приложеніемъ экземпляра онаго, чтобы имѣть возможность изъ сихъ брошюръ составлять въ послѣдствіи полную географію Россіи для руководства или пособія при преподаваніи оной въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства народнаго просвѣщенія.

Подписалъ : *Товарищъ Министра народнаго просвѣщенія
Князь Вяземскій.*

ПЕРЕИМЕНІЯ:

Почетный смотритель Старичаго уѣзднаго училища, Коллежскій Секретарь *Львовъ* — къ такой же должности въ Новоторжское уѣздное училище (3 Сентября); почетный смотритель Зеньковского уѣднаго училища, Коллежскій Ассессоръ *Война* — къ такой же должности въ Гадячское уѣздное училище (10 Сентября).

Объявлена признательность Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Законоучителю Римскокатолическаго исповѣданія Мстиславскаго дворянскаго уѣднаго училища, ксендзу *Волчацкому* — за сдѣланное имъ въ пользу учениковъ помянутаго училища пожертвованіе (12 Сентября).

II.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ОТЪ АВТОРА.

Въ «Морскомъ Сборникѣ», издаваемомъ Морскимъ ученымъ комитетомъ, съ начала этого года предположено помѣщать рядъ статей о воспитаніи молодыхъ людей, готовящихся къ морской службѣ. Въ видѣ введенія къ этимъ статьямъ, помѣщено разсужденіе о воспитаніи вообще; при чемъ Морской ученый комитетъ предложилъ доставлять въ редакцію «Сборника» замѣчанія, возраженія, взгляды по поводу этой статьи, имѣющей предметомъ одну изъ насущнѣйшихъ потребностей всякаго, а тѣмъ болѣе еще юнаго — Русскаго общества. Въ слѣдствіе этого явилось нѣсколько статей, относящихся болѣею частью къ общему, а нѣкоторыя въ частности къ морскому воспитанію (*). Съ половины текущаго года редакція Журнала Министер-

(*) Вотъ эти статьи, помѣщенные доселѣ въ «Морскомъ Сборникѣ»: 1) въ № 1, О воспитаніи, статья Бема; 2) въ № III, Дополнительная статья къ разсужденію Бема «О воспитаніи», орд. академика *И. И. Давыдова*; 3) въ № VII, Мысли по поводу статьи: «О воспитаніи», *В. И. Даля*; 4) Запѣтки о преподаваніи Русскаго языка и словесности, *Н. Греча*; 5) Прошедшее и будущее въ воспитаніи моряка, статья флотскаго офицера; 6) въ № IX, Вопросы жизни, *Ш. И. Пирогова*; 7) Изъ одного мѣста разныя вѣсти по поводу статьи «Прошедшее и будущее въ воспитаніи моряка», *Н. Тьртова*; 8) въ № X, Нѣсколько словъ о домашнемъ воспитаніи, *А. И. З.* и Еще мысли о воспитаніи по поводу статьи Бема, *Вл. Милайнова*.

ства Народнаго Просвѣщенія, итѣя въ виду, между прочимъ, знакомить сколь возможно болѣе нашихъ преподавателей со всѣмъ, что входитъ въ кругъ ихъ многотрудной дѣятельности, предположила усилить педагогическій отдѣлъ въ своемъ Журналѣ и, общая постоянно помѣщать въ немъ какъ объясненіе разныхъ методовъ и системъ обученія и воспитанія, такъ въ особенности замѣчательнѣйшія историческія явленія въ области педагогикъ, язвавила притомъ желаніе усвоить педагогическому отдѣлу своего журнала еще другой интересъ—практическій, а въ олдѣствіе того готовность принимать замѣтки о разныхъ педагогическихъ вопросахъ. По этому, можетъ быть, не лишнимъ будутъ здѣсь и представляемыя *Педагогическія замѣтки по поводу статей, помѣщенныхъ въ Морскомъ Сборникѣ*, объемающія полный кругъ общей педагогической системы; если же въ нихъ преимущественно расширенъ объемъ образованія нравственнаго, источникомъ и примѣненіемъ коего должны быть вѣра и отечество: то это потому, что, по общему сознанію всѣхъ, настоятъ особенно-существенная надобность обратить на этотъ предметъ исключительное вниманіе, какъ это признано и самою редакціею Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія. Пишущій эти строки будетъ очень счастливъ, если мысли и чувства, одушевлявшія его, заслужатъ вниманіе читателей, интересующихся предметомъ, близкимъ сочувствію всякаго, какъ человека и гражданина.

Планъ и основанія педагогической системы, принятой въ этой статьѣ, заимствованы изъ сочиненія Брауна: «*Cours théorique et pratique de Pédagogie et de Méthodologie*». 2-me édition. Bruxelles, 1854, 3 vol.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ,

ПО ПОВОДУ СТАТЕЙ, НАПЕЧАТАВНЫХЪ ВЪ МОРСКОМЪ СБОРНИКѢ
НАСТОЯЩАГО 1856 ГОДА.

Да будетъ совершенъ Божій человекъ
на всякое дѣло благое уготованъ.

2. Тимое. 3, 17.

Воспитаніе, ученіе, образованіе — три слова, нерѣдко безразлично принимаемыя одно за другое для означенія искусственнаго воздѣлыванія физическо-умственно-нравственной природы человѣка, суть однакожь не тождественныя, хотъ и родственныя между собою понятія. Различное значеніе ихъ весьма вѣрно опредѣляется, на нашемъ языкѣ, буквальнымъ ихъ смысломъ. Человѣкъ есть существо физическо-разумно-нравственное. Педагогика, какъ теорія и практика полного искусственнаго воздѣлыванія природы человѣка, отвѣчаетъ всѣмъ тремъ ея свойствамъ. Такъ *воспитаніе* существенно выражаетъ сохраненіе, укрѣпленіе и развитіе физическихъ силъ человѣка; *ученіе* непосредственно означаетъ возбужденіе, усовершенствованіе и дѣятельное употребленіе умственныхъ способностей человѣка; *образованіе* же есть собственно благое направленіе нравственныхъ качествъ человѣка. Не имѣя въ виду начертать полный планъ современной педагогики, обратимъ лишь вниманіе на важнѣйшія потребности и суще-

ственные недостатки ея, соотвѣтственно тремъ ея подраздѣленіямъ.

III.

Воспитаніе физическое, въ вѣкоторомъ смыслѣ, предваряетъ рожденіе человѣка: извѣстно вліяніе здоровья матери на младенца, находящагося еще во чревѣ ея. Но, не касаясь природныхъ отношеній между матерью и младенцемъ, ни первоначальной эпохи его питанія на груди матери, что составляетъ собственно предметъ гигиены родильницъ, физическое воспитаніе исключительно начинается съ той поры, когда въ дитяти обнаруживаются признаки самостоятельнаго существованія, какъ-то: свободное произвольное движеніе, употребленіе растительной и животной пищи, наконецъ самый самый даръ слова.

Воздухъ, пища, сонъ, — вотъ три необходимыя условія нашего физическаго существованія, на которыя прежде всего должно быть обращено вниманіе физическаго воспитанія. Съ минуты перваго дыханія, которымъ начинается наша жизнь, и до минуты послѣдняго, которымъ она оканчивается, воздухъ есть стихія, въ которой мы существуемъ и безъ которой существовать не можемъ; дитя по рожденіи своемъ прежде всего усваиваетъ себѣ воздухъ, какъ первѣйшее условіе жизни. Поэтому приучать дѣтей къ воздуху и къ атмосферическимъ перемѣнамъ, есть первое правило физическаго воспитанія: само собой разумѣется, что это должно дѣлать благоразумно, примѣняясь къ различію воспріимчивости въ разныхъ темпераментахъ и постепенно, безъ рѣзкихъ переходовъ отъ одной температуры къ другой. Многіе родители, подъ опасеніемъ

простуды, держать дѣтей въ-заперти и выпускають ихъ на воздухъ въ самую теплую лишь погоду; этимъ самымъ они готовятъ дѣтямъ своимъ плачевную будущность: ибо дѣти, не свыкшіяся съ вліяніемъ атмосферическимъ, бывають хилы и болѣе подвержены разнымъ болѣзнямъ, проистекающимъ отъ разныхъ случайностей, которыхъ при всей осторожности не всегда избѣжать можно.

Послѣ воздуха, пища есть второе условіе нашей жизни. Самая полезная для дѣтей пища есть сытная и какъ можно проще приготовленная: излишняя діета и утонченность въ пицѣ разбѣживаютъ желудокъ и обезсиливають пищеварительные органы, дѣлая ихъ неспособными къ свободному отправленію. Должно пріучать дѣтей ко всякаго рода обыкновенно всѣмъ употребляемой пицѣ, и предотвращать чрезмѣрную разборчивость или прихотливую брезгливость: умные родители или воспитатели, замѣтивши, что дитя не хочетъ ѣсть то или другое кушанье, не стануть замѣнять тѣмъ, что ему лучше нравится, а скажутъ: «не хочешь ѣсть, что тебѣ даютъ, ѣшь одинъ хлѣбъ или ничего не ѣшь». Какъ часто сами родители возбуждають въ дѣтяхъ склонность къ лакомству, дая, награждая, или утѣшая ихъ въ болѣзняхъ и огорченіяхъ лакомствами!

Сколько благодѣтеленъ и необходимъ сонъ для подкрѣпленія истощаемыхъ ежедневною дѣятельностью тѣлесныхъ силъ, столько же вредны сонливость, разслабляющая, и бессонница, изнуряющая ихъ. Физическое воспитаніе должно строго наблюдать, чтобы дѣти спали ни болѣе ни менѣе сколько нужно, не допуская, чтобы какое-нибудь позднее увеселеніе, или преспровожденіе времени могло нарушить назначенное время сна и пробужденія.

Пять высших чувствъ — зрѣніе, слухъ, осязаніе, обоняніе, вкусъ — должны возбуждать заботливое попеченіе физическаго воспитанія. Такъ должно заранѣе приучать зрѣніе замѣчать симметрію, различать разные оттѣнки цвѣтовъ и красокъ и открывать изящное: это — средство образовать вкусъ и развить эстетическое чувство; съ этой цѣлью должно обращать вниманіе дѣтей на разительные предметы въ природѣ, въ твореніяхъ искусства, на отдѣльныя части, на соотвѣтствіе частей съ цѣлымъ. Точно такъ же должно благовременно приучать слухъ дѣтей къ гармоніи, но, въ видахъ эстетическаго усовершенствованія, — предпочитать мелодію пѣнію слишкомъ громкому, музыкѣ слишкомъ шумной. Осязаніе теряетъ свою утонченность отъ огрубѣнія кожи: въ этомъ не трудно удостовѣриться у простолюдиновъ и чернорабочихъ; напротивъ того, у женщинъ и у дѣтей, у которыхъ кожа на рукахъ нѣжнѣе, осязаніе утонченнѣе. Но изъ этого не слѣдуетъ, что для сохраненія утонченности этого чувства должно избѣгать ручныхъ трудовъ и атмосферическихъ перемѣнъ. Въ отношеніи гигиеническомъ даже необходимы ручной трудъ и укрѣплѣніе тѣла. Врачи единодушно совѣтуютъ, для ослабленія слишкомъ большой чувствительности вервовъ, приучать дѣтей вставать утромъ рано, переносить холодъ, жаръ, выдерживать терпѣливо боль, причиняемую себѣ по неосторожности самими или случайно другими. Для сохраненія обонянія слѣдуетъ только беречь тщательно органы этого чувства; для укрѣпленія же обонянія и предотвращенія большаго ослабленія у тѣхъ, у которыхъ оно мало развито, необходимы нѣкоторыя предосторожности, извѣстныя родителямъ и воспитателямъ по опыту. Физическое воспитаніе должно стараться и объ усовершен-

ствованіи вкуса: ибо необходимое условіе здоровья — вкусная, безредная пища. Съ этой цѣлю полезно и необходимо какъ дома, такъ и въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, сообщать дѣвщамъ свѣдѣнія о свойствахъ и приготовленіи разныхъ родовъ пищи: это будетъ имѣть благотворное вліяніе на будущія ихъ семейства, когда они сдѣлаются хозяйками. Для предохраненія же дѣтей отъ страсти къ пресыщенію, должно постоянно внушать имъ, что мы ѣдимъ для того, чтобъ жить, а не для того живемъ, чтобъ ѣсть.

Какъ средство укрѣпленія и развитія физическихъ силъ, воспитаніе употребляетъ такъ-называемыя *тѣлесныя упражненія*. Если, съ одной стороны, тѣлесныя упражненія заходятъ иногда слишкомъ далеко и бываютъ употребляемы въ излишествѣ, такъ что составляютъ не средство, а цѣль воспитанія, или столь неблагоуразумно, что подвергаютъ дѣтей неприятнымъ случайностямъ, даже несчастіямъ: то, съ другой стороны, принимая во вниманіе опасности, которымъ подвергается человѣкъ, не приученный къ свободному употребленію своихъ физическихъ силъ и орудій, — весьма непростительно пренебрегать этою частію воспитанія. Сверхъ того, кромѣ счастливаго вліянія тѣлесныхъ упражненій на здоровье, они могутъ имѣть полезное вліяніе и въ отношеніи нравственномъ: досужные отъ занятій ученіемъ часы, проводимые въ праздности и скукѣ, гораздо съ большею пользою могутъ быть употреблены на упражненія, служащія къ укрѣпленію и развитію физическихъ силъ. Гимнастика въ древности составляла важнѣйшую часть воспитанія; въ новѣйшее время придумано много способовъ, изобрѣтено множество инструментовъ для гимнастическихъ упражненій. Но, если

всѣ различныя роды гимнастическихъ упражненій могутъ быть съ пользою употреблены въ домашнемъ воспитаніи для нѣсколькихъ дѣтей, подъ руководствомъ образованныхъ родителей и опытныхъ наставниковъ: то весьма трудно примѣненіе ихъ въ общественномъ воспитаніи, гдѣ собрано множество дѣтей; гораздо полезнѣе здѣсь общія упражненія — военная экзерциція, фехтованье, стрѣльба, плаванье, верховая ѣзда, «смотря по цѣли заведенія», какъ оговариваетъ авторъ статьи «О воспитаніи», справедливо замѣчая еще, «что слишкомъ раннее упражненіе дѣтей въ изученіи военнаго искусства, если оно только переходитъ для нихъ за предѣлы забавы и игры, мало приноситъ пользы» (*).

Здѣсь указаны, въ самыхъ краткихъ намекахъ, только главныя черты физическаго воспитанія, которому домашнее воспитаніе еще на зарѣ жизни полагаетъ начала, а школьное продолжаетъ и усовершенствуетъ. Частное примѣненіе его условливается самымъ физическимъ организмомъ, поломъ, возрастомъ, равно какъ общественнымъ положеніемъ и назначеніемъ воспитывающихся. Главная цѣль физическаго воспитанія, которой оно никакъ не должно упускать изъ виду, — освоить человѣка съ природой, какъ сферой, въ которой и посредствомъ которой ему предлежитъ существовать. Но при этомъ надо помнить, что человѣкъ, какъ животное, отличается отъ прочихъ животныхъ тѣмъ, что тѣло его есть вмѣстилище духа, въ немъ дѣйствующаго: по этому физическое воспитаніе есть только содѣйствіе и приготовленіе къ просвѣщенію ума и къ усовершенствованію воли, что составляетъ собственно

(*) Морск. Сборн. № 1. Часть III, стр. 40 и 53.

такъ-называемое ученіе и образованіе, къ коимъ мы и переходимъ.

III.

Подобно тому, какъ тѣлесныя силы и органы суть орудія физической дѣятельности человѣка, душевныя способности суть орудія дѣятельности умственной. *Понятіе*, или *смысль*, *вниманіе*, *память*, *воображеніе*, *разумъ* — дары природы, которыми она надѣляетъ всякое разумное существо; но только искусственное воздѣлываніе ихъ ученіемъ дѣлаетъ ихъ способными къ умственной дѣятельности. Съ первымъ зародышемъ въ дитяти смысла, или способности пониманія, раждается и жажда знанія, все болѣе и болѣе увеличивающаяся и возрастающая. Родителямъ и воспитателямъ остается только счастливо пользоваться этой потребностью самой природы. Не лѣнитесь удовлетворять дѣтское любопытство; умѣйте отвѣчать на самыя простыя вопросы ихъ: что это такое? какъ вотъ это называется? отъ куда то происходитъ? къ чему вотъ это служить? Не скучайте и не пренебрегайте дѣтскими вопросами, тѣмъ болѣе не отвѣчайте на нихъ шуткою, или насмѣшкою. Обыкновенно на вопросы дѣтей, на которые неудобно отвѣчать, обманываютъ ихъ фальшивымъ отвѣтомъ; это величайшая ошибка: гораздо лучше просто отвѣчать — «это выше вашего понятія, поучитесь болѣе, сами поймете». Притомъ же вообще этотъ способъ развитія понятія, или смысла полезенъ еще и тѣмъ, что не только явощряетъ способность познавать, но и раскрываетъ способность мыслить, приучая дѣтей различать, сравнивать, соображать.

Но мало того, чтобы сообщить о чемъ-нибудь понятіе дитяти; необходимо, чтобы это понятіе было имъ усвоено: усвоеніе это совершается вниманіемъ. Безъ возбужденнаго въ дитяти вниманія, всякое приобрѣтенное познаніе будетъ бесполезно и останется безъ послѣдствій: дитя смотритъ — и ничего не видитъ, слушаетъ — и ничего не слышитъ: потому что разсѣянность препятствуетъ ему остановитъ на какомъ-нибудь предметѣ свой взглядъ, свои мысли. При томъ же, вренебрегая вриучать дѣтей обращать вниманіе на вышніе предмѣты, мы тѣмъ менѣе можемъ надѣяться образовать въ нихъ внутренній взглядъ на самихъ себя, безъ котораго не можетъ быть ни самомыслия, ни самосознанія, а безъ нихъ не возможно ни умственное, ни нравственное преуснѣяніе.

Удержанное вниманіемъ сохраняется памятью; но совершенство памяти зависитъ иногда отъ случайныхъ, или врожденныхъ причинъ. Нерѣдко память слабѣетъ въ слѣдствіе болѣзненныхъ припадковъ: необходимо тотчасъ открыть причину физическую, чтобы не дѣлать искусственныхъ усилій тамъ, гдѣ полагаетъ препятствіе сама природа, и поспѣшить употребить нужныя медицинскія средства. Часто также память, въ слѣдствіе разныхъ природныхъ недостатковъ, бываетъ слаба и медленно развивается: здѣсь со стороны родителей и наставниковъ нужно особенно снисходительное терпѣніе. Не должно загромождать дѣтской памяти предметами ненужными и бесполезными: подобно физической пищи, которая должна быть хорошо переварена желудкомъ, чтобы питать, и пища умственная должна быть сознательно усвоена, безъ чего она только обременяетъ, а не обогащаетъ умъ, недовольно еще окрѣпшій.

Если всякая сила можетъ оказывать полезное вліаніе тогда лишь, когда она находится въ соотвѣтствіи съ другими силами; будучи же не обуздана, влечетъ къ безпорядкамъ и злоупотребленіямъ: то это преимущественно относится къ воображенію. По этому родители и наставники должны соображать, нужно ли, судя по условіямъ темпераментовъ воспитываемыхъ, возбуждать или умѣрять воображеніе; должны знать, на какіе предметы обращать и отъ какихъ отвлекать, дабы дать спасительное направленіе и предохранить отъ заблужденій.

Разумъ — высшая умственная способность, такъ сказать, законъ и мѣрило всѣхъ прочихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отсвѣтъ верховнаго разума, который есть свѣтъ и просвѣщеніе всякаго истиннаго вѣдѣнія. Онъ озирывается въ человѣкѣ позже прочихъ способностей и развивается постепенно, согласно его развитію умственно-нравственному. Ученіе не должно имѣть цѣлю — преждевременно возростить недозрѣлый разумъ, но слѣдуетъ способнымъ нѣкогда мыслить и дѣйствовать разумно. Родители и наставники, для упражненія разума воспитывающихся, должны приучать ихъ открывать причины, изыскивать слѣдствія: это въ началѣ истребляетъ зародышъ того легкомыслія, съ какимъ большая часть людей смотритъ на самыя важныя вещи, образуетъ самостоятельность мысли и избавляетъ общество отъ личностей апатическихъ, неспособныхъ самостоятельно ни мыслить, ни дѣйствовать, предающихся чужому внушенію, слѣдующихъ безсознательно, куда вѣтеръ и волна общаго направленія увлекаетъ ихъ.

Вотъ существенное основаніе правильнаго развитія умственныхъ способностей человѣка. Какимъ образомъ совершается оно посредствомъ ученія, — это тайна искусства

педагогическаго. Опытный наставникъ съумѣетъ воспользоваться для этого всѣми отраслями ученія. Укажемъ здѣсь на главные предметы, составляющіе курсъ ученія вообще.

Послѣ закона Божія — о которомъ рѣчь впереди — первое мѣсто между предметами ученія по справедливости принадлежитъ наукѣ наукъ — философіи. Она имѣетъ столько же прозелитовъ, какъ и антагонистовъ. Одни видятъ въ философіи зерно и путеводную нить всѣхъ знаній, и потому считаютъ невозможнымъ знать что-либо внѣ источника и безъ способа всякаго званія; другіе, не примѣчая въ философіи опредѣленнаго содержанія, признаютъ ее лишь празднымъ упражненіемъ ума человѣческаго, не могущимъ имѣть никакого примѣненія, и потому находятъ ее, какъ предметъ ученія, бесполезною. Но, кромѣ великихъ услугъ, оказанныхъ философіею человѣчеству на пути умственнаго и нравственнаго развитія, которымъ не можетъ остаться чуждъ человѣкъ мыслящій, — философія, даже и просто какъ дисциплина ума, есть одна изъ существенныхъ наукъ, составляющихъ кругъ общаго ученія, какъ и почитали ее доселѣ всѣ вѣка и народы. Въ статьѣ «О воспитаніи», въ которой философія не включена въ число предметовъ ученія, тамъ, гдѣ говорится о языкоученіи, мимоходомъ высказано слѣдующее: «конечно, только малая часть народа дѣйствительно способна изслѣдовать отвлеченныя начала истинъ, тѣмъ не менѣе государство, особенно же обширное, не можетъ опустить эту сторону образованія своего юношества, иначе *едва-ли въ какой бы то ни было области науки и искусства будетъ имъ сдѣлано что-нибудь истинно великое*. Во всякомъ случаѣ, достойно замѣчанія, что даже самое военное искусство подвигали впередъ люди обширнаго образованія. Напомнимъ Эпаминон-

да, Александра, воспитаннаго Аристотелемъ, Цезаря и Наполеона. *Здѣсь рѣчь идетъ не именно о преподаваніи философіи: она можетъ быть даже оставлена; но мы полагаемъ, что тѣмъ, которые стремятся къ высшей степени образованія; полезно было бы открыть путь къ самосознательности и уразумѣнію началъ, по которымъ слагается человѣческая жизнь»* (1). Хотя мысль выражена довольно не ясно, во исключеніе философіи изъ преподаванія, о чемъ здѣсь намекается, противорѣчитъ смыслу, который можно подразумѣвать въ вышеприведенныхъ строкахъ. Если безъ философіи ни въ какой области науки и искусства не можетъ быть сдѣлано что-нибудь великое, то какъ же философія можетъ быть оставлена при преподаваніи, имѣющимъ цѣлю всестороннее развитіе умственной дѣятельности, которая, согласно врожденнымъ склонностямъ, должна быть направлена на тотъ или другой предметъ въ области науки и искусства? Но, и независимо отъ этого, даже и самое образованіе умственныхъ способностей, для того, чтобы онѣ могли принести плоды, требуетъ почвы, удобренной правильнымъ настроеніемъ мышленія (логика), вѣрнымъ познаніемъ орудій мышленія (психологія) и историческими свѣдѣніями о дѣятельности ума на пути мышленія (исторія философіи). Еще рѣзче сдѣланъ приговоръ въ статьѣ «Изъ одного мѣста разныя вѣсти», гдѣ говорится, «что логика для умныхъ не нужна, а для глупыхъ бесполезна» (2). Последнее можетъ быть и справедливо, но первое едва-ли: умнымъ, въ настоящемъ значеніи слова, нельзя быть, не зная законовъ, которымъ слѣдуетъ умъ нашъ въ своей дѣятельности. Впрочемъ, умъ уму рознь:

(1) Морск. Сборн. № 1, Ч. II, стр. 20—21.

(2) Тамъ же, № 9, Ч. III, стр. 69.

умными называютъ и тѣхъ, которые умѣютъ пользоваться ловко различными обстоятельствами для своихъ выгодъ; такимъ умникамъ, точно, не нужна логика, которую преподають въ школахъ: у нихъ своя логика, менѣе трудная, но болѣе прибыльная.

Мысль неразлучна съ словомъ, ея выражающимъ. Послѣ философіи, второе мѣсто должно быть предоставлено *литературѣ* и *языкознанію*. Если философія есть фундаментъ всѣхъ знаній, всѣхъ умственныхъ проявленій, то литература есть сокровищница всего разумнаго, изящнаго: ибо все, что познаетъ разумъ, все, что чувствуетъ сердце, выражаетъ слово. Если безъ философіи человѣкъ не можетъ быть ученымъ, въ точномъ значеніи этого слова (ибо ученость не будетъ имѣть прочнаго основанія): то безъ литературы человѣкъ тѣмъ менѣе можетъ быть образованнымъ, т. е. человѣкомъ въ совершеннѣйшемъ значеніи этого слова: не даромъ древніе называли словесныя науки по преимуществу *человѣчественными* (*studia humaniora*). Ученымъ не всякому можно, да не всякому и нужно быть; но для пользы гражданственности желательно, чтобы было какъ можно болѣе людей образованныхъ. Изъ этого слѣдуетъ, что литературный элементъ долженъ быть въ системѣ общаго ученія однимъ изъ главныхъ. Здѣсь нельзя не обратить вниманія на справедливое въ высшей степени объясненіе о предпочтеніи для общаго образованія наукъ словесныхъ предъ математическими въ статьѣ: «Дополнительная статья къ разсужденію Бема «О воспитаніи» (*). Не вдаваясь въ подробное изложеніе убѣдительныхъ доказательствъ этой статьи, тѣмъ болѣе изыщнее, что она уже, конечно, прочитана всѣми интере-

(*) Морск. Сборн. № 3. Ч. III,

сующимися настоящимъ предметомъ, не можетъ отказать себѣ въ удовольствіи украсить свою статью нѣсколькими мыслями, заключающими общіе выводы автора: «Въ образованіи должно отличать два совершенно особенные періода: въ одномъ періодѣ образованіе состоитъ въ раскрытіи всѣхъ силъ душевныхъ, въ приведеніи ихъ въ дѣятельность — это образованіе субъективное, общее; въ другомъ періодѣ совершенствуются знанія въ какомъ либо-родѣ наукъ или въ одной какой-либо наукѣ, — это образованіе предметное, частное».

«Въ первомъ случаѣ наука, избираемая основнымъ элементомъ, принимается за орудіе для умственного образованія; во второмъ умъ становится орудіемъ для совершенствованія науки. Безъ сомнѣнія, прежде надобно образовывать умъ, чтобы можно было приложить его къ совершенствованію науки. Первый періодъ образованія всегда посвящается общему, или энциклопедическому ученію; второй предназначается для образованія частнаго, или спеціальнаго. Кто-же можетъ опредѣлить въ первомъ періодѣ образованія, чему предпочтительно посвятить себя учащійся, для какой науки въ особенности сокрыто въ немъ призваніе? Нерѣдко это рѣшается одною университетскою лекціею, какъ скоро въ юной душѣ возгарается искра и вѣетъ на нее всемірное ученіе храма наукъ. Поэтому-то и должно въ первомъ періодѣ образованія развивать всѣ силы духа, готовить всѣ способности къ воспріятію высшаго ученія. Ясно, что и основнымъ элементомъ ученія долженъ быть избранъ такой предметъ, который бы наиболѣе содѣйствовалъ полному образованію духа. Умъ, возбужденный къ дѣятельности, приготовленный къ трудамъ, способенъ и самъ въ свою очередь служить ору-

діємъ образованію науки» (1). «И такъ если отъ основнаго элемента общаго образованія требуется совокупное развитіе всѣхъ силъ душевныхъ, то математика за такой элементъ, ни по содержанію, ни по способу доказательствъ ни по вліянію на способности душевныя и жизнь, принята быть не можетъ; предметъ ея — количество, слишкомъ ограниченъ, а способъ изслѣдованій — счисленія совершенно механической».

«Хотя математикѣ обязаны мы духовнымъ просвѣтленіемъ въ природѣ, изученіе ея почитаемъ необходимою ступенью на лѣстницѣ знаній человѣческихъ, однако не согласимся начинать съ нея общаго субъективнаго образованія. Въ періодѣ первоначальнаго ученія умъ столько же легко разстраивается, какъ разстраивается тѣло, если мы усиливаемъ одну какую-либо способность на счетъ другихъ, вмѣсто гармоническаго развитія всѣхъ силъ духовнаго организма. Когда умъ уже готовъ быть орудіемъ для совершенствованія науки, тогда да обратится онъ къ служенію математикѣ — слову чиселъ, мѣры и вѣса, которымъ выражается и небо и земля. Однѣ только могучія мышцы Ахиллеса достойны наляцать лукъ Геркулесовъ» (2). «Главное условіе основнаго элемента въ первоначальномъ образованіи, сказали мы, состоитъ въ гармоническомъ развитіи всѣхъ душевныхъ способностей. Раженіе отъ свѣта и воздуха не только получаетъ силу къ прозябаемости, но и питается этимъ процессомъ: такъ и элементъ, служащій душѣ развитіемъ, долженъ вмѣстѣ съ этимъ доставлять ей и благотворное питаніе. При изученіи языка, упражняя умъ, мы упражняемъ память и вообра-

(1) Тамъ же, стр. 126—127.

(2) — — стр. 133—134.

женіе. Предпочтительное занятіе юнаго ума математикой оставляетъ въ бездѣйствіи эти двѣ способности, живыя и цвѣтушія въ нѣжномъ возрастѣ; слишкомъ раннее развитіе разсудка всегда бываетъ на счетъ другихъ способностей. Но какое животворное изощреніе памяти и упражненіе воображенія доставляютъ занятія словомъ! Въ наше время особенно замѣтно небреженіе въ упражненіи памяти: многіе безвременно все предоставляютъ разсудку. Какія же изъ этого послѣдствія? Недостатокъ памяти въ юношескомъ возрастѣ и совершенное притупленіе ея въ возрастъ зрѣломъ. А для безпамятнаго существуетъ ли прошелшее? Откуда будетъ онъ заимствовать запасъ для соображенія, для разговора, для сочиненій? Не даромъ древніе представляли музъ дочерьми Мнемозины, или памяти: она хранитъ всѣ умственныя сокровища, приобретаемыя трудами цѣлой жизни. А воображеніе? Изученіе языка не гаситъ этого небеснаго пламени, подобно математикѣ: напротивъ, оно обогащаетъ его изящнѣйшими идеалами. Эта способность, и безъ преждевременнаго охлажденія положительными науками, слишкомъ скоро отцвѣтаетъ въ непріязненной для просвѣщеннаго сферѣ страстей; дадимъ же ей хотя въ продолженіе весны жизни пищу пріятную и цѣлебную — слово.

«Отъ дѣйствія языкоученія на развитіе способностей обратимся къ дѣйствіямъ отечественной словесности, которая обыкновенно вѣнчаетъ первый періодъ образованія: ея дѣйствія простираются на всю нашу жизнь. Придавая къ дару слова и къ словеснымъ произведеніямъ законы мышленія, открывая въ твореніяхъ изящное и изслѣдуя причины изящества, тщательно отличая основательное отъ поверхностнаго, истинныя красоты отъ ложныхъ прикрасъ,

мы вмѣстѣ съ тѣмъ успѣваемъ въ важнѣйшей наукѣ — въ наукѣ о человѣкѣ. Такое занятіе словесностью заставляетъ насъ вникать въ творчество воображенія и въ движенія сердца, возбуждаетъ въ насъ благороднѣйшія чувствованія и научаетъ понимать ихъ въ другихъ. Предоставляя другимъ наукамъ открытіе истинъ въ природѣ, словесность способствуетъ направленію воли нашей къ добру: она развиваетъ въ насъ чувство изящнаго, въ которомъ сливаются истина и благо, раскрываетъ сердце наше къ воспріятію всего благороднаго и возвышеннаго. Объясняя великія тайны мірозданія, оставимъ ли въ небреженіи глубокія тайны и законы нашего духа; готовясь познать природу, откажемъ ли тревожному стремленію его познать себя самаго? Занятія словесностью еще имѣютъ ту выгоду, предъ другими занятіями для ума юнаго, что они возбуждаютъ въ немъ самодѣятельность, безъ всякаго обремененія — входятъ въ изслѣдованія подробныя, но не затруднительныя, глубокія и вмѣстѣ очевидныя. Возбуждая дѣятельность въ цѣломъ организмѣ духовномъ, они вызываютъ главную способность, таящуюся въ духѣ до перваго соприкосновенія съ нею способности, однородной въ твореніяхъ поэзіи и краснорѣчія. Кто подлюбитъ эти занятія, тотъ, посвятивъ зрѣлый возрастъ наукѣ или дѣятельности практической, въ минуты досуга пойдетъ въ нихъ наслажденія чистыя и добросовѣтныя, которыя помогаютъ занятіямъ отвлеченнымъ и ведутъ къ радостямъ добродѣтели. Наблюдающіе развитіе юныхъ способностей знаютъ, что вкусъ къ изящному, наклонность къ образованію дара слова всегда обнаруживаютъ счастливіишія способности.

«Столь благотворныхъ дѣйствій слова въ періодѣ общаго образованія, думаемъ, никто отрицать не станетъ :

остається разсмотрѣть, какіе языки примемъ за основаніе, кромѣ отечественнаго» (*). Рядъ убѣдительныхъ доказательствъ приводятъ автора къ мнѣнію въ пользу древнихъ языковъ, сущность котораго содержится въ слѣдующихъ строкахъ, оканчивающихъ статью: «И такъ слово родное, разсматриваемое какъ орудіе всякой науки и какъ особая наука, и прекрасное слово Греціи и Рима, упражняя умъ, дѣйствуя на сердце и развивая изящный вкусъ, соединяютъ въ себѣ всѣ условія основнаго элемента въ образованіи общемъ, или въ гармоническомъ раскрытіи и укрѣпленіи всѣхъ силъ духовнаго организма, составляющемъ совершенствованіе умственное, нравственное, эстетическое. Если столь осязательна польза философіи и исторіи слова и благотворно дѣйствіе словесности отечественной и древней, то утвердительно можемъ сказать, что въ первомъ періодѣ образованія историко-филологическія науки имѣютъ преимущество надъ физико-математическими. Преклонимъ главу предъ тѣми знаніями, которыя представляютъ рядъ торжественныхъ побѣдъ ума надъ природою и указываютъ на завѣтныя тайны ея; но вмѣстѣ съ тѣмъ повторимъ, что оныя не по силамъ ума юнаго и не дѣйствуютъ на гармоническое развитіе душевныхъ способностей. На вратахъ древней академіи Платона была надпись: «Никто не входитъ сюда безъ геометріи». На вратахъ храма наукъ физико-математическихъ въ наше время прилична надпись: «Никто не долженъ входить сюда безъ наукъ историко-филологическихъ». Заклучимъ словами одного мыслителя Германіи: «подобный элементъ когда мы ишь пронжнуты, не только всѣ силы душевныя воз-

(*) Тамъ же, стр. 138—140.

буждаетъ, развиваетъ и укрѣпляетъ, но обращается въ собственную природу нашу, улучшаетъ насъ и возвышаетъ» (1). Къ этому присовокупимъ замѣчаніе автора статьи «О воспитаніи»: «какой именно цѣли школа должна стараться достигнуть вообще преподаваніемъ языковъ? Первая задача состоятъ въ полномъ разумѣніи отечественнаго языка, какъ въ высшихъ его поэтическихъ проявленіяхъ, такъ равно и въ ученой его формѣ; въ точномъ знаніи законовъ языка и его исторіи, а также въ вѣкоторомъ знаніи различій его нарѣчій; наконецъ въ доставленіи воспитанникамъ правильности и легкости выражаться изустно и письменно. Совершенное знаніе Русскаго языка не возможно безъ знанія языка Славянскаго, а потому на сей послѣдній должно въ нашихъ школахъ обращать надлежащее вниманіе» (2). Дѣйствительно, съ одной стороны, при современномъ направленіи отечественной филологіи, основывающейся на всесторонней разработкѣ отечественнаго языка во всѣхъ его мѣстныхъ особенностяхъ, выражаемомъ въ трудахъ 2-го отдѣленія Академіи наукъ, обзорѣніе различныхъ нарѣчій языка отечественнаго весьма было бы не лишне въ планѣ его преподаванія, съ цѣлію приготовить искусныхъ дѣлателей на поприщѣ отечественной филологіи, въ коихъ она такъ нуждается; съ другой стороны, это содѣйствовало бы къ этнографическому изученію нашего отечества, которому начало положено Географическимъ Обществомъ въ его изданіяхъ. Языкъ церковно-Славянскій, кромѣ филологическаго значенія, по отношенію къ языку отечественному, весьма важное имѣетъ примѣненіе, какъ языкъ вѣры нашей и

(1) Тамъ же, стр. 146—147.

(2) Тамъ же № 1. Ч I, стр. 22—23.

средство духовнаго нашего образованія. Но здѣсь надо прибавить еще весьма полезную сторону хотя нѣкотораго ознакомленія съ Славянскими нарѣчіями, въ видахъ прочнаго филологическаго приготовленія въ его обширномъ значеніи; а также изученія языка Польскаго, въ видахъ государственныхъ интересовъ — какъ для употребленія служебнаго, такъ и для вождедѣльнаго сближенія двухъ народовъ, связанныхъ между собою единствомъ верховной власти. Что касается собственно до теоретическаго и практическаго изученія языка отечественнаго, то современная педагогика должна всячески изгнать рутину, отбывающую охоту и замедляющую успѣхи учащихся. Первоначальное изученіе языка отечественнаго, послѣ того какъ дѣти выучатся грамотѣ, т. е. читать и писать, должно прежде всего имѣть въ виду: первое, приучать дѣтей понимать и передавать сказанное имъ, или читанное ими; второе, научить дѣтей правильно и складно писать. Прежде формальнаго преподаванія грамматики и стилистики, — которое въ раннемъ возрастѣ бесполезно, — достаточно, во-первыхъ, чтеніе учащимися въ присутствіи учителя, который потомъ требуетъ отъ нихъ объясненія прочитаннаго своими словами изустно или письменно; во-вторыхъ, писанье подъ диктовку и упражненіе въ изложеніи собственныхъ мыслей и чувствъ, при чемъ учитель исправляетъ неуравновѣшенности орфографическія и нескладницу въ выраженіи. Далѣе, къ тому, что приобрѣли учащіеся навыкомъ, должно присоединиться познаніе грамматическихъ формъ и особенностей языка и стилистическихъ требованій. Наконецъ послѣдуетъ систематическое изложеніе грамматики и стилистики. Еще необходимо приучать дѣтей говорить чисто и правильно. Дѣти, принадлежащія къ семействамъ изъ выс-

сшаго общества съ младенчества получаютъ навыкъ къ чистому и правильному произношенію; но тѣ, которыхъ выговоръ имѣеть оттънокъ простонародной рѣчи низшихъ классовъ, или мѣстныхъ провинціализмовъ, должны быть исправляемы въ школахъ учителемъ при чтеніи, при сказываніи уроковъ.... Въ отношеніи теоріи словесности и исторіи литературы, желательно, чтобы преподаваніе сопровождалось непременно изученіемъ отечественныхъ писателей непосредственно самими учащимися, при содѣйствіи критико-историческихъ объясненій наставника.

Послѣ литературы и языкованія, въ числѣ такъ-называемыхъ историко-филологическихъ наукъ, долженствующихъ составлять кругъ общаго ученія, слѣдуетъ *исторія*. Не касаясь методы историческаго преподаванія, изложенной въ статьѣ «О воспитаніи», — замѣтимъ только, что если по прекрасному выраженію ея: «въ самомъ возвышенномъ смыслѣ могутъ быть названы воспитателями народа герои, великіе умы, которые въ искусствѣ, наукѣ, или на другихъ поприщахъ ведутъ своихъ современниковъ впередъ» (*), то ни чѣмъ ближе ученіе не можетъ достигнуть этой доблестно-нравственной цѣли, какъ посредствомъ исторіи; но для этого необходимо, чтобы преподаваніе ея было не сухо и холодно, а свѣжо и тепло: только жизненное начало можетъ давать науравленіе жизни. — Не излишне будетъ упомянуть здѣсь о преподаваніи *миѳологіи*, которая нѣкогда, подъ вліяніемъ псевдо-классической литературы, начиналась въ самомъ раннемъ возрастѣ: это въ сціентифическомъ отношеніи бесполезно, а въ религіозно-нравственномъ даже вредно; миѳологія, какъ пособіе при

(*) Морск. Сборн. № 1. Ч. III. стр. 2.

изученіи въ обширѣйшемъ размѣрѣ исторіи, археологіи и изящныхъ искусствъ, само собою должна входить въ кругъ высшаго ученія, когда разумокъ учащихся уже окрѣпнетъ, чтобъ быть вѣвѣ соблазна идей и подробностей историческо-геологическихъ.

Ближайшая спутница исторіи — *географія*. Что касается относительной важности предметовъ ея, нельзя безусловно согласиться съ авторомъ статьи «О воспитаніи», который говоритъ: «*Близкое въ пространствѣ или во времени не всегда особенно поражаетъ нашъ умъ, а также не составляетъ главнаго въ педагогическомъ отношеніи*» (*). Однакожь 1812 годъ нашей отечественной исторіи болѣе присущъ въ памяти народа, нежели 1612. Точно также и въ отношеніи мѣстности: свой край, своя область, свой городъ, свое село, какъ бы они бѣдны и скучны ни были, неизгладимо остаются въ памяти нашей на всю жизнь; тогда какъ самыя прекрасныя мѣста, нами видѣнныя, мало-по-малу, со-временемъ оставляютъ въ нашемъ воображеніи лишь туманный слѣдъ очаровательнаго сна. Этимъ можно и должно пользоваться при первоначальномъ ученіи для заинтересованія учащихся. Если гдѣ-либо, то преимущественно при преподаваніи географіи и статистики, необходимо и специальное примѣненіе согласно будущему назначенію учащихся: инымъ нужныѣ болѣе подробно знать стратегическіе пункты, другимъ торговые; однимъ данныя сухопутныхъ и морскихъ силъ, а нѣкоторымъ факты промышленности и сельскаго хозяйства.

Если, по коренному правилу нашего законодательства, никто не можетъ отказываться невѣдѣніемъ законовъ, то

(*) Тамъ же стр. 33.

основные государственные законы должны составлять обязательный предмет общаго ученія, независимо отъ какого бы то ни было спеціальнаго назначенія учащихся. Недостатокъ этого жестоко иногда чувствуется въ послѣдствіи времени въ опытѣ жизни.

Точныя науки, т. е. математическія и естественныя, служа спеціальнымъ цѣлямъ, должны входить и въ составъ общаго ученія. Положимъ, не всѣмъ нужна высшая математика, но едва ли кто-либо въ практическомъ быту обойдется безъ ариметики и геометріи. То же самое можно сказать и о естествознаніи: стыдно да и неразумно не знать того, что окружаетъ насъ повсюду, что служитъ житейскимъ нашимъ нуждамъ, безъ чего мы на каждомъ шагу обойтись не можемъ. Но при первоначальномъ ученіи, частное изученіе достопримѣчательнѣйшихъ и важнѣйшихъ явленій природы — вопреки мнѣнію автора статьи «О воспитаніи» — едва ли не существеннѣе общаго воззрѣнія на природу (*), которое и менѣе доступно разумѣнію юнаго возраста, болѣе склоннаго къ анализу, чѣмъ къ синтезу. Но весьма вѣрно замѣчаніе его, что при первоначальномъ преподаваніи, существенное изъ главныхъ началъ астрономіи, анатоміи, физиологіи — прибавимъ еще химіи и механики — можетъ быть соединено съ другими уроками: такъ, необходимыя понятія астрономическія могутъ быть сообщены при преподаваніи математической географіи, съ важнѣйшими законами физиологіи можно познакомить при преподаваніи зоологіи. Передавая основанія механики и химіи, входящія въ составъ физики, необходимо обращать особенное вниманіе на новѣйшія открытія

(*) Тамъ же, стр. 35.

и усовершенствованія, какимъ мы обязаны столь важными примѣненіями силъ природы на пользу нашу въ общежитіи. Практическое ботанизированіе весной и лѣтомъ можетъ быть приспособлено къ цѣлямъ физическаго воспитанія, а наглядное занятіе минералогіей можетъ быть пріятнымъ и полезнымъ развлеченіемъ осенью и зимою.

Къ *искусствамъ*, входящимъ въ составъ ученія, педагогика причисляетъ: чистописаніе, рисованіе и живопись, пѣніе и музыку. Независимо цѣли образованія артистовъ и виртуозовъ, ибо это зависитъ отъ врожденныхъ способностей учащихся, искусства эти могутъ содѣйствовать эстетическому развитію ихъ: не всѣ, даже не многіе, могутъ сдѣлаться живописцами и музыкантами; но всѣ могутъ и должны пріобрѣсть навыкъ наслаждаться живописью и музыкой. Съ этой цѣлію необходимо еще присоединить хотя нѣкоторыя понятія о ваяніи и зодчествѣ. Очень дѣльно замѣчаніе автора статьи «О воспитаніи», о двойной пользѣ, которую можно извлечь изъ рисованія приспособленіемъ къ черченію геометрическихъ фигуръ и географическихъ картъ, срисовыванію растений, а также изъ чистописанія списываніемъ отрывковъ, достойныхъ оставаться въ памяти (1).

Теперь остается еще сказать о различныхъ способахъ или формахъ преподаванія, различаемыхъ въ педагогикѣ особыми названіями (2), которыя она употребляетъ по-

(1) Тамъ же, стр. 39—45.

(2) Всѣ эти способы подводятся педагогикой подъ два главные отдѣла, какъ-то: способъ преподаванія непрерывный, или акроматическій, и способъ преподаванія прерывающійся, или эротематическій, подраздѣляющійся на слѣдующія формы: катехетическая, сократическая, повторительная, испытательная, аналитическая и синтетическая, Жакото и Ланкастера.

рошь и нѣкоторыя изъ нихъ совмѣстно одну съ другою, соотвѣтственно различію возраста и свѣдѣній учащихся, равно какъ соотвѣтственно степени способности самого наставника и различному свойству предметовъ преподаванія. Но подробное разсмотрѣніе различнаго примѣненія различныхъ формъ преподаванія къ различнымъ обстоятельствамъ ученія заняло бы насъ далеко за предѣлы настоящаго изложенія. А потому на этотъ разъ достаточно будетъ ограничиться общими правилами, которыя должно имѣть въ виду всякое ученіе въ отношеніи учащихся и сообщенія имъ предметовъ ученія: 1) Всякое ученіе, чтобы оно было плодотворно, должно быть прочно и основательно, отнюдь не допуская поверхностныхъ свѣдѣній, къ которымъ ведетъ преподаваніе отрывочное, состоящее изъ общихъ мѣстъ и бѣдное фактами: прочныя и основательныя познанія, со-временемъ, будутъ источникомъ и средствомъ дальнѣйшаго усовершенствованія; а свѣдѣнія поверхностныя также легко исчезнутъ, какъ легко пріобрѣтены, и отъ такого ученія не останется ничего, кромѣ фанфаронскихъ претензій на ученость, которую всегда производитъ такъ-называемое энциклопедическое образованіе. 2) Ученіе должно согласоваться съ способностями учащихся: поэтому преподаватель долженъ предварительно сообразить матерію преподаванія въ отношеніи цѣли, содержанія и способа изложенія, а преподаваніе переходитъ отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ легкаго и простаго къ трудному и сложному; не передавать учащимся того, чего они еще понять не могутъ, и не навязывать имъ лишнихъ познаній о предметахъ неужныхъ и бесполезныхъ. 3) Ученіе должно всячески облегчать, а не затруднять учащихся. Для этого при преподаваніи должно избѣгать

выраженій непонятныхъ для учащихся, и до извѣстнаго времени даже и выраженій в словъ слишкомъ техническихъ. Вопросы преподавателя учащимся должны быть кратки, безъ перифразъ и бесполезныхъ словъ, просты, опредѣлительны, ясны, притомъ совершенно согласоваться между собою такъ, чтобы одинъ приготавливалъ къ другому, предшествующій приводилъ къ послѣдующему. Не должно допускать вопросовъ, на которые можетъ быть отвѣтъ «да» или «нѣтъ», т. е. чисто-утвердительныхъ или отрицательныхъ; еще должно отличать вопросы раздѣльные, т. е. такіе, которые представляютъ выборъ между двумя, или многими отвѣтами; впрочемъ, такіе вопросы можно рекомендовать для дѣтей робкихъ, чтобы приучить ихъ мыслить и говорить. Вредно помогать дитяти въ его отвѣтахъ, подсказывая ему первую часть слова или мысли: это даетъ поводъ къ смѣшнымъ ошибкамъ. Нечего говорить уже о такихъ вопросахъ, въ которыхъ заключается и отвѣтъ, предлагавшихся нѣкогда учителями на экзаменахъ незнающимъ ничего ученикамъ (какъ изображено въ одномъ романѣ): такихъ учителей, вѣроятно, теперь уже нѣтъ, если и были когда-либо. 4) Ученіе должно заинтересовывать учащихся; для этого необходимо, чтобы прежде всего самъ преподаватель заинтересованъ былъ предметомъ преподаванія: что дѣлается безъ сочувствія и охоты, не можетъ возбудить сочувствія и охоты. Съ этой цѣлю преподаваніе непремѣнно должно слѣдовать за современнымъ ходомъ науки: плохо, если ученики не отъ преподавателя, а отъ другихъ будутъ узнавать о новыхъ открытіяхъ въ какой-либо сферѣ знанія, о новыхъ замѣчательныхъ явленіяхъ литературныхъ, даже и нѣкоторыхъ событіяхъ, которыя должны быть сообщены учащимся.

5) Наконецъ весьма важно возбудить въ учащихъ охоту и внѣ класснаго времени интересоваться предметами ученія: ученикъ, желающій прочитать, или разспросить у болѣе знающаго товарища о томъ, что было ему преподаваемо въ классѣ, подаетъ большія надежды. При этомъ, раздѣляя мнѣніе автора статьи «О воспитаніи» относительно свободы употребленія воспитывающимися своихъ досуговъ (*), нельзя однакожь не желать, чтобы они сами, безъ всякаго принужденія, получили вкусъ — находить удовольствіе заниматься чтеніемъ внѣ класснаго времени, пользуясь библіотеками, составленными по выбору, для низшаго и высшаго классовъ, предоставивъ имъ произволъ въ выборѣ чтенія. Дѣло наставника — незамѣтно для воспитывающихся, по выбору чтенія, подмѣчать ихъ наклонности и расположенія, чтобъ воспользоваться ими къ поощренію рождающагося призванія къ извѣстному роду занятій, или же къ предохраненію отъ какихъ-нибудь обнаруживающихся нравственныхъ недостатковъ; но для успѣха необходимо, чтобы это произошло рѣшительно нечувствительно для воспитывающихся со стороны наставника: иначе всякій намекъ приметъ видъ обязательнаго внушенія, или ригористической морали, и можетъ даже повести къ противнымъ результатамъ.

III.

Недостаточно развитіе, хотя бы въ самой высшей степени, физическихъ и умственныхъ способностей чело-

(*) Морск. Сборн. № 1. Ч. III. стр. 52—53.

вѣка. Тѣло должно быть только орудіемъ ума, а способность мыслить — свѣточъ, освѣщающій истинный путь жизни. Но и при этомъ свѣтильникѣ можно заблуждаться. Нѣтъ, чтобы безопасно идти по скользкому пути жизни, нуженъ путеводитель болѣе благонадежный. Этотъ путеводитель — вѣра: свѣтъ ея есть одинъ *свѣтъ истинный, иже просвѣщаетъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ* (Іоан. I, 9); изъ вѣры же проистекаетъ добрая нравственность: ибо только истинный христіанинъ можетъ быть дѣйствительно нравственнымъ человѣкомъ, а человѣкъ нравственный всегда будетъ полезнымъ гражданиномъ. Вотъ три рода образованія: *религіозное, нравственное и патриотическое.*

Самъ Господь Богъ повелѣвалъ привести къ себѣ дѣтей (Матѣ XIX, 14). Мы приводимъ дѣтей къ Господу нашему Іисусу Христу: 1) вводя въ Его церковь посредствомъ таинствъ крещенія и евхаристіи; 2) представляя Его въ достойный примѣръ; 3) научая познанію слова Божія и уставовъ церкви. Вотъ основаніе религіознаго образованія! Начало же полагается нѣкъмъ, инымъ какъ самыми даровавшими жизнь. Вы, матери, первыя питающія дѣтей своихъ пищею тѣлесною, вы же первыя должны напитать ихъ и духовною пищею. Напротивъ того, какъ много есть отцевъ и матерей, до того развлеченныхъ общественнымъ и свѣтскимъ положеніемъ, что ими нѣдко бывають забыты церковь, христіанскія обязанности, забыта и необходимость внушенія ихъ своимъ дѣтмъ! Какъ хотите вы, чтобы дѣти вашы были религіозны, если они никогда не слышатъ отъ васъ о Богѣ и объ обязанностяхъ, налагаемыхъ вѣрою; если вы недовольно почтительны къ служителямъ церкви и ея обрядамъ. Каковы сѣме-

на положены въ дѣтствѣ, таковы бываютъ и плоды въ жизни. Чтобы возбудить и развить въ дѣтяхъ религіозное настроеніе, сначала инстинктивно приучайте ихъ къ вѣдшему Богопочитанію крестнымъ знаменіемъ, призываніемъ имени Божія; потомъ, когда дѣти выучены молиться Богу, строго наблюдайте, чтобы ими не были опускаемы молитвы утреннія и вечернія, предъ и послѣ стола, въ началѣ и при концѣ ученія, по заповѣди апостольской: *Непрестанно молитесь, о всемъ благодарите* (Солун. V, 18). *Аще есте, аще ли нѣте, аще ли ино что творите, вся во славу Божию творите* (1 Коринт. X, 18); но не ограничивайтесь домашнею молитвою, а приучайте ихъ также къ общественному богослуженію: прекрасно, если дѣти и сами участвуютъ въ пѣніи и чтенія церковномъ; научайте ихъ чествовать праздники и воскресные дни, соблюдать посты; внушайте имъ уваженіе къ служителямъ церкви, какъ ближайшимъ слугамъ Божиимъ.

Объ руку съ практическимъ религіознымъ образованіемъ должно идти и теоретическое религіозное образованіе, преподаваніе закона Божія, въ составъ коего входятъ: 1) догматы вѣры, 2) исторія вѣры и церкви, 3) каноны церковныя, т. е. постановленія церкви, обязательныя для христіанина, и объясненія богослужебныхъ обрядовъ. Главное правило при преподаваніи закона Божія должно состоять въ томъ, чтобы оно было строго основано на истинномъ духѣ ученія нашей православной церкви: необходимо для этого, чтобы преподавателемъ закона Божія было показано существенное различіе нашего православнаго исповѣданія съ иными вѣроисповѣданіями. Паче же всего должно стараться, чтобы преподаваніе закона Божія было не мертвою буквою, а животворнымъ началомъ ду-

шевнаго спасенія: съ этой цѣлю весьма полезно чтеніе слова Божія и житій святыхъ подъ руководствомъ преподавателя закона Божія, съ объясненіемъ и примѣненіемъ къ навиданію учащихъся.

Подъ вліаніемъ религіознаго настроенія совершается образованіе нравственное. Въ чемъ же оно должно состоять? Вспомнимъ слова апостола Павла, которыя онъ говоритъ самъ о себѣ: *Вѣмы бо яко законъ духовенъ есть, азъ же плотянь есмь, продавъ подѣ грѣхъ. Еже бо содѣваю, не разумю: не еже бо хочу, сіе творю: но еже не навижду, то содѣваю. Аще ли еже не хочу, сіе творю, авилю законъ яко добръ. Нынѣ же не къ тому азъ сіе содѣваю, но живый во мнѣ грѣхъ. Вѣмъ бо яко не живеть во мнѣ, сирѣчь, въ плоти моеи доброе. Еже бо хотѣти, прилежитъ ми: а еже содѣлати доброе не обрѣтаю. Не еже бо хочу, доброе творю; но еже не хочу злое, сіе содѣваю: аще ли еже не хочу азъ сіе творю, ужь не азъ сіе творю, но живый во мнѣ грѣхъ. Обрѣтаю убо законъ: хотящу ми творити доброе, яко мнѣ злое прилежитъ. Соуслаждаюся бо закону Божію по внутреннему чловѣку: Вижду же инъ законъ во удѣхъ моихъ, противуюющъ закону ума моего, и пльляющъ мя закономъ грѣховнымъ, сущимъ во удѣхъ моихъ.* (Къ Рим. VII, 14—23.) И такъ если вся жизнь самаго добродѣтельнаго чловѣка есть постоянная борьба плоти и духа, добра и зла, то обязанность нравственнаго образованія — вооружить благонадежными орудіями къ выдержанію этой борьбы. Оно не можетъ истребить зла и образовать совершенное нравственнаго существо; но оно можетъ и должно возростить сѣмена добра, врожденныя намъ, и, по возможности, искоренить зародыши зла, намъ прирожденнаго. По этому задача нравственнаго образова-

нія — пробудить добрыя и предотвратить злыя наклонности.

Безполезно бороться противъ зла, не развивъ въ сердцѣ направленія къ добру; должно признать непрѣмнымъ правиломъ нравственнаго образованія — возбудить въ душѣ начало добра въ чувствахъ, въ желаніяхъ, въ дѣйствіяхъ. Сѣмена добра, не будучи взлелѣяны, могутъ заглохнуть, и на мѣстѣ ихъ разрастутся плевелы зла, которыхъ на почвѣ обработанной не бываетъ. Ежели праздность мать многихъ пороковъ, то трудъ источникъ всѣхъ добродѣтелей. Трудъ производитъ терпѣніе, постоянство, степенность, даетъ вкусъ къ доброму и полезному, возвышаетъ душу выше суеты міра, охлаждаетъ пылъ воображенія, удаляетъ отъ заблужденій сердца, проясняетъ умственный взглядъ, отдаляетъ отъ свѣтской жизни, ея пустыхъ удовольствій и тяжелыхъ обязанностей. Самый лучшій плодъ полезной дѣятельности есть уже то, что мы не имѣемъ времени дѣлать дурное. Для достиженія этой цѣли постоянно поддерживайте, одушевляйте, возбуждайте, подщрайте дѣятельность воспитывающихся. Притомъ трудъ ведетъ къ положительности, поверхность же производитъ людей посредственныхъ, надмѣнныхъ, вѣчно толкующихъ о своихъ достоинствахъ и недостаткахъ другихъ. Необходимо также внушать, что только посредствомъ труда мы можемъ быть полезными членами общества и составить собственное благополучіе. Но всякій трудъ долженъ быть исполняемъ съ надлежащею точностію, въ должномъ порядкѣ; не должно дозволить никакихъ изытаній и уклоненій безъ важной причины. Съ другой же стороны, надо избѣгать преувеличенія этого правила, могущаго вредить свободному развитію ума.

Желая заключить слишкомъ въ тѣсныя границы пылкость въ некоторыхъ умовъ, рискуютъ испортить ихъ и сдѣлать крутыми и принужденными, довести до смѣшнаго и не-сноснаго педантизма. Конечно, необходимо образовать въ воспитывающихся приличныя и пріятныя манеры виѣшняго обхожденія, равно какъ развить внутреннее чувство нравственной деликатности въ поступкахъ и дѣйствіяхъ; но, съ другой стороны, должно избѣгать, чтобы не сдѣлать изъ нихъ автоматовъ и маріонетокъ. Ничего нѣтъ не пріятнѣе, какъ видѣть дитя, на вытяжку, говорящее по книгѣ, которое корчитъ взрослога человѣка: въ немъ образуется будущій педантъ, съ высокопарной рѣчью, съ угловатыми пріемами, всегда непріятный въ обществѣ. Мало того, чтобы внушать дѣтямъ — не желать и не дѣлать ничего, за что можно было бы краснѣть; но внимательно наблюдать за всякимъ словомъ, за всякимъ тѣлодвиженіемъ, нескромными, непристойными. Кольми паче горе несчастнымъ наставникамъ, подающимъ своимъ воспитанникамъ сблазнительный примѣръ словами, или поступками! — Дитя отъ природы откровенно и чистосердечно: воспитаніе должно лишь поддержать эти драгоценныя качества. Если дитя не будетъ запугано слишкомъ строгимъ обращеніемъ, угнетено подъ игомъ слѣпаго и глухаго деспотизма, а напротивъ того будетъ руководимо наставникомъ любящимъ, довѣрчивымъ, терпѣливымъ, тогда оно не будетъ имѣть никакого побужденія скрывать свои мысли, говоря вовсе не то, что думаетъ. Нельзя не согласиться, что въ наше время, болѣе нежели когда-нибудь должно напечатлѣвать въ юной душѣ чувство справедливости, честности, правосудія. Для достиженія этого, должно при всякомъ случаѣ тотчасъ обращаться къ лич-

ному интересу дитяти: каково было бы ему, еслибы съ нимъ было поступлено такъ, какъ оно поступило съ другою? — Всѣ педагоги единодушно признають правило, что безъ повиновенія не возможно воспитаніе. Но подъ повиновеніемъ должно разумѣть не слѣпое рабское послушаніе слабѣйшаго сильнѣйшему, а свободное, охотное, послѣдованіе совѣтамъ и внушеніямъ того, къ кому влечетъ наше сердце: истинное повиновеніе не есть слабость, а сила характера, который самъ себя укрощаетъ, и вмѣстѣ источникомъ не страхъ, а любовь. Тамъ, гдѣ повелѣваетъ любовь, легко повиноваться; напротивъ того, весьма трудно и, даже невозможно — тамъ, гдѣ властвуетъ самолюбіе, эгоизмъ, страсть, произволь, прихоть, несправедливость. Величайшая ошибка заставить повиноваться лишь строгостію, принужденіемъ, угрозами, наказаніями.

На всякую дурную склонность, привычку, должно взирать, какъ на нравственную болѣзнь, которую воспитаніе обязано излечить; и, подобно тому, какъ при болѣзняхъ тѣлесныхъ стараются дойти до ихъ источника, такъ точно должно стараться открыть и начало нравственныхъ пороковъ. Надо зло искоренять въ началѣ, чтобы оно не успѣло пустить ростковъ: трудно подмѣтить всѣ малѣйшія оттѣнки нравственныхъ слабостей въ дитяти, но необходимо по-крайней-мѣрѣ обращать бдительное вниманіе на тѣ обыкновенные недостатки, которыя, развиваясь, обращаются въ пороки. Образованіе нравственное должно наисильнѣе бороться съ зародышами чувственности, источникъ коей — чрезвычайная раздражительность нервной системы, а послѣдствія — губельные для тѣла и души пороки. Для этого воспитаніе должно дѣйствовать какъ физически — укрѣпленіемъ тѣла, такъ и нрав-

ственно—удаленіемъ всякихъ соблазновъ посредствомъ чтенія, зрѣлищъ, сообществъ и проч. Другой источникъ для нравственнаго, открываемаго въ дѣтяхъ, — это легкость характера, вѣзмѣчивость идей, мнѣній, чувствъ. Здѣсь воспитаніе должно дѣйствовать съ строгостію, обращая идеи къ важности, мнѣнія къ постоянству, чувства къ вѣрности, преслѣдуя легкомысліе; опрометчивость, вѣтренность. Третьею причиною для нравственнаго можно положить лѣность, которая питаетъ и поддерживаетъ чувственность и извѣженность. Но такъ нерѣдко вялость, недѣятельность, нерасположеніе къ труду, бываютъ слѣдствіемъ врожденнаго темперамента, или болѣзненнаго состоянія, то образованіе должно внимательно наблюдать причины, дабы употребить надлежащія противъ нихъ средства. Внушайте дѣтямъ, что лѣность дѣлаетъ ихъ неспособными къ полезной для себя и другихъ жизни: ибо тѣло, не привыкшее къ труду, не можетъ переносить малѣйшей усталости, а умъ, необразованный полезными знаніями, остается въ первобытномъ состояніи невѣжества и грубости; что лѣнливцы лишены довольства и счастья въ жизни: удѣлъ ихъ — нужда и бѣдность; что Богъ опредѣляетъ человѣку въ потѣ лица своего ѣсть хлѣбъ свой, доколѣ возвратится въ землю, изъ которой взялъ. Подобно лѣности, дурное расположеніе духа, тоска, недовольство, уныніе могутъ быть слѣдствіемъ болѣзненнаго начала въ организмѣ, такъ что, съ излеченіемъ тѣлеснымъ, проходятъ и душевныя болѣзни; но онѣ же могутъ быть слѣдствіемъ сильнаго нервическаго раздраженія, или чувствительности. Опытный воспитатель долженъ открыть причину, чтобы удалить послѣдствія. Трусовость и робость также могутъ быть слѣдствіемъ и физическаго

недостатка и дурнаго моральнаго направленія. Не надо обращать вниманія на незначительныя случайности, которыми могут подвергаться дѣти, какъ напримѣръ, ничтожная ожога, рана; если дитя боится какого-нибудь предмета, надо приучать къ нему, показывая нелѣпность пустыхъ страховъ. Съ самаго момента своего рожденія дитя, будучи не въ состояніи само по себѣ удовлетворить ни въ чемъ, пользуется услугами, угожденіями: всѣ стараются помочь малѣйшимъ его нуждамъ, исполнять всѣ его желанія. Когда эта угодливость простирается за предѣлы возраста, въ которомъ она бываетъ физическою необходимостью, то, что дитя получало изъ состраданія, изъ снисходительности къ его немощамъ, къ его слабости оно, возрастая, требуетъ какъ должнаго, и такимъ образомъ развиваются въ душѣ эгоизмъ, себялюбіе, тщеславіе, которыя, быстро усиливаясь, дѣлаютъ его съ начала несноснымъ товарищемъ, а потомъ истиннымъ бичемъ общества. Ничего нѣтъ удивительнаго, что дѣти дѣлаются прихотливы, упрямы, упорны, если они замѣчаютъ, что посредствомъ слезъ и крика они могутъ получить все, чего хотятъ, что всѣ спѣшатъ, чтобы осушить слезы ихъ, доставить имъ все, что они требуютъ. Современемъ, когда на помощь капризамъ приходитъ и сила, и дитя получаетъ новое оружіе для удовлетворенія своей воли, весьма естественно, что его требованія возрастаютъ и дѣлаются настоятельными. Упрямству должно противолагать, судя по степени, отказы, запрещенія, болѣе или менѣе строгіе. Самое лучшее средство соблюдать въ это время хладнокровіе и твердость, не поддаваясь ни просьбамъ, ни слезамъ, ни крикамъ. Надмѣнность во все не въ натурѣ дитяти. Дѣтство — возрастъ совершеннаго равенства: оно не знаетъ

ни чиновъ, ни титуловъ, ни привилегій. Сами родители и воспитатели чаще всего неблагоразумно внушаютъ дѣтямъ преимущества ихъ высокаго происхожденія, бластательнаго положенія и другихъ даровъ счастья. Дитя отъ природы любитъ властвовать, повелѣвать; ему нравится, по примѣру родителей, отдавать приказанія въ домашнемъ быту. Напротивъ того, не должно позволять дѣтямъ приказывать слугамъ и симъ послѣднимъ выполнять ихъ приказанія. Дѣти вообще должны быть воспитываемы въ томъ убѣжденіи, что они сами по себѣ ничто и могутъ сдѣлаться чѣмъ-нибудь лишь со временемъ, съ пользою употребляя свою молодость: они должны чувствовать свою зависимость, должны понимать, сколько другіе выше ихъ лѣтами, опытностію, познаніями, заслугами; должны знать, что блага и преимущества наследственныя суть случайности судьбы, которыми могутъ они и не воспользоваться. Противъ обнаруживающихся надменности, властолюбія, весьма полезно дѣйствовать насмѣшкой и сатирой, особенно въ виду сверстниковъ и товарищей. Страсть къ приобрѣтенію происходитъ изъ эгоизма. Еще въ дѣтствѣ обнаруживается эта страсть, когда дитя въ играхъ старается завладѣть лучшею игрушкой, или никакъ не хочетъ уступить свою. Воспитаніе, принимая мѣры предосторожности противъ этой склонности, должно однакожь дѣйствовать осторожно, чтобы не возбудить другой, не менѣе губительной страсти къ расточительности. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи полезно, чтобы дѣти покупали пріятныя для себя вещи на деньги, получаемыя ими въ награду за трудолюбіе и успѣхи въ наукахъ, и потомъ наблюдать, берегаются ли ими эти вещи: они поймутъ пользу труда и экономіи. Если полезно отличать прилежныхъ воспитанниковъ отъ лѣни-

выхъ для поощренія первымъ и въ примѣръ вторымъ: то, вмѣстѣ съ тѣмъ, ничто столько не возбуждаетъ зависти, какъ публичныя награды тѣмъ, которые заслуживаютъ ихъ не трудомъ и прилежаніемъ, а обязаны своими успѣхами природнымъ своимъ способностямъ, а еще хуже, если эти награды бываютъ слѣдствіемъ какого-либо пристрастія со стороны воспитателей. Само воспитаніе бываетъ иногда причиною развитія въ дѣтяхъ коварства, злости, жестокости. Неблагоразумно-строгое обхожденіе изгоняетъ изъ сердца всякое благородно-человѣческое чувство, а чрезмѣрная взыскательность ожесточаетъ и раздражаетъ до крайности. Отъ того характеръ грубѣетъ и дѣлается злымъ, а будучи не въ состояніи дѣйствовать открыто, поневолѣ прибѣгаютъ къ хитростямъ. Для предупрежденія развитія зародышей этихъ пороковъ въ дѣтяти, образованіе должно внимательно различать поступокъ неумышленный отъ намѣреннаго, легкомысліе отъ злости. При томъ человѣкъ отъ природы расположенъ подражать дѣйствіямъ другихъ: поэтому всячески должно удалять отъ глазъ дѣтей все, что обнаруживаетъ жестокость. Не должно, чтобы дѣти были очевидцами жестокаго обращенія съ животными; не должно, чтобы они видѣли, какъ повара и кухарки умерщвляютъ домашнихъ птицъ и животныхъ, употребляемыхъ въ пищу; тѣмъ паче, сохрани Богъ, чтобы они не только могли быть свидѣтелями, но даже знали по слухамъ о жестокостяхъ, или угнетеніяхъ противу людей! Весьма часто ложь бываетъ слѣдствіемъ страха, когда дѣтяти безпрерывно грозятъ наказаніями: тогда оно лжетъ по необходимости, чтобы избѣжать наказанія. Иное дѣло, когда дитя лжетъ по привычкѣ; иногда ложь происходитъ отъ желанія скрыть свои дурныя побужденія и

дѣйствій. Образование должно внимательно различать эти начала лживости въ дѣтяхъ и, соответственно тому, исправлять ихъ. Наконецъ, никакія мелочи, какихъ бы слабостей и недостатковъ ни касались, не должны быть пропущены не замѣченными: не закрывайте глазъ вашихъ на самыя легкія погрѣшности воспитываемыхъ вами, чтобы потомъ не слышать воплей, которые растерзаютъ ваше сердце. Неужели лучше не касаться раны, чтобы избѣжить мгновенной боли и предоставить ей гнить до кости, чѣмъ разомъ употребить полезное, хотя сильное, средство? Напримеръ: дѣтя похитило игрушку у своихъ товарищей: видятъ это и молчатъ, не предвидя, что та же рука, которая теперь похитила игрушку, со временемъ докучится украсть драгоценность, или кошелекъ.

Нравственное образование, какъ средство для своихъ цѣлей, искони употребляетъ *наказанія* и *награды*. Есть нѣсколько различныхъ возрѣній на этотъ предметъ: справедливѣйшимъ будетъ кажется то, что наказаніе, собственно говоря, есть угрызеніе совѣсти, непосредственно слѣдующее за дурнымъ дѣломъ: если оно возбуждено, то цѣль достигнута — дурное дѣло само въ себѣ получило наказаніе, и за тѣмъ слѣдуетъ раскаяніе; но, если вслѣдствіе недостаточнаго развитія нравственнаго чувства, виновный остается глухъ къ угрызеніямъ совѣсти, то для возбужденія въ немъ внутренняго сознанія вины, необходимо прибѣгнуть ко внѣшнему средству, которое и есть собственно такъ-называемое наказаніе вещественное, или физическое. Три главные вида этого рода наказанія: 1) наказаніе знакомъ, взглядомъ, каковы — непріятное выраженіе физиономіи, предостерегательное движеніе головы, угроза пальцемъ: счастливы родители и воспитатели, которые мо-

гуть дѣйствовать на дѣтей одними этими средствами! 2) наказаніе словомъ, то въ видѣ просьбы, то въ видѣ увѣщанія, то въ видѣ приказанія, то наконецъ въ видѣ угрозы; не надо однакожь терять изъ вида, что весьма вредно безпрерывно преподавать нравоченіе: нѣсколько словъ, произнесенныхъ трогательно и убѣдительно, гораздо болѣе могутъ имѣть на дитя дѣйствія; 3) наказаніе самимъ дѣломъ, коего видовозмѣненія весьма разнообразны—лишеніе удовольствій, удаленіе отъ сообщества, уменьшеніе пищи, публичные выговоры, и проч.: горе если уже необходимо прибѣгать къ наказаніямъ собственно такъ называемымъ—тѣлеснымъ! При употребленіи наказаній необходимо соблюдать слѣдующія правила: 1) Строго изслѣдывать свойство вины и избирать соответственное наказаніе. Образованіе должно въ этомъ случаѣ слѣдовать природѣ, которая въ самомъ проступкѣ заключаетъ и наказаніе: такъ лѣнивецъ долженъ работать, когда другіе отдыхаютъ, или веселятся; для лгуна не можетъ быть приличнѣйшаго наказанія, какъ публично обнаружить его ложь; непокорный справедливо наказывается лишеніемъ свободы; необходимо, чтобы наказаніе было согласуемо съ виною, какъ бы непосредственно вытекало изъ нея и чуждо было всякаго произвола. 2) Тщательно разбирать нравственное положеніе виновнаго, въ то время, когда совершена имъ вина. Такимъ образомъ проступокъ, сдѣланный по вѣтрнности, оплошности, безъ умысла, наказывается иначе, нежели тотъ, который произведенъ обдуманно; проступокъ, сдѣланный дѣтьми слишкомъ малыми, не смысленными, наказывается иначе, нежели сдѣланный дѣтьми постарше, болѣе или менѣе уже понимающими. Надо притомъ различать — первая ли это вина, или вторичная; есть ли это слѣдствіе

минутной вѣтренности, мимолетной забывчивости, или же простекаеть изъ направленія укоренившагося, отъ привычки укрѣпившейся, или даже со злости; провинился ли виновный по внушенію товарищей, или дѣйствовалъ по собственному движенію, безъ всякаго сторонняго побужденія?

3) Неупустительно имѣть въ виду нравственное состояніе виновнаго послѣ совершенія проступка, т. е. въ какой степени виновный чувствуетъ самъ свою вину, и мучится ли угрызеніями совѣсти? Такъ какъ внѣшнее наказаніе есть только замѣна внутренняго наказанія совѣстью нашею: то, естественно, оно дѣлается бесполезно, когда виновный сознаетъ свою вину, искренно раскаивается. Что касается до нравственнаго состоянія воспитателя, то необходимо: 1) наблюдать строгое безпристрастіе въ отношеніи всѣхъ: дѣти зорко подмѣчаютъ несправедливости; 2) никогда не наказывать ни въ первомъ порывѣ гнѣва на совершившаго вину, ни въ первый моментъ совершенія вины: въ первомъ случаѣ дѣтя замѣтять, что вы дѣйствуете въ страсти, и вы потеряете свой авторитетъ, въ другомъ — оно не успѣетъ обдумать своей вины и почувствовать важности вашего высказанія. Награждая, должно тщательно избѣгать, чтобы не возбудить гордость, тщеславіе, удовольствіе видѣть униженіе другихъ и прочія наклонности, пускающія столь глубокіе корни въ сердце: надо быть очень умѣреннымъ на похвалы: частыя похвалы есть самый тонкій ядъ для юнаго сердца; слѣдуетъ опасатся, чтобы награды для однихъ не были униженіемъ для другихъ; правда, это иногда возбуждаетъ соревнованіе, но чаще зарождаеть зависть въ однихъ и ревность въ другихъ, могущіе принять внослѣдствіи обширные размѣры.

Но тщетны будутъ самыя благія намѣренія, направ-

сны самыя ревностныя усилія, не помогутъ самыя блистательныя поощренія, ни самыя строгія взысканія, безъ дѣйствительнаго примѣра образующихъ предѣ образуемыми. Дѣти отъ природы перемчивы. Какъ въ прозрачномъ кристалѣ водѣ вѣрно отражаются пріятныя и дикія берега, такъ въ дѣтяхъ воспроизводится все доброе и худое, ихъ окружающее. Въ семействѣ и школѣ дѣти получаютъ первые зародыши добродѣтелей и пороковъ. Къ несчастію, есть много родителей и воспитателей, которые не понимаютъ, иди забываютъ важность вліянія собственнаго ихъ примѣра на дѣтей; напротивъ того, они подаютъ собою примѣръ отрицательный, подобно Спартанцамъ, которые, чтобы отвратить дѣтей своихъ отъ пьянства, помазывали имъ рабовъ мертвецки-пьяныхъ. Какъ хотите вы научить дѣтей быть правдивыми, когда сами на каждомъ шагу лжете и обманываете? Какъ хотите вы внушить дѣтямъ цѣломудріе и благопрістойность, когда при нихъ позволяете себѣ соблазнительные разговоры, не благопрістойныя слова и двусмысленныя тѣлодвиженія? Какъ хотите образовывать въ дѣтяхъ чувство истинной доблести, когда цѣните людей по взанію и состоянію, а не по нравственному достоинству, сами же или чванитесь безъ мѣры или подличаете до низости? Въ этомъ отношеніи, высокое значеніе имѣетъ статья «Мысли по поводу статьи о воспитаніи въ Морскомъ Сборникѣ 1855 г. Января», изъ коей весьма кстати заимствовать слѣдующее мѣсто, которое съ удовольствіемъ перечитаютъ вновь читавшіе самую статью, а нечитавшихъ оно вѣрно заохотитъ тотчасъ познакомиться съ нею: «Кто полагаетъ, что можно воспитывать ребенка обманомъ, что достаточно поучая его словами, остерегаться при немъ неосторожныхъ выраженій и поступковъ, словомъ, кто

дѣло воспитанія считаетъ задачею ловкаго надувательства, тотъ жестоко ошибается и беретъ на себя страшный отвѣтъ.

«Не спору, что даже и при такомъ воспитавіи, часть воспитанниковъ выйдутъ современемъ порядочными людьми; но это будетъ уже не въ слѣдствіе воспитанія, а вопреки ему.

«Такъ большою нерѣдко выздоравливаетъ не въ слѣдствіе дурнаго и превратнаго леченія, а вопреки ему; мало того: такъ иногда гнуствость воспитанія до того поражаетъ воспитанника омерзѣніемъ, что онъ, прійдя въ свою память и разумъ, дѣлается ревностнымъ поборникомъ добра и истины. Но такія послѣдствія, конечно, ничего не доказываютъ въ пользу дурныхъ воспитателей; развѣ кто-нибудь рѣшится установить воспитаніе на такихъ началахъ?

«Что вы хотите сдѣлать изъ ребенка? Правдиваго, честнаго, дѣятельнаго человѣка, который думалъ бы не столько объ удобствахъ и выгодахъ личности своей, сколько о пользѣ общей, не такъ ли? Будьте же сами такими, другаго наставленія вамъ не нужно. Неизримое, но и неотразимое, постоянное вліяніе вашего благодушія побѣдитъ зародыши зла и постепенно изгонитъ ихъ. Если же вы должны сознаться въ самомъ завытномъ тайникѣ души своей, что правила ваши шатки, слова и поступки неодинаковы, приноравливаясь къ обстоятельствамъ; что облыжinnostъ свою вы оправдываете словами: живутъ же люди неправдой, такъ и намъ не дохнуть стать; что вы наконецъ и въ воспитатели попали потому только, чтобы безъ хлѣба и безъ мѣста жить нельзя; словомъ, если вы въ тайникѣ совѣсти своей должны сознаться, что вы желаете сдѣлать изъ воспитанника своего совсѣмъ не то, что выпло изъ

вась, тогда, добрый человекъ, вы въ воспитатели не годитесь, какихъ бы вы наставленій ни придерживались, чего бы ни читались. Не берите этого грѣха на душу: носите съ собой что запасли и отвѣчайте за себя.

«Есть вѣчныя, свѣтыя истины, которыя опошлены грязными, неумытыми устами; боишься поруганія свѣтыни и обходишь ихъ; но онѣ остаются вѣчными и свѣтыми.

«Вѣрите ли вы, по убѣжденію, по совѣсти, а не по катихизису только, что жизнь во плоти есть только временный искусъ, такая же школа воспитанія, какую долженъ пройти ребенокъ, подъ вашимъ гнетомъ, и что затѣмъ человекъ переходитъ въ жизнь невещественную, духовную, не отрѣшаясь отъ личности своей?

«Вѣрите ли вы тому, что эта духовная жизнь уготовится жизнью воплоща, что сущность человека составляетъ не ученость и познанія его, не умственная, а нравственная половина его, воля, желанія, наклонности, а не память?

«Вѣрите ли тому, что благо, то есть истину и добро, должно любить ради блага, не изъ видовъ корысти, — а худо, то есть ложь и зло, ненавидѣть ради худа, чтобы не усвоить его себѣ и не отправиться на тотъ свѣтъ съ такимъ неудобнымъ напутствіемъ и подорожникомъ?

«Если въ васъ нѣтъ глубокаго и полнаго убѣжденія во всемъ этомъ, то не беритесь за воспитаніе дѣтей, а удалитесь отъ нихъ насколько можете. Никакой личины не станетъ долѣе, чѣмъ на одну скоморошью ночь, а вѣкъ неразгаданнымъ въ ней не проходишь. Безсознательное чутье ребенка тонко и остро; вы сами послѣдній, а потому и поздно узнаете, что ребенокъ васъ разгадалъ прежде, чѣмъ вы его разгадали. Посудите же, кому впрокъ пошло все ваше стараніе!

«Еслибы, напримѣръ, воспитатель, по врожденнымъ или наслѣдственнымъ свойствамъ своимъ, на дѣлѣ стоялъ на трехъ сваяхъ — *авось, небось, да какъ-нибудь* — а на словахъ неумолчно проповѣдывалъ: *добросовѣстность, порядокъ и основательность*, то что бы изъ этого вышло? Вѣрите ли — и воспитанники его станутъ въ свою очередь поучать хорошо, а дѣлать худо.

«Еслибы воспитатель не находилъ въ себѣ самомъ основательныхъ причинъ, для чего ему отказываться отъ обычныхъ средствъ жизни, то есть: прокармливая казеннаго воробья, прокормить и свою коровушку, то какія убѣжденія онъ въ этомъ отношеніи невольна и неминуемо передастъ воспитаннику?

«Если воспитатель свыкся и сжился, можетъ быть и безсознательно, съ правиломъ: не за то быть, что украсть, а за то, чтобы не пошолася, то какія понятія онъ объ этомъ передастъ другому, младшему? Какія правила, конспекты, программы, курсы и наставленія на бумагѣ и на словахъ могутъ совершить такое чудо, чтобы воспитанники современнымъ держались понятій и убѣжденій противоположныхъ?

«Всего этого къ кожѣ не пришьешь. Если остричь шипы на дичкѣ, чтобы онъ съ виду походилъ на садовую яблоню, то отъ этого онъ не дастъ лучшаго плода, а все тотъ же горько-сладъ, та же кислота; надобно, чтобы прививка принялась и пустила корень до самой сердцевины дерева, какъ оно пускаетъ свой корень въ землю.

«Съ чего вы взяли, будто бы изъ ребенка можно сдѣлать все, что вамъ угодно, наставленіями, поученіями, приказаніями и наказаніями? Внѣшними усиліями можно передѣлать одну только наружность. Топоромъ можно

оболванить какъ угодно полѣшко, можно даже выстрогать его, подкрасить и покрыть лакомъ, но древесина отъ этого не намѣнится; полѣно осталось въ сущности полѣномъ.

«Воспитатель долженъ видѣть въ мальчикѣ живое существо, созданное по образу и по подобию Творца, съ разумомъ и со свободной волею. Задача состоитъ не въ томъ, чтобы не насиловать и пригнестн всѣ порывы своелюлія, предоставляя имъ скрытно мужать подъ обманчивою наружностью и вспыхнуть со временемъ на просторѣ и свободѣ; нѣтъ, задача эта вотъ какая: примѣромъ на дѣлѣ и убѣжденіями, текущими прямо изъ души, заставить мальчика понять высокое призваніе свое, какъ человека, какъ подданнаго, какъ гражданина; заставить страстно полюбить—какъ любить самъ воспитатель, не болѣе того, — Бога и человека, а стало быть и жить въ любви этой не столько для себя, сколько для другихъ» (1).

Цѣль нравственнаго образованія — приготовленіе къ дѣйствительной жизни. Но здѣсь-то и камень преткновенія — это противорѣчіе истинно-нравственныхъ правилъ и обязательствъ, которыя должно внушать нравственное образованіе, съ безнравственностью или фальшивою нравственностью, встрѣчаемыми въ дѣйствительности жизни. Въ статьѣ «Вопросы жизни» положительно утверждается: «Самыя существенныя основы нашего воспитанія находятся въ совершенномъ разладѣ съ направленіемъ, которому слѣдуетъ общество» (2). И точно! Вотъ воспитанникъ окончилъ свое образованіе, преподававшее ему законы Божественныя и гражданскіе, равно чистыя правила нрав-

(1) Морск. Сборн. № 8. Ч. III, стр. 181—184.

(2) Тамъ же № 9. Ч. III, стр. 364.

ственности, которыя должны руководить его къ дѣйствительной жизни. Но съ ужасомъ увидитъ онъ, что все, встречаемое имъ на каждомъ шагѣ въ дѣйствительной жизни, не только не соответствуетъ этимъ законамъ и правиламъ, а скорѣе противорѣчитъ имъ; съ грустію замѣтитъ онъ, притомъ, что на все, чѣмъ мрачнѣе и грязнѣе наша жизнь, общественное мнѣніе или смотритъ равнодушно, или даже допускаетъ, какъ обыкновенный порядокъ, подъ условіемъ лишь маски благовидной внѣшности. Что же остается новичку? Ожесточеніе бесполезное (ибо одному не переименать всѣхъ) и даже вредное (ибо одному не устоять противъ всѣхъ) или, покойнѣе и вѣрнѣе, увлеченіе общимъ потокомъ жизни. Въ статьѣ «О воспитаніи», говорится: «Общественныя отношенія, которыя имѣютъ начало свое въ семействѣ, также должны служить къ осуществленію нравственныхъ цѣлей. Но часто они превращаются въ суетныя обряды или даже во что-нибудь еще худшее. Молодымъ людямъ слѣдуетъ объяснить различіе важнаго и основательнаго отъ пустаго и ложнаго (*). Не вступающій въ дѣйствительную жизнь удостовѣрится, что большинство, которое какъ бы оно неправо ни было, всегда сильнѣе меньшинства, — чаще всего *пустое* принимается за *важное*, *ложное* предпочитается *основательному*; онъ убѣдится, что *суетныя обряды* имѣютъ въ общественномъ мнѣніи, руководящемъ большинствомъ, непреложную силу закона, за пренебреженіе котораго это же общественное мнѣніе наказываетъ орудіемъ, противъ котораго рѣдко могутъ устоять самые сильные характеры, хотя это орудіе не болѣе, какъ наемъшка; онъ познаетъ, что это *мѣсто*

(*) Морск. Сборн. № 1. Ч. III, стр. 6.

худшее, т. е. самыя безнравственныя и эгоистическія побужденія, прикрываемыя лишь утонченностью свѣтскихъ приличій, составляетъ чуть не отличіе, которымъ хвастаются и гордятся. Какъ глубоко будетъ его разочарованіе, если въ немъ еще не со всѣмъ потухъ пламень нравственной ревности, или же какъ низко будетъ его паденіе, если онъ не устоитъ противъ увлеченій общимъ потокомъ жизни! Но если оружіе, которымъ вооружаетъ юнаго ратника жизни нравственное образованіе, оказывается недостаточнымъ для него въ битвѣ жизни: то что можетъ служить якоремъ опасенія пловцу по морю житейскому? Этотъ якорь — вѣра, которая одна можетъ служить неизблемымъ внутреннимъ основаніемъ истинно-нравственнаго дѣйствования и, вмѣстѣ съ тѣмъ, даруетъ силу, могущую противостать всѣмъ вышнимъ противодѣйствіямъ. Здѣсь-то настоящая точка соединенія религіознаго образованія съ нравственнымъ и необходимая зависимость втораго отъ перваго. Только христіанская нравственность есть истинная нравственность; нравственность же естественная искони заблуждалась, заблуждается теперь и будетъ всегда заблуждаться, ибо не имѣетъ прочнаго основанія: *основанія бо другаго никто не можетъ положить, паче лежащаго, еже есть Исусъ Христосъ.* (Къ Коринѳ. III. 11).

Образованіе религіозное и образованіе нравственное условливаютъ уже, сами собою, и образованіе патріотическое. По этому возбужденіе, развитіе и укорененіе патріотизма должно быть предметомъ особеннаго вниманія призванныхъ быть образователями возрастающаго поколѣвія. Образованіе патріотическое должно внушить ему ту пламенную любовь къ отечеству, которая для блага общаго

всегда жертвуетъ личнымъ благомъ, для счастья всѣхъ жертвуетъ собственнымъ своимъ счастьемъ, наконецъ приносить самую жизнь свою на жертвенникъ отечества. Но оно должно предохранить отъ той ложной, бѣдной, узкой, исключительной національности, которая, къ несчастію, часто обнаруживается безсознательнымъ отвращеніемъ ко всему, что не свое: обязанность воспитателей стараться, чтобы чувство патриотизма не перешло въ ненависть и нетерпимость другихъ странъ, другихъ народовъ. Образованіе патриотическое имѣетъ подъ рукою прекрасныя пособія въ урокахъ священной исторіи и исторіи отечественной. Такъ ветхій завѣтъ представитъ много примѣровъ горячаго патриотизма, начиная отъ Моисея до Маккавеевъ. Новый же завѣтъ высочайшимъ примѣромъ самаго законодателя Иисуса Христа, научитъ, какимъ образомъ въ христіанствѣ любовь къ отечеству согласуется съ любовью къ человѣчеству, вопреки древне-языческой исключительной національности: такъ Иисусъ Христосъ оплакивалъ бѣдственную участь своихъ единосемцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ призываетъ къ участию въ наслѣдіи небесномъ весь міръ, все человѣчество; установивъ же отношенія между государемъ и подданными, внушилъ имъ ихъ обязанности въ отношеніи земнаго ихъ отечества. Не подлежитъ сомнѣнію, что рассказы о геройскихъ подвигахъ и гражданскихъ доблестяхъ, заимствованныя изъ отечественной исторіи, возжигаютъ въ юныхъ сердцахъ пламень истиннаго патриотизма. Для споспѣшествованія этой цѣли весьма хорошо пользоваться праздниками, посвященными историческимъ воспоминаніямъ, и торжествами, соединенными съ судьбами отечества.

Но образованіе патриотическое должно быть, при томъ,

и образованіе національное, вполне согласное съ коренными основами и историческимъ развитіемъ характера народнаго. Поэтому оно должно внушать воспитывающимся благоговѣйное уваженіе къ завѣщанной нашими предками святыней нашего семейнаго быта, на которомъ зиждется и нашъ общественный организмъ, въ теченіе многихъ столѣтій создавшій настоящую твердыню нашего государственнаго состава; должно обнаружить всю силу нашего народнаго духа, несокрушимаго въ самыхъ роковыхъ испытаніяхъ судьбы; должно дать благоразумное направленіе врожденной намъ смѣтливости, являвшей иногда столь блистательные опыты въ разныхъ сферахъ умственной дѣятельности. Но оно же должно предохранить отъ упорства въ обычаяхъ и понятіяхъ, не согласныхъ съ успѣхами общечеловѣческаго развитія; должно удержать отъ самоувѣренности, останавливающей усовершенствованіе; должно даже выставить на показъ нашу слабость, недостаточность, ограниченность въ сравненіи съ другими болѣе насъ цивилизованными народами, чтобы тѣмъ сильнѣе возбудить благородное соревнованіе — какъ залогъ преуспѣянія. Однимъ словомъ, истинное національно-патріотическое образованіе должно возбудить не фарисейскую и безотчетную, а искреннюю и разумную любовь къ отечеству, которая есть источникъ всѣхъ гражданскихъ доблестей.

РОДИТЕЛЯМЪ И НАСТАВНИКАМЪ.

Отцу и матери законъ естественный даетъ право и налагаетъ на нихъ обязанность заботиться о воспитаніи дѣтей своихъ. Въ древнемъ патріархальномъ семействѣ, отецъ, какъ единственный глава его, исключительно господствовалъ надъ своимъ потомствомъ, и располагалъ его воспитаніемъ. Въ семействѣ христіанскомъ, гдѣ вліяніе материнское имѣетъ столь же важное значеніе, какъ и отцовское, мать принимаетъ равное участіе въ образованіи дѣтей своихъ, своею вѣжностью умѣряя строгость отца. Исторія представляетъ примѣры многихъ знаменитыхъ людей, обязанныхъ воспитанію материнскому величіемъ своего характера, доблестями своихъ добродѣтелей; славные писатели лучшія сокровища своего ума и души относятъ къ вліянію матери. Но общественное развращеніе коснулось и домашнихъ правовъ, и теперь семейства не всегда, и даже рѣдко, бываютъ школами добродѣтели и нравственности. Напротивъ того, какъ много въ наше время матерей, недостойно носящихъ это святое имя; какъ много въ наше время женщинъ, вступающихъ въ супружество безъ всякаго сознанія своего назначенія, своихъ обязанностей! Не будучи приготовлены къ нимъ и развлекаемы свѣтскою жизнію, родители, съ самаго начала, вѣряютъ дѣтей своихъ наставникамъ и наставницамъ; но сколько есть родя-

телей, которые не имѣютъ средствъ сдѣлать и этого. Здѣсь возникаетъ необходимость *общественнаго* обученія — какъ первоначальнаго, замѣняющаго *домашнее*, такъ и высшаго, служащаго его продолженіемъ. Не входя въ подробности этого предмета, который можетъ дать обширное содержаніе особому трактату, — коснемся слегка отношенія домашняго образованія къ общественному, и заключимъ указаніемъ на существенные недостатки со стороны родителей, относительно воспитанія дѣтей, и прямыя обязанности наставниковъ для достиженія благихъ цѣлей образованія.

Вполнѣ соглашался съ мыслию автора статьи «О воспитаніи», что «такъ какъ дѣвицы преимущественно готовятся къ жизни семейной, то, безъ сомнѣнія, всего лучше, ежели въ семьѣ же и получаютъ окончательное образованіе», что «мальчики имѣютъ другое назначеніе — и объ нихъ нельзя сказать того же: совмѣстное житіе съ товарищами въ школѣ пріучаетъ ихъ нѣкоторымъ образомъ къ тѣмъ условіямъ, къ которымъ они впослѣдствіи должны будутъ подчиниться въ обществѣ» (*), — можно прибавить только желаніе, чтобы на эту сторону общественнаго образованія мужскаго обращено было надлежащее вниманіе, а въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ возможной степени выполнены были преимущества домашняго семейнаго образованія, согласно прямому назначенію женскаго пола къ жизни семейной и домашней. Но нельзя согласиться съ мыслями автора объ отношеніяхъ семейства къ школѣ (Морск. Сборн. № 1. Ч. III. Стр. 13—17), *слишкомъ идеальнымъ*, какъ подтверждаютъ это и собственные

(*) Морск. Сборн. № 1. Ч. III. Стр. 12.

его оговорки: «Нашей статьѣ, можетъ, сдѣлають упрекъ въ томъ, что въ ней *жизнь семейная и вліяніе родителей на дѣтей представлено идеально*» (1). «Все, что мы говорили объ отношеніяхъ школы къ родителямъ, безъ сомнѣнія, можетъ быть допущено въ одномъ предположеніи, что, съ одной стороны, школа соотвѣтствуетъ своему назначенію, а съ другой — что жизнь въ семьѣ не имѣетъ совершенно противонаправленнаго направленія» (2). Въ статьѣ «Еще мысли о воспитаніи» такъ объясняется отношеніе домашняго воспитанія къ общественному: «Учебное заведеніе само по себѣ пороковъ не имѣетъ: они заносятся туда извнѣ, — стало быть большею частію изъ дома родительскаго. Искоренять порокъ, препятствовать ему зловредно дѣйствовать на другихъ есть цѣль воспитателей заведенія. Но что могутъ сдѣлать они, когда со стороны родителей не будетъ согласнаго съ ними дѣйствія? Не много успѣетъ воспитатель заведенія и при содѣйствіи родителей: потому что постояннаго вниманія своего онъ не въ силахъ сосредоточить на одномъ воспитанникѣ; безъ помощи же родителей, онъ не сдѣлаетъ ничего; останется одна надежда на вліяніе товарищей, которые, впрочемъ, по общечеловѣческой слабости, скорѣе сами увлекутся порокомъ, нежели настаивать на путь истинный. — *Отъ заведенія родители ничего не въ правѣ требовать, кромѣ развитія ума и приобрѣтенія ребенкомъ надлежащихъ познаній. Если они твердо вкоренили въ своемъ дитяти познаніе добра, то никакія дурныя качества къ нему не привьются: онъ можетъ увлечься, но доброе рано или поздно въ немъ окажется.*» (3). Последнее отчасти спра-

(1) Морск. Сборн. № 1. Ч. III. Стр. 16.

(2) Тамъ же, стр. 17.

(3) Тамъ же, № X. Ч. III. Стр. 69.

ведливо; но домашнее воспитаніе замѣняется и довершается общественнымъ, котораго по этому прямая обязанность и состоитъ именно въ томъ, чтобы исправить недостатки, вкравшіеся въ дѣтяхъ въ домѣ родительскомъ, и развивать добрыя начала, оставленныя тамъ безъ вниманія.

Выше замѣчено, что родители суть природныя воспитатели дѣтей; а также, что не всѣ родители выполняютъ это священное назначеніе природы и общежитія. Но даже и тѣ, которые заботятся о воспитаніи дѣтей своихъ, не щадя для этого ни себя самихъ, ни денежныхъ издержекъ, не достигаютъ цѣли своихъ усилій, и, вмѣсто желаемаго счастья, устрояютъ несчастіе своихъ дѣтей; причиною же этому ложное начало и ложное направленіе воспитанія, о чемъ да позволено будетъ сказать здѣсь нѣсколько строкъ.

Весьма перѣдко можно видѣть родителей, желающихъ для своихъ дѣтей высшаго положенія, лучшаго состоянія, въ какомъ они сами родились и находятся. Конечно, рожденіе не даетъ никому исключительной привелегіи, которая бы заключала безвыходно въ извѣстномъ кругѣ: весьма позволительно родителямъ стараться вывести дѣтей своихъ на лучшую дорогу, особенно если дѣти оказываютъ чрезвычайныя способности и если родители имѣютъ средства дать имъ лучшее, чѣмъ сами получили, образованіе. Мало ли примѣровъ великихъ геніевъ, блистательныхъ умовъ, родившихся подъ скромною кровлей? Но это исключенія, которыя не должны побуждать всѣхъ родителей ставить дѣтей своихъ въ положеніе выше того, которое они сами занимаютъ: это было бы противно планамъ общественнымъ и нуждамъ государственнымъ. Неужели во всякомъ положеніи общественномъ, во всякомъ состояніи не нужны полезные, способные люди? Часто дѣютъ въ низ-

шешъ и среднихъ классахъ общества воспитаніе, которое прилично только высшимъ классамъ: такимъ образомъ создаютъ для дѣтей потребности, которыхъ они никогда знать не должны бы, потому что никогда не могутъ имѣть средствъ удовлетворять имъ. Отсюда происходятъ обманутые въ своихъ надеждахъ, разочарованные въ своихъ ожиданіяхъ несчастливцы, которые то проклинаютъ общество, то мечтаютъ преобразовать общественный организмъ, и дѣлаются большею частію жертвами отчаянія, или ложно принятаго пути. Что касается до дочерей, то вмѣсто того, чтобы сдѣлать изъ нихъ матерей и хозяекъ, внушить имъ важность и прелесть семейной жизни, настроить ихъ къ труду, скромности, бережливости, простотѣ, ихъ приучаютъ ничего не дѣлать, или заниматься пустяками, наряжаться, веселиться, какъ будто это одно только должно составить цѣль и счастье жизни, ихъ самихъ и тѣхъ, съ которыми будетъ связана судьба ихъ. Превратное и дурное воспитаніе дѣвицъ есть главный источникъ несчастныхъ супружествъ, безпорядочныхъ семействъ, разоренія состоянія и всякаго рода бѣдствій, примѣры которыхъ ежедневно представляетъ современная жизнь. Въ этомъ отношеніи много замѣчено вѣрнаго въ статьѣ «Еще мысли о воспитаніи» (*).

Другая ошибка родителей въ отношеніи образованія дѣтей, бывающая причиной неудачи и даже злополучія ихъ, — это случайный и произвольный выборъ ихъ назначенія и насильственное воспитаніе, вопреки ихъ склонностей. «Мы утѣшаемся — говорится въ первыхъ строкахъ статьи «О воспитаніи», — когда молодость наша протекла благотворно для нашего совершенствованія подъ вліяніемъ хо-

(*) Морск. Сборн. № X. Ч. III.

рошихъ наставниковъ, и напротивъ того съ сожалѣніемъ глядимъ на улетѣвшіе первые годы жизни, когда насъ вели ложными путями, на-переломъ истиннымъ нашимъ склонностямъ» (*). Авторъ статьи «Вопросы жизни», вооружаясь противъ насильственной и слишкомъ ранней спеціальности воспитанія, заключаетъ свои доводы слѣдующимъ сильнымъ воззваніемъ: «Значить ли это, что я предлагаю вамъ закрыть и уничтожить всѣ реальныя и спеціальныя школы?

«Нѣтъ, я встаю только противъ двухъ вопіющихъ крайностей.

«Для чего родители такъ самоуправно распоряжаются участію дѣтей ихъ, назначая ихъ, едва выползшихъ изъ колыбели, туда, гдѣ по разнымъ соображеніямъ и расчетамъ предстоитъ имъ болѣе выгодная карьера?»

«Для чего реально-спеціальныя школы принимаются за воспитаніе тѣхъ возрастовъ, для которыхъ общечеловѣческое образованіе несравненно существеннѣе всѣхъ практическихъ приложений?»

«Кто далъ право отцамъ, матерямъ и воспитателямъ властвовать самоуправно надъ благими дарами Творца, которыми онъ снабдилъ дѣтей?

«Кто научилъ, кто открылъ, что дѣти получили врожденныя способности и врожденное призваніе играть именно ту роль въ обществѣ, которую родители сами имъ назначаютъ? Уже давно оставленъ варварскій обычай выдавать дочерей замужъ поневолѣ, а невольный и преждевременный бракъ сыновей съ ихъ будущимъ поприщемъ допущенъ и привилегированъ; заказное изъ вѣнчаніе съ наукой празднуется и прославляется, какъ вѣнчаніе дожа

(*) Морск. Сборн. № 1. Стр. 1.

съ моремъ!» (1). Дѣло въ томъ, что назначеніе воспитывающимся будущаго ихъ поприща дѣятельности должно быть указываемо обнаружившимися уже вполнѣ ихъ склонностями; поэтому общее ученіе должно продолжаться до той поры, пока рѣшительно обнаружаться въ воспитывающихся и влеченіе и способность къ тому или другому роду занятій. Это имѣетъ и ту пользу, что на всякомъ поприщѣ жизни будутъ люди образованные, а не спеціалисты, иногда не свѣдущіе въ самихъ обыкновенныхъ предметахъ, внѣ круга своихъ занятій, — недостатокъ, который почти на каждомъ шагу встрѣчается еще теперь въ нашемъ обществѣ. Справедливо, впрочемъ, замѣчаніе автора статьи «О воспитаніи,» *что въ нынѣшнихъ школахъ не достаетъ такого рода уроковъ, которые приотворяли бы учениковъ къ занятіямъ и обязанностямъ, ожидающимъ ихъ за предѣлами школы»* (2), подтверждаемое и статьею «Прошедшее и будущее въ воспитаніи моряка» (3) о недостаткѣ болѣе спеціальнаго морскаго образованія. Прибавимъ къ этому еще, что сколь важно, въ видахъ государственныхъ интересовъ, приготовленіе молодыхъ людей изъ дворянскихъ фамилій для того, чтобы они могли быть со временемъ свѣдущими въ сельскомъ хозяйствѣ помѣщиками и годными для службы дворянской, столько же недостаточно для этого воспитаніе въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведѣніяхъ. Такимъ образомъ и эта старона спеціальнаго образованія требуетъ вниманія и усовершенствованія.

Но какъ велики обязанности родителей, столько же важно, священно призваніе наставника. Ему ввѣрены дѣ-

(1) Морск. Сборн. № IX. Ч. III. Стр. 573—574.

(2) Тамъ же, № I. Ч. III. Стр. 36.

(3) Тамъ же, № VII, Ч. III.

ти, которымъ онъ долженъ замѣнить родителей, ожидающихъ выполненія драгоцѣннѣйшихъ своихъ надеждъ и ожиданій. Ему поручено отечествомъ образованіе цѣлаго поколѣнія юныхъ существъ, изъ которыхъ онъ долженъ сдѣлать полезныхъ гражданъ. На попеченіи его оставлено церковію столько душъ христіанскихъ, искупленныхъ кровію Іисуса Христа, живыхъ храмовъ Духа Святаго, которые путемъ земнаго странствованія должны прійти къ Отцу Небесному, и которымъ на этомъ пути онъ долженъ быть ангеломъ-спутникомъ и хранителемъ. Для достиженія этой цѣли и для выполненія налагаемыхъ ею обязанностей, наставнику необходимы слѣдующія качества:

- 1) Онъ долженъ быть благочестивъ: только искреннее и дѣйствительное благочестіе самаго наставника, не только на словахъ, но и на дѣлѣ, можетъ возбудить въ воспитывающихся истинный духъ благочестія.
- 2) Онъ долженъ быть серьезенъ, чтобы внушить воспитывающимся къ себѣ уваженіе.
- 3) Онъ долженъ быть терпѣливъ, чтобы благодушно переносить встрѣчающіяся на поприщѣ его дѣятельности препятствія и затрудненія.
- 4) Онъ долженъ быть проникателенъ и благоразуменъ, чтобы распознавать тонко способности и характеристику воспитывающихся, дабы соотвѣтственно тому направлять и совершать ихъ воспитаніе физическое, умственное и нравственное.
- 5) Онъ долженъ соединять кротость, снисходительную къ немощамъ и слабостямъ несовершенной, неустановившейся еще природы образуемыхъ имъ, съ строгостію, необходимою для обузданія ихъ природныхъ увлеченій и проистекающихъ отъ соблазновъ уклоненій съ пути истиннаго.
- 6) Онъ долженъ быть совершенно безкорыстенъ, отнюдь не подчиняясь какъ въ обращеніи съ дѣтьми, такъ и въ наказаніи

виновныхъ и въ награжденіяхъ достойныхъ никакому стороннему вліянію, желанію угодить или мстить, а тѣмъ паче какимъ-нибудь существенно интереснымъ выгодамъ.

7) Онъ долженъ быть одушевленъ пламенною любовью къ своему дѣлу, которая даетъ и силу для перенесенія трудностей и находчивость изыскивать лучшія средства, и умѣнье съ пользою употребить ихъ для достиженія цѣли.

8) Онъ долженъ питать чистѣйшую любовь къ дѣтямъ, которая одна можетъ научить его трудному искусству снизить до ихъ понятій, чтобы дѣйствовать на эти понятія, приноровиться къ ихъ наклонностямъ, чтобы управлять ими.

9) Онъ долженъ быть благоприличенъ, не допуская въ себѣ неряшества, не позволяя себѣ ни дурныхъ манеръ, ни тѣмъ болѣе неприличныхъ словъ: все это, кромѣ того, что лишаетъ уваженія воспитываемыхъ, подаетъ имъ дурной примѣръ.

10) Онъ долженъ имѣть достаточный запасъ свѣдѣній глубокихъ, а не поверхностныхъ, для того, чтобы могъ удовлетворять и отвѣчать любознательности воспитываемыхъ: бѣда, если они замѣтятъ въ немъ полужнаніе или вовсе незнаніе того, что знать долженъ.

11) Онъ долженъ хорошо приготовиться предъ классомъ, никакъ не позволяя себѣ оправдывать свое нерадѣніе ни легкостью предмета, ни ограниченнымъ числомъ слушателей (изъ того, что кругъ занятій менѣе обширенъ, не слѣдуетъ, чтобы обязанности, ими налагаемыя, были менѣе важны). Приготовленіе это бываетъ двоякое: первое приготовленіе — отдаленное, напримѣръ, чтеніе, относящееся къ предмету преподаванія, размышленіе, усволяющее прочитанное, и соображеніе, какимъ образомъ сдѣланный запасъ матеріаловъ передать воспитывающимся; второе приготовленіе — ближайшее, то есть непосредственно предшествоующее уроку и

имѣющее въ виду именно этотъ урокъ: чѣмъ болѣе наставникъ владѣетъ предметомъ своего преподаванія, тѣмъ яснѣе, вразумительнѣе передаетъ онъ своимъ ученикамъ; напротивъ того, если онъ вовсе неприготовленъ или приготовленъ слишкомъ мало, то уже не онъ владѣетъ предметомъ преподаванія, а предметъ имъ владѣетъ. Да и какое понятіе должны имѣть воспитывающіеся о наставникѣ, который безпрерывно принужденъ заглядывать въ книгу: не подумаютъ ли они, что весьма не трудно быть воспитателемъ, если довольно лишь прочесть въ книгѣ то, что слѣдуетъ преподавать? 12) Наконецъ, поелику лучшія наставленія суть примѣры, ибо они возбуждаютъ къ подражанію, къ чему особенно склонны дѣти, то, — повторимъ слова автора статьи «Мысли по поводу статьи о воспитаніи,» — *«воспитатель въ отношеніи нравственному самъ долженъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ сдѣлать воспитанника; по-крайней-мѣрѣ долженъ искренно и умиленно желать быть такимъ и всѣми силами къ тому стремиться (*)»* Но горе наставнику, подающему собою дурной примѣръ воспитываемымъ: приговоръ ему изреченъ устами самого Господа (Матѣ. XVIII, 6.).

Извѣстно, впрочемъ, что пока мы живемъ на землѣ, во всѣхъ дѣлахъ нашихъ нерѣдко преслѣдуютъ насъ неудачи, препятствія и неприятели. То же бываетъ и въ дѣлѣ воспитанія. Какъ часто родители ошибаются въ выборѣ наставниковъ, которымъ они ввѣряютъ дѣтей своихъ! Какъ чаще наставники принуждены переносить много горя отъ капризовъ и невѣжества родителей, а также иногда и отъ дурнаго ихъ съ ними обращенія, вслѣдствіе уко-

(*) Морск. Сборн. № VII. Ч. III. Стр. 189.

ренившася предубѣжденіа, по которому родители считаютъ наставниковъ дѣтей своихъ не болѣе, какъ наемниками, или отъ врожденной тупости и развившихся заранѣе дурныхъ наклонностей воспитываемыхъ ими, нерѣдко потворствуемыхъ или извиняемыхъ родителями!—«Нѣкоторые родители» — говорится въ статьѣ «Нѣсколько словъ о домашнемъ воспитаніи дѣтей» — даже въ нынѣшнее время грѣшати сильно противъ своихъ дѣтей, глядя на гувернантокъ и учителей, какъ на наемниковъ, въ родѣ ремесленниковъ, а не какъ на истинныхъ благодѣтелей своихъ дѣтей. Это неуваженіе переходитъ къ дѣтямъ, которые не только не привыкаютъ чтить наставниковъ, но и на самое ученіе смотрятъ, какъ на что-то въ родѣ неизбежнаго наказанія (*). — Еще сильнѣе выражено тяжелое положеніе наставника въ статьѣ «Если мысли о воспитаніи»: «Примѣры, обличающіе родителей, слишкомъ извѣстны тѣмъ, кто отъ нихъ терпитъ; тѣ же, отъ кого терпится, никакихъ убѣжденій и доводовъ слушать не станутъ. Они не могутъ помириться съ мыслию, что воспитатель, которому они поручаютъ дѣтей своихъ, долженъ быть членомъ семейства.

«Не приблизить же намъ къ себѣ человѣка довольно темнаго происхожденія только потому, что онъ, замѣняя насъ, возится съ нашими дѣтьми; вѣдь мы завтра же можемъ замѣнить его другимъ? Если онъ терпитъ что-нибудь отъ дѣтей нашихъ, если онъ изъ себя выходитъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ хорошихъ людей, такъ это прямая его обязанность, служба, за которую онъ получаетъ деньги и даже подарки. Неужели мы еще въ долгу? Когда же

(*) Морск. Сборн. № X. Ч. III. Стр. 48.

деньги достаются безъ труда? Нѣтъ, надо дать почувствовать воспитателю неизмѣримость растоянія между нимъ и родителями его воспитанниковъ; надо употребить въ дѣло кой-какія невинныя оскорбленія, которыя заглушаютъ въ немъ добрую совѣсть, и тогда, при повѣркѣ его дѣйствій, удивляться, что онъ ничего хорошаго для дѣтей не сдѣлалъ.

«Но не одни шелчки самолюбію отсѣкаютъ оперяющіеся крылья у юныхъ воспитателей, которыхъ, какъ извѣстно, болѣе, нежели старыхъ и опытныхъ: потому что всякій, испытавшій разъ трудность этого дѣла, отказывается отъ него и ищетъ другихъ для себя занятій.

«Встрѣтить тупую голову, съ трудомъ понимающую самыя простыя вещи, или рѣзкій, упрямый характеръ — не послѣднее горе.

«Если воспитатель выбивается изъ силъ, приворавливается, изыскиваетъ средства, чтобы уленить своему воспитаннику самыя простыя факты легчайшей науки, или смягчаетъ его рѣзкій характеръ, и видитъ всѣ старанія свои напрасными, — ему надобно много твердости духа, много терпѣнія, чтобы дѣйствовать по прежнему, выбиваясь изъ силъ. Иногда еще, при всѣхъ этихъ напрасныхъ стараніяхъ, воспитатель слышитъ ежечасныя возгласы родителей, удивляющихся въ присутствіи постороннихъ лицъ остроумію ихъ дитяти, или извиняющимъ упрямство его — рябачествомъ.

«Говорить противъ этого онъ не можетъ; ему остается только исполнять обязанность свою, спустя рукава и навсегда распроститься съ добросовѣстностію...» (*). — Но да

(*) Морск. Сборн. № X. Ч. III. Стр. 64 — 65.

не смущается сердце ваше, родители и наставники! — Желайте и ищите добра, стремитесь къ добру — и Источникъ всякаго добра благословитъ ваши желанія, ваши исканія, ваши стремленія... Сѣйте добрыя сѣмена, возрастятъ же ихъ Богъ (1 Коринѣ. 111, 6.), уничтоживъ и плевелы, которые сѣетъ врагъ, искони ненавидящій добро. — Учащіе учитъ, учащіеся учитесь добру, а прочее предоставьте Богу и не обманитесь въ упованія: *Да общается же учащися словеси учащему во всѣхъ блазихъ. Не льститесь, Богъ поруганъ не бываетъ: еже бо аще съеть человекъ, тожде и пожнетъ. Яко съяй въ плоть свою, отъ плоти пожнетъ истлѣніе; а съяй въ духъ, отъ духа пожнетъ животъ вѣчный. Добро же творяще, да не стужаемъ си: во время бо свое пожнемъ неослабюще* (Галат. VI., 6 — 9.).

И. НИКО.

О ЗНАЧЕНИИ ФИЛОСОФИИ

ВЪ МІРѢ ЯЗЫЧЕСКОМЪ И ХРИСТІАНСКОМЪ.

Если есть вопросы, близкіе сердцу каждаго человѣка, то и усилія разрѣшить ихъ частнымъ ли соображеніемъ, по крайнему разумѣнію каждаго, или систематически — путемъ научныхъ изысканій, должны имѣть свое значеніе. Что за жизнь человѣка, который не имѣетъ ясныхъ понятій ни о своемъ назначеніи, ни о своихъ нравственныхъ обязанностяхъ, никакой опоры въ настоящемъ и никакой надежды въ будущемъ? Для насъ, воспитанныхъ въ понятіяхъ и привилахъ Откровеннаго христіанскаго ученія, не понятны это томленіе и эта скорбь души, когда человѣкъ не можетъ дать себѣ отвѣта на существенные вопросы жизни: «кто хотѣлъ, чтобъ я жилъ, откуда жизнь всего окружающаго меня, гдѣ цѣль моей жизни и что будетъ со мною послѣ смерти?» Всѣ эти вопросы разрѣшены для насъ въ Откровенномъ ученіи, какъ бы ни было оно принято — въ простотѣ ли вѣры, или послѣ научнаго изслѣдованія его наставленій. Но не таково было состояніе человѣка въ мірѣ до-христіанскомъ. Язычество затмило или искажило первоначальныя чистыя понятія о Богѣ, бытіи міра и жизни человѣка. Проблески свѣта, сохранявшагося въ остаткахъ древняго преданія, были почти незамѣтны

среди всеобщаго мрака. Притомъ же они или заключены были въ мѣны, которыхъ смыслъ былъ не для всѣхъ понятенъ и со-временемъ терялся, или поступили въ область сокровенныхъ (асотерическихъ) знаній, доступныхъ только жрецамъ и посвященнымъ въ языческія таинства: но въ томъ и другомъ случаѣ они не имѣли ни внѣшняго, ни внутренняго ручательства въ ихъ истинѣ.

Для довѣрчиваго смысла простаго человѣка, конечно, достаточно было и тѣхъ понятій, какія давала ему религія страны: она преподаваема была болѣею частію въ видѣ откровеннаго ученія и были обязательны для него, какъ повелѣнія божества, въ которое онъ вѣровалъ. Но мысль, привыкшая къ отчетливости въ своихъ изысканіяхъ, не могла довольствоваться всякимъ ученіемъ, какое ему преподавала та или другая религія. Свободному и не предубѣжденному взгляду трудно было не усмотрѣть или несообразности въ самыхъ началахъ языческаго вѣроученія, или непослѣдовательности его въ объясненіи происхожденія и связи явленій міра вещественнаго и нравственнаго. Всѣмъ извѣстно, какъ нѣкоторые изъ самыхъ язычниковъ осмѣивали дознанію пустоту своихъ вѣрованій. Но что у однихъ вызывало смѣхъ, то другіе принимали къ сердцу: потому что мыслящему и сознающему свое достоинство человѣку какое утѣшеніе съ потерей вѣры потерять всякую опору въ жизни?

Главнымъ образомъ, въ связи съ этимъ сознаніемъ недостаточности языческихъ вѣрованій для упорядоченія мысли и нравственной жизни человѣка и возникла языческая философія: она была усиліемъ со-стороны мыслящихъ людей — возвыситься силою собственнаго размышленія до того, чтобы опредѣлить, какъ понимать бытіе и явленія

міра вещественнаго и нравственнаго и какой порядок жизни признавать лучшимъ? Ясно, что по самому происхожденію философія должна была стать въ отношеніе съ религіею, въ вѣдрѣ которой она возникла.

1. Первая встрѣча ихъ не была враждебною, по-крайней-мѣрѣ, по виду. Миѳическое богословіе Грековъ оставляло вѣкоторые вопросы свободными, т. е. не занималось ими; но другіе — запрещало, т. е. произносило объ нихъ рѣшительное опредѣленіе. На-примѣръ: оно усвоило богамъ твореніе, или точнѣе — устройство міра и управление вселенною; но предоставляло свободнымъ изысканіямъ любознательныхъ разрѣшеніе вопросовъ меньшей важности: изъ какой матеріи образована эта вселенная, какъ объяснить то или другое явленіе вѣшняго міра и прочіе. Къ этимъ-то вопросамъ и обратилась философія. Сначала она занималась ими съ полною свободою и не обращала на себя общаго вниманія: казалось, ея отвлеченныя изысканія не имѣли никакого отношенія къ народной вѣрѣ и дѣйствительнымъ выгодамъ жизни. Но, по необходимой связи идей, не далеко и не замѣтенъ былъ переходъ отъ вопросовъ позволенныхъ къ запрещеннымъ, отъ изслѣдованія о происхожденіи міра къ умозрѣніямъ о природѣ и свойствахъ Творца или образователя вселенной. Философія вступила въ эту заповѣдную область, и съ-тѣхъ-поръ ея безразличное состояніе въ отношеніи къ народной вѣрѣ должно было кончиться. Стало слишкомъ ясно, что новые мечтатели, усвоившіе себѣ имя мудрецовъ, далеко не съ такимъ благоговѣніемъ слушаютъ вдохновенныя рѣчи Гомера и Гезіода, съ какимъ внимали имъ столько поколѣній!

Въ самомъ началѣ своихъ изысканій философія уже болѣе склонялась къ восточнымъ ученіямъ (космогоніямъ

и теогоніямъ), нежели къ Гомерическому баснословію. Это послѣднее отталкивало философовъ своимъ антропоморфизмомъ, — тѣмъ, что ставило боговъ въ одинъ рядъ съ людьми и лишало ихъ тѣхъ свойствъ величія и необъятности, которыя и возвышаютъ божество надъ всею вселенной. Между тѣмъ восточное язычество болѣе привлекало мысль и льстило воображенію своими колоссальными образами и таинственнымъ полумракомъ, какимъ оно прикрывало свои вѣрованія и который давалъ полный просторъ мысли въ ея созерцаніяхъ божества. Впослѣдствіи философы стали открыто высказывать, что въ разказахъ поэтовъ богамъ усвоятся такія дѣла, какія и людямъ вѣняются въ срамъ и безчестіе (1).

Люди себѣ представляютъ, что будто бы боги родились,
 Что нашу одежду они, нашъ голосъ и образъ имѣютъ...
 Нѣтъ... Богъ одинъ—превыше боговъ и людей.

Ни тѣломъ, ни духомъ своимъ намъ смертнымъ онъ не подобенъ (2).

Привязанность Грековъ къ старымъ вѣрованіямъ, которыя составляли поэзію ихъ жизни и проникали собою всѣ случаи ихъ частныхъ дѣйствій и общественныхъ отношеній, не могла не оскорбиться такимъ униженіемъ пѣвца боговъ и возстаніемъ противъ народной вѣры. Лучшихъ мыслителей Греціи осмѣивали всенародно, обвиняли въ безбожій, изгоняли изъ отечества, осуждали на смерть. Одинъ изъ лучшихъ Аѳинскихъ гражданъ — Аристофанъ жертвуетъ Сократомъ общественному посмѣванію и думаетъ, что совершаетъ подвигъ добросовѣстный и смѣлый, когда говоритъ: «Къ чему служить эти мечтатели? Они

(1) Ксенофанъ у Секст. Эмпир. (adv. Math. IX, 193).

(2) Онъ же у Климентя Александр. (Strom. V, p. 601).

развѣживаютъ вѣкъ слабѣющей, они уничтожаютъ благоговѣніе къ богамъ, они научаютъ непостижимымъ нелѣпостямъ, цыкуту имъ!... Граждане Маравона были лучше.» (3). Но, не смотря на всѣ усилія подавить новыя понятія, они болѣе и болѣе распространялись. Что осталось наконецъ отъ Еллинскаго многобожія въ послѣдніе вѣка предъ явленіемъ христіанства? Одва тѣнь. Съ Греко-Римскимъ язычествомъ было то же. Въ концѣ VI вѣка отъ основанія Рима явилось въ царственный городъ странное посольство изъ Аѳинъ; его составляли представители тогдашней Греческой философіи: Критолай перипатетикъ, Карнеадъ академикъ и Діогенъ стоикъ. Молодые Римляне были въ восторгѣ отъ ихъ рѣчей; они впервые увидѣли эту діалектическую тонкость въ объясненіи, эту подвижность мысли и слова, которыя составляютъ неотъемлемое достоинство Греческихъ философовъ. Но когда тѣ явились въ Капитолій, старые сенаторы не лаской встрѣтили ихъ. Катонъ старшій умолялъ сенатъ удалить отъ Римскаго юношества этихъ софистовъ, которые показались ему опасными по своему вольномыслию. (Старецъ не предвидѣлъ, конечно, что вѣкомъ послѣ — въ этой философіи, которую онъ изгонялъ изъ отечественнаго города, внукъ его будетъ искать утѣшеній среди превратностей судьбы!). Посольство возвратилось безъ успѣха (4). Противъ новыхъ выходцевъ сенатъ возсталъ всею силою власти: но ничто не могло остановить передачи идей. Юношество хорошо помнило о рѣчахъ и приемѣ Аѳинскихъ софистовъ и занятіе Греческою философіею считало торжествомъ надъ авторитетомъ. Наконецъ Греческое образованіе вошло въ обычай. Прошли

(3) Взглядъ на философію словесности, гр. С. С. Уварова.

(4) Cicero. Academ. Quaest. IV. 43, Quaest. Tuscul. IV, 2.

два поколѣнія и философія получила право Римскаго гражданства. Вліяніе ея было очень замѣтно. Язычество ничего, кромѣ своей давности, не могло противопоставить новымъ ученіямъ и замѣтно упадало. Въ сенатѣ Римскомъ застѣдали уже питомцы новыхъ ученій; самые жрецы склонялись на ихъ сторону. Муціи Сцевола, чтобы сохранить видъ уваженія къ вѣрѣ и званію, раздѣлялъ боговъ на три класса: божества поэтовъ, философовъ и законодателей (5). Варронъ раздѣлялъ богословіе на баснословное, естественное и политическое (6). Жрецъ Котта въ дѣлѣ вѣры отличалъ доказательства историческія отъ философскихъ. «Я имѣю право, говорилъ онъ, требовать отъ философіи доказательства ея гипотезъ; но вѣрованія моихъ предковъ принимаю безъ доказательствъ». Такъ-то падало языческое богословіе предъ болѣе очищенными понятіями о божествѣ, которыя выяснила философія!

Если боги не лучше людей, то у кого учиться добродѣтели и кому подражать въ правилахъ жизни? Языческія религіи вообще мало обращали вниманія на нравственную сторону человѣческой жизни и давали ей только второстепенное значеніе, послѣ соблюденія виѣшнихъ обрядовъ. Въ мірѣ Греко-Римскомъ было и того менѣе. Здѣсь облечены въ поэтическіе образы и обоготворены самыя низкіе пороки и страсти. Многочисленность боговъ уполномочивала людей на жизнь безнравственную. Момъ—у Лукіана, въ собраніи боговъ,—жалуется: «съ тѣхъ поръ, какъ насъ стало такъ много, размножаются клятвopеступленія, вѣроломства и всѣ роды пороковъ». Эта острота имѣетъ глупобокій смыслъ. При множествѣ боговъ всегда есть надежда

(5) *Augustin. De civ. Dei VI, 7.*

(6) *Ibid. VI, 8.*

получить отъ снисходительности другаго то, въ чемъ отказала бы справедливость одного. Примѣры боговъ тоже не были поучительны. Скажутъ: «иное дѣло личное поведеніе боговъ, иное—нравственное законодательство; законъ не теряетъ силы отъ слабости правителей». Правда, въ Греко-Римскомъ язычествѣ можно указать нѣсколько случаевъ, въ которыхъ выразился такой взглядъ на вещи (Римъ вѣрилъ въ свое происхожденіе отъ Марса и Весталки, — и однакожь всякое увлеченіе Римской Весталки наказывалось смертію); но вообще это — софизмъ, который разрушается при первомъ прикосновеніи мысли. Припомните очистительную молитву развратнаго челоука у Теренція, когда онъ, восхваляя челоуцескія похожденія отца боговъ и людей, восклицаетъ: *ego hominiscio hoc non facerem?* Чувство нравственнаго достоинства оскорбилось такимъ ученіемъ, такими правилами, такими примѣрами жизни; но было въ безвыходномъ положеніи: преступленія и пороки освящались религіей. Надобно было прояснить понятіе о Богѣ, какъ блюстителѣ нравственнаго порядка въ мірѣ, пробудить потребности разумной души челоуцеской, подавленные чувственностію, возстановить въ глазахъ челоука его собственное достоинство, униженное язычествомъ, чтобы имѣть твердую опору для противорѣчія съ общимъ направленіемъ жизни: это и было задачей философіи. Она начала свое преобразование въ убѣжденіяхъ людей во имя внутреннихъ, разумно-сознанныхъ потребностей души, и ошаралась въ своемъ отрицаніи началъ языческой нравственности на чистую идею божества, съ которою неразлучно благородное возрѣніе на жизнь челоуцескую. Дорого стояла этимъ зачатникамъ истины любовь къ истинѣ: ихъ провозглашали мечтателями, мятежниками, изго-

няли изъ обществъ (7); но они мужественно переносили все, потому что предпочитали дозванную истину, родную душѣ — оболъщению и обману подъ видомъ древнихъ преданій и откровеній.

Какъ не могли упорядочить нравственною жизни языческія религіи, такъ не могли успокоить и чувства. Гдѣ есть ясное понятіе о добрѣ и злѣ, гдѣ есть вѣра въ жизнь будущую, тамъ все имѣетъ добрый исходъ: скорби добродѣтели не безутѣшны; утѣшенія порока опасны; въ болѣзняхъ и страданіяхъ физическихъ, въ скорбяхъ и горестяхъ душевныхъ люди улаждаются отраднымъ чаяніемъ лучшаго бытія. Безъ этой вѣры — къ чему добродѣтель, къ чему скорби жизни нравственною, къ чему благородство души, подвиги самоотверженія и какія утѣшенія въ болѣзняхъ? Языческія вѣрованія не доставляли этихъ утѣшвнй чувству. Правда, народъ вѣрилъ въ личное безсмертіе; но это безсмертіе есть блужданіе безжизненныхъ тѣней въ Андѣ, гдѣ всѣ находятся въ равномъ состояніи — добрые и преступные, герои доблестные и злодѣи, недостойные жизни (8). Справедливо называютъ такое представленіе будущей жизни поэтическою мечтою, которая должна была разсѣяться при первомъ пробужденіи мысли (9). Очищая понятія о Богѣ единомъ и утверждая нравственныя цѣли

(7) *Socrat. Apolog.* p. 21. *Tract.* p. 149.

(8) Когда Ахиллесу явилась душа Патрокла, то печальный такъ говорилъ онъ:

«Такъ подлинно есть въ Аидовомъ доиѣ подземноиъ,

«Духъ челоѣка и образъ, но онъ совершенно безплотный.

«Цѣлую ночь, я видѣлъ, душа несчастливца Патрокла,

«Все наде мною стояла стенающій плачущій призракъ.

«Все мнѣ завѣты твердила, ему совершенно подобясь.» *Ил.* XXIII,

103 — 107; ср. *Одисс.* XI, 471 — 6. 484 — 491.

(9) *Шлегел. Истор. литер.* Ч. 1, стр. 78. *Малав.* 1834. СПб.

жизни, философія обратила важнѣйшее вниманіе на эту сторону народныхъ вѣрованій и открыто высказала недостаточность ихъ съ этой стороны (10).

2. Но могло ли успокоить душу такое разрушительное дѣйствіе философской мысли? Отрицаніе, разрушеніе всегда болѣзненно дѣйствуетъ на нее, особенно когда лишаютъ ее послѣдней опоры въ жизни — вѣры въ Бога, промыслъ и безсмертіе. Точно, философія заслужила бы такой упрекъ, еслибы, съ отрицаніемъ народныхъ вѣрованій, она учила невѣрію и отвергала нравственность; но въ этомъ нельзя упрекнуть философію. Если и были философы и даже школы, которыя проповѣдывали ложныя и вредныя понятія: то все-же нельзя этого сказать о всей языческой философіи, а въ особенности о лучшей части ея. Если она преподавала ученія, противныя общепринятымъ понятіямъ: то дѣлала это по убѣжденію въ ихъ внутреннемъ достоинствѣ, въ согласіи съ разумною природою человѣческой души, съ потребностями ума и нравственнаго чувства, которыхъ не могли удовлетворить вымыслы и поэтическія прикрасы языческаго многобожія. Прямымъ своимъ призваніемъ она поставляла всегда безпристрастное изслѣдованіе истины. И въ языческомъ мірѣ она стремилась къ этой, а не къ иной цѣли. Изысканія ея были разрушительны для народныхъ вѣрованій, но не для самыхъ истинъ, которыя лежали въ основѣ этихъ вѣрованій. Исторія — лучший судія въ этомъ дѣлѣ; пусть же она покажетъ намъ, съ какими усиліями и самоотверженіемъ мыслителя древности, по-крайней-мѣрѣ, лучшіе и достойнѣйшіе, стремились къ этой цѣли и въ какой мѣрѣ достигли ея.

(10) *Aristot. Rhetor. lib. II, c. 17, p. 240. T. IV; ed. Bipont.*

Оставленный самому себѣ пылливый умъ пользовался всѣмъ, что только могъ найти для проясненія важнѣйшихъ предметовъ вѣры и жизни. Мыслители древности съ самоотверженіемъ изслѣдывали истину, открывали всѣ ея хранилища, изучали народныя преданія, посѣщали отдаленныя страны востока, входили въ сношенія съ жрецами разныхъ странъ и проникали въ общества посвященныхъ въ языческія таинства. Здѣсь, на ряду съ заблужденіями язычества, сохранялись чистыя преданія древности, заключенныя частію въ мисымена, частію въ символическіе образы и, можетъ быть, не всегда понятныя для самихъ владѣльцевъ этого сокровища (11). Вообще надобно сказать, что умъ человѣческій въ своихъ изысканіяхъ истины поднялся на высоту созерцанія, какая только возможна для него безъ высшей помощи.

Въ основаніи всего у лучшихъ представителей языческой философіи лежала мысль о Богѣ единомъ, какъ личномъ началѣ бытія и порядка въ мірѣ. Мысль эта высказалась во всей ясности не вдругъ. Въ ученіи Іонійскихъ философовъ до Анаксагора были еще смутныя представленія о началѣ вещей; божество представляли безличною, хотя и основною силою всего существующаго. Анаксагоръ первый провозгласилъ господство царственнаго ума (Νοῦς), который привелъ въ движеніе покоившуюся неподвижно матерію: а это-то движеніе и было началомъ образованія міра и космическихъ порядковъ (12). Но, назвавши умъ еди-

(11) О сокровенномъ ученіи языческихъ таинствъ см. Сентъ-Круа: Versuch über die alten Mysterien. Gotha, 1790. Viertes Capitel: Von der geheimen Lehre der Mysterien. S. 211—238.

(12) Plat. Phaedon, § 15. Diog. Laërt. II, 6. Lucrct. I, 850. Aristot. Meteorol. I. 35. De coelo III, 2.

ными, простымъ и чуждымъ всяческаго смѣшенія началомъ міровой жизни, Анаксагоръ не усвоилъ ему ни одного нравственнаго свойства. Послѣ него Пифагоръ и Ксенофанъ раскрыли мысль о духовной природѣ Божества, но не объяснили отношенія его къ міру существъ и склонялись къ пантеизму, представляя божество разлитую въ природѣ жизнью. Наконецъ, Сократъ и Платонъ возвысились до идеи о немъ, какъ о разумномъ началѣ и правителѣ всего, духовномъ, невидимомъ источникѣ добра и красоты и непричастномъ злу (13). По ученію Платона, Богъ произвелъ міръ, какъ всеблагій, а не по необходимости, и управляетъ имъ, какъ умъ премудрый, направляя все къ цѣлямъ общаго блага и стараясь все приблизить къ себѣ (14).

Въ нравственномъ ученіи философія возвысилась до сознанія нравственной цѣли, къ которой должны стремиться разумныя существа. Эта цѣль заключается, во-первыхъ, не въ чувственныхъ удовольствіяхъ: «многимъ людямъ представляется, говорить Сократъ, что не стоить и жить тому, кто не принимаетъ участія въ чувственныхъ наслажденіяхъ, и почти умеръ тотъ, кто не заботится о тѣлесныхъ удовольствіяхъ». Сократъ совѣтывалъ стараться о томъ, чтобы отрѣшить душу отъ тѣла, дабы безпрепятственно стремиться къ лучшему, къ самой истинѣ. Но, во-вторыхъ, нравственная цѣль существъ разумныхъ заключается въ возможномъ приближеніи къ божеству, чрезъ уподобленіе ему, а уподобленіе состоитъ въ справедливости и мудромъ благочестіи (15). Стремленіе къ богоподобию и составляетъ добродѣтель, какъ форму нравственной жизни.

(13) De republ. VII, p. 317.

(14) Tim. 29. E.

(15) Thael. p. 176.

Это есть состояніе внутренняго согласія души съ самой собою и ея здоровье.

Какъ цѣль жизни духовная, такъ и побужденія стремиться къ ней—духовныя же, и во-1-хъ—обязательность для насъ внутренняго голоса совѣсти. Въ Апологій Платонъ влагаетъ въ уста Сократа такой отвѣтъ друзьямъ: «если бы вы сказали мнѣ: Сократъ, мы выпросимъ тебѣ прощенье у Анита, выпросимъ тебѣ свободу, только оставь свои обычныя разсужденія,—я вамъ отвѣтилъ бы: я васъ уважаю, я васъ люблю, но болѣе повиноваться буду Богу, нежели вамъ. Сдѣлаете вы то, чего требуетъ Анитъ, или не сдѣлаете, освободите меня или не освободите, я не согласуся поступать иначе, хотя бы мнѣ пришлось умереть за это тысячу разъ»; во-2-хъ—высокое наслажденіе мудростию, изяществомъ и добродѣтелью, которое возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ первообразу сихъ совершенствъ. «Видя здѣшнюю красоту, говоритъ Платонъ, и во ней воспоминавая о красотѣ истинной, человѣкъ окривляется и окривлившись пламенно желаетъ летѣть вверхъ. Еще не имѣя силъ, онъ, подобно птицѣ, уже смотритъ вверхъ и о долѣномъ не заботится» (16).

Но къ чему презрѣніе удовольствій міра, на что очищеніе души, если наша жизнь оканчивается виѣсть съ смертію? Кто рѣшится съѣсть, не надѣясь вкусить плода жатвы? Кто, благоразумный, возьметъ на себя трудъ, которому нѣтъ ни цѣли, ни награды. Катонъ у Цицерона справедливо разсуждаетъ: «Нѣтъ, Сципионъ, меня никто не убѣдитъ, что отецъ твой Павлъ и оба дѣда Павлъ и Африканъ, отецъ Африкана, твой дядя, и много другихъ

(16) Phædr. 250.

прекрасныхъ мужей, которыхъ называть по именамъ имѣть надобности, усиливаясь бы сдѣлать то, что принадлежитъ памяти потомства, еслибы не прозрѣвали душою, что потомство имѣть принадлежитъ. Да и я—если ужъ потщеславиться старику, думаешь ли, что я рѣшился бы перенести столько трудовъ дневныхъ и ночныхъ, дома и на войнѣ—еслибы моя слава оканчивалась вмѣстѣ съ жизнію? Развѣ я не предпочелъ бы имѣть жизнь праздную и спокойную, безъ трудовъ и порывовъ? Но отъ чего это—я не знаю—возвышенный духъ всегда такъ представляетъ потомство, что какъ будто онъ тогда-то и начнетъ жить, когда перестанетъ жить? Да, еслибы не было для духа безсмертія, то самая сильная душа не порывалась бы къ безсмертію славы. Можетъ быть, я и заблуждаюсь, думая о безсмертіи человѣческой души: но мнѣ пріятно это заблужденіе и я не покину его, потому что я имѣю утѣшаюсь и живу (17). Лучшие наставники добродѣтели въ языческомъ мірѣ, Сократъ и Платонъ, вполне понимали высокую важность этого вопроса и употребляли все способы къ тому, чтобы прояснить его и вѣдрить въ убѣжденія современниковъ. Но они не дошли до ясныхъ понятій о безсмертіи и полной въ немъ увѣренности. Сократъ вѣрилъ въ продолженіе жизни за гробомъ; но эта вѣра была только желаніемъ души и, если можно такъ выразиться, чаяніемъ сердца, но не убѣжденіемъ разума, котораго бы не могли поколебать никакія сомнѣнія и опасенія. Платонъ сдѣлалъ истину безсмертія предметомъ доказательствъ; но его доказательства подтверждаютъ истину только вполнину, именно: что душа имѣетъ все условія безсмертія; а дѣйствительно ли она

(17) Cicero. de senectute sub. Fine.

безсмертна,—это осталось неразрѣшеннымъ. И для него, какъ для Сократа, безсмертіе было скорѣе его личною вѣрою, нежели убѣжденіемъ разума, покоящимся на твердыхъ основаніяхъ. Впрочемъ, достаточно и того, что философія: 1) провозгласила надежду безсмертія; 2) не такого жалкаго, какъ въ народной вѣрѣ, но съ обѣтованіемъ личной нравственной жизни, постепеннаго усовершенствованія въ добрѣ и приближенія къ божеству, и 3) по этому самому поставила его въ необходимую связь съ цѣлями нравственной жизни и побужденіями къ исполненію нравственнаго закона.

Но слышалъ ли языческій міръ, кружившійся въ вихрѣ суеты и минутныхъ наслажденій, кроткія и тихія вѣщанія мудрости, прозрѣвавшей далѣе завѣсы всепокрывавшаго матеріализма? Былъ ли откликъ на голосъ избранныхъ умовъ, посланныхъ Провидѣніемъ въ вожди слѣпотствующему язычеству, или онъ терялся въ этой пустынѣ безъ отзыва и привѣта? Да, этотъ голосъ слышимъ былъ въ древнемъ мірѣ то какъ обличеніе, то какъ правило жизни. Что ученія лучшихъ мыслителей могли распространяться въ народѣ—въ этомъ вѣтъ сомнѣнія. Конечно, къ такому отвлеченному, утомительному исканію истины, какое показывали философы, способны немногіе; но для народа въ немъ не было и нужды. Истина, открытая путемъ умозрѣній, могла перейти въ убѣжденія простыхъ людей въ видѣ общаго вывода, готоваго результата изысканій. Опытъ всѣхъ временъ показываетъ, что мифы и убѣжденія образованныхъ легко и скоро усвоятся народомъ. Кому неизвѣстно, какія волненія производили философскія ученія въ древнемъ мірѣ? Ученія Зенона и Эпикура не сдѣлались ли правиломъ жизни для Римскаго міра

передъ временемъ христіанства? Ученіе Александрійцевъ какое огромное вліяніе имѣло на цѣлый востокъ? Можно ли думать, что и во времена болѣе древнія—ученіе Пифагора, Сократа и Платона не имѣло нравственнаго вліянія на современниковъ? Участь Сократа, оплаканнаго Аѳинянами, судьба Анаксагора и Ксенофана не могли остаться безъ вліянія на современниковъ. Съ другой стороны, и въ народѣ не могло не быть воспріимчивости къ существеннымъ истинамъ жизни. Сократа слушали и старые и малые, вѣрно, не какъ хорошаго разскащика, а какъ проводника истинъ, просвѣтляющихъ умъ и отрадныхъ сердцу. Самая форма, въ которую облекали и въ которой передавали свои понятія, дѣлала ихъ доступными для понятій народа. Сократъ держалъ рѣчь разговорную; высокія умозрѣнія Платона, облеченныя въ мифическіе образы Греческаго политеизма, вѣдрялись въ мысль народа, сблизившись такимъ образомъ съ его вѣрованіями. Заимствуя эти образы отъ народной религіи, философія, съ ихъ помощію, незамѣтно вводила и обобщала въ народѣ новыя понятія (18). Переходя въ личное убѣжденіе, они становились правиломъ жизни, опредѣляя для человѣка цѣль бытія и направляя къ согласію съ нею все его дѣйствія. Въ этомъ смыслѣ дѣлали похвальные отзывы о философiи сами языческіе писатели (19). Наконецъ, нужно ли прибавлять, что если философія проникала въ народныя массы, то тѣмъ легче и скорѣе находила доступъ къ убѣжденіямъ людей мыслящихъ. Мы знаемъ, что не малое число посвященныхъ въ языческія мистеріи искренно, хотя и тайно, принимали истину, открытую умозрѣніемъ, и отказыва-

(18) *Sigwart, Geschichte der Philosophie*. B. 1. S. 133. Stuttg. u. Tubing. 1844.

(19) *Senec. Ep. XX et caet. Cicero. Acad. Quaesit. 1. 2.*

лись отъ заблужденій, которыми водились до того времени (20).

3. При всемъ томъ нельзя не видѣть, что философія — эта законодательница языческаго міра — не могла преподавать ученіе, которое бы окончательно успокоило совѣсти и умы. Нѣтъ слова, что ея наставленія имѣли опору въ себѣ самихъ, въ согласіи съ потребностями души; по имъ не доставало внѣшняго освященія ихъ истины. Дѣло жизни не то, что дѣло школы, гдѣ все равно, принять ли то или другое мнѣніе, ученіе, предположеніе, только бы принять по крайнему разумѣнію и убѣжденію въ его истиннѣ; въ вопросахъ, которые затронула философія, было дѣло о жизни и смерти. И этотъ недостатокъ положительнаго ручательства въ истиннѣ философическаго ученія тѣмъ замѣтнѣе при отрицаніи старыхъ вѣроваій, которыя все же опирались на виѣшнихъ, хотя и ложныхъ откровеніяхъ и имѣли за себя священную древность. Не очевидно ли, что и сами философы чувствовали это по отношенію къ собственнымъ убѣжденіямъ? Они не отрицали совершенно народной вѣры, не издѣвались надъ нею, напротивъ только уясняли для себя ея вопросы и склонялись къ ней въ разныхъ пунктахъ своего ученія. Сократъ передъ смертію, въ важнѣйшую минуту жизни, рассуждалъ, какъ Аѳинянинъ и, переходя въ неизвѣстную загробную жизнь, не сохранилъ полнаго присутствія духа. Но кромѣ этого и самое ученіе философовъ хотя было высокимъ словомъ ума о важнѣйшихъ для человѣка истинахъ, однакожь не обнимало ихъ вполне и оставляло мѣсто сомнѣніямъ и безпокойству.

(20) *Benjamin Constant, du Polythéisme Romain* T. II, liv. XI; ch. 3. p. 59—64. Paris, 1833.

Самое высокое ученіе о божествѣ принадлежитъ Сократу и Платону. Но Сократъ, любознательствуя о Богѣ, какъ чистомъ и ни съ чѣмъ не смѣшивающемся умѣ, не занимался философскими изслѣдованіями о природѣ божества и отношеніи его къ міру. Для опоры преподаваемыхъ имъ нравственныхъ правилъ достаточно было Анаксагоровъ понятія о божествѣ; съ своей стороны, онъ присовокупилъ только изображеніе дѣйствій его, какъ промыслителя, какъ отца и царя природы, который въ ней не видитъ ничего малаго и ко всему равно близокъ. Но кто не знаетъ, что подобныя описанія, успокоивая чувство, мало удовлетворяютъ пылливый умъ? Ученіе Платона представляетъ недостатокъ другаго рода. При всей неопредѣленности его выразеній объ отношеніи Бога къ міру въ дѣлѣ происхожденія міра и промышленія о немъ, нельзя не видѣть, что, по его представленію, матерія есть начало отрицательное, противоположное добруму, и, слѣдовательно, она есть начало зла; но какъ она составляетъ необходимую форму для осуществленія божественной мысли (идеи): то значить, зло допущено въ мірѣ, какъ необходимость, ограничивающая творческую силу въ двухъ важнѣйшихъ актахъ ея проявленія. Такое ученіе и само по себѣ не согласно съ идеєю божества въ высшемъ ея развитіи, а, переходя въ область нравственнаго ученія, приводитъ къ печальнымъ слѣдствіямъ, какъ это показала школа Александрійскихъ неоплатониковъ. Отсюда мрачный взглядъ на настоящую жизнь, стремленіе сбросить съ себя эти темныя узы — наше тѣло, которое препятствуетъ нашему духу въ его уподобленіи божеству (21). Такова была на-

(21) Платонъ въ Федрѣ называетъ тѣло темницею, гробницею души: *ἐν δεσμῷ τε εἶναι καὶ ταφῆσαι ἐν αὐτῇ τῇ ψυχῇ*. Платонъ въ утѣ-

строенность умовъ въ первые вѣка христіанства, когда, подѣ вліаніемъ Александрійскаго мистицизма, образовались цѣлыя секты презрителей жизни, которые изыскивали сподобы и не чуждались даже самыхъ насильственныхъ для освобожденія себя отъ узъ тѣла (22).

Вообще надобно сказать, что хотя лучшіе изъ древнихъ философовъ, на основаніи метафизическихъ изысканій и логическихъ выводовъ, возвышались до чистыхъ понятій о природѣ божества, однакожь въ ученіи о дѣйствіяхъ его въ мірѣ впадали въ безвыходныя противорѣчія. Мыслящему уму не трудно было дойти до идеи единого Бога, какъ послѣдней причины міра; но трудно объяснить эту причиную усвояемая ей дѣйствія — твореніе міра и промышленіе о немъ. Язычество не могло понять творенія міра изъ ничего: даже въ христіанскомъ откровеніи это — тайна, которую мы, по слову Апостола, разумѣваемъ вѣрою; посему оно по необходимости остановилось на понятіи о божествѣ, какъ образователѣ міра (днміургѣ). Но здѣсь еще не все. Дошедши до идеи о Богѣ, какъ образователѣ міра и учредителѣ міровыхъ порядковъ, философы устремились еще выше, стараясь обнять мыслію самую природу божественной сущности, какъ она отражается въ идеѣ высшаго совершенства, и пришли къ понятіямъ самымъ разнообразнымъ и противорѣчающимъ. Безусловное совершенство, мыслили они, требуетъ, чтобы изъ идеи о божествѣ удалить всякую мысль о смѣшеніи, случайности и множественности; но, въ такомъ случаѣ, какъ согласить съ идеею божественнаго совершенства

шеніе вѣществу, который несправедливо приговоренъ къ смерти, говорить: *ὄχις ὁ θεός*. Еп. 2. с. IX. с. 9.

(22) Gibbon Histoire de la décadence de l'Empire Romaine. T. IV.

мысль о твореніи міра, съ которою неразлучно представленіе о небытіи и, слѣдовательно, несовершенствѣ? Равнымъ образомъ какъ примирить понятіе о простотѣ и единствѣ божества съ мыслию о множественности и разнообразіи явленій, подлежащихъ дѣйствію творенія и промышленія? Уже Платонъ къ инымъ понятіямъ о божествѣ пришелъ на основаніи метафизическихъ изысканій, и къ инымъ — на основаніи діалектическихъ выводовъ (22). Но онъ умѣлъ остановиться во-время, не простирая далеко своихъ діалектическихъ построеній (*ἀνάγκη τῆσαι*); между тѣмъ послѣдующіе мыслители пошли дальше и пришли къ самымъ страннымъ выводамъ: они то представляли божество неподвижно-спокойнымъ, живущимъ гдѣ-то за небесными сферами въ праздномъ созерцаніи своихъ совершенствъ (Аристотель и его школа), то сливая его съ міромъ, представляя разлитую въ природѣ жизнию (стойки) (23). Въ первомъ случаѣ, совершенно отрицали Промыслъ, во второмъ — уничтожали божественную личность, такъ что наконецъ въ мірѣ Греко-Римскомъ сомнѣніе въ личномъ бытіи Божества, какъ творца и промышлителя вселенной, дѣлалось почти всеобщимъ (24). Разумный инстинктъ требовалъ Божества (25), но умъ путался въ противорѣчіяхъ, отвѣчая на это требованіе природы. Ты знаешь, писалъ Цицеронъ къ Бруту, что между другими темными вопросами, которыхъ не прояснила философія, вопросъ о природѣ боговъ, важнѣйшій

(22) Первая раскрыты въ Платоновомъ Тимей, послѣднія — въ Парменидѣ.

(23) Выраженіе Сенеки: *Est Deus in nobis* — къ несчастію, включаетъ вовсе не такую мысль, какую иногда съ нимъ соединяють: его надобно понимать и толковать буквально.

(24) *Ovid. Fast. v. Plin. Hist. natur. I. 1.*

(25) *Ille Deus qui sit, da nobis Tyture. (Virg.)*

для нашего познанія и необходимѣйшей для упорядоченія жизни, остается едва-ли не самымъ темнымъ. Есть боги или ихъ нѣтъ? ежели есть, то какова ихъ природа, гдѣ ихъ жилище и какова ихъ жизнь? міръ есть ли ихъ твореніе или произошедь по случаю? Обо всѣхъ этихъ вопросахъ столько различныхъ мнѣній, что, право, не знаешь, заслуживаетъ ли философія имени знанія, и такъ ли нелѣпо сомнѣніе академиковъ о сихъ предметахъ, какъ воображаютъ (26)? Уже Платонъ понималъ недостаточность своего ученія о Богѣ и говорилъ, что трудно познать Бога, что совершенное познаніе о немъ возможно въ такомъ только случаѣ, если бы самъ Богъ открылъ себя людямъ (27).

Въ ученіи о назначеніи человѣка лучшіе мыслители Греціи возвысились до сознанія духовныхъ цѣлей; но когда думали о приложеніи ихъ къ жизни и старались указать сообразныя съ цѣлями средства къ ихъ достиженію, то увидѣли, что все это выше силъ человѣческихъ. Исходъ такого убѣжденія былъ самый печальный. Оставалось располагать тѣмъ, что во власти человѣка, и не думать о недостижимомъ совершенствѣ. А что во власти человѣка? Въ жизни его постоянная борьба двухъ началъ — чувственнаго и разумнаго: порядокъ и счастье жизни возможны только съ побѣдою одного надъ другимъ; но на какую сторону склониться? Послѣдователи Эпикура рѣшили вопросъ въ пользу чувственной стороны. Сама природа, говорили они, внушаетъ намъ желать того, что пріятно, и отвращаться того, что непріятно (28): такъ

(26) Cicero de natur. deor. lib. 1, c. 1.

(27) Alcib. II. 150. 151. (Plat.)

(28)... idque facere (omne animal) nondum depravatum, ipsa natura incorrupte atque integre judicante. Cic. de Finib. 1, c. 9. стч. *Diog. Laert.* x. 129.

возникла эта философія — печальное явленіе въ исторіи мысли человѣческой. Напрасно хотятъ нѣкоторые оправдать Эпикура и говорятъ, будто онъ имѣлъ вовсе не такое грубое понятіе о нравственномъ началѣ жизни (29)! Правда, онъ самъ иначе, нежели послѣдующіе эпикурейцы, объяснялъ смыслъ, какой соединялъ съ своимъ выраженіемъ: чувство (*αἰσθησις*), принимаемое имъ за мѣру нравственной жизни и счастья; но, во всякомъ случаѣ, здѣсь игра словъ, которая окончилась очень дурно. Стоики впади въ иную крайность. Поставивши сознание долга высшимъ закономъ нравственной жизни, они и мѣрою добродѣтели, а слѣдовательно и счастья — должны были назвать сообразность жизни съ предписаніями ума: открытый путь къ гордости и эгоизму, тѣмъ болѣе, что, по ученію стоиковъ, добродѣтель сама для себя служить цѣлю и наградой. Чувственную сторону принесли совершенно въ жертву уму, и, по выраженію Цицерона, въ своихъ разсужденіяхъ о добродѣтели и высшемъ благѣ умствовали такъ, какъ будто человѣкъ есть безтѣлесное существо (30). Прекрасныя правила стоической нравственности всѣмъ извѣстны; всѣ отдавали имъ справедливость, но не видѣли средствъ выполнить ихъ: *homo sum!*

Наконецъ, чѣмъ хотѣли успокоить чувство, возмущаемое нестроеніями въ мірѣ физическомъ и нравственномъ? Если у лучшихъ мыслителей истина безсмертія была только личною вѣрою, а не истинною философскою, и опиралась на ихъ понятіяхъ о божествѣ недовольно ясныхъ и опредѣленныхъ: то у другихъ, съ измѣненіемъ этихъ понятій, не оставалось никакихъ основаній для на-

(29) *Cicero de finibus* I. c. 11.

(30) *Cicero de finibus* IV. *Stoici ratiocinantur quasi nullum homini sit corpus.*

дежды на лучшую жизнь. Аристотель, ученикъ Платона, имѣвшій деистическія понятія о божествѣ, весьма не твердъ въ ученіи о личномъ безсмертіи души, которую онъ почиталъ только формою существованія тѣла. По его представленію, безсмертенъ умъ человѣческой, какъ искра ума божественнаго; но сохранить ли онъ свою личность по прекращеніи чувственно-тѣлесной жизни — это осталось вопросомъ, на который, болѣе чѣмъ съ вѣроятностію, можно отвѣчать отрицательно. Школа стоическая утвердила господство судьбы (*Fatum*), какъ высшаго закона надъ всѣмъ живущимъ; но тяжкій подвигъ стоической добродѣтели, холодной и безжизненной, приводилъ къ желанію смерти, безъ надежды безсмертія. Страданія составляютъ нормальное состояніе человѣка; лучшее средство освободиться отъ нихъ — смерть. Къ такому же безнадежному состоянію привела и школа эпикурейская, хотя другимъ путемъ. Божество, по ученію этой школы, спокойное и самодовольное, не входитъ въ людскія дѣла и теченіе природы, смотря безъ гнѣва и увлеченія (*sine ira et studio*) на міры, которые вращаются вокругъ него, безразличное по отношенію къ явленіямъ природы и жизни разумныхъ существъ. Судьба человѣка зависитъ отъ него самого; цѣль его жизни находится въ предѣлахъ его пребыванія на землѣ, а по смерти человѣка все разрѣшается на свои начала (31). Какъ мало успокоительнаго для чувства въ такой философіи! Съ какою горестію говорилъ поэтъ того времени: «когда мы сойдемъ туда, гдѣ доблестный Эней, Туллъ угодный богамъ и Анкъ, то сдѣлаемся прахомъ и тѣнью. Что знатный родъ, богатство

(31) *Diū mansuros ajunt animos, semper—negant. Cicero Quæst. Tuscul. l. 1*

и доблестъ? Не возстать ужъ тебѣ, Торкватъ, послѣ того, какъ смерть сразитъ тебя и зловѣщій Миносъ произнесетъ надъ тобою свой приговоръ» (32).

И такъ философія имѣла самый печальный исходъ въ древнемъ мірѣ. Разрушивши вѣрованія древняго многобожія (политеизма), она не создала на его развалинахъ ничего постояннаго и прочнаго. Усилія ея возвыситься до чистыхъ идей о Богѣ и отношеніи его къ міру, о нравственномъ достоинствѣ и назначеніи человѣка, показали только все ея безсиліе разрѣшить эти вопросы. Тѣмъ не менѣе заслуги философіи неоспоримы. Она пробудила мысль, дремавшую подъ обаяніемъ поэтического символизма языческой религіи, и открыла всю его пустоту; вызвала духовныя погребности и стремленія человѣка, которыя были подавлены чувственностію; привела его къ сознанію нравственныхъ цѣлей жизни и исканію средствъ къ достиженію ихъ; возвѣстила надежду безсмертія и лучшей жизни, не по гаданіямъ вароидной вѣры, но на основаніи разумныхъ понятій о благомъ Творцѣ и мудромъ Промыслителѣ міра и нравственныхъ цѣляхъ человѣческой жизни.

Не смотря на недостаточность выводовъ, до какихъ дошла философія въ разрѣшеніи этихъ вопросовъ, ея изслѣдованія представили столько возвышенныхъ понятій и нравственныхъ правилъ жизни, что заслуживаютъ полнаго

(32)

Nos ubi decidimus,
 Quo pius Aeneas, quo divus Tullus et Ancus
 pulvis et umbra sumus.
 Quum semel occideris et splendida Minos
 fecerit arbitria,
 Non, Torquate, genus, non te facundia, non te
 restituet pietas. *Horat. l. 1. od. VI.*

уваженія. Мысль о единомъ Богѣ, мудромъ и благомъ. Образователѣ и Промыслителѣ міра, который все приближаетъ къ себѣ, не смотря на то, что философія не могла ни постигнуть, ни изобразить Его, сама по себѣ богата самыми счастливыми нравственными приложеніями. Равнымъ образомъ сознаніе высшихъ цѣлей жизни, нежели наслажденіе чувственными удовольствіями, пробужденное стремленіе къ нравственному благу, — хотя философія ошибочно опредѣлила его сущность и не указала средствъ привратить враждующія въ человѣкѣ начала чувственное и разумное, — облагородили жизнь человѣка, сколько это было возможно для человѣческаго ума и нравственныхъ силъ, не вспомошествоваемыхъ благодатію. Новое для изыческаго міра понятіе о здѣшней жизни, какъ приготовленіи къ жизни лучшей и совершеннѣйшей, должно было отраднѣе подѣйствовать на чувство, указавши несчастіямъ конецъ, добродѣтели и подвигамъ — награду, мудрости — надежду высшаго совершенства, хотя и въ этомъ пунктѣ философія не была ни строго послѣдовательна, ни отчетлива къ своимъ выводахъ.

Такая незаконченность философскихъ изслѣдованій, послѣ необыкновенныхъ усилій ума разрѣшить важнѣйшіе вопросы жизни, по естественному порядку вещей, привела однихъ къ сомнѣнію во всемъ и безнадежности, но другихъ — къ желанію и ожиданію высшей помощи. Это-то желаніе воздвигло алтари невѣдомому Богу, и этого невѣдомаго Бога возвѣстило христіанство. Оно явилось, какъ божественное Откровеніе, именно въ такое время, когда въ немъ была всеобщая потребность, когда только отъ Бога оставалось надѣяться и ожидать помощи для ума, подавляемаго сомнѣніемъ, для воли, лишившейся почти

всякой опоры въ дѣйствіяхъ, и для чувства, предоставленнаго самому себѣ неопредѣленными ученіями философовъ. Съ другой стороны, оно явилось именно съ тѣми высокими понятіями и нравственными правилами, о которыхъ только гадала философія, не будучи въ состояніи возвыситься до нихъ. Оно провозвѣстило Бога творцемъ міра въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова; преподало возвышенныя начала нравственности и указало цѣль жизни въ соединеніи со Всеблагимъ и Премудрымъ Богомъ, безъ потери личности со стороны человѣка.

4. Чего не доставало новому ученію? что еще могло колебать тревожную мысль, когда свѣтлый образъ небесной истины явился ей во всей чистотѣ; когда новая заповѣдь, столько близкая человѣку, что казалась изъ его души взятою, утверждена была вышнимъ освященіемъ, и когда иракъ, покрывавшій судьбу человѣчества, разсѣянъ чудными свѣтомъ? Гдѣ ключъ къ разрѣшенію этихъ великихъ явленій, которыми сопровождалось зарожденіе новой мысли, и которыя повторялись подъ разными формами въ послѣдующіе вѣка, — послѣ того, какъ эта мысль слилась уже съ самою жизнію просвѣщеннѣйшей части человѣческаго рода, проникла въ ихъ нравы, совѣсти и умы и когда число великихъ дарованій, посвятившихъ свои силы на защиту ея, несравненно превышало число ея противниковъ? Какъ объяснить это странное явленіе, что христіанство на всемъ своемъ историческомъ пути оставалось непризнаннымъ отъ не малаго числа умовъ, не вовсе посредственныхъ, и встрѣчало множество нападеній, хотя всегда отражало ихъ съ торжествомъ? Обратимся къ исторіи, къ фактамъ.

Во время появленія и распространенія христіанства,

міръ Греко-Римскій, представитель вселенной, являлъ двѣ стороны: на востокъ — высшую степень образованности, на западъ — высшую степень матеріальной силы, при сравнительно низшей степени духовнаго образованія. Недостатокъ внутренней производительности мысли на западѣ увлекъ Римлянъ къ подражанію Цицеронъ и Сенека повторяли ученія славныхъ мужей Греціи, не принося въ нихъ ничего, кромѣ новой формы, новой внѣшней оболочки. Посему, когда явилось христіанство и проповѣдники вѣчнаго слова огласили весь міръ новымъ ученіемъ, то новыя явленія открылись на западѣ и новыя на востокѣ. Между тѣмъ какъ кесари, слѣпныя орудія язычества, противопоставили христіанству матеріальную силу и истребляли христіанъ всѣми способами, востокъ противопоставилъ ему духовную силу мысли, выразившуюся въ философіи. Но это не была философія Платона, Аристотеля или какого-нибудь другаго славнаго мужа древности: мысль, возбужденная христіанствомъ, устремилась въ область безпредѣльнаго, отвергла сухой классицизмъ Аристотеля, мертвую мораль стоицизма, безотрадныя взгляды скептицизма, и соединивъ все, что только соответствовало ея новому направленію въ ученіяхъ Пифагора, Платона и восточной философіи, явилась въ формѣ мистицизма. Христіанское юношество, посѣщавшее школы Александрійцевъ, ознакомилось съ движеніемъ идей и направленіемъ язычествующей мысли и противопоставило ложному ея блеску силу внутренняго убѣжденія въ истинѣ божественнаго ученія. По самому порядку вещей, образовались два направленія. Язычество истощается въ усилияхъ вывести новое ученіе, возвышенное христіанствомъ, изъ началъ своей высренней философіи. Неоплатониче-

скій гносисъ вбираетъ, такъ сказать, въ себя все теоретическое содержаніе христіанства и построетъ въ систему по своимъ началамъ: это было началомъ волненій въ христіанской церкви, продолжавшихся нѣсколько вѣловъ. Но, съ другой стороны, въ противодѣйствіе этому направленію, послѣдователи божественнаго Слова прилагаютъ начала философія къ защищенію христіанства и ученому его подтвержденію. Натискъ враждебной силы открылъ міру великихъ защитниковъ христіанства, которыхъ имена останутся незабвенными въ христіанскомъ мірѣ, и которыхъ исповѣданіе навсегда пребудетъ приближъ камнемъ христіанской истины. Волненіе умовъ вызвало безпокойныя взгляды на западѣ. Въ области кесарей, незнакомой съ увлеченіемъ и порывами тревожной мысли, начали заподозривать самую философію, и нѣкоторые писатели, простерши ревность далѣе предѣловъ, которые указывало благоразуміе, стали укорять ее, какъ изобрѣтеніе духа тьмы. Славный мужъ христіанскаго востока отвѣчаетъ на несправедливыя укоры: «Если повѣрить этимъ малодушнымъ людямъ, то философія явилась въ мірѣ только за тѣмъ, чтобы разрушить его. Они говорятъ, будто философія есть произведеніе злаго духа, духа лжи и мрака. Что касается до меня, то я далекъ отъ того, чтобы раздѣлять этотъ предразсудокъ, и какъ бы дурно ни говорили о философіи, я не перестану утверждать, что она явилась въ видахъ божественнаго Провидѣнія. Не считаю бесполезнымъ и потерю времени — показать ея подлинное значеніе: потому что нужно прежде узнать ее, а потомъ уже осуждать и отвергать. Что касается до упрека, будто она ввела ложныя и опасныя ученія, то я, напротивъ, такого мнѣнія, что она была отображеніемъ истины, слѣ-

довательно бла.одѣяніемъ неба; вмѣсто того, чтобы отвращать насъ отъ вѣры ложнымъ свѣтомъ, она послужила вѣрѣ; при ея-то помощи, посредствомъ изслѣдованія, мы выработали самыя убѣдительныя доказательства въ пользу христіанской жизни. Впрочемъ то, что мы защищаемъ, есть не собственно философія, но знаніе. Это не ложная мудрость софистовъ, но истинная философія, занятіе и упражненіе въ которой одобряется столько же правилами древнихъ философовъ, какъ в изреченіяхъ самыхъ нашихъ священныя книгъ. До пришествія Іисуса Христа, философія необходима была Грекамъ, чтобы открыть имъ первое правило справедливости; теперь она полезна и христіанину, чтобы возбудить его къ богопочтенію и благочестію, чтобы дать вѣрѣ очевидность посредствомъ доказательствъ. Истина одна: она никогда не переставала разливаться во вселенной, какъ большой потокъ, изъ котораго истекають многочисленныя ручьи, направляясь въ своемъ теченіи въ разныя стороны. Мы называемъ философіею, въ ея прямомъ и простомъ смыслѣ, изслѣдованіе истины в природу вещей. Ее составляетъ не та или другая философская школа, но совокупность началъ, обязательныхъ для каждой изъ нихъ, чтобы руководить людей къ справедливости и благочестію» (33). Неравная борьба продолжалась съ удвоенною силою; дряхлѣющее язычество собрало послѣднія силы и наконецъ упало, чтобы не возстать болѣе.

Съ продолженіемъ времени на развалинахъ древняго міра образовались новыя царства. Новыя племена, незнакомыя съ классическою древностію и не увлеченныя ея

(33) *Clem. Alex. Strom. lib. 1, p. 278. 282. 288. Sylbary. Colonien 1688 an.*

памятниками, выступили съ свѣжими силами на чреду исторической жизни. Подъ вліяніемъ христіанства, образовалась новая гражданственность, новыя воззрѣнія, потребности, стремленія. Древняя философія не сошла еще съ своего поприща, но уже потеряла силу, какую имѣла нѣсколько вѣковъ назадъ. Сближеніе ея съ христіанствомъ выразилось въ новой формѣ. Примѣненіе метода и формъ философіи къ христіанскому ученію и построеніе послѣдняго по всѣмъ правиламъ системы найдено самымъ естественномъ способомъ ихъ соглашенія. Христіанство провозглашено всеобъемлющею и всеобъясняющею наукою, примѣнимою ко всѣмъ сторонамъ знанія и жизни и заключающею послѣдніе и рѣшительныя приговоры даже въ такихъ областяхъ вѣдѣній, которыя не имѣютъ прямого отношенія къ вѣрѣ. Крайность простерлась до того, что изъ христіанскаго ученія старались извлечь самое содержаніе всѣхъ наукъ и рѣшеніе вопросовъ какой угодно естественной науки, на основаніи изученія явленій природы, помимо священныя книгъ, считали преступленіемъ противъ церкви. Не трудно разсудить, что при такомъ порядкѣ вещей ни та, ни другая сторона не могли сдѣлать многого другъ для друга.

На дальнѣйшій ходъ философіи имѣло вліяніе еще новое обстоятельство, отъ котораго завистѣла и новая форма отношеній ея къ христіанству. Развившееся на западѣ искусственное начало церковнаго единоначалія и въ своемъ продолженіи принявшее видъ мірскаго преобладанія въ церкви подавляло собою свободу личности. Одна крайность, какъ всегда бываетъ, вызвала за собой другую. Философія, тяготившаяся стѣснительными для нея око-
вами авторитета, сначала отдѣлила область своихъ изы-

сканій отъ области религіозной и дошла до того, что начала утверждать истинность философскихъ изысканій независимо отъ истины откровенной: а потомъ, хотя и приблизилась къ Откровенію, однакожь постановила истины разума послѣднимъ положительнымъ признакомъ откровенной истины. Въ области вѣроученія и церковнаго чиновачалія это направленіе къ независимости выразилось въ формѣ религіознаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ протестантства. Личный разумъ заступилъ мѣсто церковнаго авторитета и раздробилъ протестантское исповѣданіе на множество сектъ; богословская наука, в по преимуществу толкованіе св. писанія, заняло мѣсто церкви въ томъ отношеніи, что составило единственную связь для разнородныхъ личностей, соединившихся въ протестантизмъ, подобно тому, какъ церковь своимъ авторитетомъ соединяетъ вѣрующихъ въ одно христіанское общество. Легко согласиться съ Шеллингомъ въ томъ, что христіанское исповѣданіе съ такимъ основаніемъ должно привести къ девизу или, что сдно и то же, къ отрицанію христіанства. Наука не можетъ служить основаніемъ церкви. Въ основаніе ея полагается вѣра. Знаменитый мыслитель, имя котораго мы назвали и который совершилъ уже земное поприще, весьма ясно выражаетъ существенную и настоящую потребность протестантства въ высшемъ авторитетѣ, который бы укрѣплялъ, развивалъ личную вѣру. Это есть потребность церкви, тѣмъ болѣе ошутимая, что ее не могутъ замѣнить ни личный разумъ, ни личный опытъ. «Если требуютъ, говорить Шеллингъ, отъ тѣхъ, которые называются христіанскими учителями, чтобы они настоящимъ образомъ, по убѣжденію, проповѣдывали христіанство, то они отвѣтятъ: мы не можемъ; если возражать: вы

должны, они скажутъ: дайте намъ возможность. Они требуютъ этой возможности отъ церкви».

Такъ философская мысль, отдѣлявшаяся отъ христіанства и часто ему прекословившая, склоняется подъ его руководство, призывая высшій авторитетъ его не только какъ ученія, но и какъ церкви — хравительницы и истолковательницы божественнаго Откровенія. Такъ сама исторія открываетъ твердую почву для опредѣленія подлиннаго отношенія философіи къ христіанству и того значенія, какое она должна имѣть въ христіанскомъ мірѣ.

Прошло время, когда философіи принадлежала честь, впрочемъ заслуженная и оправданная ею — руководствовать мыслию и жизнью человѣка. Въ христіанскомъ мірѣ значеніе ея превращается изъ господственнаго въ подчиненное и служебное божественному Откровенію. Исторія показала, что между ними невозможно соглашеніе, при которомъ бы философія имѣла первенство предъ Откровеніемъ, но и не возможно раздѣленіе, при которомъ бы философія сохранила свое достоинство. Заблужденій безчисленное множество, но истина одна — и эта истина заключается въ божественномъ Откровеніи. Великій учитель языковъ, въ отвращеніе всякаго возможнаго раздѣленія между ними, пишетъ: *Блюдитесь, да никтоже васъ будетъ прельщая философією и тщетною лестію, по преданію чловѣческому, по стигіямъ міра, а не по Христу. Аще ли кто инако учитъ и не приступаетъ къ здоровымъ словесемъ Господа нашего Исуса Христа и ученію, еже по благовѣрїю, разордѣся ничтоже вѣдый, но недугуя о стязанїяхъ и словопренїяхъ лжеименнаго разума* (Кол. 2, 8; Тим. 6, 4).

Посему философія тогда только будетъ вѣрна своему назначенію, когда поставитъ для себя послѣднюю цѣль —

служить христіанской религіи, и въ этихъ видахъ: 1) главнѣйшіе вопросы, составляющіе ея прямое содержаніе, будетъ стараться разрѣшать такимъ образомъ, чтобы истинную христіанскаго ученія приблизить къ способамъ и образу естественнаго разумѣнія людей и перевести въ ихъ убѣжденіе. Всѣ эти вопросы о Богѣ, о мірѣ, о человѣкѣ, о божественномъ міроуправленіи, о судьбѣ и назначеніи человѣка, о безсмертіи души и будущей жизни, разрѣшенны уже въ божественномъ Откровеніи съ возможною ясностію. Задача философіи состоитъ въ томъ, чтобы, въ полномъ подчиненіи авторитету церкви, прояснить ихъ основанія и содержаніе, подтвердить ихъ для нашего познанія и чувства наблюденіемъ надъ человѣческою природою: показать, что онѣ не только согласны съ разумомъ и утверждаются всѣми тѣми же приемами, какъ и прочія его истины, но при томъ составляютъ потребность души, сообщаютъ достовѣрность и законченность нашимъ познаніямъ и служатъ основаніемъ для нравственнаго порядка, такъ что безъ нихъ человѣческая жизнь превратилась бы въ игру случая и личныхъ желаній, не управляемыхъ и не ограждаемыхъ никакимъ высшимъ закономъ. 2) Философія, по справедливому всеобщему признанію, есть мать всѣхъ наукъ. Она даетъ имъ основанія; она же проясняетъ идею и опредѣляетъ направленіе каждой науки. Посему, какъ сама по себѣ въ рѣшеніи своихъ собственныхъ вопросовъ она должна служить божественной религіи: такъ должна исполнять то же назначеніе и какъ заправительница другихъ наукъ.

Боссюэтъ, философъ и историкъ, ораторъ и богословъ, показалъ прекрасный примѣръ, какъ надобно писать исторію въ христіанскомъ мірѣ. Въ разнообразіи явленій, въ

судьбахъ народовъ, въ ихъ величіи и упадкѣ, въ судьбахъ сильныхъ земли, въ самыхъ ошибкахъ и злодѣяніяхъ людскихъ, во всемъ, гдѣ недалекій умъ видитъ безсвязную послѣдовательность случайныхъ событій и происшествій, взоръ мыслящаго человѣка усматриваетъ путь, которымъ Высшій правитель судебъ ведетъ народы и человѣчество къ предназначенной для нихъ цѣли. Это воззрѣніе существуетъ для всѣхъ наукъ. Вездѣ частныя явленія подводятся подъ общіе законы; среди непостояннаго и измѣняющагося всегда можно усмотрѣть нѣчто постоянное и неизмѣняющееся; въ разнообразіи формъ всегда можно примѣтить одну общую мысль, идею, законъ, которые онѣ выражаютъ, и цѣль, къ которой онѣ направлены. Эта сторона всѣхъ наукъ, которую называютъ *философскою*, находится въ самомъ прямомъ и непосредственномъ отношеніи съ собственною философіею. Она раздѣляетъ ея направленіе, носитъ ея характеръ и подчиняется всѣмъ ея превращеніямъ. И если философія проникнута христіанскимъ духомъ, то имъ проникнутся и всѣ прочія науки.

И. ЧИСТОВИЧЪ,

экстраординарный профессоръ С. Петерб. духовной академіи.

РАЗБОРЪ ФАБРИКАЦІИ ЛАКОВЪ И ПРОЦЕССА ВЫСЫХАНІЯ МАСЛЪ,

НАПИСАННЫЙ МАГИСТРОМЪ ХИМІИ

И. СКОБЛИКОВИЧЪ

ЗА СТУПЕНЬ МАГИСТРА ТЕХНОЛОГІИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Успѣхи химіи, физики и механики произвели въ наше время переворотъ, которому вѣтъ примѣра въ исторіи: эти науки, сдѣлавшись двигателями промышленности и международнаго сношенія, создали новыя — *техническія науки*. Эти послѣднія, опираясь на законы упомянутыхъ наукъ, преслѣдуютъ тѣ явленія, съ которыми встрѣчается человекъ на пути разной промышленной дѣятельности, и даютъ ей разумное направленіе, т. е. объясняютъ цѣль и значеніе каждой операціи, исполняемой тѣмъ или другимъ мастеромъ, примѣняютъ новыя открытія и прежнія знанія къ матеріальнымъ выгодамъ общества, сближаютъ, однимъ словомъ, теорію съ практикою, изъ коихъ каждая ищетъ по

возможности наилучшихъ результатовъ. Разборъ того или другаго производства долженъ имѣть тотъ же характеръ. Поэтому въ сочиненіи о лакахъ слѣдуетъ изложить цѣль и значеніе покрытія лаками деревянныхъ, металлическихъ, кожевенныхъ, войлочныхъ и другихъ издѣлій, истолковать способы приготовленія лаковъ, и вывести правила для рациональнаго употребленія ихъ.

Дерево, какъ извѣстно, способно гнить, что зависитъ отъ присутствія въ немъ такъ-называемыхъ азотистыхъ веществъ, которыя не только сами весьма легко измѣняются въ сыромъ воздухѣ, но и заражаютъ, такъ сказать, основу дерева или клѣтчатку, которая сама по себѣ составляетъ вещество весьма прочное. Слѣдовательно, дерево будетъ сохранено, если покрыть его лакомъ, т. е. веществомъ непроницаемымъ для воды и газовъ. И такъ цѣль лакированія дерева состоитъ между прочимъ въ сохраненіи его отъ гніенія.

Чугунныя, стальныя, желѣзныя, мѣдныя, латуныя и другія металлическія издѣлія окисляются въ сыромъ воздухѣ, а потому обстоятельства разрушенія ихъ будутъ устранены, если покрыть такія вещи лакомъ.

Войлочные и бумажныя издѣлія, будучи покрыты лаками и дѣлаясь оттого непромокаемыми, съ удобствомъ замѣняютъ во многихъ случаяхъ металлъ, дерево, фарфоръ и стекло.

Кожа, какимъ бы способомъ ни была выдѣлана, промокаетъ съ большею или меньшею скоростью; но, будучи покрыта лакомъ, вовсе не проникается водою.

Изъ этого краткаго очерка каждый можетъ понять, въ чемъ между прочимъ состоитъ цѣль и значеніе лаковъ при

покрытіи ими деревянныхъ, металлическихъ, войлочныхъ бумажныхъ и кожевенныхъ издѣлій.

Успѣхъ той или другой отрасли мануфактурной промышленности зависитъ отъ знанія свойствъ матеріи вообще. Поэтому фабрикантъ лаковъ нуждается въ основательномъ знаніи свойствъ тѣхъ матеріаловъ, съ которыми ему случается имѣть дѣло. На этотъ конецъ въ сочиненіи о лакахъ должны быть изложены свойства смолъ, высыхающихъ маселъ и другихъ веществъ, входящихъ въ составъ лаковъ. Матеріалы, служащіе для приготовления ихъ, не всегда могутъ быть употреблены въ дѣло въ томъ видѣ, въ какомъ встрѣчаются въ торговлѣ. Иногда необходимо подвергать ихъ механической или химической подготовкѣ. Все это дѣлаетъ вопросъ о фабричномъ приготовленіи лаковъ вовсе не такъ простымъ и легкимъ, какъ кажется съ перваго раза.

Русская литература еще бѣдна дѣльными сочиненіями, приименными къ потребностямъ промышленности вообще, а о фабрикаціи лаковъ ихъ вовсе нѣтъ. Это побудило меня написать предлагаемый трактатъ, въ который я включалъ составъ пяти метиловыхъ лаковъ, самымъ мною испытанныхъ. Что касается до фактовъ и вытекающихъ изъ нихъ слѣдствій, которые составляютъ самое содержаніе моего разбора, то, разумѣется, они — трудъ въковъ; только выборъ фактовъ, способъ изложенія ихъ и критика принадлежатъ мнѣ. Въ разборѣ, которому эта статья служить предисловіемъ, читатель увидитъ, что объясненіе, критика и выборъ фактовъ обработаны самостоятельно, и что нѣкоторые факты относительно высыханія маселъ вообще и льняной олифы въ особенности замѣчены и прослѣжены мною. При этомъ считаю нужнымъ прибавить слѣдую-

щее: когда моя диссертация была уже рассмотрѣна членами физико-математическаго факультета и сдана для напечатанія, я получилъ мемуаръ Шеврёля, въ которомъ изложены изслѣдованія надъ масляными красками. Сходство и разница нѣкоторыхъ выводовъ Шеврёля съ моими, достигнутыхъ впрочемъ разнымъ путемъ, указаны въ приличныхъ мѣстахъ этого трактата.

Нѣтъ сомнѣнїя, что нѣкоторыя изъ моихъ положенїй возбуждаютъ возраженїя, а практика приметъ не всѣ мои выводы. Но всякая наука, а тѣмъ болѣе наука техническая, какова технологїя, предметъ живой; ея положенїя возникаютъ, развиваются, совершенствуются, мѣняются одни другими, слѣдовательно споры и возраженїя неизбежны. Во всякомъ случаѣ, я могу сказать, что факты, на которыхъ основаны мои выводы, хорошо изслѣдованы, и что выводы эти будутъ не бесполезны для той промышленности, къ которой относятся по существу дѣла. Наконецъ я считаю нужнымъ упомянуть здѣсь, что при разборѣ того или другаго производства слѣдуетъ имѣть въ виду не специалистовъ только, но и тѣхъ образованныхъ сподвижниковъ заводско-фабричной дѣятельности, которые хотятъ пользоваться наставленїями науки. Къ сближенїю наукъ съ практикою нужно стремиться тѣмъ охотнѣе, что не одна только практика отъ того выигрываетъ, но и сами науки: она открываетъ имъ новые предметы для изслѣдованїя или новыя стороны въ предметахъ давно извѣстныхъ. Руководимый такими убѣжденїями, я стараюсь придать этому разбору характеръ по возможности примѣнимый къ самому дѣлу.

РАЗБОРЪ ФАБРИКАЦІИ РАЗНАГО РОДА ЛАКОВЪ.

Общее понятіе о лакахъ.

Подъ именемъ лаковъ должно разумѣть вообще жидкости, которыя, будучи наведены на поверхность, скоро оставляютъ на ней твердый, гладкій, блестящій, безцвѣтный или окрашенный слой смолистаго вещества, защищающій ее отъ дѣйствія воздуха и влажности.

Въ практикѣ только *высыхающія* масла и скипидаръ могутъ быть, безъ прибавленія другаго вещества, употребляемы какъ лаки: потому что превращаются, при участіи кислорода воздуха, въ твердую смолистую массу. Другаго рода лаки существенно отличаются отъ этихъ тѣмъ, что представляютъ растворы смолъ или въ летучихъ жидкостяхъ, или въ жидкостяхъ нелетучихъ, но выѣющихъ свойство не только растворять смолы или смѣшиваться съ ними, но и превращаться болѣе или менѣе быстро въ твердыя вещества. Къ жидкостямъ перваго рода принадлежатъ винный и древесный спиртъ, скипидаръ и т. п. Высыхающія масла представляютъ жидкости втораго рода.

Всѣ лаки должны обладать слѣдующими свойствами:
1) физическою неизмѣняемостью на воздухѣ, т. е. сохра-

невіемъ своего цвѣта и блеска въ теченіе продолжительнаго времени; 2) нерастворимостью въ водѣ; 3) она не должны оказывать дѣйствія на покрываемыя ими краски, и 4) не должны отставать и лущиться при высыханіи.

ОБЩЕЕ ЗАМѢЧАНІЕ О МАТЕРІАЛАХЪ ДЛЯ ЛАКОВЪ.

Хотя смолы, употребляемыя на приготовленіе лаковъ, во многомъ между собою сходны, но каждая изъ нихъ имѣетъ однако свою особенность, которая нерѣдко измѣняетъ общіе приемы приготовленія лаковъ. Смолы могутъ идти въ дѣло иногда прямо въ томъ видѣ, какъ встрѣчаются въ торговлѣ, а иногда требуютъ особой подготовки. Растворяющія ихъ жидкости тоже должны быть опредѣленнаго свойства. А потому въ трактатѣ о фабрикаціи лаковъ нельзя ограничиться перечнемъ матеріаловъ, которые идутъ на приготовленіе ихъ, но слѣдуетъ каждый матеріалъ рассмотреть отдѣльно, разумѣется, въ такомъ объемѣ, какой нуженъ для сущности дѣла.

СМОЛЫ, УПОТРЕБЛЯЕМЫЯ НА ПРИГОТОВЛЕНІЕ ЛАКОВЪ.

Смолы встрѣчаются главнымъ образомъ въ растеніяхъ. Иногда смола вытекаетъ изъ коры деревьевъ вмѣстѣ съ жирными маслами, а иногда заключается въ самомъ стволѣ дерева. Смолы попадаютъ и въ ископаемомъ царствѣ, какъ продуктъ разложенія растительности. Независимо отъ способа добыванія, смолы рѣдко бываютъ безцвѣтны, но окрашены чаще всего въ желтый и бурый цвѣтъ, а иногда въ зеленовато-голубой. Онѣ почти всегда прозрачны и тяжелѣе воды, въ которой не растворимы.

Отъ нагрѣванія смолы плавятся болѣе или менѣе легко и почти всегда съ отдѣленіемъ запаха, который происходитъ вслѣдствіе улетучиванія изъ смолы душистаго масла. Тотъ же запахъ распространяется при нагрѣваніи смоль съ водою, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ расплавляются, а другія только размягчаются. Смолы довольно легко воспламенимы. Въ естественномъ состояніи всякая смола состоитъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ смолистыхъ веществъ, различныхъ между собою. Отличительнымъ свойствомъ смоль считается растворимость ихъ въ спиртѣ; но признакъ этотъ нельзя признать безусловно общимъ для всѣхъ смоль. Такъ, многія изъ нихъ растворимы въ спиртѣ даже при обыкновенной температурѣ, иныя только при кипѣніи его, другія наконецъ, какъ напримѣръ копаль, растворяются въ спиртѣ только отчасти, и при обыкновенной температурѣ, и при нагрѣваніи. Многія смолы растворимы также въ эфирѣ, въ жирныхъ и летучихъ маслахъ, въ растворѣ вѣдкихъ и углекислыхъ щелочей. При смѣшеніи того или другаго смолянаго раствора съ избыткомъ воды, смола осаждается въ твердомъ состояніи.

Къ употребительнѣйшимъ смоламъ принадлежатъ: копаль, савдаракъ, мастика, шеллакъ, курбариль, элема, ладанъ, драконова кровь, янтарь, асфальтъ, терпентинъ и канифоль.

Изложимъ здѣсь частныя свойства употребительнѣйшихъ смоль, чтобы впоследствии, когда будемъ говорить о способахъ фабрикаціи лаковъ изъ данныхъ смоль, избѣжать повторенія причинъ, по которымъ приготовленіе лака идетъ такъ, а не иначе, и почему оно слагается изъ такихъ, а не другихъ приѣмовъ.

Копаль. Это смолистое вещество привозится въ Евро-

пу изъ Америки, Индіи, Китая и изъ Африки. Оно извлекается изъ различныхъ растений, а потому свойства этой смолы, ея цвѣтъ и проч. бываютъ различны. Въ торговлѣ различаютъ два вида копала, а именно: *бѣлый* и *желтый* копаль.

Бѣлый копаль, называемый также *Остъ-Индскимъ*, *Бразильскимъ*, *Мексиканскимъ*, *круглымъ*, доставляется слѣдующими растеніями: *Rhus corallinum*, *Anigis corallifera* и *Нупеоса verticosa*.

Желтый копаль, называемый также *Левантской смолой*, доставляется растеніемъ *Елюеосагрус кораллифера*, произрастающимъ въ Вестъ-Индіи. Желтый копаль продается въ видѣ желтоватыхъ или красновато-желтыхъ кусковъ различной величины продолговатыхъ и сплюснутыхъ, тогда какъ бѣлый копаль всегда имѣетъ шарообразную форму. Въ желтомъ копалѣ весьма часто бываютъ видны насѣкомыя, а въ бѣломъ ихъ еще никогда не видали. Запахъ желтаго копала напоминаетъ ладанъ. Поверхность желтаго копала очень шероховата, а бѣлаго напротивъ всегда гладка.

Африканскій копаль въ торговлѣ встрѣчается весьма рѣдко; этотъ сортъ, похожій на *Американскій* или *бѣлый* копаль, привозится въ видѣ клубней величиною съ крупные картофельные клубни.

Американскій и Африканскій копаль (бѣлый) растворяется въ смѣси абсолютнаго алкоголя съ терпентиннымъ масломъ, а Вестъ-Индскій (желтый) не растворимъ въ такой жидкости. Для растворенія, напримѣръ, пяти фунтовъ бѣлаго копала нужно десять фунтовъ скипидара (терпентинаго масла) и два съ половиною фунта абсолютнаго алкоголя. Копаль должно растереть предвательно въ тонкій порошокъ, облить его означеннымъ количествомъ скипи-

дара и алькоголя и смѣсь тщательно взболтать. По прошествіи нѣсколькихъ дней, изъ нея получится почти безцвѣтный растворъ (лакъ); нечистоты скопятся на днѣ сосуда въ видѣ мутнаго осадка. Иногда бѣлый копалъ трудно растворяется въ упомянутой смѣси; это слѣдуетъ приписать тому, что копалъ не довольно сухъ или слишкомъ свѣжъ: если порошокъ такого копала продержать мѣсяца два на солнцѣ или на горячей печкѣ, то онъ становится растворимымъ. На этомъ основаніи, предъ раствореніемъ большаго количества копала, качества котораго еще не испытаны, не худо дѣлать предварительно пробу въ маломъ видѣ. Бѣлый копалъ, будучи расплавленъ, растворяется въ скипидарѣ, если его подливать къ расплавленной смолѣ понемногу и при безпрестанномъ помѣшиваніи массы.

Желтый (Вестъ-Индскій) копалъ, какъ сказано, не растворяется въ смѣси алькоголя съ терпентиннымъ масломъ. Для растворенія этого вида копаловой смолы поступаютъ слѣдующимъ образомъ: копалъ разбиваютъ на куски величينوю съ горошину; берутъ три части (по вѣсу) измельченнаго такимъ образомъ копала, смачиваютъ его скипидаромъ и плавятъ на маломъ огнѣ въ глиняной посудѣ; когда смола расплавится, къ ней прибавляютъ одну часть (по вѣсу же) маслянаго лака (льняной олифы), получаемую массу тщательно взмѣшиваютъ и наконецъ прибавляютъ къ ней отъ пяти до шести частей (также по вѣсу) горячаго скипидара.

Курбарилъ или даммара. Эта смола доставляется растеніями *Stemodia coubaril* и *Pinus dammara*, встрѣчающимися на Антильскихъ островахъ, въ Африкѣ, Бразиліи и Мексикѣ. Курбарилъ растворяется при обыкновенной температурѣ въ алькоголѣ и скипидарѣ почти совершенно; ве-

значительный остатокъ представляетъ другое смолистое вещество, растворимое въ упомянутыхъ жидкостяхъ при кипяченіи. Куски этой смолы весьма хрупки, снаружи бѣловаты, а внутри имѣютъ оранжевый цвѣтъ. Курбариль легко плавится въ водѣ и мякнетъ во рту. Растворъ этой смолы, будучи наведенъ на поверхность, отлагаетъ на ней мягкій слой политуры, а потому курбариль можно употреблять для лаковъ только вмѣстѣ съ другими смолами, отличающимися значительною твердостью.

Элема. Эту смолу доставляетъ растение *Amirys elemifera*, встрѣчающееся въ тропической Америкѣ. Элема привозится въ видѣ круглыхъ лепешекъ, завернутыхъ въ древесные листья. Въ свѣжемъ состояніи элема мягка и масляниста, но отъ времени твердѣетъ мало-по-малу и дѣлается хрупкою. Цвѣтъ элемы желтовато-бѣлый съ зеленоватыми пятнами, а запахъ напоминаетъ свѣжій укропъ. Элема состоитъ изъ двухъ смолъ, изъ которыхъ одна растворима въ холодномъ спиртѣ, а другая въ кипящемъ.

Ладанъ или бензой доставляется растеніемъ *Styrag benjoin*, встрѣчающимся на Явѣ, Суматрѣ и на другихъ островахъ южнаго океана. Въ торговлѣ извѣстны два сорта ладана — бѣлый и красноватожелтый. Запахъ ладана напоминаетъ ваниль. Эта смола легко растирается въ порошокъ и растворима въ алькоголѣ и эфирѣ. При нагрѣваніи изъ ладана улетучивается бензойная кислота. Ладанъ, отлагающійся изъ раствора, трудно высыхаетъ, а потому его можно употреблять для лака только вмѣстѣ съ другими смолами, какъ и курбариль.

Камфора добывается въ Борнео, Суматрѣ и Японіи изъ *Laurus camphora*, *Dryobalanops camphora* и *Persea camphora*. Она въ чистомъ состояніи бѣла и прозрачна; от-

личается горькимъ вкусомъ, особеннымъ весьма проника-
тельнымъ запахомъ и летучестью. Камфора растворима въ
алкоголѣ, эфирѣ, въ жирныхъ и летучихъ маслахъ; 100
частей алкоголя растворяютъ 175 частей камфоры. Въ
строгомъ смыслѣ камфора не принадлежитъ къ разряду
смолъ; объ ней упоминается здѣсь только по сходству съ
ними относительно происхожденія.

Мастика. Эта смола доставляется растеніемъ *Pistacia
lentiscus*; въ торговлѣ она бываетъ двухъ сортовъ: въ видѣ
продолговатыхъ, прозрачныхъ шариковъ (слезокъ), и въ
видѣ сплюснутыхъ кусочковъ. Первый сортъ мастики со-
скабливается со ствола того растенія, изъ котораго эта
смола вытекаетъ, а второй сортъ собирается съ земли.
Первый сортъ лучше втораго. Тотъ и другой сортъ масти-
ки обладаетъ пріятнымъ вкусомъ и запахомъ. Мастика со-
стоитъ изъ двухъ смолистыхъ веществъ, изъ которыхъ
одно растворимо въ слабомъ спиртѣ, а другое нѣтъ. Это
последнее, будучи оставлено на воздухѣ въ тепломъ мѣстѣ,
дѣлается тоже растворимо. Мастика принадлежитъ къ
числу мягкихъ смолъ, и потому употребляется на лаки по
большей части только вмѣстѣ съ твердыми смолами.

Сандаракъ доставляется растеніемъ *Chamaecyparis articulata* и
Juritegia communis. Онъ привозится изъ Алжира въ видѣ
прозрачныхъ желтоватыхъ кусковъ. Эта смола пахнетъ скипидара,
растворима въ спиртѣ и скипидарѣ и упо-
требляется преимущественно для приготовления спиртоваго
и маслянаго лака. Сандаракъ принадлежитъ къ числу твер-
дыхъ смолъ, ускоряетъ высыханіе лаковъ, когда въ со-
ставѣ ихъ находятся мягкія смолы, и придаетъ такимъ
лакамъ блескъ.

Драконова кровь привозится изъ Африки, Америки и

Вестъ-Индія, гдѣ ее добываютъ изъ разныхъ растений, каковы напримѣръ: *Dracena draco*, *Pterocarpus santalinus* и *Pterocarpus draco*. Въ торговлѣ драконова кровь бываетъ четырехъ сортовъ: а) въ видѣ мелкихъ орѣховъ, б) въ видѣ цилиндрическихъ палочекъ, с) въ видѣ небольшихъ тонкихъ лепешекъ и д) въ видѣ кусковъ неопредѣленной формы и разной величины. Первый сортъ цѣнится выше другихъ.

Драконова кровь отличается темнобурнымъ цвѣтомъ, который при растираніи смолы въ порошокъ переходитъ въ красный. Смола эта хрупка, легко растворима въ спиртѣ; эфиръ и скипидаръ, которые при этомъ окрашиваются въ красный цвѣтъ. Смола эта употребляется для красныхъ лаковъ.

Шеллакъ или *гумми-лакъ* вытекаетъ изъ *Ficus religiosa*, *Croton laccifergus* и проч. Въ торговлѣ извѣстны три сорта этой смолы:

1) Гумми-лакъ въ палочкахъ снимается съ самыхъ растений, на коихъ онъ накапливается преимущественно на концѣ вѣтвей. Цвѣтъ этого сорта краснобурый, вкусъ вяжущій, запахъ при нагрѣваніи смолы весьма пріятный.

2) Гумми-лакъ въ зернахъ отличается отъ предъидущаго только формою. Этотъ сортъ смолы происходитъ изъ перваго, когда этотъ послѣдній отрывается отъ вѣтвей и падаетъ на землю.

3) Гумми-лакъ въ плиткахъ получается чрезъ расплавленіе и отливку въ формы гумми-лака въ зернахъ или палочкахъ по промывкѣ ихъ предварительно въ слабой щелочи.

Всѣ эти сорта гумми-лака различаются еще по цвѣту на бѣлый, бурый и красный. Гумми-лакъ бѣлаго цвѣта цѣ-

нтся выше другихъ. Эта смола, растворимая въ жирныхъ маслахъ и въ крѣпкомъ спиртѣ при обыкновенной температурѣ, употребляется на спиртовой масляный лакъ. Если гумми-лакъ измельчить въ крупный порошокъ и оставить съ годъ на воздухѣ, то смола эта, по замѣчанію Шоне, дѣлается растворима даже въ слабомъ спиртѣ.

Янтарь имѣетъ большое сходство съ копаломъ; онъ почти не растворимъ въ спиртѣ, въ жирныхъ и эфирныхъ маслахъ. Въ скипидарѣ янтарь растворяется только въ расплавленномъ состояніи. Растворъ этотъ часто употребляется какъ лакъ. Янтарь твердъ и хрупокъ; его полезно употреблять въ составъ лаковъ только вмѣстѣ съ мягкими смолами и то въ маломъ количествѣ.

Терпентинъ (*сосновая и еловая смола*) вытекаетъ изъ разныхъ породъ сосны и ели (*Pinus sylvestris, Pinaster, Abies, Picea, Maritima* и проч.) Физическія свойства терпентина весьма разнообразны, что зависитъ, вѣроятно, не только отъ видовъ упомянутыхъ деревьевъ, но и отъ возраста ихъ, также отъ климата и времени сбора смолы. Въ торговлѣ извѣстны слѣдующія разновидности терпентина:

Еловый терпентинъ вытекаетъ изъ *Pinus abies* въ видѣ вязкой, густой и непрозрачной массы желтоватаго цвѣта, которая при отстоѣ становится прозрачною. Этотъ сортъ терпентина довольно скоро высыхаетъ на воздухѣ и не вполнѣ растворимъ въ спиртѣ.

Венеціанскій терпентинъ вытекаетъ въ видѣ прозрачной, безцвѣтной массы изъ *Pinus lagix* (растетъ въ Штиріи, Венгріи, Тиролѣ и въ Швейцаріи); онъ высыхаетъ весьма медленно и въ спиртѣ растворяется безъ остатка.

Страсбургскій терпентинъ вытекаетъ изъ *Abies resinata* въ видѣ прозрачной желтоватой смолы. Этотъ

сортъ терпентина гораздо жиже предыдущихъ, отличается отъ нихъ довольно пріятнымъ запахомъ и растворяется въ спиртѣ тоже безъ остатка, особенно при нагрѣваніи.

Бордосскій или *сосновый терпентиль* добывается изъ *Pinus maritima*. Онъ отличается отъ всѣхъ предыдущихъ сортовъ весьма непріятнымъ запахомъ; густъ, скоро высыхаетъ и въ спиртѣ растворимъ безъ остатка.

Канифоль, аркансокъ, гарпіусъ. Смола, извѣстная подъ этими названіями, есть нелетучій остатокъ отъ перегонки съ водою означенныхъ сортовъ терпентина, при чемъ скипидаръ или терпентиное масло улетучивается, а въ остаткѣ получается упомянутая смола. Она даетъ лаки слишкомъ хрупкіе; поэтому ее можно употреблять только вмѣстѣ съ мягкими смолами и то въ самомъ маломъ количествѣ.

Жидкости, употребляемыя на приготовленіе лаковъ.

Винный спиртъ или алкоголь. Эта жидкость растворяетъ, какъ видно изъ предыдущаго, почти всѣ смолы, употребляемыя при фабрикаціи лаковъ. Хотя нѣкоторыя смолистыя вещества растворимы въ довольно слабомъ алкогольѣ, но такіе случаи рѣдки; по большей части для растворенія смолъ нуженъ алкоголь весьма крѣпкій, а именно въ 92 процента. Винный спиртъ означенной крѣпости готовится изъ такъ-называемаго *двойнаго виннаго спирта* чрезъ перегонку послѣдняго сначала съ живою известью или съ сплавленнымъ поташомъ, а потомъ съ сплавленнымъ хлористымъ кальціемъ. Эта операція можетъ быть производима въ томъ перегонномъ кубѣ, который описанъ ниже въ статьѣ «*О приготовленіи спиртовыхъ лаковъ*».

Древесный спиртъ или метиловый алкоголь. Въмѣсто виннаго спирта начали въ послѣднее время употреблять для приготовленія лаковъ древесный спиртъ, получаемый при сухой перегонкѣ дерева. Употребленіе это основано на свойствахъ древеснаго спирта улетучиваться и растворять смолы, подобно спирту обыкновенному. Древесный спиртъ, предназначенный для приготовленія лаковъ, долженъ быть очищаемъ: потому что на заводахъ онъ получается вмѣстѣ съ другими жидкостями (ацетономъ, уксуcнымъ метилемъ и проч.), которыя хотя и летучи, а слѣдовательно съ этой стороны присутствіе ихъ въ составѣ лака не вѣлики, но слабо растворяютъ смолы, и своимъ присутствіемъ уменьшаютъ растворяющую способность древеснаго спирта. Чтобы очистить продажный метиловый алкоголь отъ этихъ примѣсей, должно перегнать его съ начала съ известью, при чемъ одна посторонняя жидкость — уксуcный метиль распадется на метиловый алкоголь и уксуcную кислоту, которая останется въ видѣ уксуcнокислой извести; получаемый такимъ образомъ дистиллятъ — смѣшать съ двойнымъ количествомъ (по вѣсу) сплавленнаго и измельченнаго хлористаго кальція; смѣсь эту подвергнуть перегонкѣ въ водяной банѣ при температурѣ 56-70 град. Ц., тогда ацетонъ вмѣстѣ съ другими примѣсями получится въ приемникѣ, а метиловый алкоголь остается въ перегонномъ кубѣ въ видѣ кристаллическаго соединенія съ хлористымъ кальціемъ. Это соединеніе нужно облить водою и смѣсь перегнать въ водяной банѣ при 66-70 град. Ц. Жидкость, получаемая на этотъ разъ въ приемникѣ, представляетъ хотя и не совсѣтъ чистый древесный спиртъ, но совершенно годный для растворенія смоль.

Скилидаръ или торпентинное масло. Это эфирное

масло получается, какъ выше сказано, чрезъ перегонку съ водою терпентина или различныхъ видовъ сосновой и еловой смолы. Такъ-какъ жидкость эта лучше растворяетъ смолы, когда чиста, и какъ въ обыкновенномъ состояніи она содержитъ въ растворѣ дурнаго свойства смолистое вещество, въ которое переходитъ сама подъ вліяніемъ воздуха, то продажный скипидаръ на хорошихъ лаковыхъ заведеніяхъ подвергается перегонкѣ съ водою и, по очищеніи такимъ образомъ, сохраняется въ хорошо закупоренныхъ бутылкахъ.

О высыхающихъ маслахъ, употребляемыхъ на лаки, будетъ сказано ниже.

Причины разнообразія и сложность состава лаковъ.

Всякая смола, вполне или отчасти растворимая въ спиртѣ, въ жирныхъ высыхающихъ и эфирныхъ маслахъ, даетъ лакъ хорошаго качества, если она: 1) не очень примѣтно окрашена, какъ драконова кровь, асфальтъ и т. п.; 2) не слишкомъ мягка и вязка, какъ терпентинъ, даммара и проч., и 3) не слишкомъ тверда и хрупка, какъ сандаракъ, мастика, каннфоль, янтарь, и т. д. Эти условія заставляютъ при составленіи лаковъ смѣшивать окрашенные смолы съ безцвѣтными, мягкія съ хрупкими, вязкія съ твердыми. Такимъ образомъ изъ смолъ съ разными физическими свойствами, взятыхъ въ томъ или другомъ количествѣ, смотря по обстоятельствамъ, можно приготовить лаки лучшаго качества сравнительно съ тѣми лаками, какіе получились бы въ случаѣ отдѣльнаго употребленія той или другой смолы. Смѣшиваніе смолъ, различныхъ по своимъ физическимъ свойствамъ, имѣетъ при фабрикаціи лаковъ

еще и другую выгодную сторону: чрезъ это облегчается раствореніе смоль. Наконецъ нужно сказать еще и то, что нѣкоторые лаки высыхаютъ слишкомъ скоро, и отъ того отлагаемый ими слой смолы трескается, крошится и отстаетъ; а другіе напротивъ того сохнутъ очень медленно, при чемъ являются неудобства другаго рода, напримѣръ поврежденіе высыхающаго слоя смолы отъ пыли, неосторожнаго прикосновенія и проч. Какъ та, такъ и другая крайность для практики неудобна, и вынуждаетъ прибавлять къ лакамъ быстро высыхающимъ лаки медленно высыхающіе.

Изъ этого краткаго соображенія не трудно усмотрѣть, что и сложность качественного состава лаковъ, т. е. разнообразіе названій входящихъ въ нихъ смоль, происходитъ не отъ недостатка смысла, не отъ рутины, какъ это можетъ показаться съ перваго раза, а вслѣдствіе настоятельной необходимости удовлетворить требованіямъ практики.

Количественный составъ лаковъ нельзя принимать въ томъ смыслѣ, какъ понимаютъ такой составъ въ химіи, говоря объ опредѣленныхъ соединеніяхъ. Онъ не можетъ въ этомъ случаѣ имѣть химическаго значенія, потому, между прочимъ, что относится главнымъ образомъ къ веществамъ съ непостояннымъ количественнымъ составомъ, каковы смолы и высыхающія масла. Здѣсь дѣло идетъ только о томъ, чтобы количество той или другой смолы и растворяющей жидкости въ составѣ лака удовлетворяло по возможности тѣмъ условіямъ, коихъ требуетъ отъ него практика при извѣстныхъ обстоятельствахъ. Такое именно значеніе и имѣютъ тѣ числа, которыми выраженъ количественный составъ разныхъ лаковъ, приведенныхъ въ этомъ разборѣ.

ОБЩІЯ ПРАВИЛА ДЛЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ ЛАКОВЪ.

Общія правила, которыя должно соблюдать при изготовленіи лаковъ, состоятъ главнымъ образомъ въ слѣдующемъ:

1) Въ составъ каждаго лака должно вводить между прочимъ или смолистое вещество, которое при высыханіи лака образуетъ прозрачный и блестящій слой, или же лакъ долженъ представлять такую жидкость, которая, безъ прибавленія другихъ веществъ, сама превращается въ твердую смолистую массу.

2) Смолы, входящія въ составъ лака, должно размельчать въ порошокъ, если приготовленіе лака производится чрезъ раствореніе ихъ, при чемъ къ порошку смолы полезно прибавлять толченаго стекла для увеличенія поверхности прикосновенія смолы съ растворяющей жидкостью; но если нужно прибѣгать къ плавленію смолъ, то слѣдуетъ ограничиваться только размельченіемъ ихъ въ кусочки, потому что въ этомъ случаѣ смолистыя вещества удобнѣе плавятся и менѣе пригораютъ.

3) Въ избѣжаніе воспламененія паровъ алкоголя, скипидара и другихъ веществъ, употребляемыхъ при изготовленіи лака, и чтобы онъ не пригоралъ, должно вообще избѣгать голаго огня.

4) Приготовленный лакъ нужно очищать отъ случайныхъ примѣсей посредствомъ процѣживанія и потомъ держать въ чистой и хорошо укрытой посудѣ.

5) Если лакъ окажется мутнымъ и молочнаго цвѣта, то это признакъ, что въ лакѣ есть вода, которая должна быть удалена, иначе лакъ негоденъ для употребленія.

ГЛАВНѢЙШІЕ ВИДЫ ЛАКОВЪ.

По названію и свойству жидкостей, обладающихъ способностью растворять разныя смолы, или превращаться въ отсутствіи ихъ въ твердую смолистую массу, лаки, бываютъ: этиловые или спиртовые, метиловые, скипидарные, масляные или жирные. Если предметъ, покрываемый лакомъ, долженъ оставаться на открытомъ воздухѣ, т. е. подвергаться перемѣнамъ вѣшной атмосферы, въ такомъ случаѣ слѣдуетъ употреблять лакъ масляный: напротивъ того предметъ, назначаемый для жилыхъ помѣщеній, должно покрывать спиртовымъ или метиловымъ лакомъ, который, будучи столь же блестящъ, какъ и лакъ масляный, сохнетъ скорѣе послѣдняго и притомъ не распространяетъ неприятнаго запаха. Скипидарные лаки употребляются главнымъ образомъ для покрытія картинъ, писанныхъ масляными красками; они нѣсколько прочнѣе спиртовыхъ лаковъ, но за то сохнутъ медленнѣе и болѣе пахучи, чѣмъ эти послѣдніе.

Масляные лаки прочнѣе и красивѣе прочихъ лаковъ, когда приготовлены съ знаніемъ дѣла. Они выдерживаютъ весьма хорошо солнечный жаръ, потому-что копаль и янтарь, входящіе въ составъ маслянаго лака, не мякнутъ на солнцѣ даже во время самаго жаркаго лѣта. Напротивъ того спиртовые лаки, въ составъ которыхъ входятъ главнымъ образомъ сандаракъ и шеллакъ, отекаютъ во время лѣтнихъ жаровъ въ слѣдствіе размягченія этихъ смолъ.

Приготовленіе спиртовыхъ лаковъ.

Алкоголь растворяетъ большую часть смолъ; получаемый при этомъ растворъ, будучи наведенъ на надѣліе,

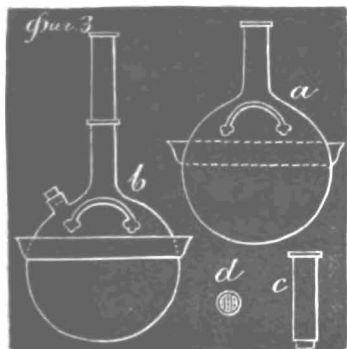
скоро сохнетъ и образуетъ на поверхности его блестящій слой смолы, который впрочемъ легко трескается и отстаетъ. Этотъ недостатокъ спиртоваго лака устраняется прибавленіемъ къ нему терпентина.

Спиртовые лаки приготовляются чрезъ раствореніе смолъ въ спиртѣ: 1) при обыкновенной температурѣ, 2) при нагреваніи на голомъ огнѣ и 3) съ помощью водяной бани. Въ первомъ случаѣ, смолу обливаютъ въ бутылкахъ спиртомъ и получаемый растворъ процѣживаютъ. Но этотъ способъ, какъ самый продолжительный и притомъ возможный только для смолъ вполне растворимыхъ въ спиртѣ при обыкновенной температурѣ, почти не употребляется на фабрикахъ, хотя и доставляетъ лаки наименѣе окрашенные. Въ практикѣ особенно употребителенъ второй способъ. Смолу кладутъ въ

(Относящаяся сюда фигура № 1) и три, нижеслѣдующія (№№ 2, 4, 11) будутъ отпечатаны отдѣльно вразсланы съ Ноябрьскою книжкою журнала: потому что при печатаніи Октябрьской книжки деревяшки съ означенными фигурами попортились).

мѣдный сосудъ *a* (фиг. 1) и наливаютъ въ него спиртъ. Смолы и спиртъ не должны занимать больше $\frac{3}{4}$ вместимости этого сосуда, чтобы оставалось мѣсто для расширенія ихъ отъ нагреванія, и для терпентина, прибавляемаго впоследствии въ тотъ же сосудъ. Сосудъ *a*, снабженный ручками *bb* и карнизомъ *c*, ставится или въ переносную желѣзную печь *d*, съ трубою *ee* и заслонкою *f*, или въ постоянную кирпичную *AA* (фиг. 2). При посредствѣ карниза *c*, сосудъ *a*

весьма плотно прилегаетъ къ стѣнкамъ печи *d*, и отъ того пламя углей, находящихся на рѣшѣткѣ *d*, не можетъ зажечь паровъ спирта. Массу въ сосудѣ *a* помѣшиваютъ по-временамъ мѣшалкою *h*. Если смѣсь закипитъ, въ сосудъ приливаютъ нѣсколько холоднаго спирта. Когда такимъ обра-

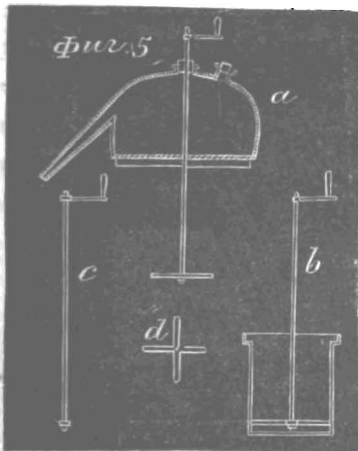
зомъ смола распустится, сосудъ *a* вынимаютъ изъ печи, и вливаютъ въ него нагрѣтаго терпентина; получаемую смѣсь тщательно взмѣшиваютъ, сосудъ съ нею ставятъ снова на огонь и доводятъ ее до кипѣнія. Для нагрѣванія терпентина употребляется колба *a* (фиг. 3) съ ча-

шевиднымъ карнизомъ вокругъ ея поверхности. Колба эта, изъ листовой мѣди или изъ котельнаго желѣза, служитъ также для поддержанія расплавленной смолы въ жидкомъ состоянїи, а чашевидный карнизъ — приемникомъ для жидкой смолы, если она вдругъ станетъ переливаться черезъ края колбы. На той же фигурѣ изображена другая колба *b*, съ наставной трубой *c*, которая вкладывается въ шейку колбы. Нижняя часть трубы *c* снабжена металлической сѣткой *d*. Эти колбы употребляются также для нагрѣванія масла и готоваго лака.

Приготовленіе лака по этому способу идетъ очень скоро, — что, конечно, весьма выгодно, но лакъ выходитъ сильно окрашеннымъ въ слѣдствіе пригоранія смолы.

Въ избѣжаніе этого недостатка, приготовленіе спиртовыхъ лаковъ слѣдуетъ производить въ водяной банѣ; смола и спиртъ должны занимать не больше $\frac{3}{4}$ вмѣстимости устанавливаемаго въ ней сосуда. Безъ этой предосторожности, часть приготавлимаго лака будетъ выброшена изъ него вонъ. Нагрѣваніе сосуда съ смолою и спиртомъ въ водяной банѣ нужно продолжать до расплавленія смолы, въ чемъ можно убѣдиться посредствомъ пробы палочкою. Тогда въ означенный сосудъ должно прибавить горячаго спиртоваго раствора терпентинаи смѣсь варить до тѣхъ поръ, пока она не сдѣлается однородною. Сваренный такимъ образомъ лакъ слѣдуетъ немедленно процѣдить сквозь частое сито и оставить по-крайней мѣрѣ на сутки для отстоя. На лаковыхъ фабрикахъ полезно устраивать водяную баню для означенной цѣли при перегонномъ кубѣ, какъ показано у насъ. Фиг. 4 представляетъ

обыкновенный перегонный кубъ съ змѣвикомъ. Внутри куба устанавливается желѣзный стержень, нижняя часть котораго оканчивается крестомъ, а верхняя рукоятью. На 5

фигурѣ, *a* представляетъ колпакъ или шлемъ куба, *c*—положеніе и принадлежности стержня, *b*—водяную баню и положеніе стержня съ утвержденнымъ въ него крестомъ *d*. Нижняя часть стержня, гдѣ утверждается крестъ, имѣетъ въ разрѣзѣ форму квадрата, а крестъ *d* квадратную вырѣзка, куда вкладывается нижній конецъ стержня.

Спиртовые лаки должно употреблять вскорѣ по приготовленіи: потому-что отъ времени они бурѣютъ, становятся густы, худо кроютъ и имъ нельзя уже возвратитъ первоначальнаго свойства чрезъ прибавленіе спирта. Масляные и скипидарные лаки напротивъ того чѣмъ старше,

тѣмъ лучше. Спиртовые лаки употребляются для лакирования кожъ, мебели, чугунныхъ, стальныхъ, мѣдныхъ и другихъ металлическихъ издѣлій, имѣющихъ свойство окисляться на воздухѣ и отъ кислыхъ паровъ.

Въ составъ спиртовыхъ лаковъ входитъ обыкновенно сандаракъ. Эту смолу предъ употребленіемъ необходимо сортировать и подвергать очищенію. Отобравъ прозрачные куски сандарака, должно сначала промыть ихъ растворомъ поташа, потомъ чистою водою и наковецъ высушить. Сандаракъ можно приготовить и безъ нагреванія спирта, если для растворенія сандарака прибѣгнуть къ содѣйствию терпентиннаго масла. Въ этомъ случаѣ должно очищенный по-предылушему сандаракъ истереть въ порошокъ, всыпать его въ бутылъ, облить спиртомъ и тщательно взмѣшать, чтобы порошокъ сандарака повсюду смочился спиртомъ. Въ ту же бутылъ влить терпентинное масло. Къ этой смѣси нужно прибавить еще спирта, все тщательно взболтать и бутылъ выставить на солнце дней на 10 или 12. Въ теченіе этого срока массу въ бутылѣ должно по-временамъ тщательно взмѣшивать, вынуть изъ нея на эту пору пробку для выпуска паровъ спирта и терпентиннаго масла. Опытомъ дознано, что означенные матеріалы должно брать въ слѣдующемъ количествѣ:

спирта	24	части.
очищеннаго сандарака .	4	»
терпентина	1	»
терпентиннаго масла . .	1	»

Хотя, при нагреваніи спирта съ смолами, приготовленіе лака идетъ скорѣе, чѣмъ безъ нагреванія, но этотъ послѣдній способъ слѣдуетъ предпочитать первому, потому-что онъ вѣрнѣе, безопаснѣе и лакъ выходитъ лучше.

Лакъ, въ составѣ котораго содержится вмѣсто сандарака копаль, имѣетъ много преимуществъ предъ описаннымъ спиртовымъ лакомъ. Но копаловый спиртовой лакъ нельзя готовить по-предыдущему способу, потому-что смола эта въ естественномъ состояніи не растворима даже въ абсолютномъ алкогольѣ. Въ настоящее время нашли однако возможность измѣнять копаль дѣйствіемъ воздуха, при чемъ измѣненное смолистое вещество оказалось растворимымъ въ алкогольѣ. Поводомъ къ этому открытію былъ слѣдующій случай, замѣченный впервые однимъ Французскимъ фабрикантомъ лаковъ.

Извѣстно, что копаль привозится на Европейскіе рынки въ бочкахъ, въ коихъ всегда находятъ, кромѣ кусковъ копала, копаловую пыль; она-то оказалась растворимой не только въ абсолютномъ алкогольѣ, но и въ обыкновенно употребляемомъ на приготовленіе лаковъ. Этотъ фактъ подавъ мысль измельчать копаль въ порошокъ, насыпать его тонкими слоями на полки особой камеры, и оставлять, помѣшивая слои по-временамъ, подъ вліяніемъ возобновляемаго въ ней воздуха недѣль на 6—8, при чемъ копаль мало-по-малу, вѣроятно, окисляется и переходитъ въ вещество растворимое въ алкогольѣ.

Получаемое такимъ образомъ смолистое вещество насыпаютъ въ боченки, наливаютъ въ нихъ алкогольа, затыкаютъ втулки. боченки съ такою смѣсью катаютъ взадъ и впередъ отъ 15 до 20 минутъ, и наконецъ оставляютъ въ покоѣ. Черезъ два или три дня лакъ готовъ. Его осторожно сливаютъ съ грязнаго осадка и процеживаютъ. Приготовленіе такого спиртоваго лака идетъ скорѣе, если въ боченки всыпать толченаго стекла: оно препятствуетъ скомкиванію копаловой муки и вообще увеличиваетъ по-

верхность прикосновенія растворяющей жидкости съ порошкомъ смолы.

Впрочемъ, описанный способъ приготовленія копаловаго лака хлопотливъ и еще мало употребителенъ. Обыкновенно для приготовленія лака изъ Ость-Индскаго (бѣлаго) копала, берутъ 2 части (по вѣсу) этой смолы, 4 части терпентиннаго масла и 1 часть абсолютнаго алкоголя. Копаль долженъ быть предварительно истертъ въ мелкій порошокъ. Будучи облитъ означенною смѣсью, онъ растворяется по прошествіи нѣсколькихъ дней, давая почти безцвѣтный растворъ. По опытамъ Фрейденафалля (1), для приготовленія лака изъ бѣлаго копала можно брать 1 часть этой смолы, 1 часть терпентиннаго масла и $1\frac{1}{2}$ части алкоголя въ 98 проц. по Траллесу.

Вестъ-Индскій (желтый) копаль, по опытамъ Герена (2), хорошо растворяется въ смѣси изъ 1 части (по вѣсу) эвира, 6 частей алкоголя въ 98 проц. по Траллесу и 4 частей терпентиннаго масла: въ этой смѣси растворяются 6 частей Вестъ-Индскаго копала при обыкновенной температурѣ.

Спиртовой копаловый лакъ несравненно лучше обыкновеннаго спиртоваго лака, въ составѣ коего находится сандаракъ, потому-что эта смола размягчается во время лѣтнихъ жаровъ, а копаль выдерживаетъ ихъ; кромѣ того копаловый лакъ даетъ болѣе блестящій наводъ, чѣмъ лакъ сандаракъ.

Копаловый лакъ, отличающійся безцвѣтностію, особенною твердostí и блескомъ, обыкновенно бываетъ

(1) Dingler's Polyt. Journ. 1833 г.

(2) Тамъ же.

жидокъ, а слѣдовательно только послѣ усиленнаго натиранія образуетъ достаточно толстый слой политуры. По этому-то употребленіе копаловаго лака для столярныхъ издѣлій еще довольно ограничено; въ этомъ случаѣ его употребляютъ по большей части только для наведенія послѣдняго слоя политуры.

Для столярныхъ издѣлій чаще всего употребляется такъ-называемый *Французскій* или *Вѣнскій* лакъ, въ составъ котораго входитъ шеллакъ съ прибавкою иногда мастики и сандарака. Главное свойство этого лака состоитъ въ томъ, что, будучи наведенъ на гладкую поверхность дерева, сообщаетъ ей ровный зеркальный блескъ. Французскій лакъ можетъ быть приготовляемъ различнымъ образомъ. Такъ 1) берутъ въ мелкихъ кускахъ 1 часть шеллака, обливаютъ его 7—8 част. спирта въ 88 проц. по Траллесу (относ. $d=0,840$) и смѣсь на долгое время выставляютъ на солнце; 2) растворяютъ, при умѣренномъ нагреваніи, въ 10 част. спирта 1 часть шеллака, $\frac{1}{20}$ част. сандарака и $\frac{1}{20}$ част. мастики; 3) можно также брать 14 част. спирта, 1 част. шеллака и 1 ч. мастики. Вообще для растворенія 1 части шеллака нужно не меньше 5 частей (по вѣсу) спирта означенной крѣпости.

При изготовленіи спиртовыхъ лаковъ всегда нужно имѣть въ виду, чтобы густота лака, т. е. процентное отношеніе алкоголя къ смолацъ, была въ некоторымъ образомъ сразмѣрна съ плотностію дерева, для покрытія котораго лакъ предназначается. Чѣмъ дерево больше пористо, слѣдовательно, чѣмъ оно болѣе всасываетъ, тѣмъ лакъ долженъ быть крѣпче или гуще, т. е. тѣмъ меньше нужно брать спирта для растворенія смолы. Чѣмъ больше мастики противъ количества шеллака, тѣмъ мягче слой, обра-

зубный политурою, а потому мягкій лакъ должно употреблять для твердаго дерева и обратно.

Если шеллакъ берется въ естественномъ видѣ, то даже самый свѣтлый сортъ этой смолы даетъ политуру бурога цвѣта и отъ того не можетъ быть употреблемъ по бѣлому грунту, а также для нѣкоторыхъ сортовъ дерева, напримѣръ клена и ясена. Въ такихъ случаяхъ употребляютъ отбѣленный шеллакъ.

Отбѣлка шеллака, смотря по назначенію его, производится различнымъ образомъ: хлорною водою, бѣлильнымъ натромъ, хлорнымъ газомъ, бѣлильною известью и углемъ.

Въ первомъ случаѣ поступаютъ слѣдующимъ образомъ: въ стеклянной или каменной ступкѣ растираютъ 5 част. сурика съ 2 част. повареной соли; получаемую смѣсь всыпаютъ въ стеклянку, наливаютъ сюда сначала 128 част. воды и потомъ, при постоянномъ избалтываніи, $2\frac{1}{2}$ части крѣпкой сѣрной кислоты, и стеклянку затыкаютъ плотно притертой стеклянной пробкой. Когда осадокъ (сѣрно-кислая окись свинца) сдѣлается совершенно бѣлымъ, тогда свѣтлую жидкость, т. е. воду, въ которой содержится хлоръ и Глауберова соль, переливаютъ въ другую стеклянку, которую крѣпко затыкаютъ пробкою и ставятъ въ холодное темное мѣсто, если хлорную воду не тотчасъ нужно употребить въ дѣло. Чтобы этою хлорною водою выбѣлить шеллакъ, берутъ 1 часть этой смолы, нагреваютъ ее отъ 34—36 град. Р. и потомъ къ шеллаку приливаютъ, при размѣшиваніи деревянною лопаткою, 2 части хлорной воды. Смѣсь эту дѣлаютъ въ цилиндрической стеклянкѣ или въ каменномъ горшкѣ. Сосудъ затѣмъ закрываютъ, оставляютъ спокойно стоять часа три, и на-

конецъ процѣживаютъ черезъ полотно. Остающуюся на немъ смолу обмываютъ чистою водою и высушиваютъ на открытомъ воздухѣ. Отбѣленный и высушенный такимъ образомъ шеллакъ, будучи растворенъ въ спиртѣ, образуетъ лакъ, который кроетъ весьма ровно, при чемъ политура выходитъ блестяща и столь прозрачна, что сквозь нея видны всѣ извилины и жилки той поверхности дерева, на которую она наведена.

Другой способъ бѣленія шеллака (бѣлильнымъ натромъ) состоитъ въ слѣдующемъ: 8 лот. бѣлильной извести обливаютъ 4 фун. воды, свѣтлый растворъ сливаютъ и потомъ прибавляютъ къ нему 8 лот. соды, предварительно растворенной въ 2 фун. воды; когда перестанетъ образоваться осадокъ (углекислой извести), жидкость сливаютъ; это растворъ бѣлильнаго натра. Чтобы этою солью выбѣлить шеллакъ, смѣшиваютъ 16 лотовъ этой смолы съ 3 лот. соды и при нагрѣваніи растворяютъ смѣсь эту въ 2 фун. воды; растворъ процѣживаютъ сквозь полотно, разводятъ 4 фун. холодной воды и потомъ смѣшиваютъ съ упомянутымъ растворомъ бѣлильнаго натра. Такую смѣсь держать дня 2—3 въ закрытомъ глиняномъ или стеклянномъ сосудѣ. Въ это время происходитъ бѣленіе шеллака. Послѣ того нужно смолу выдѣлить изъ раствора. Съ этою цѣлью къ нему прибавляютъ мало-по-малу сѣрной кислоты до-тѣхъ-поръ, пока жидкость не сдѣлается слегка кислую. Осаждающійся при этомъ отбѣленный шеллакъ промываютъ водою.

По третьему способу (хлорнымъ газомъ) бѣленіе шеллака производится такимъ путемъ: взмелъчивъ шеллакъ, растворяютъ его въ слабомъ растворѣ ѣдкаго кали, и получаему мутную жидкость процѣживаютъ сквозь полотно.

Потомъ пропускаютъ въ жидкость хлорный газъ до-тѣхъ-поръ, пока она не начнетъ сильно пахнуть хлоромъ. Во время этой операціи, изъ раствора выдѣляется бѣлый смолистый осадокъ; это отбѣленный шеллакъ. Его слѣдуетъ промыть и высушить. Въмѣсто раствора ѣдкаго кали, можно брать растворъ поташа (*). Для этого 1 часть поташа растворяютъ въ 8 частяхъ воды, къ получаемому раствору прибавляютъ 1 часть шеллака и смѣсь доводятъ до кипѣнія; потомъ, когда растворится эта смола, нужно жидкость охладить и пропускать въ нее струю хлора до-тѣхъ-поръ, пока не осядетъ вся порція шеллака на дно сосуда.

Вмѣсто хлорнаго газа, для бѣленія шеллака лучше употреблять прямо бѣлизильную известь. Для этого къ раствору смолы, приготовленному какъ сейчасъ сказано, нужно прибавить раствора бѣлизильной извести и къ получаемой смѣси соляной кислоты.

Спиртовой растворъ даже отбѣленнаго шеллака всегда бываетъ нѣсколько желтоватъ, а если во время бѣленія была употреблена сѣрная кислота, какъ во второмъ способѣ, то растворъ выходитъ даже бурый. Въ шеллакѣ, отбѣленномъ по какому-нибудь изъ предыдущихъ способовъ, остается хлоръ; а потому такая шеллаковая политура не можетъ быть наводима на деревянныя издѣлія съ металлическими украшеніями, потому что онѣ потускнѣютъ. Для такихъ и вообще металлическихъ издѣлій бѣленіе шеллака производится костянымъ углемъ. Этотъ послѣдній способъ по своей простотѣ гораздо удобнѣе предыдущихъ. Шеллакъ растворяютъ въ спиртѣ и въ растворъ всыпаютъ столько костянаго угля, чтобы обра-

(*) Technologiste, 1835 г.

зовалась смѣсь въ родѣ жидкаго тѣста. Это тѣсто вливають въ стеклянку, слегка затыкають ее пробкою, чтобы не попала пыль, ставятъ на солнце, по временамъ смѣсь взбалтываютъ и потомъ процѣживаютъ. Если жидкость будетъ мутна и темна, то ее слѣдуетъ вылить назадъ въ стеклянку и по прошествіи нѣкотораго времени снова процѣдить.

Въ нѣкоторыхъ техническихъ сочиненіяхъ совѣтуютъ готовить шеллаковую политуру при кипяченіи шеллака со спиртомъ; но кипяченіе, замѣтимъ, въ этомъ случаѣ совершенно излишне, потому-что шеллакъ растворимъ въ винномъ спиртѣ надлежащей крѣпости безъ нагреванія. Всего лучше готовить этотъ растворъ въ боченкѣ. Шеллакъ, сначала только размягчающійся, мало-по-малу растворяется. Получаемый растворъ обыкновенно не процѣживается, что впрочемъ влечетъ за собою дурныя послѣдствія: такой лакъ вводитъ въ поры дерева тусклую массу зеленоватаго цвѣта, т. е. то воскообразное вещество, нерастворимое въ спиртѣ, которое обыкновенно содержится въ шеллакѣ.

Спиртовые лаки, по быстротѣ высыханія, можно раздѣлить на двѣ группы. Въ составъ лаковъ первой группы входятъ преимущественно самыя твердыя смолы, каковы: сандаракъ, янтарь и копаль, а въ составѣ лаковъ второй группы содержатся кромѣ того красящія вещества и главнымъ образомъ мягкія смолы, каковы: элема, курбариль или даммара, ладанъ, шеллакъ и мастика. Лаки первой группы слѣдуетъ употреблять преимущественно для покрытія издѣлій, подверженныхъ частому тренію, а лаки второй группы—для издѣлій, составляющихъ между прочимъ предметы украшенія. Укажемъ, для примѣра, на составы употребительнѣйшихъ лаковъ той и другой группы.

Лаки первой группы:

1) Бѣлаго копала . . .	9 частей.
Сандарака . . .	18 »
Мастики . . .	9 »
Терпентина . . .	7 »
Алькоголя . . .	100 »
2) Сандарака . . .	24 »
Мастика . . .	6 »
Терпентина . . .	12 »
Алькоголя . . .	100 »

Тотъ и другой лакъ употребляется часто для лакированія стульевъ, столовъ, дверей, подоконниковъ, головныхъ щетокъ и т. п.

Лаки второй группы:

1) Сандарака . . .	10 частей.
Элемы	120 »
Курбарила . . .	30 »
Камфоры . . .	15 »
Алькоголя . . .	100 »

Этотъ лакъ идетъ для ящичковъ, шкатулокъ и другихъ тому подобныхъ вещей.

2) Шеллака . . .	180 частей.
Янтаря	60 »
Гумми-гутта . . .	6 »
Драконовой крови	35 »
Шафрана . . .	2 »
Алькоголя . . .	1000 »

Этимъ лакомъ покрываютъ латунныя издѣлія, коимъ онъ придаетъ цвѣтъ золота.

3) Янтаря	12 частей.
Сандарака	12 »
Мастики	12 »
Алькоголя	100 »

Этимъ лакомъ кроютъ преимущественно струнные музыкальные инструменты, не допускающіе усиленнаго натиранія. Для этой же цѣли можетъ служить лакъ 4.

4) Сандарака	12 частей.
Шеллака	6 »
Мастики	3 »
Ладана	3 »
Терпентина	6 »
Алькоголя	100 »

Лаки 3 и 4 подкрашиваются, въ случаѣ надобности, шафраномъ и драконовой кровью.

5) Шеллака	20 частей
Сандарака	20 »
Мастики	10 »
Курбарилла или даммары	10 »
Ладана	20 »
Алькоголя	100 »

Этимъ лакомъ можно крыть карты, ландкарты, планы и картины, рисованныя на бумагѣ водяными красками.

6) Мастики	18 частей.
Сандарака	6 »
Терпентина	9 »
Алькоголя	100 »

Этимъ лакомъ кроютъ издѣлія изъ панье-маше; онъ очень блестящъ, но не проченъ.

ПРИГОТОВЛЕНІЕ МЕТИЛЕВЫХЪ ЛАКОВЪ.

Метилевый алкоголь, обладая способностью растворять многія смолы, даетъ лаки во всёхъ отношеніяхъ сходные съ спиртовыми лаками. Приготовленіе метилевыхъ лаковъ слагается изъ тѣхъ же самыхъ операций, которыя изложены въ статьѣ о спиртовыхъ лакахъ. Метилевые лаки сохнутъ скорѣе спиртовыхъ и трескаются еще легче, чѣмъ эти послѣдніе, а потому употребленіе терпентина и въ этомъ случаѣ составляетъ необходимость.

По моимъ опытамъ, слѣдующіе составы весьма удовлетворительны для лакированія дерева и металловъ.

1) Метилеваго алкоголя . . 30 частей.

Очищеннаго сандарака . . 5 »

Венеціанскаго терпентина 1 »

2) Метилеваго алкоголя . . 30 »

Очищеннаго сандарака . . 9 »

Венеціанскаго терпентина 2 »

Растворы сандарака и терпентина въ метиловомъ алкогольѣ были приготовляемы мною въ водяной банѣ каждый отдѣльно, получаеыя жидкости смѣшиваемы и смѣсь была доводима до кипѣнія. Лакъ перваго состава высыхаетъ почти вдвое скорѣе втораго.

3) Метилеваго алкоголя 2 части.

Зернистаго шеллака . 1 »

Этотъ лакъ, годный для мебели, сообщаетъ ей блескъ только при продолжительномъ натираніи и притомъ трескается, хотя не такъ скоро, какъ метилевый лакъ, состоящій изъ одного сандарака. Если 4 части лака (3) смѣшать съ 1 частью льнянаго масла, очищеннаго по моему способу, получаему ю смѣсь нагрѣть и покрыть такимъ ла-

комъ дерево отъ 2 до 3 разъ, тщательно натирая его послѣ каждого покрытія и давая слою время засохнуть, то на деревянномъ издѣліи является весьма прочная политура темнаго цвѣта. Она особенно пригодна для надѣлій изъ орѣховаго дерева, войлока и изъ папье-маше.

4) Метилеваго алькоголя . . 25 частей.

Очищеннаго шеллака . . . 5 »

Очищеннаго сандарака . . . 2 »

Элемы 1 »

Этотъ почти безцвѣтный лакъ хорошъ для надѣлій изъ бѣлаго дерева, напримѣръ для тростей и т. п.

5) Метилеваго алькоголя 16 частей.

Сандарака 3 »

Канифоли 2 »

Зернистаго шеллака . . 1 »

Этотъ лакъ годится для красной мебели, особенно если подкрасить его слегка драконовой смолой.

Приготовление скипидарныхъ лаковъ.

Такъ-называемые скипидарные лаки отличаются отъ предыдущихъ главнымъ образомъ тѣмъ, что въ составъ ихъ входитъ, вмѣсто спирта обыкновеннаго и древеснаго, скипидаръ или терпентинное масло. Кромѣ того, на надѣліи, покрытомъ спиртовымъ лакомъ, остается только та смола, которая находилась въ растворѣ, тогда-какъ изъ скипидарнаго лака отлагается не только то смолистое вещество, которое содержалось въ растворѣ, но и самъ скипидаръ отъ дѣтвія воздуха превращается отчасти въ мягкую смолу, которая остается также на надѣліи. Это обстоятельство вполне объясняетъ причину, вслѣдствіе которой скипидарные лаки

сохнутъ медленно спиртовыхъ, не такъ легко трескаются, какъ послѣдніе, и лучше ихъ полируются.

Скипидарные лаки имѣютъ ограниченное употребленіе, хотя и прочнѣе спиртовыхъ лаковъ, потому что непріятно пахнутъ и сохнутъ довольно медленно. Ихъ употребляютъ преимущественно художники для покрытія картинъ, если онѣ рисованы масляными красками, и для растиранія красокъ вмѣсто масла. Полотно картинъ, имѣя весьма незначительную толщину, чувствительно къ переѣмамъ атмосферы, и потому не можетъ держать спиртовыхъ лаковъ; они очень скоро трескаются на немъ, дупятся и отстаютъ. Скипидарными же лаками покрываются нѣкоторыя металлическія издѣлія, а равнымъ образомъ и деревянныя, если они выкрашены, высеребряны, покрыты позолотою и т. д.

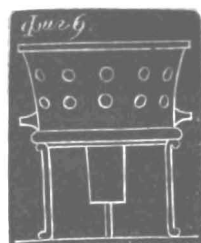
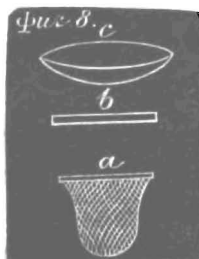
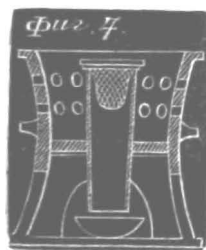
Скипидарные лаки приготовляются большею частію при обыкновенной температурѣ; къ нагрѣванію прибѣгаютъ только въ случаѣ крайней необходимости, какъ напримѣръ, когда смола безъ нагрѣванія трудно растворяется въ скипидарѣ.

Въ первомъ случаѣ поступаютъ слѣдующимъ образомъ: измельченную смолу кладутъ въ глиняную бутылъ или въ мѣдный боченокъ, наливаютъ въ него скипидаръ, смѣсь тщательно взбалтываютъ и оставляютъ на нѣсколько дней, помѣшавъ ее по-временамъ. Жидкость не должна занимать болѣе двухъ третей вмѣстимости сосуда. Получаемый такимъ образомъ свѣтлый растворъ осторожно сливаютъ и процеживаютъ черезъ вату. Если жидкость окажется мутною и молочнаго цвѣта, то бутылъ съ нею, вынувъ пробку, слѣдуетъ поставить въ горячую воду, и оставить въ ней бутылъ на нѣсколько времени; потомъ

сосудъ съ лакомъ вынуть и оставить его не затыкая остыть, при чемъ лакъ окажется свѣтлымъ и прозрачнымъ. Мутность означеннаго цвѣта происходитъ отъ присутствія въ лакѣ незначительнаго количества воды, которая и удалится изъ него упомянутымъ путемъ. Безъ этой предосторожности лакъ дурно кроетъ и скоро отстаетъ.

Если приготовленіе скипидарнаго лака требуетъ больше или меньше усиленнаго нагрѣванія, то оно производится или на голомъ огнѣ, или съ помощью водяной бани и въ тѣхъ самыхъ приборахъ, которые описаны въ статьѣ «о приготвленіи спиртовыхъ лаковъ» (фиг. 1, 2, 3, 4 и 5). Скипидарный лакъ, приготовляемый съ помощью нагрѣванія тѣмъ или другимъ путемъ, должно остужать въ открытыхъ сосудахъ, иначе онъ окажется мутнымъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, когда въ составъ лака входитъ копаль, янтарь и т. д., нужно прибѣгать къ плавленію смолъ. Для этого служить переносная печь, представленная со всѣми принадлежностями въ въ разрѣзѣ на фиг. 7. На фиг. 9 видна та же печь снару-

жи. Въ жаровню вставляется желѣзная труба, а въ трубу мѣшокъ *a* (фиг. 8) изъ металлической сѣти. Угли помещаются въ пространство между стѣнками жаровни и трубы. Смола, помещенная въ мѣшокъ и прикрытая крышкой *b*,

плавится отъ жара, и въ жидкомъ состояніи стекаетъ въ чашку с.

Скипидарные лаки, подобно маслянымъ, не должно употреблять вскорѣ послѣ приготовленія, а оставлять ихъ въ заткнутыхъ бутылкахъ по-крайней-мѣрѣ мѣсяца на два: свѣжій скипидарный лакъ слишкомъ скоро отлагаетъ изъ себя смолу, особенно при покрытіи новыхъ масляныхъ картинъ, при чемъ масляная краска какъ бы разлагаетъ лакъ, соединяясь съ скипидаромъ и выдѣлая смолу. Съ старыми скипидарными лаками этого обстоятельства не замѣчено.

Для дешевыхъ масляныхъ картинъ употребляютъ растворъ терпентина въ скипидарѣ; на 1 часть перваго берутъ обыкновенно отъ 3 до 10 частей послѣдняго вещества. Приготовленіе такого раствора удобно идетъ въ

приборѣ, представленномъ на фиг. 6; въ кружку б наливается скипидаръ, а въ сосудъ а терпентинъ. Работникъ, отворивъ кранъ кружки б, долженъ безпрестанно помѣшивать массу въ сосудѣ а до-тѣхъ-поръ, пока она не сдѣлается совершенно жидкою.

Для картинныхъ галерей чаще всего готовятъ лакъ изъ зернистой мастики и терпентиннаго масла. Сначала мастика измельчается, смачивается водою и оставляется на воздухѣ, при чемъ эта смола дѣлается бѣлѣе. Выбѣленную такимъ образомъ мастику обливаютъ въ бутылкахъ терпентиннымъ масломъ и смѣсь ставятъ въ теплое мѣсто. Черезъ недѣлю лакъ для покрытія масляныхъ картинъ готовъ. На 1 часть мастики берутъ 2 части тер-

пестиннаго масла. Въ Англіи для той же цѣли употребляютъ лакъ болѣе сложнаго состава (*), а именно:

отбѣленной (по-предыдущему) мастики	180	частей.
терпентина	15	»
камфоры	5—8	»
терпентиннаго масла	550	»

Камфора, служащая здѣсь для легчайшаго растворенія мастики, кладется въ терпентинъ; когда она распустится, къ полученной смѣси прибавляютъ мастику и наконецъ терпентинное масло, и массу осторожно нагреваютъ. Лакъ этотъ процѣживаютъ сквозь ткань.

Растираніе красокъ для картинъ производится на лакъ слѣдующаго состава:

мастики	6	частей.
Венеціанскаго терпентина	37	»
терпентиннаго масла	200	»

Скипидарный лакъ, употребляемый на приготовленіе разныхъ сортовъ фольги и для покрытія жести, имѣетъ слѣдующій составъ:

шеллака	120	частей.
сандарака или мастики	120	»
драконовои крови	15	»
куркумы	2	»
гумми-гута	2	»
терпентина	60	»
терпентиннаго масла	1000	»

Для золоченыхъ деревянныхъ и металлическихъ издѣлій употребляютъ лакъ такого состава:

(*) *Mechanic's Magazine*, 1849 г.

каннфоли	15	частей.
желтаго янтара . . .	60	»
элемы	30	»
терпентиннаго масла	375	»

Въ расплавленную каннфоль вливаютъ сначала расплавленный янтарь, потомъ элементу и жидкую массу разводять нагрѣтымъ терпентиннымъ масломъ. Лакъ этотъ предъ употребленіемъ нагрѣваютъ въ колбѣ, представленной на фиг. 3.

Для посеребренныхъ деревянныхъ и металлическихъ издѣлій употребляютъ лакъ слѣдующаго состава:

элемы	30	частей.
бѣлаго янтара	45	»
камеди или клея	30	»
терпентиннаго масла . .	375	»

Предъ употребленіемъ этотъ лакъ тоже подогрѣваютъ.

Для издѣлій изъ папье-маше употребляется лакъ такого состава:

каннфоли	30	частей.
темнаго янтара	30	»
клея	30	»
терпентиннаго масла . .	375	»

Къ этому лаку обыкновенно прибавляютъ порошокъ жженой слоновьей кости. Лакъ предъ употребленіемъ подогрѣваютъ, а издѣлія, по наведеніи этого лака, держать нѣкоторое время въ сильно натопленной печи.

Для пергамина и вообще для бѣлыхъ кожаныхъ издѣлій употребляютъ скипидарный лакъ слѣдующаго состава:

терпентина	12	частей.
сандарака	12	»

мастики	12	частей.
янтаря бѣлаго.	3	»
терпентиннаго масла	50	«

Въ составѣ скипидарнаго лака какъ для покрытія масляныхъ картинъ, такъ и для упомянутыхъ издѣлій, входятъ иногда главнымъ образомъ только копаль. Такой лакъ хотя и медленнѣе сохнетъ предыдущихъ скипидарныхъ лаковъ, но за то онъ прозрачнѣе и прочнѣе ихъ.

Копало-скипидарный лакъ можно готовить или чрезъ раствореніе расплавленнаго копала въ скипидарѣ, или чрезъ раствореніе въ скипидарѣ неплавленнаго копала при помощи лавендоваго масла и камфоры. Въ первомъ случаѣ берутъ на 1 часть бѣлаго копала отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 частей скипидара. Расплавивъ копаль въ приборѣ, представленномъ на фиг. 7, 8 и 9, выливаютъ смолу въ мѣдннй вылуженный сосудъ *a* (фиг. 6), и изъ кружки *b* выпускаютъ въ него понемногу горячаго скипидара при безпрестанномъ помѣшиваніи смѣси.

При приготовленіи копало-скипидарнаго лака безъ плавленія смолы нужно соблюдать слѣдующія предосторожности: 1) выбирать бѣлый копаль; 2) мелкіи порошкы этой смолы смачивать лавендовымъ масломъ и оставлять получаемую сырую массу въ открытомъ сосудѣ крайней-мѣрѣ на сутки, помѣшивая ее по-временамъ; 3) къ размяченному такимъ образомъ копалу прибавлять скипидаръ не вдругъ, а понемногу, оставляя смѣсь послѣ каждой подливки масла на нѣсколько сутокъ въ закрытомъ сосудѣ, и наконецъ 4) прибавлять къ копалу камфоры, которая, подобно лавендовому маслу, ускоряетъ его раствореніе. Приготовленіе такимъ путемъ копало-скипидарнаго лака продолжается отъ 3 до 4 недѣль. На-

грѣваніе означенной смѣси хотя и сокращаетъ это время, но лакъ выходитъ хуже.

Вотъ составы копало-скинндарнаго лака для картинъ:

копала	30 частей.
камфоры	4 »
лавендоваго масла . . .	180 »
терпентиннаго масла . .	240 »

Для металлическихъ и кожанныхъ издѣлій:

копала	30 частей.
камфоры	2 »
лавендоваго масла . . .	90 »
терпентиннаго масла . .	120 »

т. е. во второмъ случаѣ берется камфоры, лавендоваго и терпентиннаго масла вдвое меньше (на то же количество копала), чѣмъ въ первомъ, и оттого лакъ втораго состава гуще и не столь упругъ въ сухомъ состояніи, какъ лакъ перваго состава.

Для желтой фольги и позолоты:

копала	1 часть.
лавендоваго масла . . .	2 »
терпентиннаго масла . .	6 »

ПРИБГОТОВЛЕНІЕ МАСЛЯНЫХЪ ЛАКОВЪ.

Масляные лаки можно раздѣлить на двѣ группы. Лаки первой группы состоятъ только изъ нѣкоторыхъ высыхающихъ маселъ, а въ составѣ лаковъ другой группы содержатся высыхающія масла вмѣстѣ съ смолами. Лаки эти сохнутъ медленнѣе всѣхъ другихъ, и оттого весьма прочны. Они выдерживаютъ дѣйствіе свѣта, теплоты и атмосферныхъ перемѣнъ, и потому особенно годны для

отдѣлки экипажей, дверей при подъѣздахъ, оконныхъ рамъ, вывѣсокъ и проч.

Высыхающія масла, каковы: льняное, конопляное, маковое, орѣховое и проч., одарены особымъ свойствомъ, которое состоитъ въ томъ, что на воздухѣ они больше и больше густѣютъ, дѣлаются липкими и наконецъ совершенно затвердѣваютъ, если ими не толсто покрыть какую-нибудь поверхность. Получаемый такимъ образомъ наводъ блестящъ и твердъ; это настоящій слой лака.

Изъ опытовъ Бертоле и Соссюра надъ высыхающими маслами извѣстно, что они сначала поглощаютъ изъ воздуха кислородъ, потомъ наступаетъ періодъ выдѣленія изъ маселъ угольной кислоты, и одновременно съ этимъ явленіемъ совершается другое—высыхание масла. Отдѣленіе угольной кислоты, по наблюденіямъ Баррюеля и Жана (*), начинается черезъ 5 или 6 дней, если въ высыхающемъ маслѣ нѣтъ масла невысыхающаго, а въ противномъ случаѣ угольная кислота появляется не раньше, какъ черезъ 8 или 10 дней.

Отдѣленіе угольной кислоты изъ высыхающихъ маселъ начинается при извѣстной температурѣ масла, и чѣмъ она ближе къ 0 градусовъ, тѣмъ отдѣленіе газа слабѣе. При 0 градусовъ угольная кислота вовсе не отдѣляется изъ высыхающаго масла, а при температурѣ отъ 10 до 25° отдѣляется довольно сильно. Эти факты позволяютъ сравнивать процессъ высыхания маселъ съ процессомъ виннаго броженія, потому-что онъ тоже сопровождается отдѣленіемъ угольной кислоты; при 0 градусовъ высыхание масла также останавливается, и идетъ равномерно при темпера-

(*) *Technologiste*, 1853 г.

туръ отъ 10 до 15 градусовъ, какъ и винное броженіе. Не смотря на отдѣленіе угольной кислоты при высыханіи масла, вѣсъ его увеличивается на 12—16 процентовъ. Это обстоятельство не иначе можетъ быть объяснено, какъ присоединеніемъ поглощаемого масломъ кислорода къ составнымъ частямъ масла. Въ темнотѣ высыхающія масла не поглощаютъ кислорода изъ воздуха, а при свѣтѣ поглощаютъ, и тѣмъ быстрѣе, чѣмъ больше на масло падаетъ свѣта.

Высыханіе упомянутыхъ маселъ, какъ видно изъ предыдущаго, идетъ довольно медленно. Но извѣстно, что процессъ этотъ совершается гораздо скорѣе, если масло, особенно льняное, предварительно подвергнуть очищенію водою при обыкновенной температурѣ, или варить масло болѣе или менѣе продолжительно съ прибавленіемъ или безъ прибавленія къ нему свинцоваго глѣта.

Въ первомъ случаѣ масло наливаютъ въ плоскіе стеклянные или луженые сосуды въ такомъ количествѣ, чтобы въ нихъ можно было влить еще столько же воды. Прикрывъ сосуды съ этою смѣсью стекломъ, выносятъ ихъ на солнце, время отъ времени обѣ жидкости взмѣшиваютъ, и даютъ имъ отстояться. По прошествіи 8—12 недѣль, масло готово; его осторожно сливаютъ сифономъ, при чемъ въ сосудѣ остается вода и грязный осадокъ.

Способность высыханія масла можно, какъ сказано, усилить нагрѣваніемъ въ котлѣ при доступѣ воздуха. Эта операція сопряжена съ немаловажными затрудненіями. Во-первыхъ, необходимо, чтобы масло не подгорало, иначе оно побурѣетъ и потеряетъ способность скоро высыхать; во-вторыхъ, масло нужно доводить до такъ-называемаго (исправильно) кипѣнія только на днѣ сосуда, а въ против-

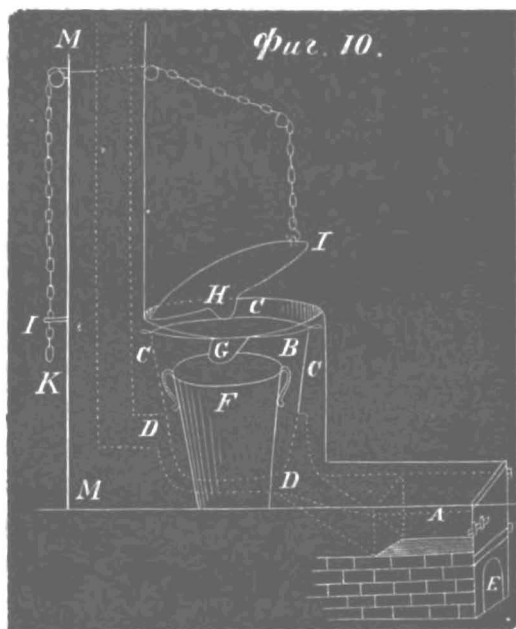
номъ случаѣ вся масса начнетъ сильно пузыриться, вѣнаться и подыматься, такъ-что весьма легко можетъ перелиться черезъ края котла, если не будетъ во время уменьшенія или вовсе потушенъ подъ нимъ огонь. Для избѣжанія этого случая всегда должно имѣть подъ рукою сосудъ съ варенымъ масломъ и приливать по-временамъ этого масла въ котелъ для охлажденія варимаго. Сыраго масла прибавлять нельзя, потому-что, вслѣдствіе присутствія въ немъ влаги и значительнаго количества азотистыхъ веществъ, оно увеличитъ вспучиваніе варимаго масла. Еще лучше можно избѣжать упомянутаго неудобства, если работникъ, которому поручено смотрѣть за нагрѣваніемъ масла, будетъ, когда масло нагрѣется, непрерывно помѣшивать его длиннымъ уполовникомъ съ отверстиями на днѣ. Зачерпнувъ такимъ уполовникомъ масла, работникъ долженъ пускать его съ нѣкоторой высоты опять въ котелъ; этимъ путемъ устраняется отчасти и подгараніе масла, и вмѣстѣ тѣмъ оно приводится въ прикосновеніе съ воздухомъ. Въ третьихъ, необходимо при вареніи масла предупреждать его воспламененіе; на этотъ конецъ нужно имѣть плотно закрывающую котелъ металлическую крышку, которая, при надобности, совершенно прекращала бы въ него доступъ воздуха. Свареное такимъ образомъ масло называется *олифой*.

При нагрѣваніи масла, кромѣ упомянутыхъ предосторожностей, нужно еще обращать вниманіе на продолжительность этой операціи, какъ это видно изъ опытовъ Шеврѣля (*): *льняное масло, варившееся три часа, высы-*

(*) *Annales de Chimie et de Physique*, T. XLVII, p. 253, 1856 г.

тало въ 49 часовъ, а варившаяся пять часовъ высыхало въ 68 часовъ.

Затрудненія, съ которыми сопряжено вареніе олифы, можно устранить до извѣстной степени слѣдующимъ устройствомъ печи (фиг. 10) и расположеніемъ въ ней котла:

топка *A* съ зольникомъ *E* находится не прямо подъ котломъ, какъ это допускаютъ обыкновенно, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него. Пламя и продукты горѣнія идутъ по каналу *D* подъ котель *B*, и, обхватывая его только до половины высоты, уходятъ наконецъ въ трубу *MM*. Котель *B*, мѣдный или чугунный, снабженъ спускомъ *G* и крышкою *H*, которую можно подымать и опускать съ помощью цѣпъ и *I* съ гирею *K*. *F*—котель для готовой олифы. *C, C*—

киришчыя стѣны, окружающія котель съ варимымъ масломъ.

Давно уже извѣстно, что способность высыхания олифы увеличивается, если къ маслу, во время варенія, прибавлять глѣта, сурика и даже свинцовыхъ бѣлилъ. Эти вещества, если вѣзты не въ избыткѣ, дѣйствительно оказываютъ благоприятное вліяніе на высыханіе маслъ, а въ противномъ случаѣ масса принимаетъ студенистый видъ, медленно сохнетъ и высохшій наводъ скоро коробится и отстаетъ. Опыты показали, что на каждый фунтъ масла слѣдуетъ брать не больше 3 лотовъ глѣта или сурика и не больше 7 лотовъ свинцовыхъ бѣлилъ. Вліяніе этихъ послѣднихъ слабѣе и обнаруживается не такъ скоро, какъ глѣта или сурика. При этомъ замѣчено, что означенное количество свинцовыхъ соединеній никогда не должно смѣшиваться вдругъ со всѣмъ количествомъ масла, а только съ частью его: получаемая такимъ путемъ олифа сохнетъ скорѣе. Такъ, Бинксъ приготовляетъ (1) сначала льняную олифу съ помощью глѣта обыкновеннымъ путемъ, потомъ смѣшиваетъ ее со свѣжимъ масломъ, беря отъ 2 до 5 частей (по вѣсу) олифы на 1000 частей масла, къ смѣси прибавляетъ нѣсколько воды, и все это нагреваетъ до 100 градусовъ. При этой температурѣ смѣсь должно поддерживать до тѣхъ поръ, пока вся вода выкипитъ и масса сдѣлается мыловидною. По прошествіи нѣкотораго времени, олифа отстоится и станетъ желтою. Этотъ фактъ замѣченъ также Шеврѣлемъ (2) вадъ олифою, вареною съ перекисью марганца.

(1) *Génie industriel*, 1854 г.

(2) *Annales de Chimie et de Physique*, T. XLVII, p. 214, 1856 г.

Къ маслу, варимому съ глѣтомъ, полезно прибавлять бѣлаго (цинковаго) купороса. Сама по себѣ эта соль не оказываетъ никакого вліянія на свойства масла, но въ присутствіи глѣта она приноситъ существенную пользу, по тому-что разлагаетъ свинцовый пластырь, при чемъ осаждается сѣрнокислая окись свинца (акшаръ) и образуется цинковый пластырь, который имѣетъ видъ довольно грубой зернистой массы, и не плаваетъ въ маслѣ въ видѣ слизи, подобно свинцовому пластырю, отъ присутствія котораго олифа скоро лупится.

Изъ всѣхъ высыхающихъ маселъ льняное масло высыхаетъ скорѣе другихъ, а потому льняная олифа принадлежитъ къ самымъ лучшимъ. Она-то можетъ быть разсматриваема, какъ настоящій лакъ: потому-что, будучи наведена, не толсто на какую-нибудь поверхность, засыхаетъ въ 24 часа, образуя на ней блестящій слой. Сырое же льняное масло, очищенное взбалтываніемъ съ водою, высыхаетъ при томъ же условіи не раньше 8—10 дней.

Условія и причины высыханія сыраго и такъ или иначе варенаго льнянаго масла до-сихъ-поръ еше не вполне изслѣдованы. Высыханіе маселъ приписываютъ обыкновенно ихъ жидкой составной части, которая во всѣхъ высыхающихъ маслахъ отлична отъ олеина; ее называютъ *олиомъ*. Это жирное вещество, соединяясь съ кислородомъ воздуха, принимаетъ видъ смолы. Переходъ олеина въ смолистое вещество совершается скорѣе, когда высыхающее масло подвергается нагрѣванію при доступѣ воздуха въ присутствіи или безъ присутствія свинцовыхъ соединений. Впрочемъ, *нагрѣваніе не есть единственное и необходимое условіе увеличенія способности высыханія маселъ*, чему доказательствомъ могутъ служить слѣдующіе факты:

1) Если льняное масло тщательно взмѣшать, какъ предложилъ Любихъ (1), съ растворомъ свинцоваго уксуса (съ основной уксуснокислой окисью свинца), и смѣсь оставить отстояться, то изъ жидкости выдѣляется бѣлый, вловатый осадокъ водной окиси свинца, и обработанное такимъ образомъ льняное масло, будучи наведено не толсто на какую-нибудь поверхность, высыхаетъ совершенно въ 24 часа.

2) Если льняное масло смѣшать съ известковою водою и съ растворомъ желѣзнаго или марганцоваго купороса, какъ предложилъ Бинксъ (2), переливая смѣсь изъ одного сосуда въ другой, то изъ жидкости выдѣляется окись желѣза или окись марганца, и очищенное такимъ образомъ масло высыхаетъ тоже весьма скоро.

3) По моимъ опытамъ, высыхающая способность льнянаго масла значительно увеличивается, если стереть немного масла съ перекисью марганца (съ чернымъ марганцомъ), также съ прикисью свинца, или просто съ сурикомъ, получаемую масляную краску распустить въ упомянутомъ маслѣ, влить въ него разведенной соляной кислоты, и смѣсь эту взболтать. Изъ жидкости при отстоѣ выдѣляется хлоръ, въ ней же остается въ первомъ случаѣ хлористый марганецъ, а въ послѣднемъ — хлористый свинецъ.

Эти факты показываютъ, что *нагрѣваніе действительно не есть еще единственное и необходимое условіе увеличенія способности высыханія льнянаго масла, а слѣдовательно и есть въ тѣхъ жирахъ, которыхъ жидкая часть состоитъ изъ омына.*

(1) Handwörterb. der rein und angewandt. Chemie, T. III. S. 120.

(2) Génie industriel, 1854 г.

Общепотребительный способъ приготовления льняной олифы, т. е. болѣе или менѣе продолжительное нагрѣваніе масла при доступѣ воздуха безъ присутствія или въ присутствіи свинцовыхъ соединеній, имѣеть, какъ сказано, множество недостатковъ и между прочимъ тотъ, что масло верѣдко загорается. По этому приготовленіе олифы безъ нагрѣванія масла уже съ перваго раза должно казаться болѣе удобнымъ, чѣмъ приготовленіе этого лака обыкновеннымъ путемъ.

Приготовленіе льняной олифы по способу Либиха, безъ нагрѣванія масла, состоитъ въ слѣдующемъ:

Наливаютъ въ бутылъ 6 $\frac{1}{4}$ фун. воды, растворяютъ въ ней 120 золотниковъ свинцоваго сахара (*) (уксуснокислой окиси свинца), къ получаемому раствору прибавляютъ 120 золот. свинцоваго глѣта, и оставляютъ эту смѣсь въ тепломъ мѣстѣ до-тѣхъ-поръ, пока не растворится глѣтъ. Этотъ свинцовый растворъ, при помѣшаніи по-временамъ, бываетъ готовъ черезъ нѣсколько дней, а если нагрѣтъ его до кипѣнія, то черезъ полчаса. Приготовленнаго такимъ образомъ раствора достанетъ на приготовленіе 25 фунтовъ льняной олифы.

Далѣе берутъ 25 фунтовъ льнянаго масла, смѣшиваютъ его съ равнымъ объемомъ воды, въ смѣсь приливаютъ мало-по-мало означенный свинцовый растворъ, жидкость взмѣшиваютъ, переливая ее раза четыре въ одного сосуда въ другой, и наконецъ оставляютъ на недѣлю стоять, при чемъ смѣсь по-временамъ взбалтываютъ, а къ

(*) О приготовленіи олифы съ помощью свинцоваго сахара упоминается въ *Traité de Chimie appliqué aux arts de S. F. Gray*, а потому мысль готовить олифу съ помощью упомянутой соли принадлежит не Либиху.

концу медѣли даютъ отстояться. Тогда на днѣ сосуда скопится водный растворъ свинцоваго сахара и въ немъ бѣловатый осадокъ, а надъ растворомъ будетъ плавать масло свѣтложелтаго цвѣта. Въ водномъ растворѣ содержится весь свинцовый сахаръ (120 золот.), взятый на очищеніе масла; этотъ растворъ, распустивъ въ немъ снова 120 золотишковъ свинцоваго глѣта, можно употребить на очищеніе другой порціи масла. Можно брать прямо свинцовый сахаръ, распустивъ въ означенной смѣси воды съ масломъ 120 зол. глѣта. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ изъ нѣскольکو мутной маслянистой жидкости свѣтложелтаго цвѣта, если ее осторожно слить сифономъ, выдѣляется бѣлый, иловатый осадокъ, при чемъ жидкость освѣтляется, но только медленно. вмѣсто освѣтленія чрезъ отстой можно прибѣгнуть къ процеживанію чрезъ воронку, отверстіе которой слегка заткнуто ватой. Получаемая такимъ образомъ льняная олифа содержитъ въ растворѣ въ видѣ пластыря отъ 4 до 5 проц. свинцовой окиси, присутствіе которой даже при незначительномъ количествѣ портать олифу. Когда она предназначается на лаки и для употребленія въ живописи, окись свинца должна быть удалена изъ олифы. Для этого можетъ служить разведенная сѣрная кислота. Если олифу взболтать съ незначительнымъ количествомъ слабой сѣрной кислоты и смѣсь оставить въ покоѣ, тогда изъ жидкости выдѣлится бѣлый осадокъ сѣрнокислой окиси свинца, и получится чистая олифа, засыхающая въ теченіе сутокъ. вмѣсто сѣрной кислоты, лучше для означенной цѣли употреблять растворъ цинковаго купороса: потому что при этомъ выдѣлится и свинецъ въ видѣ сѣрнокислой окиси свинца, и жирная кислота въ видѣ цинковаго пластыря, присутствіе которой дѣлаетъ

лакъ тусклымъ, если покрыть такую олифою какую-нибудь поверхность.

Способъ приготовления льняной олифы безъ нагрѣванія масла, описанный Бинксомъ (*), состоитъ въ слѣдующемъ:

Льняное масло подвергается при обыкновенной температурѣ дѣйствию металлическихъ окисловъ, которые обладаютъ свойствомъ переходить при доступѣ воздуха въ высшія степени окисленія. Къ числу такихъ окисловъ, доступныхъ практикѣ, принадлежатъ закись марганца и закись желѣза, изъ коихъ первая заключается въ марганцовомъ, а вторая въ желѣзномъ купоросѣ. На 1000 частей льнянаго масла нужно отъ 5 до 10 частей того или другаго купороса. Масло должно смѣшать съ растворомъ купороса, къ смѣси прибавить незначительное количество воды, и получаемую жидкость переливать изъ одного сосуда въ другой, при чемъ естественный желтоватозеленый цвѣтъ масла дѣлается бурымъ. Упомянутые окислы переходятъ во время этой операціи въ высшія степени окисленія, принимаютъ грязнокрасный цвѣтъ и быстро осаждаются на дно сосуда. Если массу процѣдить и оставить въ плоскомъ сосудѣ на открытомъ воздухѣ, то цвѣтъ масла дѣлается свѣтложелтымъ. Обработанное такимъ образомъ льняное масло высыхаетъ тоже весьма скоро.

По моему способу, льняная олифа готовится безъ нагрѣванія масла слѣдующимъ путемъ:

На 100 частей льнянаго масла я беру приблизительно 1 часть этого масла и растираю его съ 5 частями чернаго марганца или съ 3 частями сурика, а остальное

(*) Génie industriel, 1854 г.

масло выливаю въ стеклянный сосудъ; получаемую такимъ образомъ маслянную краску опускаю въ тотъ же сосудъ, смѣсь масла съ краскою тщательно взбалтываю, и приливаю къ ней 100 частей воды. Затѣмъ отвѣшиваю крѣпкой соляной кислоты приблизительно вдвое больше противъ чернаго марганца или сурика и развожу ее тройнымъ количествомъ воды, четвертую часть этой разведенной кислоты вливаю въ сосудъ съ упомянутою смѣсью масла, чернаго марганца и воды, или съ смѣсью масла, сурика и воды, и все взмѣшиваю деревянною лопаткою, при чемъ мало-по-малу начинается химическое дѣйствіе въ первомъ случаѣ между чернымъ марганцомъ и соляною кислотой, а во второмъ — между сурикомъ и соляною кислотой, сопровождающееся отдѣленіемъ хлора и образованіемъ хлористаго марганца или хлористаго свинца, изъ коихъ послѣдній скопляется на днѣ сосуда въ видѣ бѣлой кристаллической массы, а первый остается въ растворѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней вся порція кислоты, влитой въ сосудъ съ масломъ, разлагается. Если послѣ того будутъ еще замѣтны слѣды чернаго марганца или сурика, то въ сосудъ съ масломъ слѣдуетъ опять прилить нѣсколько соляной кислоты и все тщательно взмѣшивать. Подливку соляной кислоты должно продолжать по-временамъ до-тѣх-поръ, пока не исчезнетъ совершенно красный цвѣтъ сурика или черный цвѣтъ перекиси марганца. Получаемая такимъ образомъ льняная олифа высыхаетъ съ небольшимъ въ сутки, если не толсто покрыть или натереть ею деревянную или другую какую-нибудь вещь.

Должно замѣтить, что льняное масло, подвергнутое предыдущимъ опытамъ, добыто изъ сѣмянъ безъ нагрѣванія, потомъ недѣли черезъ двѣ обработано, какъ сказано

выше, и стояло послѣ того въ теплоѣ мѣстѣ и въ открытомъ сосудѣ болѣе двухъ мѣсяцевъ. Пробы надъ высыханіемъ такой олифы и надъ получаемымъ при этомъ лоскомъ, дѣланныя время-отъ-времени въ продолженіе означеннаго срока, показали, что она *высыхаетъ тѣмъ скорее, чѣмъ больше отстаетъ, и что засохшій слой долю стоявшей олифы отстаетъ и лупится не такъ скоро, какъ свежей*. Олифа, приготовленная по описанному способу, годна для составленія масляныхъ красокъ, лаковъ и прямо можетъ быть употребляема для лакированія. Если натереть ею столъ посредствомъ мягкаго сукна (натираніе слѣдуетъ продолжать нѣсколько часовъ), то лоскъ получаемой такимъ образомъ политуры хорошо держится даже при мытьѣ стола горячею водою.

Недостатки олифы, приготовляемой безъ нагрѣванія масла, будутъ изложены ниже.

Попытка Либиха, — объяснить скорое высыханіе льнянаго масла, обработаннаго свинцовыми соединеніями, разложеніемъ нѣкоторой части олины на глицеринъ и жирную кислоту, привела его, какъ извѣстно, къ отрицательному результату. Имѣя въ виду свойства олины, составляющаго жидкую часть всѣхъ высыхающихъ маселъ, превращеніе льнянаго масла въ лакъ можно, кажется, объяснить гораздо проще. Для этого надо принять въ соображеніе, что высыхающія масла поглощаютъ кислородъ не мало-помалу, не съ нѣкоторою послѣдовательностью, а прерывно. И точно, изъ наблюдений Соссюра и Бертоле мы знаемъ, что орѣховое масло въ теченіе 8 мѣсяцевъ поглощаетъ (сравнительно) 3 объема кислорода, а въ слѣдующіе за тѣмъ 20 дней—20 объемовъ. Этотъ фактъ показываетъ, что постороннее вещество, содержащееся въ высыхающемъ маслѣ, какъ бы

препятствуетъ олицу поглощать этотъ газъ, и что когда это постороннее вещество, вѣроятно растительная бѣдкавица, измѣнится или будетъ удалено, тогда олицъ, не встрѣчая препятствія къ окисленію, начинаетъ поглощать кислородъ весьма быстро. Это постороннее вещество, какъ видно изъ предыдущаго, можно удалить болѣе или менѣе скоро и совершенно забалтываніемъ масла съ водою, съ растворомъ свинцовыхъ, желѣзныхъ, марганцовыхъ и другихъ солей, или наконецъ нагрѣваніемъ въ присутствіи или безъ присутствія свинцовыхъ соединений. И такъ можно утверждать, что *ускореніе высыханія маслъ обусловливается удаленіемъ изъ нихъ постороннихъ веществъ химически или механически, а способность или причина высыханія — присутствіемъ олицы.*

Въ доказательство достовѣрности этого вывода, вытекающаго изъ упомянутыхъ фактовъ, приведемъ слѣдующіе результаты опытовъ, произведенныхъ мною въ томъ предположеніи, что жирныя масла распадаются на глицеринъ и жирныя кислоты, если оставить масла въ прикосновеніи со всѣми веществами, сопровождающими ихъ въ плодахъ и сѣменахъ (*):

1) Одна часть свѣжаго льнянаго масла, выжатого немедленно изъ мякоти сѣмянъ, растворяется при нагрѣваніи въ $5\frac{1}{2}$ частяхъ 92% спирта; а если такое же масло простоятъ мѣсяца два при обыкновенной температурѣ, то для растворенія одной части этого стараго масла нужно нѣсколько меньше 5 частей спирта означенной крѣпости. При дальнѣйшемъ храненіи масла, растворимость его въ спиртѣ не увеличивается болѣе. Этотъ опытъ показываетъ, что въ

(*) Pelouze, Comp. rendus de l'Académie des Sciences, 1835 г.

льняномъ маслѣ, во время храненія его, развиваются жирныя кислоты, присутствіе которыхъ, какъ извѣстно, увеличиваетъ растворимость маслѣ въ спиртѣ. Въ льняномъ маслѣ, выжатомъ изъ сѣмянъ немедленно по измельченіи ихъ, жирныхъ кислотъ развивается не больше 2 процентовъ, тогда-какъ въ томъ же маслѣ содержаніе ихъ доходитъ до 6 процентовъ, если масло оставить вмѣстѣ съ избойной.

2) Свѣжее льняное масло, будучи обработано по описанному мною выше способу, высыхаетъ медленнѣе стараго, обработаннаго тѣмъ же путемъ. Отсюда видно, что храненіе льнянаго масла, сопровождающееся образованіемъ въ немъ весьма незначительнаго количества жирныхъ кислотъ, имѣетъ хорошую сторону, когда масло назначается для лаковъ: оно очищается отъ тѣхъ веществъ, которыя препятствуютъ окисленію олива, и послѣдній успѣваетъ въ это время выгодно измѣниться въ отношеніи высыханія. Вотъ почему долго стоявшее или старое масло предпочитается на лаковыхъ заводахъ маслу свѣжему.

Такъ какъ нѣтъ никакого основанія, по которому можно бы предполагать, что происходитъ распаденіе значительнаго количества олива и при поименованныхъ способахъ и средствахъ очищенія высыхающихъ маслѣ, то выводъ, въ подтвержденіе котораго произведены предыдущіе опыты, дѣлается весьма достовѣрнымъ, т. е. высыханіе маслѣ зависитъ отъ присутствія въ нихъ олива.

Льняная олифа, приготовленная безъ нагрѣванія масла по всѣмъ тремъ изложеннымъ выше способамъ, дѣйствительно высыхаетъ весьма скоро, но для практики имѣетъ весьма важный недостатокъ: высохшій слой олифы въ непродолжительное время отстаетъ и дупится, если она только наведена на поверхность. При опытахъ надъ оли-

фою Либиха, мнѣ показалось сперва, что упомянутый недостатокъ происходитъ отъ присутствія въ ней свинцовой окиси; но то же самое было замѣчено и по удаленіи свинцовой окиси. Опыты надъ олифою, приготовленною безъ нагрѣванія льнянаго масла по двумъ другимъ способамъ, привели къ такому же результату. Когда же олифа Либиха была нагрѣта въ водяной банѣ и введена на стекло, то она не только скоро высыхала, но и не лупилась. То же самое оказалось съ олифою, приготовленною по двумъ другимъ способамъ.

Послѣ этихъ опытовъ стало ясно, что не прочность льняной олифы, приготовленной холоднымъ путемъ, зависитъ отъ присутствія въ ней частицъ воды, которая частью препятствуетъ прилипанію олифы, частью подымаетъ и отдираетъ ее при испареніи. Теперь понятно также, почему олифа, приготовленная безъ нагрѣванія масла, не отстаетъ, если ею продолжительно натирать поверхность стола, какъ это уже замѣчено выше.

Шеврѣль, при изслѣдованіи надъ масляными красками, пришелъ къ тому же результату (*); онъ признаетъ, что нагрѣваніе масла нужно, но что нѣтъ надобности возвышать температуру его далѣе 70—100 град., не объясняя впрочемъ, по какой именно причинѣ можно довольствоваться означенною температурой. Путь, избранный Шеврѣлемъ (нагрѣваніе масла до различныхъ температуръ вмѣстѣ съ красками), не могъ привести къ этой причинѣ, тогда какъ у меня она обнаружилась сама собою при упомянутомъ испытаніи достоинствъ и недостатковъ олифы, приготовленной безъ нагрѣванія масла.

(*) *Annales de Chimie et de Physique*, T. XLVII, p. 258 и 282, 1856 г.

Изъ этого разбора способовъ приготовления льняной олифы и обстоятельствъ, сопровождающихъ ея высыхание, усматриваемъ, что *нагрѣваніе не необходимо для увеличенія способности высыхания льнянаго масла, но весьма существенно при назначеніи его на лаки и масляныя краски.*

Нагрѣваніе голымъ огнемъ, сопряженное съ большими затрудненіями в порчею масла, на лаковыхъ заводахъ должно быть совершенно оставлено и замѣнено паровымъ нагрѣваніемъ: цѣль нагрѣванія масла достигается впаднѣ и этимъ послѣднимъ путемъ, а порча масла и воспламененіе его невозможны, и наконецъ этотъ способъ нагрѣванія обойдется не дороже обыкновеннаго. Для этой цѣли можетъ служить приборъ, употребляемый иногда при выпариваніи сахарныхъ сироповъ и изображенный на фиг. 11.

Деревянный ларь *A* наполняется масломъ, которое по трубкѣ съ краномъ *a* течетъ черезъ воронку *b* въ деревянный или мѣдный ящикъ *B*. Въ этомъ ящикѣ вращается змѣевикъ *fdg*, въ который пускаютъ паръ по трубѣ *h*.

Вентилаторъ ж гонитъ воздухъ въ приборъ, ускоряетъ испареніе воды и способствуетъ окисленію масла, въ избыткаемаго вращеніемъ змѣевика.

Увариваніе масла при 70—100 град. Ц., въ случаѣ приготовленія масляныхъ красокъ, т. е. когда масло и краска нагрѣваются вмѣстѣ, должно продолжаться, по замѣчанію Шеврѣля (*), около 6 часовъ. По моимъ опытамъ, на увариваніе олифы, предназначаемой для тѣхъ лаковъ, въ составъ которыхъ входитъ какая-нибудь смола, нужно вдвое меньше времени, такъ-какъ фабрикація ихъ сопряжена съ нагрѣваніемъ, какъ это увидимъ ниже; увариваніе же масла вмѣстѣ съ краскою слѣдуетъ прекращать, какъ скоро приготовляемая краска перестанетъ давать просвѣтъ на клееной бумагѣ.

Изъ сказаннаго о высыхающихъ маслахъ вообще и въ особенности о льняномъ маслѣ, мы имѣемъ право слѣдовать слѣдующіе выводы относительно его добыванія, подготовленія и употребленія на лаки:

1) Масло, назначаемое для олифы, должно выжимать изъ сѣмянъ горячимъ путемъ, т. е. сѣмена передъ выжиманіемъ нужно нагрѣвать: въ получаемомъ такимъ путемъ маслѣ меньше азотистыхъ веществъ, слизи и воды, чѣмъ въ маслѣ выжатомъ безъ нагрѣванія сѣмянъ.

2) Выжимку масла изъ раздробленныхъ сѣмянъ производить по возможности безъ отлагательства, иначе въ маслѣ явятся жирныя кислоты и глицеринъ, присутствіе которыхъ способствуетъ только очищенію масла, но замедляетъ высыханіе оліна и дѣлаетъ масляный лакъ тусклымъ.

(*) *Annales de Chimie et de Physique*, T. XLVII, p. 256—262, 1836 г.

3) Свѣжее масло оставлять отстаиваться, или, что гораздо лучше, сначала обработать его по одному изъ упомянутыхъ способовъ приготовленія олифы холоднымъ путемъ и потомъ уже оставить въ покоѣ при доступѣ воздуха.

4) Льняную олифу, приготовленную безъ варки масла, слѣдуетъ передъ употребленіемъ нагрѣвать по-крайней-мѣрѣ до 70—100 град. Ц., иначе она будетъ скоро лупиться.

Перейдемъ теперь къ маслянымъ лакамъ второй группы, въ составъ которыхъ входитъ льняная олифа вмѣстѣ съ смолами, а иногда еще и терпентинное масло. Изъ смоль для этого рода лаковъ употребляются преимущественно разные сорта копала, литаръ и сандаракъ; шеллакъ же, мастика, даммара, асфальтъ и другія смолы только иногда, и то въ маломъ количествѣ.

Приготовленіе масляныхъ лаковъ существенно отличается отъ фабрикаціи лаковъ спиртовыхъ, метиловыхъ и скипидарныхъ. Послѣдніе три рода лаковъ можно почти всегда готовить просто чрезъ раствореніе смоль, а къ масляныхъ лакамъ эта метода дѣлается примѣнимою только по расплавленіи смолы, иначе она не распускается даже въ горячемъ маслѣ. Нагрѣваніе смоль съ виннымъ алкоголемъ, древеснымъ спиртомъ и скипидаромъ не сопряжено съ измѣненіемъ этихъ жидкостей, тогда-какъ нагрѣваніе смоль (до расплавленія) съ высыхающимъ масломъ влечетъ за собою разложеніе масла: оно пригораетъ, окрашиваетъ лакъ и дѣлается менѣе высыхающимъ (Шеврѣль). Поэтому сначала слѣдуетъ расплавить смолу и потомъ уже прибавлять къ ней мало-по-малу горячаго масла. Когда въ составъ лаковъ входятъ упомянутыя летучія жидкости и разныя смолы, эти послѣднія можно растворять въ нихъ

одновременно; а одновременное плавленіе разныхъ смоль для приготовленія маслянаго лака сопряжено съ порчею ихъ. Такъ, если въ составъ лака должны входить янтарь, копаль и сандаракъ, изъ коихъ первый плавится труднѣе втораго, а второй труднѣе третьяго, то смолы эти должны быть расплавлены отдѣльно и потомъ уже смѣшаны, иначе расплавишійся сандаракъ будетъ пригорать, пока плавится копаль, а этотъ пригоритъ во время плавленія янтара.

Принимая все это въ соображеніе, при фабрикаціи масляныхъ лаковъ второй группы слѣдуетъ держаться слѣдующихъ правилъ:

1) Смолы (копаль, янтарь, сандаракъ и т. п.) должно расплавлять отдѣльно, т. е. не смѣшивая съ льнянымъ масломъ, потому-что въ такомъ случаѣ онѣ меньше подгораютъ и даютъ болѣе свѣтлый лакъ.

2) Льняное масло, смѣшиваемое съ той или другой смолой, должно быть предварительно подготовлено по одному изъ описанныхъ выше способовъ.

3) Если въ составъ лака берутся разные смолы, то не слѣдуетъ плавить ихъ всѣ разомъ, потому-что наиболѣе плавкая, сдѣлавшись жидкою, успеетъ пригорѣть, пока другая станетъ плавиться.

4) Плавленіе смолы, исполняемое обыкновенно въ желѣзномъ котлѣ, гдѣ она остается до-тѣхъ-поръ, пока не расплавится вся заразъ взятая порція, лучше производить слѣдующимъ образомъ: положить смолу въ большую мѣдную воронку, прикрыть ее крышкой, и поставить въ жаровню на высокихъ ножкахъ такъ, чтобы нижнее, узкое отверстіе воронки находилось внѣ жаровни. Подъ это отверстіе подставить желѣзный или глиняный пріемникъ. Жаровню наполнить затѣмъ раскаленными углями, при

чемъ смола начнетъ плавиться въ воронкѣ и стечетъ въ подставленный сосудъ. Подобная воронка описана выше (см. фиг. 7, 8 и 9).

5) Въ расплавленную смолу должно вливать масло по-немногу при помѣшиваніи; масло передъ тѣмъ нужно нагрѣть по-крайней-мѣрѣ до 70—100 Ц. Получаемую такимъ образомъ смѣсь нужно подержать на огнѣ, чтобы она сдѣлалась какъ-можно однороднѣе.

6) Если въ составъ получаемого такимъ образомъ лака требуется, для скорости высыханія его, ввести терпентинное масло, то сосудъ съ лакомъ слѣдуетъ снять съ огня, дать лаку нѣсколько остыть и тогда уже понемногу вливать въ него, при помѣшиваніи, терпентинное масло: безъ этой предосторожности терпентинное масло можетъ загорѣться, или мгновенно обратиться въ пары и лакъ будетъ выброшенъ вонъ.

7) Готовый лакъ должно процѣдить сквозь рѣдкій холстъ или частое сито и оставить для отстоя. Такъ какъ масляные лаки освѣтляются гораздо медленнѣе спиртовыхъ, то употреблять ихъ въ дѣло слѣдуетъ по-крайней-мѣрѣ черезъ недѣлю послѣ приготовленія. Вообще масляные лаки становятся тѣмъ лучше, чѣмъ дольше отстаиваются въ хорошо закрытой посудѣ; впрочемъ, отъ продолжительнаго храненія они становятся густы, а потому предъ употребленіемъ нужно разводить ихъ нѣсколько терпентиннымъ масломъ при нагрѣваніи въ горячей водѣ (въ водяной банѣ). Лакъ отъ прибавки терпентиннаго масла дѣлается жиже, лучше кроетъ и скорѣе высыхаетъ.

8) Если нужно, чтобы масляный лакъ высыхалъ скоро, на примѣръ часовъ 12—20, то въ составъ его должно входить непременно терпентинное масло. Это

послѣднее обыкновенно берется въ большомъ количествѣ противъ льнянаго масла. Но пропорція эта не постоянна. Такъ гдѣтожь, когда очищенное льняное масло сохнетъ само собою весьма скоро, терпентиннаго масла можно брать меньше, чѣмъ зимою, когда издѣлія, покрытыя лакомъ, должны сохнуть въ натопленной мастерской. Вообще, при избыткѣ льнянаго масла, лаки сохнутъ медленно, но за то они бывають упруги. Еще труднѣе опредѣлить пропорцію между количествомъ смолы и льнянаго масла. Практикою приблизительно дознано, что на 50 частей смолы (копала, ятара и проч.) можно брать отъ 25 до 100 частей льнянаго масла, а скипидара въ 2—10 разъ больше противъ послѣдняго.

Приготовленіе масляныхъ лаковъ производится слѣдующимъ образомъ:

Сначала расплавляютъ смолы, каждую отдѣльно, если лакъ составляется изъ нѣсколькихъ смолъ. При плавленіи смолы обращаютъ вниманіе на то, чтобы она становилась совершенно жидкою; для этого дѣлають по-временамъ пробу деревянною палкой, погружая и вынимая ее изъ расплавленной смолы. Она считается достаточно жидкою, если легко стекаетъ съ конца палки. Плавленіе производится въ мѣдной колбѣ, какъ показано на фиг. 1 или 2. При употребленіи жаровни, представленной на фиг. 7, 8 и 9, эта проба дѣлается лишнею; но при этомъ нужно заботиться, чтобы жидкая смола, скопившаяся въ пріемникѣ, не остыла снова. Потомъ къ жидкой смолѣ подливають понемногу льняной олифы, нагрѣтой предельно по-крайней-мѣрѣ до 70—100 град. Ц., в получаемую массу, не снимая съ огня, тщательно размѣшиваютъ.

Если лакъ составляется изъ нѣсколькихъ смоль, то смѣшиваютъ ихъ вмѣстѣ по расплавленіи каждой отдѣльно, и тогда уже подливаютъ олифу. Когда надлежащая порція олифы будетъ такимъ образомъ смѣшана съ жидкой смолой, дѣлаютъ пробу, чтобы убѣдиться готовъ ли лакъ. Для этого, захвативъ нѣсколько лака на палочку, нужно накапать его на стекло. Если капли прозрачны и блестящи, значитъ лакъ готовъ; въ противномъ случаѣ, слѣдуетъ поварить его еще. Готовый лакъ процѣживаютъ и оставляютъ остыть въ открытомъ сосудѣ. Это необходимо, иначе въ лакѣ останется немного воды, отчего онъ окажется мутнымъ и бѣловатымъ (признакъ непрочности лака). Наконецъ разливаютъ лакъ въ бутылки для хранения.

Если будетъ признано нужнымъ ввести въ составъ маслянаго лака, кромѣ олифы и смоль, еще терпентинное масло, тогда должно поступать слѣдующимъ образомъ:

Котелъ или колбу *a* съ лакомъ, приготовленнымъ по предыдущему изъ олифы и смолы, поставитъ подъ сосудъ съ скипидаромъ, какъ показано (на фиг. 6), открыть не много кранъ и пустить изъ кружки *b* скипидаръ въ горячій лакъ. Холодный скипидаръ, попадая въ сильно нагрѣтый лакъ, обратится въ пары. Въ избѣжаніе взрыва отъ образованія большаго количества паровъ воды и скипидара, послѣдній выпускается въ горячій олифосмоляной лакъ понемногу, особенно въ началѣ операциі. По той же причинѣ опасно и взмѣшивание массы. Но когда масса остынетъ нѣсколько, кранъ кружки съ скипидаромъ отпираютъ совершенно, оставляютъ его течь непрерывною струею и массу въ сосудѣ *a* безпрестанно помѣшиваютъ лопаткой. Наконецъ жидкость остынетъ до того, что ски-

пидаръ можно лить прямо черезъ носокъ кружки. Въ это время слѣдуетъ усилить взмѣшиваніе массы, чтобы она скорѣе сдѣлалась однородною. Вливъ такимъ образомъ надлежащую порцію скипидара, полученный лакъ нужно испытать на стеклѣ по-предыдущему. Если капли лака не будутъ прозрачны, его должно или варить на самомъ легкомъ огнѣ, или разбавить скипидаромъ. Готовый лакъ процѣживаютъ и хранятъ въ наглухо закрытыхъ сосудахъ.

Разсмотримъ теперь составы нѣкоторыхъ употребительнѣйшихъ масляныхъ лаковъ

Сѣтлый масляный лакъ для металлическихъ и деревянныхъ издѣлій.

Бѣлаго копала 6 частей.

Льняной олифы 3 »

Терпентиннаго масса отъ 8 до 10 частей.

Издѣлія металлическія предъ наведеніемъ лака должно отчистить крѣпкимъ щелокомъ, обмыть водою и вытереть сухимъ полотномъ. Означенный лакъ наводится на издѣліе съ помощью губки и притомъ съ успѣшностію, въ противномъ случаѣ доска будетъ не ровень. Этотъ лакъ употребляется главнымъ образомъ для покрытія желѣзныхъ и мѣдныхъ физическихъ и химическихъ приборовъ, въ которые наливается вода. Тотъ же лакъ можно употреблять и для деревянныхъ къ нимъ оправъ.

Темные масляные лаки для металлическихъ и деревянныхъ издѣлій. Въ этомъ случаѣ въ составъ лака можетъ входить желтый копаль, янтарь, сандаракъ, кашифоль, асфальтъ или жидовская смола и даже варъ. Такимъ образомъ для лакированія, напримѣръ, крашенныхъ и некрашенныхъ чугуновыхъ и деревянныхъ перилъ при лѣстни-

цахъ в т. п., употребляютъ масляные лаки слѣдующаго состава:

1) сандарака	18 частей
шеллака	6 »
вара	12 »
льняной олифы	8 »
масла терпентиннаго	15 »
2) янтаря	6 »
канифоли	1 »
асфальта	1 »
льняной олифы	3 »
терпентиннаго масла	6 »
3) желтаго копала	12 »
асфальта	5 »
льняной олифы	12 »
терпентиннаго масла	24 »

*Желтые масляные лаки для деревянныхъ и металличе-
скихъ издѣлій.*

1) Янтаря	75 частей.
Гумми-гута	26 »
Льняной олифы	100 »
Терпентиннаго масла	200 »
2) Бѣлой канифоли	6 »
Сандарака	6 »
Алоевой краски	6 »
Льняной олифы	50 »
Терпентиннаго масла	100 »
3) Янтаря	4 »
Шеллака	1 »
Льняной олифы	4 »
Терпентиннаго масла	8 »

Этотъ послѣдній лакъ сообщаетъ бѣлой жести золотистый отливъ.

Масляные лаки для экипажей, клеенокъ и обойлочныхъ издѣлій. Для деревянныхъ и кожаныхъ частей экипажа употребляютъ во большей части лаки слѣдующаго состава:

1) сандарака	20 частей
настики	5 »
терпентина	1 »
льняной олифы	125 »
терпентиннаго масла	15 »
2) бѣлаго копала	8 »
асфальта	2 »
олифы	3 »
терпентиннаго масла	7 »

Для кожаныхъ частей экипажа основательно совѣтуютъ употреблять лакъ другаго состава (*), а именно:

копала	8 частей
льняной олифы	16 »
терпентиннаго масла	4 »

Здѣсь кстати замѣтимъ, что для лакированія кожъ должно употреблять только такіе лаки, которые не трескаются и не отстаютъ при изгибахъ кожи. Этому условію удовлетворяетъ тщательно приготовленная льняная олифа и копаловый лакъ означеннаго состава.

Извѣстный фабрикантъ лаковъ Монтоби, въ Парижѣ, приготовляетъ для экипажей лакъ слѣдующаго состава:

копала	5 частей
льняной олифы	5 »

(*) Polytechnische Centralhalle, 1855 г.

Къ расплавленному копалу приливаетъ льняную олифу по общему правилу; получаемыя 10 частей этого лака вливаетъ въ смѣсь льняной олифы съ терпентиннымъ масломъ. Для смѣси этой беретъ:

льняной олифы, уваренной до липкости, 5 частей
терпентиннаго масла 15 »

Вливъ слегка нагрѣтое терпентинное масло въ горячую и густую олифу, Монтоби приливаетъ къ этой горячей смѣси 10 частей предыдущаго копаловаго лака, тоже предварительно нагрѣтаго.

Лакъ Монтоби сохнетъ, отъ избытка олифы, довольно медленно, но за то легко кроетъ, блестящъ, упругъ, не трескается, не отстаетъ отъ покрытой имъ поверхности, и весьма хорошо выдерживаетъ атмосферныя перемѣны. Онъ годенъ какъ для деревянныхъ, такъ для кожаныхъ и металлическихъ частей экипажа. Лакъ Монтоби, равно какъ и предыдущій, оказались весьма удовлетворительными для войлочныхъ издѣлій и клеенокъ.

ПОЛОЖЕНІЯ.

—

I. Метилевые лаки въ отношеніи прочности уступаютъ спиртовымъ.

II. Льняное масло, назначаемое для олифы и лаковъ, слѣдуетъ выжимать горячимъ путемъ, т. е. сѣмена предъ выжиманіемъ изъ нихъ масла нужно нагрѣвать.

III. Ускореніе высыханія маслъ обусловливается удаленіемъ изъ нихъ постороннихъ веществъ, а способность или причина высыханія — присутствіемъ въ маслахъ олины.

IV. Нагрѣваніе маслъ не необходимо для увеличенія способности высыханія ихъ, но весьма существенно при назначеніи масла на лаки и масляныя краски. Льняную олифу, приготовленную безъ варки масла, слѣдуетъ предъ употребленіемъ нагрѣвать по-крайней-мѣрѣ до 70—100 град. Ц.

V. Льняная олифа высыхаетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ дольше отставляется при доступѣ воздуха.

VI. Масляныя краски, содержащія черный марганецъ, сажу, умбру, охру, бѣлыя, хромовую жѣлть, горную зелень, горную синь и т. п., поглощаютъ изъ воздуха кислородъ, при большой поверхности прикосновенія, почти

столь же быстро, какъ фосфоръ, при чемъ кислородный газъ вступаетъ въ соединеніе съ высыхающимъ масломъ.

VII. Вещества, ускоряющія высыханіе маслъ, химически дѣйствуютъ въ нихъ только на азотистыя вещества и жирныя кислоты.

IV.

ИЗВѢСТІЯ

ОБЪ

ИНОСТРАННЫХЪ

УЧЕНЫХЪ И УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ.

АХЕНЪ

■

ЕГО ИСТОРИЧЕСКІЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ КАРЛОВИНГОВЪ.

(ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАПИСОКЪ ПРОФЕССОРА СТАСЮЛЕВИЧА).

Urbs Aquensis, urbs regalis.
Regni Sedes principalis,
Prima regum Curia!

Гимнъ 27 Іюля.

Съ именемъ Ахена неразлучно связано воспоминаніе объ одной изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ средневѣковой исторіи: въ Ахенѣ сохранились послѣдніе слѣды дѣятельности Карла Великаго, этого праотца западной Европы. Политическое разложене древней имперіи Рима, сопровождавшееся глубокимъ нравствен-

Часть XCII. Отд. IV.

нымъ паденіемъ общества, не окончилось 476 годомъ; въ VI и VII стол. пожаръ разрушенія тлѣлъ подъ развалинами имперіи. Междоусобія корыстолюбивыхъ префектовъ смѣнились варварскою жадностью Германскихъ конунговъ — правителей древней провинціи. Такимъ образомъ новое общество носило въ себѣ зародышъ преждевременной смерти — наслѣдіе древняго Рима. Въ половинѣ VIII столѣтія раздробленіе политическое и нравственное безсиліе древнихъ Германскихъ королевствъ достигло крайней степени развитія, за которою слѣдуетъ или смерть, или новая жизнь. Карлъ V. рѣшилъ этотъ вопросъ въ пользу жизни. Вестъ-Готъ, Лонгобардъ, Саксъ, Бургундецъ, Баварецъ, готовые разорвать на клочки наслѣдіе Римской имперіи, но неспособные развиться до новой личности, были слиты Карломъ Великимъ въ одно имя Франка, или, лучше сказать, Европейца. Правда, Карлъ для новаго единства Европы возстановилъ титулъ западной Римской имперіи; но это было одно только имя. Если Карлъ V. и былъ увлеченъ величіемъ древняго Рима, его централизаціею, не признававшею никакой отдѣльной жизни, никакого самостоятельнаго развитія, то это былъ наврасный трулъ, и по смерти Карла онъ разрушился самъ собою. Карлъ самъ какъ бы чувствовалъ неспособность древняго Рима принять на себя роль, которую онъ игралъ въ свое лучшее древнее время. Карлъ возстановилъ титулъ имперіи, но онъ искалъ для нея новаго центра. Въ этомъ отношеніи Карлъ можетъ быть сравненъ съ Константиномъ Великимъ. Но гдѣ же должна была явиться новая Византія? Назначеніе Ахена въ исторіи правленія Карла V. имѣетъ въ себѣ что-то загадочное. Ахенъ, говорятъ, былъ резиденціею Карла V.; но подъ этимъ разумѣютъ болѣе мѣсто его увеселеній, мѣсто любимаго препровожденія времени, куда прывлекали Карла и мѣстность, и теплыя цѣлебныя воды. Но не было ли въ этой привязанности Карла къ Ахену болѣе обширныхъ политическихъ плановъ? не имѣлъ-ли Карлъ въ виду слѣлать Ахенъ для запада тѣмъ же, чѣмъ была Византія для востока? Особенно любопытно было бы, въ такомъ случаѣ, изслѣдованіе отношенія Карла V. къ папской власти и та роль, которая предназначалась имъ для Рима и его епископовъ. Разсматриваемое съ этой стороны значеніе Карловингскою Ахена мало

сосредоточивало на себя вниманіе новѣйшихъ историковъ, а между тѣмъ такое наследованіе могло бы бросить новый свѣтъ в вообще на все праміеніе Карла Великаго.

Одинъ бѣглый осмотръ Ахевскихъ древностей, спасшихся отъ руки челоѣка и пощаженныхъ временемъ, можетъ легко убѣдить по-крайней-мѣрѣ въ томъ, что привязанность Карла В. къ Ахеву была дѣломъ не одного случая; въ сохранившихся здѣсь памятникахъ дѣятельности Карла В. замѣтна цѣлая система, которою преслѣдовались отдаленныя цѣля. Сказанія современниковъ Карла В. отрывочны; народныя легенды темны, но при всемъ томъ и въ тѣхъ лѣтописяхъ, и въ этихъ легендахъ довольно ясно высказывается мысль, что въ Ахенѣ Карлъ Великій готовилъ соперника Риму. Пользуясь своимъ пребываніемъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль въ Ахенѣ, я имѣлъ возможность сдѣлать описаніе памятниковъ этого города эпохи Карловинговъ, имѣя въ виду доставить тѣмъ матеріалъ для тѣхъ, которые бы занялись вопросомъ объ историческомъ значеніи Ахена при Карлѣ Великомъ. Я привелъ въ порядокъ и извѣстія лѣтописцевъ, пошѣтилъ и народныя легенды, объясняющія исторію того или другаго памятника. Вспомогательныя для того средства я нашелъ въ здѣшней городской библиотекѣ. Она, замѣчу мимоходомъ (1), богата и въ другихъ отношеніяхъ; тѣмъ болѣе въ ней можно было найти все, что имѣетъ какую-нибудь связь съ исторіею Ахена. Изъ новѣйшихъ сочиненій весьма немногія заслуживаютъ вниманіе; болѣею частью они писаны врачами съ цѣлію описанія минеральныхъ водъ, и историческая часть помѣщалась ими для удовлетворенія любознательности пациен-

(1) Къ сожалѣнію, библиотечка въ вышешнемъ году приводилась въ порядокъ по новой системѣ, и потому въ ней господствовала страшный безпорядокъ; старая система была уничтожена, а новая не окончена. Читая старыя каталоги, я нашелъ между прочимъ оглавленіе одной комедіи, вгранной въ 1768 г., подъ заглавіемъ: «Die rössische Landsknecht». Эта сатира любопытна въ историческомъ отношеніи, какъ картина перваго Русскаго общества за границею въ прошедшемъ столѣтіи; но библиотечарь не могъ отыскать текста. Указываю на эту комедію для тѣхъ изъ соотечественниковъ, которые будутъ имѣть случай посѣтить Ахенскую библиотечку послѣ меня.

товъ (2). Чисто-историческія сочиненія представляютъ въ себѣ не болѣе, какъ сокращеніе сборниковъ лѣтописныхъ извѣстій, издаваемыхъ въ XVII и XVIII стол., перевитое анекдотами и легендами (3). Потому во всякомъ случаѣ и до-сихъ-поръ остаются лучшими руководителями при изученіи Ахевскихъ древностей сборники лѣтописей и официальныхъ документовъ, составленные въ два предшешіе вѣка (4). Народныя преданія имѣли также своихъ (5) собирателей; я пользовался ими въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ легенда заключаетъ очевидно историческій фактъ, украшенный фантазією, или мысль еще младеческаго народа, въ глазахъ котораго великое не можетъ быть не баснословно. Наконецъ, въ нынѣшнемъ году, по поводу задачи, данной Бельгійскою академією о мѣстѣ рожденія Карла Великаго, было представлено шесть сочиненій, относящихся нѣсколько къ моему предмету; но я могъ познакомиться только съ одними ихъ результатами изъ академическихъ отчетовъ, которые представили Поленъ и Борнье.

Описаніе мѣстности Ахена, его исторія до Карла Великаго и наконецъ состояніе при Карлѣ Великомъ въ началѣ IX столѣтія—вотъ порядокъ, котораго я намѣренъ держаться въ изложеніе своего предмета. Что касается до состоянія Ахена при Карлѣ Великомъ, то о томъ свидѣтельствуютъ главнымъ образомъ остатки святилища, реликвіи (*reliquiae*). Но въ исторіи той отдаленной эпохи подобныя реликвіи имѣютъ особенное значеніе, независимо отъ ихъ связи съ религією, какъ памятники дипломатическихъ сношеній: онѣ составляли главный предметъ дого-

(2) Лучшимъ изъ нихъ можно считать: *Histoire et description d'Aix-la-Chapelle de Borcette et de Spa, ainsi que de leurs environs, suivies d'une instruction pour l'emploi des eaux, par Schreiber. 1840.*

(3) Лучшимъ изъ нихъ можно считать: *Geschichte der Stadt Aachen, nach Quellen bearbeitet, mit einem codex diplomaticus aquensis. v. Quix. 1840—1841.*

(4) *Petri a Beeck: Aquisgranum sive historica narratio etc. 1620. Joannes Noppius: Aache Chronick, d. i. eine kurze historische Beschreibung u. s. w. 1632.*

K. J. Meter: Aachensche Geschichte überhaupt als Beitrage u. s. w. 1781.

(5) *Alfr. Reumort: Aachens Liederkranz und Sagenwelt. 1829.*

воровъ въ международныхъ сношеніяхъ; обладаніе ими служило часто основаніемъ политическихъ притязаній. Исторія средневѣковаго Рима представляетъ тому не единственное доказательство. Кто хочетъ объяснить себѣ политическое отношеніе Карла Великаго къ папамъ и Византійской имперіи, тотъ долженъ обратить особенное вниманіе на исторію Ахенскихъ реликвій (6).

Ахенъ лежитъ почти на половинѣ той большой Европейской дороги, которая своими рельсами соединяетъ почти непрерывно Балтійское море съ Средиземнымъ (7). Отъ Ахена 16 часовъ до Берлина и 12 часовъ до Парижа. Въ Дейтцѣ, небольшомъ городкѣ, на правомъ берегу Рейна, оканчивается линия Нѣмецкой желѣзной дороги. Въ какую-нибудь четверть часа переѣзжаютъ въ дилижансѣ Рейнъ, отдѣляющій Дейтцъ отъ Кёльна, и въ Кёльнѣ путешественники ждутъ новые вагоны Французской желѣзной дороги. Какъ ни кратокъ этотъ минутный переѣздъ изъ новой Европы на почву древней Европы, Римской, но различіе между ними рѣзко высказывается и въ самой природѣ мѣстности. За Рейномъ нѣтъ болѣе той одвооб-

(6) Важность этого вопроса обратила на себя вниманіе только въ последнее время. Не далѣе какъ въ прошедшемъ году вышло прекрасное сочиненіе, предметомъ котораго было именно изслѣдованіе происхожденія Ахенскихъ реликвій: *Geschichtliche Nachrichten über die Aachener Heiligthümer*. Von Dr. H. Floss, Profes. d. Theolog. in Bonn. 1855. Хотя это сочиненіе написано болѣе съ геологическою цѣлю, но оно послужило для меня и въ историческомъ отношеніи немаловажнымъ пособіемъ.

(7) Въ настоящее время желѣзныя дороги развиты въ такой степени, что представляютъ цѣлую систему; если я не ошибаюсь, ни одинъ изъ существующихъ у насъ географическихъ учебниковъ не малагаетъ направленія желѣзныхъ дорогъ въ той системѣ, въ какой налагаются обыкновенно водныя сообщенія. Мнѣ кажется, что съѣтъ желѣзныхъ дорогъ, ихъ направленіе, протяженія должны бы непремѣнно образовать въ географическихъ учебникахъ особый отдѣлъ, тѣмъ болѣе, что число верстъ желѣзныхъ дорогъ вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ идею о степени промышленности и развитія общественной дѣятельности въ государствахъ.

равной плоскости, которая тянется от Берлина до Дейтца; на Рейнскомъ поверхности земли начинается холмистая далекими отрогами Арденскихъ горъ. Эти отроги то идутъ параллельно рельсамъ и своимъ гребнемъ сокращаютъ горизонтъ зрѣнія, то пересѣкаютъ ихъ, и потому вагоны на двухчасовомъ пути от Кёльна до Ахена три раза исчезаютъ въ туннеляхъ. Выѣхавъ въ третій разъ изъ-подъ земли, путешественникъ видитъ себя въ огромной долинѣ, замкнутой со всѣхъ сторонъ горными отрогами въ формѣ овала, вытянутаго по направлею отъ ю.-в. къ с.-в. Юговосточный отрогъ покрытъ густымъ лѣсомъ; его высшая точка, извѣстная подъ именемъ Karlsböhe (по преданію, любимое мѣсто охоты Карла Великаго), поднимается на 900 футовъ надъ поверхностью моря. Противоположная сторона, на с.-з., не отличается высотой и на своемъ скатѣ представляетъ болѣе водѣлаемые поля и луга; высшая ея точка извѣстна подъ именемъ Kaisergrube (такъ она названа въ воспоминаніе ея посѣщенія Императоромъ Александромъ I, въ 1818 г., во время Ахенскаго конгресса) (8). По самой среднѣ этой овальной долины поднимается высокій холмъ въ 700 футовъ, подобно насыпи, и довершаетъ тѣмъ сходство всей овальной долины съ глазомъ. Геологическій составъ этого песчанаго холма, въ которомъ отлагаются много любопытныхъ окаменѣлостей и морскихъ раковинъ, указываетъ на большой подземный переворотъ, приподнявшій морское дно на такую высоту. Но старинное народное преданіе, предупреждая геологическія соображенія, объяснило по-своему причину страннаго появленія песчаной массы посредя плодородной долины и обезсмертило свою фантазію на вѣчныя времена, давъ названіе горъ: Lussberg (Lusa, стар. Нѣмецк. слово, откуда нов. List, хитрость; Lussberg — гора хитрости). Это (9) преданіе извѣстно здѣсь каждому и переходить, иѣроятно, уже нѣсколько сотъ лѣтъ отъ поколѣнія къ поколѣвію. Связь

(8) Эта возвышенность составляетъ частную собственность каменщика Г. Физена, 90-лѣтняго старца, который лично принималъ въ своемъ домѣ Августѣйшаго гостя; предъ входомъ въ паркъ Г. Физена и досихъ-поръ стоятъ на двухъ пьедесталахъ огромные двуглавыя орлы.

(9) Aachens Liederkranz und Sagenwelt. V. Abt. Neumont. 1829, стр. 321.

этого преданія съ основаніемъ Ахенскаго (10) кафедральнаго собора, или (11) Мюнстера, доставить мнѣ случай ниже передать содержаніе легенды и мѣстѣ съ объясненіемъ ея историческаго значенія.

Изъ сказаннаго мною видно, что Лусбергъ раздѣляетъ ту обширную долину на двѣ части. Западная часть известна подъ именемъ долины Soerg; она вся обработана и представляетъ зеленѣющую массу полей, луговъ, рощъ, пирамидальныхъ тополей, мѣстами удивленно стоятъ выбѣленные домики фермеровъ и дачи горожанъ. Восточная долина представляетъ совершенно другое зрѣлище. На двѣ ея бьетъ множество сѣрныхъ ключей, температуры отъ 53° до 35° по Реомюру. На этомъ-то мѣстѣ и раскинуты два города Ахенъ и Борсеттъ (Burtscheid), отдѣленные линіею желѣзной дороги: отъ рельсовъ до подножія Karlsböhe стоитъ Борсеттъ, а между рельсами и Лусбергомъ находится Ахенъ.

Такое топографическое положеніе современнаго Ахена мало можетъ объяснить причины, которыя побудили Карла V. выбрать именно этотъ городъ центромъ своей имперіи. Въ Ахенѣ нѣтъ никакой рѣки, которая могла бы придать ему торговое значеніе; въ отношеніи стратегическомъ, положеніе Ахена на двѣ долины также мало выгодно. Остается искать причины привязанности Карла къ Ахену въ однихъ теплыхъ водахъ,—хотя и въ этомъ случаѣ можно было бы спросить, почему Карлъ V. предпочелъ именно Ахенскія воды другимъ теплымъ водамъ Галліи, гдѣ и климатъ благопріятнѣе и гдѣ Римляне устроили великолѣпные термы? Въ Ахенѣ климатъ, какъ известно каждому, кто проведъ лѣто въ этомъ городѣ, отличается непостоян-

(10) Храмъ Богородицы, построенный Карломъ V. въ Ахенѣ, нынѣ обыкновенно называется кафедральнымъ соборомъ. Это названіе дано въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда въ Ахенѣ господствовали Французы, и когда Наполеонъ далъ Ахену особаго епископа. Послѣ Вѣнскаго конгресса, Ахенъ достался Пруссіи и епископство было уничтожено. Французскій епископъ Бертолетъ былъ первымъ и послѣднимъ Ахенскимъ епископомъ.

(11) Карлъ V. построилъ возлѣ собора монастырь для 20 монаховъ; отсюда произошло народное названіе собора Münster, испорченное Латинское monasterium.

ствоиъ, непрерывными дождями и вѣрѣдко холодомъ въ лѣтвіе мѣсяцы; въ Ахенѣ Карлъ В. долженъ былъ строить новыя купальни. Миѣ кажется, что предпочтеніе Ахена Карломъ Великимъ могло имѣть историческія и политическія основанія. При Карлѣ Великомъ Ахенъ былъ близокъ къ главному театру его военной дѣятельности; а разумѣю землю древнихъ Саксовъ. Изъ Ахена Карлъ могъ безъ труда послѣвать на войну съ Саксами, длившуюся почти все его царствованіе. При Карлѣ В. Ахенъ, вѣроятно, имѣлъ хорошее сообщеніе съ берегами Рейна, такъ что представлялъ всѣ удобства берегового города; хотя о томъ мы не имѣемъ положительнаго извѣстія, но событія, послѣдовавшія за смертью Карла, даютъ право дѣлать такое заключеніе. Въ 881 году, какъ извѣстно, дружина Нормановъ, подъ предводительствомъ Сигфрида, вторглась въ Рейнъ и, идя вверхъ по его теченію, напала на Ахенъ и опустошила его. Это былъ бы одинъ изъ рѣдкихъ сухопутныхъ подвиговъ Скандинавскихъ пиратовъ, еслибы не предположить, что сообщеніе между берегами Рейна и Ахеномъ было весьма удобно; иначе Норманны не рѣшились бы отаѣлиться отъ своихъ судовъ. Къ политическимъ причинамъ, побудившимъ Карла В. искать себѣ новой столицы, можно отнести и династическія причины. Карловичи, какъ то часто случается съ новыми династіями, могли искать новой среды для своей дѣятельности, не желая оставаться тамъ, гдѣ все напоминало исторію Меровинговъ. Можно даже сдѣлать большее предположеніе, что Карлъ В. имѣлъ въ виду Ахеномъ замѣнить самый Римъ, и для новой имперіи и новаго порядка вещей избрать и новое средоточіе. Первое подтверждается историческою судьбою Ахена, предшешю Карлу Великому; второе предположеніе оправдывается какъ распоряженіями и дѣятельностью Карла въ Ахенѣ, такъ и положительными свидѣтельствами современниковъ его эпохи и ближайшей, за нею послѣдовавшей.

При всѣхъ усиліяхъ Нѣмецкихъ ученыхъ сдѣлать основаніе Ахена современнымъ чуть не сотворенію міра, положительныя извѣстія о существованіи этого города не восходятъ выше IX-го столѣтія. Беекъ, Мейеръ, а за ними и другіе историки наполняютъ древнѣйшую исторію Ахена до IX-го стол. предположеніями и догадками, основанными на извѣстіяхъ Римскихъ пи-

сателей, говоривших вообще о прирейнскихъ странахъ. Такъ, опираясь на показаніяхъ (12) Цезаря, который нашелъ между Маасомъ и Рейномъ племя Эбуруновъ, смѣсь Кельтовъ и Германцевъ, предполагается, что Ахенъ былъ первоначально населенъ Кельто-Германскими племенами; что, судя по общимъ извѣстіямъ о бытѣ Кельтовъ, дома въ Ахенѣ были досчатые и т. п. Вѣрно одно, что Цезарь вступилъ въ борьбу съ Эбурунами, которыми тогда управляли два князя, Амбіориксъ и Кативулкъ, и истребилъ все ихъ населеніе. Такимъ образомъ, если и существовало что-нибудь на мѣстѣ нынѣшняго Ахена въ эпоху Кельтовъ, то едва ли оттуда нынѣшній Ахенъ можетъ вести свое начало. Однако недалеко отъ Ахена (полчаса ходьбы на с.-в.), на возвышеніи, называемомъ Тримборнъ, стоитъ и до-сихъ-поръ въ гротѣ весьма оригинальный саркофагъ, и притомъ необыкновенной величины. Онъ весь изъ цѣльнаго гранита длиною въ 5 аршинъ, и покрытъ толстою плитою, вытесанною также изъ цѣльнаго гранита съ четырьмя тумбами по угламъ. Правый бокъ по срединѣ отбитъ; но отверстіе такъ узко, что рука не можетъ пройти, и я ограничился только тѣмъ, что тростью удостоверился въ глубинѣ внутренняго ложа. Нѣтъ сомнѣнія, что это саркофагъ; но онъ предназначался для человѣка необыкновеннаго роста, работа саркофага чрезвычайно груба и имѣетъ видъ гранитной массы, когда она не отполирована и обтесана только вчернѣ. Къ сожалѣнію, я не нашелъ положительныхъ изслѣдованій о древности этого памятника, о мѣстѣ и времени его перваго находенія; мнѣ сказали, что этотъ саркофагъ относятъ ко временамъ Кельтовъ; и дѣйствительно, ростъ его прежняго обитателя и грубость работы можетъ легко привести на такое предположеніе, тѣмъ болѣе, что эта мѣстность была вѣкогда населена Кельтами.

Отъ Цезаря и до Карла Великаго судьба Римскаго и потомъ ново-Германскаго Ахена также мало извѣстна, какъ и судьба Кельтическаго Ахена, если мы захотимъ ограничиваться несомнѣнными свидѣтельствами исторіи. Нѣмецкіе историки основываютъ свои предположенія о существованіи Римскаго Ахена на

(12) De bello gall. V.

позднѣйшихъ лѣтописцахъ, которые въ свою очередь опираются на Латинскомъ названіи Ахена: *Aquisgranum*; это названіе встрѣчается въ первый разъ въ официальныхъ документахъ IX-го столѣтія по Р. Х. Въ позднѣйшей (13) Кельнской хроникѣ прямо сказано, что Ахенъ построенъ въ половинѣ I-го столѣтія по Р. Х. братомъ императора Нерона, Граномъ (*Granus*), откуда и названіе города: *Aquae Grani* т. е. Воды Грана. Въ подтвержденіе этого извѣстія приводится то, что одна изъ башенъ въ Ахенскомъ *Rathhaus* и до-сихъ-поръ называется *Grannsturm*; хотя могло случиться и на-оборотъ: башня, построенная въ позднѣйшія времена, могла быть названа именемъ небывалаго Грана, на основаніи существовавшаго о немъ преданія. Но исторія не знаетъ никакого Грана, который былъ бы братомъ Нерона: потому (14) Мейеръ полагаетъ, что Ахенъ былъ построенъ во II-мъ столѣтіи, легатомъ Граніемъ, времяъ императора Адріана. Основаніемъ такого предположенія служитъ только то обстоятельство, что у Римскихъ писателей упоминается легатъ такого имени. Другіе исторіи, отказываясь отъ возможности опредѣлить время основанія Римскаго *Aquisgranum*, приводятъ и другое объясненіе происхожденія имени города. Извѣстно, что Римляне обыкновенно посвящали цѣлебныя воды Аполлону, какъ сыну Эскулапа. Аполлонъ имѣлъ въскольکو прованій по мѣсту своихъ храмовъ; такъ былъ Аполлонъ Дельфійскій, былъ также Аполлонъ Гравійскій (*Гравіусу*, мѣстечко въ Эоліи, гдѣ находился храмъ Аполлона). Отъ послѣдняго прованія Аполлона, которому могли быть посвящены и Ахенскія воды, овѣ, полагають, получили названіе *Aquae Grani*, а оттуда имя и города, выстроившагося мало-по-малу около водъ. Что же касается Нѣмецкой формы: *Aachen*, то одни видять въ этомъ искаженіе Латинскаго произношенія, гдѣ слогъ *quae* обратился въ *-che*, хотя по нарѣчіямъ сохранился и звукъ *k*; по-Голландски и теперь говорятъ: *Акен*. Но другіе видять въ имени Ахена старо-Нѣмецкое слово *aach*, вода, которое дѣйствительно встрѣчается и до-сихъ-поръ въ окончаніи многихъ горо-

(13) Fol. 43.

(14) Стр. 22.

доузъ, столицѣхъ на берегу рѣкъ; такъ Brigach, Bacharach, Bibe-gach и ин. друг. Назовецъ Французское названіе Aix-la-Chapelle есть, очевидно, измѣненіе Нѣмецкой формы или Латинской. Вообще, всѣ Римскія мѣстечки, носившія названіе Aquae, во Французскомъ языкѣ называются Aix (такъ, въ южной Франціи, на мѣстѣ Aquae Sextiae); для отличія отъ прочихъ Aix, Ахенъ получилъ въ прибавку la Chapelle, по собору, построенному Карломъ Великимъ.

Есть одно и поэтическое объясненіе имени Ахена. Оно придумано какими-нибудь миннезингеромъ и находится въ связи съ романтической легендою изъ жизни Карла Великаго. Эта легенда приписываетъ Карлу и самое основаніе Ахена по слѣдующему случаю. Во Франкфуртѣ-на-Майнѣ скончалась третья супруга Карла, Фастрада. Карлъ былъ до такой степени привязанъ къ ней, что не хотѣлъ вѣрить ея смерти и, не смотря на порчу трупъ, не дозволялъ хоронить покойной супруги, утѣряя всѣхъ, что это только сонъ. Фастрада не пользовалась любовью окружающихъ Карла за тяжелый характеръ, и потому еще при ея жизни ходили слухи, что любовь Карла къ супругѣ основана на чарѣхъ. Помыслительство Короля послѣ смерти Фастрыды и неестественная привязанность его къ трупу убѣдили всѣхъ еще болѣе въ истинѣ такого предположенія. Старались отыскать талисманъ, очаровавшій Карла, и наконецъ архіепископъ Реймскій Турпинъ чрезъ свидѣніе узналъ, что въ волосахъ покойницы скрывается перстень, подчинявшій своему вліянію Карла. Перстень былъ вынуть, и съ глазъ Карла какъ бы спала повязка. Трупъ немедленно былъ преданъ погребенію; но съ того времени Карлъ почувствовалъ необыкновенное расположеніе къ Турпину, въ рукахъ котораго находился тотъ перстень. Стыдясь подобнаго способа свискивать расположеніе Короля, Турпинъ во время охоты Карла въ окрестностяхъ нынѣшняго Ахена бросилъ перстень въ озеро. Съ тѣхъ поръ привязанность Карла перешла съ Турпина на то озеро. На берегахъ его онъ построилъ замокъ Франкенбергъ (1/4 часа ходьбы отъ Ахена, на с.-в.) и проводилъ цѣлыя часы, не отрывая глазъ отъ зеркала водъ того озера. Въ одну изъ такихъ меланхолическихъ минутъ, со dna озера поднимается тѣнь его супруги Фастрыды, протягивая къ нему очаро-

важный перстень. Невольное ах! вырвавшееся из груди Короля и потомъ часто повторявшееся, дало названіе и городу, который разросся скоро около Франкенберга. Надобно видѣть прекрасное мѣстоположеніе этого замка, реставрированные остатки котораго существуютъ и донынѣ, чтобы простить фантазіи составителя этой названной легенды. Никто не будетъ искать въ ней истины; но, можетъ быть, и въ филологическихъ объясненіяхъ, приведенныхъ мною выше, истина принимаетъ не большее участіе.

Какъ темно происхожденіе и названіе Римскаго Ахена, такъ мало убѣдительны доказательства, приводимыя въ пользу того, что Ахенъ славился еще въ Римскую эпоху своими купальнями. Единственнымъ основаніемъ къ тому служатъ слова біографа Александра Севера, Лампридія, что этотъ императоръ приказалъ построить купальни *вездѣ*, гдѣ ихъ не было; слѣдовательно, заключаетъ (15) Мейеръ, при Александрѣ Северѣ были построены купальни и въ Ахенѣ. Сто лѣтъ тому назадъ, въ 1756 году, при починкѣ такъ-называемой Венгерской капеллы (рядомъ съ Мюнстеромъ), были открыты въ землѣ водопроводы; они могли всего естественнѣе быть остаткомъ знаменитыхъ купалень, устроенныхъ Карломъ Великимъ; но Ахенскіе археологи предпочли видѣть въ нихъ доказательство существованія Римскихъ термъ въ Ахенѣ. Слѣды Римскаго господства встрѣчались въ окрестностяхъ Ахена, но они были совершенно иного рода. Въ прошедшемъ столѣтїи видѣли близъ Ахена, у монастыря св. Корнелія, остатки большой военной дороги Римлянъ. Не далѣе какъ въ 1842 году (16) на Тримборнѣ были открыты слѣды подобной же

(15) Стр. 33.

(16) Предъ входомъ въ Тримборнъ стоятъ арка, сложенная изъ развалинъ какого-то древняго зданія, и на верху арки вѣданы два прекрасные барельефа; еще лучшіе барельефы помѣщены въ стѣнѣ близъ часовни Тримборна, но какой-то невѣжда закрасилъ ихъ красной краской; на одномъ изъ нихъ представленъ столъ, покрытый аставами, и на первомъ планѣ возлежатъ двѣ обнаженные женскія фигуры; лица, сидящія на второмъ планѣ, нельзя хорошо рассмотреть, такъ они замазаны краской. Не изображаетъ ли этотъ барельефъ известной свадьбы Пелая, на которой присутствовали боги и богини, и во время котораго было брошено яблоко раздора? На первомъ планѣ могутъ

дороги и на плитах найдены надписи съ показаніемъ разстоянія. Многіе изъ жителей Ахева знаютъ эти плиты, но куда онѣ дѣвались, никто не знаетъ. Я обращался къ преподавателю древней классической словесности въ здѣшней высшей гимназій г. Завельсбергу; но онъ самъ напрасно отыскивалъ нѣсколько лѣтъ эти плиты, и потому можно сказать съ достовѣрностью, что въ настоящую минуту Ахенъ не имѣетъ ни одного положительнаго доказательства или свидѣтельства о своемъ существованіи въ эпоху Римлянъ. Это существованіе можно предполагать, но съ тою же достовѣрностью, съ какою утверждаютъ существованіе Ахена въ эпоху Кельтовъ. Конечно, если Ахенъ и существовалъ при Римлянахъ, то молчаніе о немъ историковъ, отсутствіе памятниковъ водчества доказываютъ, что во всякомъ случаѣ Рамскій Ахенъ не имѣлъ большаго значенія и не игралъ никакой роли ни въ политическомъ, ни въ промышленномъ, ни въ стратегическомъ отношеніяхъ.

Первые письменныя свидѣтельства о существованіи Ахена встрѣчаются не ранѣе, какъ со времени господства Германскаго комитата, или дружины Франковъ Меровингскихъ, слѣдовательно съ VI стол. по Р. Х. Но эти извѣстія несовременны и находятся у позднѣйшихъ лѣтописцевъ. По ихъ словамъ (17), при раздѣленіи Галліи Клодовеемъ, старшій его сынъ, Теодорикъ получилъ Австралію съ столицею Метцъ и *Ахенъ*, въ 511 году. За этимъ извѣстіемъ мы не встрѣчаемъ имени Ахена ни въ одномъ письменномъ источникѣ почти полтора столѣтія, когда въ 653 году король Франкскій Сигбертъ III подписалъ въ Ахенѣ грамоту, давную имъ епископу Трирскому Молоальду, упомянуть при этомъ о существованіи въ Ахенѣ королевскаго двора (*generale palatium*) (18). Прошелъ еще одинъ вѣкъ, отъ половины VII-го до половины VIII-го столѣтія, но имя Ахена не попадаетъ ни въ

находится Венера и Юнона или Минерва. Очевидно, что эти барельефы Римской эпохи, но какъ они попали въ Трирборнъ?

(17) Joan. Wassenburg, Archidiaconus Virdun. in Antiquit. Gall. et Belg. apud Thonen. т. I, стр. 7; в Cod. Coccicus in v. Dagoberti, I, с. 3.

(18) Madoaldus..... in generali palatio nostro querulosis se precibus proclamavit etc. Dato Aquisgranis Idibus Maji anno Domini. Incarnatione DCLIII. Annal. Trev. т. I, стр. 354.

лѣтописяхъ, ни въ другихъ официальныхъ документахъ времени Меровинговъ, а между тѣмъ въ половинѣ VIII-го вѣка оканчивается и господство Меровингскихъ Франковъ. Какъ ни скудны извѣстія объ Ахенѣ въ ту эпоху, но они тѣмъ не менѣе важны: потому что въ нихъ исторія имѣетъ первое свидѣтельство о существованіи Ахена, и кромѣ того въ этихъ извѣстіяхъ очерчивается нѣсколько и самое состояніе города. Изъ акта раздѣленія монархіи Клодвеемъ и изъ подписи Сигберта III можно было бы заключить, что Ахенъ уже въ первое время господства Франковъ въ Галліи былъ не только замѣчательнымъ городомъ, но также и мѣстомъ пребыванія королевскаго двора.

Въ эпоху Карловинговъ, начиная съ половины VIII-го столѣтія, имя Ахена опять встрѣчается въ лѣтописяхъ, но уже гораздо чаще. При Пипинѣ Короткомъ два раза Ахенъ упомянутъ въ лѣтописяхъ. Въ 754 году Пипинъ подписываетъ въ королевскомъ дворцѣ въ Ахенѣ дарственную грамоту одному монастырю Сорце (19); а въ 765 году хроникки упоминаютъ положительно о пребываніи Пипина въ Ахенѣ, прибавляя, что онъ въ этомъ году праздновалъ дни Рождества Христова и Пасхи (20). Какъ ни ограничены эти два извѣстія, но изъ нихъ видно, что уже при первомъ королѣ новой династіи Ахенъ занялъ и болѣе определенное и болѣе важное мѣсто въ ряду прочихъ городовъ Галліи. Пипинъ имѣетъ въ Ахенѣ не только *generale Palatium*, какъ то было при Сигбертѣ III, но *Palatium regium*; правозваніе королеми въ Ахенѣ торжественныхъ дней придавало этому городу и особенное религіозное значеніе. Я указываю на эти факты, какъ на объясненіе того, что впоследствии совершалось при Карлѣ. Въ отношеніи къ Ахену Карлъ Великій является продолжателемъ начатаго еще при отцѣ. Даже и Ахенскія воды могутъ вести исторически свое начало не ранѣе, какъ со времени Карловинговъ, хотя, быть можетъ, онѣ были извѣстны и Римлянамъ. Въ С. Галленской лѣтописи (21) записано преданіе о Пипинѣ,

(19) Datum Kalend. Septembr. Anno II Pipini regis. Indiction. VII. Actum *Aquisgranis*, Palatio regio in Dei nomine feliciter Amen. Steph. Baluz. Capitular. reg. Franc. T. II p. 1391.

(20) Annal. Mettens. ad h. a. apud Bouquet. T. V.

(21) De gest. Karoli Magni. l. II, c. 24.

который, не смотря на суевѣрный страхъ своихъ современниковъ, рѣшился въ длинной рубашкѣ вмѣстѣ съ своею святою спуститься въ сѣрыя ванны, но былъ схваченъ нечестнымъ духомъ; сдѣлавъ крестное знаменіе, Пиппинъ замѣтилъ тѣнь и прошилъ ее мечемъ; тѣнь исчезла, но поверхность воды окрасилась кровью. Во всякомъ случаѣ, это преданіе свидѣтельствуетъ о томъ, что до Пиппина Ахенскія воды не имѣли всеобщаго употребленія.

Частое пребываніе Пиппина въ Ахенѣ могло бы найти себѣ подтвержденіе и въ томъ преданіи, что сынъ его Карлъ V. родился въ этомъ городѣ. Но честь быть мѣсторожденіемъ Карла оспариваютъ у Ахена 8 городовъ, между которыми Нингельheimъ имѣетъ на своей сторонѣ большее число лѣтописцевъ. Послѣ словъ Эггингарда (22), что «о рожденіи Карла никто и никогда не свидѣтельствовалъ письменно, и никого нѣтъ, кто имѣлъ бы о томъ свидѣніе», послѣ словъ такого писателя, казалось, всякая полемика въ настоящее время о мѣстѣ рожденія Карла была бы излишняя; но споръ не превращается и домысли. Послѣ рѣшенія подобной же темы, предложенной Бельгійскою академіею, когда одинъ изъ офенціальныхъ рецензентовъ (Voguer) объявилъ, что ни одно изъ представленныхъ мнѣній не убѣдительно, а другой (Polain) соглашался съ авторомъ, рѣшившимъ вопросъ въ пользу Парижа, городъ Люттихъ объявилъ свои притязанія, и въ послѣднихъ нумерахъ его журнала завязалась новая полемика (23). Ахенъ основываетъ свои притязанія на честь быть мѣстомъ рожденія Карла Великаго на выраженіи С. Галленской лѣтописи (24), по словамъ которой Карлъ построилъ Ахенскій соборъ *in genitali loco*, въ родной землѣ. Болѣе точное свидѣтельство въ пользу Ахена нашелъ Мабильонъ въ календарѣ монастыря Lorch,

(22) De nativitate..... neque scriptis usquam aliquando declaratum est, nec quisquam modo superesse invenitur, qui horam se dicat habere notitiam. Eging. V. Car. M. c. 4.

(23) Journ. de Liège. 31 Juillet, 1856. Въ Independ. Belge, 12 Августа, была напечатана отчетъ словеснаго отдѣленія Бельгійской академіи, въ которомъ предполагалось въ Октябрѣ нынѣшняго года возобновить еще разъ вопросъ о мѣстѣ рожденія Карла Великаго.

(24) L. I, c. 30.

гдѣ сказано, что Карлъ V. родился въ Ахенѣ 2 Апрѣля 742 года (25).

Съ первыхъ лѣтъ царствованія Карла Великаго имя Ахена начинается встрѣчаться въ различныхъ государственныхъ актахъ. Въ 768 году Карлъ провелъ здѣсь праздникъ Рождества Христова (26); о посѣщеніи имъ Ахена въ послѣдующіе годы можно судить по встрѣчающимся подписямъ грамотъ и привилегій, въ которыхъ упоминается имя Ахена (27). Но Карлъ Великій не ограничился только одними случайными посѣщеніями Ахена; въ его отношеніяхъ къ Ахену нельзя не замѣтить намѣреній совершенно преобразовать этотъ городъ. Въ 778 году Карлъ опредѣлилъ построить въ Ахенѣ королевскій дворецъ, и надзоръ за работами былъ порученъ Эгвингарду (28). По своему пространству, это громадное зданіе, названное, по повелѣнію Карла, Латераномъ, занимало большую часть вытѣшняго города. Но въ настоящее время отъ этого дворца не осталось ни малѣйшихъ слѣдовъ; есть въ Ахенѣ одна площадь, которая и теперь называется Дворцовой (Hof, между Büchel и Kremerstrasse); вотъ все, что свидѣтельствуетъ о существованіи въ Ахенѣ королевскаго дворца. По свидѣтельству (29) очевидно, одни портики Латерана были такъ обширны, что подъ ними могли помѣститься цѣлыя тысячи солдатъ и вся придворная прислуга; надъ этими портиками

(25) *Annal. Benedict.* t. II, l. 21, p. 116.

(26) *Annal. Franc. ad a. 768.* Въ этомъ же году въ Ахенѣ была подписана Карломъ V. грамота, данная Утрехту: *Datum Id. Januar. anno primo regni nostri. Actum Aquis Palatio nostro.* Calmet: *Hist. de Lorraine*, t. I. Preuves, p. 284.

(27) Такъ въ 777 году Карлъ даетъ привилегію монастырю Солонскому въ защиту отъ притязаній епископа Мецскаго. Mabillon, *De re diplomatica*, l. VI, p. 499. Bouquet, t. V, p. 739. — Если я не ошибаюсь, эта грамота представляетъ одинъ изъ первыхъ примѣровъ эманципации монастырей отъ власти епископовъ. Въ послѣдствіи то же явленіе повторилось въ исторіи происхожденія городскихъ общинъ; слѣдство, въ этихъ двухъ явленіяхъ простирается до того, что города обыкновенно избирали образцы для своихъ льготныхъ грамотъ монастырскія привилегіи, какъ то видно въ собраніи, названномъ подъ именемъ *Formulæ Marculfi*.

(28) *Chronic. Fontellens. in Gestis Ansegis. Abbat. ap. Bouquet.* t. V, pag. 84.

(29) *St. Gallen.* l. I, c. 22.

устроены были помѣщенія для придворныхъ чиновъ; кромѣ того всѣ областные графы и маркиграфы, депутаты, иностранные послы получали отдѣльные квартиры во дворцѣ. Въ самомъ дворцѣ находилось множество залъ, одни— для пріема духовенства, другіе— для совѣщанія съ графами, и наконецъ третьи— для соборовъ, на которыхъ присутствовали и духовные и свѣтскіе чины. Ко всему этому надобно присоединить великолѣпный портякъ, который велъ изъ дворца въ соборъ на обширные термы купальни; водомы ихъ были такъ велики, что въ нихъ могли помѣщаться и свободно плавать до ста человекъ. При всей своей обширности, владіе дворца расположено весьма искусно, и Карлъ V., не выходя изъ своей комнаты, могъ видѣть изъ окошко всякаго, кто входилъ или выходилъ изъ другихъ помѣщеній. Быть можетъ, это подало поводъ къ извѣстной легендѣ объ Эгнгардѣ и Эмиѣ, дочери Карла Великаго, перенесшей королевскаго секретаря на своихъ плечахъ, босикомъ, чрезъ дворъ, покрывшійся за-ночь снѣгомъ (30). Въ этомъ же самомъ дворцѣ, полагаютъ (31), помѣщалась и извѣстная Палатинская школа, звѣренная надзору Алкуица. Изъ внутреннихъ украшеній дворца особенно была замѣчательна золотая кованная статуя Теодорика, Византійской работы времени императора Зенова; она была перевезена изъ Равенны (32). На стѣнахъ залъ были изображены подвиги Карла въ Испаніи (33). Какъ много было собрано во дворцѣ драгоценныхъ камней и золотыхъ вещей, о томъ можно судить изъ распоряженій относительно ихъ по смерти Карла Великаго (34).

(30) Gundling, *Ad. auream bullam*. с. 28, pag. 774.

(31) Alberic. *Monach. Trium Fontium*, ad a. 795. *Magu. Chronic. Belg.* pag. 42.

(32) Эгнгардъ, гл. 33. Самое подробное описаніе огромнаго дворца Карла V. можно найти у Вагге: *Hist. d'Allemagne*, t. II, pag. 774.

(33) Эта легенда записана въ первый разъ лѣтописцемъ XIII столѣтія въ *Chronic. Laurish. ap. Freher*, p. 62. Въ окрестностяхъ Ахена находятся развалины замка Эммебурга, куда бѣжала, по другому преданію, Эмма и Эгнгардъ, изгнанные Карломъ, и гдѣ ихъ напелъ Карлъ, 10 лѣтъ спустя, во время охоты. Заблудившись и потерявъ святу, Карлъ встрѣтилъ мальчика, который и привелъ своего дѣда въ лажину родителей, Эммы и Эгнгарда.

(34) Mabillon, *Præf.*

Въ одно время съ построениемъ дворца въ Ахенѣ сооружался храмъ во имя Богородицы Дѣвы Маріи. Этотъ памятникъ времени Карла Великаго существуетъ и до настоящаго времени. Объ этомъ храмѣ справедливо говорятъ, что «онъ не только по своей древности и особенной красотѣ, но также и въ отношеніи религіознаго значенія и исторической важности не имѣетъ ничего себѣ подобнаго во всей Германіи (35)». Соборъ былъ отстроенъ въ 796 году, а его торжественное освѣщеніе происходило въ 804 году. Первые и лучшіе художники въ Италіи и Галліи были собраны въ Ахенѣ для работъ въ соборѣ; для матеріаловъ постройки и украшенія было собрано все лучшее изъ различныхъ городовъ тѣхъ же странъ. Такъ въ Вердюнѣ были разрушены стѣны, и камни отправлены въ Ахенъ для собора (36). Въ Кельнѣ Карлъ V. отнялъ у монастыря Св. Геронція его мраморныя каменоломни въ деревнѣ Криль, а въ замѣнъ того далъ ему другое селеніе Фирзенъ (37); также и изъ Трира вывозился мраморъ для Ахена (38). Но болѣе всего заплатила дань Италія, а именно древняя столица Грековъ Равенна. Храмъ св. Виталія въ Равеннѣ послужить образцемъ для постройки Ахенскаго собора, и потому та часть его, которая сохранилась со времени Карла V., носитъ на себѣ печать Византійскаго стиля. По требованію Карла, папа Адріанъ (772—795) долженъ былъ выслать изъ Равеннскаго дворца въ Ахенъ всѣ мозаическія работы, барельефы, мраморныя колонны и другія драгоценности, препровождая все это при самомъ вѣжливомъ письмѣ къ Карлу; Карлъ съ своей стороны отправилъ къ папѣ, въ обмѣнъ за ожидаемые имъ матеріалы изъ Равенны, пару лошадей, изъ которыхъ одна на дорогѣ захворала и не дошла (39).

(35) Aufruf zur Restauration des Aachener Münsters vom 31 Octob. 1849.

(36) Chronic. Virdunens. ad a. 778, ap. Bouquet, Script. rer. franc. V, p. 373. Стѣны Вердюнскія были разрушены Карломъ для усмиренія тамошняго епископа.

(37) Aegid. Gelm. De magnitud. Colon. l. 3, pag. 261.

(38) Mabillon in Act. S. Ord. S. Benedict. pag. 613.

(39) Hadrian. Pap. Epistol. ap. Bouquet, Recueil des Historiens des Gaules et de la France. T. V, p. 381—382: Regalis potentiae vestrae per Arvinum ducem suscepimus apices, in quibus referebatur, quod palatii Ra-

Надзоръ за работами при постройкѣ Ахенскаго собора былъ порученъ Ливингву, аббату монастыря св. Вандриля, близъ Руана; имѣя въ виду нажитья, аббатъ удерживалъ часть суммы, отвсускаемой на строеніе храма, и содержалъ вдвое меньшее число работниковъ. Не лучше поступали и другіа лица, приставленныя къ этому дѣлу; такъ одинъ С. Галленскій монахъ, занимавшійся отливіемъ колоколовъ, потребовалъ 100 фунт. серебра, обѣщая за то отлить такой колоколъ, котораго звуки будутъ доходить до небесъ, а между тѣмъ ту сумму удержалъ у себя и колоколъ оказался весьма обыкновеннымъ (40). Хотя преданіе и говоритъ, что оба похитителя были наказаны: одинъ сгорѣлъ въ своемъ домѣ, спасая утаенныя деньги, а другой былъ убитъ оборвавшимся языкомъ колокола; но, вѣроятно, были и другіе случаи корыстолюбія строителей, потому что работа шла весьма медленно. Это подало поводъ къ составленію весьма оригинальной легенды объ окончаніи постройки Ахенскаго собора на счетъ злаго духа. По словамъ легенды (41), на построеніе храма не достало денегъ и работы совершенно остановились. Въ то время, когда Ахенскій магистратъ обдумывалъ мѣры къ пріисканію новаго источника доходовъ, въ его собраніе являлся незнакомецъ и предлагаетъ ему дарственно большую сумму денегъ для окончанія храма, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы первый, кто войдетъ въ храмъ, былъ отданъ въ полное его распоряженіе. Хотя члены магистрата и поняли, что они имѣютъ дѣло съ злымъ духомъ, но желаніе видѣть достроеннымъ храмъ превозмогло отвращеніе къ ваннодавцу и договоръ былъ заключенъ. Когда храмъ былъ отстроенъ и надобно было расплатиться съ злымъ духомъ, одному изъ присутствовавшихъ пришло на мысль

venatis civitatis musiva atque marmora caeteraque exempla tam in strato quamque in parietibus sita, vobis tribueremus. Nos quippe libenti animo et puro corde, cum nimio amore vestrae excellentiae tribuimus effectum, et tam marmora quamque musivum caeteraque exempla de eodem palatio vobis auferenda etc.

(40) Mon. St. Gall. Gest. Caroli, l. I, c. 28, ap. Pertz, Monum. Germ. Scriptt. t. II, pag. 744. — Извѣстія о построеніи Ахенскаго собора находятся и у Эггарда, Vita Car. M. c. 26, 17; у Перца, тамъ же стр. 457, 452.

(41) Aachens Liederkranz und Sagenwelt, Herausg. v. Alfr. Reumont. 1829. стр. 321.

воспользоваться неясностию договора и заставить войти въ храмъ первымъ какое-нибудь животное. Въ это время въ городѣ находилась волчица, пойманная въ Арденскомъ лѣсу; она была вогнана въ храмъ и сдѣлалась жертвою злаго духа, который и долженъ былъ вслѣдъ за тѣмъ очистить храмъ (42). Въ воспоминаніе услуги, оказанной волчицею, было поставлено ея изображеніе предъ вратами храма, какъ оно стоитъ на томъ мѣстѣ и до настоящаго времени, на высококомъ пьедесталѣ, съ правой стороны входа въ соборъ. Конечно, справедливѣе было бы сказать, что поставленная Карломъ волчица подала послѣдующимъ поколѣніямъ поводъ къ составленію самой легенды. Съ лѣвой стороны воротъ, соотвѣтственно волчицѣ, помѣщается на пьедесталѣ громадная еловая шишка, вылитая изъ мѣди.

Оба эти памятника, и волчица, и еловая шишка, признаются остатками Римскаго искусства, и, вѣроятно, были перевезены вмѣстѣ съ прочими украшеніями изъ Италіи. Положеніе волчицы нисколько не оправдываетъ легенды; ея правая задняя нога нѣсколько откинута, какъ бы она кормить щенятъ. Быть можетъ, это изваяніе находится скорѣе въ связи съ національнымъ пре-

- (42) Местъ злаго духа Ахену за обманъ составляетъ содержаніе другой легенды о происхожденіи горы Лусберга. Злой духъ, говоритъ преданіе, удалился на берегъ какого-то моря обдумывать планъ наказанія жителей Ахена, и, увидя огромную песчаную косу, рѣшился ею засыпать весь городъ. Поднявъ косу на плеча, онъ отправился въ обратный путь съ этою ношею, которая висѣла на немъ на подобіе мѣшка и переднею своею частью закрывала отъ глазъ дорогу. Не смотря на то, злой духъ подошелъ къ стѣнамъ самаго Ахена; но, не видя ничего предъ собою, онъ не подозрѣвалъ такой близости города и спросилъ у проходившей мимо женщины, какъ далеко до Ахена. Узнавъ злаго духа и появъ его намѣреніе, женщина показала ему свои старые, протертые деревянные башмаки и сказала: я ихъ купила въ Ахенѣ и теперь возвращаюсь оттуда; посуды же самъ, какъ далеко Ахенъ отъ насъ, когда я такъ вносила свои новые башмаки. Злой духъ, обманутый словами женщины, полагалъ, что онъ заблудился, и измученный дальнею дорогою не хотѣлъ болѣе отыскивать Ахена и сбросилъ съ своихъ плечъ песчаную косу. Эта коса и образовала, по преданію, ту гору, которая возвышается посреди Ахенской долины, и которая названа потому *Lussberg*, т. е. горю хитрости.

даваемъ Римлянъ о волчицѣ Ромула и Рема. Карлъ V., какъ мы увидимъ ниже, старался въ Ахенѣ собрать все, что могло бы его сдѣлать наследникомъ вѣчнаго города. Что касается до Германскаго преданія, то не служить ли оно указаніемъ того, что въ древности, на мѣстѣ христіанскаго храма, стояло какое-нибудь языческое капище, развалины котораго были употреблены въ дѣло при построеніи храма; и такимъ образомъ это построеніе было сдѣлано какъ бы на счетъ языческаго божества. А извѣстно, что въ преданіяхъ среднихъ вѣковъ миеологическія божества Грековъ и Римлянъ всегда занимаютъ роль злыхъ духовъ. Примѣры обращенія языческихъ храмовъ въ христіанскіе нерѣдки; и въ Голландскомъ городкѣ, сосѣдствѣ Ахену, Мэстрихтѣ, стоятъ и до-сихъ-порѣ Notre-Dame, храмъ Богородицы, который, если вѣрить археологическимъ воспоминаніямъ, былъ выстроенъ, по-крайней-мѣрѣ въ своемъ основаніи, за 57 л. до Р. X. Это былъ Римскій храмъ Діаны, обращенный въ IV столѣтіи по Р. X. въ христіанскій храмъ, посвященный Богородицѣ. Надъ дверями этого храма я прочелъ надпись, которая свидѣтельствуесть о притязаніяхъ его на глубочайшую древность:

*Omnia si mundi lustrabis templa; viator,
Vix ullum invenies per totum antiquis orbem.*

Внѣшній видъ Ахенскаго собора, — какъ онъ существуетъ въ настоящее время — представляетъ два отдѣльные зданія, построенныя въ различныя эпохи, и потому совершенно различныхъ стилей. Одно — главная часть зданія — имѣетъ форму осьмисторонней башни въ 50 фут. діаметра и 100 ф. высоты; это и есть собственно соборъ Карла Великаго, выстроенный по Византійскому образцу и удержавшій до-сихъ-порѣ Греческое названіе Октогона т. е. осмиугольника; въ нижнихъ его частяхъ пристроены придѣлы въ готическомъ стилѣ, въ половину высоты Октогона. Самый Октогонъ завершается куполомъ, внизу котораго пристроены треугольники, такъ что куполъ имѣетъ форму короны съ зубчатымъ ободомъ. Входъ въ Октогонъ образуетъ башня, съ правой стороны которой находится часовня. Другая часть зданія есть продолговатая башня, пристроенная къ Октогону противъ входа въ XIV столѣтіи; стиль ея чисто-

готическій и стеклянные рамы тянутся отъ отъ земли до самой кровли. Кровля башни имѣетъ гребень на всемъ ея протяженіи, и чрезвычайно крута. Эта вторая часть зданія называется хоромъ.

Во внутренность собора ведутъ большія ивѣдныя врата, сохранившіяся со времени Карла Великаго, и по обѣимъ сторонамъ которыхъ тѣ Римскія изваянія волчицы и еловой шишки. Широкий, но короткій корридоръ ведетъ въ Октогонъ. Самый Октогонъ внутри представляетъ два яруса галерей вдоль стѣнъ, опирающихся на своды; своды положены на четырехугольные столбы, между которыми образуется 16 входовъ въ Октогонъ. Галереи украшены по краямъ гранитными колоннами, вывезенными изъ Равенны при Карлѣ. Во время разграбленія Ахена Французами въ 1794 г., эти колонны были вывезены въ Парижъ, а въ 1815 г. возвращены на прежнее мѣсто. Въ самомъ центрѣ Октогона на полу огромная черная плита съ надписью: *Carolo Magno*. Это — мѣсто, гдѣ первоначально былъ погребенъ Карлъ Великій. Самая (43) плита и надпись устроены въ новѣйшее время. По описанію Эгингарда, на этомъ мѣстѣ находилось прежде возвышеніе и престолъ; тамъ же помещалось и изображеніе Карла съ надписью: подъ этимъ памятникомъ лежитъ тѣло Карла Великаго, прославленнаго императора, который весьма расширилъ царство Франковъ и 47 лѣтъ счастливо царствовалъ. Умеръ 70 лѣтъ, отъ воплощенія Господа въ 814 г., индикта VII, 28-го Января (44). Нынѣшняя плита ничемъ не отгорожена и служить пошлѣ для проходящихъ. На этомъ-то мѣстѣ, въ склепѣ, и былъ посаженъ трупъ Карла Великаго на мраморномъ стулѣ въ императорскихъ регаліяхъ. Такъ просидѣлъ онъ 186 лѣтъ, когда въ 1,000 году императоръ Саксонскаго дома Оттонъ III спустился въ первый разъ въ склепъ и нашелъ тѣло Карла хо-

(43) *Sub hoc conditorie situm est corpus Caroli Magni atque orthodoxi imperatoris, qui regnum Francorum nobiliter amplia sit et per annos XLVII feliciter rexit. Decessit septuagenarius, anne ab incarnatione Domini DCCCXIV, indict. VII, 3. Kal. Febr.*

(44) Эта плита покрывала сначала могилу Оттона III, которая находилась въ Хорѣ, а въ началѣ нынѣшняго столѣтія ее положили на мѣстѣ прежней могилы Карла V.

рошо сохранившимися; въ рукѣ покойнаго императора оставался скипетръ, на колѣнахъ — евангеліе, на головѣ — крестъ съ кускомъ настоящаго креста; сверхъ одѣвнiя сумка пилигрима; мечъ и золотой щитъ по сторонамъ. Оттонъ связъ съ Карла Великаго одинъ крестъ, и оставилъ прочее въ прежнемъ порядкѣ, приказавъ снова заложить склепъ.

Въ 1165 году императоръ Фридрихъ I Барбарусса приказавъ открыть могилу Карла V, и его останки были положены въ великолѣпный саркофагъ изъ бѣлаго мрамора. Этотъ саркофагъ принадлежитъ къ лучшимъ остаткамъ Римскаго искусства и, по преданію, въ немъ былъ погребенъ первый Римскій императоръ Октавианъ Августъ. Странно было видѣть на саркофагѣ, вмѣстившемъ въ себѣ останки христіанскаго государя, барельефъ, изображающій извѣстный языческій мифъ о похищеніи Прозерпины. Къ сожалѣнію, и этотъ саркофагъ въ 1794 году раздѣлилъ участь многихъ драгоценностей Ахенскаго собора, и отъ переезда въ Парижъ и потомъ обратно въ Ахенъ много пострадалъ: у Прозерпины отбитъ носъ, и другія фигуры изъ свиты адскаго бога не менѣе повреждены (45). Фридрихъ Барбарусса предложилъ папѣ причислить Карла Великаго къ лику святыхъ, и 29 Декабря 1166 г. Карлъ Великій былъ канонизированъ Пасхалиемъ. Но какъ Пасхалій былъ анти-папа, противопоставленный Александру III, то канонизированіе Карла не признается вполне правильнымъ и вызывало нерѣдко богословскіе споры; однако народное уваженіе къ памяти Карла и молчаніе послѣдующихъ папъ, не подтверждавшихъ, но и не отрицавшихъ канонизаціи Карла, оставили за нимъ титулъ святаго. Впрочемъ, въ Мэстрихтской Римскокатолической церкви св. Сервація на предсталъ статуй Карла я видѣлъ подпись: Sanctus Carolus Magnus; и въ день Св. Іакова, 27 Іюля (объ этомъ днѣ я скажу ниже подробно), когда поднимаютъ останки Карла Великаго, въ прекрасномъ (46) гимнѣ, который начинается словами: Urbs Aquep-

(45) Нынѣ этотъ саркофагъ находится въ лѣвой капеллѣ и поставленъ пустой въ нишѣ отъны; должно предполагать, что есть барельефъ и съ другой стороны; но на мой вопросъ о томъ ни въ чемъ не умѣлъ ничего отвѣтить провожавшій меня сакристенъ.

(46) Aach's Chronick, а Norrio. Кельнъ, 1632, стр. 14.

sis, urbs regalis etc. поется Римскокатолическою церковью слѣдующее:

O rex, mundi triumphator,
 Jesu Christi conregnator,
 Sis pro nobis exorator,
 Sancte pater Carole!

Надъ бывшею могилою Карла, гдѣ недавно положена плита съ извѣстною надписью посреди Октагона, Фридрихъ Барбарусса и его супруга, Беатриса, повѣсили пожертвованное или паникадило огромнаго размѣра, съ 48 подсвѣчниками, 8 большими и 8 малыми фонарями въ формѣ часовень съ башнями. Все паникадило имѣетъ сходство съ короною; толстая цѣпь прикрѣпляетъ его къ вершинѣ купола Октагона. На ободѣ паникадила начертаны гексаметры — замѣчательный литературный памятникъ эпохи Гогенштауфеновъ (47).

Въ 1215 году императоръ Фридрихъ II переложилъ останки Карла V. изъ того ираморнаго саркофага въ настоящую гробницу, обдѣланную въ золото и серебро; здѣсь покоятся кости Карла Великаго и до-сихъ-поръ; самая гробница стоитъ въ шкапу съ прочими драгоценностями собора въ его главной сокро-

(47) Caelica Jerusalem signatur imagine tali,
 Visio pacis, certa Quietis spes ibi nobis,
 Ipse Joannes gratia Christi Praeco salutis,
 Quam prophetavit, quamque Prophetae denique virtus
 Lucis apostolicae, fundavit dogmate vitam.
 Urbem sydereis labentem vidit in astra,
 Auro ridentem mundo, gemmisque nitentem,
 Qua nos in Patria precibus pia siste Maria.

Caesar Catholicus Romanorum Fridericus,
 Cum specie munerum cogens attendero Clerum.
 Ad templi normam sumunt sus munia formam.
 Istius Octogenae donum regale coronae
 Rex pius ipse piaë vovit solvitque Mariae.
 Ergo stella Maris astris praefulgida clavis,
 Suscipe munificum prece devota Fridericum.
 Conregnatricem sibi junga suam Beatricem.

вищницѣ, на правой рукѣ отъ Хора, за кафедрою, усыпанной драгоценными каменьями и подаренной собору въ началѣ XI-го столѣтія императоромъ Гейнрихомъ II изъ дома Саксонскаго (48). Въ послѣдній разъ эта гробница была открыта въ 1843 году 7 Августа (26 Юля ст. стила), въ присутствіи здѣшняго пріора Антона Клессена; тамъ была найдена при этомъ случаѣ рукопись на пергаментѣ, по словамъ которой въ 1481 г., въ слѣдствіе настоятельной просьбы христіаннѣйшаго Французскаго короля Лудовика XI, была вынута верхняя часть правой руки Карла съ тѣмъ, чтобы ее помѣстить въ особый ящикъ изъ чистаго золота, придавъ ящику форму руки. Точно также были вынуты при другихъ случаяхъ черепъ Карла V. и нижняя часть ноги и обдѣланы въ золото. Черепъ вдѣланъ въ голову, которой придано сходство съ Карломъ V.; на темени находится отверстіе величиною съ ладонь, чрезъ которое видна часть настоящаго черепа. Нога вдѣлана въ золотой цилиндръ съ отверстіемъ, покрытымъ стекломъ. Нылъ эта нога помѣщается въ лѣвомъ шкапу въ стѣнѣ, а голова, рука вмѣстѣ съ охотничьимъ рогомъ слоновьей кости, подареннымъ Карлу V. Гарунъ-аль-Рашидомъ, находятся въ правомъ шкапу. Остальныя части скелета Карла V., завернутыя въ матерію, продолжаютъ лежать въ той гробницѣ. Такой разметавный видъ останковъ Карла V. производитъ непріятное впечатлѣніе на зрителя; было бы гораздо величественнѣе соединить весь скелетъ Карла въ одно цѣлос, возвратити ему святые съ него и расхищенные знаки (49) императорскаго достоинства

(48) Забѣчу для соотечественниковъ, которымъ случится быть въ Ахенѣ, правила для осмотра древностей здѣшняго собора. Памятники, расположенные разсыпно, можетъ показывать церковный привратникъ по билету, получаемому отъ него же за 10 з.-гр. (30 к. сер.); а сокровищницу, гдѣ находятся останки Карла V. и св. реликвіи, о которыхъ буду говорить ниже, можетъ показывать только священнослужитель, по билету, получаемому у sacristain за 1 тал. (93 к. сер.) на три персоны; четвертый, пятый и т. д. требуютъ каждый новаго билета. Самое удобное время посѣщенія собора отъ 12 до 3 ч. по полудни.

(49) Знаки императорскаго достоинства, святые Фридрихомъ I съ Карла, употреблялись обыкновенно при коронаціи Нѣмецкихъ королей, и хранились въ Ахенѣ. Въ 1424 г. императоръ Сигизмундъ перенесъ

и посадить на тотъ же мраморный стулъ, на которомъ онъ просидѣлъ почти 200 лѣтъ. Этотъ знаменитый стулъ (Königstuhl), послѣ погребенія Карла въ мраморномъ саркофагѣ, въ 1165 г., служилъ престоломъ для Германскихъ королей, начиная отъ Фридриха Барбаруссы до Фердинанда I, брата Карла V (1531 г.); 37 императоровъ входили на этотъ стулъ. Сынъ Фердинанда I, Максимилианъ II, короновался уже во Франкфуртѣ-на-Майнѣ (1562 г.) и съ того времени Ахенъ потерялъ навсегда свою привилегію быть мѣстомъ коронаціи Германскихъ императоровъ. Этотъ стулъ состоитъ изъ 5 мраморныхъ досокъ; четыре образуютъ ящикъ и своими продолженіями составляютъ спинку и опоры для рукъ съ двухъ сторонъ; пятая назначена для сидѣнья. Въ настоящее время эти доски сколочены желѣзными скобами, а до похищенія стула во время Французской революціи онѣ были связаны золотыми украшеніями. Для сидѣнья положена малиноваго бархата подушка; весь стулъ, вмѣстѣ съ мраморными ступенями возвышенія, на которомъ онъ поставленъ, покрытъ теперь деревяннымъ чехломъ и помѣщается въ верхней галерей Октогона, называемой Hochmünster. Но обратимся еще разъ къ новѣйшей гробницѣ Карла V.: она можетъ считаться замѣчательнымъ памятникомъ искусства XIII столѣтія, а содержаніе ея барельефовъ имѣетъ важность и для историка.

Когда въ 1843 г. въ послѣдній разъ открывали гробницу Карла V., то вмѣстѣ съ тѣмъ ее положили въ особый ящикъ изъ серебряныхъ досокъ вмѣстѣ съ останками мученика Леопарда; по длиннымъ стѣнкамъ ящика помѣщены изображенія тѣхъ импера-

въ Нюрнбергъ золотую корону Карла V., его перстень, скипетръ, державу и башмаки. Въ 1798 г. императоръ Францъ, опасаясь нападенія Французовъ, приказалъ перенести изъ Ахена въ Падерборнъ и остальные принадлежности Карла, а именно — его мечъ и евангеліе, написанное золотыми буквами, которое лежало на колѣняхъ Карла, также и ящики съ землею, на которую была пролита кровь первомученика Стефана. Но для большей безопасности, всё регалии и изъ Падерборна, и изъ Нюрнберга были перевезены въ Вѣну. Похищенное Французами изъ Ахена было возвращено городу въ 1815 г., а взятое для сбереженія Австрійцами и теперь сохраняется въ Вѣнѣ въ императорской сокровищницѣ, но не перенумеровано, какъ бы въ знакъ признанія чужой собственности.

торовъ, которые были основателями или особыми покровителями собора: Карла В., Людовика Благочестиваго, Лотара, Цезентибольда, Гейнриховъ I, IV, V, VI, Фридриховъ I и II; на крайнихъ доскахъ ящика находятся изображенія Богородицы и Карла В. съ надписями. Въ этомъ-то новѣйшемъ ящикѣ и заключена гробница, но видѣть ее нельзя (50), и потому я долженъ былъ довольствоваться протоколомъ, составленнымъ при вскрытiи гробницы прiоромъ Клессеномъ (51), и показанiями очевидцевъ. На каждой длинной сторонѣ гробницы помѣщены 4 барельефа; всего 8. Эти барельефы были описаны еще въ XII стол. какимъ-то анонимомъ, помѣщеннымъ въ изданiи Болландитовъ въ жизни Карла подъ 28 Января. Вотъ и порядокъ, въ которомъ слѣдуютъ барельефы:

- 1) «Какъ св. Иаковъ явился Карлу Великому».
- 2) «Внезапное паденiе стѣны Пампелуны».
- 3) «Карлъ ставитъ плѣнныхъ на колѣни въ церкви».
- 4) «Копья цвѣтутъ въ палаткѣ Карла».
- 5) «Битва; Карлъ слушаетъ донесенiе».
- 6) «Карлъ разговариваетъ съ монахомъ».
- 7) «Врученiе терноваго вѣнца».
- 8) «Колѣнопреклоненный Карлъ посвящаетъ церковь Богородицѣ».

Значенiе этихъ барельефовъ можно объяснить преданiями и народными легендами среднихъ вѣковъ. Первый, второй, третiй и осьмой барельефы имѣютъ своимъ содержанiемъ походы Карла В. въ Испанiю противъ Мавровъ. По народному преданiю, св. апостолъ Иаковъ явился въ окрестностяхъ Ахена Карлу В. и заклиналъ его освободить его мощи изъ рукъ невѣрныхъ (52).

(50) Aachener Anzeiger. В Февр. 1851. Ср. статью, помѣщенную въ Aachener Zeitung № 206, 26 Июля 1856: «Ueber die acht Basreliefs an dem Behälter Karls des Grossen in dem Schatze des hiesigen Münsters».

(51) Я слышала, что были сдѣланы гипсовые снимки этихъ барельефовъ и что они находятся въ Берлинѣ у г. Ольферса.

(52) Въ память этого событiя, каждый годъ 27 Июля (8 Августа) празднуется церковное торжество поднятiя мощей Карла В. (Feier der Erhebung der Ueberreste Karls des Grossen). Оно сопровождается

Карль Великій, отправляясь въ Испанію, гдѣ сохранялись мощи св. Іакова, даетъ обѣтъ въ случаѣ успѣха построить въ Ахенѣ храмъ Богородицы. Во время этого похода Карль В. нападаетъ сначала на Пампелуну, стѣны которой пали, подобно стѣнамъ Іериховскимъ, отъ одной молитвы св. Іакова; отъ Пампелуны Карль направился къ Нуманціи, и, перейдя р. Эбро, осадилъ этотъ городъ. Нуманція сдалась безъ сопротивленія, и ея жители на колѣпахъ дали Карлу присягу въ вѣрности (53). Несравненно загадочнѣе представляется содержаніе остальныхъ 4-хъ барельефовъ, подъ № 4, 5, 6 и 7. Но барельефъ № 7 даетъ ключъ къ объясненію и остальныхъ. Легенды среднихъ вѣковъ рассказываютъ много о крестовыхъ походахъ Карла В. въ Палестину, во время которыхъ онъ и получилъ терновый вѣнецъ Спасителя. Въ XIII столѣтіи хроникъ Гелинандъ (1223 +) собралъ эти преданія и первый записалъ ихъ (54). Монахъ Трифонтіискій Альберихъ (55) сдѣлалъ изъ хроники Гелинанда извлеченіе; но вопли она повторена въ большой всемірной исторіи Винкентія Бовезійскаго, пи-

процессією, самую торжественною, какую когда-либо я видѣлъ. Впереди шелъ мальчикъ, красиво одѣтый, съ крылушками назадъ; потомъ попарно шли ряды дѣвочекъ; за ними 3 дѣвицы, изображавшія собою Вѣру, Надежду и Любовь; въ рукахъ одной былъ крестъ, другая несла якорь, третья — сердце; за всѣмъ этимъ шло духовенство съ хоругвями. Улицы, по которымъ шла процессія, были украшены; гирлянды цвѣтовъ перекидывались съ одной стороны на другую; изъ всѣхъ оконъ были выставлены разноцвѣтные флаги, а мѣстами на флагахъ были картины изъ евангельской исторіи. На окнахъ и предъ дверями домовъ стояли изваянья изображенія Мадонны или Римскокатолическихъ святыхъ; они были перевиты цвѣтами; вокругъ нихъ горѣли свѣчи. Процессія началась въ 10 часовъ утра и шла по направленію отъ собора къ церкви св. Іакова, на концѣ Jacobsstrasse.

- (53) Это преданіе объ Испанскомъ походѣ Карла В. помѣщено въ *Leben des heiligen Caroli Magni, v. Thenen, p. 68* и слѣд.
- (54) Хроника Гелинанда составляетъ библиографическую рѣдкость; она была напечатана только одинъ разъ у Tissier: *Biblioth. Cistere. VII.*
- (55) *Alberici monachi Trium Fontium chronicon ad a. 802.* О хроникѣ Альберика и Гелинанда можно найти подробности у Pertz, *Archiv, X, 174* и слѣд.

самшаго въ половинѣ XIII столѣтія (36). Это сочиненіе также рѣдко, а потому я счелъ нужнымъ сдѣлать изъ него выписку и составить по нему разсказъ о небываломъ крестовомъ походѣ Карла V., какъ то было создано народною фантазією.

«Карлъ былъ Римскимъ императоромъ, пишетъ Вивкентій. Въ то время явился къ императорамъ Константину и Льву, въ Византію, Іерусалимскій патріархъ, изгнанный Сарацынами. Его сопровождали Неаполитанскій іерей Іоаннъ и Іерусалимскій протоіерей Давидъ. Они были посланы отъ имени патріарха къ Карлу вмѣстѣ съ собственноручнымъ письмомъ Византійскаго императора Константина, который далъ имъ въ проводники двухъ Евреевъ, Исаака и Сажумла. Въ концѣ письма императоръ пишетъ: «этою ночью я видѣлъ предъ своею постелью юношу, который мнѣ привѣтливо говорилъ: Константанъ, ты просилъ у Бога помощи въ этомъ дѣлѣ; хорошо! повози Карла, великаго короля Франковъ, мужественнаго защитника Божьяго дѣла и церкви. Въ то же время незнакомецъ указалъ мнѣ на мужа въ блестящемъ одѣяніи, въ панцырѣ, съ краснымъ щитомъ; мечъ съ пурпуровою рукоятію, коше необыкновенной длины съ свѣтащимся пламенемъ на остріѣ. Въ рукѣ онъ держалъ шлемъ чистаго золота; лѣта его были преклонны; длинная борода-стлалась по груди; внѣшность его была прекрасна; ростъ величественный; глаза горѣли, какъ двѣ звѣзды, и бѣлоснѣжные волосы украшали голову.» Этими словами побуждалъ Византійскій императоръ Франкскаго героя не противиться нарѣченію Господней воли. Онъ самъ выбивалъ безбожныхъ азычниковъ изъ Іерусалима; но наконецъ они удержали городъ за собою. Карлъ принялъ пословъ въ Парижѣ, прочелъ письмо и пролилъ слезы, оплакивая судьбу Гроба Господня. Затѣмъ архіепископъ Турпанъ прочелъ письмо Константина всенародно; слушавшіе обратились къ Карлу съ мольбою предаринять крестовый походъ. Тотчасъ разсылаются указы по всему королевству всѣмъ способнымъ носить оружіе отправиться противъ азычниковъ; кто оста-

(36) Vincentii Bellovacensis (Beauvais), Speculum historiale, l. XXV, c. 4 и сл. О крестовомъ походѣ Карла V. можно найти объясненія въ сочиненіи Grässe: Sagenkreise des Mittelalters, стр. 292.

нется, внести 4 монеты поголовной подати; отсюда не исключаются и рабы. Огромное войско, какого не видали до того времени, собирается къ походу въ Святую Землю. Предъ Іерусалимомъ крестоносцы встрѣчаютъ лѣсъ, по которому и идутъ цѣлые два дня. Лѣсъ былъ наполненъ волками, львами, тиграми и другими хищными звѣрями. Карлъ надѣялся сначала, что ему удастся пройти этотъ лѣсъ въ одинъ день. Но наступаетъ ночь; войско сбивается съ пути и разбиваетъ въ лѣсу палатки; императоръ молится на своей постелѣ и читаетъ псалмы, какъ вдругъ какая-то птица протягиваетъ къ нему свой клювъ и говоритъ ему такъ, что всѣ пришли въ изумленіе. Императоръ продолжаетъ молиться, но едва онъ кончилъ стихъ: Господи, изведи мою душу изъ пѣна! какъ птица нѣсколько разъ дотронулась до него своимъ клювомъ и громко сказала ему: Король Франковъ, что ты говоришь? Карлъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ за птицею и нашелъ тропинку, которая была вчера потеряна. Странствовавшіе въ этомъ лѣсу слышали и послѣ птицъ, которыя говорили такъ. Язычники разбиты, Святая Земля завоевана, и Карлъ получаетъ отъ Византійскаго императора и Іерусалимскаго патріарха позволеніе возвратиться домой. Между тѣмъ предъ вратами выставлены животныя всѣхъ родовъ и цвѣтовъ, и множество золота и драгоцѣнныхъ каменьевъ. Съ одной стороны Карлу кажется неприличнымъ не взять ничего; съ другой стороны, графы, составлявшіе его совѣтъ, полагаютъ, что походъ былъ предпринятъ изъ любви къ Богу, и что потому всякая земная награда оскорбительна. Карлъ того же мнѣнія, и потому, когда его умоляли взять себѣ что-нибудь для воспоминанія, онъ проситъ святыхъ остатковъ отъ орудій страданій Спасителя. Тогда все войско проводитъ три дня въ постѣ, и двѣнадцать Грековъ получаютъ приказаніе раздѣлить святые остатки. На третій день Карлъ исповѣдуется своимъ грѣхамъ архіепископу Эброину. Когда Неапольскій епископъ Давидъ открылъ ящикъ, гдѣ лежалъ терновый вѣнецъ, разнеслось такое пріятное благоуханіе, какъ будто бы это былъ рай. Карлъ бросается на колѣни и полный вѣры въ Спасителя проситъ, чтобы во славу Его имени возобновились чудеса. Тотчасъ спадаетъ роса съ неба и орошаетъ собою терніе, на кото-

ромъ въ то же самое время распускаются цвѣты; между тѣмъ всѣ присутствующіе блестятъ свѣтомъ, какъ бы одѣтые въ небесныя ризы. И когда Давидъ началъ разрѣзать вѣнецъ, цвѣты распускались все болѣе и болѣе. Карлъ собираетъ эти цвѣты и наполняетъ ими свою правую перчатку. Онъ подаетъ ее Эбронну, чтобы наполнить терніемъ другую перчатку. Но глаза обоихъ омочились слезами, когда одинъ думалъ, что подалъ перчатку, а другой — что ее взялъ, а перчатка между тѣмъ осталась на воздухѣ и висѣла цѣлый часъ. Когда послѣ того Карлъ хотѣлъ вынуть цвѣты изъ перчатки, они уже обратились въ манну, которую и теперь (т. е. въ XIII ст.) показываютъ въ С. Дени, хотя нѣкоторые и баснословятъ, что это-та самая манна, которая ниспала (Евреямъ) въ пустынь. Всѣ больные, которые тамъ находились, излечивались отъ запаха тѣхъ цвѣтовъ. Запахъ распространился по всему городу, и въ немъ излечился 301 больной. Одинъ былъ 24 года и 3 мѣсяца слѣпъ, нѣмъ и глухъ; когда вынули терновый вѣнецъ, онъ получилъ зрѣніе; когда его разрѣзали, ему возвратился слухъ, а когда распустились цвѣты, онъ заговорилъ. За тѣмъ Давидъ передалъ королю Франковъ гвоздь Спасителя. Когда его вынули изъ алебастрового ларца, то исцѣлился мальчикъ, у котораго лѣвая рука и весь лѣвый бокъ отъ рожденія были въ параличѣ. Мальчикъ бѣгалъ по церкви и рассказывалъ, что онъ послѣ обѣда видѣлъ во снѣ, какъ къ нему явился страшный кузнецъ и кривыми щипцами вытащилъ ему гвоздь изъ лѣвой ноги и изъ руки. Карлъ получилъ также частицу креста Спасителя, платъ, которымъ была повязана его голова (*sudarium*), одежду Богородицы и пелены, которыми былъ обвиваемъ Предвѣчный Младенецъ, вмѣстѣ съ рукою престарѣлаго Симеона, на которой онъ держалъ Спасителя (57). Карлъ положилъ всѣ эти остатки въ кожаный мѣшокъ, который онъ и повѣсилъ себѣ на шею. Такимъ образомъ онъ пришелъ въ городъ, называемый Лигмедонъ, гдѣ прикосновеніемъ мѣшка воскресилъ мальчика и исцѣлилъ 50 больныхъ обоего пола. Карлъ пробылъ въ Палестинѣ шесть мѣсяцевъ и одинъ

(57) Всѣ эти священные предметы, какъ мы увидимъ ниже, сохраняются и до-сихъ-поръ въ Аленскомъ соборѣ.

день. Когда онъ возвратился въ Ахенъ, то было имъ исцѣлено безчисленное множество слѣпыхъ и дихорадочныхъ, 14 хромыхъ, 52 горбыхъ и т. д. За тѣмъ онъ разослалъ указъ по всему христіанскому міру, чтобы 13 Іюня всѣ отправлялись въ Ахенъ на поклоненіе святыни, которую онъ привезъ изъ Іерусалима и Константинополя. Но каждый долженъ прежде привести покаяніе, какъ то предписывается. Въ Іюнь мѣсяцѣ началось ежегодное открытіе предметовъ поклоненія. На соборѣ, который опредѣлялъ это, присутствовали: папа Левъ, архіепископъ Туринскій, Ахиллесъ епископъ Александрійскій, Теофілъ епископъ Антіохійскій и многіе другіе епископы и аббаты.

Я перевелъ весь рассказъ монаха XIII столѣтія о воображаемомъ крестовомъ походѣ Карла Великаго въ Палестину для того, чтобы поставить читателя въ возможность судить, на сколько вѣроятна моя догадка при объясненіи № 4, 5, 6 и 7 барельефа гробницы Карла. Битва Франкскаго короля съ невѣрными, потомъ его исповѣдь, принятіе терноваго вѣнца и наконецъ распустившіеся цѣпты на копьяхъ, какъ все это показано въ древнемъ объясненіи барельефовъ, наводятъ на мысль, что эти барельефы увѣковѣчили народную фантазію о крестовомъ походѣ Карла въ Палестину. Но обратимся къ оставленной нами эпохѣ Карловинговъ. Я уже сказалъ, что Октогонъ, часть нынѣшняго собора, выстроенная при Карлѣ, былъ готовъ въ 796 г. Карлъ Великій хотѣлъ освятить новый храмъ съ небывалымъ великолѣпіемъ и искалъ случая созвать цѣлый соборъ; этииъ только и можно объяснить, что освященіе храма совершилось не ранѣе какъ въ 804 году. По словамъ одной старой легенды, записанной позднѣйшими лѣтописцами, для освященія храма приказано было явиться 365 епископамъ, по числу дней въ году; когда двое изъ нихъ не могли присутствовать, то прибыли въ Ахенъ изъ Мэстрихтскаго монастыря св. Сервація два епископа — св. Мондольфъ и св. Гондольфъ, умершіе въ IV столѣтіи и вставшіе изъ гробовъ. Мейеръ, Ахенскій историкъ прошедшаго столѣтія (58), видѣлъ въ Мэстрихтскомъ монастырѣ св. Сервація надъ гробницами тѣхъ святыхъ нарисованнаго ангела и въ рукахъ его свертокъ съ над-

писью: *Mondolph en Gondolph staet uff, en vertreckt uck zu die Weyn der Kerck van Aacken* (Мондольфъ и Гондольфъ встають и отправляются на освященіе церкви въ Ахенѣ). Но въ 1804 г. храмъ св. Серватія былъ реставрированъ и эта надпись, вѣроятно, была покрашена; по-крайней-мѣрѣ я ее не нашелъ на томъ мѣстѣ. При освященіи Ахенскаго собора присутствовалъ и папа Левъ III, хотя современники о томъ не говорятъ, и мы можемъ сослаться на позднѣйшихъ лѣтописцевъ (59). На золотомъ ящикѣ, въ которомъ сохраняются такъ-называемыя великія реликвіи Ахенскаго собора, помѣщено между прочимъ изображеніе папы Льва III съ надписью вокругъ:

Esse Leo Papa, cujus benedictio sacra
Templum sacrauit, quod Carolus aedificavit.

При освященіи храма, Карлъ Великій издалъ такъ-называемую Ахенскую прагматическую санкцію, которою, въ присутствіи Льва III и прочихъ королевскихъ сановниковъ, постановлялось на все времена считать Ахенъ мѣстомъ коронаціи и главою Галліи, такъ чтобы все преемники Карла были помазаны на тронъ въ Ахенѣ и потомъ получали императорское достоинство въ Римѣ по праву, *безъ всякаго противорѣчія* (60).

Но Карлъ Великій не остановился на томъ, и къ политическому значенію Ахена думалъ присоединить и значеніе религіоз-

(59) Bolland. Act. SS. V. St. Gerlaci; Leo III a 804 in Gallias venit et Basilicam S. Mariae Aquisgrani dedicavit.

(60) Prag. Sanct. Aquigr. «Jlllic vero Domino Apostolico et omnibus praedictis nobilibus et egregiis personis congregatis, merui ab omnibus obtinere prae nimia devotione, quam erga ipsum locum et matrem Domini nostri Jesu Christi habebam, et in templo eodem Sedes regia locaretur, et locus regalis et caput Galliae trans Alpes haberetur, ac in ipsa sede reges, successores et haeredes nostri initiarentur, et sic initiati jure dehinc imperatoriam majestatem Romae sine ulla interdictione planius assequerentur». Я заимствовала этотъ текстъ изъ официальной книги, выданной обществомъ *Kab-Verein: Die Münsterkirche zu Aachen und deren Reliquien*. v. Schervier. Aachen, 1853. Mit Gutheissung der geistlichen Oberbehörde. Стр. 18 и 19.

ное. Византия и Римъ были до того времени главными центрами, въ которыхъ сосредоточивалось все драгоценное для воспоминаній христіанскаго міра; Іерусалимъ служилъ для нихъ главнымъ источникомъ, откуда они могли почерпнуть и уже прежде почерпали святые реликвіи. Карлъ V., понимая, какую важность и въ политическомъ отношеніи могутъ имѣть городу подобныя реликвіи, не упустилъ ни одного случая, чтобы возвышать Ахенъ въ религіозномъ отношеніи на счетъ Рима, Византии и Іерусалима. Папы Адрианъ и Левъ III не отказывали Карлу ни въ одной требованіи, и Равенна была опустошена для украшенія и наполненія драгоценностями Ахена. Византия, Іерусалимъ и даже Багдадъ должны были дѣлиться своими сокровищами съ Карломъ. Іерусалимскій патріархъ прислалъ Карлу ключи отъ Гроба Господня вмѣстѣ съ знаменемъ (61). На Масличной горѣ былъ устроенъ Фравскій монастырь (62). Къ сожалѣнію, лѣтописи весьма коротко говорятъ о подаркахъ Іерусалимскаго патріарха; однако тѣмъ не менѣе по тому случаю они прибавляютъ, что все это были остатки отъ Гроба Господня и мѣста воскресенія Спасителя (63). Ангильбертъ, зять Карлъ V., женатый на его дочери Бергѣ, въ своей хроникѣ, составленной между 800 и 814 г., весьма отчетливо упоминаетъ о заботахъ Карла V. сосредоточить въ Ахенѣ все драгоценнѣйшее для христіанскаго міра, и при этомъ указываетъ на тѣ мѣста, которыя должны были заплатить дань Ахену. По построеніи храма Богородицы, говоритъ Ангильбертъ, тамъ овладѣла великая ревность и пламенное жела-

(61) *Annal. Lauriss. et Annal. Einhard. ad. a. 799 et 800. Pertz: Mönch. Germ.-Script. t. II, c. 186—189.*

(62) *Bakur. Miscell. Paris. 1715. T. VII. 14 и слѣд.*

(63) *Annal. Lauriss. et Einhard. l. I. Сравни. у Болландса Act. SS. Januar. T. II, стр. 889: Caroli privileg. eccles. et urbi Aquisgranensi datum, гдѣ также исчисляются предметы реликіи и мѣсто ихъ приобретенія: pignora apostolorum, martyrum, confessorum, virginum a diversis terris et regnis, et praecipue Graecorum, collegi, quae hinc sancto intuli loco ut eorum suffragiis regnum firmiter et peccatorum indulgentia condonetur. Эта грамота Карла V. считается подложною, но въ 1166 г. ее подтвердилъ Фридрихъ Барбарусса.*

не приобрѣсть часть св. реликвій на украшеніе церкви. Посему мы устремили всѣ наши силы и напрягли весь умъ для того, чтобы, при помощи Божіей и содѣйствіи славнаго государя и моего великаго императора, собрать изъ различныхъ странъ всего христіанскаго міра какъ можно болѣе святыхъ и соединить въ этомъ мѣстѣ, какъ то явствуетъ изъ слѣдующаго: болѣе всего мы получили изъ св. Римской церкви щедростію блаженной памяти Адріана и его преемника Льва папы Римскаго, потому изъ Константинополя и Іерусалима чрезъ пословъ, которые были отправлены нами государемъ, и которые принесли намъ оттуда реликвіи; также были присылаемы реликвіи изъ Италіи, Германіи, Бургундіи и Галліи, святыми отцами, патриархами, архіепископами, епископами и аббатами (64), и т. д. Во время пребыванія этого же самого Ангальберта въ Италіи, Алкуинъ видалъ ему въ непремѣнную обязанность собирать святыя остатки и пересылать ихъ въ Ахенъ (65). О количествѣ собранныхъ Карломъ В. реликвій въ Ахенъ можно судить изъ грамоты Карла Лыскаго, данной имъ монастырю св. Корнелія въ Компіенѣ, въ 876 г.; въ этой грамотѣ онъ упоминаетъ о построеніи Карломъ В. Ахенскаго собора и о посвященіи ему множества реликвій (66).

Карлъ В. достигъ своей главной цѣли: потому что вслѣдъ за освященіемъ собора папа Левъ III (67) издалъ постановленіе о религіозныхъ путешествіяхъ въ Ахенъ, гдѣ, по распоряженію

(64) Mabillon, Act. SS. ord. S. Benedict. sec. IV. I, стр. 113 и слѣд. Act. SS. Vall. Februar. T. II, стр. 103.

(65) Insuper, carissime frater, devotissime deflagito, ut dona dulcissima et mihi necessaria, i. e. sanctorum reliquias mihi vel aliquas transmittere cures. Ep. XXIV.

(66) Ac congerie quam plurima reliquiarum eodem locum storasse, D'Achery Specleg. ed. Paris. T. III, стр. 352.

(67) Подробное объясненіе этого всепрощенія можно найти въ введеніи къ сочиненію Schervier: Die Münsterkirche zu Aachen. Стр. IX и слѣд. Это всепрощеніе (Ablass) повторяется и нынѣ въ годы, назначенныя для поклоненія Ахенскимъ реликвіямъ. См. Directorium des Herrn Cardinal-Erzbischof v. Köln für 1853. Стр. 31.

императора, каждый годъ въ Юнѣ мѣсяцѣ выставлялись реликвіи для поклоненія пилигримамъ, и при этомъ папа объявлялъ такое же полное всепрощеніе (*indulgentia*), какое получаютъ отправляющіеся въ Иерусалимъ на поклоненіе Гробу Господню (68). Въ X-мъ стол. при Оттонахъ подобное пилигримство (*Heilighthumsfahrt*) въ Ахенъ было назначено черезъ каждые семь лѣтъ (69). Въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ Ахенъ сохранялъ свое религиозное значеніе, и въ годъ открытія реликвій десятки тысячъ благочестивыхъ странниковъ стекались туда со всѣхъ концовъ Европы (70). Число пилигримовъ изъ Венгріи было такъ велико, что для нихъ въ XIV столѣтіи была устроена при соборѣ особая капелла, которая и до-сихъ-поръ называется Венгерскою. Въ послѣдній разъ Ахенъ торжествовалъ свой юбилей въ 1853 году, и слѣдовательно въ 1860 года, по прошествіи семь лѣтъ, онъ будетъ повторенъ снова.

Въ послѣдующія времена за Карломъ В. Минстеръ претерпѣлъ частыя несчастія, во время которыхъ были утрачены многія изъ реликвій. Такъ въ 881 г. Ахенскій соборъ ограбили Норманны; потомъ городъ нѣсколько разъ страдалъ отъ пожаровъ (особенно въ 1236 и въ 1656 г.), при чемъ должно было вынести изъ собора и реликвіи; наконецъ въ 1794 г. Ахенъ былъ разграбленъ Французами. Такимъ образомъ не удивительно, что въ настоящее время количество реликвій въ Ахенскомъ соборѣ гораздо менѣе того, которое было при Карлѣ В.

Всѣ нынѣ существующія реликвіи въ Мюнстерѣ раздѣляются на два отдѣла: 1) большія реликвіи и 2) малыя реликвіи. Существенное различіе между ними состоитъ въ томъ, что боль-

(68) Aach's Chronick. v. Noppins. Стр. 139. Для такого торжества назначаются два недѣли, отъ 10 до 24 Юля и. ст.

(69) Vincent. Bellocasens. Specul. historiale, L XXV, cap. 5.

(70) Въ 1453 г. собралось такое множество народа въ Ахенъ для поклоненія реликвіямъ, что магистратъ приказалъ запереть ворота; въ 1496 г. въ Ахенъ пришло 142,000 пилигримовъ. См. Хроника Бека подъ гг. 1453 и 1496. Въ 1816 г. было ежедневно около 12 т. пилигримовъ. Scherzier. Die Münsterkirche zu Aachen. Стр. 74 и 77.

шія реликвіи показываються народу только каждыя семь лѣтъ, отъ 10 до 24 Іюля, они показывались въ 1853 г., и потому до 1860 г. ихъ видѣть нельзя; одни коронованныя особы пользуются исключеніемъ въ этомъ отношеніи. Малыя же реликвіи показываються для желающихъ ежедневно, за опредѣленную плату. Какъ тѣ, такъ и другія сохраняются въ той же сокровищницѣ, гдѣ, какъ мы видѣли, находятся останки Карла Великаго.

Большихъ реликвій всего четыре: (71)

1) Тонкое бумажное одѣяніе Богородицы, желтоватаго цвѣта, пять съ половиною футъ длины; отверстіе ворота и праваго рукава украшено вытканною тесьмою; отъ лѣваго рукава нижняя часть отрѣзана (72). На правомъ рукавѣ и на груди видны черноватые пятна въ бѣломъ кружкѣ.

2) Пелены, которыми былъ обываемъ Спаситель послѣ рожденія, тещоватаго цвѣта, вязанныя изъ шерсти; съ одной стороны обшиты бортомъ.

3) Полотно, въ которое было завернуто тѣло Іоанна Крестителя по уськновеніи главы; оно весьма тонко и имѣетъ на себѣ слѣды крови.

4) *Reizoniut*—поясной платокъ, которымъ обвязано было тѣло Спасителя на крестѣ; это кусокъ грубаго, небѣленаго полотна, также съ слѣдами крови.

Каждая изъ большихъ реликвій завертывается на 7 лѣтъ въ шелковую матерію; куски же отъ прежняго семилѣтія раздаются по ниткамъ благочестивымъ пилигримамъ, стекающимъ въ Ахенъ при поднятіи реликвій. Завернутыя въ шелковую матерію, большія реликвіи укладываются въ драгоцѣнное храни-

(71) Находясь въ Ахенѣ въ 1856 г., я конечно не могъ видѣть большихъ реликвій, и потому заимствовалъ ихъ описаніе изъ упомянутого мною выше оффиціальнаго сочиненія Schervier: *Die Munsterkirche zu Aachen*. Показавшія Шерье я провѣрялъ указаніями сочиненія: *Geschichtliche Nachrichten über die Aachener Heiligthümer*, v. Floss, Profess. in Bonn. 1853.

(72) По лѣтописи Беака, с. 9, р. 170, это было сдѣлано неизвѣстнымъ священникомъ.

лице, величиною и видомъ похожее на то, въ которомъ лежать останки Карла V. Барельефы хранилища изображаютъ событія изъ жизни Богородицы и Спасителя, впрочемъ не всегда вѣрные евангельскому разсказу (73). По окончаніи торжества, хранилище запирается на ключъ, разламываемый пополамъ: часть остается въ рукахъ духовнаго начальства, а часть передается городскому магистрату. Запертое такимъ образомъ хранилище ставится въ шкапу сокровищницы, на нижней полкѣ, подъ хранилищемъ останковъ Карла Великаго.

Малыя реликвии, показываемыя желающимъ во всякое время дня, хранятся въ той же сокровищницѣ въ отдѣльныхъ сосудахъ, украшенныхъ драгоценными камнями:

1) Кожаный поясъ Иисуса Христа (*cingulum*), концы котораго припечатаны печатью императора Константина; самое изображеніе императора сохранилось довольно хорошо на печати.

2) Часть веревки въ палецъ толщиной, которою Спаситель былъ привязанъ ко кресту.

3) Пятниый, тканый поясъ Богородицы, на концахъ красноватый.

4) Въ маленькомъ ящикѣ, въ формѣ готическаго храма, 90 фунтовъ тяжести, 3 фута высоты, 2½ длины и 1 футъ ширины, сохраняются вмѣстѣ: а) кусокъ полотна, которымъ было покрыто лице Спасителя въ гробѣ; б) пучокъ волосъ Іоанна Крестителя; с) часть мощей первомученика Стефана.

5) Въ другомъ подобномъ же ящикѣ заключаются: а) окошечность одного изъ гвоздей креста; б) частица св. креста; в) зубъ св. Елтерины; д) нижняя часть ноги Карла V.

6) Въ кругломъ сосудѣ, подобномъ солиду, несомнѣ ангелами, находится: а) часть губки, которою была утоляема жажда Спасителя на крестѣ; б) частица св. Креста; с) волосы св. апостола Вареоломея; д) кость Захаріа, отца Іоанна Крестителя; е) два зуба св. апостола Фомы.

7) Серебряная позолоченая статуя ап. Петра, со званомъ въ рукѣ отъ той цѣпи, которою онъ былъ скованъ въ темницѣ.

(73) Schervier, стр. 39.

8) Въ серебряномъ позолоченномъ ящикѣ часть руки св. Самсона, которою онъ держалъ Спасителя, и надъ ящикомъ агатовый флаконъ съ масломъ, текшимъ изъ костей св. Екатерины.

9) Золотой крестъ въ $3\frac{1}{2}$ дюйма длины, заключающій въ себѣ значительный кусокъ св. креста; этотъ крестъ былъ найденъ на головѣ Карла, при открытіи его могилы Оттономъ III.

Таковы современные реликвіи Ахенскаго собора; не многое осталось отъ времени Карла, если вспомнить, что Эгнгардъ написалъ 4 книги объ Ахенскихъ реликвіяхъ.

Въ замѣтъ утраченныхъ, я укажу на реликвіи и драгоценности, пожертвованныя въ Ахенскій соборъ въ послѣдующія времена:

1) Старинная риза Греческой формы, какъ она сохраняется и донынѣ въ нашей церкви, изъ шелковой голубой матеріи съ вышитыми жемчугомъ крестами спереди и сзади. Въ этой ризѣ св. Бернардъ де Клерво служилъ литургію въ 1146 г., проповѣдуя 2-й крестовый походъ.

2) Золотая корона, подаренная Марією Стюартъ, украшена 28 алмазами, 2 большими сафирами и множествомъ жемчуга.

3) Двѣ одежды изъ парчи для названія св. Маріи и Младенца; одна украшена 72, а другая 33 алмазами; обѣ подарены Испанскою инфантинею Кларою Егемією въ 1599 г.

4) Крестъ Лотаря, весь украшенный драгоценными камнями; въ серединѣ креста находится медальонъ императора Августа; подъ нимъ большой кристаллъ съ вырѣзанными на немъ тремя граціями; видно, что въ ту эпоху безъ всякаго разбора украшали священные предметы остатками Римскаго языческаго искусства; и на. др.

Какъ ни мало число реликвій, относящихся собственно къ эпохѣ Карловинговъ, но объясненіе ихъ происхожденія есть исторія дипломатическихъ сношеній Карла Великаго. Я отлагаю этотъ вопросъ о приобрѣтеніи Карломъ нынѣ сохраняющихся реликвій въ Мюнстерѣ до слѣдующей статьи. Въ заключеніе же повторю сказанное мною при началѣ. Историческіе памятники эпохи Карла В. говорятъ ясно о той судьбѣ, которая готовилась

40 . ОТД. IV. — АХЕНЪ И ЕГО ПАМЯТНИКИ.

Ахену, во которая не была имъ достигнута, наперекоръ усилиямъ основателя новой имперіи. Былъ-ли то Алкуинъ, какъ полагають иные, или другой современный Карлу поэтъ, во всякомъ случаѣ замѣчательно то, что при жизни Карла В. его идея была во всеобщемъ сознании и Ахенъ названъ (74) поэтомъ Nova Roma.

Ахенъ,
7/18 Августа 1886.

(74) In carmine de adventu Leonem ad Carol. Magn. ap. Bouquet, inter script. rerum Gall. et Franc. T. V, pag. 389.

V.

ИСТОРИЯ ПРОСВЕЩЕНІЯ

И ГРАЖДАНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ ПОЭЗИИ.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

ПОЭЗИЯ ГРЕЧЕСКАЯ.

Изъ полуаскетической, полочувственной и чувствительной Индіи переходимъ мы въ Элладу. Здѣсь уже намъ не увидѣть того бѣгства изъ міра дѣйствительности, которое поразило насъ въ Индіи, не встрѣтить болѣе отреченія отъ жизни, не встрѣтить отшельниковъ и кающихся; все здѣсь исполнено дѣятельности жизненныхъ силъ, горячей привязанности къ благамъ нашего земнаго удѣла, стремленія измечь изъ него все, что только можетъ быть извлечено изъ него, во вмѣстѣ съ тѣмъ и умѣнья сохрѣнить трезвость среди наслажденій, разумную мѣру съ самою порывѣмъ страстей. Здѣсь мы уже не встрѣтимъ многихъ признаковъ той нравственной чистоты, которая плѣвала насъ у Индійцевъ; за то добродѣтели, кои найдемъ мы у Грековъ, будутъ

Часть XIII. Отд. V.

1

идеи добродѣтели намъ понятныя, для насъ возможныя, вѣстѣ съ тѣмъ стоящія нравственной борьбы; вообще вся жизнь, утративъ уже многое изъ своей первообразной чистоты, представится намъ однако сквозь призму Греческой поэзіи въ видѣ облагороженномъ, превышающемъ дѣйствительность; наконецъ поэзіи дастъ намъ и въ Греціи нѣсколько такихъ идеаловъ, которые были выше точки зрѣнія самихъ Грековъ, какъ бы предупредили свой вѣкъ. Но и въ Греціи должно будетъ поразить насъ то же странное съ перваго взгляда явленіе, которое старались мы объяснить, говоря объ Индійской поэзіи, и коего причины гораздо яснѣе раскроются для насъ изъ разбора поэзіи Греческой: мы говоримъ о примѣрахъ безнравственности въ тѣхъ поэтическихъ личностяхъ, которыя, повидимому, должны бы быть самыми нравственными, — о безнравственности боговъ. Въ Греціи она выказалась еще болѣе, она почти преобладаетъ въ Греческихъ богахъ, такъ что примѣры чистоты вѣхъ чувствъ и дѣйствій составляютъ какъ бы исключеніе. Въ Индіи было еще возможно то чистое представленіе о Вожествѣ, — которое видѣли мы въ эпизодѣ о Налѣ и Дамаанти; высокое безкорыстіе и истинно-небесная благодать соединялись въ нихъ съ образомъ прекраснымъ, близкимъ къ человѣческому, но менѣе матеріальнымъ, болѣе эфирнымъ, нежели образъ человѣческій. Въ Греціи боги, по жизни своей и по своему образу, совершенно перестали отличаться отъ человѣка; они отличались отъ него только блаженнымъ безсмертіемъ, обиліемъ физическихъ силъ и могуществомъ. У Омира есть еще два-три мѣста, гдѣ богамъ приданы размѣры, слишкомъ превышающіе образъ человѣческій; это нѣсколько напоминаетъ Индійскихъ боговъ и заставляетъ предполагать, что и Греки сперва представляли себѣ боговъ своихъ въ такомъ сверхчеловѣческомъ видѣ, но что преувеличенность формъ постепенно изглаживалась и наконецъ совершенно исчезла. Въ XXI пѣсни Иліады Арей, упавъ, покрываетъ семь деслятъ, а въ XIV пѣсни Носидонтъ

. . . . съ крикомъ ужаснымъ понесся стремительно полемъ.
Словно какъ деслатъ или деслатъ бы тысячь воскликнули разломъ

*Силными мускелъ на войнѣ, зачинающихъ другъ битву.
Гласомъ изъ морсей таиннѣ колебатель земли Посыдаонъ
Грануль межъ воинствъ, и каждому въ сердце Ахейцу вдох-
нулъ онъ
Бурную силу безъ устали вновь восвать и сражаться.*

Наконецъ что-то исполински-великое заключается въ слѣ-
дующей картинѣ могущества Зевса:

*Река, и во знаменье черными Зевсъ помаваетъ бровями:
Быстро власы благовонные вверхъ поднялись у Кронида
Окрестъ бессмертной главы, и потрясса Олимпъ многохолмный.*

Но это едва ли не единственные примѣры во всей Грече-
ской повѣи; вообще же Греческіе боги — настоящіе люди; ихъ
можно даже ранить, они иногда даже плачутъ отъ боли и деса-
ды. . . . Вотъ напримѣръ возмутительная картина такого рода:
супруга Юпитера, Ира, разбравши Артемиду очень славными
словами, могла того еще

. . . . руки богини (Артемиды) своего рукою
Лѣвой хватаетъ, а правую, лукъ за плечами сорваши,
Лукомъ, съ насѣбшкою гордою, бьетъ вокругъ ушей Артемиду.
Быстро она отвращаясь, разсыпала звонкія стрѣлы,
И наконецъ ублажала въ слезахъ.

Но Артемиды, по крайней мѣрѣ, терпятъ отъ богини; съ
Греческими богами бывало еще и не то! Бирида была ранена
простыми смертными Діонидомъ. Эта совершенная человѣко-
подобность боговъ и дѣлаетъ страсти, имъ приписываемыя, тѣмъ
богѣ соблазнительными для людей. Давно уже сдѣлалось общими
мѣстомъ, будто бы Греческіе боги представляли идеалъ человѣка, —
идеалъ, какъ намъ кажется, совершенно несправедливое. Мы слиш-
комъ высоко ставимъ качества древнихъ Грековъ, чтобы рѣшиться
думать, будто бы для нихъ идеалъ человѣка могъ заключаться
въ забытѣ могущества безъ всякаго нравственнаго достоинства,
въ деспотической прихоти, которая играетъ людьми во произ-
волу, сама необуданно предается самымъ гнуснымъ порокамъ,

самой противоположной чувственности, и въ то же время караетъ эти пороки въ людяхъ, сама вводитъ ихъ въ соблазнъ, насильно заставляя ихъ совершить преступленіе, а потомъ жестоко наказывая за него, чтобы только похвастать пренабыткомъ своего могущества. А таковъ именно былъ характеръ Греческихъ боговъ, — и послѣ этого они идеальные люди?! Нѣтъ, Греческіе боги — идеалы человѣческой плоти, это такъ, но они не идеалы человѣка. Статуи ихъ поражаютъ полнотою физической красоты, — хотя надо сознаться, что глубокое поэтическое чувство Греческихъ художниковъ, понимая, что и физическая красота ставится совершенною только тогда, когда проникается внутреннею красотой духа, умѣло придавать иногда чувственному образу боговъ такое величіе мысли, умѣло пропитывать члены ихъ такими высокими благородствомъ, которое рѣшительно не соответствовало жизни этихъ боговъ. Видѣвше Аполлона Бельведерскаго говорятъ, что онъ производитъ на душу впечатлѣніе самое возвышенное; а спросите мною о немъ, — и вы сейчасъ разочаруетесь: предъ вами будетъ образъ легкомысленнаго соблазнителя невинности, или же существа, звѣрски-кроваваго въ своей мести, которое не сочло для себя униженнымъ съ живаго содрать кожу (мнѣ о Марсіи). Надо полагать, что пластическія изображенія боговъ величіемъ идеи, вложенной въ нихъ художниками, поддерживали въ Грекахъ уваженіе къ богамъ, ставя ихъ выше ихъ жизни, какъ бы давая прозрѣвать въ нихъ высшую красоту, какой не достигала Греческая религія. Но вѣдь и мифологія Грековъ была созданіе ихъ поэтической силы, а между тѣмъ она безнравственна; постараемся же объяснить, какъ слѣзали мы это, говоря объ Индійской мифологіи, какимъ образомъ могла безнравственность проникнуть въ мифологію Греческую. Идѣсь причины остаются тѣ же: во-первыхъ, безсиліе человѣка вообще приискать образъ, достойный идеи о Существомъ всесовершенномъ, а во-вторыхъ — переходъ отъ физическаго значенія боговъ къ антропоморфическому, или человѣкообразному. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что первоначально боги Греціи имѣли значеніе физическое; это были олицетворенія различныхъ силъ и явленій природы. Но какъ

трудно отыскать ясные слѣды этого физическаго значенія въ тѣхъ образахъ Греческой мифологіи, съ какими дошла она до насъ! Тутъ все люди,—настоящіе люди, и что не было безправственнѣе, когда боги были только чувственнымъ иносказаніемъ явленій природы, то стало безправственнѣе, когда они сдѣлались людьми, когда потерялось ихъ первоначальное иносказательное значеніе. Древнѣйшіе боги, тѣ, коихъ смѣнилъ впоследствии Зевсъ, дѣйствительно носятъ названія различныхъ предметовъ и силъ природы: таковы *Гея* (земля), *Уранъ* (небо), *Хроносъ* (время). Небо, по Исіоду, рождается отъ земли, и потому оно вступаетъ въ союзъ съ землею для произведенія другихъ божествъ — явленій. Въ этомъ союзѣ неба съ землею для наполненія вселенной существованія нѣтъ ничего безправственнаго; но Уранъ становится существомъ челоѣкообразнымъ, мать его, Гея, также, — и чрезъ это союзъ ихъ есть уже кровосмѣшеніе. Отъ Урана и Геи рождается между прочимъ Кроносъ (время). Очень естественно представить себѣ, что время старается какъ бы уничтожить творческую силу природы, разрушая ея созданія; тутъ опять нѣтъ ничего безправственнаго, ибо это понятіе части-физическое, — но Кроносъ также становится челоѣкомъ, и что же? Онъ встаетъ противъ отца своего Урана и лишаетъ его творческой силы. Мы не станемъ упоминать здѣсь о томъ грязномъ образѣ, какой придала этому Греческая мифологія. Впрочемъ, нравственное чувство Грековъ почувствовало, кажется, всю вивость подобнаго поступка, и вотъ оно создало образъ Эривній, богини мщенія, родившихся отъ капель крови изувѣченнаго Урана. Далѣе, очень опять естественно представить себѣ время поглощающимъ все то, что рождается во времени, — и вотъ это представленіе также приняло образъ челоѣческой: отсюда Кроносъ, пожирающій собственныхъ своихъ дѣтей. Но божество, упрочивъ за собою безсмертіе, поставивъ себя выше власти всеразрушающаго времени, какъ бы похищаетъ у него силу: отсюда Зевсъ, отнимающій господство у отца своего Крона. Конечно, не все въ Греческой мифологіи можетъ съ легкостью быть объяснено; но при помощи старательнаго изслѣдованія во всѣхъ богахъ должно быть открыто иносказательное значеніе, которымъ и объяснятся ихъ

безнравственность. Въ числѣ первобытныхъ божествъ находится и Ночь; естественно, что съ мыслию о ночи возникаетъ въ умѣ нашемъ мысль о снѣ, ея порожденіи, также о сродникѣ его — другомъ снѣ, болѣе продолжительномъ, болѣе глубокомъ, или о смерти; ночью также какъ-то скорѣе можетъ произойти все опасное, все разрушительное для человѣка. Она способствуетъ и обману, и кровавымъ предпріятіямъ, порождаемымъ враждою, — и вотъ все это въ Греческой мифологіи олицетворяется: богиня Ночь рождаетъ Сонъ, Смерть, Суровую судьбу, Обманъ и Раздоръ — рядъ божествъ человѣкообразныхъ. Такимъ образомъ и темныя дѣйствія человѣческой воли становятся божествами. Поэтическое чувство, стремясь все олицетворять, во все вдыхаетъ лично-сознательную жизнь, — изъ всякаго свойства душевнаго, изъ всякой страсти, доброй или злой, образуетъ существо; и, желая выразить силу этой страсти, власть ея надъ человѣкомъ, оно возводитъ ее на степень божества. И точно, вѣдь успокоительно для слабости человѣческой слагать съ себя такимъ образомъ отвѣтственность за свои пороки, и приписывать имъ силу высшую, божественную, которую воля какъ бы не можетъ отразить. Вотъ эти-то боги страсти и управляютъ человѣкомъ; подъ вліяніемъ ихъ онъ совершаетъ доброе и злое. Въ Илиадѣ изображается божеская кара надъ Пліономъ за похищеніе Александромъ (Паридомъ) Елены; повидимому, кара справедливая, но подъ конецъ открывается, что похищеніе это — дѣло Киприды, что она вдохнула въ грудь Александру неотразимую любовь къ Еленѣ, въ награду за то предпочтеніе, которое оказалъ ей Александръ. Въ XXIV пѣснѣ Илиады мы узнаемъ про Александра:

Онъ богиня (*) оскорбилъ, приходившихъ въ домъ его сельскій;

Честь онъ воздалъ одарившей его сладострастіемъ вреднымъ,
(Кипридѣ)

И какъ дорого поплатился онъ за этотъ роковой даръ! Боги, распорядясь судьбами войны, раздѣляются между собою: одни

(*) Пру и Палладу.

на сторонѣ Грековъ, другіе на сторонѣ Троянъ. Но чѣмъ же руководствовались они, давъ предпочтеніе однимъ передъ другими? Своими эгоистическими чувствами и расчетами. Паллада и Пиръ помогаютъ Грекамъ потому, что имъ надобно отомстить Троянамъ за предпочтеніе, оказанное Александромъ Книридѣ. Между Агамемнономъ и Ахилломъ рождается распра, вслѣдствіе коей Ахиллъ отказывается отъ участія въ битвахъ; вы думаете, что тутъ виною ихъ обоюдная гордость и самолюбіе? Нѣтъ. Когда, вслѣдствіе этой распри, гибнуть тысячи Грековъ и Трояне подходятъ уже къ самымъ судамъ Ахейскимъ, то Агамемнонъ и Ахиллъ, примирившись наконецъ, преспокойно складываютъ всю вину на богиню Обиду; и точно, на что-же существуетъ богиня Обида, какъ не на то, чтобы заставлять людей обижать другъ друга и враждовать за это другъ съ другомъ! Вообще въ Иліадѣ люди представляются намъ подъ неотразимымъ вліаніемъ боговъ; боги перѣдко вселяютъ страхъ въ душу самымъ храбрѣйшимъ; иногда же, на-оборотъ, человѣкъ бываетъ доведенъ до того, что, побуждаемый однимъ богомъ, онъ осмѣливается поднять руку на другаго и даже ранить его. Боги безъ всякаго зазрѣнія совѣсти обманываютъ людей. Такъ Зевсъ, рѣшившись доставить побѣду Троянамъ, посылаетъ Агамемнону сонъ, возгнѣщающій, что побѣда останется за нимъ. Агамемнонъ съ радостію бросается на Троянъ, не воображая, какое пораженіе его ожидаетъ. Завязывается бой между Менелаемъ и Александромъ, и враждующія стороны съ клятвою заключаютъ условіе, по которому этотъ бой долженъ положить конецъ войнѣ. Но, видя торжество Менелая, Паллада бонится, что Греки отплынутъ домой, не разрушивъ Трои, и только увезутъ Елену; такимъ образомъ Трояне не получаютъ возмездія за невниманіе къ ней Александра, и вотъ она принимаетъ человѣческій образъ и побуждаетъ одного изъ Троянъ въроломно нарушить условіе и пустить стрѣлу въ Менелая; такимъ образомъ возобновляется война. Во время борьбы Гектора съ Ахилломъ, Паллада безчеловѣчно обманываетъ Гектора, являсь ему въ образѣ его брата; онъ надѣется, что братъ подастъ ему помощь, съ новою силою кидается на Ахилла, но въ самую роковую минуту, обернувшись, уже не видитъ никакого

брата, и, безпомощный, падаетъ отъ руки Ахилла. Боги умѣютъ обманывать и другъ друга. Ира съ рѣдкимъ искусствомъ проводитъ Зевса, такъ что онъ является тутъ въ нашихъ глазахъ лицомъ чисто-комическимъ; но не таковъ былъ онъ для Омира: это ясно изъ того величественно-спокойнаго тона, какимъ передаетъ онъ намъ это похождение Зевса. Греки съ какою-то цѣломудренною невозмутимостью умѣли взирать на отца боговъ и въ эту критическую минуту; они не соблазнялись его ошибкою, какъ не соблазнялись и его любовными похождениями. Но какъ ни враждуютъ между собою боги, какъ ни стараются одни помочь Грекамъ, другіе—Троянамъ, ими всѣми тѣмъ не менѣе управляетъ Зевсъ, который все ведетъ къ предположенной цѣли, исполняя предвѣщанія высшей судьбы, и для него сажого неотразимой. Такъ онъ не позволяетъ себѣ спасти отъ смерти и собственного своего сына (одного изъ безчисленнаго множества незаконныхъ). (Иліада, п. XVI, ст. 433).

Зная, что все выйдетъ такъ, какъ должно выйти, Зевсъ до поры до времени позволяетъ богамъ даже открыто вступать въ бой, однимъ—со стороны Грековъ, другимъ—со стороны Троянъ, а самъ съ вершины горы Пиды смотритъ на бранныя схватки боговъ и потѣшается тѣмъ искусствомъ, съ какимъ они наносятъ раны другъ другу и помогаютъ людямъ проливать кровь. Боги нерѣдко дѣлаютъ смертныхъ невольною жертвою своей чувственной страсти. Такъ Зевсъ наноситъ насиліе Ино, а когда Ира застаётъ его съ ней, онъ превращаетъ несчастную дѣву въ телицу; но ревнивая супруга Зевса, не смотря на то, находитъ нужнымъ приставить сторожемъ къ Ино стоглаваго Аргуса, а когда Аргусъ, по волѣ Зевса, погибаетъ отъ руки Эрмиса, то Ира преслѣдуетъ ее изъ края въ край, не давая ей ни на минуту покоя отъ слѣпней, ее кусающихъ, пока наконецъ Зевсу не удастся вымолить у жены прошеніе несчастной и возвратитъ ей человѣчскій обрaвъ. Боги нерѣдко увлекаютъ людей въ преступленіе противъ ихъ воли, совершенно безъ ихъ вѣдома. Кому неизвѣста ужасная исторія Эдипа и всѣ ея кровавыя послѣдствія? Не менѣе ужасна кара Вакха надъ Пенеемъ, не хотѣвшимъ воздавать ему божескую честь; собственная мать Пенеея,

находясь въ числѣ Вакханокъ, въ вступленіи, до котораго доводитъ ее Вакхъ, бросается вмѣстѣ съ другими Вакханками на Пенеея, отрываетъ у него голову и хвастается своею побѣдой; только послѣ, придя къ себѣ, она съ ужасомъ узнаетъ, что это голова ея сына. А Ираклъ, котораго Ира, чтобы отомстить Зевсу за его незаконное рожденіе, приводитъ въ такое бѣшенство, что онъ не узнаетъ жены и дѣтей, и убиваетъ ихъ собственною рукою? Чтобы послужить мести ревнивой богини за невѣрность бога—ея мужа, человѣкъ привужденъ совершить невольнымъ злодѣяніи! Но не станемъ изъ жизни Греческихъ боговъ приводить болѣе примѣровъ, возмущающихъ нравственное чувство читателя, и перейдемъ къ человѣческому міру Грековъ: въ немъ мы найдемъ такіе идеалы, созерцаніемъ конхъ можно будетъ отвести душу; они заставятъ насъ вѣрить, что какъ бы ни помячидася религія народа, какъ бы ни затерялось въ ней истинное понятіе о Божествѣ, все-таки въ душѣ человѣка таится неисякающій родникъ высшихъ понятій и чувствованій, которыя находятъ себѣ выраженіе въ поэзіи.

Поவிдимому, подѣ впливiемъ тѣхъ вѣроваій, кои встрѣтили мы у Грековъ, человѣку оставалось: или съ презрѣніемъ къ жизни удалиться, подобно Индійцу, въ какую-нибудь пустыню и отказаться отъ всякой дѣятельности, чтобы не быть игралищемъ боговъ и избѣгнуть опасности противъ воли совершить самыя гнусныя преступленія; или же потерять всякій стыдъ, всякое нравственное чувство, совершать самыя противоестественныя преступленія, убивать своихъ отцевъ, своихъ собственныхъ дѣтей, и нисколько не возмущаться этимъ; подобно богамъ, любить только самихъ себя и думать только объ удовлетвореніи животныхъ страстей своихъ. Но этого не могло быть потому, что въ груди человѣка, помимо всякихъ ложныхъ боговъ, всегда жилъ и будетъ жить внутренній голосъ истиннаго Бога—совѣсть, не дающая человѣку перестать вовсе быть человѣкомъ. Этотъ божественный голосъ, и въ самой жизни удерживавшій Грековъ отъ многихъ преступленій, еще съ большею силою сообщился ихъ творческой фантазіи, вселился чрезъ нее во многія созданія поэзіи, стоявшія выше своего вѣка, и одушевлявшія Грековъ ко всему высокому и прекрасному. У Грековъ не могло быть от-

чужденія отъ жизни, какъ произошло это въ Индіи, не могло быть потому, что и самыя качества почвы, и судьба историческая должны были поставить Грековъ на болѣе высокую степень развитія умственнаго, которое всегда бываетъ слѣдствіемъ усиленной практической дѣятельности. Въ Греціи природа не представляла уже того избытка богатствъ, которыя сами какъ бы запрашивались на руки человѣку въ Индіи, которыхъ почти не было надобности добывать, а оставалось только брать и пользоваться ими. Грекъ долженъ былъ сперва долгими трудами вынуждать плоды у своей почвы, только напряженнымъ усиліемъ рукъ своихъ довелъ онъ ее до плодородія; онъ долженъ былъ дѣйствовать, чтобы жить, а эта дѣятельность развивала его силы физическія и нравственныя, и невольно рождала въ немъ уваженіе къ самому себѣ. Онъ видѣлъ себя побѣдителемъ природы, похитителемъ тайнъ ея, скрываемыхъ ею такъ глубоко и такъ ревниво; и не удивительно, что, идеализируя свою собственную мощь, онъ наконецъ возвелъ ее въ степень полубога въ лицѣ Прометея. Народъ, бывшій въ состояніи создать мнѣзъ объ этомъ возвышенномъ страдальцѣ, преслѣдуемомъ завистью боговъ за то, что, чрезъ похищеніе у нихъ огня, онъ сдѣлался благодѣтелемъ человѣчества, не могъ, не смотря на все преобладаніе идеи судьбы, потерять понятіе о свободѣ человѣческой воли. Прометеемъ былъ наказанъ богами; по силѣ физической, онъ поставленъ ниже ихъ, но никакія кары не могли заставить его открыть Зевсу свою тайну, и онъ лучше согласился быть визринутымъ къ бездну, нежели, открывъ тайну, удовлетворить требованіямъ Зевса; тутъ воля человѣка является намъ уже торжествующею въ нравственномъ смыслѣ надъ ударами судьбы. Если сравнить пронаведенія Греческой поэзіи съ пронаведеніями Индійской, то сначала придешь къ тому заключенію, что въ послѣдней идея судьбы выражается далеко не съ такою силою, какъ въ первой; даже удивляешься, почему сдѣлалась общимъ мѣстомъ мысль, будто бы на востокѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, во всѣ времена преобладала идея судьбы. Но дѣло въ томъ, что въ Индіи, высказавшись съ меньшею ясностію, идея эта совершенно отарашала человѣка отъ жизни; напротивъ, въ Греціи, не смотря на всю свою силу, на всю ясность своего проявленія, она не могла сокру-

шить дѣятельность человѣка и совершенно убить въ немъ свободную волю. Но это развитіе дѣятельной способности, это стремленіе оградить свое я отъ вліянія высшихъ силъ, грозящихъ поработить его, легко могло довести до преобладающей любви къ своему я, до чувства самолюбиваго и даже эгоистическаго. Человѣкъ, стремясь закрѣпить за собою блага жизни, извлечь ихъ изъ нея сколько можно болѣе, легко становился неразборчивымъ въ выборѣ средствъ для достиженія этого. Какое то чувство любви къ самому себѣ, доходящей до нарушенія правъ другихъ людей, соединенной съ стремленіемъ къ чувственной выгодѣ, съ умомъ изворотливымъ и тонкимъ, дѣйствительно развилось у Грековъ и проявилось даже въ нихъ поэзіи. Таковъ Одиссей — этотъ идеалъ тонкой практической хитрости, которая считаетъ всѣ средства дозволенными, лишь бы только достигнуть своей цѣли. И для Грековъ онъ былъ дѣйствительно человѣкъ идеальный, человѣкъ, какъ онъ долженъ быть. Это ясно какъ день изъ того уваженія, которымъ пользуется Одиссей отъ всѣхъ въ Илиадѣ и въ Одиссеѣ, вообще изъ того тока, каковымъ передаетъ Омиръ всѣ его хитрости. Только Данте, какъ поэтъ христіанскій, могъ дать Одиссею, за его хитрость, мѣсто въ своемъ адѣ, а Греки уважали въ немъ именно эту хитрость. Его поступокъ съ Ризою для Грека Омировской эпохи вовсе не низость, а подвигъ; средства, какими выманываетъ онъ у Филокиты его стрѣлы, кажутся безсовѣстными самому Филокиту, но для общаго сознанія Грековъ того времени и это, безъ сомнѣнія, былъ подвигъ ума. Не даромъ употребляли Одиссея во всѣхъ предпріятіяхъ такого рода; знали, что онъ лучше всякаго достигаетъ цѣли и изъ всего умѣетъ извлекать выгоду. Что же, какъ не хитрость и не находчивость во всѣхъ положеніяхъ, доставило ему и возвратъ въ отчизну; Одиссея представляетъ намъ идеализацію житейскаго благоразумія, которое соединяется въ героѣ ея съ постоянствомъ, любовью къ женѣ и родинѣ, съ терпѣніемъ и твердостью въ бѣдахъ. Изъ этого видно, что хитрость не мѣшаетъ ему быть вообще отличнымъ человѣкомъ даже и въ нашемъ смыслѣ слова; для Грека же она именно и была однимъ изъ прекрасныхъ его качествъ. Тотъ же Одиссей въ Софокловомъ Лантѣ превышаетъ степень своего нравственнаго развитія всѣхъ прочіихъ; онъ воз-

вышается до понятія, что ненавидѣть врага послѣ его смерти бессмысленно, и первый рѣшается отдать послѣдній долгъ падшему Аянту. Но Одиссей вообще служить общей выгодѣ своихъ соотечественниковъ, или по-крайней-мѣрѣ его личные интересы не противны общему благу, онъ не жертвуетъ имъ для своей личности. Напротивъ, въ Агамемнонѣ и Ахиллѣ личность заботится болѣе о своихъ выгодахъ, объ удовлетвореніи своей страсти, нежели о благѣ общемъ. Агамемнонъ отнимаетъ у Ахилла невольницу, вовсе не заботясь о томъ, что Греки лишаются чрезъ это его солдѣйствія въ войнѣ. Съ другой стороны, Ахиллъ, изъ личнаго гнѣва къ Агамемнону, перестаетъ служить общему дѣлу и остается неумолимъ ко всемъ просьбамъ Грековъ, не смотря на опасность ихъ положенія, до-тѣхъ-поръ, пока смерть Патрокла не трогаетъ въ немъ личнаго чувства дружбы и не заставляетъ его для личной мести снова начать службу общему дѣлу. Между тѣмъ для Грека въ этой твердости страсти, въ этомъ непримиримомъ гнѣвѣ къ врагу заключалось что-то высокое, какаго-то особенная мощь героическаго характера (*). И дѣйствительно, есть что-то идеальное въ его упорствѣ, когда онъ, вѣрный чувству обиды, отвергаетъ всѣ роскошные дары Агамемнона; а для Грека время Омирскихъ дары значили много: они доставляли наслажденіе душѣ его, какъ это видно изъ множества примѣровъ, и, отринувъ ихъ, Ахиллъ становится рѣшительно выше своего вѣка, въ немъ проявляется уже торжество нравственнаго начала надъ матеріальнымъ. Можно сказать вообще, что даже въ самыхъ идеальныхъ личностяхъ Греческой поэзіи, въ самыхъ, по-видимому, безкорыстныхъ чувствахъ ихъ, всегда почти есть небольшая эгоистическая примѣсь. Такъ Плектра, преисполненная чувства любви къ своему погибшему отцу и готовая для мщенія за смерть его пожертвовать жизнью, побуждается къ мѣсти кромѣ того и тѣмъ, что глубоко чувствуетъ свое собственное униженіе. Такъ Ахиллъ въ Эврипидовой «Ифигеніи въ Авлидѣ» обѣщаетъ Клитемнестрѣ спасти дочь ея преимущественно потому, что думаетъ тѣмъ самымъ отомстить Агамемнону, который рас-

(*). Если Одиссея представляемъ намъ идеалъ житейскаго благоразумія въ человѣкѣ, то Илиада идеализируетъ силу человеческой страсти — въ лицѣ Ахилла, который воспѣваетъ она.

пустивъ ложную вѣсть о бракѣ его съ нею, осмѣлился какъ бы шутить надъ нимъ. Такъ въ «Нонгенія въ Тавридѣ» Пиладъ не соглашается, чтобы Орестъ палъ жертвою на алтарѣ Артемиды, а самъ онъ спасся, не соглашается преимущественно потому, что боится порицанія за то отъ людей. Въ этихъ послѣднихъ примѣрахъ чувство эгоистическое становится уже чувствомъ чести; а у народа, въ религій котораго преобладаетъ подавляющая идея судьбы, сознание чести—это означеніе чѣмъ-нибудь уронить свою личность, эта забота о поддержаніи правъ ея—есть, безъ сомнѣнія, явленіе великое, свидѣтельствующее о высокой мощи духа. Въ Софокловомъ Филокитѣ это чувство чести достигло самаго идеальнаго своего выраженія; въ немъ оно рѣшительно становится чувствомъ героическимъ. Филокитъ отказывается отъ счастья снова быть съ людьми, хочетъ лучше остаться опять одинъ на необитаемомъ островѣ, съ своею нестерпимой болью, чтобы только не удовлетворить желанію человѣка, который иѣкогда горько его обидѣлъ. Когда, уязвленный любовію змѣею, онъ былъ Грекамъ въ тягость, они бросили его на островѣ совершенно одного, по совѣту Одиссея; теперь, когда богами возмѣщено, что только онъ своимъ искусствомъ метать стрѣлы можетъ доставить торжество Грекамъ, этотъ самый Одиссей изляся привести его къ нимъ, но Филокитъ уже самъ не хочетъ: онъ лучше будетъ по прежнему страдать, но не окажется помощи тѣмъ, кои иѣкогда его бросили. По нашимъ понятіямъ, его поступокъ недостойнъ благороднаго человѣка: изъ эгоистическаго чувства мести онъ отказывается быть полезнымъ общему дѣлу. Но для Грека мечь была чувствомъ высокимъ. Быть неприимиримымъ въ своемъ злонамѣтеніи, стараться о томъ, чтобы дать врагу почувствовать всю ту тягость бѣды, которую испыталъ самъ—вотъ въ чемъ заключалась для Грека доблесть душевная. Онъ готовъ былъ пожертвовать счастіемъ, самою жизнью, только бы отомстить; какое-то дикое самоотверженіе заключалось въ этой эгоистической страсти! Отсюда въ Греческой поэзіи цѣлый рядъ личностей; для насъ ужасныхъ, безчеловѣчныхъ, для Грековъ—полныхъ душевной доблести, полныхъ нравственнаго величія. Даже Медея должна была представляться имъ лицомъ почти возвышеннымъ; они должны были сочувствовать ея мести

дивиться силѣ ея воли. Орестъ, отищая за отца, убилъ мать свою; поступокъ этотъ былъ слишкомъ противоестественъ, чтобы не заслужить осужденія и у Грековъ; но половина судей была на его сторонѣ, половина судей его оправдала, и само Божество, по понятіямъ вполне-религіознаго Эсхила, заставило его отомстить. Эврипиду поступокъ Ореста казался уже рѣшительно противоестественнымъ; онъ открыто высказываетъ въ своей трагедіи, что Аполлону не извѣстенъ нравственный долгъ, ежели онъ въ состояніи предписать такой поступокъ. Но Эврипидъ въ своемъ образѣ мыслей ушелъ уже далеко впередъ противъ точки зрѣнія Грековъ; онъ и на религію смотрѣлъ другими глазами. У Эсхила же мсть Ореста представлена, какъ дѣло правое, предписанное самою религіею. Но бываетъ человекъ и въ такомъ положеніи, что не въ состояніи даже отомстить; онъ лишенъ и этой силы, онъ совершенно уничтоженъ, воля его окочевана,—что же въ такомъ случаѣ остается ему дѣлать, чтобы избавиться отъ униженія? По понятію древнихъ, ему остается только убить себя. Самоубійство для набѣжанія бѣдствій и униженій было добродѣтелью для древнихъ; многіе историческіе примѣры свидѣлствуютъ объ этомъ, и не надо удивляться, ежели такіе примѣры встрѣтятся намъ и въ поэзіи. Эта высшая степень духовнаго эгоизма выразилась въ ней, какъ и другіе его виды. Вспомнимъ Софоклова Аянта. Своею гордостью онъ навлекъ на себя злобу Паллады и она рѣшилась унижить его самымъ позорнымъ образомъ. Обиженный, по его мнѣнію, вождями Грековъ, онъ бросается ночью убить ихъ; но Паллада помрачаетъ разсудокъ его до такой степени, что онъ принимаетъ стадо животныхъ за Греческихъ вождей и производитъ въ немъ страшное кровопролитіе. Придя въ себя, онъ сознаетъ свою ужасную ошибку, видитъ всю глубину своего позора, и въ отчаяніи хочетъ умереть. Текмесса, чувствуя, что онъ въ состояніи самъ себя убить, пытается тронуть его безотрадною тѣю того положенія, въ какое смерть его должна будетъ ее повергнуть. Она напоминаетъ ему, что родилась свободою, а теперь рабыня; что его рука лишила ее отечества, что отецъ и мать ея погибли, а сама она сѣдалась его рабыней. Но съ этихъ поръ—несчастная жертва судьбы—она предалась ему всею душою, стала жить только

нить одиниъ. Она умоляетъ Аянта не допустить ее сдѣлаться баснею его враговъ и перейти въ другія руки. «Если ты умрешь, говорить она ему, то въ этотъ самый день, жертва насилія Грековъ, я буду обращена въ рабство вмѣстѣ съ твоимъ сыномъ!» Но напрасно несчастная старается тронуть Аянта: что въ томъ, если въ-за него она лишилась всего для нея дорогаго и, ставъ жертвою его страсти, была въ состояннн такъ сильно привязаться къ нему? На то она женщина! — Онъ любилъ ее, пока она была ему нужна; теперь самая жизнь для него невыносима, — такъ что-жъ ему до нея? Пропадай она, становись баснею враговъ, жалкою жертвою гнусной страсти каждаго, — онъ думаетъ только о своей собственной славѣ, его собственное я для него всего дороже! О сынъ своемъ онъ еще заботится: поручаетъ его брату и остается въ полной увѣренности, что сынъ Аянта не можетъ попасть въ рабство; а той, которая сдѣлала его отцемъ, онъ просто велитъ замолчать. Вѣдь слезы ея несносны, вѣдь она ему надоѣдаетъ... и въ этомъ безсовѣстномъ эгоизмѣ для Грека заключалось величiе духа! Но всѣ подобныя проявленiя эгоизма были не что иное, какъ слѣдствiе того сознаниа свободы человѣческой воли, того опасенiа унижить ее, которое развилось у Грековъ въ противоположность деспотизму судьбы. Эти чувства были совершенно естественны, они прямо вытекали изъ человѣческой природы. Только христанство могло поставить человѣка выше человѣка, только оно могло создать новую нравственную природу, для которой честь заключается не во мнѣннн о насъ другихъ, а въ нашей собственной совѣсти, для которой месть есть униженiе чувства собственнаго достоинства, а не имѣть силы, не смотря на величайшiа бѣдствiя, все-таки жить и терпѣть, есть не что иное, какъ унижительная слабость духа! Для нашего взгляда, просвѣтленнаго христанствомъ, не смотря на то, что мы еще непростительно мало умѣли усвоить себѣ его нравственныя живительныя истины, должн казаться ложною основная черта большей части идеаловъ Греческой поэзiи. Основную черту ихъ именно и составляетъ какой-то высшiй, духовный эгоизмъ и необузданная сила страсти. Этотъ духовный эгоизмъ и эта сила страсти находятся въ тѣсномъ родствѣ между собою. Сильно предаваться страсти, значить ублажать свое я, которое

все объято этою страстію. Для Грека тутъ была сила характера, для насъ это слабость его, а сила характера въ самоотверженіи, въ умѣннѣ покорить свою страсть нравственному закону. Для Грека въ Медей могло быть что-то высокое, потому что въ ней выдвнута сила страсти; для насъ характеръ ея низокъ, потому что страсть доводитъ ее до нарушенія священнѣйшаго закона природы. Но какъ грустно видѣть у новыхъ писателей старое Греческое понятіе о поэтической красотѣ сильныхъ страстей. Понятіе это преимущественно можно встрѣтить у Нѣмцевъ, которые облачаютъ какимъ-то особеннымъ умѣньемъ не созавать тѣхъ нравственныхъ красотъ, кои внесены въ поэзію христіанствомъ, и рабодѣнно благоговѣть предъ всѣмъ, что только антично. Такъ и великій, идеальный, возвышенный Шиллеръ говоритъ въ своемъ разсужденіи *Объ употребленіи низкаго въ поэзіи*: «При эстетическомъ обсужденіи, мы смотримъ на силу, при нравственномъ — на сообразность съ закономъ. Недостатокъ силы есть что-то презрѣнное, равно и всякій поступокъ, застаивающій подозрѣвать его. Всякій подлый, низкій поступокъ намъ противенъ по недостатку силы, который онъ обнаруживаетъ; напротивъ, даже дьявольскій поступокъ, если только въ немъ выказывается сила, можетъ намъ эстетически нравиться. Къ сожалѣнію, и одинъ изъ новѣйшихъ Нѣмецкихъ эстетиковъ, Розенкранцъ, вообще держащійся новыхъ началъ, болѣе понимающій преимущества нашего развитія, и въ основныхъ своихъ поватіяхъ сблжающій нравственное съ поэтическимъ, по какой то непонятной причинѣ также высказалъ въ одномъ мѣстѣ своей «*Aesthetik des Näslichen*» мысль, будто бы дурной поступокъ, ежели въ немъ проявляется сила и свобода, или ежели онъ совершается человѣкомъ съ могучею волею для какой-нибудь высшей цѣли, можетъ сдѣлаться поэтическимъ. Мнѣніе это можно объяснить развѣ тѣмъ, что Нѣмецкому эстетичу надобно же отстоять поэтическое достоинство многихъ Нѣмецкихъ идеаловъ въ родѣ Карла Мора — этого героя-разбойника, или Маркиза Позы, который для своихъ высшихъ цѣлей самымъ подлымъ образомъ употребляетъ во зло довѣріе Филиппа и чрезъ это становится ниже его, чего вовсе не хотѣлъ поэтъ и что обидно для нравственнаго и для поэтического чувства читателя. Но возвратимся къ Грекамъ.

Нельзя сказать, чтобы у нихъ съ теченіемъ времени не стало развиваться новое начало, обуздывающее эгоизмъ, именно понятіе о благѣ общемъ, которому все личное должно покориться. Такъ у Эврипида Ифигенія думаетъ, что съ местию за Елену соединено обезпеченіе правъ всѣхъ Грековъ, что тутъ частный случай получаетъ общенародную важность. «Глаза цѣлой Эллады, говоритъ она матери, теперь устремлены на меня, отъ меня одной зависитъ помѣшать на будущее время варварамъ, похищать благородныхъ жевъ Эллады, отомстить имъ за позоръ Елены, увезенной Александромъ; я спасу ихъ всѣхъ моею смертію. Спасительница Эллады — я буду обладать славой самою завидною; должна ли я наконецъ такъ дорожить своею жизнью? Ты дала мнѣ ее для общей выгоды Грековъ, а не для меня одной». Но надо было уже дорасти до точки зрѣнія Эврипида, чтобы смотрѣть на это такими глазами. Собственно говоря, для Грековъ отечествомъ былъ только его родной городъ; понятія о народѣ, какъ націи, у него не было, не могло быть и понятія о ближнемъ. Пяндаръ, съ его возвышеннымъ полетомъ мысли, со всѣмъ благородствомъ его чувствъ, не считалъ для себя унижительнымъ, во время войны съ Персами, быть на ихъ сторонѣ. Онъ смотрѣлъ на эту войну, какъ на личную вражду Іованъ съ Персами, и самъ слѣдовалъ своему личному убѣжденію, сохраняя преданность Персамъ. Впослѣдствіи война стала болѣе принимать характеръ общій для всѣхъ городовъ Греціи, но все-таки были мужи, преданные Персидскому началу, потому что оно соответствовало ихъ личному убѣжденію. Спартацы даже вступили впослѣдствіи въ сношенія съ Персами для униженія Аѳинъ, ибо Аѳины и Спарта почти не сознавали въ себѣ общаго сродства. Даже въ каждомъ государствѣ Греціи было, можно сказать, не одно, а два государства, разграниченныя нравственнымъ рубежемъ различныхъ убѣжденій; и даже такіе мужи, какъ Эукидидъ, позволяли себѣ изъ вражды партій измѣнять общему дѣлу. Однако во времена Перикла Греки уже возвысились до идеи объ общемъ благѣ; это видно изъ одной рѣчи Перикла, переданной намъ Эукидидомъ (II кн. 60 гл.) Въ ней между прочимъ встрѣчаемъ слѣдующія мысли: «гражданинъ, счастливый самъ по себѣ, тѣмъ не менѣе гибнетъ вмѣстѣ съ своимъ отече-

ствомъ: но, несчастный въ счастливомъ отечествѣ, онъ все-таки скорѣе себя поддержитъ. И такъ, ежели государство имѣетъ силу свосить частныя несчастія своихъ членовъ, между тѣмъ какъ каждый изъ нихъ не въ состояніи выдержать бѣдствія государства, то какъ же всѣмъ не соединиться для его защиты? Не забывайте же общаго блага, какъ дѣлаете вы это нынѣ, будучи слишкомъ переполнены чувствомъ вашихъ личныхъ страданій», и т. д. Но эти слова родились лично въ умѣ Перикла, и изъ нихъ видно, что масса гражданъ не доходила до подобной высоты мысли. Да и самъ Периклъ, въ этой рѣчи возвышаясь надъ эгоизмомъ, въ политикѣ своей держался началъ эгоистическихъ. Конечно, это былъ не его личный эгоизмъ, а эгоизмъ Аѳинскій, направленный противъ святости правъ союзниковъ и отчасти противъ выгодъ всѣхъ Грековъ вообще. Вспомнимъ, какъ поступилъ Периклъ съ союзническою казною. Назначеніе ея было: служить продолженію Персидскихъ войнъ, т. е. общему дѣлу Грековъ, а онъ употребилъ ее для личныхъ выгодъ Аѳинъ, на счетъ общей казны украсилъ свой родной городъ. Мѣра эта, если судить о ней со всею строгостью нашихъ понятій, должна быть признана мѣрою безсовѣстною. И какъ ни была она сообразна со степенью нравственнаго развитія Грековъ, мѣра эта дорого обошлась Периклу: притѣснительныя дѣйствія его противъ союзниковъ, возбудивъ всеобщее ихъ негодованіе, погубили Аѳины. Периклъ есть прямое доказательство той истины, что дурныя средства, къ какимъ бы блестящимъ слѣдствіямъ ни приводили они сперва, все-таки производятъ подъ конецъ слѣдствія самыя пагубныя. Первый виновникъ паденія Аѳинъ именно и есть Периклъ, или, лучше сказать, не онъ, а вся недостаточная степень нравственнаго развитія Грековъ, высказавшаяся въ политикѣ Перикла. Но если у Грековъ личное не дало развиваться общенародному, то тѣмъ менѣе было возможности даже возникнуть мысли объ общечеловѣческомъ. Еще объ общенародномъ было у Грековъ нѣкоторое понятіе: если у нихъ не находимъ мы слова *народъ* (въ нашемъ смыслѣ, какъ нація), то встрѣчаемъ слово *Πανελληνες*, означающее всѣхъ Грековъ вообще. Но Греки только Эллинское племя и считали полными людьми; если они и вступали въ союзы съ варварами, то только изъ видовъ, а

варвары всегда считались какъ бы полулюдьми. Хотя обращеніе съ рабами въ Греціи было несравненно челоѣколюбивѣе, нежели въ Римѣ, все-таки они, лишеныя всѣхъ правъ, были почти не люди; личное нравственное чувство Грековъ не позволяло имъ по прихоти убивать ихъ, но вѣдь безъ надобности не убиваютъ и животныхъ. Еще въ V-мъ вѣкѣ, по закону, вмѣсто господина, подвергался пыткамъ рабъ его. Наконецъ, не смотря на всю высокую степень Греческаго развитія, прекрасное видоизмѣненіе челоѣческаго рода, болѣе нѣжное и утонченное его явленіе — женщина, никогда не пользовалась одинаковыми правами съ мужчиной. Отецъ заслуживалъ бѣльшаго уваженія, нежели мать; и смѣшно, и больно читать, какимъ нелѣпнымъ образомъ старались Греки объяснить преимущества отца передъ матерью. Но женщина-Гречавка все-таки была челоѣкъ, а женщина иностранная, женщина-шѣвница, была не что иное, какъ вещь. Оторванная отъ родныхъ своихъ, она должна была служить какому-нибудь грубому вонну платоу за кровавыя его подвиги, платоу, быть можетъ, за то, что именно онъ убилъ мужа и дѣтей ея! Съ теченіемъ времени у Грековъ и въ этомъ отношеніи должно было явиться болѣе челоѣколюбіе; но они никогда не переставали считать Иліаду книгою книгъ, руководствомъ при воспитаніи: стало быть ихъ не возмущали тѣ картины рабства и униженія женщины, которыя Омйру рѣшительно ни-почемъ. Дѣло въ томъ, что Грекъ умѣлъ любить отца, уже менѣе мать, умѣлъ любить брата, друга, жену, сестру, умѣлъ любить свой родной городъ, но онъ не былъ въ состояніи любить ближняго, для него не было и слова ближній! Только наше высшее развитіе довело насъ до этого понятія; только оно научило насъ любить челоѣка, какъ челоѣка!

Мы убѣдились въ томъ, что идея судьбы не убила въ Грекахъ сознанія ихъ личной свободы; убѣдимся теперь въ томъ, что безнравственность боговъ не убила въ нихъ силы нравственнаго сознанія. Какое-то страшное чувство овладѣваетъ душою, когда читаешь Исіода или Пиндира, и видишь, съ какимъ цѣломудренныимъ спокойствіемъ рассказываютъ они самыя соблазнительныя похиженія боговъ своихъ, сохраняя при томъ всю теплоту нравственнаго убѣжденія, — вѣра, что эти самыя боги лю-

бить правду и караютъ людей за уклоненіе отъ нея. Только впоследствии Эврипидъ, этотъ поэтъ-философъ, могъ дойти до слѣдующей мысли: «Справедливо-ли, если боги, начертавшіе намъ законы, первые становятся нарушителями ихъ? За что обвинять людей, если они подражаютъ порокамъ боговъ, которые подають имъ столь пагубные примѣры?» (смотри трагедію Эврипида «Іонъ»). Исюда и Пиндаръ не позволяютъ себѣ разсужденій такого рода, подобно дѣтамъ, которыя не рѣшаются судить о старшихъ; для нихъ какъ-то совмѣстно, что боги сами нарушаютъ нравственные законы, а отъ людей требуютъ строгаго выполненія ихъ. Вся Греческая трагедія, не выключая даже и Эврипида, который только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говоритъ противъ Греческой религіи, или, лучше сказать, становится выше ея, хочетъ ее очистить, вся Греческая трагедія, говоритъ мы, проникнута идеею глубокаго уваженія къ богамъ. Изъ нея каждый невольно сдѣлаетъ слѣдующій выводъ: боги неизмѣнно выше и могущественнѣе тебя; со всею твоею силою и душевною доблестью ты передъ ними ничто; остерегайся чѣмъ-либо оказывать имъ неуваженіе: ты вдругъ исчезнешь, развѣянный въ прахъ. И эта мысль, изъ которой прямо вытекаетъ другая — о непрочности благъ, измѣчивости счастья, высказывается не въ одной только трагедіи; она проникаетъ и въ другіе роды Греческой поэзіи, уравнившія за то чувство довольства жизнью, любви ко всему земному, то стремленіе наслаждаться, и ту радость отъ наслажденія, которыя развились у Грековъ предпочтительно передъ Индійцами. Эта неотразимая мысль не могла не найти себѣ выраженія и въ той странѣ, которая произвела влюбленнаго въ земную жизнь Анакреонта; и въ ней еще слышится голосъ скорбнаго воспоминанія о какой-то порѣ вѣчнаго блаженства, которое утратилъ человѣкъ. Голосъ этотъ необходимо долженъ былъ раздаваться и для Грековъ и какъ бы сохранять ихъ отъ того упоенія, въ какое могли бы прійти они отъ пользованія благами вѣщественной жизни; онъ долженъ былъ будить ихъ средь чувственнаго сна, не давая имъ совершенно погрязнуть въ матеріальныхъ наслажденіяхъ, напоминая имъ, что эти наслажденія не составляютъ цѣли жизни. А у Анакреонта вся цѣль жизни именно и состоитъ въ этихъ наслажденіяхъ; но съ дру-

гой стороны, нельзя не сознаться, что они у него облагорожены идеею красоты. Чтобы убедиться въ томъ, что чувственность Анакреонта есть омовтизированная, высшая, а не та, которая, по всей вѣроятности, была въ Греческой действительности, стоитъ только прочесть любую изъ комедій Аристофана: тамъ чувственность представляется такъ, какъ она есть, въ отвратительномъ видѣ. Правда, Аристофанъ отличается каррикатурностью; онъ утрировалъ пороки, которые представляла ему действительность; но ежели действительная чувственность Грековъ внаполовину равнялась той, которую рисуетъ намъ Аристофанъ, то и того довольно. У Анакреонта, какъ мы сказали, преобладаетъ чувство красоты, а красота, если можно такъ выразиться, есть самая духовная сторона чувственного. Ежели не это, то Анакреонтъ, сохранившій до старости весь пылъ чувственности, слишкомъ глубоко оскорбилъ бы нравственное чувство; но тутъ дѣло не въ томъ, что онъ, вопреки самой чувственной природы, требуетъ еще наслажденій, отъ которыхъ давно бы пера ему отстать, а въ томъ, что онъ не можетъ разлюбить красоту, не можетъ оторваться отъ нея взоромъ, хотѣлъ бы доживать дни свои въ кругу прекрасныхъ, полныхъ юной жизни существъ. Но Греки, какъ мы сказали, умѣли понимать, что блага земля, какъ они имъ упонительны, все-таки непрочно. У Анакреонта мысль эта не проглядываетъ, какъ проглядывала она у Индйца Бхартрихари въ концѣ его «Книги Любви»; у Грековъ досталась она исключительно на долю трагедій, которая постоянно напоминала Грекамъ, что счастье непрочно. Чтобы удержать его за собою, насколько это возможно, удобно съ неутомимою заботливостью стараться выполнять малѣйшія предписанія боговъ. Нарушеніе какого-нибудь религіознаго обряда можетъ навлечь на человѣка кару небесную, а тѣмъ болѣе горе ему, ежели онъ не хочетъ повиноваться словамъ оракула, устами коего говоритъ къ нему божество. За неуваженіе Дая къ словамъ Пнеин долженъ былъ заплатить своимъ невольнымъ преступленіемъ злополучный Эмпъ. Боги безъ милосердія караютъ гордость человѣческую; все, что поднялось слишкомъ высоко, что слишкомъ долго стояло на вершинѣ счастья, должно непременно пасть: ибо прочаго счастья нѣтъ на землѣ. Въ Греческой трагедіи безпрерывно вѣдливъ

мы божескую кару за человѣческую гордость, какъ бы повтореніе той первоначальной кары, которая разразилась надъ всѣмъ родомъ человѣческимъ за то, что онъ осмѣлился свободу своей воли направить противъ закона нравственнаго, установленнаго Божествомъ. Илионъ слишкомъ долго процвѣталъ среди государствъ Малоазійскихъ; часъ его долженъ былъ пробѣжать, и онъ былъ только ускоренъ безнравственнымъ поступкомъ Александра. Боги должны были, по понятію Грековъ, покарать его за этотъ поступокъ, не смотря на то, что они сами дѣлали иногда то же самое; и вотъ за преступленіе одного человѣка должна пострадать цѣлая страна, которая и безъ того уже заслужила паденіе однимъ тѣмъ, что долго процвѣтала. Илионъ падаетъ, Греки торжествуютъ, но въ порывѣ торжества своего они впадаютъ въ гордое забытіе, не щадятъ самыхъ храмовъ и ихъ обгащаютъ кровію. И вотъ, надъ ними также разражается кара боговъ: всѣ они претерпѣваютъ величайшія несчастія на возвратномъ пути, а многіе и вовсе не попадаютъ въ отечество. Тотъ же, кто между Греками далеко возвысился надъ всѣми, — верховный ихъ вождь широко-владѣющій Агамемнонъ, онъ во все продолженіе войны пользовался слишкомъ большимъ почетомъ, чтобы не возбудить зависти въ богахъ. Агамемнонъ возвращается въ отечество, народъ выхлѣвъ ему на встрѣчу, жена разстилаетъ передъ нимъ роскошныя ткани, съ тѣмъ, чтобы онъ сошелъ на нихъ съ корабля и нога его не коснулась голой земли; слишкомъ поздно вспоминаетъ онъ о смиреніи и пугается этого блеска, которымъ хочетъ окружить его жена; онъ съ ужасомъ говоритъ ей:

Не разбудя въ богахъ великихъ зависть
Синь пурпуромъ: лишь имъ приличенъ онъ!

Но зависть боговъ возбуждена уже давно, еще въ то время, когда онъ этого не чувствовалъ, когда онъ объ этомъ не думалъ: и вотъ, не проходитъ часа, какъ онъ убить тою самою женою, которая подобострастно разстлала передъ нимъ ткани! Но Агамемнонъ долженъ пасть не только потому, что заслужилъ кару свою гордостью; на немъ также лежитъ проклятiе, которое онъ наследо-

валъ отъ отцевъ,—проклатіе, намеченное на весь родъ его Танталомъ — за неудачевіе къ богамъ, и Пелопомъ — за вѣроломное убіеніе ннѣ Мартилла. Боги никогда не оставляютъ безъ возмездія пролитую кровь, и кара ихъ за убійство переходитъ изъ рода въ родъ. Въ наказаніе за убійство, совершенное праотцемъ, его потомки какъ бы по наслѣдству становятся убійцами, такъ что одно кровавое дѣло, отомщая за другое, вызываетъ въ свою очередь третье. Такимъ образомъ люди становятся злодѣями по волѣ судьбы. Но нравственное и поэтическое чувство Грековъ ужѣло и ужасающее преданіе о Пелопидахъ смягчить и облагородить. То лице, которое представляется тутъ орудіемъ казни другаго, обыкновенно само заслуживаетъ казнь потому, что побуждается къ убійству не однимъ сознаніемъ необходимости мести, какъ долга, но и какою-нибудь эгоистическою причиною. Такъ Клитемистра убиваетъ Агамемнона не потому только, что онъ привнесъ въ жертву дочь ея, и что отомстить за нее—долгъ матери (по понятію Грековъ), но и потому, что она любитъ Эгиста, и вотъ за это-то Клитемистра въ свою очередь заслуживаетъ кару. Напротивъ, Орестъ убиваетъ мать по одному только чувству долга, а потому, не смотря на всю ярость Эриній, онъ наконецъ оправданъ богами и съ него снимается проклатіе, лежавшее на всемъ родѣ Пелова. Но боги караютъ людей не за одинъ только смертоубійства: они караютъ также за нарушеніе святости гостепринства, представляясь намъ въ Греческой поэзіи какъ бы блюстителями неприкосновенности этой добродѣтели. Замѣчательно, что въѣтъ почти на одного народа, который бы въ самыя отдаленныя времена своего существованія, не смотря на всю грубость своихъ нравовъ, не обладалъ этою патриархальною добродѣтью, въ которой ясно слышится намъ голосъ лучшей стороны человѣческой природы, голосъ, тѣмъ болѣе насъ поражающій, что онъ пробивается сквозь толстую кору чувствъ самыхъ эгоистическихъ. Если же эта чудная добродѣтель, какъ наслѣдіе первообразнаго нормальнаго состоянія челоѣтка, проявляется и у самыхъ дикихъ народовъ, составляя какое-то свѣтлое исключеніе среди темныхъ дѣлъ ихъ кроваваго жизни, то тѣмъ въ большихъ размѣрахъ, тѣмъ съ большею утонченностью должна была она проявиться у Грековъ,

стоявших и въ древнѣйшую пору своей жизни на болѣе высокой степени развитія. Эта добродѣтель у нихъ составляла силу противодѣйствующую тому избытку нравственнаго эгоизма, который замѣтили мы въ Греческой жизни, какъ естественное слѣдствіе оппозиціи противъ идеи судьбы. Тѣмъ съ болѣею любовью должна была поэзія воспринять въ себя эту добродѣтель, — и точно, мы встречаемъ у Грековъ цѣлый рядъ возвышенныхъ произведеній, въ коихъ на первомъ планѣ стоитъ она, возведенная въ высшую сферу, поднятая далеко, далеко надъ дѣйствительностью. Трагедія Эсхила «Умоляющія» вся проникнута величіемъ этой добродѣтели. Царь Аргоса рѣшается дать пріютъ Данаидамъ, не смотря на то, что этимъ онъ навлекаетъ на себя бѣдствія войны. Съ такимъ же самоотверженіемъ Одисей даетъ пріютъ Эдипу. То же почти видимъ мы въ Эврипидовыхъ «Ираклидахъ»: тутъ также Одисей начинаетъ войну за просящихъ у него пріюта. А въ «Умоляющихъ» Эврипида жёны и родственники убитыхъ подъ Оивами вождей приходятъ въ Аѳины съ мольбою — заставить Аргивянъ выдать имъ тѣла павшихъ; и Аѳиняне достигаютъ этого, выдержавъ за нихъ войну. Все это примѣры гостепріимства высшаго рода. Конечно, побужденіемъ была тутъ болѣе всего надежда заслужить этимъ милость боговъ, и боязнь неуваженіемъ къ просьбѣ несчастныхъ навлечь на себя небесную кару; но все-таки было же тутъ понятіе, что боги требуютъ состраданія не только къ отцу, матери, брату или другу, но и ко всякому, кто только несчастливъ. Мы видѣли, что у древнихъ не было понятія о ближнемъ; но въ этихъ подвигахъ высшаго гостепріимства есть какъ бы какое-то предначатіе его. Тутъ Греки становились уже не только выше своей религіи, но и выше всего своего образа мыслей; но нѣтъ никакого сомнѣнія, что высшее свое значеніе, уточненнѣйшую степень своего развитія получила эта добродѣтель не въ дѣйствительной жизни Грековъ, а въ ихъ поэзіи. Она брала изъ исторіи фактъ, и возводила его въ высшую сферу; изъ того, что было, дѣлая то, что должно было быть въ данномъ положеніи.

Вся Греческая поэзія стояла вообще выше Греческой дѣйствительности. Чтò это такъ въ Илиадѣ и Одиссеѣ, легко можно вывести изъ самой Илиады и Одиссеи. Оба эпоса представляютъ

намъ самую вѣрную картину героическаго времени Греческой жизни: между тѣмъ эта жизнь въ нихъ до такой степени облагорожена и возвышена надъ своимъ уровнемъ, что сколь бы простою и естественною ни казалась она намъ, достаточно нѣсколько напряженнаго размышленія, для убѣжденія себя въ томъ, что въ дѣйствительности эта жизнь не могла дойти до такой идеальной высоты. Идеальность заключается тутъ не въ томъ, что герои Омира являютъ въ себѣ примѣры вещественной силы и храбрости, превосходяще дѣйствительность; что нѣкоторые изъ этихъ примѣровъ даже сверхъестественны, что каждый изъ героевъ имѣетъ свой періодъ подвиговъ, въ который онъ одинокъ не стратегическими дѣйствіями,—что не было бы удивительно, а лично физическою силою, вдругъ даетъ новый оборотъ дѣлу, и гонимъ передъ собою цѣлыя полчища; нѣтъ, идеализація такого рода встрѣчается въ первобытной повѣсти всѣхъ народовъ, у другихъ она даже несравненно громаднѣе, а у Грековъ и вещественная сила преувеличена только до извѣстной степени и она во большей части немного удаляется отъ дѣйствительно возможнаго для человѣка. Повѣсти Греческая именно и отличается какою-то гармоніею между идеальнымъ и дѣйствительнымъ: ничто не преувеличено въ ней до того, чтобы прямо казаться невозможнымъ, а между тѣмъ многое рѣшительно выше дѣйствительности. Это не то, что идеализація у Индійцевъ. Тамъ физическая сила доведена до чудовищнаго, а нравственное величіе доходить иногда до такого безстрастія, что ему уже не сочувствуешь, потому что въ немъ не видишь ничего живаго человѣческаго; напротивъ, у Грековъ самыя идеальныя чувства становятся совершенно человѣчными. они вкоренены въ человѣческую природу и уживаются въ ней съ немошною и высшею стороною человѣка, не будучи подавлены ею. Въ Индіи были только олицетворенія чувствъ, въ Греціи видны уже характеры, въ коихъ высшая и низшая стороны человѣческой природы развиты почти наравнѣ. Въ герояхъ Омира низшая природа развита до такой степени, что трудно допустить при ней возможность—не высшей природы вообще, а такого богатства ея, какое видишь мы въ Иліадѣ и Одиссеѣ. Всѣ личности въ поэмахъ Омира — люди самые

матеріальныя: ѣда и питье для нихъ дѣло до такой степени важное, что поэтъ считаетъ нужнымъ описывать процессы приготовления и раздачи ихъ: они услаждаютъ душу вещественными дарами, до жадности любятъ добычу; за добычу между ними можетъ начаться такая вражда, отъ которой страдаетъ и, гибнетъ цѣлое войско; для добычи они разрушаютъ города, и уводятъ изъ нихъ женъ, дѣлятъ ихъ между собою, какъ вещи; они любятъ воинскія игры, и наградою побѣдителямъ на этихъ играхъ вмѣстѣ съ треножниками, ковами, котлами и т. п. назначаются и женщины, которыя такимъ образомъ безпрестанно могутъ переходить изъ рукъ въ руки, какъ какіе-нибудь припасы по прихоти владѣльца переходятъ изъ кладовой въ кладовую; но вѣдь это жевщяныи-рабыни; чтѣ же свободныя? И онѣ стоятъ не многимъ выше: только нѣкоторыя изъ нихъ поднимаютъ голосъ въ теченіе всего хода обонхъ эпосовъ; даже почтительный Телемакъ прямо говоритъ матери, конечно вѣсколько другими словами, чтобы она молчала и не мѣшалась не въ свое дѣло; молодыя царевны по большей части проходятъ передъ нами какими-то безмолвными тѣнями, и служатъ только къ тому, чтобы отвести въ баню, вымыть и вымазать какого-нибудь матеріальнаго героя, и не всякій, подобно Одиссею, отказывается отъ этой странной чести. Герои Омира ничѣмъ не стѣсняются; они открыто хвастаются избыткомъ вещественной силы; они въ состояніи, на моленіа отца освободить дочь изъ плѣна, отвѣтить слѣдующимъ образомъ:

Дѣвъ свободы не дамъ я, она обѣтываетъ въ неволѣ,
Въ Аргосѣ, въ нашемъ дому, отъ тебя, отъ отчизны далека,
Ткальный станокъ обходя, или ложе со мною раздѣляя.

Эти герои рѣшаются отпустить плѣнницу только въ такомъ случаѣ, когда того потребуетъ какое-нибудь божество, иначе и не ждите! Эти герои такъ ребячески злы въ своей мести, что потѣшаются въ теченіе нѣсколькихъ дней безпощаднымъ поруганіемъ труна врага своего: наконецъ они считаютъ почетнымъ для своего друга — принести на могилѣ его человѣческую жертву!

Между тѣмъ, не смотря на все это, въ этихъ герояхъ есть столько благородныхъ человеческихъ чувствъ, эти чувства выражены съ такою силою, что мы невольно забываемъ ихъ слабыя, на нашъ взглядъ, стороны, мы невольно сочувствуемъ имъ, любимъ ихъ. При всей матеріальности, при всемъ эгоизмѣ, въ нихъ видно самое теплое чувство дружбы, благоговѣніе передъ святостью гостепріимства, даже уваженіе и въ нѣкоторыхъ случаяхъ снисхожденіе къ врагу. Хитрый, житейски-мудрый Одиссей, считающій всѣ средства позволенными для достиженія цѣли, до такой степени вѣренъ долгу соратнаго товарищества, что въ то время когда, готовый уже бѣжать отъ страшнаго натиска Троянъ, онъ замѣчаетъ окружаемаго ими Нестора, то тотчасъ побѣждаетъ въ себѣ эгоистическое чувство страха, и спѣшитъ на помощь къ старцу. Діомидъ готовъ вступить въ борьбу съ однимъ изъ Троянъ: но вдругъ открывается, что дѣла Діомидъ когда-то угощалъ у себя его дѣда, и они расходятся, обѣдавши даромъ. Аянтъ и Гекторъ, послѣ нерѣшительнаго между ними боя, въ знакъ взаимнаго уваженія мѣняются оружіемъ; тутъ уже видно торжество благородной стороны человека надъ чувствомъ ненависти къ врагу. А Ахиллъ, грубый, непримиримый въ своемъ гнѣвѣ, способный въ продолженіе нѣсколькихъ дней ругаться надъ трупомъ человека? На какую высокую степень величія возводитъ его чувство дружбы; какъ онъ ставится мужески—нѣженъ въ минуты тоски своей надъ тѣломъ Патрокла, и какъ выкупаетъ это прекрасное чувство дружбы всѣ его неистовые поступки! Онъ мститъ за друга и мечь его ужасна, — но чтобы отомстить за него, онъ жертвуетъ самимъ собою: онъ знаетъ, что за тѣ кровавые подвиги, которые онъ совершаетъ въ честь павшаго друга, ему суждено равно умереть по приговору боговъ; и онъ рѣшается скорѣе взойти въ мѣръ тѣней, чтобы тамъ снова свидѣться съ своимъ Патрокломъ. И вотъ, въ самую минуту плача надъ тѣломъ друга, застаютъ его старецъ Пріамъ; сердце героя разбито чувствомъ грусти, и старцу безъ труда удается выхолить тѣло сына у того кровожаднаго воина, который еще такъ недавно ругался надъ нимъ! По всему видно, что поэтическое чувство Грековъ, взглянувъ на дѣйствительность, не от-

вернулось от того, что въ ней грубо и матеріально, изображено это грубое и матеріальное, какъ бы считая его необходимымъ для полноты и жизненности человѣческаго образа; но и въ сѣбѣ съ тѣмъ, оно глубоко заглянуло въ душу человѣка, съ любовью извлекло изъ нея все, что только можно было извлечь изъ нея высокаго и благороднаго по понятію времени, перенесло это въ міръ искусства, еще болѣе возвысивъ и облагородивъ это высокое и благородное, сдѣлавъ его такимъ, какимъ оно едва-ли могло быть въ дѣйствительности, — и произвело такимъ образомъ созданія, которыми мы удивляемся до-сихъ-поръ, забывая все, что есть въ нихъ слишкомъ матеріальнаго на наши глаза. Наконецъ во всемъ тонѣ великихъ создавій Омира видна ясная идеальность. Можно ли вообразить себѣ, чтобы люди, въ своихъ стремленіяхъ и привычкахъ столь грубые, выражались съ такимъ достоинствомъ? Въ рѣчахъ ихъ явѣ и нагнѣшей напыщенности, все просто и естественно, но во всемъ видна какая-то сдержанность, какое-то цѣломудріе выраженій, которое тѣмъ болѣе поражаетъ при нецѣломудренности жизни, какая-то дѣятельная очищенность языка! Даже тамъ, гдѣ эти грубые герои, въ пылу самаго страшнаго гнѣва, бранятся между собою, даже и тамъ замѣтна поразительная умирѣнность. Эти люди не могли говорить такъ въ дѣйствительности; но поэтическое чутье Грека понимало, что они должны были говорить такъ въ поэзіи. Какъ же послѣ этого назвать странную посылку, которую мы видѣли еще недавно въ нашей литературѣ, — передать поэтически-простую рѣчь героев Омира всѣми архаическими выраженіями нашей простонародной рѣчи?... Кажется, трудно и предположить себѣ болѣе грубую ошибку; а намѣреніе переводчика, безъ сомнѣнія, было доброе, но крайность довела его до того, что весь добросовѣстный трудъ его пропалъ безвозвратно. Кто желаетъ видѣть героев Омира такими, какими, вѣроятно, были они въ дѣйствительности, тому стоитъ только прочесть Шекспинову драму «Троилъ и Крессанда», содержаніе коей взято изъ Троилской войны. Шекспиръ, какъ извѣстно, изображалъ жизнь, какъ она есть; это не значитъ, чтобы онъ бралъ изъ нея все что онъ полагал, — явѣ, онъ понималъ, что многое въ жизни слишкомъ

жалко и несущественно, чтобы быть принято поэзіей: но то, что бралъ онъ изъ жизни, всегда выставлялъ онъ такъ, какъ оно есть, нисколько не возвышая и не облагораживая. То же начало руководило имъ и въ «Троилѣ и Крессидѣ» и намъ кажется, что онъ именно изобразилъ то, чѣмъ большая часть Омировыхъ героевъ была въ дѣйствительности. Напрасно Розенкранцъ говорить, что Шекспиръ въ этой драмѣ пародировалъ Илиаду; онъ только болѣе развилъ въ герояхъ ея матеріальную сторону, посбавилъ стороны идеальной, и заставилъ ихъ говорить языкомъ вовсе не слержаннымъ, а такимъ, какимъ вообще говорятъ у Шекспира. Развѣ только Ахиллъ и Патроклъ нѣсколько приближаются къ пародіи, но они у Шекспира играютъ роль второстепенную. Агамемнонъ, Несторъ, Одиссей—вовсе не пародированы и въ сущности вѣрны типу Омировскому, а Гектору приданы черты благородства, какихъ нѣтъ и не могло быть у Омира,—именно черты рыцарскія. Шекспиръ, повидимому, смотрѣлъ на героическій періодъ Греціи совершенно тѣми же глазами, какъ на періодъ рыцарства; это видно изъ всего хода драмы. Въ ней черты рыцарскаго благородства смѣшаны съ грубостью самою неприкрытою, самою откровенною, какъ вездѣ у Шекспира, какъ это было въ средніе вѣка, и какъ должно было быть и въ Греческой дѣйствительности.

Не видна ли наконецъ идеальная высота взгляда въ томъ достоинствѣ, какое придаетъ Омиръ Троиланъ? Варвары казались для Грековъ не полными людьми; что же были варвары—враги? Между тѣмъ у Омира въ лицѣ Троиланъ вы видите такихъ же людей, какъ и Греки. Всѣ они точно также идеализированы, всѣ говорятъ съ такимъ же достоинствомъ: наконецъ во главѣ ихъ стоитъ герой, въ высшей степени возбуждающій наше сочувствіе.—этотъ Гекторъ весь исполненный одного великаго чувства, Гекторъ, котораго будутъ любить до-тѣхъ-поръ, пока люди не разучатся любить свое отечество!

Но не одна Омировская жизнь имее дѣйствительности; то же надо сказать и о Греческой трагедіи. Она возвышается надъ нею не потому единственно, что жизнь представляется въ ней только въ свои высшія мгновенія, что въ ней дѣйствуютъ

только люди, одаренные атлетическою силою характера и являются въ минуту борьбы съ высшею силою рока; но она выше дѣйствительности и по тому общему впечатлѣнію, какое производила на Грековъ, она выше ея по тому, что ставила ихъ самихъ выше ихъ обычной точки зрѣнія. Въ Греческой трагедіи выражается не одна только идея могущества боговъ и ничтожества передъ ними человѣка; съ этой идеей была сродна, изъ нея естественнымъ образомъ вытекала другая: счастье на землѣ не прочно, боги могутъ каждый день разрушить его, вотъ поэты и выводять передъ тобой примѣры разрушеннаго счастья, чтобы ты помнилъ, что то же можетъ постигнуть и тебя; не гордись же своимъ счастьемъ и умѣй сочувствовать чужому бѣдствію, умѣй оплакивать его какъ бы свое собственное. Трагедія Грековъ была, вмѣстѣ съ чувствомъ того высшаго гостепріимства, о которомъ мы говорили, какъ бы идеальнымъ противодѣйствіемъ тому эгоистическому началу, которое такъ сильно развилось во всей жизни древнихъ. Такъ, въ ней какъ бы чувствовалось какое-то предвкусеніе любви къ ближнему, любви къ человѣку, какъ къ человѣку! И вотъ, трагики выводили передъ Греками бѣдствія не однихъ Грековъ, но и бѣдствія варварскихъ народовъ, даже самыхъ враговъ ихъ,—и Греки, забывъ о презрѣніи къ варварамъ, забывъ о ненависти къ врагамъ, съ теплымъ участіемъ смотрѣли въ театрѣ на развалины дымящейся Трои, и не у одного изъ нихъ выкатывалась изъ глазъ горячая человѣческая слеза!

Греческая поэзія выше Греческой дѣйствительности не только потому, что общимъ дѣйствіемъ своимъ на душу Грека ставила его выше его обыкновенной степени развитія; она кромя того создала нѣсколько личностей, которыя прямо возвышались надъ своимъ вѣкомъ. Мы видѣли, что, по понятію древнихъ, человѣкъ подъ бременемъ бѣдствій обязанъ лишать себя жизни, что въ этомъ древніе видѣли величіе духа. Эдипъ испытываетъ на себѣ величайшее изъ бѣдствій: онъ невольно становится преступникомъ, и что же, убиваетъ ли онъ себя, какъ требовали этого древніе? Нѣтъ, онъ осуждаетъ себя на жизнь; этого мало, онъ лишаетъ себя зрѣнія, чтобы сдѣлать жизнь свою еще болѣе

ужасною, чтобы страданиями жизни выкупить свой невольный грѣхъ. Не стоитъ ли онъ въ этомъ отношеніи выше своего вѣка, не возвысился ли онъ до понятія, что лишитъ себя жизни, чтобы избавиться отъ бремени бѣдъ, еще совѣсть не такъ трудно, а что истинное величіе въ томъ, чтобы, не смотря на всю тяжесть страданія, остаться жить? Вообще Эдишь есть одна изъ самыхъ возвышенныхъ личностей во всей Греческой поэзии. И не чудно ли, что преданіе, само по себѣ столь гравное, столь возмутительное для нравственнаго чувства, какъ преданіе объ Эдишѣ, поэзіею претворено въ одно изъ самыхъ идеальныхъ созаданій! Эдишь, не смотря на всю отвратительность своего преступленія, истинно-высокъ и истинно-достойнъ нашего сочувствія потому, какъ вѣрно замѣчено г. Кудрявцевымъ въ его анализѣ Эдипа-царя, что онъ исполненъ глубокаго нравственнаго чувства, которое заставляетъ его ужасаться своихъ преступленій и стараться выкупить ихъ страдальческою жизнью. Но «Эдишь въ Колонѣ» еще выше «Эдипа-царя». Это, послѣ Антигоны, едва ли не возвышеннѣйшее произведеніе древности: тутъ выразилось все величіе мысли, до какого могъ дойти древній человѣкъ; выше онъ уже не былъ въ состояніи подняться. «Эдишь въ Колонѣ» принадлежитъ рѣшительно поэту, а не преданію (хотя и въ созданіи самаго преданія, разумѣется, участвовало поэтическое чувство). Мы заключаемъ это изъ одного мѣста Антигоны, которая написана прежде Эдипа; тутъ Исмена говоритъ: «отецъ нашъ умеръ подъ бременемъ проклятія и позора». Такою, безъ сомнѣнія, представлялась смерть Эдипа въ преданіи. Но Софокль, сдѣлавъ ее впоследствии главнымъ содержаніемъ своего «Эдипа въ Колонѣ», намѣнилъ преданіе, представилъ Эдипа достигающимъ примиренія съ совѣстью и съ самими богами. Тутъ онъ уже съ самаго начала представляется намъ внутренно спокойнымъ, хотя и скитальцемъ; онъ нашелъ успокоеніе въ томъ сознаніи, что самъ онъ не причастенъ своему преступленію, что въ немъ не участвовала его воля. Потому онъ считаетъ себя чистымъ, вѣритъ, что и боги признаютъ его наконецъ таковымъ. И точно, по предсказанію, ему сдѣланному, Эдишь наконецъ примиряется съ богами и находитъ вѣчное упокоеніе, — гдѣ же? Въ

святилищѣ Эвменидъ, которыя повидимому должны были вѣчно преслѣдовать его за убіеніе отца, а между тѣмъ онѣ-то и упокоиваютъ его наконецъ: стало быть и онѣ представляемы тутъ созидающими, что воля Эдипа не участвовала въ преступленіи, а потому онъ невиненъ. Тутъ идея судьбы, при всемъ своемъ могуществѣ, является какъ бы неимѣющею силы разрушить внутренній миръ человѣка; тутъ опять поэтъ становится выше степени развитія своего вѣка.

Но высочайшее произведеніе древности, сказали мы, есть Антигона. Каково было значеніе женщины въ древнемъ мірѣ намъ уже извѣстно. Еще даже Эврипидъ, принадлежавшій къ болѣе высокой порѣ развитія, былъ въ состояніи сказать устами своей Фигеніи: «нужно ли, чтобъ Ахиллъ вступилъ въ борьбу со всѣми Греками и подвергся опасности за женщину? жизнь одного мужчины дороже жизни тысячи женщинъ». — Были и въ Греціи женщины, умственно развитыя и нѣвшія значеніе въ обществѣ мужчинъ. — но какія женщины! Только тѣ, которыя составляютъ униженіе женской природы, только гетеры достигали умственнаго развитія и пользовались нѣкоторымъ значеніемъ. Между тѣмъ, до какой нравственной высоты доходитъ женщина въ Греческой поэзіи; какіе чудные примѣры самоотверженія представляетъ намъ она! Пенелопа въ теченіи десяти лѣтъ терпитъ притѣсненія отъ жениховъ своихъ и все-таки остается вѣрною Одиссею; Макарія рѣшается обречь себя на жертву богамъ для спасенія Ираклидовъ (смотри трагедію Эврипида—Ираклиды). Фигенія отваживается на подобный же подвигъ для общаго дѣла Грековъ; Альцеста съ готовностію умираетъ, чтобы избавить отъ смерти своего мужа. Но выше всѣхъ этихъ примѣровъ стоитъ Антигона. Какое бы ни былъ Креонтъ: дѣйствуетъ ли онъ по убѣжденію, или онъ властолюбивый тиранъ, требующій безпрекословнаго повиновенія своей волѣ, но дѣло въ томъ, что онъ велитъ оставить безъ погребенія тѣло Полиника, пошедшаго войною противъ своего отечества. Никто не осмѣливается нарушить волѣніе Креонта, хотя долгъ религіозный велитъ погребать мертвыхъ. Хоръ, обыкновенно служащій въ Греческой трагедіи органомъ общественнаго мнѣнія, также

не отваживается прекословить Креонту. Но чего не могут мужи, то может и женское сердце. Для него нет дѣла до выгода общественныхъ, если онъ должны быть куплены средствами, противными голосу природы. Мужчина и съ благороднымъ сердцемъ скорѣе способенъ ужиться съ какою-нибудь нивостою, увѣривъ себя, что она необходима для достиженія высшихъ цѣлей; женщину благородную вы не увѣрите, чтобы могли быть необходимы нивости; все, что противно достоинству человека, для нея невыносимо. Потому она скорѣе мужчины готова на величайшее самоотверженіе, чтобы только послѣдовать голосу человѣческой природы,—а Греческій поэтъ вполне полагалъ это, онъ полагалъ преимущество женщины, какъ низко ни стояла она въ нѣтъ современныхъ ему людей. Антигона одна, одна въ цѣльяхъ Эввахъ рѣшается похоронить брата, зная, что за это ждетъ ее смерть, и она дѣйствительно умираетъ, съ любовью къ жизни, съ тоскою о потерѣ ея, но еще съ большею любовью къ брату, къ голосу природы, къ нравственному долгу. Въ лицѣ ея поэзія мысли и поэзія выполненія уравновѣсились вполне, и произвели образъ, до какого не могла никогда дойти Индійская поэзія, именно потому, что ей не было доступно совершенство поэзіи выполненія. У Грековъ, на-оборотъ — иногда ниже стояла поэзія мысли; въ Антигонѣ та и другая въ высшей степени прекрасны. Мысль стала тутъ на степень общечеловѣческаго высокаго, поднившись надъ степенью развитія Грековъ. Греческая дѣйствительность говорила: женщина ниже мужчины, она не достойна пользоваться одними правами съ нимъ. Греческая поэзія производила совершенно противное: женщина способна стать выше мужчины; ея любящая душа отраживается на такое самоотверженіе, отъ котораго отказывается онъ изъ эгоизма, не смотря на большую степень твердости въ своей природѣ.

Теперь, еслибы намъ пришлось спросить себя: нельзя ли привести къ одному общему началу всѣ особенности Греческой

поэзии, — чтобы ответили мы на это? Основное начало Греческой поэзии есть, как намъ кажется, полнота человеческой жизни и доконченность человеческого образа. Въ Греческой поэзии — полнота жизни, потому что въ личностяхъ ея развита и низшая, чувственная, и высшая, нравственная сторона челоѣка. Въ ней нѣтъ съ одной стороны личностей, представляющихъ только необыкновенное развитіе физическихъ силъ: въ герояхъ ея къ избытку силъ матеріальныхъ всегда присоединяется нравственная сила, которая возвышаетъ матеріальную выкупаетъ ея грубость; съ другой стороны, въ ней нѣтъ и тѣхъ безстрастныхъ, если можно такъ выразиться, *дѣлателей добродѣтели*, тѣхъ нравственныхъ автоматовъ, которыхъ какъ бы задано сдѣлать что-нибудь доброе, и они дѣлаютъ это съ совершеннымъ бездушіемъ: примѣры подобныхъ безжизненныхъ идеаловъ мы уже видѣли въ Индійской поэзии. Напротивъ, въ самыхъ идеальныхъ личностяхъ поэзии Греческой всегда видна сторона немощная, которая затрудняетъ исполненіе долга, дѣлаетъ его возможнымъ только послѣ упорной внутренней борьбы, и такимъ образомъ даетъ силѣ духа выкачаться во всемъ блескѣ. Если бы Антигона, иля на смерть, не обнаруживала въ себѣ нисколько той естественной человеческой немощи, которая дѣлаетъ столь труднымъ для челоѣка переходъ изъ этой жизни въ другую, то подвигъ ея не имѣлъ бы и половины той цѣны, не заключалъ бы въ себѣ и половину той поэзии. Полнота человеческой жизни произвела въ Греческой поэзии и доконченность человеческого образа. Создавая ея не какія-нибудь блѣдныя тѣни, только похожія на челоѣка, а настоящіе человеческіе образы, отъ которыхъ вѣетъ жизнью, которыхъ присутствіе не только воображаемъ, но и чувствуемъ. Можно сказать, что Греческая поэзія все, къ чему ни коснулась, претворила въ образъ человеческій. Мы видѣли, что она сдѣлала его нормою для міра боговъ своихъ. Тотъ же образъ человеческій перенесенъ ею и въ вещественную природу; да, вся природа облеклась для нея въ челоѣка. Въ Греческой поэзии не ви-

днѣ мы того причудливаго чудеснаго, которое поразило насъ въ Индійской; въ ней нѣтъ, или почти нѣтъ, сверхъестественныхъ разноприродныхъ существъ, какъ какіе-нибудь золотые гуси или зивѣи, дающіе человѣку средство принимать всевозможные образы. По-крайней-мѣрѣ всѣ сверхъестественности исчезли съ побѣдами Иракла и Персея. Нѣтъ и того страннаго отношенія къ животнымъ, какое видѣли мы въ Индіи, гдѣ Рама въ тѣсной дружбѣ съ Гануманомъ — царемъ обезьянъ. Вещественная природа въ Греческой повѣсти сохранила свой естественный образъ и свои основные законы, но Греки умѣли вдохнуть въ нее духъ жизни сознательной, они населили ее множествомъ существъ человѣкообразныхъ. Въ каждой рождѣ скрывались Нимфы, въ каждой рѣкѣ обитали Наады; эхо не простой отголосокъ, слѣдствіе физическаго закона, — это заунывный голосъ Нимфы, которая отъ тоски по любимомъ юношѣ все худѣла, все таяла, наконецъ совершенно истала, и остался отъ нея въ живыхъ только одинъ голосъ! Съ каждымъ ручьемъ, съ каждой пещерой было соединено какое-нибудь сказаніе изъ міра человѣческаго. Грекамъ принадлежитъ та честь, что они со всею силою искренней любви пристрастились къ человѣческому образу, созданными своего искусства доказали, что истинно-прекрасное находится только въ человѣческомъ мірѣ. Но какъ ни высоко это понятіе ихъ, надо сознаться, что имъ не было дано исчерпать всю глубину красоты духовной. Ихъ пластическое искусство довело до совершенства преимущественно красоту физическую; ихъ повѣсти, какъ мы видѣли, достигала и высокой нравственной красоты, но красота эта, за немногими исключеніями, была все-таки еще слишкомъ далека отъ того высшаго идеала, до котораго можетъ и долженъ дойти человѣкъ. Мы видѣли, что нравственная красота у Грековъ часто была красотой только съ ихъ точки зрѣнія, удовлетворительною только для ограниченнаго взгляда древняго міра. Но мы и не въ правѣ требовать отъ древнихъ истиннаго идеала человѣка; будучи разъ утраченъ, онъ уже не могъ быть

исполнѣ возстановленъ одними усиліями человѣка. Идеаль этотъ могъ быть внесенъ въ жизнь и поэзію только божественнымъ напутіемъ Того, Кто сдѣвался человѣкомъ, чтобы научить человѣка подражать Божеству.

ОРЕСТЪ НИКАТРЪ.

VI.

ОБОЗРѢНІЕ

КНИГЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

НОВЫЯ КНИГИ,
ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ.

Областныхъ учрежденій Россіи въ XVII вѣкѣ. Сочиненіе *Б. Чичерина*. Москва, 1856. 591 стр. in 8°.

Семнадцатый вѣкъ представляется замѣчательнымъ въ исторіи областныхъ учрежденій Россіи: повсемѣстное введеніе воеводъ положило рѣзкую границу между этимъ столѣтіемъ и прѣжнимъ временемъ и дало иной характеръ учрежденіямъ нашего отечества. Г. Чичеринъ, сознавъ важность и трудность послѣдующаго имъ предмета, хотѣлъ — и весьма основательно — обратить предварительное вниманіе читателя на время, предшествующее XVII столѣтію, — время, безъ котораго нельзя понять и значенія реформъ, совершенныхъ въ областномъ управленіи въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, — и потому началъ свое сочиненіе изложеніемъ историческое развитія областныхъ учрежденій до вступленія на престолъ Дома Романовыхъ.

Часть XCII. Отд. VI.

1

Отдавая полную справедливость мнѣнію автора о необходимости такого историческаго очерка, мы должны однакожь замѣтить, что его введеніе не достигаетъ цѣли: оно не въ состояніи объяснить характера преобразованій, совершавшихся въ разсматриваемый имъ періодъ. Для того, чтобы вполне понять смыслъ областныхъ учреждений Россіи въ XVII вѣкѣ, надобно предварительно ознакомиться съ постепеннымъ историческимъ образованіемъ государственной жизни Россіи, съ борьбою тѣхъ началъ, которыя породили много юридическихъ явленій, которыя подготовили возможность правительственнаго, государственнаго начала, появляющагося въ члѣхъ установленій XVII вѣка. Нужно сначала взглянуть на XII столѣтіе, на время зародыша государственныхъ элементовъ изъ борьбы родовыхъ и государственныхъ отношеній, затѣмъ указать развитіе этого государственнаго элемента Андреемъ Боголюбскимъ и его преемниками, князьями сѣверными, Суздальскими, особенно Московскими, преимущественно Іоанномъ III, и исторически разъяснить замѣненіе государственныхъ началъ Іоанномъ IV. Авторъ, какъ кажется, и намѣренъ былъ сдѣлать это, но не дошелъ до цѣли: указавъ на характеръ управленія въ древнѣйшей Россіи, г. Чичеринъ останавливается на удѣльномъ періодѣ и изслѣдуетъ систему кормленій. Здѣсь онъ замѣчаетъ, что въ періодъ удѣловъ судъ имѣлъ характеръ не общественной должности, а частной собственности, что одинъ Новгородъ представляетъ исключеніе: «въ Новгородѣ, говоритъ авторъ, судъ имѣлъ другой характеръ: онъ равно распространялся на всѣхъ безъ изъятія, не дѣлился, не отчуждался, не отдавался въ кормленіе и на откупъ, а имѣлъ значеніе общественной должности. Устройство этой должности совершенно опредѣлялось характеромъ Новгородскаго быта: договорная община не имѣетъ въ себѣ крѣпкихъ жизненныхъ началъ и прочныхъ учреждений, какъ община, основанная на естественныхъ, родовыхъ отношеніяхъ, или какъ община, провинутая началомъ государственнымъ. Тамъ, гдѣ въ основаніи всего общественнаго устройства лежитъ личная воля и согласіе каждаго, — неминуемы раздоры, борьба партій, господство силы. Поэтому договорная община, будучи не въ состояніи управляться сама собою, иногда призываетъ себѣ посредника извнѣ; но самое

подчиненіе этому посреднику, основанное опять же на договорѣ и согласіи каждаго гражданина, не имѣетъ обязательной силы для всѣхъ: при всякомъ случаѣ можетъ быть воззваніе къ самимъ гражданамъ, и вслѣдствіе того новыя раздоры, новыя кровопролитія. (стр. 26). Послѣ такихъ частныхъ, почти случайныхъ и неполныхъ высказанныхъ замѣчаній, авторъ дѣлаетъ нѣкоторыя сравненія учреждений Русскихъ съ учреждениями западныхъ государствъ, съ цѣлію показать, съ одной стороны, общую связь Русской исторіи съ исторіею человѣчества, а съ другой—особенность Россіи, въ которой многое учреждалось правительственными мѣрами, что на западѣ совершалось само собою, подъ вліяніемъ господствовавшего въ немъ союзнаго духа. Но и этотъ сравнительный очеркъ историческаго хода учреждений Россіи и запада, имѣлась краткая, неубѣдительною и отрывочною, недостаточна уясняетъ причины введенія воеводъ въ Россіи въ XVII вѣкѣ, равно какъ не рѣшаетъ вопроса о связи Русской исторіи съ исторіею человѣчества. Кажется, было бы полезно, еслибы авторъ, вмѣсто этой статьи, полюбилъ раскрыть мѣры Іоанна Грознаго, давшаго новый характеръ учреждениямъ нашего отечества введеніемъ въ управленіе выборнаго начала.

Гораздо удовлетворительнѣе обработаны прочія части въ сочиненіи г. Чичерина.

Слѣдующій за введеніемъ отдѣлъ посвященъ изложенію должности воеводъ и приказныхъ людей. Здѣсь съ полною отчетливостію и въ правильной системѣ авторъ изслѣдуетъ сперва областное дѣленіе Россіи и указываетъ, что различное значеніе городовъ вело къ различному значенію самихъ правителей и къ неравенству предоставленной имъ власти. Переходя затѣмъ къ воеводамъ главныхъ городовъ, авторъ указываетъ постановленія о способахъ назначенія ихъ и дѣйствіяхъ, относящихся къ принятію должности, о предметахъ, подлежащихъ ихъ вѣдомству, о степеняхъ власти, дѣлопроизводствѣ, отчетности и отвѣтственности ихъ, и предлагаетъ общіе выводы объ управленіи воеводъ. «Въ ихъ рукахъ, говоритъ онъ, сосредоточивалась вся правительственная дѣятельность въ областномъ управленіи, и эта дѣятельность проникла всюду. Отсутствіе правильнаго разграниченія вѣдомствъ дало имъ еще болѣе простора, а запутан-

ность управленія, великость предоставленной имъ власти, недостатокъ юридическихъ формъ и строгаго контроля со стороны центральнаго правительства давали имъ возможность употреблять свою власть во зло, наживаться и всячески притѣснять жителей управляемой области, такъ что многіе сожалѣли о прежнемъ времени, когда не было воеводъ, а управляли губные старосты, и земскіе люди судились собственнымъ судомъ. Дѣйствительно, введеніе воеводъ, продолжаетъ г. Чичеринъ, совершенно измѣнило систему, установленную Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ. При этой системѣ дьяки, находившіеся въ большихъ городахъ, не имѣя въ рукахъ военной силы, далеко не имѣли той власти, какую имѣли воеводы, губные старосты, завѣдывавшіе всѣми дѣлами, были выборные, и земское начало играло значительную роль въ управленіи» (стр. 339). Соглашаясь съ авторомъ въ томъ, что власть воеводъ была совершенно новая и отражала въ себѣ начала, которыхъ не замѣчаемъ во времена предыдущія, мы все-же не видимъ изъ его изложенія, какими образомъ могла появиться такая власть съ началомъ государственнымъ, какъ смѣнила она прежнюю дѣятельность дьяковъ и начало выборное, какими потребностями была она вызвана и какъ происходила борьба этихъ двухъ совершенно разнородныхъ началъ; повторяемъ опять, не видимъ историческаго развитія воеводскаго установленія, потому что мнѣніе автора, будто бы войны и неурядицы показали недостаточность прежней системы и необходимость новыхъ правительственныхъ органовъ въ лицѣ воеводъ, — у автора не развито, не ясно и потому не убѣдительно. Послѣ этого авторъ налагаетъ особенности въ управленіи воеводъ приписныхъ городовъ, приказныхъ людей и дворцовыхъ воеводъ и приказныхъ людей. Изложивъ обязанности первыхъ, авторъ справедливо заключаетъ, что власть воеводъ приписныхъ городовъ и отношеніе ихъ къ главнымъ воеводамъ и Московскимъ приказамъ были чрезвычайно неопредѣленны и разнообразны. Въ Московскомъ государствѣ не было понятія о систематическомъ устройствѣ управленія, о точномъ разграниченіи властей и объ установленіи правильныхъ отношеній между правительственными мѣстами и лицами. Поэтому всѣ отношенія перепутывались: подчиненные воеводы непосредственно относились къ высшей власти: царскимъ

тѣмъ-какъ вопросъ о мѣстничествѣ долженъ былъ у него лечь въ одно изъ основаній и проникнуть всѣ его выводы и замѣчанія. Проволя далѣе свои вѣрныя разсужденія, авторъ говоритъ, что каждый обязанъ былъ служить и всегда находился въ распоряженіи воеводы, который по усмотрѣнію давалъ ему то, или другое порученіе, опредѣлялъ его къ той, или другой должности, по исправленіи которой онъ возвращался въ прежнее состояніе. Это неминуемо должно было сообщать временный характеръ должностямъ. Всѣ равно несли обязанности, поэтому и тяжесть должна была падать равно на всѣхъ, и тяжелыя должности должны были исправляться поочередно то тѣми, то другими. Съ другой стороны, и доходныя должности должны были переходить изъ рукъ въ руки, потому что каждый ждалъ своей очереди. Потому *отчасти* и самыя воеводскія должности давали на короткіе сроки. Наконецъ ко всему этому присоединилось и то, что каждый человекъ, будучи вмѣстѣ военнымъ, могъ быть ежеминутно оторванъ отъ должности по требованію царской службы. Все это сообщало должностямъ временный характеръ, который онѣ сохранили во все продолженіе XVII вѣка. То же самое было и въ выборныхъ должностяхъ: служба выборныхъ людей была очередная, почему и должности поручались имъ временныя, а если дѣло требовало постоянного исправленія, то должностнымъ лица мѣнялись ежегодно (стр. 388). Удерживаемся отъ дальнѣйшихъ выписокъ изъ этого общаго очерка должностныхъ лицъ, подчиненныхъ воеводамъ, такъ какъ и этихъ немногихъ строкъ мы считаемъ достаточными, чтобы показать вѣрность общихъ взглядовъ автора на этотъ предметъ и справедливость дѣлаемыхъ имъ выводовъ. Въ числѣ выборныхъ должностей авторъ разсматриваетъ слѣдующія: должность таможенныхъ и кабацкихъ головъ и цѣловальниковъ, губныхъ старостъ и цѣловальниковъ и земскихъ старостъ и цѣловальниковъ. При изложеніи ихъ указаны: выборъ въ нихъ, взаимныя отношенія, принятіе должности, вѣдомство, дѣлопроизводство, отчетность, отвѣтственность и проч. Изъ всего этого авторъ выводитъ, что въ областномъ управленіи Московскаго государства видна отсутствіе единообразнаго, повсемѣстнаго, систематическаго законодательства, отсутствіе общихъ разрядовъ и категорій, отсутствіе

государственной системы. Все управленіе основано было на частныхъ распоряженіяхъ; общихъ распоряженій не было, и все дѣлалось практическимъ, безсознательнымъ образомъ. Справедливую причину этого г. Чичеринъ находитъ въ томъ, что Московскому государству не доставало теоретическаго образованія. Западныя народы получили свое теоретическое образованіе изъ Римскаго права, на почвѣ котораго они возникли; Россія должна была получить его отъ западныхъ народовъ. Поэтому, когда Петръ Великій дошелъ до сознанія необходимости государственной системы, къ которому привела его современная ему жизнь, онъ прежде всего поѣхалъ на западъ, перевелъ западное образованіе и существенно цѣлю оставилъ себѣ сближеніе Россіи съ западными государствами.

Такое добросовѣстное и въ такомъ объемѣ въ первый разъ встречаемое въ нашей литературѣ собраніе матеріаловъ не можетъ пройти незамѣченнымъ. Трудъ г. Чичерина составляетъ важный подарокъ нашей юридической литературѣ. Но разсмотрѣнное нами сочиненіе еще болѣе выиграло бы, еслибы выводы его, болѣею частью справедливыя, могли въ строгомъ смыслѣ назваться выводами историческими: они явились у автора, какъ плодъ, извлеченіе фактовъ, найденныхъ въ «Полномъ собраніи законовъ» и въ «Актахъ археографической комиссіи», но не построены на началахъ, предшествовавшихъ XVII столѣтію, не пояснены цѣлью данныхъ, проведенныхъ отъ древнѣйшихъ временъ Русской жизни, цѣлью: рациональною, историческою.

Д. Ш.

Руководство статистики Европейскихъ государствъ. Составлено ordinarilyмъ профессоромъ Императорскаго Санктпетербургскаго университета, докторомъ правъ *Иваномъ Ивановскимъ*. Спб. 1856 г. 293 стр. in 8°.

Отечественная литература не очень богата сочиненіями по части статистики: «Статистическіе очерки Россіи» г. Арсеньева, «Экономическая статистика» профессора Голдова, замѣча-

грамоты посылались то къ тѣмъ, то къ другимъ, — и во всемъ этомъ не было никакого правила, никакого порядка: все опредѣлялось случаемъ, удобствомъ, или произволомъ. Съ другой стороны, воеводы приписныхъ городовъ, будучи назначаемы самимъ государемъ и управляя отдѣльными уѣздами, были совершенно самостоятельными правителями, которые только въ распоряженіяхъ, превышавшихъ ихъ власть, требовали разрѣшенія высшихъ начальниковъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ дѣла приписныхъ округовъ завѣдывались иногда непосредственно главными воеводами, что уничтожало самостоятельность подчиненныхъ. Къ этому присоединялась и неопредѣленность подчиненія. Однимъ словомъ, общей системы не было; и если приписаніе малыхъ городовъ къ большимъ было шагомъ къ правильному устройству областного управленія, то, съ другой стороны, этою мѣрою устанавливались новыя отношенія, въ которыхъ господствовали тотъ же беспорядокъ и та же неопредѣленность, какъ и въ цѣломъ; такъ что управленіе дѣлалось чрезъ это еще сложнее и запутаннѣе. Наконецъ авторъ говоритъ о приказныхъ людяхъ и дворцовыхъ воеводахъ и приказныхъ людяхъ, и отсюда переходитъ къ послѣдней части своего труда.

Этотъ отдѣлъ посвященъ разсмотрѣнію должностныхъ лицъ, подчиненныхъ воеводамъ. Должности, находившіяся въ зависимости отъ воеводъ, раздѣлены на приказныя и выборныя. Къ первымъ относятся: письменные головы, городовые прикащики и городничіе, осадные, головы, застѣвные головы, объѣзжные головы, ямскіе, становые и слободскіе прикащики, слободчики, острожные прикащики и прикащики при соляныхъ озерахъ. Большая часть исчисленныхъ должностей была только временными порученіями, которыя давались по усмотрѣнію воеводъ тѣмъ или другимъ лицамъ; другія должности, будучи постоянными, были только мѣстными учрежденіями, установленными безъ всякаго систематическаго порядка и безъ всякаго соображенія съ цѣлымъ. Поэтому всѣ указанныя должности доказывали отсутствіе систематическаго раздѣленія дѣлъ; минутная потребность опредѣляла кругъ дѣятельности извѣстнаго лица, и въ этотъ кругъ входили предметы, не имѣющіе никакой связи между собою. Самый порядокъ назначенія и подчиненія не былъ

строго опредѣленъ; воеводы были центромъ областного управленія, но имъ подчинялись лица, назначаемыя прямо изъ Москвы и болѣе или менѣе отъ нихъ независимыя. Это еще болѣе осложняло и безъ того запутанное управленіе и ослабляло власть воеводъ совершенно случайнымъ и безпорядочнымъ образомъ. Вообще государство, говоритъ авторъ, не развилося еще въ стройное тѣло; должности не составляли еще іерархическаго, систематически-устроеннаго организма, по которому бы двигались должностныя лица; все опредѣлялось частною, временною потребностію, которая не возводилась къ общему сознанию. Къ этому присоединялся и самый характеръ государственной службы: служащіе были не должностныя лица, а люди, обязанные служить и неимѣвшіе никакой опредѣленной должности. Каждый служилый человекъ могъ занимать всякое мѣсто; не было различія между военными и гражданскими должностями, не было законныхъ правилъ для порядка службы, или же единственными правилами были законы мѣстничества, которые опредѣлялись не государственными потребностями, а частными правами (стр. 386). Соглашаясь съ этимъ общимъ воззрѣніемъ автора на дѣло службы XVII столѣтія, мы не можемъ однако признать совершенно справедливою мысль его о томъ, что всѣ основанія этой службы были построены на началахъ частныхъ, не государственныхъ. Указываемое имъ начало мѣстничества — такое начало, которое для того времени было достаточнымъ и не заключало въ себѣ характера чисто-частнаго: потому что, проникая во всѣ учрежденія, оно было полнымъ отраженіемъ прежней общинной жизни, — было средоточіемъ, въ которомъ соединялись еще всѣ понятія, вышедшія изъ свободы служилыхъ людей («а боярамъ и слугамъ вольнымъ воля»), изъ ихъ свободныхъ отношеній къ верховной власти; и какъ начало, порожденное одновременно съ началомъ удѣльнымъ, оно было болѣе, нежели частнымъ, и, можетъ быть, только съ перваго взгляда представляется антигосударственнымъ, сѣющимъ безпорядки, а въ сущности оно было началомъ, которое имѣло и свои правильныя послѣдствія и свое вѣрное примѣненіе. Г. Чичеринъ слегка обращаетъ вниманіе на этотъ вопросъ, часто затемняетъ его данными незначительными, не имѣющими послѣдствій, между-

de le sentir en relation, en harmonie avec son âme. Такова дѣйствительно сущность всякой науки, и поэтому намъ кажется справедливымъ то опредѣленіе статистики, при которомъ изученіе статистическихъ фактовъ не составляетъ прямой задачи науки (въ чемъ авторъ видитъ недостатокъ), но эти факты должны служить только основаніемъ для вывода общихъ законовъ, изъ которыхъ и состоитъ собственная, теоретическая статистика. Авторъ оправдываетъ принятое имъ опредѣленіе тѣмъ, что «общіи цѣли — положеніе состоянія государства и выводъ общихъ законовъ, обусловливающихъ развитіе государственной и народной дѣятельности, могутъ быть достигнуты въ одно и то же время. Даже дѣлаемые такимъ образомъ выводы общихъ началъ, будучи результатомъ совокупнаго обзорѣнія всѣхъ условій, способствовавшихъ, или препятствовавшихъ развитію каждаго государства, окажутся болѣею частью полнѣе и основательнѣе, нежели заключенія, выведенныя изъ наблюденія фактовъ *одного только какаго-либо рода*, верѣдко, такъ сказать, *оторванными* отъ цѣлаго и представленныхъ безъ надлежащей связи съ другими обусловившими ихъ фактами». Мы не знаемъ, отчего предполагаетъ авторъ, что ежели статистика будетъ имѣть цѣлію выводить общіе законы, то она должна брать источникомъ для своихъ выводовъ факты, оторванные отъ цѣлаго, односторонніе, и не будетъ слѣчать ихъ съ другими, обусловившими ихъ фактами? Впрочемъ, и самъ авторъ впоследствии нѣсколько одобряетъ защищаемое нами опредѣленіе, говоря (на стр. 16) что «каждая наука основывается на двухъ началахъ: положительномъ и умозрительномъ. Соединеніе этихъ началъ необходимо для науки: безъ начала положительнаго наука была бы игрою воображенія, сплетеніемъ гипотезъ и утопій безъ всякой опоры; безъ начала умозрительнаго положительныя данныя были бы бездушною массою». Наконецъ замѣтимъ, что опредѣленіе автора скорѣе могло бы имѣть примѣненіе къ статистикѣ одного давняго государства; но другое опредѣленіе, на которое мы указываемъ, кажется, можетъ неопровержимо получить права гражданства въ статистикѣ, общей для всѣхъ государствъ.

Въ первой части своей статистики ученый авторъ изслѣдуетъ источники основныхъ силъ государства, т. е. территорію

и народонаселеніе Европейскихъ государствъ. Оглавая полную справедливость разнообразію свѣдѣній, находимыхъ въ этой части труда г. Ивановскаго, мы сожалѣемъ только, что нѣкоторые интереснѣйшіе факты и вѣрные и глубокіе взгляды ученаго профессора не развиты съ тою подробностію, какой ожилаеть читатель, заинтересованный каждымъ доводомъ автора. Такъ напр. авторъ слишкомъ мало объясняетъ (стр. 25) важность територіальныхъ отношеній для развитія государственной и народной дѣятельности. Также недостаточно, по нашему мнѣнію, развитъ чрезвычайно важный вопросъ о вліяніи географическихъ свойствъ Европы на жизнь народовъ, въ ней обитающихъ, и на преобладаніе ея надъ другими частями свѣта: этому вопросу посвящены всего двѣ страницы. Впрочемъ, эта неполнота находится себѣ оправданіе въ томъ, что предѣлы этого труда, какъ руководства, хотя и представляющаго замѣчательное учное изслѣдованіе, не позволили автору развитъ все вопросы съ одинаковою отчетливостію и полнотою. Съ ббльшею подробностію говоритъ авторъ во второмъ отдѣленіи первой части о народонаселеніи. Все предметы, къ нему относяціяся, изложены кратко, но вполне удовлетворительно, — и не оставляютъ въ этомъ отношеніи ничего болѣе желать для руководства. На первомъ мѣстѣ, при разсмотрѣніи народонаселенія, онъ предлагаетъ главнѣйшіе результаты теоріи народонаселенія. Между писателями на этомъ поприщѣ первое мѣсто принадлежитъ Мальтусу, теорія котораго вызвала многихъ противниковъ, разсмотрѣвшихъ этотъ вопросъ со всехъ возможныхъ точекъ зрѣнія. Ученый авторъ излагаетъ съ совершенною ясностію теорію Мальтуса; но, къ сожалѣнію, не съ такою же подробностію разбираетъ дѣлаемые противъ нея возраженія, и даже не упоминаетъ ни одного изъ противниковъ этой системы, между которыми встрѣчаются однако имена, съ которыми не мѣшало бы познакомить читателей. Сильнѣйшія и остроумнѣйшія возраженія сдѣлали Bastiat и Carey, котораго теорію изложилъ Peshine Smith въ своемъ руководствѣ: «Manuel d'economie politique par E. Peshine Smith, traduit de l'anglais par M. Camille Baquet. Paris, 1854». Напрасно авторъ вовсе не коснулся этихъ возраженій, которыя, по-крайней-мѣрѣ съ перваго взгляда, не ка-

тельное по обилію фактовъ сочиненіе г. Тенгоборскаго «О производительныхъ силахъ Россіи», вынѣ переводимое на Русскій языкъ бывшимъ профессоромъ Московскаго университета, г. Вернадскимъ, издавшимъ первую и половину второй части, и наконецъ «Руководство къ статистикѣ Россіи», написанное г. Соколовскимъ, — составляютъ главнѣйшіе труды по этой части, достойные вниманія публики. Но всѣ эти сочиненія касаются только нашего отечества; по части же статистики Европейскихъ государствъ мы имѣемъ сочиненія г. профессора Рославскаго-Петровскаго и г. Брута, изъ коихъ последнее весьма недостаточно. Поэтому сочиненіе профессора Ивановскаго должно считаться пріятнымъ явленіемъ въ нашей литературѣ тѣмъ болѣе, что имя автора достаточно ручается за добросовѣстное и отчетливое исполненіе дѣла. Сочиненіе г. Ивановскаго написано для военно-учебныхъ заведеній по Высочайше утвержденной программѣ, въ которой предложено составителью курса статистики Европейскихъ государствъ не ограничиваться строго одною этою наукою, а присовокупить сюда свѣдѣнія изъ другихъ, соприкасающихся съ нею политическихъ наукъ. Ученый профессоръ въ своемъ руководствѣ статистики Европейскихъ государствъ старался сдѣлать его вполне доступнымъ и для тѣхъ, которые вовсе незнакомы съ науками политико-экономическими и политико-юридическими; съ этою цѣлію онъ, согласно программѣ, кромѣ вопросовъ, прямо относящихся къ изслѣдуемому имъ предмету, коснулся въ руководствѣ и истинъ политической экономіи, насколько это было нужно, чтобы выводы, представляемые статистикою, могли быть ясны и для тѣхъ, которымъ придется пользоваться сочиненіемъ ученаго автора.

Краткое изложеніе содержанія книги г. Ивановскаго всего лучше покажетъ ея достоинства и то мѣсто, которое ей принадлежитъ по праву между Русскими сочиненіями объ экономическихъ вопросахъ. Рассматриваемое сочиненіе состоитъ изъ введенія и трехъ частей.

Введеніе раздѣлено на три главы: въ первой авторъ представляетъ общія понятія о государствѣ и основныя начала государственной жизни; вторая глава знакомитъ читателя съ существомъ политическихъ наукъ, ихъ раздѣленіемъ и взаимной

связи; наконецъ въ третьей главѣ изложено понятіе о статистикѣ, ея отношеніи къ другимъ наукамъ, источникахъ и пособіяхъ. Г. Ивановскій даетъ статистику слѣдующее опредѣленіе: *«статистика есть систематическое изображеніе данныхъ, по которымъ можно судить о степени благоденствія, какой государство достигло въ извѣстное время. По мнѣнію же другихъ статистика показываетъ законы, въ силу которыхъ вѣншія обстоятельства обуславливаютъ дѣятельность государства и чело-вѣка въ государствѣ, какъ матеріальную, такъ равно и духовную. Предметы, входящіе въ область статистики, продолжаетъ авторъ, почти одни и тѣ же при обоихъ вышепоказанныхъ объ ней понятіяхъ, съ тою однакожь разницею, что при второмъ понятіи изученіе статистическихъ фактовъ не оставляетъ еще задачи науки; они должны только служить основаніемъ для вывода общихъ законовъ. При первомъ же понятіи значеніе фактовъ, рѣзко выражающихъ состояніе государства, есть главная цѣль статистики (стр. 15). Съ этими словами автора мы не можемъ вполне согласиться: онъ доказываетъ, что при понятіи о статистикѣ, какъ объ изображеніи данныхъ, по которымъ можно судить о благосостояніи государства, значеніе фактовъ, рѣзко выражающихъ состояніе государства, есть главная цѣль статистики. Но одни факты, какъ вамъ кажется, не могутъ составить главной цѣли науки: наука тогда только и есть наука, когда она вмѣстѣ въ себѣ высшее начало, которое проникаетъ всѣ ея части и даетъ имъ смыслъ и значеніе. Припомнимъ въ подтвержденіе нашей мысли слова бывшаго профессора, г. Порошина (см. его «Критическія изслѣдованія объ основаніяхъ статистики», стр. 18): «одно такое начало можетъ дать бытіе и содержаніе наукѣ. Его свойства сообщаются ей. Иначе мы и не можемъ отличить ее отъ знаній другаго рода, случайныхъ. Словомъ, что мы знаемъ эмпирически, — знаемъ какъ вѣчто чуждое, не свое, и тутъ нѣтъ приращенія даровъ умственныхъ, слѣдовательно нѣтъ науки». Тоже говоритъ и Гизо: «c'est l'honneur, c'est la grandeur de l'homme, qu'il ne se contente point de ce qui est à ce titre seul que cela est: le fait, le simple fait ne lui suffit point; il veut voir au-delà, il veut decouvrir au fait un but, un sens; il a besoin de a rattacher aux lois de sa nature intime, de sa propre destinée,*

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ

ЗА ПЕРВОЕ ТРЕХМѢСЯЧІЕ 1856 ГОДА.

II. ПЕДАГОГИКА.

По части исторіи учебныхъ заведеній мы встрѣтили двѣ статьи (Журн. Мин. Гос. Вш. N° 2): *Льской и межовой инсти-тутъ и Училища земледѣлія во Франціи.*

Дѣтская литература пріобрѣла слѣдующія статьи:

Въ Журналѣ для дѣтей: *Изъ путешествія въ Иерусалимъ* (N° 1); *Полярныя растенія. Литаи. Мхи. Лучицы. Хвоицы* (ibid.); *Мать. Самоѣдская пѣсня* (ibid.); *Записка о путешествіи, совер-шенномъ Иваномъ Сиважемъ въ Россію, въ Іюнь 1586 года* (ibid.); *О томъ, какъ жили въ Ганзейскихъ конторахъ* (ibid.); *Блженинъ лувъ. Повѣсть Тургеева. Разсказъ* (ibid.); *Кантелл. Финская пѣ-сня* (ibid.); *Попутчики. Разсказъ* (ibid.); *Три двора* (N° 2); *Пти-цы плечія* (ibid.); *Вставайте дѣти! Пѣсня* (ibid.); *Марино Фали-ро, Венеціанскій дождь* (ibid.); *Два слѣда* (ibid.); *Похожденія на островъ Кубь. Възъ зависокъ Гавайца* (ibid.); *Первое десятилетіе Петербурга при Петрѣ Великомъ* (ibid.); *Рыбная ловля на от-меляхъ, во время отлиговъ* (ibid.).

Въ журналѣ Лучи: *Молитвы* (N° 1); *Журналъ молодой дѣвочки, Августы Вороновой* (ibid. N° 3); *Замѣчательныя зданія и развалины древнихъ временъ. Съ Нѣмецкаго О. П.* (N° 1); *Кладби-ще, Ольги П.* (N° 3); *Заоеваніе Константинополя Турками въ 1453 году* (ibid.).

Въ Звѣздочкѣ: *Цѣлты, М. М. Михайлова* (N° 1); *Ищите Бога въ Его созданіи* (ibid. N° 2); *О разныхъ способностяхъ живот*

ныя № 1 и 2); *Англійскій языкъ, по методу Робертсона* (№ 2); *Двоюродныя сестры. Съ Англійск.* (№ 3); *Земная жизнь Христа Спасителя* (*ibid.*).

III. ПРАВОВѢДѢНІЕ.

По этой отрасли знаній въ обозрѣваемое трехлѣтіе явились слѣдующія статьи: *Связь исторіи законодательства съ исторіею вообще и юридическія условія послѣдней*, М. М. Михайлова (Библ. для Чт. № 2 и 3); *Обозрѣніе юридической литературы за 1855 годъ* (Русск. Вѣств. № 3); *Успѣхи международнаго права въ Германіи и Англійи*, Д. П. Каченовскаго (*ibid.* № 5); *Судопроизводство по международнымъ рѣшамъ*, М. П. Капустина (*ibid.* № 6); *Судопроизводство по Шельдъ и проч. соч. А. Наумова*, Ст. проф. Капустина (Моск. Вѣд. № 78); *Кабальные люди*, А. Панова (*ibid.* № 24 и 25).

— «Связь исторіи законодательства съ исторіею вообще и юридическія условія послѣдней». — Эта статья представляет замѣчательное явленіе въ нашей ученой литературѣ: предметъ, избранный авторомъ, мало обращалъ на себя вниманія историковъ и юристовъ, не смотря на важное значеніе его въ наукѣ; у насъ же это едва-ли не первый по времени опытъ, въ которомъ отчетливо и съ знаніемъ дѣла изслѣдована связь исторіи законодательства съ исторіею вообще и опредѣлены границы обѣихъ наукъ. «Исторія законодательства, — говоритъ авторъ — имѣя существеннымъ предметомъ объясненіе развитія законодательства, принадлежитъ къ наукамъ юридическимъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, объясняя развитіе государства, отражающееся въ его законодательствѣ, имѣетъ сходство съ исторіею самаго государства. Законодательство, въ смыслѣ системы законовъ даннаго государства, есть отраженіе жизни государственной; исторія же вообще, какъ наука политическая, имѣетъ предметомъ объясненіе происхожденія и развитія жизни даннаго государства, а законодательство и есть тотъ органъ, посредствомъ котораго развивается жизнь государственная. Различіе между обѣими науками состоитъ въ томъ, что исторія государства преимущественно объясняетъ происхожденіе государства, его возвышенія въ разныя

жуются безосновательными. Смитъ основываетъ свою теорію на мысли, которую высказалъ Auguste Comte, въ его «Cours de philosophie positive»: «On doit concevoir l'étude de la nature comme destinée à fournir la véritable base rationnelle de l'action de l'homme sur la nature, puisque la connaissance des lois des phénomènes, dont le résultat est de nous les faire prévoir, peut seule évidemment nous conduire, dans la vie active, à les modifier à notre avantage, les uns par les autres». Согласно этому, все учение Смита построено на изслѣдованіи законовъ природы, и противъ Мальтуса онъ говоритъ: «достаточно замѣтить, что отношенія между народонаселеніемъ и средствами существованія, выведенныя Мальтусомъ, основаны на томъ ложномъ понятіи, будто потребленіе человѣкомъ питательныхъ веществъ уничтожаетъ ихъ; послуживъ однажды для поддержанія животной жизни, онѣ теряютъ уже свою силу вполне и ни на что не годятся. На самомъ дѣлѣ напротивъ эти вещества возвращаются въ землю и атмосферу, гдѣ снова получаютъ способность поддерживать животную жизнь. Принимая мысль Мальтуса, вѣроятно было бы придти къ ложному заключенію, что способность почвы производить питательныя вещества можетъ быть рассматриваема, какъ способность абсолютная, неизмѣняемая, немогущая пріобрѣсть силъ для своего увеличенія, сообразнаго съ увеличеніемъ потребленія». Новѣйшія изслѣдованія органической химіи доказываютъ, что земля ничего не производитъ сама, но усваиваетъ себѣ вѣдь ея находящіеся элементы и перерабатываетъ ихъ, — что она есть не что иное, какъ резервуаръ, какъ машина, въ которой предметы безпрестанно измѣняются и получаютъ новыя формы.

Вторая глава втораго отдѣленія первой части излагаетъ общіе результаты движенія народонаселенія въ Европейскихъ государствахъ. Здѣсь въ поясненіе и доказательство своихъ словъ авторъ приводитъ таблицы народонаселенія вообще, таблицы рождаемости и смертности, — и вообще глава эта представляетъ много важныхъ свѣдѣній, равно какъ и слѣдующія за нею главы, гдѣ авторъ говоритъ о способахъ исчисленія народонаселенія и числѣ жителей въ Европѣ вообще, съ раздѣленіемъ государствъ на классы сообразно числу жителей, объ относительной населенности Европейскихъ государствъ и значеніи племенныхъ и

религіозныхъ элементовъ въ государствѣ и наконецъ о колоніяхъ и важности ихъ въ политическомъ и хозяйственномъ отношеніи.

Вторая часть разсматриваетъ народную дѣятельность. Первое отдѣленіе этой части посвящено матеріальной дѣятельности, т. е. промышленности. Изъ 14 главъ, составляющихъ это отдѣленіе, только пять послѣднихъ относятся къ статистикѣ и разсматриваютъ промышленность Европы сельскую, мануфактурную и торговую; а въ первыхъ 9 главахъ предложены главнѣйшія, основныя понятія политической экономіи. Во второмъ отдѣленіи авторъ говоритъ о духовной дѣятельности и указываетъ въ главнѣйшихъ чертахъ состояніе Европейской образованности.

Наконецъ въ третьей части изложены свѣдѣнія о правительственныхъ силахъ государствъ: о военныхъ силахъ какъ сухопутныхъ, такъ и морскихъ, причемъ авторъ разобралъ военную систему Пруссіи и указалъ на состояніе военныхъ силъ въ главнѣйшихъ государствахъ. Затѣмъ авторъ говоритъ о финансахъ вообще и о состояніи ихъ во Франціи, Великобританіи, Австріи и Пруссіи. Послѣдняя глава говоритъ о дипломатическихъ сношеніяхъ Европейскихъ державъ.

Книга г. Ивановскаго, при богатствѣ содержанія, значительно выигрываетъ своимъ изложеніемъ. Здѣсь вовсе нѣтъ той сухости, какая бываетъ удѣломъ большею частію учебныхъ руководствъ.

Д. Ш.

умы, занятые до того времени рѣшеніемъ мѣстныхъ и національныхъ вопросовъ, къ выѣшней политикѣ и направилъ дѣятельность публицистовъ на одинъ предметъ, къ которому было приковано общее вниманіе. Каждый скольконибудь извѣстный политическій писатель считалъ обязанностию подать голосъ, высказать мнѣніе о причинахъ и послѣдствіяхъ кризиса, о взаимномъ положеніи государствъ, о политическомъ равновѣсїи и т. п. Дипломаты, историки, юристы также поддались общему увлеченію, и такимъ образомъ почти вездѣ, начиная въ 1854 г., вышло множество памфлетовъ, трактатовъ и монографій. Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій касаются въ особенности права войны, нейтралитета, словомъ, тѣхъ частей международнаго права, которыя возбуждали особенный интересъ по ходу событій. 1855 годъ была столько же, если не болѣе плодотворенъ для науки, какъ и предшествующіе. Не говоря о монографіяхъ и политическихъ брошюрахъ, онъ подарилъ намъ нѣсколько капитальныхъ сочиненій. Между ними особенно замѣчательны. новое изданіе Берлинскаго профессора *Геффера* и второй томъ комментарія на международное право Англійскаго юриста *Филлимора*. Гефферъ совершенно оставляетъ прежнюю методу принимать тѣмъ-называемое естественное право къ отношеніямъ государствъ. По его понятіямъ, международныя юридическія начала имѣютъ самостоятельный авторитетъ, независимое развитіе: они создаются или силою потребностей (*par la force des choses*), или по взаимному согласію. Въ первомъ случаѣ государства соблюдаютъ эти начала по внутреннему принужденію, потому что не льзя нарушить ихъ, не разрывая связи съ человечествомъ; во второмъ — вслѣдствіе обязанностей, принятыхъ по трактатамъ или основанныхъ на обычаяхъ. Конечно, право, которое здѣсь признается, есть «самое свободное изъ существующихъ правъ»: оно вырабатывается и защищается отдѣльными субъектами. Но органомъ и регуляторомъ ему — общественное мнѣніе, судьею — исторія. Это право назначено къ тому, чтобы содѣйствовать всестороннему развитію рода человеческого, и имѣть себѣ высшее освященіе въ мировомъ порядкѣ: люди и поколѣнія созданы не для того, чтобы заключиться въ отдѣльныхъ государствахъ; для нихъ открыта вся земля. Главный недостатокъ

у Гефтера состоитъ въ томъ, что его выводы не приурочены къ современности; онъ чаще ссылается на мнѣнія старыхъ, забытыхъ юристовъ, нежели на дипломатическую корреспонденцію. Гораздо удовлетворительнѣе въ этомъ отношеніи комментарий Филимора. Его понятія о международномъ правѣ здравы, точны и ясны. Онъ не развиваетъ ихъ въ подробности, а высказываетъ въ видѣ сжатыхъ аксіомъ. Впрочемъ, общая часть его сочиненія сравнительно слаба и мало представляетъ новаго. Гораздо важнѣе часть особенная. Всѣ изслѣдованія автора приведены къ тому, чтобы прояснить современное положеніе международного союза и отдѣльных его членовъ. Ни одна сколько-нибудь крупный вопросъ не оставленъ безъ вниманія, ни одно важное дипломатическое дѣло не обойдено. Особенно замѣчательны его изслѣдованія о соединеніи государствъ, о навигации по рѣкамъ и морямъ, о понятіи свободныхъ территорій и о вѣнчателствѣ. Въ второмъ томѣ превосходно разработаны обширный и трудный вопросъ объ отношеніяхъ государствъ къ Римскому престолу. Кромѣ всего этого, въ концѣ обоихъ томовъ читатель найдетъ драгоценные документы для рѣшенія почти каждаго изъ важнѣйшихъ вопросовъ. Здѣсь напечатаны депеши, рѣшенія Англійскихъ, Американскихъ и Французскихъ судовъ, указатели трактатовъ, извлеченія изъ писателей и т. п.

— «Судоходство по международнымъ рѣкамъ». — «Рѣкамъ, безспорно, принадлежитъ одна изъ главныхъ ролей въ томъ вліяніи, которое оказываетъ вообще географическое положеніе на исторію народа. Мы видимъ постоянное движеніе государственныхъ территорій по направленію главныхъ судоходныхъ рѣкъ; каждый народъ стремился по возможности сдѣлать судоходную рѣку своею, національною, приобрѣтеніе устья этой рѣки составляло всегда цѣль завоеваній. Международный союзъ, силою своего общегитія сохраняя каждому государству его *status quo*, долженъ былъ остановить такія требованія, онъ долженъ былъ прекратить непрерывную пережѣву территорій, а между тѣмъ не могъ оставить безъ вниманія и прежняго стремленія государствъ націонализировать рѣки. Согласить обѣ задачи, т. е. удовлетворить естественнымъ потребностямъ каждой территоріальной власти и вмѣстѣ осточовить ея новое движеніе — вотъ къ че-

эпохи, успѣхи на поприщѣ военномъ и въ дѣлахъ вѣншей политики; слѣдов., собственно говоря, предметъ ея есть изслѣдованіе общицъ историческихъ данныхъ, по которымъ могутъ быть выведены вѣншія отношенія даннаго государства къ другимъ, и отчасти внутреннее его состояніе, сколько то нужно для уразумѣнія общаго хода развитія жизни государственной. На вѣншія отношенія вообще, на вѣншую сторону жизни государства историкъ преимущественно обращаетъ свои изслѣдованія: потому что въ нихъ и заключаются политическія отношенія, составляющія главный предметъ исторіи, какъ науки политической. Одно и то же государство составляетъ предметъ и исторіи этого государства и исторіи его законодательства. Но жизнь государства недѣлима, развитіе ея совершается подъ вліяніемъ вѣншихъ обстоятельствъ и внутреннихъ основаній одновременно, недѣлимо; наука же предметъ разсматриваетъ съ двухъ разныхъ сторонъ, отдѣляя внутреннюю сторону развитія отъ вѣншей и образуя двѣ науки, связанныя единствомъ своего предмета при различіи специальности возрѣвнн. И та и другая богата прекрасными трудами и произведеніями, подвизувшимися значительно развитіе науки. Это прекрасное указаніе опыта есть несомнѣнная гарантія того, что, не смотря на единство главнаго предмета обѣ науки, при самой близкой связи ихъ между собою, имѣютъ — съ пользою для науки вообще — особенныя сферы изслѣдованій. Но это же самое обстоятельство порождаетъ новую идею о томъ, что взаимная тѣснѣйшая связь двухъ наукъ необходимо предполагаетъ нѣкоторыя *юридическія условія* въ исторіи вообще, и взаимно нѣкоторыя *историческія условія* въ исторіи законодательства. При опредѣленіи *исторически* внутренняго содержанія закона, относящагося къ той или другой сторонѣ жизни государственной или частной, которой данный законъ касался своими опредѣленіями, долгъ историка-юриста показать, что предшествовало изданію закона, и что произведено изданнымъ закономъ; необходимо объяснить самый предметъ опредѣленій закона, указавъ состояніе его въ данную эпоху историческую, образованіе новыхъ потребностей государственныхъ, бывшихъ причиною изданія новаго закона, измѣненіе этихъ потребностей съ теченіемъ времени, и влѣдствіе того отиѣну или дополненіе нуж-

наго закона и замѣну его другимъ. Такимъ образомъ, при изслѣдованіяхъ этого рода, законъ не самъ по себѣ, но законъ по тому, въ какой мѣрѣ проясляетъ онъ для историка-юриста отношенія быта государственнаго или частнаго определенной исторической эпохи, дѣлается для него болѣе или менѣе обильнымъ источникомъ изслѣдованія. Уясняя съ одной стороны развитіе отношеній юридическихъ, историкъ-юристъ уясняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и историческую связь законовъ различныхъ эпохъ, т. е. систематично и прагматически, съ объясненіемъ развитія ихъ, объясняетъ и развитіе законодательства, выполняя этимъ историческія условія исторіи законодательства, какъ науки. Высшая, конечная цѣль исторіи есть правда. Соблюдать правду историческую значитъ быть строгимъ въ разборѣ не только историческаго памятника или источника, подвергая его обсужденію въ отношеніи подлинности или его несомнѣнности, но также быть строгимъ и непристраснымъ къ собственному историческому убѣжденію, и прежде облеченія его въ форму историческаго разсказа, подвергать строгому обсужденію. Въ странное противорѣчіе впалъ бы историкъ, еслибы, подвергая строгому критическому изслѣдованію достовѣрности древнихъ лѣтописей и вообще источниковъ, дозволилъ бы себѣ изложеніе, заимствованное изъ нихъ исторически-неправдиво. Но не менѣе важное противорѣчіе отразилось бы въ исторіи и въ томъ случаѣ, когда, при всей правдивости, вѣрности и силѣ историческаго таланта, источники историческіе были бы рассмотрѣны неполнѣ, т. е. съ однимъ только историческимъ воззрѣніемъ и изслѣдованіемъ, безъ юридическаго или анализа. Тѣмъ болѣе истинна эта важна для исторіи, что всѣ историческіе источники имѣютъ несомнѣнно юридическое свойство, налагающее обязанность на историка подвергать ихъ не только историческимъ, но и юридическимъ соображеніямъ. Въ доказательство этой истины авторъ подробно разбираетъ свойства историческихъ источниковъ, и выводитъ, что главнымъ образомъ эти свойства чисто-юридическія.

— Успѣхи науки международного права въ Германіи и Англіи. — Особенное движеніе въ литературѣ международного права обнаружилось со времени Восточной войны: она отягкла

му признаво международное право. Для выполненія этой задачи, оно нашло лучшее средство въ системѣ повинностей: территориальная власть уступаетъ другой такой же власти, какъ повинность, навѣстныя права на судоходство по рѣкѣ, протекающей черезъ ея владѣнїе. Установленіе повинности дѣлаетъ необходимымъ исключительное обладаніе. Нѣкоторыя рѣки путемъ завоеваній сдѣлались національными; для другихъ такое положеніе невозможно: онѣ или служатъ границами двухъ народовъ, или протекаютъ черезъ территорію такихъ государствъ, которыхъ соединеніе противорѣчитъ или ихъ особому характеру или обще-Европейскимъ интересамъ. На этихъ-то рѣкахъ должно было отражаться во всей силѣ вліяніе международного права. Это явленіе дѣйствительно имѣло мѣсто съ-тѣхъ-поръ, какъ юридическія отношенія государствъ получили болѣе и болѣе опредѣленности. Путемъ трактатовъ образуется мало-по-малу свобода проѣзда по всѣмъ главнѣйшимъ судоходнымъ рѣкамъ: государство, пользуясь предметомъ, находящимся въ территориальной власти другого, настолько, насколько это ему необходимо, не чувствуетъ стѣсненія въ своихъ границахъ и не имѣетъ нужды въ ихъ перемѣнѣ. Вотъ, въ общихъ чертахъ, значеніе международныхъ рѣкъ и основанія для ихъ юридическаго опредѣленія. Что касается до средства рѣшить вопросъ, то исторія доказываетъ ясно, что для этой цѣли служили всегда трактаты, заключенныя въ разное время прирѣчными государствами. Особенно Германскій Таможенный Союзъ подвинулъ впередъ опредѣленіе свободнаго плаванія по рѣкамъ, сначала исключительно Германскимъ, а вслѣдъ за ними коснулся и тѣхъ, которыхъ только верховье или устье находятся на территоріи Союза; судоходство по Рейну не разъ становилось предметомъ трактатовъ, опредѣлявшихъ его многообразныя условія; плаваніе по Дунаю сдѣлалось также свободнымъ на всемъ его теченіи до самаго моря.

IV. Политическія науки.

Къ этой отрасли яваній принадлежатъ статья: *Общее обозрѣніе благотворительныхъ заведеній приказовъ общественнаго призанія*. Ст. II. (Журн. Мин. Вн. Дѣлъ № 1); *Нижегородская ярмон- Часть XCII. Отд. VI.*

ка въ 1855 г. (ibid.); *Обороты хлопчатниці въ армонокъ въ 1855 и 1856 г.* (ibid. и № 2 и 3); *Описание г. Писка* (ibid. № 1); *Валежничья и деревянные издѣлія въ Семеновскомъ уездѣ Нижегородской губерніи* (ibid.); *Рѣка Дняпръ* (ibid.); *Таблица цѣнъ на главныя сельскохозяйственныя потребности Имперіи* (ibid. и № 2 и 3); *Перечневая таблица особызъ промисловей по Имперіи за Іюль 1855 г.* (ibid. № 1); *Подробное обозрѣніе благотворительныхъ дѣйствій приказовъ общественнаго призрѣнія*. Ст. II. (ibid. № 2 и 3); *Очеркъ львовъ и льсныхъ промысловъ сѣверо западной Сибири* (ibid. № 2); *О заграничной торговлѣ въ Одессѣ, въ 1855 г.* (ibid.); *О торговлѣ саломъ въ Самарѣ* (ibid.); *Алебастровыя копи во Владимірской губерніи*, К. Тихомирова (ibid. № 3); *Вывозная торговля Россіи пльбомъ и льсомъ* (ibid.); *Краткій обзоръ всемірной торговли въ 1854 г.* (ibid.); *Потребленіе сахару, кофе, чаю и хлопчатой бумаги въ Англии и Франціи* (ibid.); *Потребленіе пшеницы въ Англии и вывозъ ея изъ Египта и Сѣверной Америки* (ibid.); *Статистическія замѣтки о Дунайскихъ княжествахъ* (ibid.); *Объ исторіи и значеніи желѣзныхъ дорогъ* (ibid.); *О способахъ перевозки земледѣльческихъ продуктовъ въ Россіи* (ibid.); *О Каспійскомъ рыболовствѣ*. Ст. IV. Академія Бера (Журн. Мин. Гос. Им № 4); *О пользѣ желѣзныхъ дорогъ для перевозки земледѣльческихъ произведеній* (ibid.); *Земледѣльская часть всемірной выставки въ Парижѣ въ 1855 г.* (ibid.); *Лѣса и ихъ значеніе въ государственномъ хозяйствѣ Скандинавіи* (ibid. № 2); *Меры Австрійскаго правительства къ устройству кредитной системы* (ibid.); *Монетный кризисъ въ западной Европѣ и мѣры противъ него Французскаго банка* (ibid.); *О заготовкѣ лѣса въ Низовомъ округѣ, въ 1855 г.* (ibid. № 3); *Хозяйственно-статистическія изслѣдованія въ Ярославской губерніи* (№ 3); *Хозяйственная статистика Харьковской губерніи* (ibid.); *Соображенія касательно устройства желѣзныхъ дорогъ въ Россіи* (Совр. № 2); *О Европейскихъ переселеніяхъ въ двѣнадцатомъ столѣтіи*, Гораса Сен (Библ. для Чт. № 1); *Посредническая роль Германіи* (Русск. Инв. № 3); *О промышленныхъ предпріятіяхъ*, В. П. Безобразова (ibid. № 6); *Двѣ статьи о желѣзныхъ дорогахъ*, А. И. Кошелева (Руск. Бесѣда № 1); *Заграничная переписка С. Петербургскихъ Вѣдомостей* (С. Пб. Вѣд. № 4. 16, 19, 25, 27, 39, 58, 60, 64, 66, 70); *Жѣлезная дорога* (Русск. Инв.

№ 71); *Железные дороги въ Россіи* (Сѣв. Пч. № 16); *Столкновеніе Англій съ Соединенными Штатами въ сѣверо-западной части сѣверной Америки* (ibid. № 27); *Нѣсколько словъ о желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи* (Моск. Вѣд. № 22); *Банковій актъ Роберта Шилла* (ibid.); *Кавказъ въ восточномъ вопросѣ*, Гр. Соллогуба (Кавк. № 3, 4, 6 и 7).

— «Общее обзорѣніе благотворительныхъ заведеній приказовъ общественнаго призрѣнія». — Подъ этимъ заглавіемъ, въ настоящей, второй, статьѣ помѣщена «Вѣдомость о заведеніяхъ, подвѣдомственныхъ приказамъ общественнаго призрѣнія въ 1853 году». Вотъ общій выводъ изъ этой вѣдомости: въ вѣдѣніи всѣхъ 54 приказовъ Имперіи находилось 849 заведеній, на комплектъ 33.633 человекъ; въ заведеніяхъ число призрѣвавшихся въ 1853 г. было 275.775 человекъ.

— «Нижегородская ярмонка въ 1855 году». — «Весь оборотный капиталъ ярманочной торговли всякаго рода простирался въ 1855 г. на 63,784.795 р., сравнительно съ ярмонкою 1854 г. — на 4,609.615 р. болѣе; пропорція привозныхъ товаровъ, болѣе соразмѣрная, чѣмъ когда-либо, съ дѣйствительною потребностію и своевременное доставленіе ихъ на ярмонку, много способствовали быстрому и выгодному сбыту, а значительный приливъ изъ внутреннихъ губерній денежныхъ капиталовъ — скорой и легкой развязкѣ въ платежахъ. Особенность, характеризующая эту ярмонку, заключается въ томъ, что различные расчеты вали рѣшительный перевѣсъ надъ срочными платежами: такъ въ кредитъ продаваемо было не болѣе 4-й или 3-й части, преимущественно въ 12-мѣсячный срокъ, а также отъ 4 до 8 мѣсяцевъ, тогда какъ прежде было наоборотъ, и 18-мѣсячные сроки были нередки. Другая отличительная черта этой ярмонки — развитіе на ней если и несовершенно новой отрасли торговли, то въ такомъ увеличенномъ размѣрѣ, что можетъ считаться новою торговлею: Бухарскимъ и Персидскимъ хлопкомъ, который нынѣ, въ особенности Бухарскій, занимаетъ съ большимъ успѣхомъ на нашихъ мануфактурахъ Американскій, получавшійся прежде чрезъ Англію. Выѣстъ съ тѣмъ увеличился привозъ шалиго и марены, также болѣе и болѣе входящихъ на

лашихъ фабрикахъ. Третья особенность этой ярмонки состоитъ въ замѣтномъ уменьшеніи привоза Европейскихъ иностранныхъ товаровъ и усиленіе привоза предметовъ отечественной промышленности. Изъ отраслей ярмоночной торговли чайная, особенно важная по вліянію своему на ходъ ярмоночнаго дѣла въ 1855 г., хотя и не представляетъ сама по себѣ тѣхъ выгодныхъ результатовъ, на которые могли рассчитывать Кяхтинскіе торговцы, но скорою развязкою своею много способствовала успѣшному окончанію другихъ дѣлъ. По значительности оборота и по особенно выгодному въ настоящее время сбыту, первое мѣсто принадлежитъ безспорно Русскимъ мануфактурнымъ издѣліямъ. Такому успѣху мануфактурная промышленность обязана преимущественно тому обстоятельству, что фабриканты въ настоящее время стали обращать болѣе вниманія не на количество производимыхъ ими предметовъ, но на достоинство ихъ, а также и успѣшному въ настоящее время требованію, особенно ситцевыхъ матерій, въ Закавказскій край, куда значительное ихъ количество покупается Ахалцгскими Евреями, получавшими прежде эти предметы чрезъ Турцію. Изъ льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій, холста армейскаго, рубашечнаго и подкладочнаго привезено было почти вдвое болѣе противъ прежняго и продано съ большою пользою. Далѣе, по скорой развязкѣ и выгодному сбыту слѣдуетъ торговля мягкой рухлядью, преимущественно мѣхами среднихъ и высшихъ сортовъ и невыдѣланными, по усиленному требованію ихъ на западную границу. Желѣзная торговля, постоянно бывшая въ застоѣ въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, нынѣ нѣсколько оживилась. Значительные заказы рейльсовъ, слѣданные правительствомъ на заводахъ Яковлева и Демидовыхъ, возвысили и ярмоночныя цѣны. Мѣдь и другіе металлы имѣли также отличный сбытъ. Хлѣбная торговля, обыкновенно весьма незначительная на ярмонкѣ—такъ какъ главный хлѣбный рынокъ въ средней Россіи Рыбинскъ—нынѣ была особенно значительна по обширности и выгодности оборотовъ. Русской золотой монеты въ обращеніи на ярмонкѣ было весьма много; но, не смотря на то, лажъ при размѣнѣ ея достигалъ значительнаго возвышенія—отъ 8 до 11 коп. за полуимперіаль, а Бухарцы платили въ концѣ ярмонки и по 15 коп. Причина возвышенія

цѣнности золота заключается въ дозволеніи правительствомъ выкупа известной части золота на чай въ Кахтѣ. За серебро платили до 2 коп. съ рубля; но серебряной монеты какъ Русской, такъ и иностранной, на армонкѣ было очень немного. Въ отдѣленіи государственнаго коммерческаго банка на армонкѣ выдано денегъ по дисконтамъ на 2,120,000 р. Выручка въ разныхъ торговыхъ заведеніяхъ простиралась до 281,870 р., — на 4,800 р. болѣе противъ 1854 г..

— «Обороты главнѣйшихъ армонокъ». —

Въ 1855 году:

	Привезено товаровъ.	Продано.
По Никольской въ г. Вишнѣ.	1,436,435 р.	1,158,870 р.
	въ этомъ числѣ отечественныхъ	
	1,348,555 р.	1,110,870 р.
По Иольской въ г. Якутскѣ.	389,252 .	315,448 .
По Парской, въ селѣ Парскомъ, Юрье- вецкаго уѣзда, Костромской гу- берніи.	413,210 .	367,455 .

Въ 1856 году:

По армонкѣ, бывшей въ г. Меже- линскѣ, Оренбургской губерніи. .	1,661,867 .	1,182,796 .
По Боговлянской въ г. Лебедяни, Тамбовской губерніи.	989,055 .	625,321 .
По Боговлянской въ г. Вельеговскѣ, Тверской губерніи.	821,400 .	623,125 .
По Боговлянской, въ Шувгскомъ погостѣ, Повѣнецкаго уѣзда, Оло- внецкой губерніи.	270,995 .	136,270 .

— «Очеркъ лѣсовъ и лѣсныхъ промысловъ сѣверо-запад-
ной Сибири». — Статья эта принадлежит Колмогорову, кото-
рый былъ секретаремъ сперва Томскаго, а потомъ Тобольскаго
гражданскаго губернатора. Она должна обратить на себя вни-
маніе не только ученыхъ, но и каждого образованнаго человѣка :

дѣйственная, могучая природа Сибири—этои Русской Индіи, долго еще. очень долго будетъ оставаться неизвѣстною и пройдутъ десятки лѣтъ прежде, нежели соединенныя усилія ученыхъ и капиталистовъ сдѣлають ее общензвѣстною. Не одно золото и металлы составляютъ ея богатство; она изобилуетъ всеми родами естественныхъ произведеній, и потому можетъ имѣть важное значеніе въ исторіи Россіи. Статья г. Колмогорова, не смотря на то, что она есть только очеркъ заключаетъ въ себѣ много любопытнаго. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ нея.

Тобольская губерніи съ частями Киргизскихъ степей, Томской и Енисейской губерніи, составляя громаднѣю долину между Уральскими, Каргалинскими, Алтайскими и Саянскими горами и отрогами ихъ, простертыми по направленію къ сѣверу, и незначительными отдѣльными возвышенностями по берегамъ Обской, Тазовской и Енисейской губъ, не заключаетъ въ себѣ ни каменныхъ, ни песчано-глинистыхъ горъ значительной высоты. Все это пространство по большей части не только плоско и ровно, но представляетъ ощутительное углубленіе. Дремучими, вѣковыми, непроходимыми и почти сплошными лѣсами покрыты площади округовъ Енисейскаго, Тобольскаго, Томскаго, Туринскаго и Березовскаго, и частію прилежащихъ къ нимъ южныхъ округовъ; лѣса эти заключаютъ въ себѣ едва-ли не болѣе 100,000,000 десятинъ. Преобладающіе здѣсь роды деревъ суть: сосна, кедръ, лиственница, ель, пихта и липа; они называются красными и строевыми и занимаютъ сплошь тысячи квадратныхъ верстъ. Кромѣ того, здѣсь растутъ береза простая и сивлеватая, осина, ольха и другія деревья: они называются бѣлыми и употребляются исключительно на дрова и мелкія домашнія подѣлки; растутъ рощами отъ одной до нѣсколькихъ десятковъ и сотенъ квадрат. верстъ, или отдѣльно своими породами, или въ смѣшеніи со всеми другими родами деревъ. Сплошные лѣса въ Тобольской губерніи называются *урманами*, а въ Томской и Енисейской—*тайами*. Пустыня Сибирскихъ лѣсовъ, въ особенности въ описываемой долинѣ, не совсѣмъ похожа на пустыни лѣсовъ въ Европейской Россіи, напр. въ Персской, Вятской, Вологодской и Архангельской губерніяхъ: въ этихъ послѣднихъ лѣса рѣже и Русскій человекъ осѣдлый и кочующій Самоѣдъ

(въ Арх. губ.) проложили себѣ дорожки и тропинки, искрестили лѣса во многихъ направленіяхъ и въ большей или меньшей степени изучили ихъ для того, чтобы не заблудиться въ нихъ; напротивъ, въ Сибири есть огромныя пространства лѣсовъ, которыхъ не касался ни топоръ, ни огонь, гдѣ не бывала еще ни въ только Русскаго, но и Остака и Самоѣда; таково напр. пространство лѣсовъ отъ рѣчки Бардаковки и Сургута по прямому направленію на рѣчку Тазъ, къ Старой Мангазеѣ, гдѣ вообще отъ густоты лѣсовъ бываетъ въ нихъ днемъ такъ же темно, какъ ночью, и гдѣ заблудиться и даже погибнуть безъ вѣсти, даже опыльному забролову, почитается дѣломъ обыкновеннымъ. Наврасно воображаютъ, что забрѣ въ Сибири уменьшился. Нѣтъ, онъ отбѣжалъ только отъ постоянныхъ жилищъ Русскаго и, тоже почти, отъ постоянныхъ лѣтнихъ и зимнихъ помѣщій дикарей, и въ глуши лѣсовъ, въ темныхъ дебряхъ, онъ плодится и живетъ еще нетронутымъ; но проникнуть въ эти дебри - нелегко, съ ограниченными средствами и орудіями. Остаку и Самоѣду нѣтъ физической возможности. Да и что значить нѣсколько десятковъ тысячъ шкуръ забрѣй (кроме развѣ бѣлины и зайца) или чаще только тысячъ, годовымъ поступающимъ въ руки купцовъ Туруханскихъ, Енисейскихъ, Верхотурскихъ, Туринскихъ, Тобольскихъ, Тарскихъ и Березовскихъ въ сравненіи съ безпредѣльностью лѣсныхъ пустынь, предоставленныхъ природою въ исключительное жилище забрѣй? Но забрѣ бесчисленны еще и въ лѣсахъ, доступныхъ временно человеку: ихъ станетъ еще на много вѣка: потому что истребить лѣса въ этой долинѣ, по изумительной силѣ растений, не станетъ силъ поселенія въ нѣсколько милліоновъ, а проникать въ нихъ будетъ для нихъ также трудно, какъ и теперь. Торговля и промышленность лѣсными товарами въ Сибири, по недостатку вѣтшаго сбыта и по величій мореходства, находится въ жалкомъ состояніи. Авторъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія объ озерахъ Васюганъ и Ляшнъ-сорѣ, находящихя въ лѣсной пустыни Тобольской губерніи, изумительно изобилующихъ рыбою и извѣстныхъ ученому миру по одному только названію. Пожидательный въ выноскѣ въ страницѣ 12-й отрывокъ въ описаніи строительства автора въ лѣсной пустынѣ отъ праваго берега Иртыша, въ Тарскомъ

окургѣ, по направленію къ сѣверо-востоку, напомнилъ намъ картины природы Бернардена де Сенъ-Пьера по живописи мѣстности и сочувствію къ природѣ. Замѣтимъ также, что повывенію и распространенію Сибирской лавы, во время лѣтнихъ жаровъ, въ округахъ Красноярскомъ, Енисейскомъ, Ачинскомъ, Томскомъ, Кольванскомъ, Канскомъ, Тобольскомъ, Тюменскомъ, Туринскомъ и въ особенности Тарскомъ, по общему мнѣнію жителей Сибири, способствуютъ гнилыя болота, малыя озера и лужи, составленныя изъ безчисленныхъ труповъ органическихъ тварей, съ живущими въ нихъ и на нихъ мириадами насѣкомыхъ. Испаренія отъ этихъ гнилыхъ водъ, распространяясь въ воздухѣ, садятся на траву и воду, употребляемую людьми и животными въ лѣтніе жары жадно и въ большомъ количествѣ; животныя вообще безъ разбора пьютъ воду и въ самыхъ гнилыхъ болотахъ и озерахъ, и кудаются въ нихъ, спасаясь отъ тучъ крылатыхъ насекомыхъ.

— Краткій обзоръ всемірной торговли въ 1854 г. — Статья эта заимствована изъ *Annuaire de l'économie Politique et de la statistique pour 1855*. Внѣшняя торговля всѣхъ странъ земнаго шара, т. е. вся громадная масса товаровъ, которую перевозятъ съ одного конца земли на другой, можетъ быть оцѣнена въ 30 билліоновъ франковъ. Эта огромная цифра была бы еще выше, еслибы къ ней можно было присоединить стоимость товаровъ, провозимыхъ контрабандою. Но, съ другой стороны, какъ ввозъ однихъ государствъ состоитъ изъ вывозимыхъ произведеній другихъ государствъ, то эту цифру слѣдуетъ уменьшить на половину, т. е. 15 билл. фр. Впрочемъ, не должно выпускать изъ виду, что это опредѣленіе стоимости оборотовъ всемірной торговли только приблизительное: ибо не всѣ государства публикуютъ свои торговые отчеты, не всѣ переводятъ ихъ на монету, и, кромѣ того, въ этихъ обширныхъ оборотахъ есть множество операций транзита, склада товаровъ, и т. п. — операций, дающихъ поводъ считать два и три раза одинъ и тотъ же товаръ въ его переходахъ изъ порта въ портъ. Вотъ въ круглыхъ числахъ расчисленіе, какимъ образомъ все это общее количество распределяется между государствами:

	млл.
Англія торгуеть на	8,000
Франція	3,500
Ганзейскіе города	1,800
Нѣмецкій таможенный союзъ	1,500
Нидерланды	1,262
Бельгія	1,194
Австрія	800
Россія	794
Швеція, Норвегія и Данія	217
Швейцарія	600
Сардинія	260
Италіянскія государства	350
Испанія и Португалія	400
Турція, Египеть, Греція и острова	510
Соединенные Штаты	2,300
Бразилія	360
Хили	140
Аргентинская республика	100
Антильскіе острова (кроме Французскихъ)	315
Англійская Индія	500
Ява съ зависящими отъ нея островами	300
Китай, Филиппинскіе острова и Австралія	1,000

Изъ этихъ чиселъ для общей цѣфы всемірной торговли выходитъ только около 26 билл. Но какъ въ этомъ перечнѣ не достаеъ многихъ государствъ, какъ въ немъ нѣтъ ни второстепенныхъ государствъ южной Америка, ни Африканскихъ береговъ, ни Персіи, Аравіи, Тибета, Сіама и проч., ни огромныхъ операций рыбной ловаи въ океанѣ: то, принявъ въ соображеніе цѣнность всѣхъ этихъ послѣднихъ оборотовъ, можно допустить наименьшую цѣнность (minimum) всемірной торговли 30 билл. фр. Главнѣйшую часть этихъ оборотовъ составляютъ средства продовольствія и сырыя произведенія.

— Мѣры Австрійскаго правительства къ устройству кредитной системы. — Настоящее министерство въ Австріи, принявъ всю настоятельность возстановленія финансовыхъ спосо-

бовъ государства, рѣшилось приступить къ энергическимъ мѣрамъ, прежде заключенія предположеннаго займа 200 м. флориновъ (125 м. р. с.) и продажи желѣзныхъ дорогъ въ Ломбардіи. Министръ финансовъ Брукъ призналъ необходимымъ подворить нѣкоторый порядокъ въ отношеніяхъ государственнаго казначейства въ банку и въ обращеніи монетныхъ знаковъ: ибо не правильность банковыхъ и монетныхъ операцій составляетъ главнѣйшую причину затрудненій Австріи. Австрійскій банкъ, учрежденный въ 1816 г. частными акціонерами, подъ покровительствомъ правительства, имѣлъ главное и первоначальное свое назначеніе — извѣять ихъ обращенія государственныя бумажныя деньги (*банко-цеттлн*), накопленіе и упадокъ которыхъ были самымъ тяжкимъ бременемъ для казны; курсъ ихъ дошелъ до 370 флор. за 100 серебряныхъ флор. Сперва правительство не сдѣлало операцій извѣтія бумажныхъ денегъ изъ обращенія, заимѣною ихъ собственными билетами банка (*банкнотами*), непреимѣнною и вѣдательною для него; статуты банка давали ему совершенно независимое положеніе, а потому акціи банка расходились очень быстро; частныя лица приносили въ банкъ звонкую монету съ большимъ довѣріемъ, предпочитая ей болѣе удобные для обращенія банковые билеты. Всего было выпущено акцій до 1820 г. 73,605; капиталъ банка составлялъ 33,061,000 флор.; а банкнотовъ выпущено на 43,786,000 флор. — проворція весьма выгодная. Извѣстная часть уплаты за акціи могла быть производима *банкоцеттлами*, которые банкъ принималъ по однажды определенному курсу — въ 50% ихъ номинальной или первоначальной цѣны; такимъ образомъ въ концѣ 1819 г. банкъ принималъ *банкоцеттлами* до 30,600,000 фл., въ номинальной ихъ цѣнѣ; эти *банкоцеттлы* поступали изъ банка для уничтоженія въ казну, которая выдавала взаимѣ ихъ банку особыя облигаціи, приносящія 4% въ годъ и постепенно погашавшіяся уластою долга. Но, не остановивъ на этой операціи, правительство въ 1820 г. вѣдвило банку въ обязанность извѣять изъ обращенія всѣ оставшіеся еще въ рукахъ публики *банкоцеттлы* (до 449,713,995 флор.) выкупомъ ихъ *банкнотами*; вѣдота 250 флор. *банкоцеттлелъ* банкъ долженъ былъ выдать 100 фл. *банкнотами*; для этого банкъ долженъ былъ вынудить до 180 милл.

флор. банкнотъ; правительство обязалось дать банку для этой новой операціи 40 милл. флор. звонкою монетою, а остальные 140 милл. флор., по мѣрѣ надобности, облигациями, приносящими 5% и ежегодно погашаемыми. Въ первый годъ принесено было въ банкъ банкнотцетелей для выдѣла на банкноты до 50 милл. флор.; въ слѣдующемъ 1821 г. эта сумма увеличилась, но потомъ постепенно уменьшалась, такъ что съ 1841 г. было выдѣлываемо въ годъ только на 1 милл. флор.; это явленіе совершенно естественно: ибо, съ установленіемъ постояннаго курса банкнотцетелей въ банкѣ и обмѣна ихъ на банкноты, довѣріе къ нимъ въ публикѣ возстановилось. Между тѣмъ безграничный кредитъ, которымъ пользовался банкъ въ публикѣ и который поддерживалъ кредитъ государственный, въ сущности совершенно зависѣлъ отъ состоятельности казны во, вѣзлыхъ ею на себя обязательствахъ въ отношеніи къ банку; казна же исполняла эти обязательства весьма не акуратно, такъ-что, когда возникли политическія замѣшательства 1848 г., всего было выкуплено банкомъ банкнотцетелей на 107,165,000 флор., а казною было уплачено банку въ счетъ этой суммы только 26,633,000 флор., т. е. вычѣтъ не покрытый авансъ банка составлялъ 80,532,000 флор.; промѣ того, сдѣланы были авансы правительству подъ билеты государственнаго казначейства, до 50 милл. флор.; такимъ образомъ казна должна была банку всего 130 милл. флор. т. е. для однихъ лишь операцій своихъ съ казною банкъ выпустилъ билетовъ на сумму въ четыре раза большую своего основнаго складочнаго капитала, простиравшагося до 30 милл.; пропорція выпущенныхъ билетовъ и металлическаго фонда банка постоянно измѣнялась, доходя въ нѣкоторые годы до 1: 10⁴⁵/₁₀₀; въ 1847 г. эта пропорція была 1: 3¹²/₁₀₀. Но публика не знала внутренняго положенія дѣлъ банка и имѣла безпредѣльное къ нему довѣріе; банкноты въ періодъ самой скудной наличности банка не упали въ курсъ. Но какъ крайности весьма близко соприкасаются, такъ и здѣсь слѣпое довѣріе почти мгновенно въ 1848 г. превратилось въ паническій страхъ, не смотря на то, что пропорція выпущенныхъ билетовъ и металлическаго фонда была 1: 3²⁹/₁₀₀. Чтобы остановить страхъ и покрыть свой долгъ банку, правительство отдала ему въ залогъ Эмвиденскіе соляные

промыслы (оцѣненные въ 80 милл. флор.) и до 32 милл. облигаций, запретило вывозъ серебряной и золотой монеты. Но всѣ эти мѣры оказались неэффективными. Банкноты не переставали поступать въ банкъ для обмѣна на деньги: наличный металлическій фондъ постепенно уменьшался и предвидѣлась минута, когда онъ долженъ былъ совершенно истощиться; а въ обращеніи оставалось еще до 200 милл. фр. банкнотовъ. Правительство прибѣгло къ мѣрѣ чрезвычайной: предоставило банку пріостановить обмѣнъ банкнотовъ на звонкую монету, т. е. дало имъ форсированный курсъ. Съ этой минуты начался монетный кризисъ, съ которымъ Австрія борется безуспѣшно до-сихъ-поръ. Предположеніе нынѣшняго министра финансовъ состоятъ въ передачѣ во владѣніе банка недвижимыхъ государственныхъ имуществъ на 150 милл. ф., въ выпускѣ новыхъ акцій на 20 милл. ф. и въ основаніи новаго учрежденія для нормальнаго кредита.

Сюда должны быть отнесены слѣдующія статьи, помѣщенные въ Вѣстникъ Императорскаго Русскаго географическаго Общества (№ 1): *Опытъ изслѣдованія о работахъ, домашней жизни и нравственномъ положеніи рабочихъ классовъ въ Европѣ*, соч. Лепла, Ю. А. Гагемейстера; *Результаты ревизіи во Франціи въ 1851 г.*; *Народонаселеніе Австраліи и Греціи*; *Металлическое производство на земномъ шарѣ и Каменноугольная и жельзная производительность въ Великобританіи.*

Г. С.

VII.

НОВОСТИ И СМЪСЪ.

I.

НОВОСТИ

ПО ЧАСТИ НАУКЪ

МАТЕМАТИЧЕСКИХЪ, ФИЗИЧЕСКИХЪ И ЕСТЕСТВЕННЫХЪ.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ЗЕМНАГО МАГНИТИЗМА (продолженіе). — Хотя не наступило еще то время, когда можно будетъ предложить истинную и общую теорію земнаго магнетизма; однако наши современники послушались приглашенія Галлея собирать матеріалы для этой теоріи. Совѣты и желанія Галлея были поддержаны сперва Бритавскимъ Обществомъ для успѣховъ наукъ, потомъ Обществомъ королевскимъ, давно уже заслужившимъ уважаемый авторитетъ, а наблюденія, необходимыя для проведенія линій всѣхъ трехъ элементовъ магнетизма на всѣхъ доступныхъ мѣстахъ земной поверхности, на сушѣ и на океанахъ, произволялись и производятся при содѣйствіи Англійскаго и другихъ правительствъ. вспомошествованія и одобренія, которыми подкрѣпляются эти наблюденія, не уступаютъ вспомошествованіямъ и одобреніямъ, распространившимъ и усилившимъ изслѣдованія астрономическія. Такая внимательность къ наблюденіямъ магнитнымъ достойна замѣчанія: потому что вообще всѣ заведенія, устроенныя для успѣховъ

Часть XCVI. Отд. VII.

1

физики, не имѣютъ той популярности, какую пользуются астрономическія обсерваторіи, какъ принадлежація наукѣ, которая такъ сказать — подчинила себѣ весь міръ. По этой причинѣ науки, находящіяся еще въ дѣтствѣ, требуютъ особеннаго покровительства ученыхъ обществъ, и ученые общества, относительно земнаго магнетизма, исполняютъ свои обязанности.

На магнитныхъ обсерваторіяхъ наиболѣе занимаются составленіемъ картъ земнаго магнетизма, въ обширныхъ странахъ твердой земной поверхности; что-же касается до картъ еще обширѣйшихъ странъ океановъ, то матеріалы для нихъ собираются Англійскими офицерами, кои снабжены снарядами и, при надобности, инструкціями отъ правительственной комиссіи въ Вулвичѣ. Результаты наблюденій съ 1840 г. до 1854, содержащія многія тысячи данныхъ для опредѣленія склоненій и наклоненій магнитной стрѣлки во многихъ мѣстахъ океана, переданы королевскому Обществу наукъ, какъ желалъ того Галлей. Нѣкоторая часть этихъ результатовъ приведена въ порядокъ, вычислена и помѣщена въ «Philosophical Transactions». Другія ихъ части также не замедлятъ явиться въ свѣтъ, если не воспрепятствуетъ тому недостатокъ средствъ того лица (Сабина), которому предоставлена честь обрабатывать столь обширный предметъ.

Кромѣ морскихъ наблюденій, имѣющихъ главной цѣлю составленіе магнитныхъ картъ, многія ученые экспедиціи занимаются и другими вопросами, относящимися къ земному магнетизму. Мы упоминаемъ о нѣкоторыхъ изъ этихъ экспедицій въ хронологическомъ порядкѣ.

1) Путешествіе автора этой статьи на корабляхъ *Изабелла*, *Гекла*, *Фазанъ* и *Гриперъ*, отъ 1818 до 1822 г. Цѣль ихъ состояла въ подтвержденіи, что точки наибольшей силы магнита въ сѣверномъ полушаріи отличаются отъ тѣхъ точекъ, въ которыхъ наклоненіе $= 90^\circ$, и находятся подъ широтою, которая гораздо южнѣе, до того времени предполагаемой.

2) Путешествіе капитана Дюперре на *Ракомиа*, отъ 1822 до 1825 г., предпринятое для опредѣленія линій склоненія $= 0^\circ$.

3) Путешествія Ганстеена, Эрмана и Дове, отъ 1827 до 1829 г. въ восточную Сибирь, для опредѣленія мѣста слабѣйшаго магнитнаго полюса въ сѣверномъ полушаріи.

4) Экспедиція, отъ 1840 до 1843 г., капитана Джемса Росса на *Эрбуль* и *Терроръ*, и послѣ нея путешествіе капитановъ Мура и Клерка на *Паюль*, для опредѣленія южнаго полюса магнитной силы, и вообще для собранія матеріаловъ, необходимыхъ для магнитныхъ картъ южнаго полушарія.

5) Магнитная триангуляція въ Американскихъ Британскихъ владѣніяхъ, производимая подполковникомъ Лефруа 1843 и 1844 г., для точнаго опредѣленія Американской точки наибольшей магнитной силы, и для ея измѣренія.

6) Магнитная триангуляція въ Индійскомъ архипелагѣ, предпринимаемая инженернымъ капитаномъ Эллиотомъ отъ 1846 до 1850 г., на счетъ Индійской компаніи, для составленія карты трехъ элементовъ магнетизма въ такихъ странахъ, въ которыхъ магнитныя наблюденія никогда не производились.

Къ этимъ экспедиціямъ, которыхъ результаты уже извѣстны, можно присоединить наблюденія Шлагинтвейта (Schlagintweit), въ Индіи, на счетъ также Индійской компаніи, и Фогеля въ сѣверной Африкѣ, на счетъ Англійскаго правительства. Обѣ эти экспедиціи со снарядами, повѣренными въ Вульвичѣ, еще продолжаются.

Но не надобно думать, чтобъ между Галлесемъ и упомянутыми новѣйшими изслѣдованіями не было магнитныхъ наблюденій; или не было ученыхъ, усердно занимавшихся приведеніемъ въ порядокъ и сравненіемъ этихъ наблюденій: въ большемъ трудѣ, подъ названіемъ «Магнетизмъ земли» издаваемомъ въ Христіаніи 1819 г., Ганстеемъ собранъ всѣ наблюденія предшешаго времени и начерталъ карты склоненія для 1600, 1700, 1710, 1720, 1730, 1744, 1756, 1787 и 1800 годовъ, и карты наклоненія для 1600, 1700 и 1780 г. Изъ этихъ картъ желающій можетъ вывести заключенія о вѣковыхъ измѣненіяхъ двухъ элементовъ магнетизма, начиная съ того времени, въ которое были начаты магнитныя наблюденія. Двѣ карты склоненія для 1787 и наклоненія для 1780 г., недавно вновь издашы и сравнены съ картами для 1840 г.; ихъ должно считать исправлѣнными изъ всѣхъ, составленныхъ въ послѣднемъ полу столѣтіи, потому что онѣ способны дать точное понятіе о переизмѣненіяхъ магнетизма въ текущемъ полу столѣтіи.

Въ трудѣ Ганстеена нѣтъ карты третьяго элемента магнетизма, т. е. его силы. Наблюденія надъ этимъ элементомъ начаты Росселемъ и Гумбольдтомъ, въ началѣ текущаго столѣтїа. Первая общая карта линїи одной и той же магнитной силы земли т. е. линїи изодинамическихъ, была издана въ 1837 г. въ *Transactions* Британскаго общества для успѣховъ наукъ полковникомъ Сабиномъ. Изодинамическая карта для 1840 г. есть пересмотрѣнная карта для 1837 г. и съ прибавленїемъ новыхъ наблюденїи. На линїяхъ равной магнитной силы показаны ея величины: 0,9; 1; 0; 1,1, и пр. Эти числа отнесены къ произвольной единицѣ, избранной Гумбольдтомъ, творцемъ многихъ обобщенїи въ физической географїи; онъ предложилъ эту единицу, какъ средство для сравненїа наблюденїи, произведенныхъ въ различныхъ странахъ и различными наблюдателями.

Гумбольдтова единица выражаетъ магнитную силу земли на одной станціи въ южной Америкѣ, на которой великій естественный испытатель наблюдалъ качанїа магнитной стрѣлки, первоначально наблюдаемой въ Парижѣ. На основанїи того извѣстнаго правила, что *магнитныя силы двухъ станцій обратно пропорціональны квадратамъ времени качанїи стрѣлки*, Гумбольдтъ заключилъ, что если за единицу примемъ силу на Американской станціи, то сила въ Парижѣ выразится чрезъ 1, 348. Впрочемъ, надобно помнить, что въ этомъ вычисленїи предполагается неизмѣняемость магнетизма въ стрѣлкѣ, качавшейся въ Америкѣ и въ Парижѣ, — въ чемъ слѣдовало увѣриться качанїемъ той же стрѣлки по ея возвращенїи въ Парижъ изъ Америки. Многія обстоятельства воспрепятствовали произвести такую повѣрку, и потому оставалось нѣкоторое сомнѣнїе въ точности сравненїи магнитной силы въ Парижѣ и въ Америкѣ; но впоследствии доказано, что условїа строгаго сравненїа магнитныхъ силъ могутъ быть удовлетворены однимъ наблюденїемъ Парижскими, опредѣлившими магнитную силу въ Парижѣ числомъ 1,348. Англїйскїа наблюденїа также могутъ быть приняты въ основанїе сравненїи магнитныхъ силъ: потому что въ 1827 г. было произведено точное сравненїе магнитной силы въ Парижѣ и въ Лондонѣ, и найдено, что послѣдняя, выраженная по Гумбольдтовой единицѣ, равняется 1,372. Съ этого времени, два числа 1,348 и 1,372, были употребляемы для

наслѣдованія наблюдений, производимыхъ въ различныхъ мѣстахъ земной поверхности и различными наблюдателями.

Полезь Гумбольдтова способа не подлежитъ сомнѣнью; но въ немъ тотъ существенный недостатокъ, что надобно допускать неизмѣнность магнитной силы въ томъ мѣстѣ, которое принято въ основаніе сравненій; по этому недостатку нельзя сравнивать наблюдений, произведенныхъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, но въ разные времена. Неизмѣнность же магнитной силы, также какъ склоненія и наклоненія магнитной стрѣлки, не существуетъ. Пуассонъ первый показалъ способъ истиннаго измѣренія магнитной силы, — способъ, уничтожающій всѣ затрудненія: но въ сочиненіи Гауса: «Абсолютное измѣреніе земнаго магнетизма», изданномъ въ 1833 г., предложено вполне удовлетворительное средство измѣрять магнитную силу посредствомъ единицъ вѣса, или единицъ линейныхъ. Нынѣ, производя наблюденія въ различныхъ времена, можно уже съ точностью опредѣлять величину вѣковыхъ переизмѣненій въ этой силѣ, и такимъ образомъ, съ умноженіемъ наблюдений, можно надѣяться, что будутъ разрѣшены слѣдующіе важные вопросы: остается ли неизмѣнною магнитная сила земли? Вѣковыя ея измѣненія въ различныхъ мѣстахъ на земной поверхности не представляютъ ли только измѣняющееся распределеніе этой силы по различнымъ мѣстамъ земли, или дѣйствительно магнитная ея сила увеличивается и уменьшается?

Рѣшеніе такихъ вопросовъ требуетъ точныхъ и строгихъ наблюдений, — наблюдений, направленныхъ единственно къ этой цѣли. Но какъ отношенія абсолютныхъ силъ одинаково съ отношеніями силъ относительныхъ, то стоятъ только на одной какой-нибудь станціи опредѣлить отношеніе между двумя единицами, т. е. между единицей произвольной и единицей абсолютной, и тогда числа первой изъ нихъ могутъ быть превращаемы въ числа второй. Съ этою цѣлію были производимы опыты на обсерваторіи въ Торонто и составленъ сравнительный масштабъ, приложенный къ новой изодинамической картѣ.

Выше было замѣчено, что Галлево доказательство о невозможности существованія только двухъ магнитныхъ полюсовъ на землѣ основывается на наблюденіяхъ однихъ склоненій магнитной стрѣлки; впоследствии ту же невозможность подтвердила

карты наклоненій. Въ самомъ дѣлѣ, по гипотезѣ только двухъ магнитныхъ полюсовъ и одной магнитной оси, наклоненной къ оси земли, эти полюсы должны быть въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ наклоненіе $= 90^\circ$, и гдѣ магнитная сила земли имѣетъ наибольшую величину; большой кругъ, находящійся въ равныхъ разстояніяхъ отъ полюсовъ, долженъ быть и линіей наклоненій $= 0^\circ$ и линіей изодинамической, въ каждой точкѣ которой магнитная сила равняется половинѣ наибольшей ея величины; наклоненіе и напряженіе этой силы должны увеличиваться, по мѣрѣ удаленія отъ изодинамической линіи въ ту или другую сторону. Но трудно увѣриться, что эти условія несогласны съ явленіями: стоитъ только прослѣдить за ходомъ наблюденій по какой-нибудь географической параллели, начерченной на изодинамической картѣ, и особенно на картѣ изоклинической или равныхъ наклоненій. Возьмемъ, для примѣра, параллель въ 50° сѣверной широты и сравнимъ ея магнитныя явленія съ гипотезой двухъ полюсовъ. Еслибы эта гипотеза была справедлива, то наибольшее наклоненіе и наибольшую магнитную силу мы нашли бы на пересѣченіи параллели съ какимъ-нибудь меридіаномъ, а наименьшее склоненіе и наименьшую силу — на пересѣченіи той же параллели съ меридіаномъ, отстоящимъ отъ перваго на 180° . Въ то же время, склоненія и магнитная сила уменьшались бы отъ перваго до втораго меридіана. Но изодинамическая карта для 1840 г. показываетъ, что на параллели въ 50° сѣверной широты наибольшая сила, равная 1,86, находится подъ 274° восточной долготы отъ Гринвича; потомъ, идя къ западу, встрѣтимъ наименьшую силу, равную 1,38, на той же параллели подъ восточной долготой въ 168° ; продолжая идти къ западу, мы найдемъ опять наибольшую силу $= 1,60$ около 110° долготы, и опять наименьшую силу $= 1,31$ около 35° долготы. И такъ, симметрическіе изгибы изодинамическихъ линій раздѣляютъ параллель не на двѣ, а на *четыре* части, притомъ на болѣе и на менѣе четырехъ. Двойные изгибы изодинамическихъ линій обнаруживаются слабо съ удаленіемъ отъ магнитныхъ полюсовъ сѣвернаго полушарія или съ приближеніемъ къ экваторіальнымъ странамъ земли, и, напротивъ, эти изгибы становятся яснѣе и яснѣе съ приближеніемъ къ высокимъ географическимъ широтамъ, до

самыхъ тѣхъ мѣсть, въ которыхъ двѣ точки наименьшей силы соединяются между собой, и изодинамическія линіи образуютъ *лемнискату* или кривую линію, похожую на лежащую цифру *восемь* (8), и обвивающую двѣ неравныя площади, внутри которыхъ линіи наибольшей силы представляются овалами, описанными около двухъ центровъ неравныхъ напряженій земной магнитности. Такимъ же образомъ изоклиническая карта для 1840 г. показываетъ, что географическая параллель въ 50° раздѣляется на четыре магнитныя отрѣзка наибольшихъ наклоненій около 120 и 285° , и наименьшихъ около 50° и 180° восточной долготы, и что двойная кривизна открывается явственно также съ приближеніемъ къ высшимъ широтамъ; слѣдственно вѣроятно, что изоклиническія линіи образуютъ также лемнискату въ странахъ, лежащихъ внутри арктическаго круга, и еще до-сихъ-поръ недостаточно исследованныхъ.

Еслибы мы имѣли карту изодинамическихъ линій времени Галлея, или еслибы то время и ему предшешее оставили намъ надежныя наблюденія, подобныя тѣмъ, по которымъ Гаустеевъ составилъ карту склопеній для 1610 г.; то мы могли бы позволить себѣ сдѣлать заключеніе о вѣковыхъ перемѣнахъ въ элементахъ земнаго магнетизма. Но для графическаго изображенія этихъ перемѣнъ, мы можемъ основаться только на наблюденіяхъ склопенія и на весьма немногихъ наблюденіяхъ наклоненія, считавшихся прежде неважными до половины и конца XVII вѣка. И такъ, занимающіеся нынѣ магнетизмомъ земли находятся въ томъ положеніи, въ какомъ находился Галлей, т. е. всѣ ихъ труды должны быть ограничены только собраніемъ надежныхъ наблюденій, которыя составили бы полную исторію современнаго состоянія земнаго магнетизма, и послужили бы основаніемъ для полной и математической его теоріи.

Мы сказали уже, что исследованія о положеніяхъ четырехъ магнитныхъ полюсовъ были предметомъ экспедицій, одной — на счетъ Норвежскаго правительства, и трехъ — на счетъ Англійскаго. Положеніе слабѣйшаго полюса сѣвернаго полушарія определено весьма приближительно Гаустеемомъ, Эрманомъ и Дюамомъ по мѣстамъ его на меридіанѣ, проходящемъ чрезъ 120° восточной долготы, и нашли, что въ немъ сила магнетизма рав-

яется почти 1,76 произвольной единицы, или почти 13,3 абсолютной Английской единицы. Что же касается до положенія сильнѣйшаго полюса того же полушарія, то оно опредѣляется магнитной триангуляціею подполковника Дефруа, въ 1843 и 1844 г., въ Английскихъ владѣніяхъ въ сѣверной Америкѣ: широта этого полюса $= 52^{\circ} 19'$, а восточная долгота $= 268^{\circ}$. Напряженіе магнитной силы въ томъ же мѣстѣ $= 1,88$ по единицѣ произвольной, или 14,2 по единицѣ абсолютной. В такъ отношеніе напряженій въ обомъ полюсахъ есть 14,2 къ 13,3, или какъ 1,07 къ 1. и это отношеніе можно считать приблизительною мѣрою ихъ относительнаго дѣйствія, и отношенія между діаметрами сферъ этого дѣйствія. Перемѣщеніе по долготѣ сильнѣйшаго полюса кажется весьма незначительнымъ: потому что Галлей полагалъ его почти подъ меридіаномъ, плавающимъ чрезъ средину Калифорніи; но полюсъ слабѣйшій, находящійся вышѣ въ Сибири, по вычисленіямъ Галлея, былъ близъ меридіана Британскихъ острововъ; слѣдственно онъ перемѣстился на большее разстояніе отъ своего прежняго мѣста. Притомъ, если примемъ теорію Галлея, то найдемъ, что настоящее расположеніе линій склоненія весьма согласуется съ этимъ перемѣщеніемъ. Восточное склоненіе, наблюдаемое въ Англій около средины XVII столѣтія, которое привело Галлея къ заключенію о существованіи полюса къ востоку отъ нашего меридіана, встрѣчается нынѣ въ Сибири около 80° восточной долготы. Обратившись къ картамъ Гаустеена, относящимся ко времени между Галлеемъ и 1840 г., увидимъ въ дѣйствительности постепеннаго перемѣщенія полюса, и всегда по одному направленію. Наклоненіе, которое въ 1670 г. въ Лондонѣ $= 75^{\circ}$ или 76° , также не переставало уменьшаться до настоящей величины $68^{\circ} 30'$ и это постепенное уменьшеніе опять подтверждаетъ удаленіе полюса отъ нашего меридіана. Въ 1670 г., линія изоклиническая или равныхъ наклоненій должны понижаться къ экватору болѣе, нежели къ наше время; а какъ онѣ достигли уже наибольшаго пониженія близъ 120° долготы, и какъ къ востоку отъ этого меридіана наклоненіе начало увеличиваться: то надобно думать, что полюсъ принимаетъ обратное движеніе. Годичное уменьшеніе наклоненія къ Лондонѣ, начиная отъ 1670, было, кажется, не

равноѣрнымъ; сперва оно уменьшалось быстро, а потомъ медленно. Въ новой запискѣ, представленной въ Копенгагенское королевское общество наукъ, Ганстеенъ обратилъ вниманіе на явленія, свидѣющія связь съ ъѣковыми переѣвными наклоненія въ Европѣ, особенное же на замедленіе въ его уменьшеніи. Въ Англіи это замедленіе кажется равноѣрнымъ, по-крайней-мѣрѣ такъ можно заключать изъ наблюденій 1821, 1838 и 1854 г. Эта равноѣрность, вѣроятно, зависитъ отъ того, что Англія западнѣе магнитнаго полюса.

Антарктическія экспедиціи Росса, Мура и Клерка объяснили намъ расположеніе линій всѣхъ трехъ элементовъ магнетизма въ южномъ полушаріи, и съ такой точностью, что немного остается желать, по-крайней-мѣрѣ для странъ, доступныхъ для мореплавателей. Данные, полученныя отъ этихъ экспедицій, ясно и несомнѣнно доказываютъ существованіе двухъ южныхъ магнитныхъ полюсовъ. Сравнивъ настоящее распрежденіе магнитной силы въ южномъ полушаріи съ ея распреденіемъ во время Галлея, находимъ, что сильнѣйшій южный полюсъ лежитъ на меридіанѣ 134° восточной долготы, къ югу отъ новой Голландіи, и что прежде его мѣсто почти не переѣвнялось, т. е. онъ остался почти тамъ же, гдѣ помѣстилъ его Галлей; напротивъ, полюсъ слабѣйшій, который, по Галлею, былъ въ 20° къ западу отъ Магелланова пролива и почти въ 250° къ востоку отъ Гринича, подвинулся нынѣ на 30° или 40° къ западу отъ того же самаго пролива. Такое переѣвщеніе слабѣйшаго полюса усматриваемъ и на картахъ Ганстеена, которыя сверхъ того показываютъ, что оно происходило постепенно. Въ южномъ полушаріи, также какъ къ сѣверномъ, полюсъ наибольшей магнитной силы находится не въ той точкѣ, гдѣ наклоненіе $= 90^{\circ}$, отъ земнаго полюса въ такомъ отдѣленіи, которое нельзя было и предполагать, пока не сдѣлалось извѣстнымъ положеніе такого же полюса къ сѣверномъ полушаріи. Наблюденія Эребуса и Террора, въ 1841, назначаютъ этотъ полюсъ немного сѣвернѣе антарктическаго круга. По тѣмъ же наблюденіямъ, наибольшая величина напряженія магнетизма въ южномъ полушаріи кажется больше, нежели въ сѣверномъ, — что, безъ сомнѣнія, зависитъ отъ меньшаго разстоянія между южными полюсами, нежели сѣвер-

выни. Между южными полюсами расстояние меньше 90° , а между сѣверными болѣе 150° .

ПАЛЕОНТОЛОГИЧЕСКАЯ НАХОДКА. — Албертъ Голри, въ Парижской академіи наукъ, 4 Августа, читалъ слѣдующую краткую, но любопытную записку объ ископаемыхъ костяхъ, найденныхъ по разрытіи горы Пикерми, въ Аттікѣ. Разрытіе производилось по желанію академіи.

•Нѣмѣмъ честь представить академіи самыя любопытныя предметы изъ вырытыхъ нами изъ Пикерми. Возвратясь во Францію, мы признали, что эти остатки принадлежали слѣдующимъ животнымъ:

•*Somporithesus Pentelicum*. Въ Парижскомъ музеѣ собраніе остатковъ обезьянъ весьма не полно; мы собрали ихъ весьма много; по представляемымъ образцамъ, академія можетъ судить о важности нашего пріобрѣтенія, въ которомъ находятся цѣлыя головы и многія части остововъ. Два ученые естествоиспытателя изъ Мюнхена предполагали, что эти кости принадлежали такому роду, который уже не существуетъ, натуралистамъ совѣсть не вѣдѣтельна; они хотѣли придумать для него новое названіе. Но по множеству собранныхъ нами костей, можно заключить, что обезьяны Пикерми относились къ роду еще живущему, къ *семнопомеикамъ*. Мы также не соглашаемся съ учеными профессорами Вагнеромъ и Ротомъ, которые думаютъ, что на Пикерми жили два рода обезьянъ: большая разность въ размѣрахъ костей доказываетъ только то, что онѣ принадлежали различнымъ поламъ.

•*Macrotherium Pentelicum*. Кювье, взглянувъ на одну кость, заключилъ о существованіи гигантскаго животнаго, близкаго къ *наполюламъ*. Но открытія, сдѣланныя послѣ Кювье, заставляютъ насъ думать, что оно ближе къ гѣвизцамъ, нежели къ понголикамъ. Въ Пикерми мы нашли множество остатковъ этого животнаго; его необыкновенная форма отличается отъ всѣхъ вышешнихъ естественныхъ формъ. Судя по зубамъ, *макροτερίумъ* искалъ пищу на деревьяхъ. Греческій *макροτερίумъ* былъ ростомъ съ большаго слона. Способъ сочлененія его пальцевъ, во-

оруженныхъ огромными и постоянно согнутыми когтями, не позволяла ему рыть землю. Рассмотрѣніе этихъ пальцевъ приводитъ къ заключенію, что нашъ лѣвенецъ употреблялъ ихъ для того, чтобы цѣпаться по толстымъ древеснымъ стѣбкамъ. Если *Макротеріумъ* полагалъ по деревьямъ, то каковы должны быть тѣ деревья, на которыхъ онъ искалъ себѣ пищу? Притомъ, съ его костями мы нашли кости дикотеріумовъ и мастодонтовъ: по этому можно вообразить, какая удивительная растительность покрывала землю Греція, нынѣ бесплодную и обнаженную.

Thalassictis robusta. Этотъ родъ представляетъ тотъ замѣчательный характеръ, что его зубы подобны зубамъ гіенны, — признакъ, подтверждающій истиннѣе одного изъ знаменитыхъ натуралистовъ, полагавшаго, что исчезнувшія породы животныхъ связывали тѣ еще живущіе роды, между которыми замѣчаютъ нынѣ промежутки.

- Умалчиваетъ о кабанахъ, о разныхъ плотоядныхъ, мастодонтахъ, носорогахъ; дикобразахъ, козахъ, антилопахъ и гиппарионахъ, близкихъ къ лошади; ихъ остатковъ собрано множество.

- Ископаемые остатки жирафы весьма рѣдки; мы нашли большое ихъ число, изъ коихъ нѣкоторые доказываютъ существованіе жирафы необыкновенно большого роста.

- Въ другой запискѣ мы предложимъ причины, заставляющія насъ отнести ископаемыхъ животныхъ Пикерми къ предпоследнему и послѣднему третичному періоду земнаго шара. *Макротеріумы* и другія гигантскія животныя заставляютъ предполагать, что въ Греціи были обширныя пространства, покрытыя растительностью; жирафы же, антилопы и гиппарионы требовали неизмѣримыхъ долинъ тамъ, гдѣ нынѣ существуетъ тѣсный клочекъ земли, называемый Греціею. И такъ надобно думать, что сперва море уступило мѣсто суши, на которой жило такое множество животныхъ, а потомъ большая часть этой суши погрузилась въ море.

ОПЫТЫ И ТЕОРЕТИЧЕСКІЯ ИССЛѢДОВАНІЯ О ФОРМѢ ИИДКОЙ МАССЫ, ОСВОБОЖДЕННОЙ ОТЪ ДѢЙСТВА ТЯЖЕСТИ. (Извлечено изъ двухъ записокъ

Плато). Известно, что жидкость, находящаяся въ покоѣ, имѣетъ поверхность плоскую и горизонтальную, кромѣ ея краевъ при стѣнахъ сосуда; эта форма происходитъ отъ дѣйствія тяжести, и въ тѣсныхъ пространствахъ она измѣняется различно: потому что тогда молекулярное притяженіе становится ощутительнымъ относительно тяжести; при большихъ поверхностяхъ, поднимаются только края жидкости, при малыхъ же — она дѣлается выпуклой или вогнутою, какъ въ волосныхъ трубкахъ; частица воды, висѣщая на твердомъ тѣлѣ, шарообразна, и пр. И такъ понятно, что жидкость, освобожденная отъ дѣйствія тяжести, можетъ принимать различныя формы. Это доказывается и вычисленіемъ. Если въ формулѣ, выражающей условія равновѣсія жидкости въ волосныхъ трубкахъ, предположимъ тяжесть = 0; то формула превратится въ

$$\frac{1}{R} + \frac{1}{R'} = C,$$

гдѣ R и R' выражаютъ наибольшій и наименьшій радіусы кривизны въ одной и той же точкѣ поверхности, а C — постоянное, которое можетъ быть количествомъ положительнымъ и отрицательнымъ. Это уравненіе показываетъ, что сумма двухъ кривизвъ одинакова во всѣхъ точкахъ поверхности, и потому поверхность можетъ имѣть различныя виды. На примѣръ, очевидно, что она можетъ быть сферической: потому что въ ней всѣ радіусы кривизны равны между собою; — цилиндромъ вращенія, когда R постоянно, а R' бесконечно, — плоскостью, если R и R' вездѣ бесконечны; а какъ въ уравненіи вѣтъ условій, опредѣляющихъ положеніе этой плоскости, то для нея возможны положенія горизонтальное, вертикальное и всякое наклоненное.

Чтобъ освободить жидкость отъ дѣйствія тяжести и предоставить ее въ полную волю другимъ силамъ, надобно составить смѣсь изъ воды и виннаго спирта, которой плотность равнялась бы плотности оливковаго масла; когда прибавимъ къ ней этого самаго масла, тогда одна масса будетъ содержаться въ другой, и внутренняя освободится отъ дѣйствія тяжести. Смѣсь воды со спиртомъ и масломъ должно заключить въ стеклянный

сосудъ, оправленный металлическими четырехугольными рамками; сивовъ плоскія стекла фигура жидкости представляется въ собственной своей формѣ.

Положимъ, напримѣръ, что желаемъ изъ жидкости образовать сферу. Оставьте масло свободнымъ въ смѣси; тогда увидите сферу совершенно правильную.

Хотите ли образовать цилиндръ? помѣстите въ сосудъ два тонкіе желѣзные кружка равныхъ діаметровъ, и въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго; они послужатъ основаніями для праваго цилиндра; ихъ поверхности покройте масломъ въ такомъ количествѣ, которое было бы гораздо болѣе объема предполагаемаго цилиндра; потомъ масло извлеките посредствомъ стекляннаго насоса, или вмѣсто того увеличьте разстояніе между основаніями, и увеличивайте его до тѣхъ поръ, пока не увидите цилиндра. Въ этомъ опытѣ, кружки можно закрѣпить кольцами изъ желѣзной проволоки. Плато составлялъ цилиндры, нѣвышше 7 центиметровъ въ діаметрѣ и 14 въ высотѣ.

Если захотите имѣть жидкіи многогранникъ, то помѣстите въ сосудѣ карнасъ изъ желѣзной проволоки, которую надобно изогнуть такъ, чтобы она представляла ребра многогранника; потомъ прицѣпите къ нему опять масла болѣе, нежели сколько нужно для образованія многогранника, и малюшекъ масла извлекайте насосомъ до тѣхъ поръ, пока не явятся совершенно плоскія стороны. Плато составлялъ кубы, призмы, и пр.; ребра кубовъ были данною въ 7 центиметровъ.

Плато замѣчаетъ, что такіе опыты очень просты; но для полнаго успѣха, надобно устранять двѣ причины, помѣшающія однородность смѣси воды съ виннымъ спиртомъ; онѣ суть: небольшое взаимное химическое дѣйствіе между этими веществами и перемены температуры. Въ запискахъ Плато находятся подробности о средствахъ уничтожать обѣ возмущающія причины, описаніе сварядовъ и даже описаніе манипуляцій.

Кромѣ сферы, всѣ описанныя формы жидкости требуютъ твердыхъ частей, къ которымъ прицѣпилось бы масло; эти части необходимы для того, чтобы поверхность жидкости проходила по контуру. Напримѣръ, поверхность цилиндра опирается на окружности двухъ кружковъ. Въ разстояніи же нева-

чительною, на которомъ прекращается притяженіе твердыхъ частей, свободная поверхность жидкости повинуется уже только однимъ собственнымъ силамъ, и образуемая форма непременно должна принадлежать къ формамъ, выражаемымъ вышеприведеннымъ уравненіемъ. Но какъ свободное образованіе формы останавливается твердымъ контуромъ, то эта форма не бываетъ полною; надобно вообразить, что свободная поверхность продолжается за контуры. Дѣйствительно, въ математическомъ смыслѣ, цилиндрическая поверхность простирается въ безконечность вдоль ея оси, и потому цилиндры, образуемые при опытахъ, суть только части полной фигуры; то же самое должно разумѣть о плоскихъ сторонахъ многогранниковъ.

Наибѣяя форму и расположенія твердыхъ частей, можно сообщать жидкости равнообразныя виды. Къ этому замѣчанію Плато прибавляетъ: «Я сказалъ, что общее условіе, которому подлежитъ свободная поверхность жидкости, выводится изъ теоріи волосныхъ трубокъ, и дѣйствительно, въ моихъ опытахъ нѣтъ другихъ силъ, кромѣ взаимнаго притяженія частицъ жидкости, и притяженія этихъ частицъ къ твердымъ контурамъ; въ волосныхъ же трубкахъ дѣйствуютъ тѣ же самыя силы съ присоединеніемъ къ нимъ тяжести, которая ограничиваетъ поверхность тѣснымъ пространствомъ. Отсюда слѣдуетъ: 1) Мои опыты представляютъ тѣ же самыя явленія въ большихъ размѣрахъ, которыя, по малости своей, названы *капиллярными*. 2) Извѣстно, что уравненія капиллярныхъ поверхностей состоятъ изъ радиусовъ главныхъ кривизнъ и изъ другихъ количествъ; если въ этихъ уравненіяхъ предположимъ тяжесть $= 0$, то должны выйти фигуры, образующіяся при моихъ опытахъ. Извѣстно также, что для объясненія смысла тѣхъ же уравненій, превращаютъ ихъ въ выраженія дифференціальныя, замѣняя радиусы R и R' ихъ общими величинами; но эти выраженія можно интегрировать только по способамъ приближенія. Отсюда происходитъ невозможность строгаго объясненія, и чрезвычайная малость поверхностей представляетъ затрудненія въ ихъ изслѣденіи, почему до сихъ поръ теорія капиллярности еще не повѣрена удовлетворительными опытами. Но когда уничтожится стѣснительное дѣйствіе тяжести, тогда, какъ видно изъ приве-

денныхъ пригѣровъ, поверхности обнаруживаются явственно. Сверхъ того, дифференціальное выраженіе, выходящее отъ предположенія тяжести $= 0$, интегрируется во многихъ случаяхъ, о поверхностяхъ получаемъ точное понятіе и можемъ измѣрять ихъ безъ труда. И такъ, мои опыты допускаютъ множество неожиданныхъ подтвержденій теоріи капиллярности. 3) Многие геометры занимались поверхностями, которыхъ средняя кривизна постоянна: уравненія моихъ фигуръ въ равновѣсіи тождественны съ уравненіями этихъ поверхностей. И такъ, поверхности, которыхъ средняя кривизна одна и та же во всѣхъ точкахъ, суть поверхности моихъ фигуръ, принадлежащихъ жидкой массѣ, освобожденной отъ тяжести и находящейся въ покоѣ. Такимъ образомъ онѣ входятъ въ область чистой математики и мои опыты сообщаютъ имъ физическое существованіе. Наконецъ 4) полученные мною результаты могутъ быть приложены къ объясненію многихъ явленій, — именно тѣхъ, которые, казалось, не имѣли связи съ капиллярностью и оставались не объясненными, или объясненія ихъ были неудовлетворительны.

Послѣ этихъ замѣчаній, Плато приступаетъ къ разсмотрѣнію особенныхъ явленій; ограничиваясь наиболее достойными вниманія.

Если, по образованіи жидкаго многогранника, къ одной его сторонѣ приставимъ стеклянный насосъ и будемъ извлекать изъ него масло: то всѣ стороны прорвутся въ одно время, а жидкость не отдѣлится отъ проволокъ каркаса; продолжая извлекать масло, фигура превратится въ собраніе тонкихъ жидкихъ пластинокъ, правильно расположенныхъ и начинающихся отъ одной изъ проволокъ; въ среднѣ же ихъ образуется прибавочная пластинка. Кубъ, наприимѣръ, превращается въ двѣнадцать пластинокъ, начинающихся отъ двѣнадцати проволокъ и соединяющихся съ средней прямоугольной пластинкой.

При образованіи цилиндра, металлическіе кружки можно замѣнить кольцами: тогда и основанія цилиндра будутъ жидкіе; но они не будутъ уже плоскія, а выпуклыя, отрѣзки сферъ. Эта форма согласна съ теоріею, и отрѣзки принадлежатъ сферамъ, которыхъ радіусы вдвое болѣе радіуса цилиндра. И такъ, зная радіусъ цилиндра, можно вычислить высоты отрѣзковъ, а по-

томъ измѣрить ихъ посредствомъ Гей-Люссакова катетометра. Плато проводилъ такую повѣрку на цилиндрѣ, котораго радиусъ = 35,7, и послѣ поправки вычисленія, предполагающаго проволоки безконечно-тонкими, нашелъ, что высота отрезкомъ равняется 9,41; но измѣреніи же катетометровъ въ одномъ опытѣ, онъ нашелъ 9,50, въ другомъ же 9,61. Разности между теоріей и опытами, безъ сомнѣнія, уничтожились бы, еслибы — говорить Плато — «я старательнѣе уничтожилъ вліаніе возмущающихъ причинъ».

Размѣры сосуда не позволяли Плато образовать цилиндры, которыхъ длины были бы болѣе 14 центиметровъ, а діаметры болѣе 7 центиметровъ; но, желая получить цилиндры, въ которыхъ длины имѣли бы бѣльшія отношенія къ радиусамъ, онъ употребилъ весьма малые кружки, и замѣтилъ слѣдующія явленія. Жидкій цилиндръ сохранялъ свою форму, когда отношеніе между его длиною и радиусомъ не выходило изъ предѣловъ, содержащихся между числами 3 и 3,6. Посредствомъ особенныхъ механическихъ приемовъ, Плато удалось образовать цилиндръ, въ которомъ упомянутое отношеніе = 3,6: но этотъ цилиндръ былъ непроченъ: чрезъ нѣсколько мгновеній онъ началъ сжиматься въ одной своей части, въ другой же расширяться, и наконецъ раздѣлялся на двѣ части. Когда отношеніе между длиною и радиусомъ превосходило 3,6, тогда никакими приемами нельзя было составить цилиндра. Когда же удавалось составлять длинные цилиндры, тогда они мгновенно превращались въ рядъ отдѣльныхъ шариковъ, равныхъ діаметровъ, раздѣленныхъ равными разстояніями, въ которыхъ центры располагались по оси цилиндровъ; между этими шариками образовались еще меньшіе и также лежащіе на оси цилиндра. Для производства этого опыта, на горизонтальную стеклянную пластинку полагался сперва шарикъ ртути; къ противоположнымъ его сторонамъ приставлялись двѣ мѣдныя проволоки, которыхъ діаметръ былъ въ 3 или 6 разъ менѣе діаметра шарика; потомъ посредствомъ двухъ длинныхъ пластинокъ изъ того же стекла, шарикъ сжимался, растягивался къ противоположнымъ концамъ проволокъ, и приставалъ къ нимъ; раздвигая проволоки, можно ртутный шарикъ превратить въ жидкую нить, которой діаметръ равнялся діаметру проволокъ. Если этотъ діам-

метръ не болѣе 1 или 2 миллиметровъ , то ртутная проволока или нить превращается въ геометрической цилиндръ, сохраняющій свою форму до тѣхъ поръ , пока онъ находится между стеклянными пластинками ; по отнятіи ихъ , изъ цилиндра тотчасъ образуются шарики.

Многіе опыты показали, что превращеніе жидкихъ цилиндровъ происходитъ по двумъ опредѣленнымъ законамъ. Чтобы выразить эти законы съ надлежащею точностью, Плато каждую часть цилиндра, изъ которой образуется шарикъ, называетъ *отдѣленіемъ*, и потомъ говоритъ : 1) Два цилиндра различныхъ діаметровъ, но изъ одной жидкости, раздѣляются такъ, что длины отдѣленій относятся какъ діаметры цилиндровъ. 2) Если цилиндры составлены изъ ртути, то времена, содержащіяся между ихъ образованіемъ и разрывомъ, пропорціональны ихъ діаметрамъ. Потомъ онъ прибавляетъ : «вѣроятно, что этотъ законъ распространяется и на другія неклеякія жидкости, какова, напримѣръ, вода».

Описанныя явленія и законы преобразованія цилиндровъ могутъ служить для объясненія превращенія проволокъ въ шарики, когда онѣ плаваютъ электрическими искрами или электрическими токами : потому что проволоки, въ моментъ плавленія, представляютъ также жидкіе цилиндры, имѣвшіе весьма большія длины относительно своихъ діаметровъ. Но вотъ важнѣйшее приложеніе этихъ явленій, — приложеніе къ объясненію устройства струи, вытекающей изъ круглаго отверстія.

Приступая къ этому объясненію, Плато называетъ *образовательными силами* (*forces figuratrices*) тѣ молекулярныя силы, которыя, приходя въ равновѣсіе, сообщаютъ жидкости опредѣленную фигуру. Поэтому силы, превращающія цилиндръ въ сферы, суть силы образовательныя : потому что явленіе состоитъ въ переходѣ отъ одной къ другой фигурѣ равновѣсія.

Теперь, пусть струя жидкости будетъ вытекать, отъ дѣйствія тяжести, изъ круглаго отверстія, сдѣланнаго въ тонкомъ горизонтальномъ днѣ какого-нибудь сосуда. Извѣстно, что части жидкости, притекающія со всѣхъ сторонъ къ отверстию, сохраняютъ свои наклоненныя направленія и по выходѣ изъ него; отъ этого струя сжимается отъ самаго отверстія до такъ-называема-

го сѣченія сжатія, находящагося въ весьма маломъ разстояніи отъ дна сосуда. Дошедши до этого сѣченія, всѣ частицы струи начинаютъ принимать общее вертикальное направленіе со скоростью, соответствующею высотѣ жидкости въ сосудѣ, а сверхъ того каждая изъ нихъ подлежитъ дѣйствію собственной тяжести. Отъ этого, при кругломъ отверстіи и начиная отъ упомянутого сѣченія, въ струѣ обнаруживается стремленіе принять форму цилиндра; но эта форма измѣняется приращеніемъ скорости ея движенья отъ дѣйствія тяжести, и діаметръ струи постепенно уменьшается съ удаленіемъ отъ сѣченія сжатія.

Еслибы въ этомъ явленіи участвовали только описанныя силы, то струя только бы становилась тонѣе и тонѣе, и не теряла бы своей прозрачности и не разрывалась бы; но изъ опытовъ Плато слѣдуетъ, что жидкость, принявъ форму растянутаго и тонкаго цилиндра, должна превратиться въ отдѣльные шарики, расположенные вдоль его оси, не смотря на дѣйствіе тяжести: потому что во время свободнаго паденія жидкости тяжесть нисколько не препятствуетъ силамъ молекулярнымъ; слѣдственно образовательныя силы дѣйствуютъ свободно, какъ бы жидкость не подлежала тяжести и остается въ покоѣ, — что въ самомъ дѣлѣ видимъ въ капляхъ дождя. Но чтобы такое теоретическое заключеніе имѣло полный вѣсъ, частицы жидкости должны имѣть одну скорость, — условіе, которое хотя въ разсматриваемомъ здѣсь явленіи не выполняется, однако разность скоростей незначительна и не можетъ совершенно остановить дѣйствіе силъ образовательныхъ, и жидкость наконецъ непремѣнно бы раздѣлилась на шарики, если бы струя не возобновлялась безпрестанно. И такъ истекающая струя безпрестанно изъ цилиндра превращается въ шарики, и обратно — изъ шариковъ въ цилиндръ. Еслибы эти превращенія совершались медленно, то мы замѣтили бы ихъ простыми глазами.

ПРИСТАИИ (*). — Отличительный характеръ ученаго поприща Пристлея состоитъ въ томъ, что онъ старался точно опредѣлить отношенія своихъ опытовъ къ жизни растеній и животныхъ. Не

(*). Этотъ любопытный историческій отрывокъ заимствуемъ изъ превосходнаго Шеврёлева разбора «Исслѣдованій о растеніяхъ» Жоржа Виллад.

ожидая противорѣчій, можно сказать, что никто болѣе его не дѣлалъ опытовъ, не теряя изъ вида ихъ приложенія къ предметамъ, которые казались ему полезными для общества. Такимъ образомъ, съ самаго начала своихъ ученыхъ занятій, Пристлей старался узнать дѣйствіе газовъ на всѣ живущія существа, и потому предложилъ вопросъ, который могъ родиться только въ умѣ оригинальномъ.

Одна только часть воздуха можетъ поддерживать дыханіе челоуѣка и животныхъ; горѣніе, производящее тепло и свѣтъ, портитъ атмосферу такъ же, какъ дыханіе животныхъ: почему же ова всегда остается способною для поддержанія жизни и горѣнія? Этотъ великій вопросъ задалъ себѣ Пристлей при самомъ началѣ своихъ физико-химическихъ изслѣдованій, и, рассматривая его, обнаружилъ умъ, волю и оригинальный и самостоятельный.

Но откуда оставимъ этотъ вопросъ и поговоримъ о трудахъ Пристлея, не относящихся прямо къ нему; мы должны это сдѣлать потому, что вопросъ долго занималъ умъ Пристлея и вызвалъ множество изслѣдованій его современниковъ, особенно Нингенгуса и Сенебье.

Познаніе дѣйствій газовъ на дыханіе Пристлей считалъ столь важнымъ, что какъ скоро открывалъ новый газъ, тотчасъ подвергалъ его опытамъ, для опредѣленія его свойствъ относительно жизни животныхъ. Онъ наполнялъ газомъ стеклянный колоколь и сажалъ въ него животное, обыкновенно мышшь. Такимъ образомъ, онъ открылъ *воздухъ селитряный* (двуокисель азота), котораго существованіе уже провидѣлъ Галесъ, и, замѣтивъ *удушающую парь*, поглощаемую водою, и который является при соприкосновеніи *селитрянаго воздуха* съ воздухомъ обыкновеннымъ, онъ справедливо началъ подозревать, что происходитъ реакція между новымъ газомъ и частию атмосферы, способною для дыханія, и потому онъ измѣрилъ то количество этого газа, которое можетъ изъ опредѣленнаго объема воздуха атмосфернаго поглотить его часть, способную для дыханія. Итакъ, Пристлей первый составилъ идею объ *Эдіометрѣ*, и привелъ ее въ исполненіе посредствомъ *воздуха селитрянаго*. Послѣ того Лав-

дриади и Фонтана придумали трубки съ дѣленіями, называемыя *эвдиометрами Ландриани или Фонтаны*.

Воздухъ селитряный употребилъ Пристлей для опредѣленія свойства воздуха, содержащагося въ пустотахъ многихъ растений, какъ на-примѣръ, въ стебляхъ лука и въ стручкахъ пузырнаго дерева (*baguenaudier*). Воздухъ, извлеченный изъ лука, показался ему чистымъ атмосфернымъ, а изъ стручковъ пузырнаго дерева — менѣе чистымъ. Наконецъ онъ открылъ, что водоросли (*fucus*) содержатъ воздухъ, гораздо чище атмосфернаго.

Пристлей нашелъ, что *селитряный воздухъ* умерщвляетъ и растенія и животныхъ. Послѣ того онъ узналъ, что *воздухъ постоляный* (газъ углекислый) противодѣйствуетъ автонову огню, и потому въ немъ сохраняются и плоды и молоко; но въ *воздухъ селитряномъ* онъ открылъ то же свойство въ высшей степени. Отъ его наблюдательности не скрылось и то, что *селитроватыя пары* сгущаютъ масло, — наблюденіе совершенно точное.

Подвергая растенія дѣйствию различныхъ газовъ, Пристлей первый началъ опыты, которые нынѣ продолжаются для познанія экономіи растеній.

Пристлей замѣтилъ, что растенія не могутъ жить въ атмосферѣ *постолянаго воздуха*; они умираютъ даже и въ томъ случаѣ, когда ихъ корни бывають опущены въ воду, насыщенную этимъ воздухомъ.

Смѣсь изъ 2 объемовъ воздуха обыкновеннаго и одного объема *воздуха постолянаго*, и смѣсь изъ равныхъ объемовъ воздуха обыкновеннаго и *воздуха горючаго* (водорода) умерщвляютъ растенія. Этотъ опытъ, доказывающій, что для растеній *горючій газъ* менѣе опасенъ, нежели *воздухъ постоляный*, согласенъ съ наблюденіями, показавшими, что растенія могутъ расти, по-крайней-мѣрѣ въ некоторое время, въ газѣ *водородномъ*. Кроме того, Пристлей замѣтилъ, что *воздухъ испорченный* (газомъ азотнымъ) способенъ для прозябенія, нежели воздухъ обыкновенный. Наконецъ, Пристлей первый открылъ, что растенія поглощаютъ *газъ азотный*. Опытъ свои онъ производилъ надъ *epilobium hirs.* Наблюдая его подъ стекляннымъ колоколомъ съ обыкновеннымъ воздухомъ, Пристлей замѣтилъ, что объемъ этого воздуха уменьшается болѣе, нежели сколько бы

онъ уменьшился отъ поглощенія растеніемъ *воздуха дефлостимированнаго* (оксигена); слѣдственно растеніе должно поглощать *воздухъ флостимированный* (азотъ). Въмѣстѣ съ тѣмъ Пристлей увѣрился, что *воздухъ дефлостимированный* для растеній менѣе полезенъ, нежели *воздухъ атмосферный*.

Составивъ идею объ эвдиометрѣ, Пристлей не могъ не заняться дѣйствіемъ газовъ на животныхъ, и найдши, что *воздухъ дефлостимированный* способенъ поддерживать жизнь животныхъ долѣе *воздуха обыкновеннаго*, онъ не заключилъ, что это преимущество перваго воздуха предъ вторымъ есть абсолютное; напротивъ, онъ принялъ во вниманіе, что его опыты продолжались нѣсколько часовъ; а еслибъ животное живо постоянно и продолжительно въ *воздухъ дефлостимированный*, то онъ поглотилъ бы изъ крови весь *флостимонъ* и тѣмъ умертвилъ бы животное. Заключение совершенно справедливое.

По наблюденіямъ Пристлея, маленькія рыбы не только умираютъ въ водѣ отъ *воздуха постояннаго*, но даже онѣ портятъ *воздухъ обыкновенный*, содержащійся между частицами воды, т. е. рыбы, также какъ животныя, живущія на сушѣ, выдыхаютъ *воздухъ постоянный*.

Пристлей не ограничился описанными опытами надъ газами; онъ желалъ знать, не можно ли ихъ употреблять, какъ средства терапевтическія. Такимъ образомъ, онъ совѣтовалъ пользоваться водою, напитанною *постояннымъ воздухомъ*, во всѣхъ тѣхъ болѣзняхъ, которыя приписывали разложенію, вѣтненію, гніенію соковъ, в хотя онъ не считалъ важнымъ изобрѣтеніемъ искусственную *газовую воду*, однако всегда говорилъ, что это изобрѣтеніе принадлежитъ къ счастливымъ его идеямъ, потому что оно оказало значительную услугу человѣческому роду. Пристлей любилъ рассказывать, что въ Іюнѣ 1767 г. онъ оставилъ Варрингтонъ и, переселившись въ Лидсъ, занялъ домъ, смежный съ пивоварней, въ которой произвелъ онъ много опытовъ надъ *постояннымъ воздухомъ*. «Безъ этого обстоятельства — говорилъ Пристлей — вѣроятно, я никогда бы не занимался изслѣдованіями различныхъ газовъ».

Занимаясь учеными изслѣдованіями и постоянно обращая вниманіе на ихъ приложеніе къ человѣческому благосостоянію,

Пристлей обнаружилъ умъ твердый и смыслъ здравый: потому что онъ не впадалъ въ крайности современныхъ вамъ двухъ вѣр- тій, изъ которыхъ одна требуетъ только науки отвлеченной, а другая за ничто считаетъ теорію и только кричитъ: практика! Пристлей, при самомъ началѣ своихъ ученыхъ трудовъ, изъ собственныхъ опытовъ вывелъ заключеніе, что воздухъ лишается способности поддерживать жизнь животныхъ и человека во мно- гихъ случаяхъ, особенно въ тѣхъ, когда онъ бываетъ въ сопри- косновеніи съ горящими тѣлами: потому что тогда, во его мнѣ- нію, *флогистонъ* этихъ тѣлъ соединяется съ воздухомъ, который послѣ того не можетъ уже извлекать *флогистонъ* изъ крови. Но въ то же время, какъ воздухъ *флогистуруется* дыханіемъ и горѣ- ніемъ, осаждается *воздухъ постольный*, который Пристлей счи- талъ однимъ изъ началъ воздуха нормальнаго. Вотъ одно изъ заблужденій флогистической теоріи Пристлея. Не вхоля въ по- дробности о происхожденіи этого заблужденія, замѣтимъ, что ког- да Пристлей допустилъ, что горѣніе состоитъ въ соединеніи ча- сти воздуха съ *флогистономъ* горящаго тѣла, и что то же происхо- дитъ при дыханіи, тогда уже всѣ газы, испорченные горѣніемъ и дыханіемъ, сдѣлались для него тождественными. Когда При- стлей замѣтилъ, что *постольный воздухъ* обнаруживается при горѣніи масла и воска и при дыханіи, тогда онъ не сомнѣвался уже въ томъ, что этотъ воздухъ существуетъ въ соединеніи съ воздухомъ *дефлогистированномъ*; но Пристлей не могъ объяснить, почему горящая сѣра не осаждаетъ *постольнаго воздуха*, какъ чрезъ нѣсколько дѣтъ объяснилъ этотъ процессъ Лавуазье.

Не смотря на свою теоретическую ошибку, Пристлей все- на былъ доволенъ, когда, 17 Августа 1771 г., онъ открылъ, что воздухъ, испорченный горѣніемъ восковой свѣчи и дыханіемъ, очищается промрастеніемъ въ немъ мыты. Онъ повторилъ свой опытъ многократно, но не всегда съ успѣхомъ; повторилъ его и въ 1772, причѣмъ узналъ, что также дѣйствуютъ меласса, шин- нать и кресь-салатъ, и что въ испорченномъ и неспособномъ для дыханія воздухѣ растенія прозабаютъ съ большою силою, нежели въ воздухѣ обыкновенномъ. Это открытіе въ Англійскихъ ученыхъ возбудило чувство глубокаго удивленія. Въ Ноябрь 1773 г., Пристлей, президентъ Лондонскаго королевскаго Обще-

ства наукъ, вручилъ Пристлею золотую медаль Коплея съ слѣдующими словами: «Эти открытія ясно доказываютъ, что ни одно растеніе не растетъ безполезно; каждое изъ нихъ, отъ лѣснаго дуба до луговой травы, необходимо для человѣческаго рода; даже тѣ растенія, которыя, кажется, не имѣютъ никакой силы, въ совокупности съ прочими растеніями поддерживаютъ въ нашей атмосферѣ чистоту, необходимую для жизни животныхъ. Самые ядовитыя растенія содѣйствуютъ благолѣвіямъ растеній, отличающихся добрыми качествами. Наконецъ, луга и лѣса странъ отдаленныхъ и необитаемыхъ участвуютъ въ сохраненіи нашей жизни, и обратно, мы бережемъ ихъ жизнь. Когда испаренія нашего тѣла становятся вредными для насъ самихъ, тогда они, перенесенныя вѣтромъ въ страны отдаленныя, служатъ пищею для растеній. Когда вѣтры превращаются въ ураганы, тогда мы должны воздерживаться отъ безсмысленныхъ жалобъ; мы не должны приписывать ихъ слѣпому случаю, ни даже гнѣву Творца природы; вѣтъ, въ этихъ видимыхъ безпорядкахъ и несчастіяхъ блистаетъ мудрость и доброта Создателя, допускающаго сильныя движенія стихій единственно для того, чтобъ погрузить въ безднахъ моря гнилыя и заразительныя испаренія нашего тѣла, которыя не въ состояніи поглотить растенія, покрывающія сушу земли».

Черезъ три года послѣ того, 1 Августа 1774 г., Пристлей открылъ газъ кислородный, дистиллируя перекись ртути. Но въ этомъ году онъ только узналъ, что этотъ газъ способствуетъ горѣнію болѣе, нежели воздухъ атмосферный; способность же его поддерживать жизнь животныхъ Пристлей узналъ 1 марта 1775 г.

Изучая исторію наукъ, весьма часто удивляемся медленности открытій. Пристлей, при самомъ началѣ своихъ изслѣдованій, узналъ, что атмосфера необходима и для жизни животныхъ и для горѣнія; черезъ три года потомъ опытъ показалъ ему, что испорченный воздухъ исправляется растеніями; потомъ онъ открылъ кислородъ съ его способностью усиливать горѣніе: весь этотъ ходъ Пристлеевыхъ открытій есть самый естественный; но какинъ образомъ не пришло ему на мысль испытать свойства кислорода относительно животныхъ? Это сдѣлалъ онъ уже черезъ восемь мѣсяцевъ. Такую аномалію или такое затиженіе ума сама-

го пронизательнаго должно считать какъ бы общимъ закономъ, безпрестанно повторяющимся въ исторіи открытій. Дѣйствительно, Пристлей проникъ въ связь между царствомъ растений и царствомъ живогныхъ, и замедлил узвать явленіе, бывшее у него подъ руками. Но еще удивительнѣе то, что Пристлей началъ сомнѣваться въ истинѣ своего великаго открытій, и, какъ честный ученый, не утаилъ своихъ сомнѣній. Вотъ по какому случаю возрадились его сомнѣнія. Шееле не успѣлъ очистить испорченнаго воздуха посредствомъ произрастенія въ немъ бобовъ; по этому Пристлей, весной и лѣтомъ 1778 г., возобновилъ свои опыты и изложилъ ихъ результаты. «Опыты текущаго года — шесть оныхъ — были неблагопріятны для моея первой гипотезы. Когда я производилъ ихъ надъ воздухомъ, испорченнымъ или горѣніемъ или дыханіемъ или другимъ *флогистическимъ* способомъ, тогда оныя становились не лучшими, но худшими; чѣмъ долѣе было въ немъ растеніе, тѣмъ оныя болѣе *флогистировались*. Я употреблялъ для опытовъ множество растений — мяту, шиповатъ, лагухъ, лукъ, и пр., и всегда съ худымъ успѣхомъ, хотя другіе примѣры показывали противное. Впрочемъ, я все остаюсь при прежнемъ мнѣніи и считаю *вполнѣмъ*, что здоровое растеніе полезно для воздуха, въ которомъ оно растетъ». Но будемъ продолжать исторію изысканій Пристлея о причивахъ чистоты атмосфернаго воздуха.

Въ Іюні 1778 г. оныя собралъ воздухъ изъ воды, въ которой находились стебли мяты, и нашелъ его чище атмосфернаго. Тогда оныя заключилъ, что этотъ воздухъ происходитъ отъ упомянутаго растенія; но послѣ увѣрился, что его производитъ *зеленое вещество*, покрывающее стоячія или тихо текущія воды; вмѣстѣ съ тѣмъ оныя узналъ вліяніе свѣта на произведеніе этого вещества; но послѣ отступился отъ своего наблюденія, и началъ думать, что скопленіе зеленаго вещества въ стоячихъ водахъ не есть непосредственное дѣйствіе свѣта: ему предшествуетъ истеченіе изъ воды *флогистированнаго* воздуха. И такъ, по его мнѣнію, вода, разлитая на земной поверхности, имѣетъ большое вліяніе на улучшеніе атмосферы, портящейся отъ горѣнія и дыханія, потому что вода поглощаетъ атмосферный *флогистонъ*. По этойто причинѣ воздухъ морской отличается своею чистотою.

Изложеніе этихъ послѣднихъ опытовъ Пристлей оканчивается слѣдующими замѣчаніями: «Вѣроятно, подумаютъ, что результатъ моихъ послѣднихъ опытовъ уничтожаетъ силу первыхъ, изъ которыхъ я заключалъ, что воздухъ улучшается прозябаніемъ растеній: потому что въ этихъ опытахъ вода, запертая въ стеклянные колокола съ растеніями, была подвержена дѣйствію свободнаго воздуха и солнца. Я не принимаю на себя отвѣтственности за это обстоятельство; я передаю мои опыты въ томъ видѣ, въ какомъ они производились; они не основывались ни на какой гипотезѣ, и предоставляю самимъ читателямъ извлекать изъ нихъ какія угодно заключенія. Скажу только, что опыты въ Инасѣ производились на сѣверномъ окнѣ моего дома, гдѣ свѣтъ не могъ сильно дѣйствовать на воду, и что нѣкоторые изъ опытовъ продолжались не менѣе двухъ дней, и чаще по цѣлой недѣлѣ».

Изъ такого колебанія мнѣній Пристлей видно, что онъ, отличаясь живымъ и проникательнымъ умомъ, способностью изобрѣтать опыты и производить ихъ ничтожными средствами, и открывъ газы болѣе, нежели всѣ его современники, онъ — говорю — не обладалъ тѣмъ свойствомъ, которое мы называемъ *умомъ положительнымъ*. Производя различныя физико-химическіе опыты, Пристлей никогда не извлекалъ изъ нихъ заключеній обдуманыхъ и строгихъ; онъ дѣлалъ опыты и дѣлалъ ихъ извѣстными въ видѣ журнала. Если мы повѣримъ его откровенности, то его опыты суть *дѣло случая*, и доставляли ему только развлеченіе въ его занятіяхъ еологіею и метафизикою; онъ никогда не имѣлъ правильно-устроенной лабораторіи. При всемъ томъ, его *случайные* опыты, опыты для развлеченія имѣли большое вліяніе на успѣхи химіи; онъ обезсмертилъ себя своими *развлеченіями*.

Если опыты Пристлей и не были дѣломъ случая, то нельзя не согласиться въ томъ, что онъ производилъ ихъ не для подтвержденія теорій, требовавшей для опытовъ снарядовъ точныхъ, необходимыхъ для уничтоженія почти неизбежныхъ ошибокъ; онъ не занимался опытами для доказательства мнѣній, которыя превратились бы чрезъ то въ истины несомнѣнныя и не подлежащія возраженіямъ; наконецъ онъ не трудился для уни-

чтоженія заблужденій, принимаемыхъ въ его время за основныя истины.

Пристлей никогда не желалъ быть основателемъ какой-нибудь теоріи, не желалъ быть начальникомъ какой-нибудь школы, и несмотря на то, что его опыты много измѣнили ученіе Штала о флогистонѣ, онъ никогда не считалъ перемены *своимъ дѣломъ*. Напротивъ, до самой своей смерти онъ оспаривалъ теорію Лавуазье и оставался послѣднимъ защитникомъ флогистона. Однакожь нельзя сказать, чтобъ онъ не дорожилъ славой ученаго физика. Онъ всегда любилъ хвалиться соединеніемъ *постояннаю воздуха съ водою; газовое питье* считалъ онъ великою услугою для человечества; въ продолженіе своего сорока-лѣтняго ученаго поприща онъ не переставалъ спорить о первенствѣ своихъ открытій противъ открытій Байена, Ингенгуса, Лавуазье, и пр.; наконецъ онъ всегда сильно отвѣчалъ тѣмъ, которые называли его *ремесленникомъ опытовъ*, и которые непочтительно отзывались объ искусствѣ производить опыты.

По нашему мнѣнію, Пристлей соединялъ въ себѣ воображеніе съ необыкновенною проникательностью ума въ тѣхъ предметахъ, къ которымъ онъ прилагалъ свои изслѣдованія; а изслѣдованія его обращались не на одни физическіе вопросы; онъ даже предпочиталъ имъ занятія евологическія и метафизическія. Но по этой причинѣ нельзя въ немъ видѣть два разныя лица: и въ тѣхъ и другихъ занятіяхъ умъ его оставался однимъ и тѣмъ же; различіе состоитъ только въ томъ, что одни предметы онъ предпочиталъ другимъ. Пристлей безъ труда отказывался отъ старыхъ объясненій, если имъ противорѣчили новые опыты, хотя самъ и не дѣлалъ ихъ. Всегда онъ являлся испытателемъ искуснымъ, разсудительнымъ и добросовѣстнымъ. Этими свойствами онъ обладалъ въ превосходной степени; но когда надобно было вывести общія заключенія изъ опытовъ и наблюденій, когда надобно было новое ученіе подкрѣпить опытами строгими, требовавшими точныхъ свѣдѣній; тогда, не имѣя такихъ свѣдѣній и повинувшись своей склонности къ противорѣчіямъ, онъ поддерживалъ свои мнѣнія, основываясь на своихъ опытахъ, лишешныхъ необходимой строгости и произведенныхъ имъ при самомъ началѣ своего ученаго поприща: тутъ онъ спорилъ и го-

ричился, какъ бы дѣло шло о предметахъ метафизическихъ; тутъ онъ явился такимъ же приверженцемъ секты, какъ и въ спорахъ теологическихъ. Такимъ образомъ онъ постоянно отвергалъ новую теорію горѣнія.

Объяснимъ слова: *приверженецъ секты*. Пристлей былъ таиникъ во всемъ смыслѣ этихъ словъ, потому что онъ не признавалъ Римскаго католицизма; онъ даже не принадлежалъ къ исповѣданію англиканскому; онъ былъ *диссидентъ*; онъ не слѣдовалъ ученію Английской церкви, — ученію, составленному при Елизаветѣ изъ догматовъ Римскокатолическихъ и изъ мнѣній протестантскихъ. Занимаясь теологіею, Пристлей дошелъ до того убѣжденія, что правила англиканскаго исповѣданія должно сокращать. По этому его біографы говорятъ, что онъ изъ *пресвитеріанина* сдѣлался *армианиномъ*, потомъ *аріаниномъ*, и наконецъ *соціалитомъ*; словомъ, въ дѣлѣ вѣры Пристлей былъ менѣе постояненъ, нежели въ Шталеюмѣ толкованьи о флогистовѣ, хотя онъ и измѣнилъ это толкованіе тѣмъ, что принималъ въ расчетъ соединеніе *дефлогимтированную* воздуха съ тѣлами горючими.

Полаъ старость, Пристлей вновь перемѣнилъ свои религіозныя мнѣнія, и поступилъ совершенно вопрека всѣмъ людямъ, которые, доживая вѣкъ, укрѣпляются въ вѣрѣ, а не въ спорахъ противъ нея. Онъ кончилъ тѣмъ, что сочинилъ книгу, въ которой усилывался доказать матеріальность души. Не справедливо ли мы сказали, что Пристлей не имѣлъ ума положительнаго? Утверждая матеріальность души, онъ допускалъ воскресеніе людей для награды за дѣла добрыя и для наказанія за дѣла злыя.

Въ политикѣ Пристлей не могъ не принадлежать къ оппозиціи, объявивъ себя приверженцемъ перемѣнъ, введенныхъ во Франціи конституціоннымъ собраніемъ, и принимался за перо для опроверженія «Разсужденій о Французской революціи» Бурке, — разсужденій, которыя впоследствии оправдались гибельными событіями, непрерывно слѣдовавшими одно за другимъ.

Неудивительно, что человекъ, который во всю свою продолжительную жизнь не переставалъ опровергать религію своего отечества, не щадилъ ни іудейства и ни Римскаго католицизма, сочинилъ книгу о матеріальности души, и наконецъ имѣлъ безуміе

защищать Французскую революцію, — не удивительно — говоримъ — что такой человекъ имѣлъ много враговъ между своими согражданами и сдѣлался жертвою ужаснаго преслѣдованія. 14 Юля 1791 г. на домъ его, въ которомъ онъ жилъ съ женою и двумя сыновьями, напала разъяренная Бирингамская чернь, и истребила его до основанія; рукописи и книги были сожжены, физическіе снаряды изломаны и разбиты, химическіе сосуды превращены въ пыль. Послѣ этого заслуженнаго несчастія, Пристлей оставался въ Англіи еще два года, потомъ уѣхалъ въ Соединенные-Штаты и умеръ тамъ въ 1804 году.

НОВЫЯ КАРТЫ ЗОДІАКАЛЬНЫХЪ ЗВѢЗДЪ. — Прошедшаго 21 (9) Юля, маршалъ и военный французскій министръ Вальенъ, за отсутствіемъ Леверрье, представилъ Парижской академіи наукъ шесть картъ зодіакальныхъ звѣздъ, составленныхъ Шакорнакомъ, адъюнктомъ-астрономомъ въ Парижской обсерваторіи. О необходимости такихъ картъ первый говорилъ Лаландъ, и болѣе двадцати лѣтъ занимается ими Берлинская академія наукъ, которая изданіе ихъ считала столь обширнымъ дѣломъ, что приглашала въ немъ участвовать астрономовъ всѣхъ странъ. Первый результатъ ихъ употребленія состоялъ въ открытіи Астреи любителемъ астрономіи Генке. Этимъ открытіемъ начался безконечный рядъ новыхъ открытій мелкихъ планетъ между Марсомъ и Юпитеромъ. Въ 1847 г. Вальенъ наложилъ планъ, который долженъ привести къ открытію не нѣкоторыхъ, но всѣхъ планетъ, существующихъ въ упомянутомъ мѣстѣ солнечнаго міра; этотъ планъ былъ порученъ разсмотрѣнію Леверрье и Коши; въ немъ прежде всего предполагалось составить новыя карты зодіакальныхъ звѣздъ. Въ это время сотрудникомъ Вальенца, въ званіи ученика, былъ Шакорнакъ; онъ вызвался на тяжкую работу составленія картъ, предполагаемыхъ его наставникомъ. Не прошло послѣ того двухъ мѣсяцевъ, какъ въ Сентябрь 1852 г. Шакорнакъ нашелъ новую планету. Вальенъ, обрадованный такимъ успѣхомъ, представилъ Парижской академіи первыя карты Шакорнака и просилъ, чтобъ онѣ были изданы на счетъ этого ученаго общества. Къ сожалѣнію, предложеніе не было принято въ уваженіе. Тогда за то же дѣло принялись астрономы Гиндъ и Куперъ, и Француз-

скихъ астрономовъ оставили позади. Но Шакорнакъ перешелъ изъ Марсея въ Парижскую обсерваторію; здѣсь онъ продолжалъ свой трудъ, и наконецъ Лаверрье рѣшился приступить къ изданію его труда, который будетъ вѣрнымъ пособіемъ въ открытіи планетъ.

Новыя карты Шакорнака полнѣе и величавою вчетверо болѣе Берлинскихъ; на нихъ каждый градусъ занимаетъ 50 милліметровъ; онѣ содержатъ всѣ тѣ звѣзды двѣнадцатой и большую часть тринадцатой величинъ, которыхъ сѣверныя и южныя склоненія простираются до 3° ; число всѣхъ помѣщенныхъ на нихъ звѣздъ доходить до 125 тысячъ (?).

II.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

СУВОРОВСКІЯ БУМАГИ, СОХРАНЕННЫЯ ВЪ СЕМЕЙСТВѢ ВЪДНАГО ЕГО ПРАВИТЕЛЯ
ДѢДЪ КУРИСА.

— «Изъ историческихъ крупницъ составляется полное цѣлое, душа исторіи, составляется вечная историческая истина».

Гизо.

Во время разъѣздовъ моихъ нынѣшнимъ лѣтомъ по югу Малороссіи, мнѣ представился случай видѣть нѣсколько неожиданныхъ, подлинныхъ бумагъ Суворова, сохранившися въ семействѣ помѣщиковъ Курисъ, подъ Одессой. Полагая, что читателямъ будетъ дорого каждое слово великаго полководца, сообщаю ихъ въ точныхъ спискахъ.

Мѣстечко Покровское, въ 60 верстахъ отъ Одессы, пожаловано Императрицею Екатериною II, по представленію Суворова, правителю канцеляріи его, *Ивану Онуфриевичу Курису*. Этотъ послѣдній особенно замѣчательнъ по событію, случившемуся съ нимъ послѣ взятія Измаила. Семейное преданіе говоритъ, что когда Суворовъ, за кровавый штурмъ Измаила, просилъ войскамъ награды, то враги его въ Петербургѣ устроили такъ, что Екатерина прислала ему въ началѣ одинъ знакъ ордена св. Георгія, съ тѣмъ, чтобы онъ надѣлъ его на достойнѣйшаго. Г. Милютинъ (стр. 188—189) подтверждаетъ это, говоря, что Потемкинъ «былъ принятъ настоящимъ побѣдителемъ, — а Суворова при этомъ какъ-будто забыли» и что сперва «единственною наградою ему за взятіе Измаила было званіе подполковника гвардіи». (*) — По словамъ

(*) Въ № 15 «Русскаго Вѣстника» (1856), въ статьѣ о Суворовѣ, на стр. 192 г. Милютинъ говоритъ: «Императрица предоставила ему возложить крестъ св. Георгія 3 степени на того, кто, по мнѣнію его, наиболѣе заслужилъ такую награду въ послѣднюю войну».

преданія въ семействѣ Куриса, Суворовъ созвалъ совѣтъ судить, кто достойнѣйшій и на кого надѣть единственный знакъ ордена Св. Георгія. Совѣтъ судилъ и рѣшилъ, что эта часть принадлежитъ достойнѣйшему всѣхъ—самому Суворову. «Помилуй Богъ!» отвѣчалъ на это Суворовъ: «гдѣ же намъ заслуживать этого! А вотъ, господа генералы и офицеры, я ниюю человѣчка, такъ это дѣйствительно герой; *этотъ человекъ необыкновенно храбро написалъ мнѣ для подписи бумагу: итти на штурмъ! А я то что? Я только подписалъ!*»—И съ этими словами Георгіевскій крестъ надѣлъ на своего чиновника и писмоводителя, Ивана Онуфріевича Куриса. Императрица, узнала объ этомъ, много смѣялась и щедрою рукою вслѣдъ за тѣмъ наградила и войско, бравшее штурмомъ Измаилъ, и Суворова, и того-же Куриса. Г. Милютинъ (въ IV примѣчаніи, на 210 стр. своей статьи) замѣчаетъ, что впоследствии Императрица «предоставила Суворову войти съ дополнительными представленіями о награжденіи отличившихся при штурмѣ Измаила». — И. О. Курисъ задолго пережилъ великаго своего начальника, именно — онъ умеръ уже въ 1837 году, въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, въ селѣ Покровскомъ (гдѣ поконится его прахъ), въ полной памяти, и, какъ думаютъ близкіе его, ста десяти лѣтъ отъ ролу. Онъ былъ дважды женатъ, въ первый разъ на Ульянѣ Ивановнѣ Ханенковой, а во второй—на Екатеринѣ Ивановнѣ Душиной, пережившей его десятью годами. Сынъ его, Праклій Ивановичъ Курисъ, служилъ въ Бугскомъ уланскомъ полку и умеръ, майоромъ въ отставкѣ, въ 1849 году. У послѣдняго осталась жена, Л. С. Курисъ, благосклонностью которой и вручены мнѣ бумаги Суворова, и сынъ, Иванъ Пракліевичъ, которому теперь 14 лѣтъ. Бумаги Суворова, большею частью собственноручныя, червоыя клочки его переписки съ разными лицами, хранились сперва у самого Ивана Онуфріевича, получившаго ихъ прямо изъ рукъ Суворова, потомъ у его сына, и наконецъ теперь перешли къ его внуку. Эти бумаги не были изданы. Съ нихъ, въ 1833 году, снята только копія, что видно изъ слѣдующей записки при бумагахъ: «Графъ Воронцовъ, свидѣтельствуя совершенное свое почтеніе его превосходительству Ивану Онуфріевичу Курису, имѣетъ честь возвратить при семъ, съ душевною

признательностію, подлинныя письма князя Суворова, по святіи съ нихъ копій — 11 Августа, 1833 г. Одесса. Приводимъ эти бумаги въ самой точной копій, расположивъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ. Ручкою перваго владѣльца ихъ, на оборотномъ листѣ этихъ открытокъ, написано общее заглавіе: «*Суворовскія бумаги*»: такъ какъ тутъ, кромѣ подлинныхъ писемъ Суворова къ самому Курису и черновыхъ писемъ его къ Императрицѣ и другимъ лицамъ, находятся еще замѣтки Суворова, въ видѣ дневника, и письма къ нему нѣкоторыхъ лицъ. Очевидно, что эти бумаги или остались случайно въ портфель Куриса, или выпрошены имъ у Суворова на память, что менѣе достовѣрно.

Прежде всего идетъ письмо дочери Суворова на Французскомъ языкѣ. Сообщая его, вмѣстѣ съ другими бумагами, я питаю убѣжденіе, что всякому Русскому дорого будетъ встрѣтиться какъ съ самымъ коротенькимъ и своеобразнымъ изрѣченіемъ великаго побѣдителя въ Турціи и Италиі, такъ и съ каждою чертою отношеній его къ разнымъ лицамъ, начиная отъ безсмертной «матушки Царицы» до стихотворца, писавшаго ему страстныя оды, и до не менѣе любезной сердцу всякаго Русскаго «*суворушки*»....

I.

Письмо дочери Суворова (*).

«*Mon très cher Pere.*»

«*Depuis bien longtems, mon très cher Pere, j'ai été privée du plaisir de recevoir de vos nouvelles; ne sachant pas la cause d'un si cruel silence, je l'attribuois à une maladie ou à quelque autre malheur. Mais grace à Dieu, votre lettre vient de calmer mes inquietudes. Je ne puis vous exprimer la joie qu'elle m'a causée. Soyez persuadé, mon cher Papa, que je ferai tout pour vivre conformément Selon vos conseils, vous me trouverez toujours la plus parfaite soumission à votre volonté; car, vous savez combien vous m'êtes cher. Le suis bien fâchée, mon cher Papa, de vous donner de la peine, car surement vous en aurez en apprenant que ma respectable maman Madame de Lafond à*

(*) Сохраняю вездѣ правописаніе подлинниковъ.

été bien malade. Cependant elle est beaucoup mieux. Dieu veuille nous la conserver. Nous l'aimons toutes avec une véritable tendresse. Elle vous fait bien de compliments.

•Ma chere maman Софья Ивановна consents de bon coeur que j'emploie l'argent que vous m'avez destiné pour des *Гастинцы* à acheter un Clavecin. Il est même deja prêts. Elle vous prie d'ordonner que cet argent me soit remis, car vous savez, mon très cher Papa, qu'elle ne l'a pas accepté alor, et depuis elle n'a plus revu le Monsieur qui avoit la commission de la lui remettre. C'est un Clavecin organisé qui conte 500 roubles et sitot que je serai en état de le payer, je pourrai déjà l'employer à mon usage dès àpresent. — Je prie Dieu du fond de mon coeur qu'il me conserve un pere cheri. Je ne puis songer sans verser des larmes et sans fremir, aux perils qui menacent chaque jour la vie précieuse de mon père. — Сестрицы: вамъ кланяются. Ich Küsse Ihnen die Hände!

Остаюсь Милостивою Государь Батюшка ваша
всепокорная дочь Г. Н. Суворова-Рымникская.

•17 Апрелья 1790 г. .

Теперь слѣдуетъ письмо и посланіе къ Суворову поэта Кострова, отъ 1792 года. Въ это время Суворовъ жилъ въ Финляндіи. Г. Милютинъ говоритъ: «Въ 1791 году война съ Турціею кончилась Ясскимъ миромъ, а Потемкинъ вскорѣ умеръ. Суворовъ оставался еще болѣе года въ Финляндіи, занимался своею должностію съ обычнымъ рвеніемъ и усердіемъ. Старавія его опять вооружили противъ него множество старыхъ и новыхъ враговъ» (стр. 189). Въ это время раздался голосъ мирнаго стихотворца Ернила Кострова. Подозрѣвать безпечнаго весельчака и гуляку Ернила Ивановича Кострова, перваго переводчика *Иліады*, въ расчетливой лести побѣдителя *Визанна*, въ-рядъ ли кто рѣшится изъ читателей. Наввныи предшественникъ Гвѣдича также простодушно воспѣвалъ Суворова, какъ и себя самого. Вотъ его эпитафія, написанная въ честь себѣ самому:

•Семь аватныхъ городовъ Европы и Асін

Стязались: кто изъ нихъ Гомера въ свѣтъ родилъ?

Часть XCII. Отд. VII.

3

Костровъ ихъ споръ рѣшалъ :
 Въ стихахъ своихъ Россіи —
 Отца стиховъ усыновилъ!»

(Сочиненія Кострова, изд. Смирдина, 1849 г., 209 стр.)

Въ полномъ собраніи сочиненій Кострова имя Суворова встрѣчается въ двухъ стихотвореніяхъ: «*Ода графу А. В. Суворову-Рымникскому*» (стр. 141) и «*Эпистола, ему же, на взлѣтѣ Измаила*». Отношенія между поэтомъ и знаменитымъ вождемъ начались безкорыстно, изъ чистой, восторженной преданности перваго и вслѣдствіе громкой, увлекающей славы втораго. Первая ода начинается словами: «Герой! твоихъ побѣдъ я громомъ взумленъ; чудясь, безмолвствовалъ въ забвеніи пріятномъ!» — Далѣе онъ говоритъ голосомъ всѣхъ, кто съ первой же минуты составилъ горячую, народную партію оригинальнаго полководца:

«*Что сихъ побѣдъ вина? Герой нашъ мало спитъ;
 Исполненъ къ отчесту любви и къ Богу вѣры,
 Онъ скоръ, неутомимъ, предчувствуетъ, предвѣритъ,
 Спокойно зимедетъ все, сообразуетъ мѣры,
 Любимъ подвластными, ихъ попечитель нуждъ,
 Труды являетъ имъ, какъ вѣсія забавы,
 Користи подлой чуждъ —
 Ревнитель Россіи славы!»*

Богѣ искренняго голоса мы не знаемъ во всемъ ряду Русскихъ стихотворцевъ, воспѣвавшихъ полководцевъ, начиная отъ Тредьяковского, до газетныхъ стихотвореній послѣдняго времени. Лиризмъ Ермила Ивановича въ этомъ отношеніи вѣсть чѣмъ-то столько-же задушевнымъ и честнымъ, какъ лиризмъ образцоваго стихотворенія Пушкина о Барклай-де-Толли. Самые странности мадригальной рѣчи того времени въ устахъ его получаютъ оттѣнокъ, чуждый всего смѣшнаго и приторнаго. Ода кончается словами:

«*Услужливый Зефиръ, обрадуй, воскрылись,
 Неси къ Суворову, носи мой голосъ лириный!....
 Лети къ нему, не бойсь, пріятель нашъ Герой;
 Премѣнять для него угрозу разговоровъ*

И повторить съ тобой:
Великъ, великъ Суворовъ!»

Въ печатной «Эпистолѣ» эта наивность выступаетъ еще въ болѣе яркомъ видѣ. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ:

*«Позволь, дражайшій Графъ, миролюбивой музѣ,
Жмущей съ крѣпостью и тишиной въ союзъ,
Сраженій бурныхъ звукъ отъ мыслей удалить
И взоръ души отъ рѣкъ кровавыхъ отаратить...
Упрямый Изманлъ, всю твердость погубя,
Преслениъ наконецъ, поверженъ отъ тебя!»*

Эпистола, отдавшая справедливость побѣдителю Изманла тогда, какъ другіе въ это время, по словамъ историка, «его забыли» кончается словами:

*«Успѣешь побѣждать, люби побѣдъ награду!
Прочти съ улыбкою миролюбива взгляду —
Я удостоюся такихъ тогда похвалъ,
Какъ будто бы и я турецку крѣпость взял!»*

II.

Вотъ письмо Кострова изъ бумагъ Куриса, писанное къ Суворову въ Финляндію, какъ видно, послѣ предварительной отсылки ему переводовъ изъ Оссіана, которые, къ сожалѣнію, не сохранились въ числѣ изданныхъ произведеній автора перваго Русскаго перевода Шляды.

«Сіятельный графъ, Милостивый Государь! Полученное мною отъ Дмитрія Ивановича, г. Хвостова, письмо, въ которомъ изъясняетъ онъ удовольствіе и благоволеніе вашего Сіятельства, въ разсужденіе *Оссіана*, правдивою восхитило меня радостію. Такъ, Сіятельный Графъ! Я не столько горжусь добротой перевода; много есть лучше меня переводчиковъ, сколько тѣмъ, что онъ украшенъ и возвышенъ знаменитымъ вашимъ именемъ, и притомъ имѣлъ счастье удостоиться вашего вниманія и одобренія. *Получить похвалу отъ Героя и отъ справедливаго даровавшаго судія, есть счастье, для еликаго заслужено, и тѣмъ болѣе, что*

я, посвящая вашему Сіятельству посильный мой трудъ, руководимъ былъ однимъ только достодожнымъ высокопочитаніемъ къ такому подмышнику, котораю имя и потомству будетъ любезно, драгоцѣнно, воспитательно. Я смѣлю могу сказать:

•Суворовъ почестей чрезъ подвиги достигъ,
И грудью собственной трофеей себя воздвигъ;
Не звать, что правдою есть, его отлична доля!
Онъ любить бодрствовать средь бранносна поля.
Смыслъ славы, чести смыслъ, воспитанникъ побѣдъ!
Онъ правотой души въ восторгъ приводитъ свѣтъ.
*Не раболѣтствуетъ онъ счастію слѣпому,
Но къ славы по пути онъ шествуетъ прямому!*
Такъ я, пою ему Парнасскія хвалы,
Ужели заслужу завистой ядъ хулы?
*Что мирный звукъ гласитъ, о томъ весь свѣтъ слыщаетъ,
И струмы онъ мои собою оправдаетъ!*
Героямъ не нужна ученыхъ хитра лесть;
Ихъ собственны дѣла ихъ достодожна честь!•

•Такимъ образомъ изъясняться въ разсужденіи вашего Сіятельства за счастье себя почту, хотя предъ цѣлымъ свѣтомъ: онъ удивленъ, онъ наполненъ геройскими вашими подвигами, а потому и мнѣ охотно отдастъ справедливость. Стократно я благополученъ, естли и впредь удостоюсь быть Музою, покровительствуемою вами, и которой лира посвятится къ прославленію знаменитыхъ вашихъ дѣяній. Такъ мой долгъ, моя честь, слава и счастье быть всегда съ достодожнымъ высокопочитаніемъ, преданностію и признательностію вашего Сіятельства, Милостиваго Государя, всепокорнѣйшимъ слугою, *Ермилъ Костровъ.* 1792 г. Сентября 30•.

III.

Къ этому же времени относится слѣдующая оригинальная замѣтка, изъ дневника Суворова, напечатанная чтеніемъ перевода Оссіана, присланнаго Костровымъ въ Финляндію:

•Телентайполь. Странствую въ сихъ Каменомышцехъ мѣстахъ, пою изъ Оссіана; о, въ какомъ я мраке. Прозвонающій те-

мноту лучь деннаго светила дарить мена. Переводъ съ Англич-кого».

(Слѣдуютъ стихи Суворова):

• Оставшихъ тѣней всѣхъ предтекшихъ пораженийъ
Пятнадцать тысячъ вихрь подъ Мачинъ накопилъ
Герой ударилъ внизъ, врагъ возопилъ;
Здѣсь самъ Вязирь, а съ нимъ сто тысячъ привиденийъ.

(Далѣе опять замѣтка):

• Облесталъ Нейшлотъ; я вознесень туда на крыльяхъ легкаго вѣтра, взходящего изъ недровъ Кутвелэнтайполя; проходящъ пустыню Пумалы, содрогаюсь отъ стремнины долинъ; обратясь, я въ Гейкенсальдѣ. Брега его не столь облачены камнемъ, какъ въ Кутвелэнтайполѣ, гдѣ еще не успѣли омшиться, и здѣсь только видна ихъ бахрама. Воззри на сей донной плитникъ; сто сухихъ дубовъ его пожигаются, безконечно, и воздухъ наполненъ мглою. Но что я вижу. Толстота земли нагибается подъ непрозрачными волнами быстро текущаго Сайма. Гдѣ же мой другъ Истенгель? Въ объятіяхъ ли его любезной супруги, или въ бесѣдѣ съ душами, переселенными въ густые туманы? Онъ повергаетъ мена въ уныніе, умножаетъ мою печаль, летящую съ юга! О, Барды, воспойте тамошнюю радость; скоро ли мена перенесутъ тамошніе орлы въ тѣ медо-млечныя страны, гдѣ я только упражнялся съ бранноносцами и гдѣ бы я тошкой воздухъ, въ наше снѣжное время, наполненной зефирами, пріятно ряздѣлалъ, хотя на рогѣ мира!»

IV.

Собственноручное черновое письмо Суворова къ неизвѣстному лицу, также изъ Финляндіи:

• *Кюментородъ*. Ч. 3 Августа, 1792 года.

• Не нужно! и отъ устали П. Іа. (Петру Иваночу) не пишу. Какъ другу моему, приметнее вы ему. 1-е ѣхать ему сюда, не что рано; а въ полномъ видѣ—изволить Богъ! все осмотримъ въ началѣ Сентября, какъ явится къ нему Штенгель. Должно ему быть вездѣ неделю. 2-е здѣсь В. К. (великій князь), указъ и

паки двуначаліе мнѣ принадлежить. Съ В. К. мѣсячные рапорты о людяхъ и лошадахъ, какъ начальнику дивизіи, тако проваждество по симъ, военное послушаніе и обученіе. *Ма. Лог.* (Иванъ Логиновичъ) полное снабженіе и содержаніе. Иначе лутче мнѣ отъ гавени отказать; не могу кончить работъ съ настоящимъ полнымъ успѣхомъ. 3-е слѣдуетъ до меня; по окончаніи работъ и экзерциціевъ могу я быть въ С. Пб. на малое время противъ 22 Сентя: Теперь вхожу въ будущіе смѣты и плавы. Деньги исправны, кромѣ 2,000, удѣленныхъ *Ив. Лог* отъ кордегардныхъ подрядчикамъ, Принцу Нассау: *Но введи меня Боже паки въ полевую службу.*

V.

Какъ дополненіе къ тому же 1792 году, относится собственноручная записка Суворова, въ видѣ дневника, безъ начала и конца, также еще изъ Финляндіи:

• Канасъ, Ч. 11 Октября, 1792 году.

«... И супругъ врановъ едва здѣсь видить. Съ новой луны непрестанные дожди, темнота, мракъ, краткіе дни; буря вносятъ плотины; обновляющіяся необоримости; 500 кубическихъ сажень разорвано или сожжено поддонной плиты. Въ сихъ трудахъ и сокращающей жизни, оставь меня въ покое, о, Фальготъ! воспитанный при дворѣ и министрѣ, и отъ того приобретаемыми качествами преобладающій грубаго солдата! Недовольно ли уже ты меня унижилъ? И не отъ тебя ли, моего кроваваго банкета, десертъ Коховскому? Ты меня яко бы хвалишь; твой лай не столько мнѣ вреденъ; подъ сею благовидностію плевели скрыты и подъ розами терны! Петръ Ивановичъ, изторгайте меня въ полѣ; Херсонъ моя участь? Тутъ я потеряю Великой Императрицы! Иначе былъ бы вамъ грехъ: чрезъ недѣлю васъ потѣшу....»

Къ сожалѣнію Суворова, онъ дѣйствительно получилъ назначеніе въ Херсонъ. Г. Милютинъ говоритъ: «Въ концѣ 1792 года Суворовъ получилъ новое назначеніе; подъ начальство его вѣрены войска, расположенныя въ Новороссійскомъ краѣ. Поселившись въ Херсонъ, Суворовъ занялся обученіемъ своихъ

войскъ». (191 стр. «Русс. Вѣст.» Мартъ, кн. II, 1856). — Къ этому времени относятся послѣдующія бумаги Суворова, сохраненныя у Куриса: прежде всего два письма *Петра Турчанинова*, изъ которыхъ на первомъ, по полученіи, Суворовъ сдѣлалъ оригинальную собственноручную приписку внизу.

VI.

«Сіятельнѣйшій Графъ, Милостивый Государь! Изъ отправленныхъ вчера съ Графа Александра Андреевича депешей ваше Сіятельство уже извѣстны о положеніи всѣхъ дѣлъ; теперь только донесу, что на укомплектованіе черноморскихъ флотовъ, какъ всякаго званія офицеры, такъ артиллеристы и рядовые, всѣ наряжены, и слѣдовательно флоты укомплектованы всѣми нужными. Деньги остановились за личностями Вас. Степ. съ Алекс. Никол.; сей послѣдній полнъ усердія и ревности, а первой личируется. Но дѣло приходитъ въ порядокъ, и деньги къ вамъ доставлены будутъ. Офицерскаго произвожденія по старшинству давно уже не было, а особливо дворяне въ унтеръ-офицерахъ служили войну. Сіе зависить отъ разсмотрѣнія вашего. Въ Польше командовавшей вѣлалъ давно произвожденіе. Съ душевнымъ почитаніемъ честь имѣю быть, В. С., М. Г., покорнѣйшій слуга *Петръ Турчаниновъ*. 14 Генваря, 1793 г.»

Собственноручная пометка, внизу, Суворова:

«А *каско*. *Мнѣ постигнуть далеко!* Б. Г., Н. I., постигайте по-двоихъ; (*vague incertitude*): сложная неточность! Неверъ же, Кауницъ; здѣсь солдатской азыкъ; иной мнѣ гибелью, въ которой вамъ пользы нѣтъ. Ею закрывается безвидной и ходитъ съ вами на ряду!»

«Вы себя и моихъ финскихъ забыли. Здѣлайте милость хоть нѣкоторымъ!»

Второе письмо *Турчанинова*:

«Сіятельнѣйшій графъ, М. Г.! Пользуясь симъ отправленіемъ, донесу в-му с-ву, что Александръ Николаевичъ, по присланному отъ васъ вѣкселю, вычелъ 36,000 р., надѣлавъ премножество хлопотъ; насему согласился заплатить и просить, чтобъ впредь вѣкселей не давать, а представлять Ея Величеству о потреб-

ной суммѣ. Генераль-провіантмейстеръ здѣлалъ тоже о взятой провіантской суммѣ, въ щетъ строительной; а Василей Степановичъ уже и болѣе всѣхъ, что изъ суммы, принадлежащей фабрикѣ, взяли нѣсколько на строеніе. Я думалъ, что при представленіи плановъ и смѣтъ, негодно-ли назначить, во сколько лѣтъ тѣ строенія окончить полагаете, смотря по важности и нуждѣ. А потому и сумма ассигнована будетъ на столько лѣтъ, сколько предположить изволите. Съ душевнымъ почитаніемъ вишою чести быть в. с., м. г., покорнѣйшій слуга, Петръ Турчаниновъ. 11 Фев. 1793 года.

VII.

Черное письмо Суворова къ тому же Турчанинову:

-Копія съ писма его превосходительству Петру Ивановичу Турчанинову, отъ — числа, Апреля 1793 году.

-Ваше письмо, отъ 18 прошедшаго Марта, безъ верныхъ-каціи числа, лѣтъ и денегъ; сей языкъ мнѣ незнакомъ, вы давно овладеете! Вы дѣлаете конецъ началомъ и предваряете тогда, какъ я фундаментъ утвердилъ, которой безъ разрушенія предпринимаемаго зданія уже поколебленъ быть не можетъ. Политическое положеніе извольте спросить у вице-канцлера. А я его постигаю, какъ полевой офицеръ; такъ и отношусь. Пункты вѣрностей пришлите повѣрять. А въ Тучкова, какъ нижевера, настроеніе ихъ своимъ теченіемъ пребудеть, какъ пограничныхъ, и недовершеніемъ могущее обратитца при какомъ разрывѣ въ жертву непріятелю людей и пушекъ. *Вы временили два мѣсяца, мѣсто двухъ дней, подобно, какъ бы ловили меня за рыбу въ тенеты, знавъ, что я не сплю!* Предвареніе ваше слѣдовало бы, коли не на первыхъ часахъ, то въ первыхъ дняхъ, на мой первіи отнесеніи, что строить, или хоть ничего, такъ какъ то отъ васъ было по одному внутреннему Херсону, по которому и контрактъ нѣтъ. *Вашимъ гражданскіе 10,000 несообразны здѣсь. Пропалъ бы годъ, естълибъ я чуть здѣсь медлилъ контрактами, безъ конхъ по состоянію страны обойтиса не можно, и передалъ ихъ въ ваши руки.* Я ссылаюсь на Василей Степановича и лучше бы вы ихъ ему отдали для благопоспѣшнаго производства. Вы говорите: ихъ

ненадобно. Это надлежало мнѣ сказать въ С. Б-ѣ, т. е. ничего не строить, что бы было противъ Высочайшей воли! Такъ сей годъ повороту вѣтъ. Будущій годъ въ вашей власти. *Присылайте деньги, и съ ними жотл вамшо казначел!* Не ведѣть ваши каменные батареи, но крестости; это не лишніе противъ набеговъ татарскихъ. Впрочемъ остаюсь съ полною дружбою и истиннымъ почтеніемъ.

VIII.

Слѣдуетъ знаменитое письмо Суворова къ графу Зубову, приведенное и въ статьѣ г. Милютина, на 212 стр. Сообщаю его потому, что за нимъ идутъ два неизданные письма къ Суворову самого Зубова, и потому еще, что въ статьѣ г. Милютина есть небольшая разница въ правописаніи письма и нѣкоторыя слова, подчеркнутыя мною, тамъ замѣнены другими. Письмо, сохраненное у Куриса, не есть копія, но подлинное письмо, съ полною подписью Суворова, и только разрѣзанное пожезь до половины, какъ бы вслѣдствіе нерѣшимости Суворова, который, очевидно, отгнѣнлъ-было вовсе отсылку этого письма.

«Херсонъ, Іюня — 1793 году

«Милостивый гдѣрь мой, графъ Платонъ Александровичъ!»

«Великой Монархини я всеподданнѣйше прошу о увольненіи меня на сію продолжительную кампанію къ нѣмецкимъ и союзнымъ войскамъ съ вынѣшнимъ содержаніемъ т. е. жалованьемъ и рационами съ мовнѣмъ стабомъ и получаемыми столовыми на ицъ по 500. ру. Къ сему потребенъ мнѣ паспортъ съ *обичайнымъ* отношеніемъ, ваше сіятельство покорнѣйше прошу *вспомоществовать* въ *слабженіи* оныхъ меня. Я здѣсь въ Херсонѣ гдѣ нынѣ тишина: я жъ давно безпрактикъ:

«Пребываю съ Совершеннымъ почтеніемъ и преданностию, милостивый гдѣрь мой, вашего сіятельства, покорнѣйшій слуга, графъ Александръ Суворовъ-Рымникскій.»

IX.

Письма графа Платона Зубова:

1. «Милостивый государь мой, графъ Александръ Васильевичъ. При самомъ отъѣздѣ Юсупа Михайловича получилъ я отъ него письма ваши съ приложениями, являющими, сколь раснѣе ваше къ благу и славе отечества, столь и отличные званія ваши въ ремесле военномъ; почитая сие знакомъ лестнаго вашего ко мнѣ довѣрія, буду сохранять ихъ до времени, желая, чтобы щастливо-существующій миръ продлился на долгое время, для спокойствія отечества нашего; когда-же враги Россіи дерзнутъ разорвать миръ и вознамѣрятся наступать силою, тогда предложенія ваши вами токмо успешно въ дѣйствіе приводимы быть могутъ. Съ почтеніемъ и преданностію на всегда пребыть честь имею вашего сіятельства покорный слуга Платонъ Зубовъ.»

2. «Милостивой государь мой, графъ Александръ Васильевичъ! Съ начала извещенъ я былъ отъ Турчанинова, а потомъ по лестной для меня доверенности вашей узналъ я чрезъ письмо ваше, доставленное мнѣ племянникомъ вашимъ господиномъ подполковникомъ Хвостовымъ о намереніи *вашемъ* выдать дочь *вашу* за полковника *Эдмита*. Изъ сей попечительности вашей о устроеніи жребія, позналъ я отеческое стараніе ваше о благополучіи ея, не входя ни какъ въ раздробленіе свойствъ, летъ и званныхъ пристойностей въ семь бракосочетаніи. Немогу однакожь, помоей къ вамъ дружбе и преданности, умолчать предъ вами, что *всемилостивѣйшей государыни оное показаться можетъ необычайнымъ*, а быть можетъ и неприличнымъ, что дочь столь знаменитаго Россійскаго полковолца, слышущаго столь привязаннымъ и къ вере и къ отечеству своему, отличенная именемъ и покровительствомъ великой нашей Государыни, выдается за иностраннаго иноверца. Дочь ваша еще въ весьма молодыхъ летахъ конечно не замедлитъ сдѣлать партію и приличнее, и выгоднее, и соответственнее состоянію, достоинствамъ и рожденію ея. Сие разсужденіе мое вамубѣдительнейше прошу васъ принять въ истинномъ его видѣ, должествующимъ служить вамъ непреложнымъ доводомъ моего къ вамъ доброжелательства и искреннѣе желанія видѣть васъ въ полномъ удовольствіи. Съ почтеніемъ и

преданностію на всегда пребыть честь і моему, вашего сіятельства, вожорный слуга графъ Платонъ Зубовъ.

X.

Письмо Суворова къ Императрицѣ Екатерицѣ II, написанное на-бѣло и уже подписанное, но разрѣзанное пополамъ ножеиъ, какъ-бы оставленное, сначала, безъ отправленія по назначенію. Оно также приведено у г. Милюткина, съ небольшимъ измѣненіемъ текста и орфографіи:

«Всемилюбіишая Государыня! ваше Императорское величество всеподданнѣйше прошу: высочайше повелѣть меня, по здѣшней тишинѣ, уволить волонтеромъ къ немѣцкимъ и союзнымъ войскамъ на сію компанію; съ оставленіемъ мнѣ нынѣшняго содержанія, изъ высокомонаршего Милосердія. Повергая себя къ Священнѣйшимъ Стопамъ, всемилюбіишая Государыня! вашего Императорскаго величества всеподданнѣйшій графъ Александръ Суворовъ-Рыминскій. Ч.—Іюля, 1793 года. Херсонъ.»

XI.

Теперь помѣщая переписку Суворова съ Курисомъ.

Въ числѣ бумагъ послѣдняго находится подорожная того времени, отъ 1791 года, съ подписью: «*Потемкинъ-Тавричскій*» гдѣ Курисъ названъ «подполковникомъ и кавалеромъ», ѣдущимъ черезъ Кіевъ до Петербурга, по владѣніямъ короля Польскаго и «наисвѣтлѣйшей Рѣчи Посполитой». Въ подорожной предписывается дать Курису, изъ курьерскихъ и почтовыхъ, по двѣнадцать лошадей.

Далѣе въ бумагахъ идетъ письмо Куриса къ Суворову отъ 1793 года, любопытное тѣмъ, что въ немъ говорится, между прочимъ, о человѣкѣ не менѣ замѣчательномъ, какъ и самъ Курисъ, именно о докторѣ Трофимовскомъ въ Сорочинцахъ. Этотъ докторъ напутствовалъ своими совѣтами М. И. Гоголя, мать нашего великаго писателя, передъ рожденіемъ послѣдняго, и дослужился, изъ сына простаго сельскаго человѣка, до высокаго званія придворнаго доктора Екатерины. Докторъ П***, уроженецъ этого края рассказывалъ мнѣ трогательный и вѣстѣ комическій случай, какъ отецъ Трофимовскаго, пожелавъ увидѣть сы-

на, уже генерала и важнаго сановника, прїѣхалъ въ Петербургъ на парѣ доморощенныхъ воловъ, и, поживши у сына, неожиданно узналъ, что его воловъ, по распоряженію метрдотеля сына, зарѣзали на говядину. Ни тройка отличныхъ лошадей, подаренная отцу, вмѣстѣ съ экипажемъ, ни доводы сына о вредѣ для старика такой медленной и далекой ѣзды на волахъ въ обратный путь, ничто не могло успокоить стараго отца. Дѣло дошло даже до Екатерины. Наконецъ старика утѣшили и отправили съ почетомъ, давъ ему проводниковъ и всякія удобства доѣхать обратно до родины. «Ни, ни! повторалъ все-таки отецъ: то кони, то все-таки не те! А то, сынку, буди волки, мои доморослые, любые волки! Отъ, хочь ты и единаралъ, а зробишь, якъ дурень!»...

Письмо Куриса къ Суворову:

«Сїятельнѣйшій графъ, милостивый государь! Великіе милости вашего сїятельства ко мнѣ, источникъ благополучія моего; а до конца дней моихъ обязаннѣйшій благодарникъ. Но въяснѣніе сихъ чувствъ ничто; се главнѣйшій предметъ мой быть въ глазахъ вашихъ, Сїятельнѣйшій графъ, и заслуживать оныя.

«Здоровье мое, которое столь мучитъ меня, великой поборникъ тому: двугодовая лихорадка еще имѣетъ послѣдствія во мнѣ; а благодаря Всемогущаго отъ нынѣшняго припадка, связаннаго съ семидневною горячкою, избавился; но чрезъ день за всѣми діетами и пользованіями чувствую лихорадочныя пароксизмы. Я виновать предъ собою, что майи мѣсяцъ пропустилъ, не пользовался травами; но тогда не чувствовалъ ничего. Докторъ въ Сорочинцахъ, *Трофимовскій*, пользовавшій меня, сіе приписывалъ. Сїятельнѣйшій графъ: Я во ономъ медикѣ, паче другихъ, по испытанію, уверяю. Позвольте мнѣ дней на двадцать отлучиться къ нему. Безтого здушѣ сокрушаюсь, чтобъ болѣзнь не продолжилась со мною, паче по наступающей осени и старымъ остаткамъ. Онъ, по искусству своему, ближе всѣхъ меня облегчить. Я внигдѣ ни сутокъ терять не стану, поспешу обратитца къ вашему сїятельству! — Нетерпеливо ожидаю милостиваго на сіе повеленія вашего, пребываю съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и душевною до гроба моего предавностію, сїятель-

вѣщій графъ, милостивый государь, вашего сіятельства, всеи-
жайшій и преданнѣйшій слуга, Иванъ Курисъ. Сентября 4 дня
1793 года. Боголюбенскъ.»

На этомъ письмѣ, на оборотѣ, собственноручное рѣшеніе
Суворова:

*«Дружески благодарю. Боже васъ обличи! Желаю васъ не-
терпѣливо видѣть. Г. А. С. Р-й.»*

Слѣдуютъ три собственноручныя письма Суворова къ
Курису:

I. — Иванъ Онофренвичъ! Сюда—я приѣхалъ; вы приез-
жайтѣ скорѣе. Я вамъ консточку дамъ! Г. А. С. Р-й. — Ч. 20
Сент. 1793. Херсонъ.»

II. — Херсонъ. Января 4. 1794 году. Иванъ Онофре-
вичъ! Благослови Боже ваше намѣреніе свершить (1). Я истинно
радуюсь тому и желаю всѣхъ благъ (2). — Коротко написалъ: по
налой мѣрѣ прибавить должно, что я радъ со слѣзами. Кланя-
юсь Ульянѣ Ивановнѣ (3). Помощникъ вашъ Христофъ Спаси-
тель, Богъ Іаковъ! Г. А. С. Р-й.» Приписка: *«Благодарю за по-
щилца.»* Гостицы эти были маконники....

III. — Бѣлая Церковь. Іюня 14, 1794 году. Иванъ Оно-
френвичъ! Желаю вамъ щастливо совершить ваше дѣло, и скоро
васъ видѣть. Ульянѣ Ивановнѣ мое почтеніе: Боже даруй Софѣ
Григорьевнѣ совершенное здравіе. У васъ на меня великій на-
клепъ. А въ истинѣ гора родила мышь. Я только расеоринпро-
валъ, по Высочайшему рескрипту, то есть обезоружилъ и рас-
пустилъ бывшихъ тысячъ до осьми польскихъ войскъ, въ Брац-
лавской губерніи, безъ всякихъ препонъ, и мой шефъ, графъ
Петръ Александровичъ, скорымъ совершеніемъ сего очень до-
волекъ. *«Желаю вамъ объять мальчика!»*

Курисъ, какъ видно изъ бумагъ его, въ 1799 году вышелъ
изъ отставки, изъ военной службы, изъ Кирасирскаго генералъ-
майора князя Ромодановскаго Ладыженскаго полка съ чиномъ
дѣйствительнаго статскаго совѣтника, для опредѣленія къ стат-

(1) Рѣчь идетъ о женитьбѣ Куриса.

(2) Съ этихъ поръ идутъ другія чернила. Видно, что Суворовъ слѣдую-
щія строки приписалъ черезъ нѣсколько времени.

(3) Жена Куриса.

скими дѣлами. О дальнѣйшей его жизни я не могъ собрать никакихъ свѣдѣній.

XII.

Три черновыя копіи писемъ Суворова къ разнымъ лицамъ, на лоскутѣхъ бумаги, подъ-рядъ, очевидно писанныя въ одно время:

I. — П. А. (Гр. Платовъ Александровичъ Зубовъ?) Ежели въ вѣдшихъ странахъ войны не будетъ и случатся нѣтъ корпусу противъ Французскихъ изверговъ, то при ономъ колико бы я желалъ прославлять имя великой Екатерины! Уповаю на благораспоряженіе ко мнѣ вашего сіятельства пребуду съ совершеннымъ почтеніемъ.

II. — П. I. (Петръ Ивановичъ Турчаниновъ?) Я готовъ положить жизнь въ вѣдшихъ къ Дунаю странахъ. Но естли адѣсь не будетъ войны и отправится корпусъ противъ изверговъ Французскихъ, — какая бы мнѣ высочайшая милость, ежели я при ономъ буду!

III. — Д. Я! Вотъ вамъ инструменты, которые лучше, или оба, для употребленія, но не вваче, какъ въ свое время и весьма по приличеству. Здешній постъ мнѣ ни мало рисковать не надлежитъ; потерявъ, нвогда оманъ не найдешь. *Вмъ ближе, къ кабинету, такъ и судите!*

Ключи изъ разныхъ *собственнооручныхъ* замѣтокъ Суворова.

Записка по Французски: «Vous croyant à Jassy, à ce propos, pour un siege aussi inopiné il faut des pioches et creuses-terre; ici ils ne aiffissent guéres et il y en a très peu au grand corps du genie dont on ne pourrait rien tirer.—1000 r. seroit de trop pour les preparer ici à tems, en reserve, s'il y iroit même de ma bourse.... Quelle est votre opinion, dois-je y mettre main? Mon cher chevalier, un mot sincere en reponse à celui qui sera le même jusque à son Corps-poussiere: notés ici bas!» — *Внизу приписка другою рукою:* «Les ordres à cet égard seront donnés incessamment.»

Отрывокъ въ видѣ дневника, на клочкѣ, прозою, но расположенный въ формѣ стиховъ:

- Здѣсь поутру тошно; въ вечеру голова болить.
- Пережѣна климата и жизни!
- Здешней азыкъ и обращеніе мне незнакомы;
- Могу въ нихъ ошибаться....
- Потому расположеніе мое неодинаково —
- Скука или удовольствіе!
- По кратковременности мне неколи, поздо, охоты нѣтъ мно-
му учится —
- Чему до-сего научился!
- Это все къ поступкамъ, не къ службѣ!
- Глупость то или ядъ, не хотите различать;
- Подозрѣнія на мѣня быть не можетъ, я честной человекъ,
- Богъ за меня платитъ;
- Безчестность клохчетъ и о частомъ моемъ утоленіи жажды;
- Извѣстно, что сія умереннѣе, какъ у прочихъ!
- Зависть по службѣ — заплати Богъ!
- Выѣзды мои кратки....
- Ежели противны, и тѣхъ не будетъ!.

Слѣдуетъ за этимъ маленькій лоскутокъ бумаги, неписанный сокращенно и очень неразборчиво рукою Суворова. Буквы его фамиліи: *Г. А. С. Р.* даютъ понять кое-что изъ этого чернозого отрывка, и я привожу эти замѣтки Суворова для желающихъ ихъ объяснить:

• Г. А. С. Р.-ѣ. Отъ меня больше пользы! После не было бы странности при Варнѣ, Шумлѣ. — Отвѣтъ синочнаго старшинства пожелалъ Г. С. Р. перенести театръ чрезъ Шумлу, за Балканы.

• Въ частности Г. С. Р. удрученъ милосердіями. Земля, корноралъ! Въ обществѣнности на томъ-же рубежѣ: П** омастченъ къ плодоносіямъ. Такъ Евгений, Лаудонъ, пр! Они обошли Г. С. Р.-ѣ. во всей Арміи никого.

• Элипитъ изъ чужестранныхъ въ капит! Г. С. Р.-ѣ. серж. гв! К. Ю. Долгор. съ нимъ одного года въ службѣ по списку, въ ковыбѣе. Надъ прочими Г. С. Р. старѣе лѣтами и службою: кро-

нѣ Европ., что особо изъ уволенныхъ. — Г. Брюсъ по адъютанству гвардіи, Г. Солтыковъ по камеръ-юнкерству и Франкфортскому навістію, Н. Солтыковъ по оберъ-квартирмейстерству и Франкфортскимъ знамѣнамъ, Репнинъ по адъютанству гвардіи, Каменскій по Артиллеріи и квартирмейстерству, Каховской по квартирмейстерству, К. Ю. Доргор. полк. Кроатъ, конхъ не было. Всѣ они были оберъ-офицеры. Г. С. Р. премьеръ майоръ.

«Si je serois f. Cesar, je te nommerai le premier Capitaine du monde. Настоять на это было бы подобно тому Московскому Архимандриту, что себя пожаловалъ въ Пресвященнаго Платона... физикально и морально! Время кратко, сближается конецъ. парашень, 60 лѣтъ и — сокъ высохнетъ въ лимонъ.»

Слѣдуетъ въ такомъ-же родѣ оригинальная замѣтка, съ сокращеніями словъ, въ видѣ отрывка изъ дневника, подъ именемъ: «Необходимость». Привожу изъ нее удобочитаемыя мѣста:

— «П. П. I. Шуваловъ старѣе его, за претевзію въ волосы; Шуваловъ къ Солтыкову придрался. Сидѣть. Конференція Шувалову. Бойтся отъ двора, наклонилъ Бутурлина: нѣтъ онъ надобенъ. Шуваловъ необходимъ! Бутурлинъ изъ шутокъ въ дураки. Между прочимъ король заключенъ подъ Швейдницемъ; Бутурлинъ безъ памяти ушелъ. Россія — хоть трава не расти!

• Польша. (Никогда какъ нынѣ я уничтоженъ не былъ). Валеріинъ за столомъ наклонилъ. Суворовъ одинъ, въ Римлянахъ необходимъ. Закулисной тамъ лучше короля.

(Зубовъ?) • Холодно о Финляндскихъ работахъ. Поворотилъ меня на югъ: они хороши! Кончилъ или кончу, или будущее в безъ меня кто кончитъ. У Регента ссора съ королевемъ. Фантазія для глухихъ, или летящій сверчокъ!

• Необходимость дочь Р-а! (Регента?) Твержу его, будто другихъ нѣтъ.

• Благовидностію никто такъ играть не умѣетъ; и всѣмъ изъ того польза. Упрятавъ я здѣсь; есть мѣсто, гдѣ заредь упрятанъ буду.

• Свѣтилъ бы мѣсяцъ, звезды.... Царь жадуеть, и царь не жадуеть!

• Бееръ, что дѣлать нѣтъ, ежели 2 раза забудеть по міру ходить. Лучше абшить....

•Какая связь у Ре(шнина) съ особами? И интересъ.... П** и Т-въ легко въ связи съ Р. не любить — боится; не въ участи — заведетъ Рев. обманывать не его, нечто онъ знаетъ гибкость, но щурпы благовидности не разумѣетъ. Графа ему евангеліе. Какъ гуляетъ Михельсонъ, онъ не безъ дѣла....

•Херсонъ, тамъ-то нѣтъ и дѣло; вѣдѣсь кончить иной; есть Тучковъ, а Щербатовъ руководствуетъ....

•Я, нѣтъ важности Термовилъ уже нѣтъ. Россія оружіе; оружіе завеса нѣтъ; нынѣ исправить могутъ кардиналъ Демосеенъ и Теранты....

•Живая грамота, вами употребляемое, женское; живая грамота вы; у всякаго другаго вихрь развѣетъ на пути память, личность переиѣняетъ, смыслъ и видъ; не призирайте, я скрою, — участь корысти, молва подковъ, зарница — перушь....»

Наконецъ изъ «Суворовскихъ бумагъ» хранившихся у Куриса, прилагаю записку Суворова, помѣченную такими заглавиемъ: «Слова и наставленіе графа Суворова-Рымникскаго, при возложеніи ордена Георгіевскаго.»

Вотъ эти оригинальныя, самобытныя, такъ знакомыя каждому вѣрченію Суворовскаго «солдатскаго краснорѣчія»:

•Получилъ. Быть можетъ, что (орденъ) обретется въ тягость. Для того пріобрѣтать достоинства генеральскія.

1. Добродѣтель, замыкающаяся въ честности, которая одна тверда. Она: въ содержаніи слова, въ бездукавствіи и осторожности, въ безмщеніи.

2. Солдату — бодрость, офицеру — храбрость, генералу — мужество. Выше всего — глазомеръ, то есть пользованіе положеніемъ нѣста, — трудолюбіе, бдѣніе и постиженіе....

3. «Непрестанная наука изъ чтеніевъ; сначала регулярства — курсъ Марсовъ; а для единственныхъ 6-ти орденовъ баталіи, старинной вигеции, по Русской войнѣ мало описанія, въ прежнюю и послѣднюю Турецкія войны, съ великимъ затверженіемъ эволюціевъ; старинныя жъ, какія случатся; Монтекукули очень древне въ много отнѣны соображать съ нынѣшними правдами Турецкой войны. Карлъ Латаринскій, Конде, Тюренъ, Маршалъ де-Саксъ. Виларсъ, Катинатъ, какіе есть переводы, и та-

кожъ поясяется текущею съ Французами войною. *Во ней мно-
го хорошихъ правилъ; особливо къ осадамъ!* — Стариннѣйшія жъ,
возбуждающія къ мужеству, суть: Троянская война, Коммента-
ріи Кесаревы и Квинтусъ Курціусъ, Александрія. *Для возвыше-
ніа духа старой Польши....*

Надѣюсь, что читателямъ любопытно будетъ встрѣтить
здѣсь самыя отрывочныя слова изъ дорогой и всѣмъ намъ любез-
ной рѣчи великаго полководца. Для біографа Суворова приве-
денныя мною здѣсь письма Суворова, замѣтки его и письма къ
нему равныхъ лицъ — навѣрное дадутъ что-нибудь новое. Я же
сочту себя вполне счастливѣе, что черезъ меня опубликуются
эти, сохраненныя въ семействѣ Курисъ, «Суворовскія бумаги»
около 60-ти лѣтъ лежавшія подъ спудомъ.

Г. ДАНИЛЬСКІЙ.

С. Петровское.

15 Августа 1856.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ АКТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ХАРЬКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.—
Истекшій 18⁵⁶/₅₆ учебный годъ въ Императорскомъ Харь-
ковскомъ университетѣ заключенъ былъ торжественнымъ ак-
томъ, произведеннымъ 14 Сентября, въ 12 часовъ утра. По вы-
слушаніи въ университетской церкви литургіи, преподаватели
и студенты университета собрались въ залу торжественныхъ со-
браній, и по прибытіи г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Дѣй-
ствительнаго Тайнаго Совѣтника А. С. *Норова*, преосвященнаго
Филарета, епископа Харьковскаго и Ахтырскаго, и другихъ по-
четныхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ, актъ открытъ былъ
молитвою: «*Царю небесный*». Затѣмъ произнесены были рѣчи:
г. ректоромъ университета, дѣйств. ст. сов. *Фойтломъ* — вступи-
тельная рѣчь; г. экстраординарнымъ профессоромъ *Станислав-
скимъ* — «О происхожденіи положительнаго права»; экстраordi-
нарнымъ профессоромъ *Николаемъ Лавровскимъ* — «О педагогиче-
скомъ значеніи сочиненій Екатерины Великой» и «Отчетъ о со-
стояніи Харьковскаго университета за 18⁵⁵/₅₆ учебный годъ»,
составленный экстраординарнымъ профессоромъ *Клобуцкимъ*.
Затѣмъ за сочиненія на предложенныя въ прошломъ году уни-
верситетомъ темы выданы медали: студенту 4-го курса разряда

естественныхъ наукъ Николаю *Леваловскому*, на тему по разряду естественныхъ наукъ: «Проѣрить наблюденіями живичность и постоянство всѣхъ зажившихъ, доселѣ ихтиологами принимаемыхъ видовыхъ признаковъ рыбъ, наиболее распространенныхъ въ рѣкахъ, озерахъ и прудахъ около Харькова» — *серебряная*; студенту 3-го курса разряда математическихъ наукъ, Егору *Морозову*, на тему по разряду сихъ наукъ: «Объ индуктивныхъ токахъ вообще и въ особенностъ о магнито-электрическихъ машинахъ» — *золотая*; студенту 3-го курса юридическаго факультета Ивану *Голлеву*, на тему по юридическому факультету: «Изложить, на основаніи законодательныхъ и юридическихъ актовъ, порядокъ гражданскаго судопроизводства въ Россіи до указа 1723 года и показать перемены, произведенныя въ судопроизводствѣ симъ послѣднимъ узаконеніемъ» — *золотая*; наковонецъ вновь вступившимъ въ университетъ студентамъ розданы были ишаги. Актъ заключенъ былъ пѣніемъ народнаго гимна: «Боже, Царя храни!»

ДИССЕРТАЦІИ НА ТИПѢ, ПРЕДЛОЖЕННЫЯ ВЪ 1855—56 УЧЕБНОМЪ ГОДУ СТУДЕНТАМЪ ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА.—Въ 1855—56 учебномъ году студентами университета св. Владимира представлены слѣдующія диссертациі для соисканія наградъ медалями: 1) на тему историко-экологическаго факультета: «Изложить основаніе устройства и опредѣлить экономическое значеніе кайъ Русскихъ, такъ и вообще Европейскихъ земледѣльческихъ кредитныхъ учреждений», представлено сочиненіе съ девизомъ: «земля бо пившая складующій на нее множицею дождь и рождающая былія, добрыя ошымъ, имъ же и дѣлана бываетъ, прииметь благословеніе отъ Бога.» Разсужденіе это состоитъ изъ слѣдующихъ частей: во-первыхъ, изъ введенія, въ которомъ объясняется происхожденіе кредита и его значеніе въ народной экономіи; во-вторыхъ, изъ отдѣла о земледѣльческомъ кредитѣ въ частности, гдѣ разсматривается необходимость кредитныхъ учреждений, занимающихъ частныя сдѣлки; въ-третьихъ, изъ статьи о земледѣльческихъ кредитныхъ учрежденіяхъ, гдѣ авторъ излагаетъ сначала новоды къ нимъ основанію, а затѣмъ раздѣляетъ ихъ на товарищества и на государствен-

ныя кредитныя учрежденія: въ-четвертыхъ, изъ обзора механизма земледѣльческихъ кредитныхъ учреждений и коренныхъ ихъ основаній; въ-пятыхъ, изъ нѣсколькихъ отдѣловъ, въ которыхъ положены подробно: устройство и операціи земледѣльческихъ кредитныхъ учреждений, выпускающихъ облигаціи въ Пруссіи, Баваріи, Франціи и Россіи. Обзоръ составныхъ частей разсужденія показываетъ, что авторъ разработалъ заданную тему съ надлежащею полнотою и коснулся всѣхъ существенныхъ сторонъ, представляемыхъ ею. Общія теоретическія понятія, высказанныя въ разныхъ мѣстахъ сочиненія, и разборъ чужихъ мнѣній показываютъ и большую начитанность, и правильный взглядъ какъ на науку вообще, такъ и въ частности на самый предметъ изслѣдованій. Независимо отъ этихъ теоретическихъ достоинствъ, представленное сочиненіе имѣетъ еще другую цѣну: оно заключаетъ въ себѣ въ первый разъ на Русскомъ языкѣ обзоръ уставовъ и операцій замѣчательнѣйшихъ земледѣльческихъ кредитныхъ учреждений, выпускающихъ облигаціи. Разсужденіе это, имѣющее неоспоримыя достоинства, заключаетъ въ себѣ нѣкоторые недостатки какъ въ построеніи цѣлаго, такъ и въ частностяхъ, напримѣръ изложеніе нѣкоторыхъ не существенныхъ подробностей, иногда неудачно-переданный юридическій терминъ — недостатокъ, впрочемъ, не уменьшающіе заслуги автора. Авторъ этого сочиненія, казеннокоштный студентъ историко-филологическаго факультета 8-го семестра Георгій Сидоренко удостоенъ золотой медали. 2) На тему, заданную физико-математическимъ факультетомъ: «Изложить, сообразно современному состоянію науки, образованіе растительныхъ клѣточекъ, руководствуясь по возможности собственными наблюденіями», представлено два разсужденія. Одно изъ нихъ, съ эпиграфомъ: «законы природы должны быть неизобрѣтаемы а ргіогі, но выводимы изъ наблюденій», дѣлится на два отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ авторъ ясно и отчетливо излагаетъ новѣйшія наблюденія надъ образованіемъ клѣточекъ, и въ подтвержденіе своихъ мнѣній приводитъ многіе факты, заимствованные изъ сочиненій различныхъ ученыхъ, исчисленныхъ имъ въ началѣ разсужденія. Второй отдѣлъ содержитъ факты (съ практическимъ ихъ разборомъ), относящіеся къ строенію, формѣ и величинѣ клѣточекъ, къ

строению оболочки клеточекъ, къ строению сосудовъ, къ химическимъ и физическимъ свойствамъ клетки, къ веществамъ растительнымъ, заключающимся внутри клеточекъ; затѣмъ излагаетъ современный взглядъ на строение растительныхъ клеточекъ и ихъ образование и физиологическое значеніе клеточки. Такимъ-образомъ авторъ обобрьлъ вполне и со всѣхъ сторонъ заданный вопросъ, и сочиненіе его отличается полнотою изложенія, яснымъ и отчетливымъ взглядомъ на предметъ, знакомствомъ со многими новѣйшими сочиненіями по этому предмету и весьма-удовлетворительнымъ языкомъ. Кроме того, оно снабжено превосходными, даже изящными рисунками. Авторъ этого разсужденія, самоучившій студентъ физико-математическаго факультета 8-го семестра Иванъ Станкевичъ признанъ достойнымъ золотой медали. Во второмъ разсужденіи, съ эпиграфомъ: *«Natura maxime miranda in minimis»*, авторъ кратко излагаетъ сначала исторію развитія анатоміи растений и ученія образованія растительныхъ клеточекъ въ особенности. Исторію анатоміи растений авторъ раздѣляетъ на 3 періода: древній — отъ начала науки до появленія сочиненій Мальпиги во второй половинѣ XVII вѣка, средній — отъ Мальпиги до ученой дѣятельности Роберта Броуна въ первой половинѣ XIX столѣтія и новый — отъ Роберта Броуна до нашего времени. Въ каждомъ изъ этихъ періодовъ авторъ излагаетъ важнѣйшія открытія и мнѣнія ученыхъ, служившія къ развитію ученія о начальныхъ органахъ растений; потомъ переходитъ къ изложенію новѣйшихъ наблюденій надъ образованіемъ растительныхъ клеточекъ. Изложивъ различныя имъ два способа образованія растительныхъ клеточекъ, авторъ критически разбираетъ мнѣнія относительно этого предмета Шлейдена, Ревье, Унгера, Негеле, Моля и др.; затѣмъ излагаетъ современное понятіе о различныхъ формахъ клеточекъ, о стѣнкахъ растительныхъ клеточекъ, о различныхъ растительныхъ веществахъ, образующихся въ полостяхъ клеточекъ, о жизни и смерти клеточекъ, наконецъ сравниваетъ развитіе растительныхъ клеточекъ съ клеточками у животныхъ. Разсужденіе это служитъ яснымъ доказательствомъ, что авторъ оного знакомъ со многими спеціальными сочиненіями, относящимися къ растительной физиологій и анатоміи, по ру-

ководствовался преимущественно сочинениями Шлейдена, которого мнѣній онъ вообще придерживается; что авторъ вполне усвоилъ себѣ понятія новѣйшихъ ученыхъ объ образованіи клѣточекъ и изложилъ ихъ весьма-ясно, отчетливо и вполне-удовлетворительно, и что онъ самъ много сдѣлалъ микроскопическихъ наблюдений. Разсужденіе это украшено превосходными рисунками, сдѣланными съ натуры. Авторъ этого сочиненія, своекоштный студентъ физико-математическаго факультета 6-го семестра Иванъ Иваненко признанъ достойнымъ золотой медали. 3) На заданную юридическимъ факультетомъ тему: наложить исторію, нынѣшнее устройство и экономическое значеніе банковыхъ установленій въ Россіи, представлено сочиненіе съ девизомъ: «кредитъ лучше денегъ». Оно раздѣляется на двѣ части: общую и особенную. Въ общей части представлены начала, по которымъ производятся и обращаются богатства въ ихъ постепенномъ развитіи; изъ этихъ началъ выводится понятіе о сущности, необходимости и важности кредита для государственной экономіи. Объяснивъ понятіе о кредитѣ, авторъ переходитъ къ установленіямъ, основаннымъ на этомъ понятіи, и, остановившись на банковыхъ установленіяхъ въ Европѣ, подвергаетъ подробному изслѣдованію ихъ операціи. Въ особенной части авторъ обращается къ исторіи и нынѣшнему устройству банковыхъ установленій въ Россіи. Начавъ исторію, авторъ подвергаетъ изслѣдованію достоинства и недостатки каждаго банка, рассматриваетъ обстоятельства, благопріятствовавшія успѣшному ходу операцій, и наконецъ излагаетъ экономическіе результаты каждаго банковаго установленія. Представивъ первоначальное учрежденіе и постепенное развитіе банковыхъ установленій въ Россіи, авторъ переходитъ къ изложенію нынѣ дѣйствующихъ узаконеній, показываетъ ихъ преимущество въ сравненіи съ прежними постановленіями объ устойчивѣ банковъ и подвергаетъ подробному изслѣдованію законы банковыхъ операцій. Наконецъ, представивъ числа величины банковыхъ оборотовъ, показываетъ тѣмъ самымъ постепенно-возрастающую важность банковыхъ установленій въ экономическомъ отношеніи. Предложенная юридическимъ факультетомъ тема рѣшена въ этомъ сочиненіи вполне-удовлетворительно. Въ теоретической части разсужденія авторъ

обнаружилъ ясный взглядъ на предметъ, основательность въ выводахъ, стремленіе къ самостоятельной обработкѣ науки и способность выражать отвлеченныя мысли ясно и отчетливо. Положительная часть разсужденія, отличающаяся полнымъ и стройнымъ порядкомъ изложенія, показываетъ рѣдкое трудолюбіе, способность анализировать факты и подводить ихъ подъ общіе экономическіе законы. Авторъ этого разсужденія, своекоштный студентъ юридическаго факультета 8-го семестра Эдуардъ *Шварцъ*, удостоенъ золотой медали. 4) На тему медицинскаго факультета: «De partie praematurae artificiali» представлено два разсужденія: одно — съ эниграфомъ «Et falsae opinionis refutatio scientiis est incrementum», другое — съ латинскомъ: «Si quid novisti rectius istis candidus imperti; si non his utere mecum». Авторъ перваго разсужденія, при обработкѣ заданной темы, не слѣдовалъ никакому порядку и раздѣлялъ свое сочиненіе на нѣсколько совершенно отдѣльных частей. Первое изъ нихъ заключаетъ въ себѣ описаніе различныхъ методовъ производства сказанной операціи. Вторая часть, начинающаяся нѣсколькими статистическими таблицами о результатахъ этой операціи, содержитъ въ себѣ исчисленіе показаній и противопоказаній оной. Въ третьей части излагается исторія операціи. Разсужденіе это не въ полной удовлетворительно какъ по изложенію предмета, такъ и по языку; но оно нѣтъ въ своихъ хорошихъ стороны. Оно доказываетъ, что авторъ много думалъ объ обработкѣ заданной темы, много собралъ данныхъ, много читалъ и сдѣлалъ надлежащую оцѣнку прочитанному. Во вниманіе къ сему авторъ этого разсужденія, казеннокоштный студентъ медицинскаго факультета 6-го семестра Эрвастъ *Розенталь* удостоенъ серебряной медали. Во второмъ сочиненіи обработана заданная тема въ строгомъ систематическомъ порядкѣ. Опредѣливъ значеніе операціи, авторъ излагаетъ исторію ея съ самою отчетливою подробностію. Далѣе упоминаетъ о всѣхъ важнѣйшихъ сочиненіяхъ, относящихся къ этой операціи, и вычисляетъ ея показанія и противопоказанія. Опредѣливъ время, когда именно должна быть произведена операція, авторъ описываетъ приготовленія къ оной и разбираетъ критически всѣ извѣстные донынѣ методы ея. Результаты операціи показаны въ особыхъ таблицахъ, составленныхъ съ рѣдкимъ

тщаниемъ. Сочиненіе это превосходно во всѣхъ отношеніяхъ. Совершенное аваніе дѣла, ясный взглядъ, вѣрная оцѣнка всѣхъ усовершенствованій, строгая отчетливость въ изложеніи даже малѣйшихъ подробностей составляютъ отличительныя достоинства этого сочиненія и ставятъ его на ряду съ лучшими монографіями по этому предмету. Авторъ этого разсужденія, студентъ медицинскаго факультета 6-го семестра Осипъ *Колляновскій* удостоенъ золотой медалі, вмѣсто которой награжденъ экземпляромъ «Собранія рисунковъ хирургическихъ операций» профессора *Овера*.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ АКТЪ РИШЕЛЬСКАГО ЛИЦЕА И СОСТОЯЩІЙ ПРИ НЕМЪ ГИМНАЗІИ. — По окончаніи академическаго 18⁵⁶/₅₈ года, происходилъ въ Ришельевскомъ лицей и состоящей при немъ гимназій, 28 Августа, торжественный актъ. Предъ актомъ совершена была въ Александровской лицейской церкви божественная литургія, въ концѣ которой было произнесено профессоромъ, протоіереемъ *М. Павловскимъ*, поучительное слово, на текстъ: «аже свыше премудрость первѣе убо чиста есть, потому же мирна, кротка, благопокорлива, исполнь милости и плодовъ благихъ, несумѣнна и нелицемѣрна» (Іак. III. 17); потомъ произошло благодарственное молебствіе, съ возглашеніемъ многолѣтія Его Императорскому Величеству и всему Августѣйшему Дому. Въ полдень въ лицейской залѣ начался актъ пѣніемъ молитвы: «Царю небесный». Затѣмъ профессоромъ *Лукашовымъ* прочтена была рѣчь: «О распредѣленіи неподвижныхъ звѣздъ на видимомъ небѣ и въ пространствѣ», и инспекторомъ лицея *Михневичемъ* — «Историческая записка о состояніи и дѣйствіяхъ Ришельевскаго лицея въ истекшемъ учебномъ году», причемъ розданы были свидѣтельства на медали студентамъ III курса физико-математическаго отдѣленія *Васютинскому* и *Диварю* за лучшія сочиненія на заданныя темы и провозглашены имена студентовъ, удостоенныхъ аттестатовъ и перевода въ высшіе курсы. По окончаніи рѣчей, ученики состоящей при лицей гимназій читали наизусть стихи на Русскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ и Италіанскомъ языкахъ. Затѣмъ 1-й помощникъ инспектора произнесъ имена учениковъ, отличившихся въ наукахъ, удостоенныхъ перевода въ высшіе классы и получаю-

шихъ награды. На актѣ присутствовали: преосвященный *Полікарпъ*, епископъ Одесскій, командующій 3 армейскимъ корпусомъ генералъ-лейтенантъ *А. К. Фридрихсъ*, инженеръ-генералъ-маіоры: *Л. Х. Клементъ* и *А. Д. Кривошъ*, исполняющій должность Одесскаго губернатора *А. А. Шостакъ*, почетнѣйшее духовенство и почетнѣйшія лица военнаго и гражданскаго вѣдомствъ и городского сословія. Актъ кончился гимномъ: «*Боже, Царя храни*».

МОРСКАЯ ОБСЕРВАТОРІЯ ВЪ КРОИШТАДТѢ. — 14 Августа Высочайше утверждены проектъ положенія о морской обсерваторіи въ Кроиштадтѣ и штатъ оной. Цѣль этой обсерваторіи — доставленіе мореплавателямъ легчайшихъ средствъ и удобнѣйшихъ способовъ повѣрять хронометры и другіе навигаціонныя инструменты, необходимыя для безопаснаго плаванія, равно какъ для усовершенствованія офицеровъ флота и корпуса флотскихъ штурмановъ въ астрономическія наблюденія. Имелась морскою, она подчинена непосредственному вѣдѣнію гидрографическаго департамента. Для управленія обсерваторіею полагается постоянный астрономъ, назначаемый Высочайшимъ приказомъ по морскому вѣдомству о чинахъ гражданскихъ и именуемый морскимъ астрономомъ, изъ лицъ, специально-занимающихся и извѣстныхъ по части астрономіи; въ помощь астроному назначается помощникъ изъ офицеровъ флота или корпуса флотскихъ штурмановъ. Въ вѣдѣніи астронома находятся какъ самая обсерваторія и инструменты, собственно ей принадлежащіе, такъ равно и хронометры, получаемые обсерваторіею отъ гидрографическаго департамента или военныхъ судовъ. На обязанность астронома морской обсерваторіи въ Кроиштадтѣ возлагается: 1) наблюденіе за цѣлостію и сохранностію всѣхъ предметовъ, въ обсерваторіи находящихся; 2) точное опредѣленіе времени, на пользу какъ военныхъ, такъ и купеческихъ судовъ; повѣрка хронометровъ и показаніе времени судамъ, на рейдѣ и въ гавани; 3) повѣрка всѣхъ астрономическихъ снарядовъ, отпускаемыхъ на суда флота; 4) повѣрка тѣхъ навигаціонныхъ инструментовъ, которые для этой цѣли найдеть нужнымъ отправить къ нему смотритель инструментальной камеры; 5) упражненіе офицеровъ флота и корпуса флотскихъ штурмановъ въ астрономическія на-

блюденіяхъ; 6) чтеніе лекцій изъ практической астрономіи для тѣхъ же офицеровъ, и 7) выполненіе ученыхъ изысканій, относительно приложенія астрономіи къ навигаціи, поручаемыхъ начальствомъ гидрографическаго департамента. Помощникъ астронома исполняетъ всѣ работы, поручаемыя ему астрономомъ, преимущественно же по 3-й, 4-й и 5-й статьямъ сего параграфа; сверхъ того вполне замѣняетъ астронома, въ случаѣ болѣзни или другихъ причинъ, препятствующихъ сему послѣднему исполнять свою обязанность. Жалованья астроному положено 1430 р. 10 к. с., а помощнику его — по чину и столовыхъ 214 р. 43 к. На ежегодные расходы по обсерваторіи, какъ-то: на пріобрѣтеніе необходимыхъ книгъ и таблицъ, равно на покупку и починку инструментовъ, а также и на канцелярскія потребности опредѣляются проценты (600 р.) съ капитала 15,000 руб., назначеннаго по Высочайшему указу, данному правительствующему сенату 5-го Мая 1856 г., изъ экономическихъ суммъ бывшихъ морскихъ учебныхъ экипажей, на составленіе капитала Кронштадтской морской обсерваторіи. Обсерваторіи помѣщается въ казенномъ аданіи, вблизи котораго отведены казенныя помѣщенія какъ для храненія хронометровъ, такъ и для жительства всѣхъ служащихъ при обсерваторіи чиновъ.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ АКТЪ ВЪ ОЛОВЕЦКОЙ ГИМНАЗИИ — 16 Сентября въ Оловецкой гимназій происходилъ торжественный публичный актъ за 1855—56 учебный годъ, въ присутствіи г. начальника губерніи, родителей и родственниковъ воспитывающихся въ гимназій дѣтей и многочисленныхъ любителей просвѣщенія. Актъ былъ открытъ хоромъ воспитанниковъ, которые пропѣли молитву: «Царю небесный». Потомъ старшій учитель *Жванскій* прочелъ разсужденіе: «О монархіи Карла Великаго; ученики: *Смоороткинъ* и *Баранцевъ* читали наизусть стихотворенія: «На церковное строеніе», князь П. А. *Вяземскаго* и «Звѣзды», *Ломаяковъ*. Ученикъ *Ев. Fortunатовъ* прочелъ свое сочиненіе: «Вѣчаніе Русскихъ царей на царство». Послѣ того, учениками *Половскимъ* и *Шкалинскимъ* читаны наизусть два стихотворенія на день священнаго коронованія Государя Императора. Хоръ воспитанниковъ пропѣлъ кантъ: «Колѣна, Россы, преклоните...» Секретарь Совѣта

гимназій, старшій учитель *Воровое* прочиталъ краткій отчетъ о состояніи Оловяцкой дирекціи за минувшій учебный годъ. Вновь опредѣленнымъ законоучителемъ, священникъ *Каванскій* провѣстивъ привѣтствіе къ дѣтямъ предъ раздачею наградъ. Затѣмъ прочитаны переводы учениковъ въ высшіе классы и отличнѣйшими изъ нихъ розданы награды. Народнымъ гимномъ: «Боже, Царя храни», исполненнымъ съ аккомпаниментомъ музыки, заключенъ былъ торжественный актъ гимназій.

ГАЛЬВАНИЧЕСКІИ ОПЫТЪ ВЪ ВИДѢНІИ ПОСЛАВСКАГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА. — Сообщаемъ это любопытное ученое извѣстіе, составленное *Я. М. Славскимъ*, и помѣщенное въ Вѣстникѣ естественныхъ наукъ (№ 20), издаваемомъ Императорскимъ Московскимъ Обществомъ естествоиспытателей. «Свидѣтели бластательнаго фейерверка, сожженного въ заключеніе торжества, бывшихъ въ Москвѣ, по случаю священнаго коронованія Государа Императора, безъ всякаго сомнѣнія, болѣе всего поражены были необыкновеннымъ освѣщеніемъ огромнаго пространства при началѣ и въ концѣ фейерверка, произведеннымъ такъ-называемыми гальваническими (или электрическими) солницами. Для образованія этихъ солницъ употреблена была гальваническая цѣпь, или батарея, состоящая изъ 500 элементовъ Бунзена, нарочно для этой цѣли приготовленная. Если обыкновенная гальваническая цѣпь, элементовъ въ 12, поражаетъ насъ своими дѣйствіями, то чего же можно ожидать отъ 600 элементовъ! Въ субботу, 22 Сентября, въ тронной залѣ 1 кадетскаго корпуса, по распоряженію начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества, произведены были капитаномъ *Шмаковскимъ* многіе опыты съ этою цѣпью, въ присутствіи начальниковъ и воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ и немногочисленной, но избранной публики. Получивъ обязательное извѣщеніе объ этихъ опытахъ за часъ до ихъ начала, я едва успѣлъ только доѣхать до корпуса, чтобы быть при нихъ иль-нибудь свидѣтелемъ, и потому не могъ воспользоваться тою готовностію, съ которою заглядывающій этины необыкновеннымъ электрическимъ приборомъ капитанъ *Шмаковскій* предлагалъ его въ мое распоряженіе послѣ публичнаго представленія, для рѣ-

шенія какихъ-либо другимъ вопросамъ. Къ сожалѣнію, на другой день онъ предполагалъ уже укладывать свою батарею для отправления въ С. Петербургъ. Но и тѣ опыты, которые сдѣланы были безъ большихъ предварительныхъ приготовленій, для публики представляютъ весьма много поучительнаго. Поэтому считаю долгомъ сообщать объ нихъ читателямъ, предполагая, что имъ извѣстно общее устройство гальванической цѣпи и главнѣйшія ея дѣйствія. Стальные и платиновые тонкія проволоки, до 8 аршинъ длиною, подъ дѣйствіемъ столь сильной гальванической цѣпи, весьма быстро накаливались и расплавились, причемъ стальные проволоки рассыпались весьма мелкими каплями, а платиновые, накалившись до-бѣла, мгновенно исчезали, превращаясь въ пары. Бывши въ началѣ совершенно горизонтальными, эти проволоки, во время накаливанія, видимо повисли, изгибаясь дугою вслѣдствіе удлиненія, происходившаго отъ расширенія ихъ. Мѣдныя проволоки, до 2 линій въ діаметрѣ, служившія электродами для замыканія цѣпи, при взаимномъ сближеніи плавилась и отдѣляла отъ своихъ концовъ крупныя капли, которыя потомъ, въ видѣ шариковъ, собираемы были надъ сосудомъ съ водою. Когда для электродовъ употреблены были круглыя подпилки изъ Англійской стали, то явленіе было еще поразительнѣе: расплавленный металлъ не имѣлъ такой текучести, какъ мѣдь, но разбрасывался по сторонамъ мелкими искрами и только по временамъ отдѣлялся въ воду, надъ которою находились эти электроды, въ видѣ тѣстообразныхъ кусочковъ, которые, по охлажденіи, представляли большое сходство съ метеорнымъ желѣзомъ. Заостренные куски кокса (угля), употребляемые для электродовъ, отдѣляли блистательный свѣтъ, въ видѣ бѣлаго пламени (это и есть гальваническое солнце), не только въ воздухѣ, но даже подъ водою. При этомъ весьма рѣзко выказывалась, съ одной стороны, большая равность между проводимостію угля и воды: потому что токъ направлялся чрезъ уголь и проходилъ чрезъ воду въ томъ мѣстѣ, гдѣ было наименьшее разстояніе между кусками угля, а съ другой, — не менѣе того замѣчательная равность въ развитіи теплоты на томъ и другомъ электродахъ: пламя видимо направлялось отъ катода къ аноду, въ особенности когда одинъ электродъ держали въ водѣ,

я другой надъ водою. Эти же куски кокса, бывши довольно долгое время въ раскаленномъ состояніи подѣ дѣйствіемъ тока, измѣнились въ физическихъ своихъ свойствахъ до того, что превращались на копчахъ своихъ въ совершенный графитъ. Когда пламя, отдѣляемое электродами изъ кокса, направлено было на сырой красный (глинистый) песокъ, то онъ сплавлялся въ стекловидную массу. Предполагалось сжечь алмазъ дѣйствіемъ этой сильной батареи; однакожь, не смотря на довольно продолжительное дѣйствіе пламени, алмазъ, кажется, совершенно устоялъ. По-крайней-мѣрѣ, рассматривая его вскорѣ послѣ охлажденія, я не могъ замѣтить никакихъ перемѣнъ въ его формѣ; только блескъ нѣкоторыхъ плоскостей его, или граней, казался тусклѣе. Впрочемъ, отъ продолжительнаго дѣйствія яркаго свѣта, которымъ я при этомъ не могъ не любоваться, глаза мои до того ослабли, что я не могъ ими ясно видѣть; а послѣ того подвергавшійся опыту алмазъ не приходилось мнѣ рассматривать. Для полноты описанія опытовъ съ этою замѣчательною батареею, не могу пропустить еще одного обстоятельства: приготавливши заблаговременно батарею, капитанъ Шпаковский, еще до прихода публички, какъ-то неосторожно взялъ въ руку одинъ изъ металлическихъ электродовъ, забывши, что другой электродъ онъ держитъ уже въ другой рукѣ; такимъ образомъ весь токъ прошелъ чрезъ его тѣло; при этомъ онъ почувствовалъ такое стѣсненіе въ груди, котораго описать былъ не въ состояніи, и отъ котораго довольно долго не могъ оправиться: пальцы на его рукахъ, бывшіе въ прикосновеніи съ металлическими электродами, оказались совершенно обожженными, такъ что кожа на нихъ растрескалась. При самыхъ опытахъ онъ употреблялъ электроды, покрытые гутта-перчею, которая не проводитъ электричества.

ОТКРЫТІЕ ВОЗНѢЗЪ ЗАВЕДЕНІЙ ПРИ МОСКОВСКОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ ШКОЛѢ ШЕЛКОВОДСТВА. — 25 Августа было освященіе и открытіе новыхъ заведеній и заведеній въ практической школѣ шелководства, учрежденной при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ сельскаго хозяйства. При этомъ присутствовала президентъ Общества сельскаго хозяйства Кн. С. П. Гагаринъ, вице-презид-

дентъ, генералъ адъютантъ С. П. Шмювъ, члены совѣта и многіе дѣйствительные члены общества и комитета шелководства. Въ числѣ ихъ почтили этотъ праздникъ школы своими посѣщеніемъ: знаменитый защитникъ Одессы и Севастополя, съ любовью и всеобщимъ уваженіемъ встрѣченный въ Москвѣ при возвращеніи изъ Крыма, почетный членъ общества, графъ Д. Е. Остенъ-Сакенъ, г. товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ А. П. Лавинскій, всегда покровительствовавшій практическому развитію науки и искусства шелководства въ Москвѣ, и директоръ департамента сельскаго хозяйства А. П. Заблоцкій. По совершеніи водоосвященія и окропленія зданій и свѣрдловъ святою водою, директоръ школы, почетный гражданинъ П. Н. Кришнеръ подалъ г. президенту рапортъ, изъ котораго мы извлекаемъ слѣдующее: «Въ засѣданіи Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства, бывшемъ Марта 24 дня сего года, утверждень былъ проектъ и планъ постройки при школѣ шелководства двухъ галерей для вывода коконовъ и двухъэтажнаго зданія для помѣщенія машинъ для дѣланія утка и основы изъ шелка, разматываемаго при школѣ какъ изъ коконовъ, въ нее присылаемыхъ и въ ней производимыхъ, такъ и изъ сжатыхъ коконовъ, выписываемыхъ изъ Азіи. По примѣрной сметѣ, сообразной съ тогдашними цѣнами, предполагалось сдѣлать эту постройку на 5,000 руб., которые вызвался пожертвовать для сего общепользнаго заведенія г. попечитель школы Н. П. Каулицъ, я имѣ, вмѣстѣ съ нимъ, поручено было произвести постройку и устроить всю школу вновь. Съ Мая мѣсяца, по полученіи изъ округа путей сообщенія плана и разрѣшенія на постройку, приступлено было къ работѣ и, не смотря на возвышшіяся противъ сметы цѣны на матеріалы и рабочихъ, вся постройка кончена; она обоилась въ 7,000 руб. сереб. Въ двухъэтажномъ домѣ поставлены дѣл. выписанныя г. попечителемъ изъ Англіи, самой новѣйшей конструкціи, машины для дѣланія утка и основы, стоящія 4,000 руб. сереб.; выписана также изъ Англіи четырехсильная паровая машина съ приводомъ, стоящая 2,500 руб. сер.; устроена червевода съ рѣшетками для корма червей и завивки коконовъ; увеличено число размотныхъ машинъ до 16, сдѣлать кабинетъ для засѣданій

комитета шелководства, съ образцами шелковъ и коконовъ, на что употреблено вѣтъ, г. Каулинскимъ, 1,000 руб. серебр. и заготовлено для парового производства топлива на 500 рублей. Теперь школа представляетъ школьнѣ возможность изучать шелководство и шелководѣіе въ Москвѣ со всѣми новѣйшими для нѣтъ изобрѣтеніями. При осмотрѣ плантаціи, дѣйствительно, всѣ посетители нагляднымъ образомъ удостовѣрились, что для получения съ данного пространства земли, въ кратчайшее время, наибольшаго количества листа, самый лучший и рациональный способъ состоитъ въ посѣтѣ шелковицы на грядахъ, не выводя ее въ деревья, а пользуясь ею, какъ кустовымъ растеніемъ, причемъ самый сборъ листа и съ вѣтвями, срѣзываемыми садовыми ножницами, несравненно легче и усибнѣе въ дѣлѣ, нежели съ деревьевъ, на которыхъ надо вѣзвать. Листъ двухлѣтней на грядахъ шелковицы отъ новыхъ побѣговъ былъ и крупнѣе, и соченѣе, и такъ вѣженѣе, не смотря на позднее время года, что его охотно ѣли черви 2 и 3-го возрастовъ, требующіе вѣжной пищи, а вмѣстѣ онъ питателенъ и для червей 4-го и 5-го возрастовъ. Выхарка червей производилась во всѣхъ возрастахъ на рамахъ по способу Давриля. Пять мастерицъ разматывали коконы на машинахъ Докатела, Робине и Криппера, три запаривали коконы въ новѣйшемъ паровомъ сварядѣ, устроенномъ г. Крипперомъ, съ употребленіемъ для этой важной операціи пара, при чемъ получается возможность разматывать самые слабые и худаго качества коконы, которыхъ вѣтъ, при другомъ способѣ запарки, рвалась бы безпрестанно. Члены съ любознательностію обозрѣвали завязые коконы въ двадцати двухъ Даврилевскихъ рѣшеткахъ, употребляемыхъ вмѣстѣ вѣтничковъ. Машины для утка и основы въ высшей степени замѣчательны приспособленіемъ механизма къ этому дѣлу и могутъ служить образцомъ для тѣхъ шелковичныхъ фабрикантовъ, которые захотятъ сами устроить у себя заведенія для размотки коконовъ и для дѣланія утка и основы. За простымъ станомъ работницы ткали шелковую матерію. Такимъ образомъ посетители видѣли все шелковое производство отъ тутоваго листа до вадѣія. По осмотрѣ всего заведенія, было заведеніе Общества и комитета шелководства, въ названіи устроенномъ кабинетѣ, гдѣ расположены всѣ породы коконовъ, значи-

ная отъ Индійскихъ, Среднеазійскихъ, Закавказскихъ, Европейскихъ разныхъ породъ, Русскихъ разныхъ губерній, Московскихъ, также выставлены образцы всѣхъ шелковъ, отъ грубой Азіатской до лучшей Италіанской размотки. Это настоящій музѣумъ коконовъ и шелковъ. Директоръ комитета шелководства С. А. Маслово прочелъ донесеніе съ историческихъ разсказомъ объ учрежденіи этой школы, которая, по отзыву г. Маслово, есть такое заведеніе, какого не было и нѣтъ въ Россіи, да едва ли находится подобное и за границею. Весьма любопытны слѣдующіе факты, приводимые въ этомъ донесеніи г. Маслово: «Черезъ 10 лѣтъ мы не должны выписывать ни пуда иностраннаго шелка, а будемъ разматывать свой. Это непремѣнно должно быть», говорилъ Н. И. Каулинъ и, одушевляемый этою патриотическою мыслію, онъ приступилъ къ дѣлу, употребивъ до 15,000 руб. сер. на постройку зданій школы, на выписку и устройство машинъ, которыя вы осматривали. Но сего не довольно; онъ назначилъ 10,000 руб. сер. для выписки изъ Бухары и средней Азіи производимыхъ тамъ коконовъ, чрезъ Оренбургъ, на что даны имъ приказы, и дѣло уже дѣлается. Это совершенно новая статья торговли съ среднею Азіею и, по сношенію Общества и комитета шелководства, графъ В. А. Перовскій, Оренбургскій генералъ-губернаторъ, принялъ это дѣло подъ свое покровительство. Съ Закавказскими производителями коконовъ г. Каулинъ также вступилъ въ сношеніе, и если установится правильный торгъ коконами между Москвою и Азіею, то все количество Закавказскаго шелка получить высшую цѣнность и ни въ чемъ не уступить Италіанскому. Школа наша будетъ училищемъ и лучшей размотки, и изготавленія утка и основы, потребныхъ для фабрикаціи. Въ доказательство правильности этого взгляда, скажу только одинъ фактъ, по которому вы сами можете судить о важности и достоинствѣ сего заведенія. Персидскій посолъ, проѣзжая въ 1855 г. черезъ Москву, просилъ директора школы показать ему размотку шелка на его снарядахъ, самъ присутствовалъ при размоткѣ, нашелъ ее превосходяще Персидской, купилъ у г. Крипнера двѣ такія машины и пригласилъ бывшаго ученика земледѣльческой школы Николаева, три года учившагося у А. Θ. Реброва, въ Тегеранъ для обу-

челви размоткѣ шелка Персіявъ. Учлились этой размоткѣ у г. Кришнера и два Армянина въ 1855 году, побѣхавшіе за Кавказъ, переноса искусство Европейской размотки изъ Москвы. Это такіе факты, по которымъ можно судить о важности, достоинствѣ и пользѣ сего заведенія какъ для распространенія въ Россіи правильныхъ поватій о шелководствѣ, такъ и искусства шелководѣлія. Устройствомъ этой школы мы преимущественно обязаны Н. И. Каулину и директору ея П. И. Кришнеру. Благодарное сознаніе общепользныхъ заслугъ въ области сельской промышленности всегда было правиломъ дѣйствій для нашего Общества. Позвольте надѣяться, что Обществу пріятно будетъ въ этотъ день и въ семь засѣданіи изъявить свою признательность попечителю школы Н. И. Каулину за его патріотическія пожертвованія для устройства практической школы шелководства, сохранивши на выстроенныхъ имъ для того зданіяхъ слѣдующую надпись: *Для общей пользы, издѣланіемъ попечителя школы Н. И. Каулина въ 1856 году*, также и г. директору школы П. И. Кришнеру, неутомимо трудившемуся при этомъ устройствѣ. По прочтеніи сего донесенія, г. президентъ и всѣ присутствовавшіе члены изъявили г. попечителю школы Н. И. Каулину искреннѣйшую признательность за его патріотическое пожертвованіе на устройство школы и положили, въ изъявленіе этой признательности, слѣзлатъ надъ зданіями, имъ построеными, предложенную г. директоромъ комитета надпись, а по предложенію г. вице-президента С. П. Шипова, положено выразить это и въ письменномъ благодарственномъ Н. И. Каулину адресѣ; также изъявлена благодарность Общества и г. директору школы П. И. Кришнеру за его неутомимую дѣятельность и труды при постройкѣ школы и въ устройствѣ всѣхъ ея частей, о чемъ положено донести г. министру государственныхъ имуществъ съ просьбою объ открытіи въ Москвѣ первой и единственной въ своемъ родѣ практической школы шелководства всеподданнѣйше довести отъ имени Общества до Высочайшаго свѣдѣнія. Въ семь засѣданіи единогласно избраны въ почетные члены комитета шелководства: супруга генераль-лейтенанта М. С. Бутурлина и тайная совѣтница Е. О. Лескина, почтившія правдивкѣ школы своимъ посѣщеніемъ и присутствовавшія въ

засѣданіи Общества. Послѣ сего, по Русскому коренному обычаю, радушно предложень посѣтителнцъ завтракъ и за нимъ первый тостъ съ восторженныиъ: ура! при пѣніи учениками земледѣльческой школы гимна: *Боже, Царя храни!* выпить за драгоценное здравіе вселюбезнѣйшаго нашего Императора Александра Николаевича и всей его Царской Фамиліи; второй тостъ — за здравіе президента Императорскаго Московскаго Общества сельскаго хозяйства князя С. И. Гагарина и всѣхъ членовъ Общества и комитета шелководства, съ изъявленіемъ дружескаго участія въ здоровьѣ директора комитета и съ желаніемъ ему совершеннаго выздоровленія; третій тостъ былъ предложень за посѣтительницъ и посѣтителей школы, въ ней притутствовавшихъ, и наконецъ за здоровье попечителя школы Н. И. Каулина и директора ея П. И. Кришнера, съ повтореніемъ общей благодарности за пожертвованія и устройство практической школы шелководства на пользу общую.

МОГЛА СКИСНУТЬ ЦАРІЙ. — Какое чудное зрѣлище для путешественника представляютъ равнины Новороссійскаго края. Съ сѣвера на югъ проходитъ Днѣпръ, опутанный лѣвѣи впадающихъ въ него рѣкъ. Правый берегъ его гористъ и представляетъ пѣнигательныя мѣстоположенія; лѣвый весь состоитъ изъ луговъ, покрытыхъ рощами. Эта величественная площадь производитъ безчисленное множество травъ. Всюду равнина, нигдѣ нѣтъ естественныхъ границъ, состоящихъ изъ горъ или моря; отъ того народъ, издавна поселившійся здѣсь, не могъ удержать политическаго своего бытія: не успѣваетъ укорениться одно поколѣніе, какъ является на мѣсто его другое, вытѣсняетъ первое, которое въ свою очередь подвергается той же самой участи.

Эта страна почти цѣлое тысячелѣтіе была востраиномъ дорогою, по которой устремлялись разноплеменные народы обогащаться неслыханнымъ дотолѣ богатствомъ Римлянъ. И такъ беззащитная, открытая земля эта была землей опустошеній и набѣговъ, мѣстомъ, гдѣ сшибались враждующія племѣни.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что каждое племя оставило слѣды своего пребыванія, которые скрыты въ материкахъ могилъ и кургановъ, разбросанныхъ по всему южному краю Россіи. Сю-

этому площадь Новороссійскаго края заключаетъ драгоценныя памятники минувшихъ временъ, которые могутъ пролить свѣтъ на пробѣлы исторіи и разъяснить непонятныя мѣста Геродота о Дибровскихъ Скивахъ.

Начатыя, пять дѣтъ тому назадъ, археологическія розысканія въ Екатеринославской губерніи, въ селеніи Александрополѣ, въ настоящее время увѣнчались блистательнымъ результатомъ: величайшій изъ мѣстныхъ кургановъ, настоящая гора въ 13 сажень высоты, скрытъ и въ материкѣ открыты катакомбы Скиескихъ царей, золотыя, серебряныя, бронзовыя, желѣзныя и глиняныя издѣлія; кромѣ того найдено множество конскихъ костей, металлическіе прутья, гвозди и золотыя украшенія. Все это, исключая тамъ же найденной колесницы, сохранилось до настоящаго времени въ совершенной цѣлости, не смотря на давность времени, къ которому относится построеніе кургана. Въ немъ можно съ ясностію различить два входа: одинъ настоящій, который провозили на мѣсто похоронъ покойнаго, а другой былъ навѣрное сдѣланъ въ позвѣднѣе время и служилъ проходомъ для хищниковъ того времени; чрезъ него они выходила грабить скрытыя подъ курганомъ сокровища, чему могутъ служить доказательствомъ наскоро разбросанныя по всему проходу монеты и разнаго рода золотыя украшенія.

Для разъясненія подобныхъ открытій весьма интересно сличить сказанія Геродота о погребеніи Скиескихъ царей.

•Положивъ тѣло умершаго царя въ могилу, на ложе изъ древесныхъ вѣтвей, погребатели втыкаютъ копыя со всѣхъ сторонъ подлѣ тѣла, накладываютъ поверхъ нихъ деревянные брусья и скрѣпляютъ все это вьющими вѣтвями. Въ остальную часть ямы они бросаютъ одну изъ наложницъ покойнаго (удавивъ ее прежде), виночерпія, повара, конюшеннаго, одного изъ слугъ, нѣсколько лошадей, перворожденныхъ отъ всякаго скота, нѣсколько золотыхъ стакановъ, потому что никогда не употребляютъ серебра и мѣди. Кончивъ все это, они всѣ принимаются насыпать высокій курганъ, соревнуя въ усердіи одинъ другому и стараясь сдѣлать его какъ можно выше.» (Herodotus, Mémoires. C. 71-72 Vol. I). Приведенныя слова Геродота весьма удовлетворительно разрѣшаютъ всѣ вопросы и въ то же время объясняютъ

причину значительной выскоты въ некоторыхъ изъ этихъ кургановъ, которые насыпались выше или ниже, по шѣрѣ усердія и привязанности живыхъ къ усопшему.

(Екат. Губ. Вѣд.)

НОВЫЕ ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ «ЖИВОПИСНЫЙ СБОРНИКЪ.» — Изданіе это, начатое въ 1850 году, и замѣчательное какъ по внутреннему достоинству помѣщенныхъ въ немъ статей, такъ и по искусному исполненію заключающихся въ немъ политипажей, имѣло значительный успѣхъ, что и дало возможность, вслѣдъ за первымъ томомъ, выпустить въ свѣтъ еще два тома. На четвертый томъ, который предполагался къ выпуску въ 1854 г., была объявлена своевременно подписка: но война побудила остановить дальнѣйшія выходы «Сборника» до болѣе благопріятнаго времени и возвратитъ подписныя за IV томъ деньги лицамъ, уже внесшихъ таковыя. Нынѣ, при водвореніи мира, вниманіе читающей публики, на время отвлеченное военными и политическими событіями, должно весьма естественно опять обратиться къ наукамъ и искусствамъ; пользуясь этимъ направленіемъ умовъ, гг. А. Шлюшаръ и В. Генкель предприняли продолженіе этого изданія.

Съ разрѣшенія правительства, Живописный Сборникъ будетъ печататься въ видѣ отдѣльныхъ ежемѣсячныхъ выпусковъ. Онъ будетъ заключать въ себѣ по прежнему наиболѣе замѣчательныя и интересныя статьи изъ области наукъ, искусствъ, промышленности и общежитія. Въ началѣ каждой тетради будетъ помѣщаться статья, относящаяся до какого-нибудь всѣмъ интереснаго отечественнаго предмета; за ней будутъ слѣдовать статьи, заимствованныя изъ лучшихъ иностранныхъ изданій. Сверхъ того, въ каждой тетради, по примѣру первыхъ трехъ томовъ Сборника, будутъ заключаться политипажи.

Изданіе это, какъ и первые три тома его, удостоились Августѣйшей милости — посвященія Его Императорскому Величеству Государю Императору (*).

(*) Подписывая за годовое изданіе цѣна 5 руб., съ пересылкою 6 руб. сер.

Подписная цѣна годовому изданію Журнала съ Прибавленіями въ С. Петербургѣ 12 рублей сер.; съ пересылкою въ другіе города и съ доставкою на домъ въ С. Петербургѣ 13 рублей 50 коп. сер.

Подписка принимается: въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ — у всѣхъ книгопродавцевъ, а для жителей прочихъ городовъ Имперіи — въ Газетныхъ Экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Московскаго Почтамтовъ и во всѣхъ Губернскихъ Почтовыхъ Квторахъ.

Въ Книжномъ Магази́нѣ Департамента Народнаго Просвѣщенія можно получать:

Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія. № 1 — XLIV. С. П. Б. при Императорской Академіи Наукъ, 1803 — 1817. Каждая книжка 13 коп. сер.

Журналъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, 1821, 1822 и 1823. С. П. Б. въ тип. Департамента Народнаго Просвѣщенія, за каждый годъ 5 руб. 72 коп. сер.

Записки Департамента Народнаго Просвѣщенія. С. П. Б. въ тип. Деп. Нар. Пр. Книжка 1, 1825. 96 коп. сер. Кн. 2, 1827. 90 коп. сер. Кн. 3, 1829. 80 коп. сер.

Собраніе Постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія, съ 1 Января 1829 по 21 Марта 1833. служащее продолженіемъ Записокъ Департамента Народнаго Просвѣщенія. С. П. Б. при Императорской Академіи Наукъ, 1833.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. С. П. Б. при Императорской Академіи Наукъ. За 1834, 1835, 1836, 1837 и 1838 годы, каждое годовое изданіе 8 р. 58 к. сер., съ пересылкою въ другіе города 10 р. сер. За 1839, 1840, 1841, 1842, 1843, 1844, 1845, 1846, 1847 и 1848 годы безъ пересылки 10 р. сер., съ пересылкою 11 р. 50 к. сер. За 1849, 1850, 1851, 1852, 1853, 1854 и 1855 годы безъ пересылки 12 р. сер., съ пересылкою 13 р. 50 к.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЕНИЕ I.

Дѣйствія правительства по М. Н. Пр. за Сентябрь 1856 года:	
Высочайшія повелѣнія	3
Министерскія распоряженія	9

ОТДѢЛЕНИЕ II.

Педагогическія замѣтки, по поводу статей, напечатанныхъ въ Морскомъ Сборникѣ настоящаго 1856 года. И. Д. ИВЗКО	1
О значеніи философіи въ мірѣ языческомъ и христіанскомъ. Н. А. ЧИСТОВИЧА..	64
Разборъ фабрикаціи лаковъ и процесса высыханія маслъ. Ш. СКОБАНОВА . . .	83

ОТДѢЛЕНИЕ IV.

Ахенъ и его историческіе памятники эпохи Карловинговъ. Изъ путевыхъ записокъ профессора СТАСВАКИЧА.	1
---	---

ОТДѢЛЕНИЕ V.

Историческіе очерки поэзій. Статья вторая: Поэзія Греческая. О. Ф. ИВАНОВА..	1
--	---

ОТДѢЛЕНИЕ VI.

а) Книги, издаванныя въ Россіи:

Областныя учрежденія въ Россіи въ XVII вѣкѣ. Соч. В. Чичерина (реп. Д. Ш.)	1
Руководство статистики Европейскихъ государствъ, составл. Ивановскимъ (реп. Д. Ш.).	8
б) Обзоръ Русскихъ газетъ и журналовъ за 1-е трехмѣсячіе 1856 года по части педагогики, правовѣдѣнія и политическихъ наукъ. Г. Е.	15

ОТДѢЛЕНИЕ VII.

I. <i>Новости по части наукъ математическихъ, физическихъ и естественныхъ</i> : Краткая исторія земнаго магнетизма. — Палеонтологическая находка. — Опытныя и теоретическія изслѣдованія о фигурѣ жидкой массы, освобожденной отъ дѣйствія тяжести. — Пристлей. — Новая карта зодіакальныхъ звѣздъ.	1
II. <i>Разныя извѣстія</i> : Суворовскія бумаги, сохраненныя въ семействѣ бывшаго его правителя дѣлъ Куриса. Г. Н. ДАНИЛОВСКАГО. — Торжественный актъ Императорскаго Харьковскаго университета. — Диссертациа на тему, предложенную въ 1855—56 учебномъ году студентамъ Императорскаго университета св. Владимира. — Торжественный актъ Рижельскаго лицея и состоящей при немъ гимназіи. — Морская обсерваторія въ Кронштадтѣ. — Торжественный актъ въ Олонецкой гимназіи. — Гальваническіе опыты въ первомъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ. — Открытіе новыхъ заведеній при Московской практической школѣ шелководства. — Могила Сивескихъ царей. — Новое періодическое изданіе «Живописный сборникъ».	30

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ТРЕТЬЕ ДЕСЯТЛѢТІЕ.

1856.

НОЯБРЬ.

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА

НА 1856 ГОДЪ.

Отд. I. Дѣйствія Правительства. — 1) Высочайшія Повелѣнія и 2) Министерскія распоряженія.

Отд. II. Словесность, Науки и Художества. — Статьи по части Вѣроученія, Философіи, Замоновѣдѣнія, Педагогикѣ, Исторіи, Словесности, Русскаго языка и другихъ общепользныхъ званій; путешествія ученые или имѣющія историческую важность.

Отд. III. Извѣстія о вѣ Отечественныхъ ученыхъ и ученыхъ заведеніяхъ.

Отд. IV. Извѣстія о вѣ иностранныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Отд. V. Исторія просвѣщенія и гражданскаго образованія. — Сюда же относятся и Біографіи людей, содѣйствовавшихъ успѣху Наукъ и гражданственности.

Отд. VI. Обзоръ книгъ и журналовъ.

Отд. VII. Новости и Смѣсь касаются: новѣйшихъ открытій въ Наукахъ и полезныхъ изобрѣтеній; древностей, находимыхъ въ Россіи и въ чужихъ краяхъ; отличныхъ произведеній Художествъ, примѣчательныхъ физическихъ явленій, мелкихъ литературныхъ замѣчаній; задачъ, предлагаемыхъ отъ Академій и Ученыхъ Обществъ, разныхъ пособій, имѣющихъ отношеніе къ просвѣщенію, и т. д.

Къ книжкамъ Журнала отъ времени до времени прилагаются картинки, карты, планы, снимки съ почерковъ и пр.

Три книжки составляютъ одну часть, а четыре части — полное годовое изданіе.

Изъ издававшихся четырехъ родовъ Прибавленій къ Журналу, будетъ продолжаемо отдѣльное печатаніе лишь Біографическихъ Прибавленій; содержаніе же Прибавленій Литературныхъ и Официально-Учебныхъ будетъ входить въ составъ самаго Журнала, а именно: Литературныхъ — въ отдѣлъ Словесности и Наукъ, а Официально-Учебныхъ — въ отдѣлъ Разныхъ Извѣстій. Изданіе же Трудовъ Воспитанниковъ отменяется.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ

ЗА ОКТЯБРЬ МѢСЯЦЪ 1856 ГОДА.

25. (14 Октября) *О содержаніи въ Пензенскомъ дворянскомъ институтѣ пансіонера, подъ названіемъ воспитанника Паччулидзева.*

Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на всеподданнѣйшій докладъ г. Министра внутреннихъ дѣлъ о желаніи Пензенскаго дворянства внести въ кредитное установленіе сумму, оставшуюся отъ пожертвованныхъ дворянствомъ денегъ на праздникъ, данный ими начальнику губерніи по случаю совершившагося 25-лѣтія управленія имъ губерніей, съ тѣмъ чтобы на проценты съ этой суммы содержать въ тамошнемъ дворянскомъ институтѣ одного воспитанника изъ Пензенскихъ дворянъ, который назывался бы воспитанникомъ Александра Алексѣевича Паччулидзева.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ, ПЕРЕМѢЩЕНІЯ, УВОЛЬНЕНІЯ И
НАГРАЖДЕНІЯ.

Высочайшими приказами по гражданскому ведомству

ПРОИЗВЕДЕНІИ ЗА ОТЛИЧІИ:

Изъ Коллежскихъ въ Статскіе Совѣтники.

Директоръ училищъ Екатеринославской губерніи *Граховъ* (14 Октября); ординарный профессоръ С. Петербургскаго университета *Шейхъ-Тантави* (17 Октября).

ОПРЕДѢЛЕНІИ:

По учебнымъ округамъ.

Московскому: Отставной Коллежскій Регистраторъ *Кузьминъ* — почетнымъ смотрителемъ Дорогобужскаго уѣзднаго училища (20 Октября).

Казанскому: Отставной Титулярный Совѣтникъ *Юшковъ* — почетнымъ смотрителемъ Малмыжскаго уѣзднаго училища, съ прежнимъ чиномъ Коллежскаго Секретаря (1 Октября).

Одесскому: Отставной Коллежскій Секретарь *Карповъ* — почетнымъ смотрителемъ Славяносербскаго уѣзднаго училища (13 Октября).

По Сибирскому управленію.

Отставной Коллежскій Ассессоръ *Бутаковъ* — почетнымъ смотрителемъ Красноярскаго уѣзднаго училища (13 Октября).

П Р І В І Д Ъ Н І Я :

Переводчикъ канцеляріи С. Петербургскаго оберъ-полиціймейстера. Титулярный Совѣтникъ *Грессъ* — въ Департаментъ народнаго просвѣщенія старшимъ помощникомъ столоначальника (1 Октября); почетный смотритель Рославльскаго уѣзднаго училища, Надворный Совѣтникъ *Алухтинъ* — въ Министерство внутреннихъ дѣлъ (21 Октября); помощникъ контролера комиссаріатскаго департамента военнаго министерства, Коллежскій Ассессоръ *Долбиловъ* — въ Департаментъ народнаго просвѣщенія помощникомъ бухгалтера и контролера (30 Октября).

У В О Л І Е Н І Я :

По учебнымъ округамъ.

Казанскому: Почетный смотритель Чистопольскаго уѣзднаго училища, Коллежскій Секретарь князь *Хованскій* (13 Октября).

Одесскому: Директоръ училищъ Херсонской губерніи, Статскій Совѣтникъ *Эльснеръ* — по болѣзни (20 Октября).

НАГРАЖДЕНІЯ :

а) *Орденами.*

Св. Владиміра 3-й степени: Главный инженеръ горнаго корпуса во Франціи и профессоръ металлургіи въ горномъ училищѣ въ Парижѣ, *Ле-Пле* — за поднесеніе Его Величеству сочиненія подъ заглавіемъ: «*Les ouvriers suroprésés*» (21 Августа).

Св. Анны 3-й степени: Профессоръ медицины въ Гиссенскомъ университетѣ, докторъ Филиппъ *Фобусъ* — за поднесение Его Величеству сочиненія: «Zur Vereinfachung der Arzneiverordnungen» (31 Августа).

б) Подарками.

Членъ Главнаго Правленія училищъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *Новосильскій* — за поднесение Его Величеству составленной имъ книжки, подъ заглавіемъ: «Сѣверный полюсъ и арктическія открытія»; докторъ *Мерклинъ* за поднесение Его Величеству изданной имъ книги: «Palaeodendrologicon rossicum» (11 Августа); надзиратель за приходящими учениками 2-й и учитель чистописанія 1-й Казанскихъ гимназій *Ляпуновъ* — за поднесение картины, написанной перомъ, въ воспоминаніе священнаго коронованія Его Императорскаго Величества (24 Октября).

Изъявлено Высочайшее благоволеніе.

Автору книги: «Теорія уликъ» — ординарному профессору С. Петербургскаго университета *Жирлеву*, и издателю «Процедуръ» — исправляющему должность экстраординарнаго профессора Московскаго университета *Леонтьеву* (15 Октября).

Изъявлена Монаршая благодарность.

Профессорамъ Московскаго университета за поднесение Его Величеству рѣчей, стиховъ и изслѣдованій, написанныхъ ими для акта по случаю священнаго муропомазанія и вънчавія на царство Его Императорскаго Величества и Государыни Императрицы Маріи Александровны (30 Августа);

Греческому повту *Суццо* — за поднесеніе Его Величеству написанной имъ на Греческомъ языкѣ оды по случаю священнаго коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ (4 Сентября); князю Петру *Долмуркову* — за поднесеніе Его Величеству выданнаго имъ сочиненія: «Россійская родословная книга» (7 Сентября); ординарному профессору Московскаго университета *Шевыреву* — за поднесеніе Его Величеству стихотворенія, подъ заглавіемъ: «26 Августа 1856 года въ Кремль», (13 Сентября); содержателю частнаго учебнаго заведенія въ Ригѣ, доктору *Борнаульту* — за поднесеніе Его Величеству экземпляра сочиненія его о Прибалтійскомъ краѣ (21 Октября).

Исправляющему должность помощника попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа, князю *Вяземскому* Всемилостивѣйше разрѣшено принять и носить пожалованный ему Великимъ Герцогомъ Баденскимъ командорскій крестъ Церингенскаго Льва (27 Октября); архитектору Департамента народнаго просвѣщенія, Надворному Совѣтнику *Вендрамину* Высочайше разрѣшено принять и носить пожалованный ему Королевою-правительницею Греціи серебряный крестъ ордена Спасителя, для ношенія въ петлицѣ (23 Октября).

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ

ЗА ОКТЯБРЬ МѢСЯЦЪ 1856 ГОДА.

16. (19 Октября) *О требованіи знанія одного изъ новейшихъ языковъ отъ поступающихъ въ студенты медицинскаго факультета Харьковскаго университета.*

Въ слѣдствіе представленія г. Попечителя Харьковскаго учебнаго округа, управлявшій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія г. Товарищъ Министра, соглашаясь, чтобы отъ поступающихъ въ число студентовъ медицинскаго факультета Харьковскаго университета требовано было основательное знаніе одного изъ новейшихъ языковъ: Французскаго или Нѣмецкаго, предложилъ сдѣлать распоряженіе о принятіи сего по означенному университету за правило.

17. (19 Октября). *О перенесеніи преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ медицинскаго факультета Казанскаго университета изъ одного курса въ другой.*

По представленію г. Попечителя Казанскаго учебнаго округа, управлявшій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія г. Товарищъ Министра разрѣшилъ, въ видѣ опыта, на три года, перенести въ медицинскомъ факультетѣ Казанскаго университета преподаваніе физической географіи

и минералогіи изъ перваго во второй, и врачебнаго законовоѣдѣнія — изъ перваго въ третій курсъ, и предложилъ, по истеченіи срочнаго времени, увѣдомить, окажется ли эта мѣра на опытѣ вполне удобною и полезною.

УТВѢРЖДЕНІЕ:

По Ришельевскому лицѣю.

Исправляющій должность адъюнкта Ришельевского лицея *Логвицкій* — адъюнктомъ по занимаемой имъ кафедрѣ энциклопедіи законовоѣдѣнія и исторіи Русскаго права (10 Октября).

Объявлена признательность Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Екатеринбургскому 1-й гильдіи кушцу, коммерціи совѣтнику и почетному гражданину *Рязанову* — за пожертвованіе на постройку дома для благороднаго пансіона при Пермской гимназіи. (28 Октября); почетному попечителю Новочеркасской гимназіи, Подполковнику *Ефремову* — за пожертвованіе въ пользу сей гимназіи (31 Октября).

По учебнымъ округамъ.

Харьковскому: Штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ: Львовскаго — *Букрѣву*, Тимскаго — *Недриайлову*, Старобѣльскаго — *Кузменко*, Орловскаго — *Силичу*; учителямъ уѣздныхъ училищъ: Болховскаго — *Александрову*, Малоархангельскаго — *Щелову*; письмоводителю дирекціи училищъ Орловской губерніи *Пересѣтову* и учителю Новочеркасской гимназіи *фонъ-Юрилевскому* (10 Сентября).

Казанскому: Старшему учителю Нижегородскаго Александровскаго дворянскаго института, состоящему въ IX классѣ *Розину* (10 Сентября).

Кіевскому: Коллежскимъ Ассессорамъ: штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ: Мглинскаго — *Петю*, Сосницкаго — *Орловскому*, Остерскаго — *Пятигорскому*; Титулярнымъ Совѣтникамъ: Стародубскаго — *Кручковскому*; учителю того же училища *Борцову* и смотрителю и учителю Черниговскаго казеннаго Еврейскаго 1-го разряда училища, неимѣющему чина *Лькаренко* (10 Сентября).

ВЗГЛЯДЪ

НА ДВИЖЕНІЕ ФИЛОСОФІИ ВЪ МІРЪ ХРИСТІАНСКОМЪ

и

НА ПРИЧИНЫ РАЗЛИЧНЫХЪ ЕЯ НАПРАВЛЕНІЙ.

Между тѣмъ какъ философія древнихъ языческихъ народовъ, съ паденіемъ Греціи, мало-по-малу оставяла географическое свое средоточіе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, теряя характеръ Греческой науки, смѣшивалась съ религіозными преданіями востока, либо становилась софистическимъ органомъ Римской трибуны, при кесаряхъ самодержавнаго Рима, во всѣхъ концахъ вселенной начала возникать новая жизнь и обнаруживаться новыми, до того времени неслышанными нравственно-религіозными стремленіями. Этою великою эпохою возрожденія человѣческой жизни было установленіе христіанской вѣры, принесенной въ міръ Богочеловѣкомъ Іисусомъ Христомъ и проповѣданной Его апостолами: христіанская вѣра, по божественному своему происхожденію, по высотѣ своихъ истинъ и по изумительному средству своихъ требованій съ самымъ существомъ человѣческой природы, насаждалась и могла быть насаждаема только во глубинѣ души, и этимъ рѣзко отличалась отъ всѣхъ способовъ Богопознанія и Богопочтенія, измы-

пленныхъ усиліями человѣка. Созданный по образу и подобию Божію, человѣкъ во всѣ времена невольно стремился къ познанію Творца своей природы и требовалъ поклоненія Ему; но, омраченный внутренно — въ самомъ тайникѣ души, удовлетвореніе своихъ стремленій и выполненіе требованій предоставлялъ воображенію, которымъ, по самому разстройству душевныхъ силъ, тогда преимущественно знаменовалась и украшалась жизнь его. А воображеніе, чтобы создать образы Богопознанія и Богопочтенія, то такъ, то иначе сочетавало явленія видимаго міра и чрезъ то положило начало полиеизму. Потомъ пробудился къ дѣятельности умъ и въ свою очередь долженъ былъ истолковывать безотчетныя и неудовлетворенныя воздыханія разумнаго творенія. Но что онъ увидѣлъ?... За собою, во глубинѣ души — непроницаемый мракъ; предъ собою, въ формахъ нравственной и религіозной жизни, — причудливыя мечты воображенія и, основавшіяся на собственныхъ своихъ началахъ, сдѣлался судіею народной вѣры и творцомъ различныхъ теорій о мірѣ и жизни. Отсюда возникла и этимъ характеризовалась вся языческая мудрость, въ постепенномъ своемъ развитіи дошедшая до того, что политеистическія убѣжденія стала наконецъ замѣнять или по-крайней-мѣрѣ авторизовать философскими мнѣніями, и чрезъ то явилась верховною наставницею народа и законодательницею нравовъ. Но совершенно въ иныхъ условіяхъ былъ человѣкъ, озаренный свѣтомъ христіанской вѣры. Этотъ свѣтъ озарялъ его извиѣ, но не вѣшно; проводникомъ ему служило слово, сопровождаемое даромъ благодати и проходившее въ человѣческую природу до раздѣленія души и духа, до послѣднихъ основаній самосознанія, гдѣ чувство соприкасается съ мыслию, сердце связуется съ

умомъ, гдѣ мракъ грѣхопаденія чрезъ пять тысячъ лѣтъ скрывалъ отъ ума рѣшеніе загадки о происхожденіи, достоинствѣ и назначеніи нашей жизни. Бывъ озаренъ христіанскою вѣрою, человѣкъ въ этомъ просвѣтлѣнномъ тайникѣ своего бытія проявлялъ дѣятельность уже не отдѣльными актами знанія и чувствованія, теоріи и практики, но зналъ, чувствуя, и чувствовалъ, зная; первозданныя начала его существа взаимно прониклись и таинственная связь ихъ благодатно укрѣпилась; свѣтъ разумности оживотворился теплотою сердца, а теплота сердца умудрилась свѣтомъ разумности, и обѣ эти стихіи сдѣлались единымъ, нераздѣльнымъ органомъ Христовой вѣры въ возрожденномъ человѣчествѣ. Подъ условіями сей новой, глубоко и истинно-религіозной жизни, которая всѣ силы души сосредоточила въ вѣрѣ, направила къ вѣрѣ и назначила для вѣры, могла ли возникнуть философія, въ смыслѣ теоріи, принятой какою-нибудь идеею о гармоніи отношеній въ цѣломъ составѣ вселенной? — Безъ сомнѣнія, могла. Сколь ни совершенно покорствовалъ вѣрѣ умъ обновленнаго человѣка, но онъ былъ умъ, слѣдовательно и въ нѣдрѣ вѣры могъ дѣйствовать не иначе, какъ только свойственнымъ ему образомъ, т. е. воспринимать и развѣивать какую-нибудь идею о мірѣ и жизни. Вѣра не только не имѣла въ себѣ ничего, что возбраняло бы ему эту естественную его дѣятельность, но еще служила для ней непоколебимымъ основаніемъ и, какъ основаніе несомнѣнное, дарованное самимъ Богомъ, вполне обезпечивала его во всѣхъ созерцаніяхъ, выводахъ и заключеніяхъ. Въ душѣ, озаренной вѣрою, не было ни языческаго мрака, отъ котораго умъ по природѣ всегда убѣгалъ, ни предзанятыхъ образовъ и ограниченій, которые часто совращали его съ прямого пу-

ти. Въ вѣпаніяхъ вѣры сіяли истина и добро и сливались въ одно свѣтлое и животворное начало благодатной жизни, скрывавшее въ себѣ нестоимое богатство всеобъемлющихъ идей. Опираясь на этотъ началѣ, умъ не поставлялся въ необходимость въ своихъ созерцаніяхъ ограничиваться предѣлами откровеннаго ученія; но, проникнутый духомъ вѣры, могъ путемъ умозаключеній восходить ко всему, къ чему способна была привести его идея, и простираетъ свою теорію всюду, гдѣ не вовсе терялось изъ виду отношеніе между ея началомъ и созерцаемымъ предметомъ. Посему напрасно нѣкоторые опасались, какъ бы философія, развиваясь въ нѣдрѣ вѣры, по содержанію, не отождествилась съ Богословіемъ. Этого не могло быть, если умъ не терялъ своего характера и значенія, какъ умъ: потому что чѣмъ сознательнѣе возбуждался и водился онъ вѣрою, тѣмъ болѣе было въ немъ энергія, тѣмъ сильнѣе и обширнѣе развивалась его идея, тѣмъ далѣе и излучистѣ тянулись нити его теорій. Правда, философія въ мірѣ христіанскомъ и Богословіе христіанское суть одно и то же развитіе жизни, какъ сѣвнolistвенное и покрытое плодами дерево — одинъ и тотъ же организмъ; но въ деревѣ, насажденномъ для принесенія плодовъ, не всему предназначено цвѣсть и покрываться плодами. Какая на немъ крѣпость и узорчатость коры, сколько на немъ листьевъ, ростковъ и побѣговъ, которые сами по себѣ и для себя безплодны! Что-же? Эта кора, эти листья и отрасли на деревѣ вѣры, — по природѣ, такія, что требуемые Откровеніемъ плоды расти на нихъ не могутъ, — суть ли одно и то же съ растительною силою и плодами дерева? Нѣтъ, все это можетъ расти, отпадать, или отребляться, измѣняться въ количествѣ, цвѣтѣ и величинѣ; но небесная сила его плодо-

творности и качество его плодовъ остаются неизмѣнными. И какой зной жаркаго дня, какія бурныя прираженія вѣтра испытывали бы эти плоды, еслибы не ограждала ихъ листовая сѣнь дерева! Итакъ, философія въ вѣдрѣ вѣры и по духу вѣры, какъ ученіе, по содержанію, отличное отъ Богословія, всегда была не только возможна, но и необходима.

Философія въ мірѣ христіанскомъ болѣе и паразитнѣе всего характеризовалась тѣмъ, что никогда не могла развиваться внѣ всякаго отношенія къ духу христіанской вѣры. Были времена, когда философы, повидимому, отдѣляли интересъ философіи отъ интересовъ религіозныхъ, и даже проповѣдывали ученіе, несогласное съ вѣрою; но тѣмъ далѣе и логически правильнѣе развивали они свои теоріи, тѣмъ очевиднѣе вытекали слѣдствія, обличавшія ихъ въ противорѣчія и заблужденія; такъ что философія, удаляясь отъ вѣры, тѣмъ не менѣе въ самой себѣ находила и открывала сильныя побужденія возвратиться къ ней. Умъ, однажды оцѣтившій величіе откровенной истины и сдѣлавшійся органомъ коренныхъ ея требованій, какъ бы ни мыслилъ, куда бы ни направлялся, сколь бы далеко ни увлекаемъ былъ ходомъ системы отъ духа принятой истины, кажется, не въ состояніи совершенно изгладить въ себѣ печать ея, и противъ воли несетъ ее съ собою, какъ заблудившійся несетъ представленіе праматаго пути, или виновный — укоризну закона: поэтому вѣра явно или тайно, внѣшно или внутренно, но непремѣнно была судіею всякой философской системы, оцѣнивала ея достоинство своимъ, часто незамѣтнымъ для ума приговоромъ и, по неудовлетворительности одной, побуждала философа полагать основаніе для другой. Гораздо слабѣе обнаруживался судъ вѣры въ тѣхъ философскихъ систе-

махъ, которыя были чисто-эмпирическими, и не объемлемыя пространствомъ и временемъ сокровища духа старались произвести и объяснить изъ дѣйствія предметовъ на чувства: но это было слѣдствіемъ, очевидно, ослабленія религіозности въ сердцахъ частныхъ философствовавшихъ лицъ, или даже въ цѣлыхъ обществахъ въ извѣстный періодъ времени, и предвозвѣщало упадокъ не только подлежательной вѣры, но и самой философіи: потому что за эмпиризмомъ обыкновенно по пятамъ шель скептицизмъ и, самъ не замѣчая того, приводилъ мысль къ убѣжденію, что, для познанія истины, лучше всего руководствоваться вѣрою. Бывали и такія времена, когда и самая вѣра подвергалась разнымъ искаженіямъ со стороны людей и являлись ереси и расколы. Эти отступленія и расколы были столь важны, что ограничивали самый духъ православія, то стѣсняя его волею виѣшней человѣческой власти и обрядовыми подробностями, то измѣняя отношеніе къ нему ума и сердца, такъ что умъ иногда провозглашалъ исключительнымъ судіею вѣры, иногда сердце — единственнымъ истолкователемъ ея предписаній. Подъ вліяніемъ этихъ понятій о виѣшнихъ условіяхъ вѣры и отношеніи ихъ, человѣкъ воспитывался въ продолженіе многихъ вѣковъ, осваивался съ ними, какъ бы съ законными, и отсюда потомъ заимствовалъ начало философіи. Явно, что построенныя имъ системы должны были отпечатлѣваться характеромъ христіанской вѣры, взятымъ не изъ самаго ея существа, а только съ частныхъ ея ограниченій. Такъ надобно смотрѣть вообще на философію всей западной Европы и Германіи. Это типы — религіозныхъ убѣженій, отражающіе въ себѣ отличія народнаго вѣроисповѣданія и сверхъ того частное настроеніе и энергію философствующей

шаго ума. Напрасно стали бы намъ доказывать, что философія есть самобытный отголосокъ человѣческаго духа: это вѣрно только лишь относительно къ ея формѣ и стремленію развиваться. Но идею, направленіе и характеръ своего развитія она заимствуетъ всегда въ нѣдрѣ вѣры того народа, у котораго возникаетъ, и сообразна бываетъ со степенью убѣжденія въ ней философа. Поэтому, если Цицеронъ съ Римской точки зрѣнія могъ сказать: *nemo philosophus (orator) nisi vir bonus*, то съ христіанской — надобно полагать: *nemo bonus philosophus, nisi vera Christi religione imbutus*.

Христіанское общество, прежде чѣмъ стало оно жить и умножаться самобытно, силою апостольской проповѣди составлялось изъ увѣровавшихъ во Христа Іудеевъ и язычниковъ. Вступавшіе въ Христову церковь Іудеи и язычники, вмѣстѣ съ помазаніемъ духа, получали залогъ преемственности въ познаніи истины и, по степени естественныхъ своихъ дарованій, съ свѣтильникомъ вѣры могли проникать мыслию всюду, куда, по природѣ, въ состояніи былъ вести ихъ обновленный умъ, или гдѣ находило для себя приличное поприще благочестивое сердце. Но развитіе умственныхъ созерцаній и нравственныхъ стремленій, если они происходили изъ одного основанія и не противорѣчили сами себѣ, необходимо долженствовало быть выраженіемъ какой-нибудь идеи о мірѣ и жизни. Эту идею, какъ мы выше замѣтили, христіанинъ могъ извлекать и дѣйствительно извлекалъ изъ духа вѣры, слѣдовательно истины откровенныя оставлялъ въ томъ отношеніи и значеніи, въ какомъ они преданы, и смотря на нихъ, какъ на путеводныя звѣзды, удовлетворялъ стремленію разумной своей природы, т. е. путемъ умозаключеній шелъ по-

стоянно къ уразумѣнію всего существующаго, и такимъ образомъ полагалъ начало *философіи христіанской*. Но между членами юной Христовой церкви были и такіе прозелиты изъ Іудейства и язычества, которые, получивъ воспитаніе внѣ христіанскаго общества — въ школахъ полу-восточной и полу-Эллинской мудрости, до того освоились съ предзаплыми тамъ идеями, что не имѣли силы разстаться съ ними и въ нѣдрѣ христіанства. Питая въ умѣ эти идеи, они не на истинахъ вѣры осивывали философскіе свои выводы, а напротивъ изъ чуждыхъ христіанству философскихъ основаній старались выводить истины вѣры, слѣдовательно хотѣли, чтобы онѣ понимаемы были въ такомъ смыслѣ, какого требовалъ извѣстный взглядъ ихъ, и чрезъ то положили начало такъ-называемой *философіи гностической*. Очевидно, что эти два современныхъ направленія философіи среди вѣрующихъ были противоположны одно другому, а потому не могли не прійти въ полемическое отношеніе между собою. Борьба ихъ была тѣмъ неизбѣжнѣе и производилась тѣмъ сильнѣе, что съ одной стороны оживлялась сознаниемъ святыхъ внушеній вѣры, хотя еще новой, однакожь истинной, великой и спасительной, съ другой — поддерживалась призракомъ языческой мудрости, хотя уже клонившейся къ упадку, однакожь пользовавшейся авторитетомъ древности и украшавшейся множествомъ именъ знаменитыхъ. Гностицизмъ — этотъ какъ бы надгробный памятникъ ученой славы эллинизма въ предѣлахъ богатнаго царства Христова — былъ конечно явленіемъ анахроническимъ: впрочемъ, по допущенію Промысла, онъ держался долго и даже, въ нѣкоторомъ отношеніи, не безъ пользы для христіанской философіи и самой церкви. Его усилія прилагать свои нача-

ла къ ученію христіанскому и, по требованію выводимыхъ отсюда заключеній, такъ или иначе понимать отдѣльные его догматы побуждали ревностныхъ хранителей евангельской и апостольской истины обнаруживать заблужденіе въ самыхъ его основаніяхъ, слѣдовательно теоріямъ противопологать теорію, идеи низлагать идеею, и такимъ образомъ гносисъ языческаго ума обличать гносисомъ богосвѣщенной души или истинно-христіанскою философіею. На этомъ-то поприщѣ, по поводу лжемудрствованій Эвѣонитскихъ, Донатскихъ, Монтанистскихъ, Марихейскихъ, Аріанскихъ и проч., подвизались Іустины, Клименты, Иринеи, Тертулліаны, Ариобини, Аванасіи и др. Потомъ вслѣдъ за философско-христіанскими ихъ изслѣдованіями относительно предметовъ высшаго созерцанія, начало проявляться въ болѣе полныхъ и опредѣленныхъ формахъ витійство великихъ пастырей и учителей Христова стада, и въ церковныхъ собраніяхъ обобщало глубоко и благочестиво обсуженныя понятія о всемъ, что имѣло отношеніе къ православному христіанскому Богопознанію и Богопочтенію и въ ряду истицъ вѣры получило каноническое достоинство. Краснорѣчивая проповѣдь Василіевъ, Григоріевъ, Амвросіевъ, Августиновъ и Златоустовъ была плодомъ обширнаго въ своихъ созерцаніяхъ христіанскаго любомудрія и торжественнымъ провозвѣстникомъ изгнанія изъ церкви гностическаго суемудрія. Въ такомъ видѣ и подъ такими формами являлась философія въ мірѣ христіанскомъ почти до половины шестаго вѣка.

Языческія философскія школы, имѣвшія значительное вліяніе на развитіе гностицизма, долѣе, чѣмъ гдѣ-либо, держались въ Аѣинахъ. Но наконецъ въ 529 году онѣ и здѣсь были закрыты и на мѣстѣ ихъ, какъ въ этомъ горо-

дѣ, такъ равно и въ Александріи, Константинополѣ и Римѣ явились *школы монастырскія*. Впрочемъ, такія религіозно-учебныя учрежденія преимущественно умножились на западѣ. Причиною умноженія ихъ тамъ можно почитать то, что западъ еще съ четвертаго вѣка ознакомился съ Пахоміевою формою монашеской жизни и, получивъ къ ней расположеніе, учреждалъ множество кивотій и разныхъ монашескихъ орденовъ, между тѣмъ какъ на востокѣ особенно нравился и распространялся Антоніевъ анахоретизмъ. Въ монастырскихъ западныхъ школахъ, въ видѣ приготовленія юношества къ слушанію Богословія, преподаваемы были—грамматика, діалектика и риторика, подъ общимъ именемъ *trivium*, также музыка, арифметика, геометрія и астрономія, подъ однимъ названіемъ *quadtrivium*. Эти самыя учебныя заведенія, назначавшіяся между прочимъ и для преподаванія діалектики, должны были слѣдовательно воспитывать умъ и для философствованія, и развивавшаяся въ нихъ философія поэтому, равно какъ по названію *scholasticus*, усвоенному всѣмъ вообще преподавателямъ въ сихъ учебныхъ учрежденіяхъ, получила названіе *философіи схоластической*; между тѣмъ какъ восточное стремленіе къ христіанскому философствованію, подъ вліяніемъ анахоретизма, перешло въ извѣстный образъ жизни и ознаменовалось *практическимъ любомудріемъ* отшельниковъ. Явно, что теперь, съ прекращеніемъ борьбы между христіанствомъ и язычествомъ, философіи на западѣ надлежало ограничиваться уже не внушеніями вѣры вообще, а требованіями школы въ частности и тѣми опредѣленіями, которыми школа канонически организовала свою вѣру. Слѣдовательно теперь ей оставалось развивать идею церковныхъ постановленій о вѣрѣ и такимъ образомъ, по

содержанію, отождествиться съ каноникою церкви. Этого отождествленія, или лучше—замкнутости философіи въ горизонтъ богословской каноники, западная или Римско-католическая церковь требовала частію потому, что, принявъ много формъ жизни и понятій, несогласныхъ съ духомъ Христовой вѣры, имѣла причину опасаться строго справедливыхъ заключеній ума, христіански философствующаго, а частію потому, что, забывъ примѣры великихъ учителей церкви, не представляла, чтобы въ христіанствѣ возможна была иная философія, кромѣ гностической, или чтобы эта наука могла быть жрицею истиной вѣры на алтарѣ цѣлой вселенной. Итакъ, схоластической философіи, подъ властію папства, предоставлено было, въ смыслѣ особой науки, характеризоваться ничѣмъ инымъ, какъ діалектической формою, именно тою стороною, которая менѣе всѣхъ сродна была съ величественною простотою евангельскаго и апостольскаго ученія, а напротивъ непрестанно напоминала объ Аристотелевомъ органонѣ и софистикѣ новой академіи, съ которою Римъ, непосредственный наслѣдникъ Римско-языческой литературы, издавна освоился. Другою, немевѣ замѣчательною, отличительною чертою схоластической философіи на западѣ было отдѣленіе интересовъ умственнаго формализма отъ нравственнаго и религіознаго чувства. Такъ какъ философія теперь должна была сосредоточить свою дѣятельность въ одной діалектикѣ, а на этомъ поприщѣ могъ дѣйствовать только умъ, безъ всякаго участія сердца: то развивавшіися въ Римско-католическихъ школахъ философскій формализмъ мало-по-малу совершенно потерялъ нравственную и религіозную значимость, какъ бы стихію себѣ чуждую, такъ что вовсе почти не могъ быть прилагаемъ къ истиннымъ

и спасительнымъ цѣлямъ вѣры, которая, по существу своему, никогда не отдѣляетъ ума отъ сердца, или званія отъ убѣжденія. Такая односторонность схоластицизма была тѣмъ хуже, что приготовляла самыя вредныя послѣдствія для дальнѣйшаго развитія философіи: потому что умъ, въ періодъ отеческой или христіанской изслѣдовательности, плѣненный въ сыновнее послушаніе вѣры, теперь многія, несогласныя съ истинною вѣрою каноническія ограниченія панства стали принимать только какъ рабъ, значить — чувствовалъ тягость ихъ и ожидалъ возможности свергнуть съ себя это иго. Но, однажды отторгнутый отъ православія, онъ могъ стремиться къ освобожденію философскаго мышленія единственно тѣмъ путемъ, который указывала ему самая школа, т. е. путемъ изученія памятниковъ древней языческой и преимущественно Аристотелевой философіи. Къ успѣхамъ на семъ пути способствовало ему очень многое. Прежде всего онъ разширилъ предѣлы своей дѣятельности подъ покровительствомъ Французскаго императора Карла Великаго. Воодушевленный гениальными способностями и проникнутый живѣйшимъ интересомъ къ собственному образованію, Карлъ Великій призвалъ къ своему двору знаменитыхъ ученыхъ тогдашняго времени и въ различныхъ частяхъ своего государства основалъ школы, изъ которыхъ нѣкоторыя въ послѣдствіи получили имя и значеніе университетовъ. Изъ этихъ школъ одиѣ учреждены были въ монастыряхъ и назначались для образованія духовенства, а другія — въ монастыряхъ, и открыты были юношеству прочихъ сословій. Хотя въ тѣхъ и другихъ должности начальниковъ и воспитателей лежали на монашествующихъ; однакожь различіе ихъ цѣлей не могло не вести къ постепенному

отдѣленію науки свѣтской отъ духовной, и первой не дѣлать независимѣе отъ папской власти, чѣмъ послѣдней. Второю причиною успѣховъ схоластическихъ стремленій въ принятомъ направленіи было вліяніе Аравійской учености на философское мышленіе въ мірѣ христіанскомъ. Утвердившись въ испаніи, Аравитяне основали тамъ нѣсколько университетовъ и съ жаромъ занимались въ нихъ естествознаніемъ, Исторією и разработкою Аристотелевыхъ сочиненій, переведенныхъ на Аравскій языкъ большею частію съ Сирскихъ переводовъ. Сколь ни мало было оригинальности въ этихъ ученыхъ трудахъ Аравитянъ; но, сравнительно съ кругомъ наукъ въ христіанскихъ школахъ запада, и они казались новыми и въ высшей степени интересными. Посему любознательное юношество Италіи, Франціи, Англіи и Германіи съ такимъ-же рвеніемъ спѣшило тогда въ Саламанку и Кордову, съ какимъ въ нашъ вѣкъ посѣщаетъ оно университеты Германіи. Само собою разумѣется, что все, изъ сокровищницы Аравійскаго образованія перенесенное въ то время въ общество христіанское, не могло имѣть отношенія къ содержанію философіи въ томъ духѣ, въ какомъ одобряло ее христіанство, а только на философствованіе школъ монастырскихъ болѣе и болѣе наводило доскъ языческой. Притомъ эти умственные приобрѣтенія преимущественно пробуждая вкусъ къ частнымъ наукамъ, особенно распространяли энциклопедію школъ свѣтскихъ и чрезъ то, малопомалу давая имъ перевѣсъ надъ духовными, незамѣтно освобождали дѣятельность ума отъ ограниченій западной церкви. Къ освобожденію его еще болѣе способствовали крестовые походы, особенно послѣдній, вслѣдствіе котораго въ Константинополѣ основалось Латинское королев-

ство. Съ этого времени мысли и желанія западныхъ ученыхъ не столько уже направлялись въ Испанію, сколько на востокъ. Люди, искавшіе образованія, старались тогда болѣе всего изучать Греческій языкъ и литературу, отыскивать въ восточныхъ книгохранилищахъ письменные памятники Греческой науки и переводить ихъ на Латинскій языкъ. Мы знаемъ несомнѣнно, что въ XIII-мъ вѣкѣ переведены съ подлиннаго Греческаго текста нѣкоторыя сочиненія Аристотеля; вѣроятно къ тому же времени относится первое знакомство схоластической философіи и съ подлиннымъ текстомъ Платона. вмѣстѣ съ древними свѣтками языческой письменности, по всей вѣротности, переносимы были тогда на западъ творенія и православныхъ Греческихъ писателей, какъ-то: отеческія, аскетическія и церковно-историческія. Эти труды восточнаго любомудрія могли бы очень много способствовать къ развитію философіи въ духѣ истинно-христіанскомъ; но они служили невольною укоризною вѣншему устройству Латинской церкви, особенно же притязательности и исключительности папскаго престола. Посему въ 1209 году, по опредѣленію церковнаго собора въ Парижѣ, всѣ экземпляры новыхъ твореній были сожжены, и никто не долженъ былъ, подѣ страхомъ отлученія, читать или списывать ихъ. Это запрещеніе тѣмъ болѣе благопріятствовало подлиннымъ сочиненіямъ Аристотеля, не изучивъ которыхъ во всѣхъ частяхъ, никому нельзя было получить званіе магистра. Но между тѣмъ какъ философія, по опредѣленію сильнѣйшаго органа папской власти — Парижскаго университета, въ школахъ церковныхъ ограничивалась изученіемъ одного Аристотеля, — западное общество, благодаря вліянію крестовыхъ походовъ, шло уже далеке впередъ, и руково-

дательными началами его были частію идеи Платона, частію болѣе и болѣе развивавшійся вкусъ къ математическимъ и физическимъ познаніямъ. Это видно изъ того, что въ философскихъ системахъ XIII-го вѣка является новый, вовсе не догматическій элементъ содержанія; возникаетъ вопросъ: предметательно ли, или только подлежательно существуютъ всеобщія понятія? — и полагаетъ начало двухвѣковому спору между номиналистами и реалистами. Номиналисты очевидно стояли за теорію Аристотеля, однакожь подвергались преслѣдованію конгрегаций; а реалисты явно увлекались идеями Платона, и при всемъ томъ находились подъ покровительствомъ церковной власти. Такимъ образомъ языческая мудрость не только проникла въ Римскокатолическія школы и отпечатѣла собственнымъ типомъ философію въ западномъ Христіанствѣ, но еще подняла тамъ шумъ и, защищая свои мнѣнія, иногда по необходимости приводила въ замѣшательство авторитетъ церковныхъ вѣрованій и постановленій. Извѣстно, что противъ подобнаго вольномыслія Римскій первосвященникъ употреблялъ два грозные бича — буллу и инквизицію; но эти казни поражали западныхъ христіанъ не за вѣру: потому что своимъ сердцемъ они можетъ быть не менѣе вѣровали во Иисуса Христа, какъ и восточные, — и не за церковь: потому что апостольское и отеческое управленіе христіанскимъ обществомъ всегда и всѣмъ казалось необходимымъ. Папа силою своихъ авасемъ и истязаніями тайныхъ судилищъ преслѣдовалъ тотъ самый умъ, который имъ же отторгнуть отъ духа православной вѣры и по его же соображеніямъ воспитанъ діалектически, отрѣшенно отъ чувства религіознаго. Очень естественно, что, укрѣпившись началами языческой философіи, этотъ умъ

въ Римскокатолической каноникѣ могъ найти довольно поводовъ къ неповиновенію церкви, поколику ея опредѣленія поставялять предъ зеркаломъ Евангелія, и не замедлялъ сдѣлаться судіею всего, чѣмъ виѣшно авторизовалась западная церковь. Не смотря нв на какія мѣры со стороны Римской іерархіи, этотъ духъ суда надъ привилегіями церковной власти болѣе и болѣе обобщался на западѣ. Извѣстно, что въ южной Франціи еще въ концѣ XII вѣка образовалась антипапская секта Валденсовъ; потомъ въ Англіи въ половинѣ XIV столѣтія началъ говорить противъ существующей организаціи Римской церкви Оксфордскій богословъ Виклифъ. Но сильнѣйшая и обширнѣйшая борьба съ самовластіемъ папы немного поздиѣ возникла въ Германіи и почти открыто продолжалась болѣе ста лѣтъ, до начала XVI вѣка. Возбудателями этой борьбы главнымъ образомъ были основанные въ тѣ времена Германскіе університеты, въ которыхъ гностическое направленіе мышленія обозначилось очень рано и въ этомъ духѣ породило нѣсколько философскихъ системъ. Первымъ проповѣдникомъ и вмѣстѣ жертвою развитыхъ ими противопапстическихъ идей былъ Гуссъ съ другомъ своимъ Іеронимомъ Прагскимъ, а послѣднимъ осуществителемъ ихъ и раздробителемъ западной церкви — Виттенбергскій философъ и богословъ Мартынъ Лютеръ.

Лютеранскіе философы справедливо говорятъ, что патріархъ ихъ вѣроисповѣданія освободилъ философію отъ многовѣковыхъ оковъ схоластицизма и рабской покорности Аристотелю. Но несправедливо то убѣжденіе ихъ, будто своєю реформою онъ оказалъ этой наукѣ величайшую, общечеловѣческую услугу. Въ противномъ случаѣ, подлежало бы допустить, что самая реформа его еще

болѣе облагодѣтельствовала человѣчество: потому что Лютеранская философія, какъ увидимъ, есть только ученое или систематическое выраженіе Лютеранскаго вѣроисповѣданія. Мартынъ Лютеръ на Вормскомъ соборѣ открылъ поприще преобразованія церкви, какъ человѣкъ раздвоенный, противорѣчащій самому себѣ, какъ человѣкъ съ сердцемъ, повидимому проникнутымъ вѣрою, и въ то же время съ умомъ, возставшимъ противъ естественныхъ требованій вѣры. Онъ самъ не замѣчалъ, что пытаемое одною его стороною подавлялось насиліемъ другой; а еще менѣе понималъ, что насилующая въ немъ сторона дѣйствуетъ по направленію и подъ покровительствомъ развитыхъ схоластицизмомъ языческихъ началъ. Въ мірѣ Римскокатолическомъ забыта была та великая истина православія, что вѣра по духу Христову можетъ быть исповѣдуема не однимъ сердцемъ, когда пробудился умъ, и не однимъ умомъ, когда живо сердце, а тѣмъ и другимъ вмѣстѣ, и что такая же нераздѣльность интереса ихъ должна быть равнымъ образомъ относительно истинной Христовой церкви, поколику она служитъ необходимою формою вѣры и удовлетворяетъ всѣмъ религіознымъ требованіямъ ума и сердца. Воспитанникъ Римскокатолической школы Лютеръ, внесши изъ нея эту раздѣльность знанія и убѣжденія, не замедлилъ въ основаніе церковнаго смысла вѣры и христіанской нравственности положить судъ и цензуру язычески воспитаннаго ума, т. е. провозгласить его папою лютеранства и посредникомъ въ дѣлахъ религіозныхъ. Усвоивъ себѣ такое право, умъ съ этой стороны, конечно, прибрѣлъ независимость; но за то тѣмъ болѣе сталъ зависѣть отъ собственныхъ своихъ идей, а чрезъ идеи — отъ различныхъ внѣшнихъ и внутреннихъ огра-

ниченій, которыми онѣ возбуждаются; слѣдовательно выигралъ только то, что авторитетъ богословскій замѣнилъ философіею и могъ произвольно полагать тѣ или другія начала для ея развитія. Въ самомъ дѣлѣ, ни одно вѣроисповѣданіе, кромѣ языческаго, не благопріятствовало столько произвольному развѣтвленію философіи, какъ Лютерово. Съ конца XVI до половины XVIII вѣка, отъ Кимпанеллы и Телезія до Вольфа и Юма, сколько измѣнено направленій, положено началъ, испытано путей для изслѣдованія истины и построено различныхъ теорій! Правда, и философія по духу православія можетъ также выражаться безконечнымъ множествомъ философскихъ опытовъ: потому что вполне исчерпать истину не въ состояніи и умъ послушный вѣрѣ. Но эти опыты различались бы только количественно, или степенью проникновенія ума въ таинственныя отношенія вещей и въ причинныя связи природы, слѣдовательно не противорѣчили бы одинъ другому; напротивъ, системы Лютеранскихъ философовъ были различны между собою качественно, такъ что одною изъ нихъ опровергалась и разрушалась другая. Лютеране хвалятся такимъ богатствомъ разнохарактерныхъ своихъ ученій, какъ нѣкогда тѣмъ же хвалились и язычники. Но на мышленіе, блуждавшее по столь многимъ распутіямъ для познанія истины, можно ли смотрѣть, какъ на дѣйствительный трофей ума? Всѣ эти опыты познанія можно сравнивать съ усиліями математика дойти до вѣрнаго и определеннаго результата какой-нибудь задачи, не положивъ необходимаго и достаточнаго къ тому основанія. Ища того, что должно найти, онѣ совершенно осваиваются съ элементарными приѣмами науки, такъ что теорію счисленія переводитъ почти въ механическій навыкъ, — а задача все-

такъ остается нерѣшенной: потому что ему предлежитъ послѣдовательно сдѣлать тысячи предположеній, тогда какъ истина идетъ однимъ путемъ. Слѣдя за ходомъ философіи въ мірѣ Лютеранскомъ, мы находимъ, что она произвела много частныхъ изслѣдованій, успѣшно разработывала разные методы познанія, проявила нѣкоторыя отдѣльныя стороны науки и приготовила немало пособій для составленія правильныхъ понятій о природѣ и человѣкѣ. Но, рассматривая ходъ ея относительно къ общей цѣли философскихъ стремленій — къ одной и нераздѣльной истинѣ, существенно заключающейся въ Христовой вѣрѣ, мы видимъ, что она въ показанный выше двухвѣковой періодъ времени только переходила отъ предположеній къ предположеніямъ, и потому справедливо можетъ быть названа *философією гипотетическою*. Развиваясь независимо отъ влущеній вѣры и по этой причинѣ раздѣливъ интересы ума и сердца, которые, какъ выше сказано, соединяются только вѣрою, рассматриваемая нами философія отдѣльно также рѣшала и два въ философіи христіанской нераздѣльные вопроса: какимъ образомъ мы получаемъ познанія о вещахъ? и на какихъ началахъ основывается нравственная наша дѣятельность? Вопросъ о познаніяхъ поднять и понять былъ, какъ коренной въ ряду задачъ философской теоріи, а потому уже и самъ по себѣ обличалъ умъ, принявшій на себя право суда въ дѣлахъ религіозныхъ; различныя же и просто гипотетическія его рѣшенія еще яснѣе показывали недостаточность самостоятельной дѣятельности ума. Такъ какъ возможность познанія надлежало мыслить въ зависимости отъ существующаго отношенія между человекомъ и природою, или еще ближе — между душевностію и тѣлесностію: то это отношеніе условій его

долженствовало прежде всего сдѣлаться точкою распутіи, раздѣлившихъ мнѣнія философовъ. Одни изъ нихъ полагали, что своими познаніями, по-крайней-мѣрѣ относительно къ простѣйшимъ стихіямъ ихъ, мы обязаны исключительно ви́шней природѣ и ея дѣйствіямъ на наши чувства, и такимъ образомъ свою философію отпечатлѣли характеромъ чистаго *эмпиризма*, который, для пріобрѣтенія познаній, отъ души не требовалъ, да и не ожидалъ ничего, кромѣ страдательной пріемлемости впечатлѣній и безотчетнаго сочетанія ихъ. Другіе, напротивъ, утверждали, что исключительный источникъ всякаго знанія есть душа, носящая въ себѣ самой богатство многообразныхъ идей, достаточныхъ для развитія полной системы понятій объ истинномъ и добромъ, и, держась такого взгляда, возбуждали въ обществѣ вкусъ къ *философіи идеалистической*, которая, не отвергая дѣйствительности явленій тѣлесной природы и гармоніи ихъ съ духовными самоопредѣленіями человѣка, не знала однакожь, какими началами соединить эти противоположные полюсы жизни, и потому, для сообщенія реальности идеальнымъ своимъ познаніямъ, обращалась къ посредству божественному. Третьи, наконецъ, въ несогласныхъ повидному условіяхъ познанія считая необходимымъ предполагать какое-нибудь одно общее основаніе дѣятельности духовной и тѣлесной, не допускали его ни въ человѣкѣ отдѣльно отъ природы, ни въ природѣ отдѣльно отъ человѣка, но видѣли его въ духѣ и силѣ Существа Высочайшаго, которое повсюду обнаруживаетъ собственную жизнь и въ себѣ самомъ таинственными узамъ связуетъ явленія міра духовнаго и матеріальнаго. Отсюда произошла философія такъ-называемая *мистико-пантеистическая*, предполагавшая возможность познанія—

либо чрезъ проникновеніе естественнаго ума въ область сверхъестественнаго свѣта Божія, либо чрезъ развитіе въ естественномъ умѣ сроднаго ему взгляда на единичную и всемірную божественную субстанцію. Не менѣе гипотетически Лютеранская философія рѣшала вопросъ и о началѣ нравственной нашей дѣятельности: потому что гипотезы здѣсь были неизбѣжны, какъ скоро, по духу Лютеранскаго вѣроисповѣданія, она чувству нравственному старалась давать отвѣты независимо отъ религіознаго. Одни изъ Лютеранскихъ философовъ - моралистовъ полагали, что нравственныя дѣйствія человѣка сами по себѣ безразличны и не ограничиваются какимъ-либо закономъ человѣческой природы, но, какъ нравственно-добрыя, или нравственно-худыя, опредѣляются либо *воспитаніемъ* и обычаями, либо *волею законодателей* общества. Напротивъ, другіе допускали *врожденный намъ законъ*, внушающій, независимо ни отъ какихъ внѣшнихъ ограниченій, и даже нерѣдко вопреки имъ, оцѣнивать поступки и признавать ихъ то добрыми, то худыми. Но этотъ законъ понимаемъ былъ различно, иногда какъ начало самолюбія, иногда какъ требованіе безотчетнаго чувства, либо совѣсти, а иногда какъ сознаніе долга. Иные же, кромѣ внутреннихъ внушеній нравственнаго закона, какое бы ни составлялось о немъ понятіе, для опредѣленія формъ нравственной жизни человѣка, признавали необходимость частію *въ познаніи естественныхъ отношеній между вещами*, или гармоніи ихъ, частію во внѣшнихъ или *общественныхъ узаконеніяхъ*, которыми указывались бы права и должности гражданъ въ государствѣ. Но болѣе благовиднымъ началомъ нравственности многими Лютеранскимъ моралистамъ казалось *начало симу-усовершенія*. Оно непосредственно не вытекало изъ какихъ-

нибудь матеріальныхъ предписаній внутренняго или ви́шняго закона, а сознавалось, какъ правило формальное, утверждавшееся болѣе на волѣ разумнаго существа, чѣмъ на извѣстныхъ требованіяхъ его природы, а потому имѣло силу правила только подлежательнаго.

Не трудно замѣтить, что при всѣхъ направленіяхъ, которымъ Лютеранская философія слѣдовала для рѣшенія двухъ вышеупомянутыхъ вопросовъ, философы встрѣчали одно неодолимое затрудненіе: какимъ образомъ увѣриться, что вещи въ мірѣ подлежательномъ и всѣ многообразныя отношенія вещей дѣйствительно соотвѣтствуютъ понятіямъ нашего ума и опредѣленіямъ воли? Положимъ, что умъ, волютившись, такъ сказать, въ свои чувства, станетъ въ ряду явленій ви́шняй природы: тогда и онъ, конечно, будетъ только явленіемъ, а не отрѣшеннымъ наблюдателемъ, не самостоятельнымъ органомъ знанія и законодателемъ дѣятельности. Положимъ опять, что умъ отрѣшится отъ чувствъ и, такимъ образомъ выдвинувшись изъ ряда явленій, войдетъ въ сферу метафизической своей созерцательности: тогда ви́шняя природа закроется отъ него своими явленіями, и вещь сама въ себѣ, или въ коренномъ началѣ своихъ отношеній, все-таки останется для него недоступною. Мы можемъ смотрѣть на все подѣ формами жизни, непрестанно текущей въ природѣ; но въ этомъ случаѣ должны оставить безъ вниманія существенныя требованія ума. Мы можемъ также смотрѣть на все чрезѣ формы дѣятельности умственной; но гдѣ найдемъ поруку, что въ нашихъ формахъ отражается и самая природа? Сознаніе такого затрудненія возбудило новую жалобу со стороны Лютеранскаго мышленія на зависимость началъ познанія и нравственной дѣятельности. И это была зависимость

уже не отъ каноническаго смысла вѣры, а отъ законовъ предметнаго бытія, по которымъ оно обставляется явленіями, не спрашиваясь съ умомъ и не требуя отъ него плановъ или предначертаній. Еслибы мы захотѣли изслѣдовать, отъ чего предметное бытіе въ области философіи сдѣлалось тогда началомъ ограниченія ума, то причину нашли бы, вѣроятно, въ независимости послѣдняго отъ руководительныхъ основаній вѣры: потому что вѣрѣ естественно озарять не духовную только, но и чувствующую сторону человѣка: она тѣсно связуетъ міръ внѣшній и внутренній, и какъ тотъ, такъ и другой постоянно сохраняетъ въ единствѣ гармоническаго цѣлаго. Посему, для избѣжанія этого новаго, представившагося уму затрудненія, философіи надлежало бы возвратиться къ основаніямъ религіознымъ. Но, получивъ однажды направленіе языческое, умъ не въ состояніи былъ уже отказаться отъ преимуществъ своей самостоятельности и, привыкнувъ поставять въ зависимость отъ себя формы вѣры, пришелъ къ мысли — нельзя-ли такимъ же образомъ найти въ себѣ начало и для развитія самыхъ явленій природы. Эту задачу въ половинѣ XVIII вѣка первый предложилъ и разрѣшалъ Кантъ; потомъ его примѣру слѣдовали многіе другіе философы и, поставивъ умъ надъ всѣмъ и выше всего, создали философію такъ называемую *раціоналистическую*. Философія раціоналистическая состояла въ томъ, что въ одномъ умѣ, независимо отъ внѣшняго опыта, предполагала условія не только всякаго познанія, но и всего познаваемаго, и утверждала, что лишь то познается и дѣйствительно существуетъ, что по своимъ основаніямъ и способамъ находитъ познаваемымъ и существующимъ нашъ умъ. Значить, по общей идеѣ этой философіи, ни въ человѣкѣ, ни внѣ человѣка, не до-

пускалось ничего, что не зависѣло бы отъ опредѣленій ума и не отражалось въ немъ, какъ въ зеркалѣ. Такимъ образомъ здѣсь конецъ всѣмъ затрудненіямъ, недоумѣніямъ, противорѣчіямъ и ошибкамъ! Можно подумать, что, для облеченія ума такимъ авторитетомъ въ царствѣ истины и добра, надлежало явиться безусловной мудрости, которая, сама будучи выше всякихъ ограниченій, видѣла бы умъ, какъ нѣчто не только предметное, но и подчиненное себѣ, и признала его достойнымъ этой инвеституры. Но на самомъ дѣлѣ инвеститоромъ былъ не болѣе, какъ Кантъ, а способомъ его — не иное что, какъ *психологическій критицизмъ*. Кантъ началъ съ изслѣдованія: какимъ образомъ синтетическое, то есть условливающееся законами внѣшней природы познаніе возможно а priori?—и основаніе для рѣшенія этой задачи предположилъ въ самомъ умѣ, забывъ, что не только умъ во всѣхъ видахъ своего развитія, но и весь человѣкъ есть не иное что, какъ синтезъ Творческой Премудрости, и что слѣд. отвѣта на его вопросъ надобно искать не въ умственной дѣятельности, а въ зависимости человѣка отъ условій его бытія, указываемыхъ вѣрою и при свѣтѣ ея осязательно ошутимыхъ въ человѣческой природѣ. Должно согласиться, что, разсматривая критически законы, свойства и направленія познавательныхъ и дѣятельныхъ силъ души, Кантъ оказалъ важнѣйшую услугу психологій,—такъ что философія въ мірѣ христіанскомъ ему прежде всѣхъ обязана обработкою отдѣльныхъ частей содержанія этой науки; однакожь психологическихъ его результатовъ нельзя почитать удовлетворительными и предложенной имъ задачи — рѣшенною. Притомъ, сколько принесъ онъ пользы наукамъ самопознанія, столько же, или еще болѣе причинилъ вреда метафизиче-

скому ученію о бытіи подлежательномъ, особенно въ отношеніи къ тѣмъ истинамъ, которыя требуются нашею природою и покровительствуются вѣрою. Это послѣднее зло было тѣмъ гибельнѣе, что имѣло сильное вліяніе на характеръ дальнѣйшаго развитія философіи рационалистической. Когда довѣренность къ метафизикѣ была поколеблена и въ теоретическомъ умѣ не найдено для ней никакого твердаго основанія, послѣдователи Канта, не думая болѣе о мірѣ внѣшнемъ, всѣми своими чаяніями обратились къ уму и изъ его началъ, его способами старались развить не только всякую предметную жизнь, но и произвести всѣ виды предметнаго бытія. Отсюда произошелъ *раціоналистическій атеизмъ*, субстанціальное бытіе перенесшій въ я, а я потомъ признавшій тождественнымъ съ самимъ собою мышленіемъ, или идеею ума, котораго самосознаніе равно сознанію всего міра и въ которомъ самъ Богъ изъ Своего инобытія (*Andersseyn*) возвращается въ себя. На этой крайней степени владычества умъ, поглотивъ все, и основанія вѣры, и начала реальной бытности, и законы человѣческой жизни, развилъ философію религіи, философію природы, философію нравовъ, философію правъ и надъ всѣмъ этимъ, въ качествѣ единственнаго и могущественнаго своего органа, поставилъ логическій формализмъ. Само собою разумѣется, что такой дѣятель долженъ былъ произвести сильнѣйшее вліяніе на формальное развитіе наукъ и питать наклонность къ резонерству. Въ самомъ дѣлѣ, со временъ Гегеля всѣ отрасли знанія начали подчиняться условіямъ системы и ограничивались большею частью философски — на извѣстныхъ началахъ по той или другой идеѣ. И ученые о систематическомъ построеніи ученій иногда больше толковали, чѣмъ о полнотѣ и досто-

инствѣ содержанія ихъ. Подъ этими отличительными чертами (*) преобразованная Кантомъ Лютеранская философія перешла въ XIX вѣкъ и развивалась почти до настоящаго времени. Последнимъ въ этомъ родѣ мыслителемъ, о которомъ исторія можетъ упомянуть, былъ Фридрихъ Гербартъ. Онъ, повидимому, старался рационализмъ сблизить съ эмпиризмомъ и основать философію на опытѣ, а потому, подобно Канту, совершенно отвергъ метафизику. Но его философія чрезъ это болѣе потеряла, чѣмъ сколько приобрѣла: потому что въ жертву опыту онъ принесъ многовѣковыя открытія психологій, отвергъ многообразіе душевныхъ силъ, не допускалъ въ душѣ никакихъ началъ познанія и нравственной дѣятельности и хотѣлъ, по сознаваемымъ нами понятіямъ, дойти до происхожденія ихъ въ эмпирию. Для этого придумалъ онъ различныя сочетанія представленій, взаимныя проникновенія, столкновенія и группированія ихъ, и такимъ образомъ развилъ *статику* и *механику духа*. Въ его системѣ способности души суть только логическіе дѣятели; существенны же одни понятія, отъ взаимодѣйствія которыхъ происходятъ всѣ чувствованія и желанія. Если между чувствованіями и желаніями замѣчается антагонизмъ: то это зависитъ не отъ двухъ противоположныхъ въ душѣ началъ добра и зла, а отъ понятій, поелику они возбуждаются въ душѣ не одно за другимъ, и не во взаимномъ соединеніи, а въ массахъ различныхъ, изъ которыхъ каждая приноситъ съ собою соб-

(*) Случалось, что, держась принятаго направленія, философія въ Лютеранскомъ же, либо Римскокатолическомъ обществѣ встрѣчала оппозиціи, или философскія ученія, враждебныя ея характеру. Но такихъ Паскалей, Якобьевъ, Ботеневъ было немного, и они не въ состояніи были измѣнить, а только отбѣдали господствующій духъ философскаго мышленія.

ствениныя чувствованія и желанія. Что же такое умъ? — Умъ, по мнѣнію Гербарта, есть не болѣе, какъ результатъ долговременнаго образованія. Имъ отличается человѣкъ отъ животнаго, и человѣкъ образованный — отъ дикаря. Умъ постепенно становится логическою мыслію, способностію абсолютною и умомъ практическимъ.

Но между тѣмъ какъ на западѣ философія, въ продолженіе тысячи трехсотъ лѣтъ, находилась въ такомъ движеніи, росла и укрѣплялась языческими идеями, преобразовывалась и развивалась подъ вліяніемъ религиозныхъ реформъ, — какіе успѣхи сдѣлала она на востокѣ? Мы уже замѣтили выше, что въ обществѣ восточныхъ христіанъ весьма рано появилась склонность къ практическому любомуудрію. Это любомуудріе, не смотря на вѣншее отчужденіе свое отъ условій общественной жизни, имѣло на нее сильное вліяніе. Отшельники постоянно были образцами подвижническихъ добродѣтелей среди самаго общества; а ихъ мнѣнія и правила, подобно гномамъ древнихъ Греческихъ мудрецовъ, переходили изъ устъ въ уста, какъ назидательные уроки нравственной дѣятельности. Такимъ образомъ философія, принявъ характеръ практической, практически же переходила и въ общество и, проявляясь въ формахъ благочестивой жизни, назидала семейный и гражданскій бытъ народа. Посему вислолько не удивительно, что въ тѣ времена христіанскій востокъ не ознаменовалъ себя никакими философскими теоріями. Свитки древней языческой мудрости лежали тогда подъ слоями пыли въ книгохранилищахъ великихъ городовъ, и христіанамъ для любомуудрственной жизни не настояло въ нихъ никакой надобности. Исторія философіи, обозрѣвая этотъ періодъ времени до половины IX вѣка со стороны фило-

софско-теоретическаго мышленія на востокѣ, едва можетъ остановиться на нѣсколькихъ именахъ, сохранившихъ память объ ученой своей дѣятельности небольшими трактатами. Эти лица были: Эней Газскій, котораго современники называли христіанскимъ Платоникомъ, Іоаннъ Стобей, Захарія Схоластикъ, Іоаннъ Филопонъ, и особенно патріархъ Фотій, котораго «Bibliotheca» заключаетъ въ себѣ драгоценныя извлеченія изъ Греческихъ писателей. Но вѣкъ Фотія и слѣдующіе за нимъ вѣка, до окончательнаго паденія Греческой имперіи, были самыми тревожными временами восточной жизни. Тогда представлялось гораздо болѣе побужденій для скорбнаго чувствованія, чѣмъ сколько предметовъ для глубокаго философскаго созерпанія. Это были сперва — времена отпаденія западной церкви отъ православной восточной, подававшего поводъ къ враждебнымъ отношеніямъ между Римскимъ и Константинопольскимъ престолами; потомъ — времена Крестовыхъ походовъ, матеріально-разорявшихъ востокъ и впослѣдствіи коварно злоумышлявшихъ противъ его церкви; наконецъ — времена усилившагося и все глубже провикавшаго въ Греческую имперію исламизма. Всѣ эти внѣшнія бѣдствія, сильно препятствуя развитію философскаго мышленія въ восточномъ обществѣ, могли принести ему только ту пользу, что сосредоточивали его въ самомъ себѣ, побуждали его строже держаться своего православія и располагали болѣе заботиться о соблюденіи правилъ нравственно-религіознаго своего поведенія. Такимъ образомъ, не проявляя въ себѣ никакихъ теорій, оно, подъ вліяніемъ внѣшнихъ стѣснительныхъ обстоятельствъ, по-крайней-мѣрѣ крѣпчало въ началахъ практическаго любомудрія.

Эти самыя начала любомудрія и живое сочувствіе къ

нимъ, вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою, перенесены изъ Византійской имперіи и въ нѣдра племенъ Славянскихъ. Практическое любомудріе, со временъ св. Владиміра и Ярослава, питало, настраивало и развивало духъ народа и въ нашемъ отечествѣ. Мышленіе, согласное съ вѣрою и оправдываемое дѣятельностію по вѣрѣ, во всѣ вѣка было общимъ выраженіемъ нашей народной жизни. Эти стихіи у насъ никогда не отдѣлялись одна отъ другой, не возбуждая ненависти къ тому, кто посягалъ на отдѣленіе ихъ. Мы не спорили о смыслѣ предписаній вѣры и церкви въ угоду своимъ понятіямъ и страстямъ; мы не видѣли добра дѣла въ человѣкѣ, независимо отъ его религіозныхъ расположеній; мы даже не уважали самыхъ многообъщующихъ мыслей, если онѣ не гармонировали съ православіемъ. Такое любомудріе тушило пламень междоусобій удѣльныхъ; сплавило въ одно цѣлое государственное тѣло разнородныя племена; свергло съ Россіи иго Монгольскаго владычества; питало, утверждало и освящало любовь къ власти самодержавной; возвеличило, распространило и прославило Россію; отпечатлѣло народный ея духъ характеромъ вѣрности, постоянства, общительности и щедротельности. Это любомудріе во всѣ времена было господствующею нашею философіею. Но проявлялось ли оно когда-нибудь идеею о мірѣ и жизни? Пробуждалась ли въ духѣ Русскаго общества потребность въ общихъ основаніяхъ, изъ которыхъ было бы видно, что онѣ не только такъ мыслить и дѣйствуетъ, но что, по закону благодатствованной вѣрою человѣческой природы, непременно такъ долженъ мыслить и дѣйствовать? — Пробуждалась ли встарини и во всѣ вѣка. Встарину Русскій умъ и Русское сердце, проникнутые вѣрою, доходили до этихъ основаній путемъ

долговременнаго наведенія и устанавливали ихъ въ видѣ пословиць. Пословицы были народными гномами, на которыя смотрѣли, какъ на начала мудрой оытности, какъ на масштабъ для приложенія христіанскаго православія и благочестія къ частымъ случаямъ жизни практической. Потомъ въ Россіи, при концѣ XVII вѣка, началъ развиваться вкусъ къ виѣшнему образованію; явилась потребность въ наукахъ, учреждались высшія духовныя школы, и вопросъ объ общихъ или философскихъ основаніяхъ знанія и дѣятельности возникъ уже въ этихъ школахъ, слѣдовательно требовалъ отвѣта болѣе или менѣе ученаго. Кіевъ, первый разсадникъ наукъ въ нашемъ отечествѣ, предъ тѣмъ долго находился подъ ближайшимъ вліяніемъ Римскокатолическихъ понятій, — и Римскій католицизмъ, для рѣшенія упомянутой задачи, незамедлилъ передать его школъ свою методу и свои средства. Поэтому и мы въ то время познакомились съ Аристотелемъ, особенно же съ логическими его трактатами, — и сперва въ Кіевской и Московской, а потомъ и въ С. Петербургской духовныхъ академіяхъ занимались философіею схоластическою. Западная схоластика держалась и развивалась у насъ въ теченіе всего XVIII столѣтія; но, преподаваемая на Латинскомъ языкѣ и облеченная въ школьныя формы, не привилась къ быту общественному. Наше общество смотрѣло на нее, какъ на роскошь иноземнаго образованія, или какъ на искусственную гимнастику ума, не видя, не понимая и не допуская ея отношенія къ Русской жизни, т. е. почитало ее именно тѣмъ, чѣмъ она была для насъ на самомъ дѣлѣ. Поэтому во второй половинѣ того же вѣка Московскій университетъ, а въ началѣ XIX и духовныя академіи начали отдавать преимущество идеямъ средне-Германскимъ и раз-

вивали философію на началахъ школы Вольфа. Однакожь и Вольфъ съ своими послѣдователями не могъ удовлетворить нашимъ требованіямъ. Системы этихъ философовъ казались намъ только мертвыми логическими формами философіи, а не самою философіею, не живымъ выраженіемъ стремленій нашего духа, и потому вскорѣ были оставлены и забыты. Непосредственно послѣ нихъ, и, повидимому, съ надеждою на большій успѣхъ появился въ нашемъ обществѣ рационализмъ новой Германіи. Кантъ, Шеллингъ, Гегель, Окенъ, и даже Гервартъ нашли у насъ послѣдователей и положили свой тѣнь на вѣкоторыя произведенія нашей ученой литературы. Но Германскій рационализмъ никогда не получитъ у насъ популярности и не сдѣлается собственно нашею философіею, пока мы не переродимся въ стихіяхъ народнаго нашего духа, и религіозныхъ своихъ убѣжденій не принесемъ въ жертву иновѣрному мышленію. Мы не сроднимся съ этимъ рационализмомъ именно потому, что онъ не можетъ сродниться съ нашею православною вѣрою, покольку она требуетъ, чтобы умъ и сердце не поглощались одно другимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не раздѣляли своихъ интересовъ, но, развиваясь въ постоянной связи между собою, какъ органы вѣры, въ просвѣтлѣнной его душѣ находили твердыя основанія для рѣшенія задачъ философіи, и такимъ образомъ практическое наше любомудріе выражали въ теоретическомъ построеніи науки. Первый, требовавшій необходимыхъ условій родной, Русской философіи, и рѣзко выразившій ихъ словомъ, безспорно былъ незабвенный нашъ Сократъ—Сковорода. «Изводъ образованія (говоритъ онъ) долженъ быть изъ народа, для народа, народный; долгъ же учителя есть познать нужду, мѣру, при-

мѣръ и свойство исты образованія, и сочетать себя съ народомъ, то есть изводъ съ истою, или форму съ идеєю. Коликое идолопоклонство восписывать выписнымъ мудрецамъ и покупнымъ учителямъ изъ Нѣмецъ и Французъ силу восприносить и воспричитать чуждому воспитанію! Свое воспитаніе утаевается въ природѣ всякаго народа, какъ огонь и свѣтъ невидимо утаился въ кремешкѣ. Приставъ же губку либо труть и ударъ кресаломъ, и выкрещешь огонь у себя дома, и не будешь ходить по сосѣднимъ хатамъ съ трепетицею, кланяться и просить: позичь мнѣ огню!».

Ордин. проф. С. Петерб. духовной академіи

В. КАРПОВЪ.

НАПРАВЛЕНІИ И ЕДИНСТВѢ ПРЕПОДАВАНІЯ

ВЪ ГИМНАЗІЯХЪ.

I.

Въ *Педагогическомъ Обозрѣніи* (*), издаваемомъ въ Цюрихѣ, напечатана, въ Февральской книжкѣ нынѣшняго года, статья профессора Квека: *О единствѣ гимназическаго преподаванія*. Авторъ имѣетъ въ виду оправдать гимназическое преподаваніе отъ тѣхъ обвиненій, которыя вводятъ на него ревнители реальныхъ училищъ. Вопросъ о реализмѣ и гуманическомъ началѣ преподаванія издавна занимаетъ Германскихъ педагоговъ. Еще въ концѣ прошедшаго столѣтія возникло мнѣніе, будто изученіе классической древности, въ тѣхъ размѣрахъ, какіе искони были предоставлены ему въ Германскихъ гимназіяхъ, даетъ юношеству ложное направленіе, приготавливая для государственной и общественной дѣятельности людей, не обладающихъ свѣдѣніями, нужными для практической жизни. Развитие промышленности, прививавшее съ тѣхъ поръ повсюду все большіе

(*) *Pädagogische Revue*, begründet von Dr. Mager; herausgegeben von W. Langbein. Zürich, 1836.

размѣры, породило въ Германіи всеобщее убѣжденіе о необходимости измѣнить основы обученія въ школахъ. Правительство, въ видахъ практической пользы, сочло нужнымъ содѣйствовать основанію реальныхъ, или такъ называемыхъ высшихъ гражданскихъ школъ (die höhern Bürgerschulen), гдѣ развитіе умственныхъ способностей юношества достигается изученіемъ не классической древности, а естественныхъ наукъ и новѣйшихъ языковъ. Профессоръ Квекъ, не оспаривая пользы, которую можетъ принести для общества это новое направленіе въ развитіи умственныхъ способностей юношества, если только оно производится на основаніи должной постепенности и не жертвуетъ основательностію изученія поверхностному энциклопедизму, выражаетъ сожалѣніе о томъ, что многія гимназій, желая не отстать отъ духа времени, утратили гармоническое единство своего преподаванія, принявъ въ себя то, что естественно и законно только въ реальныхъ школахъ. Это тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что двойственность характера, принятая съ нѣкоторыхъ поръ многими Нѣмецкими гимназіями, дѣлаетъ невозможнымъ успѣхъ преподаванія ни въ гуманическомъ, ни въ реальномъ отношеніи.

Противъ такихъ-то гимназій, не выдержавшихъ своего основнаго характера, и вооружается пр. Квекъ. «Наша гимназій, говоритъ онъ, внимая голосу современности, вопіющему противъ несвоевременности исключительнаго занятія древностію, пріобрѣли пользу только въ томъ отношеніи, что это заставляло ихъ упростить приемы преподаванія древнихъ языковъ, и тѣмъ сберечь нѣсколько свободныхъ часовъ. Но куда употреблено это свободное время? На изученіе тѣхъ предметовъ, которые, имѣя со-

вершено другой характеръ, требуютъ гораздо болѣе досуга для пріобрѣтенія въ нихъ основательныхъ познаній. Значитъ, выигрышь во времени, отъ примѣненія болѣе простой и правильной методы изученія классическихъ языковъ, не принесетъ гимназіямъ существенной пользы. По прежнему раздаются повсюду обвиненія, что гимназіи истощаютъ силы молодаго поколѣнія чрезмѣрными трудами. И дѣйствительно, прежде отъ учениковъ требовалось усилій только въ отношеніи къ изученію древнихъ языковъ, и при единствѣ преподаванія ихъ, легче было достигать плодотворныхъ результатовъ.

«Юношество получало менѣе разнообразное образованіе, но за то болѣе прочное, возбуждавшее въ большей степени самостоятельность. Теперь, въ гимназіяхъ, имѣющихъ двойственный характеръ, притязаній на усилія учениковъ стало больше, а времени для изученія предметовъ оставлено столько-же: гдѣ-же тутъ ждать основательности и глубины развитія умственныхъ и нравственныхъ способностей? Прежде, при однородности предметовъ обученія, возможно было поручать одному и тому-же учителю нѣсколько главныхъ предметовъ, составляющихъ характеръ класса, напр. Латинскій и Греческій языки вмѣстѣ съ упражненіемъ въ отечественномъ языкѣ, посредствомъ переводовъ. Это въ особенности возможно и даже необходимо было въ младшихъ классахъ. Дѣйствительно, если одинъ опытный и многосторонне-образованный учитель (а такихъ учителей не трудно найти въ Германскихъ гимназіяхъ) преподаетъ нѣсколько предметовъ въ одномъ и томъ же классѣ, то онъ можетъ успѣшнѣе дѣйствовать на развитіе умственныхъ способностей учениковъ: въ преподаваніи является болѣе единства. Въ наше время, при

снѣженіи реализма съ гуманизмомъ въ однѣхъ и тѣхъ же гимназіяхъ, является необходимость предоставлять классъ нѣсколькимъ специалистамъ, которые, — положимъ, въ весьма благородномъ увлеченіи своимъ предметомъ, — даютъ однакожь каждый своему преподаванію такіе размѣры, которые обремѣняютъ силы учениковъ и нарушаютъ гармонію и единство преподаванія. Каждый изъ специальныхъ учителей, ревнуя къ пользамъ и успѣхамъ своего предмета, забываетъ, что онъ преподаетъ не одинъ, что онъ есть сила, только *содѣйствующая* развитію учениковъ, и что если въ развитіи будетъ нарушена гармонія, то и самая умственная сила учениковъ будутъ подвержены опасности. «Ученикамъ нашихъ гимназій, говоритъ авторъ, въ одинъ день приходится слушать лекціи и математики, и Латинскаго языка, и Греческаго, и исторіи и физики, отъ четырехъ или пяти различныхъ учителей, значить — примѣняться по-крайней-мѣрѣ къ пяти различнымъ методамъ преподаванія, подчиняться пяти различнымъ дисциплинарнымъ приѣмамъ. И все преподаваемое имъ они должны запомнить, усвоить себѣ, претворить въ свою плоть и кровь! Къ слѣдующему дню они должны приготовить уроки или письменныя работы по каждому изъ предметовъ, имъ преподаваемыхъ: приискать въ лексиконѣ слова, составить примѣры на грамматическія правила, рѣшить нѣсколько задачъ, выучить наизусть стихотвореніе и т. д. А между тѣмъ имъ предстоитъ черезъ нѣсколько дней общее повтореніе изъ исторіи; не далекъ и срокъ для подачи пространнаго сочиненія по предмету отечественнаго языка; а тамъ незамѣтно подойдетъ время, что главный наблюдатель за преподаваніемъ освѣдомится о томъ, что они изучили самостоятельнымъ чтеніемъ. Если присо-

единить ко всѣмъ этимъ требованіямъ и то, что тотъ или другой учитель, ревнующій о пользахъ своего предмета, предложить лучшимъ ученикамъ особенную работу, или выразить свое неудовольствіе, что въ его предметѣ ученики менѣе успѣваютъ, нежели въ прочихъ, да что сверхъ того лучшіе ученики, дорожа своимъ почетнымъ мѣстомъ въ классѣ, при ежемѣсячныхъ, полугодичныхъ и годичныхъ испытаніяхъ, будутъ напрягать послѣднія свои усилія не опустится ни на одинъ градусъ ни въ одномъ предметѣ преподаванія, — то гдѣ-же тутъ и искать основательности, усвоенія предметовъ, умственного и нравственнаго развитія? И къ какому же результату приводитъ и постоянно будетъ приводить такая *многосторонность* преподаванія? Наши гимназін, сокративъ объемъ предметовъ, составлявшихъ доселѣ ихъ существенный характеръ, и введя нѣсколько предметовъ реальныхъ, отказавшись отъ основательности обученія въ одномъ и не достигнувъ многосторонности даже реальныхъ училищъ, дѣйствительно обнаруживаютъ разрушительное вліяніе на юныя силы своихъ питомцевъ. Наконецъ, нельзя не видѣть, что наши гимназін получили характеръ какихъ-то маленькихъ академій, гдѣ хотятъ изучить все мало-мальски занимательное и достойное изученія. Хотятъ *всѣхъ* научить *всему*, и хотя для этой цѣли дѣйствительно придумано много полезныхъ упражненій, но, съ другой стороны, пришлось во многомъ отказаться отъ послѣдовательности и основательности. Словомъ — истинный, исконный характеръ гимназій утратился. Узкій, но надежный путь ученія обратился въ какую-то шумную проѣзжую дорогу, загроможденную длинными вереницами полезныхъ матеріаловъ знанія. Въмѣсто того, чтобы, какъ было доселѣ, обрабатывать

тщательно и добросовѣстно небольшой участокъ земли, мы развели наши плантаціи на неизмѣримомъ пространствѣ, и вмѣсто простыхъ, общеупотребительныхъ плодовыхъ деревьевъ, посадили тамъ множество разнообразныхъ, но почти бесполезныхъ модныхъ цвѣтовъ и растений. Вслѣдствіе такихъ заблужденій, наши училища обращаются въ заведенія исключительно учебныя, не имѣющія никакого воспитательнаго характера : все преподаваніе обращается въ какую-то механическую дрессировку умовъ, къ извѣстному сроку, къ извѣстной, довольно узкой цѣли, и — что всего хуже — ученики, получившіе многостороннее, по ихъ мнѣнію, образованіе, пріобрѣтаютъ ту безразсудную заносчивость, которая всегда служитъ отличительнымъ признакомъ всезнайства, ту притязательность и въ то же время пустоту, которыя постоянно имѣютъ результатомъ физическую и нравственную неспособность быть полезными членами общества. Мы готовы допустить, что наше юношество стало богаче познаніями, начятаніемъ, многостороннѣе, свободнѣе и живѣе въ общественномъ разговорѣ, вообще ловче, шеголеватѣе въ обращеніи ; но за то развѣ не видимъ мы изъ множества опытовъ и случаевъ жизни, что оно утратило нравственную крѣпость въ вѣрованіяхъ, въ убѣжденіяхъ, что оно стало менѣе доступно благоразумнымъ внушеніямъ, стало бояться серьезнаго труда и потеряло энергію къ нему, сдѣлалось и тщеславнѣе и эгоистичнѣе; достигаетъ преждевременной зрѣлости, но утрачиваетъ то юношеское настроеніе духа, которое всегда украшало юность ; пріобрѣтаетъ блески и мишуру въ познаніяхъ, лишилось основательности, наукообразности познаній, и оказывается крайне-слабымъ въ элементахъ всякаго званія?

«Развѣ мы не встрѣчаемъ юношей, толкующихъ объ идеальныхъ стремленіяхъ своихъ, и не сознавшихъ, не полюболюбившихъ своихъ идеаловъ; юношей, направляющихъ свою дѣятельность въ ширину, а не въ глубину; юношей, стремящихся уловить въ жизни только то, что раздражаетъ фантазію и чувства, усвоить то, что обѣщаетъ блистательный успѣхъ, трескучій эффектъ, насладиться преждевременно тѣми приманками жизни, которыя не ускользнули бы отъ нихъ и въ послѣдующіе годы? Развѣ не приходится намъ такъ часто и такъ справедливо жаловаться на недостатокъ самостоятельности въ нашихъ юношахъ, на отсутствіе въ нихъ твердыхъ убѣжденій и безкорыстнаго стремленія къ добру и правдѣ? А можемъ ли мы винить ихъ въ этомъ, когда школа не даетъ имъ времени ни созрѣть въ добрыхъ началахъ, ни усвоить добрыхъ привычекъ, ни даже добрыхъ и плодотворныхъ знаній; когда даже лучший изъ нихъ, именно потому, что онъ лучший, не взятъ отъ обвиненій и нападокъ, если, углубляясь въ предметъ болѣе близкій его сердцу и сгибу его ума, онъ *отстанетъ* отъ товарищей въ другихъ предметахъ».

Дабы избѣгнуть пагубныхъ послѣдствій, до которыхъ можетъ довести столь превратный характеръ преподаванія, и съ нимъ соединеннаго воспитанія, авторъ считаетъ необходимымъ внести прежнее единство въ гимназическое преподаваніе. Только тогда оно пріобрѣтетъ истинную свою опору, постоянный центръ тяжести.

Гимназія, по разумно-историческому ея идеалу, имѣетъ задачей развивать умственные и нравственные силы юношества, и, сверхъ общаго христіанскаго и человѣческаго образованія, давать ему прочную наукообразную основу для будущей свободно-избранной имъ дѣятельности и уча-

стія во всѣхъ высшихъ интересахъ человѣчества. Вотъ почему она должна, съ одной стороны, сообщать не только достаточный запасъ познаній, но и развивать въ молодомъ поколѣніи различныя, пригодныя для жизни, добрыя на-выки; съ другой стороны, укоренять въ юности возвышающій душу, нравственно-идеальный взглядъ на жизнь. Значить, задача гимназій есть не столько сообщеніе познаній, прямо прилагаемыхъ къ жизни, сколько развитіе умственныхъ силъ ученика на основаніи сообщаемыхъ ему реальныхъ познаній. Преподаваніе имѣетъ ближайшую цѣль подѣйствовать формализующимъ, образующимъ способомъ на духовныя способности. Конечно, при этомъ познанія реальныя, приложимыя къ жизни, укоренятся въ памяти ученика сами собою и положатъ начало тому или другому роду умѣнья, тому или другому навыку, пригодному въ жизни. Такое реально-формальное развитіе духа и обогащеніе его познаніями отразится на всей нравственно-идеальной природѣ ученика. Естественно, что нравственная крѣпость и развитіе ученика будутъ еще непосредственно зависѣть отъ чисто-воспитательныхъ вліяній; но авторъ уклоняется отъ разсмотрѣнія этого вопроса, ограничиваясь только тѣмъ вліяніемъ, которое должно произвести на нравственную природу учениковъ собственно преподаваніе гимназическое.

За тѣмъ, указавъ, въ какія ошибки впадали гимназій, когда имѣли въ виду только одну, какую-нибудь изъ трехъ вышеуказанныхъ цѣлей, напр. только реальную, исключительно формальную или исключительно нравственно-идеальную, авторъ переходитъ къ характеристикѣ каждого учебнаго предмета, необходимаго въ гимназическомъ курсѣ.

Высказавъ нѣсколько здравыхъ замѣчаній о преподаваніи закона Божія, какъ предмета, на которомъ основывается все благое и христіански-нравственное въ молодомъ поколѣніи, онъ переходитъ къ древнимъ языкамъ, составляющимъ естественное и историческое достояніе Нѣмецкихъ гимназій.

«Что изученіе языковъ, говоритъ авторъ, доставляетъ множество познаній, имѣющихъ или непосредственное достоинство, по ихъ прямой пригодности къ жизни, или такихъ, которыя оказываются полезными въ дальнѣйшей ученой и практической дѣятельности ученика, это истина неоспоримая. Первое, т. е. непосредственное значеніе для жизни имѣетъ изученіе отечественнаго языка и языковъ новѣйшихъ; второе справедливо преимущественно въ отношеніи языковъ классическихъ — Латинскаго и Греческаго. Важность основательнаго знанія этихъ языковъ не будетъ оспаривать никто изъ людей, понимающихъ значеніе этихъ двухъ народовъ древности въ исторіи, политикѣ, цивилизаціи и наукѣ; никто изъ людей, знающихъ богатство и строгую логическую законность этихъ языковъ, разнообразіе, изящество, самобытность ихъ литературныхъ памятниковъ; никто изъ тѣхъ, кто уразумѣлъ вѣковѣчное вліяніе литературныхъ, ученыхъ, художественныхъ произведеній этой древности на всѣ явленія нашей Европейской литературы, права, исторію и философію; никто изъ тѣхъ, кто постигнувъ міровое значеніе этихъ языковъ, служившихъ посредниками между двумя мірами — древнимъ и новымъ. Основательное знаніе этихъ языковъ имѣетъ особенное значеніе для того, кто посвящаетъ себя наукѣ и самостоятельнымъ изслѣдованіямъ въ какой-либо ея области; значить — основательное изученіе ихъ въ гимназіяхъ есть

дѣло первой необходимости, если принять за истинную ту задачу, которую мы начертали выше для гимназій. Но эти два языка имѣютъ столь же высокое значеніе и какъ средство *образовательное*, т. е. направленное къ формальному образованію умственныхъ способностей. Если согласиться, что языкъ мертвый, вполнѣ замкнутый и оконченный въ своемъ развитіи, имѣетъ, какъ средство образовательно дѣйствующее на духовныя способности, рѣшительное преимущество передъ живыми языками, еще находящимся въ процессѣ развитія: то въ этомъ отношеніи никакой языкъ не можетъ быть поставленъ на ряду съ языками классической древности. Строгость, опредѣленность ихъ формъ, ясность ихъ этимологическаго развитія, естественность и правильность въ обозначеніи понятій словами, строго-логическое построеніе рѣчи и вообще благоустроенность синтаксиса, мужественная строгость и художественное благородство языка Латинскаго, и разнообразіе, благозвучіе Греческаго — все это не можетъ не сообщать умственнымъ силамъ ученика самую обильную, здоровую, укрѣпляющую и возбуждающую пищу, въ особенности если преподаваніе будетъ и основательное и подробное».

Граматику, чтеніе писателей и упражненіе въ сочиненіяхъ авторъ считаетъ тремя необходимыми средствами при изученіи древнихъ языковъ. О сочиненіяхъ онъ замѣчаетъ, что они необходимы въ особенности потому, что даютъ возможность ученикамъ вполнѣ постигнуть духъ изучаемаго языка. Письменные упражненія въ Латинскомъ языкѣ онъ ставитъ на первый планъ: потому что простота и опредѣленность Латинскаго синтаксиса, въ сравненіи съ Греческимъ, даетъ ученикамъ болѣе возможности усвоить

себѣ не только духъ языка, но и вообще пріобрѣсти навыкъ въ опредѣленности мышленія и передачи мысли словами.

«Обращаясь къ преподаванію отечественнаго языка, говоритъ авторъ, мы должны замѣтить, что мы далеки отъ мнѣнія, будто изученіе его представляетъ менѣе важное средство для развитія умственныхъ способностей. Если мы не ставимъ изученіе отечественнаго языка наравнѣ съ изученіемъ древнихъ, то мы руководимся при этомъ слѣдующими соображеніями. Каждый урокъ, въ которомъ отечественный языкъ служитъ посредникомъ для передачи понятій, есть уже тѣмъ самымъ урокъ отечественнаго языка; каждый учитель, какой бы онъ предметъ ни преподавалъ, долженъ вмѣнять себѣ въ обязанность — правильно, отчетливо и просто выражаться на отечественномъ языкѣ, и исправлять ошибки противъ языка въ отвѣтахъ учениковъ. Сверхъ того мы полагаемъ, что нѣтъ средства болѣе дѣйствительнаго для развитія въ ученикахъ навыка выражаться точно на отечественномъ языкѣ, для укорененія въ нихъ чувства грамматической законности и изящества слога, какъ письменныя и изустныя переводы съ Латинскаго и Греческаго на отечественный языкъ. Главными средствами преподаванія отечественнаго языка мы считаемъ чтеніе писателей съ объясненіемъ содержанія и формъ изложенія прочитаннаго. Самостоятельныя сочиненія учениковъ должны соответствовать степени ихъ умственнаго развитія. Систематическое изложеніе грамматики отечественнаго языка мы не считаемъ нужнымъ: потому что въ отношеніи къ отечественному языку, по нашему мнѣнію, можно въ довольно высокой степени довѣрять тому общему чувству правильности, тому инстинктивному постиженію характера языка, которыя пріобрѣ-

таются съ дѣтства, изъ ежедневнаго навыка, а потомъ изъ чтенія и объясненія прочитаннаго. Та польза, которую систематическое изложеніе отечественной грамматики могло бы принести въ отношеніи формальнаго развитія умственныхъ способностей, приобрѣтается въ гимназіяхъ изученіемъ языковъ Латинскаго и Греческаго. Грамматическая техника и отдѣльныя замѣчанія легко могутъ быть присоединяемы, при случаѣ, во время чтенія писателей. Преподаваніе исторіи поэтической литературы отечественнаго языка должно быть ограничиваемо только цвѣтущими періодами отечественной словесности. Для учениковъ гимназіи достаточно, если онъ ознакомится съ красотами языка въ сочиненіяхъ классическихъ отечественныхъ писателей. Иначе пришлось бы, по недостатку времени, сообщать имъ голословныя сужденія обо всѣхъ явленіяхъ литературы, а это не только бесполезно, но даже вредно».

Затѣмъ, указавъ на необходимость довольно пространнаго преподаванія исторіи, преимущественно древней и отечественной, и показавъ значеніе преподаванія географіи въ гимназическомъ курсѣ, авторъ замѣчаетъ о преподаваніи математики слѣдующее: мы не отрицаемъ матеріальной и формальной пользы ея, въ отношеніи развитія мыслительной способности, и требуемъ отъ него строгой наукообразной методы; но, при всемъ томъ, намъ кажется неумѣстнымъ въ гимназіяхъ давать слишкомъ большіе размѣры изученію математики. Чѣмъ выше и абстрактнѣе характеръ этого преподаванія, тѣмъ меньшее число учениковъ приобрѣтаетъ отъ него пользу. То же слѣдуетъ замѣтить и о преподаваніи физики: только главнѣйшіе законы природы должны быть указаны уче-

никакъ гимназіи; подробности же должны быть пред-оставлены реальнымъ училищамъ».

«И такъ четыре предмета, нами означенные, а именно: законъ Божій, языки (древніе и отечественный), исторія съ необходимымъ ея дополненіемъ и математика съ дополняющимъ ее ученіемъ о главныхъ физическихъ законахъ природы, составляютъ — въ тѣхъ размѣрахъ, какъ мы указали выше, — все, что, по нашему мнѣнію, необходимо для гармоническаго развитія умственной и нравственной природы ученика гимназіи.

«Но многимъ могло бы показаться, что молодой чело-вѣкъ, выходящій изъ гимназіи съ тѣмъ развитіемъ и обра-зованіемъ, которое дало ему изученіе только этихъ четы-рехъ, названныхъ нами предметовъ, явится совершенно чуждымъ дѣйствительной жизни, не знающимъ ни міра, ни людей, ни природы. Въ противоположность этому мнѣ-нію, мы считаемъ себя въ правѣ сказать утвердительно, что молодой чело-вѣкъ, основательно изучившій вышеозна-ченныя предметы, обладаетъ въ такой степени пробужден-ными и развитыми духовными и нравственными силами, что онъ нигдѣ и ни въ чемъ не окажется чуждымъ дѣйстви-тельности. Мы осмѣливаемся утверждать, въ противность тѣмъ, которые считаютъ изученіе древнихъ языковъ за бесполезное въ наше время занятіе, отнимающее досугъ, который можно было бы употребить на приобрѣтеніе зна-ній, приложенныхъ прямо къ дѣйствительной жизни, — что эти предметы представляютъ такое средство развитія умственныхъ силъ, что ихъ основательное изученіе можно считать за вполне достаточное приготовленіе юноши какъ для ученой, такъ и для практической дѣятельности.

Мы даже считаемъ себя въ правѣ сдѣлать съ своей стороны вопросъ защитникамъ реального образованія: всели изъ преподаваемаго ученикамъ реальныхъ училищъ составляетъ для нихъ непосредственно-примѣнимое въ жизни? Нѣтъ-ли тамъ такихъ предметовъ обученія, которыхъ польза открывается только тогда, когда ученикъ, по выходя изъ школы въ дѣйствительную жизнь, примется специально за изученіе одного изъ нихъ. Значитъ, все дѣло состоитъ въ послѣдующемъ самообразованіи; а оно бываетъ возможно и успѣшно для ученика какой-бы то ни было школы только тогда, когда его умственнымъ силамъ дано было правильное и прочное развитіе. А прочность и правильность развитія является только тамъ, гдѣ умственныя силы сосредоточиваются на немногомъ. А потому, мы, защищая гуманическое начало гимназическаго преподаванія, какъ признанное вѣками за начало развивающее, вовсе не имѣемъ притязаній оспаривать реальное начало: мы оспариваемъ только пользу той многосторонности и того излишняго разнообразія предметовъ обученія, которое допускается въ наше время реальными училищами и тѣми гимназіями, которыя утратили единство своего состава.

Наконецъ ученикъ гимназій выноситъ съ собою въ жизнь нѣсколько придаточныхъ познаній, пригодныхъ прямо для практической жизни: это—знаніе по-крайней-мѣрѣ одного новѣйшаго языка и знакомство съ природою въ общихъ ея чертахъ посредствомъ естественной исторіи. Преподаваніе этого предмета въ гимназіяхъ, по мнѣнію автора, должно имѣть задачею возбудить любовь въ природѣ и сознаніе законности ея явленій, а это достигается не столько подробностію изложенія частныхъ, сколько

логическимъ подведеніемъ частностей подъ нѣкоторыя общія точки зрѣнія». Присоединяя къ этимъ предметамъ преподаванія развитіе нѣкоторыхъ важныхъ въ практической жизни навыковъ, посредствомъ счисленія, рисованія, чистописанія и пѣнія, авторъ предлагаетъ слѣдующее распредѣленіе и число уроковъ въ гимназій, имѣющей шесть классовъ. Три низшіе класса имѣютъ курсъ годичный, три высшіе — двухгодичный.

	Курсъ годичный.			Курсъ двухгодичный.		
	I.	II.	III.	IV.	V.	IV.
Законъ Божій.	2	2	2	2	2	2
Латинскій языкъ	10	9	8	9	9	9
Греческій языкъ	—	—	6	6	6	6
Отечественный языкъ. . .	4	4	3	2	3	3
Исторія. . . } вместе	3	3	3	4	2	3
Географія. . . }				1	—	—
Счисленіе.	3	2	2	—	—	—
Математика	—	—	—	5	4	4
Физика	—	—	—	—	—	2
Естественная исторія . . .	2	2	2	—	—	—
Французскій языкъ. . . .	—	5	3	2	3	1
Пѣніе.	2	1	1	1	1	1
Рисованіе	2	1	1	1	1	1
Чистописаніе	3	2	—	—	—	—
Общее число уроковъ. . .	31	31	31	32	32	32

Въ заключеніе, авторъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что если преподаваніе въ высшихъ классахъ требуетъ, чтобы по каждому предмету былъ учитель-специалистъ, то въ низшихъ классахъ, имено для соблюденія единства пре-

подаванія, и можно и должно поручить преподаваніе двухъ или трехъ однородныхъ предметовъ одному свѣдущему и опытному лицу, которое будетъ такимъ образомъ въ состояніи слѣдить за всестороннимъ умственнымъ развитіемъ учениковъ.

К. ТИШИНЪ.

ОТЧЕТЪ

ГРЕЧЕСКАГО МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ,

ПРЕДСТАВЛЕННЫЙ КОРОЛЮ, О ХОДѢ ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ СРЕДНИХЪ
УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ ВЪ ГРЕЦІИ СЪ 1829 ГОДА ПО 1855
ВКЛЮЧИТЕЛЬНО, СЪ ПРИСОВОКУПЛЕНІЕМЪ СТАТИСТИЧЕСКИХЪ
СВѢДѢНІЙ (*).

Вступленіе. — Вникая въ глубокое значеніе обязанностей, соединенныхъ съ тѣмъ званіемъ, къ которому призванъ я недавно благоволеніемъ и довѣріемъ вашего величества, я положилъ себѣ главною цѣлью — исполняя благія намѣренія ваши, являться достойнымъ такого довѣрія и полезнымъ отечеству. При устремленіи мыслей моихъ на дѣло народнаго просвѣ-

(*) Умственное состояніе возрожденной Греціи составляетъ, безъ сомнѣнія, особенно въ настоящее время, предметъ занимательный для всякаго мыслящаго человѣка. Желая съ нимъ познакомить читателей нашего журнала, мы, вмѣсто всакихъ обзорныхъ и извлеченій изъ книгъ, написанныхъ о Греціи, не всегда достовѣрныхъ и нерѣдко одностороннихъ, рѣшились помѣстить здѣсь оффиціальныи документъ—отчетъ Греческаго министра народнаго просвѣщенія г. Христопуло въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ обнародованъ въ вышешнемъ году. Читатели увидятъ въ немъ не только любопытные факты о состояніи образованія въ странѣ, коей самое имя должно быть драгоценно особенно намъ, Русскимъ, но и направленіе, равно какъ и будущіе его виды.

Примѣчаніе Редакціи.

щенія, я предположилъ — властію вашего величества внести въ него тѣ улучшения, въ которыхъ оно имѣетъ нужду, исправить могущіе оказаться въ немъ по существу и формѣ недостатки, и такимъ образомъ привести народное просвѣщеніе въ соотвѣтствіе съ потребностями настоящаго времени, по-крайней-мѣрѣ настолько, насколько позволяютъ наши средства. Для достиженія этой цѣли путемъ полнаго изслѣдованія причинъ и слѣдствій, при руководствѣ опытами минувшаго, понадобилось мнѣ, между прочимъ, обратиться къ самому началу исторіи нашего народнаго просвѣщенія — къ 1829 году, и рассмотреть всѣ послѣдовавшія съ-тѣхъ-поръ и понынѣ фазы его: ибо, по выраженію древняго историка, «хорошо брать въ примѣръ неопытность другихъ — для собственнаго исправленія» (1). Съ такимъ намѣреніемъ собралъ я всѣ свѣдѣнія, какія могъ получить при данныхъ средствахъ, благопріятствующихъ обстоятельствахъ и при кратковременности службы моей. Изъ этихъ свѣдѣній составилъ я историческое изложеніе хода народнаго просвѣщенія въ Греціи съ 1829 г. до конца 1855 года, вышѣ повергаемое на воззрѣніе вашего величества. Изъ этого историческаго обзорѣнія будетъ видно, между прочимъ, великое развитіе умственныхъ силъ Греціи путемъ образованности, подѣ скипетромъ вашего величества: ибо одною изъ главнѣйшихъ заботъ своихъ положили вы распространеніе просвѣщенія въ древнемъ святилищѣ его, хотя бы сіе стоило величайшихъ жертвъ. «О чемъ — говоритъ Плутархъ — надежить имѣть наибольшее попеченіе мужу мудрому, пріемлещему господство надъ народомъ вновь образовавшимся и безпрекословно покорнымъ, какъ не о воспитаніи и образованіи юношей, для того, чтобы сохранились въ чистотѣ ихъ нравы, и чтобы они получили съ самаго начала одинъ общій отпечатокъ всѣхъ доблестей, и такимъ образомъ составили одно единодушное цѣлое» (2).

Въ предстоящемъ обзорѣ, трехлѣтній періодъ 1831 — 1833 г. остался неизслѣдованнымъ потому, что, за неимѣніемъ надлежащихъ свѣдѣній, не могъ я составить себѣ о немъ правильнаго

(1) Діод. «Историч. бібліотека».

(2) Плутархъ въ «Сравненіи между Ликургомъ и Нумомъ».

понятія. Доселѣ не было, сколько мнѣ извѣстно, ни одного оф-фициальнаго историческаго обзорѣнія хода образованности, которое могло бы служить мнѣ руководствомъ при собираніи и изслѣдованіи необходимыхъ по сей части матеріаловъ. Но я надѣюсь, ваше величество, что, при постоянномъ стремленіи къ отысканію и распредѣленію доступныхъ мнѣ пособій, буду со временемъ въ состояніи поопанить и этотъ пробѣлъ. Возна-мѣрившись, для большей ясности, разобрать отдѣльно три сте-пени народнаго нашего просвѣщенія: низшую, среднюю и выс-шую, я начинаю въ настоящемъ изложеніи съ историческаго об-зора образованія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Оно-то образуетъ сердце и умъ юношества, которому суждено въ по-слѣдствіи прійти въ прямое соприкосновеніе съ обществомъ. Бу-дутъ ли симъ юношамъ звѣрены управленіе и интересы граж-данъ, или обратятся они къ занятіямъ частнымъ, въ обоихъ слу-чаяхъ среднее образованіе весьма важно и требуетъ полнаго вниманія тѣхъ лицъ, отъ которыхъ зависитъ его направленіе. Промежутокъ времени съ 1829 года по 1849 включительно раз-смотрю я кратко: такъ-какъ за эти годы не существуетъ ни надлежащихъ общихъ оф-фициальныхъ отчетовъ, ни актовъ об-щественныхъ, въ которыхъ были бы подробно изложены всѣ частности. Слѣдующіе же за тѣмъ годы 1850—1855 разберу нѣсколько подробнѣе. При раздѣленіи сего труда на четыре періода, принято мною въ основаніе различное состояніе про-свѣщенія и училищныхъ уставовъ въ Греціи, чѣмъ и можетъ быть объяснено неравенство этихъ періодовъ.

I. Среднее образованіе.—Среднее образованіе подраздѣ-ляется на два курса, изъ которыхъ одинъ объемлетъ образованіе въ Эллискихъ школахъ (*), а другой — образованіе въ гимна-зіяхъ. Последнее начинается тамъ, гдѣ оканчивается первое.

Курсъ образованія школьнаго продолжается три года. Это образованіе даетъ дѣтямъ необходимыя для жизни общественной и практической-житейской знанія; желающіе могутъ расши-

(*) Эллискія школы въ Греціи соответствуютъ нашимъ уѣзднымъ учи-лищамъ. *Примѣч. переводч.*

рить ихъ, если перейдутъ изъ Эллинскихъ училищъ въ гимназіи, для которыхъ собственно Эллинскія училища и служатъ подготовленіемъ.

Курсъ гимназическій продолжается четыре года. Обучающіеся въ гимназіяхъ, при выходѣ изъ оныхъ, имѣютъ то общее образованіе, которое дѣлаетъ ихъ способными къ занятію науками въ университетѣ, посвящемъ имя вашего величества, или въ другихъ университетахъ образованной Европы. Если же за неимѣніемъ средствъ, или отъ другихъ обстоятельствъ, не достигнутъ они образованія научнаго, то все-таки будутъ въ состояніи успѣшно вести свои занятія, лишь бы для занимаемой ими должности не требовалось образованія спеціальнаго, а достаточно однихъ общихъ знаній.

II. *Предметы преподаванія.* — Предметы преподаванія въ Эллинскихъ школахъ, въ настоящее время, суть слѣдующіе:

Начальныя основанія Греческаго языка съ грамматикой, священная исторія, катихизисъ, начатки Французскаго и Латинскаго языковъ, практическая ариметика и начатки геометріи, географія политическая, всеобщая исторія вкратцѣ и Греческая подробнѣе и чистописаніе.

Предметы преподаванія въ гимназіяхъ: Греческій языкъ посредствомъ грамматическаго и прагматическаго истолкованія Греческихъ прозаиковъ и поэтовъ, теоретическая ариметика, геометрія, алгебра, стереометрія и прямолинейная тригонометрія, опытная физика, начальныя основанія философіи, географія математическая и физическая, исторія со вступительнымъ обзорѣніемъ отдѣльныхъ народовъ, Французскій и Латинскій языки, а въ Аѳинскихъ гимназіяхъ — Нѣмецкій и Англійскій. Последніе два языка недавно введены въ Сирскую и Патрскую гимназіи.

III. *Личный составъ.* — Каждая схолярхія или каждое Эллинское училище въ полномъ составѣ своемъ имѣетъ одного схоларха или смотрителя (*σχολάρχης*) и трехъ учителей (*διδάσκαλοι*) Греческаго языка и прочихъ предметовъ. Учители сіи бывають трехъ разрядовъ. Въ нѣкоторыхъ училищахъ есть и учителя закона Божія и чистописанія.

Училища имѣютъ по три, по два и даже по одному учителю, смотря по числу жителей и по нуждамъ того города, въ которомъ находятся.

Въ каждомъ изъ Эллинскихъ училищъ, находящихся въ Аѳинахъ, по множеству учениковъ и по простору, съ какими устроены самыя заведенія, приставлено по надзирателю и по служителю.

Оба Аѳинскія училища имѣютъ еще и по помощнику, преподающему въ отдѣленіи низшаго класса.

Каждая гимназія состоитъ изъ гимназіарха или директора, шести профессоровъ и одного учителя рисованія. На гимназіи Аѳинскія полагается одинъ профессоръ Нѣмецкаго и еще одинъ Англійскаго языка, а учителя рисованія нѣтъ.

И въ Патрскую и въ Сирскую гимназію недавно назначены профессора Англійскаго языка, по одному на каждую.

Къ обѣимъ Аѳинскимъ Эллинскимъ училищамъ опредѣлено по надзирателю и по служителю, для той же самой цѣли, для которой таковыя же находятся и при обѣихъ здѣшнихъ гимназіяхъ. При прочихъ же гимназіяхъ имѣются, быть-можетъ и неумѣстно, одинъ только служители.

IV. Жалованіе. Директоры гимназій получаютъ пошѣсячно каждый	по 300 драхмъ (*).
профессоры	250 "
профессоры Французскаго языка	200 "
профессоры Англійскаго языка, изъ которыхъ живущій въ Аѳинахъ преподаетъ въ обѣихъ гимназіяхъ.	250 "
профессоръ Нѣмецкаго языка въ Аѳинахъ, на томъ же основаніи.	250 "
профессоры Нѣмецкаго языка въ Сирѣ и Патрахъ	200 "
учителя рисованія	160 "
надзиратели	50 "
служители	30 "
смотрители Эллинскихъ училищъ.	200 "

(*). Въ нашешъ рублѣ сер. заключается 4 драхмы и 41 леша (или сотая драхмы). *Примѣч. переводч.*

учители 3 разряда	160	драхмъ
" 2 " 	130	"
" 1 " 	100	"
помощники въ Аѳинскихъ Элливскихъ училищахъ	50	"
учители закона Божія	отъ 100 до 130	"
учители чистописанія	отъ 50 до 100	"
надзиратели Элливскихъ училищъ	50	"
служители	30	"

V. *Условія принятія въ преподаватели.* — До королевскаго декрета 31 декабря 1836 г., на профессорскія и учительскія кафедры назначались какъ опредѣленные учителями до этого времени, такъ и вообще оказывающіеся способными къ преподаванію. Послѣ этого срока, съ ищущихъ учительскаго званія стали требовать свидѣтельство о томъ, что они получили полное гимназическое образованіе и преподаваніемъ въ публичныхъ школахъ, или и въ частныхъ, но одинакихъ съ публичными, приобрѣли опытность. Въ противномъ случаѣ, имъ надлежитъ выдержать испытаніе въ присутствіи комиссіи. Отъ профессоровъ же требуется свидѣтельство, что они обучались въ университетѣ; сверхъ того, они должны подвергнуться теоретическому и практическому испытанію. Относительно условій, съ которыми сопряжено званіе учителей Элливскихъ училищъ и гимназическихъ профессоровъ, произведено нѣкоторое измѣненіе декретомъ 18 октября 1850 г., въ слѣдствіе котораго отъ намѣревавшихся заняться обученіемъ юношества потребовались болѣшія и вѣрнѣйшія ручательства ихъ способностей. Согласно съ симъ декретомъ, желающій опредѣлиться учителемъ въ Элливскую школу или же учить частнымъ образомъ, начиная съ 1851 г. и дагѣ, долженъ представить доказательства, что онъ кончилъ курсъ ученія по филологическому факультету въ университетѣ, и получилъ специальное образованіе. Профессоръ же обязанъ представить въ министерство дипломъ по-крайней-мѣрѣ на званіе магистра.

Но какъ этотъ декретъ избавляетъ отъ означенныхъ обязательствъ профессоровъ и учителей, опредѣсненныхъ правительствомъ до того срока: то министерство, каждый разъ, какъ

чувствуется надобность въ профессорѣ, удостовѣрившись предварительно, что который-либо изъ находящихся на службѣ учителей преподаваніемъ и стараніемъ достигъ надлежащей опытности, повышаетъ его въ званіе профессора въ силу королевскаго декрета, прибѣгая для сего къ постановленіямъ органическаго декрета 31 Декабря 1836 года: ибо иначе большая часть гимназій, за недостаткомъ въ профессорахъ, не могла бы имѣть полнаго состава. Большое вниманіе обращено мною, ваше величество, на всеобщее поощреніе образованія профессоромъ какъ въ административномъ университетѣ, такъ и въ университетахъ образованной Европы; этица путемъ будемъ мы въ состояніи примѣнить съ большою строгостію относящіяся къ сему предмету постановленія декрета 18 октября 1850 г., и тѣмъ избавить вышнѣшнія училища отъ нѣкоторыхъ профессоромъ, если они во время не представятъ доказательствъ, что стараніемъ своимъ достигли того, что въ состояніи выполнить требуемыя отъ нихъ условія.

VI. *Періодъ I (съ 1829 по 1830 г. включительно).*—Большая часть людей, сложившихъ оружіе, подъятое прежде за вѣру и отечество, равно какъ и юношей, спасшихся отъ плѣна и истребленія, выступила на борьбу съ невѣжествомъ. Они явились прибѣжище въ училищахъ, охраняемыхъ никогда не исчезавшею преданностію Грековъ къ востѣщенію, и въ то время удѣльшихъ на нѣкоторыхъ пунктахъ Греціи. Изъ нихъ главнымъ прибѣжищемъ служило училище Эгинское, основанное иждивеніемъ общины и управляемое тѣмъ самымъ лицомъ, которое въ настоящее время достойно занимаетъ должность директора гимназій Навплийской. Тогда, 1829 г., впервые учреждено было покойнымъ президентомъ Іованномъ Каподистріа, въ видѣ гимназій, такъ называемое центральное училище. Сюда стеклось со всѣхъ концовъ Греціи свыше 300 юношей, жаждавшихъ образованія, изъ которыхъ большая часть участвовала уже предъ тѣмъ въ войнѣ.

Нѣкоторые изъ вышнѣшнихъ учителей и профессоромъ, вступившихъ на поприще государственное и изъ отдавшихся съ честію дѣятельности частной, обучались въ семъ централь-

номъ училищѣ. Имъ управлялъ покойный Геннадій, подвизавшійся сперва за независимость отечества, а потомъ, когда настала пора, за его просвѣщеніе. Въ то же время, или немного спустя, образовались Эллинскія школы и въ другихъ свободныхъ городахъ Греціи, а именно: въ Морейскихъ городахъ—18 школъ, посѣщаемыхъ, по отчету тогдашняго секретаря народнаго просвѣщенія, 694 учениками, и на Греческихъ островахъ—31 школа съ 1,712 учениками.

Въ 1830 году, вмѣстѣ съ распространеніемъ Греческой образованности и при нѣкоторомъ усиленіи правительственныхъ средствъ, возрасло и число училищъ и учениковъ, какъ показываютъ слѣдующія свѣдѣнія, которыя я заимствую изъ отчета тогдашняго секретаря народнаго просвѣщенія.

Въ Морей Эллинскихъ школъ	19,	учениковъ	765.
на островахъ	18,	"	1,073.
въ западной Греціи	1,	"	40.
въ восточной Греціи	1,	"	40.
въ другихъ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ		"	160.
Итого			2,528.

Сверхъ обучавшихся въ школахъ общественныхъ и частныхъ, какъ Эллинскихъ, такъ и взаимнаго обученія и дома, въ одной только Морей получали образованіе больше 2,000 учениковъ.

Съ конца 1830 года до вождѣннаго для нашего народа прибытія вашего величества, статистика училищъ въ точности неизвѣстна: потому что въ это время, сколько могъ я осмѣлиться, не было публичныхъ отчетовъ по сему предмету.

VII. *Періодъ II (съ 1833 до исхода 1835 г.).*—Послѣ вождѣннаго прибытія вашего величества, любовь Грековъ къ просвѣщенію, снискавъ горячее ваше покровительство, развила съ болѣею живостью, и училища попеченіемъ и волею вашего величества устроились на лучшемъ основаніи, вслѣдствіе болѣе правительственнаго устава, составленнаго по примѣру подобныхъ законодѣній просвѣщенной Европы. Ваше величество, признавая

истину древняго изреченія, что начало всякаго благоустройства состоитъ въ воспитаніи юношества (ἀρχὴ τοῦ πολιτείας ἀπάσης νόων τροφή), въ отеческомъ промышленіи повелѣли 23 ноября 1833 г. учредить въ Навплии гимназію и Эллинскую школу, равно какъ и выдавать обучающимъ въ нихъ мѣсячное жалованье изъ государственной казны до учрежденія казны церковной, изъ которой впредь надлежало учителямъ получать жалованье. Эти учебныя заведенія приносили ежегодно плоды достойныя ожиданій вашего величества и ревности упрямлявшихъ ими лицъ:

Потомъ, по случаю увеличенія числа учениковъ, вашему величеству благоугодно было 19 августа 1835 года повелѣть учредить еще одну гимназію въ Месолонги (что однакожь не состоялось), а 1 сентября того же года начальное Эллинское училище въ Димиданѣ, гдѣ оказалась въ немъ надобность. По причинѣ большаго количества выпускаемыхъ изъ народныхъ училищъ учениковъ, которые стремились къ болѣе полному образованію, ваше величество повелѣли 25 августа 1835 г. учредить еще двѣ гимназіи, съ зависѣвшими отъ нихъ Эллинскими школами. Одной изъ этихъ гимназій назначено быть въ Лемнахъ, а другой — въ Эрмополѣ, на островѣ Свирѣ. Эта мѣра вызвана многолюдствомъ сихъ двухъ городовъ и происходящимъ отъ того множествомъ учениковъ. Должно замѣтить, что Лемнская гимназія составила изъ преподавателей и воспитанниковъ центральнаго Эгинскаго училища. Тѣмъ же декретомъ ваше величество повелѣть дозволили учредить еще десять Эллинскихъ школъ: въ Триполѣ, Спартѣ, Каламахъ, Патрахъ, Месолонги, Амфиссѣ, Ламинѣ, Халкидѣ, Идрѣ и Тиносѣ. Жалованье назначено временно учителямъ девяти первыхъ школъ изъ учрежденной тогда церковной казны, а учителямъ школы Тиносской — изъ находящейся на островѣ Тиносѣ церкви Евангелистріи. Положено было, чтобы учебныя пособія этимъ училищамъ доставляемы были тѣми общинами, въ которыхъ они основаны. Въ то же время повелѣно было учредить начальную Эллинскую школу въ Сифносѣ, на счетъ общины. Сверхъ вышеозначенныхъ училищъ, оказалась надобность въ Эллинскихъ школахъ еще и въ Андрѣ, Наксѣ, Фирѣ (Санторинѣ), Скирѣ, Ипатѣ, Престѣ и Пиргѣ. Ваше величество, всегда готовые подать руку помощи вездѣ

гдѣ только обнаруживается существенная въ томъ нужда, изволили повелѣть 13 августа 1835 г. учредить Эллинскія школы въ означенныхъ мѣстностяхъ. Определено было каждому училищу имѣть по одному только низшему классу: потому что въ этихъ училищахъ не было еще учениковъ, подготовленныхъ для высшихъ классовъ. Всѣ эти учебныя заведенія, основанныя любовію вашего величества къ дѣлу просвѣщенія, стали какъ бы рассадниками, изъ которыхъ впоследствии могли уже образоваться болѣе совершенныя училища. Такъ надлежало распространиться высшему просвѣщенію въ томъ народѣ, который и въ древности однимъ просвѣщеніемъ сталъ извѣстенъ міру, и оставалъ славную по себѣ память повсюду, куда ни переносилась изъ него и чрезъ него оплодотворяющая умъ человѣчскій наука.

VIII. *Періодъ III (съ 1836 до исхода 1849 г.):* Для облегченія дальнѣйшаго хода образованія, согласуясь съ мнѣніемъ состоявшейся тогда для этой цѣли комиссіи, ваше величество издали органическій декретъ, 31 декабря 1836 г., въ силу котораго устроены всѣ находящіяся въ государствѣ Эллинскія школы и гимназій. Это постановленіе и до-сихъ-поръ имѣетъ силу, хотя отчасти видоизмѣнено декретомъ 18 октября 1850 г., которымъ обозначено, какія съ 1851 года требуются условія отъ желающихъ занять мѣста учителей и профессоровъ. Другимъ же декретомъ, 25 октября 1850 г., определено перемѣщеніямъ Эллинскихъ учителей происходитъ по декрету вашего величества, а не по распоряженію министра, какъ то было прежде назначено декретомъ 25 апрѣля 1844 года.

Въ органическомъ декретѣ говорится: 1) о разрядахъ учебныхъ заведеній; 2) о значеніи и цѣли Эллинскихъ училищъ; 3) о преподаваніи въ Эллинскихъ училищахъ и о часахъ для каждаго предмета преподаванія; 4) о раздѣленіи учебнаго года, пріемѣ, переводѣ, испытаніяхъ; 5) о преподавателяхъ въ Эллинскихъ школахъ; 6) о надзорѣ за Эллинскими школами и о подчиненности ихъ; 7) о посѣщеніи школъ; 8) о гимназійхъ и цѣли ихъ; 9) о преподаваніи въ нихъ и о часахъ для каждаго предмета преподаванія; 10) о наградахъ ученикамъ; 11) о профессорахъ;

12) о благоустройствѣ и повиновеніи; 13) о посѣщеніи гимназій; 14) о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ; 15) объ особыхъ распоряженіяхъ касательно Эллинскихъ школъ и гимназій и о преподающихъ въ тѣхъ и другихъ, и наконецъ 16) объ учебныхъ книгахъ.

Въ этотъ третій періодъ гимназія Патрская и нѣсколько Эллинскихъ школъ получали полный составъ свой.

Училище въ полномъ составѣ имѣетъ школарха и трехъ преподавателей 1, 2 и 3-го разряда, и называется школархією. Школархія появлялась въ тѣхъ областныхъ городахъ, въ которыхъ прежде либо вовсе не было ихъ, либо были онѣ неполны; а также и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, по центральности ихъ положенія и по многолюдству. Еще и въ другихъ городахъ Греціи основаны были Эллинскія школы, изъ которыхъ одѣ имѣли трехъ учителей разныхъ разрядовъ, другія — двухъ, а третьи — только одного. Издержки училища отнесены были на счетъ государственной казны, съ которою соединена, бывшая прежде отдѣльною церковная казна. Парей и нѣкоторые другіе города, по благородному соревнованію или по необходимости желавшіе улучшить свои училища, на свой счетъ умножали число учителей, которые все-же назначались отъ правительства.

Подробностей относительно означенныхъ гимназій и школъ не могу я собрать. Свѣдѣнія мои ограничиваются числомъ этихъ гимназій и школъ, числомъ профессоровъ и учителей. (а именно — по послѣднему году занимающаго насъ періода, 1849 г., 28 профессоровъ, 5 учителей рисованія и 120 Эллинскихъ учителей), назначенными въ свѣтахъ за разные годы суммами на жалованье преподающимъ и на издержки заведеній, и еще нѣсколькими свѣдѣніями въ министерскомъ отчетѣ 18 іюля 1841 года за № 8,808 относительно службы вообще по Министерству народнаго просвѣщенія. По этому отчету число Эллинскихъ школъ разныхъ разрядовъ, содержимыхъ на счетъ общинъ и казны, доходило до 51, а число учениковъ — до 4,500. Общаго же оффиціального перечня поступавшихъ и выпускаемыхъ учениковъ по всѣмъ училищамъ, или въ каждомъ особо, доселѣ я не отыскала. Еслибъ существовали исправные ежегодные отчеты, общіе и

частные, то можно было бы узнать, какъ увеличивалось, или уменьшалось ежегодно число учащихся, и отыскать причину того или другаго. Вотъ почему въ настоящемъ отчетѣ промежутокъ времени съ 1836 года до конца 1849 г. изложилъ я вскользь. Если же отыщутся гдѣ-либо новыя свѣдѣнія о среднемъ образованіи въ этотъ періодъ времени, то я не премину изложить ихъ въ подробности. Но для того, чтобы правительство имѣло полныя и подробныя свѣдѣнія о ходѣ просвѣщенія, я немаленько распро- ражусь о ежегодномъ препровожденіи въ министерство подробныхъ списковъ учениковъ какъ поступающихъ, такъ и переводимыхъ изъ класса въ классъ и выпускаемыхъ. Изъ такихъ частныхъ списковъ будетъ ежегодно составляться списокъ общій, изъ котораго во всей подробности окажутся успѣхи училищъ въ разныхъ частяхъ государства. Это дастъ министерству возможность изслѣдовать, по какимъ причинамъ въ однихъ училищахъ оказывается больше успѣховъ, а въ другихъ меньше. А обнаруженіе такихъ таблицъ и въ преподающихъ и въ учащихся возбудитъ благородное соревнованіе.

IX. *Періодъ IV (съ 1850 до исхода 1855 г.).* О состояніи народнаго просвѣщенія въ этотъ періодъ времени въ официальныхъ бумагахъ упоминается уже подробнѣе.

Изъ слѣдующей таблицы видно число гимназій и состоящихъ при нихъ профессоровъ, равно и число школъ и учителей ихъ, вмѣстѣ съ суммами, назначаемыми на нихъ, по ежегоднымъ смѣтамъ, и съ послѣдовавшими на нихъ издержками. Въ сей таблицѣ показано за каждый годъ и число учениковъ, посѣщавшихъ гимназій и училища, и выпущенныхъ изъ нихъ. Должно замѣтить, что изъ получающихъ гимназическіе и школьные аттестаты не всѣ переходили для усовершенствованія себя въ слѣдующія высшія училища; что многіе изъ нихъ, запасшись ученіемъ общимъ, пріобрѣвъ необходимыя для общежитія знанія, обращались прямо къ разнымъ занятіямъ.

По официальнымъ докладамъ результаты испытаній были хорошіе.

ТАБЛИЦА ПОСЛѢДНИХЪ 6-ти ГОДОВЪ.

Г И М НАЗИИ:

Годъ.	Число.	Профессоровъ и учителей.	Поступившихъ учениковъ.	Выпущено.	Содержаніе по свѣдѣ.		Издано.	
1850	4—6	39	470	75	Ар. 104,160	л.	Ар. 86,156	л. 60
1851	6	43	800	80			100,234	59
1852	6—7	48	900	104	151,320		131,330	50
1853	7	50	1,077	142	156,868		148,902	92
1854	«	51	936	110	159,820		148,731	53
1855	«	52	988	83	163,420		150,753	

Э Д И М С К І Я У Ч И Л И Ц А:

Годъ.	Число.	Профессоровъ и учителей.	Поступившихъ учениковъ.	Выпущено.	Содержаніе по свѣдѣ.		Издано.	
1850	75	125	2,850	230	Ар. 203,700	л.	Ар. 191,901	л. 72
1851	«	«	3,000	250	«		196,787	85
1852	76	126	3,170	300	216,200		203,669	8
1853	79	133	3,872	330	223,320		203,883	35
1854	80	134	4,042	360	226,320		202,883	35
1855	81	135	4,200	400	229,420		210,000	

Частная училища. — Кромѣ упомянутыхъ казенныхъ учебныхъ заведеній, есть частныя, которыя отъ времени до времени основывались сообразно съ существующими по сему предмету законами. Въ нихъ преподаются тѣ же предметы, какіе

и въ казенныхъ училищахъ одинакого съ ними разряда, профессорами и учителями, правительствомъ признаваемыми, подъ наблюдениемъ подлежащихъ властей. Главныя частныя училища находятся въ Афинахъ и въ Эрмополѣ (въ Сирѣ). Сии училища и другія низшія посѣщаются 600 учениками. Въ это число не включены тѣ ученики, которые посѣщаютъ зависящія отъ сихъ училищъ школы взаимнаго обученія.

Что касается до королевскаго педагогическаго училища, состоящаго въ одномъ разрядѣ съ прочими средними училищами, такъ-какъ оно связано съ образованіемъ народнымъ, то я буду говорить о немъ въ общемъ отчетѣ о школахъ народныхъ.

Относительное число учениковъ.—И такъ, на основаніи приведенныхъ свидѣній, число учениковъ, посѣщавшихъ среднія училища, со включеніемъ въ оное и обучающихся въ специальныхъ правительственныхъ училищахъ, какъ-то: въ королевскомъ педагогическомъ, королевскомъ политехническомъ училищѣ, въ училищѣ Эвельпидовъ (кадетскомъ корпусѣ), въ Ризаріевской семинаріи, въ Тиринѣской земледѣльческой школѣ и пр., доходило въ 1855 году до 6,018, т. е. по одному учащемуся на 200 жителей. На каждые 10,000 жителей приходится по одному среднему учебному заведенію. Во Франціи, по послѣднему официальномъ отчету 1842 года тогдашняго министра народнаго просвѣщенія г. Вильмена, находящемуся у меня подъ рукою, приходилось по одному ученику среднихъ училищъ на 493 жителей, и по одному среднему училищу на 24,887 жителей, при общемъ народонаселеніи Франціи—34,194,875 душахъ. Въ приведенный выше итогъ находящихся въ Греціи учениковъ не вошли дѣвочки, получающія среднее образованіе въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Такимъ образомъ смѣло могу сказать, что среднее образованіе въ Греціи въ числительномъ отношеніи вдвое превышаетъ существующее во Франціи.

Изложивъ въ частности ходъ средняго образованія съ 1829 года до исхода 1855, переходу теперь, ваше величество, къ тѣмъ которымъ общимъ замѣчаніямъ, которыя считаю въ настоящее время необходимыми, предоставляя себѣ въ будущее время заняться болѣе точнымъ изученіемъ предмета.

X. Общія замѣчанія. Изъ общаго обзора средняго обра-

званія въ Греціи видѣтъ, что многое въ немъ недостаточно, а иное не совсѣмъ сообразно съ цѣлю. Восполненіе пробѣлъ и исправленіе несообразностей требуютъ серьезнаго и зрѣлаго сужденія. Недавно лишь вступилъ въ управленіе министерствомъ просвѣщенія, я еще не успѣлъ вызвать недостатки, изучить средства къ ихъ исправленію и рѣшить по чистой совѣсти, какими образомъ должны быть произведены улучшенія. Что всего болѣе въ настоящее время остановило на себѣ мое вниманіе — это недостатокъ училищъ специальныхъ, наилучшимъ образомъ приспособленныхъ къ приготовленію юношей, которые предназначаютъ себя къ сельскому хозяйству, торговлѣ, мореплаванію и искусствамъ, — четыремъ важнымъ поприщамъ, на которыхъ должно существенно основываться благоденствіе отечества. Не менѣе вниманія обращено мною и на религіозное образованіе вообще и на образованіе духовныхъ лицъ въ особенности.

Религіозное образованіе. Ходъ религіознаго образованія, ваше величество, долженъ быть въ связи съ ходомъ образованія общаго. Правственныя основы, выжудшіяся на образованіи религіозномъ, неизбѣмы. Знаніе и соблюденіе заповѣдей Божіихъ даютъ человѣку блаженство не только за гробомъ, но и въ жизни настоящей. Оно ведетъ человѣка къ кротости, и благотворительности, отводитъ его отъ всякаго зла и руководитъ его въ соблюденіи обязанностей къ самому себѣ, къ обществу и къ властямъ. Знаніе и соблюденіе закона Божія смиряютъ то высокомеріе, которое нерѣдко идетъ слѣдомъ за мірскими благами; оно дѣлаетъ менѣе болѣзненными удручающія человѣка бѣдствія. Слово Господне есть основаніе всякой добродѣтели и мудрости.

Ризаріевская семинарія.—Давно уже существуетъ *Ризаріевская семинарія*, подходящая подъ разрядъ среднихъ учебныхъ заведеній; но это училище, весьма важное по той священной цѣли, съ какою оно учреждено блаженной памяти основателями его, къ сожалѣнію, не принесло ожидаемыхъ плодовъ. Кажется, что послѣднія улучшенія даютъ нѣкоторыя надежды на благой успѣхъ. Имѣя большія средства и полное содѣйствіе со стороны правительства, сколько это касается его, *Ризаріевская семинарія*

должна достигнуть тѣхъ результатовъ, которые имѣли въ виду основатели ея, приспомятныя благотворители Греціи братья Ризари (1). Я обратилъ уже, и впредь обращу еще большее вниманіе на это заведеніе и сдѣлаю все то, что, по завѣщанію его учредителей, имѣеть прикосновеніе ко вѣрному имѣ мнистерству. Равнымъ образомъ, впредь до болѣе основательныхъ узаконеній по части религіознаго образованія, займусь ближайшимъ улучшеніемъ преподаванія закона Божія въ гимназіяхъ.

Другія спеціальныя училища. — Давно существуютъ также: *Тиринское земледѣльческое училище*, имѣющее цѣлью теоретическое и практическое преподаваніе сельскаго ховіяства, и *Афинскій политехнический институтъ*, гдѣ преподаются свободныя искусства, дающія нѣкоторымъ образомъ направленіе и связаннмъ съ ними ремесламъ. Для болѣе пользы и для болѣе пракческаго успѣха, эти школы, повидимому, имѣють нужду въ нѣкоторыхъ перемѣнахъ. Но какъ онѣ подчинены другому вѣдомству, то въ этомъ отчетѣ я оставляю ихъ въ сторонѣ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что онѣ обратятъ на себя вниманіе своихъ начальствъ, и что каждая изъ нихъ получитъ надлежащее улучшеніе. По этой самой причинѣ т. е. по независимости отъ меня, не рассматриваю я здѣсь кадетскаго корпуса (школы Эвельпидовъ)—этого превосходно устроеннаго и ведущаго прямо къ цѣли училища, которое путемъ науки приготавлиетъ офицеровъ къ разнымъ отраслямъ военнаго дѣла. Многіе изъ обучавшихся въ этомъ корпусѣ уже составляютъ украшеніе штаба нашихъ военныхъ инженеровъ.

Образованіе по морской части. — Относительно морскаго дѣла правительство имѣеть въ виду, употребивъ на пользу общую великое наслѣдіе покойнаго Варваки (2), учредить особое училище, въ которомъ могли бы получать спеціальное образованіе предназначающіе себя къ этой части. А впредь до

(1) Братья Ризари принадлежатъ къ числу тѣхъ Грековъ, которые, живя въ Россіи, честными торговыми оборотами обогатились.

Примѣч. переводч.

(2) И Варваки, или Варвати, подобно братьямъ Ризари, составилъ себѣ состояніе въ Россіи, а именно въ Астрахани, гдѣ до-сихъ-поръ устроенный имъ каналъ носитъ имя его. *Примѣч. переводч.*

такого устроенія, можно бы устроить нѣсколько специальныхъ добавочныхъ уроковъ въ училищахъ приморскихъ городовъ, для восполненія этого большого и важнаго недостатка.

Образованіе коммерческое. — Значителенъ и очевиденъ недостатокъ въ училищахъ торговыхъ и крайне нужно ихъ увеличивать. Торговля — одна изъ существеннѣйшихъ стихій, изъ которыхъ преимущественно слагается богатство Греціи. Это издревле помялъ даровитый Грекъ, и издревле большая часть нашего народа отдавалась торговлѣ. Даровитостью, честностью, предприимчивостью сограждане наши заставляли по цѣлому міру себя любить и уважать. Во всѣхъ столицахъ существуютъ весьма значительныя Греческія торговые дома. Отъ этого класса людей произошла для Греціи величайшая польза. Ихъ пособіями постоянно воздвигаются храмы наукъ, и множество молодыхъ Грековъ просвѣщается въ Греціи и въ образованной Европѣ. Ихъ преміями животворятся изящныя искусства. Коротко сказать, ни одно учрежденіе не обходится безъ ихъ великодушнаго содѣйствія.

Всякое занятіе лучше достигаетъ своей цѣли, когда отдающійся ему руководится не однимъ опытомъ, но и теоріей. Теорія освѣщаетъ путь человѣку во всякомъ трудѣ его; ея вносятъ оный порядокъ въ свои предпріятія, а опытъ, овладѣвъ ими, ведетъ ихъ дальше. Такимъ началами руководствовался я, занимаясь судьбою образованія коммерческаго. Правительство обязано заботиться, для пользы общей и для пользы особаго сословія гражданъ, о томъ, чтобы намѣревающіеся вступить на поприще торговое готовились къ нему приобрѣтеніемъ тѣхъ теоретическихъ познаній, которыя имѣютъ отношеніе къ торговлѣ какъ вообще, такъ и въ частностяхъ. Независимо отъ предначертаній правительства, самый опытъ наводитъ на мысль о необходимости образованія коммерческаго. Ощущая эту необходимость, нѣкоторые частные люди основали училища для образованія молодыхъ людей, предназначающихъ себя къ торговлѣ, и я съ удовольствіемъ вижу, что эти училища поддерживаются и процвѣтаютъ. Но обучающіеся въ нихъ платятъ за ученіе большія суммы, такъ что ихъ посѣщаютъ одни дѣти достаточныхъ родителей, не только изъ живущихъ въ Греціи, но и изъ

поселившихся для торговли въ разныхъ краяхъ Азии и Европы. Поэтому сія частныя училища не могутъ быть доступны для недостаточныхъ и бѣдныхъ, и тѣ изъ нихъ, которые пускаются въ торговлю, лишены многихъ потребныхъ для ней познаній и самой теоріи этого дѣла. Они вынуждены исправлять этотъ недостатокъ опытомъ; но опытъ пріобрѣтается продолжительнымъ временемъ, и, не освѣщаемый теоріею, онъ не всегда бываетъ руководителемъ надежнымъ.

Впрочемъ, можетъ быть и то, что частныя торговыя училища, по многимъ причинамъ, не въ состояніи дойти до того совершенства, до какого можетъ и должно довести ихъ правительство, если учредить такія училища. По этой причинѣ, я постараюсь своевременно повергнуть на воззрѣніе вашего величества тѣ мѣры, которыми можно устранить это неудобство, а пока будемъ въ состояніи учредить и организовать по-крайней-мѣрѣ два коммерческія училища въ государствѣ, я счелъ нужнымъ обратить вниманіе на гимназіи двухъ самыхъ торговыхъ городовъ Греціи—Сиры и Патръ. Гимназіи эти, получивъ нѣкоторые прибавочные предметы преподаванія, будутъ въ состояніи отчасти исправить тотъ недостатокъ, о которомъ идетъ рѣчь, безъ нарушенія существующихъ узаконеній и безъ уклоненія отъ первоначальной цѣли, съ которою онѣ основаны.

Образованіе дѣвицъ.—Образованіе женскаго пола въ Греціи, нашедшее полное покровительство ея величества королевы, обѣщаетъ значительные результаты. Понимая всю важность просвѣщенія женщинъ, я устремилъ на него вниманіе, и не замедлю своевременно повергнуть на воззрѣніе вашего величества общій отчетъ о состояніи находящихся въ Греціи Элліадскихъ училищъ для дѣвицъ, и въ этомъ отчетѣ покажу, какимъ образомъ можно одушевить просвѣщеніе той половины нашего общества, отъ которой въ большей мѣрѣ зависитъ образованіе правовъ. Воспитаніе челоѣка начинается съ самой минуты появленія его въ міръ, и первый основной камень этого воспитанія кладутъ матери. Этотъ камень долженъ быть самый твердый, потому что ни одно зданіе не бываетъ неизменно, когда стоитъ на основахъ истлѣвшихъ, а къ дереву, глубоко пустившему корни зла, съ трудомъ прививается вѣтъ добра.

болѣе и болѣе сложною съ тѣмъ растительнымъ родомъ, къ которому она дѣйствительно принадлежитъ. Потому въ хорошо-устроенномъ ботаническомъ саду непремѣнно должны находиться всѣ новыя растенія какъ дѣйствительно новыя, такъ и мнимыя; далѣе, онъ долженъ имѣть полную коллекцію болѣе рѣдкихъ, особенно характеристическихъ растеній иноземной флоры, а также возможно большее число растительныхъ родовъ изъ каждой группы или «семейства» естественной системы, для того, чтобы по возможности дать полную картину отличительныхъ характеровъ каждаго семейства. Сажая растенія въ систематическомъ порядкѣ, размѣщая ихъ одно подле другаго (именно растенія, разводимыя въ горошкахъ), очень удобно можно показать естественное взаимное сродство между отдѣльными родами и семействами. Наконецъ, сгруппированіемъ характеристическихъ формъ растительнаго царства извѣстной страны свѣта, извѣстной мѣстности, извѣстнаго пояса земли и т. д. очень хорошо можно представить довольно вѣрную картину растительности различныхъ странъ земнаго шара. Другая цѣль ботаническихъ садовъ — *чисто-практическая*. Она также тройкая и состоитъ: 1) въ изученіи растеній ядовитыхъ и лекарственныхъ; 2) въ изученіи и распространеніи растеній полезныхъ въ хозяйствѣ, т. е. такихъ растеній, которыя служатъ на пользу человѣка частію какъ растенія цѣлительныя, частію какъ необходимыя въ техникѣ, а также какъ растенія вредныя въ хозяйствѣ; и наконецъ 3) въ рѣшеніи вопросовъ: дѣйствительно-ли мнимо-новое растеніе имѣетъ свойства растенія врачебнаго, или хозяйственнаго? дѣйствительно-ли подозрительное растеніе ядовито и т. п.? Потому отъ ботаническаго сада должно требовать сколь возможно полной коллекціи растеній лекарственныхъ, ядовитыхъ и хозяйственныхъ. Коллекціи такого рода, для легчайшаго изученія, тоже должны быть распределены по системѣ. Если ботаническіе сады нерѣдко считаются непосвященными людьми за учрежденія бесполезныя, то это единственно отъ того, что во многихъ, особенно небольшихъ, ботаническихъ садахъ, — по неизвѣстію ли достаточнаго мѣста, или по недостатку денежныхъ средствъ, или просто по нерадѣнію дирекціи, — совершенно упускается изъ виду эта практическая сторона. Но пусть люди, не сознающіе никакой

пользы въ подобныхъ учрежденіяхъ, посвятятъ хотя разъ обширный ботаническій садъ, вполне удовлетворяющій всѣмъ выше-сказаннымъ требованіямъ, — и они скоро убѣдятся въ несправедливости своего объ нихъ мнѣнія. Конечно, такихъ садовъ не много, которые бы вполне удовлетворяли всѣмъ этимъ требованіямъ, и это совершенно понятно: сколько необходимо огромныхъ издержекъ, чтобы собрать растенія всѣхъ климатовъ, всѣхъ возможныхъ мѣстностей земнаго шара, и сколько при этомъ нужно имѣть теплицъ разнообразнѣйшей постройки, холодныхъ и теплыхъ бассейновъ и другихъ искусственныхъ заведеній? Какъ велики должны быть, сверхъ того, расходы на содержаніе такихъ заведеній, на покупку новыхъ растений и проч.? Но если не каждый ботаническій садъ въ состояніи имѣть оранжерей для пальмъ, орхидей, папоротниковъ, кактусовъ, бассейны для Викторій царственной и др. водяныхъ растеній жаркаго климата и т. д., за то почти отъ каждаго ботаническаго сада можно требовать собраніе главныхъ представителей важнѣйшихъ растительныхъ группъ и по возможности полную коллекцію какъ лечебныхъ и ядовитыхъ, такъ и рѣдкихъ туземныхъ растений. Но именно на эти-то послѣднія и обращено всего менѣе вниманія въ большей части даже обширнѣйшихъ ботаническихъ садовъ.

Скажемъ нѣсколько словъ о Журналѣ Садоводства вообще. Съ 1856 года этотъ журналъ, поступивъ въ заведываніе новой редакціи, началъ издаваться въ увеличенномъ объемѣ; въ составъ его входятъ статьи весьма разнообразнаго содержанія, а приложенія, выписываемыя изъ-за границы, отличаются вполне изящнымъ исполненіемъ.

— По пчеловодству: *О пчеловодствѣ въ Новороссійскомъ краѣ*, А. Комарницкаго (Зап. Имп. Общ. С. Х. Южн. Росс. № 1—3); *Колодный улей-столъ новаго усовершенствованія* (Земл. Газ. № 10).

— По технологіи вообще: *О кристаллизующемся сахарѣ, находящемся въ сокѣ арбузовъ*, Лангерфельдта (Тр. Имп. В. Эк. Общ. № 1); *Краткое руководство къ паровому производству вина хозяйственнымъ образомъ*, В. Писарева (ibid. № 2); *Статистическіе матеріалы для исторіи свеклосахарной промышленности въ Россіи*, гр. Бобринскаго, съ примѣчаніемъ къ этой статьѣ

и дворъ не былъ дворомъ. Павелъ Ювій, прѣбывавшій въ Москвѣ въ началѣ XVI столѣтія, говоритъ въ описаніи своего путешествія, что въ Москвѣ—при каждомъ почти домѣ есть свой садъ, служащій для удовольствія хозяевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ доставляющій имъ нужное количество овощей; отъ сего городъ кажется необыкновенно обширнымъ. Это свидѣтельство вполне подтверждается кувчинами, данными и другими актами на дворы какъ XVI, такъ и XVII столѣтій, изъ которыхъ видно, что дѣйствительно при каждомъ дворѣ, исключая, можетъ быть, самыхъ бѣдныхъ, бобыльскихъ дворовъ, если не было сада, то былъ огородъ съ двумя-тремя плодовыми деревьями и кустами. Хозяйственный взглядъ на садоводство еще яснѣе выражается въ тѣхъ немногихъ и потому особенно любопытныхъ замѣткахъ объ уходѣ за садомъ, которыя сохранила намъ старина въ извѣстномъ Домостроѣ XVI вѣка. Здѣсь садоводство является въ первобытномъ своемъ видѣ, почти неразвѣльно съ огородничествомъ. Домострой отнесъ эти замѣтки въ особую статью съ заглавіемъ: *Огородъ и садъ какъ водити*. Само собою разумѣется, что, при хозяйственномъ взглядѣ на садоводство, предки наши не могли еще помышлять о садахъ общественныхъ, о садахъ, называемыхъ увеселительными, разводимыхъ единственно только для удовольствія. Сады царскіе при загородныхъ дворцахъ, не смотря на ихъ обширность, имѣли то же значеніе и такое же устройство, какъ и сады частныхъ лицъ. Но, разумѣется, мысль объ устройствѣ увеселительныхъ садовъ или по-крайней-мѣрѣ о внесеніи въ прежнее, чисто-хозяйственное садоводство нѣкоторыхъ предметовъ, служившихъ собственно для удовольствія и украшенія сада,—такая мысль прежде всего должна была явиться во дворцѣ. Къ сожалѣнію, положительныя указанія по этому предмету относятся только ко второй половинѣ XVII ст.; однакожь нельзя думать, чтобы подобныя нововведенія и улучшенія въ дворцовыхъ садахъ не существовали гораздо раньше, напр. съ XVI стол., или съ-тѣхъ-поръ, какъ начались частыя и близкія сношенія съ западомъ Европы, откуда первыя свѣдѣнія объ увеселительныхъ садахъ, вообще объ *искусствѣ* разводить сады, могли быть принесены въѣзжими *Нѣмцами*, т. е. вообще иностранцами и даже нашими послами. Затѣмъ авторъ сообщаетъ краткія свѣдѣнія о

замѣчательнѣйшихъ Московскихъ городскихъ и загородныхъ, дворцовыхъ и частныхъ садахъ, о которыхъ сохранились историческія данныя. Въ концѣ статьи онъ замѣчаетъ, что несравненно замѣчательнѣе въ отношеніи садоводства дѣятельность царя Алексѣя Михайловича, достойнаго преемника Великому Петру, — обзорѣніе которой онъ обѣщаетъ представить въ особой статьѣ.

— «Ботаническіе сады». — Въ этой статьѣ краткому, но обстоятельному описанію *Парижскаго ботаническаго сада*, который считается однимъ изъ древнѣйшихъ, обширнѣйшихъ и богатѣйшихъ ботаническихъ садовъ, предпосылается небольшое вступленіе о томъ, въ чемъ заключается настоящая цѣль и назначеніе такихъ учреждений. По мнѣнію автора статьи, г. Вилькомма, цѣль ботаническихъ садовъ двоякая: одна — чисто-научная, другая — практическая. *Научной* цѣли ботанической садъ служитъ троякимъ образомъ: во-первыхъ, онъ знакомитъ публику съ болѣе рѣдкими растеніями той страны, гдѣ учрежденъ ботанической садъ; во-вторыхъ, служитъ, такъ сказать, нагляднымъ изображеніемъ цѣлой системы растительнаго царства, показываетъ естественное сродство между растеніями, характеръ растительности въ различныхъ поясахъ земнаго шара и тѣмъ самымъ облегчаетъ изученіе ботаники; наконецъ, въ-третьихъ, способствуетъ распространенію и точнѣйшему познанію новыхъ растеній, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшаетъ вопросъ: дѣйствительно-ли растеніе, принимаемое за новый родъ, принадлежитъ къ новымъ? Испытать прочность какого-нибудь растительнаго рода, опредѣлить: дѣйствительно-ли это особый, отъ другихъ независимый родъ, или только разновидъ, принадлежащая къ другому, уже извѣстному роду растеній — всѣ эти вопросы рѣшаются всего вѣрнѣе тщательнымъ уходомъ за испытуемымъ растеніемъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Самостоятельный, или, выражаясь языкомъ науки, «прочный (gute)» родъ растенія, сколько бы разъ ни былъ воспроизводимъ изъ сѣмянъ своихъ, всегда удержитъ за собой существенныя признаки, отличающіе его отъ другихъ, ему родственныхъ родовъ, тогда какъ простая разновидъ, будучи разводима повторнымъ высѣваніемъ, мало-по-малу терлетъ свои характеристическія примѣты, становясь съ каждыиъ годомъ все

ною жизнью, нравственностію и богатствомъ въ крестьянскомъ быту (ibid. N° 24).

— Училища земледѣлія во Франціи. — По характеру своему, земледѣльческія училища во Франціи имѣютъ весьма мало общаго съ существующими у насъ учебными хуторами и фермами, и потому мы познакомимъ читателей съ характеромъ сихъ училищъ, въ общихъ ихъ чертахъ. Во Франціи нынѣ существуютъ три императорскія училища земледѣлія: Гривьонское, Гранъ-Жуанъ и Сольсейское. Эти училища отнюдь не имѣютъ цѣлью приготовить людей для административной карьеры. Единственное ихъ назначеніе состоитъ въ распространеніи образованія, которое, соединяя теорію съ практикою, должно готовить для земледѣльческой промышленности свѣдущихъ въ дѣлѣ сельско-хозяйственнаго управленія земледѣльцевъ, и фермеровъ, которые бы могли съ выгодой обрабатывать свои участки и принимать къ нимъ улучшенія и усовершенствованія, связанныя съ современными успѣхами земледѣлія и наукъ, имѣющихъ къ нему близкое отношеніе. Въ апрѣлѣ 1855 года Французскій министръ земледѣлія, торговли и публичныхъ работъ г. Руэ (Rouher), сообщилъ циркулярно всѣмъ префектамъ департаментовъ какъ программы приѣма учениковъ въ означенныя училища, такъ и посленія главныхъ цѣлей, которыя имѣло правительство при учрежденіи этихъ училищъ. Въ означенномъ циркулярѣ выражается желаніе, чтобы кандидаты, готовящіеся поступить въ императорскія школы земледѣлія, были по возможности изъ числа такихъ, которые уже были воспитаны посреди земледѣльческаго быта, съ дѣтства освоившись съ сельскими обычаями, практическими дѣйствіями, земледѣльческими орудіями и проч., и которые бы, по выходѣ изъ школы, имѣли возможность волучить въ свое распоряженіе, какъ въ собственность или только въ управленіе, участки земли и необходимый для разработки его капиталъ. Такого рода условія, требуемыя отъ кандидатовъ, достаточно опредѣляютъ, какого сословія они должны быть по преимуществу. Каждому департаментскому префекту поручено поощрять земледѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ поддѣломственнаго ему департамента готовить своихъ сыновей къ опредѣленію въ эти школы. Въ каждомъ департаментѣ долженъ производиться экзаменъ

кандидатамъ, желающимъ поступить въ земледѣльческую школу, въ присутствіи совѣтника префектуры, замѣняющаго префекта, двухъ членовъ, назначаемыхъ по выбору префекта отъ училищнаго вѣдомства, и еще двухъ членовъ, назначаемыхъ тоже по выбору префекта отъ сельско-хозяйственныхъ департаментскихъ совѣтовъ (*). Эти частные экзамены учреждены для предупрежденія въ распускахъ поѣздокъ въ училища, тѣхъ изъ кандидатовъ, которые не имѣютъ достаточныхъ свѣдѣній для того, чтобы выдержать испытаніе по утвержденной программѣ. Частнымъ экзаменомъ въ департаментѣ однако еще не дается право кандидатамъ на поступленіе въ земледѣльческія школы, но только утверждается за ними достаточность или недостаточность свѣдѣній для вступленія въ состязаніе на экзаменѣ въ самой школѣ, и такимъ образомъ обезпечивается нѣкоторымъ образомъ ихъ поѣздка въ самую школу, иногда довольно удаленную отъ мѣста жительства кандидатовъ, потому что такихъ только три во всей Франціи. Департаментскіе экзамены открываются ежегодно 1-го октября. Къ 15-му сентября уже должны быть доставлены въ префектуру просьбы или увѣдомленія отъ желающихъ подвергнуться этому экзамену, съ присоединеніемъ документовъ, требуемыхъ программю. По разсмотрѣніи этихъ документовъ или свѣдѣтельствъ, префектура даетъ знать каждому кандидату, допускается онъ или не допускается на департаментскій экзаменъ. Тѣ изъ кандидатовъ, которые оказались удовлетворительными на этомъ испытаніи, получаютъ отъ префекта письмо на имя директора земледѣльской школы, со вложеніемъ ихъ документовъ, и должны прибыть въ школу для пріемнаго экзамена не позже 19 октября. Въ разныхъ мѣстностяхъ, смотря по особенностямъ климата, по экономическимъ нуждамъ производительности и сбыта и проч., принимаются различныя хозяйственные расчеты и различныя земледѣльческіе приемы и способы. Поэтому признано необходимымъ, чтобы молодые люди, посвятившіе себя земледѣлію, были освоены съ мѣстными обстоятельствами той самой мѣстности, гдѣ они въ послѣдствіи должны будутъ дѣйствовать. На этомъ основаніи, каждая земледѣльская школа имѣетъ свой округъ, заключающій нѣсколько департаментовъ, и канди-

(*) Chambres consultatives d'agriculture de Département.

г. Маслова (Журн. С. Х. № 2); *О спиртъ изъ свекловицы*, Фовъ-Гейдери-Боровскаго (ibid. № 2); *Воскобойный прессъ Клыковскаго*, Вагнера (Зап. Имп. Каз. эк. Общ. № 1); *Выдѣлка кричнаго желѣза на Ижевскомъ заводѣ*, Бейне (ibid.); *Машины и приборы для приготоуленія изъ металла трубъ, формъ, посуды и пр. безъ спайки*, Киттары (ibid.); *О приготоуленіи спирта изъ свекловицы во Франціи*, Милоуанова (ibid. № 2, 3); *О Калифорно-Австралійскои золотопромышленности*, Барботъ-де-Марни (ibid. № 2, 3); *Материалы для Русскаго заводско-фабричнаго словаря*, Киттары (ibid. № 2, 3); *Машина для валлнїа суконъ*, Киттары (ibid.); *Пила Перена*, Киттары (ibid. № 3); *Полотняная фабрикація во Владимірской губерніи* (Комм. Газ. № 2, 3); *Мыловаренный заводъ купца Козлова, въ г. Владиміръ* (ibid. № 7).

Въ Журналѣ общеполоз. свѣд., — о которомъ вообще должно сказать, что онъ издается весьма тщательно, доставляя читателямъ, за крайне умѣренную плату, обильный запасъ разнаго рода полезуыхъ свѣдѣній, кратко, но общепонятно излагаемыхъ въ множество прекрасно наготовляемыхъ приложеній, — помѣщена между прочимъ слѣдующая статья: *Блѣненіе льняныхъ, пеньковыхъ и хлопчато-бумажныхъ тканей* (№ 1).

— По хозяйству вообще: *Описаніе сводовъ и построекъ изъ камыша* (Тр. Имп. В. Эк. Общ. № 1); *О маслосбойномъ производствѣ по Голштинскому способу* (ibid. № 2); *Обозрѣніе нѣкоторыхъ предметовъ, касающихся до сельскаго хозяйства, съ обозначеніемъ цѣны на хлѣба и друіа жизненные потребности*, Сабурова (Журн. С. Хов. № 1); *О сушкѣ вообще и въ особенности о сушкѣ сыромолотныхъ зеренъ*, Майера (ibid.); *О солодовой сушкѣ* (ibid.); *О приготоуленіи порошка изъ различныхъ породъ рыбъ*, г. Васильева (ibid. № 2); *Нѣсколько практическихъ замѣчаній, извлеченныхъ изъ наблюденій по хозяйству въ Шумахи. облнзи Рязани*, Соколова (ibid. № 3); *Опородничество въ Казани и въ прилежащихъ къ ней деревняхъ*, А. Дашкова (Зап. Имп. Каз. Эк. Общ. № 1, 2); *Материалы для Русскаго сельско-хозяйственнаго словаря Клыковскаго* (ibid. № 1—3); *Опородничество въ г. Казани*, А. Дашкова (ibid. № 3); *Кое-что по поводу молотильныхъ машинъ на Кавказѣ* (Зап. Кавк. Общ. С. Х. № 1—2); *Сельскія турбины*, Быхгольда (ibid. № 1—4); *Саранча и способы ея истребленія*

(Земл. Газ. № 9—13); *Истребленіе сорныхъ травъ* (№ 14, 15); *Искусственный выводъ домашней птицы* (ibid. № 19, 20).

— По домашней гигиенѣ: *О сохраненіи зубовъ* (Земл. Газ. № 1, 2).

— По разнымъ отраслямъ хозяйства и промышленности: *Училища земледѣлія во Франціи* (Журн. М. Г. Им. № 2); *О щелковатыхъ земляхъ въ Оренбургской губерніи* (ibid.); *Общество поощренія льняной и пеньковой промышленности въ Пруссіи* (ibid. № 3); *Табачная производительность въ Нижнегородской губерніи, Л. Сахарова* (Тр. Имп. В. Эк. Общ. № 1); *Конскій заводъ, овчарня и стеклянный заводъ въ Сивинскомъ хозяйствѣ, В. Повомарева* (ibid.); *О разведеніи и воздѣлываніи табака, Дм. Тростянского* (ibid. № 3); *Отчетъ Ярославскаго общества сельскаго хозяйства за 1855 годъ* (ibid.); *Отчеты за 1855 годъ: Императорскаго Московскаго общества сельскаго хозяйства, Маслова; Земледѣльческой школы. Анневкова; Комитета льсоводства, его же* (Журн. С. Х. № 1); *по учебно-практическому хутору, П. Преображенскаго* (ibid. № 2); *по практической школѣ шелководства, Кришнера* (ibid.); *Некрологъ: Е. С. Карновичъ, Н. А. Бунинъ и Н. С. Стрелюховъ, Маслова* (ibid.); *Отчетъ Императорскаго общества сельскаго хозяйства южной Россіи за 1855 г.* (Зап. Имп. Общ. С. Х. Южн. Рос. № 1—3); *Отчетъ Императорскаго Казанскаго экономическаго общества за 1855 г., Киттары* (Зап. этого Общ. № 1, 2); *Шелочное заведеніе г. Малышева* (ibid. № 3); *Нѣсколько словъ о Кавказѣ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, Дейчмана* (Зап. Кавк. Общ. С. Х. 1—4); *Отчетъ Кавказскаго общества сельскаго хозяйства за 1855 г.* (ibid. № 1—2); *О промышленности Касимовскаго уѣзда Рязанской губерніи* (Комм. Газ. № 3); *Молдавія и Валахія въ промышленномъ и торговомъ отношеніи* (ibid. № 8); *О Днѣпровскомъ кизовомъ пароходствѣ* (ibid. № 8, 9); *О способахъ перевозки земледѣльческихъ произведеній* (ibid. № 11, 12, 13); *Нижнегородская ярмарка въ 1855 г.* (ibid. № 17—24); *Валеночный и деревянный издѣлія въ Семеновскомъ уѣздѣ Нижнегородской губерніи* (ibid. и № 28, 29); *О состояніи торговли въ Рижскомъ портѣ въ 1855 г.* (ibid. № 29); *Заволжскіе степные пожары* (Земл. Газ. № 1—4); *Замѣтки о связи между улучшеніемъ*

Учебныя книги.—Такъ какъ, согласно съ Плутархомъ и съ самой истинной, книги суть органъ просвѣщенія, то я почелъ сообразнымъ съ цѣлю сего отчета прибавить нѣсколько замѣчаній о нихъ.

Въ училищахъ нашего государства какъ общественныхъ, такъ и частныхъ, не позволено употреблять учебныхъ книгъ, которыя не были предварительно одобрены министерствомъ, возложившимъ разсмотрѣніе ихъ на давно уже и нарочно для сей цѣли учрежденную комиссію. Въ эти училища вводились иногда и такіе учебники, которые были одобрены не потому, что найдены отличными въ своемъ родѣ, но или потому, что считались лучше другихъ, или потому, что иныхъ по тому же предмету вовсе не было. И такъ необходимость заставляла ввести многіе учебники, не имѣющіе ни методы, ни полноты, и, можетъ статься, отчасти ошибочные. Разсмотрѣніе учебныхъ руководствъ считалось необходимымъ, и дѣйствительно необходимо какъ для единообразія въ преподаваніи, такъ и для того, чтобъ какія ни попадо книги не давались въ руки юношеству изъ видовъ корыстныхъ. Обдумывая этотъ предметъ, я нашелъ, что уже въ состояніи внести и въ эту часть возможное улучшеніе. По этому сообщилъ я недавно комиссіи мои замѣчанія письменно, и просилъ нѣвѣя ея о мысляхъ, въ сей запискѣ изложенныхъ. Я надѣюсь, что комиссія, состоя изъ людей ученыхъ и основательныхъ, будетъ мнѣ руководительницею. Это подаетъ мнѣ благую надежду, что мы будемъ въ состояніи дать въ руки учащимся болѣе полныя и методическія руководства, нежели нынѣ существующія.

Библіотеки.—Кромѣ учебниковъ, весьма нужно имѣть въ школахъ учебныя пособія, особенно для самыхъ бѣдныхъ воспитанниковъ, которые не въ силахъ приобрѣтать ихъ собственными средствами. Ваше величество, декретомъ 28 октября, соизволили положить прочное основаніе устраненію такого затрудненія. Я съ удовольствіемъ вижу, что на сію важную мѣру отозвались друзья Греціи, ревностно снабжающіе учебныя бібліотеки множествомъ полезныхъ книгъ.

XI. Древняя Греція, ваше величество, многостороннимъ служеніемъ музамъ достигла славы и могущества, какихъ не достигалъ ни одинъ народъ въ древности. Философія и изящныя искусствамъ обязана она тѣмъ уваженіемъ, которымъ пользуется между всѣми народами исконно и понынѣ. При помощи философіи

и изящныхъ искусствъ, вынесла она твердо всё бѣдствіа, какіи ее удручали, и сберегла имя свое въ потомствѣ.

Греція не искала жадно богатства, не стремилась по широкой вселенной къ завоеваніямъ, кромѣ развѣ для распространенія гражданственности и просвѣщенія. Ненасытною въ ней было одна только жажда мудрости, просвѣщающая умъ и дѣлающая челоуѣка достойнымъ того жребія, который предназначенъ ему отъ Создателя. Она порывалась ко всемъ свободнымъ искусствамъ, которыя утверждаютъ нравы, смягчаютъ сердце и даютъ жизни высокую отраду. Препоясанная этими двумя оружіями, она надолго сохранила благоденствіе и довольство, какъ справедливо сказано было о ней: «Бѣдность — всегдашняя спутница Греціи; доблесть въ ней — нажитая, происшедшая отъ мудрости и могучихъ узаконеній» (Прод. VII, 102).

А Новая Греція, ваше величество, сохранивъ неизмѣннымъ духъ матери своей и послѣ тысячи превратностей, великими и многодѣтными подвигами своими и покровительствомъ державъ-благодѣлительницъ, сдѣлалась наконецъ народомъ самобытнымъ. Вѣчно благодѣлющій ей Божій промыслъ благословилъ ее государемъ, ставящимъ пользу ея превыше всего, и подъ скипетромъ его начала она возвращать вмѣстѣ съ благоустройствомъ и древнее свое просвѣщеніе. Изъ образованной Европы Греція вызываетъ это просвѣщеніе со всеми гѣми прелестями, которыя пріобрѣло оно на гостепріимной чужбинѣ, въ долгую пору изгнаничества. Управляясь разумомъ и съ каждымъ днемъ улучшаясь, она дойдетъ, подъ вашимъ руководствомъ, до степени развитія и гражданственности тѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, которыя въ преобразованіяхъ своихъ ставятъ она себѣ въ примѣръ. Радуюсь, государь, видя въ этой картинѣ умственного движенія тысячи образованныхъ мужей, и въ Греціи, и въ чужихъ краяхъ, обратившихся на разныя свободныя занятія и наслаждающихся благами просвѣщенія. Всякой изъ нихъ — живое свидѣтельство подвиговъ, совершаемыхъ вашимъ величествомъ на благоденствіе народа, въ теченіе четверти столѣтія.

Съ благоговѣніемъ подписываюсь министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія *Х. Хриstopуло*.

Аѳины, 29 Февраля,
1836 года.

Съ Греческаго перев. Г. ДЕСТУЛЕНСЬ.

БЮГРАФИИ

ГЛАВНЫХЪ АСТРОНОМОВЪ.

(ПОСМЕРТНОЕ СОЧИНЕНІЕ АРАГО).

I. Гицпархъ.

Гицпархъ, названный, по общему согласію ученыхъ, великимъ астрономомъ древности, родился въ Никею; но время его рожденія съ точностью не извѣстно; также нельзя сказать, когда онъ умеръ. Знаемъ только отъ Птолемея, что въ 127 и 128 годахъ до нашей эры Гицпархъ былъ въ полной силѣ своей жизни.

Въ молодости, Гицпархъ наблюдалъ небо въ родномъ своемъ городѣ; потомъ онъ поселился на островѣ Родосѣ, и тутъ были произведены имъ всѣ важнѣйшія работы. Нѣкоторые историки астрономіи говорятъ, что онъ жилъ въ Александріи; но на это нѣтъ положительныхъ доказательствъ, даже едва-ли онъ бывалъ въ этомъ городѣ.

Гицпархъ написалъ весьма много сочиненій, но до насъ дошло только одно: «Комментарій на поэму Арата.» Прочія всѣ погибли, и объ ихъ существованіи знаемъ только изъ Птолемея и изъ другихъ древнихъ писателей.

Гицпархъ сперва наблюдалъ прямыя восхожденія и склоненія свѣтилъ, и превращалъ ихъ въ долготы и широты: это значитъ, что онъ положилъ основанія сферической тригонометріи. Но какъ тогда надобно было производить продолжительныя и тяжелыя вычисленія, то онъ придумалъ снарядъ (астролябію), посредствомъ котораго могъ уже прямо опредѣлять долготы и широты. Сравнивъ эти долготы и

широты съ древнѣйшими выводами изъ наблюдений Аристарха и Тимохариса, онъ сдѣлалъ открытіе, обезсмертившее его имя: онъ узналъ, что точки равноденствій не постоянны на эклиптикѣ; онѣ отступаютъ отъ востока къ западу, т. е. разстоянія звѣздъ отъ эклиптики или ихъ широты не перемѣняются; перемѣняются же ихъ склоненія или ихъ разстоянія отъ экватора; а какъ, по предположенію неподвижности земли въ пространствѣ, долженъ быть неподвиженъ и экваторъ: то отступление точекъ равноденствій или *предвареніе равноденствій* принуждены были объяснять годичнымъ обращеніемъ всей небесной сферы параллельно эклиптикѣ и отъ запада къ востоку.

Птоломей говоритъ, что, по наблюденіямъ Гиппарха, ежегодное *предвареніе равноденствій* болѣе $36''$: здѣсь вѣрно только слово *болѣе*; самая же цифра далека отъ дѣйствительной величины: знаемъ, что точки равноденствій перемѣщаются въ годъ на $50''$.

Въ «Популярной астрономіи» я объяснилъ всѣ важнѣйшія открытія Гиппарха въ движеніяхъ солнца, луны и планетъ; теперь мнѣ остается упоминать только о причинѣ, заставившей древняго астронома составить каталогъ 1026 звѣздъ.

Объ этой причинѣ говоритъ Плиній. Будто бы Гиппархъ, увидѣвъ новую звѣзду, захотѣлъ, чтобъ потомство могло рѣшить, точно ли звѣзды *рождаются и умираютъ*, и съ этой мыслию описалъ и опредѣлилъ положенія 1026 звѣздъ; но можно полагать, что эти причины придумалъ Плиній, потому что Гиппарховъ каталогъ помѣстилъ Птоломей въ своемъ «Альмагестѣ», не сказавъ ни слова о намѣреніи Гиппарха:

Навсегда потеряны слѣдующія сочиненія Гиппарха:

Описаніе звѣзднаго неба.

О величинахъ и разстояніяхъ солнца и луны.

О восхожденіи двѣнадцати знаковъ.

О движеніи луны по широтѣ.

Объ отступленіи точекъ равноденствій и солнцестояній.

Критика географіи Эратосѣна.

Объ изображеніи сферы на плоскости.

Таблица хордъ круга въ 12 книгахъ.

О восхожденіи и захожденіи звѣздъ.

II. Птоломей.

Не знаемъ ни мѣста, ни времени рожденія Птолемея, — астронома, который въ продолженіе многихъ вѣковъ пользовался такимъ уваженіемъ, что многочисленные его почитатели называли его *божественнымъ*; можно считать только то вѣрнымъ, что онъ жилъ при Адрианѣ и Автонинѣ, сдѣлался извѣстнымъ около 130 года и умеръ послѣ 22 Марта 141 г. нашей эры.

Подробности его жизни также не извѣстны. Нѣкоторые писатели, основываясь на сходствѣ имени, утверждали, что онъ принадлежалъ къ царственному роду Птолемеевъ, но скрывалъ знаменитость своего происхожденія, хотѣлъ прославиться одной ученостью, и потому провелъ всю жизнь въ созерцаніи неба, наблюдая его въ одномъ изъ отдаленій Египетскаго храма въ Канопѣ. Главное свое сочиненіе Птоломей скромно назвалъ «Математическимъ сборникомъ или синтаксисомъ». Арабскіе переводчики превратили его въ «великое твореніе» и это имя (*Альмагестъ*) навсегда при немъ осталось.

Альмагестъ пользовался на Востоку столь великимъ уваженіемъ, что побѣдоносные халифы, заключая миръ съ Византийскими императорами, требовали списки Птолемеява творенія.

Въ *Альмагестъ* Птоломей ясно изложилъ свою систему міра, со множествомъ относящихся къ ней вопросовъ; въ немъ находятся также описанія сварадовъ, которые Птоломей считалъ необходимыми для точныхъ наблюденій.

Если астрономъ захочетъ вывѣ изучить *Альмагестъ* во всѣхъ подробностяхъ, не для одного только историческаго знанія, но и для извлеченія изъ него *данныхъ* для своихъ изслѣдованій; то слава Птолемея покажется ему сомнительною. Кеплеръ, увидавъ, сколь трудно согласить выводы Птолемея съ наблюденіями новѣйшими, не захотѣлъ посягнуть на знаменитость Александрійскаго астронома, и предположилъ, что въ продолженіе пятнадцати вѣковъ произошли на небѣ значительныя перемѣны; но Галлей, Лемонье, Лаландъ и Деламбръ не были такъ снисходительны: они обвиняли Птолемея въ поддѣлкѣ древнихъ наблюденій Гиппарха, въ присвоеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ и въ утайкѣ тѣхъ,

которыя не согласовались съ его теорією. Отъ этого родились споры между первоклассными учеными, кончившіея тѣмъ, что древняя слава Птолемея много убавилась и первенство предоставлено старому Гиппарху.

Другія сочиненія Птолемея дошли до насъ только въ Арабскихъ переводахъ. Изъ нихъ упомянемъ здѣсь только объ его *оптике*, которой Латинскіе переводы сохраняются въ Парижской библіотекѣ и, кажется, въ одной библіотекѣ въ Италіи. Въ этой книгѣ содержится таблица преломленій свѣта при переходѣ изъ воздуха въ воду и стекло, и потому замѣчаемъ, что *оптика* Птолемея есть единственное сочиненіе, доказывающее, что древніе Греки занимались физическими опытами. Здѣсь же находимъ точныя понятія о преломленіи свѣта въ атмосферѣ: величины преломленій не вѣрны, но Птоломей вѣрно зналъ, что преломленіе свѣта увеличивается отъ зенита къ горизонту, и въ зенитѣ свѣтъ не перемѣняетъ своего направленія.

III. Аль-Мамунъ.

Аль-Мамунъ, халифъ изъ дома Аббасидовъ, сынъ Гаруна-аль-Рашида, родился въ Багдадѣ, въ Сентябрѣ 786 г. нашей эры, умеръ 10 Августа 833 г., сорока семи лѣтъ отъ роду.

Аль-Мамунъ страстно любилъ науки. Онъ собралъ въ Багдадѣ ученыхъ всѣхъ вѣрованій, содержалъ ихъ великолѣпно и съ полной вѣротерпимостью. Аль-Мамунъ посылалъ даже въ Грецію своихъ комиссаровъ для собиранія славившихся тогда манускриптовъ и заставлялъ переводить ихъ на Арабскій языкъ. Онъ-то, побѣдивъ Византійскаго императора, потребовалъ списокъ *Альмагеста*.

По приказанію Аль-Мамуна, измѣривъ градусъ земнаго меридіана въ долинахъ Месопотаміи. Нынѣ мы не можемъ опредѣлить точности этого измѣренія, потому что не знаемъ величины основной мѣры.

Астрономы Аль-Мамуна нашли, что *наибольшее уравненіе центра солнечнаго пути* $= 1^{\circ} 39'$, и для положенія его *апогея* назвали $82^{\circ} 39'$ въ 830 г. Вообще Аль-Мамунъ любилъ истину, и, не смотря на фанатизмъ своихъ мусульманъ, утверждалъ,

что Коранъ не *являла* книга в сѣ неба не падала, но сочинена на землѣ. За то царствованіе его не было спокойно; фанатиками причиняла ему много огорченій.

IV. Альбатеній.

Этотъ астрономъ былъ Арабскій принцъ. Занятія астрономіею Арабы не считали неприличными дѣтями ихъ халифовъ.

Альбатеній жилъ около 880 г. нашей эры и умеръ въ 929 г. Онъ занимался науками съ успѣхомъ; но послѣ него осталось только одно сочиненіе о небесныхъ явленіяхъ, да и то дошло до насъ въ переводѣ такого челоука, который, говорятъ, не зналъ ни Латинскаго языка, ни астрономіи.

Касательно практической астрономіи, говорятъ, что Альбатеній наблюдалъ четыре затмѣнія и наклоненіе эклиптики къ экватору, которое нашелъ $= 23^{\circ} 35' 41''$. Онъ опредѣлялъ также время равноденствій и годъ вывелъ 2 в. 26 с. короче года своихъ предшественниковъ: этотъ выводъ есть настоящее открытіе, потому что онъ показалъ перемѣщеніе солнечнаго *перигел.* О такомъ перемѣщеніи не думалъ ни одинъ астрономъ, и оттого имя Альбатенія перешло въ потомство.

Годичное предвареніе равноденствій считалъ Альбатеній $= 34^{\circ}$ — число, болѣе принимаемаго новѣйшими астрономами, но уже весьма близкое къ истинѣ.

Альбатеній наблюдалъ въ Арактѣ.

V. Абуль-Вефа.

Абуль-Вефа-аль-Буджани (Мухаммедъ бенъ-Мухаммедъ бенъ-Яхія бенъ-Исманъ бенъ-Алаббасъ) родился въ 939 г. нашей эры, въ городѣ Буджанѣ, находящемся отъ Нишабура (въ Хорасанѣ) на день хода. Двадцати лѣтъ, онъ переселился въ Багдадъ и жилъ тамъ до своей смерти, въ 998 г. Онъ имѣлъ счастливыя способности для наукъ математическихъ, учился у современныхъ ему знаменитостей, превзошелъ своихъ учителей, въ свою очередь сдѣлался наставникомъ многочисленнаго юношества и основалъ школу. Его время благоприятствовало уче-

нымъ трудамъ: принцы изъ дома Буидовъ, завладѣвъ Персією, управляли ею отъ имени халифовъ Аббасидовъ, въ достоинствѣ эмира эмировъ, однозначительномъ съ *палатскими мерами*: они поддерживали въ имперіи спокойствіе и возобновили блескъ царствованія Аль-Мамуна. Одинъ изъ этихъ принцовъ, Азаль Эдадулахъ, учившійся астрономіи у Эбиль-аль-Алама и наблюдавшій звѣздное небо съ Абдуррахманомъ-Суфи, покровительствовалъ наукамъ въ продолженіе тридцати лѣтъ и даже своимъ преемникамъ успѣлъ внушить любовь къ просвѣщенію. Такимъ образомъ Абуль-Вефа въ правителяхъ государства нашелъ покровителей своимъ трудовъ. Онъ написалъ объясненія на Эвклида и Діофанта, сочинилъ трактатъ объ арифметикѣ, которой экземпляръ находится въ Лейденской библіотекѣ, перевелъ алгебру Гиппарха, по прозванію Рафаніенъ, занимался астрономическими наблюденіями, исправилъ таблицы своихъ предшественниковъ и составилъ оригинальный *Альмагеста*, доказывающій, что авторъ имѣлъ глубокія знанія, свѣтлый и провнцательный умъ, и владѣлъ искусствомъ изложенія, рѣдкимъ между Арабами. Первые главы этого *Альмагеста* содержатъ формулы тангенсовъ и секансовъ, и таблицы тангенсовъ и котангенсовъ для всей четверти окружности. Абуль-Вефа, употребляя ихъ въ своихъ тригонометрическихъ вычисленіяхъ, упростилъ формулы, весьма сложныя и неудобныя, потому что въ нихъ входили вдругъ и синусы и косинусы искомыхъ угловъ. И такъ эти улучшенія въ тригонометріи несправедливо приписываютъ Региомтану; за шесть сотъ лѣтъ до него пользовались ими Арабскіе математики, которыхъ сочиненія, къ сожалѣнію, медленно распространялись въ Европѣ.

Абуль-Вефа, сравнивъ свои наблюденія съ выводами астрономовъ Аль-Мамуна и съ таблицами Птолемея, сдѣлалъ въ теоріи луны важную поправку: онъ ясно показалъ третье неравенство ея движенія, которое Тихо-Браге назвалъ *вариациєю*. Это открытіе Арабскаго астронома подлежало спорамъ: но всякой, прочитавъ его сочиненіе внимательно, можетъ увѣриться, что Абуль-Вефа предупредилъ Тихо-Браге (*).

(*) См. *Седильо*: «Матеріалы для исторіи математическихъ наукъ у Грековъ и на Востокѣ».

Абуль-Вефа участвовалъ также въ астрономическіе труды своихъ современниковъ. Въ 988 г. онъ наблюдалъ солнцестояніе и равноденствіе въ Багдадѣ вмѣстѣ съ астрономомъ Алкути, о которомъ свѣдѣнія находимъ у Арабскаго писателя Алсусени. Сверхъ того Абуль-Вефа велъ математическую переписку съ своими друзьями. Послѣ его смерти (998), Багдадская математическая школа начала приходить въ упадокъ. Азія была возмущена Газневидами, и Каиръ сдѣлался средоточіемъ умственнаго образованія, равнившагося по всеѣ западной Африкѣ и по Испаніи.

VI. Эбнъ-Юнисъ.

Эбнъ-Юнисъ (Абуль-Гассанъ бенъ-Абдеррахманъ бенъ-Ахмедъ бенъ-Юнисъ Аблазъ бенъ-Муса бенъ-Мезара бенъ Гаеузъ бенъ-Гіанъ), родившійся въ Египтѣ около половины X вѣка, принадлежалъ къ древнему роду, вышедшему изъ Іемана. Одинъ изъ его предковъ, искусный правовѣдъ, славился знаніемъ преданій, важной частью гражданскаго и религіознаго права мусульманъ; отецъ его, Абу Саидъ Абдеррахманъ, написалъ исторію Египта; самъ онъ получилъ воспитаніе блестящее и доказалъ, что можно быть въ одно время музыкантомъ, поэтомъ и математикомъ.

Когда Фатимиты завладѣли Египтомъ и Моезъ-Иднваллахъ основалъ Каирскій халифатъ, и когда въ имперіи Арабовъ происходили страшныя потрясенія; тогда Эбнъ-Юнисъ, предпринимавшій путешествіе въ Иракъ и пріобрѣтшій въ школѣ Абуль-Вефы любовь къ астрономіи, въ халифѣ Азизѣ, преемникѣ Моезъ-Иднваллаха, нашелъ благосклоннаго покровителя, доставившаго ему средства для многочисленныхъ наблюденій въ продолженіе тридцати лѣтъ, отъ 977 до 1007 г. Они были начаты при Азизѣ, продолжались въ первыя одиннадцать лѣтъ царствованія Хакема и относились къ солнечнымъ и луннымъ затмѣніямъ, соединеніямъ планетъ между собою и со звѣздами, и пр. Эбнъ-Юнисъ наблюдалъ въ великой Кавафѣ, надъ мечетью, которую потому назвали мечетью *обсерваторіи*; потомъ Хакемъ, извѣстный своимъ сумасбродствомъ, но страстно любившій астрономію, велѣлъ построить обсерваторію на горѣ *Мокаттама*, къ востоку отъ Каира.

и часто самъ посѣщала ее для изученія неба. Извѣстно, что этотъ халифъ былъ главой религіи Друзовъ.

Эбнъ-Юнисъ, окончивъ большое сочиненіе, посвятилъ его Хакему. Оно называлось: «Таблица Хакемита» и состояло изъ четырехъ томовъ; но до насъ дошли только его отрывки, по которымъ однакожь можемъ судить о высокому его достоинствѣ. Десгольеръ (Deshaulegauer), Коненъ и Седильо перевели изъ нихъ нѣсколько любопытныхъ главъ. Кромѣ собственныхъ, Эбнъ-Юнисъ собралъ множество наблюденій своихъ предшественниковъ отъ Аль-Мамуна, т. е. въ продолженіе полутора ста лѣтъ. Въ его книгѣ также находимъ много практическихъ приемовъ и правилъ, приближающихъ Арабскую тригонометрію къ новѣйшей употребленіемъ тангенсовъ, начатыми Абуль-Вефой, и многими другими вспомогательными способами для облегченія вычисленій, придуманными въ Европѣ не ранѣе первой половины XVIII вѣка. Эбнъ-Юнису мы обязаны еще гномомъ со скважиной и важными поправками въ Греческихъ таблицахъ. По этимъ причинамъ книга его на всемъ востокѣ заимѣла Птолемеевъ *Алматость*. Луно-солнечныя таблицы Эбнъ-Юниса переписавы: 1) Персіянами въ таблицахъ Омеръ-Кейма, въ которыхъ показана истинная величина тропического года (4079 г.); 2) Греками въ «Синтаксисъ Хризоковка»; 3) въ «Таблицахъ Илханскихъ» Насири Эддина Тусси, и 4) Китайцами въ астронومیи Ко-Чу-Кянга. Такимъ образомъ вліяніе ученой Каирской школы распространилось къ западу и возбудило дѣятельность ученыхъ Магриба и въ Испаніи.

Эбнъ-Юнисъ отличался разсѣянностью, и своими странностями забавлялъ Хакема. Можетъ быть, онъ притворился, потому что подъ гнетомъ восточнаго деспотизма за одно нескромное слово расплачиваются жизнью. Современникъ Эбнъ-Юниса, знаменитый математикъ Гассанъ бенъ-Ганьстремъ (Альгазенъ) также притворился полоумнымъ.

Эбнъ-Юнисъ умеръ въ Каирѣ 1008 года.

VII. Король Альфонсъ.

Альфонсъ X, король Кастильскій, прозванный астрономомъ и мудрымъ, родился 1226 г. Тридцати одного года, онъ

наслѣдовалъ своему отцу С. Фердинанду. Его царствованіе было несчастливо; онъ часто сражался съ своими подданными и даже съ членами своего семейства; умеръ онъ въ Севильѣ 21 Августа 1284 г., лишенный трона своимъ сыномъ, Донъ-Санхоъ. За нѣсколько лѣтъ до своего изложенія, онъ имѣлъ неблагоразуміе заключить союзъ съ Мароккинъ королемъ, и тѣмъ поощрилъ Мавровъ къ покушеніямъ завладѣть полуостровомъ.

Короля Альфонса помѣщаемъ въ наше собраніе біографій за его любовь и покровительство астрономіи. Онъ собралъ въ Толедо знаменитѣйшихъ астрономовъ своего времени, христіанъ, Іудеевъ и Мавровъ, и поручилъ имъ исправить Арабскія астрономическія таблицы, которыя казались ему и недостаточными и неточными.

Говорятъ, что новыя таблицы, извѣстныя подъ именемъ *Альфонсовскихъ*, стоили королю *сорокъ тысячъ* червонцевъ.

Астрономы Альфонса не отличались ни одной замѣчательной мыслию; они рабски слѣдовали Птоломею, и новыя ихъ таблицы отъ старыхъ отличаются только нѣкоторыми поправками въ движеніи солнца и въ долготѣ года.

Разсказываютъ, что королю Альфонсу круги и эпициклы Птоломея надоѣли до того, что изъ устъ его вырвалось нескромное слово: «можно было бы создать міръ по простѣйшему плану». Кто не пойметъ, что въ выраженіи Альфонса содержится только горячее неодобреніе запутанностей въ системѣ Греческаго астронома; но его сочли нечестіемъ; оно, можетъ быть, было одной изъ причинъ несчатія послѣднихъ дней Альфонса.

Хотя Альфонсъ много, уважалъ астрономію, однако не былъ чуждъ предрассудковъ своего вѣка, и твѣрдо вѣрилъ астрологіи.

Историкъ поступить несправедливо, если, упомянувъ объ его желаніи открыть истинные законы движенія небесныхъ свѣтилъ, умолчитъ о томъ, что его подданные получили отъ него собраніе законовъ подъ именемъ: *las Patridas*.

Альфонсовскія таблицы явились въ свѣтъ 1252 г., въ тотъ самый день, въ который Альфонсъ наслѣдовалъ своему отцу. Въ первый разъ онѣ были напечатаны въ Венеціи, въ 1483 г.

VIII. РЕГИОМОНТАНЪ.

Иванъ Региомонтанъ, котораго настоящее имя было Мюллеръ, родился 6 Юня 1436 г., въ селѣ Унфендѣ, близъ Кёнигсберга, въ герцогствѣ Саксенъ-Гильбургаузенскомъ, зависѣвшемъ отъ Франконіи. Онъ умеръ въ Римѣ, 6 Юля 1476 г., одни говорятъ отъ чумы, а другіе—отъ рукъ дѣтей Георга Требизондскаго за то, что въ его переводѣ Птолемея Региомонтанъ открылъ невѣжественныя ошибки.

Въ исторіи литературы находимъ много укоризнъ, которыми ученые оскорбляли другъ друга; но убійство Региомонтана должно считать необыкновеннымъ мщеніемъ за справедливыя замѣчанія ошибокъ къ переводѣ.

Региомонтанъ издалъ много большихъ и малыхъ сочиненій о различныхъ астрономическихъ задачахъ. Объясненные въ нихъ практическіе способы наблюденій не имѣютъ для насъ никакого интереса. Онъ наблюдалъ мало и не сдѣлалъ никакого открытія. Современники, считавшіе его знаменитымъ астрономомъ, не могутъ похвалиться основательными знаніями въ наукѣ.

Региомонтанъ до того вѣрилъ астрологіи, что въ одномъ изъ своихъ сочиненій сказалъ: «Я тружусь единственно для великаго искусства». Во своихъ *Эфемеридахъ* на 1499 г. онъ опредѣляетъ положенія луны благопріятныя для кровопусканія, и объясняетъ, какіе знаки зодіака оказываютъ влияние на разныя части человѣческаго тѣла. По этому можемъ судить, какъ медленно умъ человѣческой освобождался отъ унижительныхъ предразсудковъ.

Собственно астрономія обязана Региомонтану однимъ основательнымъ замѣчаніемъ: еслибы ученіе Птолемея о *параллаксѣ* луны было справедливо, то ея діаметръ былъ бы вдвое больше наблюдаемаго.

Региомонтанъ былъ призванъ въ Римъ Сикстомъ IV, для совѣтовъ въ преобразованіи календаря. Въ одномъ изъ своихъ сочиненій, изданномъ уже послѣ его смерти, онъ сказалъ: «Пора намъ избавиться отъ упрековъ и насмѣшекъ Іудеевъ за то, что мы не принимаемъ въ расчетъ предваренія равноденствій и тор-

нить безпорядокъ въ празднованіи св. Пасхи. И такъ еще въ концѣ XV столѣтія начали понимать несовершенство христіанскаго календаря.

IX. КОПЕРНИКЪ.

Николай Коперникъ родился 12 Февраля 1473 г., въ Торунѣ, бывшемъ тогда главнымъ городомъ Прусской Польши (*).

Одинъ изъ біографовъ знаменитаго астронома утверждаетъ, что онъ происходилъ отъ Польскаго дворянства; другіе же говорятъ, что отецъ его былъ крестьянинъ, даже крѣпостной. Въ наше время такіа противорѣчія не заслуживаютъ изслѣдованія: къ какому бы сословію ни принадлежалъ членъ общества, *блаюродство* есть его личность; *блаюроденъ* тотъ, кто исполняетъ свои обязанности, украшая ихъ добротой сердца и твердостью душевной; въ глазахъ философа, даже умъ не даетъ права на *блаюродство*.

Впрочемъ, темная родословная Коперника недавно объяснена удовлетворительно.

(*) Много спорили о вопросѣ: кто былъ Коперникъ, Полякъ или Нѣмецъ? Сообщаю здѣсь записку одного Поляка, слушавшаго мои лекціи въ Парижской обсерваторіи.

«Въ концѣ XVIII столѣтія, по раздѣленіи Польши, Торунь и Фрауембургъ, со всею Прусскою Польшею, называемой *Королевскою*, отошли къ марграфству Бранденбургскому, которое въ 1526 г. получило часть Пруссіи, и потомъ по ней марграфы приняли титулъ Прусскихъ Королей. Этотъ переходъ части королевской Пруссіи, бывшей Польскою провинціею, во владѣнія Нѣмецкаго дома (1772—1796 г.), заставилъ нѣкоторыхъ писателей утверждать, что Коперникъ былъ Нѣмецъ».

Въ подробной біографіи Коперника, изданной въ Парижѣ 1847 г. Яномъ Цинскимъ, авторъ, замѣтилъ, что въ 1484 г. провинція, называемая королевскою Пруссіею, снова была присоединена къ Польшѣ торжественнымъ договоромъ, сильно протестуя противъ того, что статуя Коперника поставлена между Нѣмецкими знаменитостями въ Вагаль, близъ Мюнхена; потому приводить рѣшительное доказательство Польскаго происхожденія Коперника: въ спискѣ студентовъ Науванскаго университета Коперникъ былъ записанъ въ числѣ учившихся въ немъ Поляковъ.

Дѣдъ творца «De revolutionibus orbium coelestium» родился въ Богеміи, переселился въ Краковъ и приобрѣлъ тамъ права гражданства. Онъ занимался торговлей, а дѣти его учились въ городской школѣ. Одинъ изъ нихъ, булочникъ по ремеслу, женился въ Торунѣ на Варгарѣ Вассельродъ, сестрѣ Варшійскаго епископа. Астрономъ Коперникъ родился отъ этого брака.

Ребенкомъ, Коперникъ учился древнимъ языкамъ въ небольшой Торуньской школѣ св. Яна; когда ему минуло восемнадцать лѣтъ, дядя отправилъ его въ Краковскій университетъ, гдѣ онъ прилежно занимался философіею и медициной; во случай привелъ его на лекціи Альберта Бруаевскаго, профессора астрономіи, и молодой Коперникъ понялъ свое настоящее призваніе.

Въ то же время Коперникъ упражнялся въ живописи и сдѣлалъ въ ней замѣчательные успѣхи. Двадцати трехъ лѣтъ, онъ отправился въ Италію, и въ Падуѣ и Болоньѣ слушалъ лекціи философій, медицины и астрономіи.

Въ 1499 г. находимъ Коперника въ Римѣ, уже профессоромъ математики; въ его аудиторіи собирались многочисленные и избранные слушатели.

По возвращеніи въ Краковъ, 1502 г., онъ сдѣлался священникомъ; тогда ему было тридцать лѣтъ.

По ходатайству своего дяди епископа, въ 1510 г. онъ получилъ мѣсто каноника во Фрауенбургѣ, маленькомъ городкѣ, лежащемъ на берегу Вислы. Тутъ онъ раздѣлялъ свое время между обязанностями своей должности и размышленіями объ астрономическихъ вопросахъ. Онъ оказывалъ также пособіе бѣднымъ больнымъ, пользуясь медицинскими знаніями, приобретенными въ Италійскихъ университетахъ.

Во время Коперника не думали еще, что ученые не способны къ занятіямъ общественными дѣлами. Каноники, товарищи Коперника, ввѣрили ему процессъ противъ рыцарей Тевтонскаго ордена, и онъ побѣдилъ свирѣпыхъ своихъ противниковъ. Также по его проекту перемѣнена монетная система на сеймѣ къ Грудзювѣ 1521 г.

Городокъ Фрауенбургъ стоитъ на горѣ, и потому жители его нуждались въ водѣ. Коперникъ построилъ гидравлическую машину, которая разливала воду по всѣмъ домамъ.

Твореніе «De Revolutionibus orbium coelestium», передавшее имя Коперника въ отдаленное потомство, было плодомъ тридцати лѣтнихъ размышлений. Авторъ хранилъ его въ рукописи въ продолженіе двадцати семи лѣтъ; но главныя его основанія открывалъ онъ современнымъ ученымъ. Эти основанія, противныя принятымъ мнѣніямъ, подвергались уважительнымъ насмѣшкамъ.

Наконецъ, убѣжденный настояніями друга своего, Кульмскаго епископа, Коперникъ рѣшился напечатать свою книгу. Ученикъ его, Ретикъ, занимался ея изданіемъ. Она была напечатана въ Нюрнбергѣ, въ 1543 г.

Въ началѣ книги находится посвященіе папѣ Павлу III, написанное языкомъ твердымъ и благороднымъ.

«Ваша власть (говоритъ Коперникъ) защититъ меня отъ злости недоброжелателей, хотя, по пословицѣ, нѣтъ лекарства отъ язвленія клеветниковъ....

«Я увѣренъ, что ученые и глубокіе математики одобрятъ мои изслѣдованія, если они, какъ слѣдуетъ истиннымъ философамъ, основательно разберутъ мои доказательства. Я не думаю о томъ, что люди легкомысленные и невежественные прератно толкуютъ нѣкоторыя мѣста св. писанія. Я впередъ объявляю имъ мое презрѣніе....

«О математическихъ истинахъ могутъ судить одни только математики».

Нѣкоторые изъ уважаемыхъ историковъ астрономіи считаютъ это посвященіе дипломатической хитростью; они думали, что Коперникъ сказалъ: «моя гипотеза не нелѣпѣе гипотезы древнихъ». Но Цинскій справедливо замѣтилъ, что этихъ словъ нѣтъ въ посвященіи; они находятся въ предисловіи Оссиандера, издателя творенія Коперника, въ предисловіи, не подписанномъ знаменитымъ астрономомъ.

Въ мнѣніи священнои конгрегациі, отъ 1620 г., читаемъ:

«Принимаемъ во вниманіе, что Коперникъ не гипотетически предложилъ ученіе о движеніи земнаго шара,—ученіе, противное св. писанію и его точному толкованію (Римско) католическою церковью: напротивъ, онъ считаетъ свое ученіе истиннымъ и несомнѣннымъ, и потому оно вѣтерпимо въ истинномъ христіанствѣ».

Коперникъ умеръ во Фрауенбургѣ 23 Мая 1543 г.: предъ смертью онъ имѣлъ удовольствіе держать въ своихъ ослабѣвшихъ рукахъ экземпляръ своего творенія, присланнаго къ нему Ретикомъ.

Твореніе Коперника осуждено было конгрегациею цесуры (индекса) 3 Марта 1616 г., въ папство Павла V; актъ подписанъ кардиналомъ Сентъ-Сесилемъ, епископомъ Альбой и братомъ Мадлейномъ, по прозванію *железная юлова*. Замѣчательно, что папа не подписалъ этого акта невѣжественной нетерпимости.

Нельзя не вспомнить, что даже люди ученые были напуганы унизительными предразсудками. Славный Сицилійскій геометръ, аббатъ Мавроликъ, считалъ ученіе Коперника совершенно безсмысленнымъ, за которое почтеннаго Торуньскаго каноника слѣдовало бы выстѣть розгами публично.

Императоръ Наполеонъ, проѣзжая чрезъ Торунь въ 1807 г., захотѣлъ узнать всѣ преданія о Николаѣ Коперникѣ. Узнавъ, что въ домѣ-знаменитаго астронома живетъ ткачъ, онъ велѣлъ проводить себя въ его бѣдное жилище. Ветхій домъ состоитъ изъ подвального отдѣленія и изъ двухъ этажей. Въ немъ все сохранено въ первобытномъ видѣ: портретъ астронома попрежнему виситъ надъ кроватью съ саржевыми занавѣсками, подъ которыми спалъ Коперникъ; столъ, шкафъ, два кресла, словомъ, вся мебель принадлежала незабвенному канонику. Императоръ хотѣлъ купить портретъ для своего музея къ Дурѣ, но ткачъ не согласился уступить его ни за какую цѣну, потому что портретъ приноситъ счастье его хозяйству. Уваживъ престоудшіе ткача, императоръ отказался отъ своего желанія.

Изъ дома ткача, Наполеонъ посѣтилъ церковь св. Яна, чтобъ взглянуть на гробницу Коперника. Время почти разрушило ее; императоръ приказалъ на свой счетъ возобновить памятникъ, подвинувъ его къ алтарю на самое видное мѣсто.

Переходимъ къ краткому разбору содержанія безсмертной книги Коперника; объемъ нашихъ біографій не позволяетъ подробностей.

Зодіакъ раздѣляется на двѣнадцать частей, изъ которыхъ въ каждой содержится по 30 градусовъ; на этомъ кругѣ не трудно назначить діаметрально-противоположныя точки. Копер-

никъ замѣтилъ, что когда одна изъ этихъ точекъ находится на восточномъ горизонтѣ, тогда другая бываетъ на западѣ въ диаметральной противоположности; отсюда онъ заключилъ, что линія, соединяющая двѣ точки на небѣ, разделенная 180° , есть диаметръ, а не хорда небесной сѣеры; а какъ такіе диаметры должны проходить чрезъ центръ земли, то земля ничтожна относительно разстоянія звѣздъ. Математически этотъ выводъ не подлежитъ сомнѣнію; но надобно замѣтить, что наблюденія, на которыхъ онъ основывается, не могли во всей строгости привести къ нему: потому что во время Коперника не знали преломленія лучей свѣта въ атмосферѣ, особенно при горизонтѣ.

Надобно отдать честь Копернику за его справедливость къ древнимъ писателямъ. Въ книгѣ своей онъ ссызается на свидѣтельство Цицерона о Никитѣ Свракузскомъ, какъ о математикѣ, который видимое обращеніе небесной сѣеры отъ востока къ западу объяснялъ обращеніемъ земли отъ запада къ востоку. Филолай, столь знаменитый философъ Пифагоровой школы, что Платонъ для него одного ѣздилъ въ Италію, также утверждалъ, что земля есть планета, обращающаяся около солнца: Коперникъ основательно изслѣдовалъ, согласно ли это мнѣніе съ небесными явленіями. Сперва онъ объясняетъ, что, разсматривая видимое солнечное движеніе отдѣльно, можно принимать землю и неподвижною и движущеюся. Потомъ онъ приступаетъ къ подробностямъ. Если земля есть планета, то она чрезъ каждые шесть мѣсяцовъ бываетъ въ точкахъ, диаметрально-противоположныхъ; такое явленіе даетъ *основаніе*, съ котораго можно опредѣлить разстоянія планетъ отъ земли, измѣривъ углы съ концовъ его и вычисливъ упомянутыя разстоянія по самому основанію.

Узнавъ отношенія поперечниковъ орбиты земли и орбитъ Марса, Юпитера и Сатурна; зная сверхъ того время полныхъ обращеній всѣхъ этихъ планетъ, Коперникъ могъ вычислить не *угловую* ихъ скорость, которая здѣсь не идетъ къ дѣлу, но скорость въ милахъ или во всякой другой мѣрѣ. Изъ этого вычисления онъ вывелъ, что земля въ данное время протекаетъ большее пространство, нежели Марсъ, Марсъ — большее, нежели Юпитеръ, и Юпитеръ — большее, нежели Сатурнъ. Отсюда онъ заключилъ, что во время противоположеній Марса и Земли, Марсъ

долженъ ваяться *отступающимъ*, или движущимся между звѣздами по направленію, противоположному направленію землѣ. То же заключеніе относится и къ Юпитеру и къ Сатурну.

Сверхъ того, величины дугъ *отступленія* и времена *стоянія* планетъ прежде и послѣ ихъ противоположенія удивительно согласуются съ объясненіемъ Коперника, и явленіе, которое затрудняло, сбывало съ толку древнихъ астрономовъ, сдѣлалось совершенно понятнымъ, сдѣлалось необходимымъ слѣдствіемъ движенія земли около солнца. Вотъ, по моему мнѣнію, важнѣйшее открытіе Коперника.

Во время этого великаго челоука, истинныя основанія механики, вѣрныя понятія о движеніи тѣлъ были почти незвѣстны. Коперникъ думалъ, что круговое движеніе необходимо связано съ вращательнымъ, и потому движеніе земли около солнца онъ уподоблялъ тому движенію, которое должна совершать земля, еслибы центръ ея съ центромъ солнца былъ соединенъ негибкимъ прутомъ. Отсюда онъ заключилъ, что, вслѣдствіе *поступательнаго* или годичнаго движенія, земля всегда была бы обращена къ солнцу одной стороною и различныя діаметры земли направлялись бы къ различнымъ точкамъ пространства. Но видимое обращеніе неба, объясняемое обращеніемъ земли на ея оси, требуетъ, чтобъ эта ось всегда оставалась параллельною самой себѣ, или, будучи продолжена безконечно, всегда бы проходила чрезъ однѣ и тѣ же звѣзды. Чобъ удовлетворить такому требованію, необходимому для объясненія суточного движенія и времени года, Коперникъ предполагалъ, что земля имѣетъ *третье* движеніе, отъ котораго ось ея удерживаетъ свою параллельность, нарушаемую движеніемъ поступательнымъ или годичнымъ. Кеплеръ и Галилей послѣ доказали, что зависимость между движеніемъ круговымъ и вращательнымъ, допускаемая Коперникомъ, не существуетъ. Великій астрономъ Торунскій ошибался, но шибался потому, что еще не наступило время для великихъ открытій.

И такъ земля можетъ обращаться около солнца, оставаясь всегда себѣ параллельною, и *третье* движеніе, придуманное Коперникомъ и усложнявшее его систему, совсѣмъ не нужно. Впрочемъ, это движеніе привело къ весьма простому объясненію

предваренія равноденствій, т. е. общей годичной перемѣны въ долготѣхъ звѣздъ на 50".

Коперникъ, снѣло уничтожая основаніе астрономіи Гиппарха и Птолемея, нимало не сомнѣвался въ точности ихъ наблюдений, которыхъ Птоломей объявлялъ эпициклами: Коперникъ употребилъ ту же гипотезу для объясненія неправильностей въ движеніи солнца, планетъ и также нѣкоторыхъ мнимыхъ измѣненій въ *предвареніи равноденствій* и въ наклоненіи эклиптики къ экватору. Вся сложная машина разрушена трудами Кеплера. Съ его времени система Коперника окончательно получила простоту, сообразную съ законами природы.

Съ удивленіемъ находимъ въ книгѣ Коперника мнѣнія древнихъ философовъ о преимущественномъ совершенствѣ зрительнаго движенія; но такая участь человѣчества: самыя высокія умы съ трудомъ освобождаются отъ предразсудковъ, укорененныхъ въ камяхъ. Впрочемъ, гений Коперника дѣйствительно сотворилъ новую астрономію; въ его книгѣ читаемъ: «Я называю *тлютмліемъ* то естественное стремленіе частей вещества, которыми онѣ взаимно соединяются, какое бы мѣсто ни занимали въ пространствѣ».

Коперникъ былъ первый астрономъ своего вѣка, по глубинѣ соображеній. Какъ астрономъ-практикъ, онъ долженъ уступать первенство даже астрономамъ Арабскимъ; но въ этомъ онъ не виноватъ: въ его распоряженіи были самыя бѣдныя средства. Не смотря на то, мы прилагаемъ здѣсь числа, выведенныя имъ изъ наблюдений, и показывающія на сколько градусовъ должно понижаться солнце подъ горизонтъ, чтобъ планеты и звѣзды сдѣлались видимыми.

Пониж. Солнца.

Звѣзда первой величины. . .	12°
Венера.	5
Сатурнъ	11
Юпитеръ	10
Марсъ	11

Эти числа, всякой понять, должно считать *средними*: потому что звѣзда первой величины, весьма блѣдная въ западающе-

му солнцу, откроется послѣ звѣзды того же блеска, но болѣе удаленной отъ солнца къ противоположной точкѣ на небѣ.

Х. ТИХО-БРАГЕ (*).

Тихо-Браге, котораго всѣ слѣдовавшіе за нимъ астрономы справедливо признавали точнѣйшимъ наблюдателемъ до изобрѣненія зрительныхъ трубъ, родился 13 Декабря 1546 г. въ Клуторпѣ, въ Сканин, принадлежавшей Даніи. Его семейство было изъ древняго дворянства.

Отецъ Браге, по страннымъ понятіямъ своего времени, не хотѣлъ даже учить своего сына Латинскому языку. Дядя Браге по матери, безъ вѣдома родителей, помѣстилъ своего племянника въ школу, гдѣ начали быстро развиваться его способности.

Солнечное затмѣніе 1560 г., въ которомъ главныя фазы почти точно происходили по предсказаніямъ календаря, привело молодаго ученика въ восторгъ и рѣшило его судьбу.

Четырнадцать лѣтъ послали Тихо-Браге въ Лейпцигъ для приобрѣтенія поверхностныхъ знаній, которыя считались тогда достаточными для всякой государственной службы. Тамъ, тайно отъ своего гувернера, и противъ желанія своихъ *благородныхъ* родителей, Тихо началъ учиться математикѣ и астрономіи. Книжки и инструменты покупалъ онъ на деньги, которыя давались ему на удовольствіе.

По возвращеніи въ Копенгагенъ (1565 г.), люди его сословія приняли его какъ сумасброда. Непріятности, которыя встрѣчалъ онъ со стороны знакомыхъ его семейству, заставили его уѣхать въ Германію, гдѣ жили многіе знаменитые астрономы, и между ними ландграфъ Гессенъ-Кассельскій, Вильгельмъ IV. Тихо-Браге сдѣлался его другомъ.

Онъ посѣтилъ главныя Германскія обсерваторіи, и проѣзжая чрезъ Аугсбургъ, котораго художники славятся своимъ искусствомъ, заказалъ много новыхъ снарядовъ для рѣшенія важныхъ вопросовъ звѣздлаго неба.

(*) *Тихо* или *Тихонъ* было имя этого знаменитаго астронома.

Возвратившись въ Копенгагенъ, Тихо велъ жизнь удивительную.

По случаю наблюдений, сдѣланныхъ имъ надъ новой звѣздой 1572 г., канцлеръ Оксъ объявилъ себя его покровителемъ и возбудилъ къ нему уваженіе короля Фридриха II, который подарилъ ему островокъ Гюепъ, лежащій въ Зундѣ между Эльсвёромъ и Копенгагеномъ. Къ этому подарку король присоединилъ пенсіонъ въ 500 экю, землю въ Норвегіи и доходъ капоника въ двѣ тысячи экю для содержанія обсерваторіи, построившей также на счетъ короля.

Благодаря такой щедрости Фридриха II, Данія увидала на Гюепѣ обсерваторію, открытую для наблюдений со всѣхъ сторонъ горизонта и названную Уранибургомъ. Обсерваторія давно уже не существуетъ, но ея имя будетъ вѣчно жить въ памяти астрономовъ.

Когда зданіе обсерваторіи было кончено, Тихо украсилъ его сварядами, стоившими ему не менѣе 100 тысячъ талеровъ. Чтобы понять такіа огромныя издержки, надобно прочесть описаніе сварядовъ въ его книгѣ «*Astronomiae instauratae Mechanica*». Это были не сваряды, но машины колоссальныхъ размѣровъ; ихъ круги шли въ діаметрахъ отъ 5 до 6 локтей (2—2,5 метр.); ихъ либы изъ жѣла и были рѣздѣны весьма старательно. Не смотря на то, ихъ погрѣшности приводили астронома въ отчаяніе; онъ говаривалъ: «хорошій сварядъ — Арміійскій фелъсъ». Впрочемъ, точность наблюдений доводилъ онъ до $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$ и даже до $\frac{1}{6}$ доли минуты.

Главный недостатокъ древнихъ наблюдений состоялъ въ несовершенствѣ способовъ измѣрять время. Тихо употреблялъ клепсидры и часы.

Въ первыхъ, хорошо очищенная ртуть вытекала изъ какого отверстія, и время опредѣлялось вѣсомъ вытекшаго металла. Тихо употреблялъ также чистый свинецъ, превращенный въ весьма мелкій порошокъ. Но онъ не скрывалъ неудобствъ своихъ клепсидровъ; онъ говорилъ: «лукавый Меркурій смѣется на надъ астрономами и надъ химиками; Сатурнъ также обманываетъ, хотя служитъ лучше Меркурія».

Часы показывали секунды; но само собой разумѣется, что

они были безъ маятниковъ. Главное колесо часовъ, стоявшихъ внѣ обсерваторіи, имѣло въ діаметрѣ два локтя или около метра, и 1,200 зубцовъ.

Уранибургъ былъ конченъ въ 1580 г. Тихо работалъ въ немъ непрерывно семнадцать лѣтъ. Онъ женился на красной крестьянкѣ, Христинѣ; родственники противились этому браку, потому что онъ унижалъ ихъ дворянство; но надобно было повиноваться волѣ короля.

По смерти Фридриха II и во время малолѣтства Христиана IV, дворяне, сильно раздраженные противъ Тихо-Браге, за его измѣну ихъ сословію, за его успѣхи к огромную славу, начали съ того, что лишили его пенсіона, а обсерваторію — ея доходовъ, безъ которыхъ она не могла существовать. Рассказываютъ, что Тихо содержалъ не менѣе двадцати сотрудниковъ для наблюдений и вычислений. Главною причиною такой несправедливости былъ сенаторъ Валькендорпъ. Его имя — говорить Лапласъ — какъ имена всѣхъ людей, употребляющихъ свою власть во зло и для удержанія успѣховъ ума, должно быть предано презрѣнію потомства.

Независть Валькендорпа произошла отъ самаго ничтожнаго происшествія. Датскіе писатели рассказываютъ, что когда молодой король посѣтилъ обсерваторію, тогда сопровождавшій его сенаторъ осердился на лай догввъ, подаренныхъ Тихо королемъ Яковымъ VI, и ударилъ ихъ ногою. Тихо вступился за своихъ собакъ, началась ссора и кончилась уничтоженіемъ обсерваторіи.

Злобѣ сенатора и дворянства помогали врачи. Въ Уранибургѣ была лабораторія, въ которой Тихо приготовлялъ лекарства и раздавалъ ихъ бѣднымъ бесплатно: за это прогнѣвались врачи и также начали кричать противъ Тихо.

Такимъ образомъ знаменитый астрономъ принужденъ былъ оставить Уранибургъ; съ семействомъ и со всѣми своими слугами онъ переселился въ Германію, гдѣ императоръ Родольфъ II доставилъ ему блестящее положеніе. Но Тихо не долго имъ пользовался: онъ умеръ отъ задержанія мочи 24 Октября 1601 г., пятидесяти пяти лѣтъ отъ роду.

На портретѣ Тихо всякой замѣтитъ какую-то уродливость.

Во время своего втораго путешествія по Германіи, въ Ростокѣ, Тихо поссорился съ однимъ изъ своихъ соотечественниковъ за геометрическую теорему. За ссорой послѣдовала дуэль, на которой астрономъ лишился большей части своего носа. Чтобы помочь этому горю, Тихо велѣлъ сдѣлать восковой носъ, и его-то живописецъ нарисовалъ со всею вѣрностью.

Появляясь истиннѣ, мы съ сожалѣніемъ упоминаемъ, что человекъ, принесшій великую пользу наукамъ, не могъ бороться противъ предрасудковъ своего вѣка: онъ вѣрилъ астрологіи и алхиміи. Онъ вѣрилъ даже, что Марсъ предвѣщалъ ему потерю носа.

Вотъ на какомъ основаніи Тихо считалъ гороскопы не подлежащими сомнѣнію. «Солнце, луна и звѣзды совершенно достаточны для нашихъ нуждъ, и потому планеты, обращающіяся по удивительнымъ законамъ, были бы твореніями бесполезными, еслибы онѣ не имѣли вліянія на судьбу людей, и еслибы астрологія не открыла ихъ силы».

На томъ же основаніи Тихо допускалъ, что и кометы тайно дѣйствуютъ на землю, потому что въ натурѣ ничто не существуетъ безъ цѣли. Наконецъ, и звѣзды сотворены для того, чтобы поддерживать и возбуждать силу планетъ.

Повстиннѣ, грустно видѣть, что такими вѣлѣпостями наполнена была голова первокласснаго ученаго, — притомъ такого ученаго, который имѣлъ столько силы ума и духа, что освободился отъ предрасудковъ своего сословія, которое думало, что дворянинъ увидится, если напечатаетъ какое-нибудь сочиненіе. Этому дворянскому догмату сперва покорялся и Тихо; онъ долго не рѣшался издать свои наблюденія надъ звѣздою 1572 г.

Оканчивая біографію Тихо, считаемъ обязанностью снять съ него важное обвиненіе въ ученоемъ смыслѣ: многіе говорятъ, что онъ составилъ и издалъ свою систему міра изъ зависти къ славѣ Коперника; но всѣ сочиненія Тихо доказываютъ, что онъ питалъ къ Копернику глубочайшее уваженіе.

Когда подарилъ ему три линейки, которыя Коперникъ употреблялъ для своихъ наблюденій, Тихо повѣсилъ ихъ на самомъ видномъ мѣстѣ въ своей обсерваторіи и подлѣ нихъ Латинскіе стихи своего сочиненія. Вотъ смыслъ стиховъ:

«Земля не производила такого гевія въ продолженіе многихъ вѣковъ.

«Древніе гиганты, желая взойти на небо, ставили горы на горы, Пеліонъ на Оссу; но крѣпкіе физическою силою и «слабые умомъ, они не могли успѣть въ своемъ дерекомъ намѣреніи. Коперникъ, слабый тѣломъ, но сильнѣйшій гевіемъ, только посредствомъ трехъ кусковъ дерева достигъ до послѣднихъ вершинъ Олимпа.

«Неоцѣненны всѣ вещи, оставшіяся послѣ этого великаго челоуѣка; неоцѣненны и деревянные его куски».

Вотъ списокъ напечатанныхъ сочиненій Тихо-Браге:

De Nova stella anni 1572. Издаво въ 1573 г., и потомъ перепечатано въ *Progymnasmes*.

De mundi oetherei recentioribus phoenomenis; 1588.

Tychonis Brahae, apologetica responsio ad cujusdam patetici in scoliâ dubia, sibi de parallaxi cometarum oposita; 1591.

Tychonis Brahae, Dani, epistolarum astronomicarum libri; 1596; перепечатано въ 1601.

Astronomiae instauratae mechanica; 1578; перепечатано въ 1602.

Progymnasmata, 1603; перепечатано 1610.

Tychonis Brahae de disciplinis mathematicis oratio, in qua simul astrologia defenditur et ab objectionibus dissentientium vindicatur; 1621.

Tychonis Brahae opera omnia, 1648. Въ этомъ собраніи нѣтъ переписки Тихо-Браге.

Collectanea Historiae celestis, 1637.

Historia celestis, 1666 и 1667.

Важнѣйшее сочиненіе знаменитаго астронома есть *Progymnasmata*, потому что въ немъ содержатся главныя его наблюденія; считаемъ обязанностью разобрать его критически.

Главныя труды Тихо-Браге состояли въ наблюденіяхъ надъ солнцемъ и въ ихъ разборѣ; они привели его къ составленію новыхъ таблицъ. Въ разборѣ наблюденій въ первый разъ было принято въ расчетъ преломленіе свѣта въ атмосферѣ, величину

котораго Тихо опредѣлялъ собственными наблюденіями. Но, не смотря на остроумные способы этого опредѣленія, Тихо ошибался, думая, что преломленіе начинается только съ 45° разстоянія сѣтила отъ зенита. Онъ также ошибался въ самой причинѣ явленія, утверждая, что оно происходитъ отъ паровъ, а не отъ самаго воздуха. Въ третью ошибку ввело его несовершенство снарядовъ: онъ принималъ, что лучи солнца и свѣтъ луны преломляются различно. Не смотря на эти ошибки, Тихо и Ротманъ, астрономъ ландграфа Гессенъ-Кассельскаго, первые обратили вниманіе на атмосферное преломленіе.

Занимаясь луною, Тихо доказалъ, что теорія Птолемея не согласна съ наблюденіями; онъ усмотрѣлъ, что движеніе луны около земли подлежитъ большому неравенству, особенно въ октавахъ, гдѣ оно доходитъ до $36'$, и въ первомъ и четвертомъ октавѣ бываетъ положительное, а въ двухъ прочихъ — отрицательное. Это неравенство называется *варіаціою* и считается однимъ изъ важнѣйшихъ открытій новой астрономіи (*).

Тихо обращалъ особенное вниманіе на періодическія измѣненія въ наклоненіи лунной орбиты къ эклиптикѣ, и частію опредѣлилъ его законы. Ему также принадлежатъ драгоцѣнныя замѣтки о возмущеніяхъ въ узлахъ той же орбиты, которые движутся отступательно. Опредѣленный имъ параллаксъ луны хотя весьма не точенъ, однако точнѣе всѣхъ выводовъ предшествовавшихъ ему астрономовъ.

Труды Тихо въ наблюденіяхъ надъ прямыми восхожденіями и склоненіями звѣздъ, или въ составленіи ихъ каталога должно причислить также къ полезнѣйшимъ его работамъ.

Свѣтъ солнечный уничтожаетъ свѣтъ всѣхъ звѣздъ, и потому до изобрѣтенія зрительныхъ трубъ ни одинъ астрономъ не могъ сравнивать ихъ положеній прямо съ положеніемъ солнца. Но какъ Венера иногда бываетъ видима и при солнцѣ, то ея положеніе можно сравнивать съ солнцемъ, а потомъ, ночью, сравнивъ Венеру съ звѣздами, можно уже сдѣлать заключеніе о

(*). Сидальо думаетъ, что открытіе *варіаціи* принадлежитъ Абуль-Вефѣ. См. выше и въ «Отчетахъ Академіи». Здѣсь изложено споръ объ этомъ предметѣ между Бю и учеными ориенталистами.

положеніи солнца относительно звѣздъ. Этотъ способъ теоретически удовлетворителенъ, но въ практикѣ надобно остерегаться отъ многихъ ошибокъ: его придумалъ Кардано, и получилъ выходы, нестерпимо-ошибочные; ошибки въ его каталогѣ звѣздъ простираются до $\frac{2}{3}$ градуса, т. е. болѣе, нежели въ каталогахъ Альфонса и Коперника.

На составленіе своего каталога звѣздъ Тихо употребилъ семь лѣтъ.

Трудно объяснить причину, заставившую Тихо не принять системы Коперника и составить свою собственную. Можетъ быть, онъ боялся преслѣдованій Римскихъ конгрегацій. Какъ бы то ни было, Тихо предположилъ землю неподвижною въ центрѣ міра; около солнца обращаются всѣ планеты, и солнце влечетъ ихъ за собою около земли. Составляя такую систему, Тихо не могъ не затрудняться эпициклами. Дѣйствительно, для объясненія движеній Сатурна, надобно было построить два эпицикла.

Тихо думалъ, что западная сфера весьма близка къ орбитѣ Сатурна, по той причинѣ, что «маленько предполагать существованіе пустоты между звѣздами и планетами». Кажется, Тихо надобно причислить къ тѣмъ астрономамъ, о которыхъ упоминаетъ Коперникъ, и которые полагали, что вещество раздѣлено въ пространствѣ равномерно.

Аристотель предполагалъ, что кометы суть метеоры, образующіеся въ нашей атмосферѣ. Тихо, многочисленными наблюденіями надъ кометою 1577 г., доказалъ, что она не имѣла суточного *параллакса*, т. е. ея путь отстоялъ отъ земли далѣе, нежели орбита луны.

Въ другихъ кометахъ Тихо не нашелъ даже годичнаго *параллакса*, т. е. онѣ были внѣ солнечной системы.

Свободное движеніе кометъ въ пространствѣ уничтожило кристаллы сферы, которыя, по мнѣнію древнихъ, были необходимы для обращенія планетъ. И такъ Тихо разрушилъ эти сферы, но Пурбахъ опять ихъ устроилъ по новому плану.

Каталогъ звѣздъ Тихо-Браге есть драгоценное наслѣдство для астрономовъ; въ немъ содержится только 777 звѣздъ; но для опредѣленія ихъ положеній Датскій астрономъ долженъ былъ трудиться и долго и прилежно.

XI. Вильгельмъ IV.

Вильгельмъ IV, ландграфъ Гессенъ-Кассельскій, современникъ Тихо-Браге, родился 24 Юня 1532 г., и умеръ 25 Августа 1592 г., шестидесяти лѣтъ.

Въ 1561 г., онъ построилъ обсерваторію надъ Кассельскимъ замкомъ и наполнилъ ее разнообразными иѣдными снарядами, устроенными съ возможною для того времени точностію. Эти снаряды употреблялъ онъ для составленія каталога 900 звѣздъ.

Способъ опредѣленія прямыхъ восхожденій звѣздъ, употребляемый въ обсерваторіи ландграфа, отличался отъ способовъ другихъ астрономовъ: ландграфъ первый началъ опредѣлять ихъ по часамъ, т. е. временемъ ихъ прохожденія чрезъ какой-нибудь азимутъ.

Гевелій утверждалъ, что каталогъ ландграфа точнѣе каталога Тихо.

Кеплеръ свидѣтельствуетъ, что въ продолженіе тридцати лѣтъ ландграфъ трудился не какъ принцъ, но какъ простой астрономъ.

Тридцати-лѣтніе труды ландграфа, отъ 1561 по 1592 г., должно раздѣлять на два періода: въ первомъ онъ работалъ одинъ, во второмъ же — съ Ротманомъ и Юстомъ Биржемъ, отличавшимся своею способностію вычислять и своимъ искусствомъ въ механикѣ. Биржъ родился въ Швейцаріи.

Кромѣ каталога звѣздъ, ландграфъ доказалъ, что *параллаксъ* солнца менѣе той величины, за которую могли отбѣгать астрономы XVI столѣтія.

Въ Кассельской обсерваторіи было опредѣляемо и наклоненіе эклиптики къ экватору для 1587 г. Ротманъ полагалъ его въ $23^{\circ} 29'$, въ $23^{\circ} 30'$ и въ $23^{\circ} 30' 40''$.

Наконецъ скажемъ, что Вильгельмъ IV управлялъ своимъ владѣніемъ благоразумно и снисходительно; его подданные наслаждались пошлымъ спокойствіемъ.

XII. Кеплеръ (Иванъ).

Кеплеръ оказалъ великія услуги Астрономіи не одними своими безсмертными законами, плодомъ глубокихъ, гениальныхъ соображеній и труда упорнаго, постоянного, преодолевшаго все препятствія. Еслибы въ его сочиненіяхъ великія идеи не были смѣшаны съ идеями систематическими, которыя онъ заимствовалъ изъ современной ему философіи; то его предположенія были бы оцѣнены гораздо вѣрнѣе, нежели какъ то находимъ въ исторіяхъ астрономіи; тогда появили бы, что наука безъ предположеній не можетъ двигаться впередъ; безъ предположеній нельзя придумать ни одного полезнаго опыта; надобно только быть добросовѣстнымъ, и только послѣ опытовъ и вычисленій, повѣрившихъ предположеніе, доискусать его въ науку.

Кеплеръ, сколько могъ, былъ вѣренъ этому правилу; безъ колебанія и упрямства отказывался онъ отъ своихъ самыхъ любимыхъ гипотезъ, если онѣ уничтожались опытомъ.

Кеплеръ жилъ всегда въ бѣдности, и потому принужденъ былъ работать для книгопродавцевъ, которые требовали отъ него почти ежедневныхъ новостей; онъ не имѣлъ времени *обдумывать* свои мысли; онъ излагалъ ихъ такими, какими онѣ рождались въ его умѣ; онъ думалъ вслухъ. Много ли найдется *мудрецовъ*, которые бы перенесли такую пытку?

Хотя въ многочисленныхъ сочиненіяхъ Кеплера находимъ и такія идеи, которыхъ нельзя оправдать его стѣсненными обстоятельствами; однако мы не можемъ не быть къ нему снисходительными, если вполне поймемъ тяжелую его жизнь и примемъ во вниманіе бѣдствія его семейства.

Такое мнѣніе о причинахъ многихъ парадоксовъ Кеплера мы извлекли изъ сочиненія Брейшверта, рассмотрѣннаго въ 1831 г. неизданнаго сочиненія великаго астронома, кончившаго преобразование древней астрономіи.

Иванъ Кеплеръ родился 27 Декабря 1571 г., въ Магштадтѣ, въ Виртембергскомъ селѣ, находящемся въ одной миліи отъ императорскаго города Вейля (въ Швабіи). Онъ родился недоноскомъ и весьма слабымъ. Его отецъ, Геврихъ Кеплеръ

былъ сынъ бургомистра этого города; его бѣдное семейство причисляло себя къ дворянству, потому что одинъ изъ Кеплеровъ былъ сѣдланъ рыцаремъ, при императорѣ Сигизмундѣ. Его мать, Катерина Гульденманъ, дочь трактирщика, была женщина безъ всякаго образованія; она не умѣла ни читать, ни писать, и провела свое дѣтство у тетки, которую сожгли за колдовство.

Отецъ Кеплера былъ солдатъ, сражавшійся противъ Бельгійцевъ, подъ командою герцога Альбы.

Шести лѣтъ Кеплеръ перенесъ жестокую осну; едва онъ избавился отъ смерти, какъ въ 1577 г. его послали въ Леонбергскую школу; но отецъ его, возвратившись изъ арміи, нашелъ свое семейство совершенно разореннымъ однимъ банкротомъ, за котораго оно имѣло неосторожность поручиться; тогда онъ открылъ въ Эмердингенѣ кабакъ, взялъ сына изъ школы и заставилъ его прислуживать посѣтителемъ своего заведенія. Эту должность исправлялъ Кеплеръ до двѣнадцатилѣтняго возраста.

И такъ тотъ, кому суждено было прославить и свое имя и свое отечество, началъ жизнь въ качествѣ кабацкаго прислужника.

Тринадцати лѣтъ, Кеплеръ опять сдѣлался отчаянно боленъ и родители не надѣялись на его выздоровленіе.

Между тѣмъ дѣла отца его шли очень худо, и потому онъ опять вступилъ въ Австрійскую армію, которая шла противъ Турокъ. Съ этого времени отецъ Кеплера пропалъ безъ вѣсти; а мать его, женщина грубая и сварливая, истратила и послѣднее имущество семейства, простиравшееся до 4 тысячъ флориновъ.

Иванъ Кеплеръ имѣлъ двухъ братьевъ, походившихъ на свою мать; одинъ былъ оловянщикъ, другой — солдатъ, и оба совершенные негодяи. Такимъ образомъ будущій астрономъ ничего не находилъ въ своемъ семействѣ; кромѣ жгучаго горя, которое совсѣмъ бы его уничтожило, еслибы не утѣпала его сестра Маргарита, вышедшая замужъ за протестанскаго пастора; но и этотъ родственникъ въослѣдствіи сдѣлался его врагомъ.

Когда отецъ Кеплера ушелъ съ арміею, тогда заставили его работать въ полѣ; но слабый и тонкій юноша не могъ переносить тяжелыхъ трудовъ; его назначили въ богословы, и семнадцати лѣтъ (1589), поступилъ онъ въ Тюбингенскую семинарію;

и содержался тамъ на казенный счетъ. При экзаментѣ на степень бакалавра его не признали *отличнѣйшимъ*; этотъ титулъ достался Джону-Ипполиту Бренціусу, котораго имя не найдете ни въ одномъ историческомъ словарѣ, хотя издатели такихъ сборниковъ весьма снисходительны и помѣщаютъ въ нихъ всякой хламъ. Впрочемъ, въ нашихъ біографіяхъ не разъ встрѣтимся съ подобными случаями, доказывающими негѣдость школьнаго педантизма.

Кеплеръ потерпѣлъ неудачу не отъ одной этой причины: еще сидя на школьной скамьѣ, онъ принималъ дѣятельное участіе въ протестантскихъ теологическихъ спорахъ, и какъ его мнѣнія были противны *Виртембергскому правосудію*, то рѣшили, что онъ не достоинъ повышения въ духовномъ званіи.

Къ счастью Кеплера, Мѣстлинъ, вызванный (1584) изъ Гейдельберга въ Тюбингенъ на кафедру математики, сообщилъ его уму другое направленіе. Кеплеръ оставилъ теологію, но не совсѣмъ освободился отъ мистицизма, укорененнаго въ немъ первоначальнымъ воспитаніемъ. Въ это время Кеплеръ въ первый разъ увидалъ безсмертную книгу Коперника.

•Когда я — говоритъ Кеплеръ — оцѣнилъ прелесть философіи, тогда я съ жаромъ занялся всѣми ея частями; но не обращалъ особеннаго вниманія на астрономію, хотя хорошо понималъ все, что преподавалось изъ нея въ школѣ. Я былъ воспитанъ на счетъ герцога Виртембергскаго, и видя, что мои товарища вступаютъ въ его службу не совсѣмъ по ихъ склонностямъ, я также рѣшился принять первую предложенную мнѣ «должность».

Ему предложили должность профессора математики.

Въ 1593 г., двадцати-двухъ-лѣтній Кеплеръ былъ определенъ профессоромъ математики и нравственной философіи въ Грецѣ. Онъ началъ тѣмъ, что издалъ календарь по Григорианскому преобразованію.

Въ 1600 г., въ Штирїи начались религіозныя гоненія; всѣ профессора протестанты были выгнаны изъ Грецца, въ томъ числѣ и Кеплеръ, хотя онъ слѣзлся уже какъ бы постояннымъ гражданиномъ этого города, женившись (1597) на благородной и прекрасной женщинѣ, Варварѣ Мюллеръ. Кеплеръ былъ треть-

нить ее мужемъ, и выходя за него, она требовала свидѣтельства его благородства: Кеплеръ ѣздилъ хлопотать о томъ въ Виртембергъ. Бракъ былъ несчастливъ.

Въ то же самое время, Тихо-Браге вызвалъ Кеплера въ Прагу, въ качествѣ своего помощника; мѣсто повидимому было выгодное; но вскорѣ по прїѣздѣ своемъ, Кеплеръ писалъ: «Все «адѣсь не вѣрно; Тихо такой человекъ, съ которымъ нельзя жить, «не потерпѣвъ жестокихъ оскорбленій. Содержаніе общаго бле-«стящее, но касса пуста и жалованья не даютъ». Варвара Кеп-«леръ выпрашивала у Тихо жалованье своего мужа по флоринамъ. Эта унижительная зависимость была не продолжительна: Тихо умеръ 24 Октября 1601 г.

Послѣ смерти Тихо, Кеплера сдѣлали придворнымъ астро-«номомъ съ жалованьемъ въ 1,500 флориновъ, которое однакожъ не «выдавали. Кеплеръ писалъ: «Я теряю время при дверяхъ казна-«чества; напрасно стою передъ ними, какъ нищій».

Одно обстоятельство утѣшало Кеплера въ его стѣсненномъ «состояніи: онъ свободно распоряжался оставшимися наблюденіа-«ми Тихо, и искалъ въ нихъ тайны движенія планетъ.

Въ 1611 г., Кеплеръ потерялъ трохъ дѣтей, и жена его сперва впала въ падучую болѣзнь, а потомъ помѣшалась. Къ «этимъ огорченіямъ надобно присоединить, что императоръ и «другіе принцы надоѣдали ему требованіями гороскоповъ.

По смерти императора Родольфа, преемникъ его, Матѣй, «вызвалъ Кеплера (1613) на сеймъ въ Регенсбургъ, чтобъ устроить «дѣло объ исправленіи календаря, который протестанты отвергли «изъ неавности къ папизму.

Хотя Кеплеръ принадлежалъ къ свѣтѣ императора, однако «для пропитанія своего принужденъ былъ называть календарники «съ предсказаніями, потому что жалованья ему не выдавали, и эта «мелочка дошла до 12 тысячъ флориновъ.

Защитивъ на сеймѣ дѣло преобразованія календаря, Кеп-«леръ нашелся принужденнымъ занять мѣсто учителя математики «въ Лиццкой гимназій, и тутъ въ другой разъ женился на пре-«красной Сусаннѣ Реттингеръ, которая родила ему восьмерыхъ «дѣтей. Но спокойствіе его было кратковременно.

Римскокатолическое духовенство Лицца и протестанское

Виртемберга въ одно время и безпрестанно обвиняли его въ ереси; Кеплеръ едва успѣвалъ опровергать обвиненія.

Въ 1615 г., Кеплеръ получилъ письмо отъ своей сестры, которая умоляла его оказать дѣятельную помощь ихъ матери, обвиненной въ колдовствѣ. Процессъ продолжался болѣе пяти лѣтъ. Кеплеръ обратился съ письменными просьбами къ герцогу Виртембергскому о защитѣ противъ неслыханно-несправедливаго гоненія; но какъ просьбы свои онъ писалъ бесполезно, то рѣшился хлопотать лично, и въ 1620 г. поѣхалъ верхомъ изъ Линца въ Штуттгардъ. Здѣсь узналъ онъ, что семидесяти-пяти-лѣтняя его мать обвинена въ томъ, что она, выучившись колдовству у сожженной своей тетки, околдовала многихъ, часто бесѣдуетъ съ дьяволомъ, никогда не плачетъ, истребляетъ сосѣдскихъ свиней, на которыхъ разбѣгаетъ по ночамъ, и наконецъ никогда не глядитъ въ глаза тѣмъ, съ которыми разговариваетъ. Последнее обстоятельство считалось несомнѣннымъ доказательствомъ, что старуха была истинная колдунья.

Ее обвиняли еще въ томъ, что она просила могильщика достать черепъ ея мужа, который она хотѣла обложить серебряннымъ обручемъ и подарить его сыну своему, астроному Кеплеру.

Бѣдный астрономъ Кеплеръ хлопоталъ, хлопоталъ и выхлопоталъ только то, что переимѣнилъ опредѣленіе суда. Рѣшили, чтобъ палачъ запугалъ старуху, разложилъ предъ нею орудія пытки и объяснилъ ихъ дѣйствіе и постепенно возрастающія мученія. Палачъ исполнилъ свое дѣло исправно; но старуху не поколебали никакія угрозы; она рѣшительно объявила: «Въ пыткахъ, можетъ быть, я назову себя колдуньей, но я сважу совершенную ложь». Эта твердость произвела свое дѣйствіе: мать Кеплера освободили, и она умерла въ 1622 г.

Кеплеръ возвратился въ Линцъ; но его встрѣтили оскорбленія, какъ сына колдуньи; онъ принужденъ былъ оставить Австрію. Послѣ того, говорятъ, по содѣйствію іезуитовъ, его заключили въ трактатъ, по которому герцогство Мекленбургъ отдавалось Валленштейну. Но предсказанія Кеплера же поправились суетврному герцогу. Валленштейнъ переимѣнилъ его на Итальянскаго астролога Зевю, не заплативъ недонимомъ за казною, какъ

ссылаемо по трактату. За нимъ онъ ѣздилъ, и все верхомъ, въ Сигана въ Регенсбургъ; справедливости не нашель, а здоровье потерялъ и умеръ пятидесяти-девяти лѣтъ, 15 Ноября 1630 г. Въ наследство своему семейству онъ оставилъ 22 акю, платье, двѣ рубашки и 57 экземпляровъ своихъ *Эфемеридъ* и 16 экземпля *Рудольфовскихъ таблицъ*.

Онъ самъ сочинилъ себѣ эпитафію, которую можно читать въ Регенсбургской церкви св. Петра; вотъ ея переводъ: «Я измѣрялъ небо, а теперь мѣрю подземный мракъ. Душа на небѣ; —здѣсь одно только тѣло».

Дальбергъ, коадьюторъ Майнцскій, епископъ Регенсбургскій, въ ботаническомъ саду Регенсбурга, построилъ храмъ до-рическаго ордена въ десять метровъ высоты, и поставилъ въ него бюстъ Кеплера съ барельефами, работы одного знаменитаго Штуттгардскаго скульптора. Эта поздняя почеть напоминаетъ стихъ Вольтера:

«Мертвый не слышетъ уже себѣ похвалъ; тѣнь Попе по-
•контся съ королями, весь народъ удостоилъ его апотеоза, и
•его безсмертно, а живой терпѣлъ гоненія».

Мы рассказали о всѣхъ несправедливыхъ поступкахъ съ Кеплеромъ; прибавимъ, что тотъ, которымъ онъ служилъ и ко-
•торыхъ забавлялъ гороскопами, остались ему должны 29 тысячъ
•флориновъ.

Кеплера должно причислить къ мученикамъ науки. Но
•заглянемъ на темную сторону жизни великаго астронома.

Говорятъ, что Кеплеръ самъ вѣрилъ гороскопамъ; но ка-
•жется, оставая ихъ, онъ повиновался только приказаніямъ
•своихъ повелителей, потому что въ его сочиненіяхъ не нахо-
•димъ доказательствъ этого обвиненія. Объ этомъ предметѣ ни-
•гдѣ не говоритъ онъ съ обыкновенною своею ясностью. Въ
•одномъ мѣстѣ онъ написалъ: «Люди ошибаются, думая, что
•отъ небесныхъ свѣтилъ зависятъ земныя дѣла. Свѣтила дають
•намъ одинъ только свѣтъ, и, по формѣ ихъ соединенія при ро-
•жденіи ребенка, ребенокъ получаетъ жизнь въ той или другой
•формѣ. Если лучи гармонируютъ между собою, то новорожден-
•ный получаетъ прекрасную форму души, а душа устрояетъ

себѣ прекрасное жилище. Впрочемъ, сильные всегда рождаются отъ сильныхъ, и добрые — отъ добрыхъ».

Вотъ еще болѣе понятное мѣсто: «Философы, хвалящіеся своею мудростью, не должны жестоко осуждать дочь астрономин, питающую свою мать. Дѣйствительно, не многіе бы стали заниматься астрономіею, еслибы люди не надѣялись выучиться читать на небѣ будущее».

Въ продолженіе процесса своей матери, Кеплеръ писалъ множество писемъ, въ которыхъ онъ говоритъ о колдовствѣ, какъ о дѣлѣ возможно. Тяжело встрѣтить такое мнѣніе у великаго Кеплера; но кто осмѣлится отрицать, что онъ принужденъ былъ писать такъ, чтобы не оскорбить судей, отъ которыхъ зависѣла участь несчастной женщины? Небольшая дипломатическая хитрость простительна сыну, заступившемуся за свою мать.

Чтобы сдѣлать доступною для всѣхъ систему Коперника, Кеплеръ имѣлъ намѣреніе устроить сферу, на счетъ великаго герцога Виртембергскаго, въ которой каждая планета была бы представлена шаромъ, наполненнымъ веществомъ, изображающимъ ея сущность. Солнце долженъ представлять шаръ съ виннымъ спиртомъ, Меркурій — съ обыкновенной водкой, Венера — съ жидкимъ медомъ, Марсъ, причина заботъ астрономовъ, — съ польнью, Юпитеръ — съ винограднымъ виномъ, Сатурнъ — съ пивомъ.

Это сущее ребячество; но планъ Кеплера не должно считать серьезнымъ; онъ доказываетъ только, что пылокое его воображеніе часто не повиновалось здравому смыслу.

Кеплеръ имѣлъ характеръ твердый и внушавшій уваженіе. Онъ любилъ справедливость и истину, и неуклонно повиновался имъ. «Я — писалъ Кеплеръ — люблю Коперника не за одна его высшія дарованія, но и за умъ твердый и свободный».

По окончаніи процесса его матери, Кеплеръ — какъ выше сказано — былъ принужденъ оставить Линцъ и Австрію. Юлій Медичисъ рекомендовалъ его Венеціанской республикѣ, которая пригласила его профессоромъ въ Падую; но онъ отъѣхалъ: «Я родился въ Германію, и привыкъ вездѣ и всегда говорить прав-

ду, и потому я не хочу взойти на костеръ, какъ Джордано Бруно».

Въ слѣдствіе грознаго осужденія книги Коперника и брошюры Фоскарини, доказывавшаго, что св. писаніе не должно понимать буквально, Кеплерово «Сокращеніе астрономіи Коперника» также было запрещено въ Италіи и въ Тосканѣ. Въ то же время Галилей страдалъ въ инквизиціонной темницѣ. Запрещеніе «Сокращенія» сильно огорчило Кеплера. Онъ писалъ къ Ремусу: «Зачѣмъ я поѣду въ Италію? не ужели для того, чтобъ и меня посадили въ тюрьму?»

Озабоченный нуждами своего семейства, Кеплеръ боялся, чтобъ экземпляры его «сокращенія», оставшіеся у Австрійскихъ книгопродавцевъ, не были также запрещены. По этому случаю онъ писалъ: «Неужели осужденіе моей книги есть косвенное приглашеніе Австрійскаго правительства запретить мнѣ преподаваніе астрономіи по началамъ, съ которыми я состарѣлся, и въ которыхъ до-сихъ-поръ не встрѣтилъ ни одного противорѣчія? — Я скорѣе оставлю Австрію, нежели соглашусь на ограниченіе моихъ убѣжденій».

Несчастія Кеплера, по большей части, зависѣли отъ тяжелыхъ обстоятельствъ всей его жизни; но въ нихъ участвовало и пылкое его воображеніе. Оно даже обманывало его самолюбіе: въ одномъ своемъ письмѣ онъ говоритъ, что вдругъ одиннадцать дѣвицъ влюбились въ него и каждая хотѣла имѣть его своимъ мужемъ. Когда онъ открылъ свой третій законъ, то же воображеніе внушило ему слѣдующія слова: «жребій брошенъ; я написалъ мою книгу; мнѣ нѣтъ надобности въ томъ, когда ее прочитаютъ, теперь или въ потомствѣ; я подожду; природа ожидала же тысячу лѣтъ совершателя своихъ твореній».

Наконецъ, для доказательства твердости Кеплера, замѣтимъ, что величайшіе свои труды, огромнѣйшія вычисленія произвелъ онъ въ то время, когда его собственныя несчастія и бѣдствія его отечества достигли самой высшей степени.

Оканчиваемъ нашу біографію краткииъ разборомъ сочиненій Кеплера, съ показаніемъ времени ихъ изданія.

Jo. Kepleri prodromus dissertationum cosmographicam, in пр. Тюбингенъ, 1596 г.

Это первое сочиненіе Кеплера, въ которомъ онъ отдаетъ отчетъ о своихъ трудахъ подвести подъ правильные законы все, что Коперникъ открылъ касательно разстояній и движеній планетъ. Кеплеръ былъ увѣренъ въ существованіи этихъ законовъ, основываясь на мысли Платона, что міръ устроенъ по правиламъ геометріи.

Труды Кеплера надъ этимъ предметомъ долго оставались безплодными; но—говоритъ онъ—трудясь, я твердо заучилъ разстоянія и времена обращеній планетъ, такъ что я могъ навзгустъ соединять ихъ различнымъ образомъ.

Сперва Кеплеръ искалъ закона между одними разстояніями, и не получилъ никакого удовлетворительнаго вывода. Потомъ онъ хотѣлъ найти простое и общее правило для перехода отъ времени обращенія одной планеты ко времени обращенія другой. «Для этого—говоритъ онъ—я позволилъ себѣ странное и смѣлое предположеніе: я допустилъ, что, кромѣ планетъ видимыхъ, существуютъ еще двѣ планеты невидимыя, по чрезвычайной ихъ милости, и находящіяся между Меркуріемъ и Венераю, и между Марсомъ и Юпитеромъ. Но это не привело меня къ желаемой цѣли. Наконецъ я постигъ, что число планетъ и ихъ разстоянія имѣютъ прямое отношеніе къ правильнымъ тѣламъ древнихъ геометровъ. Такихъ тѣлъ пять».

Вспомнимъ, что они суть: 1) тетраэдръ или треугольная пирамида, ограниченная четырьмя равносторонними треугольниками; 2) гексаэдръ или кубъ—шестью квадратами; 3) октаэдръ,—осьмью равносторонними треугольниками; 4) додекаэдръ,—дѣвятью правильными пятиугольниками, и 5) икосаэдръ,—двадцатью равносторонними треугольниками.

Теперь можно понять шивное открытіе Кеплера.

Вообразимъ сферу, которой радіусъ равенъ радіусу орбиты Меркурія, и опишемъ около нея октаэдръ; другая сфера, описанная около этого октаэдра, будетъ имѣть радіусъ, равный радіусу орбиты Венеры.

Около второй сферы опишемъ икосаэдръ, и около него

третью сферу: ея радіусъ будетъ равенъ радіусу орбиты земли.

Около третьей сферы опишемъ додекаедръ, и около него четвертую сферу: ея радіусъ будетъ равняться радіусу орбиты Марса.

Около четвертой сферы опишемъ тетраедръ, и около него пятую сферу: ея радіусъ будетъ равняться радіусу орбиты Юпитера.

Наконецъ около пятой сферы опишемъ кубъ и около него сферу шестую: ея радіусъ будетъ равняться радіусу орбиты Сатурна.

Кеплеръ не могъ выразить своего удовольствія отъ этого открытія, въ которомъ онъ видѣлъ не одно правильное расположеніе планетъ, но и причину ихъ числа.

Разстоянія планетъ, повадобившіяся Кеплеру въ его вычисленіяхъ, не были строго тѣ самыя, которыя Коперникъ предложилъ въ своей книгѣ; но Кеплеръ думалъ, что разности происходятъ отъ неточности древнихъ наблюденій. Prodigiumъ былъ отправленъ къ Тихо-Браге, котораго отвѣтъ привелъ бы автора въ восторгъ, еслибы не случилось вскорѣ солнечное затмѣніе, предвѣщавшее много несчастій (?). И такъ, Кеплеръ находился еще подъ вліяніемъ предрасудковъ своего вѣка.

Въ той же книгѣ находится глава, въ которой Кеплеръ со всею ясностью и убѣдительною открываетъ простоту Коперниковой системы и непроницаемую сложность системъ Птолемея и Тихо. И такъ, въ это время (1596) Кеплеръ былъ уже рѣшительнымъ послѣдователемъ Коперника.

Кеплеръ не удовольствовался соотношеніемъ правильныхъ тѣлъ съ разстояніями планетъ отъ солнца: онъ желалъ связать ихъ математическимъ закономъ съ временами ихъ обращеній. Для этого онъ предложилъ вопросъ: нѣтъ ли въ солнцѣ *движущей души*, которая сильнѣе дѣйствуетъ на ближайшія планеты, нежели на отдаленныя? Движеніе планетъ не протекаетъ ли изъ солнца такъ же, какъ свѣтъ?

Вотъ зародышъ послѣдующихъ открытій, сдѣланныхъ Кеплеромъ чрезъ нѣсколько лѣтъ.

Отличительный характер генія Кеплера состоялъ въ непобѣдимомъ постоянствѣ, съ которыми стремился онъ къ предположенной цѣли. Онъ самъ говоритъ: «не переставая ощущивать всѣ мѣста окружающаго мрака, я вышелъ наконецъ на блестящій свѣтъ истины».

Нѣтъ надобности объяснять, что соображенія Кеплера о разстояніяхъ планетъ, которыми онъ завалился, ничего не значатъ для новой астрономіи: за Сатурномъ открыты еще двѣ планеты — Уранъ и Нептунъ, и множество маленькихъ планетъ собрано между Марсомъ и Юпитеромъ; разстоянія шести старыхъ планетъ опредѣлены съ точностью и величины ихъ не согласны съ вычисленіями Кеплера.

Разсмотрѣніе сочиненія *Prodromus* оканчивается слѣдующими замѣчательными словами Кеплера къ противникамъ ученія Коперника: «топоръ, которымъ рубили желѣзо, перестаетъ рубить дерево».

De Vitellionem paralipomena, quibus astronomiae pars optica traditur, и пр. Франкфуртъ, 1604 г.

Между множествомъ идей эксцентрическихъ, отпечаткомъ предрасудковъ вѣка, находимъ въ этой книгѣ множество признаковъ генія. Въ слѣдующемъ краткомъ извлеченіи самъ читатель можетъ отличить истинное отъ ложнаго.

Свѣтъ, по Кеплеру, состоитъ въ непрерывномъ истеченіи вещества изъ свѣтящихся тѣлъ; скорость его безконечна. Тѣла плотныя и прозрачныя онъ проходитъ труднѣе, нежели пустоту. Непрозрачность тѣлъ зависитъ отъ неправильнаго расположенія промежутковъ между частицами вещества.

Тепло есть свойство свѣта, а не особенное вещество.

Въ той же книгѣ объяснено явленіе, о которомъ упоминали древніе астрономы, именно: въ темной комнатѣ, изображеніе солнца всегда представляется круглымъ, даже когда лучи его проходятъ чрезъ треугольное отверстіе; а во время солнечнаго затмѣнія — серпообразнымъ. Я думаю, что Мавроликъ, прежде Кеплера, предложилъ то же самое объясненіе.

Кеплеръ, рассматривая Вителліоновы таблицы преломленія свѣта, переходящаго изъ воздуха въ воду, сдѣлалъ на нихъ

множество замѣчаній. Онъ видѣлъ, что отношеніе угловъ паденія и преломленія не опредѣляетъ направленія падающаго луча; но ему не удалось открыть истиннаго закона преломленія, открытаго Декартомъ, а по другимъ ученымъ — Снелліемъ.

Примѣняя свои замѣчанія къ преломленію свѣта, переходящаго изъ пустоты въ нашу атмосферу, Кеплеръ остроумно, хотя нѣсколько сложно, доказалъ, что преломленіе прекращается только при зенитѣ, а не при высотѣ 45° , какъ воображалъ Тихо-Браге. Причемъ замѣчательно, что эмпирическія числа Кеплеровой таблицы преломленія отъ истинныхъ чиселъ не отличаются болѣе $9''$ на всемъ пространствѣ отъ зенита до 70° .

Кеплеръ, также въ противность мнѣніямъ Тихо и Ротмана, доказалъ, что преломленіе свѣта всѣхъ свѣтилъ зависитъ только отъ ихъ высотъ надъ горизонтомъ, и нисколько отъ ихъ разстояній отъ земли, и даже не зависитъ отъ яркости свѣта. Наконецъ, Кеплеръ подозрѣвалъ, что преломленіе должно перемѣняться съ состояніемъ воздуха.

Это еще не все: Кеплеръ изъ найденныхъ имъ величинъ преломленія вывелъ величину сравнительной плотности воды и воздуха; но его способы наблюденій не позволили ему найти точнаго отношенія; онъ нашелъ 1 къ 1178 вмѣсто 1 къ 773. При этомъ Кеплеръ замѣтилъ: «Я увѣренъ, что считая воздухъ *тяжелымъ*, я возставлю противъ себя всѣхъ физиковъ, которые признаютъ его *легкимъ*; но созерцаніе природы научило меня, что наша атмосфера составлена изъ вещества *тяжелелаго*».

Эти слова были сказаны задолго до наслѣдованій Торричелли того же предмета. Торричелли родился 1608 г.

Къ наблюденіямъ Вителліуса Кеплеръ прибавилъ, что видимый вертикальный діаметръ солнца уменьшается преломленіемъ, и отсюда онъ вывелъ еще труднѣйшее для его времени слѣдствіе: дискъ солнечный долженъ казаться эллиптическимъ.

Тутъ же находимъ подробное и ученое разсмотрѣніе наблюденій, произведенныхъ надъ атмосфернымъ преломленіемъ въ 1596 г. Голландцами близъ Новой Земли.

Разность между величинами части луны, освѣщаемой солнцемъ, и той части, которая бываетъ покрыта такъ-называе-

мысль пепельнымъ свѣтомъ, древніе объясняли *иррадіаціою*: Кеплеръ приписывалъ ея причину расширенію свѣта на глазной свѣтъ. Въ доказательство этого мнѣнія, онъ указываетъ на уменьшеніе діаметра линейки, поставленной противъ луны.

Во второй части своей книги, Кеплеръ рассуждаетъ о задачахъ, которыя въ его время не могли быть разрѣшены. На примѣръ, онъ думаетъ, что солнце есть плотнѣйшее тѣло въ природѣ. Этотъ вопросъ разрѣшилъ Ньютонъ и въ противность мнѣнію Кеплера, который однакожь справедливо считалъ, что масса солнца болѣе массъ всѣхъ планетъ въ совокупности.

Замѣчательно, что Кеплеръ считалъ солнце прозрачнымъ, и что мы видимъ его внутренность, а не поверхность. Въ этомъ замѣчаніи есть правда, и поймутъ его тѣ изъ читателей, которые знаютъ, до какихъ заключеній достигли новые физики о составѣ солнца.

Кеплеру казалось, что край луны свѣтлѣе ея центра. Тѣмъ же предметомъ занимался Галилей. Кеплеръ думалъ, что луна одинакова съ землею и можетъ быть обитаема. Эти заключенія были сдѣланы за шесть лѣтъ до наблюденій Галилея посредствомъ зрительной трубы.

Кеплеръ говоритъ, что объясненіе пепельнаго свѣта луны, предложенное Мѣстлинномъ, содержится въ тезисахъ, которые записывалъ онъ въ 1596 г.

Наблюденія и заключенія Кеплера о сверканіи звѣздъ и планетъ изложены мною въ особенномъ рассужденіи объ этомъ предметѣ: нѣтъ надобности здѣсь повторять ихъ (*).

Мнѣнія Кеплера о натурѣ кометъ и о явленіяхъ оптическихъ, отъ которыхъ зависитъ видъ прямыхъ и загнутыхъ ихъ хвостовъ, находятся въ его книгѣ: *Astronomiae pars optica*.

Красноватый цвѣтъ луны во время ея затмѣній объясняетъ Кеплеръ преломленіемъ лучей свѣта въ нашей атмосферѣ, уменьшающимъ длину конуса тѣни, отбрасываемой землею въ противоположную сторону солнца. Къ этому объясненію и мыслъ ничего не прибавлено существеннаго.

(*) Это рассужденіе Араго переведено на Русскій языкъ и было вставлено въ «Современникъ».

Доказавъ существованіе *светлаго пятна* около солнца во время его полного затмѣнія, Кеплеръ говоритъ, что оное можетъ происходить или отъ атмосферы солнца, или отъ атмосферы луны. Не смотря на изобрѣтеніе зрительныхъ трубъ, ни шагу не сдѣлано впередъ противъ этого замѣчанія.

Въ разсматриваемой здѣсь книгѣ, Кеплеръ указалъ на способы опредѣлять географическія долготы посредствомъ солнечныхъ затмѣній. Эти способы требуютъ болѣе вычисленій, нежели затмѣнія лунныя, но за то выводы гораздо точнѣе.

Памѣненія луннаго *параллакса* затрудняютъ вычисленія солнечныхъ затмѣній: Кеплеръ первый вздумалъ перенести наблюдателя на солнцѣ и вычислять вхожденіе разныхъ странъ земной поверхности въ конусъ тѣни, отбрасываемой луною, т. е. затмѣнія солнца онъ превратилъ въ затмѣнія земли, и помощью этой остроумной перемѣны геометры составили формулы, которыя такъ же просты, какъ формулы для вычисленія затмѣній луны.

Мавроликъ думалъ, что глазная сѣтка не главный органъ зрѣнія, потому что изображенія предметовъ начертываются на ней обращенно. Кеплеръ не остановился предъ этой трудностью и доказалъ, что, не смотря на обращенное положеніе изображеній, предметы должны казаться въ прямыхъ положеніяхъ. И такъ Кеплеру мы обязаны истинной теоріею зрѣнія.

Потомъ Кеплеръ объясняетъ смутность зрѣнія близорукихъ, замѣчая, что лучи свѣта, истекающіе изъ разныхъ точекъ предмета, соединяются передъ сѣткою и составляютъ на ней изображеніе расширенное, такъ что точка представляется пятномъ. Къ этому онъ прибавляетъ: «Отсюда выходитъ, что близорукіе видятъ двойнѣ или тройнѣ отдаленные и узкіе предметы; и часто вижу десять и болѣе лунъ вмѣсто одной».

Кажется, Кеплеръ первый занимался механизмомъ глаза, способнаго ясно видѣть предметы, находящіеся отъ него въ различныхъ разстояніяхъ: механизмъ, по его мнѣнію, состоитъ въ растяженіи и сжатіи глаза. Этому объясненію придерживаются и нынѣ, но оно подлежитъ анатомическимъ затрудненіямъ, о которыхъ не мѣсто здѣсь говорить; скажемъ только,

что Кеплеръ предложилъ задачу и разрѣшивъ ее по возможности, обнаружилъ истинную гениальность.

Различные наблюденія Делавала, сдѣланныя въ прошедшемъ столѣтїи, доказали, что свѣтъ, идущій отъ цвѣтныхъ тѣлъ, отражается не отъ однихъ частицъ ихъ поверхностей, какъ предполагалъ Ньютонъ, но проникаетъ и внутрь тѣла. Такое же заключеніе вывелъ Кеплеръ и изъ своихъ опытовъ за полѣта до Делавала.

Кеплеръ удовлетворительно объяснилъ, почему солнце и луна кажутся при горизонтѣ бѣльшими, нежели на нѣкоторой отъ него высотѣ.

De stella nova in pede serpentarii, и пр. Прага, 1606 г.

Въ этомъ сочиненіи Кеплеръ является жаркимъ послѣдователемъ Коперника. Говоря о возраженіяхъ противъ системы Торунскаго астронома, онъ восклицаетъ: «какимъ образомъ философы, желающіе вынуть сучокъ изъ глаза Коперника, не видятъ бревна въ глазу Птолемея?»

Послѣ историческихъ подробностей открытія новой звѣзды въ Змѣеносцѣ и теоретическихъ соображеній объ ея сверканіи, Кеплеръ разбираетъ наблюденія, произведенныя въ различныхъ мѣстахъ и доказываетъ, что звѣзда не имѣла ни собственнаго движенія, ни годичнаго *параллакса*.

Хотя въ книгѣ своей, Кеплеръ, повидимому, оказываетъ преврѣніе къ астрологїи; однако, послѣ длиннаго опроверженія критики Пикъ-де-ла-Мирандола, онъ допускаетъ вліяніе планетъ на землю, когда онѣ бываютъ расположены между собою опредѣленнымъ образомъ. Между прочимъ, нельзя читать безъ удивленія, что Меркурій можетъ производить бури.

Тихо утверждалъ, что звѣзда 1572 г. образовалась изъ вещества млечнаго пути: звѣзда 1604 г. находилась также близъ этого свѣтлаго пояса; но Кеплеръ не считалъ возможнымъ такое образованіе звѣздъ, потому что со времени Птолемея млечной путь нисколько не премѣнился. Но какимъ образомъ онъ утѣрился въ незначительности млечнаго пути? — «Впрочемъ, говоритъ Кеплеръ, появленіе новой звѣзды уничтожаетъ мнѣніе Аристотеля, будто бы небо не можетъ *портиться*».

Кеплеръ разсматриваетъ, не имѣло ли появленіе новой звѣзды какого-нибудь соотношенія съ соединеніемъ планетъ, бывшемъ по близости къ ея мѣсту? Но, будучи не въ состояніи найти физическую причину образованія звѣзды, онъ заключаетъ: «Богъ, безпрестанно пекущійся о мірѣ, можетъ повелѣть явиться новому свѣтлу во всякомъ мѣстѣ и по всякое время».

Въ Германіи была пословица: *новая звѣзда — новый король*. «Удивительно, говоритъ Кеплеръ, что ни одинъ честолюбецъ не воспользовался народнымъ предразсудкомъ».

Касательно разсужденія Кеплера о новой звѣздѣ къ Лебедѣ замѣтимъ, что авторъ употребилъ всю свою ученость для доказательства, что звѣзда дѣйствительно явилась вновь и не принадлежитъ къ числу звѣздъ переменныхъ.

Тутъ же Кеплеръ доказываетъ, что время Рождества Христова опредѣлено не точно, и что начало этой эры должно отодвинуть назадъ на четыре или на пять лѣтъ, такъ что 1606 г. надобно считать или 1610 или 1611 годомъ.

Astronomia nova аѳтолόγητος, sive physica coelestis, tradita commetariis de motibus stellae Martis ex observationibus Tycho — Brahe. — Прага, 1609 г.

Въ первыхъ своихъ изслѣдованіяхъ для усовершенствованія *Рудольфовскихъ таблицъ*, Кеплеръ не осмѣливался еще отвергнуть эксцентрики и эпициклы *Альмагеста*, принимаемые также Коперникомъ и Тихо, по причинамъ, заимствованнымъ отъ метафизики и отъ физики; онъ только утверждалъ, что соединенія планетъ должно относить къ истинному, а не къ среднему солнцу. Но чрезвычайно трудныя и многолѣтнія вычисленія не удовлетворяли его: разности между вычисленіями и наблюденіями простирались до 5 и 6 минутъ градуса; отъ этихъ-то разностей онъ хотѣлъ освободиться, и наконецъ открылъ истинную систему міра. Тогда Кеплеръ рѣшительно отступился отъ движенія планетъ по кругамъ около эксцентра, т. е. около точки воображаемой, невещественной. вмѣстѣ съ такими кругами уничтожились и эпициклы. Онъ предположилъ, что солнце есть центръ движенія планетъ, совершающихся по эллипсу, въ одномъ изъ фокусовъ котораго находится этотъ центръ. Чтобъ возвести такое пред-

положеніе на степень теоріи, Кеплеръ произвелъ вычисленія, удивительныя по своей трудности и по своей продолжительности. Онъ показалъ безпримѣрно-неутомимое постоянство къ трудѣ, и непреодолимое упорство въ достиженіи предположенной цѣли.

Такая работа была награждена тѣмъ, что вычисленія, относительно Марса, основанныя на его предположеніи, привели къ выводамъ, совершенно согласнымъ съ наблюденіями Тихо.

Теорія Кеплера состоитъ изъ двухъ предложеній: 1) планета обращается по эллипсу, въ одномъ изъ фокусовъ котораго находится центръ солнца, и 2) планета движется съ такой скоростью, что радіусы-векторы описываютъ площади вырѣзковъ, пропорціальныхъ временамъ движенія. Изъ многочисленныхъ наблюденій въ Уранибургѣ, Кеплеръ долженъ былъ выбрать наилучшія для рѣшенія вопросовъ, соединенныхъ съ главною задачею, и изобресть новые способы вычисленій. Посредствомъ такого благоразумнаго выбора, безъ всякаго предположенія, онъ доказалъ, что линіи, въ которыхъ плоскости орбитъ всѣхъ планетъ пересѣкаютъ эклиптику, проходятъ чрезъ центръ солнца, и что эти плоскости наклонены къ эллиптикѣ почти подъ постоянными углами.

Мы замѣтили уже, что Кеплеръ производилъ вычисленія чрезвычайно продолжительныя и чрезвычайно обременительныя, потому что къ его время не знали еще логарифмовъ. Объ этомъ предметѣ въ «Исторіи астрономіи» Бальи находимъ слѣдующую статистическую оцѣнку Кеплерова труда: «Успія Кеплера невѣроятны. Каждое его вычисленіе занимаетъ 10 страницъ въ листъ; каждое вычисленіе онъ повторялъ по 70 разъ; 70 повтореній даютъ 700 страницъ. Вычисляющіе знаютъ, сколько можно сдѣлать ошибокъ, и сколько разъ надобно было передѣлывать вычисленія, занимающія 700 страницъ: сколько же надобно было употребить времени? Кеплеръ былъ человекъ удивительный; онъ не испугался такого труда, и трудъ не утомилъ умственныхъ и физическихъ его силъ.»

Къ этому должно прибавить, что Кеплеръ понималъ огромность своего предпріятія при самомъ его началѣ. Онъ рассказываетъ, что Ретикъ, отличный ученикъ Коперника, желалъ прео-

бразовать астрономію; но никакъ не могъ объяснить движеній Марса. «Ретикъ — продолжаетъ Кеплеръ — призвалъ на помощь своего домашняго генія; но геній, вѣроятно, осердившись за нарушение своего покоя, схватилъ астронома за волосы, поднялъ его къ потолку и опустивъ на полъ, сказалъ: *вотъ движеніе Марса.*»

Эта шутка Кеплера доказываетъ всю трудность задачи, и потому можно судить объ его удовольствіи, когда онъ утѣрился, что планеты дѣйствительно обращаются по вышеупомянутымъ двумъ законамъ. Удовольствіе свое Кеплеръ выразилъ въ словахъ, обращенныхъ къ памяти несчастнаго Рамюса.

Рамюсъ, знаменитый профессоръ Французской коллегіи, жертва рѣзни въ Варооломеевскую ночь, объявилъ, что онъ уступитъ свою катедру тому, кто объяснитъ небесныя движенія безъ всякой гипотезы.

«Хорошо, восклицаетъ Кеплеръ, что ты умеръ; нынѣ ты былъ бы принужденъ отдать мнѣ и катедру и ея доходы.»

Въ разсматриваемомъ здѣсь твореніи содержатся идеи Кеплера о физической причинѣ небесныхъ движеній. Если примемъ въ расчетъ время, то найдемъ въ нихъ доказательство глубокомыслія и необыкновенной провидцательности безсмертнаго автора. Ограничиваемся немногими замѣчаніями, которыя заимствуемъ отъ одного изъ историковъ астрономіи.

Всякое существо матеріальное остается въ покоѣ въ своемъ мѣстѣ, находимся въ сферѣ дѣйствія другой тѣла. Естественное движеніе есть прямолинейное, а не круговое, какъ утверждали прежніе астрономы.

Вотъ два положенія, составляющія начало косности, принимаемое всѣми новѣйшими механиками.

Тяготѣніе есть свойство всѣхъ вещественныхъ тѣлъ одного рода. Они стремятся къ взаимному соединенію: но земля притягиваетъ камень сильнѣе, нежели камень землю.

Еслибы луна и земля, въ предположеніи, что онѣ одинаково плотны, не были удерживаемы въ своихъ орбитахъ живою или какою-нибудь другою силою: то земля приблизилась бы къ лунѣ на 54-ю часть раздѣляющаго ихъ разстоянія, а луна прошла бы остальныя 53 части, и онѣ соединились бы.

Если бы земля перестала притягивать свои воды, то все моря поднялись бы и соединились бы с луною. Если притягательная сила луны простирается до земли, то, обратно, такая же сила земли достигает до луны и распространяется дальѣ. И такъ все подобное землѣ не можетъ не подлежать ея притягательной силѣ.

Нѣтъ вещества абсолютно-легкаго; одно тѣло легче другаго, потому что одно тѣло рѣже другаго. «Я — говоритъ Кеплеръ — называю *редкими* то тѣло, которое, при данномъ объемѣ, имѣетъ мало вещества.»

Не должно воображать, что легкія тѣла поднимаются и не притягиваются: они притягиваются менѣе тѣлъ тяжелыхъ, и тяжелыя тѣла ихъ вытѣсняютъ.

Движущая сила планетъ находится въ солнцѣ и слабѣетъ съ увеличеніемъ разстоянія отъ этого свѣтила.

Когда Кеплеръ допустилъ, что солнце есть причина обращенія планетъ, тогда онъ долженъ былъ допустить, что оно обращается на своей оси по направленію поступательнаго движенія планетъ. Это слѣдствіе теоріи Кеплера доказано впоследствии солнечными пятнами; но къ теоріи своей Кеплеръ прибавилъ обстояательства, которыя не оправдались наблюденіями.

Dioptrica, и пр. — Франкфуртъ, 1611 г.; перепечатана въ Лондонѣ 1653 г.

Кажется, чтобы написать Диоптрику, надобно было знать законъ, по которому происходитъ преломленіе свѣта, когда онъ переходитъ изъ рѣдкаго вещества (*среды*) въ плотное, — законъ, открытый Декартомъ; но какъ при малыхъ углахъ паденія, углы преломленія почти пропорціональны первымъ: то Кеплеръ, въ основаніе своихъ изслѣдованій, принялъ эти приблизительныя отношенія, и изучилъ свойства плоско-сферическихъ стеколъ, а также сферическихъ, которыхъ поверхности имѣютъ равныя радіусы. Здѣсь-то находимъ формулы для вычисленія разстояній фокусомъ упомянутыхъ стеколъ. Эти формулы до-сихъ-поръ употребляются.

Въ той же книгѣ находимъ, что онъ первый далъ понятіе о зрительныхъ трубахъ изъ двухъ выпуклыхъ стеколъ. Га-

лшей всегда употреблялъ трубы, составленныя изъ одного стекла выпуклаго и другаго, глазаго, вогнутаго. И такъ съ Кеплера должно начинать исторію астрономическихъ трубъ, единственно способныхъ для спарядовъ съ дѣленіями, назначаемыми для измѣренія угловъ. Что же касается до правила, опредѣляющаго увеличиваніе зрительной трубы, и состоящаго въ раздѣленіи разстоянія фокуса предметнаго стекла на разстояніе фокуса стекла глазаго, то оно открыто не Кеплеромъ, но Гюйгенсомъ.

Кеплеръ, составляя свою Діоптрику, зналъ уже, что Галилей открылъ Юпитеровыхъ спутниковъ: изъ кратковременныхъ ихъ обращеній онъ заключилъ, что планета должна также обращаться на своей оси, притомъ — не въ, нежели въ 24 часа. Это заключеніе оправдалось не скоро послѣ Кеплера.

Novae stereometria solidiorum vinariorum. — Липецъ, 1615 г.

Эта книга есть чисто-геометрическая; въ ней авторъ разсматриваетъ особенно тѣла, происходящія отъ обращенія эллипса около различныхъ его осей. Въ ней также предложенъ способъ для измѣренія вместимости бочекъ.

Harmonica mundi libri quinque, и пр. — Липецъ, 1619 г.

Здѣсь Кеплеръ отдаетъ отчетъ объ открытіи третьяго своего закона, именно: *квадраты времени обращеній планетъ пропорціональны кубамъ ихъ разстояній отъ солнца.*

18 Марта 1618 г. вздумалъ онъ сравнить квадраты времени обращеній съ кубами разстояній; но, по ошибкѣ вычисленія, онъ нашелъ, что законъ не вѣренъ; 15 Мая онъ вновь передѣлалъ вычисленіе, и законъ оправдался. Но и тутъ Кеплеръ сомнѣвался въ немъ, потому что во второмъ вычисленіи также могла быть ошибка. «Однакожь — говоритъ Кеплеръ — послѣ всѣхъ повѣрокъ, я убѣдился, что законъ совершенно согласенъ съ наблюденіями Тихо. И такъ открытіе не подлежитъ сомнѣнію».

Къ удивленію, къ этому великому открытію Кеплеръ пріи́мѣшалъ множество странныхъ и совершенно ложныхъ идей. Открытый имъ законъ увлекъ его воображеніе къ Пифагоровымъ гармоніямъ.

«Въ музыкѣ гдѣзъ небесныхъ — говорятъ Кеплеръ — Сатурнъ и Юпитеръ соотвѣтствуютъ басу, Марсъ — тенору, земля и Венера — контръ-альту, а Меркурій — фальцету».

То же великое открытіе обезображено вѣрою Кеплера къ бреднямъ астрологическимъ. Напримѣръ, онъ утверждалъ, что соединеніе планетъ всегда возмущаетъ нашу атмосферу, и пр.

De cometis libelli tres, и пр. — Аугсбургъ, 1619 г.

Прочитавъ три главы этого сочиненія, нельзя не удивиться, что Кеплеръ, открывшій законы движенія планетъ около солнца, утверждалъ, что кометы движутся по прямымъ линіямъ. «Наблюденія надъ теченіемъ этихъ свѣтилъ — говоритъ онъ — не заслуживаютъ вниманія, потому что они не возвращаются». Такое заключеніе удивительно потому, что оно относится къ кометѣ 1607 г., которая явилась тогда въ третій разъ. А еще удивительнѣе то, что изъ невѣрнаго предположенія онъ вывелъ вѣрные слѣдствія объ огромномъ разстояніи кометы отъ земли.

«Вода, особенно соленая, производитъ рыбы; эфиръ производитъ кометы. Творецъ не хотѣлъ, чтобъ невзвѣрными моря были безъ жителей; Онъ хотѣлъ также населить и небесныя пространства. Число кометъ должно быть чрезвычайно большое; мы не видимъ много кометъ потому, что онѣ не приближаются къ землѣ и весьма скоро уничтожаются».

Подлѣ такихъ бредней заблуждавшася воображенія Кеплера находимъ идеи, вошедшія въ науку. Напримѣръ, солнечныя лучи, проникая въ кометы, безпрестанно отрываютъ отъ нихъ частицы ихъ вещества и образуютъ ихъ хвосты.

По свидѣтельству Эфора, Сенека, упомянувъ о кометѣ, раздѣлившейся на двѣ части, которыя приняли различныя пути, считалъ это наблюденіе совершенно ложнымъ. Кеплеръ сильно осуждаетъ Римскаго философа. Едва ли не справедлива строгость Кеплера, хотя почти всѣ астрономы на сторонѣ Сенеки: въ наше время, астрономы были свидѣтелями подобнаго событія въ небесномъ пространствѣ; они видѣли двѣ части одной кометы, принявшія различныя пути. Никогда не должно пренебрегать предвидѣніями или гаданіями гениальныхъ людей.

Книга о кометахъ издана въ 1619 г., т. е. послѣ великихъ открытій Кеплера; но ея послѣдняя глава особенно наполнена астрологическими бреднями о вліяніи кометъ на событія подлуннаго міра, отъ котораго онѣ находятся въ большихъ разстояніяхъ. Говорю: *въ разстояніяхъ*, потому-что комета можетъ произвести болѣзни, даже чуму, когда ея хвостъ покроетъ землю, ибо кто знаетъ сущность вещества кометъ?

Epitome astronomiae copernicanae, и пр.

Это сочиненіе состоитъ изъ двухъ томовъ, выходявшихъ въ Липцѣ въ различные годы: 1618, 1621 и 1622. Въ нихъ содержатся слѣдующія открытія, распространившія область науки:

Солнце есть неподвижная звѣзда; оно кажется намъ болѣе всѣхъ прочихъ звѣздъ, потому что всѣхъ ближе къ землѣ.

Извѣстнo, что солнце обращается на своей оси (показали то наблюденія надъ пятнами); слѣдственно должны также обращаться и планеты.

Кометы составлены изъ вещества, способнаго расширяться и сжиматься, — изъ вещества, которое солнечные лучи могутъ уносить на большія разстоянія.

Радиусъ сѣеры звѣздъ по-крайней-мѣрѣ въ двѣ тысячи разъ болѣе разстоянія Сатурна.

Солнечныя пятна суть или облака или густой дымъ, поднимающійся изъ нѣдръ солнца и сгорающій на его поверхности.

Солнце обращается, и потому его притягательная сила направляется въ различныя страны неба: когда солнце овладѣетъ какою-нибудь планетою, тогда заставитъ ее обращаться вмѣстѣ съ собою:

Центръ движенія планетъ находится въ центрѣ солнца.

Свѣтъ, которымъ луна окружается во время полныхъ солнечныхъ затмѣній, принадлежитъ атмосферѣ солнца. Кромѣ того, Кеплеръ думалъ, что эта атмосфера иногда бываетъ видима послѣ захода солнца. По этому замѣчанію можно подумать, что Кеплеръ первый открылъ водіакальный свѣтъ; но онъ ничего не говоритъ о формѣ свѣта; слѣдственно мы не имѣемъ права Д. Кассини и Шильдера лишать чести ихъ открытій.

Jo. Kepleri tabulae Rudolphinae, в пр. — Ульмъ, 1627 г.

Эти таблицы началъ Тихо, а кончилъ Кеплеръ, потрудившись надъ ними 26 лѣтъ. Названіе свое получили онѣ отъ имени императора Родольфа, который былъ покровителемъ обоихъ астрономовъ, но не давалъ имъ обѣщаннаго жалованья.

Въ той же книгѣ содержится исторія открытія логарифмовъ, которое однакожь нельзя отнять отъ Непера, перваго ихъ изобрѣтателя. Право изобрѣтенія принадлежитъ тому, кто первый его выпустилъ въ свѣтъ.

Объясненія, приложенныя въ «Рудольфовскихъ таблицахъ» содержатъ первыя указанія на способъ опредѣленія географическихъ долготъ, основывающійся на наблюденіяхъ разстояній луны отъ звѣздъ.

Прусскія таблицы, такъ-названныя по тому, что посвящены Алберту Брандебургскому, герцогу Пруссіи, были изданы Рейнгольдомъ въ 1551 г. Онѣ основывались на наблюденіяхъ Птолемея и Коперника. По сравненію съ «таблицами Рудольфовскими», составленными по наблюденіямъ Тихо и по новой теоріи, въ Рейнгольдовыхъ таблицахъ ошибки простираются до многихъ градусовъ.

Jo. Kepleri somnium, в пр. — Саганъ и Франкфуртъ, 1634 г.

Въ этомъ посмертномъ сочиненіи Кеплера, изданномъ его сыномъ въ 1634 г., содержится описаніе астрономическихъ явленій для наблюдателя, находящагося на лунѣ. Нѣкоторые сочинители астрономическихъ учебниковъ также занимались подобными описаніями, перенося наблюдателей на разныя планеты. Такія описанія полезны для начинающихъ, и справедливость требуетъ сказать, что Кеплеръ первый открылъ къ тому дорогу.

Вотъ названія другихъ сочиненій Кеплера, показывающихъ, какую трудолюбивую жизнь велъ великій астрономъ:

Nova dissertatiuncula de fundamentis astrologiae certioribus, в пр. — Прага, 1602 г.

Epistola ad rerum coelestium amatores universos, в пр. — Прага, 1605 г.

Sylva chronologica. — Франкфуртъ, 1606 г.

Подробная исторія новой кометы 1607, и пр. На Нѣмецкомъ; въ Галлѣ, 1608 г.

Phenomenon singulare, seu Mercurius in Sole, и пр. Лейпцигъ, 1609 г.

Dissertatio cum Nuncio sidereo nuper ad mortales misso a Galileo. — Прага, 1610 г.; въ томъ же году была перепечатана во Флоренциѣ, и въ 1611 г. во Франкфуртѣ.

Narratio de observatis a se quatuor Jovis satellitibus ergo-nibus quos Galilaeus medica sidera nuncupavit. Прага, 1610 г.

Jo. Kepleri strena, seu de nive sexangula. Франкфуртъ, 1611 г.

Kepleri eclogae chronicae ex epistolis doctissimorum aliquot virorum et suis mutuis. Франкфуртъ, 1615 г.

Ephemerides novae, и пр. — Кеплеровы эфемериды издавались до 1628 г. и всегда на годъ впередъ; но печатались по истеченіи года. Послѣ Кеплера, ихъ продолжалъ Барчій, зять Кеплера.

Извѣстіе о несчастіяхъ для правительствъ и церквей, особливо о кометѣ и землетрясеніяхъ въ 1618 и 1619 г. На Нѣмецкомъ, 1619 г.

Затмѣнія 1620 и 1621 г. На Нѣмецкомъ, въ Ульмѣ, 1621 г.

Kepleri apologia pro suo opere Harmonices mundi, и пр. Франкфуртъ, 1622 г.

Discursus conjunctionis Saturni et Jovis in Leone. Липецъ, 1623 г.

Jo. Kepleri chilias logarithmorum. Марбургъ, 1624 г.

Jo. Kepleri hyperaspistes Tychonis contra anti-Tychonem Scipionis Claramonti, и пр. Франкфуртъ, 1625 г.

Jo. Kepleri supplementum chiliadis logarithmorum. Аспургъ, 1625 г.

Admonitio ad astronomos rerumque coelestium studiosos de miris rarisque anni 1631 phenomenon, Veneris puta et Mercurii in Solem incursum. Лейпцигъ, 1629 г.

Responsio ad epistolam Jac. Bartschii praefixam ephemeridi anni 1629, и пр. Сазанъ, 1629 г.

Часть XIII. Отд. V.

7

Sportula genethliacis missa de Tab. Rudolphi usu in computationibus astrologicis, cum modo dirigendi novo et naturali.
Саганъ, 1529 г.

Ганшъ, въ 1718 г., издалъ одинъ томъ, содержащій въ себѣ часть рукописей, оставшихся послѣ Кеплера; обѣщанный имъ второй томъ не вышелъ, по недостатку средствъ. Еще осьмнадцать тетрадей неизданныхъ рукописей были куплены Императорскою С. Петербургскою академіею наукъ въ 1775 г.

(Продолженіе въредь).

НОВАЯ КНИГА,

ИЗДАННАЯ ЗА ГРАНИЦЕЮ.

Elements de calcul infinitesimal, par *Duhamel*, membre de l'Institut (Académie des sciences). 2 vol. in-8. Paris, 1856.

Всякое сочиненіе цѣнится и должно цѣниться по цѣли, съ которою оно написано, и по той мѣрѣ, въ которой автору удалось приблизиться къ этой цѣли. По этому обязанность каждаго, предпринимающаго трудъ разобрать какое-либо сочиненіе, состоитъ, по нашему мнѣнію, въ томъ, чтобы, по мѣрѣ силъ своихъ, рѣшить слѣдующіе три вопроса: съ какою цѣлію разбираемое сочиненіе написано? какова важность этой цѣли? и въ какой степени авторъ успѣлъ ее достигнуть?

Обращая вниманіе читателей на сочиненіе г. Дюгамеля: *Elements de calcul infinitesimal*, котораго первый томъ вышелъ за нѣсколько мѣсяцевъ, мы постараемся отвѣтить на эти три вопроса; но прежде считаемъ нужнымъ посвятить нѣсколько строкъ исторіи дифференціального исчисленія, составляющаго предметъ обнародованнаго тома.

Со времянъ Лейбница и Ньютона, положившихъ начала дифференціальному и интегральному исчисленію, много придумано было методъ изложенія этой новой и важной вѣтви математическихъ наукъ; такъ напр. Лейбницъ (*) полагалъ, что перемены

(*) Трактатъ Лейбница помещенъ въ 1684 г., въ Лейпцигскихъ актахъ, за Октябрь мѣсяць, вадъ заглавіемъ: *Nova methodus pro maximis et minimis, itemque tangentibus, quae nec fractas nec irrationales quantitates moratur, et singulare pro illis calculi genus*. Въ этомъ сочиненіи заключались первыя начала дифференціального исчисленія; а

ная величина, переходя от одного значенія къ другому, получаетъ безконечно малыя приращенія, которыя онъ и назвалъ дифференціалами. На этомъ положеніи онъ основалъ все зданіе своего способа, выводя изъ своего понятія о безконечно-малыхъ правило, что двѣ величины, разлвствующія между собою количествомъ безконечно-малымъ въ сравненіи съ каждою изъ нихъ, должны быть принимаемы, безъ различія, одна за другую,—правило, весьма упрощающее вычисленія, но допускающее нѣкоторое сомнѣніе по причинѣ неопредѣленности понятія о безконечно-малыхъ. Ньютонъ, нигдѣ не употреблявшій въ изложеніи своего способа флюкцій, безконечно-малыхъ величинъ, предполагалъ, что линіи образуются движеніемъ точки, поверхности—движеніемъ линіи, тѣла—движеніемъ поверхностей, и рассматривалъ скорости этихъ движеній въ ихъ зависимости отъ скоростей другихъ простѣйшихъ движеній, находящихся въ связи съ первыми. Всѣ эти скорости онъ называетъ флюкціями. Этотъ способъ, не отличающійся въ сущности отъ способа безконечно-малыхъ Лейбница и равнвствующій отъ него только знаковою положеніемъ и метафизическимъ воззрѣніемъ на основныя начала, не остался безъ возраженій; но мы здѣсь не будемъ вдаваться въ подробности рѣшнй между противниками и защитниками способа флюкцій и замѣтимъ только, что понятіе о перемѣнной скорости, основное въ способѣ Ньютона, далеко отъ очевидности.

Такимъ образомъ начала, на которыхъ основали одинъ и тотъ же способъ два великіе геометра, не удовлетворяли условіямъ, которыхъ требуетъ духъ математическихъ наукъ, именно не имѣли достаточной строгости и ясности. Съ другой стороны, важность новаго способа, обнаруживавшаяся при примѣненіи правилъ его къ рѣшенію многихъ, знаменитыхъ по своей трудности, вопросовъ, ставила въ обязанность математикамъ дать ему законное мѣсто въ ряду математическихъ наукъ, выводя его правила изъ началъ непереложныхъ и очевидныхъ. Вотъ почему мы видимъ, что первостепенные математики предлагаютъ, одинъ за

въ другомъ, изданномъ въ 1686, томъ Лейбницемъ, надъ заглавіемъ: *De geometria recondita et analysi indivisibilium atque infinitorum*, положено основаніе интегральному исчисленію.

другимъ, свои способы возрѣнія на метафизику дифференціального исчисленія. Такъ Эйлеръ, избѣгая затрудненій, которые представляютъ безконечно-малыя Лейбница, разсматривалъ дифференціалы, какъ настоящіе нули, различающіеся между собою только происхожденіемъ. На основаніи этой мысли, онъ, въ сочиненіи своемъ *«Institutiones calculi differentialis»*, опредѣлилъ дифференціальное исчисленіе способомъ, посредствомъ котораго опредѣляются отношенія исчезающихъ приращеній, получаемыхъ какими-нибудь функциями, когда самымъ переменнымъ, отъ которыхъ сіи функции зависятъ, приписываютъ исчезающія же приращенія. Но хотя Эйлеръ подобнымъ возрѣніемъ освободился отъ разсматриванія безконечно-малыхъ, онъ, тѣмъ не менѣе, не уничтожилъ затрудненія, на которое указываетъ Лагранжъ словами (*): *«Euler regarde les differentielles comme nulles, ce que réduit leur rapport à l'expression zéro divisé par zéro, laquelle ne presente aucune idée»*.

Маклоренъ и *Даламбертъ* основали дифференціальное исчисленіе на теоріи предѣловъ, или (что все равно) на способъ первыхъ и послѣднихъ содержаній, употребленномъ уже Ньютономъ во многихъ мѣстахъ его сочиненія *«Philosophiae naturalis principia mathematica»*. Они разсматривали отношеніе дифференціала функций къ дифференціалу переменнаго количества, какъ предѣлъ отношенія конечнаго приращенія функций къ соответственному конечному же приращенію переменнаго количества, когда члены этого содержанія стремятся къ нулю. Этотъ способъ изложенія, какъ самый строгій, употребляется и донинѣ всѣми авторами, писавшими о дифференціальномъ исчисленіи, по крайней-мѣрѣ, какъ вспомогательный.

Въ 1797 году вышло въ свѣтъ первое изданіе сочиненія Лагранжа: *«Théorie des fonctions analytiques»*, также имѣющее предметомъ дифференціальное и интегральное исчисленіе, а въ 1806, отдѣльною книгою, его *«Leçons sur le calcul des fonctions»*, напечатанныя уже прежде во второмъ изданіи *«Séances de l'Ecole*

(*) «Эйлеръ разсматриваетъ дифференціалы, какъ нули, что приводитъ ихъ отношеніе къ выраженію—нуль, раздѣленный на нуль, которое не представляетъ никакого опредѣленнаго понятія». См. *Leçons sur le calcul des fonctions. Première leçon.*

Normale. въ 1801 и служащія дополненіемъ къ первому сочиненію. Въ послѣднемъ произведеніи, Лагранжъ, разбирая различныя воззрѣнія на основныя начала дифференціальнаго исчисленія и указывая на ихъ недостатки, находитъ ихъ и въ способъ предѣловъ, о которомъ онъ (на стр. 2) говоритъ (*): «Je ne disconviens pas qu'on ne puisse, par la considération des limites, envisagées d'une manière particulière, démontrer rigoureusement les principes du calcul différentiel, comme Maclaurin, d'Alembert et plusieurs autres auteurs après eux l'on fait. Mais l'espèce de métaphysique que l'on est obligé d'y employer, est sinon contraire, du moins étrangère à l'esprit de l'analyse qui ne doit avoir d'autre métaphysique que celle qui consiste dans les premiers principes et dans les premières opérations fondamentales du calcul». Последнее предложеніе несправедливо: ибо оно ограничиваетъ кругъ основныхъ началъ математики, къ которымъ, по нашему мнѣнію, можетъ принадлежать всякая очевидная или строго доказанная истина, а не только тѣ, о которыхъ говоритъ Лагранжъ.

Тѣмъ не менѣе, въ только что поименованныхъ сочиненіяхъ, также какъ и въ мемуарѣ, помѣщенномъ еще въ 1772 году въ запискахъ Берлинской академіи, подъ заглавіемъ: «Sur une nouvelle espèce de calcul relatif à la différentiation, et à l'intégration», бессмертный творецъ аналитической механики стремится освободить теорію дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія отъ разсматриванія безконечно-малыхъ количествъ, исчезающихъ величинъ, флюкцій и предѣловъ, основывая ее на теоріи разложенія функций въ ряды. Хотя идеи Лагранжа сначала и были приняты ученымъ міромъ, однакожъ торжество ихъ не могло быть продолжительнымъ, и время показало, что въ нихъ заключается

(*) «Я не спору, что правила дифференціальнаго исчисленія могутъ быть доказаны строгимъ образомъ, на основаніи разсматриванія съ особой точки зрѣнія предѣловъ, какъ это дѣлали Маклоренъ, Даламбертъ и нѣкоторые другіе авторы, писавшіе послѣ нихъ. Но метафизика, къ которой надобно прибѣгать при этомъ воззрѣніи, если не противна, то по-крайней-мѣрѣ чужда духу анализа, не допускающаго другой метафизики, кромѣ той, которая заключается въ первыхъ началахъ и первыхъ основныхъ дѣйствіяхъ исчисленія».

однимъ изъ тѣхъ паралогизмовъ, въ которые могутъ впасть самыя великіе ученые, когда предметъ изысканій заставляетъ ихъ оставить аналитическія или синтетическія изслѣдованія и обратиться въ критикѣ идей, составляющихъ самыя матеріалы науки.

Дѣйствительно, разложеніе въ рядъ функций имѣетъ смыслъ только тогда, когда оно приводитъ къ сходящимся рядамъ, или — чтобы выразиться точнѣе — когда можно доказать, что дополнительный членъ или остатокъ ряда приближается непрерывно къ нулю по мѣрѣ увеличенія числа членовъ, принимаемыхъ въ соображеніе. Всякое заключеніе, выводимое изъ разсмотрѣнія разложенія несходящагося, лишено строгости и можетъ даже, какъ показываютъ приѣмры, привести къ ложнымъ результатамъ. Вотъ почему метода Лагранжа не строга; желая же сообщить ей надлежащую строгость, мы должны будемъ обратиться къ понятію предѣловъ, или къ другому ему равнозначущему, и тѣмъ лишитъ ее мнимаго ея преимущества.

Въ этотъ краткомъ историческомъ очеркѣ, мы старались показать, какого рода трудности встрѣчаются при изложеніи теоріи дифференціальнаго исчисленія, когда надо рѣшить вопросъ: на какомъ началѣ основать это изложеніе? Съ другой стороны, важность вѣрнаго рѣшенія этого вопроса, особенно для только-что приступающихъ къ изученію этой отрасли математическихъ наукъ, очевидна: вотъ почему мы спѣшимъ обратить вниманіе читателя на сочиненіе г. Дюгамеля, котораго главная цѣль состоитъ въ практическомъ рѣшеніи этого вопроса.

Въ этомъ сочиненіи авторъ уклоняется отъ обыкновеннаго способа изложенія, и вотъ что говоритъ онъ въ предисловіи (стр. XIII) по этому поводу (*): «La marche suivie dans la première

(*) «Путь, которому мы слѣдовали въ первой части этого сочиненія, очень различенъ отъ того, который былъ избираемъ различными авторами, писавшими о томъ же предметѣ. Онъ не относится ни къ одному изъ существующихъ способовъ изложенія, но сообразенъ съ тѣмъ, который, по нашему мнѣнію, долженъ бы быть принятъ.

«Порядокъ, въ которомъ должны быть излагаемы различныя части науки, по крайней мѣрѣ въ отношеніи того, что въ нихъ общаго и

partie de cet ouvrage est fort différente de celle qu'ont adoptée les divers auteurs qui ont écrit sur le même sujet. Elle ne se rapporte précisément à aucun enseignement existant, mais à l'enseignement tel que je crois qu'il doit être.

•L'ordre suivant lequel les diverses parties d'une science doivent être présentées, du moins quant à ce qu'elles ont de général et de caractéristique, est presque toujours l'ordre même suivant lequel elles ont été découvertes.

•Les conceptions importantes ne sont point dues au hasard; elles se présentent aux hommes éminents de chaque époque lorsqu'elles sont naturellement amenées par les besoins et l'état de la science; et il est convenable de leur donner dans l'enseignement de cette science la place qu'elles ont occupée dans son développement naturel.

Руководный этою мыслию, авторъ, принявъ въ основаніе своего изложенія понятія о предѣлахъ и безконечно малыхъ, развиваетъ эти понятія въ своемъ читателѣ постепенно, показывая ему проблески ихъ уже въ твореніяхъ древнихъ математиковъ.

Дѣйствительно, древніе, исходя въ своихъ изысканіяхъ изъ опредѣленія равенства геометрическихъ величинъ, основанномъ на положеніи ихъ другъ на друга, и изъ понятія о сложеніи и вычитаніи этихъ величинъ, легко дошли до сравненія и измѣренія плоскихъ многоугольниковъ, параллелограммовъ и какихъ ни есть призмъ. Но когда они обратились къ измѣренію плоскихъ фигуръ, ограниченныхъ кривыми линиями, и тѣмъ, ограниченными кривыми поверхностями, тогда употреблявшіеся ими до тѣхъ-поръ способы оказались недостаточными. Они должны были искать новые способы, и вотъ на какомъ основаніи они продолжали свои изслѣдованія.

замѣчательнаго, почти всегда совпадаетъ съ тѣмъ, въ которомъ онъ были открываемы.

«Важныя основныя понятія не зависятъ отъ случая. Они представляются великимъ людямъ тогда, когда состояніе и нужды науки естественнымъ образомъ ихъ требуютъ; и (вотъ почему) прилично въ изложеніи этой науки давать имъ то мѣсто, которое онѣ занимаютъ въ ея естественномъ развитіи.

Вмѣсто того, чтобы разсматривать самыя подлежащія изслѣдованію величины, они разсматривали другія, принадлежавшія къ разряду тѣхъ, которыя они уже умѣли измѣрять, но избирали ихъ такъ, чтобы онѣ отличались отъ первыхъ по величинѣ, способныя уменьшаться неопредѣленно по нашему произволу и принимать значенія сколь угодно малыя. Потому они опредѣляли отношенія, существующія между послѣдними, сколь угодно близкими къ собственно-изслѣдуемымъ величинами, и по полученному такимъ образомъ результату заключали объ искомомъ результатѣ; справедливость этого заключенія они доказывали помощію способа приведенія къ велѣности. Такъ напр. Евклидъ, доказавъ, что разность между площадью круга и площадью вписаннаго въ этотъ кругъ многоугольника, уменьшается по мѣрѣ увеличенія числа сторонъ многоугольника, непрестанно приближалась къ нулю, такъ что разность эта можетъ быть сдѣлана менѣе всякой данной площади, — переходить къ сравненію площадей двухъ какихъ-нибудь круговъ, сравнивая площади вписанныхъ въ нихъ правильныхъ многоугольниковъ съ одинаковымъ числомъ сторонъ. Такимъ образомъ онъ находить, что, не смотря на увеличеніе числа сторонъ, площади правильныхъ многоугольниковъ съ одинаковымъ числомъ сторонъ относятся между собою, какъ квадраты радиусовъ описанныхъ круговъ, откуда онъ выводитъ заключеніе, что и круги эти находятся въ томъ же отношеніи, — заключеніе, которое онъ доказываетъ по способу приведенія къ велѣности. На основаніи подобныхъ же разсужденій, онъ приводитъ сравненіе пирамидъ къ сравненію призмъ, опредѣленіе объема конуса къ опредѣленію объема цилиндра и т. д.

Такимъ образомъ уже древніе разсматривали кругъ, какъ предѣлъ многоугольника, и слѣд. идея о предѣлахъ не принадлежитъ новѣйшему времени, а напротивъ того примѣнялась уже древними; но способъ этого примѣненія весьма упрощенъ въ новѣйшее время, хотя основаніе осталось то же. Переходя къ изложенію этого способа, г. Дюгамель даетъ точное опредѣленіе того, что надо понимать подъ словомъ предѣлъ, именно онъ говоритъ (стр. 9): «Мы называемъ предѣломъ перемѣнной то постоянное количество, къ которому эта перемѣнная непрестанно приближается, никогда его не достигая».

Съ понятіемъ о предѣлѣ тѣсно связано понятіе о безконечно-малыхъ. Дѣйствительно, слѣдуя г. Дюгамелю, мы безконечно-малую должны называть всякую величину, которая имѣетъ предѣломъ нуль, и слѣдовательно разность между переменною величиною и ея предѣломъ принадлежитъ къ разряду безконечно-малыхъ. Но надо замѣтить, что безконечно-малыя могутъ представиться и во многихъ случаяхъ, когда онѣ не выражаютъ разности между переменною и ея предѣломъ.

Давъ точное и ясное опредѣленіе понятій о предѣлахъ и о безконечно-малыхъ, тѣсно связанныхъ между собою, развитіе которыхъ и составляетъ предметъ дифференціального и интегрального исчисленія, г. Дюгамель переходитъ къ изложенію и доказательству основнаго начала способа предѣловъ, которое онъ выражаетъ словами (стр. 9): «Если двѣ переменныя величины постоянно равны между собою и каждая изъ нихъ стремится къ нѣкоторому предѣлу, то предѣлы эти непремѣнно также равны между собою».

Мы наложимъ здѣсь весьма краткое и простое доказательство послѣдней истины, полагая, что читатель не безъ любопытства прочтетъ его: такъ-какъ, сколько намъ извѣстно, оно не дано ни въ одномъ изъ обыкновенно-употребляемыхъ руководствъ, не смотря на то, что оно способствуетъ къ уничтоженію всякаго сомнѣнія на счетъ строгости способа предѣловъ (стр. 10):

• Положимъ, что двѣ переменныя, всегда равныя между собою, стремятся къ различнымъ предѣламъ, изъ которыхъ первый означимъ буквою A , а второй буквою B . Пусть A есть большій изъ нихъ и пусть онъ превосходить B количествомъ, которое мы означимъ буквою Δ . Первая переменная, стремясь къ предѣлу A , достигнетъ наконецъ значенія, заключающагося въ предѣлахъ, изъ которыхъ одинъ больше A , другой меньше A и которыя мы можемъ сближать по произволу. Сблизимъ же эти предѣлы до того, чтобы разность между каждымъ изъ нихъ и величиною A была меньше $\frac{1}{2}\Delta$. Подобнымъ образомъ другая переменная достигнетъ наконецъ значенія, отличающагося отъ B менѣе чѣмъ на $\frac{1}{2}\Delta$. Теперь очевидно, что, при этихъ значеніяхъ, наши двѣ переменныя не могутъ быть равны между собою, какъ

требуютъ этого даннаго вопроса, и слѣдовательно данныя эти не сомнѣсны съ предположеніемъ разности, какъ бы мала ни была она, между предѣлами переменныхъ, и слѣдовательно надо допустить, что предѣлы эти равны.

Легко видѣть, что только-что изложенное доказательство весьма общей теоремы относительно предѣловъ въ сущности есть то же, которое употребляли древніе въ частныхъ случаяхъ, въ которыхъ оно дѣлалось болѣе или менѣе сложнымъ и затруднительнымъ. Но главное достоинство этого доказательства состоитъ въ томъ, что оно, по причинѣ своей общности, допускаетъ также и довольно общія слѣдствія, которыя состоятъ въ томъ, что предѣлъ суммы какихъ-либо переменныхъ равенъ алгебраической суммѣ предѣловъ этихъ же переменныхъ, предѣлъ разности — разности предѣловъ, предѣлъ частнаго — частному предѣловъ (если предѣлъ дѣлителя не есть нуль) и наконецъ предѣлъ какой-либо определенной степени переменной равенъ той же степени предѣла этой переменной. Получивъ самымъ строгимъ образомъ эти теоремы, можно обратиться къ изложенію способа предѣловъ, какъ это и дѣлаетъ г. Дюгамель (стр. 13).

Способъ этотъ состоитъ въ томъ, что рассматриваютъ величины, подлежащія изслѣдованію, какъ предѣлы другихъ, простѣйшихъ, и пользуются при выборѣ послѣднихъ неопределенностію предложеннаго условія, для упрощенія опредѣленія соотношеній между ними. Если мы получили эти соотношенія, то задача рѣшена. Въ самомъ дѣлѣ, онѣ могутъ быть выражены помощію уравненія, коего обѣ части, вообще, суть переменныя, постоянно-равныя между собою, а слѣдовательно и предѣлы ихъ равны между собою. Но каждая изъ этихъ частей состоитъ изъ членовъ, въ которыхъ, вообще, вспомогательныя наши переменныя умножаются между собою или дѣлятся другъ на друга или же входятъ въ какой-нибудь степенъ, и слѣдовательно мы будемъ имѣть предѣлъ каждаго члена, если въ него, вмѣсто переменной, вставимъ ея предѣлъ, а предѣлъ каждой части уравненія получится, если возьмемъ алгебраическую сумму предѣловъ различныхъ ея членовъ. И слѣдовательно, имѣя соотношенія между переменными, мы непосредственно получаемъ соотношенія между подлежащими изслѣдованію величинами, которыя суть предѣлы пер-

выхъ, замѣняя всѣ переменныя соотвѣтственными предѣлами. Вотъ въ чемъ состоитъ способъ предѣловъ, и для уясненія его г. Дюгамель рѣшаетъ имъ три весьма простыя задачи, занимаемыя у Евклида. Теперь понятна важность вопроса: какииъ образомъ можно разсматривать величины, какъ предѣлы переменныхъ или какъ нѣкоторыя функціи отъ этихъ предѣловъ? — къ рѣшенію котораго авторъ непосредственно переходитъ. Очевидно, вопросъ этотъ неопредѣленный; но когда дѣло идетъ только о томъ, чтобы привести разсматриваніе однихъ величинъ къ разсматриванію другихъ, простѣйшихъ: то, исключая частные случаи, въ которыхъ эти вспомогательныя величины представляются сами собою, вообще употребляютъ одинъ изъ слѣдующихъ трехъ приемовъ, изъ которыхъ два первые употреблялись уже древними. Эти-то два приема имѣютъ то общее между собою, что оба они состоятъ въ послѣдовательномъ вычитаніи изъ данной величины величинъ простѣйшихъ, при чемъ остатокъ представляетъ тѣ же затрудненія, какъ и самое подлежащее изслѣдованію количество,—но за то, непрестанно уменьшаясь, имѣетъ предѣломъ нуль. Такимъ образомъ предложенная величина все болѣе и болѣе истощается. Но истощеніе это можно провозводить на два шавера. По одному — изъ данной величины вычитаютъ извѣстную опредѣленную часть ея, которой выраженіе проще, и обращаются къ остатку, изъ котораго опять вычитаютъ извѣстную опредѣленную часть, вслѣдствіе чего получается новый остатокъ, съ которымъ поступаютъ такъ же, какъ и съ первымъ и т. д. неопредѣленно; если теперь эти вычитаемыя части таковы, что остатокъ можетъ наконецъ сдѣлаться менѣе всякой данной величины: то, очевидно, подлежащая изслѣдованію величина будетъ предѣлъ суммы постоянныхъ величинъ, которыхъ число увеличивается неопредѣленно, т. е. предѣломъ нѣкотораго ряда.

Второй приемъ, придуманный Архимедомъ, состоитъ въ разсматриваніи въ предложенной величинѣ частей уже не постоянныхъ, но уменьшающихся неопредѣленно и имѣющихъ предѣломъ нуль, другими словами — частей безконечно-малыхъ, число которыхъ, по мѣрѣ ихъ уменьшенія, увеличивается, при чемъ онѣ должны быть выбраны такимъ образомъ, чтобы разность между ихъ суммою и предложенною величиною могла сдѣлаться

еще всякой данной величины. В этом случае, подлежащая изслѣдованію величина есть предѣлъ суммы безконечно-малыхъ величинъ, которыхъ число увеличивается неопредѣленно. Такимъ образомъ мы видимъ, что понятіе о безконечно-малыхъ было извѣстно уже древнимъ и употреблялось Архимедомъ. Что же сдѣлали новѣйшіе геометры? Они ввели безконечно-малыя еще однимъ образомъ въ выраженія переменныхъ, которыхъ предѣлы суть искомыя величины, именно—они рассматривали отношенія безконечно-малыхъ между собою. Если двѣ величины стремятся къ нулю, завися другъ отъ друга, то отношенія ихъ есть опредѣленная величина, приближающаяся вообще къ конечному предѣлу. Этотъ взглядъ, неизвѣстный древнимъ, составляетъ важную заслугу новѣйшихъ геометровъ.

Главный предметъ сочиненія г. Дюгамеля состоитъ въ разсматриваніи безконечно-малыхъ съ двухъ послѣднихъ точекъ зрѣнія. Ряды онъ употребляетъ только при вычисленіи величинъ и въ нѣсколькихъ примѣрахъ, взятыхъ изъ твореній древнихъ и служащихъ къ поясненію ихъ употребленія сими послѣдними.

Разсматривая величины, какъ предѣлы суммы безконечно-малыхъ, мы замѣчаемъ, что выборъ этихъ послѣднихъ допускаетъ большую произвольность, такъ какъ они должны удовлетворять одному только условію, именно: разность между ихъ суммою и искомымъ количествомъ должна быть величина безконечно-малая или (что все равно) должна имѣть предѣломъ нуль. Этою-то произвольностію и пользуются математики для упрощенія вычисленій. На стр. 35 г. Дюгамель излагаетъ основныя начала, на которыхъ основываются эти упрощенія и которыхъ онъ подводитъ подъ слѣдующія двѣ теоремы:

Теорема 1. Предѣлъ суммы положительныхъ безконечно-малыхъ величинъ не измѣняется, когда величины эти мы замѣнимъ другими имъ не равными, коихъ отношеніе къ первымъ имѣетъ предѣломъ единицу.

Теорема 2. Предѣлъ отношенія двухъ безконечно-малыхъ не измѣняется, если величины эти мы замѣнимъ другими, коихъ отношеніе къ первымъ имѣетъ предѣломъ единицу.

Эти двѣ теоремы можно выразить еще въ такъ: если предѣлъ отношенія двухъ величинъ есть единица, то разность ихъ

есть бесконечно-малая величина въ сравненіи съ каждою изъ нихъ; и на-оборотъ, если разность двухъ величинъ бесконечно-мала въ сравненіи съ каждою изъ нихъ, то предѣлъ ихъ отношенія есть единица. Говоря о томъ, что двѣ бесконечно-малыя величины могутъ отличаться между собою на величину, бесконечно-малую въ сравненіи съ ними, авторъ невольно возбуждаетъ въ читателѣ понятіе о бесконечно-малыхъ различныхъ порядковъ. По этой-то связи предметовъ между собою, онъ долженъ теперь посвятить хотя нѣсколько словъ точнѣйшему опредѣленію этого понятія, что онъ и дѣлаетъ слѣдующимъ образомъ (стр. 38). Онъ говоритъ: «разсматривая нѣсколько бесконечно-малыхъ величинъ, находящихся въ зависимости другъ отъ друга, мы можемъ избрать одну изъ нихъ и съ нею сравнивать всѣ другія. При этомъ сравненіи, вообще, окажется, что отношенія нѣкоторыхъ изъ нихъ къ избранной суть величины конечныя, и тогда онѣ называются бесконечно-малыми перваго порядка. Отношенія другихъ къ той же самой, принятой за основную, можетъ быть бесконечно-малая величина, и тогда онѣ называются бесконечно-малыми высшихъ порядковъ, именно: втораго, если отношенія, о которыхъ говоримъ, есть бесконечно-малая 1-го порядка, третьяго, если отношеніе это 2-го порядка и т. д.

Вотъ основаніе, на которомъ г. Дюгамель дѣлитъ бесконечно-малыя на порядки.

Здѣсь надо замѣтить, что выборъ той бесконечно-малой, которую мы хотимъ принять за основную, не есть совершенно произвольный,—что, какъ намъ кажется, можно было бы заключить изъ всего только что приведеннаго; но обусловливается требованіемъ, чтобъ бесконечно-малая величина эта дѣйствительно была перваго порядка.

Изложивъ такимъ образомъ начала, которыми можно и должно пользоваться при исчисленіяхъ, въ которыхъ искомыя величины разсматриваются, какъ предѣлы суммъ бесконечно-малыхъ, г. Дюгамель предлагаетъ примѣры, взятые изъ геометріи и механики, въ которыхъ рѣшенія вопросовъ приводитъ къ подобному разсматриванію искомыхъ величинъ. Такъ онъ показываетъ, что опредѣленіе площади, ограниченной плоскою кривою, объема и центра тяжести всякаго тѣла, приводитъ насъ къ раз-

считриванію суммы безконечно-малыхъ величинъ, и всѣ эти общія замѣчанія онъ поясняетъ частными приложеніями ихъ.

Указавъ такимъ образомъ на важность способа, по которому искомая величина разсматривается, какъ предѣлъ суммы безконечно-малыхъ, во который не можетъ быть развитъ безъ помощи понятій, развивающихся только при разсматриваніи предѣловъ отношеній безконечно-малыхъ, авторъ обращается къ этимъ отношеніямъ. Онъ начинаетъ съ того, что показываетъ, что при всѣхъ различныхъ системахъ координатъ, помощью которыхъ обыкновенно опредѣляютъ точки, линіи и поверхности въ пространствѣ, задача о проведеніи касательной къ какой-нибудь плоской кривой, приводится къ опредѣленію предѣла отношенія двухъ безконечно-малыхъ, именно: приращеній двухъ переменныхъ, посредствомъ которыхъ опредѣляются точки кривой, такъ что общая задача о касательныхъ аналитически можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: дана зависимость (т. е. уравненіе) между двумя переменными; опредѣлить предѣлъ отношенія безконечно-малыхъ соответственныхъ приращеній этихъ переменныхъ (стр. 85). Показавъ такимъ образомъ геометрическое значеніе этой задачи анализа, г. Дюгамель приводитъ много другихъ примѣровъ изъ геометріи и механики, къ которымъ также прилагается общее рѣшеніе этой задачи, и которые слѣдовательно показываютъ важность этого общаго рѣшенія.

Такъ какъ вторая изъ теоремъ, касающихся замѣненія однихъ безконечно-малыхъ величинъ другими, выведенная уже выше, относится именно къ тому случаю, когда разсматриваются предѣлы отношеній безконечно-малыхъ, то г. Дюгамель, говоря объ упрощеніяхъ, влекомыхъ употребленіемъ безконечно-малыхъ (стр. 143), даетъ общее правило, по которому во всякомъ уравненіи между безконечно-малыми различныхъ порядковъ можно удерживать только безконечно-малыя низшаго порядка и откидывать всѣ прочія; а въ уравненіяхъ, въ которыя входятъ также и конечныя величины, откидывать всѣ безконечно-малыя. Вотъ что говорить онъ въ подтвержденіе этого правила (стр. 143):

«Если обѣ части уравненія стремятся къ конечнымъ предѣламъ и когда эти предѣлы суть именно тѣ величины, отношенія между которыми мы желаемъ опредѣлить, то мы очевидно

можем опустить члены, коихъ предѣлы суть нули, не смотря на то, что вслѣдствіе этого опущенія данное уравненіе дѣлается неточнымъ. Дѣйствительно, такъ какъ мы ищемъ только уравненіе между предѣлами, то этотъ искомый результатъ не измѣнится, а между тѣмъ мы освободимся отъ членовъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма-сложныхъ. И такъ, не опасаясь ошибки въ результатѣ, въ данномъ уравненіи, коего обѣ части стремятся къ конечнымъ предѣламъ, всегда можно производить тѣ опущенія и измѣненія, которыя приводятъ къ пренебреженію членовъ безконечно-малыхъ. Если обѣ части уравненія имѣютъ предѣломъ нуль и состоятъ изъ безконечно-малыхъ различныхъ порядковъ, то, по той же причинѣ, можно опустить всѣ члены, коихъ порядковъ не есть высшій въ уравненіи. Дѣйствительно, уравненіе, коего обѣ части имѣютъ предѣломъ нуль, не можетъ оставаться въ этомъ видѣ, такъ какъ оно приводитъ къ ничего не выражающему тождеству $0 = 0$. Иногда сохраняютъ нѣкоторое время этотъ видъ, но окончательно всегда надо возвратиться къ величинамъ конечнымъ. Если мы для этого раздѣлимъ все уравненіе на безконечно-малую высшаго порядка, то члены порядковъ высшихъ приведутъ къ предѣлу нуль, между тѣмъ какъ члены высшаго порядка дадутъ конечные предѣлы, и слѣдовательно мы будемъ приведены къ предыдущему случаю. Если же данное уравненіе мы употребимъ для того, чтобы опредѣлить одну безконечно-малую помощію другихъ, и когда такимъ образомъ опредѣленная безконечно-малая должна составлять членъ отношенія или же суммы, коей предѣлъ мы ищемъ, то, какъ извѣстно, мы можемъ измѣнить этотъ членъ на величину безконечно-малую въ сравненіи съ нимъ самимъ. И такъ мы имѣемъ право пренебрегать въ уравненіи, служащемъ для его опредѣленія, всѣми членами высшаго порядка. Такимъ образомъ правило Лейбница, о которомъ мы говорили въ началѣ нашей статьи, оказывается справедливымъ въ отношеніи искомаго результата, не смотря на то, что, какъ справедливо возражали противники новаго способа, уравненія, въ которыхъ пренебрегаются какія-либо члены, дѣлаются неточными въ слѣдствіе этого пренебреженія. Но какъ уравненіями этими мы пользуемся для того, чтобы получить зависимость между предѣлами отдѣльныхъ ихъ членовъ,

и какъ при переходѣ къ этимъ предѣламъ пренебрегаемые члены исчезаютъ: то, конечно, нѣтъ надобности обращать на нихъ вниманіе, и слѣдовательно опущенія, о которыхъ говоримъ, позволительны.

Изложеніе всѣхъ тѣхъ истинъ и понятій, о которыхъ мы до-сихъ-поръ говорили, составляетъ предметъ первой книги перваго тома разбираемаго сочиненія, въ которой слѣдственно авторъ знакомитъ читателя съ тѣмъ воззрѣніемъ, по которому величины рассматриваются, какъ предѣлы. Онъ оканчиваетъ эту книгу тѣмъ, что даетъ еще нѣсколько примѣровъ, въ которыхъ рѣшеніе вопроса приводится къ рассматриванію отношенія двухъ безконечно-малыхъ, заимствуя примѣры эти изъ геометріи и механики. Такъ напр. онъ рассматриваетъ кривизну плоскихъ кривыхъ, эволюты, скорости, ускоренія и проч.

Такимъ образомъ въ этой первой книгѣ г. Дюгамель даетъ основныя начала способа предѣловъ и показываетъ виѣсть съ тѣмъ выгоду употребленія безконечно-малыхъ, которое соединяетъ строгость и точность получаемыхъ результатовъ съ удобствами приближеннаго исчисленія.

Въ приложеніяхъ теоремъ, относящихся къ безконечно-малымъ величинамъ, къ изложенію различныхъ теорій геометріи и механики, эти величины часто представлялись, какъ приращенія переменныхъ, связанныхъ между собою какимъ-либо извѣстнымъ условіемъ. При опредѣленіи предѣловъ суммъ и отношеній этихъ безконечно-малыхъ, авторъ до-сихъ-поръ пользовался свойствами самаго вопроса, и употреблялъ приемы, удававшіеся именно въ этихъ частныхъ случаяхъ, не выводя ихъ изъ какихъ-либо общихъ способовъ. Изложеніе этихъ-то общихъ способовъ и составляетъ предметъ двухъ остальныхъ книгъ перваго тома. Такъ во второй книгѣ г. Дюгамель рассматриваетъ предѣлы *отношеній* безконечно-малыхъ величинъ, что приводитъ его къ правиламъ дифференціальнаго исчисленія. Изложеніе этихъ-то правилъ, также какъ приложеніе ихъ къ общему рѣшенію различныхъ вопросовъ геометріи и механики, которыхъ онъ уже касался въ первой книгѣ, и составляетъ предметъ второй книги.

Въ третьей книгѣ г. Дюгамель рассматриваетъ предѣлы суммъ

безконечно-малыхъ, что приводитъ его къ правиламъ интегральнаго исчисленія. Начинаеть онь эту книгу тѣмъ, что показываетъ, какинъ образомъ рѣшеніе вопроса о предѣлѣ суммы безконечно-малыхъ приводится къ дѣйствию, обратному дифференцированію, и почему слѣдовательно изложеніе правилъ, влекомыхъ этимъ рѣшеніемъ, должно слѣдовать за изложеніемъ правилъ дифференціального исчисленія, не смотря на то, что вопросъ о предѣлѣ суммы безконечно-малыхъ возникъ раньше вопроса о предѣлѣ отношенія, и по самому предмету долженъ былъ возникнуть раньше: ибо измѣреніе величины должно предшествовать изслѣдованіямъ о касательныхъ. Это естественное развитіе понятій, которому нельзя слѣдовать при изложеніи *правилъ* дифференціального и интегрального исчисленія, должно однакожь соблюдаться тамъ, гдѣ надо опредѣлить и объяснить начала, на которыхъ основывается философія этихъ исчисленій; вотъ почему, г. Дюгамель въ первой книгѣ говоритъ прежде о предѣлахъ суммъ безконечно-малыхъ, и потомъ уже переходитъ къ разсматриванію предѣловъ ихъ отношеній.

Показавъ такимъ образомъ связь между дѣйствіями дифференціального и интегрального исчисленія, авторъ переходитъ къ изложенію различныхъ способовъ интегрированія, которые онь и прилагаетъ къ рѣшенію вопросовъ изъ геометріи, какъ-то къ опредѣленію квадратуры поверхностей, кубатуры тѣлъ и проч. Мы не будемъ останавливаться на подробномъ изложеніи содержанія двухъ послѣднихъ книгъ, которыя не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго, и скажемъ о нихъ только, что въ нихъ доказательства теоремъ и рѣшенія задачъ представлены съ тою же логическою послѣдовательностію и съ тою же ясностію, которую мы замѣчаемъ въ первой книгѣ, и съ которою мы старались познакомить читателя нашей статьи.

Оканчивая краткое изложениіе содержанія перваго тома разсматриваемаго сочиненія г. Дюгамеля, мы, кажется, не безъ основанія можемъ сказать что сочиненіе это, имѣющее цѣлю не расширеніе предѣловъ науки и не введеніе новыхъ истинъ, а единственно только распространеніе вѣрныхъ понятій между присутствующими къ изученію дифференціального и интегральнаго исчисленія, какъ прекрасный учебникъ, заслуживаетъ волнаго вниманія.

особенно если обратимъ вниманіе на тѣ затрудненія, которыя представляются при составленіи подобнаго руководства и на которыя мы старались указать въ началѣ нашей статьи.

Безъ сомнѣнія, какъ всякое дѣло человѣческое, сочиненіе г. Дюгамеля не безъ недостатковъ; но мы предоставляемъ отыскивать ихъ болѣе опытному читателю, и если онъ найдетъ ихъ, то надѣемся на прощеніе нашъ односторонности нашего разбора, въ которомъ мы старались указать только на достоинства разбираемаго сочиненія, и въ которомъ слѣдственно мы исполнили только часть работы, въ подлежащемъ случаѣ, безъ сомнѣнія, легчайшую. Но съ другой стороны, желая читателей журнала нашего знакомить съ замѣчательными произведеніями Европейской литературы, мы сочли долгомъ обратить вниманіе ихъ на сочиненіе, по нашему мнѣнію, заслуживающее этого. Вотъ почему мы не замедлимъ извѣстить ихъ и о появленіи втораго тома, который, по предположенію автора, долженъ заключить сочиненіе.

И. Ш.

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ

ЗА ПЕРВОЕ ТРЕХМѢСЯЧІЕ 1856 ГОДА.

V. ГЕОГРАФІЯ, ЭТНОГРАФІЯ И ПУТЕШЕСТВІЯ.

Въ Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго географическаго общества (кн. I) помѣщены статьи: *Обозрѣніе главнѣйшихъ путешествій и географическихъ открытій въ пятилѣтіе съ 1848 по 1853 годъ. IV. Америка.* (Продол.) К. Ф. Свенске; *Метеорологическія наблюденія въ Верховскомъ посадѣ Вологодской губерніи*, К. С. Веселовскаго; *Географія растений*, А. Н. Бекетова; *Замѣтки о западной части Гродненской губерніи* (съ картою), С. К.; *Географическія карты на всемірной выставкѣ 1855 года*, Ст. Мальтъ-Брена; *Обозрѣніе Русской географической, этнографической и статистической литературы за 1854 г.* *Указатель статей, помѣщенныхъ въ журналахъ и газетахъ.* Ст. II. *Списокъ сочиненій о Крымѣ: I. Сочиненія иноязычныя*, Г. Н. Гевнаді; *Каталогъ географическихъ картъ въ Россіи. Выпускъ I. О географическихъ картахъ XVIII столѣтія, хранящихся въ библиотекѣ Императорской академіи наукъ*, Д. М. Перевозчикова; *О Корякахъ и весьма близкихъ къ нимъ Чукчахъ.* (Оконч.), Г. Дитмара; *О составленіи Русскаго сборника народно-врачебныхъ средствъ и матеріаловъ для географіи бользней въ Россіи*, В. В. Дерякера; *О провалѣ близъ деревни Куткиной*; *Природа нижняго теченія Амура*; *Гора Миндибъ въ Центральной Африкѣ*; *Настоящее названіе р. Чадды*; *Внутреннее озеро въ Африкѣ*; *Новыяшія экспедиціи и открытія.*

— «Замѣтки о западной части Гродненской губерніи». — Замѣтки эти состоятъ изъ двухъ отдѣленій: въ одномъ разсматриваются историческія извѣстія о временахъ, предшествовавшихъ началу XIV вѣка; въ другомъ — предлагаются замѣтки о современномъ бытѣ въ отношеніи къ языку. Такъ какъ древнѣйшими обитателями означенной страны были до конца XIII столѣтія *Ятвяги*, то на нихъ и обращено главное вниманіе въ первомъ отдѣленіи замѣтокъ. 1) Изъ разсмотрѣнія историческихъ извѣстій оказывается, что не вся западная часть нынѣшней Гродненской губерніи принадлежала Ятвягамъ: южная ее половина находилась во власти князей юго-западной Руси. Этими князьями, а не Ятвягами, принадлежали въ XIV и XIII столѣтіи, въ періодъ самостоятельнаго, независимаго бытія Ятвяговъ, нынѣшніе города: Брестъ, Кобринъ, Каменецъ, Мельникъ, Дрогичинъ, Бѣльскъ, т. е. все пространство по рекѣ Бугу до р. Нарева. Мнѣнія Стрыйковскаго, Бѣльскаго и ихъ послѣдователей относительно пространства, которое занимали Ятвяги, были, кажется ошибочны. 2) На основаніи историческихъ источниковъ опредѣлено, сколько это было возможно, пространство, которое нѣкогда занималъ этотъ народъ. Пространство это заключалось между средними частями Нѣмана и Наревомъ, между верховьями р. Ланки, впадающей въ Бобръ, на западѣ, и верховьями рр. Нарева, Свислочи и Ясіюлды, на востокѣ. 3) Наконецъ обращено вниманіе на племенное происхожденіе этого народа. На извѣстныхъ основаніяхъ дѣлается заключеніе, что основной элементъ, изъ котораго развилась впоследствии народность Ятвяжская, былъ элементъ не Славянскій, а чуждый ему. Какое-то не Славянское племя, а одно изъ племенъ Сарматскихъ, кочевавшихъ у сѣверныхъ береговъ Чернаго моря, по мнѣнію Шафарика, успѣло пробраться въ Подлясье. Запертое здѣсь впоследствии отсюду народами Славянскими, оно не могло не подвергнуться въ сильной степени ихъ вліянію, не могло потому не утратить своей самостоятельности: это племя погибло въ кровавой борьбѣ съ сосѣдями, а народность его была поглощена народностью побѣдителей. Этими, кажется, устраниются противорѣчія новѣйшихъ изслѣдователей объ этомъ предметѣ: Шафарика, Шульца, Ярошевича и другихъ, кото-

рыхъ мѣстѣ имѣютъ только одностороннюю справедливость. Во второмъ отдѣленіи замѣтокъ бытъ современный разсмотрѣнъ только со стороны языка; при этомъ, согласно требованію программы Русскаго географическаго Общества, обращено главное вниманіе на мѣстные свойства и приведены собраныя на мѣстѣ образцы его въ двоякой формѣ: а) *прозаической* — три отрывка изъ народныхъ преданій, и б) *стихотворной* — собраніе народныхъ пѣсенъ, числомъ 28. Къ образцамъ присоединено нѣсколько замѣчаній филологическихъ и историческихъ, относящихся въ разсматриваемой мѣстности. Для большей ясности приложена къ статьѣ карта описываемой страны.

— О Корякахъ и весьма близкихъ къ нимъ по происхожденію Чукчахъ. — Въ востоящей статьѣ авторъ описываетъ нравы, образъ жизни и обычаи кочующихъ Коряковъ и Чукчей. О Чукчахъ авторъ получилъ свѣдѣнія отъ Нижне-Колымскаго купца Трифонова, который торгуетъ съ ними съ 1828 г. Занимаетъ нѣкоторыя изъ этихъ свѣдѣній для нашихъ читателей. Земля Чукчей окружена высокими горами и, должно быть, вся гориста. Эти горы, раздѣляющія бассейнъ Анадыря отъ истоковъ Колымы и другихъ рѣкъ, впадающихъ въ Океанъ, и постепенно понижающіяся до Берингова пролива, составляютъ сѣверо-восточную часть длинной цѣпи горъ, которая отъ Охотскаго моря тянется по линіи притоковъ рр. Колымы, Лены и Индигирки, потомъ поворачиваетъ къ западу и служитъ опять водораздѣломъ между протоками Лены и бассейномъ Амура. На югъ Анадырская область граничитъ съ плоскою, достигающею почти до Камчатки, лѣсистою возвышенностію, именно Паранольскимъ доломъ. По берегамъ Ледовитаго моря и Берингова пролива страна эта холмиста. Вся она почти безлѣсна, исключая только хвойныхъ лѣсовъ, простирающихся отъ Колымы къ Большому Авюю и вверхъ по Авюю до Анадырска, а также небольшихъ лѣсовъ по берегамъ рр. Маавы и Бѣлой. Земля эта, за исключеніемъ нѣсколькихъ Русскихъ семействъ, живущихъ въ Анадырскѣ и около 200 Юнагировъ, вся занята Чукчами, число которыхъ Трифоновъ полагаетъ не менѣе 10 т. душъ. Между Чукчами есть осѣдлые, живущіе по берегамъ моря. Они перешли въ это состояніе, потерявъ свои стада и впавъ въ бѣдность.

Большинство же народа состоитъ изъ кочующихъ, которые съ безчисленными стадами скитаются на югъ и сѣверъ отъ Анадыра. Кочующіе, какъ богатѣйшіе, держатъ ослѣдность въ зависимости, а въ случаѣ нужды оказываютъ имъ защиту. Въ Русскихъ торговыхъ пунктахъ различаютъ два племени Чукчей. Именно: кочующіе на сѣверъ отъ Берингова пролива называются *Баломорскими*, между тѣмъ какъ живущіе около Анадыра и въ особенности кочующіе на югъ отъ рѣки, носятъ названіе *Тумминскихъ* Чукчей. Последніе бѣднѣе и менѣе предприимчивы; впрочемъ, они играютъ все-таки главную роль на Пальцовской ярмонкѣ. Эти Чукчи для торговли посѣщаютъ по временамъ также Анадырскъ. Гораздо большее значеніе имѣетъ въ настоящее время, по торговлѣ съ Чукчами, мѣстечко въ 300 верстахъ отъ Нижне-Колымска, на Маломъ-Анюѣ. Большіе транспорты товаровъ, назначенные для этой торговли, слѣдуютъ ежегодно изъ Якутска въ Нижній-Колымскъ; эти товары суть: табакъ, такъ-называемый черкасскій, который Чукчи очень любятъ; всевозможныя желѣзныя издѣлія, какъ-то: ножи, топоры, посуда, иглы, стволы и т. д.; бусы, холста, лапти; наконецъ мѣха россомахъ, волковъ и выдръ, которые Чукчами весьма уважаются. Чукчи, съ своей стороны, привозятъ оленьи шкуры, сушеную оленину и въ особенности пушной товаръ. Мѣха черныхъ и бѣлыхъ медвѣдей, лисицъ всѣхъ родовъ, бѣлокъ и соболей получаютъ Чукчами для этого торга отъ своей охоты; а мѣха рыси и бобровые приобрѣтаются ими посредствомъ торговли съ Американскими народами. Кромѣ этого торга, кушцы ежегодно ѣздятъ для торговли во внутренность страны, а Чукчи пріѣзжаютъ въ Нижне-Колымскъ, дабы купить въ казенныхъ магазинахъ пороху и свинцу, а также посѣтить своихъ знакомцевъ по торговлѣ. Чукчи называютъ Анюискій торгъ пятымъ бобровымъ торгомъ. Четвертый производится на обоихъ берегахъ Берингова пролива, а первые три находятся далеко одинъ отъ другаго, въ глубинѣ сѣверной Америки. Четвертый торгъ, на Беринговомъ проливѣ, Чукчи производятъ съ народами, который называетъ себя *Каравала*. О трехъ Американскихъ торгахъ ничего не извѣстно, и сами Чукчи съ Берингова пролива и въ Ялѣ Трифонова, что они о немъ ничего не слыхивали, кромѣ

того только, что на первомъ торгу табакъ такъ дорогъ, что на бибровую шкуру можно вымѣнять только одинъ листъ. Такимъ-то неизвѣстнымъ, но любопытнымъ путемъ Русскіе товары переходятъ на Американскіе рынки, а Американскіе мѣха переправляются въ Азію и Европу. Торговля, оленьи стада и охота составляютъ богатство Чукчей. Кромѣ торговли, на вышеприведенныхъ рынкахъ Чукчи производятъ значительную мѣшовую торговлю съ многочисленными китоловами, которые въ послѣднее время постоянно пріѣзжаютъ въ Беринговъ проливъ. Чукчи народъ здоровой и сильный; они живутъ долго, бываютъ по большей части высокаго роста и очень ловки. При воинственномъ характерѣ и страсти къ торговлѣ, они, не смотря на то, гостеприимны, справедливы и честны и здравомыслящи. Кто сдѣлался ихъ другомъ, тотъ можетъ всегда на нихъ полагаться; врага же они преслѣдуютъ неумолимо и кровавую месть считаютъ священной обязанностію». Г. Дитмаръ убѣжденъ, что Коряки и Чукчи составляли первоначально одинъ народъ, который, вслѣдствіе независѣвшихъ отъ него обстоятельствъ, распался и образовалъ существующія нынѣ два племени.

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ по географіи и этнографіи Россіи мы встрѣтили слѣдующія статьи: *Крымъ*, И. Б.—на (Библ. для Чт. № 1); *Татарскій поэтъ Каликой*. Изъ замѣтокъ путешественника по юго-восточной Россіи, И. М. Михайлова (ibid. № 2); *Крестовый Самопадъ*, Б. Яновскаго (ibid. № 3); *Дни и мѣслцы Украинскаго селянина*, М. А. Максимовича (Руск. Бесѣда № 1); *Бѣлоруссія*, П. М. Шпилевскаго (Пант. № 1); *Географическія извѣстія о древней Россіи* (Журн. военно-учеб. зав. № 471 и 472); *Письма Печорскаго подписчика*, С. Ю. Волкова (С. Пб. Вѣд. № 43); *Село Иваново* (Одесс. Вѣс. № 25); *Бытъ простаго народа въ Бобринцѣ* (ibid. № 26 и 27).

— «Письма Печорскаго подписчика». — Письма эти составляютъ драгоценное преобрѣтеніе нашей ученой литературы: они знакомятъ образованный міръ съ обширнымъ, но малозвѣстнымъ краемъ нашего великаго отечества. «Я хочу—говорить авторъ—писать о странѣ, которой девяносто-девять изъ ста не знаютъ даже по имени,—странѣ, которая изъ числа своихъ

посѣтителей удержала въ памяти три или четыре имени, какъ напримѣръ Крузенштерна, графа Кайзерлинга, Кастрена, Гошмана, Василія Лыткина... И каждый отъ этихъ посѣтителей имѣлъ свою, опредѣленную, специальную цѣль, которой у меня нѣтъ или, по-крайней-мѣрѣ, о которой я не намѣренъ рассказывать; я хочу говорить о томъ, что я видѣлъ и слышалъ и только; а пространство, равное пространству Великобританіи, довольно, какъ бы это сказать, пространно, чтобы что-нибудь увидѣть и услышать.... И такъ письма мои будутъ не что иное, какъ *отрывки изъ видѣннаго, слышаннаго и испытаннаго... въ Печорѣ*. Въ первомъ своемъ письмѣ, опредѣливъ границы Печорскаго края и сказавъ нѣсколько словъ о языкѣ Зырянъ и происхожденіи названія «Печоры», авторъ описываетъ лемнологію Зырянъ. Въ сѣверо-восточномъ углу Европейской Россіи, именно въ губерніяхъ Пермской, Вологодской и Архангельской, совершенно отдѣльнымъ бассейномъ, лежитъ водная система Печоры съ ея притоками — огромной рѣки, которая, начинаясь въ Пермской губерніи и отрѣзавши большіе углы Вологодской и Архангельской, обширную дельтою впадаетъ у Пустозерска въ Сѣверный Океанъ, достигая еще далеко отъ устья 25 верстъ ширины въ берегахъ и безъ разлива, и протекая со всѣми извилинами не менѣе 2000 верстъ, большею частию параллельно Уральскому хребту, иногда даже касаясь его. Начинаясь подъ 61° с. ш., устьями своими Печора захватываетъ полярный кругъ. На полторы тысячи верстъ по длинѣ Печоры расселенъ народъ, говорящій особымъ языкомъ, имѣющій особый образъ жизни и отличающійся особыми привычками, — народъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, чрезвычайно близко напоминающій краснокожихъ аборигеновъ Америки, какъ они представляются Куперомъ, Ирвингомъ и ихъ подражателями; только нѣтъ у него этой вѣчной войны между собою и сосѣдами, нѣтъ этой дикости и кровожадности, потому-что характеръ народа давно измѣнился подъ благотвнымъ вліяніемъ христіанской вѣры, водворенной въ этомъ краѣ подвигами и проповѣдью св. Стефана, епископа Великопермскаго; это — Зыряне. Зыряне-Печорцы отличаются врожденною страстью и способностію къ звѣроловству и охотамъ всякаго рода, — страстью, которая до-сихъ-поръ нисколько

не вытѣснена, не ослаблена введеніемъ земледѣлія и ослѣдлага (если можно такъ выразиться) скотоводства. «Пять существъ раздѣляютъ владычество въ недвижимомъ имуществѣ Зырянъ; именно: *ортъ* — духъ земли, *олыса* — домовый, *куль* — водяной, *вѣрса* — дѣсной и *пажтѣмъ* — невеселый. 1) *Ортъ* — земляной или гробовой духъ. Ортъ является или въ видѣ человѣческой тѣни, или маленькимъ, горбатымъ и слѣпышъ старикомъ, или просто синимъ огнемъ (лѣвъ-бы); синій огонь, впрочемъ, представляеть не самого орта, а вспыхиваетъ по его слѣду. Ортъ является предвѣстникомъ чьей-нибудь смерти, въ видѣ тѣни того, кому слѣдуетъ умереть; потомъ въ видѣ той же тѣни уже умершаго челоуѣка бродить по тѣмъ мѣстамъ, которыя чаще другихъ посѣщала покойникъ. Орту приписываются всѣ явленія, которыя Зырянинъ не можетъ объяснить въ своей незатѣйливой жизни. Упадетъ ли что-нибудь въ избѣ или какой-нибудь шорохъ нарушить на минуту тишину ночи, Зырянинъ робко и тревожно прислушивается или вглядывается или шепчетъ: *•таа отъ; дертъ кодъ-кѣ кулааъ* (это гробовой духъ; вѣрно кто-нибудь умретъ). Изъ внутреннихъ атрибутовъ, орту приписывается необыкновенная быстрота движенія и чуткость слуха. Ортъ совершенно безвреденъ, и потому его нисколько не боятся; вся его дѣятельность ограничивается предвѣщаніемъ чьей-либо смерти; впрочемъ, ортъ имѣетъ и философское значеніе: это осужденная душа челоуѣка, скитающаяся въ мірѣ послѣ разрушенія тѣла, и обязанная безмолвно и внимательно выслушивать всякаго рода замѣчанія, которыя вызваны жизнію того, кому она въ мірѣ принадлежала; поэтому Зыряне, разсуждая о какомъ-нибудь собратѣ, оставившемъ посебѣ подобную память, говорятъ: «пусть теперь онъ слушаетъ насъ ухомъ своего орта». 2) *Олыса* — домовый; это тотъ же самый дѣдушка, который и у нашего простаго народа залетаетъ лошадамя гривы, любитъ козловъ и шумитъ за печкой или играетъ въ камешки. 3) *Куль* — водяной. Нѣтъ почти никакого отличія между Зырянскимъ кулемъ и Русскимъ воданымъ дѣдушкою, развѣ только то, что куль живетъ домовитѣ нашего; у него, кромѣ простой и свѣтлой избы, гдѣ-нибудь въ омутѣ рѣки или озера водится и скотинка; и старые люди изъ Зырянъ, говорятъ, выдали его ко-

ровъ, пасущихся на берегу. Коровы эти очень жирны, очень молочны и комылы. Водяной никого не обижаетъ и только иногда гугукаетъ для собственного удовольствія. 4) *Вёрса* — лѣсной. Тоже почти нѣтъ никакой разницы между лѣснымъ Русскаго простолюдина и Зырянскимъ вёрса. Зырянскій лѣшій живетъ въ избушкѣ о трехъ углахъ, и занимается звѣроловствомъ. Не любитъ онъ трусовъ-промышленниковъ, за то съ храбрыми и смѣлыми живетъ очень дружно. 5) *Газетѣль* — невеселый. Это — произведеніе собственно Зырянской фантазіи: невеселый — духъ мрачный и угрюмый; жилище его — мельничныя пруды и лѣсныя калдобны, въ которыхъ круглый годъ дердится болотная вода. Любимыя его забавы — останавливать жернова и выкидывать смолотый хлѣбъ.

По географіи и этнографіи другихъ странъ явились слѣдующія статьи: *Острова Бонинъ-Сама* (Совр. N° 2); *Изъ Америки. Отъ Нью-Йорка до Аспинволла*, В. Бодиско (ibid. N° 3); *Дневникъ Русскаго, вѣдennyй въ Пекинъ, съ 18 Нолбра 1830 по 10 Мая 1831 года*, І. С. Черепанова (Библ. для Чт. N° 3); *Современная Турція*, И. Н. Березина (От. Зап. N° 1 и 2); *Сингапуръ. Изъ путевыхъ замѣтокъ И. А. Гончарова* (ibid. N° 3); *Объ Оксаніи и ея жителей*, Т. Н. Грановскаго (Русск. Вѣстн. N° 2); *Рамазанъ въ Стамбуль*, И. Н. Березина (ibid. N° 4 и 5); *Молдавія и Валахія* (Павт. N° 1 и 2); *Константинополь. Изъ путешествія Всеволожскаго* (Журн. военно-учебн. зав. N° 470 — 473); *Парижскія письма* (С. Пб. Вѣд. N° 16, 25, 39, 61); *Исторія рѣки Амура* (ibid. N° 19, 26); *Частная жизнь одного восточнаго владѣтеля* (Русск. Инв. N° 10); *Сцены изъ домашней жизни въ Малой Азіи*. Замѣтки Англійской путешественницы (ibid. N° 21 и 22); *Китайцы* (ibid. N° 30); *Полтора года въ Америкѣ* (Сѣв. Пч. N° 9); *Письма объ Египтѣ* (Москов. Вѣд. N° 18, 19, 22, 28); *Историческія извѣстія о Лазавѣ* (Вил. Вѣст. N° 8 и 9).

— «Сингапуръ». — Это — отрывокъ изъ кругосвѣтнаго путешествія автора, написанный такъ же живо и увлекательно, какъ все, что выходило изъ-подъ пера г. Гончарова. Картины моря и мѣстностей безпрестанно смѣняются мастерскими разсказами о разныхъ предметахъ, но такъ, что читатель, невольно

увлекаемый авторомъ, легко воспринимаетъ впечатлѣнія, какъ бы самъ путешествуя вмѣстѣ съ авторомъ и глубоко сочувствуя его воспримчивой натурѣ. Вотъ небольшой отрывокъ, который, вѣрнѣе нежели самая точная характеристика, познакомитъ нашихъ читателей съ разсказомъ автора :

«Сингатуръ — островокъ, въ нѣсколько миль величиной, лежащій у оконечности Малаккского полуострова, подь 1° 30' сѣв. шир.; слѣдовательно у самаго экватора. Онъ уступленъ Англичанамъ въ 1819 году однимъ изъ Малаккскихъ султановъ, которому они помогли утвердиться въ его владѣніяхъ. Надо знать, что, незадолго предъ тѣмъ, Голландцы выхлопотали себѣ у другаго султана, соперника перваго, торговое поселеніе въ тѣхъ же мѣстахъ, а именно въ проливѣ Ріо. Англичане имѣютъ такой обычай, что лишь зачуютъ гдѣ торговлю, явятся съ своими товарами: такъ они слѣзали и тамъ. А у Голландцевъ есть обычай не пускать другихъ туда, гдѣ торгуютъ они сами. Все это было причиною того, что Сингапуръ возникъ и процвѣлъ, а Голландское поселеніе пало. Стень-Билль, командиръ Датскаго корвета «Галатея» и авторъ путешествія сравниваетъ Сингапуръ, въ торговомъ отношеніи, съ древнею Венеціей. Сравненіе слабое, не совсѣмъ лестное для Сингапура! Что такое капиталы времени Венеціанской республики предъ Британскими? Что такое положеніе Венеціи между тогдашнимъ востокомъ и тогдашнимъ западомъ, передъ положеніемъ Сингапура между Индією, Китаемъ, Малаккскимъ полуостровомъ, Австралією, Сіамомъ, Кохинхиной и Бирманской имперіей, которыя всѣ шлютъ продукты свои въ Сингапуръ и оттуда въ Европу? А чего не везутъ теперь изъ Европы сюда? Что такое, наконецъ, такъ-называемая тогдашняя роскошь предъ нынѣшнимъ комфортомъ? Роскошь — порокъ, уродливость, неестественное уклоненіе человѣка за предѣлы естественныхъ способностей, развратъ. Развѣ это не правда? развѣ не развратъ и неуродливость — платить тысячу золотыхъ за блюдо изъ птичьихъ мозговъ, или за филе изъ рыбы, не потому, чтобы эти блюда были тоньше вкусомъ прочихъ, недорогихъ, а потому, что этихъ мозговъ и рыбъ не напасешься? Развѣ не безуміе отобѣдать на такомъ сервисѣ, какого нѣтъ ни у кого, хотя бы пришлось отдать за него половину имѣнія?

Развѣ не глупость заковывать себя въ золото и камни, въ которыхъ поворотиться трудно, или надѣвать кружева, чуть не изъ паутины, и боятся сѣсть, облокотиться? Венеціанскіе граждане (если только слово «гражданинъ» не насмѣшка здѣсь) дѣлали все это; но они сидѣли на жесткихъ скамьяхъ, спали на своихъ газетовыхъ колючихъ постеляхъ, ходили и ѣздили ошушью, въ темнотѣ, и едва-ли имѣли хотя немного приближительное къ нынѣшнему, вѣрное понятіе объ искусствѣ жить, т. е. измекать изъ жизни весь смыслъ, весь здоровый и свѣжій сокъ. Сингапуръ — одинъ изъ всемірныхъ рынковъ, куда пока еще стекается все, что нужно и не нужно, что полезно и вредно человѣку. Здѣсь необходимыя ткани и хлѣбъ, отрава и цѣлебныя травы; Штмцы, Французы, Англичане, Американцы, Армяне, Персіане, Индусы, Китайцы — все пріѣхало продать и купить; другихъ потребностей, другаго девиза здѣсь нѣтъ. Здѣсь вопросъ: «быть или не быть» на второмъ планѣ; на первомъ — продать или не продать, купить или не купить. Я два не сѣзжалъ на берегъ; больной стоялъ, облокотясь на сѣтки и любовался на небо, окрестные острова, на лѣса, на разбросанныя по берегамъ хижины, на рейдъ, съ движущеюся картиной джовокъ, лодокъ, Индійскихъ, Китайскихъ физиономій, прислушивался къ ихъ говору, приглядывался къ ихъ живымъ и страстнымъ, или торжественно-лѣнивымъ движеніямъ. Особенно любопытно было смотрѣть, какъ наши матросы покупали у нихъ фрукты, потомъ разныя вещи, ящички, вѣеры, простыя матеріи и т. п. Что за языкъ придумали они — и понимали другъ друга! Фаддѣвъ, по моему порученію, возьметъ деньги, спустится на лодки купить ананасовъ, или что-нибудь другое; вижу онъ спорить тамъ, сердится; наконецъ торгъ заключается и онъ приноситъ, что нужно. «Черти такіе! съ ними не обращай», говоритъ онъ воротясь; «вчера полшильника просилъ, а теперь хочешь шильникъ (шиллингъ)». «Да какъ ты тамъ говоришь съ ними? — По-Агличавски. — Какъ ты спросишь? — А вотъ возьму въ руку вещь, да и спрошу *омачъ*? (how much? что стоитъ?)»

— «Объ Океаніи и ея жителяхъ». — Статья эта принадлежитъ незабвенному Грановскому, въ которомъ наука утратила

одного изъ благороднѣйшихъ и даровитѣйшихъ своихъ дѣтелей. Находясь гѣтомъ, въ 1852 г., въ селѣ Рубанкѣ, онъ предложилъ бывшимъ съ нимъ друзьямъ чтенія объ Океаніи, въ которыхъ думалъ изложить результаты своихъ размышленій о судьбахъ малозвѣстнаго, заброшеннаго племени, составляющагося народонаселеніе. Первое изъ этихъ чтеній было записано г. Фроловымъ и просмотрѣно самимъ авторомъ. Чтеніе объ Океаніи, назначенное для небольшого круга вѣсколькихъ лицъ, замѣчательно именно своею простотою, безыскусственностію, при повости и оригинальности воззрѣнія. Вотъ отрывокъ изъ этого чтенія.

•Подъ именемъ Океаніи разумѣются группы острововъ, между Азіей, Америкой и Новою-Голландіей. Между этими островами самыя большіе: на сѣверѣ — Сандвичевы, а на югѣ — Новая-Зеландія; прочіе острова не велики. Острова Океаніи были почти неизвѣстны до половины прошлаго вѣка. Точныя и положительныя свѣдѣнія получены объ нихъ только со времени Кука. Изъ многочисленныхъ разсказовъ разныхъ путешественниковъ и мореплавателей, посѣщавшихъ Океанію, можно вывести два противоположныя заключенія о нравахъ ея жителей. По мнѣнію однихъ, жители острововъ Товарищества и Маркизовыхъ являются кроткими, добродушными и неспорченными; если же оказалась порча, то она произошла отъ вліянія Англійскихъ и Американскихъ миссіонеровъ, играющихъ тамъ весьма важную роль. Другіе же описываютъ ихъ самыми черными красками — развратными, жестокими, погруженными во всѣ пороки. Извѣстія самыя выгодныя для нравственности жителей всѣ исходятъ отъ мореплавателей; извѣстія противоположныя — отъ Англійскихъ и Американскихъ миссіонеровъ, послѣ мореходцевъ явившихся здѣсь для проповѣданія Слова Божія. Ограничиваясь описаніемъ быта жителей Океаніи въ пору открытія этихъ острововъ Европейцами, мы находимъ здѣсь весьма красивое, далеко не лишнее дарованій, населеніе. Оно пришло сюда, вѣроятно, съ запада, съ великихъ Азіатскихъ острововъ Явы, Суматры и другихъ, и, разсѣянное по великому пространству Океаніи, представляетъ удивительное однообразіе въ языкѣ, обычаяхъ и учрежденіяхъ. Рейнгольдъ Форстеръ даже думалъ, что здѣсь

былъ когда-то материкъ, раздробленный какимъ-то земнымъ переворотомъ, и что изъ обломковъ этого материка образовались настоящіе острова Океаніи. Сходство между ея жителями объясняется ихъ одинаковымъ происхожденіемъ отъ Малайскаго племени, заселившаго ихъ съ запада, съ острововъ Индійскаго моря. Первые Европейскіе путешественники XVIII столѣтія пали это народонаселеніе въ такомъ положеніи, которое заставляетъ насъ думать, что оно и тогда находилось въ порѣ совершеннаго распада. Во-первыхъ, религія уже не была соотвѣтствующа внутреннею жизни; мы видимъ одни остатки и развалины старыхъ вѣрованій; язычество потеряло отъ времени свою крѣпость. Можно предполагать, что была нѣкогда одна общая религіозная система въ Океаніи, но число общихъ боговъ непрерывно уменьшалось. За то возникала другая страшная религія — поклоненіе людямъ. Нигдѣ не было болѣе рѣзкаго раздѣленія сословій, какъ въ Океаніи. Это раздѣленіе перешло въ религію. Всѣ владѣтели, даже лица, принадлежавшія къ высшему сословію, обоготворялись, но не по смерти, какъ это было въ древнемъ Римѣ. Здѣсь каждый владѣтель былъ богъ при жизни; ему приносили жертвы и поклонялись, какъ божеству, заживо; когда ояъ умиралъ, его причисляли къ богамъ. То же было съ каждымъ членомъ владѣтельнаго дома. Такимъ образомъ эти новые боги вытѣсняли прежнихъ мифологическихъ боговъ и разрушали связь прежней религіи. Въ связи съ религіею находится не только въ Океаніи, но и за предѣлами ея, обычай *табу*. Подъ этимъ именемъ разумѣется собственно запрещеніе, заклинаніе, но оно имѣетъ сверхъ того болѣе глубокое значеніе, представляя нѣчто освященное, божеское. Божественная сущность божескихъ лицъ переносится на виѣшній предметъ и дѣлаетъ его неприкосновеннымъ. Такъ короли могли сообщать божественное значеніе любому предмету. Если король входилъ въ какой-нибудь домъ, то онъ становился табу и дѣлался его принадлежностью. Король могъ налагать табу на все; вельможи дѣлали то же самое, съ тою разницею, что король могъ снимать табу, наложенное вельможами, а не наоборотъ, и табу высшихъ лицъ тяготѣло надъ низшими. Этотъ обычай имѣлъ самое ощутительное и бѣдственное вліяніе на весь бытъ жителей Океаніи. Король былъ

богъ, аристократы были боги; простому же человѣку перейти изъ одного класса въ другой не было никакой возможности. Въ политическомъ бытѣ мы находимъ также совершенное распадѣніе прежняго лучшаго порядка вещей. Между высшими сословіями, представлявшими сперва какъ бы ближайшихъ родственниковъ владѣтеля, и самимъ владѣтелемъ существовала распря, и мало-по-малу на островахъ Товарищества обоготвореніе перешло на аристократію. Низшія сословія находились внѣ общества; надъ ними возникали новыя владѣтельныя фамиліи не преемственно, но одна возлѣ другой, въ распряхъ и несогласіяхъ раздѣляя землю на болѣе дробныя участки и падая въ уваженіи народа. На одномъ изъ Маркизинныхъ острововъ оставалось 79 жителей и два владѣтеля, на другомъ — 100 жителей и три владѣтеля. Но нигдѣ это раздробленіе не было такъ велико, какъ на островахъ Товарищества и Новой-Зеландіи. Общество распалось на отдѣльныя семейства, существующія подъ начальствомъ своего старѣйшаго. Исчезъ государственный союзъ; исчезло всякое связующее начало, всякое понятіе о нравѣ. Не только въ религіи и общественномъ бытѣ, но даже въ языкѣ существовали признаки страшнаго распаденія, неизвѣстнаго и въ Америкѣ, гдѣ видна гибель цѣлыхъ породъ. Это распаденіе отозвалось въ остальныхъ сферахъ жизни, въ нравахъ и въ физическомъ бытѣ. Изъ 2 милл. жителей, которыхъ насчитывали въ концѣ XVIII столѣтія, теперь считается едва 600 т. Есть острова, гдѣ вычисленіе точнѣе: такъ на Отаити, въ началѣ нынѣшняго вѣка, было до 100 т. Въ тридцатыхъ годахъ оно понизилось до 17 т., а теперь считаютъ только 7 т. Въ отношеніи мужчинъ къ женщинамъ замѣчается слѣдующее: на 100 мужчинъ приходится 75 или 80 женщинъ, а въ другихъ мѣстахъ — на двухъ мужчинахъ одна женщина. Причины упадка народонаселенія лежатъ въ общественномъ порядкѣ въ Океаніи. Въ оправданіе миссіонеровъ замѣтимъ, что тамъ, гдѣ миссіи дѣятельнѣе, народонаселеніе остается на одной точкѣ, не двигаясь ни впередъ, ни назадъ. Остается рѣшить, остановитъ ли христіанство упадокъ народонаселенія въ Океаніи? Во всякомъ случаѣ, можно сказать, что связь съ Европейцами внесла сюда новый источникъ жизни, которая необходимо должна развернуться подъ этимъ роскош-

вынѣ небожь; но спасеть ли она жителей Океаніи, не слыш-
комъ ли опоздала эта помощь — трудно рѣшитьъ.

VI. ИСТОРИЯ РУССКАЯ И ВСЕОБЩАЯ.

По Русской исторіи явились слѣдующія статьи: *Ката-
тки древнихъ укрѣпленій на горѣ Опукѣ* (Журн. Мин. Вн. Дѣлъ
№ 3); *Первые морскіе походы Петра Великаго въ 1693 и 1694
годахъ*, академика Н. Г. Устрялова (Библ. для Чт. № 3); *Графъ
Сергій Семеновичъ Уваровъ*, Ф. У. (ibid.); *Нѣсколько рѣдкихъ и
малозвѣстныхъ иконыхъ сочиненій, относящихся до Петра
Великаго и его вѣка* (От. Зап. № 2); *Два неизвѣстные проекта
Посошкова*, сообщ. И. К. Куряиновымъ (ibid. № 3); *Древняя
Русь*, С. М. Соловьева (Русск. Вѣстн. № 1); *Сельская община въ
Россіи*, Б. Н. Чичерина (ibid. № 3 и 4); *Правленіе царицы Софіи*,
П. К. Щ-го (ibid. № 5); *Неизданное свидѣтельство современника
о Владимірѣ Святѣмъ и Болеславѣ Храбромъ*, А. Ф. Гильфердин-
га (Русск. Бесѣда № 1); *Русское посольство во Францію въ 1668 г.*,
А. Н. Попова (ibid.); *М. П. Миклашевскій* (ibid.); *Объ археологиче-
скомъ описаніи Новгорода* (С. Пб. Вѣд. № 19); *Матеріалы для
отечественной исторіи XVIII вѣка*, Руфа Игнатъева (Сѣв. Пч.
№ 39); *Село Коломенское* (Моск. Пол. Вѣд. № 6 — 8); *Древнія
крѣпости въ Московской губерніи*, Н. В. Дмитриева (ibid. № 16
и 17).

— Первые морскіе походы Петра Великаго, въ 1693 и
1694 г.г. — Статья эта — отрывокъ ихъ приготовляемаго почтен-
нымъ Ф. Г. Устряловымъ огромнаго труда — исторіи Петра Велика-
го. Настоящій отрывокъ, подобно другимъ, какъ напр. «Лефорты
и потѣхи Петра», помѣщенному въ нашемъ журналѣ, представляетъ
плодъ внимательнаго, добросовѣстнаго изученія источниковъ
историческихъ, вѣрной критической ихъ оцѣнки, и по изложенію
стоитъ далеко выше прежнихъ историческихъ трудовъ автора:
здѣсь историкъ-профессоръ является историкомъ-художникомъ.
Къ отрывку присоединены драгоцѣнные примѣчанія объ источ-
никахъ, которыми пользовался авторъ, и о другихъ предметахъ,
о которыхъ упоминается въ статьѣ.

Часть XIII. Отд. VI.

6

— «Графъ Сергій Семеновичъ Уваровъ». — Эта статья — краткій очеркъ заслугъ гр. Уварова какъ на поприщѣ государственной службы, такъ и въ области науки и литературы. Отдавая полную справедливость автору, который въ небольшомъ очеркѣ умѣлъ изобразить дѣятельность служебную и ученую гр. Уварова, мы находимъ однакожь въ его трудѣ важный пробѣлъ, а именно: ни слова не сказано о вліяніи гр. Уварова, какъ министра, на общественное значеніе ученаго сословія въ нашемъ отечествѣ. Уваровъ былъ первый министръ народнаго просвѣщенія, который исходатайствованіемъ у Верховной власти официальныхъ преимуществъ ученому сословію, поставилъ его на ту степень въ нашемъ обществѣ, на которой оно давно уже стояло въ образованныхъ западно-Европейскихъ государствахъ. Это было важнѣйшимъ изъ подвиговъ гр. Уварова, — подвигомъ, который, по своимъ послѣдствіямъ для народнаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, былъ не менѣе благотворенъ многихъ другихъ мѣръ, предпринятыхъ на пользу образованія въ управленіе Уварова министерствомъ. Авторъ излагаетъ общую мысль своего очерка слѣдующими словами: «Жизнь гр. С. С. Уварова представляетъ два, въ высшей степени равно замѣчательные отдѣла: поприще служебное и ученое. На первомъ онъ занялъ важныя правительственныя должности еще въ то время, когда другіе только начинаютъ службу, и сталъ къ концу своей жизни въ ряду главнѣйшихъ государственныхъ сановниковъ; на второмъ онъ неутомимо и дѣятельно предавался служенію наукъ и приобрѣлъ извѣстность Европейскую. Одну главную и общую черту находимъ мы въ этихъ двухъ отдѣльныхъ половинкахъ его жизни: это была *польза*».

— «Нѣсколько рѣдкихъ и малоизвѣстныхъ иностранныхъ сочиненій, относящихся до Петра Великаго и его вѣка». — Настоящая статья есть продолженіе *библиографическихъ отрывковъ*, которыми управленіе Императорской публичной библіотеки начало, въ Августѣ 1854 г., знакомить отечественную публику съ находящимися въ нашемъ книгохранилищѣ иноязычными сочиненіями о Россіи. Въ этой статьѣ обзорно содержаніе книгъ, называемыхъ «*curiosa*», явившихся во множествѣ въ періодъ царствованія Петра Великаго. «Первое путешествіе нашего преобра-

завоевателя во чужинъ краинъ обратило глаза всего запада на Россію, или, какъ еще тогда ее называли, — *Московию*. Поощрительное приглашеніе иностранцевъ ко вступленію въ Русскую службу, или къ перенесенію въ Россію ихъ науки, промышленной дѣятельности и торговли, еще болѣе сосредоточило вниманіе на государство, о которомъ знали до-тѣхъ-поръ кое-что — и то лишь въ небольшомъ кругу ученыхъ — единственно по книгамъ Герберштейна, Мейерберга и Олсена. Сѣверная война довершила начатое. Изъ-за вѣковыхъ гѣсовъ, изъ-за волей, въ теченіе полу-года покрытыхъ сибѣжною пеленою, передъ изумленною Европою возстала внезапно, какъ сказочный исполинъ, огромная держава, подъ ударамъ которой пошатнулось даже древнее могущество Швеціи. На такую державу, съ ея колоссальнымъ владыкою, стоило посмотрѣть близи и стоило также попытаться въ ней счастья. Россія обратилась въ мѣту передвиженія для жителей стараго запада, какъ теперь Америка, если и не въ такихъ размѣрахъ, то по-крайней-мѣрѣ съ такою же цѣлю: исканія *новаго* и, съ помыслъ, *лучшаго*. Но если на призывъ царя откликнулся не одинъ человекъ истинно-достойный и полезный, то за людьми дѣльными устремилась и цѣлая толпа искателей приключеній, которые нечего было терять дома и которые надѣялись у насъ на почетъ, отличія и золотыя горы. Не всѣ, даже и не большая часть, достигли своей цѣли; но образовавшееся единожды направление умовъ побудило смотрѣть на Россію внимательнѣе и, во всякомъ случаѣ, иначе прежняго. Отсюда родилось и желаніе знати точнѣйшія о ней свѣдѣнія. Многіе изъ побывавшихъ у насъ стали описывать театръ своихъ походовъ, и эти извѣстія о маловѣдомомъ краѣ, о его жителяхъ и ихъ нравахъ и о совершавшихся въ немъ необыкновенныхъ переворотахъ съ жадностію читались западною Европою. Изъ сихъ описаній, вмѣстѣ съ разсказами тѣхъ иностранцевъ, которые шли случай лично видѣть Петра Великаго за границею, или узнать какія-либо подробности о его тамъ пребываніи, составилась, особенно въ Германіи, цѣлая новая отрасль литературы, подобно тому, какъ въ наше время разработка золотыхъ приисковъ созидала богатую описательную литературу Калифорніи, а нынѣшняя война — цѣлую библіотеку. Первые и болѣе важныя извѣстія стекались,

естественно, въ періодическія изданія. Но какъ въ то время и число повременныхъ изданій было еще незначительно, и кругъ ихъ читателей не великъ, то множество писателей или, точнѣе сказать, писаекъ, частію подъ забраломъ замысловатыхъ псевдонимовъ, частію же и безыменно, привалили или повторяли журнальныя статьи, или дополняли и передѣлывали ихъ по-своему, въ отдѣльныхъ книжкахъ, брошюрахъ и летучихъ листкахъ. При выражавшейся ежедневно общей потребности ближайшаго знакомства съ нашимъ отечествомъ, каждый торопился печатать что и какъ могъ и о самой Россіи и о великомъ ея монархѣ, иногда въ ихъ пользу, иногда противъ нихъ, смотря по тому, чьей кто держался стороны, или отчего можно было, сообразно мнущему настроенію умовъ, рассчитывать на большій сбытъ. Рядомъ съ официальными и частными новостями о современныхъ событіяхъ, съ переводами подлинныхъ актовъ и съ дипломатическими нотами и декларациями лились въ печать и біографіи царя, и автобіографіи самихъ авторовъ, и академическія диссертациі и разныя фантастическія сочиненія въ прозѣ и въ стихахъ. Въ статьѣ исчисленъ рядъ подобныхъ провазведеній, числомъ 64, — небольшой образчикъ, почти на выдержку, изъ находящихся въ бібліотекѣ многихъ сотенъ.

— Два неизвѣстные проекта Посошкова. — Къ числу замѣчательныхъ лицъ эпохи Петра Великаго принадлежатъ Новгородскій крестьянинъ *Иванъ Посошковъ*, который, не смотря на свое низкое званіе и недостаточное образованіе, оцѣнилъ гениі великаго преобразователя Россіи, приискивалъ способы способствовать его реформамъ и съумѣлъ оказать важныя услуги отечеству. Обладая свѣтлымъ умомъ и замѣчательною, по своему времени, начитанностью, Посошковъ съ особенною любовью занимался рѣшеніемъ вопросовъ политико-экономическихъ, задолго до существованія политической экономіи, какъ науки отдѣльной и самостоятельной. Но, не имѣя вліянія и вращаясь въ тѣсномъ кругу своего крестьянскаго и торговаго быта, онъ нашелъ единственное средство выразить безпокойствія его мысли составленіемъ разнаго рода проектовъ, которые и представлялъ лицамъ, близкимъ къ государю. Не смотря однакожь на практическую важность и на возможность примѣненія нѣкоторыхъ изъ нихъ

къ дѣлу, едва ли не всѣ его предложенія правительству остались безъ исполненія и не достигли цѣлей, которыхъ такъ настойчиво добивался ихъ составитель. Предлагая какое-либо нововведеніе, Посошковъ объяснялъ при этомъ современное состояніе описываемаго имъ предмета и тѣ неудобства и затрудненія, какія онъ въ немъ находилъ и какія, безъ сомнѣнія, дѣйствительно тогда существовали. По этой причинѣ, сочиненія Посошкова представляютъ нелишнюю занимательности картину Россіи въ первой четверти XVIII вѣка. Все, что было извѣстно до-сихъ-поръ изъ твореній Посошкова, собрано г. Погодинымъ и издано Московскимъ Обществомъ исторіи и древностей въ 1842 г. подъ общимъ заглавіемъ: «Сочиненія *Ивана Посошкова*». Въ этомъ изданіи заключаются всѣ извѣстныя по настоящее время проекты нашего самороднаго политика-экономиста, не оцѣненнаго по достоинству ни современниками, ни потомками; но уже и изъ нѣкоторыхъ мѣстъ печатнаго текста видно, что не всѣ сочиненія Посошкова приведены въ извѣстность; такъ на стр. 18 самъ авторъ упоминаетъ о сочиненномъ имъ *наставленіи своему сыну объ обязанностяхъ духовенства*; на стр. 255 говорится, что авторъ представлялъ какое-то *донесеніе о новыхъ деньгахъ А. В. Макарову* и нѣкоторыя другія. Г. Купріянову удалось найти въ Софійской библіотекѣ (въ Новгородѣ) еще два неизвѣстныхъ проекта Посошкова: 1) *о распространеніи въ Россіи религіознаго образованія* и 2) *объ умноженіи въ народѣ богатства*. Оба проекта соединены въ одной рукописи (стр. 46), тщательно переписанной и вызолоченной по обрѣзу, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Заповѣди Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа*. Въ проектѣ «объ умноженіи въ народѣ богатства» Посошковъ, доказывая необходимость увеличенія мелкой мѣдной монеты, «что по множеству народа недовольно въ государствѣ нашемъ денегъ», а равно и необходимость дѣланія лучшей золотой и серебряной монеты «противъ лучшихъ чужестранныхъ золотыхъ и серебряныхъ», предлагаетъ учредить государственный банкъ, «изъ котораго (говоритъ онъ) государственнымъ нужды и строенія исправять, и всякаго званія людямъ давать деньги взаимны безъ проценту, отчего имѣть быти сущій всему государству прибытокъ: первое, что по милости Христовой всѣ христіане въ об-

щестіи имѣть будутъ свободное житіе и пищу, а монета серебрянная и золотая въ коммерціи добротой ославится, а цѣлость ея всегда въ своемъ государствѣ въ неподвижномъ капиталѣ сохранится, а мелкая мѣдная монета по обычаю всего свѣта при лучшей нижней монетою безъ всякаго порока останется. Второе, отъ торговъ ихъ умножится въ казну пошлина. Третье, между людьми убійства, разбоевъ, грабежей и злыхъ нападокъ весьма убудеть.

— Древняя Россія. — Статья эта — вѣрная характеристика древней нашей исторіи. Сказавъ что древняя Русская исторія до половины XV вѣка представляетъ непрерывныя усобицы: «тогда земля свѣлась и росла усобицами; въ княжихъ крамолахъ вѣкъ человѣчскій сокращался», — авторъ задаетъ себѣ вопросъ: чѣмъ же спаслось Русское государство? Спаслось оно, по мнѣнію автора, тѣмъ, что Русскіе люди всегда соизвѣдали обязанность жертвовать частнымъ интересомъ общему. Эту-то мысль г. Соловьевъ мастерски развиваетъ во всемъ своемъ очеркѣ исторіи древней Россіи. «Сначала христіанская религія поддержала общество въ его основѣ. Юный народъ, при сильномъ княжѣннхъ страстяхъ, при отсутствіи тѣхъ сдержекъ, которыя могутъ выработаться обществомъ только послѣ долгой государственной жизни, юный народъ умелъ часто къ нарушенію нравственныхъ законовъ; но та же самая сила молодости давала лучшимъ природамъ средства, когда раздавались слова спасенія, съ неудержимымъ могуществомъ стремиться въ другую, лучшую сферу, и являть подвигъ добра, подвигъ силы нравственной подлѣ подвига силы матеріальной, подлѣ дѣла насилія. На встрѣчу богатырю, гордому своею вещественною силою, безнаказанно дающему волю страстямъ своимъ, выходилъ другой богатырь, ополченный нравственною силою, величіемъ нравственнаго подвига, славой торжества духа надъ плотію — выходилъ монахъ, и въ борьбѣ этихъ двухъ богатырей, юное общество было на сторонѣ втораго: ибо хорошо понимало, что его подвигъ выше, труднѣе, и этимъ сочувствіемъ заставляло перваго богатыря признавать себя побѣжденнымъ, снимать свой желѣзный панцирь, и просить другаго, болѣе почетнаго, — мантии монашеской. Таково было значеніе нашего древняго мо-

вѣщества, древняго монастыря. Между тѣмъ общество мужало; земля собиралась; утверждалось единовластіе. Но эти явленія не могли промчати безъ борьбы тяжелой, кровавой: ибо все, что держалось старымъ порядкомъ вещей, все, что находило въ его сохраненіи свои выгоды, должно было бороться отчаянно. Въ такихъ окончательныхъ борьбахъ не бываетъ хладнокровія, противники не щадятъ другъ друга; падшими мѣтъ пощады. Таковы были на Руси послѣднія усобицы княжескія; такова была борьба государей Московскихъ съ притѣзаними людьми, смотрѣвшихъ назадъ, которымъ новый порядокъ вещей не представлялъ тѣхъ выгодъ, какія представляла старина: борьба эта, начавшаяся во времена Іоанна III, продолжавшаяся при сынѣ его Василіи, доведена была до страшныхъ крайностей при Іоаннѣ IV. При борьбѣ съ такимъ характеромъ, при развитіи чувства самосохраненія, при частныхъ насиліяхъ, къ которымъ привыкли гражданскія чувства, на которыхъ зиждется общество, ослабались все болѣе и болѣе; сознаніе о необходимости пожертвованія частнымъ благомъ общему, о необходимости безкорыстнаго исполненія общественныхъ обязанностей, вѣтнѣвалось; на происходившее отсюда зло слышались отсюду громкія жалобы, зло сознавалось, но не совмѣвались настоящія, дѣйствительныя средства для его уничтоженія, общество показывало признаки страшной внутренней болѣзни, и въ то же время на границахъ государства, въ степяхъ, толпились люди, разрознившіе свои интересы съ интересами государства, люди, хотѣвшіе жить чужимъ трудомъ, люди, искавшіе въ степяхъ безваканнаго удовлетворенія своимъ противообщественнымъ привычкамъ; какъ хищныя птицы, они толпились около пораженнаго тяжелою болѣзнію тѣла, ожидая удобной минуты безпрепятственно напасть на него. Они ждали недолго; смутное время началось.... Какъ Іерусалимъ былъ очищенъ послѣдними людьми, говорить дѣтонисецъ, такъ и въ Московскомъ государствѣ послѣдніе люди собрались и пошли противъ безбожныхъ Латынъ и своихъ извѣтничковъ. Москва была очищена; избранъ государь всею землею. Великій подвигъ былъ совершонъ; но очистителямъ государства предстоялъ подвигъ еще болѣе великій, еще болѣе трудный: имъ предстояло продолжать дѣло нравственнаго очищенія; имъ пред-

стояло отыскиваніе средствъ, чрезъ которыя между гражданами распространялись бы познанія обязанностей гражданскихъ, познанія того, на чемъ видится благосостояніе общества, познанія своего отечества, познанія, чрезъ которыя всякій могъ быть полезенъ отечеству, содѣйствовать его процвѣтанію, его славѣ. Нравственное очищеніе и совершенствованіе возможно только при сознаніи и при твердой рѣшимости отъ нихъ избавиться: и вотъ Россія XVII вѣка громко вопіетъ противъ этихъ нравственныхъ недостатковъ; правительство церковное и гражданское въ сильныхъ, безпощадныхъ выраженіяхъ, указываетъ на общественныя язвы, требуя ихъ исцѣленія, употребляя въ тому средства, вооружаясь противъ людей, которые не сознавали того, что гражданинъ прежде всего долженъ имѣть въ виду общее благо, а не частныя, корыстныя цѣли. Такое глубокое сознаніе своихъ несовершенствъ, такое сильное, горячее исканіе выхода въ положеніе лучшее не могли не принести плода: средство упрочить крѣпость, благосостояніе и величіе государства было найдено; это средство было просвѣщеніе. Восточная Греческая церковь, которой, въ ея тяжкомъ положеніи, были такъ дороги благосостояніе и слава Россіи, единственной независимой православной державы, — Восточная церковь устами одного изъ своихъ святителей благословила новый путь, на который выступала Россія: «Еслибы меня спросили, говорилъ Пансіій Лигаридъ, митрополитъ Гааскій, — еслибъ меня спросили: какіе столпы церкви и государства? то я бы отвѣчалъ: во-первыхъ — училища, во-вторыхъ — училища, и въ третьихъ — училища». Убѣжденіе въ этой истинѣ укоренялось все болѣе и болѣе между Русскими людьми, и царь Θεодоръ Алексѣевичъ объявилъ, что, подобно Соломону, онъ ни о чемъ не хочетъ такъ заботиться, какъ о мудрости, царскихъ должностей родителейницѣ, всякихъ благъ изобрѣтательницѣ и совершительницѣ, съ нею же вся благая отъ Бога людямъ даруется. Такова была древняя Россія.

Сюда должны быть отнесены и слѣдующія замѣчательныя критическія статьи по Русской исторіи: *Восточная Европа въ XVII вѣкѣ* («Книги разрядныя, по оффиціальнымъ оныѣмъ спискамъ»; «Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными»; «Русское посольство въ Польшѣ

въ 1673—1677 годахъ»; «Исторія Русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядства»; «Исторія Московской Славяно-Греко-Латинской академіи», С. М. Соловьева (От. Зап. № 2); *Обзоръ историческаго развитія сельской общины въ Россіи*, соч. Б. Чичерина, Ш. Д. Бѣльева (Русск. Бесѣда № 1).

По исторіи другихъ народовъ мы встрѣтили слѣдующія статьи: *Карлъ V*, П. Н. Кудрявцева (Русск. Вѣст. № 1, 3); *Война за наследство Испанскаго престола*, Маколей (ibid. № 2); *Внешняя политика Северо-Американскихъ Штатовъ въ 1854—1855 годахъ* (ibid. № 5); *Аудское королевство*, П. С. Савельева (ibid. № 6); *Обозрѣніе политическихъ событій въ Европѣ за 1855 годъ*, кн. В. А. Чернасскаго (Русск. Бесѣда № 1); *Судьбы Греческой образованности послѣ паденія Византіи*, соч. Вильмена (Павт. № 2); *Нынешняя Парижская академія наукъ* (С. Пб. Вѣд. № 11); *Аудскій Наваба*, Н. Березина (ibid. № 58); *О древней исторіи Арменіи вообще*, С. П. (Гла. Кавк. № 16 и 17); *Древняя Колхида*, Е. Мелешко (ibid. № 19 и 20).

— «Карлъ V». — По временамъ—говорить въ введеніи къ своему труду г. Кудрявцевъ—исторія любитъ дѣлать пересмотръ своихъ собственныхъ живнѣй о лицахъ и событіяхъ. Въ послѣдніе годы особенно посчастливилось славной исторической памяти Карла V. Ученый кредитъ Робертсона, стараго его историка, вдругъ упалъ на нѣсколько процентовъ. Вновь возбужденное участіе къ современнику Реформаціи вызвало нѣсколько новыхъ замѣчательныхъ монографій объ его жизни и смерти, появившихся въ короткій срокъ двухъ или трехъ лѣтъ. Не случайно пробудился вновь интересъ къ лицу, валъ которымъ, казалось, уже произнесенъ былъ судъ исторіи. Ближайшаго повода, конечно, надобно искать въ успѣхахъ новыхъ архивныхъ разысканій. Только въ наше время открылись любознательности драгоценныя архивы Испаніи, такъ долго бывшіе недоступными. Нельзя описать всего историческаго богатства, извлеченнаго изъ одного Симанскаго архива (de Simancas), благодаря настойчивости и неутомимой дѣятельности Бельгійскихъ и Французскихъ разыскателей. Гашаръ оставилъ по себѣ почетное имя въ новой исторіографіи лишь своими превосходными изданіями актовъ и корреспондентій, касающихся Испаніи и Нидерландовъ подъ управ-

леніемъ императоровъ и королей Габсбургско-Австрійскаго дома. Біографическая исторія Карла V и сына его Филиппа II въ особенноти приобрѣла новыя, весьма важныя основанія, бывшія прежде почти неизвѣстными. Можетъ быть, менѣе видны и слышны, но не менѣе существенны и полезны новыя труды Нѣмецкихъ ученыхъ по той же части исторіи. Вновь издавныя документы, впрочемъ, лишь прибавили пищи старому интересу, который всегда соединялся съ воспоминавіемъ о Карлѣ V. Составленная по этимъ новымъ изданіямъ г. Кудрявцевымъ біографія Карла V заслуживаетъ особеннаго вниманія: авторъ хотя и придерживался Минье (*Charles-Quint, son abdication, son séjour et sa mort au monastère de Juste*) и другихъ писателей, но смотрѣлъ на Карла собственными глазами и бросилъ на судьбу его взглядъ Русскаго ученаго, не отуманеннаго ни блестящимъ царствованіемъ Карла, ни странностью самой его судьбы, и глубоко сознающаго важный долгъ историка. «По нашему мнѣнію — говорить г. Кудрявцевъ — знаменитый императоръ далеко не всегда былъ полнымъ господиномъ своего положенія: внѣшнія событія играли гораздо болѣе значительную роль въ его жизни, чѣмъ думаютъ (Минье и другіе). Скажемъ прямо: на нашъ взглядъ, отреченіе Карла V скорѣе вытекало изъ его положенія и хода внѣшнихъ обстоятельствъ, чѣмъ изъ его душевныхъ расположеній. Какое бы развитіе ни получилъ крившійся въ немъ зародышъ болѣзни, едва ли бы когда онъ взялъ совершенный верхъ надъ его привычкою властвовать». Съ этимъ мнѣніемъ нельзя не согласиться, хотя оно и противорѣчитъ убѣжденіямъ Минье и другихъ біографовъ Карла V. Статья еще не кончена.

VII. Языкознаніе.

Въ «Извѣстіяхъ Императорской академіи наукъ по отдѣленію Русскаго языка и словесности» (вып. I, лют. 1—4) помѣщены: *Слѣдствія изъ древней Глаголической рукописи*. Записка Н. П. Срезневскаго; *Выписки изъ 8-го отчета кандидата С. П. Микуцкаго*. Въ прибавленіяхъ же къ этимъ Извѣстіямъ (листы СХІV—СХІХ) напечатаны: *Начало Болгарскаго словаря*, Н. Герова и 10-е продолженіе *Санскрито-Русскаго словаря*, К. А. Коссо-

вѣча. Сюда же принадлежатъ статьи, помѣщенные въ Русскомъ Вѣстникѣ (N° 3): *Открытія въ области Глаголици, О. М. Бодянского и Оды Горация въ переводѣ Фота, С. Д. Шестакова.*

— «Свѣтлыны изъ древней Глаголической рукописи».—Замѣчанія г. Срезневскаго о самомъ словѣ «свѣтлыны» заключаются въ слѣдующемъ: «Свѣтлыны употребляемы издревле въ нашихъ церковныхъ книгахъ: 1) какъ переводъ Греческаго слова φωταγωγιχο или φωταγωγάρια, особаго рода заключительныя пѣснопѣнія во всеобщей службѣ, въ которыхъ поминается часто слово τὸ φῶς — свѣтъ; 2) какъ переводъ Греческаго слова ἑξακοστυλάρια, такою же рода пѣснопѣнія, преимущественно во всеобщей службѣ воскресной, получавшія въ Греческомъ имя отъ часто встрѣчающагося въ нихъ слова ἑξακοστυλον—послѣ, соотносимого съ свѣтомъ (ἑξακοστυλον τὸ φῶς σου—послѣ свѣтъ твой): ихъ находимъ въ Октоихѣ въ числѣ одиннадцати: «Свѣтлыны съ еуаггелискими самогласными: творении куръ Льва Прѣмудраго». За ними помѣщаются въ Октоихѣ восемь свѣтленъ въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Пѣнны трончѣва, ихъ же помѣ въ великихъ посты и въ прочаа посты»; а далѣе слѣдуетъ: «Свѣтлыны прѣдъ недѣлю»—всего шесть, по одной на день. Отдѣльныя отъ этихъ свѣтлыны находятся въ каждомъ канонѣ послѣ девятой пѣсни; ихъ надобно искать въ Миней, въ триоди цвѣтной и проч. Въ вышесказанныхъ книгахъ употребляется слово свѣтлыны въ муж. родѣ, очень издавна; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ рукописяхъ, даже и въ древнихъ, встрѣчается свѣтлыны въ жев. родѣ».

VIII. КРИТИКА И ТЕОРІЯ СЛОВЕСНОСТИ.

Къ этому отдѣлу принадлежатъ слѣдующія статьи: *Героическое значеніе поэта. Данте. Шекспиръ* (изъ Т. Карлейля), В. П. Боткина (Совр. N° 1 и 2); *Сочиненія В. А. Пушкина и Д. В. Веневитинова*, А. В. Дружинина (Библи. для Чт. N° 1); *Взглядъ на Русскую критику*, Г. Е. Б-ва (От. Зап. N° 1); *Пушкиль*, М. Н. Каткова (Русск. Вѣсти. N° 1, 2 и 6); *Значеніе художественныхъ произведеній для общества*, П. В. Анвейкова (ibid. N° 4).

— «Героическое значеніе поэта». — «Герой, принимаемый за божество, герой, какъ проризатель, быть изложеніи древнихъ

временъ и уже не повторяются въ позднѣйшія времена. Въ настоящее время герой является въ несравненно-простѣйшемъ образѣ, но за то и въ менѣе сомнительномъ, именно въ образѣ поэта. Это явленіе не проходитъ. Героическій образъ поэта принадлежитъ равно всѣмъ вѣкамъ: его могутъ рождать какъ древнѣйшія, такъ и новѣйшія времена, и рождаютъ, когда то угодно бываетъ природѣ. Я представляю себѣ, что въ поэтѣ заключается государственный человѣкъ, мыслитель, философъ: въ нѣкоторой степени онъ можетъ быть всѣми ими, и таковъ онъ есть въ сущности. Я не могъ понять, почему какой-нибудь великій ораторъ, съ его пламеннымъ сердцемъ, съ тѣмъ огнемъ, который горитъ въ немъ, съ рвущимися слезами, которыя таатся въ немъ, — почему бы этотъ великій ораторъ не могъ писать стиховъ, трагедій, поэмъ и трогать ими сердца, еслибы теченіе его жизни и его воспитаніе привели его на этотъ путь? Главное состоитъ только въ величій человѣка: чтобы человѣкъ былъ великъ. У Наполеона были слова подобныя побѣдоноснымъ битвамъ; маршалы Людовика XIV въ нѣкоторомъ смыслѣ поэтические люди: слова, которыя говаривалъ Тюренъ, исполнены глубокомыслія и гениальности, какъ слова Самуила Джонсона. Великое сердце, глубоко провидящій глазъ — вотъ въ чемъ главное: безъ нихъ ни въ какой странѣ не можетъ сдѣлаться великимъ никакой человѣкъ. Конечно, есть способности природныя, врожденные. Природа не отливаетъ всѣхъ великихъ людей, преимущественно предъ всѣми другими людьми, въ одну и ту же форму. Безъ сомнѣнія, способности различны; но бесконечно различны и обстоятельства, и они-то и должны приниматься въ соображеніе. Положимъ, что герой передъ вами: чѣмъ онъ долженъ быть — завоевателемъ, правителемъ, философомъ, поэтомъ? Это необъяснимый, глубоко-сложный расчетъ, совершающійся между міромъ и имъ. Онъ станетъ читать міръ и законы его; міръ съ своими законами будетъ передъ нимъ, чтобы онъ читалъ ихъ. Чему въ этомъ отношеніи міръ дастъ совершиться, въ чему онъ призоветъ его, въ томъ и будетъ состоять важнѣйшее дѣло великаго человѣка относительно міра. Поэтъ и прорицатель различны между собою только вслѣдствіе тѣхъ неотчетливыхъ понятій, которыя мы себѣ о нихъ составили. Въ сущности они до-сихъ-

поръ однозначительны, особенно въ томъ важномъ отношеніи, что оба они проникаютъ въ ту святую тайну вселенной, которую Гёте называетъ «открытой тайной». Какая есть самая великая тайна? — «Открытая тайна», открытая предъ всѣми и почти никѣмъ невидимая, та божественная тайна, которая предстоптъ намъ всюду, во всѣхъ существахъ, — божественная мысль міра, лежащая въ основѣ всѣхъ явленій, какъ выражается Фихте, для которой всѣ явленія, отъ звѣзднаго неба до полевой былинки и особенно самъ человѣкъ, его бытіе и его дѣйствія, суть только оболочки, одежда, воплощеніе, дѣлающія ее *видимой*. Эта божественная тайна пребываетъ всюду и во всѣ времена, *дѣйствительно* пребываетъ. Почти во всѣ времена и во всѣхъ странахъ ее болѣею частію не замѣчаютъ, и на вселенную, опредѣляемую такъ или иначе, смотрятъ, какъ на пустую, обыкновенную вещь, какъ на мертвую вещь. Но Vates — все равно, прорицатель или поэтъ — проникаетъ въ нее; это человѣкъ, призванный для того, чтобы убѣдительно возвѣщать намъ о ней. Вотъ въ чемъ всегда его призваніе: онъ долженъ открывать намъ ее, эту тайну, съ которою онъ, болѣе всѣхъ другихъ, живетъ въ постоянномъ общеніи. Теперь объ ихъ взаимномъ различіи: Vates-прорицатель видитъ это святое таинство болѣе съ нравственной стороны, какъ добро и зло, какъ долгъ и воспрещеніе. Vates-поэтъ, напротивъ, видитъ его, какъ говорятъ Нѣмцы, съ эстетической стороны, какъ красоту и т. п. Одинъ открываетъ намъ, что мы должны дѣлать, другой — что мы должны любить. Но эти обѣ сферы постоянно сливаются между собою и не могутъ быть раздѣлены. И прорицатель также видитъ, что мы должны любить: иначе какъ бы онъ могъ знать, что именно должны дѣлать? Посмотрите на лиліи въ полѣ: онѣ не работаютъ и не ткутъ, но и Соломонъ во всей славѣ своей не облакался, какъ онѣ. Это говорилъ голосъ самый возвышеннѣйшій, какой слышался когда-либо на землѣ. Вотъ взгляды въ самую сокровеннѣйшую глубину красоты! Лиліи въ полѣ, облеченныя великолѣпнѣе владыкъ земныхъ! Лиліи, растущія на этой грубой, черной, иарытой землѣ! Чудной красоты глаза, смотрящій на насъ изъ великаго внутренняго моря красоты! Какъ могла бы грязная земля выростить *это*, еслибъ сущность ея, говоря, внутренно, не была красотою?

Въ этомъ-то смыслѣ и имѣютъ глубокое значеніе слова Гёте, которыя многихъ возмущали: «Прекрасное — говоритъ онъ — заключается въ себѣ благое». Истинно-прекрасное такъ же отличается отъ ложно-прекраснаго, какъ небо отъ потолка». Такъ опредѣляетъ Карлейль героическое значеніе поэта, прибавляя, «что поэзія есть метрическая, мѣрная рѣчь, заключающая въ себѣ музыку не въ однихъ только словахъ, но въ смыслѣ своемъ и сущности, во всѣхъ мысляхъ и выраженіяхъ». Затѣмъ слѣдуютъ оригинальныя характеристики Данта и Шекспира — результаты глубокаго изученія произведеній этихъ двухъ мировыхъ поэтовъ.

IX. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

Къ матеріаламъ исторіи отечественной словесности принадлежатъ слѣдующія статьи, помѣщенные въ Извѣстіяхъ Императорской академіи наукъ по отдѣленію Русскаго языка и словесности (вып. 1, листы 1—4): *Записка председателя съезжающей о замятѣхъ отдѣленія въ 1855 году; Записки о членахъ отдѣленія: 1. О профессорѣ М. К. Гротѣ; 2. О профессорѣ К. А. Невоминѣ, П. А. Плетневѣ, и Дополненіе къ запискѣ: Старинныя сказки о царѣ Соломонѣ. Сообщ. А. Н. Пыпинъ.*

Въ прочіихъ періодическихъ изданіяхъ по исторіи Русской литературы явились слѣдующія статьи: *Очерки Гооголевскаго періода Русской литературы* (Совр. № 1, 2); *Библиографическая рѣдкость. Журналъ 1773 года. М. С. Ломоносова* (ibid. № 2); *Горь-влочаствіа. Древнее Русское стихотвореніе, съ замѣчаніями Я. Костомарова* (ibid. № 3); *Иванъ Ивановичъ Мартыновъ. Переводчикъ Греческихъ классиковъ, В. Колбашина* (ibid.); *Знакомство мое съ Пушкинымъ, Н. П. Дожежниковъ* (Русск. Вѣст. № 4); *Надеждины. Автобіографія, съ дополненіями П. С. Савельева* (ibid. № 5); *Два слова о народности въ наукѣ, Ю. О. Самарина* (Русск. Бесѣда № 1); *О Русскомъ газетнѣмъ, К. А.* (ibid.); *Нѣсколько словъ о П. Р. Фурманнѣ, В. Стоюнина* (Сѣв. Пч. № 39); *Столѣтіе Московскихъ вѣдомостей* (Моск. Вѣд. № 1, 3, 12); *Обзоръ ученыхъ трудовъ, изданныхъ Московскимъ университетомъ къ его столѣтнему юбилею, Н. П.* (Моск. Вѣд. № 4, 5, 48 и 17).

— Иванъ Ивановичъ Мартыновъ. — Мартыновъ заслуживаетъ полнаго уваженія по своей живой, симпатической личности, замѣчательнымъ трудамъ и соприкосновенію съ значительными личностями прежняго времени, Мартыновъ извѣстенъ въ исторіи Русской литературы, какъ переводчикъ Греческихъ классиковъ и издатель четырехъ журналовъ. Но онъ еще болѣе замѣчательнъ, какъ полезнѣйшій образованный гражданинъ, который участвовалъ въ общемъ дѣлѣ просвѣщенія въ то время, когда основывались университеты, лицей, институты, когда дѣйствовали Карамзинъ, Сперанскій и другіе. Это былъ человѣкъ изумительной дѣятельности, глубокой практикъ и ученый теоретикъ, журналистъ и краснорѣчивый профессоръ, о которомъ сказано въ одномъ Нѣмецкомъ повременномъ изданіи, что «чтенія его такъ много посѣщало военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, что прежній учебный залъ (въ С. Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ) сталъ уже слишкомъ тѣсенъ для помѣщенія». Кромѣ того, онъ былъ первый директоръ департамента народнаго просвѣщенія, школьный товарищъ и другъ незабвеннаго Михаила Михайловича Сперанскаго. Наконецъ, это былъ, говоря безъ всякихъ риторическихъ фразъ, первый подвижникъ Русскій, отбавившійся, не смотря на величайшія трудности въ предпринятомъ дѣлѣ, перевести богатство Элады въ горячо любимую имъ Россію. И этотъ огромный трудъ онъ совершалъ одинъ, въ свободное время отъ службы и при самомъ холодномъ равнодушіи тогдашней публики, лѣниво и неохотно взравшей на его полезное изданіе. Благодаря матеріаламъ, которые были доставлены сыномъ Ив. Ив. Мартынова, весьма подробнымъ запискамъ, составленнымъ самимъ покойнымъ, его замѣткамъ, перепискѣ и рассказамъ лицъ, знавшихъ его коротко, г. Колбасинъ составилъ полную біографію Мартынова, въ которой рассмотрѣна литературная, общественная и частная его жизнь. Занимаедемъ изъ этой, исполненной высокаго интереса біографіи, нѣкоторыя свѣдѣнія объ оффиціальной дѣятельности Мартынова со времени назначенія его директоромъ Департамента народнаго просвѣщенія. «Въ 1803 г. января 24, послѣдовалъ Высочайшій указъ объ утвержденіи Мартынова директоромъ департамента; опредѣлены начальники отдѣ-

леній, выборы другіе чиновники, и департаментъ образовался. Вновь учрежденное министерство хотѣли назвать просто министерствомъ просвѣщенія; но Мартыновъ подалъ свое мнѣніе: «такъ какъ цѣль вѣдомства заботиться о просвѣщеніи въ цѣломъ государствѣ, то не прилично ли будетъ назвать его министерствомъ *народнаго* просвѣщенія?» Мнѣніе это было принято во вниманіе и одобрено Александромъ Благословеннымъ. Хотя министерство было уже образовано, но надлежало приступить къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ. По Высочайше утвержденнымъ предварительнымъ правиламъ народнаго просвѣщенія, слѣдовало приступить къ образованію университета въ С. Петербургѣ. Рѣшили прежде всего учредить отдѣленіе университета, подъ названіемъ С. Петербургскаго педагогическаго института, который былъ бы рассадникомъ для профессоровъ будущаго университета, для учителей гимназій и другихъ училищъ. Мартыновъ, не смотря на то, что былъ обремененъ дѣлами по званію директора, читалъ въ Педагогическомъ институтѣ, по *настолю* Ник. Ник. Новосильцова, бывшаго тогда попечителемъ, эстетику, въ то время, когда еще никакихъ руководствъ не существовало по этому предмету. Съ іюня 1804 г. къ прежнимъ занятіямъ Мартынова прибавилась должность ученаго секретаря конференціи педагогическаго института. Въ этомъ же году, 3 Сентября, именнымъ Высочайшимъ указомъ повелѣно ему быть правителемъ дѣлъ главнаго правленія училищъ, съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ; кромѣ того, въ 1803 и 1804 г., онъ былъ употребленъ правителемъ дѣлъ въ составленномъ по Высочайшему повелѣнію комитетѣ для разсмотрѣнія проекта князя Зубова объ учрежденіи губернскихъ военныхъ училищъ. На основаніи этого проекта, комиссія начертала планъ воспитанія для военныхъ училищъ. Планъ былъ удостоенъ Высочайшаго утвержденія и, на основаніи его, открытъ совѣтъ о военныхъ училищахъ, въ который правителемъ канцеляріи совѣта назначенъ Мартыновъ, съ оставленіемъ при прежнихъ должностяхъ. 5 апрѣля 1805 г. Уставы, въ начертаніи которыхъ участвовалъ Мартыновъ, были слѣдующіе: Дерптскаго, Московскаго, Каванскаго и Харьковскаго университетовъ, также уставъ для Демидовскаго высшихъ наукъ училища. По числу университетовъ, существо-

авшихъ тогда въ Вильнѣ, Москвѣ и Дерптѣ и предположенныхъ вновь въ С. Петербургѣ, Харьковѣ и Казани, устроены шесть учебныхъ или университетскихъ округовъ; къ каждому изъ нихъ причислено по нѣскольку губерній, существовавшія училища которыхъ подлежало преобразовать по новому плану, учредить новыя и каждый округъ подчинить особому попечителю. Правила для С. Петербургскаго педагогическаго института, или для такъ-называемой учительской гимназiи писаны Мартыновымъ съ живѣйш, по учебнымъ предметамъ, профессоровъ института. Уставы для гимназiй, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ составлены Мартыновымъ, кромѣ одной таблицы росписанiй учебныхъ предметовъ, что поручено было члену главнаго праменiя училищъ Н. И. Фусу. Уставъ для цензуры книгъ написанъ весь Мартыновымъ и подписанъ министромъ и членами главнаго правленiя училищъ, почти безъ всякой перемѣны, и Высочайше утверждень 9 iюля 1804 г. Этого же года, 5 ноября, Высочайше утверждены грамоты, уставы и штаты университетовъ: Московскаго, Харьковскаго и Казанскаго; также уставы другихъ учебныхъ заведенiй, т. е. гимназiй, пансионовъ, уѣздныхъ, приходскихъ и другихъ названiй училищъ. Извѣстность Мартынова, какъ опытнаго педагога, была такъ велика, что Императрица Марiя Ѳеодоровна, къ письмѣ черезъ статсъ-секретаря Виленова, пригласила его принять надзоръ за учебною частiю въ С. Петербургскомъ воспитательномъ заведенiи. Вслѣдствiе этого лестнаго предложенiя, онъ и занимался 1707 и 1808 г. въ этомъ заведенiи. 5 февраля 1807 года Мартыновъ былъ избранъ членомъ Россiйской академiи. Кромѣ того, университеты и ученые общества не лишали его своего вниманiя: старѣйшiй изъ нашихъ университетовъ, Московскiй, почтилъ его званiемъ почетнаго своего члена, гораздо ранѣе поступленiя его въ академiю, въ 1804 г. Бывшiй Виленскiй университетъ избралъ его въ свои члены 17 октября 1809 г. то же сдѣлали: Харьковскiй, въ 1810, сентября 14, а въ 1814, октября 21, Казанскiй университеты. Честь и слава Русскимъ университетамъ, сознававшимъ, что они были обязаны ему многими коренными и лучшими изъ своихъ постановленiй! Въ томъ же году и того же числа С. Петербургское вольное экономическое Об-

щество приняло его въ дѣйствительные свои члены, а въ 1816 марта 24, медико-хирургическая академія почтила его званіемъ почетнаго своего члена. Въ 1809 г. Мартыновъ былъ употребленъ дѣлопроизводителемъ въ комитетъ, составленномъ для начертанія правилъ испытанія медицинскихъ чиновниковъ; потомъ онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета испытаній гражданскихъ чиновниковъ при С. Петербургскомъ педагогическомъ институтѣ и надзирателемъ курсовъ, предписанныхъ указомъ 6 августа 1809, а въ началѣ 1810 г. Мартыновъ былъ дѣлопроизводителемъ въ комитетъ, учрежденномъ для уменьшенія расходовъ по всѣмъ министерствамъ и вѣдомствамъ на 1810 г. Мартыновъ участвовалъ также и въ учрежденіи Императорскаго Александровскаго лицея. Императоръ Александръ I дозволилъ начертать главнѣйшія постановленія сего заведенія и возложить на министра народнаго просвѣщенія графа А. К. Разумовскаго—разсмотрѣть первоначальныя сіи статьи, сообразить съ существующими уже по части просвѣщенія постановленіями и сдѣлать въ нихъ перемѣны и пополненія, для начертанія постановленія лицею. Гр. А. К. Разумовскій поручилъ дѣло сіе Мартынову и существующее нынѣ постановленіе, разсмотрѣнное министромъ, вскорѣ поднесено было Императору и удостоено Высочайшаго его утвержденія 19 августа 1810 г. Мартыновъ, сверхъ своихъ должностей, былъ употребленъ въ 1812 и 1813 г. дѣлопроизводителемъ въ комитетъ для начертанія правилъ испытанія гражданскихъ чиновниковъ. Правила эти, представленныя комитету, были приняты безъ всякой перемѣны, подписаны членами и представлены въ комитетъ министровъ. Августа 25 1816 г. Мартыновъ назначенъ дѣлопроизводителемъ въ комитетъ для разсмотрѣнія проекта устава Россійской академіи. Съ окончаніемъ 1816 г. блистательная служба Мартынова кончилась.

Къ исторіи литературы другихъ народовъ принадлежатъ въ обзорѣваемое трехмѣсячіе слѣдующія статьи: *Георгъ Краббъ и его произведенія*, А. В. Дружинина (Совр. N° 1, 2 в 3); *Атора Жиль-Блаза*, Біографическій очеркъ (ibid. N° 1); *Польская литература въ 1815 году* (ibid. N° 2); *Овидій и его произведенія*, П. Знаменскаго (Библи. для Чт. N° 1); *Кардиналь Меццофанти*, А. Пишо (ibid. N° 2); *Вильгельмъ Теккерей*, Литературная характе-

ристикъ (ibid. № 3); *Нояльная поэзія во Франціи, во Ита-
ліи, Германіи и Англій.* Письма къ редактору «Отечеств. За-
писокъ» Карла Штахеля (От. Зап. № 2 и 3); *Дантъ, его языкъ
и смыслъ,* П. Н. Кудряцова (ibid. № 3); *Восточная литерату-
ры и Русскіе ориенталисты,* П. С. Савельева (Русск. Вѣст.
№ 6); *Народное возрожденіе Сербовъ-Лужичанъ въ Саксоніи,* А.
Ө. Гильфердинга (Русск. Бесѣда № 1); *О Русской литературной
дѣятельности въ Галиціи въ 1855 г.,* его же (ibid.); *Баронъ Тей-
лоръ.* Ст. Мерикура (Пант. № 1); *Гейрихъ Гейне,* фонъ-Вирста
(С. Пб. Вѣд. № 59); *Чарльзъ Диккенсъ.* Литературный очеркъ
(Русск. Инв. № 67); *Керъ-Оглу.* Ст. С. Певна (Газ. Кавк. № 21,
22, 23, 24 и 26).

Х. ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Въ обозрѣваемый періодъ явились слѣдующія стихотво-
ренія: въ Современникѣ: Я. Полонскаго: *Царство науки не
знаетъ предѣла* (№ 1); А. А. Фета: *Морской заливъ* (ibid.); *Забудь
меня* (№ 2); *Въ темнотѣ, на треножничкѣ яркомъ* (ibid.); А. М.
Жемчужникова: *Съ вечера идетъ все лѣсомъ дремучимъ* (№ 2);
гр. А. К. Толстаго: I. *Милый другъ, тебя не спитъ.* II. *Волки,*
Баллада. III. *Ой, какъ бы Волга матушкѣ да еспятъ побѣжала.*
IV. *Дождя отшумѣшаго капли.* V. *Ходитъ спясъ надуваючися.* IV.
Въ колоколь, мирно дремавшій, съ налету тяжелая бомба (№ 2);
А. Н. Майкова: *Мечтанія* (№ 3); А. С. Пушкина: *За днями дни
блужу толпой* (№ 3). Это стихотвореніе, не вошедшее въ изда-
ніе сочиненій А. С. Пушкина, было напечатано въ альманахѣ на
1835 годъ: «Весенніе цвѣты или собраніе романсовъ, балладъ и
пѣсень» А. Пушкина, Жуковского и другихъ. Альманахъ изданъ
въ Москвѣ, въ типографіи Пonomарева. Подпись подъ стихотво-
реніемъ полная: *А. Пушкинъ.*

Въ Библіотекѣ для чтенія: *Человѣкъ,* В. Г. Бенедиктова
(№ 1); *Юдыль,* А. А. Мея (ibid.); *Внезапное горе,* И. Никитина
(ibid.); *Старушка.* Изъ Беранже. Курочкина (ibid.); *Небесный сим-
волъ,* гр. Е. П. Растопчиной (№ 2); *Гр. Е. Т-ой,* Я. П. Полонска-

го (ibid.); *Генералъ-лейтенанту Хрулеву, А. Н. Майкова* (№ 3); *Молитва объ ополченныяхъ, гр. Е. П. Растопчиной* (ibid.); *Дилежъ, И. Никитина* (ibid.); *Изъ Горациа: I. Валмию. II. Меценату. III. Корыстолюбцу, И. П. Крешева* (ibid.); *Изъ Беранже, В. Курочкина* (ibid.).

Въ Отечественныхъ Запискахъ: *Оды Горациа Флакка. Книги I и II. Перев. А. А. Фета* (№ 1 и 3); *Миньонъ, П. Ф. Щербины* (№ 2); *Звѣзды, Я. Полонскаго* (ibid.); *Ревель, А. Фета* (ibid.); *Въ лѣсу, И. Никитина* (ibid.); *Я съ дѣтства зналъ тебя, Н. К—ля* (№ 3); *Рыбная ловля. Поэма А. Н. Майкова.*

Въ Пантеонѣ: *Дочь Донъ-Жуана. Драматическія сцены въ стихахъ, гр. Е. П. Растопчиной* (№ 1); *Домовой. Народный очеркъ. Грекова* (№ 2); *Батусъ. Списокъ съ картины Рубенса. Бедендиктова* (ibid.); *Встрѣча, П. Кроля* (ibid.); *Моя пора мечты съ юдами миновалась, Фрейрейса* (ibid.); *Гр. Ф. П. Толстому, Л. Мея* (ibid.); *Сонъ, Н. Хвоцинской* (ibid.); *Русалки. Баллада В. Зотова* (ibid.).

Въ Русскомъ Вѣстникѣ: *На прибытіе Государя Императора въ Одессу и северный Севастополь, М. А. Дмитриева* (№ 2); *Луна и солнце, К. Аксакова* (ibid.); *Ларецъ, неваданное стихотвореніе Дельвига* (№ 3); *Стихотвореніе Мура, пер. Б. . .* (№ 4); *Скворецъ, А. Жемчужникова* (№ 5); *Письма, Я. Полонскаго* (ibid.); *Труженики, Ф. Миллера* (ibid.); *Ты, уцѣльшій въ сердце нищемъ, Каролины Павловой* (№ 6); *Н. Огарева: Первая любви* (№ 2); *Кокетка* (ibid.); *Зимній путь* (№ 3); *Африка. Отрывокъ* (№ 6); *Н. Павлова: Канарейка, Сьерре, Замѣтка, Иова, Амелъ, Возрожденіе, Письма Сафо* (№ 6).

Въ Русской Бесѣдѣ: (№ 1); *А. С. Хомякова: Звѣзды, Вечерняя пѣснь, Ночь, Беззвѣздная полночь дышала прохладой*; *Н. С. Аксакова: Не дай душь твоей забыть, Усталыи силы я домо не жалѣлъ, Добро-бы мечты, добро бы страсти*; *М. А. Стаховича: Пѣсни, Пѣснь юности, Вечерняя пѣсня*; *В. А. Жуковскаго: Розы.*

— Розы написаны В. А. Жуковскимъ не задолго до его кончины, по слѣдующему случаю: къ 29 января, ко дню рожденія поэта, былъ присланъ ему рисунокъ изъ равноцѣтныхъ розъ, стебли которыхъ были расположены въ видѣ креста. Въ письмѣ,

при которомъ былъ присланъ рисунокъ, выражалась скорбь объ усиленіи тѣлесныхъ страданій поэта, и потомъ сказаво: «Вѣнокъ изъ розъ въ его соединеніи съ крестомъ, изъ котораго цвѣты произрастаютъ и къ которому они снова возвращаются, живо представлялъ намъ друга страдающаго, но сохранившаго среди самыхъ страданій живость и свѣжесть души». Письмо заключалось сими словами: «пусть же поэтъ переложитъ въ слова мысли наши, которыя мы едва могли выразить образно, и вопиеть ихъ самъ въ вѣнокъ, для него сплетенный».

Въ Читеніи для солдатъ (книжк. 1): *Императору Александру II, О. Бартоломея; Ополченецъ, П. Востокова, и Писля стрѣлковъ Императорской Фамиліи.*

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ: *Миръ*, Бажанова (№ 70); *Новая сказка о современныхъ событіяхъ*, Григорьева (Русск. Инв. № 3); *Событіе изъ жизни Императора Николая I*, Бориса Федорова (*ibid.* № 40); *Что-жь потомъ?*, Ознобишина (Сѣв. Пч. № 4); *С. А. Хрулеву*, Вѣшенцова (Моск. Вѣд. № 3); *Кавказцу на прощанье* (Кавк. № 20).

Прозаическую часть изящной словесности составляли слѣдующія оригинальныя произведенія:

Въ Современникѣ: *Рудинъ*. Повѣсть И. С. Тургенева (№ 1 и 2); *Севастополь въ Августъ 1855 г.*, гр. Л. Н. Толстаго (№ 1); *Дерева и городъ*. Разсказъ М. Л. Михайлова (№ 2); *Гаврилка въ ратники идетъ, а мнѣ остаться*. Разск. Н. Тумскаго (*ibid.*); *Пахарь*. Повѣсть Д. В. Григоровича (№ 3); *Мысль*. Разск. гр. Л. Н. Толстаго (*ibid.*).

Въ Библіотекѣ для чтенія: *Крушинскій*. Романъ А. А. Нотѣхина (№ 1—3); *Улетѣвшая звезда*. Событія XVI столѣтія. Спены въ стихахъ и прозѣ гр. Е. П. Растопчиной (№ 1); *Свѣча на окнѣ*. Изъ разсказовъ моего пріятеля. В. Тунѣева (№ 2); *Голубиная охота*. Разск. голубятника X. (*ibid.*); *Чиновникъ*. Комедія въ одномъ дѣйствіи, гр. В. А. Соллогуба (№ 3).

Въ Пантеонѣ: *Лекарь*. Разск. П. М. Ковалевскаго (№ 1); *Домашняя записка Петербургской модистки*, В. В. Толбина (*ibid.*); *Женскій процессъ*. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Я. П. Деметьева (*ibid.*); *Любовь въ городской каретѣ*. Петербургская ле-

генда. В. Зотова (№ 2); *Кондиторы*. Столичный типъ. В. В. Толбина (ibid.); *Тройка*. Зимняя картина Гривки Григоренко (ibid.).

Въ Отечеств. Запискахъ: *Перемиска*, И. С. Тургенева (№ 1); *Последнее дѣйствіе комедіи*, Романъ В. Крестовскаго (1—3); *Плѣнь у Шамиля*. Правдивая повѣсть о восьмидесятичлennomъ и шестидневномъ (въ 1854—1855) пребываніи въ плѣну у Шамиля семействъ покойнаго генералъ-майора князя Орбеліани и подполковника князя Чавчавадзе, основанная на показаніяхъ лицъ, участвовавшихъ въ событіи. Е. А. Вердеревскаго (ibid.).

Въ Русскомъ Вѣстникѣ: *Неизданный отрывокъ изъ перваго тома «Мертвыхъ Душъ»*, найденный въ рукописяхъ Гоголя (№ 1); *Старушка*. Повѣсть Евгеніи Туръ (№ 1 и 2); *Отрывокъ изъ воспоминаній*, С. Т. Аксакова (№ 1); *Въ чужомъ пиру погмале*. Комедія А. Н. Островскаго (ibid.); *Въ свѣтъ и дома*. Повѣсть Тригорскаго (№ 3—5); *Напраслина*. Разск. М. Л. Михайлова (№ 5); *Семейныя сцены*, Е. Нарской (№ 6).

Повѣщенный въ Русск. Вѣстникѣ отрывокъ изъ вераго тома «Мертвыхъ Душъ» есть вариантъ окончанія IX главы. Онъ найденъ въ рукописяхъ покойнаго Н. П. Трушковскаго, который съ усердіемъ и любовью продаетъ свой трудъ, собирая все, что оставилъ по себѣ нашъ славный писатель.

Въ Русской Бесѣдѣ (№ 1): *О меланхоліи въ жизни и въ поэзіи*, В. А. Жуковскаго; *Ничто о привидѣніяхъ*, его же *Байдарская ночь или прогулка съ пластунами*, П. А. Чихачева *Князь Луповицкій или приѣздъ въ деревню*. Комедія въ 2 дѣйствіяхъ, съ прологомъ, К. С. Аксакова.

Въ Читеніи для солдатъ: *Ветеранъ и новобранецъ*. Драматическій случай изъ 1854 года (кн. 1); *Восемь мыслителей въ пльну у Французовъ*. Разск. рядоваго Татарскаго (кн. 2).

Отдѣлы иностранной словесности въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ содержали въ себѣ переводы слѣдующихъ сочиненій:

Въ Современникѣ: *Бриллиантовая ярмарка*. Святочный разсказъ Чарльза Диккенса (№ 1); *Маленькая графиня*. Повѣсть Октава Фелье (№ 3).

Въ Библиот. для чтенія: *Разсказъ Французскаго офицера, бывшаго въ плѣну у Англичанъ*, соч. Гарнера (№ 1 и 3); *Ютомс-*

скія приключенія *Ральфа Ринвуда*, записанныя съ собственныя его словъ. Разск. Вашингтона Ирвинга. Перев. А. Г.

Въ Отечеств. Завискахъ: *Исторія семи бѣдныхъ путниковъ*. Святочный разскъ Диккенса (№ 2 и 3).

Въ Пантеонѣ: *Наставница или паксионъ въ Брюсселѣ*. Англійск. ром. (№ 1); *Образецъ Тартюфа*. Комедія въ 5 дѣйствіяхъ Карла Гюккова. Перев. В. С. Певьякова (№ 2); *Житейскія ирревольскія замѣчательная комедіанта*. Соч. А. Дюма (ibid.).

Въ Русскомъ Вѣстникѣ: *Невыстка*. Романъ въ 3 частяхъ, переводъ съ Англійскаго (№ 1—6).

Въ Русскомъ Инвалидѣ: *Мечта и дѣятельность*. Разск. Филибера Одебрана (№ 24).

Въ Московскихъ Полицейскихъ Вѣдомостяхъ: *Племянникъ*. Разск. Ч. Диккенса (№ 28 и 29); *Сельская любовь*. Разск. Адриена Поля (№ 38—40); *Тереза*. Воспоминаніе о Германіи. Разск. Амедея Ашара (№ 64—66).

XI. СВОБОДНЫЯ ХУДОЖЕСТВА.

Къ этому отдѣлу принадлежать статьи: *Иванъ Константиновичъ Айвазовскій и его произведенія*. Ст. В. Т. (Библи. для Чит. № 1); *Очеркъ развитія Русской драматической музыки* (ibid. № 2); *Воловій мексуть*. Очеркъ изъ жизни Гайдна (ibid. № 3); *О Фламандской живописи*, М. Д.—М. (Русск. Бесѣда № 1); *Матеріалы для исторіи средневѣковаго театра*. *Состояніе театра во II, III и IV вѣкахъ*, М. Е. Кублицкаго (Пант. № 2); *Менделсоны Бартольди*, Данко. (С. Пб. Вѣд. № 48 и 50); *О художественныхъ архитектурныхъ произведеніяхъ* (Сѣв. Пч. № 25); *Краткій обзоръ выставки въ училищѣ живописи и ваянія*, Н. Рамзазова (Моск. Вѣд. № 26).

— Иванъ Константиновичъ Айвазовскій и его произведенія.—И. К. Айвазовскій родился въ Феодосіи въ 1717 г. Сама по себѣ живописная природа Тавриды рано развила въ немъ замѣчательное врожденное призваніе къ живописи. Рисунки его обратили на себя вниманіе бывшаго Феодосійскаго градоначальника А. И. Казначеева, и онъ принялъ самое горячее, родственное участіе въ дальнѣйшей артистической судьбѣ замѣчатель-

наго мальчика. Слѣдя, какъ вѣжливый отецъ, за его успѣхами, радуясь быстрому усовершенствованію его первыхъ произведеній и предчувствуя его яркую будущность, г. Казначеевъ самъ отвезъ Айвазовскаго въ Петербургъ и опредѣлилъ пансіонеромъ въ Императорскую академію художествъ: Айвазовскій поступилъ ученикомъ къ заслуженному профессору пейзажной живописи Воробьеву, образовавшему столько замѣчательныхъ талантовъ. Онъ недолго оставался ученикомъ Воробьева, не смотря на многіе этюды, которые могли бы упрочить за нимъ извѣстность и въ пейзажной живописи. Въ 1835 г. пріѣхалъ въ Петербургъ Французскій художникъ Таниѣръ, недовольный степенью знаменитости въ своемъ отечествѣ и нападеніями художественной критики. Замѣчательный, хотя и несопровожаемый особеннымъ восторгомъ, успѣхъ картинъ Таниѣра далъ настоящій толчекъ дарованію Айвазовскаго. Молодой художникъ инстинктивно сознавалъ, на какомъ пути найдетъ онъ славу, и началъ брать уроки у Французскаго мариниста. Нужно замѣтить при этомъ, что достоинства послѣдовавшихъ за этими картинъ Айвазовскаго не были нисколько слѣдствіемъ вліанія этого новаго его наставника. Еще до прибытія Таниѣра, любители Русской живописи знали объ огромныхъ способностяхъ пансіонера, и смотрѣли на Таниѣра только какъ на причину, ускорившую художественное развитіе Айвазовскаго. Въ числѣ первыхъ семи морскихъ картинъ, выставленныхъ Айвазовскимъ въ залахъ академіи въ 1836 г., и за одну изъ которыхъ, написанную по задатку президента академіи художествъ, А. Н. Оленина, онъ получилъ вторую золотую медаль, двѣ въ особенности обратили вниманіе знатоковъ. То были «Пароходъ, идущій въ Кронштадтъ» (удостоенная медали) и «Голландскій корабль въ открытомъ морѣ». Эти картины поразили привычныхъ посѣтителей академическихъ выставокъ. Публика предугадала, что для таланта будущаго знаменитаго мариниста не достаетъ только другой академіи — природы и трудолюбивыхъ годовъ жизни для ея изученія, и искренно поздравляли Русскую живопись съ новою блистательною надеждою на свое процвѣтаніе. Но не то же чувство испытывалъ Таниѣръ. Честолюбіе его было сильно уязвлено, когда онъ увидѣлъ, что картины, выстав-

деннымъ его ученикомъ, прилезаютъ къ себѣ большую толпу зрителей, чѣмъ его собственныя. Въ самомъ дѣлѣ, Айвазовскій, недовольный рутиной Таниѣра, стѣснѣвшаею его самобытность, уклонился отъ уроковъ Французскаго художника, подѣ предлогомъ болѣзни, и писалъ свои картины, не дѣлая о нихъ ему знать. Раздраженный Таниѣръ обвинилъ ученика въ исповизовеніи, въ своевольствѣ, строптивости, и успѣлъ наконецъ въ томъ, что картины Айвазовскаго, какъ не имѣющія никакого особеннаго достоинства, были вынесены изъ залъ академическаго музея. Для молодаго художника настала пора испытанія и существенныхъ нуждъ, но онъ не упалъ духомъ и, считаясь ученикомъ Воробьева, продолжалъ трудиться неутомимо. Какъ знаменитый Мурильо свои *hagedones* (небольшіе образа), писалъ онъ также быстро разныя морскіе виды, которые, все больше и больше, распространяли о немъ лестную молву. Въ это трудное для Айвазовскаго время прибылъ въ Петербургъ А. И. Кавачеевъ и ввелъ своего любимца во многіе извѣстные Петербургскіе дома, гдѣ его дарованіе было достойно оцѣнено, и извѣстность Айвазовскаго начала пріобрѣтать авторитетъ. Проф. баталической живописи Зауэрвейдтъ обратилъ на него вниманіе въ востъ почившаго Государя Императора, и съ этихъ поръ развитіе таланта Айвазовскаго было вполне упрочено. Августѣйшее покровительство доставило Айвазовскому новую возможность еще ближе ознакомиться со всею поэзіею моря для будущихъ картинъ. Онъ удостоился, еще будучи ученикомъ, сопровождать въ морской компаніи Его Императорской Высочество Генералъ-Адмирала, и уловилъ въ своемъ путевоиъ альбомѣ все, что только было возможно. Это путешествіе принесло художнику огромную пользу: три картины, изъ числа другихъ, написанныхъ Айвазовскимъ къ выставкѣ 1837 г., превзошли всѣ ожиданія. За одну изъ этихъ картинъ онъ получалъ первую золотую медаль. Академическое воспитаніе Айвазовскаго было окончено; но дальнѣйшее его образованіе только должно было еще начаться отъ столкновенія лицомъ-къ-лицу съ тѣми двумя любимыми имъ стихіями—воздухомъ и водою, въ вольномъ просторѣ которыхъ такъ удачно летало его воображеніе. Путешествіе въ Крымъ, пребываніе въ Италіи, двукратное плаваніе по Русскимъ

морямъ и присутствіе на мѣстахъ, ознаменованныхъ подвигами Русскаго флота, вдохновляли Айвазовскаго; картины, во множествѣ имъ написанныя, навсегда упрочили за нимъ славу великаго художника. Когда Айвазовскій былъ въ Римѣ, то онъ писалъ, между прочимъ, оттуда: «Я видѣлъ творенія Рафаэля и Микель-Анжелю, видѣлъ Коллизей, церковь Св. Петра и Павла и проч. и проч. Смотри на произведенія гениевъ и громады, чувствуешь свое ничтожество. Здѣсь каждый день стоитъ пѣлаго года. Во время пребыванія его въ Неаполѣ, мастерская Айвазовскаго съ утра до вечера наполнялась посѣтителями. Вельможи, поэты, ученые, художники и туристы наперерывъ старались видѣть его у себя и осыпали вниманіемъ и уваженіемъ за его замѣчательный талантъ. Наступила пора Римской художественной выставки и картины Айвазовскаго: «Хаосъ», «Буря» и «Неаполитанская ночь» были признаны первыми по искусству исполненія. Папа пожаловалъ ему золотую медаль, купилъ у него картину «Хаосъ» и приказалъ поставить ее въ Ватиканѣ, куда удостоиваются пошѣщать только произведенія первѣйшихъ художниковъ въ мірѣ. Картина эта была признана, по общему приговору, чудомъ живописнаго совершенства. Газеты наполнились восторженными похвалами, поэты стали воспѣвать ее въ стихахъ, и все, что только было въ Римѣ образованнаго, знающаго и опытнаго, заговорило, что до Айвазовскаго никто еще не изображалъ такъ вѣрно и живо свѣта, воздуха и воды. Въ общественныхъ собраніяхъ и артистическихъ кружкахъ говорили не менѣе и о другой картинѣ Айвазовскаго: «Неаполитанская ночь». Игра изображеннаго въ ней луннаго свѣта была до того подва истинны и блеска, и такъ очаровывала зрителей волшебными переливами красокъ, что пейзажистъ Торнеръ нависалъ на эту картину также одно длинное стихотвореніе, въ честь нашего соотечественника, въ которомъ онъ между прочимъ говоритъ: «Такая луна достойна лучезарнаго дня. Пусть великій артистъ извинитъ увлеченіе другаго артиста. Не изыщность одной лишь твоей мысли, но твой трудъ прельщаетъ меня. Искусство твое очень могущественно, потому что тебя воодушевляетъ гений».

— «Очеркъ развитія Русской драматической музыки». —
 • Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, ближній бояринъ А. С.

Маттеи, заѣздивавшій посольскимъ приказомъ, вывезъ изъ Германіи актеровъ, музыкантовъ и танцовщиковъ, которыхъ вскорѣ отдалъ въ обученіе своимъ людямъ, употреблявшимъ потомъ для игры въ оркестръ и на сценѣ. Въ разрядныхъ книгахъ 1669 г. сказано, что въ селѣ Преображенскомъ тѣшили великаго государя... и въ органы, и на фидолахъ, и въ струменты играли *Ильцы, да дворовые люди боярина А. С. Матвеева*. Въ 1701 г. выписано было изъ Гданска общество Нѣмецкихъ актеровъ, которые представляли комедіи и небольшія оперы, въ чемъ принимала участіе и Русскіе пѣвцы, выученные Кувштомъ, директоромъ театра. При императрицѣ Аннѣ I музыка начала играть важную роль въ увеселеніяхъ двора. Въ 1735 г. заведена была при дворѣ большая Италіанская опера, директоромъ которой назначенъ былъ выписанный изъ Неаполя Арсія. Въ 1737 г. онъ сочинилъ «Авласасе» первую Италіанскую оперу, разыгранную въ С. Петербургѣ. Сверхъ того имъ поставлены были на сцену оперы: въ 1738 г. «Семирамида», въ 1762 г. «Титово милосердіе», въ 1745 г. «Сципионъ» и нѣсколько позже «Араакъ» и «Семъ». Въ 1755 г. онъ съ блистательнымъ успѣхомъ поставилъ свою оперу: «Цеофаль и Прокрисъ». Это была первая опера, писанная на Русскія слова и исполненная одними Русскими пѣвцами. Она составляетъ эпоху въ исторіи нашей драматической музыки. При дворѣ императрицы Елисаветы находились иностранные композиторы: Раупахъ, Буланъ, Араія, Сальери, Майо и Цописъ (учитель Березовскаго). Царствованіе Екатерины II было блистательнымъ временемъ существованія у насъ Италіанской оперы. Съ 1783 г. на Русской сценѣ начали появляться великолѣпныя народныя представленія, сопровождавшіяся музыкою, содержаніе которыхъ большею частію заимствовалось изъ Русской исторіи и изъ сказокъ. Изъ Русскихъ музыкантовъ того времени славились: Николай Лонгиновъ и Хандошкинъ, бывший любимымъ камеръ-музыкантомъ Петра III. Въ 1757 г. валторнистъ Мареша назначенъ былъ капельмейстеромъ императорской роговой музыки, стараніями его и композитора Сарта доведенной до того, что музыканты ихъ могли разыгрывать цѣлыя оперы. Въ послѣднихъ годахъ царствованія Императора Павла заведена была въ С. Петербургѣ комическая опера, выполнявшая комическія

произведенія Дюни, Боальдьё, Лессюёра, Бертея, Кавоса. Въ 1803 г. Боальдьё былъ въ Петербургѣ капельмейстеромъ и сочинилъ для Французскаго театра оперы: «Опрокинутыя кареты», «Молодая вспыльчивая жена», и др. Въ 1806 г. Французскими актерами въ Петербургѣ дава была опера въ Русскомъ вкусѣ: «Татiana ou la jeune pauvre des montagnes de Vorobioff. Слова для этой оперы написалъ актеръ Клапаредъ, музыку — графъ Толстой. Въ царствованіе Александра I значительно улучшилась Русская опера, для которой на національные сюжеты было написано вѣсколько оперъ Кавосомъ и Титовымъ. Въ 1802 г. въ С. Петербургѣ было основано филармоническое общество, а въ 1828 г. Петербургъ снова услышалъ Италіанскую оперу. На Русской сценѣ помянутыя произведенія, съ прибавленіемъ вѣкоторыхъ переводныхъ оперъ, удерживались до самаго появленія оперы «Жизнь за царя» М. И. Глинки. Опера эта съ перваго представленія сдѣлалась любимою оперою Русской публики и остается на сценѣ до настоящаго времени, 19 лѣтъ сряду. Почти одновременно съ постановкою у насъ оперы г. Глинки, на сценѣ Московскаго театра была поставлена опера г. Верстовскаго «Аскольдова могила», заслужившая политѣннѣйшій успѣхъ. Сверхъ этихъ двухъ оперъ, въ послѣднее время для Русской сцены написаны были слѣдующія: Алябьевымъ: «Амалать-Бекъ» и «Тоска по отчизнѣ»; Арвольдомъ: «За Богомъ молитва за Царемъ служба не пропадаютъ»; Бернгардомъ: «Русская сврота»; Верстовскимъ: «Паиъ Твардовскій», «Вадимъ», «Сонъ на яву», «Тоска по родинѣ» и «Громобой»; гр. Вельгорскимъ: «Цыгане»; Вильбоа: «Наташа или Волжскіе разбой»; кн. Вяземскимъ: «Чародѣи»; Глинкою: «Русланъ и Людмила»; Даргомыжскимъ: «Эсмеральда», «Торжество Вакха» и «Русалка»; Дютшемъ: «Узкіе башмаки»; Львовымъ: «Біанка и Гвалтиеро», Удина и «Староста или Русскіе въ 1812 г.»; Рубинштейномъ: Куликовская битва», «Фомка дурачекъ», «Сибирскіе охотники» и «Хаджи-Абрекъ»; Струйскимъ: «Параша Сибирячка»; Сѣровымъ: «Майская ночь»; Толстымъ: «Три султанши» и «Парижскій школьникъ». Изъ всѣхъ этихъ оперъ едва ли третья доля была поставлена на сцену.

— Новый журналъ, издающійся съ января 1856 года подъ заглавіемъ «Музыкальный и театральннѣ вѣстникъ», судя

по статьямъ, помѣщеннымъ въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ, исполнѣ достигаетъ своей цѣли — «знакомить читателей повѣстно и сколько возможно повѣстѣе и проще со всѣми сторонами музыкальнаго знанія, — сторонами, необходимыми для вѣрной оцѣнки музыкальных впечатлѣній». Журналъ этотъ содержитъ въ себѣ отчеты не только о музыкальныхъ піесахъ, но и вообще о всѣхъ произведеніяхъ нашей драматической литературы, играемыхъ на нашихъ театрахъ, преимущественно со стороны сценическаго искусства и исполненія ихъ артистами. Вотъ перечень статей, помѣщенныхъ въ Музыкальномъ и театральномъ вѣстникѣ: *Музыка и толки о ней*, А. Сѣрова (№ 1); *Италіанская опера и балетъ*, М. Раппапорта (ibid.); *Соната «Quasi fantasia»*, А. Д. Улыбышева, перев. А. Сѣрова (ibid.); *Недавно изданныя музыкальныя сочиненія*, Модеста З—на (ibid.); *Первое сценическое образованіе Василія Андреевича Каратыгина*, В. Стоюнина (ibid.); *Замѣтки объ инструментовкѣ*, М. Я. Глики (№ 2, 6); *Бесѣды Фердинанда Гиллера съ Россіи*, Театрала (№ 2 и 3); *Письмо къ издателю*, А. Д. Улыбышева (№ 2); *Робертъ Ст. Франца Листа*, перев. А. Сѣрова (№ 3, 4 и 5); *Жизнь за царя, опера М. И. Глики, аранжированная для одного фортепіано, безъ пѣнія*. Изд. Р. Стелловскаго. Модеста З—на (№ 3); *Столѣтній юбилей Моцарта въ залѣ дворцкаго собранія*, А. Сѣрова (№ 4); *Сверная звезда*. Письмо къ издателю А. Д. Улыбышева (ibid.); *Замѣтки о Русской комедіи*, В. Стоюнина (ibid.); *Матеріалы для исторіи Русскаго театра*, В. С. (ibid. № 6 и 7); *Письмо Жени Линдъ* (№ 5); *Нѣкоторые вопросы по поводу комедіи «Островскаго»*, В. Стоюнина (ibid.); *Сверная звезда*, А. Сѣрова (№ 6, 7, 8, 9 и 10); *Соната Бетховена*, А. Д. Улыбышева, пер. А. Сѣрова (№ 7); *Біографическія матеріалы* (№ 8 и 9); *Подлинная рукопись Моцартова Донъ-Жуана*, Луи Віардо (№ 9 и 10); *Музыка Бетховена къ Эмонту Гѣте*. Ст. Франца Листа (№ 11); *Музыка Мендельсона къ Шекспировой піесѣ «Сонъ въ лѣтнюю ночь»*, Франца Листа (№ 12); *О преподаваніи игры на фортепіано*, Антона Контскаго (№ 13); *О Русскомъ театрѣ и составѣ ея труппы въ Петербургѣ*, Ш. М. Шпилевскаго (ibid.). Сверхъ указанныхъ нами статей, въ журналѣ

помѣщены — отчеты объ операхъ и концертахъ Раппаворта и Сѣрова и о спектакляхъ: Русскихъ — В. Стоюнина и театра, Французскихъ — Шарля-де-Сенъ-Жульена и Нѣмецкихъ — Арнольда, и другія небольшія статьи.

XII. МАТЕМАТИЧЕСКІЯ НАУКИ.

Въ Журналѣ главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій помѣщены слѣдующія статьи: *Водостоки (съ чертежами), подполковника Безпалова (№ 1); Выводы опытовъ для предупрежденія накипаей, образующихся въ паровыхъ котлахъ (ibid.); Добываніе известковаго камня и обжиганіе известки по р. Дняпру, у г. Орши (ibid.); О мѣсторожденіи лабрадора въ Кіевской губерніи (ibid.); Сводный о подводномъ проводникѣ Кіевско-Одесской телеграфной линіи, положенномъ чрезъ р. Дняпръ (ibid.); Соображенія о пользѣ устройства желѣзной дороги отъ Динабурга въ Курскую губернію (ibid.); Сводный о количествахъ разныхъ товаровъ, грузовъ и жизненныхъ продуктовъ, привезенныхъ по Николаевской желѣзной дорогѣ въ С. Петербургъ и Москву, въ теченіи 1855 г. (ibid.); Видомость о количествахъ разныхъ товаровъ, грузовъ и жизненныхъ продуктовъ, привезенныхъ по Николаевской желѣзной дорогѣ въ С. Петербургъ и Москву, за ноябрь и декабрь 1855 г., январь и февраль 1856 г. (ibid. № 2); Описаніе Московской губерніи въ строителномъ отношеніи, подполковника Кипріянова (ibid.); Сравнительныя удобства круглыхъ и четырехугольныхъ зданій, для помѣщенія паровозовъ, (ibid.); Колеса изъ кованаго желѣза для желѣзныхъ дорогъ (ibid.); Сводный о пассажирскомъ движеніи по Николаевской желѣзной дорогѣ въ 1851—1855 г. (ibid.); Сводный о товарномъ движеніи по той же дорогѣ въ 1853—1855 г. (ibid.).*

— Соображенія о пользѣ устройства желѣзной дороги отъ Динабурга въ Курскую губернію — заслуживаютъ полнаго вниманія: авторъ полагаетъ, что эта дорога представляетъ одну изъ необходимыхъ линій въ Имперіи, и что устройство Динабургско-Курской дороги будетъ стоить 36,000,000 руб. (или сред-

нить числомъ по 45,000 руб. за версту), и что чистый доходъ съ нея можетъ съ выгодною окупить эту сушну въ 56 лѣтъ.

XIII. Военныя науки.

Въ Военномъ Журналѣ явились слѣдующія статьи: *Исторія военнаго искусства въ Россіи отъ начала Руси до царствованія Александра Михайловича* (N° 1); *Описание экспедиціи Англо-Французовъ въ Крымъ, 1854—1855 г., Богдановича*, (ibid. N° 2); *Взглядъ на результаты кампаніи минувшаго года* (N° 1); *Отзывы Американца о Россіи, о Русскихъ и о Русской арміи* (ibid.); *Военно-медицинская часть Русской арміи въ Крымъ* (ibid.); *Башы-Бузуки и Англійская армія* (ibid.); *Французская гвардія* (ibid.); *Потери Англичанъ въ Крымъ* (ibid.); *Шведскіе генералы и штабъ-офицеры* (ibid.); *Испанская армія* (ibid.); *Парижскій домъ инвалидов* (ibid.); *Необходимость и выходы мира для Европы* (N° 3); *Письмо изъ Парижа* (ibid.); *Военно-ученая часть въ Анліи* (ibid.); *Сила Французской арміи* (ibid.); *О рекрутскихъ наборахъ во Франціи* (ibid.); *Газета Times о военномъ управленіи въ Анліи* (ibid.); *Турецкая армія* (ibid.); *Проектъ новаго обмундированія Французскихъ войскъ* (ibid.); *Новыя постановленія въ Австріи* (ibid.); *Исторія иноземныхъ войскъ во Французской службѣ* (ibid.); *Англійское сказаніе объ осадѣ Карса* (ibid.). Сверхъ того въ отдѣлѣ библиографіи этого журнала разсмотрѣны тринадцать новыхъ изданій по разнымъ отраслямъ военныхъ наукъ.

— «Исторія военнаго искусства въ Россіи» — «Описание экспедиціи Англо-Французовъ въ Крымъ, 1854—1855 г.» — статья, написанная съ основательнымъ знаніемъ дѣла и хорошимъ языкомъ.

— «Сила Французской арміи». — Въ бюджетѣ военнаго министерства на 1851 г., сила Французской сухопутной арміи показана въ 365,064 челов. Въ это число не включены однако: Парижская гвардія, иностранный легіонъ и отрядъ изъ мѣстныхъ жителей Алжира. По родамъ войскъ, численность представляется въ слѣдующемъ видѣ: пѣхоты 220,268 чел., кавалерія 62,988, артиллерія 34,282, жандармовъ 22,712, инженернаго корпуса 9,068, главныхъ штабовъ 4,345, фуражата 4,071, вете-

рановъ 1,135, наковецъ военнаго интендантства 6,295; въ стрѣльковомъ и кавалерійскомъ отрядѣ изъ мѣстныхъ жителей Алжиринъ 6,737 челов. Число офицеровъ собственно арміи простирается до 20,500 челов.

Артиллерійскій Журналъ (№ 1) содержитъ въ себѣ статьи: *Отчетъ о занятіяхъ артиллерійскаго отдѣленія военно-учебнаго комитета въ 1855 г.*; *Журналъ экспедиціи въ Дарю*; *Дѣйствія артиллеріи въ сраженіяхъ при Баллдури и Башь-Кадык-Ларь*; *О давленіи пороховыхъ газовъ на стѣны орудій и проектъ легкой 60-ф. пушки*, Н. Мзиевскаго; *Дополнительныя сядьбія объ орудіяхъ изъ литой стали*, Энгельгардта; *Новый Бельмійскій полевой лафетъ*, Юганни; *Увеличеніе объема чулуна накачиваніемъ*, А. Ф.; *Усовершенствованіе ривольверовъ Адамса*, А. Горлова; *Замѣчанія о Русскихъ желѣзныхъ лафетахъ*, его же; *Взрывъ ракетнаго заведенія въ Мець*, Константинова; *Воспоминаніе о г.-л. Коваловскомъ*, О. М.

Сверхъ того по разнымъ отраслямъ военныхъ наукъ помѣщены статьи:

Въ Журналѣ военно-учебныхъ заведеній: *Походъ Наполеона въ Пруссію въ 1806 г.* (№ 469 и 470); *Очерки изъ Финляндскаго похода въ 1809 г.* (№ 473).

Въ Читеніи для солдатъ (№ 2): *Краткое жизнеописаніе въ Бозѣ почивающаго Великаго Князя Михаила Павловича, Кропотова*; *Приготовленіе пороховыхъ погребовъ и разнаго рода стрѣльныхъ матеріаловъ для позиціонныхъ временныхъ батарей*, Григорьева.

Въ Русскомъ инвалидѣ: *Степные походы*, А. Макшеева (№ 19 и 20); *Дворянская академія, основанная Фридрихомъ II* (№ 37 и 38); *Воспоминаніе о генералъ-фельдмаршалѣ князѣ Варшавскомъ, графѣ Паскевичѣ-Эриванскомъ* (№ 40, 46—50 и 52); *Генералъ-лейтенантъ Степанъ Александровичъ Хрулевъ* (№ 56 и 57); *Черты изъ исторіи лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка* (№ 72).

Въ Сѣверной пчелѣ: *Двадцать девятое декабря въ Пажескомъ корпусѣ* (№ 15); *Эпизодъ изъ Севастопольской жизни* (№ 22).

Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ: *Документы, относящіеся къ паденію Корса* (№ 29 и 30).

Въ газетѣ Кавказъ: *Знамя* — эпизодъ изъ взятія Карса (№ 5); *Солдаты мль-подъ Карса въ поимку на родину*, П. Толмачева (№ 8, 9, 10, 12); *Шесте Гулухаидзе*, кн. Эристовъ (№ 14); *Изъ замѣтокъ на походы*, Н. Можаевко (№ 18).

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ: *Содержаніе Русскихъ въ плѣну*. Журналъ ковінста Яковлева (Совр. № 1); *Госпиталь въ Константинополѣ*. Разсказъ рядового П. Повѣткина (ibid.); *Жизнь на Севастопольской батарее*. Разсказъ П. П. Сокальского (ibid. № 2); *Суворовъ, Д. А. Милютвина* (Руск. Вѣст. № 6); *Смилстрия, Бомарзундъ и Севастополь. Современное искусство атаки и обороны укрепленныхъ мѣстъ* (Пант. № 2); *Омеръ-Паша* (С. Пб. Вѣд. № 9); *Инженеръ-генералъ Дестремъ* (ibid. № 12); *Участіе Англій въ Крымскомъ походѣ 1854—1855 годовъ* (ibid. № 14); *Быть Русскихъ планнымъ во Франціи* (ibid. № 70 и 71).

— «Суворовъ». — Мастерски и съ полнымъ знаніемъ дѣла составленная характеристика нашего великаго полководца.

XIV. Науки, относящіяся къ мореплаванію.

Морской Сборникъ содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи: *О воспитаніи*, Бема (№ 1); *Нѣсколько мыслей объ обязанности старшаго офицера на кораблѣ*. Ст. П. (ibid.); *Строеніе военныхъ судовъ въ Россіи при царяхъ Михаилѣ Теодоровичѣ и Алексѣ Михайловичѣ*, А. Висковатова (ibid.); *Отчетъ о плаваніи фрегата «Паллада», шкуны «Востокъ», корвета «Оливуца» и транспорта «Князь Меншиковъ», подъ командою генералъ-адъютанта Путятина, въ 1852, 1853 и 1854 годахъ, съ приложеніемъ отчета о плаваніи фрегата «Диана», въ 1853, 1854 и 1855 годахъ* (ibid.); *О плаваніи въ восточномъ океанѣ генералъ-адъютанта Путятина и контръ-адмирала Завойки* (ibid.); *Отзывы иностранныхъ газетъ о дѣйствіяхъ союзнаго флота противъ Русской эскадры въ восточномъ океанѣ* (ibid.); *Описаніе Нагасацкаго порта* (ibid.); *Еще о способѣ Престеля опредѣлять широту мѣста*, А. Боршова (ibid.); *Доцманскія замѣтки*, перев. А. Люджера (ibid. № 2 и 4); *Адмиралъ Петръ Ивановичъ Рикордъ и его современники*, Вс. Мельничаго (№ 2, 3); *Иванъ Теодоровичъ на бакѣ* (№ 2); *Сымапы. Дополненіе къ исторіи морскихъ сигналовъ, напечатанная въ 1854 году въ Петербургѣ*. Часть ХСII. Отд. VI.

чатанной въ X т. *Записокъ гидрогр. департамента*, А. С. Соголова (ibid.); *Карты Лейтенанта Мори*, пер. Н. Тресковского I (ibid.); *Соммерова универсальная проблема*, пер. Леннестрема (ibid.); *О повторительномъ оцестрельномъ оружїи или ривольверахъ*, А. Горлова (ibid.); *Замѣчанїя о шитор.мъ, выдержанномъ фреатомъ «Паллада», въ 1853 г.* (ibid.); *Историческій обзоръ морскаго уоложнаго законодательства во Франціи (№ 3): Приготовленіе къ дѣйствию и пусканіе въ ходъ пароходныхъ машинъ*, И. Семенова (ibid.); *Замѣчанїя къ проекту новой системы для линейныхъ кораблей*, И. И. Фонъ-Шанца (ibid.); *Описаніе быта плынныхъ въ настоищую войну: 1) Правительственныя распоряженїя о плынныхъ; 2) Бытъ Русскихъ плынныхъ во Франціи*, Вс. Мельницкаго (№ 4); *Исслѣдованїя о компенсаціи хронометровъ гидрографическаго департамента, произведенныя на Николаевской главной обсерваторїи, весною 1855 года*, Оттона Струве (ibid.); *Нѣсколько замѣчанїй о преподаванїи первоначальныхъ прїемовъ кораблевожденїя*, Гауса (ibid.). Въ отдѣлѣ библиографїи разсмотрѣно 38 новыхъ изданїй, а въ отдѣлѣ смѣся помѣщено 54 статейки.

— «Описаніе Нагасацкаго порта». — Нагасаки — единственный портъ Японской имперїи, въ который иностранцы имѣють доступъ — лежитъ въ сѣверо-восточномъ углу обширнаго залива Кіузіу, въ глубинѣ длинной, по узкой бухты. Онъ представляетъ много выгодъ въ морскомъ отношенїи, имѣя обширныя и безопасныя рейды и покойную гавань для стоянки судовъ и исправленїя всякаго рода поврежденїй. Находясь въ рукахъ какой-либо образованной націи, онъ, въ короткое время, занялъ бы одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду приморскихъ городовъ. Прибрежныя окрестности Нагасаки гористы, безплодны и утеснысты; нужда однакожь заставила жителей съ невѣроятными усилїями воздѣлывать самыя крутыя скаты, обращая ихъ въ террасы, засѣваемые рисомъ и другимиими овощами; только отвѣсныя скалы, да неприступныя вершины остались въ первобытномъ состоянїи. Такимъ образомъ, не смотря на неплодородїе почвы, берега представляются роскошно убранными разнаго рода зеленью; рѣдко можно найдти мѣста, такъ прїятно поражающїя глазъ новопришельца, какъ эти крутыя и отъ природы бѣдныя возвышенности. Вдоль береговъ залива Кіузіу гавань

хребеть горъ. изъ которыхъ однѣ окаччиваются острыми, коническими вершини, служащими хорошими путеводными знаками, другія же покрыты мелкимъ кустарникомъ, или высокими кедрани съ пушистыми верхушками. Последній родъ деревьевъ встрѣчается на большей части возвышенностей, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стройный родъ кедровъ, вѣроятно нарочно насаженный, тянется одною длиною грядою по хребту, раздѣляя его на двѣ половины, совершенно противоположныя по характеру. Такъ, хребеть горъ, идущій отъ мыса Номо къ городу, раздѣляется въ южной части подобнымъ рядомъ кедровъ на двѣ половины, восточную и западную; первая состоитъ изъ голаго ската, едва прикрытаго скудною травою, а вторая, напротивъ того, обработана, усѣяна селеніями и, сравнительно съ прочими берегами, обильна лѣсомъ. Острова, разбросанные въ сѣверо-восточной части залива Кіузіу, передъ Нагасаки, и образующіе его прекрасные рейды, мало разнятся въ характерѣ съ окрестностями города. Они по большей части также гористы, кое-гдѣ покрыты мелкимъ лѣсомъ и состоятъ изъ огромныхъ массъ песчаника и глыны, прикрытыхъ тонкимъ слоемъ почвы, воздѣлываніе которой сопряжено съ тѣми же трудностями, какъ и обработка береговъ главнаго острова.

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ помѣщены слѣдующія статьи, относящіяся къ морскимъ наукамъ: *Синопское сраженіе, 18 ноября 1853 года*. Разсказъ матроса Майстренко, Н. П. Сокальского (Совр. № 3); *Письма съ круизежнаго плаванія въ 1852, 1853 и 1854 годахъ* (Журн. военно-учебн. зав. № 470 и 471); *Черноморскій флотъ* (С. Пб. Вѣд. № 62 и 63); *Военный флотъ Австріи* (Русск. Инв. № 8); *Моилы адмираловъ* (Сѣв. Пч. № 69); *Флоты Австрійскій и Датскій* (Военн. Жур. № 2).

XV. Горныя науки.

Горный журналъ (кн. 1—3) содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи по минералогіи и геогнозін: *Общій геостатическій обзоръ ячовы въ уездахъ Московскомъ, Подольскомъ и Серпуховскомъ, г. Романовскаго; Жирь допотопныхъ животныхъ; Обь озеръ Урміа и химическомъ составѣ ея воды, г. Албиха; Гео-*

инстическое описаніе сѣверо-восточнаго отклоня Саламрекаго кража по лѣвую сторону рѣки Томи, г. Бовришнова; О желѣзной рудѣ, добываемой въ Жиздринскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи; Объ открытіи минеральнаго угля и мѣдныхъ рудъ въ Архангельской губерніи; по горно-заводскому дѣлу: Руководство для опредѣленія размѣровъ доменныхъ печей, г. Инлауера; Нѣкоторыя замѣчанія объ отливкѣ чугуныиъ артиллерійскихъ орудій, г. Фелькнера 2-го; О выдѣлкѣ рельсовъ въ Англійи и Валлисѣ, г. Велькнера; О полученіи свръи изъ свръиныхъ колчедановъ въ с. Иллина Гора, Симбирской губерніи, Курмышскаго уѣзда: О приготоленіи листовой или капсульной мѣди въ Юовскомъ казенномъ заводѣ Пермскаго округа; по горной статистикѣ: Новоусольскіи и Ленвенскіи соляныи промыслы, г. Милованова; Извлеченіи изъ оффиціальныиъ донесеній Англійскому правительству отъ инспекторовъ каменноугольныиъ копей.

Въ прочиихъ періодическихъ изданіиихъ по горныиъ наукамъ мы встрѣтили слѣдующія статьи: Происхожденіи и разнородности самосадочныиъ соляныиъ озеръ Астраханской губерніи. Отрывокъ изъ рукописнаго сочиненія: «О соляныиъ источникахъ Россіи», К. Ф. Бергштрессера (Журн. Мѣс. Вн. Дѣл № 1); Розысканія и открытіи самороднаго графита въ Восточной Сибири, И. П. Азибера (ibid. № 2); О рудникѣ самородной свръи близъ г. Самары (ibid.); Экспедиціи въ Гренландію для изслѣдованія рудъ и минераловъ (Москов. Вѣд. № 20).

XVI. ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ ВООБЩЕ.

Въ Вѣстникѣ естественныиъ наукъ явились слѣдующія статьи: Къ портрету Гумбольдта, ст. Редактора (съ табл.) (№ 1); Жизненная сила, или Родосскій геній, Ал. Гумбольдта (ibid.); Мыльный пузырь, К. Ф. Рулье (съ полит.) (ibid.); Сенс-Бернардская собака, того же автора (съ табл.) (№ 2); Дикобразъ (съ полит.) (ibid.); Исполнскія птицы Новой Зеландіи, К. Гибеля (съ полит.) (ibid.); Перемѣны въ сферѣ неподвижныиъ земель Митчелля (ibid. № 3 и 3); Исландскіи гейзеры, А. Я. Борзенкова (съ табл.) (№ 3); Статистика градовъ въ Россіи, А. П. Егунова

(*ibid.* № 4); *Верблюды*, С. А. Усова (съ табл. и полит.) (№ 4 и 7); *Народныя примѣты ранней и суровой зимы*, В. И. Чернаева (съ табл.) (№ 5); *Дымосараніе*, А. С. Ершова (съ полит.) (*ibid.*); *Якъ, или Мотольскій быкъ* (съ табл.) (№ 6); *Замѣчанія и наблюденія охотника братья грибы*, С. Т. Аксакова (съ полит.) (*ibid.*); *Сахарное сорю*, Я. Н. Калиновскаго (съ полит.) (*ibid.* № 7); *Удоль, или Пустошка*, К. Ф. Рулье (съ табл. и полит.) (№ 7); *Перемѣщеніе Воли съ востока на западъ*, академ. Бѣра (*ibid.*).

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ по естествознанію напечатаны слѣдующія статьи: *О внутреннемъ устройствѣ земнаго шара*, П. М. Новосильскаго (Пант. № 1); *Жизненность животныхъ*, А. Богданова (Моск. Вѣд. № 8); *Нѣсколько словъ о Бюбфонкѣ* (Журн. военно-учебн. завед. № 474).

XVII. МЕДИЦИНСКІЯ НАУКИ.

Военно Медицинскій журналъ (№ 1, ч. LXVII) содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи: по практической медицине и хирургіи: *Объ искусственныхъ преждевременныхъ родахъ*, Н. Берга; *Воспалительная язва въ прямомъ отношеніи съ фибринозомъ, а фибринъ—въ прямомъ отношеніи съ бѣлкомъ*, Аристовъ; *Современное физиолого-патологическое изслѣдованіе желчи*, И. Калениченко; по госпитальной клиникѣ и казуистикѣ: *О ложныхъ мочевыхъ путяхъ*, О. Гейфельдера; по судебной медицинѣ: *Перечень судебно-медицинскихъ вскрытій, произведенныхъ при судебно-медицинской кафедрѣ Императорской медико-хирургической академіи въ послѣднія 18 лѣтъ*, Я. Чистовича; по ветеринарнымъ наукамъ: *Параличъ крестца у лошади*, Скверчинскаго; *Водная опухоль на шепѣ у щенка*, его же; *Родимая горлячка у коровы*, его же; *Сибирская язва на рогахъ скота въ степныхъ поселкахъ въ туловомъ стадѣ, въ слободѣ Ново-Екатеринославль 1-й поселенной волости, 1-ю кавалерійскаго Украинскаго военнаго поселенія*, Вильберта; по военно-медицинской статистикѣ: *Годовой отчетъ объ управленіи медицинскою частію дѣйствующаго корпуса на Кавказско-Турецкой границѣ, за 1853—1854 годъ*, Годаѣвскаго; *Холерная эпидемія въ дѣйствующемъ кор-*

пусть въ Азіатской Турціи, появившаяся 3 Сентября 1855 года и прекратившаяся въ концѣ Октября мѣсяца того же года, его же.

Въ Московскомъ врачебномъ журналѣ (№ 1 и 2) напечатаны: *Современный взглядъ на электричество нервною вещества*, А. В. Черная; *О Русскихъ престопадныхъ баняхъ*, П. В. Страхова; *Отчеты по акушерской клиникѣ Императорскаго Московскаго университета за январь, февраль, мартъ и апрѣль 1856 г.*; *Речь объ отношеніи физиологіи къ прочимъ врачебнымъ наукамъ, произнесенная въ торжественномъ собраніи 12 января 1856 г.*, И. Т. Глѣбова; *Нѣсколько словъ о значеніи мѣсячнаго кровотеченія въ экономіи женскаго организма*, В. И. Коха; *Историческая записка о составѣ и дѣятельности физико-медицинскаго общества, учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, за первое 50-лѣтіе его существованія*, А. Т. Тарасенкова; *Некролюъ А. А. Поюнкина*, П. Б. Анке; *Некролюъ А. О. Кореценко*.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ Другѣ Здравія, отмѣтимъ слѣдующія: *Способъ леченія сифилитическихъ язвъ на походь и на бивуакахъ*, Швадовскаго (№ 1); *Наблюденія надъ біеніемъ сердца черезъ одни верхніе покровы груди и т. д.*, Мейергона (№ 2); *Продолженіе наблюденій надъ леченіемъ водянки рвотнымъ камнемъ*, В. Франковскаго (№ 3); *Новый офтальмоскопъ или глазное зеркало*, Гейфельдера (№ 4); *О риціональномъ леченіи бленноррагіи*, Дэлласа (№ 5 и 6); *О современномъ состояніи медицины въ Италіи* (№ 5); *Судебно-медицинскій процессъ объ отравителѣ Пальмерѣ* (№ 6); *О леченіи тифознаго поноса*, Зиссермана (№ 7 и 8); *О вліяніи узловатой нервной системы на физиологическія секретіи*, Ввоземцова (№ 9); *О животныахъ клеточкахъ*, Шливскаго (№ 10 и 11); *Пятидесятилѣтній юбилей Императорскаго Виленскаго медицинскаго общества 12 декабря 1855 года* (№ 11).

Въ прочихъ періодическихъ изданіяахъ по медицинскимъ наукамъ мы встрѣтили слѣдующія статьи: *Горячія воды восточной Сибири*, Н. Щукина (Журн. М. Вв. Дѣль № 3); *Прорѣзываніе зубовъ у дѣтей и его вліяніе на кормленіе и время отнятія отъ груди ребенка* (Моск. Вѣд. № 9); *Значеніе золотухи и историческое развитіе понятія о ней*, доктора С. Смирнова (ibid. № 31).

XVIII. Промышленность, технология и сельское хозяйство.

По отраслямъ сихъ наукъ явились слѣдующія статьи:

— По земледѣлю: *Земледѣльская часть всемирной выставки въ Парижъ*, въ 1855 г. В. Б. (Журн. М. Г. Им. № 1); *О пользѣ дренажа* (Земл. газ. № 7); *О пользѣ глубокой и тщательной обработки полей* (ibid. № 17, 18); *О костяномъ удобреніи* (ibid. № 21, 22, 23).

— «Земледѣльская часть всемирной выставки въ Парижѣ въ 1855 г.» — Въ обзорѣни сельско-хозяйственнаго отдѣла Парижской всемирной выставки любопытно сравненіе Англійскихъ произведеній съ Французскими. Простота и такъ-сказать *безцеремонность* выставленныхъ Англичанами предметовъ поразительны. Болѣе всего бросаются здѣсь въ глаза колоссальные сыры и окороки. За ними слѣдуютъ вывѣшанныя головы быковъ главнѣйшихъ породъ Англіи и Шотландіи и рисунки барановъ невѣроятныхъ размѣровъ и качествъ. Главнѣйшее качество — длина шерсти; коллекція разныхъ родовъ шерстей показываетъ, что къ этой именно цѣли сосредоточились всѣ усилія Англичанъ, такъ что другіе роды овецъ, болѣе утонченныя, ими оставлены. Пучки колосьевъ и кучки зеренъ, въ строгомъ порядкѣ, съ обозначеніемъ мѣста, гдѣ собраны, количества зѣсѣва и урожая, служатъ образцами главнѣйшихъ сортовъ пшеницы, ячменя и овса всѣхъ трехъ королевствъ. Всѣ Англійскіе образцы отличаются длиною стебля и красотою колоса. Между кормовыми травами первое мѣсто занимаетъ Италійскій куколь или *gay grass* (*lolium italicum*); это растеніе съ нѣкоторыхъ поръ въ особенной модѣ въ Англіи; про него рассказываютъ чудеса. За нимъ слѣдуютъ: клеверъ — эмблема Ирландіи, обыкновенный куколь, и другія. Вотъ и все, что прислали соединенныя королевства на всемирную выставку, и все, что должно служить образцами первостепенныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ земнаго шара. Ни одного промышленнаго растенія, ни одного сколько-нибудь исключительнаго или затѣйливаго вида хлѣбовъ, ни одного шага въ сторону отъ строго и

зрѣло обдуманнаго порядка хозяйства, отъ ближайшаго къ цѣли пути. Много соломы, много льна; но въ нихъ-то и всѣ земледѣльческія сокровища Великобританіи, въ нихъ вѣнецъ всѣхъ усилій, съ Британскимъ упорствомъ стремящихся къ одной неуклонной цѣли — возможно большому производству зерна и мяса. Другое зрѣлище представляетъ Французскій отдѣлъ выставки. Здѣсь преобладаетъ разнообразіе: шерсти, шелки, зерна, масла, вина, овощи, фрукты, растенія прядильныя, красильныя, сахароносныя и пр. и пр. Изъ результатовъ земледѣлія въ двухъ странахъ, стоящихъ во главѣ промышленнаго движенія нашего времени, выводятся слѣдующее общее замѣченіе. Не задавая себѣ никакого плана дѣйствій, не увлекаясь никакою идеею, прихотливою извнѣ, а не изъ самаго дѣла, Англичане въ земледѣліи, какъ и во всемъ, направляютъ всѣ свои усилія къ улучшенію начатаго, извлекаютъ правила для дѣятельности изъ самой практики, направляютъ дѣло къ цѣлямъ, возникающимъ изъ самаго дѣла. Потому Англійское сельское хозяйство, не отклоняясь ни къ какимъ стороннимъ путямъ, ищетъ совершенства и исполнѣ его достигаетъ въ произведеніяхъ только исполнѣ соответствующихъ способамъ и потребностямъ страны, соответствующихъ основнымъ цѣлямъ сельскаго хозяйства. Французское хозяйство, не довольствуясь совершенствомъ посредственности (если можно такъ выразиться), отважно устремляется къ новымъ вѣтвямъ производства, и, не доводя до внутренней, нормальной зрѣлости ни одной части, горькими опытами платитъ за свои увлеченія. Дорого стоятъ Франціи эти опыты; но не забудешь, что надъ ними учатся всѣ, что въ нихъ нерѣдко для наставленія потомству проявляется все то, что наука и искусство могутъ произвести наилучшаго. Франція поставлена здѣсь подлѣ Англій только для сравненія. Болѣе приближаются къ послѣдней, на дѣйствицѣ развитія земледѣлія, Бельгія, Нидерланды, Швейцарія, Саксонія, Ломбардія, Богемія. Послѣ Англій, всѣ эти страны составляютъ, въ земледѣльческомъ отношеніи, второй и весьма важный рядъ. Въ нихъ приходится 100 жителей на сто гектаровъ земли, а во Франціи — только 68. Бельгія, какъ извѣстно, страна *мамытъ хозяйства* по преимуществу, и потому земледѣліе имѣетъ здѣсь совершенно другой характеръ, нежели въ Англій. Благодаря

этому характеру малыхъ хозяйствъ, вышное количество производства Бельгій равняется Англійскому производству; между тѣмъ извѣстно, что, для развитія народнаго благосостоянiя, прежде всего важно распределенiе богатствъ или произведенiй въ народныхъ массахъ, а не приобрѣтенiе возможно большаго чистаго дохода, какъ для отдѣльнаго лица. Мясо и зерно составляютъ пять шестыхъ всего производства земледѣлiя въ Бельгiи, промышленныя растенiя — одну шестую. Последнiя особенно замѣчательны на выставкѣ: красота льна чрезвычайная. Бельгiя, въ послѣднее время, употребляетъ всѣ свои успѣхи къ обработкѣ доселѣ безплодныхъ своихъ земель; на выставку присланы хлѣба, овощи и кормовыя травы изъ самыхъ дикихъ странъ Люксембурга и Фландрiи. И здѣсь, какъ вездѣ и во всемъ, Бельгiя привлекаетъ къ себѣ вниманiе и участiе всякаго, кому дороги успѣхи народнаго благосостоянiя и образованiя; столь быстрые и извѣстѣ съ тѣмъ вѣрныя шаги на всѣхъ путяхъ народнаго и общественнаго развитiя даютъ Бельгiи право на одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ исторiи Европейскаго просвѣщенiя. *Нидерланды*, опередивши въ земледѣлiи Англiю и теперь превзойденные только ею, къ сожалѣнiю, почти ничего не прислали на выставку изъ своихъ земледѣльческихъ произведенiй. Главное богатство Нидерландовъ — пастбища и скотоводство: потому образцы ихъ сельскаго хозяйства были собственно на конкурсѣ скота, гдѣ ихъ коровы, лучшiя на всемъ земномъ шарѣ, были предметомъ всеобщаго восхищенiя. *Швейцарiя* также удовольствовалась конкурсомъ скота. *Саксонiя* представила образцы самаго замѣчательнаго своего производства — тонкую шерсть знаменитой овечьей породы негретти. *Приройнская Германiя* прислала полбу, табакъ, коноплю, вино, хмѣль, водку изъ хлѣба, сливъ, картофеля, свекловичный сахаръ и спиртъ. *Ломбардiя* — рисъ, кукурузу, шелкъ и сыръ. *Боснiя* — шерсть, соперничающую съ Саксонскою, и сахаръ, соперничающiй съ Французскимъ. Всѣ же образцы свидѣтельствуютъ о цвѣтущемъ состоянiи сельскаго хозяйства во всѣхъ означенныхъ странахъ. Италiя, за исключенiемъ Ломбардiи, принадлежитъ, извѣстѣ съ Францiею, къ третьей категорiи. Нии заканчивается рядъ странъ посредственно-обрабатываемыхъ. Остальную часть

Европы можно раздѣлить еще на двѣ исходящія въ земледѣльческомъ отношеніи группы. Къ четвертой будутъ принадлежать Испанія и Португалія, вся центральная Европа или большая часть Австріи, собственно Пруссія, Ганноверъ, оба Мекленбурга и сѣверныя государства, т. е. Давія и воздвѣившая часть Скандинавскаго полуострова. Въ этомъ пространствѣ заключается около 200 милл. дес. Португалія и Давія, несмотря на естественныя различія климата и почвы, представляютъ однако, въ общей сложности земледѣльской производительности, одинаковыя результаты: производство каждой изъ этихъ двухъ странъ нѣсколько болѣе половины Франціи. Испанія и Португалія прислали на выставку кукурузу, вино, сухія овощи, масла; кромѣ того, первая—шерсть, которая когда-то была родовачальницею всѣхъ Европейскихъ шерстей и нынѣ не выдерживаетъ никакого съ ними сравненія. Пруссія прислала весьма мало; Австрія преимущественно вина. Нельзя не высказать здѣсь того грустнаго впечатлѣнія, которое производитъ Австрійская выставка. Австрія, заключающая въ себѣ, съ одной стороны, столь высокія въ земледѣльческомъ отношеніи страны Богемія и Ломбардія, и съ другой столь плодородныя земли Венгрія, — Австрія въ общей сложности стоитъ весьма низко. Турція прислала на выставку нѣсколько образчиковъ своего земледѣлія, болѣе любопытныхъ, чѣмъ полезныхъ. Въ произведеніяхъ Греціи привлекаютъ взоры названія ихъ, а не качества: Спиртанская пшеница, Фивскій ячмень, Олимпійская кукуруза, бобы изъ Мавтии, фасоль Аргоса, шндаль Эгны, шелкъ Мессенія и т. д. Въ заключеніе обзорѣнія земледѣльческихъ произведеній Европы сказано, что, по приблизительному расчету, она могла бы прокормить ими въ пять или шесть разъ большее число жителей, чѣмъ настоящее ея населеніе. Въ распространеніи и усовершенствованіи земледѣлія предстоитъ всѣмъ Европейскимъ государствамъ обширное поле, даже при настоящихъ средствахъ земледѣлія; подвинувъ свое земледѣліе до степени Англій и Бельгій, Италія и Германія могли бы утроить свое народонаселеніе, Франція — удвоить свое, Испанія, Португалія, Венгрія, Польша, Пруссія — утроить, Турція — едва ли не удесятерить. Наконецъ и для Англій и для Бельгій возможны еще большіе успѣхи въ про-

изводствѣ предметовъ жизненной потребности. И такъ злополучный законъ Мальтуса, если онъ дѣйствительно справедливъ, можетъ угрожать Европѣ только въ самой отдаленной будущности. Достаточно взглянуть на карту, — на эту обширную полосу чернезаема, чтобы убѣдиться, на какихъ обширныхъ пространствахъ внутри самой Европы можетъ развиваться ея народонаселеніе, изъ какихъ неисчерпаемыхъ источниковъ плодородія можетъ оно извлекать способы для прокормленія будущихъ своихъ рожденій. Между тѣмъ какой-то роковой исторической законъ народныхъ движеній съ востока къ западу влечетъ съ непреодолимою силою переселенцевъ Европейскихъ за предѣлы Европы, за Атлантическій океанъ. Ежегодно теряетъ Европа часть лучшихъ своихъ рабочихъ рукъ и силъ. До-сихъ-поръ далека отъ всеобщаго сознанія та неопровержимая истина, что не обширность пространства — источникъ народнаго богатства и благосостоянія, а правильное приложеніе труда къ силамъ земли, бережливое ихъ употребленіе, съ помощію науки и капиталовъ. Выходя изъ предѣловъ Европы, мы находимъ только нѣсколько разрозненныхъ человѣческихъ поселеній и воздѣланныхъ кусковъ земли; все остальное обречено безмолвію и невѣжеству.

— По скотоводству: а) по скотоводству вообще: *Руководство къ разведенію роатаго скота, примененное къ хозяйственнымъ условіямъ сѣвернымъ губерній Россіи* (ст. X), К. Юрдава (Журн. М. Г. Им. № 1); *О состояніи скотоводства вообще въ Старобѣльскомъ уездѣ Харьковской губерніи, въ имѣніи Тевлишево* (Журн. С. X. № 3); *О состояніи скотоводства въ Сумскомъ и смежныхъ съ нимъ уездахъ Харьковской губерніи*, Кондратьева (ibid.); *О породахъ роатаго скота, разводимыхъ въ Нижегородскомъ уездѣ*, Боборыкина (ibid.); *О состояніи скотоводства въ мѣстечкѣ Трикратахъ, Херсонской губерніи*, Скаржинскаго (ibid.); *Сельскіе обычаи и содержаніи роатаго скота въ Костромской губерніи*, Шипова (ibid. № 3); *Наблюденіе за ходомъ падежей въ Оренбургской губерніи*, Лихова (ibid.); *О породахъ роатаго скота, разводимыхъ въ имѣніи Герценкеца* (ibid.); б) по овцеводству: *Сельскія о распространеніи Романовскихъ овецъ*, Гаврилова (Журн. С. Хоз. № 2); *Объ овцеводствѣ въ имѣніи Сужсково* (ibid. № 3); в) по коннозаводству: въ Журн. Коннов. и Охоты: *Отчетъ по іосу-*

дарственному коннозаводству за 1855 г. Лекціи профессора Гюелл проектъ закона о холощеніи жеребятъ; объ упражненіяхъ (№ 1); О выдержкѣ и приготовленіи лошади къ испытаніямъ (№ 1—3); Средство Франціи для ремонтрованія кавалеріи въ Алжирѣ (№ 2—3); Краткая исторія Сентъ-Леджерскихъ скачекъ (№ 2—3); О болѣзняхъ, происходящихъ отъ неправоульнаго кормленія лошадей, употребляемыхъ въ сельско-хозяйственныя работы (Земл. гав. № 7, 8); Практическая ветеринарія (ibid. № 1—3); г) по части охоты: Мой дядя Дюбокъ и его собака Фужеръ (Журн. Ков. и Ох. № 1); Охота на зайцевъ съ лавою (ibid. № 2); Петербургская охота на медвѣдей (ibid. № 3); Охота въ Астраханской губерніи (Гав. Лѣсов. и Охоты № 1—13).

— По лѣсоводству: Лѣса и ихъ значеніе въ государственномъ хозяйствѣ Скандинавіи (Журн. Мин. Гос. Им № 2); въ Гав. Лѣс. и Охоты: Доходъ отъ лѣсовъ въ отношеніи стоимости занимаемой ими почвы (№ 1); Краткое понятіе о составѣ древесины, о некоторыхъ получаемыхъ отъ нея продуктахъ и о добываніи древесной кислоты и древеснаго спирта (№ 2, 3, 4); Топографическое положеніе, климатъ, почва и лѣса Орловскаго уѣзда (Прилож. къ № 4); Общій взглядъ на состояніе искусственнаго лѣсоразведенія въ Новороссіи (№ 5—11); О лѣсахъ царства Польскаго; Лѣсныя учебныя заведенія въ Польшѣ (Прилож. къ № 8); Вычисленіе запаса лѣса (№ 12); Настоящее состояніе угольной операціи въ казенной лѣсной дачѣ Серебрянскаго завода (Прилож. къ № 13).

— Лѣсныя учебныя заведенія въ Польшѣ. — Высочайшимъ повелѣніемъ блаженныя памяти Императора Александра I, состоявшимся $\frac{5}{17}$ октября 1816 года, назначено учрежденіе лѣснаго училища; открытіе его постановленіемъ наместника царства, отъ 20 января 1818 года, послѣдовало въ томъ же году. Въ устава видно, что управленіе лѣснымъ училищемъ сосредоточено было въ совѣтъ училища, который, подъ предѣлительствомъ и руководствомъ генеральнаго директора казенныхъ лѣсовъ, состоялъ изъ главнаго лѣсничаго и учителей лѣснаго училища. Училище имѣло свою бібліотеку и музеумъ по царству растительному, ископаемому и животному. Воспитанники, записавшіеся для слушанія лекцій въ лѣсномъ училищѣ, съ

цѣлью служить потомъ по лѣсной части, назывались *поступающими учениками*, всѣ другіе—*вольными слушателями*. Поступающій въ училище, кромѣ метрическаго свидѣтельства, удостовѣряющаго, что ему минуло 16 лѣтъ, кромѣ свидѣтельствъ о хорошемъ поведеніи и докторскаго о здоровомъ тѣлосложеніи, долженъ былъ представить еще свидѣтельство о томъ, что онъ или кончилъ курсъ наукъ въ училищѣ воеводства, или вышелъ изъ 4-го класса того же училища, или, по-крайней-мѣрѣ, кончилъ курсъ наукъ въ отдѣленіи училища. Полный курсъ теоретическаго обученія назначался двухлѣтній. Въ 1824 году лѣсное училище было преобразовано и, вмѣсто двухлѣтняго курса, назначено три класса. Вслѣдствіе такого преобразованія лѣснаго училища, служба по лѣсной части распредѣлилась на шесть разрядовъ. Занятія на практикѣ были четырехъ родовъ: практикою низшею, высшею, по лѣсонамѣренію и по писмоводству. Практикою низшею занимались въ одномъ лѣсничествѣ подъ надзоромъ мѣстнаго лѣсничаго; высшею—въ разныхъ лѣсничествахъ и въ канцеляріи по лѣсоуправленію; лѣсонамѣреніемъ занимались—подъ надзоромъ лѣснаго землемѣра и наконецъ писмоводствомъ въ канцеляріи. *Практическій институтъ* былъ прежде въ Любохѣ, въ Мазовѣцкомъ воеводствѣ, а потомъ онъ былъ въ Сѣкѣрѣ, въ воеводствѣ Сандомирскомъ, въ лѣсничествѣ Бодвантънъ. Съ 1832 года лѣсное училище было упразднено. Но потомъ, по ходатайству правительственныхъ комиссій финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, постановленіемъ совѣта королевской администраціи, отъ 21 февраля (5 марта) 1829 года, лѣсное училище присоединено къ институту сельскаго хозяйства въ Маршонтѣ, подъ названіемъ: *института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Маршонтѣ*, который состоитъ изъ двухъ отдѣленій: сельскаго и лѣснаго. При немъ учреждено сверхъ того *сельское училище низшаго разряда*. Уставъ для этого учебнаго заведенія Высочайше утвержденъ 31 августа 1840 года. По уставу, цѣль отдѣленія сельскаго хозяйства состоитъ въ приготовленіи способныхъ сельскихъ хозяевъ, которые, на основаніи приобретенныхъ ими въ институтѣ теоретическихъ и практическихъ познаній, были бы въ состояніи не только ввести улучшенное сельское хозяйство и поддержать его въ надлежащемъ порядкѣ, но и упра-

влять большими имѣніями, приводя въ исполненіе планы улучшеннаго хозяйства, сообразно климату, качествамъ почвы, степени поселенія и т. п. Цѣль лѣснаго отдѣленія состоитъ въ приготовленіи способныхъ лѣсничихъ для завѣдыванія лѣсами казенными и частными. Низшее сельское училище имѣетъ цѣлю образованіе, по сельскому хозяйству, низшаго сословія людей: крестьянъ, пастуховъ, овцеводовъ, винокуровъ, садовниковъ и т. п. Поэтому въ означенномъ училищѣ, кромѣ теоретическаго преподаванія основныхъ правилъ сельскаго хозяйства, обучаютъ воспитанниковъ разнымъ сельскимъ ремесламъ и заставляютъ ихъ самихъ работать. Институтъ сельскаго хозяйства и лѣсоводства находится въ непосредственномъ вѣдѣніи попечителя Варшавскаго учебнаго округа, который, по всѣмъ предметамъ, относящимся до содержанія заведенія и до болѣе важныхъ въ немъ распоряженій, входитъ съ представленіями къ министру народнаго просвѣщенія. Что же касается продолжительности курса, способа преподаванія, выбора учителей и распоряженія суммами по лѣсному отдѣленію института, то попечитель учебнаго округа сносится съ правительственною комиссіею финансовъ и казначейства, дѣлая постановленіе только по взаимному соглашенію. Всѣ дѣла института рѣшаются въ совѣтѣ публичнаго образованія (*). Совѣтъ института имѣетъ ближайшее наблюденіе за хозяйственною частію заведенія, за его суммами и отчетностію. Находясь подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ совѣта публичнаго образованія, онъ состоитъ изъ чиновника, назначеннаго правительственною комиссіею финансовъ и казначейства, изъ директора института и членовъ, назначаемыхъ попечителемъ учебнаго округа, по взаимному соглашенію съ правительственною комиссіею финансовъ и казначейства. Управленіе учебною и хозяйственною частями института, а также низшаго сельскаго училища возложено на директора института, подъ начальствомъ котораго состоятъ инспекторы, профессеры, учителя и всѣ остальные чиновники и прислуга института. Ближайшій присмотръ за поведеніемъ воспитанниковъ порученъ инспектору классовъ, который назначается изъ числа профес-

(*) Rada wychowania publicznego.

соровъ института. Преподаваемые въ институтѣ предметы раздѣляются на главные и вспомогательные. Преподаваніе раздѣляется на два семестра: зимній и лѣтній. Въ теченіе перваго семестра читаются одни теоретическіе предметы; въ теченіе втораго—всѣ тѣ, для уразумѣнія которыхъ нужны практическія занятія. Воспитанники въ институтѣ раздѣляются на два разряда: своекоштныхъ и казеннокоштныхъ. Для поступленія въ институтъ на казенное содержаніе имѣютъ предпочтительное право сыновья чиновниковъ, служащихъ по лѣсной и хозяйственной части, а потомъ дѣти наиболѣе заслуженныхъ отставныхъ чиновниковъ, служившихъ прежде по этой части. Для полученія патента на званіе агронома или лѣсничаго, каждый долженъ пройти курсъ практики лѣсной, или агрономической, независимо отъ окончанія теоретическаго курса наукъ. Курсъ наукъ для каждаго отдѣленія полагается двухлѣтній. Каждый годъ, въ концѣ іюня, бываетъ въ институтѣ годичный экзамень и публичный торжественный актъ окончанія годичныхъ курсовъ. Послѣ окончанія курса наукъ въ институтѣ, воспитанники получаютъ свидѣтельства объ ихъ успѣхахъ и поведеніи, за подписью директора и профессоровъ института. Получившіе свидѣтельства объ удовлетворительныхъ познаніяхъ въ наукахъ могутъ быть допущены для изученія лѣсной или хозяйственной практики. Практическія занятія по хозяйственной или лѣсной части производятся: а) или въ имѣніяхъ, принадлежащихъ институту, по указанію начальства; б) или въ казенныхъ лѣсничествахъ, по указанію правительственной комиссіи; в) или въ казенныхъ и частныхъ имѣніяхъ; д) или наконецъ въ частныхъ лѣсахъ. Практическія занятія хозяйственныя или лѣсныя должны продолжаться по-крайней-мѣрѣ одинъ годъ; но они могутъ быть два и три года, что признается даже заслугою со стороны учащихся. По окончаніи практическихъ занятій, воспитанники, выдержавшіе удовлетворительный экзамень, получаютъ патенты на званіе агронома или лѣсничаго. Казеннокоштные воспитанники, занимающіеся практикою въ казенныхъ имѣніяхъ и лѣсахъ послѣ экзамена зачисляются кандидатами въ казенную службу, на извѣстныхъ условіяхъ. Отличившіе изъ нихъ награждаются серебряными медалями, съ разрѣшенія попечителя Варшавскаго

учебнаго округа. Воспитанники института, во время ихъ теоретическихъ и практическихъ занятій, равно какъ и получившіе патенты, освобождаются отъ призыва въ военную службу, если только они въ послѣдствіи не будутъ лишены сего права за дурное свое поведеніе. Воспитанники имѣютъ въ институтѣ помѣщеніе, столъ, отопленіе, освѣщеніе, медицинскія пособія, прислугу и т. п., и за это платятъ въ годъ по 175 руб. серебромъ. Воспитанники носятъ платье форменное. Статское платье, какъ въ институтѣ, такъ и внѣ оного носить запрещается. Сельское училище находится подъ непосредственнымъ надзоромъ особаго учителя, который живетъ вмѣстѣ съ воспитанниками училища, имѣетъ съ ними общій столъ, читаетъ имъ лекціи и ходитъ съ ними на практику. Подъ его присмотромъ находятся также ремесленники, обучающіе воспитанниковъ разнымъ ремесленнымъ искусствамъ. Въ сельское училище принимаются воспитанники не моложе 13 лѣтъ и преимущественно изъ сельскаго званія. Въ училище поступаютъ своекоштные и казеннокоштные воспитанники. Казеннокоштные воспитанники остаются въ институтѣ 7 лѣтъ. Въ продолженіе этого времени ни родители, ни родственники не имѣютъ права взять ихъ обратно изъ училища, развѣ по уплатѣ за нихъ всѣхъ издержекъ содержанія. За своекоштнаго воспитанника платится ежегодно 30 рублей, и отдающій имѣетъ право назначить время, на которое онъ помѣщаетъ воспитанника въ заведеніе. Воспитанники сельскаго училища носятъ также форменную одежду. По истеченіи 7-лѣтняго ученія въ сельскомъ училищѣ, воспитанники подвергаются подробному экзамену и получаютъ свидѣтельство въ приобретенныхъ ими познаніяхъ по сельскому хозяйству и въ ремеслахъ. Воспитанники сельскаго училища, отличающіеся въ заведеніи успѣхами въ наукахъ и поведеніемъ, равно получившіе по окончаніи курса одобрительныя свидѣтельства въ приобретенныхъ ими познаніяхъ, освобождаются отъ призыва въ военную службу. Воспитанники какъ института, такъ и сельскаго училища, для практическихъ упражненій имѣютъ право посѣщать, подъ надзоромъ мѣстнаго начальства, сосѣдніе лѣса, поля, сады: ботаническій, фруктовый и овощной, бібліотеку, музеумъ и химическую лабораторію.

— По садоводству: *О сахарномъ или Китайскомъ протѣ, Д. Струкова* (Журн. М. Г. Им. N° 2); *Выводы въ Манарачѣ* (ibid. N° 2); *О фруктовомъ садоводствѣ въ Новороссійскомъ краѣ, С. Лаврентьева* (Тр. Имп. В. Эк. Общ. N° 1); *Опыты и наблюденія надъ сарю, относительно добыванія изъ нея сахара, Подвысоцкаго* (Журн. С. Хов. N° 2); *О размноженіи растений, Палимпестова* (Зап. Имп. Общ. С. Х. Южн. Рос. N° 1—3); *Устройство и содержаніе теплицъ* (ibid.); *Объ истребленіи винограднаго жука, Неннингера* (Зап. Кавк. Общ. С. Х. N° 3—4); въ журн. Садов. *О сарраценіяхъ вообще* (N° 1); *Исторія родендрона и его воспитаніе* (N° 1, 2); *Картины растительнаго царства, Мина; Московскіе сады въ XVII столѣтіи, Забѣлина* (N° 1); *Каликтарія кровавая; Диклитра прекрасная; Оклиматизированіе растений* (N° 2); *Гонкаликъ красивый; Еще нѣсколько словъ о рышетчатыхъ растеніяхъ; О воспитаніи Китайскаго картофеля; Ночь и день подъ экваторомъ, Кетчера; Ботаническіе сады, Вилькомма; Маранта пятнистая* (N° 3); *О средствахъ заставлятъ очень сильныя деревья давать плоды* (Земл. Газ. N° 4); *О средствахъ увеличивать естественную величину плодовъ* (ibid. N° 17).

— «Московскіе сады въ XVII столѣтіи». — Небольшая статья эта, какъ и всѣ историческія статьи г. Забѣлина о разныхъ сторонахъ домашней жизни нашихъ предковъ, отличается тщательностію разысканій, которыми онъ какъ бы воскрешаетъ давно забытую старину. Въ настоящемъ своемъ изслѣдованіи о Московскихъ садахъ онъ говоритъ между прочимъ: «Чтобы понять, какое важное значеніе имѣлъ въ старой Русской жизни и особенно въ жизни Русской женщины зеленый садъ, стоитъ припомнить только замкнутый въ теремѣ быть Русской дѣвicy. Въ сущности садъ былъ для нея другимъ теремомъ. Но это теремъ не родительскій, это не четыре стѣны съ своими однообразными и тѣсными впечатлѣніями... Это теремъ Божій, въ которомъ пробуждались и пытались другія впечатлѣнія, пробуждалось и пыталось чувство къ красотамъ природы, чувство вѣчное, доступное человѣку при всякихъ условіяхъ жизни, подъ всякимъ градусамъ широты и долготы. Должно и еще припомнить, что все, чѣмъ украшается общестіе настоящаго времени, всѣ эти удовольствія и развлеченія, принесенныя образованностію —

для Русской дѣвицы еще не существовали. Жизнь ея замкнутая, сосредоточенная въ теремѣ, безъ всякаго сомнѣнія, находила несравненно большій просторъ въ саду, который въ этомъ отношеніи представляетъ почти единственное явленіе тогдашняго быта, восполнявшее для Русской женщины отсутствіе всѣхъ общественныхъ удовольствій и развлеченій. Вотъ почему Русская дѣвица такъ любитъ зеленый садъ, такъ часто поетъ про него и въ пѣсняхъ такъ часто находить уподобленія своей участи, своихъ сердечныхъ движеній или съ самимъ садомъ, или съ тѣмъ, что росло въ немъ, съ яблонюю, грушею, съ цвѣтомъ алычи, лавровымъ. Пѣсни засвидѣтельствовали, что уходъ за деревьями и цвѣтами составлялъ не малую заботу Русской дѣвицы, что она горевала и плакала, когда, выходя замужъ, разставалась съ дорогимъ любимымъ садомъ. Въ древнемъ Русскомъ домоводствѣ сады составляли почти неизбежную потребность каждаго, сколько-нибудь зажиточнаго домохозяина. Встарину важнѣйшая забота всякаго домовитаго человѣка состояла въ томъ, чтобы все было *припасено* у себя дома. Покупать по мелочамъ смотря по нуждѣ, на рынкахъ, для домовитаго хозяина почиталось чѣмъ-то унизительнымъ, чѣмъ-то такимъ, въ чемъ, по тогдашнимъ понятіямъ, совѣстно было признаться. Такая покупка обличала разстройство дома, худое положеніе домашнихъ дѣлъ. На рынкахъ, *на торю*, покупали только люди бѣдные, нуждающіеся, бездомные. Полный годовой запасъ во всемъ, полное свое заведеніе по разнымъ частямъ хозяйства — вотъ главная цѣль, идеалъ стариннаго *доброю* домохозяина. Благосостояніе признавалось только въ возможности удовлетворять своимъ потребностямъ единственно изъ своего домашняго хозяйства. Отсюда неизмѣрная многочисленность дворни у бояръ и у всѣхъ, кто имѣлъ средства жить *прокладно*, какъ тогда выражались, обозначая этимъ словомъ полный комфортъ своего времени. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ старинной жизни — садоводство было необходимою статьею въ саждомъ мало-мальски домовитомъ хозяйствѣ. Это былъ источникъ многихъ *прокладъ*, а потому садъ во дворѣ не только у богатыхъ, но и у бѣдныхъ, составляютъ такую же необходимость, какъ напр. колдеезъ, какъ разныя домовыя службы. Безъ сада или огорода

даты, выдержавшіе экзаменъ, могутъ поступать въ школу только того округа, къ которому они принадлежатъ по мѣсту своего жительства. Впрочемъ, кандидатамъ предоставляется свободный выборъ школы, когда они по какому-нибудь особенному обстоятельству пожелаютъ поступить въ школу другаго округа. Отъ префекта каждаго департамента посылается къ директору школы списокъ кандидатовъ, уполномоченныхъ на участіе въ конкурсѣ, т. е. экзаменѣ въ самой школѣ, съ присоединеніемъ всѣхъ свѣдѣній, какія префектъ могъ собрать о каждомъ изъ нихъ относительно ихъ способностей, положенія ихъ самихъ и семействъ въ земледѣльческомъ быту и проч. Отчетъ о каждомъ департаментскомъ экзаменѣ, составленный экзаменаторскою комиссіею, сверхъ того представляется и министру. Префектамъ поручено придать возможно большую публичность условіямъ принятія въ земледѣльческія школы и программамъ. Въ императорскія школы земледѣлія принимаются только на полный пансіонъ. Предметы, требуемые на предварительномъ и на общемъ, окончательномъ, испытаніяхъ, суть слѣдующіе: изъ ариметики: четыре первыхъ дѣйствія; дроби; извлеченіе квадратныхъ и кубическихъ корней, пропорціи и прогрессіи и изложеніе метрической системы. Изъ геометріи: теоремы, относящіяся до прямой линіи, угловъ, круга, пропорціональности и соизмѣримости линій и плоскихъ поверхностей (это почти соотвѣтствуетъ четыремъ первыми главамъ геометріи Лезандра). Изъ физики: общія свойства тѣлъ; термометръ и барометръ. Практическое знаніе правописанія и грамматики Французскаго языка. Никто не допускается къ экзамену раньше семнадцатилѣтняго возраста. Только тѣ изъ кандидатовъ допускаются къ общему и окончательному испытанію, которые съ успѣхомъ выдержали департаментскій экзаменъ. Всѣ ученики въ школѣ распределены на три годовые курса; призванные способными и достойными, получаютъ свидѣтельство въ ихъ познаніяхъ. Окончившіе курсъ въ императорскихъ земледѣльческихъ школахъ въ первомъ разрядѣ съ аттестатомъ, могутъ получить назначеніе, на два года на казенныхъ земледѣльческихъ учрежденіяхъ. Обученіе раздѣляется на теоретическое и практическое. Теоретическое заключаетъ въ себѣ: курсъ физики, химіи, минералогіи и геологіи въ ихъ при-

мѣненіяхъ къ земледѣлію; курсъ сельскаго инженернаго искусства; курсъ земледѣлія; курсъ лѣсоводства и ботаники; курсъ сельскаго управленія и сельскаго законоположенія. Счетоводство. Практическое обученіе, важное значеніе котораго повятно всякому, относится къ употребленію и назначенію орудій, инструментовъ, способовъ, машинъ; сущность и выполненіе главныхъ земледѣльческихъ произвоствъ: оранье, посѣвъ, сѣвность, жатва, сборъ корнеплодныхъ растеній всякаго рода, уходъ за домашнимъ скотомъ и проч. Упражненія въ черченіи и рисованіи плановъ, размежевокъ, сѣмекъ, нивелировокъ, кубическомъ намѣреніи, намѣреніи водъ, упражненіе въ нѣкоторыхъ самыхъ употребительныхъ лабораторныхъ дѣйствіяхъ, испытаніи мергеля, анализъ почвъ, удобреній и проч. Ученикамъ поочередно поручается присмотръ за разными отдѣлами фермы, за упряжымъ скотомъ, дойными коровами, быками, содержимыми для племенн и для навоза, за овцами, за производствомъ масла и сыра, за опытнымъ полями, садами, насажденіями и проч. Сверхъ того, постоянно два ученика завѣдуютъ общими хозяйственными работами, одинъ внутри заведенія, а другой на поляхъ. Обученіе дополняется еще: экскурсіями земледѣльческими, ботаническими, лѣсоводными, ветеринарными, зоологическими; наблюденіями въ конюшняхъ и хлѣвахъ; оцѣнкой работъ въ поляхъ, опредѣленіемъ достоинства сборовъ, качества почвъ и т. п. Въ каждой спеціальности теоретическаго обученія профессору помогаетъ репетиторъ. Въ каждой школѣ есть свой священникъ, который и живетъ тамъ. Ученики могутъ собираться къ нему, если того пожелаютъ, для слушанія его вставленій, соблюдая при этомъ порядокъ и должное повиновеніе. По воскресеньямъ и въ праздники ученики Римскокатолическаго исповѣданія, всѣ безъ исключенія, всегда должны присутствовать при богослуженіи, подъ присмотромъ директора. За содержаніе воспитанника платится 750 франковъ. Въ этомъ содержаніи заключается пища, помѣщеніе и спальныя принадлежности, медицинскія пособія, отопленіе, освѣщеніе и мытье бѣлья. Въ каждой императорской школѣ земледѣлія учреждено восемнадцать ваканцій для воспитанниковъ на казенномъ содержаніи.

И. Г.

I.

НОВОСТИ

ПО ЧАСТИ НАУКЪ

МАТЕМАТИЧЕСКИХЪ, ФИЗИЧЕСКИХЪ И ЕСТЕСТВЕННЫХЪ.

ИСТОРИЯ ПАРИЖСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ. — Всякое замѣчательное явленіе въ наукахъ должно имѣть мѣсто на страницахъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія»: поэтому, увѣдомля о выхождѣ въ Парижъ двухъ томовъ «Лѣтописей Парижской обсерваторіи», предлагаемъ здѣсь и переводъ ихъ рецензій, которая написана г. *Bio* и помѣщена въ «Journal des savants» (Сентябрь, 1856 г.).

Въ началѣ 1854 г., Парижская обсерваторія, номинально считавшаяся до-тѣхъ-поръ въ завѣдываніи «Бюро долготъ», вѣрела управленію Леверрье. По вступленіи въ должность, новый директоръ представилъ правительству донесеніе о состояніи обсерваторіи, о преобразованіи ея относительно содержанія и служащихъ при ней лицъ, и о предполагаемыхъ астрономическихъ и физическихъ наблюденіяхъ. Донесеніе это занимаетъ 68 страницъ перваго тома. Планъ, составленный директоромъ, можно-ли считать самымъ удовлетворительнымъ для возрожденія и распространенія любви къ астрономическимъ наблюденіямъ, давно уже погасшей во Франціи? Изложенные къ планѣ предметы изслѣдованій дѣйствительно-ли приличны большой обсерваторіи, содержимой на счетъ государства? И какъ обсерваторію желали совсѣмъ преобразовать, то хорошо-ли сдѣлали, что сре-

доточіе изслѣдованій неба оставили въ старомъ тяжеломъ заданіи, построенномъ изъ тесныхъ камней, на непроходной почвѣ, и окруженномъ частными домами, скрывающими отъ него горизонтъ? Не лучше-ли было бы перенести снаряды въ деревянное строеніе на какомъ-нибудь возвышеніи внѣ Парижа? Не будемъ разрѣшать этихъ и другихъ подобныхъ вопросовъ, потому что планъ уже приведенъ въ исполненіе. Въ такомъ случаѣ, ваше мнѣніе япкъ чему не послужитъ; тутъ уже критика излишна. Мы позволимъ себѣ выразить только два желанія: во-первыхъ, мы желаемъ, чтобы планъ Лаверрье сопровождался успѣхами, соответствующими его извѣстной дѣятельности во всѣхъ ученыхъ предпріятіяхъ; и во-вторыхъ, чтобы императорское правительство доставило ему всѣ средства, которыя онъ требовалъ для обезпеченія успѣховъ.

Все прочее въ обоихъ томахъ принадлежитъ математикѣ, — это основаніе всего того, что Лаверрье намѣренъ помѣщать въ «Лѣтописяхъ обсерваторіи». Весь этотъ приготовительный трудъ сдѣлалъ одинъ Лаверрье, и онъ отвѣчаетъ за него одинъ, безъ участія правительства. Вотъ въ чемъ дѣло.

Много дѣтъ и почти въ наше время большія обсерваторіи были полезны только для ихъ директоровъ. Производимыя въ нихъ наблюденія записывались въ журналы и выходили изъ обсерваторій случайно, въ извлеченіяхъ, т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда астрономъ извлекалъ изъ своихъ журналовъ только то, что ему было нужно для какого-нибудь specialнаго ученаго труда. По этому обыкновенію, наука получала уже результаты совсѣмъ готовые и не могли повѣрять ихъ оригинальными подробностями наблюденій. Возьмемъ, для примѣра, большой каталогъ звѣздъ, который Пиацци издалъ въ 1814 г. и посвятилъ Французскому Институту. Каталогъ составленъ по однимъ наблюденіямъ искуснаго и трудолюбиваго Палермскаго астронома, произведеннымъ въ продолженіе 21 года (1792 — 1813) великолѣпнымъ снарядомъ Рамадена; подробное описаніе и опредѣленіе достоинства этого снаряда приложилъ Пиацци къ своему каталогу. Положенія звѣздъ отнесены къ 1 января 1800 г., посредствомъ вычисленій предваренія равноденствій, aberrации свѣта и колебаній земной оси, какъ такихъ количествъ, которыми измѣняются истины —

ныя и среднія положенія небесныхъ свѣтилъ. Нельзя думать, чтобы Пиацци не трудился надъ этими вычисленіями добросовѣстно. Но послѣ 1814 г. всѣ *данныя* его вычисленій много усовершенствованы, т. е. *постоянныя* числа предваренія равноденствій, абераціи, колебанія и преломленія свѣта въ атмосферѣ опредѣлены съ болышею точностью; даже лучше узвали поправки преломленія, зависящія отъ показаній барометра и термометра. Самый свирядъ, по своему строенію и по своей установкѣ, долженъ былъ измѣняться отъ температуры. И такъ всѣ результаты, которые Пиацци сдѣлалъ извѣстными, надобно вновь пересмотрѣть и исправить необходимыя въ нихъ погрѣшности. Но, къ сожалѣнію, не имѣя оригинальныхъ наблюденій, никто не можетъ этого сдѣлать. Да если бы и были извѣстны эти наблюденія, то исправленіе результатовъ оказалось бы весьма затруднительнымъ. Не всякой астрономъ можетъ рѣшиться на огромный трудъ Бесселя, вычислявшаго и приведшаго къ 1 января 1755 г. всѣ наблюденія надъ звѣздами, произведенныя Брадлеемъ въ Гринвичѣ отъ 2 сентября 1750 до 15 июля 1762 г. Это неопытенное астрономическое сокровище оставалось въ архивахъ Оксфордской библіотеки до 1798 и 1805 г.; право на его изданіе вполне, по подлиннымъ рукописямъ, получили Горнсби и Робертсонъ. Тогда, по приглашенію Ольберса, Бессель приступилъ къ вычисленіямъ и въ 1818 издалъ ихъ подъ именемъ «Fund. astronomiae». Для вычисленій надобно было глубоко наслѣдовать употребляемыя свиряды, опредѣлить степень ихъ точности, назначить предѣлы ихъ ошибокъ, усовершенствовать теоретическія методы вычисленій и приложить ихъ къ каждому отдѣльному наблюденію. При исполненіи такого труда, Бессель показалъ, что онъ глубокій геометръ, ученый физикъ, опытный и искусный наблюдатель и вмѣстѣ съ тѣмъ неутомимый калькуляторъ. При всѣмъ томъ, его трудъ не такъ совершенъ, чтобъ не требовалъ поправокъ: составленныя и употребляемыя имъ формулы преломленія свѣта основаны на физической гипотезѣ, невыражающей истиннаго состава атмосферы, и потому въ величинахъ преломленія близъ горизонта оказываются небольшія неточности, и Леверрье нашелъ, что даже въ самыхъ вычисленіяхъ встрѣчаются значительныя погрѣшности.

Но изъ рукъ человѣческихъ ни одно дѣло не выходитъ совершеннымъ; строгая астрономическая точность есть предѣлъ идеальный; къ нему можно только приближаться, но никто его не достигнетъ. Примеромъ тому могутъ служить подробный разборъ тѣхъ же наблюдений Браддея, которыми Леверрье занимался послѣ Бесселя, съ намѣреніемъ опредѣлить среднее положеніе звѣздъ, называемыхъ *фундаментальными*, потому что съ ними сравниваются положенія другихъ звѣздъ. Этотъ разборъ вошелъ въ составъ втораго тома «Лѣтописей». Хотя тонкія соображенія Леверрье не привели его къ большимъ поправкамъ, однако въ астрономіи, также какъ въ физикѣ и химіи, важность результатовъ не мѣняется числовыми ихъ величинами. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Леверрье представлялъ свои вычисления «Бюро долготъ», какъ необходимое приготовленіе для усовершенствованія солнечныхъ таблицъ, которыя, безъ сомнѣнія, будутъ помѣщены въ слѣдующихъ томахъ «Лѣтописей».

Изложенныя затрудненія въ вычисленіяхъ старыхъ многолѣтнихъ наблюдений и вредъ, который терпитъ наука отъ того, что они остаются и безпрестанно накаплиются въ журналахъ большихъ обсерваторій, убѣдили астрономовъ въ необходимости издавать ихъ правильно, безъ замедленія, и какъ въ первоначальномъ ихъ видѣ, такъ и вычисленными; вычисленные наблюдения могутъ быть тотчасъ употребляемы, оригиналы же ихъ нужны для повѣрокъ, или для повторенія вычислений съ новыми основными данными. Я думаю, что Эйри первый показалъ тому примеръ въ 1829 г., когда получилъ въ свое управленіе Кембриджскую обсерваторію; съ того времени онъ поставилъ себя въ обязанность и наблюдать и вычислять наблюдения. Точно такъ же распоряжается онъ въ королевской обсерваторіи въ Гринвичѣ, которою управляетъ съ 1836 г., и притомъ съ большою дѣятельностью: потому что Англійское правительство не поскупилось на опредѣленіе достаточнаго числа помощниковъ и калькуляторовъ. Неутомимый Эйри превосходно пользуется этими щедрыми пособіемъ, и Гринвичскія наблюдения правильно издаются въ двухъ упомянутыхъ видахъ, и безъ замедленія; такъ наблюдения 1853 года вышли въ свѣтъ въ 1855 г., т. е. послѣ того времени, которое необходимо для ихъ вычисленія, переписки и напечатанія.

Но это еще не все: кромѣ вычисленія старыхъ наблюденій и непрерывнаго ихъ продолженія, Эйри присоединилъ къ нимъ новыя, особенно вадъ луною ивъ меридіана, посредствомъ изобрѣтеннаго имъ снаряда. Такимъ образомъ изъ Гринвичской обсерваторіи каждый годъ выходитъ томъ въ 4-ю долю листа, содержащій отъ 400 до 500 страницъ. Но Эйри не ограничился изданіемъ современныхъ ему наблюденій: въ управляемой имъ обсерваторіи вычисляются и издаются наблюденія его предшественниковъ, начиная отъ Брэдлея. И такъ Эйри успѣлъ сдѣлать Гринвичскую обсерваторію дѣйствительно полезною для науки, и нынѣ не можетъ сравниться съ нею ни одна обсерваторія въ старомъ и новомъ свѣтѣ.

Леверрье предполагаетъ подражать этому блестящему приѣзду; онъ также намѣренъ издавать правильно наблюденія Парижской обсерваторіи, какъ подлинныя, такъ и вычисленныя. Изданныя имъ два тома «Лѣтописей» содержатъ приготовительныя работы для исполненія его прекраснаго намѣренія.

Эти работы нельзя иначе назвать, какъ полнымъ кодексомъ астрономическихъ вычисленій; въ немъ предложены возможно точныя правила отъ простѣйшихъ вычисленій тригонометрическихъ до высшей теоріи возмущеній въ движеніяхъ планетъ. Математическія формулы изложены ясно, съ удовлетворительною строгостью, въ логическомъ порядкѣ и съ обдуманно-выбранными приѣмами; калькуляторамъ Леверрье остается только неуклонно слѣдовать его предписаніямъ, чтобъ сдѣлать свои работы удовлетворительными. Хорошо, еслибы такіе кодексы завели и другіе астрономы: тогда можно было бы сравнивать различные результаты ихъ наблюденій, — чего нынѣ нельзя дѣлать, по причинѣ различія въ методахъ вычисленій и въ употребляемыхъ данныхъ. Но чтобы кодексъ Леверрье былъ введенъ въ общевъ употребленіе, по моему мнѣнію, надобно исправить редакцію главы II тома I, гдѣ авторъ предложилъ дифференціальныя уравненія движенія планетъ около солнца, на основаніи Ньютонова закона тяготѣнія. Ибо, кромѣ того, что въ формулахъ, находящихся на страницѣ 183, не достаетъ необходимо для нихъ члена, алгебраическій ихъ видъ, въ которомъ Леверрье употребляетъ ихъ для вывода различныхъ слѣдствій на стран. 189 и 190, повидимому, доказываетъ, что всеобщность приложенія

самаго ихъ основанія подлежитъ сомнѣнiю, тогда какъ эта всеобщность есть одно изъ удивительныхъ свойствъ Ньютонова правила, и, безъ сомнѣнiя, авторъ сдѣлалъ это безъ намѣренiя и противъ своего убѣжденiя. Для полнаго выраженiя моей мысли, я скажу, что въ этихъ нововведенiяхъ я вижу *ересь* физической механики; чтобъ освободить отъ нея науку, надобно вышеозначенныя страницы замѣнить какими же числомъ другихъ, на которыхъ тѣ же предметы должно представить въ формѣ, болѣе способной для общаго употребленiя, напримѣръ, въ той формѣ, въ какой предлагалъ ихъ Пуассонъ въ своихъ сочиненiяхъ, и особенно во второмъ изданiи своей механики (томъ I, стр. 463 и слѣд.). Вставку такихъ страницъ на типографскомъ языкѣ называютъ *картономъ*. Но почему это нужно? Потому, что Ньютонъ вставилъ такой картонъ во второе изданiе «Началъ», чтобъ уничтожить ошибку, указанную Иваномъ Бернулли (см. книгу II, предложенiе X, задачу III). Мое замѣчанiе есть сдѣланiе желанiя видѣть въ трудѣ Леверрье совершенство изложенiя того ученiя, которое служитъ основанiемъ для этого труда; совершенство же изложенiя дифференциальныхъ уравненiй необходимо для совершенства математическихъ изъ нихъ выводовъ. Нѣтъ никого способнѣе Леверрье исправить недостатокъ своего труда. Всѣми разсматриваемыми здѣсь задачами онъ давно уже занимается и обрабатывалъ ихъ въ изданныхъ имъ теоретическихъ сочиненiяхъ вмѣстѣ съ числовыми выкладками. Всѣ способы вычисленiй и самыя вычисленiя, предложенныя въ «Лѣтописяхъ», были ему нужны для его изслѣдованiй вѣковыхъ неравенствъ планетныхъ движенiй, напечатанныхъ въ «*Connaissance des temps*» на 1843 и 1844 г., для его теорiи Меркурiя, особенно же для его огромнаго труда, посредствомъ котораго показалъ онъ, а priori, несомнѣнное существованiе Нептуна, и вычислилъ столь близко орбиту этой планеты и ея мѣсто на небѣ, что она тотчасъ была найдена телескопомъ — и все это было сдѣлано по одной только неудовлетворительности возмущенiй, производимыхъ Юпитеромъ и Сатурномъ въ движенiяхъ Урана, — неудовлетворительности, которая только возбуждала въ астрономахъ неясное предположенiе существованiя отдаленнаго небеснаго тѣла. И такъ Леверрье надобно было только собрать свои прежнiе труды и составить изъ нихъ

одно цѣлое, съ присоединеніемъ всѣхъ улучшеній, всѣхъ усовершенствованій, которыхъ онъ не могъ не сдѣлать послѣ подробнаго ихъ пересмотра. Однакожь, несмотря на готовые материалы, новая ихъ редація и печатаніе двухъ томовъ, состоящихъ изъ однихъ формулъ и вычисленій, притомъ въ короткое время, есть дѣло тяжелое, доказывающее математическія дарованія автора и безпримѣрную силу въ работѣ.

Послѣ достойныхъ похвалъ двумъ томамъ *Мѣтописей* да будетъ позволено мнѣ выразить непріятное чувство, возбужденное во мнѣ — такъ сказать — неблагодарностью редакціи къ гению людей, даже нашихъ современниковъ, которымъ обязаны мы великіи теоріями небесной механики. Леверрье, излагая какъ самыя теоріи, такъ и ихъ приложенія, не упоминаетъ о Лагранжѣ, Лапласѣ и Пуассонѣ, а между тѣмъ отъ нихъ заимствуетъ онъ не только основанія теорій, но и самыя употребляемые ими способы аналитическихъ вычисленій и общія изъ нихъ слѣдствія. На примѣръ: уравненія невозмущаемаго и возмущаемаго движенія планетъ принадлежатъ Лагранжу, предложившему ихъ въ удивительной запискѣ 1782 г., въ которой, распространивъ идею Эйлера, онъ ввелъ элементы орбитъ сперва какъ количества постоянныя; и потомъ какъ измѣняемыя отъ взаимнаго тяготѣнія планетъ. Аналитическая теорія вѣковыхъ неравенствъ, производимыхъ этими тяготѣніемъ, совершенно тождественна съ теоріею Лагранжа. Уравненія дифференціальныя, ихъ интегралы отличаются отъ Лагранжевыхъ только нѣкоторыми перемѣнами въ *знакоположеніяхъ*. Тѣ же самыя изъ нихъ слѣдствія объ устойчивости планетной системы; къ нимъ прибавлены только нѣкоторыя условія, доказанныя Лапласомъ, и необходимыя для того, чтобъ эта система колебалась около своего средняго состоянія, не удаляясь отъ него значительно. Все это Леверрье повторилъ съ новыми данными для вычисленій.

Я упомянулъ о Пуассонѣ потому, что мы одолжены ему пополненіемъ теоріи измѣненія планетныхъ элементовъ; трудъ его даже возбудилъ новую дѣятельность въ Лагранжѣ и Лапласѣ. Дифференціальныя выраженія этихъ измѣненій, помѣщенныя въ VIII томѣ *Журнала политехнической школы*, употребилъ Леверрье еще въ 1844 г., употребляетъ ихъ и нынѣ;

но въ 1844 г. онъ указалъ на источникъ; нынѣ же не признаетъ и имени Пуассона. Можетъ быть, скажутъ, что Леверрье, составляя кодексъ астрономическихъ вычисленій, назначаемый для спеціальнаго употребленія служащихъ въ управляемой имъ обсерваторіи, не хотѣлъ прерывать нити своего изложенія; но, предлагая числовыя формулы колебанія, онъ не упустилъ замѣтить: «величины коэффициентовъ въ этихъ формулахъ заимствованы изъ записки г. Петерса.» Замѣчаніе справедливое и во всѣхъ отношеніяхъ приличное. Зачѣмъ же молчать о заимствованіи теорій, которыя, не въ обиду г. Петерса, важнѣе числовыхъ выкладокъ? Въ этомъ случаѣ, Леверрье не подражаетъ ли завоевателю, который пренебрегаетъ червонцомъ частнаго лица, но не можетъ воздержаться отъ искушенія завладѣть государствомъ или даже одною его провинціею? Я отвергаю эту мысль. Никто не сомнѣвается, что математическими формулами небесныхъ движеній онъ также владѣетъ вполне, какъ и ихъ изобрѣтатели; онъ искусенъ въ развитіи этихъ формулъ и разсудительно прилагаетъ ихъ къ числовымъ выкладкамъ. Все это, вмѣстѣ съ неутомимостью въ трудѣ, составляетъ такое соединеніе знаній и дарованій, которому не могутъ не завидывать люди, лишенные всѣхъ этихъ преимуществъ. Въ наукѣ, онъ занимаетъ первое мѣсто подлѣ изобрѣтателей. Съ такими дарами, данными природою, или приобретенными ученіемъ, для чего пренебрегать обязанностью отдавать достойное уваженіе изобрѣтателямъ, открывшимъ путь, по которому вы идете, и на которомъ вы трудитесь по способамъ, оставленнымъ ими для потомства? Такое молчаніе я не могу объяснять тѣмъ, что строгость плана не совместна со справедливостью, и по моему мнѣнію, не должно этому подражать.

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ СТЕРЕСКОПЪ. — Это, собственно, не сварадъ, но опытъ, который Французскій астрономъ Фэ показывалъ своимъ товарищамъ въ Парижской академіи наукъ, и который можетъ служить подтвержденіемъ теоріи Бабине, сообщенной въ «Журналъ М. Н. Пр.» (*). Опытъ состоитъ въ слѣдующемъ: возьмите листочекъ бумаги и проколите въ ней двѣ связки-

(*) См. Ч. XCI, отд. VII, стр. 37.

ны, разстояніе между которыми равнялось бы 70 миллиметрамъ или разстоянію между центрами нормальныхъ глазъ; такую бумажку положите на двойной стереоскопической рисункъ, — такъ, чтобы каждая скважина соответствовала центру каждаго изображенія, и потомъ, не спуская съ нее глазъ, постепенно подвигайте ее къ глазамъ: скважины будутъ казаться взаимно сближающимися, и наконецъ сольются въ одну; отъ этого и изображенія покажутся совпадшими и представятся въ рельефѣ. Къ этому Фэ прибавляетъ, что его опытъ можетъ быть полезенъ для разсматриванія кристалловъ, нарисованныхъ стереоскопически, и для стереоскопическихъ чертежей въ сочиненіяхъ о разрѣзѣ камней.

ГРОБНИЦЫ И МУМІИ ВЪ АРИКѢ. — Адмиралъ *Пти-Туаръ*, пріѣхавъ въ портъ Арика, просилъ у губернатора позволеніе осмотрѣть древнія гробницы; ему отвѣчали, что покойники не были крещены, потому онъ можетъ рыться въ могилахъ сколько ему угодно. Тогда адмиралъ началъ рыть морской берегъ, и въ пескѣ, на глубинѣ полу-метра, открылъ родъ ящичковъ, въ которыхъ были заключены муміи. Каждая изъ нихъ сидѣла на пяткахъ, лицомъ къ западу, ноги были вставлены къ двѣ вазы изъ обожженной глины, изъ которыхъ одна всегда представляла или форму человѣка или какого-нибудь животнаго и назначалась для воды, другая же содержала соль и кока (*Erythrochylum peruvianum*). Кажется, эти вазы доказываютъ, что жители Перу, до его завоеванія, вѣрили въ будущую жизнь, и снабжали своихъ мертвыхъ водою и пищею. Нѣкоторые изъ труповъ были покрыты цвѣтными тунниками, похожими на Спартанскія. Адмиралъ думаетъ, что это муміи женщинъ. Гробницы всѣ расположены вдоль берега параллельными рядами. Ни одна изъ мумій, найденныхъ въ гробницахъ, не имѣла глазъ, — признакъ, что на разрытомъ кладбищѣ погребались только одни бѣдные, для которыхъ были дороги искусственные глаза. Изъ химическихъ изслѣдованій Шайена надъ глазами Перуанскихъ мумій, недавно привезенныхъ въ Парижъ, видно, что эти глаза составлялись изъ тонкихъ роговыхъ листочковъ.

НОВЫЙ СПОСОБЪ РАВНОВАЖА ОПРЕДЕЛЯТЬ ПЛОТНОСТЬ ТВЕРДЫХЪ ТѢЛЪ. —
Описание этого способа предлагаемо собственными словами изобретателя.

«Съѣснвъ тѣло въ воздухѣ, на одну чашку вѣсомъ я ставлю сосудъ съ тою жидкостью, съ вѣсомъ которой хочю сравнить вѣсъ тѣла; по большей части, я употребляю перегнатую воду; возстановляю равновѣсіе, къ чашкѣ съ сосудомъ приставляю подставку въ видѣ лапола, съ крючкомъ на перекладникѣ, совершенно соотвѣтствующемъ сосуду; на этотъ крючокъ, посредствомъ тонкой шелковинки, вѣшаю испытываемое тѣло, погружаю его въ жидкость и опять возстановляю равновѣсіе гирьками, которыхъ вѣсъ равняется вѣсу вытѣсненной воды. Послѣ того исконую плотность вычисляю по формулѣ

$$\Delta = D \frac{P}{P'} + \delta,$$

въ которой Δ выражаетъ исконую плотность, D — плотность жидкости, δ — плотность воздуха, P — вѣсъ тѣла въ-воздухѣ и P' — вѣсъ вытѣсненной имъ жидкости».

КРАТКАЯ БИОГРАФІЯ ШТУРМА. — Эта биографія извлечена изъ записки *Prunс* (Prouhet), которому знаменитый геометръ поручилъ собрать и надать оставшіяся послѣ него сочиненія.

Карлъ Штурмъ родился 29 Сентября 1803 г., въ Женевѣ, которая тогда была главнымъ городомъ Леманскаго департамента. Его семейство, протестантскаго исповѣданія, около 1760 г. переселилось въ Женеву изъ Страсбурга. Между своими членами оно считало двухъ замѣчательныхъ людей XVI вѣка: Жака Штурма, президента Страсбургской республики, отличавшагося въ борьбѣ этого города съ Карломъ пятымъ, и Жака Штурма, гуманиста, дипломата и богослова, котораго имя находимъ во всѣхъ литературныхъ, политическихъ и религиозныхъ расправахъ его времени. Въ молодомъ Шарлѣ Штурмѣ рано обнаружился необыкновенныя дарованія, которыми отличался онъ во всѣхъ предметахъ, преподаваемыхъ въ коллегіи. Съ одинаковою легкостью онъ учился древнимъ и новымъ языкамъ, литературѣ и исторіи. Говорять, что, будучи двѣнадцати лѣтъ, онъ даже сочинялъ сти-

тъ, исполненныя воображенія и чувства. Но, съ годами, онъ болѣ и болѣ прилѣпался къ наукамъ. Въ 1818 г. Штурмъ перешелъ въ Женевскую академію, и учился въ ней у Шауба, у полковника (нынѣ генерала) Дюфура и у Симона Люлье. Этотъ послѣдній, геометръ высшаго разряда, полюбилъ своего ученика и предсказывалъ ему блестящую будущность. Люлье дожилъ до того времени, когда исполнилось его предсказаніе. Въ 1819 г. Штурма постигло несчастіе и заставило его бороться съ бѣдностью. Отецъ его умеръ неожиданно, не оставивъ ничего своей женѣ, кромѣ четверыхъ дѣтей, изъ которыхъ Ш. Штурмъ былъ старшій. Для вспомошествованія своей нѣжно-любимой матери, онъ началъ давать частныя уроки и звошелъ учителемъ въ семейство Брोगію, для воспитанія брата г-жи Брोगію, сына знаменитой Сталь. Здѣсь онъ жилъ 15 мѣсяцевъ и всегда велъ въ почтенное семейство. Въ 1823 г. Штурмъ поѣхалъ съ своимъ ученикомъ въ Парижъ, и дорогою познакомился съ Дижонскимъ бібліотекаремъ, который везъ своего сына въ политехническую школу. Эти господа прилежно читали математическій журналъ Жергона, въ которомъ были уже помѣщены нѣкоторые разсужденія Штурма. Когда они узнали имя своего спутника, обошлись съ нимъ весьма вѣжливо и ласково. Эта встрѣча двадцатилѣтнему, будущему знаменитому геометру, принесла великое удовольствіе. Штурмъ любилъ объ ней рассказывать. Онъ былъ тогда бѣденъ; имя его было еще неизвѣстно; но онъ чувствовалъ уже свои силы и надѣялся. Я теперь, писалъ Штурмъ къ своей матери, въ обществѣ людей ученыхъ; надобно сравняться съ ними. Въ этотъ прїездъ, Штурмъ недолго пробылъ въ Парижѣ. Черезъ годъ онъ возвратился туда съ другомъ своимъ Колладономъ, отличныиъ физикомъ и нынѣ профессоромъ въ Женевской академіи. Съ 1825 по 1829 г. друзья жили вмѣстѣ, вмѣстѣ работали и раздѣляли между собою надежды и радости. Юня 11 1827 ихъ труды были награждены: они получили большую математическую премію за рѣшеніе задачи Парижской академіи наукъ о сжимаемости жидкостей. Штурмъ прїѣхалъ въ Парижъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Люлье къ Жерово. Отличный профессоръ привалъ молодого геометра дружески и доставилъ ему полезныя знакомства. Араго, Амперъ и Фурье внима-

тельно слѣдили за трудами Штурма и его друга. Недостатокъ средствъ для жизни заставлялъ обоихъ друзей прерывать ихъ высшія ученые занятія и приниматься за преподаваніе уроковъ. Предупредительная и прозорливая дружба Араго послѣдила къ нимъ на помощь: знаменитый астрономъ и физикъ не упускалъ случая посылать къ нимъ учениковъ. Въ это время, Фурье собиралъ около себя молодыхъ геометровъ, которыхъ имена выходили изъ невѣдѣности. Великій ученый говорилъ съ ними о своихъ любимыхъ трудахъ и увлекалъ ихъ за собою по тому пути, на которомъ онъ сдѣлалъ важныя открытія. Штурмъ воспользовался уроками своего почтеннаго наставника, и во всю свою жизнь не могъ говорить объ немъ безъ чувства и глубокаго уваженія. Онъ занимался тогда теоріею тепла и алгебраическимъ анализомъ; изучая свойства нѣкоторыхъ дифференціальныхъ уравненій, относящихся къ вопросамъ математической физики, онъ нашелъ свою знаменитую теорему. Это открытіе, сдѣлавшееся извѣстнымъ въ 1829 г., помѣстило автора въ число первоклассныхъ геометровъ. Июльская революція отворила ему двери въ публичныя училища, куда не допускали его, какъ протестанта. Въ 1830 г., по высокому покровительству Араго, его сдѣлали профессоромъ математики въ коллегіи Роллея. Съ этого времени началась его дружба съ Ливилемъ, продолжавшаяся до смерти Штурма. Въ 1834 г., Парижская академія наукъ присудила Штурму большую математическую награду, которая давалась за важнѣйшее открытіе, сдѣланное въ теченіе трехъ послѣднихъ годовъ. Эту награду онъ получилъ за разсужденіе о теоріи уравненій, которое было представлено академіи 30 Сентября 1833 г. Въ 1836 г., Штурмъ былъ выбранъ въ члены Парижской академіи наукъ на мѣсто умершаго Амьера. При выборѣ онъ получилъ 46 избирательныхъ голосовъ изъ 52. Въ 1838 г., Штурмъ поступилъ въ политехническую школу репетиторомъ анализа, и черезъ два годѣ сдѣлался профессоромъ. Въ 1840 году, онъ занялъ катедру механики вмѣсто Пуассона. Штурмъ былъ кавалеромъ почетнаго легіона (1837 г.), членомъ анатомическаго общества, Берлинской академіи наукъ (1835 г.), Императорской С. Петербургской академіи (1836 г.) и королевскаго Лондонскаго общества (1840 г.). За труды свои въ теоріи уравненій, онъ по-

лучилъ отъ послѣдняго медаль Коплея. Всѣхъ этихъ почестей Штурмъ былъ вполнѣ достоинъ. Твердое его сложеніе обѣщало ему долгую жизнь. Но въ 1851 г., вслѣдствіе неуиѣренныхъ занятій трудными изслѣдованіями, здоровье его вдругъ измѣнилось, и онъ принужденъ былъ оставить Сорбонну и политехническую школу. Въ концѣ 1852 г. онъ снова возвратился къ своимъ занятіямъ; но, не смотря на попеченія его семейства, здоровье его не возстановлялось; болѣзнь не умевышалась и наконецъ 18 Декабря 1855 года свела его въ гробъ. Штурмъ умеръ 51-го года. Штурмъ былъ человѣкъ съ высшими дарованіями; онъ имѣлъ и прекрасное сердце. Въ счастіи своемъ, онъ не забывалъ дней бѣдности; не забывалъ благодѣяній Ампера, Фурье и Араго, и, подобно имъ, помогалъ молодымъ людямъ, вступавшимъ на трудное поприще наукъ. Съ незнакомыми онъ былъ молчаливъ и робокъ; предъ знакомыми же открывалъ свой тонкій и оригинальный умъ. Онъ страстно любилъ музыку великихъ мастеровъ, и во время своихъ недостатковъ, лишалъ себя необходимаго, чтобъ имѣть удовольствіе послушать Россини и Мейербера. Какъ профессоръ, Штурмъ отличался ясностью и строгостью преподаванія. Ему обязаны мы многими остроумными доказательствами извѣстныхъ уже теоремъ, распространенными его учениками; составители учебниковъ пользовались ими, не называя его имени. Но онъ былъ такъ богатъ и не жаловался на такія похвощенія. «Развѣ я — говорилъ онъ — что-нибудь теряю? Это мелочи». Штурмъ всходилъ на кафедру всегда съ робостью, и читалъ лекціи, почти не смотрѣлъ на своихъ слушателей. Но въ аудиторіи всегда царствовало почтительное молчаніе, потому что слушатели уважали и любили знаменитаго наставника. Его лекціи анализа и механики въ политехнической школѣ скоро будутъ изданы съ литографированныхъ тетрадей, пересмотрѣнныхъ и исправленныхъ имъ самимъ.

II.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

АХЕНСКІЙ РАТГАУЗЪ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА ВЪ ЕГО ИСТОНИСКЪ О ТРЕХДВЕРНОМЪ ПРИЕМЛАНІИ ИМПЕРАТОРА ВЛАННАГО ВЪ АХЕНЪ. 25, 26 И 27 ІЮЛЯ 1747 Г.

(Изъ путевыхъ записокъ М. Стасюлевича).

На-дняхъ я осматривалъ достопримѣчательности зѣйшей городской думы (Rathhaus), построенной въ половинѣ XIV столѣтія на счетъ того же самаго Гергарда, который пристроилъ къ собору такъ-называемый *Sbogus* (1), и получилъ отъ него прозваніе Хора. Полагаютъ, что на этомъ мѣстѣ еще при Римлянахъ была башня, которая и до-сихъ-поръ составляетъ часть думы, возвышаясь надъ нею съ лѣвой ея стороны (отъ входящаго). По преданію о мнимомъ братѣ Нерона, Гранѣ (2), эта башня называется *Granus-Thurm*.

Въ нижнемъ этажѣ думы особенно замѣчательна зала (на лѣвой рукѣ отъ входа), въ которой былъ подписанъ Ахенскій миръ въ 1748 г., окончившій войну за Австрійское престолонаслѣдіе. На стѣнахъ залы развѣшены оригинальные портреты полномочныхъ министровъ и королевскихъ особъ современной имъ работы. На стѣнѣ противъ оконъ портретъ Леопольда I съ лѣвой и его супруга Елеоноры съ правой стороны; у самаго входа портреты Маріи-Терези и ея супруга Франца Йотарингскаго. На боковыхъ стѣнахъ, слѣва отъ входа, помѣщены портреты Наполеона I и Жозефины, во весь ростъ, въ императорскихъ мантияхъ; они писаны въ 1805 и 1807 годахъ съ натуры, и принад-

(1) См. мою статью: «Ахенъ и его историческіе памятники эпохи Карловинговъ.» Ж. М. Н. Пр. Окт. 1856.

(2) Этому Грану приписываютъ основаніе Ахена, и оттуда Латинская форма имени города — *Aquisgranum*.

лежать къ числу лучшихъ. Между ними, выше, портретъ Прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III (копія съ Герара), а подъ нимъ оригинальные портреты императора Карла VI, отца Маріи-Терезіи, и ея соперника Карла VII, Баварскаго курфюрста. На противоположной стѣнѣ, гдѣ помѣщенъ портретъ Карла Великаго (въ какомъ-то фантастическомъ костюмѣ, невѣстной и не замѣчательной работы), обращаетъ на себя особенное вниманіе портретъ Кауница, писанный съ натуры.

Въ верхнемъ этажѣ думы находится огромная зала въ 162 фута длины и 60 ф. ширины; посреди ея идетъ цѣлая колоннада, поддерживающая сводами потолокъ. Въ этой залѣ, императоры Луксембургскаго дома, начиная отъ Вѣнцеслава, и Габсбургскаго дома — до Фердинанда I, собирали Имперскіе сеймы, по избраніи на престолъ (5) и послѣ коронаціи въ здѣшней мюнстерѣ. Нашъ проводникъ (я былъ вмѣстѣ съ своимъ соотечественникомъ г. Л) показалъ намъ и узкую, правую лѣстницу, во которой поднимались императоры, входя въ залу собранія; теперь она служитъ черною лѣстницею. Нынѣ эта зала раставривается; на ея стѣнахъ предназначено написать 9 фресковъ съ изображеніями важнѣйшихъ событій изъ исторіи Карла Великаго. Г. Альфредъ Ретель занялъ этою работою, и пять фресковъ уже готовы: отъ входа съ правой стороны: 1) *Взятіе Павіи*. Карлъ, на лошади, съ желѣзною короною Лангобардовъ въ рукѣ, вѣзжаетъ въ городскія ворота; Деиздерій, съ скованными руками, открывается съ негодованіемъ; его жена скрываетъ свое лице за плечами мужа; 2) *Кордовская битва*. Карлъ, верхомъ на лошади, у которой повязаны глаза, чтобы она не пугалась страшнаго,

(3) Работы Буше.

(4) Работы Ле-Февра.

(5) Самое избраніе курфюрстами происходило въ особомъ админі, которое и теперь существуетъ въ развалинахъ подлѣ Ахенскаго собора; въ его подвалахъ нынѣ помѣщаются хлѣбные амбары. Въ высшихъ стѣнахъ видны изваянія семи курфюрстовъ: 4 свѣтскіе подняли руки въ знакъ согласія; 2 духовные благославляютъ, а одинъ отвернулся отъ прочихъ съ опущенными руками. Это—избраніе въ императоры Ричарда Кориваллійскаго: архіепископъ Кельнскій подаль голось противъ него.

выставленных Мавраши впереди своих рядовъ, вырываетъ знамя у Мавра, пронзеннаго копьешъ. 3) *Низверженіе Ирменсула*, идола Саксовъ. Опрокинутый Ирменсулъ лежитъ у ногъ Карла, а съ другой стороны Саксонскіе старшины изъявляютъ свою покорность Карлу; на второмъ планѣ видны удаляющіеся съ негодованіемъ жрецы. 4) *Открытіе гробницы Карла Великаго Оттономъ III*, въ 1000 г.; это—лучшій фрескъ, по моему мнѣнію, и въ отношеніи работы и соблюденія исторической точности въ подробностяхъ. Карлъ сидитъ на мраморномъ стулѣ въ углубленіи sklepa; на головѣ его, покрытой прозрачною тканью, императорская корона; на плечахъ—мантія; на колѣняхъ—раскрытое евангеліе и на немъ сложены руки; въ рукахъ—держава и скипетръ; слѣва, въ сторонѣ—щитъ и кривая сабля, подарокъ Гаруна-аль Рашида; предъ Карломъ колѣнопреклоняется юный Оттонъ; сзади его двѣ фигуры съ факелами: это—архіепископы Кѣльвскій и Майнцскій. Не знаю, отчего художникъ не помѣстилъ подъ ногами Карла мраморный саркофагъ Октовіана-Августа, на который онъ опирался, какъ говорятъ лѣтописи; потому, въ этомъ фрескъ, непріятно поражаютъ ноги какой-то фигуры, спускающейся съ лѣстницы: туловища на картинѣ не вышло, и потому двѣ какъ бы болтающіяся на воздухѣ ноги производятъ непріятный эффектъ. Съ лѣвой руки отъ входа 5) *Крещеніе Витекинда*, князя-жреца Саксовъ, не вполне окончено, а остальные фрески: 6) *Имперскій сеймъ*, 7) *Корнованіе Карла Великаго* и 8) *его сына Людовика Благодѣлаваго*, и 9) *Основаніе здѣшней мюнстера*, еще и не начаты.

Въ этой залѣ, въ 1818 г., собирались союзные монархи во время Ахенскаго конгресса; а за сто лѣтъ предъ тѣмъ, въ этой-же залѣ Ахенскій магистратъ, 1717 г., принималъ Петра Великаго, устроивъ въ честь его великолѣпный банкетъ. Желая собрать подробности о пребываніи Петра Великаго въ Ахенѣ, я обратился въ здѣшній архивъ, но по каталогу ничего не оказалось. Архивариусъ Кремеръ имѣлъ благосклонность обѣщать мнѣ просмотрѣть бумаги, не помѣченныя въ каталогъ, и сообщить въ случаѣ, если ему удастся найти что-нибудь касающееся Петра Великаго. Между тѣмъ я обратился въ городскую библіотеку, надѣясь найти что-нибудь въ «Aachener-Zeitung» того

времени. Все, что мнѣ удалось найти, это была замѣтка въ Ахенской лѣтописи, составленной въ половинѣ прошедшаго столѣтія архивариусомъ городской думы Карломъ-Францемъ Мейеромъ. Эта лѣтопись издана была всего одинъ разъ въ Мюльгеймъ-на-Рейнѣ въ 1781 г., подъ заглавіемъ: *Aachensche Geschichte überhaupt als Beyträge zur Reichs allgemeinen- insbesondere aber zur Anlage einer vollständigen Historie über den königlichen Stuhl und des heilichen Römischen Reichs freye Haupt-Kron- und Cur-Stadt Aachen, von ihrem Ursprung bis auf gegenwärtige Zeiten, in drey Bücher abgetheilt.* О посѣщеніи Петромъ Великимъ Ахена К. Мейеръ рассказываетъ подъ 1717 годомъ (6). Знаніе архивариуса доставило Мейеру всѣ официальные документы, изъ которыхъ онъ и составилъ свой рассказъ; кроми того, онъ могъ слышать многое отъ очевидцевъ. Но, не смотря на все то, его замѣтка о пребываніи Петра въ Ахенѣ весьма коротка и суха. Я счелъ нужнымъ перевести ее какъ потому, что сказаніе Мейера можетъ быть принято за источникъ, какъ почерпнутое изъ официальныхъ документовъ, такъ и потому, что и небольшая замѣтка можетъ имѣть свой интересъ, когда дѣло идетъ о Петрѣ Великомъ. Быть можетъ, переводъ лѣтописи Мейера сдѣланъ кѣмъ-нибудь уже прежде меня, но мнѣ не случилось его видѣть; во всякомъ случаѣ, новое изданіе не можетъ быть совершенно издано.

Въ 1714 г. Ахенъ, тогда еще вольный городъ, претерпѣлъ насиліе отъ проходившихъ мимо его трехъ Австрійскихъ батальоновъ, подъ начальствомъ полковника Дальберга; но послѣ этого бѣдствія, замѣчаетъ хроника, городъ Ахенъ имѣлъ радость и удовольствие принимать одного за другимъ трехъ высочихъ гостей (7). Первый былъ Іосифъ-Климентъ, архіепископъ и курфирстъ Кельнскій; за тѣмъ хроника продолжаетъ такъ:

1717. - Другой (гость) былъ царь Пётръ I Московскій, за свои заслуги названный Великимъ; онъ образовалъ себя частными путешествіями и собственнымъ ученіемъ; изъ своихъ подданныхъ, грубыхъ и необразованныхъ, онъ сдѣлалъ образованнѣй-

(6) Т. I, Hauptstück I, стр. 693 и слѣд.

(7) Ibid. стр. 693, § 11.

ныхъ людей (die feinsten Menschen); неводѣданную землю обработать и подчинить себѣ дикое море.

Когда въ 1717 г. Петръ предпринялъ второе путешествіе въ Голландію и Францію, то онъ направилъ свой путь чрезъ Ахенъ. Здѣсь былъ устроенъ приемъ для его высокой особы, потому что дано было заблаговременно извѣстіе о его прибытіи. Рано утромъ, 25 Іюля (14 Іюля ст. стил.), въ Ахенъ пришла команда герцогской Юлихской кавалеріи, подъ начальствомъ господина полковника Фольвиля (Follevil) и подполковника Зеллингена (Obrist-Lieutenant Selingen). Генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-Гакстгаузенъ (Haxthausen), губернаторъ Юлиха, и Фабриціусъ, тайный совѣтникъ изъ Юлихъ-Берга, вмѣстѣ съ старѣйшиною фонъ-Мейтеномъ (Vogt-Mayer v. Meuthen), отправились въ сопровожденіи той команды на границы Ахенскихъ владѣній со стороны Лимбурга. Оттуда губернаторъ и тайный совѣтникъ продолжали путь на Лонтценъ, гдѣ монархъ остановился обѣдать и всемилостивѣйше пригласилъ къ столу и свиту.

Между тѣмъ оба правительствующіе биргермейстера Леонардъ-Иосифъ баронъ фонъ-Ламбертъ и владѣтель Кортенбаха и другихъ, и Корденіи де-Файсъ (de Faÿs), кавалеръ св. Римской имперіи, владѣтель Юрсфельда и др., отправились вмѣстѣ съ сияликомъ къ границѣ владѣній, въ каретѣ, запряженной четверкою, подъ прикрытіемъ прекрасно-вооруженнаго кавалерійскаго отряда изъ молодыхъ гражданъ, съ штабдартами, барабанами и трубами, подъ командою майора Давида Ф. Мевена.

Лишь только монархъ вступилъ на Ахенскую землю, къ его каретѣ подошли съ одной стороны старѣйшина, и съ другой — городской синдикъ; въ короткой аудіенціи они имѣли честь всеподданнѣйше высказать свое привѣтствіе. За тѣмъ царь продолжалъ свой путь между рядами Юлихской кавалеріи; а фонъ-Гакстгаузенъ и Фабриціи, также и биргермейстеры слѣдовали на каретой вмѣстѣ съ отрядами всадниковъ. Проѣзжая мимо Буртшейда (8), Петръ пожелалъ осмотрѣть это мѣсто, и уже на

(8) Borcette или Burtscheid — небольшой городъ, отдѣленный нынѣ отъ Ахена одною линіею желѣзной дороги; Буртшейдъ замѣчательнъ своими фабриками, и потому не удивительно, что Петръ Великій, въ протавность церемоніалу приѣзда у самыхъ воротъ Ахена, гдѣ его ожидала новая встрѣча, поворотилъ неожиданно въ сторону.

обратно пути оттуда онъ былъ встрѣченъ шальбою при входѣ въ Марширъ-Горъ (9), гдѣ стояли два ряда городской милиции, какъ по ту сторону воротъ, такъ и внутри стѣнъ города. Петръ поселился въ квартирѣ, которая ему самому понравилась, наискось Кармелитской церкви, въ удобно устроенномъ домѣ Юанна-Адама Клермона, владѣтеля Нейенбурга.

•Юля 26 дня, утромъ, царь осмотрѣлъ тешлыя городскія ванны, а по полудни ему были показаны въ Ахенскомъ соборѣ (Kron-Kirche), въ присутствіи всего городского совѣта, какъ малыя, такъ и большія реликвіи (10); къ важнѣйшимъ изъ цѣль онъ съ благоговѣніемъ прикладывался. Оттуда Петръ отправился въ ратгаузъ, гдѣ его ожидали биргермейстеры и прочіе чины, устроивъ великолѣпный банкетъ и приготовивъ отличную музыку.

•На слѣдующій день (27 іюля) царь отправился въ дальнѣйшій путь, съ тою же церемоніею, какъ и при въѣздѣ. Гаксгаузенъ и Фабрицій уѣхали впередъ, чтобы назначить мѣсто, до котораго Юлихскій отрядъ долженъ сопровождать царя. Они остановились у замка Веттемъ, гдѣ и нашли Голландскаго полковника фонъ-Тона. Съ нимъ они совѣщались о предѣлахъ проводовъ. По мнѣнію Фабриція, проводовы должны были продолжаться до Нейбурга, по ту сторону Гюльпена: потому что между Рейномъ и Маасомъ владѣтель Альтерса долженъ доставлять свиту коронованнымъ лицамъ, другимъ великимъ князьямъ и ихъ посланникамъ. На самомъ дѣлѣ проводовы и продолжались по владѣніямъ Герцогенрода, Веттема и Эйса (Eys) до Гюльпена, гдѣ находились Голландскіе полки, которые и провожали царя до Нейбурга. Въ Нейбургѣ Петръ обѣдалъ и уже оттуда продолжалъ путь на Мاستрихтъ.

Домъ, въ которомъ останавливался Петръ II, въ Ахенѣ, су-

(9) Южныя городскія ворота, у самой станицы Кельвской желѣзной дороги.

(10) Большія реликвіи, а именно: одѣяніе Богородицы, пелены Спасителя, саванъ Юанна Крестителя и полой платъ Спасителя на крестѣ. — сохраняющіяся въ Ахенскомъ соборѣ, показываются черезъ семь дѣтъ; но коронованныя особы могутъ осматривать ихъ и въ другое время.

ществуетъ и до-сихъ-поръ, на Magashier — или Franzstrasse, подъ № 545, и принадлежитъ здѣшнему негодяицу Леккеру. Комната, которая служила спальнею и кабинетомъ Петра Великаго, сохраняется въ томъ видѣ, какой она имѣла въ то время. Настоящій владѣтель дома, передѣлавъ его, оставилъ невприкосновенною одну эту комнату. Она весьма небольшая, въ два окошка; старинныя рамы съ свинцовымъ переплетомъ; вдоль стѣнъ массивныя шкапы. Г. Леккеръ рассказываетъ мнѣ, что, по сохранившемуся здѣсь преданію, Петръ В. предоставилъ всѣ лучшія комнаты на улицу своей свѣтѣ, а самъ поселился въ этой одной, небольшой комнатѣ съ окошками на маленькій дворъ.

Въ ноябрѣ того же 1717 года, слѣдовательно вскорѣ послѣ Петра Великаго, въ Ахенъ имѣлъ такой же торжественный въѣздъ Австрійскій посланникъ графъ Вирмундъ, владѣтель Нессельроде и др. Церемонія, съ которою былъ встрѣченъ Петръ Великій, была повторена, и какой-то невзвѣтный художникъ нарисовалъ всю процессію, какъ она шла мимо ратгауза. Эта картина сохраняется и до-сихъ-поръ въ ратгаузѣ, но въ самомъ жалкомъ видѣ. Такъ какъ при встрѣчѣ посланника была повторена церемонія встрѣчи Петра Великаго, и даже, какъ видно изъ дѣтописи (11), въ ней участвовали тѣ же лица и тѣ же полки, то эта картина можетъ дать нѣкоторое понятіе и о въѣздѣ Петра Великаго въ Ахенъ.

III. СТАСЛОВИЦЪ.

Ахенъ.

10/22 августа 1836 г.

О ПРИОДАВАНІИ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ВЪ ВЫСШИХЪ КЛАССАХЪ ГИМНАЗІИ. — Родной языкъ, какъ уже признано всѣми, долженъ служить главнымъ проводникомъ образованія. Здѣсь мы поль образованіемъ, конечно, разумѣемъ не накопленіе всевозможныхъ знаній въ головѣ, а то душевное развитіе, при которомъ слово становится дѣломъ и оба служатъ выраженіемъ глубочайшихъ нравственныхъ убѣжденій въ человекѣ. Нельзя-ли однако нѣсколько ограничить трудную задачу, которую возлагаютъ на пре-

подавателя роднаго языка? Нельзя-ли точнѣе опредѣлить предѣлы, въ которыхъ можетъ онъ съ пользою дѣйствовать?

Осмѣлюсь здѣсь выразить нѣсколько своихъ мнѣній, касающихся и самаго метода преподаванія: эти мнѣнія, конечно, во многомъ не новы, и могли бы быть выражены полнѣе педагогами; болѣе моего опытными; но при нашемъ общемъ стремленіи разъяснить себѣ сколько возможно нагляднѣе цѣль и объемъ каждой науки, служащей къ развитію юности, наша обязанность высказывать тѣ убѣжденія, которыя происходятъ отъ искреннаго желанія добра. Вѣра въ это добро, по-крайней-мѣрѣ, поддержитъ насъ во всехъ трудныхъ испытаніяхъ, и педагогическій идеалъ, къ которому всѣ мы стремимся, наконецъ, Богъ дастъ, проявится. Не думаю однако теперь дѣлать много разностороннихъ изслѣдованій: коснусь только главнѣйшихъ сторонъ данного вопроса. Много было писано хорошаго о томъ, какъ преподавать родной языкъ; но замѣчу одно: всѣ объясненія относились преимущественно къ грамматической части, или собственно къ слогу.... а словесность, бѣдная словесность была все какой-то несостоятельной наукой. По-крайней-мѣрѣ, мало вѣрили къ ея пользѣ независимо отъ теорій слога и историческаго изученія языка. Сіе послѣднее изученіе имѣетъ, конечно, свою несомнѣнную важность: оно прямо вводитъ насъ въ тайники древней нашей литературы, гдѣ хранятся первоначальныя основанія нашей народности, гдѣ въ первый разъ узнаемъ мы во всей чистотѣ Русскую душу. Я полагаю поэтому, — какъ, вѣроятно, полагаютъ и всѣ, знающіе дѣло преподавателя, — что при изученіи Славянскаго языка не достаточно ограничиться однимъ Церковно-Славянскимъ: необходимо показывать формы древняго языка, какъ онѣ объяснены въ приложеніи А. Х. Востокова къ Остромирову евангелію, съ дополненіемъ нѣкоторыхъ правилъ на первый разъ хотя изъ вновь издѣнной грамматки г. Перевѣскаго. Изучивъ этотъ первоначальный языкъ, служащій ключемъ и для чтенія дѣтскихъ мы уже легко познакомясь съ Церковно-Славянскимъ, въ которомъ нѣкоторыя старыя формы замѣнены только новыми, Русскими. Объясненіе этихъ формъ, безъ сомнѣнія, необходимо предѣлывать при чтеніи памятниковъ нашей древней литературы. но не столько, на сколько оно необходимо для бѣлаго пониманія

втихъ памятниковъ, а не для филологіи языка, которая составляетъ предметъ совершенно спеціального изученія. Синтаксисъ Русскаго языка можетъ быть удовлетворительно оконченъ на 4-мъ году учебнаго курса: онъ служитъ здѣсь естественнымъ переходомъ къ изученію логики. Для слѣдующихъ курсовъ остаются еще три статьи, составляющія предметъ высшей грамматики:

1. Основанія грамматики общей въ связи съ преподаваніемъ логики; при этомъ можно указать также нѣкоторыя ідиотизмы Русскаго языка.

2. Обзоръ главнѣйшихъ свойствъ Русскаго языка въ сравненіи съ иностранными языками, которые проходятъ въ гимназіи.

3. Обзоръ главнѣйшихъ свойствъ Русскаго языка въ ихъ историческомъ развитіи, при чемъ необходимо указать нѣкоторыя отличія въ языкѣ Остромирова евангелія отъ языка древнихъ лѣтописей, языка позднѣйшаго книжнаго отъ народнаго Великорусскаго. Это служило бы связнымъ повтореніемъ того, что прежде объяснялось при чтеніи отрывковъ, и вмѣстѣ составляло бы необходимую часть въ исторіи Русской литературы. Возвратимся однако къ изложенію того, чего наиболѣе отъ насъ требуютъ. Изученіе языка, конечно, развиваетъ прекрасную способность анализа въ умѣ учащихся; но самый языкъ служитъ только орудіемъ высшей нравственной силы въ человѣкѣ: отражая, какъ чистѣйшее зеркало, всѣ явленія нашей внутренней жизни, онъ требуетъ для ясности отраженія также лучей свѣта. Чтобы возбудить изъ дремлющей тьмы эти живые лучи, не довольно только выполнировать зеркало, или объяснить до малѣйшихъ подробностей его устройство. Мало показать только красоты языка, взятаго отдѣльно: надо съ ними усвоить и идеи, ихъ создававшія. Надо помнить, что языкъ есть сила дѣйствующая, и только въ своемъ дѣйствіи можетъ онъ пробуждать и двигать другія силы. Развивая наиболѣе способность сужденія въ умѣ воспитанниковъ, преподаватель роднаго языка можетъ много содѣйствовать общимъ успѣхамъ гимназическаго образованія; но, кромѣ того, его обязанность сколько-нибудь помочь развитію тѣхъ идей добра и красоты, которыя уже недвижно дремлютъ въ молодой, воспримчивой душѣ и легко могутъ быть

возбуждены къ дѣятельности силою слова и примѣра. Для этого самому ему не нужно имѣть ни особеннаго ума, ни краснорѣчія: передъ нимъ излщные образцы всѣхъ вѣковъ и народовъ: стоитъ только сдѣлать изъ нихъ искусный выборъ. Главнѣйшія запатія всего гимназическаго курса, по предмету Русскаго языка и словесности, состоятъ въ слѣдующемъ:

1. Упражненія въ сочиненіяхъ.
2. Преподаваніе теоріи и исторіи литературы.

Остановимся на этихъ двухъ главныхъ пунктахъ и постараемся опредѣлить себѣ, что и какъ въ этомъ отношеніи можетъ быть сдѣлано полезнаго.

Касательно сочиненій были во времена старой схоластики очень опредѣленные правила. Еще до Ломоносова учили изобрѣтать содержаніе для темы по вопросамъ: подлежащая или вещь, еще есть, еще бѣ, еще можетъ быть, что есть, отчего есть, чего ради есть, koliko есть, яково есть, когда есть, гдѣ есть, како есть.

Отвѣтами на эти вопросы, конечно, очень не трудно было наполнить дѣтъ, три страницы по заданной темѣ, приукрасивъ предметъ ея кое-гдѣ сравненіями и другими источниками изобрѣтенія, каковы: *имя* (Владиміръ, владѣтель міра), *остроуміе*, яко пѣкая благорѣчивая и избранная питательница риторичесъ и проч. Приискиваемая по этимъ источникамъ понятія Ломоносовъ называетъ терминами. Такъ, къ понятію «трудолюбіе» по источнику сравненія можетъ быть первый терминъ: «пчела», по источнику времени — «день и ночь»; соединивъ вмѣстѣ, выйдетъ напримѣръ: «трудолюбіе, подобно пчелѣ, не знаетъ покоя ни днемъ, ни ночью».

Воспитанникъ тогдашняго времени былъ гораздо счастливѣе нынѣшняго: онъ, вѣроятно, не затруднялся, какъ и о чемъ писать; а, едва зададутъ тему, уже начиналъ свою риторическую канву съ узорами, пересчитывая по пальцамъ терминны и прибравъ ихъ къ каждому слову, подобно тому, какъ въ игруппечной картинкѣ прибираютъ къ одной половинѣ головы другую вмѣстѣ съ кусочкомъ домика, котораго продолженіе найдете на новомъ вырѣзкѣ. Для большей наглядности предки наши рисовали древо, и, вазначивъ на стволкѣ его главные пункты сочиненія, расписывали по вѣтвямъ всѣ общія мѣста. Но можно-ли при-

дать такимъ образомъ дереву извѣи и стволъ и вѣтви, начиная съ верхушки? Не будемъ ли мы ставить его на воздухѣ безъ корня? Не нужно-ли прежде всего внушить воспитаннику, что всякое красноглаголаніе останется втунѣ, если не показана сущность предмета.

Однако развѣ возможно обойтись безъ источниковъ изобрѣтенія? Не составляютъ-ли они самое основаніе мышленія? Вѣдь всѣ мы, о чемъ бы ни писали, задаемъ себѣ вопросы: какой это имѣеть видъ? Какія свойства этого предмета? Какія причины этому дѣйствию? и проч. Согласенъ: только эти вопросы болѣе ничего, какъ формы, въ которыхъ является наша мысль, и упражнять въ нихъ — дѣло логики; но составлять по нимъ искусственно сочиненіе не значать-ли то же, что напр. изображать прелести дружбы для примѣровъ на грамматическія правила. Могутъ-ли эти вопросы дать какой-нибудь планъ сочиненію? Нисколько. Содѣйствуютъ-ли они намъ къ познанію предмета? Не думаю. Покажите мальчику соловья, и онъ самъ собою послѣ расскажетъ что-нибудь о цвѣтѣ, полетѣ, голосѣ видѣнной имъ птицы; а поставьте вмѣсто этого: какой? какъ? и потомъ тему: соловей, — что помогутъ ему вопросы, если онъ соловья не видѣлъ? Но случается, что воспитанникъ хорошо знакомъ съ предметомъ, а не знаетъ, какъ приступить къ его описанію. Законъ логики говорить: опредѣли родъ, къ которому принадлежитъ предметъ, и укажи его видовыя отличія: укажи отношеніе пѣлаго къ частямъ, признаки существенныя и случайныя и проч. Но ни одна логика вѣрно не дастъ общихъ правилъ, какъ примѣнить этотъ общій законъ напр. въ описаніи извѣстнаго мѣста города: потому что примѣненіе всякаго закона можетъ быть до безконечности равнообразно. Городъ можно описывать въ отношеніи его мѣстоположенія, зданій, промышленности, нравовъ жителей и т. д. Возьмемъ только мѣстоположеніе. Скажете-ли вы такъ: необходимо объяснить, находится-ли городъ на горѣ или въ долинѣ? Но городъ можетъ стоять при рѣкѣ, при морѣ: в рѣкѣ и морѣ и гора и долина могутъ опредѣлять мѣстѣ его мѣстоположеніе. Что же нужно изображать и на чемъ преимущественно остановиться въ описаніи извѣстнаго мѣста города? Ясно, что, при упражненіи въ сочиненіяхъ, важнѣе всего указать вос-

питанику, какъ развивается тема изъ сущности самаго предмета, довести его до того, чтобы онъ самъ находилъ правила для равныхъ видовъ сочиненій, а не руководствовался одними общими правилами, которыя приводятъ къ однимъ общимъ мѣстамъ и безплоднымъ разглазольствамъ. И въ самомъ дѣлѣ, чего въ наше время болѣе всего требуютъ отъ пишущаго? За нѣсколько характеристическихъ чертъ въ изображеніи предмета мы готовы простить несовершенство формы въ сочиненіи. Но вкусъ нашего времени, вѣчно, не можетъ служить указаніемъ для педагога. Совершенство формы, которымъ такъ хвалятся наши отцы и дѣды, составляетъ, безъ сомнѣнія, одно изъ первыхъ требованій всякаго хорошаго сочиненія. Не думаю только, чтобы упражненіе въ однихъ формахъ могло имѣть существенную пользу: воспитанникъ пріобрѣтаетъ чрезъ это, пожалуй, понятіе о стройности; но мертвый скелетъ или, что хуже, размадеванная кукла не объясняетъ никому гармоническихъ линій въ устройствѣ живаго тѣла. Форма является истинно-совершенною тамъ, гдѣ на ней отпечатлѣнъ характеръ мысли, гдѣ во всѣхъ ея частяхъ движется и говоритъ невнятная душа — словомъ, форма и красна своимъ содержаніемъ. Обыкновенной связанности и порядку мыслей учить всѣ науки: дѣло словесности и состоитъ въ томъ, чтобы показать, какъ въ произведеніяхъ слова развивается форма изъ опредѣленнаго напередъ содержанія. Чѣмъ разнообразнѣе это развитіе, тѣмъ болѣе должно упражнять въ немъ воспитанниковъ, разбирая съ ними образцовые примѣры и заставляя или самихъ обрабатывать въ сочиненія болѣе или менѣе сложный матеріалъ ихъ свѣдѣній.

Положимъ, что въ IV классѣ воспитанники выучили слѣдующій отрывокъ изъ описанія Жуковского: «Девъ наканунѣ былъ утомительно душевъ; въ ночи все небо задернулось грозовыми тучами; воздухъ давилъ, какъ свинецъ; тучи шумѣли; Нева подымалась и была въ волнахъ ея голосъ; наконецъ запылала гроза; молніи за молніями, зажигаясь въ тысячу мѣстахъ, какъ будто стояли надъ городомъ; одніе зубчатыми стрѣлами вростили небо, другіе вспыхивали, какъ багровые снопы, ивыя широкимъ пожаромъ заигнали тѣлую массу облаковъ, и въ этомъ безпрестанномъ, быстромъ переходѣ изъ мрака въ блѣскъ, чу-

леснымъ образомъ являлись и пропадали зданія, кровли, башни, и вырѣзывались на яркомъ свѣтѣ шатающіеся мачты кораблей, и сверкала громада колонны, которая вдругъ выходила вся изъ темноты, бросала минутную тѣнь на озаренную кругомъ ея площадь, и вмѣстѣ съ нею пропадала, чтобъ снова блеснуть и исчезнуть.

Вотъ цѣлое, необыкновенно стройное описаніе бури въ одномъ, многосложномъ періодѣ! Этого отрывка доставить еще для упражненія на два или на три класса. Вы прежде всего скажете, какая цѣль была у Жуковского описать бурю, случившуюся наканунѣ торжества 30 Августа 1834 года. Въ этой бурѣ находятъ онъ особенное значеніе: и видъ Россією разразилась гроза, которая теперь исчезла, оставя ей славу и миръ. Все-таки описаніе бури не составляетъ главной части сочиненія: отъ того она означена немногими, но рѣзкими чертами. Авторъ богѣе останавливается на описаніи самой грозы и вида колонны, озаренной молніей, потому что это составляетъ главный предметъ для придуманнаго имъ сравненія. Приступимъ къ разбору частей. Не смотря на краткость описанія, буря представлена въ постепенномъ ея развитіи: предметы изображены въ томъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдуютъ другъ за другомъ въ самой природѣ. Авторъ изображаетъ сперва начало бури, ея приближеніе въ слѣдующихъ признакахъ: духота дня, небо, совершенно покрытое тучами, тяжесть воздуха, шумъ тучъ и волненіе Невы.

Здѣсь набраны главные характеристическіе признаки приближающейся бури; между ними волненіе Невы—признакъ мѣстный. Шумъ тучъ и колыханіе рѣки уже означаютъ послѣднюю минуту передъ разраженіемъ бури, и авторъ могъ вслѣдъ за тѣмъ сказать: *наконецъ* запылала гроза. Объясняя далѣе, надо замѣтить, что описывается буря, происходившая въ городѣ: предметомъ описанія изъ всей грозы служитъ только дѣйствіе молній и наконецъ видъ предметовъ, ими озаренныхъ.

1. Описывая молніи, авторъ изображаетъ ихъ повсемѣстность и разнообразный видъ, сравнивая ихъ съ стрѣлами, со снопами, съ заревомъ пожара: такіе разнообразные предметы могли войти въ сравненіе, потому что вѣрно рисуютъ природу.

2. Изображая видъ предметовъ, озаренныхъ молніей, ав-

горь говорить о зданіяхъ, о мачтахъ кораблей и наконецъ подробнѣе о колоннѣ. Мачты кораблей упомянуты здѣсь кстати по причинѣ близости Невы

Этотъ краткій абрисъ уже покажетъ стройность описанія и необходимость въ выборѣ тѣхъ предметовъ, которые выбралъ авторъ. Разбирая болѣе подобныхъ отрывковъ, не дадимъ ли мы воспитаннику лучше всякой теоріи повѣть, въ чемъ состоитъ связность и порядокъ мыслей въ сочиненіи. Но мы представили только абрисъ: не остановимся же на этомъ, и поспѣшимъ возвратитъ нашему рисунку краски жизни. Это сдѣлать намъ теперь тѣмъ легче, что знаемъ уже общія очертанія обрисованныхъ предметовъ. Здѣсь объяснимъ мы значеніе и силу выраженій: небо *задержнулось* тучами, воздухъ *давилъ*, молніи *стоили* надъ городомъ, *вырывались* на яркомъ свѣтѣ *шатающіяся* мачты кораблей и т. д. Если перваго рода разборъ приучитъ воспитанника къ правильности мысли, то другой разовьетъ его вкусъ, познакомитъ съ богатствомъ Русскаго слова. Но объясненіе слога не имѣетъ никакого смысла, если напередъ не объяснимъ содержанія. Здѣсь и нужно болѣе всего показать, какъ каждое слово, каждый оборотъ зависитъ отъ мысли. Возьмемъ только послѣднія строчки описанія: «И сверкала громада колонны, которая вдругъ выходила вся изъ темноты, бросала минутную тѣнь на озаренную кругомъ ея площадь, и вмѣстѣ съ нею пропадала, чтобъ снова блеснуть и исчезнуть». Посмотримъ, сколько тутъ можетъ быть задано вопросовъ! Отчего сказано: сверкала, а не сіяла, не блестяла? Далѣе говорится же: *чтобы снова блеснуть*. Отчего громада колонны, а не громадная колонна? Можно ли сказать: выходила изъ темноты? развѣ колонна двигалась? Съ какимъ словомъ въ противоположности слово: тѣнь? Какую силу имѣетъ слово: *минутную* и какому изъ далѣе слѣдующихъ словъ оно соответствуетъ? Въ какомъ смыслѣ сказано: колонна пропадала? Зачѣмъ послѣ этого слова еще прибавлено: *чтобы снова блеснуть и исчезнуть*? Собрать вмѣстѣ всѣ слова, изображающія дѣйствіе молніи. При выборѣ статей, конечно, надо обращать вниманіе не только на совершенство слога, но и на красоту идей, выражаемыхъ авторомъ:

Далѣе, можно выбрать отрывокъ изъ описанія Маловны

Рафаэля. Въ этомъ описаніи довольно наглядно объяснено значеніе гевія. Но скажутъ, зачѣмъ занимать воспитанниковъ такими возвышенными предметами? Не лучше ли объяснить ему что-нибудь болѣе *положительное*, — что имѣеть прямое примѣненіе къ жизни? Жаль, если высокія идеи имѣютъ мало примѣненія въ жизни; но реальныхъ знаній онъ довольно пріобрѣтаетъ въ классѣ математики, физики, естественной исторіи, и съ тѣмъ, что полезно въ жизни, знакомить его уже слишкомъ много самаа жизнь. Пусть же изъ училища вынесетъ онъ воспоминаніе о тѣхъ благородныхъ чувствахъ, которыя двигали людьми мимо всякой матеріальной пользы.

Разбирая классическія сочиненія, мы, конечно, не скажемъ воспитанникамъ: будьте краснорѣчивы, какъ Жуковский — но можемъ сказать: старайтесь также стройно выражать ваши мысли. При упражненіи въ сочиненіяхъ, мы обратимъ на эт. должное вниманіе, но позаботимся и о томъ, чтобы пишущій по возможности самостоятельно развивалъ свою тему. Я полагаю, что сначала можно давать воспитаннику темы безъ всякаго приготовительнаго плана. Пусть онъ напишетъ о знакомомъ ему предметѣ, на первый разъ, какъ умѣеть и что знаетъ. Чѣмъ болѣе надѣлаетъ онъ ошибокъ, тѣмъ болѣе случаевъ къ объясненію всѣхъ свойствъ хорошаго сочиненія. Неполнота развитія, несвязность мыслей, невность слога — все это можетъ быть объяснено ему по примѣрамъ, имъ же самимъ представленнымъ: пусть такимъ образомъ онъ учится по собственнымъ своимъ ошибкамъ. Когда уже онъ знаетъ, въ чемъ состоятъ недостатки сочиненія, можно приступить къ составленію плановъ. Вы заставляете cadaго изъ воспитанниковъ что-нибудь сказать о предметѣ сочиненія; одинъ можетъ записывать все сказанное. Здѣсь помогаютъ и логическія понятія о причинѣ, времени, мѣстѣ, признакахъ и проч. Но прежде всего нужно имѣть въ виду сущность предмета и не подвѣдять насильственно все подъ эти понятія, не заставлятъ напр. воспитанника при объясненіи пословицы: «тише ѣдешь, дальше будешь» — угадывать по источнику мѣста, гдѣ ѣдешь по улицѣ, по столбовой дорогѣ; или по полю? Въ умѣ учащихся, если только навести ихъ на предметъ, явятся сами собою другіе болѣе частные вопросы: къ кому можно примѣнить вышесказан-

ную поговорку? Какое ея происхожденіе? Когда скоро будущій можетъ остаться позади? Говорится ли эта поговорка только о будущиxъ? Отчего происходитъ въ людяхъ мнѣшная поспѣшность и всегда ли она вредитъ? и т. д.

Отвѣты воспитанниковъ на подобные вопросы послужать матеріаломъ сочиненія; сами же-они, подъ руководствомъ преподавателя, и должны привести этотъ матеріалъ въ порядокъ, показавъ связь между отдельными частями и переходъ отъ одной къ другой. Какой лучше выбрать планъ, зависитъ отъ цѣли сочиненія и отъ сущности предмета. Задавая тему: «Домикъ Петра Великаго», преподаватель могъ бы самъ назначить слѣдующій порядокъ описанія:

1. Мѣстоположеніе домика.
 2. Его наружный видъ.
 3. Его внутреннее устройство и предметы, въ немъ находящіеся.
 4. Воспоминаніе о Петрѣ Великомъ, съ нимъ соединенное
- и т. д.

Но необходимъ ли дѣйствительно такой планъ? Не будетъ ли для воспитанника иногда страшнымъ принужденіемъ вставать въ него, какъ въ готовую раму, свои мысли. Можетъ, онъ читалъ или слышалъ разсказъ о Великомъ основателѣ Петербурга, и страстная любознательность привлекла его къ мѣстамъ, гдѣ некогда жилъ гениальный царь... Отчего-же не дать ему случая выразить своихъ впечатлѣній? Но тогда и описаніе получитъ совершенно обратный порядокъ въ частяхъ и особый оттѣнокъ: въ немъ выступятъ тѣ предметы, которые наиболѣе напоминаютъ Петра Великаго. Надо помнить, что всякій планъ хорошъ, лишь бы достигалась цѣль сочиненія, и одна и та же тема можетъ быть обрабатываемая разнообразно, съ разныхъ сторонъ. Впрочемъ, если воспитанникъ очень затрудняется въ принсканіи содержанія, соответственнаго темѣ, то лучше дать ему по книгѣ нѣсколькихъ описаній одного и того же предмета, даже не отличающихся особенною послѣдовательностью мыслей, составить что-нибудь цѣлое; въ такомъ трудѣ онъ все-таки можетъ сколько-нибудь употребить въ дѣло свой собственный умъ. Я полагаю дажѣ, что, при исправленіи сочиненій, необходимо такъ-

же заставить трудиться самихъ воспитанниковъ. Мнѣ случилось неразъ наблюдать, что примѣчанія на сочиненіе товарища воспитанникъ пишетъ несравненно лучше своего собственнаго сочиненія, очень часто указывая тѣ ошибки, которыя самъ дѣлаетъ. Какъ быть? здѣсь оправдывается пословица: въ чужомъ глазу сучокъ видишь, а въ своемъ и бревна не замѣчаешь.

Въ предыдущихъ моихъ объясненіяхъ на счетъ составленія плановъ я коснулся изустныхъ упражненій. Такія упражненія, мнѣ кажется, могли бы быть болѣе распространены: сюда особенно входятъ разсказы читаннаго или слышаннаго въ классѣ. Въ VI курсѣ назначено въ краткомъ историческомъ очеркѣ познакомить воспитанниковъ съ великими дѣятелями иностранной литературы. Но неужели имена Платона, Софокла, Шекспира, Сервантеса и проч. должны остаться въ умѣ воспитанника только именами? Между тѣмъ, какое могучее средство въ рукахъ преподавателя словесности дѣйствовать прямо на всестороннее развитіе молодыхъ умовъ! Какой богатый матеріалъ для упражненія въ разсказѣ, для сравненій и всевозможныхъ выводовъ теорій! Сколько практической морали въ жизни одного только Сервантеса! Возможно ли однако требовать отъ преподавателя словесности, чтобы онъ былъ вполнѣ знакомъ со всѣми образцами иностранной литературы? Знакомство поверхностное здѣсь очень недостаточно, потому что необходимо сдѣлать искусный выборъ для разсказа или прочтенія въ классѣ. Знать все, конечно, невозможно; да едва-ли и достанетъ времени познакомить воспитанниковъ и съ сотой долею того, что напр. создаво гениемъ Греческимъ и Римскимъ. Но уже самое преподаваніе теорій требуетъ примѣровъ на всѣ роды сочиненій. Какъ объяснить, что такое лирика, не приведши напр. ни одного образца изъ двухъ-трехъ литературъ? Необходимо этого рода упражненіямъ дать какую-нибудь систему. Но изслѣдованіе этого важнаго вопроса оставимъ мы до другаго раза.

В. ВОДОВОЗОВЪ.

ПЕРВОЕ ДВАДЦАТИНАТИЛѢТІЕ УЧРЕЖДЕНІЯ ДЕМИДОВСКИХЪ НАГРАДЪ. —
 Въ недавно изданной Императорскою академіею наукъ книгѣ:
 "Двадцать пятые присужденіе учрежденныхъ П. Н. Демидовымъ"

награды помещены общій обзоръ перваго 25-лѣтія учрежденія сихъ наградъ, въ которомъ заключаются: а) вѣдомость о числѣ соискательныхъ сочиненій по годамъ; 2) вѣдомость о числѣ присужденныхъ наградъ и количествахъ выданныхъ за то денегъ, равно и о количествахъ и достоинствахъ выданныхъ постороннимъ рецензентамъ золотыхъ медалей; в) вѣдомость объ удостоенныхъ сочиненіяхъ по предметамъ и годамъ, и наконецъ г) алфавитный списокъ авторовъ сочиненій, увѣчаныхъ преміями и удостоенныхъ почетнаго отзыва, равно и рецензентовъ, получившихъ отъ академіи медали. Сообщаемъ здѣсь краткій содержаніе означенныхъ вѣдомостей.

Съ 1831 по 1855 годъ включительно прислано было на преміи отъ авторовъ и принято безъ просьбы послѣднихъ 635 сочиненій; изъ нихъ полными наградами увѣчано 40, на сумму 57.120 р. с., второстепенными — 158, на сумму 112,812 р. с.; сверхъ того на изданіе 23-хъ рукописей выдано 16,540 р. с. Всего же выдано 186,472 р. Медалей рецензентамъ присуждено 38 большихъ и 30 малыхъ. По предметамъ же Демидовскихъ премій присуждено (обозначимъ имена авторовъ, получившихъ полныя преміи):

По богословію	2 (Микарію).
— философіи	2 (Сидонскому).
— математикѣ	18 (Брашману).
— метрологіи	2 (Паукеру).
— астрономіи и геодезіи	9 (Аригандеру и Савичу).
— военнымъ и морскимъ наукамъ	11 (барону Меду, Горемыкину и барону Зедделеру).
— химіи и физикѣ	4 (Клаусу).
— геогнозіи и минералогіи	8
— естественнымъ наукамъ	12 (Постельсу и Рупрехту, обонимъ вѣстѣ).
— медицинѣ	11 (Пирогову, дважды).
— промышленности	7 (Якоби и Юлиму).
— теоріи и исторіи словесности	7 (Востокову).

По классической филологин и археологин	6
— восточнымъ языкамъ	10 (<i>Лакину, Чубиную</i> (дважды) и <i>Жовалевскому</i>).
— лингвистикѣ и лексикографин	10 (<i>Востокову, Рейфу, Соколову</i> и <i>Павскому</i>).
— географин и статистикѣ	14 (<i>Неволину</i>).
— гидрографин	5 (<i>Крузенштергу</i> и <i>Рейнке</i>).
— этнографин	8
— государственному хозяйству	2 (<i>Гавелъштеру</i>).
— историн	27 (<i>Лакину, Михайловскому Давыдовскому, Ушакову, Подолку, гр. Толстому</i> и <i>Милотину</i>).
— нумизматикѣ	3 (<i>Шодуару</i>).
— геральдикѣ	1
— правовѣдѣнію	9 (<i>Неволину</i>).
— путешествіямъ	11 (<i>Литке, Врателю, Адельунгу, гр. Кейзерлингу</i> и <i>Крузенштергу</i> (обомъ вмѣстѣ) и <i>Делидогу</i> , <i>Анатолию</i>).
— архитектурѣ и искусствамъ	2 (<i>Журавскому</i>).
— педагогикѣ	4

СОЧИНЕНІЯ НА ТЕМЫ, ПРЕДСТАВЛЕННЫЯ ВЪ 1886 — 86 УЧЕБНОМЪ ГОДУ СТУДЕНТАМИ ИМПЕРАТОРСКАГО ДАВЫДОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. — На предложенныя въ прошломъ академическомъ году студентамъ задачи, съ цѣлю полученія медалей, представлено три сочиненія: два — по физико-математическому факультету, изъ которыхъ первое — по разряду математическихъ наукъ, а второе — по разряду естественныхъ наукъ, и одно — по юридическому факультету. По физико-математическому факультету, по разряду математическихъ наукъ, представлено сочиненіе на тему: «Объ индуктивныхъ токахъ вообще и въ особенности о магнито-электрическихъ машинахъ», съ девизомъ: «Id, ut res sese habet, patto». Раз-

сужденіе это состоитъ изъ предисловія, введенія и изложенія самаго предмета, съ присоединеніемъ краткаго заключенія. Въ предисловіи авторъ коротко и просто говоритъ, что онъ онъ собралъ въ одно цѣлое всѣ отдѣльные матеріалы и старался изложить ихъ въ систематическомъ порядкѣ такъ, чтобы трудъ его представлялъ полное и легкое обзорѣніе явленій индукціи. Для достиженія этой цѣли, авторъ долженъ былъ прочесть не малое число отдѣльныхъ трактатовъ и изслѣдованій, которыми и приложилъ списокъ въ концѣ своего предисловія. Въ введеніи авторъ представляетъ сначала краткій очеркъ главнѣйшихъ моментовъ открытія электричества, магнетизма и гальванизма. Руководительною нитью въ этомъ историческомъ обзорѣніи служитъ мысль, которая постоянно занимала ученыхъ и развивалась въ ихъ изслѣдованіяхъ, — мысль о тождествѣ началъ, производящихъ вышеупомянутыя явленія. Доведа свой очеркъ до открытій Фарадэ, которыми болѣе всего подтверждается взаимная и тѣсная связь между упомянутыми дѣятелями природы, онъ останавливается на корняхъ настоящихъ изслѣдованій и посвящаетъ нѣсколько страницъ любопытнымъ обстоятельствамъ изъ жизни этого знаменитаго человѣка, до вступленія его на славное и ученое поприще. Называя его проводникомъ великихъ истинъ, которыхъ быстрое отрытіе составляетъ блистательные моменты его послѣдующей дѣятельности, авторъ не пощадилъ труда для тщательнаго изученія тѣхъ открытій, которыми самъ Фарадэ, а за нимъ и другіе ученые, обогатили noblest науку. Изложенію ихъ посвященъ обширный трактатъ, написанный на 220 страницахъ. Онъ состоитъ изъ 2-хъ частей. Первая содержитъ все, что относится къ сущности индуктивныхъ токовъ; вторая заключаетъ въ себѣ описаніе различныхъ магнито-электрическихъ машинъ и подробную теорію машины Штерера, которая въ настоящее время служитъ образцомъ этого рода физическихъ снарядовъ, удовлетворяя вполне всѣмъ требованіямъ при производствѣ разнообразныхъ явленій индуктивныхъ токовъ. Авторъ подробно и глубоко изучилъ свой предметъ, а строгое логическое распределеніе частей обнаруживаетъ въ немъ особенное умѣнье распорядиться большимъ запасомъ отдѣльныхъ фактовъ, поставить каждый изъ нихъ на своемъ мѣстѣ и выка-

вать надлежащее значение ихъ въ наукѣ. Изложеніе вездѣ ясно и отчетливо. Разсужденіе оканчивается краткимъ заключеніемъ: 1) о примѣненіи магнито-электрическихъ машинъ къ гальванопластикѣ: академикъ Ленцъ показалъ, какъ должно устанавливать коммутаторъ для полученія одинаково-направленныхъ токовъ; 2) магнито-электрическія машины могли бы быть съ большимъ удобствомъ употребляемы и для телеграфическаго дѣла; но до-сихъ-поръ сдѣланы попытки на небольшихъ телеграфическихъ линіяхъ. Къ сочиненію приложена тетрадь, въ 8 страницъ большаго формата, отлично нарисованныхъ чертежей. Изъ подробнаго разсмотрѣнія содержанія разсматриваемаго сочиненія видно, какъ обстоятельно и тщательно авторъ изучилъ свой предметъ. Оправдавъ свое намѣреніе — собрать въ одно цѣлое всѣ отдѣльные матеріалы и изложить ихъ въ систематическомъ порядкѣ, авторъ дѣйствительно представилъ полное и ясное обозрѣніе явленій индукціи, такъ что сочиненіе его можно считать удовлетворительною монографіею по этой части. Присовокупивъ, что авторъ трудомъ своимъ принесъ достойную дань уваженія заслугамъ Фарадея и другихъ ученыхъ, которые обогатили своими изслѣдованіями ученіе объ индуктивныхъ токахъ, факультетъ, большинствомъ голосовъ всѣхъ — кромѣ одного — признавъ справедливымъ воздать ему заслуженную награду присужденіемъ золотой медали. По вскрытіи пакета оказалось, что авторъ — самокоштный студентъ 3-го курса физико-математическаго факультета по разряду математическихъ наукъ, удостоенный къ переводу въ 14-ый курсъ *Егоръ Морозовъ*. — По физико-математическому факультету, по разряду естественныхъ наукъ, представлено одно сочиненіе на тему: «Повѣрить наблюденіями измѣнчивость и постоянство всѣхъ важнѣйшихъ, доселѣ ихтиологами принимаемыхъ видовыхъ признаковъ рыбъ, наиболѣе распространенныхъ въ рѣкахъ, озерахъ и прудахъ около Харькова», съ девизомъ: «Опредѣленіе степени постоянства видовыхъ признаковъ чрезвычайно важно и возможно только при изслѣдованіи многихъ недѣлимыхъ одного и того же вида». Согласно требованіямъ, высказаннымъ въ темѣ, авторъ въ первой части своего труда дѣлаетъ историческій перечень признаковъ, которые вводились ихтиологами въ систематику видовъ нашихъ рыбъ, и на-

наблюдения, показавшими ихъ неточность; при этомъ авторъ обращаетъ вниманіе на всѣ главныя, ему доступныя, сочиненія, относящіяся къ предмету, и наложеніе этой части фактически удовлетворяетъ требованіямъ темы. Но автора можно упрекнуть въ томъ, что онъ не дѣлалъ никакого сравненія признаковъ между собою, не группировалъ ихъ, не старался показать связи ихъ съ организаціею, упустилъ изъ виду описанныя въ зоологическихкихъ сочиненіяхъ признаки другихъ, не встрѣчающихся у насъ рыбъ, не имѣющихъ близкаго сродства съ ними: это дало бы ему возможность сдѣлать результаты, выведенныя имъ во 2-й части, болѣе плодотворными и поучительными. Вторая часть сочиненія содержитъ наблюденія надъ встрѣчающимися у насъ видами рыбъ и результаты, вытекающіе изъ этихъ наблюденій. Наблюденія свои авторъ изложилъ въ таблицахъ, что очень облегчаетъ обзоръ. Всего приложено 25 таблицъ, согласно съ числомъ наблюденныхъ видовъ. Опустилъ видъ вырезуба, встрѣчающійся, хотя рѣдко, въ рѣкахъ около города Харькова. Должно сожалѣть, что авторъ не озаботился о полученіи этого вида для своихъ наблюденій: потому что онъ представляетъ, относительно своихъ признаковъ, нѣкоторые недоразумѣнія, разъясненію которыхъ авторъ могъ бы содѣйствовать. Число особей, нагнѣдованныхъ въ каждомъ видѣ, болѣею частью превышаетъ десять, требуемыхъ программю, и должно быть вѣнчано въ похвалу терпѣнію и трудолюбію наблюдателя, равно какъ и то, что въ каждомъ видѣ наблюдались почти всѣ признаки, разсмотрѣнные въ 1-й части сочиненія, число которыхъ простиралось иногда до 56, какъ напр. въ видѣ окуня. Форма и устройство чешуи, глоточные зубы, на которыя обыкновенно обращаютъ вниманіе при описаніи рыбъ, совершенно не входятъ въ изслѣдованіе. Сверхъ того, авторъ недостаточно обозначалъ физическія условія мѣстообитанія, что могло бы послужить къ объясненію нѣкоторыхъ замѣчательныхъ отступленій въ видовыхъ признакахъ, только имъ замѣченныхъ. Многочисленныя наблюденія 2-й части сочиненія составляютъ весьма полный и чрезвычайно интересный матеріалъ и указываютъ часто на болѣшую измѣчивость признаковъ, нежели какъ обыкновенно принимается, подтверждая въ иныхъ случаяхъ наблюденія, которыя считались невѣрными.

Целью не отдать справедливой похвалы терпѣнію и трудолюбію, помешаннымъ авторомъ при составленіи столь многочисленныхъ таблицъ. Напротивъ, результаты, выведенные изъ наблюденій, подлежатъ важнымъ порицаніямъ. Во-1-хъ, авторъ избралъ весьма неудачный и бесплодный способъ изложенія ихъ, дѣлая разборъ признаковъ въ каждомъ видѣ особо, а не сравнительно по цѣлымъ группамъ: въ-слѣдствіе этого, результаты наблюденій — только повторенія того, что показаво въ таблицахъ и могли бы безъ ущерба быть опущены, за исключеніемъ нѣкоторыхъ повсненій, имѣющихъ иногда важное значеніе, и по этому самому заслуживающихъ быть выставленными особо. Во-2-хъ, общая оцѣнка степени постоянства или измѣчивости видовыхъ признаковъ совершенно не сдѣлана, между тѣмъ какъ богатый матеріалъ подавалъ поводъ къ весьма любопытнымъ заключеніямъ. Въ-3-хъ, авторъ не дѣлалъ никакого сравненія своихъ наблюденій съ описаніями другихъ ихтіологовъ, при чемъ попалъ бы непременно на весьма плодотворныя сближенія и имѣлъ бы случай выставить и объяснить свои, несогласныя съ другими, наблюденія. Третья часть сочиненія содержитъ характеристику изслѣдованныхъ видовъ рыбъ и есть только краткое извлеченіе изъ предшешей статьи. Нѣтъ здѣсь ни достаточной критики, ни хорошей группировки признаковъ, ни даже полныхъ общепотребительныхъ формулъ. Не видно, почему авторъ выбираетъ, для характеристики видовъ такіе признаки, а не другіе какіе-нибудь. Вообще по заглавію, введенію, равно какъ по всему сочиненію видно, что авторъ понялъ тему односторонне и поставилъ себѣ главною цѣлію показать фактически степень постоянства или измѣчивости видовыхъ признаковъ рыбъ, встрѣчающихся около Харькова, устранивъ всякое разбирательство какъ своихъ, такъ и чужихъ наблюденій. Такое служеніе предѣловъ темы много вредитъ заслугамъ, которыя имѣетъ сочиненіе въ другихъ отношеніяхъ. Но какъ фактически оно отвѣчаетъ всѣмъ требованіямъ программы, нѣкоторымъ даже удовлетворяетъ съ избыткомъ, сверхъ того, существенная часть, заключающая въ себѣ наблюденія, исполнена съ большимъ тщаніемъ и стоила автору не малаго труда: то факультетъ признавалъ справедливымъ наградить автора *серебряною медалью*. По вскрытіи пакета, ока-

залось, что авторъ — самокоштный студентъ 4-го курса разряда естественныхъ наукъ, удостоенный степени кандидата, *Николай Леваковский*. — На заданную, по юридическому факультету, для разсужденія на медаль тему: «Изложить, на основаніи законодательныхъ и юридическихъ актовъ, порядокъ гражданскаго судопроизводства въ Россіи до указа 1723 года и показать перемены, произведенныя въ судопроизводствѣ симъ послѣднимъ узаконеніемъ», представлено сочиненіе подъ эпиграфомъ, взатымъ изъ словъ именнаго указа 17 апр. 1722 года: «Ничто такъ ко управленію государства есть, какъ нужно крѣпкое хравеніе правъ гражданскихъ». Въ самомъ приступѣ къ разсужденію, авторъ раздѣляетъ порядокъ гражданской расправы на древній и новый, начиная послѣдній изъ нихъ съ преобразованій Петра Великаго по сему предмету, и, согласно тому, раздѣляетъ все свое сочиненіе на двѣ части. Но какъ тотъ и другой порядокъ имѣютъ свою постепенность образованія, то обѣ части своего сочиненія авторъ подраздѣляетъ еще на періоды, или раздѣлы. Разсмотрѣніе древняго порядка представляетъ онъ въ 4-хъ раздѣлахъ, относя къ 1-му — время Русской Правды до 1397 года, къ 2-му — послѣдующій періодъ до 1497 года, къ 3-му — время отъ изданія Судебника Іоанна III до Уложенія 1649 года, а къ 4-му — періодъ отъ Уложенія до перваго узаконенія Петра Великаго 1696 года, комитъ положено начало новому порядку судопроизводства. Подраздѣливъ такимъ образомъ первую часть своего сочиненія, авторъ опредѣляетъ общій характеръ расправы въ каждомъ изъ этихъ четырехъ періодовъ, выставляя въ 1-мъ изъ нихъ смѣшеніе гражданскаго права съ уголовнымъ и общественный разборъ споровъ, при незначительномъ участіи чиновниковъ в. князя; во 2-мъ — при томъ же смѣшенія права, разборъ исковъ судьбою и переходъ производства процессовъ изъ словеснаго въ письменный; въ 3-мъ — отдѣленіе вѣдомства уголовного отъ гражданскаго и полное развитіе письменности производства исковъ, а въ 4-мъ — развитіе формальной стороны судопроизводства. Приступая къ исчисленію 1-го раздѣла первой части, сочинитель предварительно бросаетъ взглядъ на патріархальную жизнь нашихъ предковъ въ союзѣ родовомъ, на ослабленіе и распаденіе этого союза и образованіе вмѣсто него общинъ и за-тѣмъ на постепен-

ный переход къ союзу государственному; согласно этой постепенности хода и развитія общественной жизни, онъ представляет и расправу первоначально въ видѣ добросовѣстнаго, примирительнаго разбирательства родоначальника, потомъ въ видѣ самоуправства и шести, затѣмъ, подѣ постепеннымъ вліяніемъ власти кнзя и его мужей, въ видѣ болѣе правильнаго разбирательства; вообще же въ этомъ предварительномъ періодѣ выставляется на видѣ простоту расправы, довѣріе къ истцу в, опираясь на статьи договора Олега съ Греками, немногочисленность доказательствъ, оравнивающихъ ясности дѣла, мнѣ присягою. Вторую часть сочиненія, описывающую новый порядокъ судопроизводства подѣ вліяніемъ законодательства Петра В., авторъ подраздѣляетъ на 3 періода или раздѣла, объясняя, что 1-й изъ нихъ, съ 1697-го года по 1714-й, имѣетъ только переходное состояніе, временное исправленіе расправы отибною суда и очныхъ ставокъ и введеніемъ по всѣмъ дѣламъ розыска; 2-й, съ 1715 по 1723 годъ, представляетъ болѣе общее преобразованіе какъ въ учрежденіи и организаціи присутственныхъ мѣстъ и правительственныхъ лицъ, заведывающихъ расправою, такъ и въ порядкѣ судопроизводства; въ 3-мъ, заключительномъ раздѣлѣ, изображается порядокъ судопроизводства по указу 1723-го года о формѣ суда, какъ послѣдняя реформа Петра В. по сему предмету. Въ каждомъ раздѣлѣ обѣихъ частей своего сочиненія авторъ говоритъ, въ принятомъ порядкѣ, о подсудности, тѣмъ-то сторонамъ, открытіи процесса, судебныхъ доказательствъ, порядкѣ производства, постановленіи и исполненіи рѣшеній; въ каждомъ раздѣлѣ выставляетъ особенности и послѣдовавшія перемѣны, объясняя, по возможности, ихъ источники и побудительныя причины. Все содержаніе своего сочиненія авторъ основываетъ на законодательныхъ и историческихъ актахъ, выражаясь, гдѣ возможно, словами самаго закона. Юридическій факультетъ, рассмотрѣвъ сочиненіе и обративъ вниманіе на его полноту и основательность, а равно и на правильность въ изложеніи, призналъ сочинителя, за такой обширный трудъ, достойный награжденія *золотою медалью*. По вскрытіи пакета, оказалось, что этотъ авторъ — своекоштный студентъ 3-го курса

юридическаго факультета, удостоенный перевода въ 4-ый курсъ, *Иванъ Исидоръ.*

ОБЪЯВЛЕНІЕ О КОНКУРСѢ НА МѢСТО АДЪЮНКТА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ ВО ЧАСТИ ГРЕЧЕСКОЙ И ЛАТИНСКОЙ ФИЛОЛОГІИ. — Императорская академія наукъ, на основаніи 74 § Высочайше утвержденного 8 января 1836 года Устава своего, симъ объявляетъ, что въ ней открытъ конкурсъ, для желающихъ занять мѣсто адъюнкта по части Греческой и Латинской филологіи. На этомъ основаніи. Русскіе ученые, желающіе поступить въ это званіе, приглашаются прислать въ академію наукъ, въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня сего объявленія, напечатанныя уже или еще рукописныя сочиненія свои по части грамматики, критики и исторіи литературы Греческой или Латинской.

БИБЛЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ЭВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ РОССІИ. — Въ 8-й книжкѣ Журн. Мин. Внут. Дѣлъ помѣщена статья: *О Евангелическо-Лютеранской церкви въ Россійской имперіи*; въ этой статьѣ находится слѣдующее извѣстіе о библейскомъ обществѣ. Въ связи съ управленіемъ Лютеранской церкви въ Россійской имперіи состоитъ Евангелическое библейское общество, уставъ котораго Высочайше утвержденъ 16 марта 1831 года. Общество это имѣетъ цѣлю распространеніе между обитающими во всей Россійской имперіи протестантами библіи, т. е. Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Заѣта, безъ всякихъ, впрочемъ, на оное притѣчавій или посяженій, и по предварительномъ разсмотрѣніи экземпляровъ, назначенныхъ въ продажу или раздачу, въ ближайшей евангелической консисторіи. Управленіе дѣлами библейскаго общества вѣрено главному или центральному комитету, находящемуся въ С. Петербургѣ и состоящему изъ президента, назначаемаго Высочайшею властію; и шести до двѣнадцати директоровъ, казначея и правителя дѣлъ, избираемыхъ семиниъ комитетомъ изъ среды членовъ общества. Членами общества, съ правомъ принимать участіе въ управленіи его дѣлами, могутъ быть всѣ тѣ, кои обязываются ежегоднымъ приношеніемъ въ пользу онаго. Для вспоможенія главному комитету состоятъ комитеты отдѣльныя, а подъ вѣдомствомъ сихъ послѣднихъ учре-

ждаются еще вспомогательные комитеты. Какъ тѣ, такъ и другіе, состоятъ изъ предсѣдателя и нѣсколькихъ членовъ. Комитеты сіи представляютъ ежегодно отчеты въ своихъ дѣйствіяхъ, денежныхъ суммахъ и книгахъ главному комитету, а сей послѣдній, послѣ годичнаго генеральнаго собранія, доноситъ министерству внутреннихъ дѣлъ о совокупныхъ дѣйствіяхъ общества. Изъ 7 отчета библейскаго общества видно, что онымъ роздано было по 1854 г. до 13,000 экземпляровъ священнаго писанія; въ наличности имѣлось до 30,000 экземпляровъ и денегъ до 12,000 р. с.

ДРЕВНЯЯ ГРЕЧЕСКАЯ СТАТУА. — Редакція получила, чрезъ посредство подпоручика Тобольскаго пѣхотнаго полка Ивана Константиновича *Влассопуло*, предлагаемая здѣсь свѣдѣнія о найденной въ Греціи древней статуѣ. Они сообщены ему известнымъ Греческимъ археологомъ *Питтаки*. «Статуя эта, говоритъ археологъ, изображаетъ семилѣтняго мальчика. Она найдена за пять лѣтъ предъ симъ внутри храма, при раскопкѣ его, въ древнемъ городѣ Лилей, лежащемъ къ сѣверо-западу отъ горы Парнасса. Въ описаніи Фовиды Павсаній (кн. 4) упоминаетъ о видѣнныхъ имъ въ Лилей статуяхъ, — въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Въ Лейнахъ изваяны были изъ Пенделаякскаго мрамора статуи представляющія дѣтей; эти статуи поднесены были въ даръ Лилейскому храму и находятся тамъ и понынѣ». Къ числу этихъ статуй, упоминаемыхъ Павсаніемъ, принадлежитъ и та, о которой идетъ рѣчь. Европейскіе археологи, видѣвшіе эту статую, признаютъ ее за произведеніе Фидія или Праксителя: ибо ни одинъ изъ прочихъ ваятелей древности не сумѣлъ бы придать столько одушевленія веществу. Мальчикъ держитъ правою рукою утку и смѣется отъ радости, что поймалъ ее — вотъ сюжетъ изваянія. Ни одна изъ находящихся въ Европейскихъ музеяхъ статуй не достигаетъ такого совершенства, какъ эта, — и по искусству, съ какимъ она произведена, и по цѣлости, съ какою сохранилась. А голова мальчика — это верхъ искусства». Вмѣстѣ съ сими свѣдѣніями г. *Влассопуло* получилъ и рисунокъ этой статуи, который намѣренъ онъ въ непродолжительномъ времени отлитографировать въ одной изъ Петербургскихъ мастерскихъ. Въ настоящее время занимается онъ изданіемъ литографическаго изображенія славнаго дре-

ностью и изяществомъ храма св. Николая (пылъ Спасителя), въ Аѳинахъ. Эта церковь удачно восстановлена была въ древнемъ ея видѣ трудами роднаго брата его инженера Греческой службы Телемака Власопуло. Извѣстно, что этотъ рѣдкій остатокъ Византійскаго водчества, за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, представлявшій однѣ развалины и послѣ реставраціи своей отчетливо описанный въ нашемъ журналѣ (*), принадлежать нашей Аѳинской миссіи.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ АКТЪ ВЪ КАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ГИМНАЗИИ. — Екатеринбургская гимназія, въ заключеніе экзаменовъ, праздновала годичный актъ 2-го сентября, въ присутствіи знатнѣйшихъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ, родителей и родственниковъ учащихся. Актъ открылся молитвой: «Царю небесный, утѣшителю!» пропѣтой воспитанниками. За тѣмъ читалъ: старшій учитель *Косенко* — рѣчь: «О Русскихъ уголовныхъ законахъ»; младшій учитель *Комперъ* — рѣчь на Французскомъ языкѣ. Ученики гимназіи произносили стихотворенія на Русскомъ, Французскомъ и Латинскомъ языкахъ: ученикъ *Дубравинъ* читалъ собственное сочиненіе въ прозѣ, подъ заглавіемъ: «Воспоминанія о Москвѣ», и наконецъ секретарь педагогическаго института, старшій учитель *Веребрюсовъ* — записку о состояніи гимназіи и училищъ дирекціи и списокъ учениковъ, удостоенныхъ наградъ и перевода въ высшіе классы. Послѣ благодарственной рѣчи, произнесенной ученикомъ *Коростовцевымъ*, воспитанники гимназіи пропѣли гимнъ: «Боже, Царя храни!» По окончаніи акта, почетный попечитель гимназіи *И. С. Кохъ*, пригласилъ посѣтителей въ домъ, занимаемый благороднымъ пансіономъ, гдѣ приготовленъ былъ обѣдъ. Въ продолженіе стола провозглашены были тосты: за здоровье Государя Императора и всей Августѣйшей Фамиліи; за благополучно совершившееся священное корованіе и высокія милости и благодѣанія, оказанныя народу по случаю этого всерадостнаго событія; долго не умолкалъ единодушный восторгъ присутствующихъ; хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ повторялъ народный гимнъ. За тѣмъ слѣдовали тосты въ честь г. Министра народнаго просвѣщенія, г. Новороссійскаго и Бессарабскаго гене-

(*) См. Ч. LXXXI, отд. II, статья: *Аѳинскія древности*.

раль-губернатора, начальника губернии, губернского предводителя дворянства, начальства гимназии, и наконец последний гость провозглашенъ былъ за дальнѣйшее преусуѣпаніе Екатеринославской гимназии.

РАЗДАЧА НАГРАДЪ ВЪ ОДЕССѢ ЗА ЛУЧШІЕ СОРТЫ ПШЕНИЦЫ И ЗА ОТКАРМЛИВАНІЕ РОГАТАГО СКОТА. — Императорское Общество сельскаго хозяйства южной Россіи, на основаніи принятыхъ правилъ, произвело 14-го Сентября, чрезъ особо составленную изъ своихъ членовъ и экспертовъ комиссію, раздачу серебряныхъ кубковъ, за лучшіе сорта пшеницы, и ваза, назначаемихъ отъ г. вице-президента Общества, графа М. Д. Толстаго, за лучшее откармливаніе рогатаго скота. Торжество это происходило на площади Нового Базара, при многочисленномъ стеченіи народа всѣхъ сословій и при звукахъ полнаго оркестра полковой музыки. — Раздача кубковъ за лучшіе сорта пшеницы производится отъ Императорскаго Общества сельскаго хозяйства южной Россіи шестнадцать лѣтъ. Оно не считаетъ себя въ правѣ утверждать, что эта мѣра имѣетъ вліяніе на посеводство всего Новороссійскаго края; но имѣетъ полное право сказать, что раздача имъ кубковъ въ мѣстахъ, ближайшихъ къ Одессѣ, оказываетъ на мелкихъ землевладельцевъ свое благодѣтельное дѣйствіе. Раздача кубковъ за лучшіе сорта пшеницы служатъ для нѣкоторыхъ хозяевъ поощреніемъ заниматься воздѣлываніемъ этого хлѣба съ большою внимательностью. Но естественно, болѣе пользы отъ этой мѣры можно ожидать, если представляемые лучшіе образцы пшеницы будутъ употребляемы на сѣмена, т. е. на посѣвъ, — между-тѣмъ-какъ, до настоящаго времени они, болѣею частью, послѣ выставки, продаются заѣвшимъ негоціантамъ. Желая достигнуть этого, и чрезъ то расширить вліяніе на улучшеніе сортовъ пшеницы, Совѣтъ Общества сельскаго хозяйства южной Россіи объявляетъ, что онъ съ полною готовностью беретъ на себя трудъ—пріобрѣтать лучшіе сорта пшеницы, ежегодно представляемые на состязаніе 14-го сентября.

ВЫСОЧАЙШАЯ ТОЧКА ГИМАЛАЙСКИХЪ ГОРЪ. — Въ засѣданіи Калькутскаго Азіатскаго Общества, 6-го августа, читаны были доведеніи

полковника *Вауа*, съ результатами исчислений его высоты Гималайскихъ горъ. По его исчисленію, высочайшая гора есть Канхинджинга, вышиною 28,156 футовъ надъ уровнемъ моря, а Девалагиръ возвышается только на 26,826 футовъ. Высочайшая точка Канхинджинскихъ горъ находится между Канхинджингою и Катманду (во ста миляхъ отъ первой), а именно въ 29,002 футахъ надъ поверхностью моря. Въ честь Эвереста, начальника Остъ-Индійскихъ ниженеровъ, полковникъ Ваугъ далъ этой высочайшей горѣ въ свѣтъ наименованіе Эверестовой горы.

НОВЫЯ ПЕРИОДИЧЕСКИЯ ИЗДАВАНІЯ: «ЭКОНОМИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ», «ЗОЛОТЫЕ РУБЛѢ» И «ЖУРНАЛЪ ДЛЯ АКЦІОНЕРОВЪ». — Съ наступающаго новаго года наша повременная литература увеличится тремя изданіями, въ концѣ каждое будетъ имѣть свои особыя спеціальныя названія и характеръ.

Экономическій указатель. Бывшій ординарный профессоръ Императорскаго Московскаго университета, докторъ историческихъ наукъ, политической экономіи и статистики *В. В. Вернадскій*, предпринявшій еженедѣльное изданіе «Экономическаго указателя», въ объявленіи о немъ говоритъ: «Познаніе основныхъ силъ отечества должно быть задачею каждаго образованнаго челоука. Оно одно можетъ дать ему возможность съ пользою приложить свои силы къ увеличенію общаго благосостоянія и къ развитію тѣхъ условій успѣха, которыя заключаются въ природѣ страны и въ ея положеніи. Это познаніе пріобрѣтается однако не однимъ простымъ знакомствомъ съ данными, относящимися къ извѣстной мѣстности, а предполагаетъ притомъ въ значительной степени разработку и правильную оцѣнку ихъ; но и то и другое возможно только при подробномъ изученіи предмета, часто недоступномъ для большинства. Желая по возможности облегчить и распространить такое изученіе, мы предприняли, съ разрѣшенія высшаго начальства, еженедѣльное изданіе, по Высочайше утвержденной программѣ, подъ названіемъ «Экономическій указатель». Изданіе это должно имѣть преимущественно характеръ справочнаго листа, въ которомъ можно было бы найти главныя указанія, необходимыя для познанія производительныхъ силъ Россіи, и въ то же время получить правильный

взглядъ на относительное значеніе и существенныя черты вашего экономическаго быта. Для этого въ «Указателѣ» будутъ постоянно помѣщаться статьи теоретическія объ экономическихъ предметахъ, наиболѣе важныхъ въ жизни нашего народа, изложенныя возможно популярнымъ образомъ. Эти теоретическія статьи будутъ составлять какъ бы введеніе къ познанію силъ отечества нашего и образовывать существенную часть изданія. Стремясь къ истинѣ, любя великую Русь и желая общаго блага, редакція въ выборѣ статей будетъ руководствоваться нуждами страны и народа, внутреннимъ достоинствомъ представляемыхъ трудовъ и соотвѣтствіемъ ихъ съ требованіями современнаго общества. Выраженіе мыслей, даже противныхъ убѣжденіямъ редакціи, если оно будетъ представлено въ приличномъ тонѣ и сопровождаться серьезными доказательствами, будетъ принимаемо ею съ благодарностію: истина всегда выигрываетъ отъ различныхъ взглядовъ, высказываемыхъ честно и добросовѣстно. Вторую часть изданія будутъ составлять болѣе или менѣе обработанныя статьи статистическаго содержанія. Такъ какъ каждый предметъ наипачѣ представляется при сравненіи его съ другими однородными, то редакція полагаетъ полезнымъ, кромѣ статей, имѣющихъ въ виду непосредственно Россію, давать также мѣсто въ изданіи и статьямъ, рассматривающимъ данныя другихъ странъ преимущественно Европейскаго образованія. Посредствомъ такого сближенія только и можно открыть истинное значеніе той или другой промышленной дѣятельности и удивить ея особенности. Безъ всякаго сомнѣнія, особенное вниманіе Редакціи будетъ обращено на тѣ отрасли промышленности нашей, которыя имѣютъ въ себѣ наиболѣе залоговъ будущаго успѣха. Главное стремленіе редакціи будетъ состоять въ развитіи духа народной предприимчивости, содѣйствіи успѣху полезныхъ промышленныхъ предпріятій въ странѣ, и поддержкѣ всякой благонамѣренной дѣятельности. Съ этою цѣлію, въ настоящемъ изданіи предполагается также представлять отъ времени до времени свѣдѣнія о лучшихъ статистическихъ и политико-экономическихъ сочиненіяхъ какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и за границей, съ критическимъ разборомъ ихъ, избѣгая по возможности всего, что носитъ характеръ личности. «Указатель» такимъ образомъ

со временемъ можетъ сдѣлаться органомъ отечественныхъ промышленныхъ требованій и выраженіемъ Русскаго здраваго взгляда на экономическія явленія какъ внутри, такъ и внѣ государства. Объемъ статей предполагается различный, смотря по важности предмета и временному его интересу, но во всякомъ случаѣ такой, чтобы выпускъ или отдѣлъ изданія не былъ меньше 2 печатныхъ листовъ. Такимъ образомъ предполагаемый «Указатель» будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) статьи теоретическія, рассматривающія вопросы изъ области политической экономіи и статистики, а также ихъ исторіи; 2) статьи, имѣющія въ виду болѣе или менѣе обработанное изложеніе статистическихъ данныхъ, касающихся какъ Россіи, такъ и другихъ странъ, и наконецъ 3) библіографію, представляющую отчетъ объ экономическихъ и статистическихъ изданіяхъ какъ Русскихъ, такъ и иностранныхъ. Въ реестрѣ будущихъ сотрудниковъ этого изданія значатся почти всѣ наиболее извѣстные наши ученые по части наукъ политико-экономическихъ (*).

Золотое руно. Изданіе этой еженедѣльной газеты частной золотопромышленности, горнозаводскаго и фабричнаго дѣла, хозяйственной и литературной, предивнато И. П. Бочаровима, который въ объявленіи объ изданіи ея говоритъ между прочимъ: «Правда, «Сибирь — золотое дно», говоритъ старинная поговорка; правда, что о Сибирскомъ золотѣ и серебрѣ, камняхъ и прочихъ произведеніяхъ написано нѣсколько замѣчательныхъ статей и книгъ на разныхъ языкахъ, и что не одинъ глубокомысленный ученый, не одинъ любознательный путешественникъ съ успѣхомъ вопрошали тайнства ея высокихъ горъ и широкихъ долинъ; но на сколь многіе вопросы осталась она еще безъ отвѣта, или не сказала своего послѣдняго слова, и сколько любопытныхъ предметовъ въ ней ожидаютъ изслѣдованія и описанія. Желая ближе познакомиться большинство публики со всѣмъ, что существуетъ интереснаго и достойнаго изученія въ Сибири, а также доста-

(*) Цѣна годовому изданію *Экономическаго указателя* (32 выпуска) 5 р. 50 к., а съ пересылкою и доставкою на домъ — 7 р. с.; за полгода (т. е. въ 26 выпусковъ) 3 р., а съ пересылкою и доставкою на домъ — 4 р. 50 к. с.

вить читателямъ возможность постоянно слѣдить за успѣхами ея ученой и промышленной дѣятельности, мы предприняли издаше еженедѣльной газеты подъ названіемъ, которое такъ кстати примѣняется къ металлическимъ богатствамъ и мѣховою торговлѣ этого края. Программа газеты слѣдующая: 1) Распоряженія и постановленія правительства; законы, касающіеся частной золотопромышленности, горнозаводскаго и фабричнаго дѣла. 2) Дѣйствія частныхъ золотыхъ промысловъ и золотопромышленныхъ компаній, частныхъ горныхъ и другихъ заводовъ и фабрикъ. 3) Географическія, геогностическія и другія статьи ученаго содержанія по всѣмъ отраслямъ; разборы сочиненій; описанія замѣчательнѣйшихъ заводовъ, фабрикъ и рудниковъ въ другихъ государствахъ и частяхъ свѣта; описанія различныхъ машинъ и способовъ ихъ употребленія. 4) Смѣсь. Свѣдѣнія о всѣхъ частныхъ горнозаводскихъ, фабричныхъ и золотопромышленныхъ компаніяхъ, а также о существующихъ и учреждаемыхъ въ Россійской имперіи заводахъ и фабрикахъ, ихъ описанія и отчеты. Повѣсти, рассказы, нисыма, біографіи; стихотворенія и проч.; очерки нравовъ, обычаевъ, народныхъ повѣрій и преданій; общественныя увеселенія, замѣтки и проч. Частныя объявленія, до Сибири касающіеся. Газета «Золотое руно» будетъ выходить каждую субботу (*), въ листъ большаго формата.

Журналь для акціонеровъ. Можно съ увѣренностію сказать, — говоритъ издатель этого журнала *К. Трубликовъ* — что промышленныя предпріятія, на правахъ компаній, имѣли самое благотѣльное вліяніе на развитіе народнаго богатства въ иностранныхъ государствахъ. Желѣзныя дороги, телеграфы, частныя кредитныя учрежденія, водяныя сообщенія посредствомъ пароходовъ, разнаго рода фабрики и заводы въ большихъ размѣрахъ и т. п. устроились болышею частію только соединенными частными капиталами. Необыкновенная дѣятельность и энергія оживляли подобныя предпріятія. При этомъ стремленіи общества къ раз-

(*) Цѣна этому изданію 6 р. с., съ доставкою на домъ въ С. Петербургъ — 7 р. 50 к., съ пересылкою въ другіе города — 8 р.

внѣю, посредствомъ компаній, производительныхъ силъ государства, необходимо должна была родиться потребность день-за-день слѣдить за дѣйствіями и результатами сихъ предпріятій, изыскивая средства, помогающія успѣху ихъ или предупреждающія случайную неудачу. Потребность эта давно уже выразилась за границею періодическими изданіями, специально посвященными цѣли и дѣйствіямъ компаній. Мало-по-малу начинаетъ и у насъ пропадать недоувѣріе къ промышленнымъ предпріятіямъ на правахъ компаній, когда созвали въ нихъ средство къ пріобрѣтенію значительныхъ выгодъ на возможно-обезпеченные капиталы и когда мудрыми постановленіями правительства отстранены прозволя въ управленіи дѣлами ихъ. Уже болѣе 40,000,000 р. сер. частныхъ капиталовъ обращаются въ компаніяхъ на акціяхъ и сколько еще въ виду проектовъ новыхъ предпріятій на означенныхъ правахъ, дающихъ возможность участвовать въ нихъ лицамъ всѣхъ состояній. Это общее стремленіе къ образованію компаній доказываетъ успѣхъ многихъ уже существующихъ акціонерныхъ обществъ. Оно возрастаетъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе и всѣ живо интересуются ходомъ дѣлъ полезнаго рода операций. Откуда является и у насъ потребность въ періодическомъ изданіи, въ которомъ помѣщались бы всѣ извѣстія по отношенію къ компаніямъ. Съ Высочайшаго соизволенія, мы предприняли изданіе такового журнала, подъ названіемъ: «Журналъ для акціонеровъ». При образованіи его, мы имѣли въ виду:

- 1) Познать читателей съ общими теоретическими началами, объясняющими сущность и значеніе всякаго рода компаній, а также съ составомъ, исторіею ихъ и правилами, кои ими руководствуются.
- 2) Сообщать объявляемыя по сему предмету государственныя постановленія.
- 3) *Современно* доставлять акціонерамъ всякаго рода свѣдѣнія, по отношенію къ компаніямъ и къ предметамъ дѣйствій ихъ.
- 4) Изложить тѣ выгоды, на которыя могутъ рассчитывать лица, предоставившія свои капиталы компаніямъ.
- 5) Представлять возможно-подробныя свѣдѣнія о результатахъ дѣйствій компаній, поясняя причины успѣха или неудачи, и
- 6) Сообщать свѣдѣнія касательно иностранныхъ компаній, дабы возбудить общее соревнованіе къ успѣхамъ ихъ и для выгоднаго сравненія дѣйствій всѣхъ однородныхъ съ ними у

насть компаній, что послужитъ къ исправленію недостатковъ нашихъ компаній, или къ развѣттю новыхъ отраслей промышленности. Редакція обзывается отвѣчать, безвозмездно, своимъ подписчикамъ на всѣ вопросы о предметахъ, входящихъ въ программу, въ столбцахъ своего журнала, подъ означеніемъ первыхъ буквъ имени и фамиліи, а также № письма, который покорнѣйше проситъ выставлять на ономъ. Относятся съ такими вопросами въ контору редакціи «Журнала для акціонеровъ». Въ этомъ журналѣ будутъ помѣщаться извѣстія внутреннія и иностранныя, по отношенію къ товариществамъ и компаніямъ на акціяхъ, утвержденнымъ правительствомъ, которыя имѣютъ предметомъ дѣйствій разныя предпріятія какъ въ области наукъ, искусствъ, художествъ, ремеселъ, мореплаванія, торговли и промышленности вообще, такъ и другаго рода. (*Здѣсь разумются страховыя общества, компаніи желѣзныхъ дорогъ и проч.*) Онъ будетъ издаваться въ нижеслѣдующемъ порядкѣ: 1) *Внутреннія извѣстія.* Въ этотъ отдѣлъ будутъ поступать статьи: а) Правительственныя распоряженія, по отношенію къ компаніямъ; б) личный составъ правленій компаній и перемѣны въ ономъ; в) всякаго рода объявленія и отчеты правленій компаній; г) биржевыя и торговыя извѣстія, имѣющія интересъ для компаній; д) о продающихся и покупаемыхъ акціяхъ компаній; е) частныя предложенія компаніямъ; ж) всякаго рода статьи, по отношенію къ компаніямъ и къ предметамъ дѣйствій ихъ. 2) *Иностранныя извѣстія.* Къ этому отдѣлу будутъ принадлежать извлеченія изъ иностранныхъ журналовъ и другихъ источниковъ, свѣдѣнія объ успѣхахъ тамошнихъ акціонерныхъ компаній, а также о биржевыхъ, торговыхъ и вообще всякаго рода извѣстіяхъ, по отношенію къ компаніямъ Русскимъ и иностраннымъ и къ предметамъ дѣйствій ихъ. 3) *Фельетонъ.* Здѣсь будутъ помѣщаться разнаго рода статьи статистическаго содержанія, преимущественно по части торговли и промышленности, имѣющія интересъ для существующихъ акціонерныхъ компаній или вообще до полезнаго употребленія капиталовъ, посредствомъ образованія новыхъ компаній. «Журналъ для Акціонеровъ» будетъ выходить одинъ разъ въ недѣлю, въ размѣрѣ отъ одного до четырехъ печатныхъ листовъ; экстренныя же объявленія о предметахъ, входящихъ въ сію программу,

будутъ разсмѣяться подлѣстничкамъ обѣику столицъ немедленно особыми прибабленіями къ журналу (*).

ИЗВѢСТІЯ: *М. А. Соловьевъ.* — Въ г. Ардатовѣ (Симбирской губерніи) скончался, 15 сентября, бывший профессоръ Одесскаго Ришельёвскаго лицея, *Михаилъ Александровичъ Соловьевъ.* По окончаніи курса наукъ въ С. Петербургскомъ университетѣ по юридическому факультету, онъ въ 1839 г. выдержалъ испытаніе на ученую степень магистра законовѣдѣнія и блестящимъ образомъ защитилъ диссертацию «О значеніи законовъ». Въ то время, незабвенный попечитель Одесскаго учебнаго округа *Д. М. Княжевичъ* приглашалъ молодыхъ даровитыхъ ученыхъ въ Одессу, для занятія вакантныхъ кафедръ въ тамошнемъ лицейѣ. Выборъ его, по юридической кафедрѣ, палъ на Соловьева, который тогда же и отправился къ новому мѣсту своего назначенія, вмѣстѣ съ *В. В. Григорьевымъ*, занявшимъ тамъ же кафедру восточныхъ языковъ. Прибывъ въ Одессу, *М. А. Соловьевъ* дѣятельно принялся за изученіе наукъ, преподаваніе которыхъ было ему поручено: кромѣ энциклопедіи правъ, на него возложено было еще чтеніе исторіи законовѣдѣнія, временно преподаваніе Русскихъ государственныхъ и уголовныхъ законовъ. Слабое здоровье юнаго преподавателя, обнаружившееся еще въ Петербургѣ, не только не поправилось отъ южнаго климата, но еще болѣе разстроилось среди ученыхъ и служебныхъ заботъ и занятій. *М. А. Соловьевъ* думалъ, что временное успокоеніе поправить его силы, въ 1842 г. испросилъ себѣ сперва отпускъ, а вскорѣ и чистую отставку по болѣзни, и поселился въ своей небольшой деревнѣ, Ардатavsкаго уѣзда Симбирской губерніи. Кромѣ упомянутой диссертаци «О значеніи законовъ», изданной въ Петербургѣ въ 1840 году, *М. А. Соловьевъ* нанечаталъ въ 1841 г. читанную имъ въ торжественномъ собраніи лицея рѣчь «О развитіи Русской жизни въ отношеніи къ законодательству», имѣвшую большой успѣхъ по мыслямъ объ отношеніи къ Россіи единоплеменныхъ Славянъ; помѣстилъ въ «Одесскомъ альманахѣ на

(*) Цѣна изданію 4 р. 50 к. с., съ доставкою въ С. Петербургъ — 5 р. 50 к., съ пересылкою въ другіе города — 6 р.

1839 годъ: «Такъ ничего, въ родѣ повѣсти», въ томъ же альманахѣ на 1840 годъ: «Литературную лѣтопись Одессы»; въ «Москвитяинѣ» 1840 г. разборъ сочиненія «Денница Новоболгарскаго образованія». Во всѣхъ этихъ статьяхъ видны талантъ и знанія, которыя много обѣщали въ будущемъ. Получивъ въкоторое облегченіе въ болѣзни, живя въ деревнѣ, М. А. женился по любви, и семейная жизнь скоро, противъ воли его, привязала его совсѣмъ къ сельскому быту, къ которому онъ не имѣлъ никакой склонности. Пылкій, нервный, съ желаніемъ что-нибудь сдѣлать, но оторванный отъ избраннаго имъ поприща дѣятельности неутомимою болѣзнию, снова возвратившеюся къ нему послѣ нѣсколькихъ лѣтъ кажущагося здоровья, М. А. Соловьевъ сильно страдалъ и физически и нравственно, и раздраженіе его дошло до крайнихъ предѣловъ, когда смерть пресѣкла краткіе дни его и несбывшіяся надежды. *И. С.*

Подписная цѣна годовому изданію Журнала съ Прибавленіями въ С. Петербургѣ 12 рублей сер.; съ пересылкою въ другіе города и съ доставкою на домъ въ С. Петербургѣ 13 рублей 50 коп. сер.

Подписка принимается: въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ — у всѣхъ книгопродавцевъ, а для жителей прочихъ городовъ Имперіи — въ Газетныхъ Экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Московскаго Почтамтовъ и во всѣхъ Губернскихъ Почтовыхъ Конторахъ.

Въ Книжномъ Магази́нѣ Департамента Народнаго Просвѣщенія можно получать:

Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія. № 1 — XLIV. С. П. Б. при Императорской Академіи Наукъ, 1803 — 1817. Каждая книжка 13 коп. сер.

Журналъ Департамента Народнаго Просвѣщенія, 1821, 1822 и 1823. С. П. Б. въ тип. Департамента Народнаго Просвѣщенія, за каждый годъ 5 руб. 72 коп. сер.

Записки Департамента Народнаго Просвѣщенія. С. П. Б. въ тип. Дец. Нар. Пр. Книжка 1, 1825. 96 коп. сер. Кн. 2, 1827. 90 коп. сер. Кн. 3, 1829. 80 коп. сер.

Собраніе Постановленій по Министерству Народнаго Просвѣщенія, съ 1 Января 1829 по 21 Марта 1833, служащее продолженіемъ Записокъ Департамента Народнаго Просвѣщенія. С. П. Б. при Императорской Академіи Наукъ, 1833.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. С. П. Б. при Императорской Академіи Наукъ. За 1834, 1835, 1836, 1837 и 1838 годы, каждое годовое изданіе 8 р. 58 к. сер., съ пересылкою въ другіе города 10 р. сер. За 1839, 1840, 1841, 1842, 1843, 1844, 1845, 1846, 1847 и 1848 годы безъ пересылки 10 р. сер., съ пересылкою 11 р. 50 к. сер. За 1849, 1850, 1851, 1852, 1853, 1854 и 1855 годы безъ пересылки 12 р. сер., съ пересылкою 13 р. 50 к.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЕНИЕ I.

Дѣйствія правительства по М. Н. Пр. за Октабрь 1856 года:

Высочайшія повелѣнія	15
Министерскія распоряженія	20

ОТДѢЛЕНИЕ II.

Взглядъ на движеніе философіи въ мірѣ христіанскомъ и на причины различ- ныхъ ея направленій. В. Н. КАРПОВА	167
О направленіи и единствѣ преподаванія въ гимназіяхъ. К. А. ТИМОШЕНКА	199

ОТДѢЛЕНИЕ IV.

Отчетъ Греческаго министра народнаго просвѣщенія, представленный королю, о ходѣ образованія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Греціи съ 1829 года по 1835 включительно. Перев. съ Греч. Г. С. ДИСТУНКА	41
--	----

ОТДѢЛЕНИЕ V.

Биографія главныхъ астрономовъ. Посмертное сочиненіе АРАГО	33
--	----

ОТДѢЛЕНИЕ VI.

а) Книга, изданная за границею:

Elements de calcul infinitesimal, par Duhamel, membre de l'Institut (реп. Н. Ш.).	33
6) Обзорніе Русскихъ газетъ и журналовъ за 1-е трехмѣсячіе 1856 года: V. Географія, этнографія и путешествія. VI. Исторія Русская и всеобщая. VII. Языковзваніе. VIII. Критика и теорія словесности. IX. Исторія литера- туры. X. Изящная словесность. XI. Свободныя искусства. XII. Математи- ческія науки. XIII. Военныя науки. XIV. Науки, относящіяся къ морепла- ванію. XV. Горныя науки. XVI. Естественныя науки вообще. XVII. Меди- цинскія науки. XVIII. Промышленность, технологія и сельское хозяйство . .	50

ОТДѢЛЕНИЕ VII.

I. <i>Новости по части наукъ математическихъ, физическихъ и естественныхъ:</i> Лѣтописи Парижской обсерваторіи. — Экономическій стереоскопъ. — Гробницы и муміи въ Ариѣ. — Новый способъ Раймондомъ опредѣлять плотность твердыхъ тѣлъ. — Краткая біографія Штурма	69
II. <i>Разныя извѣстія:</i> Ахенскій ратгаузъ и историческая замѣтка въ его лѣтописяхъ о трехдвѣтомъ пребываніи Петра Великаго въ Ахенѣ. 25, 26 и 27 июля 1717 г. Ш. Ш. СТАСЯКОВИЧА. — О преподаваніи Русскаго языка и словесности въ высшихъ классахъ гимназій. В. Н. ВОДОВОЗОВА. — Первое двадцатипятилѣтіе учрежденія Демидовскихъ наградъ. — Сочиненія на темы, представленныя въ 1855—56 учебномъ году студентами Императорскаго Харьковскаго университета. — Объявленіе о конкурсѣ на мѣсто адъюнкта Императорской академіи наукъ по части Греческой и Латинской филологій. — Библейское общество Евангелическо-Лютеранской церкви въ Россіи. — Древняя Греческая статуя. — Торжественный актъ въ Екатеринбургской гимназіи. — Раздача наградъ въ Одессѣ за лучшіе сорта пшеницы и за откармливаніе рогатаго скота. — Высочайшая точка Гималайскихъ горъ. — Новыя повременныя изданія: «Экономическій указатель», «Золотое руно» и «Журналъ для акціонеровъ». — Неурологъ: А. М. Соловьевъ	81

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ТРЕТЬЕ ДЕСЯТЛѢТІЕ.

1856.

ДЕКАБРЬ.

САНКТЪ-ПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДВЯНОСТО ВТОРОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Дѣйствія правительства.

Высочайшія повелѣнія за Сентябрь и Октябрь 1856
года.

	<i>Стран.</i>
23. (5 Сентября) Объ опредѣленіи въ пансіонъ Псковской гимназіи дворянствомъ губерніи двухъ пансіонеровъ 26 Августа 1856 года	3
24. (15 Сентября) Объ отправленіи нѣкоторыхъ лицъ за границу съ ученою цѣлю.	4
25. (14 Октября) О содержаніи въ Цевинскомъ дворянскомъ институтѣ пансіонера, подъ названіемъ воспитанника Панчуладзева.	15
Высочайшія опредѣленія, перемѣненія, увольненія и награжденія	8 и 16

Министерскія распоряженія за Сентябрь и Октябрь 1856
года.

10. (10 Сентября) О переимѣнахъ въ курсахъ чтеній въ университетѣ св. Владимира	10
11. (11 Сентября) Циркулярное предложеніе въ слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія о сохраненіи дѣтямъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ, воспитывающимся въ учебныхъ заведеніяхъ на счетъ инвалиднаго капитала, права на полученіе пенсін изъ государственнаго казначейства	—
12. (17/20 Сентября) Объ увеличеніи числа воспитанниковъ въ Варшавскомъ благородномъ институтѣ	12
13. (12 Сентября) О раздѣленіи на два отдѣленія курса училища при Евангелическо-Лютеранской церкви св. Анны въ С. Петербургѣ	—
14. (27 Сентября) О введеніи въ Самарской гимназій обученія фронтовой военной выправкѣ	—
15. (29 Сентября) Циркулярное предложеніе о приглашеніи преподавателей въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ къ составленію описаній губерній, въ которыхъ означенныя учебныя заведенія находятся	13
16. (19 Октября) О требованіи званія одного изъ новѣйшихъ языковъ отъ поступающихъ въ студенты медицинскаго факультета Харьковскаго университета	20
17. (19 Октября) О перенесеніи преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ медицинскаго факультета Казанскаго университета изъ одного курса въ другой	—
Министерскія опредѣленія, назначенія и перемѣщенія	14 и 21

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Словесность, науки и художества.

Педагогическія замѣтки, по поводу статей, напечатанныхъ въ Морскомъ Сборникѣ 1856 года. Н. Д. Мизко	1

О значеніи философіи въ мірѣ языческомъ и христіанскомъ. <i>Н. А. Чистовича</i>	64
Разборъ фабрикаціи лаковъ и процесса высыханія масла. <i>М. И. Скобликова</i>	83
Взглядъ на движеніе философіи въ мірѣ христіанскомъ и на причины различныхъ ея направленій. <i>В. Н. Кар-</i> <i>пова</i>	167
О направленіи и единствѣ преподаванія въ гимназіяхъ. <i>К.</i> <i>А. Тимофеева</i>	199
Очеркъ гимнастическихъ игръ у древнихъ Грековъ. <i>П. В.</i> <i>Тихановича</i>	215
Исслѣдованія профессора Цеха о древнихъ затмѣніяхъ для повѣрки хронологіи и таблицъ луны. <i>А. Н. Савича</i> .	315
Графическая система Китайскихъ иероглифовъ. <i>В. П. Ва-</i> <i>сильева</i>	233

ОТДѢЛЕНІЕ IV.

Извѣстія объ иностранныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Аленъ и его историческіе памятники эпохи Карловинговъ. Изъ путевыхъ записокъ профессора <i>Стасюлевича</i> . . .	1
Отчетъ Греческаго министра народнаго просвѣщенія, пред- ставленный королю, о ходѣ образованія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Греціи съ 1829 года по 1855 включительно. Перев. съ Греч. <i>Г. С. Дестуниса</i> .	41
Замѣтки о состояніи Англійской литературы въ первую половину 1856 года. <i>В. И. Водовозова</i>	61

ОТДѢЛЕНІЕ V.

Исторія просвѣщенія и гражданскаго образованія.

Историческіе очерки повѣи. Статья вторая: Повѣи Грече- ская. <i>О. Ф. Миллера</i>	1
Біографія главныхъ астрономовъ. Посмертное сочиненіе <i>Араю</i>	33 ■ 83

ОТДѢЛЕНІЕ VI.

Обзорніе книгъ и журналовъ.

Книги, изданныя въ Россіи и за границею.

Областные учрежденія въ Россіи въ XVII ^{мъ} вѣкѣ. Соч. В. Чичерина (рец. <i>Д. М.</i>)	1
Руководство статистики Европейскихъ государствъ, составл. Ивановскимъ (рец. <i>Д. М.</i>)	8
Elements de calcul infinitesimal, par Dubamel, membre de l'Institut (рец. <i>И. Ш.</i>)	33
Обзорніе усѣховъ сельскаго хозяйства въ Россіи, Холецкаго (рец. <i>Д. М.</i>)	123
Исслѣдованіе объ инородцахъ Казанской губерніи. О бытѣ крестьянъ въ Казанской губерніи, соч. В. А. Сбоева (рец. <i>Д. М.</i>)	127
Новые разговоры на Россійскомъ, Французскомъ, Турецкомъ и Татарскомъ языкахъ (рец. <i>Н. Березина</i>)	129

б) Обзорніе газетъ и журналовъ:

Обзорніе Русскихъ газетъ и журналовъ за первое трехмѣсячіе 1856 года: II. Педагогика. III. Правовѣдѣніе. IV. Политическія науки. V. Географія, этнографія и путешествія. VI. Исторія Русская и всеобщая. VII. Языковѣдѣніе. VIII. Критика и теорія словесности. IX. Исторія литературы. X. Изыщная словесность. XI. Свободныя искусства. XII. Математическія науки. XIII. Военныя науки. XIV. Науки, относящіяся къ мореплаванію. XV. Горныя науки. XVI. Естественныя науки вообще. XVII. Медицинскія науки. XVIII. Промышленность, технологія и сельское хозяйство	15	50
Обзорніе Русскихъ газетъ и журналовъ за второе трехмѣсячіе 1856 года: I. Богословіе. II. Педагогика. III. Правовѣдѣніе. IV. Политическія науки. V. Географія,		

этнографія и путешествія. VI. Исторія Русская и
 всеобщая. VII. Языкованіе. VIII. Краткая. IX. Исто-
 рія литературы. X. Изыщная словесность. XI. Свобод-
 ныя художества. XII. Математическія науки. XIII. Во-
 еныя науки. XIV. Горныя науки. XV. Науки, отно-
 сящіяся къ мореплаванію. XVI. Естественныя науки
 вообще. XVII. Медицинскія науки. XVIII. Промы-
 шленность, технологія и сельское хозяйство. 134

ОТДѢЛЕНІЕ VII.

Новости и смѣсь.

Новости по части наукъ математическихъ, физиче- скихъ и естественныхъ.

Краткая исторія земнаго магнетизма.	1
Палеонтологическая находка.	10
Опытныя и теоретическія изслѣдованія о фигурѣ жидкой массы, освобожденной отъ дѣйствія тяжести.	11
Пристлей.	18
Новыя карты зодіакальныхъ звѣздъ.	28
Лѣтописи Парижской обсерваторіи.	69
Экономическій стереоскопъ	76
Гробницы и мушій въ Арнѣ.	77
Новый способъ Раймонда опредѣлять плотность твердыхъ тѣлъ	78
Краткая біографія Штурма.	—
Кровавая рѣка	119
Металлическій барометръ-анерондъ	120
Замѣчаніе на образованіе града.	121
Памятникъ Лагранжу.	—
Общество термитовъ	122
Краткая біографія доктора Буланда	123
Годичное собраніе Французскаго института.	125

II. Разныя извѣстія.

Суворовскія бумаги, сохраненныя въ семействѣ бывшаго его правителя дѣлъ Куриса. <i>Г. П. Данилевскаго</i>	30
Торжественный актъ Императорскаго Харьковскаго университета.	50
Диссертациі на темы, предложенныя въ 1855—56 учебномъ году студентамъ Императорскаго университета св. Владимира	51
Торжественный актъ Ришельевского лицея и состоящей при немъ гимназій	56
Морская обсерваторія въ Кронштадтѣ	57
Торжественный актъ въ Олонецкой гимназій	58
Гальваническіе опыты въ первомъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ	59
Открытіе новыхъ заведеній при Московской практической школѣ шелководства	61
Могилы Скиескихъ царей	66
Новое періодическое изданіе «Живописный Сборникъ»	68
Ахенскій ратгаузъ и историческая замѣтка въ его лѣтописяхъ о трехдневномъ пребываніи Петра Великаго въ Ахенѣ. 25, 26 и 27 іюля 1717 г. <i>М. Стасюлевича</i>	82
О преподаваніи Русскаго языка и словесности въ высшихъ классахъ гимназій. <i>В. И. Водовозова</i>	88
Первое двадцатипятилѣтіе учрежденія Демидовскихъ наградъ	98
Сочиненія на темы, представленные въ 1855—56 учебномъ году студентамъ Императорскаго Харьковскаго университета	100
Объявленіе о конкурсѣ на мѣсто адъюкта Императорской академіи наукъ по части Греческой и Латинской филологіи	107
Библейское общество Евангелическо-Лютеранской церкви въ Россіи	—
Древняя Греческая статуя	108

Торжественный актъ въ Еватернославской гимназiи	109
Раздача наградъ въ Одессѣ за лучшіе сорта пшеницы и за откармливаніе рогатаго скота.	110
Высочайшая точка Гималайскихъ горъ.	—
Новыя повременныя изданія: «Экономическій указатель», «Золотое руно» и «Журналъ для акціонеровъ».	111
Некрологъ: М. А. Соловьевъ.	117
Празднованіе священнаго коронованія Государя Импе- ратора въ Казанскомъ университетѣ.	136
Собраніе Императорскаго Русскаго географическаго Общества.	139
Закладка университетской церкви въ Дерптѣ.	143
Общее собраніе Императорскаго вольнаго экономиче- скаго Общества.	146
Объ учрежденіи естественно-историческаго музея въ Астрахань.	148.

ОЧЕРКЪ

ГИМНАСТИЧЕСКИХЪ ИГРЪ У ДРЕВНИХЪ ГРЕКОВЪ (*).

Sunt, quos curriculo pulverem Olympium
Collegisse juvat metaque fervidis
Evitata rotis palmaque nobilis
Terrarum dominos evehit ad deos.

Hor. od. 1, 1, 3—6.

Тѣлесныя игры, какъ отдохновеніе отъ трудовъ и житейскихъ дѣлъ, какъ средство, вносящее разнообразіе въ обыденную жизнь, оживляющее и скрашивающее ее, встрѣчаются у всѣхъ народовъ, безъ различія ихъ образованія и гражданскаго развитія. Трудно представить себѣ народъ, незнакомый съ какими-нибудь играми. Это такъ же трудно, какъ трудно вообразить народъ, который бы никогда не радовался, не веселился, не отдыхалъ и не имѣлъ праздниковъ. Отдыхъ, радость и праздникъ ведутъ прямо къ играмъ; человѣкъ не можетъ оставаться тѣлесно спокойнымъ, когда чувство праздника проникаетъ въ его сердце

(1) Olympia, von Krause. Wien, 1848.—Die Pythien, Nemeen und Isthmien, von Krause. Leipzig, 1841.—Die Gymnastik und Agonistik der Hellenen, von Krause. Leipzig, 1841. 2 Theile.—Real-Encyclopädie der classischen Alterthumswissenschaft, von Paul. Stuttgart, 1839—1852. 6 Theile.—Olympia. Ein Vortrag im Wissenschaftlichen Vereine zu Berlin, von Curtius. Berlin, 1852.

и наполняетъ его живымъ трепетаньемъ. Игры, въ самомъ простомъ видѣ, не требуютъ ни особыхъ издержекъ, ни особыхъ зданій, ни особыхъ приготовленій: зеленая поляна, свѣтлое небо, теплый день и собственная охота — вотъ все, что нужно, дабы устроились игры.

Но игры, такъ-называемыя гимнастическія, игры, основанныя на строгихъ правилахъ искусства, изучаемыя подѣ руководствомъ и надзоромъ наставниковъ, приспособленныя къ педагогикѣ и народному воспитанію, — такія игры составляютъ принадлежность однихъ только образованныхъ народовъ, и то не въ равной степени и не въ одинаковомъ значеніи. Для однихъ гимнастическія игры — потребность, непремѣнное условіе жизни, занятіе, столько же важное и обязательное, какъ служебныя дѣла; для другихъ — онѣ роскошь, безъ которой можно и обойтись, лишеніе которой или вовсе не замѣчается или замѣчается только изрѣдка.

Изъ всѣхъ народовъ древнихъ и новыхъ временъ едва ли можно указать на одинъ, у котораго гимнастическія игры имѣли бы такое обширное значеніе и вліяніе, какъ у древнихъ Грековъ. Гимнастическія игры у Грековъ проникали во всю жизнь ихъ, онѣ обнимали ее и соплетались съ нею; составляли существенную часть быта гражданского и частнаго; столько же были необходимы, какъ воздухъ, вода и пища для человѣческаго организма. Для гимнастическихъ игръ у Грековъ были особо устроенныя мѣста и зданія, въ которыхъ молодое поколѣніе училось имъ теоретически и практически, — гимназіи, палестры, ипподромы, стадіоны и пр.; были особые наставники, учившіе играть, особые начальники, завѣдывавшіе ими. — гимназіархи, келетархи, косметы, софронисты, гимнасты,

педотрибы, атлеты и пр.; были особыя правила и цѣлыя ученія сочиненія, говорившія объ играхъ и разбиравшія ихъ съ педагогической и диететической стороны. Не касаясь многихъ другихъ сторонъ, въ которыхъ обнаружилось вліяніе гимнастики на жизнь Грековъ, мы замѣтимъ, что изъ этихъ-то упражненій составлялись такъ-называемыя агоны — общественныя игры, совершенно народное учрежденіе Грековъ, которые любили ихъ до увлеченія, до страсти, до безразсудства, прославляли ихъ прозою и стихами и ставили выше всѣхъ наслажденій, доступныхъ въ этой жизни.

Такихъ агоневъ въ древней Греціи было очень много; начало ихъ теряется въ глубокой древности. Въ Гомерическихіа времена находимъ ихъ уже въ довольно значительномъ развитіи, какъ можно судить изъ агоневъ въ память погябшаго Патрокла. Боги, по словамъ Грековъ, любятъ игры и охотно принимаютъ въ нихъ участіе. Ничѣмъ лучше не умилостивляются они и не примиряются съ человѣкомъ, какъ играми и жертвоприношеніями. Отсюда, по понятіямъ Грековъ, игры — не только утѣха и удовольствіе, но и дѣло угодное богамъ. При такомъ взглядѣ на игры, разумѣется, не могло быть недостатка въ поводахъ къ нимъ. Не только религиозные праздники сопровождались ими, какъ лучшимъ и приличнѣйшимъ дѣломъ, но вообще, при всякаго рода торжественныхъ и радостныхъ случаяхъ, при счастливыхъ и блестящихъ дѣяніяхъ, послѣ необыкновенныхъ происшествій въ частной и гражданской жизни устраивались агоны, какъ выраженіе, съ одной стороны, благодарности богамъ, испосымающимъ благодѣяніе слабымъ смертнымъ и устраивающимъ ихъ счастье, съ другой — какъ выраженіе общей радости, общаго удовольствія и веселія.

Агоны учреждались нерѣдко въ честь и въ память великихъ и заслуженныхъ мужей, героевъ, основателей городовъ, знаменитыхъ полководцевъ и государственныхъ людей. Благодарность современниковъ къ умершимъ знаменитымъ личностямъ была у Грековъ до самаго позднѣйшаго времени богатымъ источникомъ агоновъ. Не говоря о другихъ, мы знаемъ агоны въ честь Бразида, въ честь умершаго Гефэстіона, въ честь Александра Великаго; знаемъ также, что Сиракузяне сдѣлали опредѣленіе чтить память Тимолеона во все времена гимнастическими и музыкальными агонами. Агоны такъ были по душѣ Грекамъ, что они рады были привязаться къ какому бы то ни было обстоятельству, чтобы составить гимнастическія игры, чтобы посмотрѣть на нихъ и принять въ нихъ участіе. Игры для нихъ были не только увеселеніемъ, забавою, но средствомъ забыть и труды, и несчастія, и выстраданныя бѣдствія, оживить и освѣжить изнуренныя силы и почерпнуть новыя. Это лучше всего подтверждается на 10,000 Грековъ, которые, забывши трудности и опасности своего отступленія среди враждебныхъ и воинственныхъ народовъ, по негостепріимнымъ и неудобнымъ мѣстамъ, лишь только достигли до Трапезунта, тотчасъ же устроили игры, на которыхъ, по словамъ Ксенофонта, было много и шума, и смѣха, и утѣхъ (2). Александръ Великій, посреди военныхъ трудовъ и заботъ, праздновалъ агоны послѣ благодарственной жертвы богамъ за побѣду надъ Индійцами и за спасеніе своего войска, также въ Екбатавѣ и Сузѣ, послѣ сраженія съ Поромъ (3).

(2) Xenoph. Anab. IV, 8, 18.

(3) Arrian. exped. III, 16. V, 20, VI, 28. VII, 14.

Мы нисколько не преувеличимъ сущности дѣла, если скажемъ, что едва ли проходила одна недѣля въ году безъ того, чтобы гдѣ-нибудь въ Греціи не было агона (4). До такой степени это явленіе, совершенно чуждое новѣйшимъ временамъ, было сродно съ духомъ и привычками Греческаго народа. Одни изъ агоневъ были временные, учреждавшіеся вслѣдствіе какой-нибудь изъ вышеупомянутыхъ причинъ, другіе — постоянные, совершавшіеся всегда въ опредѣленное время. Къ послѣднимъ принадлежали знаменитѣйшіе: Олимпійскіе, происходившіе на Олимпійской долинѣ на берегахъ Алфея, въ западномъ Пелопонезѣ, Пивійскіе — вблизи Дельфъ, Исемійскіе — подлѣ Коринва и Немейскіе — недалеко отъ Клеонъ, между Сикіономъ и Аргосомъ. Эти агоны называются великими, въ отличіе отъ другихъ мѣстныхъ агоневъ, праздновавшихся подъ тѣми же именами въ разныхъ мѣстахъ Греціи и Греческихъ поселеній, какъ-то: Олимпійскіе — въ Аоннахъ, Александріи, Эгѣ, Македоніи, Антиохіи Сирійской, Никее, Ефесѣ, Кизикѣ, Смирнѣ, Магнезій Мидійской и въ друг. м.; Пивійскіе — въ Милетѣ, Мегарѣ, на островѣ Делосѣ, на островѣ Кеосѣ, въ Никоидіи, близъ Антиохіи, въ Емисѣ въ Сиріи, Гераполисѣ въ Фригіи, Филиппополисѣ Фракіи-скомъ и во мн. др.; Немейскіе — въ Мегарѣ, въ Анхιάлѣ во Фракіи, въ Сицилійскомъ городѣ Этнѣ; Исемійскіе — въ Акирѣ въ Галатіи, въ Никее Визонской, въ Сиракузахъ.

Одно уже голословное исчисленіе, и то далеко еще не полное, постоянныхъ только агоневъ въ древней Греціи, прямо наводитъ на мысль, такъ мѣтко высказанную однимъ изъ нашихъ ученыхъ (5), что ни одинъ народъ не цѣнилъ

(3) Пропл. III, 2. 25.

(4) Пропл. III т., отд. 2 стр. 26.

такъ высоко праздничной радости и не достигалъ въ такой мѣрѣ способности праздновать, какъ древніе Греки. Эта мысль еще яснѣе, еще опредѣленнѣе представится намъ, когда мы обратимъ вниманіе на характеръ и обстановку народныхъ праздниковъ у древнихъ Грековъ. Народные Греческіе праздники не были просто отдыхомъ послѣ трудовъ, успокоеніемъ послѣ напряженія, скукой для дѣловыхъ людей, незнающихъ, куда дѣвать несносное время, которое въ праздникъ тянется такъ медленно и такъ вло. Греческіе праздники—это не буйный, часто пьяный разгулъ людей, не находящихъ куда направить свои не занятые работой силы; это не шумный, безтолковый крикъ толпы, зѣвающей на всякую всячину и толкающейся безъ толку взадъ-и-впередъ; не условленная, и потому уже скучная, прогулка въ какой-нибудь шедущей аллеѣ, съ цѣлю поглазѣть и позѣвать на другихъ и показать себя другимъ. Греческіе праздники собирали во-едино разсѣянныхъ повсюду членовъ великой семьи Греческаго народа, воодушевляли ихъ одною мыслию, однимъ чувствомъ — мыслию о праздникѣ, чувствомъ праздника. Они имѣли въ основаніи своемъ религиозное начало, приглашали своихъ посѣтителей не для того, чтобы занять праздное любопытство штуками какого-нибудь коверкающагося паяца, но давали полезную и здоровую пищу, упражняли и развивали не только глаза и любопытство, но и голову и сердце, не только забавляли и увеселяли, но вмѣстѣ и учили, не только развлекали и представляли удобный случай убить скорѣе и безъ скуки несносное время, но дѣйствовали благотельно на развитіе мысли и чувства. На Греческихъ праздникахъ, особенно на національныхъ, происходила мѣна идей и понятій, взглядовъ и познаній, которые отъ взаимнаго столкно-

венія разрабатывались, развивались и расширялись. Изъ разсказовъ отовсюду собравшихся посѣтителей Греки знакомились съ отдаленными странами, съ обычаями ихъ, религіозными обрядами, учрежденіями и положеніемъ, производительностію и качествомъ земли. Такимъ образомъ праздники не только собирали Грековъ для удовольствія, но были для нихъ и мѣстомъ образованія, мѣстомъ эстетическаго воспитанія, — мѣстомъ, гдѣ они слушали верѣдко своихъ поэтовъ, ораторовъ и историковъ. По этому-то праздники дѣйствовали такъ обаятельно на всю Грецію: съ неудержимою силою они увлекали всѣхъ и каждого, заставляли забыть горе и печаль, неудачи и потери, бросить работы и служебныя занятія, и спѣшить на мѣсто праздника. День праздника былъ днемъ общей радости, общаго торжества. Въ это мгновеніе забывалась и вражда, и несогласіе, и политическое разномысліе, и политическіе расчеты, смуты, и толки, — все забывалось и умолкало въ это великое для Греческаго народа мгновеніе. Въ приливѣ народной радости исчезали всѣ личности, всѣ отѣнки національныхъ разностей, всѣ интересы народныхъ себялюбивыхъ видовъ, и все сливалось въ одну великую семью, какъ безчисленныя струи рѣкъ сливаются въ волнахъ одного моря. Такъ предъ наступленіемъ каждого національнаго праздника наставляла извѣстная *экехирія* (*ἐκεχειρία*) — всеобщій миръ въ продолженіе «священнаго мѣсяца» (*ἑσπομένης*) во всей Греціи, или, по-крайней-мѣрѣ, въ тѣхъ государствахъ, которыя принимали участіе въ праздникѣ. Съ наступленіемъ экехиріи прекращались вражда и несогласіе, если они бывали, между государствами. Всякій странникъ, къ какому-бы городу и области ни принадлежалъ, могъ безбоязненно проходить по Греціи

до мѣста праздника, не встрѣчая нигдѣ обидъ и притѣсненій.

Въ этихъ-то народныхъ праздникахъ гимнастика и гимнастическія игры служили душою, оживлявшею ихъ, основаніемъ всего торжества и праздничной радости. Греческая гимнастика была необходимою принадлежностію и неотъемлемою частію праздниковъ. Потому Діонисій Галикарнасскій говоритъ, что народный праздникъ безъ гимнастическихъ игръ — сушая небылица. И это надобно замѣтить не только объ однихъ знаменитѣйшихъ народныхъ праздникахъ, какими были Олимпійскій, Пивейскій, Немейскій и Исомійскій, но вообще о Греческихъ праздникахъ. Даже тѣ праздники, которые по самой мысли своей, повидимому, не имѣли рѣшительно никакого отношенія къ гимнастикѣ и агонистикѣ, даже и такіе праздники принимали въ себя ту и другую, какъ обстановку. Такъ Елевсинскія мистеріи, продолжавшіяся девять дней, въ одинъ изъ послѣднихъ дней соединялись съ агонистическими играми. Гимнастика такъ тѣсно соплелась съ Греческою жизнію, такъ нераздѣльно срослась съ мыслию Грека, такъ слилась съ его привычками, понятіями и взглядомъ на праздникъ, что безъ нее и праздникъ былъ не въ праздникъ, и праздничная радость не вполне радость. Оттого гимнастика находила примѣненіе на всѣхъ праздникахъ; агонисты всегда были на праздникѣ жданными и желанными гостями. Греки никогда не уставали смотрѣть на нихъ, никогда не утомлялись, любясь неподражаемыми опытами ихъ ловкости и силы. И чѣмъ замѣчательнѣе былъ праздникъ, чѣмъ многолюднѣе было на немъ стеченіе народа, тѣмъ рѣшительнѣе и свободнѣе являются на немъ гимнастическія игры. Замѣчательнѣйшіе національные

праздники въ Греціи были сначала обыкновенными религиозными празднествами, подобно самымъ незначительнымъ праздникамъ, но возвысились и достигли той степени блеска и славы, на которой они стояли впоследствии, и сдѣлались совершенно народными праздниками всей Греціи только черезъ гимнастическія игры.

Поэтому, ничуть не удивительно, что самая обстановка праздниковъ, самая приготовленія къ нимъ и торжества, сопровождавшія ихъ, приняли направленіе совершенно состязательное (агоническое). Если на гимнастическихъ играхъ состязались отдѣльныя лица другъ съ другомъ, то въ обстановкѣ праздниковъ состязаніе обвиняло сверхъ того и цѣлыя государства, цѣлые города. Это состязаніе, или соперничество возрасло впоследствии до невероятной степени и имѣло самыя благодѣтельныя послѣдствія для тѣхъ мѣстъ, гдѣ совершались праздники. Государства наперерывъ одно передъ другимъ старались возвысить и украсить такія мѣста, и потому они покрылись великолѣпными храмами, гимназіями, амфитеатрами и пр. и наполнились безчисленными произведеніями пластики. Особенно этимъ отличалась Олимпія (6), представлявшая настоящую галерею превосходныхъ статуй, поставленныхъ не только въ честь такъ-называемыхъ Олимпіониковъ — побѣдителей на Олимпійскихъ играхъ, но и въ честь другихъ лицъ, великихъ и заслуженныхъ мужей, царей и властителей. На знаменитѣйшіе народные праздники отправляли Греческія государства свои торжественныя посольства (ѳеоріи), и въ нихъ-то особенно выказывалось соперничество. Послы, такъ-называемые ѳеоры, съ

(6) *Леонтьевъ*, О поклоненіи Зевсу стр., 314 и слѣд.

архивеоромъ во главѣ, являлись на праздники со всевозможною пышностію и великолѣпіемъ и, разумѣется, употребляли все, чтобы превзойти другія государства богатствомъ и числомъ жертвоприношеній, дарами и праздничными пирами.

Въ Олимпіи напр. эти послы разбивали великолѣпныя палатки, доставали драгоцѣннѣйшую посуду изъ кладовыхъ, которыя почти каждое государство имѣло въ томъ мѣстѣ, и употребляли всѣ средства, чтобы устроить процессію самымъ блестящимъ образомъ, и чтобы перешеголять еоріи прочихъ городовъ и государствъ. Въ подобныя послы назначались знаменитѣйшіе люди въ государствѣ; назначеніе ихъ зависѣло или отъ сената, или отъ народнаго собранія. Являлись они въ великолѣпныхъ колесницахъ, въ самыхъ блестящихъ одеждахъ, украшенные вѣнками. Прибывшіе послы ознаменовывали свое присутствіе великолѣпными процессіями, богатыми жертвоприношеніями и блестящими пирами. Жертвъ, приносимыхъ отъ лица cadaго государства различнымъ божествамъ, бывало такъ много, что ходило сказаніе, будто отъ Олимпійскихъ жертвоприношеній мутилась вола въ Сиракузской Ареоузѣ (7). Жертвоприношенія совершались не только въ началѣ, но и послѣ праздника: первыя были просительныя, вторыя благодарственныя. Начинались они, вѣроятно, еще задолго до начала праздника: иначе еоры, которыхъ было не малое число, едва ли могли бы исполнить всѣ возложенныя на нихъ государствами обязанности. Но самая главная, и въ томъ числѣ Елидская гекатомба, состоявшая въ принесеніи ста быковъ, была благодарственныя и совершалась въ послѣдній день праздника.

(7) Леонт. О покл. Зевс. 308.

Такое же состязаніе и соперничество, нерѣдко не уступавшія Олимпійскимъ, выказывались и на другихъ гимнастическихъ праздникахъ. Блестяща бывали еоріи, отправлявшіяся на Писійскія игры. Съ приближеніемъ Писійскаго праздника дороги Эллады покрывались странниками, направлявшими свой путь въ Дельфы. Особенно такъ-называемая «дорога еоровъ» принимала на ту пору праздничный видъ отъ множества и блеска стремившихся по ней отъ имени своихъ государствъ еоровъ. У Геродота читаемъ, что Хіосцы послали разъ въ Дельфы сто прекрасныхъ юношей, изъ которыхъ возвратились только два, а остальные сдѣлались жертвою язвы (VI, 27). Преимущественно же Аѳиняне посылали туда блестящія еоріи. Жертвоприношенія бывали чрезвычайно богаты. Такъ, Язонъ, Фессалійскій влaститель, заказалъ подвластнымъ себѣ городамъ откормить для жертвоприношенія Дельфійскому богу быковъ, овецъ, козъ и свиней, и хотя отъ каждаго города доставлено было умеренное число животныхъ, однако набралось тысячу быковъ и десять тысячъ животныхъ разнаго рода. Кромѣ того Язонъ назначилъ въ награду золотую корону тому городу, который доставитъ для Писійскаго бога самаго прекраснаго быка. Еще богаче и великолѣпнѣе была жертва Фессалійскихъ Эпіановъ въ честь погившаго въ Дельфахъ Неоптолема. Приводимъ въ сокращеніи описаніе ея изъ Греческаго романиста Геліодора: «Процессія (говоритъ онъ) предшествовала гекатомба — жертва изъ ста быковъ чернаго цвѣта, прекрасныхъ, тучныхъ и видныхъ. Тѣ, что вели ихъ, одѣты были въ бѣлые опоясанные хитоны; у каждаго изъ нихъ правая рука, державшая обоюдоострую сѣкиру, вмѣстѣ съ плечомъ и частію груди оставалась обнаженною. Рога жер-

твенныхъ быковъ были отчасти вызолочены, отчасти обвѣты цвѣточными вѣнками. За ними слѣдовало разнородное стадо другихъ жертвенныхъ животныхъ, каждый родъ особо по отдѣламъ, при звукахъ флейтъ и сиринговъ. Послѣ нихъ шли Фессалійскія дѣвушки въ прекрасныхъ широкихъ одеждахъ, съ распущенными волосами; раздѣлялись на два хора: первый хоръ шелъ съ корзинками полными цвѣтовъ и зрѣлыхъ плодовъ; второй несъ тоже корзинки, но съ жертвенными слоями (пѣриата), съ благовоніями, разливавшими оніямъ. Несли онѣ корзинки на головахъ, держа за руку другъ друга, и шли въ рѣдахъ, сохраняя порядокъ хора. Другой хоръ заботился объ исполненіи гимна. Въ гимнѣ прославлялись Фетида, Пелей, ихъ сынъ Ахиллесъ и ввукъ Неоптолемъ. «Пою тебя, злато-«власую Фетиду—пѣли они—безсмертную дочь морскаго «Нерея, супругу Пелея, по велѣнію Зевса, нашу богиню, «свѣтлую радость моря, родившую мужественнаго Марса, «молиню Эллады, божественнаго и славнаго во всей под-«солнечной Ахиллеса, которому Пирра родила Неоптолема, «губителя Троянъ, защитника Данаевъ. Будь къ намъ ми-«лостивъ, герой Неоптолемъ, почивающій блаженно въ «пѣдрахъ Пелійской земли, прійми благосклонно нашу «жертву и удали отъ нашего города всякій страхъ». Не успѣли еще пропѣть гимна, сопровождаемаго танцами, какъ появились пятьдесятъ юношей на лошадяхъ; раздѣлялись они на два отдѣленія, каждое по двадцати пяти, въ срединѣ ихъ ѣхалъ архивеоръ. На ногахъ у нихъ были крениды, переплетенные пурпуровыми ремнями; бѣлыя хламиы, обшитыя пурпуровою полосою, застегивались у нихъ на груди золотою пряжкой. Лошадѣ подъ ними были Фессалійской породы, видомъ уже напоминавшія

прелесть полей Фессалии; покрыты онѣ были серебряными и позолоченными попонами (φαλαροι) и налобниками, составлявшими какъ бы предметъ состязанія для юношей. Въ такомъ порядкѣ дошли они до храма Діаны, откуда выѣхала жрица въ колесницѣ, везомой двумя бѣлыми быками; одѣта она была въ пурпуровую, ниспадавшую до ногъ одежду, протканную золотыми лучами. Одежда подпоясывалась поясомъ, надъ которымъ художникъ истощилъ все свое искусство, и ни прежде, ни послѣ не создавалъ ничего подобнаго. Поясъ представлялъ двухъ золотыхъ драконовъ, точно живыхъ и ползающихъ. Волосы жрицы разсыпались по плечамъ; голову ея украшали вѣтви лавра. Въ лѣвой рукѣ держала она позолоченный лукъ, съ праваго плеча ниспадалъ колчанъ, въ правой рукѣ имѣла она зажженный факель. Послѣ того, какъ церемонія обошла могилу Неоптолема, а всадники трижды объѣхали ее, женщины подняли плачь, а мужчины военный крикъ. Въ эту минуту, какъ бы по данному знаку, пали подъ ножомъ, будто отъ одной руки, быки, бараны и козы. За тѣмъ устроенъ былъ огромный алтарь изъ нарубленныхъ деревьевъ; на него возложили, какъ законъ велитъ, оконечности жертвенныхъ животныхъ. Потомъ жрецъ Пивійскаго Аполлона совершилъ возліаніе и, по старинному обычаю, велѣлъ архиеору Фессалийцевъ зажигать костеръ. Онъ принялъ отъ жрицы богини Артемиды горящій факель, зажегъ имъ костеръ, и этимъ кончилась вся церемонія. Фессалийцы занялись потомъ пиромъ, который исполненъ былъ роскошно и великолѣпно, и сопровождался хорами, танцами и музыкою» (8). Безъ сомнѣнія, въ этомъ описаніи есть

(8) Heliod. Aeth. III, 1—6.

нѣкоторыя черты, составляющія принадлежность романа; но все-таки главное содержаніе разсказа нисколько не подлежит сомвѣнію. Не подлежит никакому сомнѣнію также и то, что Немейскія и Исѣмійскія ѳеоріи бывали столь же блестящія, какъ и ѳеоріи Олимпійскія и Пивейскія, но объ нихъ мало мы знаемъ. Извѣстно только, что Аѳиняне были особенно внимательны къ Немейскимъ играмъ, куда отправляли блестящія ѳеоріи, изъ которыхъ въ одной Димосѣенъ былъ архіѳеоромъ.

Такъ какъ гимнастика и агонистика составляли главное содержаніе такихъ праздниковъ, то на нихъ являлись прежде всего люди, желавшіе принимать участіе въ играхъ и состязаніяхъ; агонисты и атлеты, начиная отъ дѣтей, опытныхъ уже въ гимнастикѣ, до совершеннолѣтнихъ, составившихъ себѣ и имя и славу, стекались сюда съ одною цѣлію — показать предъ лицомъ собиравшейся Греціи гимнастическую силу и ловкость, и украсить ими, какъ говоритъ Діонисій Галикарнасскій, народный праздникъ (9).

Кромѣ состязателей, сюда собиралась вся Греція, увлекаемая однимъ желаніемъ — посмотрѣть на состязанія стекавшихся отовсюду сыновъ Греціи и на блескъ народного праздника. Сюда спѣшило все, что имѣло только возможность и какія-нибудь средства — пуститься въ путь. Люди безъ средствъ, бѣдняки, жившіе далеко отъ мѣста праздника, присоединялись къ богатымъ, и все-таки попадали на игры. Тутъ, говоря словами Жуковского,

(9) Діон. Н. тсхvv. С. 1, 43.

Пришедь изъ ближнихъ, дальнихъ странъ,
 Шума, какъ мутный океанъ,
 Надъ рядомъ рядъ, сидятъ народы;
 И движутся, какъ въ бурю дѣсь,
 Людми кипящи переколы,
 Входя до синевы небесъ.
 И кто сочтеть разноплеменныхъ,
 Симъ торжествомъ соединенныхъ?
 Пришли отсюда: отъ Аоніа,
 Отъ древней Спарты, отъ Микинъ,
 Съ предѣловъ Азіи далекой,
 Съ Эгейскихъ водъ, съ Фракійскихъ горъ

На народные праздники спѣшило все, что было самаго благороднаго и образованнаго въ Греціи. Народные мудрецы, наставники и просвѣтителы древней Эллады, не могли устоять противъ общаго стремленія. Извѣстно, что Милетскій Фалесъ, одинъ изъ семи мудрецовъ, присутствовалъ на Олимпійскихъ играхъ и тамъ умеръ. То же произошло и Спартанцу Хилону, мудрецу, который умеръ на Олимпійскихъ играхъ отъ радости, что сынъ его одержалъ на нихъ побѣду. Знаемъ также, что на играхъ присутствовали Пифагоръ, Анаксагоръ, Сократъ, Платонъ, Аристотель, Діонисій Синопскій и другіе. Даже нѣкоторые изъ нихъ участвовали въ состязаніи; Пифагоръ въ молодости выигралъ Олимпійскую побѣду въ кулачномъ бою. Платонъ, тоже въ молодости, одержалъ побѣду въ борьбѣ на Исемійскихъ и Пифійскихъ играхъ. Здѣсь же встречаемъ и другія знаменитости древней Греціи, государственныхъ мужей и полководцевъ: Фемистокла, Кимона, Филопэмена; знаменитыхъ риторовъ и софистовъ: Горгія, Лизія, Димосеена. Конечно, эти и подобныя имъ лица бывали на играхъ не разъ и не два. Такъ по-крайней-мѣрѣ

можно заключить изъ примѣра извѣстнаго писателя Лукіана, который былъ на Олимпійскихъ играхъ пять разъ, и увѣряетъ, что въ послѣдній разъ игры были еще болѣе блестящи, нежели въ первые четыре раза. Не говоримъ уже о Греческихъ лирикахъ, которыми игры доставляли достойные предметы для высокихъ и вдохновенныхъ пѣсней. Въ особенности это слѣдуетъ сказать о Пиндарѣ, котораго побѣдныя пѣсни, *Эпикіи* (*ἐπικήια*), написаны для прославленія самыхъ праздниковъ и побѣдителей на играхъ. Писійскія, Немейскія и Исемійскія игры, вѣроятно, еще болѣе, чѣмъ Олимпійскія, привлекали людей образованныхъ, особенно же любителей музыкальныхъ и поэтическихъ произведеній, которыхъ состязанія бывали на нихъ. Прибавимъ, что въ числѣ многочисленныхъ гостей, собиравшихся на игры, бывали и такіе, для которыхъ игры составляли второстепенный предметъ посѣщеній, для которыхъ не состязанія были главною цѣлю, а совсѣмъ другое, — нищія, всякаго рода попрошайки, надуватели и плуты: изъ нихъ одни приходили для того, чтобы воспользоваться праздничнымъ расположеніемъ посѣтителей, болѣе, чѣмъ когда-нибудь, готовыхъ на милость и пожертваніе; другіе — для того, чтобы при всеобщемъ вниманіи, устремленномъ на праздникъ и сопровождающія его разнообразныя удовольствія, облегчить, говоря нашимъ языкомъ, карманы у неосторожныхъ гостей, и припрятать то, что попадалось подъ руки.

На игры позволялось смотрѣть не только Грекамъ, но и всѣмъ народамъ не Греческаго происхожденія. Для Грековъ не могло быть никакого побужденія исключить изъ числа зрителей иноплеменниковъ. Что могло быть пріятнѣе для народнаго самолюбія, какъ видѣть и чувство-

вать, что народные праздники и игры составляютъ предметъ любопытства для иноплеменниковъ, которые стекаются изъ отдаленныхъ странъ, чтобы изумляться блеску и великолѣпію праздника, быть свидѣтелями дивныхъ опытовъ ловкости и силы и потомъ въ разсказахъ передать объ нихъ своимъ соотечественникамъ? При отсутствіи повременныхъ изданій, въ наше время такъ подробно и отчетливо описывающихъ происшествія и сплетни обыденной и праздничной жизни, для Грековъ оставалось одно только средство распространить свѣдѣнія о своихъ играхъ и праздникахъ въ отдаленныхъ странахъ, это — допустить присутствіе на нихъ иноземныхъ зрителей, которые, возвратившись на родину, могли бы разсказать, что видѣли и чему дивились. Другое дѣло — право участвовать въ состязаніяхъ: тутъ уже затрогивалась самая чувствительная струна народнаго самолюбія, тутъ приходилось бы уже стать на одну ступень съ варварами, состязаться съ ними за награду, за побѣду, которую, быть можетъ, пришлось бы иногда и уступить. — и поэтому никому не позволялось принимать участіе въ играхъ, кромѣ свободныхъ Грековъ. Это право не ограничивалось одними Греками, жившими собственно въ Греціи, но распространялось на колоніи и вообще на всѣ мѣста, гдѣ Греки утвердили свое жилище. Тутъ принималось въ расчетъ не мѣсто, не страна, а порода и происхожденіе, религія и языкъ. Страна могла быть варварская, лишь бы явившійся на состязаніе былъ Грекъ. Это право уступлено было и Римлянамъ съ тѣхъ поръ, какъ они покоряли Грецію: уступка, очевидно, не добровольная, но слѣдующая изъ страха, если не изъ лести. О невольникахъ, въ этомъ отношеніи, не могло быть и помину:

они совершенно устранились отъ права участвовать въ играхъ.

Были однакожь причины, по которымъ и природные Греки не только исключались отъ участвованія въ играхъ, но даже лишались права присутствовать на нихъ. Такихъ причинъ было два рода: нравственные и политическія или патріотическія. На основаніи нравственныхъ причинъ, исключались всѣ тѣ, которые были замараны или нечестіемъ (*ἀσέβεια*), или оскверняющимъ злодѣяніемъ (*ἄγος*), или же были лишены чести (*ἀτιμία*). Во второмъ отношеніи не было, кажется, положительныхъ правилъ, которыя бы непременно приводили съ собою лишеніе права; но, при исключеніи на основаніи втораго рода причинъ, поступали, кажется, сообразуясь съ временемъ и обстоятельствами. Такъ, однажды Геронъ, царь Сиракузскій, былъ лишень этого права на томъ основаніи, что не принималъ никакого участія въ войнѣ Грековъ противъ Персовъ. Тутъ, очевидно, дѣйствовало чувство патріотическое, внушенное, какъ говорятъ, Эемистокломъ. Нерѣдко лишались этого права цѣлыя государства, если они сами, или ихъ граждане нарушали священный миръ и отказались сдѣлать законное удовлетвореніе. Такъ было въ 90-ю олимпиаду, съ Лакедемонянами, которые были лишены этого права именно за то, что нарушили священный миръ и не захотѣли выплатить возложенной на нихъ пени. Государство, лишенное права, не могло участвовать въ праздникѣ ни еоріями, ни гражданами: и потому, если гражданинъ такого государства участвовалъ на играхъ и выигрывалъ побѣду, то, открытый и уличенный, онъ не только терялъ награду, но даже подвергался строгому наказанію.

Могли ли женщины присутствовать на гимнастическихъ играхъ? Еслибы мы рѣшали этотъ вопросъ, по нашимъ понятіямъ о приличіи, то отвѣчали бы на него отрицательно: потому-что агонисты являлись на состязаніе нагими и всѣ гимнастическія игры совершались рѣшительно безъ всякой одежды и покроя. Но понятія Грековъ, особенно Дорянъ, о приличіи и женской стыдливости во многомъ не сходились съ нашими: и потому, судя объ этомъ вопросѣ по взгляду Грековъ, страннымъ кажется и непонятнымъ, отъ чего онѣ, позволяя и даже предписывая женскому полу заниматься гимнастикой, въ то же время запрещали женщинамъ присутствовать на гимнастическихъ агоняхъ. Даже во все время, когда праздновались Олимпійскія игры, не позволялось имъ переступать за рѣку Алфей; виновницъ, не обратившихъ вниманія на запрещеніе, бросали, по закону, съ утесистой Типейской скалы. Знаемъ одинъ только случай, составляющій нѣкоторымъ образомъ исключеніе изъ общаго правила. Ференника, мать агониста Пизидора, была единственною женщиною, преступившею законъ безнаказанно. Она сама, въ мужской одеждѣ, подъ видомъ гимнаста, учителя гимназіи, сопутствовала своему сыну на Олимпійскія игры, на которыхъ и присутствовала и открыла себя только въ ту минуту, когда побѣда досталась ея сыну. Ее простили изъ уваженія къ ея дому, считавшему уже пять или шесть Олимпійскихъ побѣдителей. Дѣйствительнымъ же исключеніемъ изъ общаго правила была жрица Цереры, которой Элеяне, въ знакъ уваженія и особеннаго почета, дозволяли присутствовать на Олимпійскихъ играхъ и сидѣть въ Стадіонѣ на алтарѣ изъ бѣлаго мрамора, противъ геллаводяковъ. Но самъ же Павзаній, сообщая намъ эти

извѣстія, прибавляетъ, что замужнымъ только женщинамъ не позволялось смотрѣть на Олимпійскія игры, а дѣвушкамъ не запрещалось быть зрительницами ихъ. Это мѣсто у Павзанія возбудило много толковъ между учеными изслѣдователями Греческихъ игръ; одни отвергали правильность чтенія мѣста, другіе старались какъ-нибудь объяснить его. Но объясненія не привели къ окончательному рѣшенію вопроса, который остается въ томъ же положеніи, какъ и былъ. Признается впрочемъ вѣроятнымъ, что только не замужныя Дорянки, или же однѣ Елеянки, тоже не замужныя, могли смотрѣть на Олимпійскія игры, и то рѣдко, въ сопровожденіи только братьевъ, родственниковъ, или отцовъ. Это мнѣніе имѣетъ за себя то еще обстоятельство, что въ Дорическихъ государствахъ дѣвушки пользовались бѣльшею свободою, нежели замужныя женщины. Само собою разумѣется, что если женщинамъ не позволялось быть зрительницами игръ, тѣмъ менѣе могли онѣ быть участницами въ нихъ и состязательницами. Если читаемъ, что женщины выигрывали награды на играхъ, на ристалищахъ, то это значитъ, что не сами онѣ присутствовали на нихъ и правили колесницами, а посылали туда своихъ коней. Первая, одержавшая такую побѣду, была Квиниска, сестра Мезилая, и въ честь ей построено было въ Спартѣ святилище, ἡρώον. Въ Олимпіи стояла ея статуя, работы Апеллеса. Примѣру ея послѣдовала Спартанка Эврилеонида, тоже выигравшая побѣду на Олимпійскихъ играхъ. Павзаній говоритъ, что особенно Македонянки отличались на ристалищахъ.

Состязатели допускались на игры и безъ разбора, но подчинялись извѣстнаго рода правиламъ и обычаямъ, которые строго исполнялись. Всякій, желавшій участвовать

въ играхъ, долженъ былъ явиться на мѣсто состязанія въ назначенное время, подѣ опасеніемъ лишиться права участвовать въ нихъ на тотъ разъ, что и случилось съ кулачнымъ бойцомъ Аполлоніемъ Рентисомъ изъ Александріи, въ 218 олимп. Онъ не могъ быть допущенъ къ участию въ Олимпійскихъ играхъ, потому-что явился не-во-время, и хотя извинялся тѣмъ, что задержанъ былъ неблагоприятными вѣтрами, на Кикладскихъ островахъ, однако, опровергнутый своимъ противникомъ, все-таки исключенъ былъ изъ участія. Явившіеся въ Олимпію атлеты обязывались сперва представить ясные доказательства, что они свободные граждане и что въ продолженіе десяти мѣсяцевъ исполняли узаконенныя упражненія (*προϋμνάσματα*); потомъ провести положенные 30 дней подѣ наблюденіемъ гелландиковъ, при чемъ требовалось показать опытность и точное знаніе правилъ изучаемаго искусства. Далѣе на самыхъ играхъ запрещались всѣ незаконные пути къ пріобрѣтенію побѣды, какъ-то: подарки, подкупы, намѣренные уступки побѣды другому. За такія противозаконныя дѣйствія виновные наказывались штрафомъ. Штрафныя деньги были употребляемы на сооруженіе статуй богамъ. Въ науку атлетамъ и на память потомству нерѣдко вырѣзывались на такихъ статуяхъ предостерегательныя надписи, какъ-то на статуяхъ Зевсу въ Олимпіи: «не деньгами, но быстротою ногъ и силою пріобрѣтается Олимпійская побѣда», или: «наука всѣмъ Грекамъ, что деньги никому не даютъ побѣды на Олимпійскихъ играхъ», или: «на Олимпійскихъ играхъ состязаются въ доблести, а не въ деньгахъ». Атлеты, явившіеся на народныя игры, должны были объявить тотъ родъ состязанія, въ которомъ они желаютъ принять участіе. Имъ совершенно предоставля-

лось на волю избрать одинъ или нѣскольکو родовъ состязаній, но, избравши, они непременно должны были участвовать во всѣхъ избранныхъ ими играхъ. Если же атлетъ отказывался отъ нихъ совершенно, или исполнялъ не всё: то, не смотря ни на какія отговорки, подвергался штрафу. Предъ самыми состязаніями всѣ атлеты вмѣстѣ съ своими родственниками и наставниками присягали предъ статуею Зевса клятвъ, державшаго въ обѣихъ рукахъ молнію, надъ принесеннымъ въ жертву кабаномъ, что не сдѣлаютъ ничево противозаконнаго, никакого злаго умысла и обмана противъ Олимпійскаго агона. Допуская къ состязанію, принимали въ соображеніе лѣта и силы агонистовъ; и потому слишкомъ молодые или же слабые агонисты не были допускаемы; а въ состязаніе дѣтей не принимались слишкомъ сильныя, или уже взрослые. Кромѣ того каждый родъ состязанія имѣлъ свои особенныя правила, которыя строго исполнялись и о которыхъ упоминается ниже при изложеніи самыхъ состязаній. Атлеты, допущенные уже къ состязанію, прежде нежели принимали въ нихъ участіе, должны были въ самомъ началѣ игры, явившись уже на арену, подвергнуться еще одному испытанію, окончательно доказывавшему право ихъ на участіе въ играхъ. Это испытаніе состояло въ томъ, что герольдъ, провозгласивши имя и отечество каждого изъ выступившихъ на арену атлетовъ, водилъ ихъ передъ собраніемъ и спрашивалъ у зрителей, не сдѣлаетъ ли кто-нибудь изъ нихъ возраженія противъ гражданской чести или противъ поведенія представляемыхъ имъ атлетовъ. Если всѣ молчали, то тогда только состязатели допускались къ играмъ по жребіямъ, вынимаемымъ въ присутствіи гелламодиковъ. Такія же правила наблюдались не только на Олим-

пійскихъ играхъ, но и на Исемійскихъ, Немейскихъ и Пиеійскихъ, которыя были устроены совершенно по образу Олимпійскихъ. Съ достовѣрностію даже можно предполагать, что подобными же правилами и обычаями руководились и на всѣхъ агонахъ, какіе только были у Грековъ.

Надъ приготовленіями къ состязаніямъ, равно какъ и надъ самыми состязаніями, имѣли наблюденіе особыя лица, родъ присяжныхъ или судей, которые въ разныхъ мѣстахъ имѣли разное названіе. На Олимпійскихъ играхъ они назывались гелланодяками, на другихъ—агоноестами, а на Пиеійскихъ исполняли, вѣроятно, эту должность упоминаемые Плутархомъ эпимелеты (*ἐπιμελῆται*). Точно такія же лица слѣдуетъ предполагать и на всѣхъ мѣстахъ значительныхъ играхъ, ибо и онѣ устраивались совершенно по образцу Олимпійскихъ. Кругъ ихъ дѣятельности, по всей вѣроятности, былъ точно такой же, какъ и гелланодяковъ Олимпійскихъ, съ тѣмъ только различіемъ, что послѣдніе, какъ судьи знаменитѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ игръ въ цѣлой Греціи, пользовались, сообразно этому, и гораздо бѣльшимъ значеніемъ, нежели такія же лица на остальныхъ играхъ. Число гелланодяковъ не во все время было одно и то же. Оно подвергалось измѣненіямъ, уменьшавшимъ или увеличивавшимъ его: только съ 408 сл. число десять сдѣлалось постояннымъ, по-крайней-мѣрѣ оставалось такимъ до Павзанія, жившаго во времена Антоніновъ. Выборъ гелланодяковъ совершался по жребію. Избранные въ должность не тотчасъ вступали въ нее, но готовились къ ней въ продолженіе десяти мѣсяцевъ подъ руководствомъ номофилаковъ, въ особомъ зданіи близъ городского рынка, въ городѣ Элидѣ. Званіе ихъ

продолжалось до конца игръ. Вступая въ должность, они давали присягу въ Олимпіи передъ статуею Зевса-клятвъ (Ὅρκιος). Значеніе ихъ было велико: на нихъ смотрѣли, какъ бы на намѣстниковъ высочайшаго судьи Зевса; честность ихъ считалась неподкупною, хотя, вѣроятно, къ своимъ соотчикамъ Элидянамъ они были нѣсколько пристрастны, какъ можно заключить изъ сравнительно великаго числа побѣдителей родомъ изъ Элиды. Сами гелландики не могли участвовать въ играхъ; даже не могли и высылать лошадей для ристаній. Въ обязанность ихъ входило все устройство Олимпійскаго агона и связанныхъ съ нимъ праздниковъ и пиршествъ. Самая же важная сторона ихъ обязанностей состояла въ томъ, чтобы строго смотрѣть за точнымъ исполненіемъ постановленій относительно атлетовъ. Они вносили ихъ въ списки, въ которыхъ обозначали имя атлета и его отца, отечество и родъ состязаній, въ которыхъ атлетъ думалъ выступить. Въ спискѣ обозначалось также число игръ, которыя будутъ совершены, и списокъ обнародывался. Гелландики же, вѣроятно, дѣлали распоряженіе объ устройствѣ и порядкѣ каждаго рода игръ. Предъ началомъ состязаній гелландики говорили агонистамъ увѣщательную рѣчь. Во все продолженіе игръ они неутомимо слѣдили за тѣмъ, чтобы состязающіеся исполняли въ точности правила состязанія. Не исполнявшій ихъ тотчасъ получалъ достойное возмездіе, какъ Сартанецъ Лихасъ. Гелландики опредѣляли побѣду и раздѣляли награды. Нерѣшительная побѣда была рѣшаема большинствомъ голосовъ. Они же разбирали и рѣшали взаимныя жалобы агонистовъ. Если агонистъ признавалъ рѣшеніе судей несправедливымъ, то могъ обратиться къ Олимпійскому судьищу и ожидать спра-

ведливѣйшаго разбора и достойнѣйшаго возмездія. Такъ сдѣлалъ Амбракіецъ Леонъ, жаловавшійся на несправедливое рѣшеніе своихъ судей. Дѣло было разсмотрѣно, судьи уличены въ пристрастіи и приговорены къ денежному штрафу. Гелланодики же вели списокъ побѣдителямъ, имѣли надзоръ за ихъ статуями, наблюдали, чтобы каждая статуя сдѣлана была въ настоящую величину того лица, котораго она изображала. Какъ знакъ отличія, Гелланодики носили пурпуровую одежду и на Олимпійскомъ стадіонѣ имѣли особое мѣсто. Гелланодикамъ подчинены были другія должностныя лица низшаго разряда, отчасти для полицейскаго надзора за порядкомъ и спокойствіемъ игръ, какъ-то: алитархи, отчасти же исполнявшіе приговоры гелланодиковъ, относительно провинившихся атлетовъ, какъ: рабдухи, и наконецъ герольды и пр.

Наконецъ желанный день наставалъ: всѣ приготовленія къ нему окончены; всѣ лица, желавшія принимать участіе въ играхъ, испытаны и достойныя допущены къ нимъ; число состязаній опредѣлено; жертвы предварительныя принесены; зрители, въ лучшихъ праздничныхъ одеждахъ, собрались уже и тѣснятся около того мѣста, гдѣ будутъ совершаться ожидаемыя состязанія; многіе изъ зрителей, особенно молодые, въ изъявленіе праздничной радости, украсили себя цвѣтами, букетами и просто листьями. Нѣкоторые изъ нихъ уже накануне посѣщали занятыя мѣста болѣе удобныя и выгодныя, чтобы лучше и полнѣе наслаждаться предстоящимъ зрѣлищемъ игръ. Отыскавъ такое мѣсто, они не сходили съ него цѣлую ночь. Жажда насладиться народнымъ зрѣлищемъ заставляла забывать всѣ неудобства; извѣстно, что Олимпійскія игры совершались подъ открытымъ небомъ, въ самое

жаркое время года. Зной подъ палящимъ небомъ Греціи, томительная жажда, пыль и тѣснота, тщетно испытывали терпѣніе зрителей; многіе подвергались болѣзнямъ, или возвращались съ вины въ свои дома, иѣкоторые же тамъ и умирали. Но зрѣлище игръ имѣло на Грековъ такое обоятельное дѣйствіе, такъ сильно волновало ихъ душу, такъ неудержимо увлекало ихъ, что они совершенно не думали объ этихъ неудобствахъ. Когда появлялись составители, всѣ зрители, устремивъ глаза на арену, съ живѣйшимъ любопытствомъ, съ трепетаніемъ сердца, съ жаднымъ напряженнымъ вниманіемъ, слѣдили за ходомъ борьбы, не упуская изъ виду ни одного движенія, ни одного удачнаго и ловкаго поворота, ни одного промаха. Увлекаемые интересомъ состязанія, плѣняемые красотой формъ, ловкостію и дивнымъ искусствомъ состязающихся, изумляемые силою, спокойствіемъ и терпѣніемъ ихъ, зрители не могли удержаться, чтобы не выразить своего восторга тутъ же во время самаго состязанія, когда участь борьбы еще не была окончательно рѣшена. Ободряя состязающихся, они то поднимали руки, то возвышали голосъ, то вскакивали съ своихъ мѣстъ, то предавались живѣйшей радости. Игры сами по себѣ были достаточны для того, чтобы пробудить восторгъ и радость въ душѣ Грека; но не забудемъ, что тутъ сидѣли земляки, родственники и знакомые состязавшихся; тутъ были отцы и братья спорящихъ за побѣду, ихъ друзья, товарищи, ровесники. Эти родственныя и близкія связи еще болѣе пробуждали участіе въ зрителяхъ. Желаніе побѣды знакомому, другу, земляку, родному, товарищу естественно въ душѣ человѣка. Но за то и ошибки, неловкость, промахи пробуждали тревогу, досаду, грусть и печаль въ душѣ

многихъ зрителей. И потому, во все продолженіе игръ, среди радостныхъ и веселыхъ лицъ, можно было замѣчать и печальныя, и тревожныя, и грустныя. Если подвиги состязающихся дѣйствовали такъ сильно на душу зрителей, то, съ другой стороны, одобрительныя и поощрительныя крики ихъ не меньшее производили вліяніе на состязавшихся. Нерѣдко истощенный уже въ силахъ, уже готовый уступить побѣду своему сопернику, снова ободрялся, собиралъ послѣдніи силы, напрягалъ всѣ средства свои, и выигрывалъ побѣду. Громко, во услышаніе всѣхъ, произносилось имя побѣдителя; его привѣтствовали крикомъ радости, желаніемъ счастья и долгой жизни. Въ общемъ восторгѣ все забывалось: и личныя отношенія, и родственныя связи, и благосклонность; все соединялось въ общую радость, въ общее привѣтствіе; все обращало вниманіе на побѣдителя, упоеннаго побѣдою и славою; иногда даже поднимали побѣдителя и несли на рукахъ, какъ случилось на Исемійскихъ играхъ въ присутствіи Діогена Синопскаго, который говоритъ: «одни провожали побѣдителя съ крикомъ и восклицаніями, другіе прыгали отъ радости, и поднимали руки къ небу; третьи бросали на него вѣнки и ленты». По-истинѣ, понятнымъ дѣлается та готовность атлета, съ которою онъ переносилъ всякаго рода лишенія и неудобства, лишь бы только приготовиться къ состязанію, такъ что и опасность потерять жизнь не могла отклонить его отъ избраннаго имъ пути.

Переходимъ къ описанію самыхъ игръ. Порядокъ, въ какомъ онѣ слѣдовали одна за другою на священныя

агонахъ и праздникъ, намъ не извѣстенъ, хотя утвердительно можемъ сказать, что онъ былъ другой, а не такой, какого мы держались при нашемъ изложеніи для лучшаго обзора.

І. Бѣги,

Бѣги, какъ гимнастическое упражненіе, былъ извѣстенъ Грекамъ съ самыхъ древнихъ временъ. Для этого не нужно было никакого поощренія и награды; одна возможность показать прыткость и быстроту ногъ передъ зрителями, перегнать другаго и заслужить ласковое слово и одобрительную улыбку отъ почтенныхъ сѣдовласыхъ стариковъ была уже достаточною наградою и достаточнымъ вызовомъ на состязаніе.

По словамъ одной саги, уже во время Кроносова господства, когда золотое поколѣніе людей обитало еще на землѣ, Греки были знакомы съ этимъ упражненіемъ; учрежденіе его приписывается Геркулесу, пришедшему изъ Крита въ Олимпію. Въ награду побѣдитель получалъ оливковую вѣтвь. Гомерическіе герои тоже знали и любили это состязаніе и упражнялись въ немъ, стоя передъ Троею. Гомеръ такъ описываетъ бѣги на похоронномъ агонѣ въ честь Патрокла: на вызовъ Ахиллеса

Немедленно всталъ Оилеевъ Аякъ быстрогій,
 Всталъ Одиссей многоумный и Несторовъ сынъ знаменитый
 Всталъ Антилохъ: побѣждалъ онъ юношей всѣхъ быстротою.
 Стали порядкомъ; Пелидъ указалъ имъ далекую мету.
 Бѣги ихъ сперва отъ черты начинался; и первый всѣхъ
 дальше

Быстрый умчался Аякъ; но за нимъ Одиссей знаменитый,

Близко бѣжалъ, какъ у женщины ткащей съ пряжею ходить
Цѣпка у персей, которую ловко руками бросаетъ.
Нить за утокъ пропуская, и близко предъ персами держитъ:
Такъ Одиссей за Аяксомъ близко бѣжалъ; безпреставно
Слѣдомъ въ слѣды ударялъ его, прежде чѣмъ прахъ съ
нихъ ссыпался,

И дыханье свое наливалъ на главу Ойлида,
Быстро и ровно бѣжа; восклицали кругомъ Аргивяне,
Жѣлду его побѣдить въ ревнованшемъ еще умножал.
Но когда приближались къ концу уже бѣга, замолился
Въ сердце герой Одиссей, свѣтлоокой Палладѣ богинѣ:
- Дочь Эгіоха, услышь! убыстри, милосердая ноги!
Такъ онъ молясь произнесъ, и услышала дочь Эгіоха;
Члены ему сотворила легкими, ноги и руки;
И уже добѣгала, чтобъ только имъ прянуть къ наградѣ;
Вдругъ на бѣгу поскользнулся Аяксъ: повредила Аенна:
Въ влажный ступилъ онъ пометь, изъ воловъ убиенныхъ
разлитой,

Коихъ Патроклу въ честь закладъ Пелсіонъ благородный;
Тельчьими пометомъ наполнились ноздри и ротъ у Аякса.
Чашу, награду свою, подхватилъ Одисей терпѣливый,
Первый примчасъ; а вола захватилъ Ойлидъ знаменитый,
Несторовъ сывъ получилъ послѣднюю бѣга награду.

Ил. пер. Гвѣд. XXIII, 754—785.

Одиссей, въ бытность свою у Феаковъ, нашелъ бѣги
и у нихъ и былъ зрителемъ состязанія, на которомъ три
сына царя Алкиноа

Первые въ бѣгѣ себя испытали. — Устремившись
съ мѣста того, на которомъ стояли, пустился разомъ,
Пыль подымая, они черезъ поприще: всѣхъ былъ проворнѣй
Клитонеонъ благородный — какую по свѣжему полю
Бороводу плугомъ два муда провадятъ, на столько оставивъ
Братьевъ своихъ назади, возвратился онъ первый къ народу.

Одисс. пер. Жук. VII, 120—125.

Бывали случаи въ то давнее время, что цѣлю состязанія въ бѣгѣ была невѣста, и что побѣдитель въ награду за свою быстроту получалъ себѣ въ супруги дочь какого-нибудь богатаго и сильнаго властителя. Такъ Данай, имѣвшій пятьдесятъ дочерей, предложилъ состязаніе искавшимъ руки ихъ. Пенелопа тоже назначена была въ награду тому изъ жениховъ, который останется побѣдителемъ въ бѣгѣ, и она досталась Одиссею. То же сдѣлалъ Автей, предложившій побѣдителю руку своей дочери.

Ту же любовь бѣги удержали за собою и въ послѣдующія времена. И потому, когда устроились и образовались у Грековъ общественныя народныя игры, долго бѣги оставались на нихъ единственнымъ родомъ состязанія. Даже и въ тѣ времена, когда игры сдѣлались болѣе разнообразными и многочисленными, все-таки во многихъ мѣстахъ начинались онѣ бѣгами, какъ любимѣйшимъ, а не какъ легчайшимъ, упражненіемъ. Достоверно извѣстно, что самыя блестящія и самыя торжественныя изъ Греческихъ игръ, Олимпійскія и Писійскія, тоже начинались бѣгами. Такому же порядку, по всей вѣроятности, слѣдовали на Немейскихъ и Исемійскихъ играхъ. Дорійскія дѣвушки особенно любили бѣгъ и охотно упражнялись въ немъ.

Бѣги у Грековъ, какъ состязаніе и гимнастическое упражненіе, отличались многостороннимъ разнообразіемъ; они дѣлились на разныя виды, какъ-то: на простой бѣгъ, на двойной простой бѣгъ, на бѣгъ простой вооруженный, на бѣгъ двойной вооруженный и на длинный бѣгъ.

Простой бѣгъ (σταδιον) состоялъ въ томъ, чтобы пробѣжать одинъ разъ во всю длину площади того мѣста, на которомъ совершались гимнастическія игры, т. е. 600 олимпійскихъ футовъ (около $86\frac{2}{3}$ сажень Русскихъ). Этотъ

бѣгъ былъ однимъ изъ любимѣйшихъ упражненій у Грековъ: въ немъ упражнялся и Александръ Великій, который, подобно Ахиллесу, назывался быстроногимъ (πυδωγης). На общественныхъ впрочемъ играхъ онъ исполнялся не отдѣльно, но вмѣстѣ съ другими упражненіями въ такъ-называемомъ пентаолѣ. Побѣда на немъ рѣшалась быстротою.

Двойной бѣгъ (διαιλος), какъ показываетъ самое имя, состоялъ въ томъ, чтобы пробѣжать безъ отдыха то же пространство, что и въ простомъ бѣгѣ, только два раза, т. е. отъ исходнаго пункта до конца площади и обратно. Бѣгуны въ этомъ бѣгѣ назывались у Грековъ диавлодромами (διαυλοδρομοι); пробѣжавши въ одинъ конецъ арены (стадіонъ), по одной ея сторонѣ, они описывали потомъ дугу и продолжали бѣгъ по другой сторонѣ арены (стадіона). Двойной бѣгъ требовалъ уже не одной только быстроты; тутъ нужно было обладать спокойствіемъ и умѣніемъ благоразумно употреблять силы. Чтобы сберечь ихъ и сохранять свободнымъ дыханіе, агонисты совершали первую половину бѣга тише и медленнѣе, нежели вторую, которая исполнялась съ наибольшимъ напряженіемъ.

Длинный бѣгъ (δολιχος) былъ самымъ труднымъ и тяжелымъ испытаніемъ для бѣгуновъ; онъ требовалъ не только быстроты, но и значительной силы, крѣпости и способности долго не утомляться. Протяженіе, которое слѣдовало пробѣжать въ этомъ бѣгѣ за одинъ разъ безъ отдыха, было различно: оно простиралось на двѣнадцать, двадцать и двадцать четыре стадіа, какъ извѣстно изъ достоверныхъ источниковъ, т. е. отъ двухъ до четырехъ верстъ слишкомъ. Какъ было трудно совершить подобный бѣгъ

и какія усилія потребны были для того, можно видѣть изъ Павзанія, который рассказываетъ, что извѣстный бѣгунъ Спартанецъ Ладъ хотя и остался побѣдителемъ на Олимпійскихъ играхъ въ этомъ бѣгѣ, но, истощенный въ силахъ, испустилъ духъ тотчасъ же послѣ окончанія его. Въ этомъ бѣгѣ особенно отличались Критяне, изъ которыхъ знаменитѣйшими были Сотадъ и Ерготель. Изъ Аргиванъ извѣстенъ Аргей, одержавшій такую же побѣду въ 113 олимпіаду, и того же для самъ лично принесшій извѣстіе объ ней въ Аргосъ. Аркадянинъ Дромей былъ побѣдителемъ двѣнадцать разъ. Упражненіе въ этомъ бѣгѣ сильно развивало бедра на счетъ верхней части тѣла; плечи бѣгуновъ были узки. Такъ какъ Греки искали въ гимнастикѣ равномернаго укрѣпленія всѣхъ частей тѣла, то многіе, напримѣръ Сократъ, не одобряли этого бѣга.

Бѣгъ *вооруженный*, доставлявшій превосходное упражненіе для военной службы, былъ высоко уважаемъ Греками и удержался у нихъ до самыхъ позднихъ временъ. Когда онъ введенъ—не извѣстно. У Гомера ничего не упоминается объ немъ; отсюда мы въ правѣ заключить, что онъ не былъ еще извѣстенъ въ тѣ времена. Правда, Пиндаръ, Эврипидъ и др. приписываютъ его и Гомерическимъ героямъ, но это, повидимому, анахронизмъ. На общественныхъ играхъ онъ появился довольно поздно, именно — въ первый разъ въ Олимпіи, въ 65 олимпіаду. По древнему обычаю, оружіе для бѣга составляли: круглый щитъ (*ασπίς*), шлемъ (*κρανος*) и поножи, или кнемиды. Впослѣдствіи вооруженіе было облегчено и оставленъ только одинъ щитъ. Бѣгъ вооруженный былъ у Грековъ двухъ родовъ: простой и двойной.

Кромѣ этихъ разнородныхъ бѣговъ, были еще у Грековъ и другіе, неизмѣвшіе всеобщаго значенія для цѣлой Греціи, и не употреблявшіеся на общественныхъ играхъ, но пользовавшіеся мѣстнымъ уваженіемъ. Къ такимъ бѣгамъ можно причислить бѣгъ съ факелами, и бѣгъ съ виноградною вѣтвію. Бѣгъ съ факелами совершался на открытомъ мѣстѣ, частію пѣшкомъ, частію на лошади, въ темную безлунную ночь, и былъ любимымъ состязаніемъ во многихъ Греческихъ городахъ, особенно же въ Афинахъ, гдѣ исполнялся на многихъ праздникахъ. Онъ долженъ былъ дѣлать превосходное зрѣлище. Онъ устраивался различно; въ одномъ мѣстѣ исполняли его дѣти, какъ въ Византіи, въ другомъ взрослые юноши. Намъ извѣстны только два рода его: одинъ состоялъ въ томъ, чтобы на быстромъ бѣгу не потушить факела и донести его горящимъ до цѣли; другой въ томъ, чтобы умѣть сохранить его горящимъ до слѣдующаго факелоносца, которому первый передавалъ свой факель: принимавшіе участіе въ послѣднемъ молодые люди (эфебы) становились въ извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другаго: первый бѣжалъ съ факеломъ ко второму и ему передавалъ его, если только сумѣлъ донести горящимъ; второй, принявшій горящій факель, пускался бѣжать къ третьему, которому и передавалъ его, третій — къ четвертому и т. д. Точно такъ же совершался бѣгъ съ факеломъ и на лошади. По первому способу награда доставалась тому, кто добѣжалъ до опредѣленнаго мѣста съ непотухшимъ факеломъ. По второму награду давали первому, если у него факель не потухалъ, пока онъ добѣжалъ до втораго; въ противномъ случаѣ, награда доставалась второму, разумѣется, съ условіемъ, если онъ добѣжалъ до третьяго, не потушивши факела, и т. д.

Факелы употреблялись восковые, въ подсвѣчникахъ со щитками, для защиты руки отъ горячаго воску. Сколько употреблялось въ бѣгѣ факелоносцевъ — не знаемъ. Павзаній, впрочемъ, указываетъ только на трехъ. Судя по памятникамъ, можно заключить, что эти же бѣги совершались еще иначе, именно: бѣгуновъ было два; каждый изъ нихъ держалъ въ одной рукѣ щитъ, а въ другой факель. Бѣга съ горящимъ факеломъ на лошади и пѣшкомъ представляли достойные предметы для пластическихъ художниковъ.

Бѣгъ съ виноградною вѣтвію совершался молодыми Афинянами въ началѣ мѣсяца піанепсіона — нашего октября (πυανεψίων) въ праздникъ Афины. Побѣдитель получалъ кубокъ, наполненный смѣсью изъ вина, меду, сыру и масла, въ честь его устраивался пиръ. Говорятъ, что юноши, исполнявшіе эту игру, одѣвались въ женское платье. Подобный же бѣгъ, тоже мѣстный, совершался въ Спартѣ, въ праздникъ Карней (τὰ κάρνεια), въ августѣ, слѣдующимъ образомъ: одинъ бѣгунъ, пожелавъ блага своего отечеству, выбѣгалъ повязанный вѣнкомъ и лентами; его преслѣдовали два другіе, называвшіеся σταδουλοφόροι; если они настигали его, то, по заведенному обычаю, получали известную награду, въ противномъ случаѣ, вѣроятно, подвергались наказанію. Бѣгъ совершался юношами.

При строго-систематическомъ обученіи въ гимнастическихъ заведеніяхъ искусству бѣгать, Греки наблюдали чрезвычайную точность въ діетѣ, натираніи тѣла масломъ и подобныхъ тому приготовительныхъ средствахъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній о томъ.

Особенно важнымъ признавалось вліяніе селезенки, которая, въ болѣзненномъ состояніи, много вредила бы-

струму и удачному исполненію бѣга. Чтобы ослабить вліяніе ея, бѣгунъ рѣшался на невѣроятныя средства: они пытались уничтожить ее. Для того прибѣгали къ особеннымъ растеніямъ, изъ которыхъ объ одномъ упоминаетъ Плиній Старшій, говоря, что оно называется по-Латини *equisetum*, а по-Гречески *hurragis*; или же обращались къ операціямъ посредствомъ вырѣзыванія и выжиганія. Иногда народное суевѣріе подсказывало свои собственныя средства, которымъ, какъ и у насъ водится, приписывали самое успѣшное и благодатное дѣйствіе. Впрочемъ, Греки полагали, что одно уже упражненіе въ бѣгѣ можетъ поправить и укрѣпить больную селезенку и, какъ на доказательство, указывали на Орхоменянину Лаомедона, который, страдая селезенкою, по совѣту врачей, сталъ упражняться въ бѣгѣ, чѣмъ не только возстановилъ свое здоровье, но сдѣлался однимъ изъ замѣчательныхъ бѣгуновъ въ Греціи.

Бѣги простые, равно какъ двойныя и длинныя, исполнялись Греками безъ всякой одежды. Исключеніе составляютъ древнія времена, когда состязавшіеся прикрывались передникомъ. Такой обычай сохранился на Олимпійскихъ играхъ до 15 олимпіады, а потомъ вышелъ совершенно изъ употребленія. Другая отличительная черта Гомерической гимнастики отъ позднѣйшей состояла въ томъ, что Гомерическіе герои не намазывали тѣла деревяннымъ масломъ передъ гимнастическими упражненіями, между-тѣмъ-какъ впоследствии намазываніе тѣла предъ этими упражненіями и передъ состязаніями сдѣлалось общеупотребительнымъ обычаемъ; и вообще надобно замѣтить, что деревянное масло у Грековъ имѣло многостороннее значеніе и примѣненіе въ гимнастикѣ. Когда стали употреблять его въ гимнастикѣ— не знаемъ. По словамъ не

Фукидида, первые Лакедемоняне ввели его въ нее. Поллуксъ предполагаетъ, что бѣгуны носили особую обувь, называвшуюся эндромидами (*ἐνδρόμιδες*) — родъ полусопожекъ, или ботинокъ; но это нисколько не подтверждается дошедшими до насъ изображеніями бѣгуновъ.

Пускались бѣжать обыкновенно не по-парно, а по четыре, или по пяти. Въ началѣ состязанія всѣ бѣгуны дѣлились на отдѣленія по роду бѣга: каждое отдѣленіе совершало бѣгъ въ назначенномъ по жребію порядкѣ. По окончаніи состязанія отдѣленіями, побѣдители изъ каждаго отдѣленія выступали на новое состязаніе между собою. Такимъ образомъ состязавшимся приходилось доказать свое искусство и силу два раза, прежде чѣмъ доставалась побѣда. Состязатели, раздѣленные жребіемъ на отдѣленія, оставались на аренѣ, пока приходила ихъ очередь. Чтобы не терять времени, они тутъ же, для испытанія гибкости и быстроты ногъ, дѣлали разнаго рода движенія. По данному знаку, все отдѣленіе въ одно и то же время пускалось въ бѣгъ, начиная его съ одной стороны и устремляясь по одному направленію, либо съ правой стороны въ лѣвую, какъ доlixодромы, либо съ лѣвой въ правую, какъ остальныя. Въ двойномъ и длинномъ бѣгѣ бѣгунамъ позволялось уменьшить скорость бѣга, особенно тѣмъ, которые оставили соперниковъ позади себя. Судя по дошедшимъ до насъ изображеніямъ бѣговъ, можно составить себѣ довольно вѣрное понятіе о положеніи и движеніи состязавшихся во время бѣга. Видно, что всѣ бѣгуны старались дѣлать какъ можно большій шагъ, чтобы въ одинъ разъ пробѣжать возможно большее пространство: пальцами одной ноги они касаются земли, а другую, поднимая полукругомъ, стараются протянуть впередъ какъ можно

далѣ; руками они дѣлають сильные размахи и держуть ихъ постоянно въ протянутомъ состояніи, вытягивая впередъ попеременно то одну, то другую. Движеніемъ рукъ значительно облегчалось и ускорялось движеніе ногъ. Голову и верхнюю часть тѣла держуть нѣкоторые изъ нихъ въ прямомъ положеніи, другіе наклоняють нѣсколько впередъ. «Бѣгушій, говорятъ одинъ Греческій писатель, не смотритъ на зрителей; онъ видитъ только одну награду; онъ никуда не оборачивается: пусть смѣются надъ нимъ, пусть дѣлають его, или бросаютъ на него камни; пусть расхищаютъ его домъ, пусть явятся дѣти, жена; онъ ничего не видитъ и не замѣчаетъ; его увлекаетъ одно—бѣжать и добыть награду; даже, достигши цѣли, онъ не перестаетъ еще напрягать свой бѣгъ».—Побѣду рѣшалъ даже и одинъ шагъ, если онъ доводилъ до цѣли одного раньше другихъ. Бѣгуны во время бѣга обыкновенно поднимали крикъ, чтобы ободрить себя самихъ и оживить силы. Нерѣдко зрители отвѣчали на крикъ крикомъ, ободряя и поощряя ихъ, особенно, когда бѣгуны приближались къ цѣли.

Развитію упражненія въ бѣгѣ немало способствовало у Грековъ всеобщее употребленіе скороходовъ (*τῆλεδρομοί*), которые замѣняли нашихъ курьеровъ. Необходимость и повсемѣстное значеніе такихъ скороходовъ для Греціи объясняется многими обстоятельствами: трудностію сообщеній, отсутствіемъ почтовыхъ учреждений, сколько-нибудь соответствующихъ нашимъ. О многихъ скороходахъ упоминають древніе писатели. Изъ нихъ особенно извѣстенъ Евхидъ, о которомъ разсказываютъ слѣдующее: послѣ сраженія при Платеѣ, оскверненный Персами огонь былъ вездѣ потушенъ; поэтому Платеецъ Евхидъ былъ

посланъ въ Дельфы, чтобы оттуда привезть чистаго огня со священнаго Аполлонова алтара. Евхидъ исполнилъ порученіе съ возможною быстротою: онъ прошелъ въ одинъ день отъ Платей въ Дельфы и обратно 1,000 стадій, — что составляетъ нашихъ верстъ около 173, и принесъ своимъ согражданамъ чистый огонь съ алтара бога Аполлона. Но едва успѣлъ совершить возложенное на него порученіе, какъ, истощенный отъ напряженія, онъ упалъ и тотчасъ же испустилъ духъ. Платейцы почтили его погребеніемъ въ храмѣ Артемиды и сдѣлали надъ нимъ слѣдующую надпись: «Евхидъ, побѣдивши въ Дельфы, пришелъ сюда въ одинъ день». (Plut. Aristid. 20).

Упражненія въ бѣгѣ требовали уже сами по себѣ немаловажнаго напряженія силъ; но оно еще болѣе увеличивалось у Грековъ тѣмъ обстоятельствомъ, что учившіеся бѣгамъ въ гимнастическихъ заведеніяхъ бѣгали не на твердой и убитой поверхности, а на песокѣ. За то, привыкши бѣгать по сыпучей поверхности, Греческіе бѣгуны съ болѣею легкостію и съ меньшими усиліями могли исполнять свои упражненія и состязанія на твердой поверхности, когда приходилось имъ состязаться на народныхъ играхъ. Вообще же упражненіе въ бѣгѣ призывалось древними философами и врачами однимъ изъ самыхъ благотѣльныхъ упражненій: оно не только развивало и укрѣпляло тѣло, но доставляло ему благообразіе и приучало его къ прекраснымъ и ловкимъ движеніямъ. Особенно важно было оно для военнаго дѣла; благодаря ему, движенія Греческихъ войскъ противъ непріятелей часто бывали неизвѣрно быстры и сильны. Извѣстно, что Афинское войско на Маратонскомъ полѣ съ такою быстротою двинулось противъ Персовъ, что они почли его толпою сумасшедшихъ. По

слованъ Геродота, Афиняне первые воспользовались такимъ преимуществомъ надъ варварами. Разумеетсяъ, оно нашло многихъ подражателей между соплеменниками.

Въ искусствѣ бѣгать отличались Критяне, Сиартанцы, Мессеняне, особенно же Кротонцы, изъ которыхъ извѣстенъ Фалосъ, Тизикратъ и Астилось, считавшіеся невобъядимыми. Выше ихъ признавали Греки Ликійца Гермөгена изъ Ксанеа, прозваннаго за быстроту конемъ. Выше по быстротѣ стояли: Каріанецъ Политъ изъ Керамоса, одержавшій на Олимпійскихъ играхъ три побѣды въ одинъ день, въ простомъ бѣгѣ, въ двойномъ и длинномъ; Родіецъ Леонидъ, выигравшій двѣнадцать побѣдъ и сохранившій силу и быстроту ногъ въ продолженіе четырехъ Олимпіадъ; Флійецъ изъ Коса, одержавшій пять побѣдъ на Олимпійскихъ играхъ, четыре на Пивійскихъ, четыре на Немейскихъ и одиннадцать на Исемійскихъ. Всѣхъ же превзошелъ быстротою Фивянинъ Ласоевъ, который состязался съ конемъ и перегналъ его на пространствахъ отъ Коронны до Фивъ. Съ нимъ могъ сравниться только малолѣтній Полимнесторъ изъ Милета, который, говорятъ, нагонялъ зайцевъ.

2. Прыганье.

На прыганье Греки смотрѣли тоже, какъ на полезное и много способствующее къ развитію и укрѣпленію тѣлесныхъ силъ упражненіе: оно доставляло тѣлу легкость и быстроту, какъ бы летучую, парящую, давало поступи твердость и увѣренность, развивало не только ноги и бедра, но руки и грудь и приучало держаться прямо даже подъ тяжестью; пользу его особенно признавали въ войнѣ,

когда не разъ приходилось перепрыгивать рвы, соскакивать со стѣнъ и пр. Слѣды упражненія въ этомъ искусствѣ находимъ уже у самого Гомера, именно въ Одиссеи, при играхъ у Феаковъ, зрителемъ которыхъ былъ Одиссей: тамъ въ числѣ упражненій было и прыганье; и въ немъ былъ Анхисъ побѣдителемъ. Впрочемъ, герои, упоминаемые Гомеромъ подъ Троею, не упражнялись въ прыганьи; игры въ честь Патрокла обошлись безъ него. Въ позднѣйшія времена прыганье составляло существенную часть тѣлесныхъ упражненій у Грековъ, любившихъ и уважавшихъ его наравнѣ съ прочими гимнастическими играми. Въ примѣненіи, впрочемъ, къ общественнымъ играмъ, оно далеко уступало прочимъ гимнастическимъ упражненіямъ; прыганье никогда не исполнялось, какъ отдѣльное, самостоятельное искусство, но всегда въ связи съ пентаэломъ — пятью играми.

Прыганье дѣлалось у древнихъ на два класса: на простое и на соединенное съ поднятіемъ тяжестей. Первое совершенно не употреблялось на общественныхъ играхъ и имѣло примѣненіе только въ гимнастическихъ школахъ. Прыганье обоего рода исполнялось различнымъ образомъ: прыгали на ровномъ мѣстѣ либо вверхъ, либо вдоль, либо черезъ какой-либо предметъ, либо съ возвышенія внизъ. Въ палестрахъ учились прыгать черезъ обручъ, черезъ натянутый канатъ, черезъ шесть, черезъ ровъ, черезъ острые воткнутые въ землю колья, другъ черезъ друга въ стоячемъ положеніи, черезъ голову впередъ и головою назадъ. Учились прыгать еще такъ, чтобы, прыгнувши вверхъ, держать ноги въ прямомъ положеніи, или же во время самого прыжка загибали ихъ назадъ. На праздничныхъ сходкахъ былъ въ употребленіи у Грековъ осо-

бенный видъ прыганья (*ἀσκωλιασμός*), который состоялъ въ томъ, чтобы, вспрыгнувши одною ногою на мѣхъ, наполненный воздухомъ, или какою-нибудь жидкостію, напр. масломъ, виномъ, жиромъ, водою и пр., удержаться на немъ, не соскользнувши. Другаго рода прыганье, менѣе употребительное, состояло въ томъ, чтобы, прыгая на одной ногѣ, догнать бѣгущаго. Предполагають даже, что Грекамъ уже извѣстны были балансерные шесты. Но это мнѣніе встрѣчаетъ ороверженія. Заподлинно же извѣстно, что прыгали съ гальтерами (*ἀλτήρες*), т. е. особеннаго рода тяжестію. Судя по Павзанію, надобно отличать гальтеры древняго и позднѣйшаго времени. О первыхъ мы ровно ничего не знаемъ, потому что и самъ Павзаній не опредѣляетъ ихъ. О позднѣйшихъ же мы знаемъ больше. Судя по описанію Павзанія, а еще больше по сохранившимся изображеніямъ, видно, что гальтеры имѣли разнообразную форму и тяжесть; дѣлались онѣ обыкновенно изъ свинцу въ видѣ цѣльнаго полукруга съ отверстіемъ посрединѣ, въ которое продѣвались руки, — въ видѣ серпа, разумѣется, гораздо толще по краямъ съ шишками, а въ срединѣ — съ выемкою, за которую держалась рука, — и въ другихъ формахъ. Тяжесть гальтеръ была не одинакова.

Прыганье на Олимпійскихъ и, вѣроятно, на всѣхъ общественныхъ играхъ исполнялось подъ флейту, воодушевлявшую прыгуновъ и поощрявшую ихъ къ большимъ усиліямъ. О положеніи тѣла и движеніи рукъ при прыганьи можно судить по памятникамъ. Одни держатъ верхнюю часть руки, отъ плеча до локтя, плотно прижатую къ тѣлу (ребрамъ) подъ прямымъ угломъ; остальную часть руки отъ локтя, вытянувши, сохраняютъ въ прямомъ по-

ложеніи и ею держать гальтеры, снабженныя рукояткою, т. е. гальтеры перваго рода. Полагаютъ, что именно такія только гальтеры и употреблялись при описанномъ положеніи прыгающаго. Другіе представляются съ протянутыми впередъ руками во время приготовленія къ прыжку. Награду получалъ тотъ, кто перепрыгивалъ наибольшее пространство. Вѣроятнымъ считаютъ, что пространство, которое слѣдовало перепрыгнуть, не назначалось. На томъ мѣстѣ, гдѣ первый остановился, проводилась черта; если слѣдующій успѣвалъ прыгнуть дальше, то проводилась новая черта и т. д. Прыгали, обыкновенно, нагіе и намазанные масломъ, что замѣчалось не только на общественныхъ играхъ, но и при упражненіяхъ въ гимназіи. Къ самымъ замѣчательнымъ прыгунамъ древней Греціи принадлежали Спартанецъ Хіонисъ и Кротонецъ Фандль, изъ которыхъ первый перепрыгивалъ пространство въ 52 фута, а второй — въ 55.

Упомянутыя гальтеры употреблялись не только для прыганья, но и для другихъ цѣлей, гимнастическихъ и діететическихъ. Упражнявшіеся съ послѣднею цѣлю, взявши гальтеры, давали рукамъ различное положеніе, то махали ими взадъ и впередъ, то закидывали ихъ назадъ, то протягивали напередъ, стоя на одномъ мѣстѣ, или прохаживаясь. У Галена находимъ описаніе особеннаго упражненія съ гальтерами, именно: клали ихъ на двѣ стороны, не въ далекомъ разстояніи, одну гальтеру отъ другой, становились посрединѣ, и старались правою рукою поднять гальтеру, лежавшую на лѣвой, а лѣвою — лежавшую на правой сторонѣ, и потомъ снова положить на прежнее мѣсто, что повторялось нѣсколько разъ. Этимъ укрѣплялись плечи и бока. Вообще древніе медики приписываютъ этия

упражненіямъ спасительное дѣйствіе на тѣло, даже на излеченіе нѣкоторыхъ болѣзней, хотя и расходятся въ указаніи, какія именно болѣзни излечиваются этимъ средствомъ. Позднѣйшая гимнастика, обращающая вниманіе не столько на пользу упражненій, сколько на искусственность и изысканность ихъ, не довольствовалась уже двумя гальтерами, но стала допускать гораздо большее число ихъ, съ тою единственною цѣлію, чтобы, увеличивши тяжесть, увеличить физическую силу. Упражнявшіеся въ подниманіи гальтеръ брали ихъ не только въ руки, но клали на голову, на плечи и привязывали къ ногамъ вмѣстѣ съ другими тяжелыми предметами.

3. БРОСАНІЕ ДИСКА.

Бросаніе диска издревле было извѣстно Грекамъ. Греческіе мифы говорятъ, что и боги любили эту игру, особенно Аполлонъ, умѣвшій владѣть дискомъ такъ же хорошо, какъ и лирою. Въ Греческомъ войскѣ, стоявшемъ подъ Троею, Протезилай былъ первымъ искусникомъ въ бросаніи диска. Это былъ тотъ самый Протезилай, который первый выступилъ на враждебный берегъ Троянскій и первый же палъ отъ руки Гектора. Были и другіе опытные и искусные метатели диска въ лагерь Данаевъ. Въ числѣ игръ въ память Патрокла было и бросаніе диска. На вызовъ Ахиллеса —

Всталъ Полипетъ, браннодышущій воинъ;
Встала и грозная мощь Леонтея, подобнаго богу;
Всталъ и Аякъ Теламонидъ, и сильный Эпеосъ огромный.
Стали порядкомъ: и первый тотъ кругъ подымаетъ Эпеосъ;
Долго махалъ онъ и бросилъ; в хохотъ раздался по сонму.

Послѣ повергъ Леонтей, благородная отрасль Арея:
Третій сынъ Теламоновъ, схвативши желѣзную тягость,
Бросилъ могучей рукой, и за знаки онъ всѣхъ перекинулъ.
Но когда тотъ кругъ подхватилъ Полипетъ брановосный:
Такъ далеко, какъ пастухъ свой закрименный посохъ бро-
саетъ,

Онъ же вертится кругомъ, и летитъ черезъ тельчье стадо:
Такъ далеко перекинулъ за кругъ онъ; вскричали Данай.

Ил. пер. Гвѣд. XXIII, 836—847.

Одиссей у Феаковъ тоже встрѣчаетъ бросаніе диска
и, раздраженный недовѣрчивостію одного изъ Феакійцевъ
къ искусству и силѣ его,

Поднялся онъ, и, мантии съ плечъ не сложивши,
Камень схватилъ — онъ огромный, плотный и тяжелъ всѣхъ
дисковъ.

Брошенныхъ прежде людьми Феакійскими, былъ: и съ размаху
Кинулъ его Одиссей, жилистую руку напрягнувъ;
Камень, жужжа, полетѣлъ; и подъ нимъ до земли головами
Веселюбивые, смѣлые гости морей, Феакійцы
Всѣ наклонились; а онъ далеко черезъ всѣ перемчался
Диски, легко улетѣвъ изъ руки; и Аюна, подъ видомъ
Старца, отмѣтивши знакомъ его, Одиссею сказалъ:
Странникъ, твой знакъ и слѣпой различить безъ ошибки,
ощупавъ

Просто рукою; лежитъ онъ отдалѣно, отъ прочихъ, гораздо
Далѣе всѣхъ ихъ. Ты въ этомъ бою побѣдилъ; ни одинъ
здѣсь

Камня ни далѣ, ни также далеко, какъ ты, неспособенъ
бросить.

Одисс. пер. Жуков. VIII, 186—199.

Героическій дискъ бывалъ двухъ родовъ — желѣзный
и каменный; его не обдѣлывали, какъ впоследствии, а бра-
ли для него просто круглый кусокъ камня, или кусокъ
тоже круглый самороднаго желѣза. Величину и тяжесть

его трудно опредѣлить. Ахиллесъ нѣкоторымъ образомъ намекаетъ на объемъ его, говоря

Сколько бы кто ни имѣлъ и далекихъ полей и широкихъ :
 На пять круглыхъ годовъ и тому на потребности доставить
 Глыбы такой; у него никогда, оскудѣлый въ желѣзѣ,
 Въ градъ не пойдетъ ни оратви, ни пастырѣ, но дома до-
 будетъ.

Ил. пер. Гв. XXIII, 831—835.

Дискъ позднѣйшихъ временъ дѣлался почти всегда изъ мѣди, рѣдко изъ дерева. Дискъ, описанный у Лукіана, былъ мѣдный, круглый, подобный небольшому щиту, безъ рукоятки и безъ ремней, довольно тяжелый и гладкій, такъ что управлять съ нимъ было довольно трудно. Вообще же диски позднѣйшихъ всѣ дѣлались одинаковой формы, именно плоскіе и круглые, на подобіе чайнаго блюдечка, или колѣвной чашки, въ срединѣ толще, по краямъ тоньше, чѣмъ объясняется и свистящій звукъ, производимый брошеннымъ дискомъ.

Бросавшіе дискъ, въ старыя Гомерическія времена, исполняли это упражненіе не раздѣваясь; сбрасывали только верхнее платье, что было необходимо, дабы дать болшую свободу рукъ размахнуться. Такой обычай относительно одежды сохранился, вѣроятно, и въ позднѣйшія времена при гимнастическихъ упражненіяхъ. Но на общественныхъ играхъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ другія тѣлесныя упражненія стали совершаться безъ всякой одежды, безъ сомнѣнія, и бросаніе диска исполнялось тоже подобнымъ образомъ. Это подтверждается и памятниками, на которыхъ дискоболы (бросатели диска) изображены нагими. Бросали дискъ обыкновенно съ небольшого возвышенія, которое называлось по-Гречески βαλβίς. Передъ бросані-

есть обыкновенно натирали руки и самый дискъ пескомъ. Цѣль очевидная: отъ этого руки и дискъ дѣлались шероховатѣе, слѣдовательно рука могла удобнѣе схватить, крѣпче держать и сильнѣе бросить дискъ. Взявши дискъ, бросающій предварительно взвѣшивалъ его на рукѣ, испытывая силу руки и тяжесть диска. Правильно брошенный дискъ ставилъ тѣло бросающаго въ извѣстное положеніе. Верхняя часть тѣла принимала нѣсколько наклоненное въ правую сторону положеніе, голова тоже наклонялась въ право; правая рука вмѣстѣ съ дискомъ двигалась сначала назадъ снизу вверхъ и поднималась въ уровень съ плечомъ, или еще и выше; потомъ, быстро описавъ дугу впередъ, она бросала дискъ, получавшій оттого большій толчокъ и сильнѣйшій полетъ. Бросающій, во время исполненія самаго дѣйствія, опирался всею тяжестью своего тѣла то на правую, то на лѣвую ногу; колѣно той ноги, на которой онъ опирался, нѣсколько сгибалось при исполненіи бросанія; другая нога держалась назадъ, но иногда выставлялась и впередъ; въ первомъ случаѣ она получала большій сгибъ, во второмъ — меньшій. Положеніе дискобола можно въ некоторомъ образѣ сравнить съ положеніемъ въ наше время играющаго въ кегли, но должно взять во вниманіе, что кегельные шары совершенно круглы, меньше въ объемѣ, легки и, брошенные сверху внизъ, катятся по доскамъ; а дискъ, будучи и больше и тяжелѣе, имѣя форму плоскаго круга, бросался снизу вверхъ, катился не по доскамъ, а летѣлъ въ воздухѣ. Слѣдовательно, положеніе и направленіе руки, въ томъ и въ другомъ случаѣ, не могло быть совершенно одинаково, а только приблизительно сходно. По всей вѣроятности, не всѣ принимали одинаковое положеніе; бросая дискъ: тутъ много значила снаровка, при-

вычка и опытность, которыя разнообразили положеніе бросающихъ и условливали большую или меньшую оригинальность и самостоятельность, большую или меньшую естественность и напряженность, большую или меньшую картинность и живописность позы. Безъ всякаго сомнѣнія, нельзя не согласиться, что были положенія, считавшіяся самыми удачными и неправильными и сдѣлавшіяся общимъ достояніемъ, отъ которыхъ было не легко отказаться дискоболамъ. Но только подъ условіемъ разнообразія въ положеніяхъ при бросаніи диска можно объяснить то разнообразіе положеній, которое встрѣчаемъ на дошедшихъ до насъ памятникахъ. Изъ сказаннаго уже само собою открывается, что удачное бросаніе диска требовало не только силы, но еще искусства, навыка и ловкости, пріобрѣтаемыхъ долговременнымъ упражненіемъ и опытомъ. Эту мысль сознавали уже въ Гомерическія времена, и потому надъ Эпеосомъ, сильнымъ и огромнымъ, но неловкимъ, засмѣялось все собраніе Грековъ, когда онъ, взявши самородный камень, служившій вмѣсто диска, долго махалъ и бросилъ его, разумѣется, неудачно и неловко. Брошенный дискъ, какъ выше было замѣчено, производилъ свистящій и визжавшій звукъ.

Бросая дискъ, принимали въ соображеніе только протяженіе въ даль; на высоту не обращали вниманіе, или, точнѣе: высота входила въ расчетъ только въ той мѣрѣ, въ какой требовалась она для того, чтобы дальше отлетѣлъ дискъ. Такимъ образомъ, побѣда доставалась тому, кто бросилъ дальше. Иногда назначалось мѣсто, до котораго слѣдовало бросить дискъ; иногда нѣтъ. Въ первомъ случаѣ, надобно было перебросить назначенную черту и побѣда приходилась тому, кому удавалось дальше всѣхъ

перебросить; во второмъ случаѣ, обозначались мѣста, на которыхъ брошенные диски коснулись въ первый разъ земли, и побѣда рѣшалась тоже большимъ разстояніемъ. Отсюда у Гомера: перекинулъ знаки всѣхъ. Разумѣется, знакъ перваго диска измѣнялся, какъ скоро слѣдующій дискъ перелетѣлъ его и назначилъ новый знакъ. Въ опредѣленную цѣль никогда не мѣтили дискомъ.

Бросаніе диска было для Грековъ во многихъ отношеніяхъ полезно, въ особенности какъ средство, укрѣпляющее и развивающее плечи и руки. Тяжесть диска, напряженіе, потребное, чтобы бросить его, и положеніе, принимаемое на этотъ разъ тѣломъ, непременно должны были укрѣплять и развивать также и грудь, спину и ноги и производить благотворное сотрясеніе во всемъ организмѣ. Мгновеніе бросанія приводитъ все тѣло въ самое напряженное состояніе: все устремлено на то, чтобы бросить быстро, вѣрно, сильно и далеко; а это требуетъ твердаго положенія и стойкой опоры для всего тѣла, сосредоточенія силъ, настойчиваго и сильнаго размаха и наконецъ спокойнаго душевнаго состоянія. Сами Греки признавали эту сторону въ бросаніи диска, какъ видно изъ словъ Солона въ Лукіановомъ Анахарсисѣ (627), гдѣ между прочимъ Солонъ говоритъ, обращаясь къ своему гостю Анахарсису: «Ты видѣлъ въ гимназійн орудіе мѣдное, круглое, подобное небольшому щиту, не имѣющее ни ручки, ни ремней: ты пробовалъ его, когда оно лежало на срединѣ, в тебѣ казалось оно тяжелымъ, и по гладкости неудобнымъ къ тому, чтобы схватить его; а между тѣмъ они бросаютъ его вверхъ и вдалѣ, состязаясь, кто дальше броситъ. И это занятіе укрѣпляетъ ихъ плечи и доставляетъ членамъ упругость (τόνον)».

Изъ Грековъ особенно Спартацы любили бросаніе диска, по разнымъ причинамъ, преимущественно же по тому вліянію, какое дискъ имѣлъ на развитіе правой руки, столько необходимой въ битвѣ. Аэніяне тоже съ охотою занимались дискомъ. Древніе врачи считали это упражненіе спасительнымъ и въ діететическомъ отношеніи: ему приписывали полезное дѣйствіе противъ нѣкоторыхъ болѣзней.

4. БРОСАНІЕ ДРОТИКА.

Дротики и копья были знакомы Грекамъ съ самыхъ древнихъ временъ. Судя по названіямъ, встрѣчающимся въ языкѣ, они были различнаго рода, по величинѣ, длинѣ и тяжести. У старинныхъ Грековъ копье было главнымъ и притомъ почетнымъ оружіемъ, отличіемъ свободнаго мужа, которое онъ носилъ и въ мирное время. Бросаніе дротика на играхъ и состязаніяхъ велось у Грековъ изстари еще въ героическій вѣкъ. Оно было и въ числѣ похоронныхъ игръ въ честь Патрокла. Впослѣдствіи оно вышло изъ употребленія, какъ отдѣльное, самостоятельное упражненіе, но стало являться вмѣстѣ съ другими играми на такъ-называемомъ *пентамль* (см. ниже); въ этомъ случаѣ употребляли не тяжелое копье, но легкій дротикъ, служившій обыкновеннымъ оружіемъ на охотѣ и на войнѣ.

Метаніе копья и дротика требовало совершенно другаго положенія тѣла, движенія рукъ и плечей, равно какъ и движенія головы, нежели бросаніе диска. Метавшій копье стоялъ прямо; правая рука у него поднималась; правое плечо черезъ то нѣсколько сгибалось назадъ, глазъ направлялся къ цѣли, или къ извѣстному отдаленію; правая по-

га отступала нѣсколько, лѣвая выдавалась назадъ; напряженія и усилія въ тѣлѣ незамѣтно никакого; спокойствіе во всемъ существѣ. Дротики бросали въ опредѣленную цѣль, иногда же — просто для упражненія — на извѣстное разстояніе, или и просто вдаль.

5. БОРЬБА.

Борьба тоже знакома Грекамъ съ самыхъ древнихъ временъ. По словамъ мифовъ, она изобрѣтена была богиней Палетрою, дочерью Гермеса, въ Аркадіи. Мифъ называетъ Автолика учителемъ молодого Геркулеса въ этомъ искусствѣ. Платонъ-философъ тоже признаетъ борьбу древнѣйшимъ искусствомъ. До Фезея, говорятъ, борьба совершалась безъ всякаго искусства, просто силою; Фезей же ввелъ нѣкотораго рода правила. Что это искусство издревле было закономъ Грекамъ, знаемъ изъ Гомера, у котораго на похоронныхъ играхъ Патроклу описывается борьба Лякса съ Одиссеемъ.

Чресла свои опоясавъ, борцы на средину выходятъ;
Крѣпко руками они подъ бока подхватили другъ друга,
Словно стропила, которыя въ кровлѣ высокаго дома
Ушиный строптель смыкаетъ, въ отпору насильственныхъ
вѣтровъ.

Сильно хребты захрустѣли, могучестью стиснутыхъ рукъ ихъ
Круто влекомые; крупный потъ заструился по тѣлу;
Частыя полосы вокругъ по бокамъ и хребтамъ ихъ широкимъ
Вышли багровыя; съ ревностью въ гордыхъ сердцахъ олимпійской

Оба атаки они и побѣды и славной награды.

Долго ни царь Одиссей не смогъ опрокинуть Лякса,

Ни Ляксъ не смогъ одолѣть Одиссеевой силы.

И когда ужъ соскучивъ Ахейнъ сыны зароптали,
 Вскрикнулъ къ царю Одиссею великій Аякъ Теламонидъ:
 «Сынъ благородный Лаертовъ, герой Одиссей многоумный,
 Ты подымай, или я подыму, а рѣшитъ Олимпіецъ!»
 Такъ пробранесь, и поднялъ; Одиссей не забылъ ухищренья:
 Вдругъ въ подколънокъ ударилъ пятаю, и подшибъ ему ноги,
 Назвинчъ его опрокинулъ; но самъ онъ Аяксу на перся
 Палъ. Удивился народъ, изумился всѣ Аргивяне.
 Послѣ пыталъ и Аякса подвять Одиссей терпѣливый;
 Вновь обхватилъ, и лишь нѣсколько сдвинулъ съ земли, но
 не подвлялъ.
 Ноги его подогнулись, и на землю рухнулись оба;
 Пали одинъ близъ другаго, и прахомъ покрылися темнымъ.
 Встали, и въ третій бы разъ устремились подвизники спорить,
 Еслибы самъ Ахиллесъ не воздвигнулся; онъ удержалъ ихъ.
 Ил. пер. Гв. XXIII, 710—715.

Изъ этого мѣста можно видѣть, что еще до Фезея существовали уже правила борьбы, такъ что она уже въ тѣ времена была настоящимъ искусствомъ, въ которомъ для побѣды нужна была не одна сила, но и ловкость, и умѣнье.

Прежде уже было сказано, что въ героическія времена, вступая въ состязаніе, снимали одежду, и только чресла опоясывали; то же наблюдалось и въ борьбѣ. Обыкновеніе это перешло и на Олимпійскія игры, гдѣ удержалось до 15 олимпіады, какъ и на другихъ играхъ, куда, по всей вѣроятности, было принято изъ подражанія Олимпійскому агону. Знаемъ также, что Гомерическіе герои не натирались деревяннымъ масломъ при гимнастическихъ упражненіяхъ, и что это обыкновеніе возникло впоследствии; его держались и борцы, которые сверхъ того посыпали себя по маслу пылью и пескомъ. Кромѣ діететиче-

скаго значенія, какое приписывали Греки посыпанію, оно важно было для борцовъ въ томъ отношеніи, что дѣлаю тѣло ихъ болѣе удобнымъ для схватки.

Борцы, какъ и кулачные бойцы, вступали въ состязаніе по жребію. Небольшіе жребіи, величиною въ бобъ, были отмѣчаемы буквами; каждый два жребія имѣли одну букву, напр. А., другіе два—В, третьи—Г, и т. д., смотря по числу борцовъ и бойцовъ. Жребіи бросались въ серебряную, богу посвященную урну; каждый борецъ подходилъ къ ней и, призвавши Зевеса, бралъ изъ урны жребіи. Такъ было по-крайней-мѣрѣ на Олимпійскихъ играхъ. Пока вынимались жребіи, борцамъ не позволялось смотрѣть въ доставшіяся имъ жребіи и читать стоящую на нихъ букву. Чтобы удобнѣе исполнить такое обыкновеніе и отклонить отъ борца всякое покушеніе и даже помысленіе заглянуть въ свой жребіи, подлѣ каждаго борца стояло особое лице, называвшееся мастигофоромъ (*μαστιγοφόρος*), державшее его за руку и не позволявшее ему посмотреть на букву жребія. Понятно, что подобная формальность, такъ строго наблюдаемая, пресѣкла всякую попытку обмѣняться жребіями, что было бы выгодно и желательно для борцовъ менѣе опытныхъ и не столько увѣренныхъ въ себѣ, особенно, если они жребіемъ сводились на борьбу съ атлетами, уже опытными и пріобрѣтшими извѣстность. Когда жребіи были вынуты всѣми, то алтархи—сановники, завѣдывавшіе благочиніемъ (*εὐχολογία*), или одинъ изъ гелландиковъ, обходилъ стоявшихъ кружкомъ атлетовъ, разбиралъ ихъ жребіи и ставилъ вмѣстѣ тѣхъ, которые имѣли одинаковыя буквы на жребіяхъ. По нимъ-то и начиналась борьба. Въ ней Греки наблюдали то же обыкновеніе, что и на бѣгахъ, т. е. послѣ первой борьбы борцовъ по

вынутымъ жребіямъ наставала борьба новая, тоже попарно и по новымъ жребіямъ, въ которой принимали участіе оставшіеся побѣдителями въ первой борьбѣ. Жребіи вторично вынимались только въ томъ случаѣ, когда состязавшихся было больше двухъ паръ и, слѣдовательно, побѣдителей въ первой борьбѣ оставалось тоже больше двухъ; въ противномъ случаѣ, т. е. если состязавшихся было двѣ пары, оставшіеся побѣдителями прямо вступали въ новую борьбу. Такимъ образомъ борцамъ-побѣдителямъ приходилось состязаться по пѣскольку разъ, пока наконецъ побѣда рѣшалась окончательно и награда доставалась одному. Такъ бывало, если число состязавшихся было четное, т. е. 4, 8, 12, 14, и пр. Въ случаѣ же нечетнаго числа, клали въ урну одинъ жребій, отмѣченный особою буквою, не имѣвшею ей соотвѣтствующей. Тотъ, кому доставался подобный жребій, назывался эфедромъ (ἔφεδρος) и обязанъ былъ ждать, пока борцы окончатъ борьбу. Попасть на такой жребій считалось счастіемъ. И дѣйствительно, это было счастье: боецъ-эфедръ вступалъ въ состязаніе съ борцомъ уже истощеннымъ и выдержавшимъ не одно уже состязаніе. Остается только уяснить, съ однимъ ли, или со многими долженъ былъ вступать въ состязаніе эфедръ. Рѣшеніе этого вопроса повело ученыхъ къ несогласію и разнымъ мнѣніямъ: одни говорятъ, что эфедръ обязанъ былъ бороться съ однимъ, не опредѣляя, съ какимъ; другіе утверждаютъ, что онъ долженъ былъ бороться со всѣми, оставшимися побѣдителями послѣ первой борьбы; третьи — съ тѣмъ только, кто остался побѣдителемъ всѣхъ другихъ, явившихся на состязаніе; четвертые полагаютъ, что борьба не рѣшалась въ одинъ день: въ первый день состязалась одна часть борцовъ, во второй—

другая, если было ихъ много, въ третій—оставшіеся побѣдителями въ первые два дня, а въ четвертый—эфедръ и побѣдители третьяго дня. Очевидно, что вопросъ нисколько не подвинуть впередъ вызванными миѣніями и остался столько же темнымъ, какъ и былъ. По нашему разумѣнію, едва ли не ближе къ истинѣ то миѣніе, которое допускаетъ состязаніе эфедра съ побѣдителемъ на окончательномъ послѣднемъ состязаніи. По-крайней-мѣрѣ, при такомъ только условіи, жребій эфедра можно считать особеннымъ счастіемъ, какимъ онъ признается древними писателями. Въ противномъ случаѣ, не великое счастье принесъ бы онъ состязателю, которому пришлось бы бороться порознь съ побѣдителемъ въ каждой парѣ, и на долю котораго, слѣдовательно, выпало бы вступить въ состязаніе не одинъ, а нѣсколько разъ, и притомъ не отдыхая.

Намъ извѣстно, что боролись попарно, т. е. сначала одна пара съ жеребїями А и А, потомъ другая съ В и В и т. д. Первымъ дѣломъ опытнаго борца было занять выгодное положеніе и стать въ немъ твердою ногою. Для этого онъ принималъ слѣдующую позу: ставши, онъ разставлялъ ноги, такъ впрочемъ, что правая, нѣсколько согнутая, выдвигалась не много впередъ; вытягивалъ руки, черезъ что шея и голова какъ бы выходили нѣсколько въ плечи; верхняя часть тѣла — спина, плечи и затылокъ — выдавались полукругомъ; нижняя вытягивалась и какъ бы суживалась. Ставши въ такомъ положеніи, боецъ внимательно и зорко слѣдилъ за всѣми движеніями противника и дѣйствовалъ двоякимъ образомъ, то самъ нападая на него, то отклоняя нападеніе и защищаясь отъ нихъ. Нечего говорить о томъ, что опытный боецъ приступалъ къ борьбѣ не спѣша, не торопясь, не кидаясь сразу на

своего соперника, а выжидая благопріятную минуту, подстерегая ошибку, промахъ его и не упуская воспользоваться ими. Плутархъ называетъ борьбу самымъ искуснѣйшимъ, самымъ увертливимъ и хитрымъ состязаніемъ. Въ ней-то употреблялись разнаго рода ухватки, уловки; здѣсь-то воплнѣ находили примѣненіе пріобрѣтенныя опытомъ и наукою ловкость и выдержка, и ни одинъ агонистъ не нуждался столько въ гибкости членовъ, какъ борецъ. И потому ничуть не удивительно, если два равноопытные борца, сошедши на борьбу, долго не начинали ее, долго не схватывались и не обвивались руками. Случалось, что, схватившись, они долго еще стояли, какъ бы вросшіе въ землю, прежде чѣмъ одинъ изъ нихъ въ состояніи былъ сдвинуть другаго съ мѣста. Иногда одинъ изъ борцовъ, чтобы вырваться изъ обхватившихъ его рукъ, ломалъ пальцы у своего соперника. Замѣтимъ при этомъ, что Греки требовали отъ борца, чтобы каждое его движеніе было красиво, каждый поворотъ локотъ, каждая ухватка сдѣлана по правиламъ искусства. Наносить удары въ борьбѣ рѣшительно запрещалось; но толкать позволялось. Само собою разумѣется, что борьба была подчинена извѣстнаго рода правиламъ, опредѣлявшимъ, что можно употреблять и чего нельзя, что прилично и пристойно, что прекрасно и изящно. У Грековъ, любителей изящной формы, само собою разумѣется, тѣло борца играло немаловажную роль; на него и на его движенія столько же обращалось вниманіе зрителей, столько же интересовались имъ, какъ в исходемъ борьбы. Хитрость и обманъ допускались въ борьбѣ. Состязавшіеся имѣли право обманывать другъ друга ложными движеніями, ложными нападеніями и поворотами. Хитрость со временъ Гомерическихъ была неразлучна съ

борьбою. Уже Одиссей обязанъ былъ ей побѣдою, хотя и не полною, надъ Аяксомъ. Въ позднѣйшія времена часто употреблялось искусство подставлять ногу, принять ногу, что называлось особеннымъ терминомъ. Другая уловка состояла въ томъ, чтобы схватить противника за ногу руками, и, лишивши такимъ образомъ равновѣсія, повергнуть на землю. Безъ всякаго сомнѣнія, было много и другихъ уловокъ у Греческихъ борцовъ, какъ можно замѣтить изъ оставшихся изображеній, ибо всѣ эти движенія и уловки увѣковѣчены искусствомъ. Слѣды ихъ остались и въ Греческомъ языкѣ, имѣющемъ много техническихъ словъ, не переводимыхъ на другой языкъ, для выраженія разнообразныхъ движеній въ борьбѣ. Великимъ искусствомъ и ловкостію считалось схватить соперника за шею и удержать его въ этомъ положеніи, пока призываетъ себя побѣжденнымъ. Старались также схватить противника за голову или, нагнувши, захватить его голову между своихъ ногъ, сжать ее и тѣмъ заставить его призвать себя побѣжденнымъ. Нерѣдко состязавшіеся, схватившись другъ съ другомъ за шею, старались этимъ способомъ повалить антагониста на землю. Нерѣдко одинъ изъ борцовъ старался поставить своего соперника въ поклоненное положеніе, чѣмъ облегчалась возможность повалить его. Особенный маневръ состоялъ въ томъ, чтобы искусно сжавши противника, держать его въ такомъ страдательномъ положеніи, въ которомъ тотъ, сляясь освободиться изъ него, истощаетъ свои силы. Иногда одинъ изъ состязателей схватывалъ другаго поперегъ и перекидывалъ черезъ голову на землю. Особенный способъ борьбы состоялъ въ томъ, что упирались другъ объ друга лбами и такъ ратовали за побѣду. Греческому борцу необходимо было вла-

дѣтъ одинаково обѣими руками. Это особенно важно было въ томъ случаѣ, когда одинъ изъ борцовъ начиналъ поворачивать быстро и ловко во всѣ стороны своего антагониста. Въ такомъ случаѣ, только умѣнье равно искусно управлять и дѣйствовать обѣими руками могло спасти отъ совершеннаго пораженія. Иногда одинъ изъ борцовъ пытался вспрыгнуть другому на голову. Если это удавалось, то онъ старался обвить своими ногами животъ соперника, продѣть свои локти подъ его подбородокъ и, сжимая его съ одной стороны ногами, а съ другой душа руками, принудить признать себя побѣжденнымъ. Иногда одинъ старался схватить другаго за концы пальцевъ на рукахъ и, крѣпко накрѣпко сжимая и даже ломая ихъ, болью принудить его къ признанію себя побѣжденнымъ. Подобная уловка составляла иногда начало и какъ бы введеніе въ борьбу; иногда же ею оканчивалась борьба. Этимъ отличался особенно Сикіонецъ Состратъ, выигравшій семнадцать побѣдъ. Иногда старались сдвинуть пальцы на ногахъ и болью заставить соперника уступить первенство.

Борьба дѣлилась у Грековъ на два рода: на борьбу въ стоячемъ положеніи, и на борьбу лежа, катаясь. Второй родъ борьбы образовался впоследствии; онъ былъ уже роскошно, утонченностию, излишествомъ гимнастическимъ; и потому Платонъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе стоячей борьбѣ, какъ болѣе полезной въ гимнастическомъ отношеніи, дѣйствующей благотѣльно на развитіе и укрѣпленіе тѣла.

Въ перваго рода борьбѣ побѣда рѣшалась троекратнымъ низверженіемъ соперника. Для избѣжанія этого, многіе борцы заботились о томъ, чтобы сдѣлаться полнѣе и толще. Полнота тѣла доставляла борцу ту выгоду, что за-

трудняла возможность поднять его, къ чему часто прибѣгали сильные и здоровые атлеты. Побѣду доставляло нерѣдко умѣнье сберечь силы какъ можно долѣе; и потому опытные борцы стремились къ тому, чтобы истощить соперника, утомить его, ослабить, дабы потомъ съ большою легкостью и вѣроятностію побѣдить его. Очевидно, что, при такомъ стремленіи, борьба нерѣдко бывала очень продолжительна. Особенный способъ борьбы состоялъ еще въ томъ, что борецъ описывалъ около себя кругъ и предлагалъ своему сопернику стащить себя съ него. Если удавалось это, то признавалъ себя побѣжденнымъ; въ противномъ случаѣ, побѣда оставалась на его сторонѣ. Этимъ особенно отличался извѣстный Милонъ, который такъ твердо становился на одномъ мѣстѣ, что состязающійся съ нимъ рѣшительно никакъ не могъ сдвинуть его съ занятаго имъ мѣста, не смотря ни на какія усилія. Борцы достигали иногда изумительной силы въ рукахъ, которую и показывали для удовольствія и потѣхи желающимъ. И въ этомъ отношеніи тоже отличался Милонъ, который бралъ яблоко въ руку и такъ сжималъ ее, что всѣ усилія отнять яблоко, или хотя повредить, раздавить его, оставались напрасны. Объ немъ же рассказываютъ еще и слѣдующее: онъ прижималъ плотно къ тѣлу верхнюю часть правой руки до локтя, вытягивалъ впередъ большой палецъ, поднималъ вверхъ, остальные сжималъ, и никакая сила не могла сдвинуть и пошевелить его мизинца.

Второй родъ борьбы въ лежащемъ или катающемся положеніи представлялъ тоже разнообразныя движенія, повороты, уловки, и удивительныя сплетенія, имѣвшія цѣлію утомить соперника и принудить его сознаться побѣжденнымъ. Эта борьба производилась вообще на мягкой,

усыпанной пескомъ землѣ, только въ гимнастическихъ заведеніяхъ; на общественныхъ же играхъ не имѣла мѣста. Богачи и избѣженные люди, упражняясь въ борьбѣ, устилали полъ дорогими коврами.

Изъ сказаннаго до-сихъ-поръ о борьбѣ можно ясно видѣть, до какой степени она была разнообразна и какъ сильно была она развита у Грековъ. Приемы борьбы, извѣстные Грекамъ и употреблявшіеся на общественныхъ играхъ, не смотря на свое разнообразіе, были равно доступны и знакомы всѣмъ Грекамъ, которые и пользовались ими, какъ общимъ достояніемъ, хотя не въ одинакой степени и не съ одинакою любовію. У нѣкоторыхъ изъ Грековъ дѣйствительно были свои любимые приемы, которыми они отличались преимущественно предъ другими. Такъ Аргивяне считались борцами хитрыми; они ловко владѣли и вращали своими бедрами, чѣмъ выигрывали побѣду, подшибая противника ногами. У Спартанцевъ тоже былъ свой особенный приемъ въ борьбѣ, извѣстный у Грековъ подъ особеннымъ названіемъ *χλακῆσιζοσαί*. Для насъ значеніе этого слова не довольно ясно. Большею частію подъ нимъ разумѣютъ умѣнье и ловкость повиснуть на плечахъ у соперника съ тѣмъ, чтобы, качая и двигая его вверхъ и внизъ, повалить на землю. Другой способъ, тоже преимущественно, если и не исключительно употреблявшійся у Спартанцевъ, извѣстенъ былъ у Грековъ подъ именемъ *τραχηλισμοῦ*. И этого приѣма значеніе также трудно объяснить удовлетворительно. Предполагаютъ, что онъ состоялъ въ томъ, чтобы, схвативъ соперника за шею, повалить его на землю, или же въ томъ, чтобы быстро и неожиданно поднимъ противника затылкомъ, сбросить его на землю. У Фиванцевъ развито было особенно искусство —

толкая и быстро поворачивая соперника, умѣть воспользоваться его промахами, улучшить удобную минуту и опрокинуть на землю. У Сицилійцевъ тоже былъ какой-то особенный пріемъ борьбы; но мы ничего не знаемъ объ немъ достовѣрнаго.

Греція имѣла многихъ отличныхъ и знаменитыхъ борцовъ; но всѣхъ выше и знаменитѣе былъ извѣстный Милонъ Кротонскій, имя котораго повторялось не только во всѣхъ странахъ, населенныхъ Греками, но сдѣлалось извѣстнымъ даже Персидскому царю. Число побѣдъ, одержанныхъ имъ на четырехъ священныхъ играхъ, было велико; онъ сдѣлался идеаломъ непреодолимой силы; объ немъ ходило у Грековъ много разсказовъ, разумѣется, не безъ преувеличенія. Достовѣрно извѣстно, что въ числѣ побѣдъ уступалъ онъ Феагену, одержавшему ихъ по однимъ 1200, а по другимъ 1400; въ сраженіи — пастуху Титорму, который, по увѣренію древнихъ, за завтракомъ съѣдалъ быка; поднималъ на плеча и переносилъ съ мѣста на мѣсто такой величины каменные обломки, какихъ Милонъ не въ состояніи былъ сдвинуть и съ мѣста; удерживалъ руками разомъ двухъ самыхъ злоровыхъ быковъ, поймавъ ихъ за заднія ноги, и они не могли вырваться при всѣхъ усиліяхъ. Не слабѣе Милона былъ и Полидамъ, убивавшій львовъ, останавливавшій на самомъ быстромъ бѣгу экипажи и пр.

6. Кулачный бой.

Многи говорятъ, что кулачный бой любилъ самъ Аполлонъ, явился на немъ въ Олимпіи и побѣдилъ Ареса, что Геркулесъ учился кулачному бою у Гарпалика, что

Тидеи одержалъ въ немъ побѣду при основаніи Немейскихъ игръ и пр. Знаемъ, что Юлиане упражнялись въ кулачномъ бою съ самыхъ древнѣйшихъ временъ и въ позднѣйшія пытали къ нему особенную любовь. Между Гомерическими героями, имъ славился Эпеосъ, противъ котораго на похоронныхъ играхъ въ честь Патрокла не могъ устоять Эвриалъ. Эпеосъ сознавалъ свою силу, гордился ею и высказывалъ это предъ лицомъ Ахейцъ, когда на вызовъ Ахиллеса — «руки поднять на кулачную битву», всталъ онъ и закричалъ:

Горжусь, боецъ и здѣсь первый!

Будетъ того, что между вами я воинъ не лучшій; — что дѣлать:

Смертному въ каждомъ дѣланіи быть невозможно отличимъ. Что до битвы, объявлю при всѣхъ, и исполнено будетъ:

Плоть до костей прошибу я, и кости врагу изломаю.

Пусть за моиъ сопротвнникомъ всѣ попечители выйдутъ,

Чтобъ изъ битвы унести укрошеннаго силой моею.

Такъ говорилъ онъ; и всѣ, онѣвши, молчанье хранили.

Богу подобный одинъ Эвриалъ на него подымался,

Къ битвѣ его снаряжалъ Диомедъ, копьеборецъ могучій,

Дружеской рѣчью бодря, и сердечно желая побѣды:

Бросилъ онъ заповъ ему и красно кроенные послѣ

Подаль ремни изъ степнаго вола, убитаго силой.

Такъ опоясавшись оба, выходятъ бойцы на средину.

Разомъ одинъ на другаго могучія руки заносить.

Сшиблись, сшибаются быстро подвижниковъ тяжкія руки,

Стукъ кулаковъ раздается по челюстямъ; потъ по нихъ тѣлу

Льется ручьями; какъ вдругъ приподвался могучій Эпеосъ,

Рѣзко врага оглянушагось грянулъ въ лице; и не могъ онъ

Больше стоять: подломившись, рухнулись крѣпкіе члены.

Словно съ порывомъ Бореевымъ прядеть рыба изъ моря

На берегъ мшистый, и вдругъ покрывается мутной волною:

Такъ пораженный упалъ Эвриалъ. Добродушный Эпеосъ

За руки подпалъ его; а усервныя други, предсташни,
Съ поприща въ ставъ повели, по землѣ волочащаго ноги,
Кровь извергавшаго ртомъ, и бросаващаго голову на бокъ.
Въ омокъ онъ впалъ,....

Ил. пер. Гнѣд. XXIII. 669—698.

Въ Одиссеѣ и Феаки знакомы съ кулачнымъ боемъ и упражняются въ немъ, но не признаютъ себя отличными въ этомъ состязаніи. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, самъ Алкиной сказалъ Одиссею:

Мы, я скажу, ни въ кулачномъ бою, ни въ борьбѣ не
отличны;

Быстры ногами за то несказанно и первые въ морѣ;
Любимъ обѣды роскошныя, пѣніе, музыку, пляску,
Свѣжесть одеждъ, сладострастныя бани и мягкое ложе.

Одис. пер. Жук. VIII, 246—249.

На играхъ, устроенныхъ Энеемъ въ честь Анхиза, былъ также и кулачный бой, на которомъ славный во всей Тривакріи Энтеллъ выказалъ свою непреодолимую силу.

О томъ, что въ древнѣйшія времена кулачныя бойцы являлись нагимъ на состязаніе и обвязывали только бедра поясомъ, и что Гомерическіе герои не мазались масломъ, мы уже упоминали. Знаемъ также и то, что являются совершенно нагимъ на состязаніе и намазываются масломъ дѣлалось всеобщимъ обычаемъ впоследствии. Здѣсь только замѣтимъ, что масло дѣлало болѣе гибкими члены бойца и не такъ легко пропускало потъ, отъ чего силы его не такъ скоро истощались. Бойцы выступали на состязаніе не съ голымъ кулакомъ, но вооружали его особеннымъ образомъ, отъ чего кулакъ, и безъ того не легкой у бойцовъ, получалъ еще большую тяжесть и крѣпость. То, чѣмъ вооружали, были ремни (ζαυτῆς) и назывались у Римлянъ

цестомъ (cestus). Это вооруженіе извѣстно было Грекамъ въ самой глубокой древности: оно встрѣчается уже у Гомера, какъ видно изъ вышеприведеннаго мѣста: Діомедъ подаетъ Эвриалу красиво кровавые ремни изъ кожи степнаго быка. Вооруженіе кулака въ самомъ простомъ видѣ, вѣроятво, введено было первоначально только для предохраненія его отъ поврежденія: потому древнѣйшіе цесты были мягки и не только не усиливали удара, но какъ бы смягчали и сдерживали его. По словамъ Павзанія, которые подтверждаются и Гомеромъ, древнѣйшіе цесты состояли изъ тонкихъ ремней, наръзанныхъ изъ сырой воловьей кожи; ими обвязывалась вся ладонь, кромѣ пальцевъ, оставшихся не покрытыми, чтобы удобнѣе можно было сжимать ихъ въ кулакъ. Поверхъ цеста обматывалась повязка, прикрѣплявшая его къ рукѣ. Такіе цесты оставались довольно долго въ употребленіи. Но бойцы позднѣйшаго времени не удовольствовались ими и захотѣли сдѣлать ударъ сильнѣе и дѣйствительнѣе, а потому поверхъ мягкой, сырой кожи стали подвязывать острый, рѣжущій ремень изъ сухой и твердой кожи, которымъ могли наносить вротивнику раны. Когда подобные цесты вошли въ употребленіе — не знаемъ. Изобрѣтателемъ ихъ почитаетъ схолиастъ героя Амика. Однако и такіе цесты оказались недостаточными, и потому изобрѣли другое средство, чтобы укрѣпить кулакъ и усилить и безъ того уже сильный ударъ. Съ этою цѣлю цестъ стали снабжать гвоздями, свинцовыми головками и бляхами, такъ что кулакъ, вооруженный подобнымъ цестомъ, при значительной тяжести, производилъ страшныя дѣйствія. Такое вооруженіе кулака называлось у Грековъ уже не *κραυτες*, но *σφαίραι*, вѣроятно, отъ того, что оно снабжено было шипами, головками

и вообще всякаго рода возвышеніями, похожими на пары (σφαίρα), и потому самая битва съ подобнымъ вооруженіемъ называлась σφαιρομαχία. Платонъ принимаетъ ее въ своей «Республикѣ» въ число гимнастическихъ упражненій съ тою цѣлю, чтобы дать гимнастикѣ какъ можно болѣе сходства съ настоящею битвою противъ враговъ, и чтобы такимъ образомъ упражняющіеся, подвергаясь столь видной опасности быть изуродованными и избитыми, приобрѣтали большую ловкость, поворотливость, осмотрительность и осторожность. Впрочемъ, дабы избѣжать слишкомъ дурныхъ послѣдствій отъ ударовъ кулака съ подобнымъ вооруженіемъ, во время гимнастическихъ упражненій въ гимназій или палестрѣ, покрывались эти головки (σφαίραι) еще наголовниками (ἐπισφαίραις), что дѣлало ударъ слабѣе. Но самое страшное вооруженіе кулака составляли, кажется, μύρμηκες, родъ перчатокъ; оно покрывало всю руку и, по своимъ дѣйствіямъ, называлось разламывающимъ челюсти; оно оставляло опустошительные слѣды на лицѣ и на тѣлѣ бойцовъ; голова, по выраженію Греческаго поэта, дѣлалась подобною рѣшету — такъ испещрялась дарами; бойцы оставались безъ ушей, безъ бровей, безъ носа и съ самыми изуродованными лицами.

На общественныхъ играхъ бойцы выходили на арену и вступали въ бой точно въ такомъ же порядкѣ, какъ и борцы, т. е. сначала по жребію попарно, а потомъ побѣдители между собою, такъ что награду получалъ только тотъ, кто выходилъ побѣдителемъ изъ послѣдней битвы. Разумѣется, не всѣ бойцы наблюдали одни и тѣ же приемы, вступая въ состязаніе; такъ мифы еще утверждаютъ, что Полидевкъ всегда предупреждалъ своего противника быстрымъ нападеніемъ на него, чѣмъ выигрывалъ болѣе удоб-

ное положеніе и заставлялъ своего антагониста такъ стать, что солнечные лучи ударили ему прямо въ лицо. Самый же обыкновенный приемъ смѣлыхъ, опытныхъ и хорошо обученныхъ бойцовъ состоялъ въ томъ, что они растягивали руки и, оставаясь спокойными въ такомъ положеніи, не только отклоняли отъ себя удары соперника или по крайней мѣрѣ дѣлали ихъ безвредными, но достигали еще большаго: они разгорячали этимъ и раздражали его, вызывали на большее и большее истощеніе и напряженіе силъ и часто достигали того, что заставляли его признать себя побѣжденнымъ. Таково было искусство Меланкома; онъ могъ стоять цѣлые два дня съ протянутыми руками въ одномъ и томъ же положеніи; въ битвѣ онъ не получалъ ни одного удара, и потому тѣло его не было обезображено, какъ у другихъ бойцовъ; оно было также благообразно, какъ у бѣгуновъ. Онъ самъ признавалъ самую блестящую побѣдою умѣнье побѣдить соперника и не получить отъ него ни одной раны. Такого рода битвы считались въ Греціи высокимъ совершенствомъ кулачнаго боя. Побѣдить соперника и не позволить ему наносить ни раны, ни удара было дѣйствительно торжествомъ кулачнаго боя, тѣмъ болѣе, что приходилось биться съ опытными и сильными. Такимъ точно искусствомъ отличался молодой Элеянинъ Иппомахъ, который на Олимпійскихъ играхъ, низложивши трехъ противниковъ одного за другимъ, не позволилъ имъ нанести себѣ ни удара, да даже сдѣлать царапины.

Приготовляясь дать сопернику ударъ, боецъ принималъ различныя положенія: то поднимался и становился хотя одною ногою на пальцы, наклоняясь впередъ; то, разставивъ ноги, принималъ твердое и надежное положе-

ніе, держа верхнюю часть тѣла прямо, или же немного наклоняя ее впередъ. Бойцы подавали обыкновенно шею нѣсколько назадъ, чтобы по возможности отстранять голову отъ ударовъ противника; руки ихъ приходили въ движеніе; правая преимущественно направлялась для удара, лѣвая — для защиты головы, иногда наоборотъ. Когда начинался бой, то важнѣйшею задачею было выказать не только силу, но и ловкость, хитрость и изворотливость, крѣпко сохранить приличіе и красоту положенія, и вообще дать своему тѣлу изящную форму и постановку; сумѣть воспользоваться каждымъ мгновеніемъ, каждою ошибкою и промахомъ противника и сдѣлать бесполезнымъ его удары. Глаза бойцовъ были въ постоянно-напряженномъ состояніи. Общимъ правиломъ опытныхъ бойцовъ было сберечь собственные силы, утомляя соперника, уклоняться и ловко увертываться отъ его ударовъ, которые обыкновенно направлялись на голову, на виски, уши, лобъ и носъ. Плохо приходилось не разъ и зубамъ. Рассказываютъ, что Киринеецъ Евридамъ проглотилъ свои зубы, вышибенные у него его соперникомъ, чтобы не дать замѣтить ему страшнаго дѣйствія его кулаковъ, и этимъ выигралъ побѣду, потому что состязавшійся съ нимъ потерялъ присутствіе духа, увидѣвъ, что его ударъ самый сильный и ловкій не произвелъ никакого дѣйствія. Особенно же доставалось въ бою ушамъ, для защиты которыхъ изобрѣтены были наушники, вѣчто въ родѣ шерстяной повязки, — выдумка, впрочемъ, позднѣйшаго времени.

Кулачный бой, какъ и всякое агонистическое состязаніе, подчинялся у Грековъ извѣстнымъ правиламъ. Не позволялось схватываться другъ съ другомъ и обниматься

руками; не позволялось подбивать соперника ногами, перебрасывать его чрезъ ногу и пр. Опытный боецъ имѣлъ право дѣйствовать обѣими руками съ одинаковою силою и ловкостію. Если онъ не могъ быстро увернуться отъ грозящаго ему удара, то въ правѣ былъ отбить его противопоставленнымъ ударомъ. Иные же позволяли удару достигнуть назначенной ему цѣли, съ тѣмъ чтобы нанести сопернику ударъ въ болѣе чувствительное мѣсто, или, что считалось еще лучше, воспользоваться положеніемъ соперника, сосредоточеннаго на ударѣ, и выиграть надъ нимъ гораздо болѣе выгоды. Не считалось непозволительною хитростію уклониться отъ сильно-размахнувагоса и впередъ подавшагоса соперника, съ тою цѣлію, чтобы тотъ, увлеченный собственнымъ размахомъ, потерялъ равновѣсіе и повалился на землю. Не запрещалось сильными и ловко направленными ударами свалить и сбить его съ ногъ. Но намѣренное убійство вовсе не допускалось законами. Когда на Немейскихъ играхъ бойцы Кривгъ и Дамоксъ продолжали кулачный бой до самой ночи безъ всякихъ рѣшительныхъ послѣдствій, то условились между собою нанести поочередно по удару другъ другу, и этимъ кончить битву. Кулаки ихъ вооружены были мягкими ремнями изъ сырой кожи, т. е. цестомъ перваго рода, которымъ пальцы не покрывались. Кривгъ первый отиѣсилъ своему сопернику ударъ въ голову. Дамоксъ выдержалъ его и предложилъ своему сопернику поднять руки, что тотъ и сдѣлалъ. Дамоксъ съ такою силою толкнулъ его въ животъ своими пальцами съ острыми ногтями, что прорвалъ его до внутренностей, схватилъ ихъ, вытащилъ и отбросилъ, такъ что Кривгъ тотчасъ выпустилъ духъ. За это Аргивцы прогнали Дамоска, а побѣду присудили убитому.

Впрочемъ, на кулачномъ бою, и безъ всякаго злаго умысла, иногда умирали, если не во время самой битвы, то немедленно послѣ нея.

Если бойцы истощали свои силы долговременною борьбою безъ рѣшительнаго перевѣса, то позволялось имъ нѣсколько отдохнуть. Въ такомъ случаѣ, они расходились на небольшое разстояніе, обтирали потъ и ожидали восстановления силъ. Если ослабѣвали особенно ноги, то присѣдали на колѣна. Собравшись съ силами, они снова вступали въ битву. Если бой длился и оставался не рѣшеннымъ отъ искусства и неутомимости обоихъ бойцовъ, то позволялось имъ прибѣгнуть къ такъ-называемому климаксу (хлцаѣ), состоявшему въ томъ, что соперники становились другъ противъ друга и наносили удары поочередно одинъ другому, не защищаясь и не уклоняясь отъ нихъ. Во всякомъ случаѣ, битва продолжалась до-тѣхъ-поръ, пока одинъ изъ состязателей не признавалъ себя побѣжденнымъ, вынужденный къ тому или ослабленіемъ силъ, или болью ранъ, или другими законными причинами; иногда же одинъ изъ бойцовъ, уstraшенный превосходствомъ своего сопротивника, уступалъ ему побѣду безъ бою. Признававшіе себя побѣжденными поднимали руку.

Въ древнѣйшія времена кулачный бой сопровождался игрою на флейтѣ. На Олимпійскихъ играхъ совершался онъ въ полдень, при жгучихъ лучахъ Греческаго солнца, такъ что бойцы, по выраженію Греческаго писателя, стояли на аренѣ, какъ въ печкѣ, принимая на голое тѣло солнечные лучи, подобно мѣднымъ статуямъ, борясь съ солнцемъ, пылью и нестерпимымъ жаромъ, и все изъ-за того, чтобы заслужить вѣнокъ. Какъ было на другихъ

играхъ, достовѣрно не знаемъ; но, по всей вѣроятности, и на нихъ условія боя относительно времени были тѣ же. Такимъ образомъ приобрѣтеніе побѣды на кулачномъ бою требовало не только тѣлесной силы, искусства и ловкости, но и крѣпости выдержать нестерпимый жаръ южнаго неба, къ чему не всегда были способны даже праздные зрители, подвергавшіеся отъ жару болѣзнямъ, нерѣдко смертельными.

Кулачный бой игралъ знаменитую роль въ Греческой атлетикѣ: онъ представлялъ отличное упражненіе на случай войны, лучше всякаго другаго упражненія выучивалъ бойца наносить удары самые сильныя и остерегаться отъ нихъ; приучалъ къ терпѣнію, стойкости, перенесенію болей и трудностей; доставлялъ значительную ловкость, пробуждалъ и питалъ мужество и расторопность, приучалъ глазъ къ быстротѣ и зоркости; даже въ діететическомъ отношеніи признаетъ его полезнымъ Греческая медицина, и врачъ Аретей совѣтуетъ его, какъ средство противъ головокруженія и хроническихъ головныхъ болей. Кулачный бой особенно укрѣплялъ мускулы верхней части тѣла, преимущественно же плечъ и рукъ, и потому плечи и руки у бойцовъ были сильны, крѣпки и неутомимы. Кулакъ отъ долговременнаго употребленія и упражненія получалъ иногда такую силу и твердость, что могъ разбивать дерево, камень и другія твердыя тѣла.

Между Греческими городами и государствами отличались кулачными бойцами преимущественно Родосъ, Эгина, Аркадія и Элида. Правда, и другія мѣста доставляли кулачныхъ бойцовъ не меньше. Много было въ Греціи славныхъ бойцовъ, воспѣтыхъ поэтами и увѣковѣченныхъ художниками въ изящныхъ произведеніяхъ пластики; но

всѣхъ превосходилъ славою и блескомъ побѣдъ Діагоръ Родосскій; воспѣтый Пиндаромъ. О смерти его разсказываютъ слѣдующее: однажды на старости лѣтъ пришелъ Діагоръ на Олимпійскія игры вмѣстѣ съ двумя старшими сыновьями; они, одержавъ побѣду на состязаніяхъ, подняли отца своего на руки, увѣчаннаго тоже многими побѣдными вѣнками и пронесли его среди всего собравшагося на игры народа, который привѣтствовалъ старика и называлъ его счастливымъ. Послѣ того подошелъ къ нему Спартавецъ и сказалъ: умири, Діагоръ, ибо ты не взойдешь на небо. Эти словами онъ хотѣлъ выразить, что Діагоръ достигъ высочайшаго счастья, возможнаго человѣку на землѣ; больше ему нечего желать; небо же для него, какъ для смертнаго, недоступно. Растроганный старикъ не могъ вынести сильныхъ, потрясающихъ ощущеній, и въ глазахъ изумленныхъ зрителей испустилъ духъ. Какъ высоко цѣнили Греки побѣду атлета на общественныхъ играхъ, видно изъ того, что иной городъ давно уже не существовалъ и слѣды его давно уже изгладились, но имя его сохранялось въ потомствѣ по воспоминанію о какомъ-нибудь побѣдителѣ на общественныхъ играхъ, происходившемъ изъ того города. Такъ случилось съ Наксосомъ въ Сициліи: имя его увѣковѣчилось въ потомствѣ черезъ бойца Тизандра. Одинъ изъ знаменитѣйшихъ бойцовъ былъ Феогаонъ, прозванный за силу сыномъ Геркулеса и получавшій по смерти, какъ герой, жертвоприношенія. На своей жизни онъ одержалъ 1200, или 1400 побѣдъ,—число, до котораго никто не достигалъ въ цѣлой Греціи. О бойцѣ Никофонѣ Милетскомъ говорили, что видъ его могъ бы устрасить самаго Олимпійскаго Зевеса: такъ онъ былъ страшенъ.

7. ПЕНТАОЛОНЪ — ПЯТЬ ИГРЪ.

Кратный очеркъ описанныхъ гимнастическихъ игръ можетъ служить достаточнымъ свидѣтельствомъ, до какаго высокаго развитія доведена была у Грековъ гимнастика, и съ какимъ разнообразнымъ искусствомъ исполнялась она на общественныхъ играхъ. Но Греки не останавливались на томъ, что нами до-сихъ-поръ описано; имъ захотѣлось достигнуть въ гимнастикѣ еще большаго и высшаго; испытать, до чего можетъ совершенствоваться тѣлесная природа человѣка, до какихъ предѣловъ могутъ развиваться его физическія силы: они изобрѣли сложныя игры — *пентаолонъ* и *панкратионъ*. Пентаолонъ, или пять игръ, слагался изъ упомянутыхъ уже нами игръ, за исключеніемъ кулачнаго боя, который не входилъ въ составъ его. Само собою разувѣется, что пентаолонъ не былъ извѣстенъ Грекамъ въ древнѣйшія времена; онъ есть изобрѣтеніе позднѣйшаго времени. Вызванный и осуществленный высокимъ развитіемъ гимнастики и агонистики, пентаолонъ представляетъ самую блестящую сторону Греческаго образованія въ гимнастическомъ отношеніи, самое разнообразное проявленіе силы и ловкости древняго Грека. Пентаолонъ условливался полнымъ и всестороннимъ развитіемъ всего тѣлеснаго человѣка; онъ обнималъ организмъ его во всѣхъ разнообразными его силами; онъ не требовалъ развитія одной части на счетъ другой, но уравнивалъ и развивалъ ихъ въ стройномъ согласіи. Игры, составлявшія пентаолонъ, совершались всѣ въ одинъ день, къ извѣстному порядку, безъ отдыха и перерыва. Слѣдовательно, гимнастическое образованіе изучающихъ гимнастику для пента-

елона и являвшихся въ немъ на состязаніе, было гораздо разнообразіе, стройнѣе и полнѣе, чѣмъ всякаго другаго, который опытенъ былъ въ одномъ какомъ-либо родѣ игры. Пентаэлозь — такъ назывался изучавшій пять игръ — не посвящалъ себя исключительно одному роду упражненій; онъ занимался всѣми пятью въ равной степени, и былъ одинаково опытенъ въ нихъ. Но, выигрывая въ разнообразіи и, слѣдовательно, избѣгая односторонности, онъ терялъ въ подробностяхъ и мелочахъ, съ которыми былъ знакомъ тотъ только, кто посвящалъ себя исключительно одному роду игръ и имѣлъ время и возможность изучить свое отдѣленіе до самыхъ тонкихъ мелочей и подробностей и развиваться въ немъ до изумительнаго совершенства. Пентаэлозь уступалъ любому атлету въ собственномъ отдѣленіи послѣдняго, но онъ выше былъ всѣхъ атлетовъ по общему развитію и всестороннему разнообразію; своему пентаэлозсы рѣдко вступали въ состязаніе съ тѣми, которые занимались однимъ родомъ игръ, одною стороною гимнастики, хотя бывали и такіе, которые оставались побѣдителями и на пентаэлонѣ и на отдѣльныхъ играхъ.

Такъ какъ пентаэлонъ составлялся изъ пяти игръ, то, безъ всякаго сомнѣнія, при исполненіи его, слѣдовало какому-нибудь порядку. Указать этотъ порядокъ чрезвычайно трудно; сами древніе ничего не говорятъ о томъ ясно и положительно; есть нѣсколько указаній и извѣстій противорѣчащихъ; на нихъ-то основывались новѣйшіе изслѣдователи этого вопроса, и потому до-сихъ-поръ нѣтъ объ немъ свѣдѣній, окончательно рѣшающихъ дѣло. По мнѣнію Бѣка, пентаэлонъ начинался прыганьемъ и оканчивался борьбою, которая отнесена на послѣднее мѣсто: потому

что составляла одну изъ самыхъ трудныхъ игръ. Она совершенно истощила бы силы состязателя и сдѣлала бы его почти неспособнымъ къ прочимъ четыремъ играмъ, еслибы помѣщена была въ главѣ состязанія. Гермаитъ, напротивъ, опровергая мнѣніе Бѣка, принимаетъ слѣдующій порядокъ: бѣгъ, прыганье, борьба, дискъ и бросаніе дротика. Третій ученій, Филиппъ, послѣ подробнаго и осмотрительнаго изслѣдованія, принимаетъ еще иной порядокъ; вмѣстѣ съ Бѣкомъ, онъ считаетъ началомъ пентаэлона прыганье, а концемъ—борьбу; но три остальныхъ располагаетъ иначе, такъ что, по его мнѣнію, за прыганьемъ слѣдовалъ дискъ, потомъ—бѣги, далѣе—метаніе дротика. Краузе, не принимая исключительно ни одного мнѣнія, думаетъ, что въ пентаэлѣ первымъ состязаніемъ было прыганье, которое онъ признаетъ какъ бы введеніемъ, испытаніемъ ловкости и гибкости тѣла, столько необходимой для успѣшнаго исполненія игръ въ пентаэлѣ. Второй игрой во времена Симоида и Пиндара былъ бѣгъ, за тѣмъ бросаніе диска, метаніе дротика и наконецъ борьба. Въ позднѣйшія времена, быть можетъ около 77 олимп., произошли нѣкоторыя измѣненія въ порядкѣ, такъ что бѣги перенесены на четвертое мѣсто, и имъ предшествовали прыганье, бросаніе диска и метанье копья, а борьба все-таки оставалась окончаніемъ пяти игръ. По мнѣнію Краузе, бѣгъ на пентаэлѣ былъ самый простой и легкій, или же только двойной, но рѣшительно не допускались болѣе трудные роды бѣговъ, напр. съ оружіемъ, которые повели бы къ излишнему утомленію, не нужному истощенію силъ, тѣмъ болѣе, что въ пентаэлѣ требовалась не столько сила, сколько ловкость и гибкость тѣла. Краузе тоже принимаетъ борьбу за послѣднее состязаніе пентаэла, на томъ основа-

ніи, что еслибы предшествовала бросанію диска и метанію дротика: то, утомивъ руки, сдѣлала бы ихъ или со-всѣмъ не способными къ надлежащему употребленію для диска, или же, по-крайней-мѣрѣ, значительно ослабила бы ихъ. Таковы мнѣнія ученыхъ объ этомъ предметѣ. Во всякомъ случаѣ, чѣмъ бы ни начинался пентаөлъ и въ какомъ бы порядкѣ ни совершался, одно только можно утвердительно допустить, что онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ начинаться борьбою, сямою тяжелою изъ пяти игръ, и что самое приличное мѣсто ей было послѣднее, какъ окончаніе состязанія, рѣшавшее побѣду.

Какія правила наблюдали Греки, при совершеніи состязанія пентаөлосами на общественныхъ играхъ, тоже трудно рѣшить: потому что объ этомъ нигдѣ ничего не говорится у древнихъ писателей. Безъ всякаго сомнѣнія, число пентаөлосовъ всякій разъ на играхъ не могло быть велико; во все-же было больше двухъ. Далѣе, еслибы пентаөлонъ состоялъ изъ такихъ игръ, какъ прыганье, бросаніе диска и метаніе копья, то нечего было бы и затрудняться вопросомъ о правилахъ: тутъ сами игры рѣшаютъ его, допуская на состязаніе разомъ всѣхъ желающихъ участвовать и не требуя повторительнаго состязанія оставшихся побѣдителями; тутъ любое число состязателей могло показывать свои силы и ловкость по порядку, другъ за другомъ, какъ указывалъ вынутый жребій. Но къ пентаөлону принадлежали еще бѣги и борьба; они-то преимущественно, особенно же послѣдняя, представляютъ затрудненія. Полагаютъ, что бѣги совершались и на пентаөлѣ точно такъ же, какъ на отдѣльномъ состязаніи, т. е. что сначала совершали бѣгъ отдаленія, а потомъ оставшіеся побѣдителями въ каждомъ отдѣльномъ словѣ вступали въ

состязаніе. Вѣроятно, такого же точно порядка держались и при борьбѣ, такъ что, если оставалось изъ борьбѣ три соперника, то сначала боролись два; третій же, какъ эедръ, вступалъ въ борьбу съ побѣдителемъ; если оставалось четыре, то сначала боролась первая пара, потомъ вторая, наконецъ оставшіеся побѣдителями въ первыхъ двухъ парахъ и т. д., — однимъ словомъ, порядокъ, вѣроятно, наблюдался тотъ же, какому слѣдовали и въ томъ случаѣ, гдѣ борьба исполнялась отдѣльно. Замѣтимъ при этомъ, что послѣ каждой состязанія въ новое вступали, вѣроятно, не всѣ, явившіеся на пентаэолѣ, но только тѣ, которые счастливо и удачно кончили первое испытаніе и вышли изъ него побѣдителями. Такимъ образомъ, въ случаѣ даже значительнаго числа лицъ, вызвавшихся на состязаніе въ пентаэолѣ, оно уменьшалось послѣ каждой игры, и къ последнему состязанію могло остаться слишкомъ не великимъ, такъ что въ борьбу, если только она была послѣднимъ испытаніемъ, вступали очень не многіе. Вообще, нужно признаться, эта сторона Греческаго пентаэола совершенно до-сихъ-поръ не разгадана, не смотря на усилія ученыхъ разъяснить по возможности вопросъ.

Основываясь на нѣкоторыхъ намекахъ, предполагаютъ, что пентаэолъ не всегда совершался во всѣхъ своихъ частяхъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ ограничивался только тремя состязаніями, что и называлось «три игры» (τριαγμός). Но в отношеніи этого предмета ученые не соглашаются между собою. Одни утверждаютъ, что для полученія награды на пентаэолѣ непременно нужно было одержать побѣду на всѣхъ пяти состязаніяхъ. Исключеніемъ могло быть одно только обстоятельство, именно: если одинъ изъ состязавшихся, послѣ перваго или втораго испытанія, при-

знавалъ превосходство своего соперника, и потому, отказавшись отъ дальнѣйшаго съ нимъ состязанія, уступалъ ему побѣду, которая такимъ образомъ доставалась послѣднему послѣ одного или двухъ опытовъ. Другіе, напротивъ, думаютъ, что для достиженія побѣды не было никакой нужды совершать всѣ игры и остаться на нихъ побѣдителемъ, но что побѣду рѣшалъ третій или же четвертый опытъ. Краузе, не отвергая вполне ни того, ни другаго мнѣнія, предполагаетъ, что пентаэлонъ въ началѣ своего учрежденія требовалъ непременно совершенія всѣхъ пяти игръ, и что ни въ какомъ случаѣ не позволялось сокращать его. Впослѣдствіи же различныя обстоятельства могли привести къ той мысли, что не всегда нужно совершать пентаэль во всей полнотѣ, а что можно и даже позволительно сократить его, такъ что для полной и совершенной побѣды достаточно было трехъ испытаній, и это-то называлось «три игры». Какіи именно были игры, входившія въ триагмъ, нигдѣ ясно не говорится. Даже и самый триагмъ упоминается только у позднѣйшихъ писателей — у Плутарха, Поллукса и схолиастовъ. Пентаэль, какъ выше было замѣчено, совершался въ одинъ день и, по всему вѣроятію, въ полдень, при жгучихъ лучахъ Греческаго солнца. Это уже одно достаточно оправдываетъ мнѣніе объ немъ Павзанія, какъ о самомъ трудномъ состязаніи.

Пентаэль, по своему разнообразію, былъ однимъ изъ самыхъ превосходныхъ зрѣлищъ въ древней Греціи. Онъ былъ преимущественно дѣломъ молодыхъ и сильныхъ Грековъ. Для пентаэла требовалась соразмѣрность силъ во всѣхъ членахъ, всесторонняя ловкость и совершенно гармоническое образованіе во всѣхъ частяхъ тѣла.

Тутъ требовались вѣрность глаза, ловкость крѣпость рукъ, быстрота и неутомимая сила ногъ, соразмѣрная стройность и непобѣдимая крѣпость всего тѣла. Оттого-то Аристотель считаетъ пентаэловъ прекраснѣйшими агонистами.

При всей трудности одержать побѣду на пентаэлѣ, немало однако Грековъ достигли такого совершенства, и имена ихъ переданы потомству въ сочиненіяхъ Греческихъ писателей и въ памятникахъ пластики. Еленинъ Горгосъ остался четыре раза побѣдителемъ въ пентаэлѣ на Олимпійскихъ играхъ. Земляку его Стомию достались три награды за побѣды въ пентаэлѣ. Онъ же отличился и на войнѣ, какъ предводитель Елейской конницы, и въ единоборствѣ убилъ предводителя враждебной стороны. Аргивянинъ Эврибать тоже одержалъ побѣду въ пентаэлѣ на Немейскихъ играхъ. Избранный Стратегомъ (военачальникомъ) и имѣя тысячу волонтеровъ, онъ явился изъ Аргоса на помощь Эгицианамъ въ войнѣ ихъ противъ Аѳинянъ, въ единоборствѣ убилъ трехъ противниковъ одного за другимъ и наконецъ палъ отъ четвертаго. Въ пентаэлѣ особенно отличались Спартанцы и Кротонцы, также Елеяне. Изъ Кротонцевъ особенно извѣстенъ Фаилдосъ, который прыгалъ на 55, а дискъ бросалъ на 95 Олимпійскихъ футовъ, — что, перевода на нашу мѣру, составитъ болѣе 13 и 24 сажень. Эгину прославляетъ Пиндаръ, называя ее любительницею пентаэла. Многие изъ пентаэлозовъ воспроизведены въ изящныхъ созданіяхъ Греческихъ ваятелей. Извѣстно, что въ Дельфахъ были пентаэлосы работы славнаго въ древности художника Мирона. Ученикъ Фидіаса Алкамень произвелъ одного пентаэлоса, которого высоко цѣнили въ древности и называли образъ

цовымъ (ἐχρησίζετο). Изображенія пентаалосовъ встрѣчаются и на рѣзныхъ камняхъ.

8. ПАНКРАТІОНЪ.

Панкратіонъ составлялъ второе, столько же высокое дѣленіе Греческой гимнастики и агонистики, какъ и пентаалонъ, но и менѣе разнообразное. Слагался онъ изъ двухъ самыхъ трудныхъ гимнастическихъ упражненій — борьбы и кулачнаго бою, уступалъ пентаалу въ томъ разностороннемъ дѣйствіи, какое оказывалъ послѣдній на все тѣло; но бралъ надъ ними перевѣсъ въ развитіи неустранимости, въ приученіи къ терпѣнію, стойкости и неуязвимости къ тѣлеснымъ болямъ.

Панкратіонъ, какъ и пентаалонъ, не былъ извѣстенъ въ Гомерическія времена; въ первый разъ панкратіонъ появился на Олимпійскихъ играхъ въ 33 ол. Судя уже по самому имени, панкратіонъ было состязаніе непобѣдимыхъ, несокрушимыхъ, сильныхъ и необыкновенно здоровыхъ атлетовъ. Онъ былъ самымъ многотруднымъ состязаніемъ; для него требовались дѣятельность и напряженіе во многихъ случаяхъ почти сверхъестественныя, изумительныя. Въ панкратіонѣ находили примѣненіе въ совокупности всѣ тѣ средства защиты и наваденія, о которыхъ упомянуто отдѣльно, при описаніи борьбы и кулачнаго боя. Здѣсь-то особенно нужна была не только тѣлесная сила, воставлявшая, разумѣется, важнѣйшее условіе, но и умѣнье воспользоваться ею и употребить ее въ дѣло съ искусствомъ. Одна сила, и самая громадная, безъ развитія, ловкости и опытности, не могла доставить побѣды панкратиату, ему невремѣнно нужно было вполнѣ озна-

комиться и освоиться со всеми уловками и хитростями, употребительными на играхъ; онъ долженъ былъ обладать невозмутимымъ присутствіемъ и спокойствіемъ духа, умѣніемъ не утомляться и переносить боль, способностію не теряться и владѣть собою въ продолженіе всей борьбы, въ минуты грозящей опасности, и въ виду наступающей побѣды.

Панкратиасты исполняли борьбу и кулачный бой на общественныхъ играхъ голые, намазавшись масломъ. У нихъ кулакъ и ладонь не обматывались ремнями, какъ у кулачныхъ бойцовъ. Цѣль этого измѣненія, очевидно, была не та, чтобы ослабить ударъ кулака, а чтобы дать рукамъ больше свободы для движеній, что было необходимо для борьбы. Отсюда, впрочемъ, не слѣдуетъ, что битва въ панкратионѣ была не такъ страшна по своимъ послѣдствіямъ. Многіе изъ панкратиастовъ были лучшіе кулачные бойцы, которые, не вооружая кулака, умѣли надѣлать другъ друга страшными ударами. Судя по изображеніямъ панкратиастовъ, можно думать, что они убрали голову особеннымъ образомъ: они коротко стригли волосы и только на задней части головы оставляли пучекъ волосъ. Впрочемъ, коротко стригли голову и бойцы, дабы нельзя было во время боя схватывать другъ друга за волосы.

На общественныхъ играхъ панкратиасты вступали въ состязаніе попарно, по жребію, подобно борцамъ и кулачнымъ бойцамъ. Здоровые, сильные и искусные атлеты часто объявляли себя готовыми выдержать въ одинъ и тотъ же день и панкратионъ и борьбу, или же панкратионъ и кулачный бой одинъ за другимъ. Но если вызвавшійся на подобный трудъ, отъ истощенія силъ въ первой борьбѣ, не въ состояніи былъ начать или выпол-

интъ второй, то его наказывали штрафомъ. Такъ случилось съ Фазоскимъ атлетомъ Феагеномъ на Олимпійскихъ играхъ: онъ вызвался на кулачный бой и на панкратионъ; въ первомъ онъ остался побѣдителемъ; но второго, истощенный своимъ соперникомъ Евонимомъ, не могъ исполнить. Гелландики осудили его къ тройному штрафу: его обязали заплатить талантъ священнаго штрафа въ пользу Олимпійскаго храма; талантъ Евониму за оскорбленіе его, состоявшее въ томъ, что Феагенъ вызвался на кулачный бой изъ самонадѣянности, изъ высокомернаго желанія отнять награду у Евонима, и наконецъ особыя деньги Евониму же въ вознагражденіе. Панкратионъ, какъ и всѣ тяжелыя гимнастическія упражненія, совершался въ полдень; одинъ только разъ, въ 77 олимп., случилось, что онъ затянулся до ночи. Впослѣдствіи это не допускалось.

Состязаніе на панкратионѣ начиналось и исполнялось точно такимъ же образомъ, какъ и въ борьбѣ и кулачномъ бою: панкратиасты протягивали и растягивали руки, служившія вмѣстѣ и защитой отъ ударовъ въ голову и лицо, и средствомъ къ нападенію. Схватившіеся панкратиасты употребляли, разумѣется, въ дѣло и руки, и ноги, и вообще всѣ уловки и движенія, упомянутыя при борьбѣ и на кулачномъ бою. Вступивши въ состязаніе, старались захватить руки у соперника и скрутить ихъ, также схватить его за шею, сжать ее и, подъ опасеніемъ удушенія, заставить его признать себя побѣжденнымъ. Иногда стремительно и со всею силой нападали на соперника и старались сразу повалить его на землю. Если это удавалось, то начиналась лежащая борьба со всѣми возможными уловками, поворотами, сплетеніями, скручиваніями, истощавшими и утомлявшими обонхъ, такъ что иногда одинъ, иногда и

оба не въ состояніи уже были двигаться и такимъ образомъ битва прекращалась: или совсѣмъ, если одинъ изъ ратовавшихъ давалъ знакъ другому, признавая себя побѣжденнымъ; или же на время, пока одинъ успѣвалъ ускользнуть отъ другаго посредствомъ какой-либо хитрой уловки, обманчиваго движенія, либо сильнаго толчка, или же пока состязающіеся, истощенные въ силахъ, отдыхали и собирались съ новыми силами, чтобы снова начать борьбу для окончательнаго рѣшенія ея. Признававшіе себя побѣжденными поднимали руку, или же выражали то же словами, либо инымъ образомъ. Для панкратиастовъ точно такъ же, какъ и для борцовъ и кулачныхъ бойцовъ, важнымъ условіемъ была дородность, которая дѣлала неудобноспланнымъ желаніе сбить и повалить соперника, а между тѣмъ утомляла, стѣсняла, верѣдко пересиливала одного изъ состязающихся. Панкратиасты, при упадкѣ истинной гимнастики, были высоко уважаемы и цѣнимы въ періодъ Римскихъ императоровъ, и долго составляли любимое зрѣлище для народа; даже въ позднѣйшія времена, при Юстиніанѣ, любовь къ нимъ и страсть нисколько не уменьшилась въ душѣ Грековъ, которые охотно и со всею готовностію собирались смотрѣть на нихъ, своихъ любимцевъ, и рукоплескать имъ.

Панкратионъ и пентаэлонъ были самыми блестящими проявленіями Греческой гимнастики и агонистики. По самому составу ихъ видно, что они рѣзко отличались другъ отъ друга и требовали совершенно различныхъ условій: успѣхъ въ пентаэлонѣ, состоявшемъ, какъ уже знаемъ, изъ легкихъ и тяжелыхъ упражненій, условливался ловкостію, гибкостію и проворствомъ всѣхъ членовъ тѣла; панкратионъ, напротивъ, составленный исключительно изъ

тяжелыхъ игръ, требовалъ, какъ непремѣннаго условія, тѣлесной силы, крѣпкой и неутомимой; быстрота и ловкость, составлявшія первое условіе пентаэлона, были здѣсь на второмъ планѣ; общаго между тѣмъ и другимъ состязаніемъ была одна борьба. Очевидно, что не легкую задачу брался рѣшить тотъ, кто хотѣлъ быть вмѣстѣ и хорошимъ панкратиастомъ и хорошимъ пентаэлосомъ. Достигнуть совершенства разомъ въ томъ и другомъ родѣ было бы самымъ высокимъ торжествомъ Греческой гимнастики и агонистики. Но рѣшеніе этой задачи представляло столько условій разнородныхъ и трудныхъ, требовало столько разнообразныхъ качествъ, иногда уничтожавшихъ одно другое, — напр. легкость, необходимая для бѣговъ, и дородная полнота, необходимая для кулачнаго боя и для борьбы, — что не удивительно, если Греція не представила намъ ни одного атлета, который бы соединялъ въ себѣ то и другое. Только панкратиастъ Феагенъ успѣлъ въ нѣкоторой степени достигнуть этого недосигаемаго совершенства въ Греческой агонистикѣ: онъ, говорятъ, рѣшился однажды въ Фессалійской Фтѣи вступить въ состязаніе въ длинномъ бѣгѣ и одержалъ побѣду. Феагену, достигшему совершенства въ бѣгѣ, безъ сомнѣнія, не трудно было достигнуть его и въ прыганьи; бросаніе же диска и дротика не могло затруднить его, какъ сильнаго и ловкаго атлета.

Но за то высочайшею достижимою славою для Грека древнихъ временъ было въ одинъ и тотъ же день одержать побѣду на борьбѣ и панкратионѣ. Совершавшіе такой подвигъ на Олимпійскихъ играхъ назывались наследниками Геркулеса и имъ вѣли особый счетъ; имена ихъ провозносились съ особеннымъ уваженіемъ и передавались

на удивленіе потомству. Какъ были трудны подобныя подвиги, видно изъ того, что до 142 олимпіады не было ни одного атлета, которой исполнилъ бы то и другое надлежащимъ образомъ на Олимпійскихъ играхъ. Въ эту только олимпіаду первый Капръ изъ Елен одержалъ такую побѣду и названъ вторымъ Геркулесомъ. Побѣда его была тѣмъ замѣчательнѣе и тѣмъ удивительнѣе, что на его долю досталось состязаться съ двумя знаменитостями агонистики. Это былъ Элеянинъ Пеаніонъ и Фивянинъ Клитоммахъ: первый одержалъ уже три побѣды на Олимпійскихъ и Пелійскихъ играхъ, и въ томъ числѣ двойную — на борьбѣ и на кулачномъ бою; второй на Исемійскихъ играхъ побѣдилъ въ одинъ день три раза на борьбѣ, кулачномъ бою и панкратионѣ. Побѣдить такихъ соперниковъ въ одинъ день, дѣйствительно, было дѣломъ изумительнымъ и невѣроятнымъ. Подвигъ Капра легко могъ напомнить Грекамъ Геркулеса и его необычайную силу, и навести на ту мысль, чтобы и его назвать вторымъ Геркулесомъ. Подобныхъ Капру лицъ Греція насчитываетъ не много, именно: со включеніемъ Капра, не больше девяти или десяти, въ промежутокъ времени отъ 142 до 240 олимпіады.

Одержавшій побѣду на одномъ изъ четырехъ священныхъ агоней носилъ у Грековъ особое названіе—героникъ. Гораздо славнѣе, разумѣется, было одержать побѣду въ продолженіе одного четырехлѣтія на всѣхъ четырехъ агонахъ въ какомъ-нибудь отдѣленіи гимнастическихъ игръ. Такія лица назывались періодониками, потому-что они совершали какъ бы кругъ побѣды (περίοδος). Это было высокою и блестящею славою въ древней Греціи. Къ сожалѣнію, намъ извѣстны имена немногихъ періо-

довиковъ, не потому, что ихъ было мало, но потому, вѣроятно, что многіе періодоники или не были совсѣмъ отмѣчены, или побѣды ихъ отмѣчены не на всѣхъ играхъ, — что особенно случалось съ побѣдителями на Исемійскихъ и Немейскихъ играхъ. При всемъ томъ, имена нѣкоторыхъ дошли до насъ: мы знаемъ Феагена, имѣвшаго 1400, а по Плутарху—1200 побѣдныхъ вѣнковъ, извѣстнаго Милона и другихъ.

9. Бѣги на колесницахъ.

Описанныя до-сихъ-поръ игры составляли достояніе каждаго Грека; онѣ были доступны для богатаго и бѣднаго, не требовали особыхъ издержекъ и тратъ; нужны были только охота, желаніе и постоянное упражненіе, при извѣстномъ устройствѣ тѣла. Слѣдовательно, эти игры и упражненія были вполнѣ народныя. О бѣгахъ на колесницахъ того же нельзя сказать. Они составляли исключительную принадлежность людей богатыхъ и знаменитыхъ, — сильныхъ земли. Таковъ былъ Алкивіадъ, страстно любившій ристанія и обращавшій особенное вниманіе на воспитаніе и выправку отличныхъ рысаковъ, составлявшихъ гордость, украшеніе и славу его.

Ристанія на колесницахъ имѣли у Грековъ высокое значеніе уже въ древнѣйшія времена героическаго періода. Любовь и уваженіе къ ристаніямъ прямо вытекали изъ тогдашней жизни. Въ тѣ времена герои и первенствующие изъ народа являлись на битву не пѣшіе и не верхомъ, но выѣзжали на колесницахъ. Слѣдовательно, ристанія были потребностію общества, духомъ тогдашняго народа; они развивали и поддерживали искусство бѣгать на коле-

спизахъ и править ими. И потому, ничуть не удивительно, если еще въ мифическихъ преданіяхъ встрѣчаются рассказы о подобныхъ ристаніяхъ и объ отличныхъ наѣздникахъ. Не упоминая о другихъ, которыхъ было много, мы укажемъ на Кастора, отличнаго наѣздника и ристальника. Не говоримъ уже о Геркулесѣ, который, обучившись этому искусству у своего отца Амфитріона, одержалъ много блестящихъ побѣдъ на ристаніяхъ. Не можемъ не упомянуть объ Эномаѣ, который въ награду побѣдителю на ристаніяхъ предлагалъ дочь свою Гипподамію.

При такомъ направленіи, страннымъ было бы не встрѣтить ристанія на похоронныхъ играхъ въ честь убитаго Патрокла, и мы находимъ ихъ. Многіе изъ Греческихъ вождей, какъ-то: Эвмелъ, Диомедъ, Менелай, Антилохъ и Меріонъ приняли участіе въ состязаніи и старались выказать превосходство своихъ коней и собственное искусство править ими. Сынъ только Пелея, быстроногіій Ахиллесъ, раздаватель наградъ, не участвовалъ въ ристаніяхъ; онъ не считалъ приличнымъ для себя принимать участіе въ состязаніи на погребальномъ праздникѣ въ память своего друга; безутѣшный, онъ не хотѣлъ себѣ отличій и похвалъ, искалъ только достойнымъ образомъ почтить память милаго ему Патрокла.

Я, безъ сомнѣнія, первая въ подвигахъ взялъ бы награды (говорилъ онъ).

Знаете, сколь превосходны мои благородные кони,
Дѣти породы бессмертной: отцу моему ихъ Пелею
Самъ Посидонъ даровалъ; а отецъ мой мнѣ подарилъ ихъ,
Но не вступлю я въ споръ, ни мои звуковогіе кони.
О, потеряли они знаменитаго ихъ властелина,
Друга, который бывало самъ ихъ волнистыя гривы

Чистой водой омывалъ и умащивалъ свѣтлымъ елеемъ.
 Нынѣ они по возницѣ тоскуютъ; стоятъ разостлавши
 Гриву по праху: стоятъ неподвижно унылые сердцаемъ.

Ил. пер. Гн. XXIII, 275—284.

Изъ всѣхъ игръ, изображенныхъ Гомеромъ, на долю ристаній осталось самое подробное и картинное изображение.

Разомъ возницы на коней бичи занесли для ударовъ;
 Разомъ браздами хлестнули, и голосомъ крикнули грознымъ
 Полные рвенья; и разомъ помчались по полю кони
 Вдоль отъ судовъ съ быстротою ужасною; пыль изъ-подъ-
 стопъ ихъ
 Стала, взвиваясь на воздухъ, какъ туча, какъ сумрачный
 вихорь.

Длиныя гривы коней развѣваются вѣвнемъ вѣтра;
 Ихъ колесницы летящія, то до земли прикоснутся,
 То, высоко отраженные, взбросятся; гордо возницы
 Въ пыльныхъ стоятъ колесницахъ; трепещетъ у каждого
 сердце,

Жадное славы: каждый коней ободрительнымъ крикомъ
 Гонитъ; и кони летятъ, по ристалищу пыль подымая.

Ил. пер. Гнѣд. XXIII, 362—372.

Между тѣмъ, пока ристаніе совершается, Ахев, сидя на площади, принимаютъ въ немъ живѣйшее участіе: вперивъ глаза въ даль, они ждутъ съ нетерпѣніемъ, чьи кони покажутся впереди всѣхъ. Идоменей первый распозналъ коней, и примѣтивъ ихъ прежде другихъ, выразилъ, что, вѣроятно, передній ристатель былъ Діомедъ. Изъ-за этого завязался споръ между нимъ и Аяксомъ, — споръ, который могъ бы перейти въ настоящую ссору, еслибы Ахиллесъ, вмѣшавшись въ него, не умирилъ обоихъ раздраженныхъ героевъ, а приближившіеся кони не рѣшили окончательно спора. Еще Ахиллесъ

Говорилъ, какъ летящій къ концу Діомедъ показался.
Хлещетъ съ плеча овъ бичемъ по конямъ; а дымящіеся
кони

Скачутъ высоко и съ скоростью дивной летать по дорогѣ;
Брызги песка отъ копытъ непрерывные прыщутъ въ
возницу;

Пышная, оловомъ, златомъ нарядная веругъ колесница
Быстро за бурными конями катится; слѣдъ за собою
Шины колесныя, тяжкія мѣдью, по тонкому праху
Чуть оставляютъ; съ такою горячностью кони летѣли!
Сталъ среди круга ристатель торжественный; съ пламен-
ныхъ коней

Потъ и отъ выи и отъ персей потоками лился на землю.
Быстро на доль Діомедъ съ колесницы сіяющей прынулъ,
Бичъ къ ярму прислонилъ; и не медлилъ сиюдвижникъ героя,
Сильный Соепель: приближалъ и съ веселіемъ взялъ овъ
награду
Ibid. 499—511.

Въ Гомерическія времена ристанія совершались въ боевыхъ колесницахъ на двухъ коняхъ, точно въ такихъ-же, какъ Греки выѣзжали тогда на битву, съ тою только разницею, что въ послѣднемъ случаѣ правилъ лошадью возничій, а въ первомъ обходились безъ него, потому-что сами состязающіеся становились на колесницу и правили конями. Для ристаній избирали чистое поле, по возможности гладкое и ровное, безъ всякихъ искусственныхъ приготовленій; цѣлью, вокругъ которой слѣдовало объѣзжать, назначали какую-нибудь примѣту, столбъ; пространство опредѣляли такое, какое было достаточно для того, чтобы объѣхать разъ. Чтобы выиграть побѣду, требовались искусство и ловкость; при помощи ихъ, слѣдуя наставленіямъ старика Нестора, Антилохъ опередилъ Менелая, хотя имѣлъ

и худшихъ кошей. Настигая Менелая, Антилохъ понукаетъ своихъ кошей не бичемъ, но просьбами:

О, выноситесь впередъ, разстилайтесь кони быстрѣ:
 Я не насилую васъ быстротой состязаться съ конями
 Сына Тидеева храбраго, кони Паллада богиня
 Легкость сама даровала и славой возницу покрыла.
 Нѣтъ, лишь коней Менелая догонимъ, друзья, не отстанемъ!
 Быстро впередъ! чтобы васъ всенародно стыдомъ не покрыла
 Эоя; она кобылица; а вы, дорогіе, отстали!
 Вамъ говорю я, и слово мое совершится сегодня:
 Болѣе нѣги себѣ отъ владыки народовъ Нелюда
 Дома не ждите: убѣтъ васъ сегодня же острую мѣдью,
 Если по дѣлности взяшей награду послѣднюю снищемъ.
 О, настигайте скорѣе, какъ можно скорѣе скачите!
 Я-жь постараюсь самъ, и искусно выгадывать буду,
 Какъ обскатать намъ на узкой дорогѣ; въ обманъ я не дамъ.

Ibid. 403—416.

На общественныхъ играхъ героическаго періода, ристанія на колесницахъ являются во главѣ гимнастическихъ игръ и открываютъ состязаніе.

Въ послѣдствіи, въ историческія времена, ристанія совершались гораздо съ большимъ разнообразіемъ и порядкомъ: на Олимпійскихъ играхъ состязались въ колесницахъ на двухъ и на четырехъ коняхъ. Замѣчательно, что ристанія на двухъ коняхъ, бывшія въ общемъ употребленіи въ Гомерическія времена, пашли доступъ на Олимпійскія игры гораздо позже ристанія на четырехъ; послѣднія явились въ первый разъ въ 25 олим., а первыя только въ 93. Еще больше внесено разнообразія въ ристанія съ тѣхъ-поръ, когда введены бѣги на жеребенкахъ, сначала на четырехъ—въ 99 ол., а потомъ на двухъ — въ 128 ол., такъ что ристаніи было четыре рода. Въ 70 олим. сдѣла-

на была попытка явиться на ристанія въ колесницѣ на лошакахъ; но эта попытка не удалась, потому что нововведеніе удержалось только до 80 олим. Кромѣ ристаній на колесницахъ, были скачки на рысакахъ, кобылахъ, жеребятахъ.

Ристанію предшествовалъ обзоръ или, точнѣе, изслѣдованіе коней, особенно молодыхъ, достоинствъ ихъ и свойствъ; негодные, слишкомъ молодые, или слишкомъ старые, были отвергаемы и не допускались на состязаніе. Число колесницъ, которыя могли разомъ участвовать въ бѣгахъ, неизвѣстно. Можетъ быть, оно и не было определено точно, а допускалось ихъ столько, сколько представляла возможнымъ мѣстность ристалища. Число доходило до сорока, какъ видно изъ Пиндара, прославляющаго Кирепейца Аркезилая за то, что онъ среди сорока колесницъ умѣлъ сохранить свою безъ всякаго вреда. Знаемъ, что Алкивиадъ послалъ въ одинъ разъ семь колесницъ на Олимпійскія ристанія и выигралъ ими первую, вторую и четвертую награды. Мѣсто для каждой колесницы, какое она должна была занять, назначалось по жребію. На мнѣніи правленія выѣзжали они на Олимпійскихъ играхъ по знаку, который давался искусственнымъ орломъ, поднимавшимся посредствомъ какого-то механизма. Въ минуту самаго отправленія, вѣроятно, давали новый сигналъ. У Софокла, на Пивійскомъ ристаніи, подается сигналъ трубою.

На Олимпійскомъ и Исемійскомъ ристалищахъ назначалось конямъ пробѣжать двѣнадцать разъ все пространство ристалища, жеребятамъ же — восемь разъ. Такое же число, вѣроятно, было принято на Ционійскихъ и Немейскихъ играхъ. Различались ли бѣги колесницъ въ двѣ и

въ четыре лошади, не знаемъ навѣрное. Какъ скоро тронулись колесницы съ точки отправленія, то было общимъ правиломъ у возничихъ ѣхать сначала тихо и умѣренно, потомъ быстрота усиливалась постепенно и къ концу достигала самой высокой степени; возничіе ободряли лошадей то крикомъ, то бичемъ; и они покрывались пѣною; пыль подымалась клубомъ. Въ быстромъ и стремительномъ полетѣ колесницъ много опасностей предстояло возничимъ; но самая большая ждала ихъ около поворота вокругъ цѣли. Опытный возница, приближаясь къ ней, заблаговременно уже разсчитывалъ, какое направленіе принять и какой поворотъ дать своей колесницѣ. Тутъ требовалось много осторожности, хладнокровія, благоразумія и опытности. Обыкновенно держались правила, притпоривая лошадь правой стороны, удерживать лошадь лѣвой стороны. Этого требовало направленіе ристанія, которое совершалось съ правой въ лѣвую сторону. При всемъ томъ возничему нужно было все искусство и опытность, чтобы въ этомъ мѣстѣ не наѣхать на другаго, не зацѣпиться, не разломать оси и не опрокинуть колесницы. Уже у Гомера Несторъ, отпуская своего сына, даетъ ему слѣдующіе совѣты:

Возница разумный, коней управляя и худшихъ,
Смотритъ на цѣль безпрестанно, вблизи лишь ворочаетъ,
знаетъ,

Какъ отъ начала ристанія конскими править браздами:
Держитъ ихъ крѣпко и зорко впередъ уходящаго смотритъ
Цѣль я тебѣ укажу; просмотришь берегися, ты видишь
Столпъ деревянный стоитъ, отъ земли, какъ сажень маховая
Старая сосна, мль дубъ, подъ дождями не скоро гниющій;
Съ права и съ лѣва при цѣли той врыты два бѣлые камня,
Въ самой гѣсннѣй дороги; кругомъ же ристалище гладко.

То, или надгробный столпъ челоѣка умершаго древле,
 Плъ подобля-жь цѣль у старинныхъ была челоѣковъ;
 Столпъ сей и нынѣ мѣтою избралъ Ахиллесъ быстроногій.
 Къ оной ты близко примчась; на бѣгу заворачивай коней:
 Самъ же, крѣпко держась въ колесницѣ красиво плетеной,
 Влѣво легко наклонись, а коня, что подѣ правой рукою,
 Крикомъ гони и бичемъ, и бразды попусти совершенно;
 Лѣвый же конь твой пускай подлѣ самой мѣты обогнется
 Такъ, чтобъ, казалось, поверхность ея колесо очертило,
 Ступицей жаркою. Но берегись, не ударься о камень:
 Можешь коней изувѣчить, или раздробить колесницу,
 Въ радость ристателямъ всѣмъ, а тебѣ одному въ посрамленье.

Ил. пер. Гн. XXIII, 322—344.

Въ этомъ-то мѣстѣ возницы устраивали нерѣдко другъ другу гибель. Толчекъ колесницы о столбъ, составлявшій цѣль, могъ опрокинуть ее и повлечь за собою не только потерю награды, но и потерю жизни (10). По сказанію подобное случилось съ Орестомъ, который, какъ говоритъ Софоклъ, «совершалъ уже послѣдній объѣздъ поприща, окончивъ безопасно всѣ бѣги; но, приближившись къ цѣли, неблагоразумно толкнулся объ ея край и отъ толчка разломилось колесо; онъ выпалъ изъ колесницы, затянулся въ возжи, а кони, почувявъ его паденіе, помчались среди поприща, волоча его по землѣ, пока конюшіе, едва удержавъ коней, выпутали его, покрытаго кровью, такъ что никто изъ друзей, смотря на обезображенное лпцо, не могъ признать его». Каждый разъ, какъ колесницы объѣзжали этотъ поворотъ, игра на трубахъ сопровождала ихъ. Достигшій цѣли прежде всѣхъ получалъ первую награду. Но наградъ на ристаціяхъ было

(10) Soph. Electr. 741—756.

нѣсколько; такъ по-крайней-мѣрѣ можно заключить, судя по Олимпійскимъ играмъ, гдѣ были первая, вторая, третья и четвертая награды.

На ристаніяхъ стояли на колесницѣ и управляли конями обыкновенно не сами владѣльцы тѣхъ и другихъ, но какое-нибудь лице изъ свободныхъ гражданъ, другъ агониста, нерѣдко родственникъ его. Часто сами владѣльцы и не присутствовали на играхъ. Въ ристаніяхъ могли участвовать и женщины, посылая туда своихъ коней и свои колесницы. Награда за побѣду доставалась не управлявшему конями, но тому, чьи были кони; впрочемъ, и первый не оставался безъ вознагражденія, которое получалъ отъ побѣдителя; имена возничихъ упоминались въ похвальныхъ пѣсняхъ, которыя слагались въ прославленіе побѣдившаго, и произносились по всей Греціи съ уваженіемъ; возвращеніе ихъ на родину встрѣчалось съ торжествомъ; иногда въ честь имъ ставили статуи. Сами владѣльцы рѣдко рѣшались править лошадьми на ристаніи. Но за то, если это случалось и если удавалось выиграть побѣду, то слава побѣдителя далеко распространялась, пѣвцы разносили ее въ своихъ пѣсняхъ по всему міру. Такъ Пиндаръ высоко цѣнитъ доблесть Геродота, одержавшаго побѣду на Исѳмійскихъ играхъ не чужими руками, но собственными (11).

Ристанія были важны въ древнѣйшія времена для Грековъ въ военномъ отношеніи; впоследствии же, когда колесницы вышли совершенно изъ употребленія и замѣнились конницею, то бѣги въ колесницахъ остались рѣшительно безъ всякаго вліянія на военное искусство. При

(11) Pind. Isthm. 1, 13—13.

всемъ томъ они такъ вошли въ привычку, что хотя сами Греки не признавали ихъ полезнымъ ни въ педагогическомъ, ни въ диететическомъ, ни собственно въ гимнастическомъ отношеніи для развитія и образованія тѣла, однако удержали ихъ на общественныхъ играхъ и любили смотрѣть на нихъ. Это была роскошь общественныхъ игръ, вносившая въ нихъ болѣе разнообразія, блеска и великолѣпія и оживлявшая ихъ.

Таковы были гимнастическія игры, исполнявшіяся на священныхъ агонахъ въ древней Греціи. Атлетъ или агонистъ, являясь на праздникъ, чтобы принять участіе въ состязаніяхъ, которыя, онъ былъ увѣренъ, — и такъ дѣйствительно бывало — непременно составятся, не думалъ о томъ, сколько онъ получитъ за свое искусство денегъ и вещественныхъ наградъ. Онъ смотрѣлъ на искусство, какъ на дѣло священное и богамъ угодное, какъ на дѣло чести и безкорыстной славы, а не какъ на ремесло прибыльное и хлѣбное, которое можетъ принести ему порядочный сборъ съ зрителей. Дѣйствительно, агонистика, или состязаніе на священныхъ играхъ, вытекавшая прямо изъ гимнастическихъ упражненій въ школахъ и служившая для нихъ какъ бы примѣненіемъ, доставляя возможность показать предъ лицомъ всей Греціи блестящіе успѣхи народной гимнастики, была по взгляду Грековъ дѣломъ святымъ, какъ достойное прославленіе и украшеніе праздника, какъ лучшая жертва богамъ, любившимъ гимнастическія игры и въ старые годы, когда еще люди и боги жили вмѣстѣ и принимали въ нихъ живое участіе. О денежномъ или

вещественномъ вознагражденіи никто не думалъ, тѣмъ болѣе, что не откуда было и взять его. Зрители впускались на зрѣлище безъ всякой платы; слѣдовательно, сбора никакого не было. Только въ древнѣйшія Гомерическія времена побѣда на состязаніяхъ сопровождалась существенными вознагражденіями, впрочемъ и то не со стороны зрителей. Мы знаемъ уже изъ предыдущаго, что побѣда доставляла нерѣдко руку дочери какого-нибудь богатаго владыки. Знаемъ также, что агоньи въ честь Патрокла сопровождались значительными наградами. Такъ напрямѣръ первую наградою за ристанія была жепцина, искусная рукодѣльница, и мѣдный, упатый, двадцати-двухмѣрный треножникъ; вторую — шестигодовая кобылица неукрошенная, въ нѣдрахъ носящая меска; третью — прекрасный умывальникъ, бѣлый, четырехмѣрный; четвертую — два таланта золота, пятую — чаша; въ награду за состязаніе въ кулачномъ бою предложены были — терпѣливый мулъ, а побѣжденному — двоедонный кубокъ; за борьбу: побѣдителю — большой треножникъ, оцѣненный въ двѣнадцать воловъ, побѣжденному — женщина-рукодѣльница, оцѣненная въ четыре вола и т. д.

Въ историческія времена награда не составляла какого-нибудь существеннаго и цѣннаго предмета. Все, что получали атлеты послѣ окончанія состязанія, заключалось въ вѣнокъ, который, по приговору гелландиковъ, возлагался на атлета: въ вѣнокъ масличномъ — на Олимпійскихъ, плющевомъ — на Немейскихъ, лавровомъ — на Пелопоннѣйскихъ и сосновомъ — на Исемійскихъ играхъ. Казалось бы, что столь мало важная и ничтожная награда несколько не могла вознаградить атлета за всѣ труды, поднятые имъ для изученія своего искусства, за всю трату времени, упо-

требленнаго имъ для усвоенія себѣ ловкости и другихъ необходимыхъ для него качествъ, за всѣ опасности, которымъ онъ подвергался, рѣшаясь на состязаніе, за всѣ побои и раны, которыя выносилъ изъ борьбы. Но однакожь ни одинъ атлетъ, получивши вѣнокъ, не жаловался на ничтожность награды, не скорбѣлъ о своихъ ранахъ, не стѣтовалъ на потерю времени и трудовъ. Вѣнокъ заставлялъ его забыть все, вѣнокъ былъ для него высочайшею наградою, вполне вознаграждавшею его, высочайшею славою, возвышавшею его надъ смертными. Очевидно, что не вѣнокъ, ничтожный и маловажный, составлялъ славу и счастье атлета, но та идея награды, которая связывалась съ нимъ, тѣ послѣдствія, которыя сопровождали возложеніе его. То, что вознаграждаетъ его вполне, было вниманіе цѣлой Греціи, общее участіе въ побѣдѣ, общее признаніе доблести атлета всѣмъ Греческимъ народомъ, признаніе добровольное, выраженное и дѣломъ и словомъ, прочувствованное всѣми возрастами, сословіями и званіями. Такъ понимали награду и сами Греки, какъ видно изъ словъ Солона въ Лукіановомъ Анахарсисѣ. Награда вѣнкомъ показалась Скиѣу Анахарсису черезъ-чуръ маловажною, и потому Силенъ сказалъ ему: «вѣнки суть знаки побѣды; они указываютъ, кто побѣдилъ; слава, сопутствующая побѣду, выше всего для побѣдителя, за нее-то считаетъ онъ прекраснымъ подвергнуться ударамъ; безъ трудовъ она не достается; стремящіяся къ ней должны сначала много и крѣпко потрудиться, и тогда только ждать этого сладкаго и пріятнаго конца трудовъ. Ты не знаешь нашихъ обычаевъ; но, побывавши на нашихъ народныхъ праздникахъ, ты увидишь, какое множество людей собирается смотрѣть на эти состязанія, сколько тысячъ сходится присутствовать на

играхъ, и они-то прославляютъ атлета, и по признанію ихъ побѣдитель равняется богамъ. Ты понялъ бы тогда, что мы не попусту тратимъ на это время. Какое неописанное наслажденіе, сидя среди зрителей, видѣть доблести состязающихся, красоту и удивительное устройство ихъ тѣлъ, необычайную опытность, непобѣдимую силу, смѣлость, несокрушимый духъ и никогда не остывающее рвеніе къ побѣдѣ. Увѣренъ, что ты самъ не пересталъ бы хвалить, восклицать и рукоплескать имъ. Въ этомъ вѣнокъ заключается все счастье, и свобода, и богатство, и слава, и наслажденіе родными праздниками, — однимъ словомъ, все, чего можетъ человѣкъ пожелать себѣ отъ боговъ самаго прекраснаго, все соплетается съ этимъ вѣнкомъ, все пріобрѣтается этимъ состязаніемъ» (12). Понятно теперь, что вѣнокъ былъ высочайшею наградой. Онъ-то былъ залогомъ тѣхъ блестящихъ послѣдствій, которыми сопровождалась побѣда на народныхъ играхъ, тѣхъ почестей, которыми окружали и осыпали побѣдителя, той громкой славы, которая проносилась объ немъ по всей Элладѣ. Цицеронъ не знаетъ, съ чѣмъ сравнить побѣду на Олимпійскихъ играхъ, и сравнилъ ее съ Римскимъ триумфомъ. Какъ Римъ не зналъ высшаго торжества, высшей почести для своихъ полководцевъ, кромѣ триумфа, такъ и въ Греціи ничего не было выше, какъ награда за побѣду на играхъ. Это была не одна награда, но цѣлый рядъ наградъ, цѣлая непрерывная цѣпь торжествъ и праздниковъ.

Награда начиналась вѣнкомъ, который на Олимпійскихъ играхъ соплетался изъ вѣтвей оливоу, росшей въ священномъ лѣсу Алтисъ, близъ алтаря Афродиты и Горъ.

(12) Luc. Anach. 9—16.

Соплетенію вѣнка придавали характеръ святости; оно совершалось дѣтми, имѣвшими въ живыхъ отца и мать. Золотымъ ножомъ дѣтя срѣзывало семнадцать вѣтвей, по числу родовъ и игръ: изъ нихъ соплетались вѣнка, вѣроятно, столь же чистыми и невинными руками, и въ древнѣйшія времена возлагались на обложенный мѣдью треножникъ, а въ позднѣйшія—на великолѣпный, сдѣланный Колотомъ изъ золота и слоновей кости столъ. Взявши его оттуда, одинъ изъ гелланодиковъ украшалъ имъ голову побѣдителя, обвитуя предварительно шерстяною повязкою, и сверхъ того подавалъ ему пальмовую вѣтвь, которую тотъ носилъ въ правой рукѣ. Потомъ имя побѣдителя, его родины и отца было громко возвѣщаемо глашатаемъ предъ всѣми, собравшимися на игры Греками. Ликующая толпа привѣтствовала побѣдителя радостными криками, осыпала его вѣнками, цвѣтами, гирляндами, бросала ему разныя вещи, и въ томъ числѣ дорогія; друзья и знакомые его подходили къ нему съ поздравленіями. Присутствующіе подносили ему подарки, которые позволялось принимать. Побѣдителя, въ благодарность за дарованную богами побѣду, отправлялись принести имъ благодарственную жертву. Потомъ ихъ приглашали на пиръ, устроенный на счетъ Елейскаго государства. Далѣе наставляли торжественныя прогулки побѣдителей при звукахъ флейтъ и китары, въ сопровожденіи хора, пѣвшаго въ честь ихъ похвальные пѣсни, родственниковъ, друзей и знакомыхъ. Прогулки эти продолжались иногда всю ночь, наполняя все мѣсто праздника ликованіями, пѣснями и радостію. Съ прогулками часто соединялись пиры, которые устраивались на счетъ побѣдителей. Разумѣется, богатые побѣдители, цари и владыки земли истощали всѣ средства, что-

бы дать угощеніе на славу. Алкивіадъ, выигравшій побѣду въ Олимпіи на ристаніяхъ, послѣ приношенія жертвы, пригласилъ на пирь всѣхъ присутствовавшихъ въ Олимпіи. Кромѣ того, богатые побѣдители раздавали народу подарки. Побѣдителю предлагали гражданство другіе города, и принимать его ему не запрещалось. Если онъ не соглашался принять его, то старались склонить къ тому деньгами и подарками. Побѣдитель получалъ право ставить свою статую въ Олимпіи, на условіи, чтобы она была въ настоящей ростъ; это исполнялось или тотчасъ же послѣ побѣды, или впоследствии, на собственный счетъ, или на счетъ родственниковъ, или же на счетъ города, которому онъ или принадлежалъ, или къ которому приписался уже послѣ побѣды.

Но всѣ эти отличія и почести были маловажны сравнительно съ тѣмъ, что ожидало и встрѣчало побѣдителя при вшествіи его въ свой родной городъ, или же въ городъ, принявшій его въ число своихъ гражданъ. Это вшествіе, или въѣздъ были настоящимъ торжествомъ цѣлаго города; въ немъ принимали участіе не только родственники и друзья счастливица, но и всѣ граждане, не исключая первенствующихъ особъ города; все дѣлалось, чтобы возвысить и сдѣлать торжественнѣе праздникъ. Знаемъ, что Агригентинца Эксенета, при вступленіи его въ городъ, сопровождали триста колесницъ, запряженныхъ парами бѣлыхъ коней. Торжественное вступленіе замыкалось ликующею толпою, выразившею свою радость крикомъ. Даже часть городскихъ стѣнъ разрушалась для такого случая. Этимъ хотѣли выразить ту мысль, что городу, имѣющему такихъ побѣдителей, не нужны стѣны. Побѣдитель въѣзжалъ въ городъ на колесницѣ. Шествіе

тянулось по главнымъ улицамъ и по богатымъ площадямъ къ храму бога—покровителя мѣста; наконецъ заключалось пиромъ въ честь побѣдителя. Съ этою же цѣлью сочинялись похвальные гимны, которые распѣвались лирическими хоромъ. Но этимъ еще не оканчивались отличія и почести. На побѣду гражданинъ смотрѣлъ городъ, какъ на такое дѣло, которое украшало и возвышало не только одного побѣдителя, но и весь городъ, и оттого къ такому лицу старались быть признательны и благодарны во многихъ отношеніяхъ. Въ Афинахъ напр. уже Солопъ назначилъ въ награду побѣдителю на Олимпійскихъ играхъ 500 драхмъ, на Исемійскихъ—сто, и столько же побѣдителю на двухъ остальныхъ. Впоследствии давали имъ на всю жизнь столъ въ Пританей. Въ честь имъ ставили статуи на площадяхъ, или на другихъ общественныхъ мѣстахъ. Побѣдители освобождались отъ государственныхъ повинностей, получали первое мѣсто на общественныхъ играхъ и праздникахъ. Эти привилегіи переходили иногда даже и на ближайшихъ родственниковъ побѣдителя. Послѣ смерти нѣкоторымъ изъ нихъ воздвигались храмы; островъ, на которомъ погребенъ кулачный боецъ Главкъ, названъ по его имени. Высокое уваженіе, которымъ сопровождалась побѣда, до того простиралось, что нѣкоторые, напр. Херонъ въ Пелленѣ, избирались владыками своей родины. Нѣкоторые изъ нихъ назначались предводителями на войнѣ. У Спартанцевъ побѣдителю, какъ особенная честь, позволялось сражаться около царя. Отъ нѣкоторыхъ побѣдителей, сопричисленныхъ къ богамъ, ожидали исцѣленія въ болѣзняхъ, и потому молились ихъ статуямъ, наприм. Полидаму и Феагеу. Знаменитые побѣдители признавались нерѣдко сыновьями боговъ, или же геросовъ. Имя

ихъ извѣстно было не въ одномъ только родномъ городѣ; слава объ нихъ распространилась по всей Греціи, и нерѣдко достигала до варваровъ. Такъ напр. Милонъ и Астидамъ извѣстны были даже у Персовъ. Александръ Великій, въ походѣ противъ Персовъ, имѣлъ въ своей свѣтѣ нѣкоторыхъ побѣдителей. Таковы-то были почести и отличія, которыми Греція осыпала своихъ любимцевъ-побѣдителей на играхъ! Таково было вниманіе и уваженіе, которое они встрѣчали между всѣми Греками.

И. ТИХАНОВИЧЪ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПРОФЕССОРА ЦЕХА

О ДРЕВНИХЪ ЗАТМѢНІЯХЪ ДЛЯ ПОВѢРКИ ХРОНОЛОГІИ

И

ТАБЛИЦЪ ЛУНЫ.

Германія есть по преимуществу страна ученыхъ полдиговъ. Вопросы самые отвлеченные, или самые спеціальныя, занимательныя только для немногихъ знатоковъ, находятъ тамъ живое участіе. Распространеніе основательнаго классическаго образованія дѣлаетъ также возможнымъ рѣшеніе вопросовъ, которые вполнѣ доступны только тѣмъ ученымъ, которые вмѣстѣ обладаютъ двумя совершенно различными предметами, каковы астрономія и филологія. Къ подобнаго рода вопросамъ принадлежатъ изслѣдованія, относящіяся до повѣрки древней хронологіи. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія такими изслѣдованіями прославился, въ Берлинѣ, Иделеръ; новыми успѣхами мы обязаны профессору Тюбингенскаго университета, г-ну Цеху, который пріобрѣлъ уже извѣстность отличными трудами по части астрономіи.

Поводомъ къ сочиненіямъ г. Цеха, о которыхъ мы предложимъ здѣсь краткой отчетъ, были задачи ученаго Яблоновскаго Общества въ Лейпцигѣ. Одною изъ задачъ

требовалось подвергнуть новому вычисленію замѣчательнѣйшія затмѣнія луны и солнца, упоминаемыя древними писателями, для испытанія точности новѣйшихъ таблицъ луны. Объ этомъ предметѣ г. Цехъ написалъ прекрасное разсужденіе, которое было удостоено одобрительной награды и напечатано подъ заглавіемъ:

Dr. I. Zech, Astronomische Untersuchungen ueber die Mondfinsternisse des Almagest. Leipzig, 1851.

Благонадежность найденныхъ г. Цехомъ поправокъ таблицъ луннаго движенія даетъ возможность основательнѣе изслѣдовать тѣ изъ старинныхъ затмѣній, о времени которыхъ остаются еще сомнѣнія, и которыя болѣе или менѣе важны для древней хронологіи. Ученое Яблоновское Общество нашло поэтому полезнымъ предложить въ 1852 году вновь задачу: «на основаніи изслѣдованныхъ г. Цехомъ поправокъ таблицъ луны, вычислить вновь лунныя и солнечныя затмѣнія, о которыхъ достовѣрныя свѣдѣнія сохранились въ сочиненіяхъ древнихъ классиковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ испытать, какія надобно допустить перемѣны въ принятой нынѣ хронологіи, чтобы рассказы историковъ привести въ согласіе съ выводами вычисленій».

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ было разсужденіе г. Цеха, изданное въ 1853 году, подъ заглавіемъ:

Dr. I. Zech, Astronomische Untersuchungen ueber die wichtigeren Finsternisse, welche von den Schriftstellern des klassischen Alterthums erwähnt werden.

Отличное это сочиненіе, увѣнчанное полною наградой, преимущественно посвящается хронологическимъ изысканіямъ. Оно можетъ быть занимательно многимъ изъ читателей нашего журнала, и потому мы рассмотримъ сперва выводы, пріостекающіе изъ этого сочиненія, а въ

концѣ нашей статьи представимъ краткій отчетъ о первомъ разсужденіи г-на Цеха, которое важно только для астрономовъ.

Причины затмѣній всѣмъ извѣстны: затмѣнія луны бывають тогда, когда она вступаетъ въ тѣнь, отбрасываемую землею, а солнечныя тогда, когда луна темнымъ тѣломъ своимъ заслоняетъ отъ взоровъ нашихъ часть диска солнца, а иногда и весь этотъ дискъ. Зная фигуру, размѣры и взаимныя разстоянія солнца, луны и земли, а также законы движенія двухъ послѣднихъ, можно вычислить, когда случатся впредь и когда случались прежде затмѣнія луны или солнца; сколько времени каждое изъ такихъ явленій продолжалось, съ какихъ мѣстъ на землѣ оно было видно, и сколь велика была часть диска солнца или луны, находившаяся въ затмѣніи. Черезъ такія вычисленія старинныхъ затмѣній получается средство узнать несомнѣннымъ образомъ эпохи политическихъ событій, при описаніи которыхъ говорится о современныхъ имъ затмѣніяхъ.

Здѣсь встрѣчаются однакожь не малыя затрудненія. Нерѣдко историки упоминають о затмѣніяхъ только по слуху, или основываясь на худо сохранившихся преданіяхъ. Естественно, что показанія ихъ въ этомъ случаѣ могутъ быть очень сбивчивы; время затмѣнія и мѣста, откуда оно усматривалось, часто означены весьма не точно; еще неопредѣлительнѣе бывають свѣдѣнія о томъ, какая часть диска солнца или луны находилась въ затмѣніи, такъ что объ истинной величинѣ затмѣнія можно имѣть правильное понятіе только тогда, когда оно было полное, т. е. когда закрывался весь дискъ солнца или луны. Сверхъ того, рассказы старинныхъ лѣтописцевъ представляютъ явные признаки

преувеличенія. Страхъ, который въ древности наводили затмѣнія, былъ поводомъ, что эти явленія ставились тогда въ одну категорію съ кровавыми дождями и разными воображаемыми вѣстниками гнѣва боговъ и общихъ бѣдствій. Печальный Фебъ скрывалъ лучезарное лице свое отъ взора смертныхъ, когда умиралъ любимый, могущественный человѣкъ, или какое-нибудь важное событіе неожиданно принимало дурной оборотъ. Да еще каковы были въ старину затмѣнія? По словамъ Амміана, мракъ во время полнаго затмѣнія солнца 27-го августа 360 года послѣ Р. Х. продолжался нѣсколько часовъ сряду и отъ восхода солнца до самаго полудня сіяли на небѣ звѣзды (*a primo auguriae exortu adusque meridie intermicabant iugiter stellae, Ammian Marcel. XX. 3*). Довольно быть хотя нѣсколько знакомымъ съ астрономіею, чтобы убѣдиться, что ничего такого никогда не было и быть не можетъ; мракъ во время полныхъ затмѣній солнца ни въ какомъ случаѣ не можетъ продолжаться болѣе не многимъ минутъ времени. Примѣры подобныхъ гиперболъ встрѣчаются также у другихъ писателей, отличающихся, впрочемъ, любовью къ истинѣ. Прибавимъ еще, что показанія одного историка иногда худо согласуются съ словами другаго. Отсюда слѣдуетъ, что, для повѣрки хронологіи вычисленіемъ затмѣній, должно пользоваться древними лѣтописями съ большою осторожностію и даже не всегда можно отвѣчать за успѣхъ въ изыскиваемой повѣркѣ хронологіи.

Строгая историческая критика здѣсь тѣмъ болѣе необходима, что затмѣнія представляютъ явленія часто повторяющіяся и одно изъ нихъ можетъ быть легко смѣшано съ нѣкоторымъ другимъ. Поэтому нужно тщательно слѣдить между собою показанія разныхъ писателей, по-

вѣтствующихъ объ однихъ и тѣхъ событіяхъ. Такимъ образомъ соберутся полныя свѣдѣнія объ обстоятельствахъ, которыя служатъ характеристикою различныхъ затмѣній, и получатся надежныя средства для опредѣленія эпохъ событій.

Къ задачѣ Лейпцихскаго ученаго Общества приложенъ списокъ 16-ти затмѣній, которыя требовалось вычислить. Въ немъ указаны мѣста древнихъ сочиненій, въ которыхъ Греческіе и Римскіе писатели упоминаютъ объ этихъ явленіяхъ; означены также эпохи затмѣній согласно съ общепринятою хронологіею. Все это составляетъ необходимое пособіе для астрономовъ, предпринимающихъ вычисленія. Пользуясь подобными указаніями, г. Цехъ подробно ознакомился съ источниками; выводы свои онъ основалъ на точныхъ вычисленіяхъ и на весьма вѣроятныхъ соображеніяхъ о томъ, какъ надлежитъ понимать рассказы историковъ.

Начиная съ Петавія (Denis Petau), который можетъ быть считаемъ отцемъ правильной хронологіи, многіе ученые вычисляли тѣ же затмѣнія, которыя составляютъ предметъ изслѣдованія г. Цеха. Но употреблявшіяся въ XVII и XVIII вѣкѣ, даже въ началѣ нынѣшняго столѣтія, таблицы луны и солнца, не довольно точны, чтобъ онѣ могли приводить къ результатамъ вполне удовлетворительнымъ. Нашъ авторъ заимствовалъ положенія луны изъ таблицъ Дамоассо, имъ самимъ исправленныхъ, а положенія солнца — изъ таблицъ знаменитаго Гаузена. Географическія долготы и широты различныхъ мѣстъ въ Персіи, Греціи, Египтѣ, Сициліи и пр. извлечены изъ атласа древняго міра г. Киперта; этотъ атласъ считается нынѣ наилучшимъ. Вычисленія свои авторъ ведетъ по способу, предложенно-

му Гауссомъ для вычисленія затмѣній. Этотъ способъ напечатанъ, съ нѣкоторыми поясненіями, въ Нѣмецкомъ изданіи моей практической астрономіи. Долгомъ считаю изъяснить искреннюю благодарность за исправленіе неточностей, вкравшихся въ мою книгу; справедливымъ также полагаю замѣтить, что г. Цехъ сдѣлалъ въ упомянутомъ способѣ разныя усовершенствованія.

Одинъ изъ любопытнѣйшихъ выводовъ, къ которымъ авторъ достигаетъ, состоитъ въ новомъ и весьма вѣроятномъ рѣшеніи вопроса о томъ, когда Ксерскъ предпринималъ походъ въ Грецію, и въ которомъ именно году было сраженіе Персовъ съ Греками при Саламинѣ и Термопилахъ? Считая по олимпиадамъ, обыкновенно принимаютъ, что эти битвы случились въ 479 году предъ Р. Х. Разсказъ Геродота даетъ намъ средство испытать степень вѣрности упомянутой эпохи: по словамъ его, весною того самаго года, въ которомъ Персидское войско собралось въ Сардахъ для похода въ Грецію, произошло полное солнечное затмѣніе и было усмотрѣно въ Сардахъ. Посмотримъ, оправдывается ли принятая эпоха астрономическими соображеніями?

Подробныя изслѣдованія г. Цеха приводятъ къ слѣдующему заключенію: 18-го апрѣля 480 года предъ Р. Х. происходило полное затмѣніе солнца, но вовсе не могло быть видимо въ Сардахъ и окрестныхъ мѣстахъ; 8-го апрѣля 479 года было такое же затмѣніе, но усматривалось только въ Новой Зеландіи и южной Америкѣ; 27-го февраля 478 года хотя и случилось солнечное затмѣніе, но только частное и могло быть наблюдаемо лишь въ Сибири. Слѣдовательно всѣ эти затмѣнія не согласуются съ словами Геродота. Къ подобному выводу достигали

также прежніе вычислители; нѣкоторые даже изъ нихъ отвергали разсказъ о затмѣніи. Цетавій говоритъ, что здѣсь надобно разумѣть собственно не затмѣніе, но какое-то особенное явленіе, или чудное предзнаменованіе (*singulare quoddam et extraordinarium portentum*). Но къ чему отвергать ясно высказанное показаніе историка, отличающагося любовью къ истинѣ? Г. Цехъ предпочелъ распространить свои вычисленія далѣе, и его изысканія не остались безплодными. Онъ нашелъ, что 16-го февраля 477 года предъ Р. Х. было точно большое затмѣніе солнца, которое усматривалось въ Сардахъ. Оно не было совершенно полное, но только кольцеобразное; весьма не много недоставало до полного затмѣнія; мракъ могъ быть довольно значительнымъ, и такъ какъ самъ Геродотъ не видалъ этого затмѣнія, а только слышалъ о немъ, то не удивительно, что извѣстія могли достигнуть къ нему въ нѣсколько преувеличенномъ видѣ. Далѣе Геродотъ говоритъ, что Греческіе войска встрѣтились съ Персидскими при Термопилахъ въ теченіе лѣта. Соображая, по вѣроятнѣйшему разсчету, время потребное на разные переходы изъ Сардъ до внутренности Греціи, г. Цехъ полагаетъ, что Персы не могли достигнуть отъ Гелеспонта до Термопилъ менѣе чѣмъ въ три мѣсяца. Поэтому уже слѣдуетъ, что затмѣніе, усмотрѣнное въ Сардахъ, никакъ не могло произойти позднѣе начала марта мѣсяца и, вѣроятно, должно было случиться ранѣе. Все это хорошо согласуется съ астрономическими вычисленіями.

Послѣ этого можно опредѣлять эпохи другихъ любопытныхъ историческихъ событій, начиная счетъ времени съ смерти Дарія, или съ воцаренія Ксеркса. По весьма благонадежному лѣтосчисленію Птолемея, упоминаемому

въ его Каионѣ, выходитъ, что Ксерксъ взошелъ на престолъ въ 263 году Набонасаровой эры. По вычисленію многихъ лунныхъ затмѣній, можно за достовѣрное принять, что этотъ годъ начался съ 23-го декабря 485 года предъ Р. Х. Согласно съ этимъ и основываясь на сказаніяхъ Геродота, г. Цехъ составилъ слѣдующую хронологическую таблицу:

«Въ 484 году предъ Р. Х. Ксерксъ наследуетъ Дарію; въ 483 году онъ воюетъ съ Египтянами; съ 482 по 479 годъ готовится къ походу въ Грецію; въ 478 году Персидское войско собирается въ Капвадокии и идетъ на зимовку въ Сарды. Весною 477 года Персы выступаютъ изъ Сардъ въ походъ противъ Грековъ».

Есть нѣкоторыя затрудненія въ допущеніи этихъ чиселъ, и самъ г. Цехъ ихъ не скрываетъ. Геродотъ говоритъ, что Олимпійскія игры праздновались въ томъ самомъ году, въ которомъ произошло сраженіе при Термопилахъ. Эти игры постоянно повторялись, по-крайней-мѣрѣ въ позднѣйшее время, черезъ каждые четыре года. Если съ Пелопонезской войны, которой главные эпохи хорошо известны и переданы намъ въ исторіи Фукидита, опредѣлимъ отношеніе между нашимъ лѣтосчисленіемъ и олимпіадами: то, отсчитывая постепенно назадъ, увидимъ, что празднованія Олимпійскихъ игръ происходили въ 475 и 479 годахъ до Р. Х. Итакъ: или сраженія при Саламинѣ и Термопилахъ случились въ 477 году до Р. Х., и тогда нельзя допустить, чтобъ въ томъ же году были упомянутыя игры, или эти сраженія были въ 479 году, какъ обыкновенно принимаютъ, и тогда становится невозможнымъ солнечное затмѣніе, о которомъ повѣствуетъ Геродотъ. Рѣшеніе этой трудности надобно предоставить ученымъ элли-

нистамъ, спеціально занимающимся историческою хронологією. Г. Цехъ исполнилъ самымъ удачнымъ образомъ все то, чего можно было ожидать отъ астронома, искуснаго въ вычисленіяхъ.

Далѣе нашъ авторъ представляетъ подробныя и точныя свѣдѣнія о 17-ти другихъ солнечныхъ и лунныхъ затмѣніяхъ, о которыхъ упоминають Греческіе и Римскіе писатели. Выводы свои онъ сравниваетъ съ заключеніями, къ которымъ достигли Петавій, Иделеръ, Белли, Эри и другіе. Выкладки г. Цеха отлично согласуются съ разсказами Фукидита, Ксенофонта, Плутарха, Аріана, Диодора, Ливія, Тацита. Такимъ образомъ разныя эпохи Пелопонезской войны, время несчастнаго похода Афинянъ въ Сицилію, подъ начальствомъ Никіаса, день побѣды Александра Македонскаго при Арбелахъ, и пр. и пр. опредѣляются съ совершенною достовѣрностію.

Здѣсь кстати замѣтимъ, что хотя Римляне никогда не были большими знатоками въ астрономіи и математикѣ, однакожъ Греческое образованіе до того распространилось въ высшихъ кругахъ Римскаго общества, что для нихъ, въ послѣднее время республики, затмѣнія не были уже предметомъ страха. Но низшіе классы народа оставались въ прежнемъ невѣжествѣ, и потому во время войны въ Македоніи Римскій консулъ Сулпицій Галлъ, по случаю луннаго затмѣнія, убѣждалъ своихъ воиновъ, чтобъ они не принимали этого явленія за зловѣщее предзнаменованіе, но взирали на него, какъ на нѣчто такое, которое происходитъ по естественному порядку временъ, и напередъ можетъ быть предсказываемо (*id quia naturali ordine stasis temporibus fiat, et sciri et praedici posse, Liv. XLIV, 36*). Вычисленія г. Цеха не противорѣчатъ подробностямъ объ

этомъ затмѣніи, сохранившемся въ сочиненіяхъ Цицерона, Плинія, Плутарха и Ливія; оно произошло 21 іюня 167 года до Р. Х.; есть нѣкоторыя несогласія въ показаніяхъ этихъ писателей, но они не важны.

Лунное затмѣніе, случившееся, по вычисленію нашего автора, 26 сентября 14 года послѣ Р. Х. и о которомъ упоминаетъ Тацитъ, опредѣляетъ время возстанія въ Пannonіи вскорѣ по смерти Августа. Для усмиренія непокорныхъ, Тиверій послалъ сына Друза, которой сначала былъ худо принятъ, но потомъ поправилъ дѣла, искусно воспользовавшись суевѣріемъ воиновъ, испуганныхъ затмѣніемъ луны.

Не распространяясь о другихъ затмѣніяхъ, тщательно вычисленныхъ г. Цехомъ, скажемъ только, что они представляютъ новыя подкрѣпленія хронологіи, принятой для исторіи Римскихъ императоровъ. Мы видѣли, какого рода затрудненія представляются въ отношеніи въ эпохамъ событій гораздо древнѣйшихъ. Нынѣшнія теоріи и таблицы движеній луны и планетъ достигли такой степени совершенства, что все, обстоятельно намъ переданное историками о затмѣніяхъ, хорошо объясняется вычисленіями. Если есть нѣкоторыя несогласія астрономическихъ изысканій съ разказами древнихъ лѣтописцевъ, то нельзя этого поставить въ укоръ астрономіи, но скорѣе отнести къ невѣрностямъ самыхъ разказовъ.

Въ доказательство того, сколь удовлетворительны изысканія г. Цеха, мы приведемъ его заключенія о двухъ затмѣніяхъ, о которыхъ было много ученыхъ споровъ. Объ одномъ изъ нихъ говоритъ Цицеронъ, а о другомъ Геродотъ; объ обоихъ успѣлъ нашъ авторъ представить отчетъ, заслуживающій совершеннаго довѣрія: теперь можно ска-

затъ, что въ 399 году предъ Р. Х. 21 іюня точно было полное затмѣніе солнца, хотя оно не было совершенно полнымъ для жителей Рима. Попятнымъ дѣлается также смыслъ словъ Цицерона (гер. I, 16): «Eppius scribit anno CCCS fere post Roman Coditam Nonis Iunis Soli luna ostilit et vox.» Неправильно было бы переводить послѣднюю фразу словами: «солнце покрыло луну и настала ночь»; гораздо вѣрнѣе сказать: «солнце покрыло луну и ночь», т. е. солнце при своемъ закатѣ находилось въ затмѣніи. Еще любопытнѣе результаты изслѣдованій, относящіяся ко второму изъ упомянутыхъ затмѣній, называемому *Θαλεсовымъ*. По словамъ Геродота, *Θαλεсъ* предсказалъ затмѣніе солнца во время войны Лидійцевъ съ Мидянами, и предсказаніе сбылось на самомъ дѣлѣ. Много сдѣлано попытокъ воспользоваться этимъ затмѣніемъ для опредѣленія эпохи войны; по мѣрѣ усовершенствованія лунныхъ таблицъ измѣнялись результаты вычисленій. Подробный отчетъ объ изысканіяхъ прежнихъ ученыхъ предложенъ Англійскимъ астрономомъ Бели въ *Philosoph. Transactions* за 1811 годъ: Бели и Ольтмансъ приходятъ къ заключенію, что предсказанное *Θαλεсомъ* затмѣніе случилось 30 сентября 609 года предъ Р. Х. Но этому явно противорѣчатъ Плиній, который говоритъ, что затмѣніе было въ 4-мъ году 48-й олимпиады, слѣдовательно въ 584 году предъ Р. Х.; сверхъ того въ 609 году могло быть видимо въ Малой Азіи не полное, но только частное затмѣніе солнца, что также не соотвѣтствуетъ разсказу древнихъ лѣтописцевъ. Эти несогласія были поводомъ къ новымъ соображеніямъ. Изъ новѣйшихъ вычислителей Бозанке (*Bosanquet*) и еще удовлетворительнѣе Гайндъ (*Hind*), доказываютъ, что *Θαλεсово* затмѣніе надобно отнести къ 28 мая 584 года предъ

Р. Х. Г. Гайндъ вычислялъ помощію лунныхъ таблицъ Буркгардта, исправленныхъ г. Эйри (Airy); в повѣйшихъ солнечныхъ таблицъ г. Карлини, а г. Цехъ — помощію Ганзеновыхъ таблицъ солнца и помощію лунныхъ таблицъ Дамоассо, которыхъ поправки онъ самъ вывелъ изъ вычисленія старинныхъ затмѣній, упоминаемыхъ въ Альмагестѣ Птолемея. Выкладки гг. Гайнда и Цеха весьма близко между собою соглашаются; тотъ и другой находятъ, что 28 мая 584 года предъ Р. Х. было полное солнечное затмѣніе и усматривалось въ Малой Азій; но полоса земли, съ которой, по вычисленію г. Цеха, можно было наблюдать затмѣніе полнымъ, еще лучше удовлетворяетъ разсказу Геродота. Такимъ образомъ объ эпохѣ Фалесова затмѣнія не можетъ быть никакого спора.

Теперь намъ остается представить краткій отчетъ о содержаніи перваго разсужденія г. Цеха. Оно посвящено изысканіямъ неравенствъ движенія луны, преимущественно вѣкового движенія ея узловъ и величины ускоренія среднихъ оборотовъ луны около земли. Матеріаломъ служили 19 древнихъ лунныхъ затмѣній, о которыхъ свѣдѣнія переданы Птолемеємъ.

Извѣстно, что между Греческими астрономами Александрійской школы въ Египтѣ Клавдій Птоломей занимаетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ. Онъ жилъ во второмъ вѣкѣ послѣ Р. Х., былъ хорошій для своего времени математикъ и самъ занимался наблюденіями. Но главная его заслуга состоитъ въ томъ, что онъ тщательно изучилъ и собралъ все, что до него было сдѣлано по части астрономіи, оптики и географіи. Многое онъ дополнялъ собственными трудами и написалъ полный трактатъ древней астрономіи, которому онъ далъ названіе: *Великое по-*

строеніе (*Μεγαλη συγταμις, Constructio magna*). Этотъ трактатъ сохранился до нашего времени, и какъ Европейцы познакомились съ нимъ изъ Арабскихъ переводовъ, то понынѣ эта книга удержала Арабское свое названіе *Альмагестъ*. Въ послѣдствіи она издана въ Греческомъ подлинникѣ и Латинскомъ переводѣ. Аббатъ Гальма (*Halma*) перевелъ ее на Французскій языкъ; но переводъ этотъ, какъ замѣчаетъ г. Цехъ, не вездѣ отчетливъ.

Въ *Альмагестѣ* показаны времена 19 лунныхъ затмѣній, изъ которыхъ одно наблюдалось на островѣ Родосѣ, другія частию въ Вавилонѣ, частию въ Александріи. Свѣдѣнія о нихъ собраны астрономами, и потому они гораздо отчетливѣе, нежели тѣ, которыя находимъ у историковъ и литераторовъ. Годы ихъ выражены по лѣтосчисленію Набонасаровой эры и притомъ столь удовлетворительно, что въ этомъ отношеніи не можетъ встрѣтиться никакихъ сомнѣній, какъ это уже доказалъ Иделеръ. Легко перевести эту эру на обще принятое у насъ лѣтосчисленіе по Юліанскому календарю. Такъ напримѣръ древнѣйшее изъ затмѣній, упоминаемыхъ въ *Альмагестѣ*, усмотрѣно въ Вавилонѣ въ 27 году эры Набонасара, 29 числа мѣсяца *θωζ*, и началось болѣе часа спустя послѣ восхода луны; это соотвѣтствуетъ 19-му марту 720 года прежде Р. Х. (*Lalande, Astronomie T. II, Liv. VIII, p. 326*). Самое позднее затмѣніе наблюдалось въ Александріи во время самого Птолемея, 5-го марта 136 года послѣ Р. Х. Такимъ образомъ наблюденія обвиняютъ около 856 лѣтъ, и весьма значительное удаленіе этихъ наблюденій отъ нашего времени придаетъ имъ важность при изысканіи вѣковыхъ неравенствъ луны, не смотря даже на грубость древнихъ наблюденій.

Часы ночи, въ которые случались затмѣнія, показаны у Птолемея различно. Чтобъ объяснить, въ чемъ состоятъ различія, замѣтимъ, что у древнихъ какъ день, такъ и ночь, во всякое время года, раздѣлялись на 12 частей; такимъ образомъ въ сѣверномъ полушаріи земли лѣтомъ каждый изъ дневныхъ часовъ, или тѣхъ, которые считались отъ восхода до захода солнца, были длиннѣе каждаго изъ ночныхъ часовъ. Зимой выходило противное. Если напримѣръ говорили, что середина затмѣнія усматривалась въ 6 часовъ ночи, то надобно разумѣть, что это случалось въ полночь. Этотъ счетъ употреблялся въ обихѣ и потому Птоломей выраженные такимъ образомъ часы называетъ *обыкновенными часами*. Для астрономовъ подобный счетъ неудобенъ: ибо длина одного часа ночи въ данномъ на землѣ мѣстѣ выходила различною въ разные времена года, и сверхъ того различною въ одно и то же время года, подъ разными географическими широтами. По этой причинѣ древніе уже астрономы ввели такой счетъ часовъ, какой нынѣ вошелъ въ общее употребленіе; а именно они раздѣлили, день и ночь вмѣстѣ взятые, или сутки, на 24 равныя части и назвали ихъ часами, которые они считали отъ полудня до слѣдующаго полудня. Такіе часы Птоломей называетъ *равномерными*. Извѣстно, впрочемъ, что древніе не имѣли хорошихъ средствъ для измѣренія времени и показанія ихъ, когда именно случалось какое-либо явленіе, не могли быть точны.

Что касается до другихъ обстоятельствъ затмѣній, то Птоломей, кромѣ времени, означаетъ еще величину затмѣнія, иногда въ доляхъ видимаго поперечника луны, какъ теперь это дѣлаютъ астрономы, а иногда, по обычаю древ-

нихъ, въ частяхъ поверхности луннаго диска; разумѣется, все это замѣчаемо было по глазоумѣру. Сверхъ того въ Альмагестѣ показаны точки горизонта, въ которыхъ этотъ кругъ встрѣчала дуга, идущая отъ центра луннаго диска къ срединѣ части его, находившейся въ затмѣніи.

Вотъ данныя, которыми надобно было удовлетворить помощію новѣйшихъ таблицъ луны и солнца; сравненіе выводовъ вычисленій съ наблюденіями обнаруживаетъ поправки, которыхъ требуютъ таблицы. Петавій первый вычислилъ всѣ затмѣнія, упоминаемые въ Альмагестѣ, в заключенія свои помѣстилъ въ изданной имъ книгѣ: *Opus de doctrina temporum*, 1627; онъ имѣлъ въ виду только повѣрку хронологіи и вовсе не касался вопроса объ исправленіи извѣстныхъ въ его время элементовъ движенія луны. Кассини, помощію нѣкоторыхъ изъ этихъ затмѣній, старался точнѣе найти длину лунныхъ мѣсяцевъ и обратное движеніе узловъ, или линіи пересѣченія лунной орбиты съ эклипткою. Гораздо важнѣе были изысканія знаменитаго Англійскаго астронома Галлея въ концѣ XVII вѣка. Сравнивая время лунныхъ затмѣній, усмотрѣнныхъ въ Вавилонѣ, съ затмѣніями, которыя въ средніе вѣка наблюдалъ Арабскій астрономъ Альбатегній, а эти послѣднія съ новѣйшими затмѣніями, Галлей открылъ, что въ древности луна обращалась около земли медленнѣе, чѣмъ нынѣ. Это открытіе подтверждено было Дюкторномъ и еще подробнѣе Тобіасомъ Майеромъ (*Comm. Societatis Goetting. T. II, 1752*). Вѣковое ускореніе луны долго оставалось камнемъ преткновенія для теоріи тяготѣнія; Лапласу первому удалось объяснить, что причина такого ускоренія заключается въ постепенномъ уменьшеніи эксцентриситета земной орбиты. Этотъ великій геометръ вычи-

саялъ вѣковое ускореніе движенія луны на основаніи теоріи всеобщаго тяготѣнія, и чтобы сравнить теоретическіе выводы съ наблюденіями, просилъ Буvara подвергнуть строгому вычисленію всѣ 19 затмѣній, упоминаемыхъ въ Алмагестѣ. Результаты изслѣдованій Буvara, вмѣстѣ съ примѣчаніями Лапласа, напечатаны въ *Connaissance des temps pour l'an 1808*. Тамъ доказывается, что вѣковыя неравенства содержатся не только въ среднемъ движеніи луны, но также въ движеніи ея узловъ; Лапласъ показалъ причину всѣхъ этихъ неравенствъ и опредѣлилъ ихъ величину изъ теоріи тяготѣнія.

Въ Германіи тѣмъ же предметомъ занимались Идлеръ (*Ueber die Sternkunde der Chaldäer, Abhandl. der Berl. Akademie, 1814, 1815*) и Вурмъ. Весьма отчетливые изысканія Вурма помѣщены въ журналѣ *Zeitschrift für Astronomie, von Lindenau und Bohnenberger, T. III, p. 29*; онъ находитъ, что вѣковое измѣненіе дополненія узла луны до 180° , принятое Бюргомъ ($= 134^\circ 11' 42''$), должно быть уменьшено на $3' 18'' 2$; почти то же онъ нашелъ изъ вычисленія 8 старинныхъ затмѣній солнца, частію упоминаемыхъ Ливіемъ, частію наблюдавшихся въ средніе вѣка въ Европѣ; между тѣмъ какъ, согласно съ Буваромъ, вѣковое уменьшеніе составляетъ только $2' 2''$. Въ лунныхъ таблицахъ Буркгардта вѣковое движеніе дополненія узла луны $= 134^\circ 10' 12''$; посему оно ближе къ истинѣ, но все еще требуетъ поправки. Въ недавнее время знаменитые Англійскіе астрономы Эри (Airy) и Адамсъ тщательно изслѣдовали погрѣшности таблицъ Буркгардта.

Въ такомъ состояніи находился этотъ предметъ, когда ученое Лейпцигское Общество предложило задачу о по-

вомъ вычисленіи затмѣній. Вместе съ успѣхами астрономіи можно ожидать болѣе точности въ изслѣдоваціяхъ, и дѣйствительно эти ожиданія оправдалъ нашъ авторъ. Пользуясь всеми пособіями, которыя нынѣ представляетъ наука, г. Цехъ критически разсмотрѣлъ наблюденія, приводимыя Птолемеємъ, и вычислялъ ихъ, принимая за основаніе солнечныя таблицы Ганзена и лунныя таблицы Дамоассо; эти послѣднія, какъ извѣстно, точнѣе составлены, нежели таблицы Бюрга и Буркгардта; онъ принялъ также во вниманіе поправки, которыя столь удачно изслѣдовалъ г. Эри помощью 80-лѣтнихъ наблюденій луны въ Гриничѣ.

Для каждаго затмѣнія, г. Цехъ опредѣлялъ, какія поправки надобно допустить въ долготѣ и широтѣ луны, вычисленныхъ изъ исправленныхъ, какъ выше сказано, таблицъ, чтобъ удовлетворить наблюденіямъ надъ временемъ и величиною затмѣнія. Потомъ онъ изыскиваетъ поправки элементовъ движенія луны: для этого составляетъ онъ двѣ отдѣльныя группы условныхъ уравненій, изъ которыхъ одна относится къ наблюденіямъ надъ величиною затмѣній, а другая — къ замѣченному древними астрономами времени этихъ явленій. Изъ первой группы можно опредѣлить поправку вѣковаго движенія лунныхъ узловъ, а изъ второй какъ эту поправку, такъ и поправки вѣковыхъ неравенствъ въ среднемъ движеніи и въ средней аномаліи луны. Нѣкоторыя изъ затмѣній, именно многія изъ самыхъ старыхъ, не могли быть употреблены для второй группы, потому что время этихъ затмѣній показаво въ Альмагестѣ слишкомъ неопредѣлительно. Условныя уравненія рѣшены по извѣстнымъ правиламъ теоріи вѣроятнѣйшаго сочетанія наблюденій; вліяніе полутѣни на начало и конецъ затмѣній принято во вниманіе сообразно принято-

му правилу увеличивать для сего радиусъ круга полной тѣни на $\frac{1}{60}$ долю его величины.

Изъ всего изслѣдованія г. Цеха выходитъ, что найденныя г. Эри поправки лунныхъ таблицъ должны быть близки къ истинѣ. Окончательный выводъ соображеній г. Цеха состоитъ въ томъ, что принятое въ таблицахъ Дамоассо вѣковое движеніе луннаго узла должно быть уменьшено на 1,7, — что почти согласуется съ результатами вычисленій Вурма; сверхъ того вѣковое среднее движеніе луны должно быть увеличено на 0,5 противу того, что допускаетъ Дамоассо. Поправка таблицъ относительно движенія средней аномаліи луны не могла быть благонадежно вычислена, по причинѣ неточности старинныхъ наблюденій надъ затмѣніями.

Отличный трудъ г. Цеха будетъ съ благодарностію принятъ астрономами и геометрами, занимающимися изслѣдованіемъ движеній луны.

Ордин. проф. С. Петербургскаго универс.

А. САМУТЪ.

ГРАФИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КИТАЙСКИХЪ ІЕРОГЛИФОВЪ.

Трудность Китайскаго языка извѣстна всякому. Не смотря на богатую литературу, на интересъ, возбуждаемый страной, не многіе пускаются на занятіе предметомъ, который пугаетъ остаться недоступнымъ, не смотря на всѣ усилія. Конечно, трудности языка зависятъ и отъ особенности оборотовъ, родившихся въ своеобразномъ развитіи литературы, и отъ неизвѣстныхъ намъ обычаевъ и предметовъ, но не это пугаетъ желающаго заняться Китайскимъ языкомъ; всего страннѣе для него кажется письменность сама по себѣ, не подходящая подъ правила нашего алфавита. Можно сознаться, что Европейцы никогда не изучали Китайскаго языка такъ, какъ они изучаютъ другіе языки, и, въ этомъ случаѣ, гораздо выше ихъ по своимъ познаніямъ стоятъ Японцы, Корейцы и навѣрно Кохинхинцы. Послѣдніе народы употребляютъ, какъ и сами Китайцы, на изученіе языка продолжительное время; Европейецъ же хочетъ замѣнить матеріальный трудъ методой; а отсутствіе ея въ изученіи Китайскаго языка и есть причина отсутствія нашихъ успѣховъ. Метода — основаніе всей нашей учености — на этотъ разъ стала въ-ту-

пикъ: просмотрите всѣ грамматики, написанныя когда-либо Португальцами, Французами, Англичанами и Нѣмцами, и скажите, можете ли вы съ помощію ихъ надѣяться легко изучить Китайскій языкъ. Переберите всѣ лексиконы и скажите, надѣетесь ли посредствомъ ихъ запомнить Китайскія слова. Однакожь, истощилъ ли здѣсь Европейскій умъ все свое вниманіе, всю свою изворотливость, которую онъ такъ отличается въ другихъ случаяхъ? Метода въ самомъ ли дѣлѣ недоступна Китайскому языку, или ее нужно отыскивать помимо тѣхъ руководствъ, которыя мы имѣемъ? Для этого намъ необходимо познакомиться съ идеями Китайской письменности. Она обозначается у насъ общимъ, довольно-техническимъ и мало-понятнымъ названіемъ іероглифовъ. Что такое Китайскій іероглифъ? — Этого мы и сами не можемъ опредѣлить, да и никакое опредѣленіе не можетъ быть вѣрно и точно: потому что іероглифъ не укладывается въ одну рамку, не принадлежитъ къ одной какой-либо категоріи. Начало Китайской письменности относится къ самымъ отдаленнымъ временамъ человѣческаго развитія; она неоспоримо однакожь принадлежитъ Китайской націи, а не заимствована отъ другихъ народовъ. Младенчество письменности было вмѣстѣ и началомъ живописи: чертили форму солнца, луны, горы, птицы, человѣка и прочаго, все, что можно было изобразить живописью изъ предметовъ, существующихъ въ словѣ или языкѣ. Но, конечно, этого недостаточно было для обозначенія цѣлой рѣчи, конечно, въ это время не было и письменности; когда она стала формироваться, то должна была принять направленіе совершенно-противоположное живописи; послѣдняя старалась набросать какъ можно болѣе чертъ, первая — обусловить обозначеніе пред-

мета какъ можно меньшимъ ихъ количествомъ; нынѣ отъ древней фигуры человѣка остались только двѣ черты (означающія ноги), мясо едва сохраняетъ видъ ребръ, гора только чуть-чуть напоминаетъ форму возвышенія, огонь — пламени, рѣка — теченія и т. д. Однакожь, смотря на уродливую Китайскую живопись и великолѣпные образцы Китайской письменности, которой Китайцы отдаютъ предпочтеніе предъ первой, нельзя не согласиться въ ея успѣхахъ и въ матеріальномъ отношеніи — но не въ этомъ дѣло. Первые Китайскіе іероглифы были, какъ мы видимъ, живописные, или, какъ мы приняли называть ихъ, изобразительные; но много ли словъ можно передать посредствомъ этого и особливо въ письменности, которая дорожить временемъ? какъ изобразить отвлеченныя понятія, человѣческія дѣйствія, небесныя и физическія явленія? Настаетъ другой періодъ письменности — стали прибѣгать къ комбинаціи, къ составленію изъ живописныхъ іероглифовъ понятій отвлеченныхъ; малое вверху большаго составило іероглифъ — острый, мясо на огнѣ стало означать слово жарить, поле на сердцѣ обусловило понятіе думать, человѣкъ у дерева — отдыхать и т. д. Мы думаемъ, что безошибочно назовемъ іероглифы этого характера именемъ отвлеченныхъ или эмблематическихъ. Живопись и эмблема — вотъ первыя основанія Китайской письменности. Но и этотъ запасъ истощился. Какимъ же образомъ выразить дальнѣйшіе матеріалы слова; мы видимъ, что до-сихъ-поръ письменность идетъ помимо языка; іероглифы изобразительные и отвлеченные могутъ быть общи всѣмъ народамъ, хотя однакожь и въ нихъ не незамѣтно присутствіе Китайскаго звука, — что и удостовѣряетъ насъ въ принадлежности ихъ только Китайской націи. Конечно, слово

человѣческое развивалось, не завися отъ письменности, опережая ее; человѣкъ говорилъ и составлялъ фразы рѣчи прежде, нежели началъ ихъ писать, — хотя нельзя допустить, чтобы въ младенствѣ человечества языкъ обладалъ такимъ обильнымъ запасомъ словъ, какъ нынѣ; понятія, самые предметы, насъ окружающіе, были не такъ многосложны, слѣдовательно не были многосложны и ихъ выраженія; но рѣчь, передача мыслей уже существовала. Какимъ же образомъ выразить ее въ іероглифическомъ письмѣ? Китайскій языкъ принадлежитъ древности, въ немъ звуковъ или словъ самое ограниченное количество, и, конечно, эти звуки принадлежатъ видимымъ предметамъ и ближайшимъ проявленіямъ внѣшней и внутренней природы; они схвачены были уже живописью и комбинаціей ея группъ; но слово ушло впередъ, въ одномъ звукѣ стали заключаться отвлеченныя понятія, которыя, примѣняясь къ рѣчи, принимали разнообразное значеніе; человѣкъ не могъ не прийти въ анализѣ природы къ вѣкоторой степени систематизированія; онъ могъ, напримѣръ, найти общія черты въ деревьяхъ, птицахъ, звѣряхъ, металлахъ, камняхъ, насѣкомыхъ и проч.; одни были или выше другихъ или слабѣе, благороднѣе или презрѣннѣе, полезнѣе или вреднѣе; не мудрено, что онъ наименовалъ ихъ одинаково въ своей рѣчи съ прибавленіемъ словъ — дерево, трава, звѣрь и т. д. Что же дѣлалъ письменный языкъ въ этомъ случаѣ? Всѣ звуки языка были уже достаточно схвачены живописью или комбинаціей; онъ ими пользуется для означенія новыхъ понятій, заключающихся въ старомъ звукѣ; но для того, чтобы обозначить, что здѣсь идетъ рѣчь о деревѣ или о птицѣ, камнѣ, звѣрѣ и т. п., онъ дѣлаетъ еще новую комбинацію, прилагаетъ къ выраженію звуковъ новыя группы,

заимствованныя изъ первыхъ же категорій т. е. дерева, птицы, звѣря и т. д. Теперь письменность имѣетъ неистощимыя средства. Но этого мало. Мы, больше знакомые съ полисиллабическими языками, мало обращаемъ вниманія на моносиллабическіе; здѣсь совсѣмъ другая жизнь, чѣмъ въ первыхъ; отношенія точно тѣ же, какъ между живописью и Китайской письменностію; въ то время, какъ одни языки разрастаются въ своемъ объемѣ, другіе стараются какъ можно болѣе сократиться. Для примѣра возьмемъ только Тибетскій языкъ: въ немъ мы видимъ въ письмѣ, которое ухватило еще произношеніе древнихъ словъ, окончаніе словъ на *д*, *р*, *с*, *з*, *л* и проч.; возьмите — какъ выиѣ произносятся эти слова Тибетцы: всѣ перечисленные нами согласныя уже болѣе не слышны — ихъ замѣняетъ едва замѣтное — *й* (въ одѣ — *эй*, серъ — *сэй*, огъ — *о* и проч.). И Китайскій языкъ въ древности не могъ оканчиваться, какъ выиѣ, только на одну согласную букву *н*; слѣдовательно, корней словъ въ немъ гораздо болѣе, чѣмъ выиѣшнихъ звуковъ или складовъ. Что же дѣлаетъ здѣсь письменный языкъ; онъ имѣетъ дѣло съ однимъ звукомъ, не обращая вниманія на то, что онъ значить; онъ хочетъ ухватить его произношеніе тѣми формами, которыя уже имѣются въ письменности, а чтобы опредѣлить значеніе этого звука до нѣкоторой степени, прибѣгаетъ опять къ прибавленію, при выраженіи звука, группы, которая бы показывала разрядъ, къ которому относится слово т. е. касается ли оно мысли, частей тѣла — зрѣнія, движенія, или видимыхъ предметовъ. Во всякомъ случаѣ, имѣетъ ли участіе та часть іероглифа, которая берется для означенія чтенія или произношенія въ самой идеѣ, выражаемой всѣмъ іероглифомъ, или нѣтъ — только мы видимъ, что есть іеро-

глифы сложные, начавшіе развиваться, какъ продолженіе системы отвлеченности, и преобразившіеся въ чисто-фонетическую или — какъ Китайцы ее называютъ — тоногласительную форму. Этимъ и оканчиваются вся исторія и весь составъ письменности. Она не приняла алфавита, къ которому однакожь видимо стремилась, и это произошло отъ различныхъ причинъ: письменность, появившись на первыхъ порахъ развитія языка, обхватила моносиллабы и не допустила ихъ до полного превращенія въ многосложные звуки; различныя провинціи, существовавшія, какъ отдѣльныя царства, стали отличатся различнымъ произношеніемъ словъ, для которыхъ письменный языкъ сталъ общимъ и тѣмъ поддержалъ единство націи. Но есть ли вмѣстѣ съ тѣмъ Китайская письменность явленіе совершенно-независящее отъ звуковъ слова, какъ обыкновенно предполагаютъ это въ названіи іероглифовъ? Изъ сказаннаго выше очень ясно, что этого никакъ нельзя допустить въ отношеніи къ іероглифамъ третьей категоріи. Правда, чтеніе здѣсь не самое опредѣленное; одинъ и тотъ же іероглифъ часто употребляется для означенія чтенія напри- мѣръ *хай* и *гай*, *кай*, *хяй* и т. п., равно для означенія одного извѣстнаго звука не всегда берутся одни и тѣ же іероглифы. Но это уже второстепенныя отступленія, обусловливаемая исторіей самой письменности, которая, какъ мы намекнули, развивалась въ различныхъ царствахъ, имѣвшихъ свои нарѣчія. По соединеніи Китая, все созданное по частямъ поступило въ общее достояніе. Итакъ, не смотря на всѣ отгѣйки звука или перемѣны въ немъ буквъ, іероглифъ, взятый для обозначенія его, представляетъ все же тѣсную связь письменности съ изустнымъ языкомъ. Когда мы не упустимъ этого изъ виду, то запомнотованіе

разнообразнаго чтенія не можетъ уже представлять большой трудности. Теперь, въ какомъ отношеніи находятся фонетическіе іероглифы, или третья категорія къ двумъ первымъ. При Сунской династіи количество всѣхъ іероглифовъ полагалось въ 24235; изъ нихъ, къ первой категоріи относилось 715, ко 2-й 1112 и къ 3-й — 22,408 знаковъ! Какъ не сказать послѣ этого, что весь Китайскій языкъ есть фонетическій, т. е. что въ его іероглифахъ заключается, кромѣ идеи, и основа чтенія. Въ этомъ мы убѣждаемся еще болѣе, когда, рассматривая іероглифы первыхъ двухъ категорій, находимъ между ними такіе, которые уже вышли изъ употребленія; здѣсь мы не можемъ не замѣтить также стремленія языка преобразить формулы первыхъ двухъ категорій въ такой видъ, чтобъ онѣ принадлежали къ фонетическимъ (*). Между тѣмъ, со временемъ, количество іероглифовъ возрасло еще болѣе; знаменитый Китайскій лексиконъ Канъ-си-цзы-дянь перечисляетъ намъ уже 35,416 начертаній. Эти одиннадцать тысячъ слишкомъ новыхъ группъ были составлены по послѣдней категоріи. Итакъ, тысяча съ небольшимъ начертаній послужила основаніемъ всей Китайской письменности, которая однакожь вовсе не можетъ ужасать насъ своею громадностію: потому что, вмѣсто пресловутыхъ клкихъ-то 84 тысячъ, недостижимыхъ будто для запомнанія іероглифовъ, мы не встрѣчаемъ на дѣлѣ и половины, да и изъ нихъ еще очень-очень много такихъ, которыя не встрѣтятся и во всю жизнь, — такъ что можно сказать: зная третью часть всѣхъ іероглифовъ, можно уже похвалиться знаніемъ Китайскаго языка. Припомнимъ, что

(*) Это ясно видно въ моемъ разборѣ группъ, гдѣ я постоянно указываю, что такая-то группа вымѣ пишется такъ-то.

въ древности и въ самомъ Китаѣ давали чины тому, кто могъ заучить 9000 іероглифовъ. Гдѣ же разглашаемая трудность, которою насъ пугаютъ и которая пугаетъ всякаго заняться языкомъ самымъ оригинальнымъ, познакомиться съ литературой востока самой разнообразной и своеобразной, съ страной, которая право заслуживаетъ того, чтобы ее изучали хотя столько же, сколько изучаютъ народы и литературы давноминувшихъ дней. Но и десять тысячъ іероглифовъ могутъ составить не малое затрудненіе. Скажетъ ли по-совѣсти какой-нибудь Европеецъ, что онъ знаетъ это количество вполне безошибочно во всемъ объемѣ; что можетъ, какъ говорится, зажмуря глаза, написать ихъ, показать различіе ихъ отъ другихъ сходныхъ, сходство и синонимичность съ нѣкоторыми. Не сознается ли всякій изъ насъ, что, не смотря на то, что если онъ и свободно читаетъ большую часть книгъ, такъ это отъ продолжительнаго навыка, а не отъ зрѣлаго знакомства съ іероглифами, которые не могутъ хотя отчасти не представляться въ головѣ его спутанными. И эта путаница не избѣжна тамъ, гдѣ отсутствуетъ всякая система. Прослѣдите, какъ учатся Китайскому языку Европейцы, по тѣмъ грамматикамъ, которыя для нихъ написаны. Изъ сказаннаго выше очень естественно предположить, что прежде всего необходимо-нужно изучить іероглифы первыхъ двухъ категорій: это почти то же, что азбука въ другихъ языкахъ, основаніе всѣхъ будущихъ успѣховъ. Какъ можно надѣяться на прочное и основательное знаніе, не познакомившись напередъ съ существенными элементами письменности; какъ запомните вы всякое новое слово, гдѣ дадите ему свое мѣсто? Между тѣмъ, всѣ извѣстныя намъ грамматики говорятъ почти только вскользь о раздѣленіи

іероглифовъ по сказаннымъ нами категоріямъ, не знакомятъ съ группами, послужившими основаніемъ языка, и спѣшать къ передачѣ правилъ этимологіи, которой собственно не существуетъ: потому что какая этимологія тамъ, гдѣ слово не подвержено никакому измѣненію ни въ склоненіяхъ, ни въ спряженіяхъ? Набиваютъ синтаксисъ правилами изъ древнихъ книгъ, которыя, принадлежа письменности, въ древности еще не-вполнѣ обработанной, представляютъ только отступленія отъ правилъ. Но всѣ грамматикки стараются обратить вниманіе учащагося на такъ-называемые ключи; онѣ предполагаютъ, что это самый легкій способъ изученія языка, что ключи открываютъ входъ ко всѣмъ таинствамъ науки. Мы сказали выше, что самая большая и главнѣйшая часть Китайскихъ іероглифовъ составлена изъ комбинаціи двухъ или нѣсколькихъ группъ, въ которыхъ одна часть должна показывать чтеніе, а другая — тотъ классъ, къ которому относится выражаемое цѣлой группой понятіе. Въ послѣднемъ случаѣ, предъ нами является какъ бы энциклопедическое раздѣленіе всѣхъ словъ на извѣстные отдѣлы, и Китайцы насчитали ихъ всего 214. Европейцы дали имъ названіе ключей, которое и мы готовы удержать, только не придавая имъ такой существенной важности, которую хотѣли соединить съ этимъ названіемъ. Думали, что достаточно изученія однихъ этихъ ключей: потому что съ помощію ихъ легко составить лексиконы, въ которыхъ бы можно было отыскать всѣ Китайскія слова. Въ этомъ случаѣ, Китайцы ввели въ заблужденіе Европейцевъ; ихъ лучшіе лексиконы составлены такимъ образомъ. Но лексиконъ рѣдко является въ рукахъ Китайскаго ученаго; онъ прибѣгаетъ къ нему тогда только, когда уже очень хорошо

выучится языку, и, читая новыя книги, встрѣтитъ въ нихъ всего какихъ-нибудь десять или двадцать невзвѣстныхъ словъ; въ этомъ случаѣ, чѣмъ скорѣе онъ отыщетъ нужное слово, тѣмъ лучше; онъ съумѣетъ дать ему мѣсто въ своей головѣ, потому что память его имѣетъ уже богатый запасъ родственныхъ іероглифовъ. Дѣло въ томъ, что Китайцы изучаютъ свой языкъ долгое время, подъ руководствомъ учителей, не дѣлая безъ нихъ ни шагу, пока не изучатъ если не всѣ, такъ большую часть классическихкихъ книгъ. Да и какъ иначе они могли бы изучать свой языкъ? какъ Китаецъ можетъ учиться безъ учителя, у себя на дому? когда онъ забудетъ какъ читается какое-нибудь слово, то какимъ знакомъ онъ можетъ его воспроизвести? какое другое средство лучше въ такомъ случаѣ для запечатлѣванія, какъ не постоянное словесное указаніе учителя? Для Китайца учиться письменному языку такъ же трудно, какъ и вамъ, даже еще труднѣе; мы можемъ записать буквами своего языка чтеніе и значеніе іероглифа, тогда какъ Китайцу не возможно этого сдѣлать: потому что если онъ учатся, значить еще не знаетъ письменности.

Участіе ключеваго знака въ іероглифѣ хотя и довольно важно, но, по нашему мнѣнію, было бы гораздо понятнѣе, еслибы грамматки показали обстоятельнѣе при перечисленіи ключевыхъ знаковъ ихъ значеніе и кругъ повятій, который они въ себѣ заключаютъ. Большая часть іероглифовъ употребляется нынѣ почти метафорически, и вообще сфера словъ, входящихъ въ ключъ, чрезвычайно разнообразна — такъ что, когда вы раскрываете ключевой лексиконъ, то подлѣ отыскиваемого вами слова ничто уже не напоминаетъ въ другихъ средствахъ съ нимъ ни формой, ни значеніемъ; а это, мы думаемъ, одно изъ важныхъ тре-

бывающій со стороны лексикона: во всѣхъ нашихъ словаряхъ вы видите подлѣ отыскиваемого слова близкія къ нему, и невольно знакомитесь съ нимъ. Въ Китайскомъ лексиконѣ вовсе этого нѣтъ. Раскройте любую страницу, вы читаете въ родѣ слѣдующихъ словъ: цзунъ — предокъ, гуань — чиновникъ, динъ — утверждать, в — должно и т. д. Соединеніе такихъ словъ произошло благодаря только тому обстоятельству, что въ письменной ихъ формѣ есть общій ключевой знакъ, едва замѣтный въ отношеніи къ прочей группѣ. Поймете ли вы вмѣстѣ съ тѣмъ, почему всѣ такія значенія отвесены къ одному ключу? Такіе іероглифы мы выбрали не нарочно — подобное встрѣчается на каждой страницѣ лексикона. Расположеніе въ немъ фонетическихъ группъ вовсе не зависитъ ни отъ ихъ чтенія, ни отъ ихъ письменной формы, а только отъ количества входящихъ въ нихъ чертъ, которыя, разумѣется, надобно сравнивать съ буквами; каковы бы были напримѣръ наши лексиконы, еслибы кто-нибудь всѣ слова въ нихъ расположилъ по количеству буквъ — еслибъ другъ подлѣ друга очутились слова: домъ, окно, перо, колъ, часы и проч. потому только, что въ нихъ 4 буквы! Самые ключевые знаки расположены здѣсь также по количеству заключающихся въ нихъ чертъ, а не на основаніи энциклопедическихъ отношеній; намъ кажется, что они скорѣе бы запоматовались, еслибъ ихъ раздѣлили на физическія или принадлежащія къ царствамъ природы, къ тѣлу, дѣйствіямъ и т. д. Тотъ, кто станетъ отыскивать въ ключевомъ лексиконѣ слова, возразятъ мнѣ, пересчитывая черты какъ бы пишетъ всю группу, а извѣстно, какое важное отношеніе имѣетъ письмо въ запоматываніи іероглифа. Сами Китайцы сознаются, что лучше одинъ разъ написать

іероглифъ, чѣмъ десять разъ пробѣжать его глазами; не писавши 3 мѣсяца іероглифы, чуть не забываешь, какъ они пишутся. Все это, можетъ быть, правда, но не относительно однакожь той методы, которую мы предлагаемъ: учащійся, который долженъ рыться въ лексиконѣ, безпрестанно перебѣгаетъ отъ одной группы къ другой, такъ что, написавъ одно слово или сосчитавъ его черты, онъ тотчасъ обращается къ другому и, конечно, долженъ выпустить изъ головы первое.

Всѣ мы учились однакожь по такой методѣ: ей слѣдовали и миссіонеры въ Китаѣ, ею руководятся, какъ должно думать, и синологи Европейскіе, не выѣзжавшіе изъ своей страны. Какимъ же образомъ они выказываютъ свои знанія? Но чего имъ стоятъ пріобрѣтеніе ихъ? Притомъ, по-крайней-мѣрѣ учившіеся въ самомъ Китаѣ сознаются, что они пріобрѣтали свѣдѣнія подѣ руководствомъ Китайскихъ учителей, которые имъ замѣняли болѣе или менѣе хорошо-составленную христоматию; изучивши языкъ достаточно, они уже тогда стали браться за лексиконъ. Слѣдовательно, собственно говоря, мы учимся по Китайской методѣ, развѣ только не учимъ наизусть Сы-шу и 5 цзиней, что однакожь обращается намъ въ ущербъ: потому что при такой методѣ необходимо уже не отступать ни въ чемъ отъ Китайцевъ. Классическія книги суть вѣрное речательство знанія языка: ихъ фразами и оборотами пользуются всѣ — и философы, и составители медицинскихъ книгъ.

Но главное неудобство ключевой методы заключается въ томъ, что принимающійся за изученіе Китайскаго языка и не зная въ чемъ дѣло, завиствуетъ отъ другихъ убѣжденіе, что это самое лучшее средство къ ознакомленію съ

іероглифами. Ключевыхъ знаковъ всего 214, а фонетическихъ мы видимъ болѣе 1000; уклоняясь отъ тяжелаго знакомства съ послѣдними, онъ избираетъ еще болѣе трудный путь; можно прочесть уже много книгъ съ помощію или учителя или лексикона, а составъ языка все еще не весь постигнуть; отыскивая въ ключевомъ лексиконѣ іероглифъ, не знаешь, откуда происходитъ чтеніе и даже значеніе, всегда болѣе принадлежащее звуку, чѣмъ ключу; фонетическія группы имѣютъ варианты, часто употребляются одна вмѣсто другихъ, представляютъ сходство съ другими въ начертаніи; все это неизвѣстно учащемуся, и для узнанія всего этого ему нужно нѣсколько лѣтъ съ помощію ключевой системы, да и то врядъ ли онъ узнаетъ все какъ надобно. Мы обращаемся въ этомъ къ добросовѣстному сознанію всѣхъ синологовъ, которые слѣдовали только такой методъ.

По нашему мнѣнію, всего важнѣе изучить напередъ фонетическія группы какимъ бы то ни было образомъ: въ составъ ихъ входятъ уже всѣ ключи; тогда учащійся не будетъ въ невѣзѣстности и недоумѣніи при всемъ дальнѣйшемъ занятіи языкомъ; онъ можетъ встрѣчать невѣзѣстныя ему комбинваціи, но изъ группъ, которыя уже исполнилъ ему знакомы; ему легко будетъ понять тогда какъ чтеніе, такъ и происхожденіе значенія; устранивъ на первыхъ же порахъ всякую сбивчивость, хотя бы это потребовало и большихъ усилій: вотъ главная цѣль, которую мы имѣемъ въ виду.

Къ изученію фонетическихъ группъ, хотя и не съ той цѣлію, чтобъ поставить ихъ необходимою обязанностию для каждаго учащагося, приступлено было однакожь съ давняго времени. Еще въ 1829 году, Курцъ и Левассеръ

издали въ Парижѣ брошюру, въ которой разбирается — какое одна фонетическая группа даетъ чтеніе, или для какого звука употребляются какія группы. Но спрашивается, какая польза отъ того могла произойти; еслибы вздатели перечислили подѣ каждой группой всѣ іероглифы, въ которыхъ фонетическая группа читается такъ или иначе, это было бы другое дѣло; иначе — какъ можно пользоваться простой подписью подѣ одной группой нѣсколькихъ чтеній; что же касается до того, что даютъ по нѣскольку іероглифовъ на одинъ звукъ, то для чего хотѣли этимъ услужить составители брошюры? Если кто не знаетъ іероглифа, какъ онъ пишется, то никакъ не можетъ написать его по этому руководству, хотя бы и звалъ его произношеніе. Во всякомъ случаѣ, явленіе такой брошюры показываетъ, что Европейскій умъ предчувствовалъ, что ему нужны своеобразное воззрѣніе на предметъ и самостоятельная метода, выходящая изъ общепринятой колѣи.

Наконецъ въ 1841 году является знаменитый лексиконъ г. Каллери (Callery), изданный въ Макао. Невѣстно, руководился ли онъ въ своемъ трудѣ опытомъ Курца, или пришелъ къ нему самостоятельнымъ образомъ, — что легко могло статься: потому что человѣку съ здравымъ смысломъ, сблизившемуся съ языкомъ не поверхностно, пельзя не прийти къ отыскиванію средствъ улучшить и облегчить методу изученія. Каллери издалъ лексиконъ болѣе обширный по количеству іероглифовъ, чѣмъ ключевый Дегивевъ, и сверхъ того не такъ тяжелый и объемистый, что чрезвычайно облегчаетъ его употребленіе. Здѣсь вполнѣ развита система фонетическая: открываете любой отдѣлъ и въ немъ видите рядъ однихъ и тѣхъ же группъ, варированныхъ ключами, которые здѣсь ста-

новятся гораздо понятнѣе; часто вы видите, что весь отдѣлъ имѣетъ одно только чтеніе, въ другомъ — небольшія исключенія или, лучше, уклоненія, которыя не могутъ не обратитъ на себя вашего вниманія и чрезъ то запоминаться. Если вамъ, отыскивая слова въ этомъ лексиконѣ, придется заглянуть въ который-нибудь отдѣлъ нѣсколько разъ, то нельзя, чтобъ онъ не удержался весь въ вашей памяти. Жаль только, что г. Каллери, отдѣляя чтеніе, не отдѣлялъ интонацій и писалъ ихъ смѣшанно; для пользования Русскихъ другое, хотя и второстепенное неудобство заключается въ чтеніи іероглифовъ, которое подписано такими Европейскими буквами, что намъ, привыкшимъ къ столичному Пекинскому выговору, съ перваго раза оно не можетъ не показаться варварскимъ. Намъ кажется, что г. Каллери уже черезъ-чуръ увлекся своей методой; ему хотѣлось доказать преимущественно, что Китайскій языкъ фонетическій, и потому главная часть его труда обнимаетъ только такія группы; отъ этого изъ цѣлости его системы должны были неминуемо ускользнуть нѣкоторыя формы; однакожь онъ поправляется, хотя отчасти, приложеніемъ въ концѣ указателя (index) и прибавленія (appendix), чрезъ что однакожь цѣлость всего Китайскаго языка кажется нѣсколько сбивчивой и разрозненной! За всѣмъ тѣмъ трудъ его вызываетъ на полное сочувствіе и уваженіе къ уму и методѣ Европейца. И что же — нашлись люди, которые поспѣшили раскритиковать это сочиненіе, сказать, что оно гораздо неудобнѣе системы ключевой. Странная вещь: въ горсти Европейскихъ синологовъ, между которыми должно бы быть одно общее стремленіе поощрить всякое улучшение, является духъ полемики, и въ изученіи предмета почти новаго, для разработки котораго потребуются

еще столѣтія, являются уже предрасудки и старовѣры! Не знаемъ, до какой степени система Каллери пользуется уваженіемъ въ Европѣ нынѣ, но то вѣрно, что до настоящаго времени она не въ ходу между Русскими синологами. Конечно, людямъ, начавшимъ учиться до появленія новой системы, трудно отстать отъ сдѣланныхъ привычекъ; имъ кажется, что всякій новый путь гораздо сложнѣе и дальше отъ цѣли. Вотъ чѣмъ можетъ быть объяснено такое равнодушіе!

Нельзя не пожалѣть также о томъ обстоятельствѣ, что г. Каллери, строго слѣдуя своей системѣ и принявъ за основаніе 1040 фонетическихъ группъ (число, какъ видимъ, близко подходящее къ количеству, заключавшемуся въ двухъ первыхъ категоріяхъ), помѣщаетъ изъ нихъ въ своемъ лексиконѣ только такія, которыя встрѣчаются лишь съ однимъ ключемъ; если-же, въ свою очередь, этотъ ключъ съ фонетической группой является снова, какъ одна фонетическая группа съ вторымъ ключемъ, но не можетъ составить, по малому объему, группъ особаго отдѣла, тамъ іероглифы исчезаютъ изъ лексикона. Намъ кажется, что Каллери сдѣлалъ бы гораздо лучше, еслибы не стѣснялся слишкомъ строго избранной системой и такимъ образомъ давалъ имъ мѣсто въ ряду прочихъ. Но главное несовершенство лексикона г. Каллери заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что онъ 1040 фонетическихъ группъ расположилъ въ порядкѣ числительномъ т. е. по количеству чертъ, и такимъ образомъ разъединилъ сходныя между ними (хотя, впрочемъ, часто указываетъ на сродство въ примѣчаніяхъ къ каждому отдѣлу). Но здѣсь начинается уже наша собственная и самостоятельная метода.

Сами мы, въ продолженіе десятилѣтняго пребыванія

въ Пекинѣ, слѣдовали въ изученіи Китайскаго языка общей всѣмъ методѣ. Съ помощію постояннаго присутствія учителей, чтенія разныхъ родовъ Китайской литературы прибрѣли познанія, надѣмся, не хуже другихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, когда вспомнимъ, чего это намъ стоило и какъ несистематично было наше обученіе, нельзя не пожалѣть объ этомъ искренно. Въ послѣднее только время я сталъ понимать, что въ обученіи языка можно бы было принять нѣкоторыя улучшенія; но я занимался болѣе для самого себя, и то, что я прибрѣлъ, казалось мнѣ достаточнымъ. Но когда, по возвращеніи въ отечество, я назначенъ былъ къ занятію катедры Китайскаго языка, мнѣ нельзя было не прійти къ той мысли, что если въ самомъ Китаѣ, въ продолженіе десяти лѣтъ, съ трудомъ изучаются языку, то какимъ образомъ можно научить ему достаточно въ продолженіе какихъ-нибудь четырехъ лѣтъ, и между тѣмъ, ужели нужно времени болѣе этого, когда учащійся съ перваго раза будетъ имѣть подъ рукой лучшія руководства, когда іероглифы будутъ приходить въ его сознаніе по извѣстной системѣ, а не какъ-попало. Мнѣ не былъ извѣстенъ трудъ Каллери, хотя и появившійся въ Европѣ уже тогда, когда я былъ въ Пекинѣ; у меня и досихъ-поръ сохранились черновые матеріалы, по которымъ я самъ собой дошелъ до той же самой системы, какъ и онъ. Но я не думаю этимъ тщеславиться; когда я получилъ наконецъ лексиконъ г. Каллери, то встрѣтилъ въ немъ съ радостию подкрѣпленіе своей идеи и не чувствовалъ никакой досады, что былъ уже опереженъ. Однакожь, еслибы я не началъ своихъ изысканій самъ отъ себя, то и не пришелъ бы къ тѣмъ результатамъ, которые имѣлись у меня въ головѣ: вѣроятно, трудъ Каллери,

сдѣлавшись мнѣ извѣстнымъ ранѣе, заставилъ бы меня удовольствоваться тѣмъ уже, что было имъ сдѣлано.

Каллери представляетъ полный сводъ Китайскаго языка или лексиконъ; у меня главною цѣлію было представить начинающимъ учиться, въ одной общей картинѣ, всѣ первоначальныя и нужнѣйшія группы — т. е. то, что должно быть какъ бы введеніемъ къ пользованію его лексикономъ.

Доселѣ всѣ ученые разсматриваютъ Китайскій языкъ только со стороны идеи, по которой построены іероглифы; отсюда и произошли двѣ системы — ключевая и фонетическая. Но вѣдь это не имѣетъ никакого отношенія къ письменности самой по себѣ т. е. къ тѣмъ чертамъ, которыя ее составляютъ, а эти черты то же, что азбука въ другихъ языкахъ. И притомъ, нельзя не замѣтить, что, не смотря на сильное участіе комбинаціи въ группахъ, сами группы, пока онѣ не сложныя, представляютъ рядъ постепеннаго сплетенія между собой различныхъ чертъ, и въ этомъ сплетеніи съ каждой новой чертой является новое слово, новое понятіе. Для начинающихъ учиться, если они не будутъ первоначально ознакомлены съ постепенностію происхожденія формъ и группъ, это производитъ смѣшеніе и сбивчивость: покажите ихъ ему съ самаго начала, и тогда не только новый іероглифъ не покажется отягощеніемъ памяти, но подкрѣпляетъ общностию происхожденія запечатованіе предыдущихъ. Если мы будемъ учиться безъ системы, то какихъ трудовъ будетъ стоить запомнить разницу тамъ, гдѣ одна лишняя черта, одно большее или меньшее протяженіе черты, — та, а не другая черта даетъ совершенно новый іероглифъ. И между-тѣмъ, все это и легко и понятно, когда имѣешь предъ

собой общій сводъ такихъ іероглифовъ. Когда сдѣланъ былъ выборъ тѣхъ іероглифовъ, которые должны быть показаны учащемуся на первыхъ порахъ, меня занимало не столько объясненіе ихъ, равно какъ и составленіе лексикона, сколько размѣщеніе въ такомъ порядкѣ, который бы былъ самый лучший и отчетливый. Повѣрять ли, что въ продолженіе каждаго года, я посвящалъ часто по нѣскольку мѣсяцовъ на расположеніе группъ то въ томъ, то въ другомъ порядкѣ, мнѣ казалось это дѣломъ первой важности, потому что это все-равно, что я творилъ азбуку Китайскаго языка. Метода, однажды принятая, можетъ быть послѣдуема безъ исправленія долгое время, и потому, чѣмъ меньше въ ней недостатковъ, тѣмъ она благотворнѣе; повѣрять ли, что я радовался, какъ какой-нибудь самой рѣдкой находкѣ, когда могъ найти хотя одному іероглифу болѣе приличное или видное мѣсто. Конечно, и представляемая теперь метода имѣетъ еще кой-какіе недостатки; но я думаю, что главное дѣло сдѣлано и другимъ, не такъ утомленнымъ, какъ я, продолжительнымъ занятіемъ, — будетъ легче видѣть, гдѣ можно сдѣлать кой-какія улучшения и поправка.

Дѣло въ томъ, что не трудно видѣть сходство и различіе одного іероглифа съ другимъ, но какъ поставить ихъ такъ, чтобъ они были на мѣстѣ и не заслоняли между собой другихъ, — чтобъ учащійся легко могъ запомнить на первыхъ порахъ, хотя гдѣ отыскать тотъ или другой іероглифъ. Каждая группа требуетъ для себя особенной системы, а между-тѣмъ въ ученіи нужна метода, которая бы сводила всякое разнообразіе къ одному закону. Смотря на принятое мною расположеніе, кажется, что нетрудно было придумать его, а между-тѣмъ оно требовало продол-

жительныхъ попытокъ и соображеній. Не вдругъ пришелъ я къ той мысли, что въ каждой группѣ есть линія господствующая предъ другими, около которой, уже какъ второстепенныя, онѣ переплетаются; что надобно, для удобства, взять самыя нижнія черты и переходить къ постепенному ихъ развѣтвленію или расположенію; наконецъ, такимъ же точно образомъ переходить отъ нижнихъ группъ къ высшимъ, или отъ праваго бока къ лѣвому.

Моя система не есть уже произволь: она принадлежитъ характеру письменности и ею только занимается, не обращая вниманія на происхожденіе іероглифовъ, и между-тѣмъ здѣсь являются на видъ сами собой всѣ категоріи. Превжніе синологи какъ будто забыли, что во всякомъ лексиконѣ нѣтъ дѣла до значенія, а всего важнѣе — порядокъ буквъ. Китайская письменность не имѣетъ алфавита; такъ, во вѣдь она состоитъ изъ чертъ. Что же такое эти черты, какъ не тѣ же буквы; количество группъ огромно, но главныхъ чертъ, принимающихъ въ нихъ участіе, всего не болѣе 8. Вотъ вся основа расположенія. Не удобнѣ ли такой лексиконъ, который расположенъ по 8 главнымъ чертамъ, вмѣсто того, чтобъ рыться въ 214 ключевыхъ знакахъ или 1040 фонетическихъ группахъ: послѣднія придутъ здѣсь уже сами собой въ порядкѣ чертъ, и запомнить ихъ вамъ будетъ гораздо легче, чѣмъ даже преславутые ключи.

Запомните только главные 8 чертъ. И если вы несколько не знаете Китайскаго языка, или не потрудились даже пробѣжать, хотя мимоходомъ, системы, въ которой расположены у меня группы подъ каждой изъ этихъ чертъ, открывайте любую книгу — выбирайте любой іероглифъ: если онъ состоитъ изъ одной группы, смотрите на преоб-

ладающую въ ней черту внизу — это тотъ изъ 8 отдѣловъ (послѣдніе два соединены у меня даже вмѣстѣ), въ которомъ вы должны отыскивать іероглифъ; прибирайте ближайшую къ нему черту (сверху или съ праваго бока), отыскивайте ихъ мѣсто въ томъ же отдѣлѣ, и тамъ вы найдете по порядку всѣ сплетенія, въ которыхъ представляется вамъ выбранная группа. Если іероглифъ сложный, т. е. состоитъ изъ нѣсколькихъ группъ, выбирайте самую нижнюю или правую (когда группы стоятъ рядомъ), отыскивайте ея мѣсто сказаннымъ порядкомъ въ отдѣлѣ, да-лѣе по порядку явятся предъ вами всѣ группы, изъ которыхъ составленъ іероглифъ (разумѣется, принимая въ расчетъ и самый лексиконъ). Если же вы, отыскавъ сказанную группу, не найдете при ней другихъ, то это значитъ, что вы взяли для отысканія ключъ, или такую часть фонетической группы, съ которой она рѣдко встрѣчается: это заставило насъ, для избѣжанія на первый разъ множества подраздѣленій, отпести ее къ другимъ группамъ; оставьте ихъ въ сторонѣ и берите слѣдующую группу, ее уже непременно отыщете, а съ ней вмѣстѣ въ лексиконѣ и тотъ ключъ или группу, на который попали сначала. Но для того, чтобъ отличать ключи, которые очень рѣдко ставятся снизу или съ праваго бока, нуженъ самый малый навыкъ.

Мы нарочно указали здѣсь на послѣднее обстоятельство, которое, по-видимому, составляетъ еще несовершенство нашей системы; отыскивать іероглифъ тамъ, гдѣ неудобно, значитъ тратить понапрасну время. Но мы повторимъ, что эта трата времени будетъ только для того, кто не ознакомится не только съ нашей системой, но и вообще съ построениемъ іероглифовъ. Спрашивается, сколько

времени употребилъ бы такой на отысканіе іероглифа по другой методѣ. Всякій знающій согласится, что самая пре-славутая метода ключевая, имѣющая единственную привилегію — скорость, не такъ легко дается; надобно выучиться считать черты и всегда можно впасть въ ошибку: не всегда удается напасть именно на тотъ ключъ, къ которому отнесенъ іероглифъ; не говорю уже о группахъ несложныхъ, при которыхъ нѣтъ ключей и которыя сами по себѣ не составляютъ ключа; размѣщеніе ихъ въ ключевыхъ лексиконахъ часто бываетъ самое странное. Наконецъ вы отыскиали ключъ, сосчитали число чертъ, отыскиваете сперва мѣсто ключа и наконецъ цѣлую группу; но къ сказаннымъ чертамъ иногда относится болѣе ста іероглифовъ и между ними вы должны отыскивать тотъ, который нуженъ: какой сложный процессъ!... Въ фонетической системѣ Каллери также надобно знать число чертъ группы и отыскивать сначала въ оглавленіи; бѣда, если вы ошиблись въ счетѣ, или группа въ вашей книгѣ представляетъ небольшое отступленіе отъ формы, принятой въ Systema Phoneticum. Сверхъ-того, мы сказали уже выше, что лексиконъ г. Каллери опускаетъ многія группы. Намъ же кажется, что, по нашей методѣ, при большомъ навыкѣ, можно отыскивать іероглифы, почти нисколько не справляясь съ оглавленіемъ, точно такъ, какъ мы отыскиваемъ слова въ лексиконахъ другихъ языковъ.

Такова моя теорія — идея, къ которой я стремился; до какой степени она осуществлялась въ этомъ первомъ опытѣ, я не могу претендовать на меноградѣтельность, во съ полнымъ сознаніемъ дѣла убѣжденъ въ томъ, что это одна копейная, самая естественная и вѣрная метода. Могутъ передѣлывать ее, сколько угодно, переставлять черты

или группы — такъ или иначе, но то несомнѣнно, что въ письменности должно имѣть въ виду самую письменность, и тогда устроятся для учащагося всѣ неудобства. Если онъ только пробѣжитъ составленный мной анализъ Китайскихъ іероглифовъ, то онъ вынесетъ изъ этого многое, чего не знаютъ даже люди, занимавшіеся Китайскимъ языкомъ много лѣтъ; теперь не представтъ трудности, по мѣрѣ приобрѣтенія знаній въ языкѣ, умѣть писать то, что онъ заучиваетъ: и это дѣло почти неслыханное между всѣми нашими сивологами. Учащійся и выучившійся, когда онъ отыскиваетъ или припоминаетъ значеніе инаго іероглифа, то невольно пробѣгаетъ въ своемъ умѣ или по книгѣ весь сродственный по начертанію рядъ группъ, и такимъ образомъ обновляетъ ихъ въ своей памяти; когда онъ захочетъ писать эти группы, то сдѣлаетъ это не машинально, и слѣдовательно не впадетъ въ ошибку: потому что ему живо представится въ соображеніи — чѣмъ отличается такая-то группа отъ другой, съ нею сходной. Только Китайская письменность имѣетъ такіа свойства — поддерживать, въ сухой работѣ отыскиванія словъ въ лексиконѣ, соображеніе; а это вмѣстѣ ручается и за выгоды и удобства такого лексикона предъ всѣми подобными, составленными для другихъ языковъ. Теперь мы можемъ сказать съ увѣренностію, что Китайскому языку можно выучиться такъ же легко, какъ и всякому другому.

Методу свою я называю графической, въ знакъ уваженія своего къ г. Каллери, который не разъ употреблялъ это слово въ своемъ лексиконѣ, указывая средство однихъ группъ съ другими. Для осуществленія и объясненія своей теоріи, я раздѣлилъ весь свой трудъ на двѣ части; въ первой разсматриваются всѣ группы, которыя послужили основаніемъ фонетической категоріи, или не входятъ въ нее, т. е. не встрѣчаются съ ключами, имѣя самостоятельное значеніе, или служатъ переходомъ къ сформированію

другихъ. По возможности я старался избѣгать группъ непотребительныхъ, потому-что имѣлъ въ виду начинающихъ учиться; къ чему загромождать ихъ память ненужными формами? Сюда вошли собственно двѣ первыя категоріи — изобразительная и отвлеченная; но число ихъ увеличивается вариантами и сокращеніями, употребляемыми въ письменности; указать ихъ было очень нужно: всякая книга имѣетъ свой почеркъ и особливо книги, изданныя для простаго народа, наполнены различными измѣненіями и сокращеніями; учащемуся необходимо знать, которая форма правильнѣе; объясненія, гдѣ могъ, старался я сохранить древнія, составленныя самими Китайцами, хотя бы иѣкоторыя изъ нихъ и казались черезъ-чуръ натянутыми. Что нужды — всякое объясненіе, хотя бы и странное, обращаетъ вниманіе учащагося на іероглифъ, и чрезъ то знакомитъ съ нимъ; самое чтеніе, какъ видимъ, въ древности часто разнилось отъ нынѣшняго: это также не упущено нами изъ виду. Для лучшаго запомнанія, я старался по возможности указывать употребленіе извѣстной группы или формы въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ она не принадлежитъ къ занимаемому ей мѣсту; здѣсь также для учащагося открывается рядъ сближеній и вариантовъ. Эта часть въ глазахъ нашихъ составляетъ существенную во всемъ трудъ; стараться, чтобъ учащійся приобрѣлъ съ самаго начала прочныя познанія — вотъ, что было главною нашею цѣлью. Хотя, конечно, нельзя требовать, чтобъ онъ выучилъ все съ-разу, но мы рекомендуемъ ему въ обязанность, чтобъ онъ, если хочетъ надѣяться на успѣхъ, старался какъ можно чаще просматривать этотъ отдѣлъ, до того времени, пока онъ не усвоитъ его себѣ вполне; тогда только онъ можетъ похвалиться основательнымъ знаніемъ. Мы никакъ не думаемъ, чтобъ это, благодаря нашей системѣ, представило большое затрудненіе для запомнанія: можетъ быть, въ послѣдствіи на Китайскій языкъ бу-

дуть смотрѣть, какъ на вспомогательное средство къ развитію памяти.

Вторая часть принадлежитъ фонетической категоріи. Это то же, что лексиконъ г. Каллери, и часто число іероглифовъ въ моемъ даже меньше, хотя въ замѣнъ попадаетъ не малое количество такихъ, которые у него пропущены; я имѣлъ въ виду употребленіе, а не самое полное собраніе Китайскихъ іероглифовъ. При составленіи самого полного лексикона, число фонетическихъ группъ, конечно, увеличится, но многія изъ нихъ очень рѣдко встрѣчаются; другія сопровождаются не болѣе, какъ однимъ или двумя ключами; имѣя въ виду первоначально учащихся и еще болѣе такіе іероглифы, которые могутъ быть встрѣчены не въ лексиконахъ только, я не хотѣлъ до чрезмѣрности увеличивать число фонетическихъ группъ, хотя и прибавилъ много противъ г. Каллери. Когда группа встрѣчается не съ однимъ ключомъ, а съ двумя (и болѣе), такъ что одинъ изъ нихъ образуетъ какъ бы новую фонетическую группу, не имѣющую обширнаго употребленія, я соединяю ее съ первообразной, тѣмъ болѣе, что обыкновенно и чтеніе ея съ ней сходствуетъ. Такія двойныя фонетическія группы преимущественно отсутствуютъ, какъ мы уже сказали, въ лексиконѣ г. Каллери. Сверхъ-того, имѣя въ виду, какъ мы уже сказали, выказать фонетическое основаніе Китайскихъ іероглифовъ, Каллери пропускалъ часто группы очень употребительныя, но которыхъ чтеніе, ему казалось, не подходило подъ его систему. У насъ фонетическая сторона тоже преобладаетъ, но только вслѣдствіе естественнаго расположенія іероглифовъ, размѣщенныхъ собственно графически; когда мы встрѣчаемъ іероглифъ, составленный изъ двухъ или нѣсколькихъ группъ: то хотя бы ни одна изъ нихъ не выражала звука, мы ставимъ этотъ іероглифъ на томъ мѣстѣ, которое бы онъ занималъ, еслибъ при немъ было чтеніе; вотъ немалое преимуще-

ство графической системы. Г. Каллери долженъ былъ, по своей системѣ, выпускать многія группы; наша будетъ еще яснѣе и доступнѣе, когда лексиконъ будетъ полный. Собственно говоря, раздѣленіе нашего труда на двѣ части даже много ей мѣшаетъ; слѣдовало бы соединить ихъ вмѣстѣ, но повторяемъ, что мы имѣли на этотъ разъ въ виду первоначальное руководство, и сверхъ-того желали указать, въ чемъ заключается наша система—что при большомъ количествѣ іероглифовъ съ перваго раза, показалось бы непривычнымъ къ этой системѣ, нѣсколько утвриваемымъ. Нечего и говорить, что метода расположенія іероглифовъ въ нашемъ лексиконѣ не та, что у г. Каллери, а сообразна съ порядкомъ нашего расположенія группъ въ первой части; на всякій случай, я указываю однакожъ NN, подъ которыми они расположены въ Systema Phonetisum. Намъ пора имѣть Китайско-Русскій лексиконъ — и это, конечно, первый опытъ. Но я не думаю, чтобъ нуженъ былъ самый обширный словарь; изданіе его обошлось бы чрезвычайно дорого, тогда какъ Китайскіе лексиконы не рѣдкость и ими легко можно пользоваться всякому, кто приобрѣлъ небольшой навыкъ въ языкѣ. Слѣдовательно, лексиконъ долженъ быть приуроченъ къ требованіямъ начинающихъ; опредѣленія слова не должны быть многочисленны, и я во многомъ руководился здѣсь лексикономъ г. Каллери. Главное достоинство моего лексикона, по моему мнѣнію, заключается въ томъ, что онъ передаетъ въ первый разъ Пекинское произношеніе и тамошнюю интонацію. Каковы бы ни были наши сношенія съ Китаемъ — они главнымъ образомъ должны сосредоточиваться въ столицѣ, и имѣть дѣло съ лицами, которыя оттуда вышли — слѣдовательно, Европейское чтеніе для насъ неумѣстно!

ПРОФ. ВАСИЛЬЕВЪ.

ЗАМѢТКИ

0

СОСТОЯНІИ АНГЛІЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВЪ ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ 1856 ГОДА.

СТАТЬИ ПЕРВАЯ.

Богатство и разнообразіе Англійской литературы. Беллетристика въ Англіи. Историческія сочиненія и путевыя записки. Книжки по части путешествій въ Азію. Разсказъ о странствіи въ Мекку Буртона. Путешествія въ Египетъ, Палестину и Сирію Кеннарда, Станлея и Вортабета. Экспедиція къ Татарскому берегу Сибири Виттинггама. Описаніе Персіи Леди Шенль. Извѣстія о странахъ, лежащихъ между Персіей и Индіей Феррье. Извѣстія о Явѣ и Суматрѣ Гибсона. Экспедиція въ Японію Перри. Книжки по части путешествій въ Африкѣ. Поѣздка по Нигрѣ Гутчисона. Описаніе Юговосточной Африки Андерсона. Странствованіе въ Гарарѣ Буртона. Охота за львами Герарда. Описаніе Греческой колоніи, Кирене, Гамильтона. Путешествія по Америкѣ. Описаніе Кордильеръ Маригана. Извѣстія о центральной Америкѣ Свайера. Путешествія по Европѣ. Описаніе Сѣверной Италіи Бейля. Виды Греціи и ея острововъ Линтона.

Необыкновенное богатство Англійской литературы, привело бы насъ въ совершенное смущеніе, еслибы мы захотѣли дать полный отчетъ объ ней. Одни оглавленія новыхъ книгъ и всевозможныхъ изданій заняли бы томы. Правду говорятъ, что печатными листами, выходящими ежегодно изъ Англійскихъ типографій, можно бы обернуть всю землю, какъ яблоко. Въ Англіи каждая, наиболѣе полезная въ практическомъ отношеніи, отрасль науки и промышленности имѣетъ свой литературный органъ. Безконечныя примѣненія знанія въ безконечныхъ стол-

Часть XII. Отд. IV.

6

новеніяхъ общественной жизни, развитой столь могущественно, порождаютъ ежедневно множество летучихъ листовъ, всегда возбуждающихъ свой минутный интересъ. Не говоримъ уже про политику: изъ однихъ только описаній современныхъ событій можно бы составить цѣлую бібліотеку. Пробѣгите каталоги: рядомъ съ твореніями Маколея и Грота вы найдете и книги, раскрывающія тайны тюремной жизни и продѣлки уличныхъ воровъ и обманы въ торговлѣ (*). Присоединимъ къ этому переводы всѣхъ сколько-нибудь замѣчательныхъ сочиненій, являющихся въ другихъ земляхъ. А современная поэзія и столь знаменитый Англійскій романъ? Скажемъ откровенно: Англійская беллетристика въ послѣднее время какъ-то измелъчала; дагерротипные снимки съ общественной жизни уже всѣмъ наскучили. Они, конечно, имѣютъ свой мѣстный интересъ; но малоцѣнны для того, кто не думаетъ изучать Англичанъ во всѣхъ ихъ странностяхъ и причудахъ. Упадокъ изящной литературы доказывается и тѣмъ, что Англія наводнена книгамъ съ заглавіями, подобными слѣдующимъ: *The Golden Apples* (Золотыя яблоки), *Salad for the Solitary* (Салатъ для пустынника), *Some Biscuits Baked in the Oven of Charity* (Нѣсколько сухарей, изжаренныхъ въ печи милосердія) и проч. Гдѣ заглавіе служитъ приманкой, тамъ легко догадываться о содержаніи. Безчисленные мемуары по большой части также объясняютъ мелочныя отношенія между лицами, любопытныя только для Англійской публики, а иногда для однихъ друзей автора; исключеніемъ служатъ только мемуары нѣкоторыхъ государственныхъ людей, важныя въ историческомъ отношеніи. Въ чемъ же заключается главная и лучшая дѣятельность литературы? Въ историческихъ трудахъ и путевыхъ запискахъ, и на нихъ-то мы обратимъ особенное вниманіе.

По одной этой части намъ представляется такое множество замѣчательныхъ сочиненій, что мы поневолѣ должны ограничиваться выборомъ наиболѣе замѣчательнаго. Избирая на сей разъ

(*) Между ними укажемъ: *Revelations of Prison Life; with an Enquiry into Prison Discipline and Secondary Punishments.* By George Laval Chesterton. — и также: *The Tricks of Trade in the Adulteration of Food and Physic, with Directions for their Detection and Counteraction.* Bogue.

только путевыя записки, мы оставляемъ до другаго раза разсмотрѣніе книгъ историческихъ, при чемъ общаемъ упомянуть и о замѣчательныхъ сочиненіяхъ по части философіи, естественныхъ наукъ и древнеклассической литературы. Припомнимъ, что восхищало насъ въ лучшихъ созданіяхъ Вальтера-Скотта, Диккенса, Теккерея? Это умѣнье подмѣтить всѣ характеристическія стороны жизни, забыть себя для полнаго воссозданія чужой личности — это глубокий анализъ, соединенный съ мастерскою обрисовкою событій и мѣстностей. Въ характерѣ Англійскихъ писателей неподражаемо соединены двѣ противоположныя черты: собственный оригинальный взглядъ, во всемъ пробивающаяся личность, которая даетъ живой цвѣтъ каждому описанію и разсказу, и то самоотрицаніе, при которомъ наблюдаемый предметъ являлся въ краскахъ, соответственныхъ его природѣ, мѣсту и времени. Свойства Англійскихъ романистовъ находимъ и въ сочиненіяхъ по части исторіи и въ описаніяхъ земель чужеземныхъ. Въ путешествіяхъ намъ придется объѣздить съ Англійскими туристами Азію, Африку, отчасти Америку и Европу. Начнемъ съ Азій.

Personal Narrative of a Pilgrimage to El-Medinah and Meccah. By Richard F. Burton, Lieutenant, Bombay Army. Vol. III—Meccah. Longman et Co. (Личный разсказъ о странствіи въ Эль-Медину и Мекку. Буртонъ. Томъ III.)

Въ этомъ III томѣ находимъ описаніе, какъ Буртонъ, въ качествѣ Аѳгана, отправляется 31 августа 1853 года изъ Медины въ Мекку вмѣстѣ съ другими странниками, будто бы на поклоненіе гробу Мухаммеда.

Огромный, солнечный шаръ кроваваго цвѣта уже сіялъ сквозь пурпурный туманъ на горизонтѣ, когда странники увидѣли тихо идущій по гладкой стѣнѣ караванъ. Въ немъ, судя на взглядъ, было до 7000 людей, пѣшихъ и конныхъ, въ носилкахъ, или на богато-убранныхъ верблюдахъ Сиріи. Буртонъ насчитываетъ до 8 степеней пилигримовъ. Самые бѣдные шли, обремененные своей ношею; за ними слѣдовали слѣдшіе на ослахъ, верблюдахъ или мулахъ; Арабы ѣхали на дромадерахъ, солдаты — на коняхъ: для каждаго знатнаго лица было уже готово осѣланное животное, чуть пожелаешь оное оставить носилки. Женщины, дѣ-

ти и старики изъ бѣднаго класса расположились на доскуткахъ платья, посланнвхъ сверхъ кладя верблюда. Утренніе лучи великолѣбно отражались на блестящемъ оружіи, окружавшемъ подосатаго Магмала, на ярко-красныхъ и золоченныхъ носилкахъ знатныхъ. Одежды людей, убранство коней и верблюдовъ — все поражало необыкновеннымъ разнообразіемъ. Тутъ толпа полуголыхъ Такрури слѣдовала за свитою шахи; тамъ бородастый Персіянинъ въ высокой шапкѣ разговаривалъ съ обритымъ Туркомъ. Равнина, даже утромъ, полна была парами, вѣявшими жгучимъ снугомомъ; послѣ полудня исчезли въ воздухѣ всѣ краски: въ немъ стоялъ одинъ бѣлый туманъ, густой и недвижный, но ослѣпительнаго блеска; это обыкновенный дневной свѣтъ въ здѣшнихъ странахъ. Караванъ остановился, чтобы запастись водою; рѣчка находилась за двѣ мили; наши путешественники съ трудомъ добыли себѣ два мѣха воды, за которые заплатили 10 піастровъ: спутникъ ихъ, Мухаммедъ, ее привезшій, долженъ былъ взять свою добычу съ бою, изломавъ пистолеть о голову Персидскаго пилигрима.

Далѣе Буртонъ описываетъ жизнь и характеръ Бедуиновъ.

У Бедуиновъ маленькіе, круглые, глубоко вдавшіеся глаза, которые въ вѣчномъ движеніи; они выражаютъ отвагу, пылкій и неукротимый характеръ. Цвѣтъ ихъ бурый, иногда съ зеленоватымъ оттѣнкомъ, и зрачки часто съ крапинками. Отъ привычки стягивать нижнюю кожу, на половину замыкая вѣки, чтобы предохранить себя отъ слѣпоты, рано явлются около вѣшнихъ глазныхъ угловъ морщинки. Другая особенность состоитъ въ томъ, что око раскрывается мгновенно, особенно въ страсти. Этотъ быстрый и вмѣстѣ недвижно-пронзительный взглядъ даетъ выраженіе то сильной вспыльчивости, то необычайной суровости; напротивъ того, сближенные вѣки, въ ихъ спокойномъ положеніи, выражаютъ умъ, не лишенный лукавства. Но вообще въ лицѣ Бедуина болѣе видно чувство достоинства, чѣмъ та хитрость, которою славится семитическое племя.... При встрѣчѣ двое друзей обнимаются, или протягиваютъ правыя руки и ударяютъ ладонь въ ладонь. Бедуинъ считаетъ неприличнымъ даже за обѣдомъ сидѣть къ вамъ задомъ, и если овъ это сдѣлаетъ, то замышляетъ недоброе. Приготовляя кофе, овъ

пьетъ первую чашку: эта предосторожность необходима при напиткахъ Персія и Египта. Когда другъ приближается къ стану, то, кто первый увидитъ, громко произноситъ его имя, и всѣ скачутъ на встрѣчу, бросая копы и стрѣля на воздухъ. Этому не дѣлаютъ съ чужеземцами, чтобы не испугать ихъ. Вообще Бедуинъ учтивъ, но раздражителенъ, и въ гнѣвѣ не пожалѣетъ для васъ названій собаки, пьяницы, лгуна и невѣрнаго. Лучшія черты его характера составляютъ: рѣшимость, любезность и великодушіе. Въ немъ смѣсь свѣтской ловкости и простоты; онъ чувствителенъ и ласковое слово легко смиряетъ въ немъ гнѣвъ, но за нанесенную обиду онъ мститъ неукротимо.

Буртонъ наконецъ достигаетъ Мекки, цѣлмъ всѣхъ своихъ трудовъ и юношескихъ мечтаній. Пусть теперь христіанское чувство читателя не смущается при видѣ противныхъ ему обрядовъ, которые исполняетъ любознательный Европеецъ, чтобы имѣть доступъ къ мусульманской святынѣ. Все это дѣлаетъ онъ во имя той самой науки, которая первый и опаснѣйшій врагъ всякаго суевѣрія и идолопоклонства.

Нашъ путешественникъ съ величайшею подробностью описываетъ мѣстность храма, дополняя во многомъ описаніе, бывшаго до него въ Меккѣ, Буркгарда. Когда приблизился онъ къ Каабу, казалось, всѣ поэтическія легенды Арабовъ для него воскресли. Мы вошли, рассказываетъ Буртонъ, чрезъ Врата Сыновъ Старой Женщины. Тутъ мы подняли наши руки, повторилъ Лаббайкъ, Таббиръ и Таглиль; потомъ, произвесши нѣкоторые заклинанія, повели руками внизъ по лицу. Послѣ этого вступили мы на молитвенное мѣсто Шафеи—открытый помостъ, гдѣ два раза простерлись на землю въ честь мечети... Наконецъ приблизились мы къ восточному углу Каабы, гдѣ находится *Черный камень*, и, стоя отъ него на десять аршинъ, повторяли съ поднятыми руками: «Нѣтъ божества кромѣ Аллаха! Его завѣтъ правда и его слуга побѣдитъ. Ему хвала, онъ могучѣе всего на свѣтѣ!». Потомъ подошли мы, какъ могли, ближе къ камню. Толпа пилигримовъ воспрепятствовала намъ въ эту минуту до него коснуться; мы снова подвѣли руки къ ушамъ въ первомъ положеніи молящагося, и, опустивъ ихъ, воскликнули: «О Аллахъ, (дѣлаю это) ради твоей вѣры и оправданія твоей книги и

слѣдуя примѣру твоего пророка — да благословить и сохранить его Аллахъ! О Аллахъ! простираю мою руку къ тебѣ и велико къ тебѣ мое влеченіе! Прими мою мольбу, уменьши мои затрудненія, сжаляся надъ моимъ униженіемъ и милостиво прости меня! Мы все еще, пока не могли достигнуть, поднимали руки къ ушамъ, обращая ладони къ камню, и, какъ будто касаясь его, произносили Такбиръ, Таглиль и Гамдилагъ, благословляли пророка и цѣловали оконечности пальцевъ на правой рукѣ.

Съ подобными же молитвами слѣдовали процессіи въ разныхъ направленіяхъ храма. По этимъ образчикамъ можно судить, какъ занимательна книга Буртона.

Такимъ же, полнымъ любознательности, вниманіемъ къ жизни Востока отличается сочиненіе Кеннарда:

Eastern Experiences, collected during a Winter's Tour in Egypt and the Holy Land. By A. S. Kennard. Longman et Co. (Восточныя впечатлѣнія, собранныя во время зимней поѣздки въ Египетъ и Святую землю). Въѣхавъ въ Александрію, Кеннардъ былъ очень недоволенъ, когда увидѣлъ Европейскіе фазтоны, Французскія шапки и Англійскія лица. Онъ ожидалъ встрѣтить Арабскіе базары, обѣщенные шелками Дамаска, роскошные ковры Испагана, свиту гарема, чалмы и т. д. Все-таки его утѣшилъ видъ пальмъ, апельсиновыхъ деревьевъ и банановъ. Кеннардъ спѣшитъ въ Каиръ. Мечтая о переодѣтыхъ халифахъ, о Фатьмахъ, онъ прилежно собираетъ по кофейнямъ разные анекдоты, и готовъ искренно имъ вѣрять. Въ его пребываніе кстати случилось маленькое событіе. Прекрасная Черкешенка, Люлю, подарена была вице-королю Египта Турецкимъ султаномъ. Вдругъ разнеслась молва, что Люлю въ женской теницѣ. Однажды въ узенькой улицѣ, близъ дома Прусскаго консульства, Кеннардъ видитъ толпу и слышитъ, что стража разыскиваетъ Черкешенку, которая бѣжала и укрывалась въ противоположномъ зданіи.

Вдругъ слышу, кто-то сходитъ съ лѣстницы. Я вѣстѣ съ толпою протѣснился ближе и къ сожалѣнію увидѣлъ только молодого, щегольски одѣтаго Левантинца, который, объявивъ себя владѣльцемъ дома, извѣстивъ насъ трогательнымъ голосомъ, что

Люлю скрылась между домами въ собственной улицѣ; сказавъ это, онъ исчезъ, смѣшавшись съ толпою?.

Кеннардъ узнаеть послѣ, что молодой Левантинецъ былъ не кто иной, какъ сама Черкешенка. Люлю наконецъ поймана и молва о ней замолкла: утопили ее въ Нилѣ, или оставили въ гаремѣ, неизвѣстно.

Рассказъ о Селимѣ и Набѣ также очень романтиченъ. Наба, по смерти отца, получаетъ богатое имѣнье. Супругъ ея въ это время уѣзжаетъ въ Стамбуль. Братъ Набы, Селимъ, составляетъ козъ противъ сестры, съ цѣлю отнять наследство. За тѣмъ слѣдуетъ катастрофа, рассказанная Кеннарду очевидцемъ ея, однимъ Италіянцемъ, который жилъ въ цитадели подлѣ коняты Набы.

«Часто я не могъ спать ночью, тревожимый горестными воплями Набы; мнѣ и во снѣ они слышались, и образъ несчастной дѣвушки меня всюду преслѣдовалъ. Разъ, едва я заснулъ, какъ меня пробудили голоса на дворѣ, между которыми и различилъ голосъ Набы. Комната моя озарилась свѣтомъ факеловъ, что посилили люди, проходившіе взадъ и впередъ подъ моими окнами. Я всталъ, отодвинулъ занавѣсъ и увидѣлъ сцену, которой никогда не забуду. Передъ мрачнымъ проходомъ въ тюрьму собралась толпа солдатъ; нѣкоторые держали факелы, и блѣднымъ свѣтъ, падая на близстоящихъ, не проникалъ далѣе въ глубину мрака. Въ срединѣ группы увидѣлъ я Набу: старшій евнухъ понуждалъ ее сѣсть на мула. Ей говорила, что везуть ее къ супругу, который будто бы возвратился; но напрасно... Бѣдная-ка стояла, закрывши руками лице, и, казалось, трепетала при видѣ ужасныхъ солдатъ. «Зачѣмъ пришли вы въ ночи? кричала она. Если мой супругъ вернулся съ дороги, то самъ придетъ за мною утромъ. Нѣтъ! я вижу все... вы хотите убить меня, и когда онъ будетъ домой, то скажете, что Наба была невѣрна и за это ее бросили въ Нилъ.» Она плакала и ломала руки; но ее наконецъ силою встѣпили на мула. Солдаты стали вокругъ и двинулись въ путь; тюремный дворъ исчезъ во мракѣ. Я все стоялъ у окна, слѣдя глазами за маленькимъ отрядомъ, который двигался по отлогости холма. На-время онъ пропалъ изъ виду и когда опять замѣтилъ я факелы, они уже мелькали въ тѣсныхъ улицахъ города, все ниже и ниже. Я все не выпус-

каль ихъ нѣзъ глазъ: они исчезали и опять появлялись между до-
мами, приближаясь къ рѣкѣ. Наконецъ блеснули они у самыхъ
судовъ, въ старомъ Каирѣ, и не было больше сомнѣнія въ участи
Набы. На другой день на базарахъ пересказывали печальную
повѣсть. Нѣсколько Арабовъ, возвращаясь ночью съ другой сто-
роны, слышали отчаянные крики дѣвушки, которую завязывали
въ мѣшокъ, и потомъ тяжелый звукъ отъ паденія въ воду.

Истинна или нѣтъ эта исторія, она вѣрно рисуетъ нравы
востока. Съ такимъ же одушевленіемъ Кеннардъ описываетъ пи-
рамиды, свое странствіе въ пустынѣ, святыню Іерусалима и На-
зарета, Кедръ Ливана, и проч.

О Палестинѣ и Сиріи вышло еще два сочиненія:

Sinai and Palestine, in Connection with their History. By
Arthur Penrhyn Stanley, M. A. With Maps and Plans. Murray.
(Синай и Палестина, въ связи съ ихъ исторіей. Станлей.)

Syria, and the Syrians; or Turkey in the Dependencies. By
Gregory M. Wortabet, 2 vols. Madden. (Сирія и Сирійцы, Вор-
табета.)

Станлей начинаетъ свое описаніе съ Египта. Путешест-
венники востока обыкновенно щедры на всѣ краски калейдо-
скопа при изображеніи южной природы: Станлей не любитъ
преувеличеній. Нилъ, по его словамъ, въ Дельтѣ имѣетъ бурый
цвѣтъ, подобно Тибру; только краска эта здѣсь гуще и чище.
Таковъ онъ утромъ, при блѣдномъ отблескѣ зарн. При полномъ
сіяніи Египетскаго заката онъ пышетъ и горитъ, какъ розовыя
струи въ бурнымъ отливѣмъ, на которыхъ мѣстами только видны
свѣтлый тамарискъ или зеленая сикамора. Далѣе, въ самомъ
Египтѣ, поля зеленѣютъ хлѣбомъ и клеверомъ; края канавъ
чернѣютъ отъ ила; на горизонтѣ желтые холмы. Вверхъ по до-
линѣ Нилъ является лазурнымъ, полнымъ блеска, въ противо-
положность темнымъ, грязнымъ берегамъ, отдѣляющимъ его отъ
вѣчной зелени западной равнины, усѣянной деревнями: весь видъ
разнообразятъ пеліканы, стоящіе длинными рядами на отле-
лихъ, бѣлые ибисы, бакланы, и проч. На восточномъ берегу
возвышается бѣлая стѣна известковыхъ скалъ и между ними
являю порфирные холмы, подобныя фантастическимъ тѣнямъ.
Нубійскія горы предстаютъ взорамъ въ видѣ темношурпурныхъ

массъ и открываютъ дорогу двойному Нилу, съ зеленымъ тростникомъ, бѣлыми лиліями, голубыми кистями зотуса на водахъ и густымъ береговымъ лѣсомъ. Ставлей не былъ въ Египтѣ. Согласно съ Бузеномъ, онъ полагаетъ, что Египетъ не имѣетъ своей исторіи, а только рядъ преданій безъ начала и конца. Онъ спѣшилъ къ мѣстамъ чисто-историческимъ, къ Синайскому полуострову, гдѣ отовсюду видно лазурное море Суэца и Акабы, берега котораго усажены бѣлыми раковинами, отсюда образованы кораллами изъ Восточнаго океана и красныя, песчаныя скалы горятъ на солнцѣ. Внутри полуострова горы мѣстами блестятъ аркопурпурными и темнозелеными полосами; слова, проносимыя обыкновеннымъ голосомъ на одной изъ нихъ, слышны явственно на другой въ разстояніи 60 ярдовъ. Книга Ставлей съ точностью знакомитъ насъ съ топографіей святыхъ Мѣстъ и природою страны. Необыкновенное чувство поражаетъ путешественника, когда среди Синайской степи находится онъ великолѣпный монастырь св. Екатерины съ его толстыми стѣнами, громадною церковью, галереями часовень, келлій, странноприимныхъ комматъ, съ его библиотекой, хранящей драгоценныя рукописи: звукъ кимваловъ, созывающій на молитву, ясно отдается въ пустынной долинѣ, между тѣмъ какъ двойная хоругвь Агнца и Креста высоко развѣвается на самомъ верху башни. Чуждое племя поселилось здѣсь среди степи, бывшей колыбелью чисто-семитическаго народа: вы неожиданно слышите звукъ Греческаго языка, встрѣчаете единоземцевъ Эссалоники и Самоса, видите въ монастырскихъ садахъ не тамарискъ, не пальму, не акацію, а, ролну Аттикѣ, оливу, яблоню, тополь и кипарисъ. Не Сирійскій патріархъ, не странствующая принцесса воздвигли эти страшныя стѣны, а Византійскій императоръ, великій Юстиніанъ. Ворота средней башни построены 134 года тому назадъ и вѣрно охраняются въ опасеніи нашествія Арабовъ.

•Вокругъ этой башни, подобно небольшому городу, во всѣхъ направленіяхъ влутъ монастырскія зданія, вышѣ почти пустыя, но своимъ числомъ напоминающія прежнее населеніе, когда каждая изъ 36 часовень была назвачена для служенія особенной сектѣ. Поперегъ всего рисуется длинная кровля цер-

кав, въ которой, посреди блеска Греческихъ украшеній, можно различить лотосовыя капители колоннъ, вѣроятно подражаніе позднѣйшаго времени древней, Египетской архитектурѣ. Высоко въ углубленіи, позади алтара, такъ высоко, что трудно различить черты, висятъ два медальона Юстиніана и Θεодоры.

Ставлей посѣтилъ послѣ того развалины Петры; въ Палестинѣ точно также съ одной стороны описываетъ онъ древніе города и зданія, съ другой — роскошную природу: красныя анемоны, круглыя холмы, покрытыя душистыми кустами, яркія оливы, гранатовыя деревья, всѣ въ зеленыхъ и пурпурныхъ цвѣтахъ, и блестяція яліи.

Вортабетъ, проѣзжая въ декабрѣ 1854 года изъ Смирны въ Бейрутъ, посѣтилъ также Сирію, гдѣ, какъ говоритъ онъ, путешествованіе стоить не болѣе фунта стерлинга въ день. Въ Меснаѣ онъ уже замѣтилъ противоположность восточныхъ и западныхъ обычаевъ: его пріятель, Англичанинъ, былъ осмѣянъ за то, что попросилъ вторую чашку кофе. Самый Бейрутъ путешественникъ называетъ видѣніемъ изъ золота и радужныхъ лучей, и потому очень обстоятельно описываетъ жизнь Сирійцевъ. Сиріецъ въ своемъ дому умѣетъ соединить удобства восточной жизни съ изобрѣтеніями запада. Онъ сидитъ въ зеленыхъ туфляхъ на своемъ диванѣ, съ трубкою въ рукахъ и прихлебывая кофе изъ маленькой чашки; но на стѣнахъ у него Европейская и Американская живопись. Онъ не носитъ кафтанъ; табачный шѣпокъ и платокъ уже не висятъ за поясомъ. Софа и стулья стоятъ рядомъ съ грудами подушекъ. Выходя на улицу, надѣваетъ онъ уже гладкіе сапоги; но старинныя кофейныя лавки не измѣнились. При нихъ есть лужокъ, на которомъ разставлены табуретки для обычныхъ покупателей. Въ сторонкѣ шинить на огнѣ горшокъ съ кофе; тутъ же двѣ полки для нарگیе. Вечеромъ являюся сюда сказочники. Гости раздѣляются на двѣ стороны. Разсказчикъ ходитъ между ними и только ударитъ въ ладоши, все смолкнетъ: онъ начинаетъ исторію изъ «Тысячи и одной ночи», или о любовномъ подвигѣ какого-нибудь умершаго воина. Всѣ слушаютъ съ удовольствіемъ: онъ поговоритъ немного и поѣдетъ изъ нарگیе у одного изъ слушателей,

которые всегда охотно готовы служить ему; продолжая рассказывать, онъ возьметъ у другаго и т. д.

Необыкновенное богатство виноградниковъ Ливанскихъ особенно поразило Вортабета: они подымаются террасами до вершинъ горъ и даютъ всѣхъ сортовъ гродья. Но Сирійцы не умѣютъ приготовить вина, и обращаютъ весь виноградъ въ изюмъ. Гродья собираютъ въ сентябрѣ и моютъ въ смѣси щелоча, воды и масла; потомъ оставляютъ около двухъ недѣль сушиться на открытомъ солнцѣ, нарѣдка обрываемая той же смѣсью; послѣ того кладутъ ихъ въ волосяные мѣшки и продаютъ, въ видѣ изюма.

Въ Сиріи дѣвушки ходятъ за водою, держа кувшины на плечахъ. Когда нашъ путешественникъ, проси напитокъ, обратился однажды къ нимъ со словомъ: сестрицы, онѣ отвѣчали: здравствуй, братецъ! Въ Дамаскѣ ему представился случай видѣть молодую невѣсту:

То была высокая, стройная дѣвушка, 16 лѣтъ не болѣе, съ черными глазами и волосами. Она носила красивый гимбазъ (родъ платья), закрывавшій самыя ноги; станъ ея опоясывала богатая Кашемирская шаль, которой концы падали небрежно; сверхъ шали надѣта была черная куртка, великолѣпно вышитая золотомъ; черные волосы висли по плечамъ, и золото, обильно украшавшее одежду, давало имъ особенный блескъ. Куртка достигала только пояса, а на рукахъ — не далѣе локтя, такъ что рукава широкаго гимбаза могли отпадать, давая видѣть чудной красоты руку, украшенную браслетомъ. На шеѣ имѣла она родъ цѣпи, скрывавшейся на груди въ складкахъ кисен; на ногахъ носила она бѣлые чулки и желтые туфли, также съ золотыми носками, а сверхъ нихъ еще деревянные башмаки почти на восемь дюймовъ отъ земли. Голова ея была покрыта небольшимъ тюрбаномъ, украшеннымъ золотомъ и брилліантами; надъ самыми бровями шла саффека, рядъ золотыхъ монетокъ, цѣнностью въ 20 піастровъ; онѣ тянулись отъ одного уха до другаго и смѣшивались съ волосами, что давало имъ видъ золотого вѣнка.

Вортабетъ былъ приглашенъ на ужинъ семействомъ невѣсты. Онъ имѣлъ здѣсь случай наблюдать туземные обычаи.

Гости, знающіе лично другъ друга, цѣлуются въ щеку и въ лѣвое плечо; другіе просто кланяются, кладя руку сначала на сердце, потомъ на уста и наконецъ на лобъ: это означаетъ искренность, любовь и уваженіе. Какъ скоро входитъ чужеземецъ, всѣ встаютъ ему на встрѣчу и уступаютъ лучшее мѣсто, самое далекое отъ дверей. Вортабету удалось участвовать и въ обществѣ женщинъ, которыя сидѣли въ другой комнатѣ. Свадьба вообще на востокѣ считается самымъ важнымъ и счастливымъ событіемъ въ жизни мужчины: лучший способъ отблагодарить молодаго человѣка за какое-нибудь одолженіе — пожелать ему скорой женитьбы.

Благодаря родителей, вы желаете, чтобы сыновья нѣз скорѣе женились. Дочерямъ не дѣлаютъ такихъ комплиментовъ: имъ желаютъ только счастья видѣть своихъ братьевъ жеватыми. Отцень зовутъ по именамъ старшихъ сыновей: отецъ Ивана, отецъ Петра и проч.; къ матери можно обратиться съ подобнымъ же названіемъ; но рожденіе дочери считается просто несчастіемъ; въ такомъ случаѣ друзья утѣшаютъ родителей, говоря: родившая дочь, родить и сына.

Такъ разскажетъ Вортабета вездѣ занимателенъ, гдѣ касается обычая; въ другихъ случаяхъ, особенно въ разсужденіяхъ о политикѣ, онъ не лишень скучнаго, поучительнаго тона. Путешественникъ, какъ самъ Сиріецъ, смертельно ненавидитъ Турокъ.

Изъ другихъ сочиненій, касающихся Азии, довольно любопытенъ разсказъ капитана Виттингама объ экспедиціи противъ нашихъ поселеній въ восточной Сибири. (*Notes on the late Expedition against the Russian Settlements in Eastern Siberia*). Англичане посѣтили сначала Японію.

У мыса Матсмай, говоритъ капитанъ, чудное зрѣлище представилось намъ: передъ нами, укрытый среди крутыхъ лѣсистыхъ холмовъ и высокихъ снѣжныхъ volcanовъ, тянулся вдоль всего берега и по зеленымъ скатамъ пространный городъ съ бѣлыми зданіями, выходившими изъ кудравой зелени березъ, елей, молодыхъ буковъ и одѣтыхъ цвѣтами плодовыхъ деревьевъ; онъ простирался, на сколько можетъ хватить глазъ; на нѣжно-зеленой крутизнѣ, спускавшейся къ низшимъ холмамъ,

стояла широкая трехърусная пагода въ маленькомъ паркѣ, окруженномъ бѣлыми стѣнами съ меньшими пагодами на углахъ. Майское солнце, закатываясь, озарило сѣвныя вершины, лѣса, бѣлые блестящіе дома и недвижное, ясное море: все имѣло какой-то чудный, волшебный видъ. Легкій вѣтерокъ похлѣлъ, какъ мы оставили городъ, который вскорѣ, послѣ краткихъ сумерекъ, скрылся во мракѣ. Наши надежды на успѣхъ предпріятія, ясный, сухой воздухъ — все придавало особенную прелесть очаровательной столицѣ Иессо.

Но самое предпріятіе не удалось совершенно: Русскіе корабли успѣли укрыться въ устьѣ Амура. Не имѣя даже карты Лаперуза, Англичане привались изслѣдовать Татарскій заливъ; они посѣтили и берегъ Амура, гдѣ въ одномъ домикѣ нашли платья, мушкетръ, нѣсколько книгъ и разные шипы; наконецъ, отъ нечего дѣлать, стали они наблюдать китовъ, которые водятся во множествѣ въ здѣшнихъ водахъ.

Замѣчательна также книга Леди Шейль, имѣющая предметомъ описаніе Персіи. (*Glimpses of Life in Persia, by Lady Sheil*). Леди Шейль, жена Англійскаго посланника, бывшаго при Тегеранскомъ дворѣ отъ осени 1849 до весны 1853 года, изображаетъ довольно живо Персидскіе нравы. Она рассказываетъ между прочимъ о Фюттегъ-Али-Шахѣ, дѣдѣ нынѣшняго государя, имѣвшемъ до 1000 человекъ потомства, и о народныхъ свадьбахъ. Въ Персіи есть двоякаго рода брачныя союзы: настоящий бракъ ограничивается четырьмя женами и остается востояннымъ; въ союзахъ другаго рода число жень неограничено; но условія договора простараются не болѣе, какъ на 9 лѣтъ. Четыре жены Персіанинъ набираетъ изъ состоянія себя равнаго, прочихъ — изъ низшаго класса; однако сыновья отъ того и другаго брака имѣютъ одинакія права. Леди Шейль описываетъ и другіе обычаи: оставлять старыхъ лошадей въ поля или въ лѣсу на голодную смерть, чтобы только не убивать ихъ. Но любопытнѣе всего рассказъ о сектѣ Баби, замышлавшей на жизнь шаха. Почти 30 человекъ изъ этой секты были казнены; ея начальникъ Сулейманъ вынесъ страшныя муки: его прежде выжгли воткнутыми въ тѣло свѣчками, потомъ разрубили на двое. Первый министръ, чтобы отклонить отъ себя ищевіе Ба-

бисеть, раздѣлилъ жертвы для исполненія казни между разными сановниками. Французъ Клоке, докторъ шаха, также приглашенъ былъ принять участіе въ этомъ дѣлѣ; но онъ отговорился тѣмъ, что уже и такъ, по своему званію медика, довольно убивалъ людей.

О Персін, вмѣстѣ съ другими пограничными странами, вышли въ свѣтъ также записки Феррье въ Английскомъ переводѣ. Подлинникъ остался неизданнымъ. *Caravan Journeys and Wanderings in Persia, Afghanistan, Turkistan, and Beloochistan; with Historical Notices of the Countries lying between Russia and India. By J. P. Ferrier. Translated from the original Unpublished Manuscript by Capt. W. Iesse. Edited by H. D. Seymour, M. P. With original Map and Woodcuts. Murray.* Феррье пытался проникнуть въ Индію чрезъ Афганистанъ: онъ былъ въ странѣ Газара, куда до-сихъ-поръ не вступалъ ни одинъ Европейецъ. Въ Магнудабалѣ онъ задержанъ свирѣпымъ сердаремъ, Могамедъ-Седикъ-Ханомъ, который, подозрѣвая въ немъ Британца, спросилъ его: «Знаешь ты Англичанина, что въ прошломъ году пришелъ изъ Персін въ Кандагаръ?» На отвѣтъ Феррье, что не знаетъ, сердарь замѣтилъ: «Такъ я скажу тебѣ. Это офицеръ съ зелеными глазами и красной бородой. Онъ былъ въ Кандагарѣ во время нашествія Англичанъ: мы его теперь схватили и упрятали далеко, чтобы больше не возмущалъ народъ». Феррье узналъ послѣ, что такимъ образомъ многіе Англичане проданы были въ рабство въ Туркистанъ. Въ Кандагарѣ отважный путешественникъ имѣлъ разговоръ съ Когендиль-Ханомъ, собѣтуя ему послѣдовать примѣру Англичанъ: привести въ порядокъ управленіе, покровительствовать торговлѣ и земледѣлію, слѣзая дороги безопасными отъ разбойниковъ и проч. Ханъ слушалъ и смотрѣлъ на него, какъ на пустаго мечтателя. Феррье замѣчаетъ, что народъ Афганскій теперь уже жалѣетъ о томъ нѣтъ, которое свергнулъ: какъ ни велики налоги Англичанъ, они не могутъ сравниться съ грабительствомъ туземныхъ князьковъ. «Будь Англичане мусульманами, говорятъ Афганцы, мы не хотѣли бы другихъ правителей». На сколько это справедливо, не намъ судить: авторъ явный приверженецъ Английской политики.

Нашъ путешественникъ посѣтилъ также хана Белухозъ (Belooches). Белухи имѣютъ странное помятіе о Европейцахъ: они полагаютъ, что каждый Европейецъ заключаетъ въ себѣ частицы золота. Англійскій докторъ, Форбесъ, передъ тѣмъ также посѣтившій хана, сдѣлался жертвою этого убѣжденія. Ханъ убилъ его спящаго и повѣсилъ его тѣло передъ своей палаткой, велѣвши сторожить и въ продолженіе 15 дней обмывать водою. «Вы увидите, сказалъ онъ народу, что этотъ собаководъ наконецъ обратится въ чистые дукаты». Этому однако не исполнилось, хотя для новаго опыта даже кипятили воду. Тогда ханъ рѣшилъ, что передъ своею смертію докторъ перенялъ все золото изъ тѣла въ свое платье и книги. Онъ велѣлъ изрубить эти вещи въ маленькіе кусочки и смѣшать съ известіемъ, которою потомъ обмазалъ стѣны своего дома. Ханъ и до-сихъ-поръ ждетъ, что стѣны покроются золотыми пластами.

Упомянемъ еще о двухъ книгахъ, вышедшихъ въ Америкѣ:

1) The Prison of Weltevreden; and a Glance at the East Indian Archipelago. By Walter M. Gibson. Illustrated from Original Sketches. New York, Riker, London, Low et C. Книга Гибсона: «Тюрьма Вельтевредена» сообщаетъ намъ извѣстія о Голландскихъ колоніяхъ на Явѣ и Суматрѣ, почти столь же недоступныхъ Европейцамъ, какъ земли средней Азіи. Авторъ только прибылъ въ Яву, какъ Голландскій резидентъ, опасаясь Американской политики, встрѣтилъ его очень неблагоклонно. Гибсонъ думалъ уже оставить свои предпріятія; но, увидѣвъ яминное дерево въ тридцать футовъ высоты, все въ цвѣту, не могъ отказаться отъ своей рѣшимости побывать внутри края, и долженъ былъ за это просидѣть 15 мѣсяцевъ въ Вельтевреденской темницѣ. Онъ теперь мститъ Голландцамъ своею книгою, рассказывая также многіе любопытные обычаи страны; напр. странный родъ торговли съ двѣми народами, Кубусъ. «Кубусъ кладутъ собираемую ими камедь и другіе предметы жѣны въ одномъ мѣстѣ, гдѣ неподалеку собираются купцы; послѣ того они бьютъ палкою въ высшее пустое бревно, производя тѣмъ довольно громкій звукъ, — и скорѣе бѣгутъ въ свои мѣста. Купцы приходятъ въ назначенному мѣсту, берутъ камедь и

оставляют на мѣсто ед, что имъ вздумается. Когда они уйдутъ, Кубусъ осторожно тихомъ возвращаются изъ чащи и увозятъ оставленное купцами. Иногда дѣлается наоборотъ. Купцы сперва кладутъ напитки и платье, бьютъ въ бревно и уходятъ; дикари забираютъ товаръ и честно возвращаютъ за него сторяцею, отдавая все, ими собранное.

2) Narrative of the Expedition of an American squadron to the China Seas and Japan, performed in the years 1852, 1853, and 1854, under the command of Commodore M. C. Perry. Compiled by Francis L. Hawks, D.D., L.L.D., New York, Appleton et Co.; London, Trübner et Co. Въ этой книгѣ описывается знаменитая экспедиція Перри въ Японию, наиболѣе содѣйствовавшая къ открытію этой страны для Европейской торговли. Главнымъ предметомъ разсказа служатъ сношенія Перри съ туземцами на островахъ, близлежащихъ Китаю (Лью-Чью, Lew Chew), и въ Японию. Въ числѣ подарковъ, привезенныхъ Американцами, были также два телеграфа и маленькій локомотивъ. Приведемъ описаніе, касающееся этого предмета:

«Японскія власти со своей стороны оказали намъ полное содѣйствіе; ихъ земледѣльцы построили сарай, чтобы укрыть всѣ части машины отъ непогоды; небольшая площадь назначена была, чтобы провести круглую колею для маленькаго локомотива, и устроены станціи для телеграфической линіи; Японцы принимали живое участіе во всѣхъ этихъ работахъ и съ дѣтской радостью ожидали ихъ окончательнаго дѣйствія. Телеграфическій аппаратъ скоро былъ готовъ; проволоки протянуты на разстояніе миль по прямой линіи: одинъ конецъ находился у переговорнаго дома, другой — у зданія, нарочно возведеннаго съ этою цѣлю. Когда открыто было сообщеніе между обими операторами, Японцы съ напряженнымъ любопытствомъ наблюдали производство дѣла, и были необыкновенно поражены, видя, какъ въ одно мгновеніе перебѣгали извѣстія на Англійскомъ, Голландскомъ и Японскомъ языкахъ отъ зданія къ зданію. Ежедневно собирались важные сановники и многіе изъ народа и, упрашивая операторовъ показать имъ дѣйствіе телеграфа, все съ новымъ вниманіемъ готовы были смотрѣть, какъ отсылались и получались депеша. Не менѣе интереса возбудилъ крошечный локо-

мотивъ съ его тендеромъ и кареткой. Всѣ части механизма были отдѣланы съ совершенствомъ; каретка, мастерской работы, была однако такъ мала, что шестилѣтній ребенокъ едва могъ въ ней помѣститься. При всемъ томъ Японцы не отказали себѣ въ удовольствіи прокатиться, и, такъ какъ не было никакой возможности сѣсть внутрь, то они цѣплялись за крышу. Забавѣ всего было видѣть почтеннаго мандарина, который крутился по круглой дорогѣ со скоростью 20 миль въ часъ, между тѣмъ какъ широкія полы его платья развѣвались по воздуху. Онъ отчаянно хватался за края крыши, скорченное тѣло его тряслось отъ страха и удовольствія, и между тѣмъ, какъ повозка неслась по кругу, движеніе по необходимости больше зависѣло отъ страшныхъ колебаній неспокойнаго мандарина, чѣмъ отъ силы маленькаго локомотива, исполнявшаго какъ нельзя лучше свое дѣло.

Разставемся наконецъ съ Азіею и перейдемъ въ Африку. Намъ прежде всего придется упомянуть о нѣкоторыхъ новыхъ открытіяхъ въ этой странѣ. Таковы изслѣдованія, сдѣланныя по Нигеру. Чаддѣ и Бинуэ Гутчинсономъ.

Narrative of the Niger, Tshadda, and Binné Exploration: including a Report on the Position and Prospects of Trade up those Rivers, with Remarks on the Malaria and Fevers of Western Africa. By T. I. Hutchinson, Esq. Longman et Co.

Цѣль путешествія Гутчинсона было доказать сліянiе рѣкъ Бинуэ и Фаро; но хотя эта цѣль не достигнута, однакожъ изысканія, произведенныя экипажемъ небольшого парохода Плеады, очень замѣчательны. Плеада оставила въ юлѣ 1851 года Феррандо-По и поплыла вверхъ по Нигеру: изъ 65 человекъ (крошъ команды), участвовавшихъ въ экспедиціи, ни одинъ даже не заболѣлъ во время 140-дневнаго странствованія. Гутчинсонъ подробно изъясняетъ причины этого столь рѣдкаго обстоятельства, особенно при путешествіи въ Африкѣ. Сначала описываются обыкновенныя свиданія съ черными королями; наконецъ при Нгбегбе путешественники увидѣли сліянiе Чадды съ Нигеромъ, гдѣ въ 1841 году устроена была образцовая ферма. И слѣдовъ людскаго обиталища не найдено на мѣстѣ этой фермы. Странники отправились

нѣсколько вверхъ по главному притоку. Кварръ, и скоро замѣтили дымъ, подымавшійся изъ-за горной вышныи, и потомъ кровли домовъ. По узкой тропинкѣ они, взобравшись въ деревенькѣ, откуда отарывался чудный видъ. Позади Игбегбе тянется огромное пространство необитаемой земли, ограниченное снизу высочайшею изъ горъ Конго, а сверху береговою пѣкью Чадды; при слиянн воды видѣлось множество островковъ; горы являлись главами во всѣхъ направленнхъ, а величественная рѣка спокойно и торжественно катила струи свои; въ воздухѣ вѣло прохладой. Деревенька имѣла не болѣе 12 домовъ; но въ одномъ изъ нихъ найдена маленькая пивоварня, яма для крашенн платъ и много свертковъ индига величнвою съ игральныя шары. Гутчисонъ описываетъ дагѣ встрѣченные имъ города, деревни, гдѣ дѣвушки ткутъ себѣ платъ, говорятъ о красильнхъ, кузницахъ и пр. Отъ слиянн рѣкъ до острова Бая (Bay Island) простирается царство Игбара, дагѣ до Зегъ-Зегъ царство Басса. Въ провинцн Дома страны Зегъ-Зегъ еще не было ни одного изъ Европейцевъ; но издѣлн Бритавскихъ фабрикъ ихъ предупредили: Оробо Амешн (Ametshi), правитель народа Ойого, сидѣлъ, встрѣчая чужеземцевъ, подъ бамбуковымъ деревомъ въ платѣ изъ Манчестерской ткани. Туземцы, увидавъ пароходъ, сочли его произведеннємъ демона. Въ Гандико путешественники замѣтили у царскихъ жель слѣдующня особенности въ нарядѣ:

«Лента яркочернаго цвѣта, скрѣпленная мѣдной пуговкой на верхней части лба, протягивалась къ затылку черезъ волосы, вачесанные высоко въ видѣ башни; отъ каждаго виска спускался витой фестоиъ, составленный изъ мѣдныхъ валиковъ и прикрѣпленный шариками ниже подбородка. Съ одной стороны волосъ воткнута была огромная мѣдная булава туземной работы, съ другой — булава изъ слоновьей кости. Другой родъ украшенн состоялъ въ гвоздяхъ, продѣтыхъ въ носъ! Почти на четверть дюйма отъ края носдри ярная головка гвоздя блестѣла на темной кожѣ. Его стебель прокалывала внутрь внѣшнюю стѣнку носа, и потомъ заворачивала въ уху».

Вокругъ города Гандико не было на дюймъ земли необработанной; многіе изъ другихъ городовъ укрѣплены валами и

рами; въ Эгibu у домовъ безконечное множество рѣшетчатой работы; на кромахъ растутъ тыквы, страусовыя лица украшаютъ ихъ верхушки, за оградами видѣть цвѣтущее дерево Охро (Ochroea). Въ Зегбу пароходъ посетилъ и царскія дочери, имѣющія обыкновеніе окрашивать зубы краснымъ сокомъ изъ табачныхъ листьевъ особеннаго рода, что даетъ имъ какой-то кровожадный видъ. «Я пригласилъ одну изъ нихъ, говоритъ авторъ, посмотрѣться въ зеркало: она была поражена до крайности; видно, что для нее зеркало было предметъ совершенно новый. Я тронулъ ее плечо и сдѣлалъ знакъ, чтобы она открыла ротъ и еще взглянула. Она это исполнила; но едва увидѣла свои красные зубы, какъ въ ужасѣ отскочила и убѣжала изъ каюты». Далѣе путешественники нашли страну съ самой богатой растительностью, гдѣ на поляхъ летали птицы съ самыми роскошными перьями и равнины поросли травой, которая могла бы укрыть человека съ конемъ. Женщины здѣсь необыкновенно хороши: въ лицѣ ихъ выраженіе мягкости, добродушія и милой рѣзвости; и даже, если вѣрить автору, классическія очертанія ливій. Гутчинсонъ во многихъ мѣстахъ нашелъ слѣды промышленности. Въ Экпе, недалеко отъ Тото, готовятъ особенный родъ заступа, похожій на мотыгу, для воздѣлыванія полей. Въ Абашавѣ вообще народъ промышленнѣе, чѣмъ въ приморскихъ городахъ Африки. Вмѣсто того, чтобы безъ дѣла курить трубки, мужчины плетутъ рогожи, или ткуть; женщины чистятъ хлопчатую бумагу, или прядуть нити, или работаютъ на поляхъ. Здѣсь выдѣлываютъ мыло и также мѣлъ изъ жженыхъ костей. Словомъ, книга Англійскаго путешественника отличается новымъ взглядомъ на страну, которую считали совершенно дикою. Еще замѣчательнѣе во многихъ отношеніяхъ изслѣдованіе о юго-западной Африкѣ Андерсона:

Lake Ngami, or Explorations and Discoveries during Four Years' Wanderings in the Wilds of South-Western Africa By Charles John Andersson. With a Map and numerous Illustrations. Hurst et Blanquet. (Озеро Нгами, или изслѣдованія и открытія въ продолженіе четырехлѣтняго странствованія въ пустыняхъ юго-западной Африки).

Андерсонъ съ юныхъ лѣтъ мечталъ о путешествіи въ Африку. Въ концѣ 1849 года прибылъ онъ въ Лондонъ съ собраніемъ четвероногихъ, птицъ и другихъ образцовъ естественной исторіи, сдѣланныхъ на его родинѣ въ Швеціи. Гальтонъ, отправлявшійся тогда въ Африку для изслѣдованія вновь открытаго озера Нгами, предложилъ ему участвовать въ путешествіи, и 7 апрѣля 1850 года оба они оставили Англію. Въ книгѣ находится описаніе двухъ странствій во внутренность Африки, изъ которыхъ одно совершенно Андерсономъ безъ участія Гальтона.

Караванъ состоялъ изъ повозокъ, запряженныхъ мулами, и быковъ, которые тащили кладъ, состоящую изъ ружей и другихъ подарковъ для туземныхъ князей. Дорога шла чрезъ безплодную степь, гдѣ въ иномъ мѣстѣ видѣлась гранитная скала, поросшая цвѣтами воздушнаго растенія (air-plant), которые сіяли чистѣйшей красною краскою; иногда путники встрѣчали ущелья и подъ нависшими скалами влажное русло рѣки, закрытое травой и громаднымъ тростникомъ. По полудни, томимые зноемъ, они отдыхали подъ вѣтвистыми акаціями; ночью, стѣснившись въ кружокъ, свали поды открытымъ небомъ. Они видѣли и попугаевъ, которые кричали на деревьяхъ, и блестящихъ бабочекъ и много птицъ Гвинеи — били на завтракъ жирафовъ, чтобы добыть вкусный мозжечекъ, доставали марѣдка и яйца страуса. Въ степной глуши, въ грязной хижинкѣ съ парусиною кровлею, случилось имъ встрѣтить и христіанскаго пастора, распространяющаго образованіе посреди дикихъ. Страна Овамбо привлекла особенное вниманіе странниковъ своимъ плодородіемъ и дикими обитателями. Владѣтель этой страны отличается особенною тучностью: тучность у Африканцевъ вездѣ въ высокомъ уваженіи; народъ живетъ не въ деревняхъ, а семействами, изъ которыхъ каждое устрояетъ себѣ жилище посреди своей нивы, огороженной палисадомъ. Здѣсь Андерсону случилось сражаться съ носорогомъ.

«Въ прекрасную лунную ночь погрузился я весь въ созерцаніе чудной природы, какъ вдругъ меня пробудило нестройное хрюканье носорога. Онъ явно былъ въ худомъ располо-

женіи духа: выйдяши изъ чащи на открытое мѣсто, онъ бѣшено ломалъ и бросалъ все, что ни встрѣчалось: кустарникъ, камни... и даже не пощадилъ череповъ и костей отъ звѣрей своей породы, разсыпавъ лежавшихъ на землѣ. Снявъ башмаки и всѣ наиболѣе замѣтныя части одежды, я подползъ на близкое разстояніе, держа ружье передъ собою. Такъ какъ онъ шелъ прямо на меня, то я не рѣшался стрѣлять, потому что мало было надежды убить носорога въ этомъ положеніи. Приблизившись на нѣсколько футовъ, онъ наконецъ меня замѣтилъ и вдругъ, протяжно зашипѣвъ — обыкновенный признакъ бѣшенства въ звѣрѣ — готовился уже поступить со мною точно такъ же, какъ съ камнями и костями. Каждая минута была дорога; я посиѣшво выстрѣлилъ ему въ голову. Никогда не забуду, въ какомъ замѣшательствѣ былъ звѣрь, получивъ ударъ. Вспрыгнувъ почти перпендикулярно на воздухъ на нѣсколько футовъ въ высоту, онъ упалъ внизъ съ такимъ грохотомъ, отъ котораго потряслась земля; потомъ, устремившись впередъ (онъ, вѣроятно, мѣтилъ па меня), онъ забѣгалъ кругомъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, цѣлыя пять минутъ увлекая все въ облакахъ пыли. Наконецъ ринулся онъ въ лѣсъ и скрылся изъ виду. Не найдя крови на его слѣдахъ, я не могъ предполагать, чтобы онъ очень пострадалъ: вѣроятно, пуля ударила въ его рогъ и такимъ образомъ оглушила.

Озеро Нгами Андерсонъ посѣтилъ во второе свое странствование; онъ исправляетъ невѣрныя извѣстія другихъ путешественниковъ, съ точностью описывая величину озера и окрестную мѣстность. Все озеро въ окружности, конечно, имѣетъ не болѣе 60 или 70 географическихъ миль; средняя широта его 7 миль, и не превосходить 9 миль въ самыхъ широкихъ частяхъ. Оно, какъ представилъ я на картѣ, узко въ срединѣ и круглится къ обонимъ концамъ: извѣстія, которыя сообщили объ немъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ туземцы, представляя его въ видѣ очковъ, справедливы. Сѣверный берегъ Нгами низокъ и песчанъ; на немъ нѣтъ ни дерева, ни куста на пространствѣ полумили. Далѣе (и такъ во кругъ всего озера) страна покрыта густымъ лѣсомъ изъ разныхъ родовъ акацій, свойственныхъ южной Африкѣ, дерева дамара и многихъ видовъ фруктовыхъ деревьевъ; мѣстами виднѣвъ бао-

боба, который своей громадной верхушкой возвышается над самыми гигантскими деревьями. Южный берег довольно возвышенъ, и вода такъ заросла огромнымъ тростникомъ, что досту-па въ немногихъ мѣстахъ, или тамъ, гдѣ туземный вѣтеръ проло-жить дорогу. Западный берегъ также возвышенъ, хотя вода мель-че; къ восточному концу она достигаетъ значительной глубины.. Нѣтъ сомнѣнiя, что озеро было прежде меньшихъ размѣровъ, чѣмъ теперь: это свидѣлствуютъ затопленные стволы де-ревьевъ.. Въ странѣ, сопредѣльной озеру, находится необыкно-венное разнообразiе въ животныхъ, каковы: слонъ, носорогъ, буйволъ, жирафъ, паллагъ (pallah) и также двѣ новыя породы антилопъ: наконгъ и лехе (leché).. Лехе величиною съ волюю лань (*Aigosegus ellipairgumpia*) и рога такiе же, какъ у самца. Общiй цвѣтъ кожи блѣднобурый; грудь, животъ и орбиты глазъ—бѣлые; ноги спереди имѣютъ цвѣтъ темнобурый. Шерсть, у мо-лодыхъ животныхъ длинная, мягкая и часто кудрявая, съ годови становится короткою и прижатой.. Лехе вытѣ не живетъ въ во-дѣ; но встрѣчается всегда отъ нея неподалеку; если животное преслѣдуютъ, то оно тотчасъ ныряетъ въ воду.. Наконгъ имѣетъ особеннаго рода черныя копыта, перѣдко длиною въ 6 и 7 дюй-мовъ; съ помощью ихъ онъ легко пробѣгаетъ по тростниковымъ болотамъ и трясинамъ, которыхъ много въ окружной странѣ. Я предлагалъ туземцамъ большую награду, если добудутъ имѣ на-конга мертваго или живаго; но они отвѣчали, что животное въ настоящее время года скрывается въ самыхъ тонкихъ мѣстахъ, куда проникнуть вѣтъ никакой возможности. Водяныя птицы здѣсь особенно многочисленны и разнообразны: прiятель, посѣ-щавшiй озеро, увѣрилъ меня, что убилъ въ равное время до 90 породъ утокъ и гусей. Есть между ними не больше гоголя, но съ великолѣпными перьями. Цапли и водяныя куры также мно-гочисленны и красивы.. Озеро и его рѣки кишатъ крокодиля-ми. Въ холодное время года они укрываются въ глубину воды, гдѣ остаются въ бездѣйствiи; но въ жары снова выходятъ, и, подобныя обрубкамъ дерева, лежатъ на отмеляхъ, грѣясь на сол-нцѣ. Я часто находилъ ихъ въ такомъ положенiи; казалось, они спали; но едва подымалъ я ружье или просто на нихъ уквы-

валъ, они стрѣлою ныряя въ воду. Говорятъ, что въкоторыя изъ нихъ огромной величины; но изъ убитыхъ не встрѣчалъ я болѣе 15 или 16 футовъ, хотя меня уверили, что они бывають и вдвое длиннѣе. Крокодилъ питается четвероногими, которыхъ подстерегаетъ, когда приходятъ пить воду; но не прежде съѣдаетъ добычу, какъ она начнетъ разлагаться. Въ водѣ сила его необыкновенна: по увѣренію жителей, одъ иногда, схвативъ за морду, увлекаетъ въ глубину даже буйвола, и, удавивъ, выталкиваетъ снова на землю, гдѣ стережетъ трупъ, пока онъ не попортится. Судя по влажности почвы, ямѣи должны быть многочисленны; но онѣ, не смотря на свою огромность, совершенно безвредны; туземцы убивають и ѣдятъ ихъ съ большимъ удовольствіемъ.

Путевыя записки Андерсона важны и занимательны какъ по описанію трудностей, которыя пережеть путешественникъ, такъ и по глубокому изслѣдованію страны; краткій обзоръ, конечно, не можетъ ознакомить съ этимъ многозначительнымъ сочиненіемъ.

Отъ западной Африки мы перейдемъ въ восточную, и здѣсь встрѣтимъ опять, уже знакомаго намъ, пилигрима Мекки: Буртонъ, теперь въ качествѣ купца, отправляется изъ Адена въ Гараръ.

First Footsteps in East Africa; or an Exploration of Harar. By Richard F. Burton, Bombay Army. Longman et Co. (Первыя стопы въ Восточную Африку, или изслѣдованіе Гарара). Буртонъ отличается тѣмъ отъ другихъ путешественниковъ, что знаетъ востокъ, какъ свою родину. Полное знакомство съ мѣстными обычаями составляетъ достоинство и настоящаго сочиненія. 29 октября 1854 года онъ выѣхалъ въ Арабское море и скоро достигъ Занзы. Двадцать шесть дней прошло въ приготовленіяхъ каравана. Буртонъ, какъ мы сказали, признаетъ на себя званіе мусульманскаго купца. Это званіе въ большей чести на востокѣ. Купецъ является важнымъ и почтеннымъ господиномъ, съ четками въ рукахъ и всегда готовымъ встреченіемъ корана на устахъ: онъ расскажетъ вамъ и о святыхъ мѣстахъ; онъ шепчетъ

прекрасный почеркъ, знает наизусть поэтовъ родины и съ точностью исполняетъ всѣ обряды религіи, всѣ церемоніи и правила учтивости. Караванъ наконецъ двинулся вдоль берега къ югу. Пять верблюдовъ нагружены были тяжелыми тюками холста и парусины, зашитыми въ пыновки. Проводникъ, съ кинжаломъ на боку и огромнымъ копьемъ, ѣхалъ впереди. По сторонамъ верблюдовъ ѣхали трое слугъ путешественника въ блестящихъ бѣлыхъ и красныхъ одеждахъ, съ копьями черезъ правое плечо. Самъ Буртонъ сидѣлъ на прекрасномъ бѣломъ мулѣ въ пышной цвѣтной одеждѣ; поперегъ колѣнъ лежало у него двуствольное ружье, въ чухвахъ были пистолеты Кольта. Дорога шла сначала чрезъ бесплодную долину, пока не приблизились къ холмамъ, поросшимъ терновникомъ и акаціями. Солнце спустилось и легкая прохлада смѣнила тяжкій зной; усталые верблюды легли, разведенъ огонь и странники стали готовить ужинъ. Авторъ описываетъ здѣсь характеръ Бедуиновъ Эзаа. Въ нихъ смѣсь ребячества, глупости и хитрости, веселости и раздражительности; они извѣстны особенно своею жестокостью и коварствомъ. «Вѣроломъ, какъ Эзаа» есть поговорка у жителей Зайлы. Горожане, женатые на дочеряхъ Бедуиновъ, посылаютъ своихъ жевъ покупать у нихъ козъ и овецъ, но сами ни за что не рѣшатся посѣтить родныхъ своихъ. Вся честь и слава этихъ степныхъ жителей состоитъ въ томъ, чтобы убить и ограбить челоуѣка; но и въ нихъ есть нѣкоторыя хорошія качества: они вообще гостепріимнѣе и великодушнѣе другихъ Сомаловъ. Они отличаются червотою лица, брѣютъ, или лучше сказать, скребутъ себѣ кинжаломъ волосы съ затылка. Глаза Бедуиновъ, съ нависшими бровями, пріобрѣтаютъ особенную силу отъ привычки смотрѣть на дальніе предметы. Нѣкоторые имѣютъ очень выразительный профиль; у дѣвушекъ часто встрѣтишь нѣжныя очертанія лица. Стада составляютъ главное богатство Эзаа. По ихъ мнѣнію овцы и козы — серебро, коровы — золото; они сравниваютъ верблюда со скалою и, подобно другимъ мусульманамъ, говорятъ, что лошадь создана вѣтромъ. Пища ихъ зависитъ отъ времени года. Въ жары, когда запасы истощаются, они убиваютъ стада и питаются бараниной; въ муссонъ мужчины толстѣютъ, напиваясь всякіи

день молокомъ. Они предпочитаютъ коровье молоко козьему, а козье овечьему, которое наиболѣе любятъ Арабы. Жители городовъ употребляютъ верблюжье молоко, какъ лекарство; по ихъ мнѣнію, кто пьетъ его, и притомъ въ продолженіе 44 часовъ постоянно ѣсть мясо верблюда, становится силенъ, какъ само животное. Жизнь Бедуиновъ довольно однообразна. Вставши съ зарею, они начинаютъ пересчитывать и доить скоть. Животныя приходятъ по зову къ подоюнику и доставляютъ утренній завтракъ хозяину. Потомъ войны съ копьями и молодыя женщины съ палками гонять стадо на пастбище. Сторожа скоть, хозяйки и дѣти прядутъ нити или вьютъ веревки; мужчины, ходя взадъ и впередъ, отъ нечего дѣлать жуютъ табакъ, или играютъ въ шахматы: они расчерчиваютъ на песку шахматную доску, ставятъ на нее кусочки изъ дерева, означющіе фигуры, и такъ проводятъ часъ за часомъ. Другіе сидятъ, свистя на стадо, или дуютъ въ тростниковую свирѣль, которая дѣлается въ Гарарѣ. На ночь скоть снова сосчитанъ и запертъ. Такова вся жизнь этого народа.

По приближеніи къ Гарару, спутники Буртона все болѣе чувствовали страхъ; самый городъ составлялъ безобразную гряду камней, надъ которою возвышались два сѣрые минарета, и не стоило жертвовать для него жизнью; но путешественникъ рѣшился явиться къ Амиру, назвавъ себя Европейцемъ. Ничтожный султанъ представлялъ изъ себя грознаго повелителя, безъ пощады тирани народъ свой. Сухой и желтый, съ наморщенными бровями и пронзительнымъ взоромъ, принялъ онъ нашего странника, сидя на своемъ тронѣ (родъ койки въ 5 футовъ длины), въ длинной мантіи яркочернаго цвѣта, подбитой бѣлою шерстью, съ бѣлымъ тюрбаномъ, туго обвязаннымъ около высокой конической шапки изъ краснаго бархата. Когда Буртонъ приступилъ, двое слугъ взяли его сзади за руки, помогая наклониться къ протянутой, худощавой рукѣ Амира; Буртонъ однако не поцѣловалъ ея. Султанъ имѣетъ обыкновеніе каждую минуту, принимаетъ онъ что-нибудь или отдастъ, протягивать къ цѣлованію руку. Когда онъ на лошади, двое слугъ вьютъ на него полами одежды; двѣнадцать всадниковъ сопровождаютъ его во-

время выезда въ мечеть; впереди идетъ стража съ ружьями и хлыстами, подлѣ него офицеръ съ огромнымъ зонтикомъ изъ краснаго атласа. Народъ бѣжитъ при встрѣчѣ съ ними, спасаясь куда попало. Султанъ однако довольно благосклонно принялъ Буртова, главною цѣлю путешествія котораго было установить торговые отношенія съ Аденомъ.

Но и въ Африкѣ, среди дикихъ степей и не менѣе дикихъ обитателей, есть остатки той человѣчной образованности, гдѣ встрѣчаете имена Аристотеля, Фемистокла, вырѣзанные на скалахъ. Мы говоримъ о развалинахъ Греческой колоніи Кирене, посѣщенныхъ нынѣ Гамильтономъ. Вотъ какъ между прочимъ онъ объ нихъ рассказываетъ своей книгѣ «Странствованія въ Сѣверной Африкѣ» (*Wanderings in North Africa. By James Hamilton. Murray*).

•Потокъ (фонтана Кире) выходятъ изъ скалы и падаетъ въ неглубокій, четверугольный резервуаръ, изсѣченный въ пещерѣ: это мѣсто было искусственно расширено; отсюда вода расходилась по каменнымъ каналамъ, отъ которыхъ еще сохранились остатки. Вышняя часть скалы сглажена, и къ ней приданъ порталъ изъ того прекраснаго, бѣлаго известняка, который плотнѣе мрамора и съ годами получаетъ теплый, золотой отблескъ. Лиція фронта, глубоко изсѣченная въ скалѣ, показываетъ весь архитектурный очеркъ. Врзаво на скалѣ находится надпись, означающая время возобновленія фонтана, которое можно отнести къ древнѣйшему періоду, чѣмъ первое столѣтіе. Передъ фонтаномъ двѣ массивныя стѣны поддерживаютъ узкія платформы; на нижней мраморные остатки фундамента показываютъ, что тутъ было значительное зданіе. Подъ ними простирается широкая терраса (въ 700 футовъ длины), поддерживаемая высокой и чрезвычайно толстой стѣною. Налѣво, подъ самымъ фонтаномъ, находятся остатки большаго зданія: огромные куски карнизовъ и колоннъ свидѣтельствуютъ о его значительности. Посреди щебня лежатъ упавшія колонны, безголовая статуя сидящей женщины и вѣсколько плитъ съ надписями. Ни одно строеніе на площади не сравнится величиною съ этимъ, и можно дѣйствительно пола-

гать, что то былъ храмъ Аполлона. Влѣво отъ этого зданія, сзади, находится храмъ древнѣйшей постройки: дагдѣ влѣво еще маленькое зданіе, передъ которымъ отрыта была искусно драгированная статуя Римской императрицы*.

Но особенно знамениты гробницы, окружающія Кирен: монументы и сакрофаги поднимаются здѣсь террасами, иногда въ десять рядовъ, одни надъ другими.

Въ заключеніе нашего обзора путешествій по Африкѣ упомянемъ еще о жизнеописаніи Жерара, который прославился охотою на львовъ.

The Life and Adventures of Jules Gérard, the «Lion-Killer». Lambert et Co. Книга эта полна разсказами о львахъ, пантерахъ, гіенахъ, и проч. Тутъ также живо описывается жизнь Арабовъ Алжирскихъ; но главная цѣль сочиненія — дать понятіе объ охотѣ на львовъ, которые, опустошая стада, берутъ съ жителей подать, въ 10 разъ большую, чѣмъ Французское правительство. Приведемъ одинъ изъ разсказовъ Жерара (*):

«Скоро услышалъ я шумъ въ листьяхъ, покрывавшихъ землю, тяжелое ступаніе и шорохъ отъ движенія громады посреди деревьевъ, растущихъ по сторонамъ прогалины. Левъ приближался къ намъ изъ своей норы, не подозрѣвая нашего присутствія. Буавистъ и спаги уже прицѣливали ружья. Я велѣлъ имъ стать нѣсколько шаговъ позади меня и не двигаться съ мѣста до окончанія дѣла... Левъ все приближался. Я уже могъ извѣрить отдаленнее насъ разстояніе и различить ровныя, глухіе звуки тяжелого его дыханья. Я тогда подошелъ на нѣсколько шаговъ къ краю прогалины, гдѣ и сталъ, чтобы выстрѣлить на ближайшемъ пространствѣ. Я слышалъ, какъ онъ былъ за 30 шаговъ, за 20, за 15... и все не чувствовалъ страху. Всѣ мои мысли были заняты однимъ: что если онъ вернется! что если не войдетъ въ прогалину! При каждомъ звукѣ, означавшемъ, что онъ ближе,

(*) Здѣсь описывается охота на огромнаго льва, противъ котораго не смѣлъ выйти даже никто изъ Арабовъ.

мое сердце билось сильнѣе въ волненіи радости и надежды. Одно только меня смущало: что если будетъ ошѣчка? и я взглянулъ на ружье свое. Но увѣренность въ удачу превозмогла, и я ждалъ съ нетерпѣніемъ появленія врага. Левъ, послѣ минутной остановки, которая показалась мнѣ вѣкомъ, снова началъ двигаться впередъ. При свѣтѣ звѣздъ я могъ видѣть, какъ покачнулася отъ его прикосновенія верхушка маленькаго дерева, до листьевъ котораго я могъ достать рукою. Здѣсь онъ снова сталъ на секунду. Насъ другъ отъ друга отбѣляла только гущина этого деревца, снизу до верху поросшаго листьевъ. Я стоялъ лицомъ къ лѣсу и наоравилъ ружье такъ, чтобы тотчасъ выстрѣлить, какъ левъ войдетъ въ прогалину; секунду оставшагося мнѣ времени употребилъ я на то, чтобы увѣриться въ возможности вѣрнаго прицѣла. Благодаря свѣту, начинавшему мерцать съ востока и ясности неба, полнаго сіяющими звѣздами, я могъ съ точностью видѣть конецъ ствола: этого было и довольно при такомъ короткомъ разстояніи. Мнѣ казалось, что животное слишкомъ медлитъ: я боялся, чтобы, почувавъ мое присутствіе, онъ не прыгнулъ черезъ кустъ, насъ раздѣлявшій. Какъ будто въ оправданіе моего страха, левъ два или три раза прохрипѣлъ и потомъ началъ страшно рычать. Мои друзья Севтъ-Губерта! если можете чувствовать и понимать, представьте, что въ ночи, въ глухомъ лѣсу, вы стоите у деревца, изъ котораго льются волны рыканій, могущихъ заглушить раскаты самаго грома. Представьте, что вамъ только разъ можно выстрѣлить въ страшнаго звѣря, надъ которымъ побѣда зависитъ отъ единственной пули, и который истеразаетъ васъ въ клочки, если его не убьете. Вы, вѣроятно, поймете, что, доврившись одной своей силѣ, я упалъ бы духомъ. Да, сознаюсь откровенно: этотъ ревъ далъ мнѣ почувствовать, какъ ничтоженъ передъ львомъ человекъ, и я дрогнулъ бы въ эту минуту безъ могучей вѣры въ невзсякаемый Источникъ силы. Эта вѣра была причиною, что я слышалъ безъ трепета страшный голосъ врага и до конца сохранялъ полную власть надъ своими нервами. При послѣднемъ шагѣ льва я нѣсколько отсторонился и только громадная голова его выступила изъ зелени на два аршина отъ меня, и онъ остановился, устремивъ на меня удивленный взоръ,

какъ я напѣтилъ между глаза и уха, и медленно спустилъ курокъ. Отъ мгновенья, какъ я до него дотронулся, до минуты, какъ услышалъ выстрѣлъ, сердце мое перестало биться. Послѣ выстрѣла я не видѣлъ ничего; но сивозъ дымъ, покрывшій льва, раздался трепетный, замирающій и страшно-протяжный ревъ. Мои два спутника между тѣмъ подскочили; во, не вида ничего, остановились съ ружьями, готовые стрѣлять. Самъ я сталъ на колѣно и ждалъ съ кинжаломъ въ рукѣ, пока дымъ не разойдется. Какъ только прояснѣло, я увидѣлъ сначала лапу — и, Боже! какую лапу! — потомъ всю ногу, потомъ плечо, голову — и наконецъ все тѣло моего непріятеля. Онъ лежалъ на боку безъ малѣйшаго признака жизни.

У Жерара есть много и другихъ разсказовъ, столь же занимательныхъ. Для характеристики Америки мы не можемъ на этотъ разъ указать много замѣчательныхъ сочиненій. Упомянемъ о путешествіи въ Перу Маркгама, какъ заслуживающемъ нѣкотораго вниманія, —

Cuzco; a Journey to the Ancient Capital of Peru, etc And Lima; a Visit to the Capital and Provinces of Modern Peru, etc. By Clements R. Markham. With Illustrations and a Map. Chapman et Hall.

Авторъ изслѣдуетъ здѣсь исторію, языкъ, литературу и древности Куско, разсказываетъ свои похощевія; но всѣ эти подробности перемѣшаны въ его книгѣ и дѣлаютъ ее нѣсколько затруднительною для чтенія. Не смотря на это, можно все-таки найти здѣсь много характеристическихкихъ описаній; особенно природы Кордильеръ.

Авторъ находится въ долинѣ, окруженной высокими горами и покрытой снѣгомъ. Широкіе потоки со множествомъ ручьевъ и водопадовъ съ шумомъ льются во всѣ стороны, преграждая путь на каждомъ шагу; небо покрыто густымъ туманомъ, снѣгъ падаетъ хлопьями. Ночью путешественникъ достигаетъ на самой высотѣ узкаго прохода между черными скалами. Онъ надѣется провести ночь въ пещерѣ, состоящей изъ скалы,

написшей къ правому утесу; но все мѣсто наводнилось водою, потоки льются съ кровли. Послѣ холоднаго ужина изъ миндалью и изюму, нечего дѣлать; должно спать, сидя на мулѣ, по образцу Санхо-Пансы. Кругомъ снѣгъ; ночь темна, какъ воронье крыло. Вотъ снизу и сверху начинается гудѣть громъ, сверкающая молнія озаряетъ черные утесы... Наконецъ зачалась заря. Тяжелые туманы собрались въ тучи и тихо покатались внизъ по оврагамъ. Путникъ перешелъ вершину, и теперь долженъ спускаться по крутымъ, скользкимъ скаламъ черезъ брызжущіе на нихъ водопады. Въ иномъ мѣстѣ мулу приходится соскакивать на четыре фута внизъ, въ другомъ — передъ вами кипучая пропасть и привычное животное прыгаетъ черезъ нее на противоположную закраину скалы. Но вотъ широкая долина Пальмито-Чико съ текущей посрединѣ ея рѣкою. На роскошной травѣ здѣсь уже пасутся стада. Маркагъ переѣзжаетъ черезъ природный каменный мостъ и наконецъ достигаетъ пастушьей хижины — перваго жилища внутри Кордильеръ; это круглый, каменный домикъ съ конической травяною крышею. Хорошенькая Индійская дѣвушка провела путешественника къ новому переходу черезъ рѣку. Они спустились по крутому скату горы, гдѣ мелькали тысячи маленькихъ ручьевъ, соединяясь на 500 футовъ ниже съ огромнымъ потокомъ. Теперь предстояло пробираться по такому узкому краю пропасти, что пока одна нога прислонялась къ скалѣ, другая висѣла надъ бездной. Во иномъ мѣстѣ и эта тропинка оборвана была потоками. Другой разъ единственную дорогу представлялъ почти отвѣсный утесъ въ восемь футовъ, съ небольшими закраинами, и на нихъ-то мулъ устанавливалъ свое копыто. Наконецъ они пришли къ мѣсту, гдѣ громада противоположныхъ скалъ приближалась ко краю пропасти, и здѣсь переброшено было вѣсколько жердей, служившихъ мостомъ. Пятьсотъ футовъ ниже шумѣлъ потокъ въ глубинѣ громадныхъ утесовъ, поросшихъ терновникомъ, котораго темная веревка висѣла надъ шипащею пѣной. По сю сторону возвышались горы на 2000 футовъ вышины, съ прекрасными каскадами,падавшими во всѣхъ направленіяхъ, иногда на 800 футовъ; съ другой стороны скалы были ниже и не такъ отвѣсны.

Этотъ рассказъ показываетъ, какія страшныя лишенія должны претерпѣть путешественникъ, странствующій въ Южной Америкѣ. Другая книга, о которой мы упоминаемъ, принадлежитъ Свайеру, бывшему въ 1850 году повѣреннымъ отъ Вашингтонскаго союта въ дѣлахъ средней Америки. Она вышла въ Нью-Йоркѣ со слѣдующимъ заглавіемъ:

Notes on Central America; particularly the States of Honduras and San Salvador: their Geography, Topography, Climate, Population, Resources, Production, etc. and the Proposed Honduran Inter-Oceanic Railway. By E. G. Squier. With Original Maps and Illustrations. New-York, Harper Brothers; London, Trübner et Co.

Острова залива Гондурасъ отличаются здоровымъ климатомъ и плодородіемъ: они важны также по своему географическому положенію, и Британское правительство въ 1852 году вознамѣрилось образовать изъ нихъ колонію. Занятіе этихъ острововъ Англичанами Скайеръ называетъ явнымъ нарушеніемъ трактата 1850 года, по которому они утверждены за республикою Гондурасъ. Касательно короля Москитовъ, которому Англичане покровительствуютъ, Американскій писатель дѣлаетъ очень любопытныя замѣчанія. Онъ говоритъ, что на новыхъ картахъ почти третья часть средней Америки приписана къ берегу Москитовъ, между тѣмъ какъ самое названіе: «берегъ Москитовъ» не имѣло никогда политическаго смысла, означая только частицу восточнаго берега средней Америки. Москитами Индійцы называютъ вѣскольکو тысячъ жалкихъ дикарей, промышляющихъ на самомъ берегу рыбными промыслами: всѣ ихъ торговля состоитъ въ ищѣ немногихъ черепаховыхъ раковинъ, да сарсапарилли. Они никогда не могли образовать особеннаго государства. Ими управляютъ вѣскольکو вождей, часто вадорящіе между собою. Когда Англійскому суперинтенденту въ Белизѣ показалось необходимымъ выдумать короля Москитовъ, эти вожди были собраны и съ помощью достаточнаго количества рому повуждены приложить свои знаки къ бумагѣ, которая послужила актомъ къ избранію Самбо, уже назначеннаго прежде Англійскими агентами. Свайеръ доказываетъ также, что необходимо построить желѣз-

ную дорогу через Гондурасъ отъ Пуэрто Кабаллосъ (Puerto Caballos) къ заливу Фонсека, на 160 миль: эта дорога, по его мнѣнію, будетъ стоить вдвое дешевле, чѣмъ сообщеніе чрезъ Панамскій перешеекъ. Вся цѣль автора — побудить Соединенные Штаты къ омадѣнію центральною Америкой.

Намъ остается теперь просмотрѣть книгу, описывающую Европу. Путешествія по Европѣ обыкновенно не такъ охотно читаются, какъ извѣстія о земляхъ отдаленныхъ и намъ чуждыхъ. Тѣмъ болѣе чести автору, который счумѣетъ подмѣтить новыя характеристическія стороны жизни, уже много разъ описанной. Италия въ особенности всегда манила къ себѣ наши юношесческія мечты: за Альпами начинается уже другая жизнь и природа. Въ Сардиніи и Миланѣ сѣверъ и югъ, такъ сказать, встрѣчаются. Лиственница растетъ съ лимоннымъ деревомъ, сосна вблизи апельсиновой рощи; озера Маджіоре и Лугано омываютъ своими водами какъ будто два противоположные материка: съ одной стороны снѣгъ покрываетъ вершины горъ, съ другой цвѣтутъ марты и виноградники. Та же противоположность и въ нравахъ: житель Піемонта соединяетъ въ себѣ живость Италиянца со спокойною разсудительностью питомцевъ сѣвера. Туринъ имѣетъ болѣе характеръ новаго города; Генуя своей неспокойной дѣятельностью уже выражаетъ вполне Италію: ея узкія, старинныя улицы, полныя историческихъ воспоминаній, и живописная мѣстность невольно увлекаютъ фантазію. Приведемъ описаніе Генуи въ ночное время изъ сочиненія Бейля (Baile), на которое теперь хотимъ обратить вниманіе.

The Subalpine Kingdom; or, Experiences and Studies in Savoy, Piedmont, and Geneva. By Baile St. John. 2 vols. Chapman et Hall. (Заальпійское царство; или собранное опытомъ и наблюденіемъ въ Савоіи, Піемонтѣ и Генуѣ).

•Мы пошли гулять ночью, когда жители уже удалялись въ дома и только нѣсколько фигуръ, вѣроятно, любители таинственныхъ прогулокъ, двигались взадъ и впередъ. Еслибы можно было снять дагерротипомъ окружающіе предметы, то все-таки вы не получили бы объ нихъ понятія. Для насъ во всемъ, что мы

видѣли, таился сокровенный смыслъ. Чтобы дать другимъ понятіе о нашихъ чувствахъ, необходимо было бы разсказать тѣ отрывки изъ исторіи, которые безсвязно мѣшались въ нашей головѣ. когда мы проходили по городу, то въ мрачной тѣни, то въ мѣстахъ, сіяющихъ луннымъ свѣтомъ. Здѣсь улицы были такъ узки, что мы могли касаться руками обѣихъ сторонъ; тамъ широкія площади простирались передъ великолѣпными дворцами и фантастическими церквами. Порою останавливались мы въ восторгѣ, вступая чрезъ открытый входъ въ окруженный колоннами дворъ, съ громоздящимся высоко галереями и балконами, надъ которыми являлась частица неба, залятаго лунными лучами, подобно кристальной водѣ въ глубинѣ колодца. Порою, съ невольнымъ трепетомъ, тихо шли мы подъ тяжелыми сводами, лежавшими на грубыхъ, необтесанныхъ колоннахъ, которыя, казалось, ломались подъ тяжестью домовъ, нагроможденныхъ надъ ними. Почти невозможно уловить съ точностью впечатлѣнія, волнующія васъ въ подобныхъ странствіяхъ; такъ эти впечатлѣнія смѣшанны и неопредѣленны. Когда зелень, висающая надъ рѣкою, бываетъ колеблема вѣтромъ, что-то отражается на выбюмъ, водномъ стеклѣ; но это не листъ и не дерево: такъ и образъ Генуи, наблюдаемой ночью, рисуется передъ вами неопредѣленно. Мы не помнимъ ни вида, ни направленія улицъ, ни мѣстности дворцовъ, по дворахъ которыхъ гуляли, и едва ли узнаемъ вновь эти темныя коллонады, какъ будто наудачу высѣченныя изъ утесовъ, а не построенныя по плану. Иногда, выходя къ открытому мѣсту, мы видѣли далеко надъ нами, какъ будто на краю пропасти, сіяющіе въ лунномъ свѣтѣ огромные дворцы; но мы готовы были счесть ихъ за видѣнія шиража. Тамъ внизу, сквозь простѣяки домовъ, сверкала часть моря, на которое отъ желтаго шара луны какъ будто пролился серебряный дождь. Между тѣмъ окрестная тишина какъ-то томилла душу. Слухъ, жадный до звука, начиналъ создавать что-то подобное шопоту и вздохамъ, выходившимъ будто изъ густыхъ тѣней подъ высокими открытыми входами. Любовь или преступленіе были высказаны ими? Звонъ гитары раздавался среди влажнаго воздуха. Онъ былъ осѣжителенъ, какъ трель соловья, въ этомъ темномъ, мраморномъ

лѣту. Высоко надъ самою головою горитъ свѣтъ въ окнахъ. Мы не думаемъ наслѣдовать, выражаетъ ли слышанная нами мелодія юношеское чувство, или это просто лѣтнее занатіе возраста, томимаго бессонницею. Когда мы устремили взоръ къверху, какая то громада загородила отъ насъ голубое, звѣздное небо. Это мостъ, подъ которымъ проходятъ улицы съ домами въ 7 этажей.

Авторъ такъ говоритъ далѣе:

«Via Nuova тускло освѣщена. Въ одну изъ вечернихъ прогулокъ мы были удивлены, увидѣвъ великолѣпный свѣтъ между деревь, висящихъ съ терассы, около которой возвышались иррачныя стѣны огромнаго дворца. Мы вошли въ блестящій проходъ къ дверимъ, уставленнымъ цвѣточными вазами. Сначала съ трудомъ мы повѣрили, чтобы это была обыкновенная кофейня. Внутри играли фонтаны; прелестныя скамеечки устроены были подъ благоуханнымъ кустарникомъ; тѣнистыя аллеи шли вокругъ: вѣдьшь пышно освѣщенные, тамъ въ полушракѣ. Красивые мужчины и женщины съ томными очами небрежно сидѣли или гуляли по саду. Ароматъ кофе сливался съ благоуханіемъ цвѣтовъ. Мы видѣли, какъ таятъ ледъ на теплыхъ, пурпурныхъ устахъ. Чувство нѣги нами омадѣло. Мы вдругъ перевесились къ новѣйшей Генуѣ — къ Генуѣ шелковыхъ шляпъ, модныхъ перчатокъ и фалборокъ. Имена Спиннолы и Дорин, правда, были произнесены около насъ; но съ тономъ, заученнымъ при Миланскомъ дворѣ. Надъ нами, изъ оконъ и балконовъ пустаго дворца старый Гонфалоньери, со своими каменными очами и бородою, казалось, задумчиво глядѣлъ на легкомысленныхъ потомковъ».

Бейль также внимательно рассказываетъ про Туринъ, приводя между прочимъ знаменитый анекдотъ о пѣвицѣ Пикколомини, которая въ то время пользовалась необыкновеннымъ успѣхомъ на сценѣ. Однажды, по выходѣ изъ театра, восторженная молодожъ задумала заперчься въ ея карету. Какой изъ женщинъ не польстило бы такое уличенье? Но пѣвица, едва увидѣла это, какъ воскликнула къ толпѣ со взорамн, пылавшими негодованіемъ: *altri doveano essere gli studii dei giovani Italiani!* (другія должны бы быть заботы у юношей Италіи)—и, вернувшись изъ театра, ушла домой вѣшкомъ чрезъ другой выходъ.

Очень замѣчательное изданіе составляютъ: «Виды Греціи и ея острововъ». Линтона. (The Scenery of Greece and its Islands: Illustrated by Fifty Views sketched from Nature, executed on Steel and described en route. With a Map of the Country. By William Linton. Published by the Author.

Сколько живыхъ воспоминаній возбуждаетъ въ насъ одно имя Греціи! передъ нами тотчасъ встаютъ герои-погубоги, вмѣсто обыкновенныхъ людей, нѣкогда властвовавшіе надъ прекраснѣйшимъ міромъ. Но въ мѣстахъ, ознаменованныхъ великими подвигами, вы вынѣ находите часто только каменистую долину, оливку, одинокій лавръ. Ваше воображеніе разочаровано во многомъ, за то истина передъ вами выигрываетъ, соприкосновеніе съ дѣйствительностью даетъ реальное значеніе мечтамъ, хотя нѣсколько и ослабляетъ волшебныя краски: вмѣсто Грековъ-полубоговъ являются Греки-люди. Въ этомъ и состоитъ заслуга Линтона, знакомящаго насъ своими рисунками съ дѣйствительною Греціею. Посмотримъ, какъ описываетъ Геродотъ Марафонскую битву. Тутъ были Персіане съ копьями и луками, въ равноцвѣтныхъ туникахъ; Ассиріане въ мѣдныхъ шлемахъ, со своими щитами; Индійцы въ камзолахъ изъ хлопчатой бумаги; Скионы въ коническихъ шлемахъ, съ сѣкирами; Касійцы, одѣтые въ кожи; Эѳіопы въ убранствѣ изъ бѣлаго и пунцоваго цвѣта. Фракіянны въ пурпурныхъ сапожкахъ, Бактрійцы съ кожаными шашками: тутъ были Индійскія повозки, везомыя зебрами, Арабы съ верблюдами. Вся эта громада двинулась при звукѣ цимбаловъ, роговъ и свирѣлей, — и ей на встрѣчу сѣхнѣтъ гореть Аеніяль и Платейпекъ, распѣвая военный гимнъ. Раскроемъ книгу Линтона и увидимъ приморскую долину — небольшое поле сраженія окруженное холмами. Но тутъ все то же голубое море, родина Нептуна; съ окрестныхъ высотъ Греческій пастухъ видитъ Аенны, Гиметтъ, Сароническій заливъ, Эгину и горы Морен. Большіе мраморные утесы сіяютъ цвѣтами радуги и обросли мастикой, земляничнымъ кустомъ и дикою грушею; лѣсистое ущелье ведетъ къ безсмертной долинѣ. Аенны Линтона представляютъ намъ утесистый холмъ, вѣнчанный зданіями и окруженный горами: маленый городъ пріютился у его подножья. Художникъ

рисовалъ его изъ оливковой рощи Платона, гдѣ и донынѣ сады на берегу рѣки; высоко на небѣ красуется Паросеонъ, внизу храмъ Тезея, Ареопагъ изравно, Колонъ Софокла влѣво и въ отдаленіи Гиметтъ. Албанскихъ бѣломоекъ встрѣтите нынѣ на берегахъ того Иліса, гдѣ подлѣ цвѣтущими платанами, на которыхъ вѣчно жужжать пчелы, нѣкогда сидѣлъ и училъ Сократъ. При потоцѣ теперь нѣтъ ни цвѣтовъ, ни травы: онъ терлется среди голыхъ скалъ и лѣтомъ почти высыхаетъ. Кромѣ Акрополиса и Каллироа Лингоа изобразилъ храмъ Юпитера Олимпійскаго, котораго бѣлыя колонны выходятъ рѣзко и рельефно на темномъ фонѣ бурнаго неба. Далѣе находимъ мы Филы—дикое, укрѣпленное мѣстечко, откуда Фразибулъ вышелъ со своимъ отрядомъ изъ 700 человекъ, чтобы вигнать 30 тиранновъ изъ Аѳины. Филы лежатъ на дорогѣ изъ Фивъ въ Аѳины, недалеко отъ долины Азона. Это—ущелье, защищенное одною изъ тѣхъ пограничныхъ крѣпостей, овладѣвіе которыми составляло дѣло первой важности во всѣхъ Греческихъ междоусобныхъ войнахъ. Мы видимъ страшную пропасть, мрачные овраги, поросшіе лѣсомъ, и голыя закряныя скалы; подлѣ ними незримо журчить къ вѣтеръ потокъ въ направленіи къ Аѳинской долинѣ. Въ яркой противоположности съ Аѳинами являются Фивы. Кто бы могъ подумать, что у этихъ огромныхъ кучъ песку и пустынь, поляныхъ хворосту, родился Эпаміонидъ, Филиппъ Македонскій стоялъ съ оружіемъ! Лѣсная долина однако имѣетъ свой оригинальный характеръ. Въ ясной дали подымаются Дельфы и Евбейскіе холмы съ ихъ неувадаемой красотою. Мѣста мифологическія, когда увидите ихъ во всей грубой дѣйствительности, также дадутъ вамъ понять строгое величіе Греческаго гениа. Тѣ люди, которые воображали Зевеса, сидящаго на Олимпѣ, подобно Брамѣ на Гималаѣ, далеко не сходны были съ поэтами Августова вѣка, которые воспѣвали одно сладострастье. Пещера Трофонія не гротъ, увѣчанный миртами, украшенный скульптурною работою, а мрачная, ужасная впадина въ долинѣ среди нависшихъ утесовъ. Аѳинскіе холмы, горы Арнадіа, дикія долины Спарты, мы должны воображать себѣ подлѣ чистымъ, прозрачнымъ небомъ и въ яркомъ сіяніи солнца, въ убранствѣ цвѣтовъ, прекрасныхъ, какъ поэтиче-

сіе вымысли, въ нѣтъ воплощенные. Здѣсь лалія, бѣлая, будто выросла изъ молока, капающаго съ груди Юноны; фіалка, пурпурнаго цвѣта, будто возникла изъ благоволивой крови, пролитой Венерою, когда она сѣвшила сквозъ колючій терновникъ на встрѣчу Адонису; тамъ вѣчнозеленая олива, разцвѣтшая по волѣ Минервы, гіацинты съ его мистическими листьями и плющъ, милый Вакху. Мѣстоположеніе открываетъ намъ характеръ племени. Аркадія была плодородна, и народъ ея сталъ пастухами; въ безплодной Аттикѣ жители сдѣлались моряками; Спартацы были отважны, какъ горы; Коринѣи разбогатѣли отъ самаго положенія у двухъ морей. Но что всего удивительнѣе — страна людей, которые ѣли черную похлебку и ржаной хлѣбъ, отличается особеннымъ плодородіемъ: адѣсь находимъ пшевицу, виноградъ, померанцы, туговое дерево и каштанъ; высокіе олеандры растутъ по берегамъ Евротаса. Вблизи Спарты, которой мѣсто въ точности неизвѣстно, лежатъ развалины стараго Акрополиса, могла Леониды и древній театр. Надъ огромною долиною царствуетъ Тайгетъ. На холмахъ видны замки и укрѣпленія, незнакомые Спартацамъ, для которыхъ единственною защитою была ихъ могучая грудь. Страшныя горы возстаютъ окрестъ съ ихъ обрывами, водопадами и темными ущельями. Видъ Мессеніи, съ ея цвѣтущими долинами и потоками, еще романтичнѣе. Въ Аркадіи, странѣ Пана, сатвра и нинѣ, вмѣсто пастуховъ, теперь бродятъ разбойники; но природа по прежнему прекрасна: у Аркадскаго залива видите безчисленныя рощи оливокъ, плущія то внизъ, то вверхъ по холмамъ, тихія, сребристыя воды и влади горы Клады, одѣтыя пурпурнымъ туманомъ. За то Стинсъ ужасенъ, какъ рѣка смерти. Вы находите глухую, безлѣсную долину; подъ высокими утесами рвется, бушуетъ потокъ: вся картина имѣетъ видъ, самый безотраднѣй. Лянтонъ посѣтилъ и Парнасъ съ его знаменитымъ ключемъ въ расщелинѣ между двумя отвѣсными скалами, и Коринѣйскую пещеру изъ сталактитовъ. Въ заключеніе онъ говоритъ о полихроматической архитектурѣ. Между развалинами храма Юпитера на Эгинѣ онъ нашелъ раскрашенный архитравъ и карнизъ. Греки раскрашивали гробницы и даже иногда статуи. Но употребленіе красокъ въ скульптурѣ противно

идеальной красотѣ искусства: нѣтъ, какъ полагаютъ, требованій жрецы, но избѣгали, гдѣ возможно, ваятели. Краски на мраморѣ служатъ только жалкимъ подражаніемъ природѣ.

Изъ предыдущаго видно, какъ полезна книга Линтона для всякаго, кто желаетъ основательно изучить Грецію. Служитъ къ заключенію, что и всѣ книги по части путешествій, вышедшія въ Англіи, старательно изданы и снабжены какъ подробными картинами, такъ и множествомъ рисунковъ.

В. ВОДВЕРЖОВЪ.

БЮГРАФИИ

ГЛАВНЫХЪ АСТРОНОМОВЪ.

(ПОСМЕРТНОЕ СОЧИНЕНІЕ АРАГО).

(Продолженіе).

ХІІІ. ГАЛИЛЕЙ.

Галилео Галилей, одинъ изъ великихъ философовъ новаго времени, родился въ Пизѣ 18 февраля 1564 г. Отецъ его, Виченцо Галилео, Флорентинецъ, происходилъ отъ благороднаго, но небогатаго рода. Галилей провелъ свою первую молодость также во Флоренціи; еще въ дѣтствѣ онъ обнаружилъ склонность къ механикѣ, устроявая модели всякихъ машинъ. Виченцо Галилео сперва назначалъ своего сына для торговли, однакожъ училъ его языкамъ Греческому и Латинскому. Быстрые успѣхи молодаго Галилея въ первоначальномъ ученіи и способности къ рисованію и музыкѣ перемѣнили намѣренія его родителей, которые, предназначивъ его для медицины, на семнадцатомъ году возраста отправили его въ Пизу, гдѣ профессоры университета всѣ были перипатетики.

Говорятъ, что наблюдательность Галилея открылась въ церкви, гдѣ онъ увидалъ люстру, привѣшенную къ своду, и которой качанія показались ему одновременными и при большихъ и малыхъ размахахъ или амплитудахъ. Видѣшіе въ этомъ, дѣйствительномъ или мнимомъ, наблюденіи начало открытіи Гюйген-

са, утверждали, что времена качаний люстры замѣчалъ Галилей по своему пульсу (*).

Вскорѣ потомъ раскрылись способности Галилея къ математикѣ. Въ короткое время онъ омадѣлъ истинами, содержащимися въ книгахъ Эвклида и Архимеда. При этомъ случаѣ рассказываютъ анекдотъ объ урокахъ профессора Гостилія Риччи пажамъ великаго герцога: будто бы Галилей, не имѣвшій права входить въ классъ, подслушивалъ ихъ у дверей. Это — сказка, сочиненная въ духѣ того времени, когда уже слава Тосканскаго философа распространилась по всему свѣту. Столь провинцательный умъ, и безъ уроковъ Риччи, не могъ затрудниться въ геометріи Эвклида.

По недостатку денежныхъ средствъ, Галилей принужденъ былъ оставить Пизавскій университетъ, въ который, чрезъ нѣсколько лѣтъ (1518), покровительствомъ маркиза Дель Монте, онъ вступилъ профессоромъ математики съ жалованьемъ по 60 эку, т. е. почти по франку въ день.

Записки, которыми составилъ Галилей для своихъ слушателей, потеряны; знаемъ только, что авторъ опровергалъ многія

(*) Въ «Разговорахъ», написанныхъ и изданныхъ гораздо позже этого времени (см. «Сочиненія Галилея», Миланское изданіе, т. XII, стр. 328), Сальвати, одинъ изъ трехъ собесѣдниковъ, выражается слѣдующимъ образомъ:

«Если отвесимъ маятникъ отъ вертикальной линіи только на 1, 2 или 3 градуса; потомъ если отвесимъ его на 70°, 80° и даже на цѣлую четверть окружности: то онъ сдѣлаетъ свои размахи въ одно время въ обоихъ случаяхъ, т. е. онъ пройдетъ въ равныя времена дуги въ 2°, 4°, въ 160° и болѣе. Изъ этого видно, что если два равные груза повѣсимъ на двухъ разныхъ нитѣхъ, и одну изъ нихъ отвесимъ отъ вертикальной линіи болѣе, нежели другую; то они будутъ раскачиваться назадъ и впередъ одновременно и по весьма большимъ амплитудамъ».

Послѣдній способъ наблюденій только тогда можетъ дать вѣрные результаты, когда оба маятника, прилагаемые одинъ на другой, будутъ проходить чрезъ вертикальную линію или совпадали между собою или не совпадали, т. е. только въ томъ случаѣ, когда на точнѣйшій точный способъ наблюденій перемѣнится неточный, упоминаемый Галилеемъ; но онъ забылъ бы, что изохронизмъ большихъ и малыхъ размаховъ не существуетъ, если маятники описываютъ дуги круга, а не циклоиды, какъ доказалъ то Гюйгенсъ.

правила Аристотеля. Биографы Галилея считают это великою снѣзостью, но надобно вспомнить, что ученые, предшественники бессмертнаго Флорентинскаго математика, позволяли себѣ ту же свободу, и что Тихо и разсужденіями и наблюденіями открывалъ астрономическія заблужденія перипатетиковъ.

Во времени профессорства Галилея въ Пизѣ относятся его изслѣдованія о паденіи тѣлъ и открытіе законовъ, по которымъ тяжесть дѣйствуетъ на всѣ естественныя тѣла, причемъ упоминаютъ, что Беведетти (*) открылъ тѣ же законы прежде Галилея, между прочимъ и то, что «въ пустотѣ всѣ тѣла падаютъ съ одной и той же скоростью». Но почему забываютъ, что это мнѣніе находилось уже въ стихахъ Лукреція? «И такъ всѣ тѣла, «хотя неравнаго вѣса, должны проходить пустоту съ одной скоростью, и тяжелѣйшіе атомы никогда не могутъ упасть на легчайшіе». (Лукр. кн. II).

Говорятъ, что свои блестящіе изобрѣнія Галилей подтвердилъ опытами, произведенными съ наклоненной башни въ Пизѣ.

Въ слѣдствіе неодобрительнаго отзыва объ одной машинѣ Ивана Медникиса, нешкольника сына Космы I, Галилей, обнаружившій благородную независимость, долженъ былъ оставить Пизу. Уступая бурѣ, онъ получилъ мѣсто профессора математики въ Падуанскомъ университетѣ, и также по ходатайству маркиза дель-Монте у правителей Венеціанской республики.

Италянскіе писатели безъ всякаго ограниченія хвалятъ преподаваніе Галилея въ Падуѣ. Позволительно думать, что они увлекаются удивленіемъ къ послѣдующимъ его открытіямъ. Въ это время, знаменитый философъ не совсѣмъ еще разорвалъ цѣпи, приковывавшія его къ древности. Галилей былъ еще антикоперникенъ и преподавалъ систему Птолемея, если справедливо, что «трактатъ о сферѣ», изданный въ Падуѣ подъ его именемъ, принадлежитъ ему. Хотя въ этомъ сомнѣваются, однако Мёстлинъ, учитель Кеплера, утверждалъ противное и хвалился, что онъ обратилъ Галилея къ ученію Коперника.

(*) Молено, профессоръ Галилея въ Падуѣ, также, вопреки Аристотелю, утверждалъ, что тѣла изъ одного вещества, но разнаго вѣса, дѣйствіемъ тяжести движутся съ одною скоростью (Вентури, т. I, стр. 8).

Въ собраніи сочиненій Галилея, изданномъ въ Падувѣ, сохранился отрывокъ изъ его уроковъ (въ 1604 г.) о новой звѣздѣ, въ которомъ находимъ весьма странное мнѣніе: «Можно полагать, что новая звѣзда 1604 г. образовалась отъ встрѣчи Юпитера съ Марсомъ; это, вѣроятно, потому, что звѣзда явилась недалеко отъ того мѣста, въ которомъ планеты были въ соединеніи».

Моя выписка, предвижу, не понравится нѣкоторымъ біографамъ и вызоветъ ихъ сильныя возраженія; но что мнѣ дѣлать? Моя любовь къ истинѣ предписываетъ мнѣ правило: дѣлай, что должно, и ожидай, что Богъ дастъ.

Къ профессорству Галилея въ Падувѣ нѣкоторые біографы относятъ также его изобрѣтеніе термометра. Но, къ сожалѣнію, и это мнѣніе не подтверждается письменными свидѣтельствами: потому что нѣтъ ни слова о томъ въ его сочиненіяхъ, неоспоримо доказывающихъ, что въ то время Галилей изобрѣлъ пропорціональный циркуль — снарядъ, весьма полезный для рисовальщиковъ.

Галилей находился еще въ Падувѣ, когда 1609 г. распространилась новость объ изобрѣтеніи въ Голландіи *снаряда, способнаго приближать отдаленные предметы.*

Галилей тотчасъ воспроизвелъ его, обратилъ на небо и сдѣлалъ открытія, о которыхъ сейчасъ будемъ говорить, и которыя никогда не выйдутъ изъ памяти науки. Не совсѣмъ зазубшіе люди считаютъ эти открытія плодомъ безпримѣрнаго труда и удивляются тому, что они были сдѣланы въ короткое время. Не умаляя ихъ достоинства, но оставаясь въ предѣлахъ истины, скажемъ, что въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго: для всѣхъ наблюденій Галилея въ продолженіе 1610 и 1611 г. нужно только нѣсколько часовъ. Венеціанскій сенатъ, надѣясь, что, съ помощью новаго снаряда, моряки республики будутъ въ состояніи избѣгать невріателя и настигать его неожиданно, въ знакъ своей признательности къ Галилею, опредѣлилъ, чтобы онъ, приглашенный въ университетъ на время, навсегда удержалъ за собою кафедру съ жалованьемъ по тысячи флориновъ.

Въ то же время великій герцогъ Тосканскій оказалъ уваженіе изобрѣтателю зрительной трубы: 1610 г. іюля 10, Галилей былъ сдѣланъ первымъ математикомъ и философомъ герцога.

Прельстившись этимъ титуломъ, Галилей принялъ роковое намѣреніе оставить Падую, гдѣ онъ наслаждался полною свободою мнѣній, и возвратиться на родину, находившуюся подъ неограниченнымъ вліяніемъ духовенства.

Надобно еще сказать, что Галилей жаловался на потерю времени въ преподаваніи, и просилъ герцога доставить ему нѣкоторый досугъ для окончанія начатыхъ имъ сочиненій.

Вскорѣ по прїѣздѣ своемъ во Флоренцію, Галилей отправился въ Римъ засвидѣтельствовать почтеніе важнымъ лицамъ и, по ихъ желанію, показать имъ новыя чудеса на небѣ. Это путешествіе увеличило его славу, но въ то же время начался глухой ропотъ зависти.

По возвращеніи своемъ въ Тоскану, и прежде 1612 г., Галилей, какъ говорятъ, изобрѣлъ микроскопъ. Въ доказательство, ссылаются на книгу, изданную въ Венеціи 1612 г. подъ названіемъ: *Ragguagli di Pagnaso di Trajano Boccalini*. Тамъ сказано: «*Occhiali* сдѣланы съ такимъ искусствомъ, что они показываютъ «блоху словомъ, а карликовъ великанами. Ихъ наперерывъ покушаютъ вельможи, надѣваютъ ихъ на носы своихъ приближенныхъ и смѣются надъ ихъ удивленіемъ». Это — чистая шутка сочинителя книги — нивало не доказываетъ, чтобъ въ то время существовалъ микроскопъ, и Боккалини, безъ сомнѣнія, не имѣлъ понятія объ этомъ снарадѣ, потому что микроскопа не надѣваютъ на носъ. Притомъ микроскопъ, показывающій блоху словомъ, будучи обращенъ на карлика, помѣститъ въ своемъ полѣ только незначительную его часть, напримѣръ, часть волосъ. И такъ, Боккалини, слышавъ, что зрительныя трубы, *occhiali*, увеличиваютъ отдаленные предметы, подумавъ, что ихъ можно употребить и для разсмотрѣнія предметовъ близкихъ, и пошутить; но изъ его шутки нельзя сдѣлать никакого заключенія, потому что она ни на чемъ не основана.

Оставляя микроскопъ и шутки Боккалини, скажемъ, что въ это время Галилей написалъ свое замѣчательное сочиненіе о плавающихъ тѣлахъ. Въ этомъ-то сочиненіи находится начало *воображаемыхъ скоростей* (*vitessees virtuelles*), на которомъ геометры, особенно Лагранжъ, основали всю механику. Творецъ «Аналитической механики» утвердительно говоритъ, что упомя-

нуете начало принадлежит Галилею. При такомъ свидѣтельствѣ, сомнѣніе не возможно.

Уроки, въ которыхъ Галилей слѣдовалъ системѣ Коперника, возстановили противъ него перипатетиковъ, приверженцевъ Птолемея; но это было бы не важно и не опасно, еслибы не присоединились къ нимъ теологи, считавшіе ученіе Коперника противнымъ св. писанію, и безпрестанно твердившіе: *Terra in aeternum stat.*

Чтобы отвѣчать своимъ врагамъ, въ 1615 г. Галилей написалъ письмо къ великой герцогинѣ Тосканской, Христинѣ, въ которомъ, рассматривая вопросъ въ теологическомъ отношеніи, старался доказать, что библейскій текстъ толкуютъ не вѣрно. Такое оправданіе ученаго не възъ духовныхъ возбудило въ Римѣ великій ропотъ, какъ посягательство на права духовныхъ теологовъ.

Желая разогнать бурю, Галилей во второй разъ поѣхалъ въ святой городъ; но встрѣтилъ тамъ неожиданное противъ себя предубѣжденіе. Его противники успѣли всѣмъ кардиналамъ наговорить о зловерномъ ученіи. Ученыя и ясныя доказательства Галилея произвели только то дѣйствіе, что сочиненія Коперника и Фоскарини подверглись разсмотрѣнію и были запрещены. На него же самого не пало никакого гоненія потому, что онъ еще ничего не издавалъ о движеніи земли.

Инквизиція, въ своихъ декретахъ, положила существенное различіе между книгами Коперника и Фоскарини: послѣдняя была запрещена и уничтожена, первую же слѣдовало исправить. Между прочемъ, требовали, чтобы были исключены всѣ мѣста, въ которыхъ Торунскій астрономъ называетъ землю *visus* (свѣтло) (*).

Saggiatore явилась въ свѣтъ въ 1623 г.; это — полемическое сочиненіе Галилея противъ Грасси, іезуита; оно написано по случаю трехъ кометъ 1618 г.

Въ 1623 г. кардиналъ Барберини былъ избранъ папою подъ именемъ Урбана VIII. Галилей, звавшій его прежде, не-

(*) Разсужденіе Фоскарини относится къ 1615 г.; оно перепечатано въ Миланскомъ изданіи сочиненій Галилея (1814). Кармелитскій монахъ старается согласить астрономію съ св. писаніемъ.

медленно поѣхалъ въ Римъ для поздравленія. Новый первосвященникъ принялъ его съ доказательствомъ большаго уваженія. Галилей захотѣлъ этимъ воспользоваться и просилъ позволенія напечатать «Разговоры», въ которыхъ три собесѣдника, Сальвиати, Сагрело и Самплиціи, разговариваютъ о нѣкоторыхъ вопросахъ Коперникова ученія, которое тогда занимало всю Римскую образованность. Позволеніе было дано, а потомъ уничтожено. Возвратившись во Флоренцію, Галилей комиссару инквизиціи въ этомъ городѣ не сказалъ, что происходило въ Римѣ, и получилъ отъ него дозволеніе напечатать «Разговоры».

Флорентинскіе цензоры инквизиціи дали позволеніе, безъ сомнѣній, по тому, что худо поняли слѣдующее предисловіе сочинителя:

«Нѣсколько лѣтъ прошло, какъ въ Римѣ издаю *счастливое* постановленіе, для уничтоженія опаснаго соблазна въ наше время: этимъ постановленіемъ запрещается нѣтъ Птолемеевской школы о движеніи земли; однакожь многіе нѣтъ дерзость говорить, что постановленіе безразумно и доказываетъ незнаніе дѣла, и даже утверждаютъ, что нѣтъжны въ астрономіи не должны обрѣзывать крылья генію. Но я тогда былъ въ Римѣ; достойнѣйшіе прелаты слушали меня и одобрили, и постановленіе издано не безъ моего свиданія. И такъ, я не могу болѣе терпѣть нареканій на упомянутое *благоразумное* постановленіе; я хочу уничтожить жалобы, и доказать иностранцамъ, что въ Италіи, даже въ Римѣ, знаютъ систему Коперника столько же, сколько и въ другихъ мѣстахъ. Объявляю себя защитникомъ Коперника, и, на основаніи *предположенія* о движеніи земли, настрѣваюсь опровергнуть перипатетиковъ, которые не справляются съ опытомъ (*)».

«Разговоры» были приняты съ общими одобреніемъ; отъ этого враги философа дошли до крайняго раздраженія. Они потребовали его въ Римъ, и семидесяти-лѣтній Галилей, несмотря на свою дряхлость, несмотря на заразительную болѣзнь, противъ которой были учреждены предохранительныя заставы на грани-

(*) Къ «Разговорамъ» приложенъ эпиграфъ: «во всѣхъ сужденіяхъ остерегайтесь своихъ предразсудковъ».

цахъ Тосканы, долженъ былъ отправиться въ столицу христіанскаго міра, куда прїѣхалъ онъ 13 февраля 1633 г. и былъ принятъ въ домѣ Никколини, посланика великаго герцога Тосканскаго. Но въ апрѣлѣ его посадили на нѣсколько дней въ тюрьму инквизиціи, и окончательное опредѣленіе вышло 20 июня.

Въ оригинальномъ описаніи процесса сказано, что судьи прибѣгали къ *строюму испытанію*: изъ этого многіе заключаютъ, что Галилея пытали; но, къ счастью, такое предположеніе ничѣмъ не доказано.

По опрещенію инквизиторовъ, авторъ «Разговоровъ» осужденъ на заключеніе въ тюрьму и долженъ отрѣчься, на колѣняхъ предъ Евангеліемъ, отъ своего *еретическаго* ученія и доносить инквизиціи о *всѣхъ тѣхъ, которые будутъ ему слѣдовать*.

Разсказываютъ, что послѣ отрѣченія Галилей всталъ, топнулъ ногою и сказалъ въ полголоса: *e pur si muove* (однакожь она движется); но не вѣроятно, чтобы нравственно-измученный старецъ рѣшился на такой неблагоприятный поступокъ.

Осужденіе Галилея подписали кардиналы Асколи, Бентивольо, Кремонъ, С. Онуфрѣ, Гипсіусъ, Вароспиз, Джинетти.

Воспоминаніе объ этомъ судѣ такъ горестно, такъ оскорбительно для ума и здраваго смысла, что намъ трудно разсма-тривать поведеніе философа въ продолженіе процесса. Мы не можемъ понять, какимъ образомъ авторъ «Разговоровъ», доказывавшій движеніе земли со всею силою своего ума, сказалъ въ свое оправданіе: «доказывая, я покорялся желанію отличиться остроуміемъ, и предположенія ложныя считалъ вѣроятными». Хотя его обѣщаніе доносить инквизиціи на послѣдователей Коперника можно объяснить старостью, дряхлостью и горестнымъ положеніемъ; однако Джордано Брюно показалъ болѣе твердости: готовясь взойти на костеръ, онъ сказалъ: «Подписывая мое осужденіе отъ имени Бога милосердаго, вы должны были дрожать отъ страха болѣе, нежели я, идущій на костеръ».

Нѣкоторые Французскіе писатели съ великимъ удовольствіемъ замѣчаютъ, что подобныя несправедливости никогда не случались во Франціи; но они ошибаются. Парламенты и Сорбона, не принадлежа инквизиціи, поступали также несправедливо и также покорялись предрассудкамъ своего вѣка. У меня есть

два экземпляра сочиненія, заданнаго въ 1634 г. челоукомъ благочестивымъ, патеромъ Мерсеномъ; оно называется: «Вопросы теоретическіе, физическіе, нравственныя и математическіе». Въ одномъ изъ экземпляровъ находится разборъ перваго Галилеева «Разговора», въ другомъ же не осталось его слѣдовъ: все относящееся до движенія земли замѣнено разсужденіемъ о силѣ гюлоса. Эта перемѣна, безъ сомнѣнія, сдѣлана по требованію духовныхъ или судебныхъ властей: потому что послѣ патеръ Мерсенъ къ разбору «Разговора» присоединилъ еще буквальное о немъ сужденіе инквизиторовъ. Нечего таить: въ началѣ XVII столѣтія Франція не была снисходительнѣе и просвѣщеннѣе Италіи,

Хотя папа «Разговору» Галилея считалъ опаснымъ наравнѣ съ сочиненіями Кальвина и Лютера, однако тюремное заключеніе перемѣнилъ на содержаніе въ саду *Tujnité dei Monti*, и скорѣе потомъ позволялъ Галилею удалиться въ Сиенну, гдѣ онъ жилъ пять мѣсяцевъ у одного изъ своихъ старыхъ учениковъ, епископа Сиенны. Наконецъ ему позволили поселиться недалеко отъ Флоренціи, въ Арцетри, въ сельскомъ домѣ, который однакожь былъ тюрьмой, потому что въ него не впускали друзей Галилея. Такая строгость впоследствии была ослаблена, и великій герцогъ Тосканскій и друзья философа приходили утѣшать его; допускались даже иностранцы, напримѣръ, Мильтонъ.

Желали знать подробности свиданія Галилея съ Мильтономъ, но едва-ли онѣ интересны: авторъ «Разговоровъ» былъ уже очень старъ и дряхлъ, испытанныя имъ несчастія, безъ сомнѣнія, внушали ему осторожность, и еще весьма молодой Мильтонъ не могъ показаться Галилею лицомъ, достойнымъ особеннаго вниманія. Это былъ только путешественникъ образованный, съ воображеніемъ, но еще не творецъ Потеряннаго рая.

Галилей получилъ отъ природы сложеніе крѣпкое и сильное; но неуѣренныя труды и нѣкоторыя антигигиеническія привычки ослабили его здоровье. Между прочимъ, разсказываютъ, что въ Палуѣ, будучи тридцати лѣтъ, онъ спалъ лѣтомъ всегда у открытаго окна, въ которое входилъ воздухъ, искусственно охлаждаемый водою. Отъ этого Галилей часто терпѣлъ сильную боль въ ногахъ, въ груди, спинѣ, сопровождаемую кровоточеніемъ, бессонницей и лишался аппетита.

Когда, въ продолженіе заключенія Галилея въ Арцетра, зрѣніе его начинало ослабѣвать, тогда врачи надѣялись, что это происходитъ отъ начинающейся катаракты, которую можно уничтожить хирургическими средствами; но скоро утѣрились, что болѣзнь происходила отъ потемнѣнія прозрачной части роговой оболочки, безпреставно возрастающаго, и наконецъ въ 1637 г. глаза, сдѣлавшіе столько блестящихъ открытій, не могли уже отличать дня отъ ночи.

Галилей умеръ 8 января 1642 г., въ самый годъ рожденія Ньютона.

Галилей имѣлъ ростъ выше средняго, прекрасную фигуру и блестящія глаза, но волосы рыжіе.

Галилей никогда не былъ женатъ; въ 1638 г. онъ сдѣлалъ завѣщаніе въ пользу своего побочнаго сына, Винченца Галилея и своей дочери Аркваджелы, монахини въ монастырѣ Арцетра. Онъ просилъ также, чтобъ его тѣло было перенесено во Флоренцію и положено въ семейномъ склепѣ, въ церкви Санта-Кроче.

Фанатики утверждали, что ничего не значитъ завѣщаніе человѣка, осужденнаго инквизиціей; но знаменитѣйшіе Флорентинскіе законописцы, на основаніи каноническихъ правъ, заставили уважить послѣднюю волю Галилея. Когда его тѣло было перенесено въ Санта-Кроче, немедленно сто сорокъ почитателей бессмертнаго физика вызвались на свой счетъ построить ему памятникъ. Но Никколони, посланникъ великаго герцога Тосканскаго въ Римѣ, посоветовалъ подождать благоприятнѣйшаго времени, и прекрасный мраморный памятникъ былъ поставленъ въ церкви Санта-Кроче, почти чрезъ цѣлое столѣтіе, въ 1737 г.; путешественники всѣхъ странъ посѣщаютъ памятникъ славы одного изъ людей, привнесшихъ честь своему отечеству, и котораго дѣянія были сокращены жестокимъ гонимемъ. Папа Бенедикъ XIV уничтожилъ приговоръ инквизиціи, осудившей сочиненія Галилея. Нынѣ вездѣ преподается теорія движенія земли, даже въ Римской обсерваторіи, управляемой іезуитами. Въ доказательство, приводимъ слова изъ записки патера Секчи, іезуита, о наблюденіяхъ надъ памятникомъ, изданныхъ въ Римѣ 1851 г. «Обращеніе земли около ея оси есть истина, которую нынѣ не надобно

«доказывать; дѣйствительно, она есть слѣдствіе всего астрономическаго ученія».

Италянцы, лучшіе судьи въ своей словесности, считают Галилея между первыми прованками, приносящими честь ихъ отечеству; они ставятъ его на одну высоту съ Моисеемъ.

Въ молодости, Галилей былъ поклонникомъ Аріоста; *Нестояю Роланда* онъ зналъ наизусть.

Онъ принималъ дѣятельное и не совсѣмъ приличное участіе въ спорѣ о сравнительныхъ достоинствахъ Аріоста и Тассо. Онъ говаривалъ: «читать Тассо послѣ Аріоста значить ѣсть «огурецъ послѣ дыни». Его мнѣніе объ этомъ предметѣ намѣнилось подѣ старости; рассказываютъ, что когда, при концѣ его жизни, желали узнать его рѣшительное мнѣніе о двухъ поэтахъ, тогда онъ отвѣчалъ: «Поэма Тассо мнѣ кажется лучшею, но «Аріостъ приноситъ мнѣ болѣе удовольствія».

Гоненія на Галилея въ его преклонныя лѣта произвели такое тяжелое впечатлѣніе, что когда началась реакція къ пользу знаменитаго философа, тогда его соотечественники вышли изъ мѣры, и сдѣлали изъ него обожаемое существо; но безпристрастный историкъ не можетъ удержаться отъ многихъ критическихъ замѣчаній. Въ доказательство нашего мнѣнія, приводимъ нѣсколько мѣстъ изъ его сочиненій.

Въ письмѣ отъ 1612 г., Галилей вполне соглашается съ движеніями эпициклоидическими и прибавляетъ: «мнѣ другого движенія, кромѣ эпициклоидическаго». Но въ это время, въ рукахъ его была уже теорія Марса; Кеплеръ послалъ ее къ Галилею еще въ 1609 г.

Кеплеръ, въ *Prodromus*, развилъ систему Коперника, подтвердивъ ее собственными изслѣдованіями: Галилей, невѣдомо почему, ни слова не говоритъ о замѣчательномъ сочиненіи, и даже нигдѣ не упоминаетъ имени знаменитаго Нѣмецкаго астронома.

Совершенно непонятны сомнѣнія Галилея о наблюденіяхъ Тихо, опредѣлившихъ мѣсто кометъ въ небесномъ пространствѣ. Идеи объ этихъ свѣтилахъ, маложенымъ въ *Saggiatore*, бросаютъ тѣнь на блестящій ученый путь Итальянскаго философа.

То же должно сказать объ его предположеніи касательно

образованія новыхъ звѣздъ отъ вліянія планетъ въ ихъ соединеніи.

Геометры и физики, безъ сомнѣнія, не одобряютъ порицаній Галилея, направленныхъ противъ тѣхъ астрономовъ, которые объясняли морскіе приливы и отливы дѣйствіемъ луны. Галилей считалъ луну неспособною притягивать воду океана и удивлялся Кеплеру, тогда уже умершему, допускавшему таготѣніе луны.

Собственные свои труды Галилей цѣнилъ слишкомъ высоко, какъ видно изъ его письма къ Кеплеру, гдѣ онъ говоритъ, что имъ составлены точныя таблицы движенія Юпитеровыхъ спутниковъ, и что «по нимъ расположеніе спутниковъ можно «вычислять съ точностью до секунды». Такое самохваленіе едва ли позволительно даже тому, кто теорію этихъ спутниковъ обработалъ по всѣмъ новѣйшимъ наблюденіямъ и по *теоріи возмущеній*.

Впрочемъ, я не допускаю, не думаю, чтобы примѣръ Галилея соблазнилъ людей высшихъ дарованій, достойныхъ цѣнителей открытій чужихъ и собственныхъ, и заставилъ бы ихъ подражать Италіянскому философу, который вотъ что писалъ къ Діодату, отъ 2 января 1638 г.:

«Это небо, этотъ міръ, вселенная, которую моими чудесными открытіями и очевидными доказательствами я распространилъ во сто, въ тысячу разъ далѣе предѣловъ, назначенныхъ учеными всѣхъ прошедшихъ вѣковъ. Эти предѣлы мнѣ кажутся теперь столь тѣсными, столь ничтожными, какъ пространство, занимаемое моимъ тѣломъ». (Вентури, т. II, стр. 233).

Къ этимъ выпискамъ мы могли бы прибавить неудовлетворительныя изслѣдованія Галилея о нѣкоторыхъ вопросахъ геометрическихъ; но эти указанія на недостатки великаго челоѣка спѣшу окончить и обращаюсь къ его сочиненіямъ, въ которыхъ найдемъ уже не пятна, а доказательства его гениальности, и которыя будутъ уважаемы самымъ отдаленнымъ потомствомъ.

Время изданій сочиненій Галилея и опредѣленіе ихъ достоинства.

Въ 1606 г. Галилей издалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: *Operazioni del compasso geometrico e militare*.

Изобрѣтеніе, описанное въ этомъ трактатѣ, который былъ перепечатанъ въ 1612 и 1635 г., послужило поводомъ къ процессу противъ Бальтазара Капры; авторъ обвинялъ его предъ судомъ въ ученомъ похищеніи. Симоновъ Марій не былъ чуждъ противозаконнаго поступка Капры.

Въ 1609 г. Галилей въ первый разъ сдѣлалъ зрительную трубу, приближающую отдаленные предметы. Галилей былъ тогда профессоромъ въ Падуѣ. Нельзя не пожалѣть, что онъ, уведомляя о своемъ открытіи Венеціанскій сенатъ и описывая его пользу для республики, ни слова не сказалъ о Голландцахъ, и объявилъ, что если пожелаетъ республика, то онъ будетъ дѣлать подобные снаряды единственно для употребленія моряковъ и войска Венеціанскаго. Но почему Галилей считалъ свой снарядъ тайною? Зрительныя трубы продавались уже въ Голландіи за умѣренную цѣну (*).

По собственнымъ словамъ Галилея, *изобрѣтеніе* стоило ему многихъ трудовъ, и онъ вывелъ его изъ тайныхъ правилъ перспективы: можно сомнѣваться въ чистосердечіи Тосканскаго философа. Восторженныя біографы (ихъ было много и всегда будутъ) Галилея говорятъ, что онъ достигъ до своего открытія въ одну ночь, по соображеніи труднѣйшихъ правилъ преломленія свѣта; но все это преувеличено; тутъ совсѣмъ нѣтъ правды. Мы имѣемъ на то рѣшительныя доказательства, свидѣтельство самаго Галилея; его слова, которыя выписываемъ изъ Нелли, сочинителя исторіи человѣка, называемаго имъ *божествен-*

(*) Голландскія зрительныя трубы продавались даже Парижскими очешниками еще до мая мѣсяца, т. е. прежде Галилеевой трубы. Вотъ что читаемъ въ «Журналѣ» Петра Эстоня. «Въ четвергъ, 30 апрѣля 1619 г., я проходилъ по *Купеческому мосту* (впоследствии — *Мостъ мьяль*) и остановился у одного очешника, который много разъ показывалъ трубы новаго устройства; это были снаряды, состоявшіе изъ трубокъ длиной около фута; на каждомъ ихъ концѣ было по стеклу, но разной формы; посредствомъ ихъ можно ясно видѣть отдаленные предметы. Таковую трубу приставляютъ къ одному глазу, а другой закрываютъ, и потомъ наводятъ на желаемый предметъ, который кажется приближившимся, такъ что на разстояніи половинныя лѣтъ можно узвать знакомаго человѣка. Мнѣ сказывали, что онъ изобрѣтены Миндельбургскими очешниками; и пр.»

имъ: «Мой способъ изслѣдованій былъ слѣдующій. Сварядъ, котораго строевіе я хотѣлъ *отидать*, составляется изъ одного или многихъ стеколъ. Онъ не могъ состоять изъ одного стекла, потому что *фигура* его должна быть или вогнутая, или выпуклая или плоская, т. е. болѣе или менѣе толще въ его центрѣ, нежели при его краяхъ, или ограниченное параллельными поверхностями. Но послѣдняя форма не переиъваетъ предметовъ; стекло вогнутое ихъ уменьшаетъ, выпуклое — увеличиваетъ, но дѣлаетъ не ясными. И такъ ни одно стекло не можетъ быть употреблено отдѣльно, не можетъ производить желаемого дѣйствія. Перейдемъ же къ соединенію двухъ стеколъ: зная, что стекло съ поверхностями параллельными ни къ чему не послужитъ въ соединеніи со стеклами выпуклыми и вогнутыми, я сдѣлалъ опытъ надъ соединеніемъ двухъ стеколъ, одного выпуклаго, а другаго вогнутого, и увидалъ, что оно приводитъ къ желаемой цѣли. Таковъ былъ ходъ моихъ разсужденій, и опытъ подтвердилъ ихъ истину».

Спрашиваю теперь: гдѣ тутъ теорія преломленія? Гдѣ тутъ тайны перспективы, о которыхъ Галилей говорилъ въ своемъ посланіи къ Венеціанскому сенату? Прочитавъ разсказъ самаго Галилея, можно ли понять, какія роли играютъ въ трубѣ предметное стекло выпуклое и глазное вогнутое?

Во время Галилея, надобно согласиться, эти роли трудно было опредѣлить теоретически. Даже Гюйгенсъ въ своей діоптрикѣ сказалъ: «для меня тотъ выше всѣхъ ученыхъ, кто собственнымъ размышленіемъ, а не случайно, доидеть до устройства зрительной трубы».

Но какъ бы то ни было, Галилеева труба, не смотря на ея несовершенства, произвела всеобщій восторгъ; самъ изобрѣтатель упоминаетъ, что онъ болѣе нѣсѣца не отходилъ отъ своего прибора и выбывалъ изъ силъ, показывая его любовитнымъ.

Нельзя не удивляться, что Голландцы, настоящіе изобрѣтатели зрительной трубы, не издумали поворотить ее къ небу. Чтобъ рѣшить это недоумѣніе, нѣкоторые издумали утверждать, что первое открытіе Юстеровыхъ спутниковъ сдѣлано въ Голландіи; но эта *аргументація* сама собою уничтожается сравненіемъ хронологическихъ показаній: предполагаемому изобрѣтателю

было шесть лѣтъ отъ роу, когда Галилей произвелъ свои первые наблюденія.

Спорить нечего: первое употребленіе зрительной трубы для астрономическихъ открытій принадлежитъ Галилею. Я сожалѣю, но долженъ противорѣчить одному знаменитому писателю, который утверждаетъ, что наблюдать трубою первымъ началъ Симонъ Марій. Въ моей «Популярной астрономіи», въ главѣ объ открытій спутниковъ Юпитера, можно видѣть, что Нѣмецкій астрономъ не правъ, и въ глазахъ людей безпристрастныхъ, свободныхъ отъ національныхъ предрасудковъ, за Галилеемъ навсегда останется первенство открытій этихъ спутниковъ.

Марта 1610 г. — *Sidereus nuncius*, magna и пр.

Въ этой книгѣ находимъ наблюденія, произведенныя авторомъ трубою, увеличивавшею почти въ тридцать разъ, в отношеніи къ физическому устройству луны, къ туманнымъ пятнамъ, млечному пути и къ четыремъ лунамъ Юпитера.

Галилей сравниваетъ луну съ хвостомъ павлина, по причинѣ ея глазъ или круглыхъ западинъ, и для объясненія многихъ на ней явленій онъ прибѣгаетъ къ мнимои ея атмосферѣ. Разобравъ многія мнѣнія о пепельномъ пятнѣ, Галилей останавливается на томъ, которое послѣ нашли въ рукописи знаменитаго живописца Леонарда да-Винчи.

Въ *перезлзи* Оріона, гдѣ простой глазъ видитъ только 7 звѣздъ, Галилей насчиталъ 80; въ *плечахъ*, состоящихъ повидному также изъ 6 или 7 звѣздъ, онъ увидалъ 40. Млечной путь и туманныя пятна представились ему такимъ собраніемъ звѣздъ, которыя онъ не могъ уже различать.

Та же книга содержитъ подробную исторію открытій спутниковъ Юпитера. Первое подосрѣвіе въ ихъ существованіи Галилей относитъ къ 8 января 1610 г.

Причину перемѣнъ въ силѣ ихъ свѣта Галилей находитъ въ большей или меньшей прозрачности атмосферы Юпитера: это значитъ, что атмосфера Юпитера, по его мнѣнію, имѣетъ огромные размѣры.

Книга оканчивается извѣстіемъ объ открытій, которое Галилей желалъ еще подтвердить, и которое онъ скрылъ подъ лото-

грифомъ. Дѣло идетъ о странной фигурѣ Сатурна, и логогрифъ есть:

SMAISMIRMILMEROETALEVMIBVNNENVGTTAVIRAS.

Эти буквы, будучи расположены въ надлежащемъ порядкѣ, даютъ слѣдующее выраженіе:

Altissimum planetam tergeminum observavi.

Кеплеръ, который никогда не останавливался ни передъ одной трудной задачей, упорно старался разобрать анаграмму Галилея, и кончилъ тѣмъ, что составилъ изъ нея Латинскій стихъ, который извѣщалъ объ одномъ открытіи въ планетѣ Марсъ.

Декабря 11 того же года, Галилей выпустилъ въ свѣтъ новый логогрифъ, выразившій фазы Венеры; именно:

Haec immatura a me jam frustra leguntur. O. Y.

Этотъ логогрифъ Галилей объяснилъ 1 января 1611 г.:

Cynthiae figuras aemulatur mater amorum.

Въ 1612 г. вышло сочиненіе: *Discorso intorno alle cose che stanno in su l'acqua e che in quella si muovono.*

Главная цѣль этого сочиненія состояла въ мщеніи за Архимеда перипатетикамъ; за то Галилей самъ подвергся ядовитой, но несправедливой критикѣ Лудовика Колумба и Виченча Грація. Великій философъ думалъ, что ихъ нападки достойны отвѣта, и всѣ ихъ доводы уничтожилъ до основанія, хотя и напрасно сдѣлалъ свою анти-критику больше самаго сочиненія, въ которомъ — какъ выше было замѣчено — находится *начало воображаемыхъ скоростей.*

13 января 1613 г. — *Storia e dimostrazioni intorno alle macchie solari e loro accidenti: si aggiungono nel fine le lettere e disquisizioni del finto Apelle.*

Въ этой книгѣ, издаваемой въ Римѣ, нѣтъ ни слова о наблюденіяхъ солнечныхъ пятенъ, сдѣланныхъ Фабриціемъ прежде Галилея и Шейнера; также вичего не упомянуто о слѣдствіяхъ, выведенныхъ Голландскимъ астрономомъ относительно обращенія солнца на его оси.

Въ «Популярной астрономіи» я помѣстилъ отдѣльную главу, подъ названіемъ: *кто были первые наблюдатели солнечныхъ пятен?* Опираясь на одни только напечатанные сочиненія, я доказалъ, что у Фабриція нельзя оспаривать чести открытія черныхъ пятенъ солнечныхъ. Такимъ образомъ я рѣшилъ горячій и неясный споръ объ этомъ предметѣ; но я не могу не возвратиться къ нему, разсматривая сочиненія безсмертнаго автора. Прежде всего я объяснюсь касательно правилъ, которыми долженъ руководствоваться историкъ науки.

Не имѣть права жаловаться тотъ, кто, будучи влюбленъ въ свои открытія, бережетъ ихъ, какъ скушій свои сокровища, зарываетъ ихъ въ землю и боится, чтобы другой не распространилъ и не сдѣлалъ изъ нихъ полезнаго употребленія. Публика ничѣмъ не одолжена тому, кто ничего не сдѣлалъ для нея. Мнѣ возразятъ: мы хотимъ выиграть время для пополненія нашего труда, для изслѣдованія всѣхъ его вѣтвей, для указанія полезныхъ примѣненій. Хорошо, вы свободны это дѣлать; но ожидайте и переносите неприятныя отъ того слѣдствія. Притомъ, вы напрасно слишкомъ боитесь ученыхъ хищеній. Въ самомъ дѣлѣ, кто видѣлъ, чтобы ученый міръ не преслѣдовалъ своимъ негодованіемъ и презрѣніемъ людей безларныхъ, которые стерегутъ труды своихъ современниковъ и тотчасъ бросаются на всякое счастливое открытіе? Эти люди походятъ на тѣхъ, которые показываются въ окнахъ строящагося зданія съ тѣмъ, чтобы ихъ привалили за архитекторовъ. Здравый смыслъ увѣряетъ насъ, что рано или поздно всегда будетъ оказана справедливость сдѣланному открытію. Если вѣстный челоѣкъ жпеть тамъ, гдѣ не сѣлалъ, общее негодованіе непременно его накажетъ. Пѣтъ, пѣтъ! въ дѣлѣ открытій, какъ и во всѣхъ прочихъ дѣлахъ, общая польза всегда связана съ частною.

И такъ: *гласность!* Подъ этимъ словомъ я разумѣю всякое чтеніе академическое; всякой изустный урокъ предъ многочисленными слушателями, и печатное объявленіе своихъ мыслей. Частныя, дружескія сообщенія не имѣютъ достаточной силы для утвержденія правъ открытія; дружба часто бываетъ сомнительна и не всегда судитъ справедливо.

Но, предлагая эти правила историкамъ наукъ, я совѣтъ не
Часть ХСII, Отд. V.

ниѣю въ виду тѣхъ людей, которые каждый день трутся у дверей и относятъ въ типографіи тайны, которымъ удается нить подслушать. Похищать тайны мыслей, по моему мнѣнію, такъ же низко, какъ похищать серебро и золото. Напечатанныя извѣстія надобно повѣрять, какъ банковые билеты; надобно открывать истину сличеніемъ противорѣчій, — условіе, всегда приводящее къ заключенію о справедливости или несправедливости жалобъ на ученое хищничество.

Я сказала, что академическія чтенія и изустные уроки, обращенные къ многочисленнымъ слушателямъ, можно считать равносильными печатнымъ изданіямъ: посмотримъ же, въ дѣлѣ открытія солнечныхъ пятенъ находятся ли документы, способные перемѣнить мое мнѣніе относительно Фабриція и Галилея или Шейнера.

Академическихъ чтеній тогда не было. Нельзя ли угодить публичнымъ урокамъ наблюденіе надъ солнечными пятнами, произведенное въ Римѣ, въ 1611 году, прелъ Италіанскими синьорами, въ саду кардинала Бандини? Здѣсь указанія на одинъ годъ недостаточно: надобно указать и на мѣсяць. Вотъ два свидѣтельства. Архіепископъ Дини объявилъ 2 мая 1615 г., что онъ былъ въ квинтальномъ саду вѣстѣ съ Галилеемъ во время наблюденія: во въ какое время? Этому онъ не сказалъ, говоритъ же за него издатель сочиненій Галилея и назначаетъ апрѣль или май 1611 г. для наблюденій въ саду Монте-Кавалло. Мосьиньоръ Агуччіа утверждаетъ, что 16 іюня 1612 г. Галилей говорилъ о солнечныхъ пятнахъ еще за годъ и болѣе, слѣдственно Агуччіа подвигаетъ насъ не далѣе, какъ до 15 іюня 1611 г. Принимаемъ май за настоящую эпоху наблюденій. Намъ кажется, что май долженъ быть позже времени наблюденій Голландскаго астронома Фабриція, который на посвященіи своей книги подписалъ 13 іюня 1611 г.; а въ этой книгѣ описываются пятна, явшіяся на солнцѣ, исчезнувшія на западѣ его круга и потомъ опять показавшіяся на противоположной сторонѣ. Сколько же вы положите мѣсяцевъ для производства наблюденій, для связи ихъ вѣроятной теоріей, для составленія довольно большаго сочиненія и для его напечатанія? Ужъ конечно не менѣе двухъ или трехъ мѣсяцевъ. Такимъ образомъ мы попадемъ или на мартъ

или на апрѣль. Сверхъ того, Фабрицій говорятъ, что наблюденія производились въ началѣ 1611 г., и говорятъ тогда, когда никто еще не спорилъ о первенствѣ открытiя пятенъ.

Шейверъ неопредѣлительно говоритъ, что первыя наблюденiя надъ солнечными пятнами производилъ онъ въ апрѣлѣ или въ маѣ 1611 г.; притомъ ничѣмъ не подтверждаетъ своего показанiя. Прибавимъ еще, что, по словамъ самого Шейнера, явленiе пятенъ въ началѣ 1611 г. не обратило на себя полного его вниманiя, и что онъ началъ ими заниматься серьезно въ октябрѣ того же года. Въ то же время онъ хотѣлъ еще утѣриться, не происходятъ ли они отъ нечистоты или недостатковъ стеколъ. Кто же можетъ утверждать, что наблюденiя производились въ маѣ?

Спустя девятнадцать лѣтъ послѣ спора о первенствѣ открытiя пятенъ, 27 сентября 1631 г., братъ Фульгенсъ Миканцио написалъ, что Галилей видѣлъ пятна еще въ Венеціи и показывалъ ихъ отцу маэстро Паоло (Сарпи) на бѣломъ картонѣ. По этому запоздалому объявленiю выходитъ, что открытiе было сдѣлано въ августѣ 1610 г.

Никѣю полное уваженiе къ богослову свѣтлѣйшей республики; но не могу не сдѣлать нѣкоторыхъ возраженiй.

Венеціанскiя наблюденiя, по словамъ брата Фульгенся, состояли въ томъ, что изображенiя солнца были принимаемы на картонѣ. Если подъ этии изображенiями будемъ разумѣть получаемыя отъ одного предметнаго стекла, то я замѣчу, что малое стекло (около 9 миллиметровъ въ діаметрѣ) не можетъ дать такого изображенiя, на которомъ были бы видны пятна; если же Фульгенсъ разумѣетъ изображенiя солнца отъ обонхъ стеколъ, отъ предметнаго и отъ глазнаго, то я спрашиваю, почему самъ Галилей говоритъ, что такой способъ наблюденiй солнца изобрѣлъ Кастелли?

Мнѣ не очень хотѣлось возбуждать сомнѣнiе въ добросовѣстности нѣкоторыхъ почитателей бессмертнаго Италiйскаго наблюдателя; но факты говорятъ сами собою. Впрочемъ, я воспользовался правомъ, которымъ пользовался біографы Галилея и употребили его во зло. На примѣръ, не съ негодованiемъ ли говоритъ Нелли о Біяквини, который изобрѣтенiе микроско-

па приписалъ князю Чези? Тотъ же Нелли не называетъ ян *безстыднымъ Французомъ* Борелла, автора сочиненія подъ заглавіемъ: «*De vero telescopii inventore?*»

Галилей, говоря не въ осужденіе, не былъ равнодушенъ къ правамъ собственности въ открытіяхъ; первыя свои замѣчанія о формѣ Сатурна сообщилъ онъ публикѣ въ невѣроятномъ догагрифѣ; 11 декабря 1610 г. также обезпечилъ свои права на открытіе фазовъ Венеры посредствомъ анаграммы, которую до сихъ-поръ повторяютъ историки. Почему-же онъ не поступилъ такимъ-же образомъ и съ открытіемъ, также капитальнымъ и неожиданнымъ, т. е. съ открытіемъ солнечныхъ пятенъ, если оно относилось къ августу 1610? Конечно, никто не разрѣшитъ этого вопроса.

Въ изданіи академіи Липцевской Галилеева трактата о солнечныхъ пятнахъ находится предисловіе Анжело, библіотекаря этого ученаго общества; оно ясно назначено для утвержденія правъ знаменитаго астронома на открытіе пятенъ; въ немъ Анжело вспоминаетъ наблюденія въ саду кардинала Бандини и пересчитываетъ всѣхъ свидѣтелей; именно: самъ кардиналъ, монсиньоры Корсини, Дини, Кавальканти, Джуліо Строцци, и пр.; говоритъ о прежнихъ наблюденіяхъ во Флоренціи, не называя впрочемъ свидѣтелей; но ни слова, ни одного слова не сказалъ о наблюденіяхъ Венеціанскихъ, хотя Анжело поэтому предмету сослался съ самимъ Галилеемъ.

Одинъ Италіанецъ занимался недавно (1841 г.) тѣмъ же предметомъ; этотъ господинъ не удовольствовался несомнѣнными наблюденіями въ Римѣ, гипотетическими во Флоренціи и въ Венеціи; нѣтъ, онъ вырылъ изъ земли еще наблюденія, будто бы производимыя въ Падуѣ. Авторъ такого преславуатаго изслѣдованія ссылается на біографію Галилея, написанную Нелли, на стр. 326 и 327; но на стр. 326 и 327 нѣтъ ни слова о наблюденіяхъ надъ пятнами въ Падуѣ.

Теперь я предложу разительный примѣръ опасности основываться на воспоминаніяхъ въ дѣлѣ открытій; примѣръ этотъ беру у самого Галилея, котораго, безъ сомнѣнія, никто не заподозритъ въ недобросовѣстности.

Въ первомъ письмѣ къ Вельзеру, отъ 4 мая 1612 г., Гали-

лей относить свои наблюденія надъ пятнами за 18 мѣсяцевъ (da 18 mesi in qua); это показаніе приводитъ насъ къ 4 октября 1610 г. Галилей оставилъ Венецію въ августъ того же года; слѣдственно открытіе не было сдѣлано въ Венеціи. Что же думать о братѣ Фульгенсѣ Микавціо?

Въ началѣ 1612 г., Галилей вновь подтверждаетъ, что открытіе пятенъ сдѣлано послѣ его отъѣзда изъ Венеціи; а спустя *двадцать лѣтъ*, въ «Разговорахъ» Сальвиати упоминаетъ, что академикъ Линценскій открылъ ихъ во время своего профессорства въ Падуй. Послѣ такого противорѣчія, кто не согласится, что историки наукъ должны опираться на письменные, несомнѣнные документы?

Безъ сомнѣнія, лучшее средство для рѣшенія вопроса о времени открытія пятенъ на солнцѣ представляетъ журналъ самыхъ наблюденій. Никто не сталъ бы подозревать Галилея въ подлогъ, еслибы онъ свои наблюденія издалъ въ такомъ видѣ: въ такой-то день 1611 г. я видѣлъ пятно у восточнаго края солнца, и наконецъ въ такой-то день оно скрылось на западномъ краѣ. Описаніе такихъ наблюденій мы находимъ въ письмахъ Галилея къ Вельзеру; но тутъ показаны апрѣль и май 1612 г. Въ это время изданію книги Фабриція винулъ уже цѣлый годъ.

Я не устаю повторять, что гласность или печатное изданіе сочиненій есть единственная опора для историковъ наукъ. Если надобно отдать отчетъ по печатнымъ документамъ о вопросѣ, который разсмотрѣлъ я по всѣмъ свидѣтельствамъ, наполненнымъ противорѣчіями: то вотъ мой общій обзоръ.

Около апрѣля 1611 г., Галилей видѣлъ не ясно пятна на солнцѣ. До изобрѣтенія цвѣтныхъ стеколъ наблюденія солнца были трудны и чрезвычайно опасны, особенно въ Италіи; слѣдственно Галилей не могъ сдѣлать много наблюденій, не могъ вывести изъ нихъ никакого положительнаго заключенія ни о натурѣ пятенъ, ни о движеніи солнца. Въ это время пришла новость въ Венецію объ наслѣдованіяхъ непрерывныхъ и успѣшныхъ. Тогда знаменитый ученый огорчился тѣмъ, что его предупредили. По свойству нашего ума, — чему можно привести множество убѣдительныхъ примѣровъ, — почитатели Галилея, а можетъ быть, и самъ Галилей сочли виноватыми въ недобросо-

вѣстности тѣхъ астрономовъ, которые, по внушенію собственнаго своего гения, исполнили мысли, занимавшія наблюдателя за-Альпійскаго въ тишинѣ его кабинета; но эти мысли не были повѣрены опытомъ, даже объ нихъ не говорили въ кругу друзей. Отсюда до убѣжденія публики въ несомнѣнности о времени, въ которое явилась мысль о пятнахъ въ головѣ наблюдателя, даже о времени ихъ исполненія оставался одинъ шагъ, и этотъ шагъ былъ сдѣланъ. Кто въ письмѣ Галилея къ Вельзеру отъ 4 мая 1612 г. замѣтитъ многозначительныя слова: *non ordisco quasi di argis bossa per affegnar cosa pessima, totъ непремѣнно согласится съ моимъ мнѣніемъ.*

Прежде, нежели кончу этотъ длинный разборъ, я долженъ замѣтить, что, положившись на свидѣтельство ненаданнаго, Галилею надобно согласиться, что на право открытія патентъ является новый претендентъ, который старше Шейнера и даже Фабриція. Баронъ Цэхъ говоритъ, что въ Англии, въ рукописяхъ Гаріота, онъ видѣлъ наблюденія надъ солнечными пятнами 8 декабря 1610 г.

Что же касается до открытія обращенія солнца на его оси, то на него Галилей не имѣетъ уже никакого права. Дѣйствительно, даже допустивъ справедливость показанія брата Фульгенса Миканціо, ничего не найдемъ въ немъ о вращеніи солнца. То же должно сказать о свидѣтельствѣ Дини: въ Римѣ видѣли пятна, но изъ нихъ не вывели никакого заключенія. Въ упомянутомъ письмѣ, Агуччіа говоритъ, что Галилей рассказывалъ ему о пятнахъ и ихъ движеніи отъ востока къ западу; но въ томъ же письмѣ нѣтъ ни слова о движеніи солнца.

Кто читаетъ со вниманіемъ, для того академическое предисловіе Анжело есть самый положительный документъ. Описавъ собраніе въ саду Бандини и похваливъ справедливо гениі Галилея, учевый библіотекарь прибавляетъ: «съ общимъ восторженіемъ ожидали отъ него мнѣній о свойствахъ патентъ, и академики узнали, что Галилей занимался этими предметомъ въ своихъ письмахъ къ Вельзеру, и пр.» И такъ въ саду Бандини Италіанскій философъ ни слова не сказалъ о вращеніи солнца, и о такой астрономической новости надобно искать свѣдѣній въ письмахъ къ Вельзеру; но самое старшее изъ нихъ относится къ 4 мая

1612 г., т.е. почти годоюъ позже изданія кнѣга Фабриція. Прибавлю, что самъ Галилей въ своихъ требованіяхъ на право открытія пятныъ даже не упоминаеть о вращеніи солнца. И такъ, это знаменитое открытіе вполне принадлежитъ Фабрицію.

Что же теперъ сказать о замѣчаніи одного новаго Италианца? Вотъ его слова: «Если даже великій астрономъ (Флорентинскій) не первый замѣтилъ пятна (на солнцѣ), то онъ превзошелъ всѣхъ своихъ соперниковъ великими слѣдствіями, выведенными имъ о физическомъ строеніи солнца и объ его обращеніи».

Это предполагаемое превосходство Галилея надъ его соперниками не выдержитъ самой легкой критики; никакой безпристрастный ученый, никакой даже смысленный любитель астрономіи не будутъ даже опровергать новаго восторженнаго Италианца. Но чтобъ мое мнѣніе не вызвало новыхъ жалобъ на мою строгость, я торжественно объявляю, что въ моихъ глазахъ Галилей принадлежитъ къ четыремъ или пяти высочайшимъ ученымъ гениямъ новаго времени. Прибавлю, что не удивлюсь никакой преувеличенной похвалѣ безсмертному философу, когда эта похвала будетъ относиться къ изслѣдованіямъ о перемѣнномъ движеніи и о паденіи тѣлъ. Прошу замѣтить, что я принимаю эти изслѣдованія за вопросъ частный; о приложеніи же его къ астрономіи Галилей не имѣлъ никакого понятія.

8 июля 1619. — *Discorso delle comete di Mario Giuducci del 1618.*

Авторъ ошибочно утверждаетъ, что посредствомъ параллакса нельзя опредѣлять разстояніе кометы.

1623. — *Il Saggiatore, nel quale si ponderano le cose contenute nella libra astronomica e filosofica di Lotario Sarsi, scritto in forma di lettera, dal signor Galileo Galilei.*

Въ этомъ разсужденіи Галилей, въ отвѣтъ патеру Сарси, старался доказать, что кометы могутъ быть простыми оптическими явленіями, каковы, напримѣръ, ложныя солнца, круги около луны, радуга, и пр. Такія предположенія не требуютъ вышѣ опроверженій и только доказываютъ, съ какимъ трудомъ пробивается истина сквозь предрассудки.

Знающіе люди считаютъ *Saggiatore* образцомъ слога, діалектики и тонкихъ шутокъ: преклоняюсь предъ такимъ судомъ,

но, принимая въ расчетъ болѣе дѣло, нежели форму, думаю, что *Saggiatore* есть тяжелое сочиненіе по своему многословію.

1632 г. — *Dialogo di Galileo Galilei sopra i due massimi sistemi del mondo, Tolemaico e Copernicano.*

«Разговоры» явились во Флоренціи 1632 г.; съ Итальянскаго переведены на Латинскій языкъ и были изданы въ Стразбургѣ 1635 года, подъ заглавіемъ: *Systema cosmicum, auctore Galileo Galilei, et pr.*

Это сочиненіе раздѣлено на четыре разговора между тремя собесѣдниками: Сальвиати, благородный Флорентинецъ, поддерживающій систему Коперника; Сагрето, благородный Венеціанецъ, человекъ умный, но болѣе свѣтскій, нежели ученый; оба они дѣйствительно существовали, были друзьями Галилея и умерли чрезъ нѣсколько лѣтъ по выходѣ въ свѣтъ «Разговоровъ». Третьяго собесѣдника авторъ назвалъ Симплиціемъ, именемъ одного перипатетика, отъ котораго дошелъ до насъ комментарий на «Небо» Аристотеля.

Трудно критиковать сочиненіе, бывшее причиною неслыханныхъ оскорбленій автору; но истина имѣетъ права непреложныя, и потому съ покорностью предлагаю мысли, родившіяся во мнѣ при чтеніи «Разговоровъ».

Для чего Галилей написалъ свое сочиненіе въ формѣ разговоровъ? Не лучше ли было бы предложить догматически содержащіяся въ немъ истины? Конечно, Галилей имѣлъ на то основательныя причины, и, безъ сомнѣнія, одна изъ нихъ была та, чтобы распространить и сдѣлать для всѣхъ доступнымъ ученіе Коперника; онъ достигъ своей цѣли.

Жалавдъ приглашалъ астрономовъ прочитывать хотя одинъ разъ въ годъ сочиненіе Кеплера объ орбитѣ Марса: я не могу повторить его совѣта относительно книги Галилея; я даже не совѣтую наблюдателямъ терять за вею время. Самыя простыя предметы изложены въ ней такъ многословно, что въ наше время книга ничего не произведетъ, кромѣ скуки. Хотя въ ней есть истины, достойныя вниманія, но онѣ закрыты кучею ничтожныхъ комплиментовъ, которыми подчуютъ другъ друга разговаривающіе. Кто найдетъ эти замѣчанія слишкомъ строгими, тотъ пусть прочтаетъ, въ третьемъ разговорѣ, опроверженіе вычи-

сленій одного неизвѣстнаго автора, доказывавшаго, что звѣзда 1572 г. не была собственно звѣзда, но явленіе подлунное. Что можно было объяснить на четырехъ страницахъ, то, безъ нужды и во вредъ ясности, растянуто на сорока.

Но перейдемъ къ упомянутымъ истинамъ. Въ третьемъ разговорѣ находится весьма подробное объясненіе способа, посредствомъ котораго Галилей предлагалъ доказывать поступательное или голичное движеніе земли: этотъ способъ состоитъ въ наблюденіяхъ перемѣнъ относительнаго положенія двухъ звѣздъ, видимо между собою близкихъ, но не равно удаленныхъ отъ земли. Впоследствии, эту плодотворную мысль несправедливо приписали В. Гершелю; съ успѣхомъ ею воспользовался Бессель для опредѣленія *юдичнаго параллакса* 61 звѣзды Лебедя.

Въ четвертомъ разговорѣ находимъ объясненіе морскихъ приливовъ и отливовъ; но оно недостойно знаменитаго автора, которому мы обязаны истинными основаніями механики. По его мнѣнію, явленіе происходитъ отъ соединенія движенія воды, производимаго годичнымъ движеніемъ земли, съ обратнымъ движеніемъ воды, производимымъ уже обращеніемъ земли на ея оси.

Такое объясненіе не удовлетворяетъ ни одному обстоятельству приливовъ и отливовъ.

26 февраля 1637 г. — *Письмо изъ тюрьмы въ Арцетри.*

Здѣсь Галилей отдаетъ отчетъ о *титубаціи*, т. е. о качаніяхъ луны, зависящихъ отъ *суточнаго* ея *параллакса*, т. е. отъ измѣненій видимыхъ ея высотъ надъ горизонтомъ и отъ перемѣнъ въ склоненіяхъ. Писатели, видѣвшіе въ любопытныхъ наблюденіяхъ Галилея открытіе качанія и его законовъ, опредѣленныхъ Кассиніемъ, обнаружили свое незнаніе въ астрономіи. Эти наблюденія были произведены въ Арцетри и прерваны воспаленіемъ глазъ наблюдателя, кончившимся совершенною слѣпотю. Редакція наблюденій доказываетъ, что гѣта не ослабили ни искусства изложенія, ни поэтическаго оттѣнка, замѣчаемаго во всѣхъ трудахъ молодаго Галилея. Желая описать перемѣны въ видѣ луны отъ измѣненій ея высоты, онъ сказалъ: «луна открываетъ и скрываетъ свои волосы и часть діаметрально противоположнаго подбородка, — что можно назвать пониженіемъ и поднятіемъ лица». Чтобъ описать качанія отъ перемѣны пря-

мага восхождения, Галилей говоритъ: «можно сказать, что луна поворачиваетъ свою голову то направо, то налѣво, и открываетъ то или другое ухо».

1638. — *Discorsi e dimostrazioni matematiche intorno a due nuove scienze.*

Это сочиненіе въ первый разъ явилось въ Лейденѣ 1638 г.; Лагранжъ, въ своей «Аналитической механикѣ», говоритъ о немъ слѣдующее:

«Динамика есть наука объ ускорительныхъ или замедляющихъ силахъ и о производящихъ ими переменныхъ движеніяхъ. Эта наука совершенно принадлежитъ новымъ геометрамъ, и Галилей положилъ для нея первыя основанія. До него разсматривали силы только въ состояніи равновѣсія, и хотя ускореніе тѣлъ падающихъ и криволинейное движеніе тѣлъ брошенныхъ объясняли постояннымъ дѣйствіемъ тяжести, однако никто не могъ опредѣлить законовъ этого дѣйствія. Галилей первый сдѣлалъ этотъ важный шагъ и открылъ широкій путь для уснѣховъ науки. При жизни Галилея, столь великое открытіе не доставило ему такой славы, какую онъ получилъ отъ своихъ наблюденій неба; но нынѣ оно составляетъ самое прочное и дѣйствительное основаніе его славы. Открыть спутники Юпитера, фазы Венеры, пятна на солнцѣ, и пр. могъ всякой, имѣющій телескопъ, досугъ и прилежаніе; но потребенъ необыкновенный гений для вывода законовъ изъ явленій, безпрестанно являющихся, однакожь никѣмъ необъясненныхъ».

И такъ Лагранжъ считаетъ Галилея необыкновеннымъ гениемъ; потомство утверждало этотъ приговоръ безъ возраженія.

Въ «Разговорахъ» находимъ первое указаніе на опыты, посредствомъ которыхъ Галилей надѣялся достигнуть до опредѣленія скорости свѣта. Вотъ что онъ говоритъ объ этомъ трудномъ предметѣ:

«Положимъ, что два наблюдателя имѣютъ горящія лампы, которыя могутъ они мгновенно и закрывать и открывать zároveň; пусть, находясь другъ отъ друга въ нѣсколькихъ шагахъ, каждый изъ нихъ приучится открывать свой свѣтъ въ то мгновеніе, когда увидитъ свѣтъ своего товарища. Получивъ достаточный навыкъ, пусть они разойдутся на двѣ или на три

мили, и повторять свои опыты, записывая время, проходящее между мгновениемъ, въ которое одинъ, называю его первымъ, открывается свой свѣтъ, и мгновениемъ, въ которое онъ же закрывается свѣтъ втораго наблюдателя. Ясно, что это время равняется двойному времени, которое свѣтъ употребляетъ на прохожденіе отъ одной станицы до другой. Если разстояніе въ двѣ или три мили окажется недостаточнымъ, то пусть наблюдателя разойдутся на восемь или на десять миль, и употребить теле-скопъ.

Галилей прибавляетъ, что, сдѣлавъ опыты на разстояніи одной мили, не могъ опредѣлить время, въ которое свѣтъ проходить это пространство. Опыты были повторяемы членами академіи дель-Чинченто на гораздо большихъ разстояніяхъ, но всегда съ отрицательными результатами, и не удивительно, когда мы знаемъ нынѣ, что свѣтъ проходить 77 тысячъ миль въ секунду.

Въ томъ же сочиненіи Галилей объясняетъ, отчего тѣла тяжелыя скатываются по діаметру окружности и по проведеннымъ отъ верхняго его конца хордамъ въ одно и то же время. Тутъ же онъ доказываетъ, что дугу, меньшую 90° , проходитъ тѣло въ меньшее время, нежели соответствующую ей хорду, — что, говоритъ Галилей, — съ перваго взгляда покажется невѣроятнымъ, потому что дуга длиннѣе хорды.

Въ «Разговорахъ» находимъ первую идею объ опытномъ средствѣ, изъ котораго Хладни, Саваръ и Витстонъ извлекли большую пользу въ своихъ наблюденіяхъ надъ линиями узловъ, по которымъ располагается пыль на сотрасающихся пластинкахъ. Тутъ же встрѣчаемъ весьма вѣрныя идеи объ удовольствіи и неудовольствіи отъ согласія и разногласія музыкальных тоновъ.

Не забываемъ упомянуть объ употребленіи маятника для уравниванія хода часовъ, — изобрѣтеніе, честь котораго Италіянскіе писатели приписываютъ Галилею, и тѣмъ обижаютъ Гюйгенса. Мифы свои основываютъ они на свидѣтельствѣ Вивіани, знаменитаго геометра и любимаго ученика Галилея.

Въ 1673 г. Вивіани писалъ къ графу Магалотти, что уже слѣпой Галилей, въ 1641 г., думалъ употребить маятникъ для

уравненія хода часовъ, и что сынъ его воспроизвелъ эту мысль въ часахъ, сдѣланныхъ собственными его руками.

Несмотря на уваженіе къ свидѣтельству съ подписью Вивіани, ни одинъ безпристрастный человекъ не усомнится въ правахъ знаменитаго Голландскаго геометра. Какимъ образомъ такое важное открытіе оставалось восемь лѣтъ неизвѣстнымъ? Если его утаивали съ намѣреніемъ, то всякой пойметъ, что всѣ ученые хищничества могутъ сдѣлаться законными.

Bilancetta nella quale s'insegna a trovare la proportione del misto dei due metalli insieme, colla fabrica dell'istesso strumento есть сочиненіе посмертное, содержащее правила для устройства снарядовъ, извѣстныхъ подъ именемъ *идростатическихъ вѣсовъ*; но мы не будемъ говорить объ немъ, потому что оно не имѣетъ никакого, ни прямого, ни косвеннаго отношенія къ астрономіи.

Не было бы конца, еслибы мы вздумали разбирать всѣ письма безсмертнаго философа, въ которыхъ читатели найдутъ о различныхъ астрономическихъ вопросахъ множество замѣчаній остроумныхъ, — свидѣтельство ума проникательнаго. Очень жаль, что эти замѣчанія надобно искать между подробностями, совсѣмъ неинтересными для нашего времени. Чтобы избавить другихъ отъ труда, который я употребилъ на такіе поиски, предлагаю здѣсь нѣкоторыя выписки, въ которыхъ Галилей однимъ словомъ объясняетъ современные ему вопросы, или въ которыхъ острый его взглядъ проникаетъ въ будущую судьбу науки.

Галилей надѣялся, что наблюденія надъ движеніемъ звѣздъ подтвердятъ суточное движеніе земли: эта надежда оправдана Брэдлеемъ, открывшимъ аберацію свѣта.

Галилею принадлежитъ первая идея о способѣ, которымъ Ассасъ Мондариэ, близъ Вигана, употреблялъ для опредѣленія *годичнаго параллакса звѣздъ*.

«Пространство — говоритъ Галилей — между Сатурномъ и звѣздами, можетъ быть, занимаютъ невидимыя планеты». Тутъ открыты Уранъ и Нептунъ.

Справедливо удивляются, что Галилей не упоминаетъ имени Кеплера при объясненіи приливовъ и отливовъ моря, которые великій Германскій астрономъ приписывалъ дѣйствию луны.

Чтобъ не ошибаться въ причинѣ такого молчанія, я скажу, что Галилей, говоря о трактатѣ Гильберта о магнитѣ, хвалитъ его и говоритъ объ авторѣ: «онъ такъ великъ, что возбуждаетъ зависть».

Изъ писемъ Галилея видно, что онъ понималъ важность изслѣдованій о силѣ лучей, вытекающихъ изъ центра и изъ краевъ солнца. Прямые опыты показали, что тѣ и другіе имѣютъ равную силу освѣщенія.

Галилею мы обязаны открытіемъ остроумнаго способа, посредствомъ котораго успѣли освободиться отъ лучей свѣта, ложно увеличивающихъ діаметры звѣздъ. Такія наблюденія уничтожили важнѣйшія возраженія противъ системы Коперника.

Въ одномъ письмѣ отъ 1637 г. я нашелъ, что Галилей наблюдалъ планеты днемъ. Извѣстно, что подобныя наблюденія надъ звѣздами принадлежатъ Мореню и относятся къ концу марта 1635 г.

19 апрѣля 1611 г., Галилей предложилъ іезуитамъ Римской коллегіи вопросы для унанія ихъ мнѣнія о многихъ астрономическихъ предметахъ. Іезуиты отвѣчали, что они вѣрятъ существованію спутниковъ Юпитера, неправильной формѣ Сатурна, фазамъ Венеры, множеству звѣздъ въ туманныхъ пятнахъ и въ млечномъ пути; но они не думаютъ, чтобъ бѣловатый извѣтъ этого пояса происходилъ отъ скопленія звѣздъ. Наблюденія надъ луною сомнительны: потому что Клавіусъ не допускаетъ ея неровностей, а думаетъ, что различныя части ея поверхности имѣютъ различныя способности отражать свѣтъ. Этотъ отвѣтъ былъ сдѣланъ 24 апрѣля 1611 г. Онъ показываетъ, что почтенные отцы употребляли весьма плохую трубу, когда усомнились въ возвышеніяхъ и углубленіяхъ на лунѣ.

Касательно вопроса о существованіи животныхъ и растеній на планетахъ Галилей соблюдалъ большую осторожность. Въ письмѣ къ князю Чези отъ 24 января 1613 г. онъ сказалъ: «На этотъ вопросъ я не могу отвѣчать ни *да*, ни *нѣтъ*».

Въ письмѣ къ принцу Леопольду отъ марта 1640 г., въ которомъ Галилей отдаетъ отчетъ о печальномъ свѣтѣ луны, онъ упоминаетъ, что ему случилось видѣть совершенное сѣрытіе луны во время одного ея затмѣнія. Это явленіе онъ приводитъ

въ доказательство, что нашъ спутникъ не имѣеть собственного свѣта, какъ утверждалъ то Ипцети.

Сдѣланное Галилеемъ объясненіе непельнаго свѣта луны опровергали Ипцети и другіе, вслѣдствіе открытія такъ-называемаго *Болонскаго фосфора*, т. е. минеральнаго вещества (сѣрнико-слаго барита), которое, лежа на свѣтѣ, долгое время свѣтитъ въ темнотѣ; такую же способность предполагали въ лунѣ, когда она бываетъ неосвѣщена солнцемъ. Галилей подробно отвергаетъ эту гипотезу въ упомянутой письмѣ къ принцу Леопольду, которое сохранилъ Вентури.

Послѣ пребыванія Галилея въ Римѣ, кардиналъ дель-Монте, отъ 31 мая 1611 г., писалъ къ великому герцогу, что открытія Галилея достойно оценены учеными *омчано* города и что они удивляются его гевію. «Еслибы — пишетъ кардиналъ — Галилей жилъ въ древней Римской республикѣ, то его статуу поставили бы въ Капитоліи».

Кардиналъ дель-Монте не былъ въ числѣ судей Галилея.

Слѣдующая послѣдняя вышеска докажетъ, что гевіальный человекъ можетъ быть остроумецъ, въ смыслѣ этихъ словъ, принимаемыхъ Французами.

Аристотель своимъ послѣдователямъ не совѣтовалъ учиться математикѣ, безъ сомнѣнія по тому, что Платонъ надъ дверями своей школы написалъ: «да никто не входитъ сюда безъ знанія геометріи». Галилей совѣтъ Аристотеля находитъ премудрымъ, потому что геометрія весьма опасна для теоріи Стагирита: она открываетъ его ошибки и обмань».

Въ предложенной біографіи я ничего не сказалъ о стараніяхъ Галилея, чтобъ Испанскій дворъ и Голландскіе штаты вошли въ сношенія для опредѣленія географическихъ долготъ. Эти сношенія были безуспѣшны, потому что таблицы спутниковъ Юпитера, не смотря на усилія Реньери усовершенствовать ихъ, по своей неточности совсѣмъ были не способны для рѣшенія вопроса. Да еслибы, какъ вышѣ, этия таблицы сообщили надлежащую точность, то все-же онѣ не могутъ быть употреблены для опредѣленія долготъ на морѣ, потому что требуютъ значительно увеличивающей трубы, установленной на твердомъ основаніи. Желая усовершенствовать свой способъ, самъ Галилей и

его ученики сдѣлали множество наблюдений. Реньери сохранялъ эти наблюденія. Говорятъ, что, по его смерти, агенты инквизиціи хотѣли ихъ захватить; но ничего не надобно злословить, даже агентовъ инквизиціи. Изъ біографіи Галилея, написанной Нелли, видно, что расхищеніе кабинета Реньери произведено кавалеромъ Жозефомъ - Августинномъ Пивано, который былъ при смерти Реньери, и въ рукахъ котораго видѣли его часы и телескопъ. Не знаемъ, справедливо ли это обвиненіе, но знаемъ, что рукописи Реньери поступили въ Флорентинскую бібліотеку, называемую Палатинскою; отсюда ихъ взялъ Альберти и существенное изъ нихъ выдалъ въ свѣтъ, послѣ многихъ горячихъ и неприличныхъ споровъ.

Нѣтъ ни одного инженера, ни одного физика, который бы не упоминалъ объ анекдотѣ съ Флорентинскими фонтанщиками: удивленные тѣмъ, что вода никогда не поднимается въ пустотѣ выше 32 футовъ, они пришли посоветоваться съ Галилеемъ, и получили въ отвѣтъ: «Это весьма просто: природа не терпитъ пустоты только до 32 футовъ». Истинные цѣнители генія Галилея считаютъ его отвѣтъ шуткою. Я мау далѣе и думаю, что анекдотъ выдуманъ. Нѣтъ даже слѣда его въ несомнѣнныхъ сочиненіяхъ Галилея. Изъ старыхъ писателей одинъ Паскаль упоминаетъ объ немъ въ предисловіи къ своему «Трактату о равновѣсіи жидкостей». Но Паскаль не свидѣтельствуется собственными словами Галилея, и прибавляетъ словечко: «говорять».

Ко времени заключенія Галилея въ Арцетри относятся всѣ важнѣйшія его изданія. Кажется, потеря вѣрнѣе увеличила проинципальность его ума. Но благоразуміе удерживало его распространять плоды своихъ размышленій о системѣ міра, и потому онъ приваляъ возмозжныя предосторожности о сохраненіи своихъ трудовъ. Рукописи онъ завѣщалъ Визіани, своему ученику и почти своему сыну,—такъ его любилъ Галилей. Но, къ сожалѣнію, эти рукописи были затеряны, потому-что слишкомъ усердно старались скрыть ихъ отъ враговъ великаго ученаго. Тоццетти вотъ что разсказываетъ о случайной находкѣ нѣкоторыхъ листовъ:

«Весною 1739 года славный докторъ Лани и Нелли шли позавтракать въ таверну подъ вывѣскою: *трактарь у моста*; до-

рогою они завернули къ калбаснику и кушлы у него боловскихъ сосисекъ, завернутыхъ въ бумагу. Въ тавернѣ Нелли увидалъ на оберткѣ письмо Галилея, вытеръ ее салфеткой и положилъ въ карманъ, не сказавъ ни слова своему товарищу Ламп. По возвращеніи въ городъ, Нелли тотчасъ отправился къ калбаснику и узналъ, что онъ часто покупалъ пудами такіа бумаги у неизвѣстнаго ему слуги. Нелли получилъ отъ калбасника всѣ бумаги, и, дождавшись слуги чрезъ нѣсколько дней, кушлы у него всѣ драгоценныя рукописи, которыя Винчани получилъ на сохраненіе за 80 лѣтъ.

Этими рукописями набили большой чемоданъ. Изъ этого всѣ поймутъ, что лучшіе ящики для сохраненія сочиненій — ящики типографскіе.

XIV. ДЕКАРТЬ.

Рене Декартъ родился 31 марта 1596 г. Отецъ его былъ совѣтникомъ въ Ревнѣ.

Молодой Рене имѣлъ сложеніе чрезвычайно слабое, и мало было надежды на сохраненіе его жизни. Но когда укрѣшилось его здоровье, отецъ отправилъ его въ Лафлешъ, для ученія подъ надзоромъ іезуитовъ. Здѣсь онъ подружился съ молодымъ Мерсенемъ, также учившимся въ коллегіи; дружба ихъ разорвалась смертью Декарта.

Отецъ Рене, довѣряя зрѣлости характера и страстной любви къ ученю своего сына, позволилъ ему одному, безъ руководителя и ментора, ѣхать въ Парижъ. Сначала надежды почтеннаго совѣтника не исполнились: Рене, увлеченный нѣкоторыми друзьями, предался игрѣ; но скоро, увидавъ подъ своими ногами бездну, онъ разорвалъ всѣ связи и поселился въ уединенномъ домѣ въ предмѣстіи Сентъ-Жермень. Здѣсь занимался онъ науками безъ размеченій.

Декартъ долго колебался въ выборѣ состоянія; иногда онъ склонялся къ авторству, но, — странное дѣло, — оно казалось ему неприличнымъ благородству его семейства. Наконецъ независимость показалась ему высшимъ благомъ; онъ искалъ ее въ Голландіи. Въ 1617 г., въ качествѣ волонтера, вступилъ онъ въ армію

Морица Нассаускаго. Находясь въ гарнизонѣ Бреды, въ одинъ день подошелъ онъ къ толпѣ, читавшей объявленіе на Фламандскомъ языкѣ; въ объявленіи былъ вызовъ на рѣшеніе одной геометрической задачи. Въ толпѣ находилъ профессоръ математики, Бекманъ, который, по просьбѣ Рене, перевелъ объявленіе. На другой день молодой волонтеръ явился къ профессору съ своимъ рѣшеніемъ задачи. Вотъ начало дружеской связи между Бекманомъ и Декартомъ.

Изъ Голландскихъ войскъ Декартъ перешелъ въ Баварскія, и такимъ образомъ проѣхалъ почти чрезъ всю Германію. Невъяснимо, что въ это путешествіе онъ не посѣтилъ Кеплера, знаменитѣйшаго астронома того времени, и котораго послѣ называлъ своимъ учителемъ въ оптикѣ.

Въ праздности гарнизонной службы, Декартъ занимался колоссальнымъ проектомъ: преобразовать всю философію. Безпрестанное напряженіе ума разстроило его мозгъ: по ночамъ представлялись ему видѣнія; на другой день онъ старался объяснить ихъ, и почти впалъ въ помѣшательство. Во время одного изъ такихъ видѣній, онъ далъ обѣтъ сходить на поклоненіе Богоматери Лоретской.

Секта Розоваго-креста, обѣщавшая людямъ новую науку и истинную мудрость, уважалась тогда въ Германіи, хотя ея адепты заслуживали только презрѣніе. Декартъ нѣсколько разъ покушался сдѣлать съ нею связь; до Парижа дошелъ даже слухъ, что онъ успѣлъ въ своемъ намѣреніи. Тогда его друзья, особенно патеръ Мерсенъ, встревожились, потому что секта Розоваго-креста, въ Парижѣ, не только не пользовалась благосклонностью публики, но даже на рынкахъ жестоко смѣялись надъ нею. Декартъ рѣшился отправиться въ Парижъ, чтобъ повидаться съ друзьями и объяснить имъ свою философію. Живя въ Парижѣ, онъ узналъ о смерти своего родственника, имѣвшаго должность въ управленіи Французской арміи въ Италіи; этотъ случай напомнилъ ему обѣтъ о поклоненіи Лоретской Богоматери; онъ выпросилъ себѣ мѣсто умершаго родственника и уѣхалъ въ Италію. Для исполненія обѣта, онъ сперва прибылъ въ Венецію, откуда располагался посѣтить Римъ во время юбилея.

Объѣздивъ часть Италіи, Декартъ возвратился въ Парижъ

через столицу Тосканы. Вот еще случай къ непонятному удивленію: желавшій сдѣлаться адептомъ Розоваго-креста, показавъ совершенное равнодушіе къ трудамъ и открытіямъ Флорентинскаго астронома; онъ говорилъ даже, что въ сочиненіяхъ Галилея нѣтъ ничего достойнаго зависти, ничего, чтобы заслуживало серьёзнаго изученія.

Декартъ учился медициной, и хвалился, что сдѣлалъ такіе успѣхи въ этой наукѣ, что можетъ продать свою жизнь на сто лѣтъ. Къ нему присоединился аббатъ Пико и превзошелъ своего учителя въ надеждахъ на долголѣтіе: аббатъ Пико надѣялся прожить чотыреста лѣтъ.

Выбравъ Голландію постояннымъ своимъ жилищемъ, Декартъ думалъ наслаждаться въ ней независимостью и свободою; но много обманулся въ своемъ ожиданіи. Нѣкоторые теологи Реформатской церкви, особенно Фостъ, профессоръ университета въ Утрехтѣ, подняли на него страшное гоненіе; они даже обвинили его въ атеизмѣ. Фостъ такъ искусно дѣйствовалъ, что выхлопоталъ у трибунала Утрехтскаго осужденіе Декарта. Но спасъ его Французскій посланникъ, настаивавъ, что осужденіе действительно, какъ надъ подданнымъ Франціи.

Декартъ надѣялся, что правила его философій, изложенныя ясно и съ умѣренностью, будутъ приняты съ одобреніемъ. Вышло совсѣмъ не то: они сдѣлались текстомъ злобной клеветы и неаслуженныхъ обвиненій. Но его математическія открытія заслужили лучшей приемы, хотя тогда немного было вѣрныхъ ихъ цѣнителей. Въ такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, Декартъ терялъ бодрость духа, какъ вдругъ черезъ Шаню, Французскаго посланника въ Швеціи, получаетъ лестное приглашеніе ко двору королевы Христины; послѣ нѣкоторой нерѣшительности, онъ принялъ приглашеніе и уѣхалъ въ Швецію, гдѣ королева приняла его съ отличнымъ уваженіемъ. Она хотѣла, чтобы Декартъ посѣщалъ ее въ пять часовъ утра для разговоровъ о предметахъ учености; климатъ не долго позволялъ ему исправлять эту трудную обязанность; 2 февраля 1650 г. онъ сдѣлался боленъ воспаленіемъ въ груди и умеръ 11-го того же мѣсяца. Королева хотѣла похоронить его съ почестями, которыми пользовались члены высшаго дворянства; но Французскій посланникъ

во имя національной чести, вытребовалъ тѣло знаменитаго философа и перевезъ его въ Парижъ въ 1666 г. гдѣ погребли его въ церкви св. Женевьевы. Тѣло Декарта свободно провезли по всей Германіи: но въ тамошнѣ Перонны потребовали открыть гробъ, для освидѣтельствованія бранныхъ остатковъ великаго человѣка.

По рапорту Шенъе, декретомъ Конвента велѣно было перенести Декарта въ Пантеонъ. Декретъ не былъ исполненъ, и, какъ думаете, по чьей оппозиціи? По оппозиціи Мерсье, сочинителя «Картины Парижа» который сдѣлался тогда полу-Ньютономъ. Въ продолженіе революціи, остатки великаго геометра изъ церкви Женевьевы были перевесены въ музей Французскихъ памятниковъ, потомъ, въ 1819, торжественно перевесли ихъ въ церковь С. Жермень-де-Пре; гробъ сопровождали административныя власти и нѣсколько членовъ института.

Многіе думаютъ, что Декартъ удаллся въ Голландію отъ гонимій, которыми угрожали ему на родинѣ: совсѣмъ вѣтъ. Во Франціи никто не думалъ грозить; даже предлагали ему почетное положеніе: онъ все отвергалъ постольнио, говоря: «ни за какія богатства не продамъ своей свободы». Но продалъ ее король Христианъ и нашелъ безвременную смерть.

Прибавимъ, что мраморная его статуя, украшающая залу публичныхъ засѣданій института, поставлена прежнимъ правительствомъ, до революціи 1789 г.

Въ самой юности, Декартъ стремился свергнуть иго древности, таготѣвшее на новыхъ школахъ. Въ 1637 г. онъ издалъ свою «Discours sur la méthode», въ которой находятса превосходныя логическія правила; но, не къ чести своей памяти, впоследствии онъ не слѣдовалъ имъ.

«Геометрія» Декарта явилась въ свѣтъ также въ 1637 г. Вотъ, бесспорно, самый твердый памятникъ его славы. Въ этомъ сочиненіи, въ первый разъ были изложены начала той вѣтви математическихъ наукъ, которая нынѣ извѣстна подъ именемъ *приложенія алгебры къ геометріи*.

Декартъ первый далъ справедливое понятіе о значеніи отрицательныхъ корней уравненій. Ему обязаны мы правиломъ, которое носитъ на себѣ его имя, и которое изъ послѣдователь-

ности знаков (+) и (—) позволяет заключать о числѣ корней положительных и отрицательныхъ даннаго уравненія, если оно не имѣеть корней мнимыхъ.

«Диоптрика» Декарта была издана въ 1637 г. Въ этомъ-то сочиненіи находится законъ постоянства отношеній между синусами угловъ паденія и преломленія. Читая нѣкоторыхъ уважаемыхъ писателей, особенно Англійскихъ, съ горестнымъ удивленіемъ нахожу, что открытіе Декарта приписываютъ Снеллію. Спрашивается: какой поводъ къ такой несправедливости? Декартъ первый сдѣлалъ извѣстнымъ упомянутый законъ. Но, говоритъ Гюйгенсъ, этотъ законъ находится въ рукописи Снеллія, а Декартъ, бывши въ Голландію, могъ видѣть эту рукопись. Однакожь Гюйгенсъ не утверждаетъ, что Декартъ *дѣйствительно* ее видѣлъ; слѣдственно отнимающіе честь открытія закона, на Французскаго геометра взводятъ неслыханное ученое хищничество.

Говорятъ еще, что Декартъ, по направленію своего ума, не любилъ терять время на опыты, и потому не могъ найти спорнаго закона. Но какинъ образомъ строгіе судьи не помнятъ, что, при переходѣ свѣта изъ воздуха въ воду, величины угловъ паденія и соотвѣствующихъ имъ угловъ преломленія, отъ 0° до 90° , помѣщены въ таблицѣ Вителіона? Разсмотрѣніе этихъ чиселъ прямо приводитъ къ *закону синусовъ*, и въротно тѣмъ путемъ Декартъ достигъ своего открытія. То же могъ сдѣлать и Снеллій. Притомъ, Декартъ не такъ уже не любилъ опытовъ, какъ обыкновенно утверждаютъ: въ одномъ его письмѣ къ Мерсеню онъ увѣдомляетъ что преломленіе не пропорціонально плотности тѣлъ, и въ примѣрѣ приводитъ терпентинъ и винный спиртъ, въ которыхъ преломленіе болѣе, нежели въ водѣ, несмотря на то, что первыя двѣ жидкости гораздо легче послѣдней. Развѣ это явленіе можно было узнать безъ опытовъ?

Въ подтвержденіе моего мнѣнія, указываю еще на два незамѣченныя, но главныя обстоятельства. Первое: Декартъ, не довѣряя опытамъ, на которыхъ основана таблица Вителіона, изобрѣлъ сварядъ для повѣрки найденнаго имъ закона. Сварядъ этотъ онъ описалъ подробно. Второе: вычисливъ положеніе фокуса выпуклаго стекла, по закону синусовъ, онъ, безъ сомнѣнія, повѣрилъ вычисленіе весьма легкимъ опытомъ.

Впрочемъ, не перестаю повторять: исторія наукъ, написанная не по печатнымъ документамъ, есть чистый романъ. Историкъ, въ рѣдкихъ случаяхъ, можетъ уклониться отъ этого правила, и законъ сианусовъ не подлежитъ такому исключенію.

«Диоптрика» Декарта содержитъ подробное изслѣдованіе такъ называемой *абераціи сферической*, вѣсть со способами уничтожить ее; здѣсь-то великій геометръ доказываетъ, что для полного достиженія этой цѣли надобно дѣлать стекла и зеркала или параболическими или гиперболическими; а какъ обыкновенныя средства для того не достаточны, то Декартъ описалъ машину, посредствомъ которой можно стекла и зеркала обтачивать въ упомянутыя формы.

Въ «Диоптрикѣ» находимъ много изслѣдованій о зрѣніи естественномъ и о зрѣніи чрезъ очки.

Къ «Диоптрикѣ» приложенъ «трактатъ о метеорахъ», въ которомъ всего замѣчательнѣе объясненіе радуги.

Во всѣ времена много дѣлали попытокъ открыть тайну образованія двухъ радугъ. Первые справедливыя понятія объ этомъ предметѣ встрѣчаемъ у Антонія Доминика, архіепископа Спалатро, въ Далмаціи. Сочиненіе его явилось въ свѣтъ въ 1611 г., когда авторъ умеръ въ инквизиціонной тюрьмѣ: но, какъ говорить, оно было написано гораздо прежде. Почтенный прелатъ замѣтилъ, что если въ плоскости вертикальной, проходящей чрезъ солнце и глазъ, будемъ держать, на сторонѣ глаза и на опредѣленной высотѣ, стеклянный шаръ, наполненный водою, то изъ нижней его части выйдутъ лучи свѣта, образующіе точь-въ-точь естественное явленіе со всѣми его цвѣтами. Въ этомъ опытѣ авторъ усмотрѣлъ, что солнечный лучъ, вошедши въ шаръ выше его центра, отражается отъ задней его части и потому выходитъ внизу его. Подобное движеніе луча въ водяной каплѣ, находящейся вѣтъ вертикальной плоскости, образуетъ побочныя части явленія. Все это справедливо; но мнѣ кажется, что тутъ вѣтъ объясненія радуги; для полного доказательства ея образованія: надобно еще открыть, какимъ образомъ капли воды, находящіяся выше и ниже стекляннаго шара Доминика, не производятъ такихъ же цвѣтовъ. Однимъ словомъ, надобно было опредѣлить теоретически положеніе *лучей дѣйствующихъ*, какъ

называл их Декартъ. О второй радугѣ Доминикъ не имѣлъ даже понятія.

Касательно цвѣтовъ, Декартъ вычислилъ уголъ между двухъ плоскостей, изъ которыхъ одна касается въ точкѣ вхожденія луча въ каплю, другая же — въ точкѣ его выходенія, и потому показал на опытѣ, что бѣлый лучъ дѣйствительно раздѣляется на цвѣтные лучи, когда проходитъ чрезъ воду въ призму, въ которой стороны взаимно наклонены подъ угломъ, равнымъ углу упомянутыхъ двухъ плоскостей. Вотъ, по моему мнѣнію, полное и совершенно удовлетворительное объясненіе явленія. Теперь всякой вѣрно оцѣнитъ остроумное, но невѣрное выраженіе: «Декартъ нарисовалъ обѣ радуги, а Ньютонъ ихъ раздѣтилъ».

Нѣкоторые физики несправедливо говорятъ, что радуга не могла быть объяснена до тѣхъ поръ, пока не нашли причины неравной преломляемости цвѣтныхъ лучей. Въ такомъ случаѣ, мы до-сихъ-поръ не понимаемъ радуги, потому-что, по крайней-мѣрѣ въ теоріи истеченія, эта причина еще не найлена: развѣ мы знаемъ, что возможная разность между скоростями цвѣтныхъ лучей не имѣетъ вліянія на явленіе?

Философскія начала издааны въ 1644 г. Въ этомъ сочиненіи Декартъ объясняетъ механизмъ вселенной посредствомъ *вихрей*. Около солнца обращается жидкость, которая увлекаетъ всѣ планеты; а другіе вихри меньшихъ размѣровъ обращаются около планетъ и увлекаютъ ихъ спутники. Съ перваго взгляда, такая идея грандіозна, и потому не удивительно, что ее приняла Фонтенель, Лейбницъ, Гюйгенсъ, Бернулли, Меранъ, и пр. Смотря на такое собраніе первоклассныхъ ученыхъ, Маклорель, думаю, долженъ былъ бы воздержаться и не называть гипотезу Декарта распадією.

Но истинный пробный камень всякой гипотезы есть сравненіе ея съ наблюденіями. Когда Декартъ издалъ свою блестящую гипотезу, тогда знали уже чудную теорію Кеплера, и ни одно астрономическое явленіе не подходило подъ эту гипотезу.

Кто, напримѣръ, не пойметъ, что, по системѣ вихрей, планеты обращались бы около солнца по кругамъ. Правда, для уничтоженія этого возраженія, можно предположить, что на

вихрь солнечный могутъ дѣйствовать вихри восторонніе и превращать круги въ эллипсы: но тогда перигей и апогей всѣхъ планетъ находились бы на одной прямой линіи, — что протнмаю наблюдениамъ.

Сверхъ того, какимъ образомъ можно объяснить по Декарту движеніе кометъ — такихъ тѣлъ, которыя должны быть наиболѣе увлекаемы вихрями, по своимъ малымъ массамъ; а между тѣмъ онѣ движутся по всѣмъ направленіямъ?

Какимъ образомъ объяснить по Декарту предвреніе равноденствій? этого никто не пробовалъ. Вотъ почему гипотеза, къ удивленію, сошедшая съ того же пера, которое написало «рѣчь о методѣ», совершенно нынѣ забыта.

Говорятъ, что гипотезу Декарта приняла вся Франція, безъ исключенія. Это несирзвѣдливо. Въ доказательство, приведу одно мѣсто изъ Гассенди: «Я не знаю ни одного челоѣка, который бы дочиталъ до конца «Principes». Нѣтъ ничего скучнѣе этой книги; она убиваетъ читателя. Надобно удивляться, что великій геометръ, вмѣсто доказательствъ, предложилъ сонныя грезы».

XV. Гевелій.

Торунь и Фрауенбургъ прославлены Коперникомъ, который открылъ истинную систему міра болѣе силою своего генія, нежели собственными наблюденіями. Недалеко отъ этихъ городовъ, въ Данцигѣ, и спустя сто сорокъ лѣтъ послѣ Коперника-философа, жилъ астрономъ-наблюдатель, и наблюдатель неутомимый. Если бы онъ не имѣлъ упрямства отказываться отъ услугъ зрительной трубы, то, можетъ быть, съ его именемъ соединилось бы воспоминавіе блестящихъ открытій.

Иванъ Гевелій, по-Нѣмецки Гевель, родился въ Данцигѣ 28 января 1611 г.; отецъ его былъ богатъ; профессоръ математики, Кругеръ, совѣтовалъ ему посвятить себя астрономіи и предсказывалъ, что онъ сдѣлаетъ великія открытія; молодой Гевелій послушался этого совѣта и, чтобъ приготовиться къ своему поприщу, съ жаромъ началъ учиться рисованью и механикѣ. Потомъ онъ путешествовалъ по разнымъ частямъ Европы, посѣтилъ ученыхъ заведенія и наблюдателей. По возвращеніи въ оте-

чество, въ качествѣ консула, онъ принималъ дѣятельное участіе въ дѣлахъ общественныхъ. Къ чести людей ученыхъ надобно сказать, что распоряженія Гевелія никогда не перемѣнялись; а къ его собственной чести, что дѣла общественныя не отлекали его отъ предполагаемой имъ ученой цѣли. Въ 1641 г., на собственномъ своемъ домѣ, онъ построилъ обсерваторію—театръ для обширныхъ его трудовъ. Въ нихъ участвовала и наблюденьями и вычисленьями его жена, которой онъ отдавалъ полную справедливость.

Первое сочиненіе Гевелія, изданное въ 1647 г. подъ именемъ «Селенографія», содержитъ подробное описаніе луны. Это сочиненіе, плодъ огромнаго труда, и для котораго рисунки были гравированы собственными его руками, утвердило его славу во всемъ свѣтѣ. Когда Людовикъ XIV, по внушенію Кольбера, изъявлялъ свое благоволеніе знаменитымъ современнымъ ученымъ, тогда и Гевелій не былъ забытъ: онъ получилъ единовременную денежную награду и ежегодный пенсіонъ.

Второе сочиненіе Гевелія «Кометографія» явилось въ свѣтъ 1668 г., въ фоліантѣ изъ 900 страницъ. Оно отличается ученою начитанностью и совершенно новою для того времени идеею: *кометы движутся по параболамъ*. Однакожь авторъ не сказалъ, какое мѣсто занимаетъ солнце между этими параболами, и съ какою скоростью приближаются кометы къ ихъ вершинамъ; сдѣлательно открытіе было не полное; его должно считать первымъ шагомъ на пути къ истинѣ. Сверхъ того, Гевелій настаивалъ, что кометы суть временныя скопленія вещества, скопленія испареній изъ планетъ. Эти скопленія, по его мнѣнію, принимали не сферическую форму, но форму весьма толстыхъ кружковъ, и прежде своего появленія бываютъ обращены къ землѣ своими ребрами.

Гевелій упоминаетъ о кометахъ, имѣвшихъ не одно, но два и болѣе ядра.

Въ 1673 и 1679 г., Гевелій издалъ двѣ части весьма важнаго сочиненія, подъ заглавіемъ: «Machina coelestis», въ которомъ описываетъ всѣ снаряды, употребленные имъ въ продолжительныхъ своихъ работахъ. Эти, вообще остроумные снаряды, были сдѣланы самимъ наблюдателемъ. Тутъ же онъ наза-

гаетъ причины, которыя, несмотря на гомось цѣлой Европы, заставляли его не употреблять зрительныхъ трубъ, и подражать Тихо. Впрочемъ, Гевелій уиѣлъ дѣлать стекла и упоминаеть объ одномъ, котораго фокусное разстояніе было въ 27 метровъ.

Капитальный трудъ Гевелія есть каталогъ звѣздъ, изданный въ 1690 г., чрезъ три года послѣ его смерти. Въ каталогѣ содержатся положенія 1564 звѣздъ для 1660 г. Въ томъ же собраніи предполагалось помѣстить наблюденія надъ солнцемъ, планетами и луною; но страшный пожаръ, уничтожившій часть Данцига 26 сентября 1678 г., сжегъ большую часть инструментовъ, бібліотеку и почти всѣ рукописи Гевелія. Великій наблюдатель, несмотря на свои преклонныя лѣта, перенесъ несчастіе съ удивительной покорностью судьбѣ и всячески старался поправить его.

Отъ Польскаго короля Гевелій получилъ позволеніе завести типографію и гравировальную мастерскую въ залахъ, принадлежавшихъ обсерваторіи, такъ что въ одномъ заведеніи производились наблюденія, вычисленія, гравированіе и печатаніе.

Гевелій умеръ 28 января 1687 г., семидесяти шести лѣтъ. Въ лѣтописяхъ науки имя его сохранится, какъ наблюдателя усерднаго и безкорыстнаго. Не забудутъ также и его жены, какъ первой женщины, не боявшейся обременительныхъ работъ, соединяемыхъ съ наблюденіями и вычисленіями.

Каталогъ звѣздъ Гевелія гораздо точнѣе, нежели каталогъ Тихо-Браге. Гевелій открылъ также одну изъ причинъ качанія луны, и наконецъ навелъ астрономовъ на истинный путь изслѣдованій о кометахъ. Счастливы тѣ, которые, умирая, оставляютъ по себѣ память въ наукахъ!

XVI. АББАТЪ ПИКАРЬ.

Аббатъ Пикарь, одинъ изъ первыхъ астрономовъ Парижской академіи наукъ, и одинъ изъ строгихъ наблюдателей своего времени, родился въ Жафлешѣ 21 июля 1620 г. Мы ничего не знаемъ объ его молодости; въ первый разъ встрѣчаемъ его наблюдающимъ съ Гассенди солнечное затмѣніе 25 августа 1645 г. Послѣ, вмѣсто Гассенди, онъ получивъ кафедру профессора

астрономіи во Французской коллегіи. Вотъ краткій списокъ его трудовъ.

Пикарь первый началъ наблюдать звѣзды днемъ (1668).

Онъ первый началъ употреблять съ пользой зрительнымъ трубы при углоѣрныхъ сваядахъ (1668). Употребленіе трубъ, безъ опредѣленія ошибокъ такъ-называемой *коллимации*, совершенно бесполезно: онъ показалъ способы исправлять эти ошибки.

Никто прежде Пикара не думалъ опредѣлять прямыхъ восхожденій звѣздъ посредствомъ ихъ прохожденія чрезъ меридіанъ.

Онъ первый измѣрилъ градусъ земнаго меридіана и нашелъ извѣстную его величину, а слѣдственно и извѣстную величину радіуса земли.

Начатыя имъ геодезическія работы были распространены для составленія карты всей Франціи.

Наконецъ онъ помогъ Азу составить нитяный микрометръ.

Пикарь умеръ 12 октября 1682 г. Онъ не сдѣлалъ ни одного капитальнаго открытія, но точностью наблюденій продолжилъ дорогу къ многимъ открытіямъ.

Пикарь есть образецъ безкорыстной любви къ наукѣ. Во время своего путешествія въ Уранибургъ, онъ узналъ молодого Датчанина, Рёмера, открылъ въ немъ великую способность къ наблюденіямъ и привезъ его во Францію. По его рекомендаціи Кольберу, Рёмеръ былъ сдѣланъ членомъ парижской академіи наукъ. Также по рекомендаціи Пикара, Парижская обсерваторія приобрѣла Доминика Кассини. Собирать соперниковъ не всякой рѣшится; чаще видимъ обратное.

XVII. Кассини.

Жанъ-Доминикъ Кассини, первый и знаменитѣйшій астрономъ изъ четырехъ того же имени, бывшихъ представителями Французской астрономіи почти въ продолженіе столѣтій, родился въ Перинальдо, въ графствѣ Ницѣ, 8 іюня 1625 г.

Кассини воспитывался въ іезуитской коллегіи въ Генуѣ, гдѣ отличался дарованіями къ поэзіи. Библіофилы сохранили

много стиховъ его молодости. Случайно попалось въ его руки астрологическое сочиненіе, и онъ началъ предсказывать. Скоро узналъ онъ всю негѣпость этого искусства: говорить, что онъ даже вывелъ изъ заблужденія Маркиза Мальвазія, Болонскаго сенатора, великаго любителя астрологій.

По смерти Кавалери, въ 1650 г., Кассини былъ сдѣланъ профессоромъ астрономіи въ Болонскомъ университетѣ; тогда ему было 25 лѣтъ отъ роду. По желанію сенатора, управлявшаго царевныю св. Петрови, онъ возобновилъ полуденную линію, вѣрно проведенную Игнатіемъ Давте, и съ помощью ея сдѣлалъ много полезныхъ наблюденій.

Кассини принималъ дѣятельное и разумное участіе въ сношеніяхъ относительно теченія рѣки По, и напач сдѣлалъ его директоромъ укрѣпленій крѣпости Урбанъ. Въ 1652 и 1664 г. онъ издалъ записки о кометахъ этихъ годовъ, и составилъ таблицы и эфемериды спутниковъ Юпитера. Помощью зрительной трубы Кампани, онъ доказалъ вращеніе Юпитера, Венеры и Марса на ихъ осяхъ. Такіе труды прославили его, и Людовикъ XIV, по рекомендаціи Пикара, желалъ его привлечь въ Парижъ, и хотя на время причислить къ членамъ своей академіи наукъ. Переговоры посланниковъ великаго короля ниѣли полный успѣхъ.

Кассини, получивъ отъ Кольбера 1000 экио на дорогу и назначеніе годичнаго жалованья въ 9000 ливровъ, отправился въ путь 25 февраля 1669 г., пріѣхалъ въ Парижъ 4 апрѣля, и королевская фамилія приняла его съ отличнымъ уваженіемъ. Службу свою онъ началъ критическими замѣчаніями на планы обсерваторіи, но не могъ побѣдить глухаго архитектора.

Квартиру въ обсерваторіи занялъ Кассини 14 сентября 1673 г. Тамъ, при сильномъ покровительствѣ Кольбера, онъ изучалъ небо прилежно и съ большими успѣхами въ продолженіе сорока лѣтъ. Въ 1711 г. Кассини лишился зрѣнія, умеръ въ слѣдующемъ году 14 сентября, осмидесяти-семи лѣтъ.

Вотъ его главные открытія.

1665 г. — Вращенія на осяхъ Юпитера, Венеры и Марса, еще въ Италіи.

1667 г. — Таблица преломленія, весьма точная для того времени, хотя и основанная на предположеніи, совсѣмъ не представляющемъ истиннаго состава земной атмосферы.

1671, 1672, 1684 г. — Открытіе четырехъ спутниковъ Са-

турва, въ Парижѣ, трубою Кампани. Въ память этого открытія, какъ важнаго событія въ царствованіе Людовика XIV, выбили медаль.

1683 г. — Наблюденія надъ зодіакальнымъ свѣтомъ.

1693 г. — Изданіе первыхъ таблицъ Юпитеровыхъ спутниковъ, которыми можно было пользоваться.

1693 г. — Открытіе закона качанія луны. Тутъ онъ не могъ не пользоваться изслѣдованіями Кеплера и Гевелія; но болѣе всего основывался на своихъ собственныхъ наблюденіяхъ, производимыхъ имъ еще въ Италіи, какъ видно изъ *Journal des Savants*. 1666 г.

Описывая въ нашихъ біографіяхъ главныя открытія астрономовъ, мы рассказываемъ и объ ошибкахъ и заблужденіяхъ. Это отдѣленіе въ біографіи Кассини занимаетъ довольно большое мѣсто.

Въ 1652 г. протекло много времени отъ изданія сочиненія Коперника и безсмертныхъ открытій Кеплера; но Кассини все еще полагалъ землю въ центрѣ міра.

При явленіи кометы въ 1652 г., онъ утверждалъ, что она образовалась недавно изъ земныхъ испареній и также изъ испареній другихъ планетъ.

Вѣдая не удивляться, что центръ движенія кометы 1664 г. онъ полагалъ въ Сиріусѣ.

Онъ имѣлъ неблагоразуміе, или — лучше — несчастіе отвергать объясненіе Рёмера неправильностей въ затмѣненіяхъ спутниковъ Юпитера. Рёмеръ причину этихъ неправильностей нашелъ въ скорости свѣта.

Кассини несправедливо и легкомысленно приписывалъ себѣ честь изобрѣтенія способа, по которому Пикарь намѣрилъ градусъ земнаго меридіана. Теорія этого способа принадлежитъ древнему Эратосѣну.

Повинуясь слѣпому честолюбію затмить славу своихъ великихъ предшественниковъ, онъ предлагалъ эллиптическія орбиты Кеплера перемѣнить на другую кривую, называя ее *кассиниоидомъ*. Скульпторъ, сдѣлавшій его статую, которая украшаетъ амфитеатръ Парижской абсерваторіи, весьма не кстати начертилъ эту линію на картонѣ, вложенномъ въ руку Кассини. Но остановимся: заблужденія Кассини давно уже забыты, а труды его, слава Парижской академіи наукъ, навсегда останутся незабвенными.

(Продолженіе впрѣдъ).

НОВЫЯ КНИГИ,

ИЗДАНЫЯ ВЪ РОССІИ.

Обозрѣніе успѣховъ сельскаго хозяйства въ Россіи, съ историческимъ наложеніемъ правительственныхъ мѣръ по улучшенію хозяйства. Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи Императорскаго университета св. Владимира, 9 іюня 1855 года, ординарнымъ профессоромъ *Ходяцкимъ*. Кіевъ, 1856 г. 212 стр. in 8.

Ученый авторъ избралъ предметомъ своего разсужденія вопросъ: дѣлаетъ ли успѣхи сельское хозяйство въ нашемъ отечествѣ? Этотъ вопросъ обращалъ уже на себя вниманіе нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ; а именно: въ 1842 г., въ Журналѣ министерства внутреннихъ дѣлъ помѣщена весьма добросовѣстно составленная статья, подъ заглавіемъ: «Историческое обозрѣніе правительственныхъ мѣръ по части земледѣлія отъ древнѣйшихъ временъ до учрежденія министерства государственныхъ имуществъ»; въ 1855 году, на актѣ Ришельевскаго лицея, адъюнктомъ Максимовымъ произнесена рѣчь: «О земледѣліи въ отношеніи къ государству и о мѣрахъ, принятыхъ въ Россіи къ введенію рациональности въ сельскомъ хозяйствѣ» (см. Годичный актъ Ришельевскаго лицея. 28 Августа 1855 г.); кромѣ того многія изслѣдованія посвящены разсмотрѣнію отдѣльныхъ вопросовъ сельскаго хозяйства, — что съ одной стороны даетъ возможность приступить къ первому опыту представленія полной исторіи сельскаго хозяйства въ Россіи, а съ другой — дозволяетъ при разборѣ подобной исторіи желать и относительно уже совершенства.

Часть XCII. Отд. VI.

10

Прослѣдимъ вкратцѣ содержаніе рѣчи ученаго профессора. Авторъ излагаетъ сперва состояніе, въ которомъ находилось у насъ сельское хозяйство до того времени, какъ начались въ немъ замѣтныя улучшения; потомъ исчисляетъ главнѣйшія мѣры правительства, предпринятія къ развитію и усовершенствованію у насъ сельско-хозяйственной промышленности; указываетъ всѣ наиболѣе замѣчательныя улучшения и нововведенія, успѣвшія уже достаточно укорениться въ различныхъ отрасляхъ нашего хозяйства; наконецъ предлагаетъ нѣкоторыя соображенія о томъ: чего, по всей вѣроятности, можно еще въ скоромъ времени ожидать отъ тѣхъ энергическихъ усилій, которыя съ одной стороны предпринимаются правительствомъ, а съ другой — быстро развивающеюся дѣятельностію въ сословіи болѣе достаточномъ и образованномъ нашихъ сельскихъ хозяевъ.

Въ первой части своего труда авторъ излагаетъ состояніе сельскаго хозяйства до Петра Великаго. Въ этомъ краткомъ очеркѣ нѣтъ ничего новаго, и на нѣкоторые предметы не обращено должнаго вниманія: напримѣръ авторъ говоритъ, что до Петра Великаго сельское хозяйство въ Россіи находилось повсемѣстно въ состояніи совершенно первобытномъ и было поставлено въ полную зависимость отъ всѣхъ неблагопріятныхъ вліяній природы, и такъ какъ оно въ прежнія времена удовлетворяло ограниченнымъ потребностямъ неразвитаго еще народа, голодъ же считался несчастіемъ, независѣвшимъ отъ предусмотрительности и усилій человѣческихъ, то на развитіе и усовершенствованіе хозяйства у насъ не обращалось прежде никакого вниманія: до времени Петра Великаго мы не находимъ никакихъ правительственныхъ постановленій, которыя ниѣли бы цѣлю поощреніе сельскаго хозяйства (стр. 19). Дѣйствительно, періодъ до Петра Великаго представляетъ намъ отсутствіе положительныхъ, общихъ полицейскихъ мѣръ относительно сельскаго хозяйства; но и въ это время мы встрѣчаемъ нѣкоторыя распоряженія правительства, которыя по-крайней-мѣрѣ отрицательно способствовали дѣлу сельскаго хозяйства, уничтожая различныя постановленія, препятствовавшія его развитію, — и тѣмъ открывали возможность къ дѣйствованію положительными мѣрами для дальнѣйшаго усовершенствованія народной промыш-

шенности. Что же касается особенныхъ мѣръ для содѣйствія успѣхамъ различныхъ отраслей сельскаго хозяйства, то до Петра Великаго известны нѣкоторыя постановленія, обличающія уже положительныя заботы правительства о ихъ развитіи, какъ это съ достаточною полнотою изложено въ вышеуказанныхъ сочиненіяхъ.

Вторая часть разсужденія г. Ходецкаго заключаетъ въ себѣ перечень главныхъ дѣйствій правительства и наиболѣе замѣчательныхъ изъ общепользовныхъ предпріятій частныхъ лицъ по улучшенію сельскаго хозяйства. Здѣсь въ хронологическомъ порядкѣ изложены главнѣйшія мѣры, принятыя въ царствованіе Петра Великаго, Екатерины Великой, Императоровъ Павла, Александра I и Николая I. Въ каждомъ изъ этихъ царствованій авторъ разсматриваетъ сперва общія мѣры (хотя не всегда съ надлежащею полнотою; напр. оставлена безъ вниманія важная мѣра, принятая Екатериною Великою, — установленіе земледѣльческаго кредита посредствомъ учрежденія государственнаго заемнаго банка), затѣмъ мѣры частныя, для развитія отдельныхъ отраслей сельскаго хозяйства, и наконецъ указываетъ на дѣятельность обществъ и частныхъ лицъ. Здѣсь представлены свѣдѣнія, болѣею частію уже знакомыя намъ изъ указанныхъ сочиненій; но авторъ разсматриваетъ эти данныя отчетливо и съ собственной, критической точки зрѣнія: не смотря на объемъ разсужденія, г. Ходецкій не ограничивается въ этомъ отдѣлѣ простымъ перечисленіемъ правительственныхъ постановленій, но дѣлаетъ нѣкоторыя указанія на ихъ важность, примѣненіе и на ту степень вліянія, которую онѣ имѣли на развитіе народнои промышленности. Представленныя здѣсь мѣры правительства и труды, предпріятыя обществами и частными лицами, служатъ доказательствомъ, что въ настоящее время сознается важность сельскаго хозяйства, и что потому оно должно подвинуться впередъ.

Результатъ этой дѣятельности правительства и частныхъ лицъ представленъ авторомъ въ третьемъ отдѣлѣ его труда. Здѣсь онъ разсматриваетъ успѣха, сдѣланныя сельскимъ хозяйствомъ въ Россіи, съ двухъ сторонъ: со стороны его объема и со стороны технической. Въ первомъ отношеніи — говоритъ авторъ — оно

сдѣлало большіе успѣхи: но что касается до технической стороны хозяйства, до той именно стороны въ которой наиболѣе проявляется торжество ума человѣческаго надъ грубою природою, и развитіе которой называется въ собственномъ смыслѣ усовершенствованіемъ хозяйства, то, въ великому сожалѣнію, мы не можемъ еще сказать того же самаго (стр. 126). Изъ всѣхъ отраслей хозяйства наибольшее распространеніе получило у насъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Ходецкий, земледѣліе. Рассматривая настоящее состояніе его въ Россіи, авторъ говоритъ сперва о системахъ земледѣльческихъ въ разныхъ частяхъ нашего отечества, затѣмъ рассматриваетъ землевладѣвательныя орудія, искусство удобренія земли, способы разведенія хозяйственныхъ растений на поляхъ, посѣвъ и уходъ за полевыми растеніями, жатву, уборку и дальнѣйшія дѣйствія съ полевыми продуктами и наконецъ улучшенія по части полеводства. Этотъ прекрасный очеркъ, представленный г. Ходецкимъ, показываетъ, что наше сельское хозяйство сдѣлало важный шагъ впередъ: но въ то же время авторъ приводитъ насъ къ тому заключенію, что улучшенія далеко не повсемѣстны, а встрѣчаются только въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ и мѣстностяхъ, преимущественно у помещиковъ; что же касается до главной массы нашихъ хозяйствъ, то часть эта остается почти въ прежнемъ видѣ: тотъ же безпечный посѣвъ, то же отсутствіе всякаго ухода за полевыми растеніями, та же труженническая жатва серпомъ, ручная золотба цѣпами, безпрестанно воспламеняющіеся овяны, неравсчитливое обращеніе съ хлѣбомъ и т. п. (стр. 117). Затѣмъ авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію продуктовъ земледѣлія. Здѣсь находимъ удовлетворительное изложеніе разныхъ сортовъ употребляемыхъ въ Россіи колосовыхъ и широколиственныхъ хлѣбовъ, корнеплодныхъ и фабричныхъ растений, кормовыхъ травъ, съ указаніемъ мѣстностей, гдѣ эти продукты разводятся, степени распространенія ихъ въ нашемъ хозяйствѣ, лицъ, ознаменовавшихъ себя на этомъ поприщѣ, и т. п. Главнѣйшимъ предметомъ земледѣлія, какъ видно отсюда, до-сихъ-поръ остаются у насъ колосовые хлѣба: хлѣба широколиственные принадлежатъ еще къ предметамъ второстепеннымъ; корнеплодыя растенія, хотя составляютъ весьма важное нововведеніе, однакожь далеко не

достигли главнѣйшаго своего назначенія — служить однимъ изъ основаній скотоводства, доставляя ему кормъ. Разведеніе растеній фабричныхъ вообще не можетъ еще быть у насъ въ настоящее время занятіемъ слишкомъ распространеннымъ, по недостатку рабочихъ рукъ, которыхъ въ большемъ числѣ требуетъ подобное занятіе. Слѣдовательно, при обширномъ распространеніи своемъ, земледѣліе принадлежитъ у насъ къ числу тѣхъ отраслей хозяйства, которыя въ общей массѣ наименѣе подверглись улучшенію съ технической стороны. Послѣ такого мастерски составленнаго очерка нашего земледѣлія, авторъ обращается къ скотоводству, и здѣсь также показываетъ, что въ общей массѣ нашихъ хозяйствъ отрасль эта остается въ прежнемъ своемъ неравномѣрномъ состояніи; но что есть и въ ней много важныхъ улучшеній и нововведеній, замѣчаемыхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Имперіи, въ отдѣльныхъ хозяйствахъ и въ разныхъ специальныхъ предметахъ, относящихся къ этой отрасли. Авторъ не оставляетъ безъ вниманія и другія части сельскаго хозяйства, — и рассматриваетъ съ тою же основательностію, хотя кратче, садоводство, огородничество, винодѣліе, шелководство, лѣсоводство, заводскую промышленность и сельско-хозяйственное управленіе.

Наконецъ изъ всего сказаннаго авторъ приходитъ къ тому справедливому заключенію, что наше сельское хозяйство приведено теперь именно къ такому положенію, отъ котораго должны начаться въ немъ самыя быстрыя и наиболѣе важныя усовершенствованія. Такое заключеніе ученаго профессора, равно какъ и всю его поучительную рѣчь, мы считаемъ подаркомъ нашей, еще не слишкомъ богатой литературѣ по части исторіи сельскаго хозяйства.

Д. Ш.

Наслѣдованія объ инородцахъ Казанской губерніи. Сочиненіе В. А. Сбоева. Казань, 1856 г. 188 стр. in 8°. — О бытѣ крестьянъ въ Казанской губерніи. Сочиненіе В. А. Сбоева. Казань, 1856 г. 36 стр. in 8°.

Заглавія вышеозначенныхъ нами книгъ вовсе не соотвѣтствуютъ ихъ содержанію. Прочитавъ обертку перваго сочиненія
Часть XCII. Отд. VI.

г. Сбоева, мы вправѣ были ожидать, что авторъ обниметь со всѣхъ сторонъ жизнь различными племенъ, населяющихъ Казанскую губернію, сдѣлаеть историческій очеркъ какъ ихъ внутренняго быта, такъ и тѣхъ мѣръ, которыя принимало отъ времени-до-времени правительство въ отношеніи къ нимъ, и наконецъ, доведя свои изслѣдованія до настоящаго времени, систематически раскроеть современное состояніе инородцевъ. Но разсматриваемое нами сочиненіе вовсе не имѣеть такого обширнаго плана: оно заключаетъ въ себѣ замѣтки не о всѣхъ инородцахъ Казанской губерніи, а только о Чувашихъ, наложенныя въ форѣ писемъ къ редактору Казанскихъ губернскихъ вѣдомостей. Эти письма о Чувашихъ, выписанныя, по словамъ автора, изъ его дорожнаго журнала, «гдѣ впечатлѣнія, быстро схваченныя, также быстро и записывались», были собраны книгопродавцемъ Дубровиннымъ и изданы подъ громкимъ названіемъ изслѣдованій объ инородцахъ Казанской губерніи.

Изслѣдованія состоятъ изъ 13-ти писемъ (хотя послѣднее письмо названо 14-мъ), содержаніе которыхъ болѣею частію взято изъ личныхъ наблюденій автора. Въ первомъ письмѣ изложены замѣчанія г. Сбоева о нравственности Чувашей; во второмъ говорится о постройкѣ Чувашскихъ селъ и о лицѣ Чувашей; третье и четвертое письмо посвящены описанію Чувашскихъ праздниковъ: здѣсь описаны обряды, которыми сопровождаются у Чувашей брачныя торжества, и обрядъ ислевія объ урожаѣ. Письма 5—9 говорятъ о мнѣологіи Чувашей; десятое— о Чувашскихъ поминкахъ; одиннадцатое— о Чувашскихъ пѣсняхъ; двѣнадцатаго письма вовсе нѣтъ; въ тринадцатомъ находимъ филологическія замѣчанія о Чувашскомъ языкѣ, гдѣ авторъ доказываетъ, что этотъ языкъ есть Тюркское нарѣчіе, и наконецъ въ четырнадцатомъ письмѣ г. Сбоевъ говоритъ о тождествѣ Чувашей съ Буртасами, жившими въ X вѣкѣ на берегахъ Волги.

Изъ этого содержанія книги г. Сбоева видимъ, что она совершенно лишена системы и составляетъ не болѣе, какъ замѣчанія путешественника, посѣтившаго землю Чувашей, и личные его впечатлѣнія, за исключеніемъ письма 6-го, въ которомъ авторъ старается подвергнуть критикѣ замѣтки отечественныхъ писателей о Чувашихъ. Вѣроятно, и самъ г. Сбоевъ не имѣлъ на

нѣренія придать какое-либо ученое значеніе своимъ письмамъ; иначе онъ не сталъ бы употреблять такихъ выраженій, какія не должны имѣть мѣста въ сочиненіяхъ серьезнаго содержанія, напр. стр. 30.

Впрочемъ, книга г. Сбоева не лишена своей доли интереса, какъ всякій этнографическій очеркъ племени, быть котораго еще недостаточно изслѣдованъ; особенно достойны вниманія письма 7, 8 и 9-е, гдѣ говорится о древней религіи Чувашей; эти свѣдѣнія почерпнуты авторомъ изъ статьи: «о Чувашахъ», помѣщенной въ Сѣверномъ Архивѣ за 1827 годъ, и изъ нѣрова-ннй теперешнихъ окрещенныхъ Чувашей. Въ заключеніе замѣтимъ, что въ книгѣ часто попадаются опечатки и грамматическія ошибки, — что немало вредитъ ея достоинству.

Что касается до втораго сочиненія г. Сбоева, то и оно не совершенно соотвѣтствуетъ своему заглавію, и во самой краткости сообщаемыхъ въ немъ свѣдѣній, основанныхъ единственно на личнѣхъ наблюденіяхъ автора, составляетъ незначительное пріобрѣтеніе нашей литературы. Развѣ можно описать на 36-ти страницахъ быть крестьянъ такой губерніи, какова Казанская, населенная, кромѣ Русскихъ, Татарами, Чувашиами, Черемисами, Мордвою, Вотьяками и Цыганами? Авторъ въ своей брошюркѣ ограничился нѣкоторыми статистическими замѣтками о территоріи Казанской губерніи, затѣмъ сказыль нѣсколько общихъ словъ о различныхъ племенахъ, населяющихъ эту губернію, далѣе перечисляль заводы, съ указаніемъ именъ нѣкоторыхъ владельцевъ, и количество дохода, ими получаемого, наконецъ коснулся просвѣщенія и нравственности (о послѣдней сказано всего пять строкъ), — и тѣмъ заключилъ свое изслѣдованіе «о бытій крестьянъ въ Казанской губерніи».

Д. Ш.

Новые разговоры на Россійскомъ, Французскомъ, Турецкомъ и Татарскомъ языкахъ съ Русскимъ прованшеніемъ двухъ послѣднихъ, раздѣленные на 130 частей, для употребленія юношеству и всѣмъ начинающимъ учиться восточными языками. Изданы исправляющимъ должность перевод-

чика восточныхъ языковъ при генеральномъ штабѣ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса и при дипломатической канцеляріи на-мѣстника Кавказскаго, майоромъ *Г. А. Циллоссами*. Тифлисъ, 1856.

Между учебниками разговоры занимаютъ едва-ли не послѣднее мѣсто, и однакожь составленіе ихъ представляетъ не мало затрудненій, на которыя до-сихъ-поръ болышею частію не обращали вниманія сочинители разговоровъ. Прежде всего можно упрекнуть ихъ въ томъ, что каждый авторъ старается помѣстить какъ можно болѣе предметовъ въ свои бесѣды; но какъ никакіе разговоры, хотя бы они равнялись величиной настоящей книгѣ г. Циллоссами, не могутъ объять всего, о чемъ приходится говорить, и притомъ, нерѣдко, разятому челоуѣку: то предположеніе составителя разговоровъ и остается всегда невыполненнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ есть возможность умѣстить въ одну книжку бесѣду различныхъ сословіи общества и притомъ о различныхъ предметахъ? То, что необходимо одному, часто оказывается лишнимъ для другаго, и такимъ образомъ составитель разговоровъ, желая удовлетворить всѣмъ требованіямъ, собственно не успѣваетъ угодить ни одному. Въ этихъ случаяхъ, лучше ограничиться какою-нибудь одною цѣлюю, а не гнаться за многими зайцами: въ образецъ мы можемъ указать на пре-восходные Турецкіе разговоры, составленныя, тридцать лѣтъ тому назадъ, для Русскихъ воиновъ, *О. Н. Севковскимъ*, лучше которыхъ еще не произвела и доселѣ наша наука. Во-вторыхъ, предлагая разговоры на какомъ-нибудь языкѣ, авторы часто не обращаютъ вниманія ни на логику языка, на которомъ учать объясняться, ни на складъ народа, языку котораго они учать: вслѣдствіе такого невниманія, составители разговоровъ вводятъ непонятныя слова и идеи въ рѣчь изучаемаго языка, заставляютъ его говорить о томъ, о чемъ онъ не имѣлъ еще случая выразиться ни разу, или, что еще хуже, заставляютъ выражаться и о знакомыхъ предметахъ иностранными, чуждыми выраженіями. Языкъ выходитъ въ этихъ бесѣдахъ иной разъ и правильнѣй, но нисколько не живой.

Новые разговоры г. Циллоссами грѣшатъ противъ обомъ этихъ положеній, въ особенности противъ послѣдняго. Въ не-

полнотѣ ихъ можно менѣе упрекнуть, нежели наприм. Турецкіе разговоры г. Мсеріанца: здѣсь 130 бесѣдъ на 607 большихъ страницахъ, но все-же авторъ не могъ обо всемъ переговорить. Продолжая знакомство съ книгою, вы видите, что г. Цилюссани предположилъ бесѣдовать на Турецкомъ и Татарскомъ языкахъ, и эта цѣль выбрана авторомъ не совсѣмъ удачно: потому-что, не смотря на родство языковъ, способъ выраженія ихъ довольно различенъ, такъ что вѣтъ возможности соединить въ одной рѣчи, какъ хочетъ этого г. Цилюссани, выраженіе Турецкое и Татарское. Неравномѣрная степень развитія національностей отражается и на языкѣ.

Но, предлагая разговоры на Турецкомъ и Татарскомъ языкахъ, слѣдовало бы объяснить если не въ заглавіи, то по-крайней-мѣрѣ въ предисловіи, на какомъ именно нарѣчій хочетъ бесѣдовать авторъ. Г. Цилюссани этого нигдѣ не указалъ, и только зваякомый съ Турецкими нарѣчійми можетъ опредѣлить, что г. Цилюссани составилъ разговоры для Османскаго и Азербайджанскаго діалектовъ. Впрочемъ, и это предположеніе авторъ выполнилъ не совсѣмъ удовлетворительно: Османское нарѣчіе мы находимъ здѣсь не Стамбульское, какъ можно было бы ожидать, а смѣсь Стамбульскаго съ Мало-Азійскимъ; въ Азербайджанскихъ же разговорахъ мы находимъ черезчуръ много Персидскихъ словъ, вмѣсто соответственныхъ Турецкихъ. Собственно говоря, г. Цилюссани взялъ Французскія фразы, которыя у него и правильны и вѣрны, перевелъ ихъ довольно вѣрно на Азербайджанское нарѣчіе, не совсѣмъ хорошо на Турецкую смѣсь, довольно плохо на Русскій языкъ и переписалъ Турецкія слова Русскими буквами во множествѣ случаевъ неправильно, не потому, что не доставало буквъ для переписа, а потому, что Турецкое произношеніе г. Цилюссани невѣрно и рѣчь его невязка. Мы нисколько не сомнѣваемся въ отличныхъ практическихъ позваніяхъ г. Цилюссани, но для теоретическаго овладѣнія языкомъ этого недостаточно: посему авторъ и сдѣлалъ нѣсколько ошибокъ даже въ самомъ Турецкомъ заглавіи книги, изъ которыхъ мы укажемъ лишь на главную: у него совершенно не по-Турецки имя сочинителя стоитъ отдѣльною фразою, тогда какъ слѣдовало все за-

главіе заключать словами: «маюръ юсуфъ силусаниденъ тешивъ олунишдыръ».

Бивзальный переводъ Французскихъ фразъ на Турецкій и Русскій языки, безъ должнаго вниманія къ духу этихъ послѣднихъ, весьма не рѣдокъ въ разбираемой книгѣ, но мы ограничимся лишь слѣдующими примѣрами:

Стр. 8 и 9: *Jusqu'au plaisir de vous revoir*, до удовольственнаго свиданія, ина сивинла хошджа горипинджилекъ.

Стр. 104 — 105. *Le soleil commence à le (le brouillard) dissiper*, его разбиваетъ солнце, гунешъ ттуманы гкадиріоръ.

Стр. 126—127. *Le printemps va bientôt rejoindre la nature*, весна скоро ободритъ природу, багаръ Анкарыбъ ттабыаты шенляндыреджакуръ (въ послѣднемъ словѣ Турецкаго подлинника сдѣлано двѣ ошибки).

Стр. 428 — 429. *C'est donc un riche parti*, поэтому богатая была свадьба, бойлэ нсѣ дугунлари венгивъ ван.

Мы сказали, что Турецкій языкъ въ разговорахъ г. Цилосави не совсѣмъ хорошъ и что произношеніе невѣрно: въ доказательство приведемъ слѣдующіе случаи. Авторъ почти постоянно употребляетъ для Турецкаго Азербайджанское мѣстоименіе *ош*, самъ, свой, вмѣсто *келду*, прилагательное нарѣчіе *лхим*, хорошій, хорошо, вмѣсто *эйи*; говоритъ *икылэ*, обращаясь къ дѣвкѣ, считаетъ звяки *тешидиб* и *замме* за одно и то же; произноситъ *юджэ* (стр. 323) вм. *юджэ*, *анлормисизэ* (стр. 323), *дариманэ* (стр. 369), *нерелэ идиорсиллизэ* (стр. 7), *кельбданэ илюрумэ* (стр. 11), ставитъ *саххатэ* и *хаста*, не употребляя совсѣмъ *кейфэ* и *кейфсизэ*; составляетъ такіа Турецкіа фразы: *белэ халисэ эдеримки* (стр. 321), *лисанэ узра сойлешмекэ* (тамъ-же), *бу икадарэ стерэ* (стр. 323) и пишетъ *юрдинмданэ* (стр. 15 и 17) съ *закляк*. Опечатокъ и недосмотровъ въ книгѣ также очень много; наприм. по-Турецки напечатано *сурмекэ*, а по-Русски переписано *суалэ атмекэ* (стр. 15), пропущено въ переписи слово *каюте* (стр. 533), и проч. Съ буквой *дзадэ*, которая по-Турецки выговаривается какъ *з* (усиленное), авторъ даже не могъ сладить: предположилъ, не звыѣстно почему, переписывать ее двумя *д*, а между тѣмъ вездѣ пишетъ *эйдимки*.

Не смотря на сдѣланныя нами замѣчанія, книга г. Цилос-

самъ имѣть большое достоинство, безъ чего мы даже и не при-
ялись бы разбирать ее подробно: она вѣрно знакомитъ со мно-
жествомъ словъ, оборотовъ и фразъ, которые не найдутся ни въ
какомъ лексиконѣ и даже не всѣ могутъ быть добыты изъ прак-
тики; особенно она полезна будетъ занимающимся Азербайджан-
скимъ нарѣчіемъ. Весьма желательно, чтобъ авторъ пересмотрѣлъ
и исправилъ при второмъ изданіи замѣченные недостатки, кото-
рые устранить не очень трудно.

И. ВРИНЪ.

ОБОЗРѢНІЕ

РУССКИХЪ ГАЗЕТЪ И ЖУРНАЛОВЪ

ЗА ВТОРОЕ ТРЕХМѢСЯЧІЕ 1856 ГОДА.

I. Богословіе.

Изъ писаній св. отцевъ и учителей церкви напечатаны слѣдующія сочиненія: блаж. Феодорита, епископа Кирскаго, *Толкованіе на 37—69 псалмы* (Твор. св. отц. въ Русск. цер. кн. 2); *Изъясненіе Апостола, читаемаго въ недѣлю 2-ю по пятидесятницѣ* (Воскр. Чт. № 10); Св. Іоанна Златоустаго: *Бесѣды на евангеліе св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова, 80—86-я* (Христ. Чт. авр., май, іюнь); *Слово на святую пасху* (Воскр. Чт. № 1); *Изъясненіе евангелія, читаемаго въ недѣлю св. апостола Θомы* (ibid. № 2); *Выписка изъ бесѣды на вознесеніе Господне* (ibid. № 7); *Выписка изъ бесѣды въ недѣлю 2-ю по пятидесятницѣ* (ibid. № 8); блаж. Симеона Θεσσαλονикійскаго, *Разговоры о святыхъ священнодѣтеляхъ и таинствахъ церковныхъ* (ibid.); *Новооткрытое письмо св. Тихона Воронежскаго* (ibid. іюнь); блаж. Теофилакта, архіепископа Болгарскаго, *Толкованіе на св. евангеліе отъ Матвея* (Правосл. собесѣди. кн. 2); препод. Іосифа, игумена Волоцкаго, *Просвѣтитель или обличеніе ереси жидовствующиыхъ* (ibid.); св. Иринея, епископа Ліонскаго, *О всемогуществѣ Божіемъ, какъ одному изъ перемъ основаній нашей вѣры въ будущее воскресеніе тѣлъ нашихъ* (Воскр. Чт. № 3); *О причастіи св. духа, получаемомъ вѣрующими, какъ началу вѣчной жизни въ нихъ и залогъ будущаго воскресенія плоти ихъ* (ibid. № 5); блаж. Іеронима, *О святыхъ апостолахъ Петръ и Павлъ* (ibid. № 11).

— Церковное краснорѣчіе приобрѣло слѣдующія сочиненія: высокопреосвящ. Филарета, митрополита Московскаго: *Бесѣда предъ обѣдомъ сердобольныхъ вдовъ, въ Маріинской церкви Императорскаго вдовья дома; Бесѣда предъ благодарственнымъ молебствіемъ о заключеніи мира; Бесѣда въ третій день пасхи и въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича; Бесѣда къ братіямъ селтаго грама Селтаго Николая, члѣ въ Рогожскомъ (Приб. къ Тв. св. отц. въ Русск. пер. кн. 2); высокопреосв. Пиннокентія, архіепископа Херсонскаго и Таврическаго, Слово по случаю возращенія изъ Одессы въ селеніе Касперовку чудотворнаго образа Богоматери Касперовской (Одесск. Вѣстн. N° 57); преосвящ. Елимофора, епископа Вятскаго и Слободскаго: Слово въ сѣлтой и великій пяттокъ (Христ. Чт. апр.); его же Слово въ недѣлю всѣхъ святыхъ (ibid. іюнь); преосв. Анатолія, архіепископа Могилевскаго и Мстиславскаго, Слово въ недѣлю святыхъ женъ мироносицъ (Воскр. Чт. 3); его же Слово въ недѣлю всѣхъ святыхъ (ibid. N° 9); преосв. Платона, архіепископа Рижскаго и Митавскаго, Рѣчь Благочестивѣйшу Государю Императору Александру Николаевичу, сказанное при вступленіи Его Величества въ Рижскій кафедральный соборъ (Сѣв. Пч. N° 127); священника Симеона Кучеровскаго, Рѣчь, сказанная въ кругу войска Черноморскаго, при освященіи Георгіевскихъ знаменъ, пожалованныхъ Государемъ Императоромъ Александромъ II Черноморскаго казачьяго войска № № 2 и 4-му пѣшимъ батальонамъ, за примѣрное отличіе при оборонѣ Севастополя (ibid. N° 82); священника Матвѣя Муретова, Рѣчь послѣ благодарственнаго молебствія, совершеннаго при роспускѣ 1-й С. Петербургской дружины государственнаго ополченія (ibid. N° 113); Слово въ недѣлю православія (Христ. Чт. апр.); Слово въ недѣлю вай и въ день торжества о рожденіи Великаго Князя Александра Владиміровича (Воскр. Чт. N° 4); Слово во вторникъ св. пасхи и въ день рожденія Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича (ibid. N° 6); Слово въ день вознесенія Господня (ibid. N° 7); Слово въ день тезоименитства Благочестивѣйшей Государыни Императрицы Александры Феодоровны (ibid. N° 8); Слово въ недѣлю 3-ю по пятидесятницѣ (ibid. N° 11).*

— Бесѣда предъ благодарственнымъ молебствіемъ о заключеніи мира. — Первая часть этой бесѣды посвящена воспоминанію ряда событій, совершившихся въ течение минувшей войны, — событій то печальныхъ и тяжелыхъ, то отрадныхъ и утѣшительныхъ для каждаго Русскаго. Во второй части бесѣды предложены нравственные наставленія, которыми вѣнтія призываетъ воспользоваться, какъ плодами заключеннаго мира. Благословимъ Бога—говоритъ онъ— научающую руку наша на околѣніе, видѣвъ, какъ поселене и мирные граждане внезапно превратились въ ратниковъ околченія, и ратовали наравнѣ съ воинами обученными и испытанными. Благословимъ Бога избавителя, слышавъ, какъ на востокѣ наши воины моря, на немвогихъ корабляхъ, сквозъ превосходныя морскія силы враговъ безпретно пролетѣли въ отечественную пристань. Благословимъ Бога, Иже есть милость наша, возбудившаго въ сердцахъ сочувствіе къ подвигамъ и къ подвизающимся, желаніе споспѣшествовать подвигамъ, облегчать подвизающихся. Какъ охотно и обильно всюду предлагаемы были вспоможенія для войны и воиновъ! Таланты богатыхъ и лепты бѣдныхъ сыпались въ сокровищницу военную и въ сокровищницу милосердія къ раненымъ и болящимъ воинамъ и къ семействамъ ихъ. Особенно въ Царскомъ домѣ открылись источники сего милосердія; и текли, и текутъ благотворными потоками. Благословимъ Бога милостию и за то, что Онъ явилъ въ насъ и ко врагамъ нашимъ не только правду, но и милость. Они не только не имѣютъ случая упрекнуть насъ жестокостію, или разрушеніемъ и истребленіемъ, истребуемыми военною необходимостію, но не могутъ не признать нашей милости къ ихъ плѣннымъ. Вступая въ миръ, не желаемъ ниже оружіемъ слова возобновлять брань. Позволимъ только себѣ вспомнить, что и во время перемирія, когда не позволено было сражаться съ нашими воинами, нѣкоторые изъ противниковъ нашихъ продолжали сражаться съ камнями нашихъ даже мирныхъ построеній. За то и камни на нихъ прогнѣвались, и поразили, и погребли подъ собою одного изъ мудрецовъ разрушенія. Держимъ, не себя похваляя, но благодаря Бога милости, сказать, что есть на нашей сторонѣ безкровная побѣда—правдивая. Впрочемъ, если происходившая война и представляетъ на нашей сто-

ровѣ утѣшительныя видѣ, сіе не должно было располагать къ желанію, чтобъ война продолжалась. Слава Богу, что православно-христіанская Россія не была виною начатія войны; и не объявила ее, а приняла объявленную: должно было ей охранить себя, чтобы ни малѣйшею частию не пала на нее вина продолженія войны. Благодареніе Благочестивѣйшему Государю Императору, охранившему насъ отъ сего, человеколюбиво пощадившему кровь своихъ и чуждыхъ, христіански предпочетшему кроткій миръ истительной выискательности. Благословенъ Богъ, сподѣшествовавшій Ему въ семъ, Богъ глаголетъ устами Пророка: *Азъ устроившій свѣтъ, и сотворившій тьму, творящій миръ, и змѣдѣль злоя: Азъ Господь Богъ творящій сія вся* (Иса. 45, 7). Чудно и странно! Богъ благій, и самосущая благость, Самъ о себѣ свидѣтельствуешь, что онъ *сотворилъ тьму, что онъ змѣдетъ злоя*. Если Провидѣніе Божіе управляетъ и карательными силами, дѣйствующими на родъ человѣчскій: то тѣмъ несомнѣннѣе, что оно управляетъ силами благотворными. Если Богъ попускаетъ войну, тѣмъ несомнѣннѣе, что онъ *творитъ миръ*. Человѣческими ли только силами и средствами устроенъ и нынѣшній миръ? Правда, воевавшіе съ нами повесели сугубое бремя и самой войны, и бѣдствій, посланныхъ вышнейо судьбою: но они продолжали опираться на свою многочисленность; и сдѣланныя ими предъ самыми миромъ обширныя приготовленія къ войнѣ еще показывали и силу и бранилюбивую мысль. Однако миръ намъ предложенъ; и шумъ и вопли враговъ мира не могли заглушить тихаго гласа мира. Кто же и тамъ утишилъ сердца, воспламененныя къ брани? Не будемъ тупы очами ума и сердца. Узримъ надъ видимыми дѣйствозателями тайное мановеніе невидимаго Творца мира. Да мимоидеть война, Божіе наказаніе народовъ: приметь съ благодарностію миръ, какъ даръ Бога, *творящаго миръ*. Какъ же скоро признаемъ, что миръ есть даръ Божій: то съ смятѣннѣи должны мы признать и внутренно возчувствовать нашу обязанность не только достойнымъ образомъ принять, но и достойнымъ образомъ употребить сей даръ Божій. Великій даръ Божій есть талантъ, который долженъ быть употребленъ въ дѣло и въ пользу, сообразно съ намѣреніемъ Дателя. Евангельская притча учитъ, что благоупотребившіе дарованные имъ

таланты приѣмлютъ умноженіе даровъ свыше заслуги и ожиданія, а неблагоупотребившіе лишаются и того, что прежде даровано. Что скажу вамъ о благоупотребленіи мира? Посоветую ли употребить оный на возстановленіе потрясеннаго войною вещественнаго благосостоянія? Но надобно ли совѣтовать? Это присовѣтуетъ вамъ ваша нужда и польза; и принятіемъ къ исполненію сего совѣта еще не много будетъ сдѣлано, такъ какъ напротивъ это было бы отсутствіе не только духовной мудрости, но и житейскаго благоразумія, еслибы мы свободное время мира употребили на безпечность и праздность, на увеселенія и расточительность, а не на полезную дѣятельность. Потрудимся преимущественно, въ преимущественномъ обиліи, приобрести и сохранить стяжанія духовныя — Божію благодать, вѣру, правду, добродѣтель. Онѣ созиждутъ и утвердятъ нашъ миръ внутренній, и внѣшній возвысятъ и упрочатъ.

— «Бесѣда къ братіямъ святаго храма святителя Николая, что въ Рогожскомъ». — Государю Наслѣднику Цесаревичу благоугодно было, въ память посѣщенія Его Императорскимъ Высочествомъ единовѣрческой церкви Святителя Николая, что въ Рогожскомъ, и въ знакъ благоволенія Его къ новоприсоединеннымъ прихожанамъ ея, дарствовать сему храму икону святителя и чудотворца Николая, изображенную въ древнемъ характерѣ иконописанія и благолѣпно украшенную. По волѣ Его Императорскаго Высочества, она препровождена къ митрополиту Московскому, и, по полученіи имъ сего 1856 года мая 5 дня, до благовременности перенесенія по назначенію, поставлена была въ Крестовой церкви; а въ день перенесенія ношей святителя Николая перенесена была въ кафедральную церковь Чудова монастыря, и возложена на ноши святителя Алексія. Въ 13 день мая, въ день воскресный, въ 11 часу утра, дарствуемая Государемъ Цесаревичемъ икона святителя Николая принесена къ Никольской единовѣрческой церкви двумя іеромонахами въ предшествіи свѣщеносца. За нею слѣдовали митрополитъ. Единовѣрческое духовенство вышло на встрѣчу съ крестомъ и святыми иконами, окруженное прихожанами и прочимъ народомъ. Икона поставлена была среди церкви на аналогіи. Совершивъ по чину сей церкви предначинательное моли-

твословіе, митрополитъ бесѣдовалъ съ прихожанами о предметѣ настоящаго собранія, и о единствѣ церковномъ. Позволяемъ себѣ помѣстить здѣсь съ нѣкоторыми сокращеніями эту бесѣду, столь многознаменательную по своему содержанію. «Прихожу къ вамъ нынѣ—говоритъ архипастырь—братія святаго храма сего, какъ вѣстникъ и исполнитель воли Благовѣрнаго Государя Наслѣдника Престола, Цесаревича Великаго Князя Николая Александровича. Безъ сомнѣнія, съ чувствомъ утѣшенія и благодарности воспоминаете вы девятый день сентября, въ который онъ посѣтилъ сей храмъ вашъ, слушалъ здѣсь молитвословіе, и отъ усердія вашего принялъ святую икону. Въ раннихъ лѣтахъ являя себя наслѣдникомъ родительскаго и прародительскаго благочестія, онъ изъявилъ вамъ свое сорадваніе о томъ, что вы, преминувъ лѣта невѣднія, и спасительно уразумѣвъ духовную потребность благодатнаго общенія и единенія съ единою, святою, соборною и апостольскою церковію, дѣйствительно вступили съ нею въ общеніе и единеніе, въ которомъ и пребываете. Съ симъ вмѣстѣ онъ знаменательно изъявилъ свойственное просвѣщенію христіанской любви желаніе, чтобы вашему доброму примѣру послѣдовали и другіе, которые, къ сожалѣнію, не суть отъ двора единыя, святаго соборныя и апостольскія церкви. Съ того времени Благовѣрный Государь Цесаревичъ сохранилъ не только памятованіе о васъ, единовѣрные братія, и о вашемъ усердіи, но и то благовольтельное участіе, съ которымъ взиралъ на ваше единеніе со святою церковію, и съ ея священноначаліемъ, отъ святыхъ апостоловъ другъ-другопринимательно, непрерывно и законно пріявшимъ благодать тайновѣдствія. Въ ознаменованіе таковыхъ своихъ расположеній, и во всегдашнюю память своего къ вамъ благоволенія, Благовѣрный Государь дарствуетъ вашему храму святую икону святителя и чудотворца Николы, которую вы видите. Радостенъ, конечно, для васъ, братія, настоящій день и часъ; радостенъ онъ и для меня. Радуюсь о Благовѣрномъ Первенцѣ Царевомъ, который, разцвѣтая возрастомъ, разцвѣтаетъ и любовію къ православнои вѣрѣ, и любовію къ вѣрному православному народу. Радуюсь о васъ, братія, къ которымъ, по устроенію провидѣнія Божія, какъ бы въ вознагражденіе за то, что на васъ не дерзко смотрять

чуждые церковнаго единства, и свѣтлымъ взоръ, и благоволительное слово, и священный даръ исходить отъ самаго царскаго престола: потому что Благочестивый сынъ Царевъ дѣйствуетъ, конечно, въ духъ Благочестивѣйшаго Родителя. Радуюсь и о себѣ, что мнѣ данъ жребій посредствовать нынѣ въ исполненіи благодѣтельной воли Государа Цесаревича и соугѣшиться вашимъ утѣшеніемъ. Радуюсь и о томъ, что пришелъ къ вамъ, не только какъ посланный, но и какъ призванный вашимъ добрымъ изволеніемъ: ибо сіе есть новое свидѣтельство того, что ваше единеніе со святою вселенскою церковію и священноначаліемъ ея волюгѣ совершилось въ сердцахъ вашихъ. Никто да не мыслитъ видѣть раздѣленіе въ томъ, что въ церкви вашей слышатся нѣкіе особенные звуки слова, видятся нѣкоторыя особенныя подробности обрядовъ. Вы принимаете въ руководство священныя и церковныя книги въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были во дни первыхъ пяти патріарховъ Россійскихъ. Мы принимаемъ въ руководство священныя и церковныя книги въ томъ видѣ, какой онѣ получили во времена послѣдующихъ пяти патріарховъ и свѣтѣйшаго синода, въ слѣдствіе сличенія ихъ съ древними Греческими книгами, съ которыхъ онѣ переведены, и съ древними Славянскими рукописями, при чемъ реченія неясныя отъ древности замѣнены болѣе ясными, и поврежденные неискusstvenными переписчиками исправлены. Вотъ разность! Но и тѣ и другія книги прославляютъ единую пресвятую Троицу; и тѣ и другія возвѣщаютъ единую вѣру въ Господа и Бога и спаса нашего Ісѣа Хѣ; и тѣ и другія предлагаютъ для освященія нашего благодатную силу однихъ и тѣхъ же седми таинствъ и для управленія жизни нашей однихъ и тѣхъ же заповѣдей Божіихъ; и тѣ и другія утверждаются на словѣ Божіемъ, и на правлахъ апостольскихъ, соборныхъ и отеческихъ; и тѣ и другія представляютъ одинъ и тотъ же составъ церковнаго богослуженія и священныхъ обрядовъ, съ немногими и не существенными разностями въ подробностяхъ. Вотъ единство! Что-жъ? Неправильны ли оныя разности съ симъ единствомъ? Нельзя отказать въ уваженіи церковныхъ книгъ, которыя вы называете новыми: онѣ исправлены по Греческимъ и Славянскимъ рукописямъ, которыя древнѣе времени первыхъ пяти патріарховъ Россій-

скихъ. Но ваши предки усомнились въ вѣрности сего исправленія; и по уваженію къ святымъ и благочестивымъ людямъ, устроившимъ свое спасеніе по книгамъ, которыя вы называете старыми, рѣшились неуклонно держаться сихъ книгъ. И вы обыкли руководствоваться въ семь не столько наслѣдованіемъ, сколько преданіемъ отцевъ вашихъ. Еслибы ваше послѣдованіе мнѣніемъ отцевъ вашихъ доходило (какъ доходить у другихъ) до противленія святой, апостольской церкви, до отверженія святительства или священства и спасительныхъ таинствъ, или до употребленія оныхъ святотатственнаго, и потому безплоднаго и осудительнаго, то я сказалъ бы вамъ: поставьте должную мѣру вашему уваженію къ вашимъ отцамъ; *возникнотися подобаетъ Богови наче, нежели челоукоуми* (Дѣян. 5, 29); еслибы святыя равноапостольныя Ольга и Владиміръ неограниченно слѣдовали мнѣніямъ и примѣрамъ своихъ отцевъ, то они умерли бы не идолопоклонниками, а святыми и равноапостольными. Но поелки ваше послѣдованіе мнѣнію и примѣру отцевъ вашихъ не доходить до крайностей: уважаю чувство уваженія къ родителямъ, а потому и съ основаннымъ на немъ обычаемъ желаю пребыть въ мирѣ. И поелки въ церковныхъ книгахъ, преимущественно вами чтимыхъ, вижу одну и ту же, какъ и въ исправленныхъ, вѣру, таинства и церковь: то, по благословенію святыя апостольскія церкви, въ мирѣ вашей и моей совѣсти, читаю въ вашей церкви ваши церковныя книги, и исполняю принадлежащія имъ особенности священнослужебнаго чина и обрядовъ; и не обвиняю говорю: никто да не мнитъ видѣть раздѣленіе въ томъ, что въ церкви вашей слышатся нѣкіе особенныя звуки слова, видятся нѣкоторыя особенныя подробности обрядовъ. «Вспомню вамъ высшее слово о потребности благодатнаго единства, и о высотѣ, до которой оно достигать должно. Когда Христосъ Спаситель, отходя отъ міра сего, послѣднюю съ апостолами бесѣду заключилъ молитвою о новосоздаемой церкви своей: тогда всѣмъ вѣрующимъ въ него прошесть Онъ отъ Отца Своего, небеснаго единенія въ вѣрѣ и любви между собою, восходящаго до единенія съ самимъ Богомъ: *да еси едино будутъ: якоже Ты, Отче, со Мнѣ, и Азъ съ Тобою, да и тѣи съ насъ едино будутъ* (Іоан. 17, 21). Молитва единосроднаго сына Божія должна исполниться: но она исполняется и испол-

нитя только надъ тѣми, которые съ своей стороны тщатся соотвѣтствовать Его волѣ, которые съ искреннимъ сердцемъ *тщатся блюсти единеніе духа въ союзъ мира*. Потщимся, единоутѣрные братія, паче и паче утверждаться и возрастать въ единеніи вѣры и любви, да силою нашего благодатнаго единенія и бѣдственно отчужденные примечены будутъ къ спасительному церковному единству.

— Слово по случаю возвращенія изъ Одессы въ селеніе Касперовку чудотворнаго образа Богоматери Касперовской. — Почти всѣ слова и бесѣды, произнесенныя въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ высокопреосвященнымъ Иннокентіемъ, архіепископомъ Херсонскимъ и Таврическимъ, запечатлѣны воспоминаніями о недавнихъ событіяхъ, совершившихся въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ нашему наслитому архипастырю суждено было подвизаться на духовномъ поприщѣ и одушевлять воинствъ и гражданъ своимъ сильнымъ и отраднымъ словомъ. Въ свое время мы познакомили читателей съ содержаніемъ всѣхъ упомянутыхъ словъ и рѣчей высокопр. Иннокентія. Украсимъ страницы нашего журнала и послѣднимъ его словомъ, произнесеннымъ 13 мая въ Одесскомъ кафедральномъ соборѣ. «Какъ одинъ и тѣ же причины производятъ не одинаковыя дѣйствія! Новый миръ, послѣ упорной и тяжелой брани, какова была прошедшая, естественно для всѣхъ служить въ отраду и успокоеніе; служить къ тому же и для насъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ у насъ радость о мирѣ соединена съ чувствомъ ущерба и лишенія, тѣмъ чувствительнѣйшимъ, что оныя не вещественны, а духовны. Въ слѣдствіе новаго мира, мы должны разстаться съ симъ чудотворнымъ образомъ Небесной заступницы нашей, къ которому такъ привыкли и очи и сердца наши. По велику Она пришла къ намъ не навсегда, а на время только брани, дабы раздѣлять съ нами опасности: то, по прекращеніи ужасовъ военныхъ, естественно шествуетъ теперь обратно къ мѣсту своего пребыванія». «Внимательные къ путямъ Божиимъ, съ пришествіемъ во градъ нашъ лика Царицы Небесной, тогда же уразумѣли всеблагій совѣтъ Божій о насъ и градѣ нашемъ, поклонили главы свои и возвыѣли твердую надежду, что Возвращая Воевода силъ небесныхъ не всуе и безплодно посѣтила насъ, и что съ Нею градеть къ намъ безопасность и спасеніе; и уво-

ваше ихъ не посрамилось! — Туча брани, вистѣшая столько времени надъ нами, разсѣялась и исчезла, а мы остались цѣлы и невредимы: другіе, болѣе, повѣдному, удаленные отъ опасности, грады должны оплакивать разореніе своихъ жилищъ и потерю имущества; а изъ жителей нашего града, когда и удалялись нѣкоторые, то снова всегда возвращались съ миромъ въ жилища свои. Теперь, когда начинаютъ приходиться въ извѣстность замыслы противу насъ прежде бывшихъ враговъ нашихъ, мы узнаемъ съ удивленіемъ, какъ одинъ изъ военачальниковъ непріятельскихъ, воображая, что Севастополь держится такъ упорно влияніемъ и пособіемъ Одессы, неоднократно давалъ повелѣніе своему, праздностоявшему флоту, произвести нападеніе на насъ: приказаніе сіе повторяемо было четырекратно; и ни разу не пришло въ исполненіе. Почему? Кто воспитилъ это? Какой-либо явный или тайный союзникъ нашъ? — Нѣтъ, это сдѣлалъ нашъ первый тогдашній врагъ и противникъ, самъ повелитель Галловъ. Ему не менѣе Британскаго вождя нужно было паденіе Севастополя, а для сего предварительное разрушеніе Одессы; издали ему еще менѣе видно было, что Одесса нисколько не виновна въ неодолимости твердыни Крымской: и однакоже онъ, вопреки мнѣнію своего военачальника, и сдѣловатъ, вопреки собственныхъ своихъ выгодъ, удорживаеть четырекратно тѣ громы, кои, можно сказать, уже пущены были на насъ. Что удерживаеть его самого въ семь случаевъ? Безъ сомнѣнія, не сожалѣніе о насъ, а какая-либо другая мысль: но въ чемъ бы ни состояла эта мысль, — это несогласіе на счетъ судьбы града нашего повелителя Галловъ съ своимъ военачальникомъ, это оставленіе насъ въ покоѣ, когда такъ близко и такъ долго пылалъ пламень войны и мы почитались причиною его продолженія, — все это такъ неожиданно и неестественно, что невольно приводитъ къ мысли о заступленіи насъ въ семь случаевъ свыше. Какъ будто кто въ это время незвидимо стоялъ за повелителемъ Галловъ и тѣмъ или другимъ образомъ вложилъ въ сердце его рѣшимость — не разрушать Одессы, почитая то или ненужнымъ, или неудобносполнимымъ. Кто-же могъ сдѣлать это, кромѣ силы высшей? И какая изъ высшихъ силъ была на то время ближе къ намъ и граду нашему, какъ не сила пребывавшей среди насъ

Взбранной Воеводы силъ небесныхъ? Это благодѣаніе къ намъ невидимое: вотъ всеи видѣнное! Вспомните о томъ грозномъ седмодневнѣ, когда едва не вся морская сила враговъ нашихъ внезапно явилась на водахъ нашихъ, и когда многіе у насъ и не изъ малодушныхъ воображали, что наступаетъ послѣдній часъ Одессы. Смущенные страхомъ, ожидаемъ нападенія день, ожидаемъ другой, третій; не можемъ понять причины, что удерживаетъ враговъ отъ нападенія: но они стоятъ правано! продолжаютъ это непонятное бездѣйствіе цѣлую седмицу; и потомъ, выкинь же гонимые и нисколько не воспящаемые въ дѣйстви, удалятся не возвратно. Кто не дивился такому странному явленію предъ нами враговъ нашихъ? Кто не признавалъ неожиданнаго удаденія ихъ за особенную милость Божію ко граду нашему? — Но, чему могли быть обязаны мы сею милостію? Какимъ-либо добродѣтелямъ нашимъ и заслугамъ предъ Богомъ? Гдѣ онѣ? Не можемъ даже утверждать, чтобы эта милость была слѣдствіемъ нашего покаянія во грѣхахъ: ибо, увы, многаго не достаесть доселѣ къ его дѣйствительности! Одно несомнѣнно, что надъ градомъ нашимъ былъ простертъ въ это время особенный покровъ Матери Божіей, какъ свидѣтельствовало о томъ Ея Лицо чудотворныи, между нами пребывавшій. И съ снѣмъ-то священнымъ и спасительнымъ Лицомъ мы должны теперь разстаться! — Мысль не радостная, конечно, для набожнаго усердія къ Богоматери, но нисколько не могущая смутить вѣры истинной, которая, по самому существу своему, любить жить не столько въ видимомъ и осязаемомъ чувствами тѣлесными, сколько въ невидимомъ и духовномъ.

По духовной исторіи явились слѣдующія статьи: *Пренесеніе иконы святителя и чудотворца Николая въ Никольскую единоупрческую церковь, что въ Розожскомъ* (Приб. къ Та. св. отц. въ Русск. пер. кн. 2); *О св. Амфилохій, епископѣ Иконійскомъ* (ibid.); *Обътованіе и пророчества о Христѣ въ пятокнижжіи Моисеевомъ* (ibid.); *Очеркъ исторіи Александрійской церкви со времени Халкидонскаго собора* (Христ. Чт. апр., май, июнь); *Состолніе Русской церкви со времени избранія митрополита Климента до митрополита Кирилла II* (ibid. май); *Празднованіе перваго дня воскресенія Христова св. апостолами и митроносцами, и наше воспо-*

минательное празднованіе (Воскр. Чт. № 1); Историческія свидѣнія о пророкѣ *Исаи* и краткое обзорніе священной ея книги (ibid. № 5); *Св. благовѣрный Константинъ Святославичъ, князь Муромскій* (ibid. № 6); *Допросъ и кончина св. мученика Лустина-философа* (ibid. № 8); *Святый благовѣрный князь Игорь Ольмовичъ* (ibid. № 9); *Объ актахъ мученическихъ* (ibid. № 10).

— Очеркъ исторіи Александрійской церкви со времени Халкидонскаго собора. — Въ предшедшемъ обзорѣни мы изложили составъ этой обширной и замѣчательной статьи, которая нынѣ напечатана вполнѣ. Изъ этой статьи вообще видно, что исторія Александрійской церкви, отъ половины V вѣка до половины настоящаго, есть, можно сказать, исторія ея страданій, исторія постепеннаго упадка этой некогда процвѣтавшей церкви до того состоянія, въ какомъ мы находимъ ее нынѣ. Но и въ вѣдомомъ своемъ безсиліи она ясно свидѣтельствуетъ о силѣ обѣтованія Господа о несокрушимости Его святой церкви ни отъ какихъ вражнихъ заваденій. Какъ ни страдала Александрійская церковь, сколько искушеній ни претерпѣла; во она сохранилась и сохранила, чрезъ длинный рядъ вѣковъ, во всей цѣлости безцѣнный залогъ православной вѣры, врученный ей ученикомъ Господнимъ. Въ настоящее время православные Египтяне имѣютъ не болѣе семи церквей, именно: въ новомъ Каирѣ двѣ, — св. Марка, которая прежде была кафедральною патриаршею (παλατὸν πατριαρχείου, — при ней находится одинъ священникъ), и св. Николая чудотворца — ὑβου πατριαρχείου; при этой церкви живетъ патриархъ съ своею свитою, которую составляютъ: одинъ синкеллъ, четыре діакона, одинъ законоучитель (διδάσκαλος), Грекъ Никифоръ. Въ старомъ Каирѣ находится одна кладбищенская церковь во имя св. Богородицы. Въ Даміэтѣ — церковь во имя св. Николая чудотворца; при ней три священника. Въ Розетто — церковь во имя того же святаго съ однимъ священникомъ. Въ Суваѣ — церковь во имя св. великомученика Георгія съ однимъ священникомъ. Въ Александріи строится благоустроенная церковь, но для своего окончанія требуетъ еще и времени, и издержекъ. Сверхъ того, Александрійскому патриарху подчинены двѣ церкви въ сѣверной Африкѣ: одна въ Тунисѣ — во имя св. Георгія (одинъ священникъ), другая въ Триполи — также

во имя св. Георгія (съ однимъ священникомъ). Монастырей въ Египтѣ два: въ Александріи — св. Саввы, и въ старомъ Каирѣ — св. великомученика Георгія. Въ первомъ, подъ управленіемъ игумена Никифора, находятся: одинъ іеромонахъ, одинъ іеродіаконъ и четыре бѣлые священника, которые, за неимѣніемъ приходской церкви (строится), исправляютъ для православныхъ грѣбы. Другой скорѣе можно назвать богадѣльнею, чѣмъ монастыремъ: въ немъ, подъ начальствомъ архимандрита Діонисія, проживаетъ до 50 человекъ престарѣлыхъ, убогихъ и больныхъ (въ этомъ монастырѣ двѣ церкви: во имя св. Георгія и св. четырехдесяти мученикъ). Какъ ни мало въ Египтѣ православныхъ храмовъ, но они удовлетворяютъ духовнымъ нуждамъ тамошней немногочисленной паствы. Число православныхъ, постоянно и временно (по дѣламъ торговымъ) проживающихъ въ Египтѣ, не восходитъ выше 14,000. Такъ въ Александріи можно полагать приблизительно до 10 тысячъ (большую частію прѣзжающіе); въ обонхъ Каирахъ — до 250 домовъ и въ нихъ до 2,000 человекъ (Грековъ и Арабовъ); въ Даміэттѣ — до 1,000 человекъ (большую частію Арабы); въ Суэсѣ — около 40 человекъ; въ Розетто — около 100 (Арабы и Греки). Состояніе общества Яковитовъ въ настоящее время, какъ и во все прежнее, представляется въ лучшемъ видѣ, чѣмъ состояніе церкви православной. Копты теперь имѣютъ 26 монастырей: 9 въ Александріи и Нижнемъ Египтѣ, 6 въ Каирѣ и окрестностяхъ, 11 въ верхнемъ Египтѣ. Коптскихъ епископовъ въ Египтѣ въ 1844 году считалось до 13, тогда какъ православный патріархъ имѣлъ не болѣе одного епископа. Равнымъ образомъ и численность Коптовъ превосходитъ численность православныхъ: ибо первыхъ во всемъ Египтѣ считаютъ до 150,000 душъ обоого пола. Что касается до отношеній Магометанскаго правительства къ христіанамъ: то послѣдніе пользуются правомъ свободно исповѣдывать свою вѣру и, наравнѣ съ Магометанами, допускаются до высшихъ степеней управленія. Впрочемъ, не смотря на вѣротерпимость бывшаго правителя Египта, фанатизмъ народный иногда требовалъ жертвъ. Таково происшествіе, разсказанное г. Рафаловичемъ, случившееся въ мартѣ 1845 года. Народъ замучилъ епископа Копта, на котораго одинъ Арабъ донесъ, будто онъ поносилъ Магомета.

По предметамъ христіанскаго ученія явились слѣдующія статьи: *О призваніи святыхъ* (Приб. къ Твор. Св. Отц. въ Русск. пер. кн. 2); *Впра въ Господа нашего Иисуса Христа* (Христ. Чт. апр.); *Миръ съ ближними* (ibid.); *Обязанности христіанина въ отношеніи къ самому себѣ* (ibid. Іюнь); *О числѣ просфоровъ на проскомидіи по древлеписьменнымъ Соловецкимъ служебникамъ* (Правосл. Собес. кн. 2); *Радость воскресенія Христова* (Воскр. Чт. N° 2); *Сила воскресенія Христова* (ibid. N° 3); *Свѣтися, свѣтися, новый Іерусалиме, слава бо Господня на тебѣ возсія* (ibid. N° 4); *О существѣ христіанской жизни* (ibid. N° 11).

Изъ завидательныхъ размышленій укажемъ на слѣдующія: *Письмо къ отчуждившемуся отъ православія* (Приб. къ твор. Св. Отц. въ Русск. пер. кн. 2); *День святой жизни или отвѣтъ на вопросъ: какъ мнѣ жить свято?* (Правосл. Собес. кн. 2); *Благодать и премудрость Божія въ устройствѣ теплоты* (Воскр. Чт. N° 3); *Сходство и различіе между смертію духовною и телесною* (ibid.); *Поучительные уроки отъ мощей св. угодниковъ Божіихъ* (ibid. N° 5); на тексты: *Обязи съ нима, яко къ вечеру есть, и приклонилъ есть день*, Лук. 24, 29 (ibid. N° 2); *Созидая домъ свой имѣи мѣхъ чуждымъ, яко собиралъ каменіе на гробъ себѣ*, Сир. 21, 9 (ibid. N° 6); *Словеси мудрыхъ въ мѣрляхъ стануть*, Сир. 21, 28 (ibid. N° 7).

И. Г.

II. ПЕДАГОГИКА.

Къ этому отдѣлу принадлежитъ одна только статья: *Мысли по поводу статьи о воспитаніи въ Морскомъ Сборникѣ, 1856 г. Январь*. Ст. В. В. Даля (Москв. N° 2).

Дѣтская литература пріобрѣла слѣдующія статьи:

Въ Журналѣ для дѣтей: *Память родины*. Разказы (N° 5); *Аралъ-Каспійская долина* (ibid.); *Кловисъ и Риккульфъ охотники* (ibid.); *Ротшильдъ* (ibid.); *Новыишія открытія* (ibid.); *Русскіе въ 1634 году* (Изъ путешествія Олеарія) (ibid.); *Свѣтопись и живопись* (ibid.); *Архипелагъ Брега* (ibid.); *Араю* (N° 6); *Увеличительныя стекла и телескопы*. Ст. II (ibid.); *Бой съ моржами* (ibid.); *Разборъ стихотворенія Огарева: «Марія на развалинахъ Кароленъ»* (ibid.); *Физіон. Изъ Греческой міеологіи* (ibid.); *Жизнь Алжирскитъ Арабовъ* (ibid.).

Въ журналѣ: Лучи: *Весна*, Ольги П. (№ 4); *Зимовье бо-
льдакъ* (ibid. и № 6); *Завоеваніе Турками Константинополя въ
1453 г.*, Пчелкина (№ 4, 5 и 6); *Журналъ молодой дѣвицы*,
Августы Вороновой (№ 5); *Мысль Доброй Надежды*, Ольги П. (№ 6).

Въ Звѣздочкѣ: *Двоюродныя сестры* (№ 4); *О способно-
стяхъ жмяотныхъ*, Съ Нѣм. (ibid.); *Бабушкины уроки*. (ibid.).

III. ПРАВОВѢДЕНІЕ.

По этой отрасли знаній мы встрѣтили слѣдующія статьи:
Диспутъ г. магистра А. Вицына, В. Лешкова (Москва. № 4); *Связь
исторіи законодательства съ исторіей вообще и юридическія усло-
вія послѣдней*. Ст. III и послѣдняя, проф. М. М. Михайлова (Библи-
ограф. Чт. № 4); *О преслѣдованіи преступленій и проступковъ въ Англій,*
Миттермайера (Русск. Вѣстн. № 7); *Ионафанъ Брадфордъ, жертва
уголовнаго правосудія*, С. П. Баршева (ibid.); *Толки Нѣмецкихъ
газетъ о судѣ присяжныхъ* (ibid. № 10); *Обезпеченіе литератур-
ной собственности посредствомъ трактатовъ* (ibid. № 12); *Совре-
менный литературный процессъ въ Германіи*, Юрія Арнольда (Сѣв.
Ич. № 99); *Два оригинальные процесса въ Англій* (Моск. Вѣд. № 51).

— «Связь исторіи законодательства съ исторіей вообще и
юридическія условія послѣдней» (*). — Въ этой статьѣ авторъ,
показавъ, что новѣйшіе наши историки, начиная съ Карамзина,
далеко превосшли своими произведеніями прежнихъ своихъ со-
братій: потому что основывали свои изслѣдованія на изученіи
юридическихъ источниковъ, и что это замѣчаніе въ равной мѣрѣ
относится и къ иностранной исторической литературѣ, — изло-
жилъ правила, какимъ образомъ историкъ, при начертаніи исто-
ріи каждаго народа, долженъ пользоваться юридическими его
памятниками, начиная съ той эпохи, съ которой исторія этого
народа становится достовѣрною. Правила эти, изложенныя въ си-
стемѣ, извлечены авторомъ изъ законовъ постепеннаго развитія
общественной жизни народовъ, начиная съ племеннаго ихъ быта
до формъ государственной жизни.

— «О преслѣдованіи преступленій и проступковъ въ
Англій». — «Уголовное производство въ Англій основано на ва-

(*) См. Обзоръ журн. и газетъ за первое трехмѣсячіе.

часть обвинительности. Въ Шотландіи и Ирландіи обязанность преслѣдовать преступленія возложена на лица, официально для того назначенныя; но въ Англіи обиженный имѣетъ право лично или чрезъ частнаго адвоката (prosecutor) принести жалобу судѣ, предъявить обвинительный завѣтъ передъ присяжными и наконецъ вести дѣло въ уголовномъ судѣ. Нерѣдко составляются общества для преслѣдованія преступленій известнаго рода; эти общества, равно какъ и правленія торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, и муниципальныя сословія, имѣютъ своихъ частныхъ адвокатовъ, которымъ поручается возбужденіе дѣлъ уголовныхъ. Когда преступленіе учинено противъ правительства, тогда обвинителемъ становится генераль-атторней (general-attorney); въ случаѣ важнаго преступленія, наприм. убійства, свершившагося въ Лондонѣ, правительство дѣйствуетъ посредствомъ своего адвоката. Но вообще въ Англіи защита самыхъ главныхъ интересовъ общественныхъ зависитъ отъ произвола обиженной стороны, официального же обвинителя нѣтъ, посему въ Англіи много преступленій остаются безнаказанными: ибо обиженная сторона, по бѣдности и недостатку средствъ, бываетъ часто не въ состояніи начать дѣло или собрать полныя доказательства для обличенія виновныхъ. Неудобства, истекающія изъ такого порядка, обратили вниманіе многихъ юристовъ на необходимость постоянного правительственнаго надзора; объ этомъ предметѣ весьма замѣчательны мнѣнія лорда Брума и известнаго Колькуна въ превосходномъ его сочиненіи «О Лондонской полиціи». Въ 1854 году ученый юристъ Фильморъ предложилъ нижней палатѣ подробный проектъ закона объ учрежденіи официальныхъ обвинителей; палата, 17 мая 1855 г., назначила комиссію для разсмотрѣнія проекта; въ члены комиссіи избраны лица, пользовавшіяся общимъ довѣріемъ по своей опытности и специальнымъ познаніямъ; въ числѣ ихъ находятся лордъ Стодлей, Филипсъ, Фильморъ (сочинитель проекта), генераль-атторней Англіи, лордъ-адвокатъ Шотландіи и генераль-соллициторъ (general solicitor) Ирландіи. По праву, предоставленному парламентскимъ комиссіямъ, тридцать семь лицъ, свѣдущихъ въ наукѣ и практикѣ юридической, были приглашены для доставленія объясненій на вопросы комиссіи; чтобы судять о достоинствѣ этихъ лицъ, стоитъ

только назвать генераль-адвоката Англіи Кокборна; лорда-адвоката Шотландіи Монрифа; Назира, бывшаго генераль-атторнея въ Ирландіи; почетнаго верховнаго судью Камбелла; вѣутомнаго лорда Брума, оказавшаго столь много услугъ Англійскому законовѣднію; секретаря центрального уголовного суда въ Лондонѣ, которому преимущественно поручается редакція обвинительныхъ актовъ, Эллиса; рекордера въ г. Лидсѣ Престона; Гостера, Брета, частныхъ адвокатовъ, пользующихся заслуженною извѣстностію. Недавно изданная комиссіею книга содержитъ въ себѣ драгоценныя матеріалы для изученія уголовного производства въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи. Весь порядокъ Англійскаго уголовного производства рассмотрѣтъ внимательно парламентскою комиссіею; всѣ недостатки сего порядка обнаружены; сдѣланы самыя добросовѣстныя изысканія о способахъ къ усовершенствованію и указаны также нѣкоторыя неудобства новыхъ предлагаемыхъ мѣръ. Комиссія почерпнула еще любопытныя факты о системѣ оффиціального обвиненія въ Америкѣ, изъ показаній Девиса, Нью-Йоркскаго юриста. Вообще собранныя мнѣнія, замѣчательныя ясностію, знаніемъ дѣла, изученіемъ требованій уголовной практики, почти всѣ безъ исключенія выразились въ пользу учрежденія оффиціальныхъ обвинителей. Комиссія предполагаетъ докончить трудъ свой извлеченіемъ по сему предмету свѣдѣній изъ законодательства Французскаго и Германскаго.

— «Обезпеченіе литературной собственности посредствомъ трактатовъ». — По праву естественному, литературное произведеніе принадлежитъ тому, кому оно обязано своимъ существованіемъ. Слѣдовательно автору принадлежитъ право собственности на его произведеніе точно такъ, какъ ему принадлежитъ его геній, его способности, его талантъ и все, что есть произведеніе этого генія или этихъ способностей. Это право, освященное законами всѣхъ образованныхъ народовъ, до новѣйшаго времени пользовалось покровительствомъ только въ предѣлахъ той страны, къ которой принадлежалъ владѣлецъ собственности, т. е. самъ авторъ, или тотъ, кому онъ передавалъ свое право. За границею всякъ воленъ былъ перепечатать любой литературный или артистическій трудъ и продавать его по дешевой цѣнѣ въ ущербъ

законному владѣльцу. Претерпѣваемыя отъ того потери особенно чувствовались въ Германіи, гдѣ, при дробности государственныхъ территорій, при одинаковости образованія и языка, и при сильно-развитой наклонности къ чтенію, перепечатки находили себѣ разнообразныя поводы и могли рассчитывать на вѣрный и обширный сбытъ. Въ 1832 г. состоялось постановленіе Германскаго сейма, имѣвшее цѣлю обезпечить право литературной собственности въ предѣлахъ Союза, но вскорѣ оно оказалось недостаточнымъ, и только постановленіемъ 1845 г. положенъ конецъ нарушенію этого права внутри Германіи. Тогда типографіи, промышленныя до-сихъ-поръ перепечаткою Нѣмецкихъ книгъ, привалялись за хищническое воспроизведеніе наиболѣе читаемыхъ Англійскихъ и Французскихъ сочиненій. Уже въ 1846 г., жалобы Англійскихъ литераторовъ и издателей побудили тамошнее правительство заключить съ Пруссіею договоръ для обезпеченія авторской собственности, къ которому приступили потомъ Саксонское королевство и разныя другія владѣнія Германскаго союза, в который возобновленъ въ минувшемъ году (14 іюня в. с.) между Англіею съ одной стороны, и Пруссіею, Саксоніею, Саксенъ-Веймаромъ, Саксенъ-Мейнингенемъ, Саксенъ-Альтенбургомъ, Саксенъ-Кобургъ-Готою, Брауншвейгомъ, Ангальтъ-Дессау-Кетенемъ, Ангальтъ-Бернбургомъ, Шварцбургъ-Зондерсгаузенемъ и Рейсомъ старшей и младшей линіи — съ другою. Съ 1850 г. Франція также открыла рядъ подобныхъ договоровъ, во-первыхъ съ Сардиніею и Португаліею, Брауншвейгомъ, Гессенъ-Гомбургомъ, Гессенъ-Дармштадтомъ, Нассау, обѣими линіями Рейса, Веймаромъ, Шварцбургъ-Зондерсгаузенемъ Ольденбургомъ, Баденомъ и еще такъ недавно съ Саксоніею. Въ особенности важно для Французской книжной торговли было заключеніе такъ - называемой «артистической и литературной конвенціи» съ Бельгіею, которая относительно Франціи находилась по этому вопросу точно въ такомъ положеніи, въ какомъ сопредѣльныя между собою державы Германскаго союза: поводы къ перепечаткамъ были и въ томъ и въ другомъ случаѣ одинаково сильны и разнообразны. Конвенція эта заключена была предвѣрительно еще 12 августа 1852 г., но получила законную силу въ Бельгіи только 12 мая 1854 года.

IV. ПОЛИТИЧЕСКІЯ НАУКИ.

По части политическихъ наукъ въ обозрѣваемое тридцѣтилѣтіе явились слѣдующія статьи: *Подробное обозрѣніе законодательныхъ дѣйствій приказовъ общественной призрѣнія* (Журн. Мин. Вн. Дѣл № 4); *Городскіе выборы въ С. Петербургъ и отчетъ С. Петербургской общей Думы* (ibid.); *Шелководство и шелковая промышленность въ историческомъ, мануфактурномъ и правовомъ отношеніи* (ibid.); *Описаніе г. Бѣлова, Тульской губерніи, П. Мартынова* (ibid.); *Обороты главныхшихъ ярманокъ въ 1856 г.* (ibid. № 5 и 6); *Торговля съверными продуктами въ Гамбургъ* (ibid. № 4); *Привозъ хлѣбныхъ припасовъ въ Великобританію, въ 1855 г.* (ibid.); *О пользѣ устройства желѣзной дороги отъ Динабурга въ Курскую губернію* (ibid.); *Таблица цѣнъ на главныя жизненные потребности въ имперіи. По 1 іюня 1856 г.* (ibid. и № 5 и 6); *О Римско-католической церкви въ Россійской имперіи* (№ 5); *Муниципальскій округъ, Н. Шуккина* (ibid. и № 6); *О прорытіи Суэзскаго перешейка* (ibid. № 5); *Парижская компанія газовой освѣщенія и отопленія* (ibid. № 6); *Калужская губернія въ статистическомъ отношеніи ея къ земледѣлію* (ibid.); *Ильинская въ г. Полтавѣ и Кременская или контрактная въ Кіевѣ ярманки* (ibid.); *Обстоятельства хлѣбной торговли въ Маѣ сего года* (ibid.); *Англійская торговля желѣзомъ* (ibid.); *Предполагаемая постройка Московско-Коломенской желѣзной дороги* (ibid.); *Хозяйственная статистика Харьковской губерніи* (Журн. М. Г. Вн. № 4); *Отпускная торговля саломъ въ Россіи, въ теченіе послѣднихъ 10-ти лѣтъ, съ 1846 по 1856. Ст. I. О. Т.* (ibid.); *Движимый кредитъ, В. П. Безобразова* (ibid. и № 6); *Англійскія желѣзныя дороги* (ibid. № 4); *Хозяйственно-статистическое описаніе Новгородской губерніи. Ст. I.* (ibid. № 5); *О лѣсномъ богатствѣ и о выгоднѣйшемъ способѣ разработки ео. Ст. I.* (ibid. № 6); *О фабрикахъ въ Россіи, Дмитрія Засѣкаго* (Москв. № 4); *О государственномъ налогѣ, ея основаніяхъ, главныхъ видахъ и экономическихъ послѣдствіяхъ, В. Безобразова* (Библ. для Чт. № 5); *Политическое обозрѣніе* (Русск. Вѣст. № 7—12); *О вѣтшней торговлѣ, И. В. Вернадскаго* (ibid. № 8); *Историческій методъ въ политической экономіи, Н. К. Бабста* (ibid. № 9); *Конныя или паровозныя должны быть въ Россіи*

железные дороги? Д. И. Журавскаго (ibid. N° 10); *О железныхъ дорогахъ въ Россіи*, его же (ibid. N° 11); *Еще о внешней торговлѣ*, Ш. В. Вернадскаго (ibid. N° 12); *Заграничная переписка - Санкт-петербургскихъ Вѣдомостей* (С. Пб. Вѣд. N° 75, 91, 92, 95, 140, 141 и 144); *Железные дороги*, Араго (С. Пб. Вѣд. N° 81 и 82); *Какая железная дорога удобнѣе въ Южной Россіи?* Герсеванова (ibid. N° 92); *По поводу статьи г. Вернадскаго "О внешней торговлѣ"* Е. Андреева (ibid. N° 141); *Железные дороги, какъ военныя операціонныя линіи* (Русск. Инв. N° 92 и 93); *Матеріалы для хозяйственной статистики Россіи*, Н. Павлицева (Сѣв. Пч. N° 75); *Письмо Русскому фабриканту въ редакцію Сѣв. Пчелы, на замѣчаніи г. Вернадскаго* (№ 8 Русск. Вѣст.) *"О внешней торговлѣ"*, Я. П. (Сѣв. Пч. N° 111); *Отзывъ на письмо сельскаго жителя къ Русскому гражданину* (ibid. N° 138); *Благотворительныя учрежденія въ Лондонѣ* (Моск. Вѣд. N° 44 и 47); *Сочиненіе Гурро о свободной торговлѣ, въ Русскомъ переводѣ* (ibid. N° 50); *Нѣсколько словъ о ново-учрежденномъ товариществѣ Днѣпровскаго Низоваго пароходства* (ibid. N° 52); *Замѣчаніе о производствѣ предметовъ роскоши въ Англіи* (ibid. N° 55); *Отвѣтъ на статью г. Вернадскаго: "О внешней торговлѣ, помѣщенную въ Русскомъ Вѣстникѣ"*, Д. Шипова (ibid. N° 54); *О сельскомъ хозяйствѣ Курской губерніи*, Сафронова (ibid. N° 57); *Нѣсколько данныхъ о состояніи сельской промышленности въ Россіи въ послѣднемъ вѣкѣ до-Петровской Руси*, В. В. (ibid. N° 70, 72, 73, 74, 75, 77 и 78); *По поводу отвѣта г. Шипова на статью г. Вернадскаго "О внешней торговлѣ"*, Смирнова (ibid. N° 71); *Еще о внешней торговлѣ. По поводу нападокъ на статью: "О внешней торговлѣ"*, Ш. В. Вернадскаго (ibid. N° 75).

— *Отчетъ С. Петербургской общей Думы*. — *Отчетъ въ третье трехлѣтіе существованія этой Думы* представляетъ слѣдующіе результаты:

1. *Наблюденіе за правильнымъ движеніемъ городскихъ расходовъ и доходовъ.*

По годовой и дополнительной
расписанія назначено:

Дѣйствительно
состояло:

1853 г.

расходовъ 2,242,730 р. 21½ к.

2,130,838 р. 6¼ к.

доходовъ	2,242,734 р. 15 ¹ / ₄ к.	2,451,032 р. 57 к.
остатка	3 р. 93 ³ / ₄ к.	320,194 р. 50 ³ / ₄ к.
1854 г.		
расходовъ	2,158,980 р. 81 ³ / ₄ к.	2,109,590 р. 24 ¹ / ₂ к.
доходовъ	2,189,439 р. 48 ³ / ₄ к.	2,435,514 р. 32 ³ / ₄ к.
остатка	30,458 р. 67 к.	325,924 р. 8 ¹ / ₄ к.

Остатки причислены къ городскому запасному капиталу, котораго въ 1856 г. состояло 714,750 р., болѣе чѣмъ въ 1853 г. на 230,852 р. По росписи на 1856 годъ предположено: приходу: 2,092,608 р. 5¹/₂ к., расходу: 2,052,713 р. 53³/₄ к., остатка: 39,894 р. 51³/₄ к. Слѣдовательно въ общемъ итогѣ, городская казна, въ минушемъ трехлѣтіи, вынесла съ успѣхомъ тяжесть военныхъ обстоятельствъ и будущее не обременено новыми обязательствами; но въ частностяхъ городъ потерпѣлъ лишенія весьма важныя. Въ 1854 г. прекращено было пособіе отъ казны въ замѣнъ таможенныхъ сборовъ, простиравшееся въ 1853 г. на 55,845 р. Продолжительная блокада, стѣснивъ торговые и промышленные обороты, сократила доходы, отъ сихъ оборотовъ зависящіе, въ три года на 227,000 р. Такимъ образомъ надлежало пополнить дефициты, достигнувшіе до 282,000 р., не считая обыкновенныхъ недоборовъ. А между тѣмъ требовались значительные расходы на военныя надобности и на новыя строительныя и другія предположенія. Расходы, по случаю двукратнаго объявленія столицы на военномъ положеніи, въ количествѣ 140,000 р., удовлетворены изъ запаснаго капитала. Расходовъ по строительнымъ и другимъ предположеніямъ отложено до болѣе благопріятнаго времени или сокращено на 355,415 р. Съ одной стороны, допущены нѣкоторыя новыя расходы на 40,000 р., а съ другой, — нѣкоторыя статьи доходовъ превзошли смѣтныя численія. Сборъ за освѣщеніе фонарей у казенныхъ зданій возвысился отъ 700 р. до 40,000. Сборъ съ иностранцевъ за право владѣнія недвижимою собственностію увеличился отъ 3,028 р. до 6,056 р.

II. *Попеченія о пользахъ и нуждахъ общественныхъ.* Значительнѣйшія изъ дѣлъ этого рода были слѣдующія: Общая Дума, по разсмотрѣніи двухъ проектовъ: о взысканія штрафовъ

за несвоевременную подачу въ полицейскія управленія листковъ о перемѣнѣ мѣстожительства и о порядкѣ взысканія штрафовъ за немѣненіе и просрочку адресныхъ билетовъ, положила главнѣйше замѣнить, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, судебное производство разбирательствомъ полицейскимъ. Дума предположила облегчать, по случаю усиленнаго военнаго постоя въ 1854 и 1855 г., потеря домовладѣльцевъ назначеніемъ имъ изъ запаснаго капитала вознагражденія до 154,000 р. Составленъ Думою новый проектъ о порядкѣ взиманія сборовъ съ проходящихъ подъ Цевскими мостами судовъ, обѣщающій приращеніе городскихъ доходовъ до 45,000 р. въ годъ. Правительству представлены также предположенія Думы объ обложеніи клубовъ и другихъ заведеній, которымъ присвоены многіе предметы трактирнаго промысла, акцизомъ наращѣ съ кафе-ресторанами той части города, гдѣ они находятся, и объ обложеніи всѣхъ безъ изъятія торговыхъ и промышленныхъ заведеній 5% сборомъ съ наемной платы за помѣщеніе. Въ 1840 г. возникъ вопросъ о необходимости перестроить городскія скотобойни на Гутуевскомъ островѣ. Соображенія по этому предмету, оконченныя въ 1854 г., привели къ предположенію новаго сбора съ убиваемой скотины. Сборъ этотъ можетъ простираться не менѣе какъ на 80,000 р. въ годъ. Но главнѣйшъ и уже осуществившимся приращеніемъ городской казны была передача принадлежавшаго Троицкимъ казеннымъ магазинамъ капитала въ 1.251,410 р. Сверхъ этихъ данныхъ, наложенныхъ въ отчетѣ, нельзя не замѣтить также и того, что Дума обратила вниманіе на два весьма важныя предмета снабженіе Цевскою водою С. Петербурга и освѣщеніе его газомъ. Въ общей же Думѣ возникло предположеніе объ учрежденіи общества взаимнаго застрахованія домовъ въ С. Петербургѣ. Мысль эта удостоилась одобренія Государственнаго Совѣта, по мнѣнію коего предположено, съ Высочайшаго разрѣшенія, открыть сему обществу кредитъ въ государственномъ казначействѣ до 700,000 р.*

— «Обороты главнѣйшихъ ирманокъ въ 1856 году».

Привезено товаровъ:	Продано:	Иностранныхъ товаровъ:
---------------------	----------	------------------------

Въ Тюмени, Тоболь-			
ской губерніи. . . .	437.250 р.	195.100 р.	не было.

Въ селѣ Благоу- щенскомъ Шенкур- скаго уѣзда Архан. губерніи.	413,520 р.	346,070 р.	продано на 12,960 р.
Въ контрактной, въ Кіевѣ.	1,485,021 р.	776,569 р.	Бавирскихъ конторъ было 10; привезено машинаровъ на 1,325,000 р., и изъ нихъ пущено въ оборотъ 1,015,000 р.
Въ Херсонѣ.	12,448,723 .	7,883,435 .	иностранныхъ товаровъ про- дано на 346,800 р.
Въ г. Ирбитѣ, Перм- ской губерніи.	20,655,800 .	18,526,300 .	иностр. товаровъ продано: Евро- пейскихъ на 3,071,400 р. и Азиатскихъ на 2,191,700 р.
Въ г. Симбирскѣ . . .	1,782,105 .	778,292 .	иностр. товаровъ продано. Евро- пейскихъ и ко- лоніальныхъ на 346,800 р. и Азиатскихъ на 87,800.
Въ г. Ростовѣ.	1,722,599 .	1,232,599 .	иностр. товаровъ продано: Евро- пейскихъ на 44,000 р. и Azi-

Въ станицѣ Михайловской, земли Войска Донскаго	467,450 .	253,185 .	атскихъ на 433,540 р. иностр. товаровъ продано: Европейскихъ на 3,296 р. и Азиатскихъ на 11,983 р.
Въ мѣстечкѣ Любавичахъ, Оршанскаго у. Могилевской губ.	322,300 .	243,445 .	иностр. товаровъ продано: Европейскихъ на 36,440 р. и Азиатскихъ на 12,314 р.
Въ г. Котельничѣ, Вятской губерніи . .	379,603 .	267,576 .	иностр. товаровъ продано: Европейскихъ на 400 р. и Азиатскихъ на 4,470 р.
Въ с. Пупихахъ, Шуйскаго у. Владимир. г.	400,868 .	132,713 .	иностр. товаровъ продано: Европейскихъ на 4,320 р. Азиатскихъ на 4,930 р.

— «О Римско-католической церкви въ Россійской имперіи». До 1774 г. въ Россіи существовало лишь нѣсколько отдѣльных католическихъ церквей въ С. Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ. для управленія конни изданъ 12 февраля 1769 г. особый

регламентъ. Въ 1774 г., по возвращеніи Русской имперіи Бѣлоруссіи, 12 мая того же года учреждена первая, въ предѣлахъ имперіи, Римско-католическая епархія, подъ названіемъ Бѣлорусской. Черезъ 9½ лѣтъ послѣ сего, 17 ноября 1784 г., Бѣлорусское епископство возведено въ архіепископство, съ переименованіемъ въ Могилевское. Въ 1793 г., по присоединеніи къ Россіи великаго княжества Литовскаго, 6 октября того года, учреждена въ г. Вильно другая епархія, подъ названіемъ Инфляндской. Того же октября 27 состоялся Высочайшій указъ объ учрежденіи въ губерніяхъ, отъ Польши возвращенныхъ, еще двухъ епархій Пинской и Летичевской. Въ 1797 г., 26 февраля, для лучшаго устроенія духовныхъ дѣлъ Русскихъ подданныхъ Римско-католическаго исповѣданія, повелѣно учредить въ С. Петербургѣ, при юстицъ-коллегіи Литовскихъ, Эстляндскихъ и Финляндскихъ дѣлъ, подъ особымъ надзоромъ президента сей коллегіи, особый департаментъ для Римско-католическихъ юстицкихъ дѣлъ. 20 мая 1798 г. повелѣно быть въ имперіи шести Римско-католическимъ епархіямъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ архіепископу Могилевскому именоваться архіепископомъ — митрополитомъ всѣхъ Римско-католическихъ церквей въ Россіи. Дальнѣйшее устройство сего управленія послѣдовало въ 1801 г., при Императорѣ Александрѣ I. Положеніемъ 13 ноября того же года, для духовнаго и церковнаго правительства Римско-католическаго закона опредѣлены права и обязанности коллегіи, какъ высшаго правительственнаго по сей части мѣста. Наконецъ въ 1848 г., указомъ 29 ноября Императора Николая I, повелѣно, для удобнѣйшаго управленія церквами и духовенствомъ Римско-католическаго исповѣданія въ отдаленной отъ Могилева южной части Россіи и особенно для удовлетворенія духовныхъ потребностей Нѣмецкихъ колонистовъ, въ томъ краѣ и Саратовской губерніи поселенныхъ, учредить въ Херсонѣ, а впоследствии въ Тирасполѣ, епархію съ двумя суффраганами, изъ коихъ одному имѣть пребываніе въ Саратовѣ, а границы прочихъ епархій согласить съ настоящими границами западныхъ губерній. На семь основаній, составъ семи Римско-католическихъ епархій въ имперіи опредѣленъ слѣдующимъ образомъ: 1) епархія Могилевская заключаетъ въ себѣ Римско-католическія церкви и монастыри въ

губерніи Могилевской и Витебской и всѣ церкви сего исповѣданія, находящіяся въ тѣхъ частяхъ имперіи, которыя не входятъ въ составъ нижеупомянутыхъ епархій, а равно и въ великомъ княжествѣ Финляндскомъ; 2) епархія Виленская — церкви и монастыри въ губерніяхъ Виленской и Гродненской; 3) Тельшевская или Самогитская — въ губерніяхъ Ковенской и Курляндской; 4) Луцко-Житомирская — въ губерніяхъ Киевской и Волынской; 5) Минская — въ губерніи Минской; 6) Каменецкая — въ губерніи Подольской, и 7) Тираспольская — въ губерніяхъ Херсонской, Екатеринославской, Таврической, Саратовской, Ставропольской, Бессарабской области, на Кавказѣ и въ Закавказскомъ краѣ. Составъ сей донынѣ остается неизмѣннымъ. Въ этихъ семи епархіяхъ состоитъ: церквей приходскихъ 1,111, филиальныхъ — 340, каплицъ — 1,464; монастырей: мужскихъ — 47, женскихъ — 25; духовенства: бѣлаго — высшаго 79, приходскаго — 2,225; монашества — монаховъ 913, монахинь 450; прихожанъ 2,752,787.

— .Отпускная торговля саломъ въ Россіи, въ теченіе 10-ти лѣтъ, съ 1846 по 1856 годъ. — По официальнымъ свѣдѣніямъ, которыя, впрочемъ, вѣроятно нѣсколько ниже дѣйствительности, въ Европейской Россіи (безъ Финляндіи и Польши) въ 1851 г. было всего до 20 милл. головъ рогатаго скота и до 36 милл. головъ разныхъ овецъ, тогда какъ въ Европейскихъ государствахъ полагается:

	Рогатаго скота	Овецъ
въ Великобританіи	10,000,000 головъ	32,000,000 головъ
• Пруссіи	5,250,000 .	16,250,000 .
во Франціи	12,000,000 .	35,000,000 .
въ Австріи	11,500,000 .	33,750,000 .
• Швеціи и Норвегіи	1,626,000 .	1,464,000 .

Въ Россіи въ 1852 г. было 770 свѣчныхъ и мыловаренныхъ заводовъ, приготовлявшихъ всего только около 2 милл. пудовъ произведеній. Въ Англіи и Шотландіи, въ 1848 г. оплачено одного мыла болѣе 5 милл. пуд. Отпускъ сала за границу, начиная съ 1824 г. по 1834 годъ, постепенно возрасталъ, а именно: отъ 2,473,000 пудовъ въ 1824 г., онъ въ 1834 г. простирался до 4,637,000 пуд.; съ 1834 года же отпускъ этотъ, постоянно

уменьшаясь, спустился ниже 3 милл. пуд. въ 1853 г., когда запросъ на другіе главные наши продукты возрасталъ, изъ опасенія войны. Причины такого уменьшенія заключаются въ соперничествѣ, которое мы встрѣчаемъ на Англійскихъ рынкахъ отъ нѣкоторыхъ другихъ странъ, особенно южной Америки, и въ распространеніи употребленія растительныхъ маселъ, въ настоящее время замѣняющихъ сало во многихъ производствахъ, а особенно мыльномъ; къ этимъ двумъ причинамъ надобно еще присоединить третью — вздорожаніе сала въ Россіи. По среднему количеству вывоза сала за границу въ 8-лѣтній періодъ 1839 — 1846 г., страны располагались въ слѣдующемъ нисходящемъ порядкѣ:

1. Великобританія и Зундъ	89,8%
2. Франція	2,6
3. Пруссія	2,4
4. Швеція и Норвегія	1,5
5. Ганзеатическіе города	1,37
6. Австрія	0,1
7. Америка	0,01
8. Прочія мѣста	2,22
	100%

Но въ теченіе слѣдующаго за тѣмъ шестилѣтняго періода 1848 — 1853 г.):

1. Великобританія и Зундъ	87,2%
2. Швеція и Норвегія	2,32
3. Пруссія	2,13
4. Австрія	1,6
5. Ганзеатическіе города	0,3
6. Франція	0,8
7. Америка	0,08
8. Прочія мѣста	4,57
	100%

Постепенное вздорожаніе нашего сала, начавшееся съ 1830 г., должно быть приписано увеличившейся потребности

его внутри. Между тѣмъ какъ скотоводство — и вслѣдствіе того производство сала почти нисколько не увеличились у насъ въ теченіе послѣднихъ 20-ти лѣтъ, всѣ промышленности, основанныя на разработкѣ этого продукта, сдѣлали замѣтные успѣхи; приготовленіе мыла и сальныхъ свѣчей подвинулось впередъ въ теченіе послѣднихъ 10-ти лѣтъ и потребленіе этихъ продуктовъ увеличилось; кромѣ того явились новыя промышленности, какъ напримѣръ стеариновая, котораго до 1835 г. совершенно не существовала, а въ настоящее время приобрѣла уже очень значительное развитіе. Въ послѣднія 25 лѣтъ отпускъ изъ Россіи сальныхъ издѣлій составлялъ слѣдующія количества:

		Свѣчей:				
		Мыла	сальныхъ	стеариновыхъ	Стеарина	Олеина
		пуд.	пуд.	пуд.	пуд.	пуд.
въ 1829 г.	}	8,935	53,241	.	.	.
• 1833						
• 1834	}	5,916	27,962	.	.	.
• 1838						
• 1839	}	4,533	18,540	.	(въ 1843—44 г.)	(1840 г.)
• 1843					6,000	10,000
• 1844	}	3,874	17,478	.	(въ 1845 г.)	(1845 г.)
• 1846					14,000	27,000
• 1847		1,651	23,527	1,645	13,212	9,500
• 1848		1,064	20,878	925	10,494	6,297
• 1849		1,730	27,151	882	3,947	1,858
• 1850		1,524	25,000	4,086	14,236	21,987
• 1851		1,780	12,171	6,888	6,206	10,520
• 1852		2,473	19,479	8,966	13,391	6,420
• 1853		1,714	13,844	19,039	11,823	5,664

Высокія привозныя пошлины и успѣха свѣчаго и мыльнаго производства во многихъ странахъ Европы причинили значительное уменьшеніе отпуска изъ Россіи мыла и сальныхъ свѣчей. Сравнивая средній отпускъ 1829—1833 г. съ среднимъ отпускомъ 1847—1853 г., мы видимъ, что отпускъ мыла изъ Россіи уменьшился приблизительно въ пять разъ. Вывозъ сальныхъ свѣчей, составлявшій съ 1829 по 1833 г. 53,000, понижается съ 1834 по 1846 г. до 18,000, за тѣмъ поднимается въ теченіе

4-хъ лѣтняго періода 1847—1850 среднимъ числомъ до 24,000 и въ слѣдующіе за тѣмъ 3 года падаетъ опять на 15,000 пудовъ.

— О лѣсномъ богатствѣ Россіи и о выгодномъ способѣ разработки его. — Вотъ общіе выводы изъ этой статьи: «Принимая за основаніе, что Европейская Россія имѣетъ 180 милл. десятиинъ лѣса, составляющихъ 35% ея поверхности, и отчисливъ изъ нихъ 25 для ея внутренняго потребленія, получимъ на этотъ предметъ 129 милл. десятиинъ лѣса. Изъ этого количества можно вырубать, безъ истощенія лѣсовъ, ежегодно (по самому умѣренному расчету, по 4 бревна и $\frac{1}{4}$ куб. сажень дровъ на 10 десятиинъ) 51,600,000 бревенъ и 51,600,000 куб. сажень дровъ. Затѣмъ, остается для заграничной торговли 10% или 51 милл. десятиинъ лѣса, дающихъ, по тому же расчету, для ежегоднаго заграничнаго отпуска 20,400,000 бревенъ (строеваго и подѣлочнаго лѣса); да сверхъ того 20,400,000 куб. саж. дровъ, которыя могутъ быть употреблены на различныя лѣсотехническія произведенія. Все же количество ежегодно вырубимаго лѣса можетъ простираться до 72 милл. бревенъ и 72 милл. куб. саж. дровъ. Если принять, по самой малой стоимости, среднимъ числомъ въ лѣсу на корнѣ бревно и кубическую сажень дровъ по 30 к. сер., то общій средній (нормальный) доходъ отъ лѣсовъ долженъ составлять 43,200,000 руб. въ годъ. Если же примѣнить этотъ выводъ къ государственнымъ лѣсамъ, занимающимъ до $\frac{2}{3}$ всего лѣснаго пространства Россіи, то окажется, что средній доходъ отъ нихъ долженъ составлять 28,800,000 р. Дѣйствительный же доходъ отъ сихъ послѣднихъ лѣсовъ составляетъ, включительно съ безденежнымъ отпускомъ лѣса на государственныя потребности, только около 3 милл. рубл., или, другими словами, въ 9 разъ менѣе нормальнаго. Равнымъ образомъ, увеличивъ въ 10 разъ предположенную стоимость лѣса на корнѣ, назначаемаго для заграничнаго отпуска 20,400,000 бревенъ и 20,400,000 куб. саж. дровъ, получимъ, что средняя или нормальная стоимость лѣса, съ расходами на заготовку, техническую обработку и доставку въ порты, должна составить 122,400,000 р. Между тѣмъ, по таможеннымъ отчетамъ, дѣйствительный средній годичный отпускъ лѣсныхъ товаровъ за границу не составляетъ $\frac{1}{4}$ милл. р., т. е. въ 30 разъ менѣе нормальнаго отпуска лѣса. Незначитель-

ность доходовъ отъ лѣсовъ казенныхъ въ сравненіи съ общимъ нормальнымъ доходомъ происходитъ, между-прочимъ, отъ того, что частные лѣсовладѣльцы, истребляя за безцѣнокъ свои лѣса, привлекаютъ на свою сторону лѣсопромышленниковъ и тѣмъ препятствуютъ правильному сбыту казеннаго лѣса. Что же касается до слабого развитія нашей заграничной торговли, то его слѣдуетъ приписать неустройству нашей лѣсопромышленности и недостатку собственныхъ купеческихъ кораблей. У насъ почти нигдѣ не видно въ лѣсныхъ дѣйствіяхъ правильного употребленія производительныхъ силъ: тамъ, гдѣ, для успѣшнаго хода дѣла, нужно единство распоряженій, дѣйствуютъ въ подрывъ другъ другу нѣсколько лѣсопромышленниковъ, что неминуемо влечетъ за собою бесполезные расходы и затрудненія. Кромѣ того рубка, производимая безъ всякой заботливости о возобновленіи лѣса на вырубаемыхъ мѣстахъ, также расчистка лѣсонасаженій подъ пашни и покосы, хотя бы въ недалекомъ разстояніи и находились безлѣсныя земли, нѣсколько менѣе сподручныя, угрожаютъ во многихъ мѣстахъ истребленіемъ лѣсовъ. И если это истребленіе не будетъ въ пору остановлено, то неминуемо придетъ время, когда цѣлая Россія будетъ нуждаться въ лѣсѣ. Лучшимъ доказательствомъ того, что могутъ дать лѣса, при правильной ихъ разработкѣ, служить Саксонія. Государственные лѣса этого королевства приносятъ, въ сравненіи съ вашими казенными лѣсами, въ 800 разъ болѣе общаго дохода на десятину. Главное условіе правильнаго лѣснаго хозяйства состоитъ въ томъ, чтобы рубка лѣса не истощала запасовъ его на будущее время. Для исполненія этого условія необходимо: во 1-хъ, чтобы вырубаемое количество не превышало степени возобновленія лѣса; во 2-хъ, чтобы уходъ за лѣсомъ способствовалъ, или, по-крайней-мѣрѣ, не препятствовалъ его возобновленію.

— Историческій методъ въ политической экономіи. — Авторъ этой статьи, г. Бабстъ, приобрѣлъ въ нашемъ ученномъ кругу заслуженную извѣстность трудами своими по части политической экономіи. Всѣ его статьи отличаются не только глубокимъ знаніемъ современныхъ требованій этой науки, но и умѣньемъ примѣнять истины ея къ нуждамъ и потребностямъ народнымъ: онъ вноситъ науку въ жизнь и повѣряетъ правила

первой извѣстны послѣдней. Сознвая вполне, что для правильной оцѣнки политико-экономическихъ теорій необходимо знаніе современнаго этикъ теоріямъ состоянія хозяйства того государства и народа, среди которыхъ онѣ проявились, онъ въ настоящей своей статьѣ показываетъ необходимость и пользу историческаго метода въ политической экономіи. И надо отдать ему полную справедливость, что онъ мастерски умѣлъ воспользоваться, для развитія своей мысли, богатыми данными, содержащимися въ сочиненіи Рошера: «System der Volkswirtschaft», и именно въ вышедшемъ въ 1854 г. только первомъ томѣ — «Die Grundlagen der Nationalökonomie». Въ ряду писателей, указавшихъ на слабые стороны господствующаго метода обработки политической экономіи, никто не высказалъ такъ ясно и такъ основательно необходимости обратиться къ историческому методу, какъ бывший профессоръ Геттингенскаго университета, а съ 1848 г. профессоръ Лейпцигскаго университета *Вильгельмъ Рошеръ*. Во всѣхъ своихъ экономическихъ трудахъ Рошеръ полагаетъ въ основаніе историческія изслѣдованія, точно такъ же, какъ въ немногихъ историческихъ своихъ изслѣдованіяхъ онъ имѣетъ въ виду экономическую сторону народнаго быта. Заслуги Рошера и его труды пользовались до-сихъ-поръ извѣстностью почти въ одной лишь Германіи. Не далѣе какъ только въ вышнемъ году обратилъ на нихъ вниманіе Французскій политико-экономъ Воловскій, и познакомилъ Францію съ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ трудовъ Рошера — «Ideen über die Politik und Statistik der Ackerbauanstalten», помѣстивъ переводъ его въ апрѣльской и майской книжкахъ *Journal des Economistes*. Воловскій, въ своемъ маленькомъ предисловіи, сознается самъ, что имя Рошера почти неизвѣстно во Франціи, тогда какъ Рошеръ имѣетъ полное право занять первое мѣсто между всѣми современными политико-экономами Германіи. Глубокія и обширныя историческія свѣдѣнія даютъ ему возможность обрабатывать каждую отдѣльную сторону экономического быта въ историческомъ ея развитіи; для такой обработки у него постоянно есть богатый запасъ историческихъ данныхъ, которыми онъ поясняетъ существованіе, въ извѣстный моментъ времени, той или другой формы экономического быта, указываетъ на историческую его основу, и

отводить надлежащее каждой экономической формѣ мѣсто въ общемъ историческомъ ходѣ народнаго развитія. Рошеръ открылъ рядъ своихъ трудовъ программой лекцій, напечатанною имъ въ 1843 г. подъ заглавіемъ: «Grundriss zu Vorlesungen nach geschichtlicher Methode». Въ этой небольшой брошюрѣ Рошеръ указалъ на методъ, которому намѣренъ былъ слѣдовать въ своихъ экономическихъ трудахъ, и который, какъ онъ выражается, поставилъ задачею всей своей жизни. Программа Рошера есть не что иное, какъ одно указаніе, какъ эскизъ, и только въ концѣ 1854 г. вышелъ въ свѣтъ первый томъ громаднаго сочиненія, въ которомъ Рошеръ предпринялъ дать плоть и кровь остову, начертанному имъ одиннадцать лѣтъ прежде. Многочисленные трактаты о различныхъ вопросахъ политической экономіи, и статьи, разсыпаны по разнымъ періодическимъ изданіямъ, въ теченіе времени между появленіемъ его программы и новаго обширнаго труда, подготовляли между тѣмъ вниманіе и ожиданія ученаго свѣта, и доказывали ясно, какъ вѣренъ остался Рошеръ предначертанной имъ себѣ задаче, и въ какихъ широкихъ размѣрахъ предпринялъ онъ свой трудъ. Г. Бабстъ обратился къ послѣднему, какъ къ результату всей предшествовавшей дѣятельности Рошера, тѣмъ болѣе, что большая часть его мелкихъ сочиненій вошла сюда почти цѣликомъ. Г. Бабстъ оставилъ въ сторонѣ и программу Рошера, которой главныя положенія также нашли себѣ мѣсто въ новомъ его трудѣ; только отдавъ ей справедливость въ томъ отношеніи, что въ ней впервые высказанъ былъ и новый взглядъ на обработку науки и новыя требованія, и что ею вызвано нѣсколько замѣчательныхъ явленій въ Нѣмецкой политико-экономической литературѣ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто принадлежитъ труду профессора Марбургскаго университета: «Die Nationaloeconomie der Gegenwart und der Zukunft».

— «О желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи». — Въ этой замѣчательной статьѣ, недавно похищенной смертію Д. И. Журавскій доказываетъ, почему хорошая сѣтъ желѣзныхъ дорогъ должна непременно сообщить Россіи сильное движеніе впередъ какъ увеличеніемъ народнаго богатства, такъ и развитіемъ просвѣщенія; изображаетъ выгоды, производимыя

мыя желѣзными дорогами какъ въ сферахъ матеріальной умственной и нравственной жизни народовъ, такъ и въ сферѣ политической, то есть въ отношеніи государства къ другимъ государствамъ. Затѣмъ говорить о выборѣ выгоднѣйшаго направленія желѣзныхъ дорогъ. Изображая послѣдствія учрежденія желѣзныхъ дорогъ для развитія нравственной жизни народовъ, авторъ совершенно справедливо говоритъ: «Промышленное просвѣщеніе стремится къ покоренію внѣшняго міра генію человѣка; при современномъ направленіи наукъ, мы ежедневно одерживаемъ новыя побѣды надъ міромъ матеріальнымъ. Электричество, таготѣніе и особенно теплота ставовятся могучими орудіями воли человѣка; эти силы матеріи все болѣе и болѣе замѣняютъ физическій трудъ человѣка, дѣлаютъ его болѣе и болѣе свободнымъ отъ угнетающаго вліянія міра физическаго, и даютъ ему возможность воздѣлывать сторону духовную. Собирая капиталы вещественные и умственные, которые, при современномъ направленіи наукъ, становятся въ высшей степени производительными, Европейское промышленное стремленіе готовитъ будущимъ поколѣніямъ новую, широкую общественную жизнь, основанную на благосостояніи сплошной массы народа. Когда развитіе промышленности приведетъ къ тому, что во власти, положимъ милліона людей, будетъ дѣйствіе силъ физическаго міра, производящихъ работу тысячи милліоновъ живыхъ двигателей какъ человѣкъ: то общество будетъ въ такомъ же положеніи, какъ бы на каждаго свободнаго человѣка приходилось до тысячи невольничковъ самыхъ покорныхъ, не требующихъ вышей пищи, — что возвышало бы стоимость прокормленія свободныхъ, — такихъ невольничковъ, которые не произведутъ губительнаго вліянія, замѣченнаго во всѣхъ колоніяхъ, гдѣ только было сословіе, лишенаго личной свободы, но доставятъ намъ такое же матеріальное благосостояніе, какъ бы дѣйствительно на каждаго человѣка трудилось до тысячи рабовъ. Безъ сомнѣнія, потребуется еще много времени, много усилій, потребуется еще много новыхъ открытій прежде, чѣмъ общество достигнетъ подобнаго счастливаго положенія; но Европейскія общества болѣе и болѣе приближаются къ нему, помощію современнаго намъ промышленнаго движенія. Съ развитіемъ народнаго богатства путемъ промышленности, отъ

распространеніи просвѣщенія даже въ низшіе слои общества образуется умственный капиталъ, который не дастъ капиталу вещественному угнетать милліоны людей, служащихъ живыми двигателями наравнѣ съ животными».

Сюда должна быть отнесена и статья, помѣщенная въ Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго географическаго Общества (№ 2): *Отчетъ коммисіи для присужденія въ 1856 году Жуковской преміи, представленный отдѣленію статистики Императорскаго Русскаго географическаго Общества.*

V. ГЕОГРАФІЯ, ЭТНОГРАФІЯ И ПУТЕШЕСТВІЯ.

Въ Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго географическаго Общества (№ 3) явились слѣдующія статьи: *Обзоръ главнѣйшихъ путешествій и географическихъ открытій въ пятилѣтіе съ 1848 по 1853 годъ: IV Америка*, К. Ф. Свенске; *Мезенскіе пути сообщенія*, Д. И. Романова; *Курсъ Буддѣйскаго ученія*, перев. съ Монгольскаго А. Бобровникова; *Географія растений*, А. Н. Бевевова; *Извлеченія изъ Ганова описанія Албаніи*, Г. С. Дестуниса; *Обзоръ русскои географической, этнографической и статистической литературы за 1854 г.*; *Указатель статей, помѣщенныхъ въ журналахъ и газетахъ.*

— «Мезенскіе пути сообщенія». — Мезенскій уѣздъ составляютъ бассейны двухъ рѣкъ: Мезени и Печоры, почему его можно раздѣлить на двѣ отдѣльныя части: Мезенскую и Печорскую. Меньшая и бѣднѣйшая часть уѣзда — Мезенскій край лежитъ на западѣ уѣзда, прикасаясь къ Ледовитому океану на сѣверѣ, Бѣлому морю, Архангельскому и Пинежскому уѣздамъ на западѣ, Печорскому краю на востокѣ и Вологодской губерніи на югѣ. Печорскій край, составляющій, по богатству его жителей и обилію даровъ природы, важнѣйшую часть Мезенскаго уѣзда, лежитъ въ восточной оконечности губерніи, прикасаясь къ Ледовитому океану и Вологодской губерніи. Уральскій хребетъ, по туземному «Сибирскій камень», отдѣляетъ его съ востока отъ Березовскаго уѣзда, Тобольской губерніи; а съ запада границею слѣдуетъ положить неопредѣленную черту водораздѣла Печорской и Мезенской системъ. Средства сообщенія съ

этими отдаленнымъ краемъ вообще чрезвычайно затруднительны, а иногда совершенно невозможны. Наложить невыгоды и неудобства существующихъ сообщений Архангельска съ Мезенскимъ уѣдомъ, авторъ представляетъ свои соображенія о возможности лучшаго и дешаваго устройства этихъ сообщений. •Изысканія — говоритъ онъ — новаго направленія пути въ странѣ, покрытой лѣсами и болотами, трудно проходимыми и дѣтомъ и зимой, чрезвычайно затруднительно; между-тѣмъ изысканіе это тѣмъ болѣе важно, что новый путь долженъ быть короче и не имѣть недостатковъ стараго. Для этого полезно было бы между гг. Пинегой и Архангельскомъ, Онегой и Повѣнцомъ (Олон. г.) провести прямыя просѣки, могущія предварительно служить какъ для быстрого сообщенія на оленяхъ, такъ и для оленьихъ обозовъ изъ Пинеги въ Петербургъ. Неоднократными опытами уже доказали возможность сообщенія Архангельска и даже Мезени съ Петербургомъ посредствомъ оленей, которые и въ настоящее время слѣдуютъ на Онегу и Повѣнецъ узкими и трудно проходимыми проселочными дорогами. Мохъ для корма вездѣ есть, даже и въ Петербургѣ. Между тѣмъ, по проложеннымъ путямъ Пинега будетъ отстоять отъ Архангельска вмѣсто 200 только 130 верстъ, Усть-Цыльма отъ Архангельска 330 верстъ, Архангельскъ отъ Онеги, вмѣсто 240, 130 верс., Онега отъ Повѣнца 200 верстъ. Повѣнецъ отстоитъ отъ Петербурга по почтовому тракту чрезъ Петрозаводскъ, Олонецъ и Лодейное-Поле на 643 верст. То же разстояніе, направивъ трактъ отъ Олонца мимо Лодейнаго-Поля прямо на Новую-Ладолгу, вѣроятно, можно уменьшить до 570 верс., такъ что Архангельскъ можетъ отстоять отъ Петербурга не болѣе 900 верс., т. е. 200 верстъ ближе настоящаго. Предположенный оленьи путь, со-временемъ, чрезъ устройство станцій, можетъ обратиться въ зимній почтовый, а чрезъ устройство надлежащимъ образомъ полотна дороги — и въ лѣтній постоянный трактъ. Если когда-либо шоссе будетъ связывать Архангельскъ съ Петербургомъ, то, вѣроятно, оно пойдетъ по сказанному направленію, между тѣмъ какъ трактъ въ Москву, перейдя чрезъ р. Двину у Архангельска и направясь чрезъ гг. Холмогоры и Шенкурскъ, свяжетъ Архангельскъ съ Вологдою. Многіе предполагаютъ, что пути, проходящіе по пря-

тому направленію необитаемыми мѣстами, будутъ дорого стоить въ отношеніи содержанія станцій и что чрезъ то упадетъ сообщеніе между селеніями, служащее теперь почтовымъ трактомъ. Все это можетъ быть справедливо, но не нужно забывать и того, что эти же пути будутъ способствовать колонизаціи страны вдоль большихъ дорогъ, безъ чего жители все будутъ селиться вдоль береговъ рѣкъ, озеръ и моря, для удобнаго между собою сообщенія. Для окончательнаго устройства Мезенскаго края полезно было бы для торговли провести оленюю дорогу отъ Архангельска до селенія Лампожин и далѣе чрезъ Печорское селеніе до Пустозерска для облегченія перехода оленныхъ обозовъ съ ворванью, рыбою и другими произведеніями океана и устья Печоры изъ Пустозерска въ Архангельскъ и Петербургъ, слѣдующихъ въ настоящее время тундрою и лѣсами прямо въ г. Пинегу, оставляя въ правой сторонѣ г. Мезень.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, къ географіи и этнографіи нашего отечества принадлежатъ слѣдующія:

Деревя Хритонова и Хритоновскія косы во Владимірской губерніи (Журн. Мин. Вн. Дѣлъ № 5); *Воды въ Васильковскомъ уездѣ Кіевской губерніи* (ibid.); *Деревя новопоселенная—Ермакова въ Чистопольскомъ уездѣ, и ея замѣчательные базары* (ibid. № 6); *Письма Печорскаго подписчика, Ю. Волкова* (С. Пб. Вѣд. № 104, 132); *Весенніе и лѣтніе праздники поселян Московской губерніи, В. Родиславскаго* (Моск. Вѣд. № 41 и 42); *Замѣтки о маюмстанствѣ въ Крыму, А. Тарасенко-Отрѣшкова* (ibid. № 66); *Донскіе рыболовы, А. Филонова* (ibid. № 71); *Александрія* (Одесск. Вѣстн. № 42); *Рыбная ловля на Закавказскихъ промыслахъ, Ив. Карамышева* (Кавк. № 43 и 44).

— «Письма Печорскаго подписчика». — Заимствуемъ изъ этихъ весьма интересныхъ писемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о минеральныхъ богатствахъ Печорскаго края. Печорская знаменитость — Брусная гора, т. е. собственно то мѣсто, гдѣ выламываютъ точила и брусья, лежитъ между устьями рѣчекъ Сопляса и Вон, впадающихъ въ Печору съ лѣвой стороны, въ 330 верстѣхъ отъ Печорскаго погоста. Мѣстность этой горы занимаетъ самый сѣверо-восточный уголъ Устьсысольскаго уѣзда,

Вологодской губерніи, покрывая собою пространство болѣе нежели 45 квадрат. верстъ. Эта мѣстность снабжаетъ всю Россію точилами и брусьями (брусья есть еще около гг. Екатеринбург и Кіева, а точилъ нѣтъ). Брусаяя гора, Высочайшею волею, еще въ 1768 г. отдана въ пользованіе двухъ обществъ: Троицко-Печорскаго отдѣльнаго и Усть-Немско-Мнедвинскаго, Усть-Куломской волости; но съ недавняго времени эти крестьяне не имѣютъ права разрабатывать горы и продавать продукты сами собой, отдѣльно и повольно, а отдають эту статью, подъ наблюденіемъ ближайшаго своего начальства, въ арендное содержаніе, обыкновенно на 12 лѣтъ. Арендная сумма простирается до 2 т. р. въ годъ, которая поступаетъ въ казначейство за подати, слѣдующія съ крестьянъ въ казну. Кромѣ того арендаторъ обязанъ вносить ежегодно, на построеніе каменной церкви, болѣе 400 р. сер. Рабочими, по силѣ контракта, могутъ быть только крестьяне-владѣльцы, которымъ сверхъ-того предоставлено полное право доставлять камень для обдѣлки, гдѣ сами они признають лучшимъ и выгоднѣйшимъ. Это послѣднее право, неограниченное никакими спеціальными указаціями, не подкрѣпленное никакою рациональнію и страдающее полнымъ отсутствіемъ всякаго соображенія или системы, есть такого рода зло, которое уничтожатъ совершенно даромъ навѣрное девять десятыхъ матеріала, и вѣроятно уже недалеко то время (если не будутъ приняты мѣры къ отвращенію зла), когда безпрестанно возрастающая гряда земли, мусора и обломковъ удесятитреть грудъ добыванія камня, если не слѣдуетъ его вовсе невозможнымъ. Правильности или чего-нибудь похожаго на правильность въ разработкѣ пластовъ точильнаго камня — нѣтъ и слѣда; ямы, которыя оставила (едва тронувъ пласты) выработка прошлаго года, на нынѣшній уже заваливаются мусоромъ и обломками, которыхъ съ начала добыванія, т. е. съ 1768 г., накопилась огромная масса, подвинувшая новую гору не брусаяую почву. Гора доставляетъ нынѣ до 60 т. пуд. точилъ и до 300 т. брусель; но нѣтъ сомнѣнія, что она можетъ доставлять гораздо болѣе, если введется хотя какая-нибудь рациональность въ работахъ при добываніи камня. Край Печорскій, также какъ уѣздъ и губернія, къ которымъ онъ принадлежитъ, въ геологическомъ отношеніи (по Мурчисону,

Гошману и др.), составляет продолженіе Пермской формациі и всѣ минеральныя богатства этой формациі точно такъ же свойственны и ему; главнѣйшія изъ нихъ суть: соль и желѣзо. Пласть соли или соляные ключи встрѣчаются въ Вологодской губерніи на огромномъ протяженіи. Огромные запасы желѣзныхъ рудъ, магнитныхъ и сѣрнистыхъ, составляютъ богатство дачъ Кожвинскихъ заводовъ въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, приналежащихъ къцу Маликову. Въ Печорскую Мызу, верстахъ въ 30 отъ ея устья, впадаетъ р. Сойва. Вершины этой рѣки чрезвычайно богаты желѣзомъ и цѣлые холмы сложены изъ магнитнаго желѣзняка. Огромное изобиліе рудъ и лѣсовъ р. Сойва, дающей струю воды болѣе нежели достаточную для дѣйствія 20-ти большихъ колесъ, мѣстоположеніе какъ будто просящее весьма небольшой плотины для того, чтобы заставить воду работать, какъ могучаго и ничего не стоящаго двигателя, возможность сплава на Печору, близость къ Вычегдѣ, отсутствіе всякаго соперничества, постоянство цѣвъ на хлѣбъ и жизненные припасы—все это говоритъ, что только недостатокъ предпримчивости можетъ оставлять въ неизвѣстности такія благодатныя мѣста, а между тѣмъ 15 милл. пудовъ желѣза мало, очень мало для 70 милл. человѣкъ населенія. Мѣдныхъ заводовъ въ Вологодской губерніи нѣтъ; но Печорскій край весьма богатъ мѣдными колчеданами, мѣднымъ блескомъ и другими видоизмѣненіями мѣдныхъ рудъ. Присутствіе серебра въ этомъ край извѣстно давно. Для отысканія его мѣсторожденій и рудниковъ не разъ были командированы горные чиновники, хотя ихъ розыски постоянно были безуспѣшны. Это однакожь вовсе не доказываетъ, что серебра нѣтъ. Зырянинъ недовѣрчивъ, скрытенъ и подозрителенъ, а въ лѣсахъ и болотахъ — посреди, гдѣ онъ полный и единственный хозяинъ мѣстности, безъ его угазанія, безъ проводника ничего не найдешь и ничего не добьешься. На этихъ огромныхъ пространствахъ, покрытыхъ лѣсами и болотами, ни наука, ни опытность — не помогутъ, нуженъ проводникъ. Нужно войти въ жизнь народа, такъ сказать Озыраться, чтобы этотъ полудикій, въ основѣ очень добрый человѣкъ почувствовалъ къ вамъ довѣріе и разоблачилъ бы тайны своихъ пустынь; безъ этого необходимаго условія, всякіе поиски, особенно быстрые обзоры, какъ

было до-сихъ-поръ, будутъ игрою слѣпаго случая, дѣйствіемъ наугадъ. А серебро есть въ этой сторонѣ и его немало, потому что почти сплошь встрѣчаются перстни и пуговицы своего издѣлія, изъ своего серебра.

По географіи и этнографіи другихъ странъ и народовъ мы встрѣтили слѣдующія статьи: *Народныя пословицы Турецкаго племени*, Н. Березина (Библ. для Чт. № 4); *Дневникъ Русскаго, веденный въ Пекинъ, съ 18 ноября 1830 г. по 10 мая 1831 г.*, С. Черепанова (ibid.); *Изъ Америки*, П. Аспинволь. III. *Панама*, В. К. Бодиско (Совр. № 5 и 6); *Сѣверная Америка въ наше время*, Шарль Олифа. Ч. I (Пант. № 4 и 5); *Послѣднее слово о Франклинѣ, съ картою новѣйшихъ открытій* (ibid. № 4); *Восемь лѣтъ странствованія по Цейлону* (Русск. Вѣстн. № 10); *Изъ писемъ путешественника во внутренности Англій* (С. Пб. Вѣд. № 91); *Аудъ*, Я. Г. (ibid. № 109); *Дунайскія области* (Русск. Инв. № 108); *Богатый Турокъ въ домашнемъ быту* (ibid. № 128); *Полтора года въ Америкѣ*, П. Каменскаго (Сѣв. Пч. № 84, 85, 98, 105); *Очеркъ Калифорніи. Изъ путевыхъ записокъ Сибиряка* (ibid. № 107); *Нѣсколько словъ о человеческихъ породахъ* (Моск. Вѣд. № 47); *Никаратца и Флибустьеры* (ibid. № 49); *Путешествіе Барта и Фогеля во внутренней Африкѣ*, П. П—ва (ibid. № 66 и 69); *Швейцарская община и ея отверженцы*, проф. Лохвицкаго (ibid. № 68); *Письма съ дороги въ Персію*. VII. Ал. Берже (Кавк. № 47).

VI. ИСТОРИЯ РУССКАЯ И ВСЕОБЩАЯ.

По Русской исторіи мы встрѣтили слѣдующія статьи: *Россия въ отношеніи къ восточнымъ племенамъ*, М. П. Погодина (Моск. № 1); *Московскія празднества*, его же (ibid.); *Сооруженіе флота на Воронежѣ*, Н. Г. Устрялова (Библ. для Чт. № 4), *С. Петербургское ополченіе 1812—1814 г. ст. I* (ibid. № 5); *Петръ Великій въ Вильнѣ, въ 1698 году*, Н. Г. Устрялова (Совр. № 4); *Поездка графа Матвѣева въ Парижъ въ 1705 году*, П. П. Пекарскаго (ibid. № 6); *Н. М. Карамзинъ и во литературная дѣятельность. «Исторія государства Россійскаго». Ст. VI и послѣдняя* (томы VIII, IX, X, XI и XII), С. М. Соловьева (От.

Зап. № 4); Приложенія къ статьѣ: «Плѣнь у Шамиля», къ № 1, 2 и 3 «Отечественныхъ записокъ» 1856 г. Переписка по дѣлу объ освобожденіи плѣнницъ. Свиданіе съ Шамилемъ Пруссака, служащаго въ Русскихъ войскахъ на Кавказѣ. Отрывокъ изъ разсказа князя Орбелани о плѣнѣ его у Шамиля въ 1859 году. Разсказъ Моздокскаго гражданина, 3-й милдіи купца Миная, Шаева сына, Атарова, о поѣздкѣ своей въ Дары-Ведендѣ, мѣстопребываніи Шамиля (ibid. № 5); Библиографическіе отрывки. V. Дополненіе къ статьѣ «О посольствѣ въ Россію графа Карлейля» (ibid. № 4); Малороссійскіе цетманы и казаки до времени уніи, Михаила Глицинскаго (Пант. № 4); Правленіе царицы Софіи. II, III, IV. П. К. Щ—аго (Русск. Вѣстн. № 7 и 8, 9); Авуствъ Людвигъ Шлецеръ, С. М. Соловьева (№ 8); Несвободныя состоянія въ древней Россіи, Б. Н. Чичерина (ibid. № 10); Еще о сельской общинѣ, его же (ibid. № 12); Пребываніе Государя Императора Александра Николаевича въ Ригѣ и Ревелѣ въ маѣ 1856 г. (Сѣв. Пч. № 138, 141); Молдавія и Петръ Великій, А. Л. (Москов. Вѣд. № 43); Соколиная охота при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ (ibid. № 63 и 65); Замѣчаніе на статью г. Бяллева въ № 1 Русской Бесѣды, проф. А. Лохвицкаго (ibid. № 69).

— «Петръ Великій въ Вѣнѣ въ 1698». — Подробности пребыванія Петра въ Вѣнѣ заимствованы Н. Г. Устряловымъ, большею частію, изъ Ceremonial-Protokolle des K. K. Oberst-Hofmeisteramtes in Wien, подъ статьєю «Mensis Iunius 1698. Moscovitische grosse Gesandtschaft, wobey der Czar selbst gewesen». Это любопытное собраніе официальныхъ журналовъ хранится въ архивѣ вѣдомства императорскаго оберъ-гофмейстера въ Вѣнѣ. Указаніемъ на него авторъ обязанъ содѣйствію князя Меттерниха, который, открывъ ему въ 1845 году доступъ къ дѣламъ времени Петра въ тайномъ государственномъ архивѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ далъ знать, что въ вѣдомствѣ оберъ-гофмейстера, вѣроятно, найдутся свѣдѣнія о пребываніи Петра въ Вѣнѣ, и приказалъ сообщить въ канцелярію архива, гдѣ занимался авторъ, относящееся къ концу XVII столѣтія собраніе Ceremonial-Protocolle. Тамъ дѣйствительно нашелъ Н. Г. Устряловъ обширную статью «Moscovitische grosse gesandtschaft» — официальный дневникъ, наполненный любопытными и достоверными подробностями

стами о пребываніи Петра въ Вѣнѣ. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ авторъ о цѣли и послѣдствіяхъ Путешествія Петра В. по Европѣ: «Путешествіе Петра В. по Европѣ продолжалось около полутора года. Не менѣе пяти мѣсяцовъ былъ онъ въ дорогѣ, въ переѣздахъ изъ города въ городъ; по недѣлѣ и болѣе останавливался въ Ригѣ, Митавѣ, Либавѣ и Колбергѣ; до двухъ мѣсяцевъ прожилъ въ Кенигсбергѣ и Пилау по дѣламъ Польскимъ, болѣе мѣсяца въ Вѣнѣ по дѣламъ Турецкимъ; остальное время, цѣлые девять мѣсяцевъ, провелъ на верокахъ Голландіи и Англии. Изъ этого расчета очевидна истинная цѣль его путешествія: вопреки общему мнѣнію, едва ли помышляя тогда о преобразованіи своего государства по примѣру государствъ западныхъ, онъ искалъ единственно средство ввести и утвердить въ Россіи морское дѣло. Для того неутомимо изучалъ онъ кораблестроеніе и мореплаваніе самъ; заставлялъ учиться морскому дѣлу своихъ паредворцевъ и бомбардировъ; приглашалъ сотни иностранцевъ исключительно въ морскую службу и покупалъ «про свой царскій обиходъ» преимущественно корабельные инструменты, якоря, канаты, парусныя полотна. Главною заботою его во все время путешествія былъ флотъ. Петръ увидѣлъ въ Европѣ въ полномъ блескѣ все, чего неутомимо искалъ, къ чему постоянно стремился его гевій, что украшаетъ и облагораживаетъ человѣка, чѣмъ Европа такъ возвысилась надъ прочими частями свѣта, восхитительные плоды труда, знанія, искусства. Не плѣнился онъ роскошью королевскихъ дворцовъ, разнообразіемъ увеселеній, пышностью торжественныхъ зрѣлищъ: его изумлялъ умъ Европейца, который властвовалъ надъ всѣми стихіями, боролся съ океаномъ, посылалъ тысячи кораблей за сокровищами Индіи и Америки, строилъ великолѣпные города на болотѣхъ и украшалъ жизнь прелестью искусства. И грустно было подумать Петру, какъ далеко отсталъ умный, смышленный народъ его отъ народовъ западной Европы на пути промышленности и образованія. Еще досаднѣе было вспомнить ему, съ какою холоднымъ равнодушіемъ, коснѣя въ невѣжествѣ, смотрѣли его подданные на дивныя усилія человѣческаго ума въ произведеніяхъ западнаго искусства, къ какому прizrвѣніемъ, даже суетнѣрымъ ужасомъ, отвергали все иноземное, не взирая на явную

пользу, и въ спѣсивомъ самодовольствѣ считали себя разумнѣе и превосходнѣе всѣхъ народовъ въ мірѣ, между тѣмъ, при неистощимыхъ средствахъ Россіи, влачили жизнь бѣдную, оборону отъ враговъ имѣли слабую, промышленность производили скудную, искусство не понимали, наукъ не разумѣли и все, что выходило изъ ограниченнаго круга ихъ понятій, считали волшебствомъ и чародѣйствомъ. Были, разумѣется, исключенія, но рѣдкія и едва замѣтныя. Отъ провинцальности Петра не могло укрыться, что равно тягостныя обстоятельства извнѣ и внутри препятствовали развитію умственныхъ и промышленныхъ силъ Россіи. Иванъ Поляки и Шведы, постоянно намъ непріязненные, заслоня отъ насъ образованный западъ, пресѣкали всѣ пути къ необходимому для насъ съ нимъ сообщенію, къ обмѣну плодовъ труда, къ участію въ успѣхахъ знанія и искусства. Внутри непрестанное четырехѣковое столкновеніе Русскаго народа съ Татарами разныхъ видовъ и названій отвлекало насъ отъ кипѣвшей жизни Европы и сближало съ неподвижною Азією. Во время господства Золотой Орды всѣ наши мысли и заботы сосредоточивались въ Сараѣ;—по сверженіи ига и по слияніи Татарскихъ улусовъ съ Русскими царствомъ, мы безпрерывно хлопотали съ Крымцами, Ногайцами, Калмыками, Башкирцами: вмѣстѣ съ Ляввою и Польшею они были главною цѣлью нашей политики. Между тѣмъ, съ половины XVI столѣтія, въ самой Россіи водворилась не одна тысяча Ордынскихъ выходцевъ; многіе изъ нихъ явились при царскомъ дворѣ съ именемъ царевичей и князей, нѣрѣдко начальствовали нашими войсками, заводили родственныя связи съ Русскими вельможами, были въ свойствѣ съ государями. Мы перестали ненавидѣть Татаръ, допускали ихъ въ свою семью, въ царскую думу и, пугаясь Европейца, охотно дружились и рождались съ Азіатцемъ. Оторвать Россію отъ востока, отъ грубой татарщины, сблизить ее съ Европою и включить въ семейство государствъ образованныхъ—вотъ мысль, которая вспыхнула въ умѣ Петра послѣ того, какъ увидѣлъ онъ во всемъ блескѣ науку и искусство, и уже ничто не могло угасить въ душѣ его небеснаго пламени. Двумя путями задумалъ онъ пригнать Россію къ новой жизни: съ одной стороны, рѣшился исклѣпить изъ власти Шведовъ свою старинную Водьскую

плитину, чтобы прорубить здѣсь окно изъ темной Азіи въ свѣтлую Европу; съ другой — вознамѣрился сгладить вѣдшее отличіе Русскаго народа отъ народовъ западныхъ, чтобы тѣмъ легче приять, по-крайней-мѣрѣ изъ высшему и среднему сословію, лучшіе обычли и, размягчивъ закоснѣлость нрава, пробудить въ народѣ любовь къ европейскому званію и искусству.

— О поѣздкѣ графа Матѣева въ Парижъ. — Въ этой хорошо составленной статьѣ авторъ приводитъ мѣста изъ черноваго статейнаго списка (рукописи т. I, со множествомъ помарокъ хранящейся въ Императорской публичной библиотекѣ и имѣющей на пергаминахъ переплетъ надпись: «1705, Ibris Diarius privatae legationae ad Aulam Galliae...») графа Матѣева, дополнивъ ее нѣкоторыми свѣдѣніями о заграничной жизни Матѣева изъ сочиненія Ламберти: «Mémoires historiques concernant le XVIII siècle». При этомъ авторъ весьма кстати приводитъ замѣтки изъ современныхъ источниковъ о нашей общественной жизни сравнительно съ Франціею, что придаетъ особенный интересъ его статьѣ. Рукопись начинается, какъ обыкновенно начинались всѣ старинные списки, объясненіемъ причинъ поѣздки Матѣева изъ Гаги въ Парижъ, съ упоминаніемъ о составѣ свиты посольской. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе тѣхъ мѣстъ, которыми проѣзжалъ посолъ. Здѣсь заботливо описывались почести, которыя ему отдавались. Потомъ вниманіе путешественника привлекали въ особенности всѣ фортификаціонныя постройки въ городахъ, что, какъ извѣстно, было любимымъ занятіемъ Петра В. Также въ видахъ угодить государю, записаны во многихъ мѣстахъ статейнаго списка образъ постройки зданій, плавы, мосты, городскія площади и т. п. Далѣе встрѣчаются замѣтки о ратушахъ, магистратахъ. Гдѣ бы ни останавливался гр. Матѣевъ, онъ всегда посѣщалъ значительные монастыри, говоритъ о библиотекахъ, монахахъ. Не отличаясь богатствомъ свѣдѣній о Франціи, списокъ Матѣева не лишень однако интереса, если разсматривать его сравнительно съ прежними бумагами подобнаго рода и притомъ имѣть въ виду, что онъ составленъ именно въ ту любозытную для Россіи эпоху, когда Петръ уже началъ приводить въ исполненіе свои планы касательно сближенія Россіи съ Европою. Гр. Матѣевъ, уже по воспитанію своему и особенной

склонности къ умственнымъ занятіямъ, бесспорно принадлежитъ къ людямъ новой Россіи. Само собою разумѣется, что пребываніе его довольно долгое время при Европейскихъ дворахъ въ качествѣ Русскаго полномочнаго министра не мало способствовало тому, что его статейный списокъ отличается нѣкоторыми чертами отъ того, что писали предшественники его на этомъ поприщѣ. Но это отличие не могло остаться одинако и нѣкоторому сходству. Если въ отношеніи вышности новое взяло верхъ, то съ содержаніемъ, съ сущностью разстаться было не такъ легко: въ рукописи Матѣева именно и любопытны эти отличія то новаго, то старова; въ ней попеременно встрѣчаешься и съ Русскими временъ Котошихина и съ образованнымъ Европеецемъ XVIII вѣка. Такое смѣшеніе понятно тому, кто взглядывался въ ту эпоху: оно было необходимо, не смотря на всѣ усилія и всѣ жертвы. Нѣкоторые факты, приведенные въ статьѣ, весьма любопытны. Таковы напр. слѣдующія замѣтки Матѣева: «Отъ Французскаго города Меде по пути по обѣимъ сторонамъ селы великія и малыя, и въ нѣхъ вездѣ костелы и каменные старинныя, но поселеніемъ въ тѣхъ селахъ отъ поборова королевскихъ отъ конной пребываетъ скудости, лошади и ослы и скотъ гораздо малокъ (д. 10). О обученіи вельможескихъ дѣтей. Всей Франціи высокія фамиліи отъ самыхъ юностихъ ногтеи, имѣютъ воспитаніе зѣло изрядное, поученіе въ разныхъ языкахъ и во всѣхъ свободныхъ наукахъ, особенно же въ математикѣ, географіи, геометріи, арифметикѣ, въ геометріи обученіяхъ и конной вѣдѣ, на что имѣютъ учрежденныя въ Парижѣ великія академіи и потомъ въ танцахъ и пѣніи и разныхъ музыкахъ. Особливо же женовѣи полъ высокородныхъ фамилій изрядноиъ голосовъ и игрою музыкъ на всякихъ разныхъ инструментахъ и открытостью любительныхъ своихъ и добронравныхъ поступковъ, особливо же ко иностраннымъ, превосходить всѣ Европейскіе народы. По истинѣ съ несказаннымъ удивленіемъ достойно упоминать, что ни одна особа и мужеска и женска пола изъ благородныхъ фамилій Французскихъ найтися не можетъ, которая бы выше объявленныхъ обученій по своему частивму воспитанію не обучена была. Любопытны также свидѣнія, характеризующія Русское общество временъ Петра, заимствованныя г. Пе-

карскимъ изъ другихъ современныхъ источниковъ. Вотъ напр. анекдотъ о русскомъ вельможѣ, рассказанный Веберомъ, Мекленбургскимъ посломъ при дворѣ Петра В.: «Князь Ѳ. Ю. Ромодановскій былъ человекъ правдивый, но въ то же время съ удивительными странностями. Онъ имѣлъ обычай приходившихъ къ нему гостей потчивать виномъ съ сильною примѣсью перца, которое долженъ былъ подносить ручной медвѣдь, на своихъ лапахъ. Нерѣдко при отказѣ гостя, медвѣдь, для развлечения, принуждалъ гостя пить, разрывая ему шляпу, парикъ или платье».

Обращаемъ особенное вниманіе нашихъ читателей еще на слѣдующія статьи: «*Сооруженіе флота въ Воронежѣ*», «*Правленіе царицы Софіи*» и «*Августъ Людвигъ Шлещеръ*». Первая статья отличается тѣми же достоинствами, какъ и всѣ другія статьи о Петрѣ В. нашего ученаго академика. Вторая обнаруживаетъ въ авторѣ, г. Щебальскомъ, замѣчательный талантъ живо изображать историческія событія и характеры дѣйствующихъ лицъ. Намъ кажется только, что приговоръ автора надъ бояриномъ А. С. Матвѣевымъ не имѣетъ достаточныхъ историческихъ основаній. Последняя, наконецъ, статья замѣчательна, какъ съ знаніемъ дѣла и современныхъ требованій исторической критики составленная характеристика ученыхъ трудовъ Августа Людвигъ Шлещера и его жизни.

Изъ критическихъ статей по части Русской исторіи заслуживаетъ одобренія статья К. Бестужева-Рюмина по поводу изданія: «*Исторія Россіи*», соч. Соловьева, т. VI (Моск. Вѣд. № 46, 54 и 59).

Къ исторіи другихъ странъ и народовъ принадлежатъ слѣдующія статьи: *Карлъ V*, П. Н. Кудрявцева (Русск. Вѣсти. № 7); *Внутреннія партіи въ Северо-Американскихъ штатахъ* (ibid. № 8, 9, 11); *Донъ-Карлосъ по новѣйшимъ изслѣдованіямъ*, Е. М. Феокистова (ibid. № 8); *Ассирійскія древности* (ibid. № 10); *Новые документы для Исторіи царствованія Людовика XIV* (ibid. № 12).

— «Новые документы для исторіи царствованія Людовика XIV». — «Французская историческая литература обогатилась новымъ, весьма замѣчательнымъ собраніемъ документовъ для

исторіи Людовика XIV. Начатое въ 1850 г. Деппингомъ старшимъ изданіе «Административной корреспонденціи» между самимъ королемъ, его министрами, государственнымъ канцлеромъ и другими высшими правительственными особами, наконецъ приведено къ окончанію его сыномъ. Вышедшимъ недавно IV томомъ заключается все собраніе. Важнѣйшую часть этого тома составляютъ акты, относящіеся къ отмѣненію Нантскаго эдикта и къ его послѣдствіямъ. До-сихъ-поръ еще ведется споръ о томъ, кому именно принадлежалъ первый шагъ въ этомъ несчастномъ дѣлѣ, бросившемъ неизгладимую черную тѣнь на славное царствованіе: самому ли Людовику XIV, или кому изъ лицъ, окружавшихъ его и пользовавшихся его довѣренностью. Что же касается самыхъ ощущеній, которыя возбуждены были въ королѣ исполненіемъ его же повелѣній, то объ нихъ или вовсе ничего не знали, или имѣли самое превратное понятіе. Вновь изданные документы показываютъ, что точное исполненіе мѣры, предписанной Людвигомъ XIV, вовсе не доставило ему того самаго удовольствія, котораго, повидимому, онъ надѣялся достигнуть отмѣненіемъ Нантскаго эдикта. Напротивъ, оно породило въ немъ какое-то безпокойное чувство, котораго онъ не испытывалъ до того времени. Когда въ 1661 г. (слѣд. за 25 лѣтъ до отмѣненія Нантскаго эдикта) впервые возникъ вопросъ о протестантахъ Франціи, Людовикъ XIV былъ о немъ такого мнѣнія: «я полагаю (это его собственныя слова), что лучшее средство обратить Гугенотовъ состоитъ въ томъ, чтобы не стѣснять ихъ ни въ какомъ отношеніи... Тѣ же, которые совѣтовали прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ, вовсе не понимала природы этого зла... (Т. I, р. 35—36). Въ 1667 г. государственный секретарь Севьеле долженъ былъ сдѣлать слѣдующее сообщеніе своимъ товарищамъ по министерству: «Извѣстившись, что въ вѣкоторыхъ мѣстахъ государства присуждаютъ женщинъ и даже молодыхъ дѣвушекъ (Гугенотокъ) къ *обритію головы* и не иначе исполняютъ такіе приговоры, какъ рукою палача, его величество соизволилъ приказать извѣстить васъ, для сообщенія во всемъ вашему вѣдомствѣ, чтобы впредь не были употребляемы подобныя мѣры, какъ прямо противныя его намѣреніямъ». Изъ актовъ можно было бы привести многіе подобныя примѣры.

Сюда должно отнести статью по поводу наданія: «Сочиненіе Т. Н. Грановскаго. Томъ I 1856 г.» (Совр. № 6).

VII. ЯЗЫКОЗНАНІЕ.

Извѣстія Императорской академіи наукъ по языковеданію содержатъ въ себѣ слѣдующія статьи: *О древнемъ Русскомъ языкѣ*. Записки И. И. Срезневскаго и М. П. Погодина (Вып. II); *Выписка изъ 8-го отчета кандидата Микуцкаго* (ibid.); въ прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ помѣщены: *1-е продолженіе Вомаарскаго словаря*, Н. Герова (Листы СХХ—СХХVI); *2-е продолженіе Санскритно-Русскаго словаря*, К. А. Коссовича (ibid.); *О глаголахъ съ подвижными удареніемъ и сравнительныя замѣчанія о Русскихъ словахъ*, Я. К. Грота (ibid.); *Материалы для разсмотрѣнія вопроса о владычествѣ славянства въ нынѣшнемъ Греческомъ языкѣ*, Г. С. Доступна (ibid.); *Милліе і. Цесельскаго о разрядкахъ глаголовъ въ Польскомъ языкѣ*, П. П. Дубровскаго (ibid.); *Народныя техническія выраженія* (ibid.); *Начало Церковно-Славянскаго словаря*, А. Х. Востокова (Лист. СХХVII—СХХХ).

— «Народныя техническія выраженія». — Эти выраженія собраны М. Стиховичемъ преимущественно въ Клецкомъ и сосѣднихъ уѣздахъ. Они раздѣлены на два отдѣла: а) техническія названія въ дѣлѣ пахатномъ и гумennomъ, и б) техническія народныя названія въ дѣлѣ плотничномъ.

— «Начало Церковно-Славянскаго словаря». — Словарь Церковно-Славянскаго языка, начало котораго на двѣ первыя буквы помѣщено въ прибавленіяхъ къ извѣстіямъ Императорской академіи наукъ, составился, какъ говорятъ самъ А. Х. Востоковъ, въ продолженіе сlishномъ тридцати лѣтъ, собраніемъ словъ, какія встрѣчались ему въ рукописяхъ и печатныхъ книгахъ, содержащихъ въ себѣ памятники древнѣйшаго Церковно-Славянскаго языка. При этомъ, присовокупляетъ авторъ, я захватывалъ и позаніе собственно-Русскіе памятники, а также Сербскіе и Болгарскіе, доставляшіе мнѣ какую-либо добычу словознученія. Не выходя въ свѣтъ Миклошичева словаря (Lexicon linguae Slovenicae veteri dialecti, 1850), я не оставялъ и низъ воспользо-ваться; но какъ у Миклошича и у меня при составленіи словаря

были равные приемы, — у него не означено, къ какой части рѣчи словъ принадлежать, не показаны ни роды, ни числа, ни падежи, въ какихъ слово встрѣчается: то я и не могъ принять на себя отвѣтственность въ вѣрности толкованія словъ, имъ выставленныхъ, и ограничился просто принятіемъ этихъ словъ въ томъ видѣ, какъ они поставлены у Миклошича. Въ введеніи въ словарь сдѣлано алфавитное указаніе матеріаловъ, конми пользовался А. Х. при составленіи словаря.

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ по языкованію мы встрѣтили слѣдующія статьи: *О древнемъ языкѣ Русскомъ*, М. П. Погодина (Москв. № 2); *Отвѣтъ на статью «Русскаго Вѣстника» объ «Одахъ Горациа»*, А. А. Фета (От. Зап. № 6).

VIII. К Р И Т И К А.

По отдѣлу критики словесныхъ произведеній въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ мы встрѣтили слѣдующія замѣчательныя статьи: *Семейная хроника и воспоминанія С. Т. Аксакова*, С. С. Дудышкина (От. Зап. № 4); *Ө. М. Дмитріева* (Русск. Вѣст. № 4); *Чинописи, ком. гр. Соллоуба Н. Ф. Павлова* (ibid. № 11).

IX. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

По исторіи Русской и Славянской литературы въ Вѣстникѣхъ II отдѣленія Императорской академіи наукъ явились слѣдующія статьи: *Свѣдѣнія г. Подчашинскаго о Польской повѣсти о царѣ Соломонѣ*, П. П. Дубровскаго (Вып. II); *Старческая пѣсня о юре-волосчастіи* (Прибавл. J. CXXX—CXXXVI); *Обзоръ редакцій Кіево-Печерскаго Патерика, преимущественно древнихъ*, Макарія, епископа Винницкаго (Вып. III); *О введенномъ болгаринъ в. к. Іоанна III, Иванъ Кондратьевичъ Судимонтъ*, М. А. Коркунова (ibid.); *Извѣстіе о древнемъ канонѣ въ честь св. Вячеслава Чешскаго*, замѣчаніе редактора И. Н. Срезневскаго (ibid.); *Волярская пѣсня, изъ сборника Н. Герова* (Прибавл. J. CXXXVII—CXXX); *Хорутанская пѣсня Mlada Vreda* (ibid.).

— «Обзоръ редакцій Кіевопечерскаго Патерика». — Авторъ, сказавъ нѣсколько словъ о значеніи Патерика въ церковномъ,

литературномъ и историческомъ отношеніяхъ, сначала дѣлаеть общій обзоръ редакцій Патерика. По мнѣнію преосвященнаго Макарія, всѣ редакціи Кіевопечерскаго Патерика раздѣляются по времени на три разряда: четыре, древнѣйшія, относятся къ XV вѣку или, точнѣе, извѣстны по спискамъ XV вѣка, еще четыре по спискамъ XVI вѣка, и двѣ составлены въ XVII вѣкѣ. Различіе этихъ редакцій зависитъ болѣе всего отъ количества статей, входящихъ въ составъ каждой, потомъ отъ различнаго помѣщенія и раздѣленія статей, отъ перестановки самихъ частей ихъ, наконецъ отъ нѣкоторыхъ сокращеній, вставокъ, вообще небольшихъ измѣненій. Статьи Кіевопечерскаго Патерика, по разнымъ его редакціямъ, можно раздѣлить на два класса: на статьи *основныя*, встрѣчающіяся во всѣхъ редакціяхъ, и на статьи *дополнительныя*, встрѣчающіяся только въ нѣкоторыхъ. Къ *основнымъ* статьямъ относятся: 1) Посланіе св. Симона, епископа Владимірскаго, къ червоорицу Кіевопечерскому Поликарпу, писанное 1225 г.; 2) Посланіе червоорица Поликарпа къ Кіевопечерскому архимандриту Акиндину, писанное около того же времени, и 3) Сказаніе о первыхъ червоорицахъ Кіевопечерскихъ, заимствованное изъ лѣтописи преп. Нестора. И очень вѣроятно, что самую первоначальную редакцію Кіевопечерскаго Патерика составили собственно только эти три статьи: потому что есть рукописные сборники, въ которыхъ хотя находятся и другія статьи, вошедшія въ послѣдствіи въ составъ Патерика, но имя Патерика Печерскаго стоитъ уже въ слѣдъ за ними только надъ этими тремя статьями. Всѣ эти основныя статьи, общія для всѣхъ редакцій Кіевопечерскаго Патерика, по содержанію своему вполне соответствуютъ идеѣ этого Патерика или *Отчелника*: всѣ онѣ повѣствуютъ объ отцахъ Печерскихъ, создавшихъ Печерскій монастырь и подвизавшихся въ немъ, первая — объ одиннадцати, вторая — о пятнадцати, третья — о четырехъ, а всѣ вмѣстѣ — о тридцати. *Дополнительныя* статьи, встрѣчающіяся только въ нѣкоторыхъ редакціяхъ Патерика, можно подраздѣлить также на два класса: на *однородныя* съ основными и соответствующія идеѣ Патерика, и на статьи, по содержанію своему *соприкосновенныя* этимъ однороднымъ и основнымъ, или *побочныя*. Статьи перваго рода суть: 1) Сказаніе о зачатѣ Печерскаго мо-

нястыря и о преп. Антоніи, цѣликомъ заимствованное изъ лѣтописи Нестора, впрочемъ встрѣчающееся и въ другомъ видѣ; 2) Обширное житіе преп. Θεодосіа Печерскаго, написанное Несторомъ, повѣствующее мноюходомъ и о другихъ Печерскихъ инокахъ: Антоніи великомъ, Варлаамѣ игуменѣ, Ефремѣ, который былъ впоследствии митрополитомъ Кіевскимъ и Переяславскимъ, Никонѣ — сподвижникѣ великаго Антонія, Исаѣи, впоследствии епископѣ Ростовскомъ, Даміанѣ пресвитерѣ, Иларіонѣ и Стефанѣ, бывшемъ послѣ епископомъ Владимірскимъ; 3) Сказаніе объ открытіи и перенесеніи мощей преп. Θεодосіа, взятое изъ Несторовой лѣтописи; 4) Похвала преп. Θεодосію неизвѣстнаго автора; 5) Посланіе преп. Θεодосіа къ в. к. Изяславу о вѣрѣ Латинской или Варяжской; 6) Выписки изъ лѣтописей: о преп. Нифонтѣ, впоследствии епископѣ Новгородскомъ, и о попѣ Василіѣ, избранномъ въ настоятели Печерскаго монастыря по смерти архимандрита Поликарпа въ 1182 году; 7) Посланіе въ Кіевопечерскій монастырь Всероссійскаго митрополита Фотія. Статьи *побочныя* — это тѣ, которыя не говорятъ о самомъ Печерскомъ монастырѣ, а повѣствуютъ только о предметахъ и происшествіяхъ, болѣе или менѣе къ нему относившихся, таковы: 1) Статьи о происхожденіи и первоначальномъ состояніи нашей церкви, о проповѣди у насъ св. апостола Андрея, о крещеніи Славянъ и переводѣ св. писанія на Славянскій языкъ, о крещеніи в. кн. Ольги и потомъ в. к. Владиміра, о первыхъ нашихъ церквахъ и нѣкоторыхъ епископахъ, о первыхъ нашихъ св. мученикахъ Варягахъ, убиенныхъ при Владимірѣ, о Борисѣ и Глѣбѣ и т. п.; 2) Статьи изъ исторіи нашего отечества: о призваніи Рюрика на княженіе въ землю Русскую, о послѣдующихъ князьяхъ Олегѣ, Игорѣ, Святославѣ, Ярополкѣ, Ярославі, Владимірѣ Мономахѣ и другихъ. Статьи перваго рода, т. е. однородныя съ основными и соответствующія идеѣ Кіевопечерскаго Патерика, находятся въ большей части его редакцій, а статьи послѣдняго рода — статьи побочныя, помѣщены только въ двухъ редакціяхъ и преимущественно въ одной изъ позднѣйшихъ. Подробное разсмотрѣніе разныхъ редакцій Кіевопечерскаго Патерика привело автора къ слѣдующимъ заключеніямъ: «Патерикъ Печерскій не есть сочиненіе одного какого-либо человѣка.

Ни Несторъ, ни Симонъ, ни Поликарпъ не написали Патерика. Первый составлялъ только житіе преп. Θεодосія и помѣстилъ въ своей лѣтописи нѣкоторыя сказанія о подвижникахъ Печерскихъ. Второй написалъ свое посланіе къ частному лицу, въ названіе которому упоминалъ о нѣкоторыхъ подвижникахъ Печерскихъ. Третій хотя предназначалъ свое посланіе для чтенія всѣхъ братій Печерской обители, но повѣствуетъ также только о нѣкоторыхъ подвижникахъ Печерскихъ и дѣлаетъ обращенія къ частному лицу. А потому, когда впоследствии начали пытаться изъ этихъ отдѣльныхъ сочиненій составить общій Патерикъ, то могли поступать двоякимъ образомъ: или такъ, чтобы сочиненія эти сохранить въ подлинномъ видѣ безъ всякой перемѣны, соединивъ только ихъ въ одинъ сборникъ, или такъ, чтобы, принявъ эти сочиненія за основаніе Патерика, воспользо-ваться ими по усмотрѣнію, дополнить ихъ другими свѣдѣніями и статьями, относящимися къ Печерскому монастырю, и изъ всего вмѣстѣ образовать такой сборникъ, который бы, соотвѣтствуя идеѣ Патерика, имѣлъ въ виду одну цѣль — представить рядъ жизнеописаній св. отцевъ Печерскихъ для назидательнаго чтенія благочестивыхъ христіанъ. Если смотрѣть на разныя редакціи Патерика съ первой точки зрѣнія, въ такомъ случаѣ, всѣ онѣ оказываются болѣе или менѣе несовершенными: потому что ни одна изъ нихъ не сохранила сочиненій Нестора, Симона и Поликарпа безъ всякой перемѣны, а нѣкоторыя даже измѣнили ихъ значительно. И въ этомъ отношеніи, сравнительно лучшими редакціями можно назвать: Арсеніевскую, Акакіевскую и Кассіановскую. Но такой взглядъ на редакціи Патерика былъ бы несправедливъ: долгъ составителей Патерика былъ тотъ, чтобы изъ разныхъ сочиненій о Печерскихъ подвижникахъ составить одинъ общій сборникъ, который бы по возможности представлялъ собою одно опредѣленное цѣлое и обращенъ былъ ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Если смотрѣть на редакціи Патерика съ этой послѣдней точки зрѣнія, въ такомъ случаѣ, всѣ онѣ оказываются болѣе или менѣе совершенными: потому что всѣ болѣе или менѣе могли достигать своей цѣли, доставляя христіанамъ назидательное чтеніе о подвижникахъ Печерскихъ. И въ этомъ отношеніи лучшая изъ всѣхъ редакцій есть, несо-

шѣнно, редакція печатная. Для цѣли же собственно литературной нужно желать, чтобы издавы были по древнимъ спискамъ три основныя статьи Патерика: Житіе преп. Феодосія, составленное Несторомъ, Посланіе св. Симона къ Поликарпу и Посланіе Поликарпа къ Акиндію, какъ три памятника нашей древней словесности, и чтобы притомъ издавы были не подъ именемъ Патерика, а каждая отдѣльно подъ своимъ собственно именемъ, какъ и вышелъ онѣ первоначально изъ рукъ своихъ писателей.

Въ прочіихъ періодическихъ изданіяхъ къ исторіи отечественной литературы принадлежатъ слѣдующія статьи: *О Русскомъ воззрѣніи*, В. Н. Лешкова (Москв. № 1); *Воспоминаніе о Н. П. Надеждинѣ*, М. Максимовича (ibid. № 3); *Еще о Русскомъ воззрѣніи*, В. Лешкова (ibid.); *Иванъ Ивановичъ Мартыновъ. Переводчикъ Греческихъ классиковъ*. (оконч.), Е. Я. Колбасина (Совр. № 4); *Очерки Гоголевскаго періода Русской литературы*, Ст. IV (Совр. № 4); *Библиографическая рѣдкость*, Мих. Лонгинова (ibid. № 5); *Библиографическія записки*, его же (ibid. № 6); *Любитель литературы Екатерининскихъ временъ*, П. П. Пекарскаго (От. Зап. № 4); *О Русскихъ народныхъ сказкахъ*, ст. I, II (ibid. и № 5); *Голосъ изъ провинціи объ отрывкахъ изъ второй части поэмы Гоголя «Мертвыя души»*, Н. М. (ibid. № 6); *О народности въ наукѣ* Б. Н. Чвчерина (Русск. Вѣст. № 9); *Литературныя замѣтки*. По поводу сочиненія г. Данилевскаго объ Основьяненкѣ (Моск. Вѣд. № 41, 46); *Два слова о журнальной сатиры прошлаго вѣка*, А. Афанасьева (ibid. № 55).

— «Два слова о журнальной сатиры прошлаго вѣка.» — Сказавъ нѣсколько словъ о томъ, что мы еще слишкомъ мало посвятали трудовъ и изслѣдованій Русской литературѣ прошлаго вѣка, авторъ, по поводу высказанныхъ г. Пекарскимъ въ статьѣ «Любитель литературы Екатерининскихъ временъ» мыслей о нашихъ періодическихъ изданіяхъ прошлаго вѣка, сдѣлалъ нѣсколько интересныхъ и справедливыхъ замѣчаній о Русской сатиры этого вѣка. «Сатирическія статьи 1769 — 1774 гг. — говорить г. Афанасьевъ — не должно ставить отдѣльно, независимо отъ прочіихъ литературныхъ произведеній, если хотимъ, чтобы онѣ явились въ настоящемъ свѣтѣ. Случая эти литературныя памятники съ сатирами Кантемира и памфлетами Сумаро-

кова, замѣчаешь много близкаго и въ идеяхъ, которыми они одушевлялись, и въ характеристикахъ, выводимыхъ ими и даже въ самыхъ приемахъ. Замѣчательными изъ сочиненій Сумарокова навсегда останутся его сатирическіе уроки, высказанные въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и затронувшіе столько живыхъ сторонъ. Въ 1759 г. выступилъ онъ съ журналомъ «Трудолюбивая Пчела», гдѣ встрѣчаемъ цѣлый родъ сатирическихъ замѣтокъ. Вслѣдъ за тѣмъ обличительныя статьи попадаютъ и въ журналы, издававшихся въ 60-хъ годахъ при Московскомъ университетѣ, напр. въ «Полезномъ увеселеніи» (1761—2 г.) и «Свободныхъ часахъ» (1763). Начатая Кантемиромъ и Сумароковымъ, сатира съ особенною силою и смѣлостью продолжала притомъ дѣйствовать въ журналахъ Ковицаго, Чулкова и Новикова; этимъ обязана она столько же рѣдкимъ дарованіямъ Новикова, сколько и тѣмъ славнымъ преобразованіямъ, которыя были задуманы тогда правительствомъ и которыя необходимо вызвали литературу къ сознанию общественныхъ интересовъ и къ открытымъ нападаніямъ на общественные недостатки. Сатиру, болѣе, чѣмъ всякой другой родъ литературныхъ произведеній (исключая комедій), надо разсматривать и изучать въ связи съ политическимъ настроеніемъ той или другой эпохи. Съ прекращеніемъ «Кошелька» (1774 г.), сатирическое направленіе въсколко ослабѣло; но оно не пресѣклось, и продолжалось во все время блестящаго царствованія Екатерины В., въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, которыя, вмѣстѣ съ цѣлями общаго умственнаго и эстетическаго образованія, преслѣдовали и цѣли нравственныя, вывода на позоръ темныя стороны быта и клеймя ихъ орудіемъ всѣмъшики. Ослабленіе сатирическаго направленія, конечно, имѣло свои причины, и въ числѣ ихъ едва ли не главною надо признать то обстоятельство, что Новиковъ охладѣлъ къ сатирической войнѣ. Увлеченный таинственнымъ мистицизмомъ мартинистовъ и ихъ нравоучительными разсужденіями, онъ предался этому учевію со всѣмъ жаромъ той неослабной энергіи, къ какой былъ способенъ по своей живой и впечатлительной природѣ. Появились періодическія изданія, наполненные строгими нравственными, философическими и теологическими размышленіями: «Утренній свѣтъ» (1779 — 1780), «Вечерняя заря» (1782),

«Покоющійся трудолюбець» (1784) и «Московское изданіе» (1781). Впрочемъ «Вечерняя заря» не чужда сатирическихъ статей. Разнымъ образомъ продолжаютъ появляться сатирическія статьи и на листахъ еженедѣльника «Что нибудь» (1780), «Разсказчика забавныхъ басенъ, служащихъ къ чтенію въ скучное время или когда кому дѣлать нечего» (1781), «Собесѣдника любителей Россійскаго слова» (1783 — 4), «Почты духовъ, или ученой, нравственной и критической переписки Арабскаго философа Маликульмулька съ водяными, воздушными и подземными духами» (1789), «Зрителя» (1792), «С. Петербургскаго Меркурія» (1793) и отчасти въ нѣкоторыхъ другихъ повременныхъ изданіяхъ. Въ этихъ журналахъ встрѣчаются мастерски набросанныя картины пороковъ и статьи, наполненныя самыми злыми выходками противъ лбеды, взятокъ, продажности правосудія, ханжества, злоупотребленій помѣщичьихъ правъ. И между сатирическими статьями журналовъ довольно попадается переводныхъ или передѣланныхъ; скажемъ болѣе: формы сатирическихъ сочиненій болшею частію заимствованны изъ литературъ западныхъ, а въ нападкахъ на людей свѣтскихъ, пристрастныхъ до крайностей къ Французскимъ модамъ и обыкновеніямъ, сатира наша весьма близко подходитъ къ сатирѣ Европейскихъ журналовъ, или, справедливѣе, слѣдуетъ ей указаніямъ. Это и понятно: «петиметры» рабски принимали тѣ мелочныя и тщеславныя стороны Парижскаго общества, противъ которыхъ уже на западѣ слышалось обличительное слово. Но, мимо указанныхъ заимствованій, въ нашей журнальной сатирѣ много такого, что прямо выхвачено изъ нашей среды. Цѣль, направленіе и содержаніе нашей сатирической литературы тѣсно соединяють ее съ комедіями императрицы Екатерины II, Фонъ-Визина и нѣкоторыми другими, нынѣ напрасно забытыми. Между этими литературными произведеніями много общаго, и, сличая ихъ, необходимо приходишь къ такому заключенію, что *сатирическіе журналы прошлию вѣка восмыслили нашу комедію*. Очевидно, что они не оставались безъ вліянія и на общество, и на литературу».

По исторіи литературы другихъ народовъ явились слѣдующія статьи: *Письмо объ Англійской литературѣ и журналистикѣ*, ивгороднаго подписчика (Совр. А. С. 4); *Жизнь Жоржа*

Санда (ibid. № 5 и 6, Русск. Вѣст. № 9 и 12); *Горы Краб* и *не произведенія*, А. В. Дружинина (Совр. № 5); *Носѣнная поѣзда во Франціи, во Италіи, Германіи и Англійи* (Письма къ редактору Отеч. Зап.); *Англійскіе поэты: Киллингъ, Темпсонъ, Бриджъ и Эндисъ*, К. Шваха (Отч. Зап. № 4); *Аддисонъ, жизнь и сочиненія*, Макалова (ibid. № 5 и 6); *Восточная литература* Русскіе ориенталисты Н. С. Савельева (Русск. Вѣст. № 8 и 9); *Алсамъ Кентерберійскій*, Е. М. Фоминцова (ibid. № 12); *Отъ степи Тьерра, Шваха* (Сиб. Вѣд. № 146); *Поездка милого Гейнриха Гейне* (Русск. Инв. № 129); *Сказки Андерсена* (ibid. № 131); *Керъ-Олу, Пенна* (Кавказъ № 27, 30, 31, 32, 33, 34, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42).

— «Аддисонъ, его жизнь и сочиненія» — Нельзя не благо дарить редакцію Отечественныхъ Записокъ за переводъ этой статьи знаменитаго историка Англійи. Она представляетъ результаты глубокаго научнаго личнаго Аддисона, его жизни государственной и литературной его дѣятельности, вліянія его на общество, словомъ, это — полная картина, произведеніе великаго художника, картина, въ которой нѣтъ ни одной лишней черты и ничего неоконченнаго. Кто знакомъ хорошо съ Англійскою литературою и произведеніями объ Аддисонѣ, тотъ вполнѣ отдастъ справедливость Макалову, прочитавъ его статью, и постарается забыть читанное нѣтъ прежде объ Аддисонѣ. Предѣлы нашего обозрѣнія не дозволяютъ намъ вложити въ подробности содержаніе этого труда Макалова; но чтобы сколько-нибудь познакомить нашихъ читателей съ его способомъ изложенія, мы приведемъ здѣсь небольшой отрывокъ о сатирахъ Аддисона. Самое лучшее средство (говоритъ Макаловъ) изображенія особенностей Аддисоновой сатиры — сравнити ее съ сатирами другихъ замѣчательныхъ писателей въ этомъ родѣ. Но нашему мнѣнію, три величайшіе мастера въ искусствѣ сатирическомъ въ XVIII вѣкѣ были: Аддисонъ, Свифтъ и Вольтеръ. Кто нѣтъ никакъ трехъ обладаетъ наибольшимъ искусствомъ возбуждать смѣхъ — это еще вопросъ: но вѣрно то, что каждый изъ нихъ былъ великъ въ своемъ родѣ. Вольтеръ — глава шутокъ. Вселенность его обнажена и необузданна. Она прыгаетъ, скалитъ зубы; хватается за бока, указываетъ пальцемъ, поднимаетъ носъ, высовываетъ языкъ. Со-

вершено противоположна манера у Свифта. Онъ заставляеть другихъ смѣяться, но самъ никогда не смѣется. Въ своихъ произведеніяхъ онъ таковъ, какимъ былъ въ обществѣ. Все общество помираетъ со смѣха, а деканъ, виновникъ всего этого, сохраняетъ невозмутимо-важный и даже угрюмый видъ и высказываетъ самыя эксцентрическія и смѣшныя мнѣнія съ видомъ человѣка, читающаго самую серьезную вещь. Манера Аддисона совершенно отлична какъ отъ манеры Свифта, такъ и отъ манеры Вольтера. Онъ не хохочеть, подобно Французскому остряку, или, смѣясь внутренно, не принимаетъ на себя вида угрюмости, подобно Ирландскому остряку, но сохраняетъ видъ, ему одному свойственный, — видъ важнаго спокойствія, смущаемаго только лукавымъ блескомъ глазъ, почти незамѣтнымъ возвышеніемъ брови и едва примѣтнымъ движеніемъ губъ. Тонъ его не тонъ Джака Пудлинга или Циника, а тонъ дворянина, въ которомъ самое сильное чувство смѣшнаго умѣрается добродушіемъ и хорошимъ воспитаніемъ. По нашему мнѣнію, юморъ Аддисона пріятнѣе юмора Свифта и Вольтера. Известно положительно, что Свифту и Вольтеру подражали съ успѣхомъ; но подражать Аддисону никто не могъ. Аддисонъ отличается отъ Свифта, Вольтера и отъ всѣхъ почти другихъ образцовъ въ области смѣшнаго главнымъ образомъ тою граціею, тѣмъ благородствомъ и тою нравственною чистотою, которыя нынѣ находимъ въ его веселости. Суровость, переходящая мало-по-малу въ шизантропію, составляетъ характеристическую черту произведеній Свифта. Для Вольтера не было ничего святая: онъ видѣлъ только предметы для насмѣшекъ въ образцовыхъ произведеніяхъ искусства, въ частнѣйшихъ типахъ добродѣтели и даже въ страшной загадкѣ могилы. Чѣмъ величественнѣе и важнѣе была тема, тѣмъ болѣе онъ напоминалъ свою болтовню и вриваньемъ обезьяну; веселость Свифта — веселость Миристофеля, смѣхъ Вольтера — смѣхъ Пока. Веселость Аддисона совмѣста съ вѣжливымъ состраданіемъ ко всему слабому и съ глубокимъ уваженіемъ ко всему возвышенному. Аддисонъ никогда не соединялъ ничего высокаго, ничего нящнаго, никакой нравственной обязанности съ какою-либо недостойною идеею. Человѣколюбію его не находимъ равнаго въ исторіи литературы. Пользоваться неограниченнымъ

вліяніемъ и не употреблять его во-зло — величайшій признакъ добродѣтели. Нѣтъ страшнѣе силы, какъ умѣнье дѣлать людей смѣшными, а Аддисонъ обладалъ этимъ умѣньемъ въ высшей степени. О немъ положительно можно сказать, что онъ не очернилъ ни чьего характера; трудно, если даже не невозможно, найти во всѣхъ оставленныхъ Аддисономъ сочиненіяхъ малѣйшую насмѣшку, которую можно было бы назвать невеликодушною или жестокою. Статьи Аддисона оказали огромную услугу общественной нравственности.*

Х. Изящная словесность.

Стихотворенія въ обзорѣваемый періодъ были слѣдующія:

Въ Москвитинѣхъ: *Вся правы по своему*. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ (N° 4).

Въ Библіотекѣ для чтенія: Л. Мея: Идиллія Теокрита — *Рыбаки* (N° 4), и *Волшебница* (N° 5); П. Никитина: *Выздѣлщикъ* (ibid.); *Люду Русскому, люду православному* (по случаю возстановленія мира) (ibid.).

Въ Современникѣхъ: Я. П. Полонскаго: *Сонъ* (N° 4) и *Гаданье* (N° 5); Н. Н.: *Въ черный день* (ibid.); А. А. Фета: *Одинокій дубъ* (ibid.); М. Л. Михайлова: стихотворенія Бориса: I. *Джонъ Андерсонъ, сердечный другъ! II. Къ полевой мыши, разоренной моими плугомъ. III. Къ срѣзанной плугомъ мариариткѣ. IV. Шагарь. V. Джонъ ячменное зерно. VI. Злая судьба* (N° 6); Н. О. Щербины: *Посль бала и Геній* (ibid.).

Въ Отечественныхъ Запискахъ: Н. О. Щербины: Изъ стихотвореній: Ямбы и Элегіи: 1) *Дума*, 2) *Къ поэту*, 3) *Женщина*, 4) *Отрывокъ изъ ямба*, 5) *Слово юношѣ*, 6) *Признаніе пророка*, 7) *Будущее*, 8) *Тишина* (N° 4); 9) *Оправданіе*, 10) *Ямба*, 11) *Письма вѣка*, 12) *Солнцу*, 13) *Свѣтъ*, 14) *Свиданіе съ моремъ*, 15) *Иронія*, 16) *Письма Московскому ополченію*, 17) *Поэтъ* (N° 6); А. А. Фета: *Оды квинта Горациа Флакка, Кнѣга III. I—XV. (N° 5); XVI—XXX (N° 6); Тѣнь*. Переводъ съ Китайскаго (ibid.); графа А. К. Толстаго: 1) *Шумитъ на дворѣ непогода*, 2) *Вотъ ужь слытъ послѣдній въ полѣ таетъ*, 3) *Куряны*, 4) *Ужъ ты нева,*

моя нянушка. 5) *Край ты мой, родимый край!*... 6) *Средь шумнаго бала, случайно* (№ 5).

Въ Пантеонѣ: *Люблю я васъ*, К. Павловой (№ 4); *Женщина — поэма*, В. Беведиктова (ibid.); ...Н., Грекова (ibid.); *Полководецъ на Алмазахъ*. Быль Ев. Ск—го (ibid.); *Венера Анадиомена* (Н. О. Щербинѣ), Ш. Кроля (№ 5), и *Кипарисъ*, В. Беведиктова (ibid.).

Въ Русскомъ Вѣстникѣ: Гр. А. К. Толстаго: 1) *Благовѣств.* 2) *Князь Ростиславъ* (Баллада). 3) *Цыганская пѣсня*. 4) *Пустой домъ*. 5) *Гдѣ иутся надѣ омутомъ лозы*. 6) *Ужъ ты мать-тоска, юрванымце!* (№ 7); Н. П. Огарева: 1) *Старикъ*. 2) *Весною*. 3) *Ты сътучеши, что послѣ долинхъ лѣтъ*. 4) *Когда ты грустная, слезу стереви съ рѣсницы*. 5) *Барышня*. 6) *Nocturno* (№ 8); 7) *Къ ...* (№ 9); 8) *Проклясть бы могъ свою судьбу* (№ 11); 9) *Портреты*. 10) *За дѣлами идутъ дни, идетъ за юдомъ юдь*. 11) *Ангога Мивае атиса*. 12) *Опять знакомый домъ, опять знакомый садъ*. 13) *Кулань* (№ 12); Н. Ф. Павлова: *Не говори, что сердцу больно* (№ 9) и *Благодѣтель* (№ 11); М. А. Михайлова: *Пѣсни Гейне* (№ 10).

Въ Русскомъ Иностранцѣ: *Солдатъ Искра*. Разсказъ въ стихахъ А. О. Погосскаго (№ 123).

Въ Сѣверной Пчелѣ: 25 марта 1856 года. *Благовѣстуй землѣ радость велию*. П. Каратыгина (№ 85),

Въ Одесскомъ Вѣстникѣ: Д. Фридмана: *Nocturno* и *Сумерки на морѣ* (№ 68).

Въ газетѣ Кавказъ: *Солдатская пѣсня*, Н. Степанова (№ 46).

Въ Читеніи для солдатъ: *Русь* (кн. 3), и *Пыжовъ*. Разсказъ, современный послѣдней войнѣ. Рядов. Соколова (кн. 4).

Прозаическую часть изящной словесности составляли слѣдующія оригинальнѣя произведенія:

Въ Москвитинѣ: *Разсказъ Севастопольскаго матроса въ Москвѣ* (№ 2); *По поводу статьи В. А. Жуковскаго: «О привидѣніяхъ»*, Г. С. П. (№ 3).

Въ Библиотекѣ для Читенія: *Собѣя. Еще нѣсколько листковъ изъ записокъ, Мелъ* (№ 4); *Крушинскій*. Романъ А. А. Потѣхина. Ч. II (№ 5, 6); *Снявши голову, по волосамъ не плачутъ*. Огры-
Часть XIII. Отд. VI.

вокъ изъ записокъ пансіонерки, посланный при письмѣ къ подругѣ. Е. (ibid.).

Въ Современникѣ: *Опытъ о глмыцахъ. Провинціальный глмыщъ*. Очерки нравовъ Ив. Панаева (№ 4); *Семейная картина*, А. Н. Островскаго (ibid.); *Эпизодъ изъ исторіи обороны Севастополя. Разказъ рядоваго Минскаго полка Гончарова*. Н. П. Сокальскаго (ibid.); *Два тусара*, гр. Л. Н. Толстаго (№ 5); *Свадьба Кречинскаго*. Комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ А. Н. Сухово-Кобылина (ibid.); *Во ялушм*. Повѣсть В. В. Б—а (№ 6); *Секретъ*. Разск. пластуна. Н. П. Сокальскаго (ibid.).

Въ Отечественныхъ Запискахъ: *Переселенцы*. Романъ изъ простонароднаго быта Д. В. Григоровича. Ч. III и IV (№ 4—6); *Журавлевъ*. Разск. солдата. Н. П. Сокальскаго (№ 4); *Горы*. Пов. А. Я. Марченко (№ 5); *Разказъ Русскаго офицера, бывшаго въ плѣну во Франціи (1854—1855 г.)*, П. Жукова (№ 6).

Въ Пантеонѣ: *Донкихотикъ*. Разказъ Гришко Григоренко (№ 4); *Дуняша, дочь станціоннаго смотрителя*. Драма въ 4 дѣйствіяхъ кн. Кугушева (ibid.); *Привидѣніе*. Разск. Подаревскаго (ibid.); *Гайка*. Повѣсть Н. Кохановской. Ч. I (№ 5); *Русскій подмастерье*. Физиологическій очеркъ П. Александрова (ibid.); *Охота на волковъ*. Разск. М. Подаревскаго (ibid.).

Въ Русскомъ Вѣстникѣ: *Семейныя сцены*. Оконч. Е. Нарской (№ 7); *Лето въ Гапсаль*. Разказъ С. Вахновской (№ 8); *Ужасы художниковъ*, М. П. Бибикова (№ 9); *Бѣленькіе, черныя и стренькіе*, Н. И. Лажечникова (№ 9, 11 и 12); *Сцены съ пустынь*, П. Н. Березява (№ 10); *Изъ моихъ записокъ*, М. С. Щепкина (ibid.); *Корнетъ Отлетаевъ*. Пов. кн. В. Кугушева (№ 10, 11 и 12).

Въ Сѣверной Пчелѣ: *Брюсовъ календарь*. Разск. (№ 136).

Въ Читеніи для солдатъ: *Восемь мѣсяцевъ въ плѣну у Французовъ*. Оконч. (кн. 3); *Изъ походнаго журнала капитана Московскаго полка Саварскаго* (ibid.); *Плѣнные Французы въ Одессѣ* (ibid.); *Кладбища въ Севастополь* (ibid.); *Искушеніе*. Быль (кн. 4); *Братская любовь*. Разск. Н. Ланге (ibid.).

Отдѣлы иностранной словесности содержали въ себѣ переводы слѣдующихъ сочиненій:

Въ Библіотекѣ для Читенія: *Разказъ Французскаго офицера*

цера, бывшаго въ плѣну у Англичанъ. Ст. III и послѣдняя (№ 4); *Ньюкомы.* Записки одного весьма почтеннаго семейства. В. Теккерей. Ч. VII и VIII (№ 5); *Поездка Мистера Фиц-Джеральда въ Парижъ, предпринятая имъ съ цѣлю испытать на себѣ самомъ «Парижскія тайны».* Разск. Леона Гозлана (ibid.).

Въ Отечествен. Запискахъ: *Крошка Дорратъ.* Романъ Ч. Диккенса, въ двухъ книгахъ. Кн. I (№ 4—6).

Въ Пантеонѣ: *Наставница или пансионъ въ Брюссель.* Английскій романъ. Соч. Г-жи Корреръ Белль (Шарлоты Бронти). Ч. I (№ 4 и 5); *Безпокойный мужъ.* Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Подраж. Французскому. Актера Сергѣя Бойкова (№ 4); *Простуда у камила.* Комедія-водев. въ одномъ дѣйствіи. Перев. съ Фран., его же (№ 5); *Житейскія тревоженія знаменитаго комедіанта,* соч. Ал. Дюма. Перев. Θ. Кони (ibid.).

Въ Русскомъ Вѣстникѣ: *Невѣстка.* Романъ, перев. съ Английска. Ч. III (№ 6 и 7); *Курдскій князь.* Разск. княгини Бельджойозо (№ 8 и 9).

Въ газетахъ помѣщены были слѣдующіе переводы:

Въ Русскомъ Инвалидѣ: *Тысяча вторая ночь* (№ 119 и 120); *Путешествіе за именемъ.* Раз. Леона Гозлана (№ 134).

Въ Сѣверной Пчелѣ: *Шляпа Наполеона.* Разск. (№ 90); *Графиня Бригиоль.* Разск. Мери (№ 134).

Въ Одесскомъ Вѣстникѣ: *Венеціанской портной.* Разск. Н. П. Виллиса (№ 47—49); *Любитель сильныхъ ощущеній* (№ 59—61); *Таковы онъ въ, за исключеніемъ весьма немногихъ, которыя точно такія же, или счастливая спекуляція, произведенная мною съ помощію свадебной корзинки герцогини Орланской.* Разск. Саэира (№ 71).

Въ Вѣд. Моск. гор. полиц. Алхимикъ XII столѣтія. Разск. Эли Берте (№ 76 и 77); *Двойникъ.* Разск. (№ 107 и 108), и *Мадамъ Полишонъ.* Разск. Камилла Дюлакъ (№ 137—139).

XI. СВОБОДНЫЯ ХУДОЖЕСТВА.

Къ этому отдѣлу принадлежать слѣдующія статьи: *Изъ воспоминаній о знаменитомъ хореографѣ К. Л. Дидло,* Л. П. Г. (Москв. № 4); *Театральная зрѣлища у Римлянъ,* С. Рыжова

(Библи. для Чт. № 5); *О картинахъ 1. Моллера, В. Стасова* (Русск. Вѣстн. № 7); *Надгробный памятникъ К. П. Брюлова въ Римѣ*, А. А. Авдѣева (ibid. № 9); *Мастерскія Русскія художниковъ въ Римѣ*, его же (ibid. № 10); *Нѣсколько словъ о Фламандской живописи*, Н. О. Крузе (ibid. № 12); *Ветовень. Ст. Дьедонне Давидъ-Барона* (Русск. Инв. № 76 и 77); *Мейерберъ. Біограф. очеркъ* (ibid. № 113); *Іоаннъ Бюословъ, проповѣдывающій на островѣ Патмосѣ*. Картина г. Моллера (Сѣв. Пч. № 91); *Некролювъ Завьялова, Камевскаго* (ibid. № 144).

— *Надгробный памятникъ К. П. Брюлова.* — Въ этой, статьѣ, кромѣ надгробнаго памятника нашего великаго художника, описаны оставшіяся послѣ него большею частію неоконченныя работы, принадлежащія теперь хозяину послѣдней его квартиры, г. Титови. Изъ описанныхъ въ статьѣ работъ особеннаго вниманія заслуживаютъ Венера со спящимъ на колѣняхъ амуромъ (фигуры натуральной величины). Жаль, что эту картину постигла та же участь, что Сусанну Брюлова. Художникъ, довольный своею работою, изрѣзалъ все полотно ножомъ; теперь она реставрирована другимъ художникомъ. Нельзя однакожъ не любоваться граціознымъ положеніемъ спящаго Амура. Далѣе слѣдуетъ упомянуть о трехъ композиціяхъ мифологическаго содержанія. Первая изъ нихъ, исполненная масляными красками, съ нѣкоторою оконченностію, изображаетъ одну изъ эротическихкихъ сценъ въ родѣ представляемыхъ на картинахъ, вырытыхъ изъ цѣпла Помпей. Здѣсь сцена тѣмъ замѣчательнѣе, что участницею богиня: это нѣкогда цѣломудренная Діана, нашедшая въ лѣсу спящаго Эндиміона... Другая композиція скорѣе подмалевокъ, чѣмъ картина: эта такъ-называемое «затмѣніе солнца», выраженное въ поцѣлуй Діаны, олицетворяющей луну, и Аполлона, изображеннаго въ видѣ Геліуса, бога солнца. Геліусъ ѣдетъ на своей лучезарной колесницѣ; богиня ночи, обвиняя его одною рукою, даетъ ему какъ бы прощальный поцѣлуй. Трудность подобной компоновки побѣждена довольно удачно. За то третья композиція, исполненная въ рисунокѣ Италіянскимъ кирандашемъ съ растушовкою, не оставляетъ ничего болѣе желать: это Діана, покоющаяся на крылахъ ночи, — летящей фигуры въ видѣ крылатаго гения, съ сомкнутыми глазами; прекрасно сгруппиро-

ванный мальчикъ, разсыпающій макъвыя цвѣты, олицетворяетъ сонъ. Спокойствіе и наслажденіе блестятъ на челѣ богини ночи. Брюловъ называлъ это ночью на Monte Testaccio, гдѣ его похороняли, и нарисовалъ тутъ внизу вершину пирамиды Кая Цестія, тамъ находящейся. Еще, къ сожалѣнію, въ половину оконченная картина небольшого размѣра; это сцена въ гаремѣ: обожженная одадыка предъ невольницей. Фигура самой одадыки совершенно окончена и показываетъ какъ бы послѣднюю вспышку этого дарованія, еще могучаго по самому выполненію, а остальная часть картины, какъ будто потерявшая для него интересъ, осталась въ подмалевкѣ. Должно упомянуть еще о двухъ картинахъ, представляющихъ Римскокатолическія религіозныя процессіи; одна въ оконченномъ акварельномъ рисункѣ, другая—въ масляной подмалевкѣ. Послѣдняя представляетъ внутренность базилики S-ta Maria Maggiore; на заднемъ планѣ несутъ пау; на первомъ толпа преклоняющагося народа; всмотритесь въ эту толпу, и сколько увидите въ тутъ страстей, волнующихъ человѣчество. Ими увлекается и молодая поселенка, пришедшая изъ окрестностей Рима на богомолье, и молодой клирикъ, который переглядывается съ нею въ ту минуту, когда она преклоняетъ колѣна предъ святымъ отцомъ; тутъ и сержантъ, поставленный для соблюденія порядка и благочинія. Еще остался эскизъ какой-то многосложной картины, довольно небрежно набросанный масляными красками на бумагѣ. Какъ ясна въ этомъ эскизѣ идея, руководившая живописцемъ въ тѣ минуты, когда онъ очерчивалъ эти фигуры! Чувствуя, какъ угасала въ немъ жизнь, видя предъ собою неизбежный исходъ ея, онъ изобразилъ время, сокрушающее все великое и славное міра сего. Тутъ основатели различныхъ вѣрованій, сектаторы, законодатели, свѣтила наукъ, завоеватели и владыки земные. Неумолимая рука времени сталкиваетъ ихъ, одного за другимъ, съ лица земли. Прахъ Брюлова покоится на Monte Testaccio, на такъ-называемомъ протестантскомъ кладбищѣ, гдѣ Римляне хоронятъ всѣхъ, по словамъ ихъ, *иноверцевъ*, т. е. христіанъ, не принадлежащихъ къ Римскокатолической церкви. Это кладбище, усаженное кипарисами, находится подлѣ воротъ св. Павла, еще въ городской чертѣ, между древними Римскими памятниками—пирамидою Кая Цестія и курганомъ, называемымъ

горою Testaccio. Памятникъ Брюлова по величинѣ своей очень замѣтень на кладбищѣ. Продолговатая форма его не представляетъ ничего новаго; это воспроизведеніе, въ большихъ размѣрахъ, надгробныхъ камней, завѣщанныхъ намъ античными міромъ. Вершину его составляетъ полукруглый фронтонъ, съ двумя свѣшивающимися по сторонамъ завитками.

Музыкальный и театральный вѣстникъ содержитъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія статьи: *О преподаваніи игры на фортепіано*, Автона Контскаго. Прод. (№ 14, 16, 18, 21); *Десятая симфонія Бетховена*, А. Сѣрова (№ 15, 17); *Бесѣды Гиллера съ Россіи* (№ 15, 18, 19); *Встрѣча съ Россіи*. Разсказъ Русскаго туриста (№ 15); *Курсъ музыкальной техники*, А. Сѣрова (№ 16, 19, 20, 21, 22, 24); *Мейербергъ*, Сѣрова (№ 17); *Арнольдъ*, К. Званцова (ibid.); *Историческій очеркъ театральной искусства на западъ, преимущественно въ Германіи* (№ 18, 20, 22, 23, 24, 25); *Италіянская опера и балетъ въ Россіи за сто лѣтъ предъ симъ* (№ 19); *Валентино Кастелли* (№ 20); *О музыкальномъ творчествѣ Моцарта*, К. Званцова (№ 23); *Біографическіе очерки: Теодоръ Делеръ* (ibid.); *Адольфъ Фуманелли и его сочиненія* (№ 24); *Конкурсъ для драматическихъ сочиненій по случаю столѣтняго юбилея Русскаго театра* (№ 25); *Сочиненіе о Греческой музыкѣ* (ibid.); *Ритмъ, какъ спорное слово*, А. Сѣрова (ibid.); *Харьковскій театръ въ 1816 году* (ibid.).

Лучшія статьи принадлежатъ гг. Сѣрову и Контскому.

XII. МАТЕМАТИЧЕСКІЯ НАУКИ.

Журналъ главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ знаній (книжк. 3) содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи: *О сопротивленіи чугуна и желѣза, на основаніи новѣйшихъ опытовъ, произведенныхъ въ Англій*; *Описаніе Московской губерніи въ строительномъ отношеніи*, Кипріянова; *Описаніе Ладожскаго канала, въ историческомъ и статистическомъ отношеніяхъ*, Казнакова; *Деревянные колейные дороги*; *Колеса изъ котельнаго желѣза для вагоновъ*; *Сводныя о движеніи судоходства по Невѣ съ 25 апрѣля по 1-е іюля 1856 г.*

— •Описаніе Ладожскаго канала въ историческомъ и ста-

тистическомъ отношеніяхъ. — Вотъ что говоритъ, между прочимъ, авторъ о началѣ постройки этого канала: «До устройства Ладожскаго канала, суда, отправляемыя съ Вышневолоцкой системы къ С. Петербургу, изъ Волхова, не иначе могли входить въ Неву, какъ пройдя Ладожское озеро. Озеро это, представляющее вѣтрамъ огромную площадь, подвержено сильнымъ бурямъ, а дно его устлано подводными камнями. Весьма естественно, по этому, что проходъ судовъ, и особенно безпалубныхъ барокъ, по Ладожскому озеру, рѣдко совершался безъ несчастій. Слова Петра В. въ указѣ 18 ноября 1718 г. доказываютъ, какъ гибельно было это плаваніе: «какой великій убытокъ по вся годы чинится на Ладожскомъ озерѣ отъ худыхъ судовъ, и что однимъ сими гѣтомъ съ 1000 судовъ пропало, а съ начала строенія сего мѣста (С. Петербурга, въ 1703 г.) болѣе 10,000». Изъ сохранившейся рукописи гр. Миниха видно, что почти третья часть барокъ пошла на озеро. Петръ В., во время пребыванія во Франціи, удостовѣряясь въ пользѣ Лангедокскаго канала, возымѣлъ въ 1718 г. намѣреніе соединить р. Волховъ съ Невой, посредствомъ подобнаго же канала, дабы суда избѣгли необходимости совершать опасный переходъ чрезъ Ладожское озеро. Повелѣніе строить каналъ послѣдовало 19 сентября 1718 г., а 22 мая 1719 г. Петръ В. лично открылъ работы канала. По совершеніи молебствія, вблизи Новой Ладоги, онъ самъ державною рукою взявъ лопату, наполнилъ три раза землею тачку и съ того мѣста, гдѣ назначенъ былъ каналъ, отвезъ ее въ сторону. Его примѣру послѣдовали всѣ сановники, при государѣ находившіеся. Такъ начато было Петромъ В. дѣло, о которомъ (говоритъ гр. Минихъ) государь не переставалъ имѣть попеченіе и часто выражался: «что отъ сего канала будутъ питаться С. Петербургъ и Кронштадтъ и получать потребные матеріалы къ строенію флота и изъ самихъ и Россійская коммерція съ Европою придетъ въ цвѣтущее состояніе».

ХІІІ. Военныя науки.

Военный Журналъ (№ 3) содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи: *Описаніе экспедиціи Англо-Французовъ въ Крымъ*

1855, Богдановича; *О военной дисциплинѣ*, Черневскаго; *Исторія военного искусства въ Россіи отъ начала Руси до царствованія Алексѣя Михайловича*; *Изслѣдованія различныхъ способовъ проекціи картъ*, Голубева; *Три года войны для Англійи и Франціи*; *Радость и горе Англичанъ о мирѣ*; *Отзывъ лорда Кларендона о Русской арміи*; *Новое раздѣленіе Французской арміи*; *Еще объ иностранныхъ войскахъ на службѣ Франціи*; *Испанская національная гвардія*.

Въ Артиллерійскомъ Журналѣ явились слѣдующія статьи: *Отчетъ о занятіяхъ артиллерійскаго отдѣленія военнаго комитета въ 1855 г.* (№ 2 и 3); *Журналъ экспедиціи въ Адрю* (№ 2); *Прицѣлы ручнаго оцестръльнаго оружія*, Евг. Есаулова (ibid.); *Англійскія сигнальныя ракеты*, К. Ковстантинова (ibid.); *О новѣйшихъ испытаніяхъ орудій изъ литой стали*, А. Энгельгардта (ibid.); *О новомъ Австрійскомъ ручномъ оцестръльномъ оружіи*, В. Бѣльева (ibid.); *Жальзный морской станокъ*, Андреева (ibid.); *Ланкастерскія орудія*, А. Горлова (ibid.); *О тремучекислой ртути и прочіяхъ тремучекислыхъ соединеніяхъ*, А. Пашкова (№ 3); *Нѣкоторыя артиллерійскія достопримѣчательности обороны Севастополя*, Н. Крыжавовскаго (ibid.); *Приложенія къ второй статьѣ*: 1) *Элевационныя станки*. 2) *Употребленіе полевыхъ орудій на верхахъ Севастополя*. 3) *Различные роды мортирной картечи*, В. Луганнина (ibid.); *О приготовленіи литой стали сплавленіемъ зеркальнаго чугуна съ желѣзомъ*, А. Энгельгардта (ibid.); *Прусскій станокъ для испытанія ружей* (ibid.); *Картечныя гранаты, употребляемыя въ Саксонской артиллеріи* (ibid.).

Въ Журналѣ военно-учебныхъ заведеній (№ 480): *Описаніе битвы Одесскаго Егерскаго полка съ Турками, 25 декабря 1853 года, при с. Фоктыко-Банулай, при Четати*.

Въ Читеніи для солдатъ: *Черты изъ исторіи лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка* (кв. 3); *На 30-е марта 1856 года* (ibid.); *Прогулка по окрестностямъ Бахчисарая* (кв. 4); *Защитными Севастополя* (ibid.); *Празднества въ Москвѣ въ честь Черноморскихъ моряковъ* (ibid.).

Въ прочіихъ періодическихъ изданіяхъ: *Бомбардированіе Севастополя* (двѣ главы изъ 2-й части исторіи войнъ 1853, 1854 и 1855 годовъ), Е. П. Ковалевскаго (Совр. № 5); *С. Петербургскія*

дружина, Байкова (С. Пб. Вѣд. № 75); *Мои воспоминанія о штурмѣ съ 26 на 27 августа 1855 г.*, Ресницкаго (ibid. № 89); *Письма изъ Грозной* (ibid. № 139 и 140); *Русскій солдатъ и его боевыя пѣсни*, Лебедева (Русск. Инв. № 100 и 139); *Кончина одною изъ защитниковъ Севастополя* (ibid. № 117); *Армія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ* (ibid. № 195); *Новыя подробности о сраженіи при Аल्पъ* (ibid. № 136); *Новое сочиненіе о Крымской экспедиціи*, П. Разумова (Моск. Вѣд. № 65, 73 и 76); *Подвигъ 4-ю баталіона Тенинскаго полка*, Н. Моисаенко (Газ. Кавк. № 34); *Памяти князя Н. Д. Ерстова* (ibid. № 43); *Крупный разговоръ бомбардира Кувыкина съ батарейнымъ школьникомъ*, Н. И. Толмачева (ibid. № 48).

— Три года войны для Франціи. — Французское правительство представило законодательной палатѣ, на основаніи 21 статьи закона 5 мая 1855 г., проектъ закона о дополнительныхъ и чрезвычайныхъ кредитахъ, которые должны быть сию утверждены. Въ этомъ проектѣ заключается три разряда кредитовъ и три финансовыя операціи 1854, 1855 и 1856 г. Принятіе сего закона основывалось на необходимости произвести ликвидацію издержекъ на войну, нынѣ оконченную, и потому теперь можно составить себѣ точное о нихъ понятіе. Три разряда чрезвычайныхъ кредитовъ представляютъ слѣдующія цифры: *Дополнительные и чрезвычайные кредиты 1854 г.* 494,552,747 фр. 24 сент.

Чрезвычайные кредиты 1855 г. 728,022,171 фр. 43 сент.

• • • 1856 г. 159,979,242 фр. 63 сент.

Всего же въ три года 1,382,554,161 фр. 30 сент.

Изъ этой суммы, составляющей на наши деньги 325 слянскомъ милліоновъ рублей сер., война поглотила болѣе 303 милл. руб., и деньги эти приобрѣтены посредствомъ займовъ.

XIV. Горныя науки.

Горный Журналъ содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи: *Описаніе приотвлекія литой и цементной стали въ Воткинскомъ заводѣ по Англійскому способу*, Котляревскаго (№ 4); *Объ измереніи азотнокислаго кали и улекислой извести* (ibid.); *Подраз-*

дѣленіе палеозойскихъ породъ въ Шотландіи (ibid.); Вѣроятное существованіе ледниковъ въ палеозойское время (ibid.); Способы отдѣленія мѣди отъ цинка, предложенный Готфрейлемъ (Hautefeuille) (ibid.); Плотность земли (ibid.); Актрацитъ и растительные остатки въ нижнесилурійскихъ ярусахъ южной Шотландіи (ibid.); О шиферныхъ ломкахъ (ibid.); Железные и глиняныя водопроводныя трубы (ibid.); Примѣчаніе к. Абыха къ статьѣ: Объ озерѣ Урміа и химическомъ составѣ его воды (ibid.); О гидравлическомъ горнозаводскомъ хозяйствѣ, съ описаніемъ устройствъ, въ немъ употребляемыхъ, Ружкова (ibid.); Взглядъ на горныя разведки въ Украинскомъ военномъ поселеніи, съ 1831 по 1846 годъ, Перекрестова (№ 6); Успѣхи неорганической химіи, Савченкова (ibid.); Отчетъ объ успѣхахъ поисковыхъ партій въ Алтайскомъ округѣ, въ 1855 г. Окоч. (ibid.); О добычѣ соды изъ сернокислаго натра, осаждающагося въ некоторыхъ Астраханскихъ озерахъ (ibid.); Дѣйствіе хлора на окрашиваніе пламени при сгораніи тѣлъ, Форба (ibid.); Железные руды въ землѣ войска Донскаго (ibid.); Приготовленіе урана, Пелиго (ibid.); Извлеченіе борной кислоты изъ озера Монтеротондо и изъ окружающей его почвы, Дюрвала (ibid.); Мнѣніе Мурчисона о золотосырыхъ розсыпяхъ Австраліи (ibid.).

— Мнѣніе Мурчисона о золотосырыхъ розсыпяхъ Австраліи. — Въ 25 засѣданіи Британскаго Общества распространенія наукъ, бывшемъ въ Глазговѣ, 6 сентября 1855 г., Камбелль сдѣлалъ замѣчаніе, что золотосырые розсыпи неистощаемы, и что открытіе золота, по настоящее время, находится еще въ совершенномъ младенчествѣ. Это замѣчаніе вызвало отвѣтъ Мурчисона, который сказалъ, что, судя по свѣдѣніямъ, доставленнымъ губернаторомъ Австраліи, можно сомнѣваться, чтобы количество добычи золота въ этой странѣ увеличилось; напротивъ, оно уменьшается, не смотря на быстрое увеличеніе народонаселенія, которое пытается искать счастья въ отысканіи золота. Австралія — дѣйствительная страна, гдѣ золотосырые пески занимаютъ чрезвычайно обширныя долины, и всѣ хотятъ знать, когда истощатся эти розсыпи. Въ теченіе 25 или 30 лѣтъ, нѣсколько ранѣе или позже, но истощеніе будетъ совершенное. Самыя богатыя розсыпи залегаютъ почти всегда на поверхности. При первомъ посѣщеніи Испанцами южной Америки, когда они увидѣли двор-

цы Монтеаумы и другихъ принцевъ залитыми золотомъ, которое туземцы собирали въ песокъ, на самой поверхности, палками, они воскликнули невольно: что же будетъ, когда мы проникнемъ въ вѣдра земли! Но что-же вышло? Ища золота, они совершенно разорились, и съ того времени осталась въ народѣ пословица: «Кто хочетъ разбогатѣть, тотъ долженъ добывать мѣдь; кто мечтаетъ объ умѣренномъ богатствѣ, тотъ долженъ добывать серебро; что касается до того, кто хочетъ разориться, тотъ долженъ приняться за добычу золота». Конечно, вѣтъ правила безъ исключенія, но въ 19-ти, изъ 20-ти случаевъ, извлеченіе съ незначительной глубины стоитъ 25 шиллинговъ на 1 фунтъ стерлинговъ золота. По-крайней-мѣрѣ подобное наблюденіе сдѣлано въ южной Америкѣ. Впрочемъ, Австралія, безъ сомнѣнія, долгое время еще будетъ производить золото.

Сюда можетъ быть отвесена статья: *Мѣдь въ окрестностяхъ Верхняго озера, въ Соединенныхъ Штатахъ* (Журн. Мин. Вн. Дѣл № 5).

XV. НАУКИ, ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ МОРЕПЛАВАНІЮ.

Въ Морскомъ Сборникѣ напечатаны: *Адмиралъ Петръ Ивановичъ Рикордъ и его современники*, В. Мельвицкаго (№ 6); *Сутки на Малаховомъ курганѣ 20 мая 1855 г.*, А-го В-ва (№ 6); *Кладбище въ Севастополѣ* (ibid.); *Взглядъ на некоторыя вновь предложенныя и предлагаемыя приспособленія*, Ив. Шестакова (ibid.); *Пребываніе Черноморскихъ моряковъ въ Москвѣ и приѣмы ихъ Астраханскими жителями*, А. Писемскаго (ibid.); *Мысли по поводу статьи: «О воспитаніи»*, В. Даля (№ 7); *Замѣтки о преподаваніи Русскаго языка и словесности*, Н. Греча (ibid.); *Прошедшее и будущее въ воспитаніи моряка*, Ст. флотскаго офицера (ibid.); *Нѣсколько словъ о Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ*, П. Ляичева (ibid.); *Капитанъ 1-го ранга Перелешинъ, матроса Солдатова* (ibid.); *Московскія празднества въ честь Севастопольскихъ моряковъ*, М. Погодина (ibid.); *Наставленіе для вычисленія таблицъ девиации*, перев. съ Англ. И. Бѣзвенца (ibid.); *Замѣчанія о желѣзныхъ станкахъ и лафетахъ, о металлическихъ банникахъ и о пользѣ употребленія на крепостяхъ желѣзныхъ ударныхъ молот-*

ковъ, вице-адмирала фонъ-Шавца (ibid.); *Воздухоплаваніе*, Константинова-1 (№ 8); *На мысъ Доброй Надежды*, Ив. Гончарова (ibid.); *Очерки Финляндіи*, А. Милюкова (ibid.); *Отвѣтъ на статью г. Н. Р.*, ст. II. (ibid.); *Маркъ Филипповичъ Горковенко*, біограф. очеркъ (ibid.); *Мнѣніе Британскаго королевскаго ученаго общества о метеорологическихъ наблюденіяхъ по предложенію Мори*, перев. съ Анг. Н. Тресковскаго (ibid.); *Арктическое теченіе*, перев. Паукера (ibid.); *Построеніе шкуны «Хеда» въ Японіи*, К. (ibid.); *О Нагасакскихъ укрѣпленіяхъ* (ibid.); *Мысли и замѣчанія о морскомъ ольѣ*, И. И. фонъ-Шанца (ibid.). Сверхъ того, въ отдѣлѣ Смѣси помѣщены 44 статейки, а въ отдѣлѣ Библіографіи рассмотрѣно 39 новыхъ изданій.

— «О Нагасакскихъ укрѣпленіяхъ». — Японское правительство, избравъ Нагасаки пунктомъ сообщенія съ иностранцами, озаботилось укрѣпить рейды и гавани этого порта. При первомъ взглядѣ на батареи, число помѣщенныхъ на нихъ орудій покажется достаточнымъ для отраженія значительной морской силы; но, по внимательнѣйшемъ рассмотрѣніи Нагасакскихъ укрѣпленій, оказывается, что Японцы не имѣютъ понятія ни объ инженерномъ, ни объ артиллерійскомъ искусствѣ. Нагасакскій портъ защищенъ 38 батареями съ 137 орудіями разнаго рода и калибра, по большей части поставленными на морскихъ ставкахъ. Кромѣ того, Японцы могутъ помѣстить до 25 орудій на вновь устроенныхъ плацахъ. Всѣ укрѣпленія расположены безъ соображенія съ правилами инженернаго искусства, и потому они не могутъ устрашить непріятеля. Орудія помѣщены на выровненныхъ плацахъ, такъ-что самыя орудія и вся прислуга остаются открытыми, и вообще почти всѣ батареи устроены на значительныхъ высотахъ, отдѣльно одна отъ другой; такимъ образомъ каждая изъ нихъ, не имѣя средствъ получить подкрѣпленія съ сухаго пути, или отъ другой батареи, должна полагаться только на свои силы. Всѣ значительныя батареи, каковы на островахъ Анносима и Сиросима, открыты фланговому огню; этому много способствуетъ приглубость береговъ въ сѣверной части залива Кіузіу у мыса Факунда; но Японцы, по-видимому, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія объ этомъ: ибо на всѣхъ батареяхъ плацы такъ узки, что въ томъ направленіи, въ кото-

ромъ онѣ могутъ быть фланкированы, у нихъ дѣйствуетъ только одно орудіе съ каждой батареей. Японцы, кажется, стараются укрѣпить только тѣ мѣста, мимо которыхъ проходятъ иностранныя суда въ обыкновенное время, или гдѣ приходится бросать якорь. Въ Нагасаки, кромѣ этого, такъ много военныхъ лодокъ, что Японцамъ, казалось бы, можно положиться на одну гребную флотилію. Между тѣмъ и эта флотилія существуетъ болѣе для вида, нежели для дѣла.

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ къ этому отдѣлу принадлежатъ статьи: *По поводу большаго смотра Англійскому флоту*. Два письма Ксавье Ремона въ редакцію *Journal des Débats* (Моск. Вѣд. № 58 и 62); *Новое морское право* (Военн. журн. № 3); *Смотръ Англійскаго флота* (ibid.).

XVI. ЕСТЕСТВЕННЫЯ НАУКИ ВООБЩЕ.

Въ Вѣстникѣ естественныхъ наукъ помѣщены слѣдующія статьи: *Драконъ или летучая ящерица*, К. Ф. Рулье (№ 8); *Архитектура насекомыхъ*, А. Е. Мина (ibid. № 9, 11); *Вліяніе магнетизма на немагнитныя тѣла* (№ 8); *Смерть между облаками* (№ 9); *Исландскіе гейзеры*, Я. А. Борзенкова (ibid.); *Внутри двухъ морей* (ibid.); *Альпійскій юрный козелъ* (№ 10 и 11); *Верблюды*, С. А. Усова (ibid.); *Стаканы для питья*, Ф. А. Баталина № 10); *Содержаніе соли въ Каспій*, академикъ Бера (ibid. № 11 и 12); *Крокодилъ*, Н. А. Сѣверцова (№ 11); *Гранъ-Чако* (ibid.); *Астраханская водяная роза*, С. И. Гремяченскаго (№ 12 и 13); *Горная природа Швейцаріи*, Фрид. фонъ-Чуди (№ 12); *Іерихонская роза*, С. А. Гремяченскаго (ibid.); *Старый и новый свѣтъ*, Арвольда Гюю (№ 13).

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ по естествознанію явились слѣдующія статьи: *Опытъ ботанической фізіономіки Крымскаго полуострова*, Густава Ролле (Журн. М. Г. Им. № 5 и 6); *Нѣсколько замѣчаній о дождяхъ въ Россіи*, академика Веселовскаго (ibid. № 5); *О птицахъ и птицьемъ пльнѣ*, Мишлѣ, Чуди и Леонардѣ. Письмо къ редактору От. Зап. К. Штахеля (От. Зап. № 5); *Важный фізіологическій вопросъ*, Н. Л. (Русск. Вѣст. № 7); *Леопольдъ фонъ-Бухъ и геологія*, Н. А. Любимова

(*ibid.* № 10); *Нѣсколько словъ о замѣчаніяхъ Біо, по поводу учрежденія метеорологическихъ обсерваторій въ Алжирѣ*, академ. Купфера (С. Пб. Вѣд. № 97); *Лондонскій зоологическій садъ* (Русск. Инв. № 28); *Воздушное путешествіе въ Новомъ-Орлеанѣ* (*ibid.* № 102).

XVII. МЕДИЦИНСКІЯ НАУКИ.

Военно-медицинскій журналъ (часть LXVII, № 2) содержитъ въ себѣ слѣдующія статьи: по практической медицинѣ и хирургіи: *О резекціяхъ и ампутаціяхъ*, Д-ра І. Ф. Гейфельдера. — По госпитальной клиникѣ и казуистикѣ: *Краткій обзоръ ученія о плоскихъ и остроконечныхъ кондиломахъ*, С. Гельбиха. — По военно-медицинской полиціи и гигиенѣ: *О воздухѣ въ химико-физиологическомъ отношеніи*, Д. Джовстова. — По ветеринарнымъ наукамъ: *О случной болѣзни лошадей*, О. Пашкевича; *О значеніи чумопрививанія въ ветеринарной практикѣ*, Л. Золотовскаго. — По военно-медицинской статистикѣ: *Годовой обзоръ болѣзней, господствовавшихъ въ войскахъ дѣйствующей и, послѣ раздѣленія ея, въ западной арміи, съ 1-го ноября 1854 г. по 1-е ноября 1855 г., главнаго штабъ-доктора А. Пшесмыцкаго*; *Извлеченіе изъ отчета «О тифозной горячкѣ въ южной арміи»*, С. П. Алферьева и Г. Меринга. — Въ отдѣлѣ Сибѣи: *Нѣсколько медицинскихъ замѣтокъ о Крымской войнѣ*, Н. Райскаго; *Программа конкурсной задачи для преміи, объявленная Императорскимъ Вилевскимъ медицинскимъ Обществомъ въ день празднованія пятидесятилѣтняго юбилея, 12 декабря 1855 г.*; *Дѣйствіе листовнаго бальзама на язву, Лобке*; *Химическое свойство съдобныхъ грибовъ и ихъ питательность*, М. Ж. Лефора; *Общество магнитизеровъ въ Туринѣ*, В. Тунѣва.

Изъ статей, помѣщенныхъ въ Другѣ здравія, замѣчательны слѣдующія: *Новѣйшее ученіе о происхожденіи паразитовъ въ человеческомъ тѣлѣ*, Шлегеля (№ 15 и 16); *О количествѣ жизни на земномъ шарѣ* (№ 15); *О современномъ состояніи медицины въ западной Европѣ* (*ibid.* и № 20); *Выхожденіе костей соимшаю зародыша, спустя 12-ть лѣтъ, чрезъ нрыевъ, открывшіяся въ прямую кишку матери, и вообще о вѣматочныхъ беременностяхъ*, Буальскаго (№ 18 и 18); *Хирургическая клиника С. Петербургской медико-хирургической академіи. Лекція Пирогова*

(№ 19, 20, 21, 22); *Новый способъ операціи фимозиса* (№ 22); *О воспаленіи оболочекъ юловнаго мозга* (ibid.); *Фармакологико-терапевтическое изслѣдованіе о конопль* (ibid.); *По вопросу о возможности передачи сифилиса посредствомъ прививанія оспы*, д-ра I. Ф. Гейфельдера (№ 25); *О судорогахъ у кормящихъ грудью* (ibid.); *Объ олеинъ изъ трескового печеночнаго жира* (ibid.); *Сравнительный анализъ человѣческой мочи* (ibid.).

Въ прочихъ періодическихъ изданіяхъ къ медицинскимъ наукамъ относятся слѣдующія статьи: *Видельмскій госпиталь* (Журн. Мин. Вн. Дѣл № 5); *О копытной и грудной болѣзни оленей* (ibid. № 6); *Серпиевскія минеральныя воды* (ibid.); *О выборѣ пищи для золотушныхъ дѣтей*; *Повѣрье о щетинкѣ*; *О физическомъ и умственномъ упражненіи*, док. С. Смирнова (Моск. Вѣд. № 53 и 55).

XVIII. ПРОМЫШЛЕННОСТЬ, ТЕХНОЛОГІЯ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

По отраслямъ сѣхъ наукъ явились между прочимъ слѣдующія статьи:

— По теоретической части хозяйства: *Уроки для земледѣльческихъ работъ*; *Сравненіе выгоды барщины и оброка* (Журн. М. Г. Им. № 5).

— По земледѣлію: *О воздѣлываніи озимой ржи въ Елисаветградскихъ окрестностяхъ*, Лаврентьева (Гр. Имп. В. Эк. Общ. № 6); *Опыты посѣва ржи съ овсомъ*, Уманова (Журн. С. Хов. № 4); *О трехпольномъ хозяйствѣ* (Земл. Газ. № 29); *О раздѣленіи полей въ степномъ хозяйствѣ* (ibid. № 31).

По скотоводству вообще: *Объ уходѣ и выращиваніи рогатаго скота въ мѣлнѣ Ланскаю, съ описаніемъ средствъ скотоврачеванія*, Сорохтина (Журн. С. Х. № 4); *О выращиваніи теллятъ для образованія молочной породы* (Земл. Газ. № 29, 30); *О выдержкѣ и приготовленіи лошади къ испытанію* (Журн. Ков. и Ох. № 4, 5); *Краткая исторія Сентъ-Леджера* (ibid. № 4—6); по части охоты: *Нѣкоторые изъ прежнихъ охотниковъ* (ibid. № 6).

— По лѣсоводству: *О лѣсныхъ продуктахъ на всемірной Парижской выставкѣ* (Журн. Мин. Гос. Им. № 4); *О пользѣ лѣсовъ въ Новороссійскомъ краѣ въ климатическомъ отношеніи* (Земл. Газ. № 30).

— «О лѣсныхъ продуктахъ на всемірной Парижской выставкѣ». — Въ предшествовшемъ обзорѣнн мы сообщили нѣсколько извѣстій о земледѣльческой части всемірной Парижской выставки; вотъ нѣсколько извѣстій о лѣсныхъ продуктахъ той же выставки, которые должны были сообщить выставкѣ замѣчательное разнообразіе. На всемірную выставку прислано было очень много лѣсныхъ продуктовъ со всѣхъ концовъ земнаго шара. Первенство принадлежало Англійскимъ колоніямъ. Повидно, что Канада, Австралія, Гвіана, мысъ Доброй Надежды, Индія направили всѣ свои усилія, чтобы отличиться на выставкѣ: такъ какъ западная Европа нуждается въ лѣсѣ. Война съ Россіей особенно поощрила усилія колоній, съ которыми, въ снабженіи лѣсомъ западной Европы, можетъ соперничать только Россія: Англія давно потеряла свои лѣса; Франція, хотя еще имѣетъ значительныя лѣсныя пространства, но они покрыты почти исключительно молодыми лѣсами; южная Европа ничего не можетъ дать; въ Германіи лѣсоводство приведено въ совершенный порядокъ, но должно удовлетворять внутреннимъ нуждамъ; Скандинавскіе лѣса начинаютъ истощаться, по-крайней-мѣрѣ въ доступныхъ пространствахъ. Колоніи хотѣли воспользоваться случаемъ, чтобы привлечь къ своимъ лѣснымъ богатствамъ вниманіе Европейскаго торга и достигли своей цѣли вполне. Даже специалисты не ожидали видѣть такіе сокровища и образцы породъ, доселѣ неслыханныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ еще не имѣютъ названій въ наукѣ. Первая и главная потребность Европы — въ кораблестроительномъ матеріалѣ; потребность эта необширна, сравнительно съ требованіями на другіе роды лѣса, но за то условія кораблестроительнаго матеріала чрезвычайно строги, нужны цѣлыя вѣка на его образованіе. Цѣны на корабельный лѣсъ постоянно возвышаются въ Англіи и во Франціи, — теперь особенно, когда едва достаетъ нужное количество матеріала на всѣхъ верфяхъ. Доказательствомъ сильнаго требованія служитъ недавнее распоряженіе Французскаго правительства, разрѣшившаго покупку готовыхъ кораблей въ чужихъ земляхъ и безпошлинный ввозъ всякихъ матеріаловъ для кораблестроенія; извѣстно, какъ Французское правительство осторожно во всякомъ измѣненіи таможенныхъ правилъ. Послѣ флота, желѣзныя дороги тре-

буютъ также много лѣса. Исчисляютъ, что для 9,500 верстъ желѣзныхъ дорогъ, уступленныхъ Французскимъ правительствомъ частнымъ компаниямъ, нужно до 205 т. кубич. саж. лѣса; для ремонта дорогъ во Франціи и въ Англіи нужно въ каждой ежегодно до 20,000 кубич. саж. Нѣтъ сомнѣнія, что эти цифры съ развитіемъ желѣзныхъ путей должны далеко увеличиться. И такъ потребность обширна. Сверхъ того начинаютъ проводить деревянные рельсы подлѣ обыкновенныхъ дорогъ, для провоза тяжестей; наконецъ станціи, вагоны, мосты и проч. потребляютъ много лѣса. Послѣ желѣзвыхъ дорогъ до-сихъ-поръ много требуется лѣса для гражданскаго строительнаго искусства вообще; здѣсь стараются замѣнить дерево желѣзомъ; но водвореніе послѣдняго въ строительномъ искусствѣ идетъ весьма медленно, желѣзо вообще дорого. Наконецъ упомянемъ о столярномъ искусствѣ, каретномъ, бочарномъ, о дровахъ, — опять и опять дерево. Исчисляютъ всю ежегодную потребность въ лѣсѣ во Франціи до 80 милліоновъ руб. сер., а въ Англіи до 90 милл.; внутреннее производство далеко недостаточно для удовлетворенія этой потребности. Ввозъ чужеземнаго лѣса въ обоихъ государствахъ съ 1815 года удесят�ерился; Франція привозитъ на 17½ мил. р. сер., Англія — на 75 милл. Повѣтво, что подобныя требованія были сравнительны для Англійскихъ колоній. Канада ежегодно вывозитъ лѣсныхъ матеріаловъ на сумму до 12½ мил. р. с.; они преимущественно закупаются Англіей. Но Канада можетъ снабжать Европу несравненно большимъ количествомъ, если судить по присланнымъ ею образцамъ. Особенно восхваляютъ Канадскую *бѣлую соску*, заключающую въ себѣ всѣ необходимыя качества для самыхъ лучшихъ мачтъ; она достигаетъ 50 метровъ (23½ саж.) высоты. Сюда принадлежитъ также особенно дерево, называемое въ Канадѣ *тамаракъ*, изъ породы лиственницы. Довказательствомъ превосходствъ кораблестроительнаго матеріала въ Канадѣ служитъ цвѣтущее состояніе тамъ кораблестроенія; судно, построенное въ Канадскихъ портахъ, обходится въ 300 ф. за тонну, тогда какъ въ Англіи и во Франціи въ 500. Толщина растительнаго пласта, тропическая теплота, влажность, поддерживаемая безпрестанными дождями, — всѣ эти условія дѣлаютъ Гви-

ану самую благоприятную страну для большихъ растений. Самая замѣчательная древесная порода въ Гвинеѣ — *мога ехсепа*-, достигающая 45 метровъ (21 саж.) вышины. Лѣса этого дерева кажутся путешественникамъ издали горами, покрытыми зеленью. Упомянемъ о прядильномъ веществѣ, извлекаемомъ изъ банановъ и подающемъ въ Европѣ самыя блестящія надежды. Бананы и безъ того уже считаются однимъ изъ самыхъ благодѣтельныхъ произрастеній земнаго шара. Говорятъ, что изобрѣтена особенная машина для извлечения прядильнаго вещества изъ банановъ, в количество его, говорятъ, несмѣтно. Неизвѣстно, въ какой степени дѣйствительность оправдываетъ эти надежды, но если хотя сколько-нибудь оправдываетъ: то, къ сожалѣнію, будутъ увѣнчаны усиліемъ усилія Англіи, которая дѣлала повсемѣстные поиски, чтобы вознаградить себя за тѣ обширныя запасы пеньки, которые она получала изъ Россіи. Во всѣхъ Англійскихъ колоніяхъ теперь извлекаютъ волокно изъ разныхъ деревьевъ, и журналы рассказываютъ, что изъ нихъ дѣлаютъ канаты, обривки которыхъ были на выставкѣ,—превосходящія крѣпостію канаты изъ Русской пеньки. Коллекція Австралійскихъ древесныхъ породъ была великолѣпна. Извѣстно, до какой степени растительное и животное царство Австраліи отлично отъ всѣхъ прочихъ странъ свѣта; въ древесныхъ породахъ та же оригинальность. Между особенными породами должно упомянуть о *колоссальной крапивѣ*; стволъ самыхъ толстыхъ достигаетъ 40 футовъ въ окружности въ 4 футахъ отъ земли. Но еще оригинальнѣе — *фиговое дерево*, пускающее свои корни въ другихъ деревьяхъ и вершинами своими покрывающее цѣлыя массы деревьевъ. Всего прислано Австраліей до 250 породъ. Подлѣ такихъ богатствъ, Европейскія лѣсныя породы блѣднѣютъ, но онѣ сохраняютъ свою цѣну: ибо заморскіе матеріалы, какъ ни легки нынѣ сообщенія, все-таки весьма затруднительны для перевозки. Потому да не наводятъ на насъ рассказы о лѣсныхъ сокровищахъ Америки и Австраліи никакого унывія: по возстановленіи міра, требованія на наши запасы непремѣнно будутъ; приготовимся только, чтобы воспользоваться ими. Колоніальный лѣсъ только потому и могъ вступитъ въ соперничество съ Европейскимъ, что цѣны сдѣлались непомерно высоки.

— По садоводству: *Краткое руководство къ модному*

плодоводству, Лаврентьева (Тр. Имп. В. Эк. Общ. № 5); *Разведеніе дынь и арбузовъ въ паровыхъ грядкахъ* (Земл. Газ. № 36, 37); *Выставка садовыхъ произведеній въ Москвѣ* (ibid. № 40).

— По шелководству: *О Русскихъ шелкахъ*, Залогина (Журн. С. Х. № 3).

По пчеловодству: *Росіе и размноженіе пчелъ семьями*, Покорскаго-Жораѣко (Журн. С. Хов. № 4); *Краткое замѣчаніе объ ульяхъ вообще и о линейныхъ въ особенности* (Земл. Газ. № 32 и 33); *Малороссійскіе улья въ теоретическомъ и практическомъ отношеніи* (ibid.).

По технологіи вообще: *О способахъ усовершенствованія льнянаго волокна для ручнаго и машинаго пряденія*, Птинскаго (Журн. С. Х. № 5); *Картофельно-крахмальное производство* (Журн. Ман. и Тор. № 1—3); *Картофельно-паточное производство* (ibid.); *О приотвленіи спирта изъ свекловичи*, Милованова (Зап. Имп. Каз. Эк. Общ. № 4); *Краткій обзоръ промышленности воскомъ въ Россіи*, Бурляя (ibid. № 4—6); *Матеріалы для Русскаго заводско-фабричнаго словаря*, Киттары (ibid. № 4—6).

— Краткій обзоръ промышленности воскомъ въ Россіи.— Г. Бурляй, въ своемъ любопытномъ обзорѣ, сообщаетъ сперва историческія свѣдѣнія о производствѣ воска въ Россіи въ древнія времена, потомъ описываетъ самыя операціи восковаго производства и наконецъ исчисляетъ существующіе въ Россіи восковые заводы. Особенно любопытны историческія свѣдѣнія, изъ коихъ мы заимствуемъ слѣдующія: Славянскія племена издревле славились изобиліемъ воска и меда. Галль, путешествовавшій въ XI вѣкѣ въ нѣкоторыхъ западныхъ и южныхъ губерніяхъ нашего отечества, также Несторъ говорятъ, что Русскіе обезпечивали свою торговлю съ Греками воскомъ и медомъ. Но предки наши снабжали этими продуктами не только Грековъ, Германцевъ и другихъ Европейскихъ народовъ, но и часть Азіи. Въ иностранныхъ городахъ, съ которыми они вели торговлю, находятся записки при купеческихъ книгахъ о количествѣ пудовъ меда и воска, привезенныхъ ими. Эти записки относятся къ XV, XVI, XVII и XVIII вѣкамъ. Во многихъ Славянскихъ земляхъ пчеловодство было доведено до такого развитія, что оно принесло огромное количество меда и воска: поэтому закономъ было

постановлено собирать государственныя подати не только скотомъ и мѣхами, но даже медомъ и воскомъ. Эти два продукта, можно сказать, были золотомъ нашихъ предковъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ даже судебная пеня была платима этими произведеніями. Витвицкій, изъ Литовскихъ метриковъ, составилъ слѣдующую любопытную таблицу отпуска воска изъ Литовскихъ и нѣкоторыхъ княжескихъ кладовыхъ за границу.

Вѣдомость.	Г о д ы.					Общій итогъ кам.
	1506 и 1507	1508 и 1509	1521	1518 и 1519	1521	
Отпущено.	Камни (*) или пуды воска.					
1) Изъ Полоцкой каморы (кладовой).	19223	5950	»	2300	3000	
2) Изъ Луцкой.	4618	4617	6000	»	»	
3) Гродненской.	1800	1960	»	»	»	
4) Дорогитской.	700	«	»	»	»	
5) Владимірской. (въ Волынской губ.).	»	2500	180	»	»	
Брѣсть-Литовской.	1620	»	»	»	»	
Продано въ это время изъ каморъ.	»	»	»	»	»	166190
Отпущено вновь изъ кладовыхъ въ эту эпоху	»	»	»	»	»	63968

Итого отпущено камней воска 239126

Изъ розыскной Витвицкаго оказалось, что 239126 камней воску, означенныхъ въ таблицѣ, собрано въ теченіе 10 лѣтъ, слѣдовательно среднимъ числомъ каждый годъ собиралось почти по 23912 камней. Въ нынѣшнее время во всей Европейской Россіи едва можно собрать въ продолженіе года такое количество воска, которое означено въ вѣдомости, между-тѣмъ-какъ въ XVI столѣтіи оно было выбрано на пространство, равномъ $\frac{1}{300}$ доли ея, конечно и не въ продолженіе одного только года.

(*) Вѣсъ, называемый камнемъ, заимствованъ отъ Германскаго слова Stein и нынѣ еще въ употребленіи въ нашихъ западныхъ губерніяхъ; онъ почти равенъ Русскому пуду, употребляемому въ прочихъ мѣстахъ Россіи.

Кромѣ кладовыхъ, помѣнованныхъ въ таблицѣ, находилось множество кладовыхъ какъ въ частныхъ, такъ и въ государственныхъ имуществвахъ; такъ въ Каменцѣ, Брауловѣ, Винницѣ и Ковно, — мѣстностяхъ, гораздо лучше вышеназванныхъ, находились казенныя кладовыя. Вѣрныхъ же свѣдѣній о количествѣ отпускаемаго изъ нихъ воска собрать было не возможно, потому что въ архивахъ ихъ не находилось. Вѣроятно, Турки и Татары, нападавшіе на южную Россію, сожгли или увезли старинныя мѣстные архивы. Но что южныя губерніи болѣе благопріятствуютъ пчеловодству, доказательствомъ этому служить лучшее состояніе его тамъ и въ наше время, нежели въ другихъ мѣстахъ Россіи, что должно приписать хорошему климату и изобилію медоносныхъ источниковъ. Витвицкій между прочимъ упоминаетъ о сочиненіи Ржончинскаго, подробно описывавшаго пчеловодство, процвѣтавшее въ XIII вѣкѣ въ Кіевскомъ помѣстьѣ, что въ Лебедянскомъ лѣсу. Содержатели этихъ ульевъ или бортей приносили ежегодно по 200 боченокъ меда и воску ховяину лѣса, вмѣсто такъ-называемой десятины. Доходъ съ этого пчеловодства Витвицкій кладетъ въ 1 милліонъ рублей асс. Такихъ помѣстій во всей Руси могло быть до 1 тыс., слѣдовательно бортевое пчеловодство доставляло нашимъ предкамъ приблизительно до 1000 мил. руб. ассиг., не говоря уже о прибыли отъ домашняго. Большая часть этихъ произведеній потреблялась дома, а излишекъ продавался чужеземцамъ, — между тѣмъ какъ вывѣзъ отпускъ меда совершенно прекратился, да и отпускъ воску чрезвычайно уменьшился. Валовой доходъ отъ воска въ XV и XVI столѣтіяхъ Витвицкій исчисляетъ приблизительно такъ: въ земляхъ, составлявшихъ тогдашнюю Русь, находилось до 5000 квадратныхъ миль мѣстности, благопріятствующей пчеловодству. Съ нихъ иногда собиралось до 5,000,000 камней или пудовъ воску; а пудъ воску въ древнее время продавался почти за 30 р. асс. на наши деньги, и слѣдовательно доходъ отъ него былъ 150,000,000 руб. асс. Девять частей этого произведенія были потребляемы дома; слѣдовательно во всякомъ случаѣ дѣды наши получали отъ продажи остатка воска не менѣе 10,000,000 руб. асс. Въ 1795 году вывезено за границу воска и меда на 388,000 руб. сер., въ 1803 — на 326,555 руб. сер. Въ настоящее время хотя

вывозъ воска за границу увеличился, но все-таки онъ ничтоженъ въ сравненіи съ вывозомъ въ XVI столѣтіи. Такъ въ 1835 году отпущено воска 24,175 вудъ, отъ продажи котораго купцы получили около 1,003,074 руб. асс. Въ теченіе же 7 лѣтъ до 1842 года почти такое же количество его было отпущено, какъ въ одномъ 1835 году. Между тѣмъ изъ вышепомѣщенной таблицы видно, что изъ одной второстепенной Полоцкой кладовой отпущено такое же количество воску, которое вынѣ изъ всей Европейской Россіи. Спрашивается, что же за причина такого процвѣтанія пчеловодства у нашихъ предковъ и упадка его у насъ? Причина процвѣтанія заключается въ томъ, что наши предки считали медъ необходимою. Они выдѣлывали изъ него разные напитки, употребляли его въ лѣтва, тѣмъ болѣе, что сахаръ тогда не былъ еще извѣстенъ; особенно во время постовъ медъ былъ у насъ въ большомъ употребленіи. Кромѣ того способность предковъ къ пчеловодству и мѣстоположеніе способствовали развитію этой отрасли промышленности. Причинами же упадка пчельной промышленности въ настоящее время заключается въ томъ: 1) что люди, имѣющіе средства для успѣшнаго занятія пчеловодствомъ, оставляютъ его. По ихъ мнѣнію, эта отрасль промышленности приноситъ мало дохода, а между тѣмъ требуетъ много хлопотъ. Особенно потери и неудачи при началѣ охлаждаютъ ихъ рвеніе. 2) Промежутокъ времени отъ 1834 года до 1842 года былъ самымъ несчастнымъ временемъ для пчеловодства; въ эти годы погибло множество пчелъ не только у насъ, но и въ другихъ Европейскихъ государствахъ. Не смотря на эти причины, Витвицкій справедливо замѣчаетъ, что никто кромѣ насъ не въ состояніи подвинуть впередъ пчеловодства, какъ по мнѣнію хорошихъ пчелъ, такъ и по мѣстоположенію; за границею уже замѣтно оскудѣніе пчельныхъ произведеній, слѣдовательно пѣна должна на нихъ повыситься. По этому онъ совѣтуетъ возстановить въ прежнихъ размѣрахъ пчеловодство, которое обѣщаетъ чрезвычайныя выгоды, если соединить въ одні руки всю торговлю произведеніями этой отрасли ховяйства.

По ховяйству вообще: *Наблюданія по предмету дренажа въ Курляндіи, въ 1854 и 1855 годахъ*, А. Ната (Журн. М. Г. Им. № 5); *Наставленіе о молочномъ ховяйствѣ*, К. Гюрдана (ibid. № 6);

Наблюденія надъ осушеніемъ и видоизмѣненіемъ болотъ и надъ дренажемъ въ Курляндіи, А. Пата (ibid.); О торфѣ, какъ необходимо подспорье дровамъ, Несытова (Журн. С. Х. № 5); О добываніи дегтя изъ березы, Гребнера (ibid.); О началъ хозяйства въ одной подмосковной, Жеребцова (ibid. № 6); Сравнительное химическое изслѣдованіе стебля сахарнаго Китайскаго проса, Шиндта (ibid.); Матеріалы для сельско-хозяйственнаго словаря, Клыковскаго (Зап. Имп. Кав. Эк. Об. № 4—6); Нѣсколько словъ о Кавказѣ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, Дейчмана (Зап. Кавк. Общ. С. Х. № 3); Нѣсколько словъ объ Имеретіи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, Бобылева (ibid.); О бѣленіи огородныхъ растений (Земл. Газ. № 51 и 52); Размышленіе о сельскихъ хозяйствахъ и сельскомъ хозяйствѣ (ibid. № 53).

По разнымъ отраслямъ хозяйства и промышленности: *Хозяйственная статистика Харьковской губерніи (Журн. М. Г. Им. № 4); Хозяйственно-статистическое описаніе Новородской губерніи (ibid. № 5); Астрономическое путешествіе по нѣкоторымъ уѣздамъ Вологодской губерніи въ 1854 г., (Тр. Имп. В. Эк. Общ. № 5); Русскій помещичій крестьянинъ, Бланка (ibid. № 6); О дарованіяхъ крестьянина Зайцева и о пароходѣ «Эммануэль», имъ построенномъ, Несытова (Журн. С. Х. № 4); Актъ въ Московской земледѣльческой школѣ и отчетъ за 1854—55 учебный годъ, Аввенкова (ibid. № 5); Производство хлѣбныхъ подошвенныхъ кожъ, Благовѣщенскаго (Зап. Имп. Кав. Эк. Об. № 5 и 6); Аппаратъ для выпариванія въ безвоздушномъ пространствѣ, Киттары (ibid. № 5 и 6); О происхожденіи источниковъ, Бобылева (Зап. Кавк. Общ. С. Х. № 3); О заведеніи сельскихъ школъ (Земл. Газ. № 44).*

— «О происхожденіи источниковъ». — Статья эта доставлена въ редакцію «Записокъ Кавказскаго Общ. сел. хов.» при письмѣ автора статьи, г. Бобылева, которое, служа вступленіемъ въ предметъ изысканій, заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія, прекрасно характеризующія еще мало изслѣдованную природу Закавказскаго края. «Во второй книжкѣ «Записокъ», говоритъ авторъ, помѣщена статья «О способахъ орошенія полей на востокѣ». Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вопросъ этотъ для Закавказскаго края имѣетъ глубокую важность, и мы должны быть благодарны за всякое, даже малѣйшее указаніе этихъ способовъ. Но нельзя не при-

знать за бесспорную истину, что для насъ, въ настоящее время, еще важнѣе изслѣдованія не только о способахъ орошенія готовой уже водою, но и объ отыскиваніи этихъ водъ. Взглядъ на геологическое строеніе Кавказа съ этой исключительной точки зрѣнія, сдѣланный опытнымъ и ученымъ специалистомъ, былъ бы конечно явленіемъ драгоценнымъ для нашей едва только возникающей сельско-хозяйственной и ученой литературы. Съ этой стороны, Кавказъ ожидаетъ еще своего Гумбольдта; но какъ Гумбольдты появляются въ дѣлѣ науки не часто, то намъ, мелкимъ труженикамъ, не надо пренебрегать ни малѣйшей замѣткою, могущею разъяснить этотъ сложный и интересный вопросъ. Недавно попалась мнѣ книжка журнала «Annales des ponts et chaussées»; въ ней я нашелъ статью «О происхожденіи источниковъ» (Note sur l'origine des sources); статья эта проливаетъ особый свѣтъ на столь интересный вопросъ и указываетъ на признаки, по которымъ возможно устройство подземныхъ водопроводовъ почти съ несомнѣннымъ успѣхомъ. Хотя г. Бузье, авторъ статьи, и описываетъ въ ней мѣстность и геологическое строеніе горъ средней Франціи, тѣмъ не менѣе въ этомъ описаніи много есть аналогіи точно съ такимъ же почти строеніемъ въ некоторыхъ горъ Закавказскаго края. Притомъ же геологическіе законы фильтраціи водъ и распредѣленіе ихъ между рыхлыми и непроницаемыми слоями земной поверхности равно одинаковы и равно примѣнимы подъ разными широтами. Кромѣ того, не могу не сказать, что мнѣ самому приходилось наблюдать явленія въ здѣшней Кавказской природѣ, которыя поражали меня своею загадочностью и требовали глубокой вдумчивости въ извѣстные мнѣ законы науки. Таково напримѣръ нахожденіе источниковъ въ Нижней Рачѣ, на вершинѣ хребта Накеральской горы. Не приступивъ предварительно къ точнымъ, ученымъ изслѣдованіямъ геологическаго строенія этихъ горъ, не представивши профиля напластованія разныхъ породъ, изъ которыхъ онѣ составлены, и систему фильтраціи водъ, трудно рѣшить опредѣлительно, какъ эти воды являются постоянно текучими, хотя и не обильно, на самой вершинѣ горы. Можно допустить только ипотезу, съ перваго взгляда, какъ кажется, совершенно необходимую, что неправильное напластованіе этихъ горъ заключаетъ въ себѣ

очень дливныя подземныя пустоты, которыя, проходя и подъ ложемъ Ріона, имѣютъ связь съ главнымъ Кавказскимъ хребтомъ. Строеіе это доказыаается и наглядно глубокими трещинами и даже провалами, въ которые сходитъ не только-что дождевая вода, но теряются цѣлыя рѣки, какъ напримѣръ Шіора у Никорцинды. Съ другой стороны, нельзя не признать вліанія дѣятельныхъ и огромныхъ лѣсовъ, покрывающихъ эти горы, которые силою притяженія держутъ какъ бы на вѣсу эти воды, и поднимаютъ ихъ къ самой вершинѣ. Если вообразить себѣ массу дыхательныхъ органовъ и волосныхъ тонкихъ сосудовъ, изъ коихъ составленъ энергическій организмъ этой хвойной и лиственной необъятной растительности, и свести его въ приблизительно вѣрную формулу, въ коей дыхательная способность растеній изображена будетъ цифрами, и представить опредѣленную силу, подобную пневматическому насосу: то, можетъ быть, даже придется оставить предположеніе о геологической связи источниковъ Накералы съ хребтомъ Кавказа, а приписать ихъ вліанію сильной растительности. Въ самомъ дѣлѣ, потребность питанія этой массы корней, находящаяся въ соотношеніи съ силою дыхательныхъ органовъ листьей и испареніемъ коры, можетъ быть слишкомъ достаточна, чтобъ удерживать влагу всегда у поверхности — именно въ самомъ растительномъ слоѣ почвы, и выдѣлять ее тамъ, гдѣ она встрѣтится съ каменнымъ слоємъ горы или съ непроникаемою подпочвою. Для людей, знающихъ хорошо строеіе Накералы изъ массы песчаниковыхъ и мѣловыхъ формаций, подобная георія можетъ быть весьма удовлетворительною, — хотя я, не будучи въ этомъ дѣлѣ специалистомъ, не смѣю ее отстаивать. Можно принять еще третье довольно смѣлое рѣшеніе этого интереснаго для науки вопроса; но я наложу его вѣдь не иначе, какъ оговорившись, что предлагаю его не больше, какъ къ свѣдѣнію, не болѣе, какъ догадку, могущую служить дополненіемъ къ двумъ предшедшимъ предположеніямъ. Бросивши взглядъ на страну, убѣгающую отъ взора до Чернаго моря и ограниченную съ сѣверо-восточной стороны грознымъ хребтомъ Кавказа, а съ юго-запада — цѣпью Джикскихъ и Ахадрыхскихъ горъ; видя, какъ эта страна сплошь покрыта лѣсами, болотами и орошена чрезвычайно обильной си-

стемою рѣкъ; зная, что при малѣйшемъ движеніи вѣтра съ запада, она поливается очень сильными въ этомъ краѣ дождями, — надо сознаться, что, можетъ быть, мало еще найдется такихъ странъ, которыя бы поспорили съ нею въ той постоянной влажности воздуха, которая составляетъ самый отличительный признакъ климата Шмеретин, вмѣстѣ съ Мингрелією и Гурією. Можно допустить не безъ основанія, что, промѣлъ гѣлестота и обилія воды, тутъ не безучастно быть можетъ и, отдаленное впрочемъ, влияние голѣштрома, послѣднія волны котораго, если и ослабляются переходомъ черезъ Босфоръ, то теченіе массы воздуха, сильно омываемаго морскою поверхностію, по коей онъ движется, можетъ быть еще долетаетъ до нашихъ прибрежій и входитъ въ Кирило-Ріонскую дельту, какъ въ запертый межъ горами бассейнъ. Съ этими приливомъ густыхъ слоевъ атмосферы, входящимъ на наши равнины отъ запада, очевидно соединяется влага всей низменности, богатой туманными испареніями. Въ этомъ явленіи Накерала должна служить самою узкою стѣною бассейна, принимающею весь влажный паръ, приносимый на нее съ запада. Нѣтъ ничего мудренаго, что, будучи сложена изъ песчанниковыхъ и мѣловыхъ формаций, оларенныхъ способностью всасыванія, она поглощаетъ огромную массу тумановъ и испареній и выдѣляетъ ихъ, какъ огромный фильтръ, въ своихъ трещинахъ или пустотахъ. Этими-то силъми предположеніемъ я и думалъ объяснить замѣчательное явленіе источниковъ въ самыхъ ея вершинахъ. Теперь, если принять за положительныя всѣ приведенныя нами гипотезы, то вся Рача, начиная отъ Накералы, и весь Лечтумъ, прилегающія въ верхнемъ углу треугольника, называемаго Кирило-Ріонскою дельтою; и раздѣленныя сильной артерією Ріона, представляются намъ, какъ гигантскій скардакъ, въ коемъ соединяются три начала: 1) *метаморфическое*, составленное изъ цѣлой системы подземныхъ проходовъ, въ которыхъ собирается вышняя влага просачиваемъ, фильтрацією, и приносится обильная масса водъ, образующихся тапніемъ снѣговъ и ледниковъ въ высшихъ частяхъ хребта; 2) *физическое*, или пневматическое, образуемое дыхательной силой растений, а наконецъ 3) *химическое*, происходящее изъ свойства песчанниковыхъ и мѣловыхъ породъ поглощать влагу воздуха, которая

будучи высшей температуры, вхоая и соединяясь съ наружною разотрѣтой поверхностью, по свойству химическаго сродства, проникаетъ чрезъ толщу и, охлаждаясь во внутреннихъ пустотахъ, выдѣляется въ канальномъ состояніи, изъ котораго образуются наконецъ источники. Если мы допустимъ, что всѣ эти три начала действительно существуютъ и дѣйствуютъ въ совокупной связи: то, на основаніи ихъ, намъ возможно объяснить множество иногда непонятныхъ для насъ явленій какъ въ мірѣ геологическомъ, такъ и въ царствѣ растительномъ. Къ числу ихъ относится въ настоящемъ случаѣ взглядъ на происхожденіе источниковъ.

— «О заведеніи сельскихъ школъ». — Въ этой небольшой статьѣ высказано много дѣльнаго; приведемъ изъ нее слѣдующіе отрывки. «Еслибы мы задумали взглянуть на обоюдныя отношенія нашихъ помѣщиковъ и крестьянъ, то увидѣли бы повсемѣстно болѣе или менѣе одинаковое явленіе, именно: помѣщикъ — постоянный кормилецъ своего крестьянина, крестьянинъ — постоянно нуждается въ помѣщикѣ и никакъ не можетъ обойтись безъ его помощи. Поѣзжайте въ лучшую изъ нашихъ глѣбородныхъ губерній, или въ любую изъ губерній Бѣлорусскихъ, — все равно, вы встрѣтите такіе же отношенія. Вникая во всѣ обстоятельства, нѣмнѣющимъ вліяніе на благосостояніе крестьянъ, не трудно замѣтить, что одна изъ главныхъ причинъ ихъ несостоятельности заключается въ неподвижности всѣхъ частей ихъ хозяйства. Правительственные обычаи остаются неизмѣнными, а окружающія условія до того измѣнились, что эти обычаи, когда-то умѣстные, теперь нигде уже не годятся. Для приѣбра авторъ предлагаетъ свои замѣтки о крестьянскомъ полеводствѣ, упроченію благосостоянія котораго мѣшаетъ отсутствіе всякаго умственного развитія. «Отъ той же причины терпятъ и другія отрасли сельской промышленности. Положимъ, — продолжаетъ авторъ — что крестьянинъ владѣетъ какою-нибудь ремесломъ или занимается промысломъ. Если его занятіе выгодно, то оно распространяется все больше и больше; но чѣмъ больше оно распространяется, тѣмъ менѣе становится прибыльнымъ. Совершенствованіе и здѣсь могло бы спасти выгодность известной отрасли хозяйства; но и здѣсь, какъ въ полеводствѣ, совершенствованіе невозможно: по-

тому что крестьянинъ не можетъ, вслѣдствіе своего невѣжества, дойти до него самъ,—а помѣщики не принимаютъ къ этому никакихъ мѣръ. Такимъ образомъ и съ этой стороны онъ не можетъ поправиться, какъ не можетъ поправиться со стороны земледѣлія. Мы могли бы еще болѣе рассмотреть этотъ предметъ, коснуться многихъ подробностей крестьянской жизни, вникнуть въ ихъ нравственный бытъ и тѣмъ еще рѣзче выказать необходимость для крестьянъ образованія; но развѣ нашимъ хозяевамъ не извѣстно все, что мы могли бы сказать? Развѣ не тяжело возиться съ крестьяниномъ, такъ какъ они возятся теперь? развѣ въ состоятельной семьѣ хуже работникъ, чѣмъ въ семьѣ бѣдной? А между тѣмъ заведеніе школъ въ имѣніяхъ составляетъ едва замѣтное кое-гдѣ исключеніе. Почему это такъ? ужели этому причиною странное, чтобъ не сказать болѣе, возраженіе, что земледѣльцу не вужно, даже вредно образованіе? Но отчего же г. Гибертъ-фонъ-Грейенфельсъ (*) не жалуется на свою школу пряденія и ткачества, а напротивъ утверждаетъ, что вліяніе ея благотворно? отчего многіе изъ помѣщиковъ обращались къ нему съ просьбою о принятіи въ его школу учениковъ и учитель? Правда, учениковъ къ нему никто не присылалъ, хотя за ученіе основатель этой школы ничего не требовалъ, — но неужели же эти запросы происходили не отъ сознанія пользы подобныхъ этой школъ заведеній, а только изъ любопытства? Когда же мы примемся за дѣло-то серьезно подумать объ основаніяхъ его. Пока не просвѣтитса хотя сколько-нибудь нашъ земледѣльческій классъ, рутина и предрассудки будутъ господствовать въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ и надежда на прочныя его успѣхи никогда не осуществится. Заведеніе школъ — первое и необходимое къ этому средство, и пора намъ помириться съ нимъ, бросивъ предубѣжденіе, недостойное благонамѣренныхъ людей. Мы видимъ уже у себя примѣры заведенія такихъ школъ: остается только подражать имъ съ любовью къ дѣлу, съ вѣрою въ добрыя послѣдствія этой важной для блага народнаго мѣры.

И. Г.

(*) Земл. газ. 1856, № 40.

I.

НОВОСТИ

ПО ЧАСТИ НАУКЪ

МАТЕМАТИЧЕСКИХЪ, ФИЗИЧЕСКИХЪ И ЕСТЕСТВЕННЫХЪ.

КРОВАВАЯ РѢКА. — Этотъ необыкновенный источникъ находится въ Гондурасѣ, подлѣ селенія Виртюдъ (Virtud), недалеко отъ Холутека (Choluteca). Въ 1853 г., Жюль Россиньонъ напечаталъ его описаніе въ «Gaceta oficial» Сальвадора, и результаты своихъ наблюденій послалъ въ Парижскую академію наукъ; но они не дошли по ихъ назначенію. Нынѣ (8 октября 1856 г., нов. шт.), Россиньонъ лично прочиталъ въ академіи небольшую записку, въ которой находимъ слѣдующее:

Вода вытекаетъ постоянно изъ трахитова грота, въ видѣ тонкой струи, которую назвали *кровою рѣкой* по ея красному цвѣту, похожему на цвѣтъ крови только-что убитаго животнаго; ея плотность или удѣльный вѣсъ = 2,75; сначала она не имѣетъ ни вкуса, ни запаха; но недалеко отъ грота перемѣняется, безъ сомнѣнія, дѣйствіемъ свѣта, а болѣе отъ жара въ атмосферѣ. Тутъ она пріобрѣтаетъ запахъ гнилаго мяса и привлекаетъ къ себѣ стаи черныхъ коршуновъ (*zoripollos*), назначенныхъ природою для очищенія жаркихъ странъ, изъ которыхъ они улетаютъ, когда цстощается запасъ ихъ пищи.

Вода кровавой рѣки сгущается отъ кислотъ, и сгущенная, опять разводится щелочами. Выпариваемая въ открытомъ кадулѣ, сперва сгущается она при 80° Ц., потомъ даетъ черно-красный осадокъ. Подобный осадокъ отъ перегонки воды въ закры-

томъ сосудѣ состоитъ изъ разложенія огнемъ веществъ животныхъ: въ немъ содержится воздреватый и ломкій уголь, сильно напитанный азотомъ.

Россиньонъ видѣлъ въ этой водѣ множество инфузорій продолговатой формы: нѣ-то онъ приписываетъ и цвѣтъ и всѣ прочія ея свойства.

Въ источникахъ Гватималы Россиньонъ также наблюдалъ червеобразныхъ животныхъ, движущихся съ необыкновенною быстротою. Когда ихъ стихія дѣлается стоячею, тогда они скоро разлагаются, окрашивая ее краснобурнымъ цвѣтомъ, сообщаютъ ей гнилой запахъ, привлекающій коршуну и другихъ плотоядныхъ птицъ.

МЕТАЛЛИЧЕСКІЙ БАРОМЕТРЪ-АНЕРОИДЪ. — Въ собраніи (въ августѣ) Британскаго общества для распространенія наукъ, Пуле (Poole) читалъ любопытную записку о наблюденіяхъ въ Палестинѣ металлическимъ барометромъ-анероидомъ. Пуле, въ недавнее свое путешествіе въ Палестинѣ, увѣрился, что показанія этого снаряда весьма точны, потому что они весьма мало разнятся отъ выводовъ Линча и другихъ путешественниковъ. Пуле, по этому, считаетъ обязанностью рекомендовать снарядъ, чрезвычайно удобный для путешествій; особенно употребленіе его весьма полезно въ странахъ, гдѣ не производились ни астрономическія наблюденія, ни геодезическія измѣренія. При употребленіи надобно имѣть таблицу поправокъ, которая отъ возвышенія температуры бываютъ положительныя, т. е. противоположныя поправкамъ ртутнаго барометра. Въ таблицахъ Дента вычислено, что 85 Англійскихъ футовъ соотвѣтствуютъ разностямъ на одну десятую дюйма показаній барометра; это число, помноженное на 39,37, даетъ 33,46 или 33,5 футовъ на каждое дѣленіе металлическаго барометра. Въ практикѣ, Пуле нашелъ, что эта поправка весьма удовлетворительна. На примѣръ, въ гробницѣ Дѣвы Маріи, въ Иосафатовой долинѣ, ведутъ 47 ступеней, изъ которыхъ каждая имѣетъ въ высотѣ 6 дюймовъ, всего 23,5 футовъ. По барометру-анероиду Пуле нашелъ 23,45; колокольня при церкви Вознесенія на Масличной горѣ имѣетъ 36,5, по анероиду же 36,85 фут. Еслибы анероидъ былъ снабженъ верье-

ромъ или новіусомъ, то наблюденія приобрѣли бы бѣдшую точность. Такимъ образомъ Пуле испыталъ свой снарядъ до 2000 футовъ надъ уровнемъ Средиземнаго моря; результаты оказались также удивительными; на примѣръ, пониженіе Мертваго моря по anerоиду = 1313,5, по нивелированію Линча = 1316,7, а по измѣренію капитана Симонаса = 1312 фут. Сверхъ того Пуле замѣтилъ, что уровень этого моря перемѣняется съ временемъ года.

Замѣчательны также наблюденія Пуле надъ температурой воды:

въ 5 ч. утра, на сѣв. оконеч. Мертваго моря, температур.	27° 78 Ц.
— 4 ч. веч., на южн. оконеч. — — —	28,33
— Іорданъ и въ его притокахъ	17,68
— соляномъ источникѣ, на берегу Мертваго моря	32,22
— Вади-Эмъ-Бургикъ, температура воды	24,44
— источникъ Энгади	28,33

ЗАМѢЧАНІЕ ОБЪ ОБРАЗОВАНІИ ГРАДА. — Въ засѣданіи Британскаго общества для распространенія наукъ Гарнеръ донесъ обществу о бурѣ, бывшей въ Нортъ-Стаффордширѣ, которая сопровождалась весьма крупнымъ градомъ; нѣкоторыя градины были величинной въ кулакъ. По этому случаю, Стевелли прочиталъ письмо отъ одного жителя Цейлана, гдѣ, въ самые жаркіе дни, бываетъ самый опустошительный градъ, или — вѣрнѣе — падаютъ массы льда во время частыхъ грозъ. Стевелли думаетъ, что проливной лоджъ, наводняющій землю послѣ первыхъ молній, оставляетъ за собою разрѣженный воздухъ, котораго холодъ замораживаетъ воду, сперва въ видѣ снѣга; этотъ снѣгъ, унадаю, проходитъ также весьма охлажденныя слои воздуха, гдѣ осаждающіеся пары покрываютъ его поверхность прозрачною ледяною корою.

ПАМЯТНИКЪ ЗАГРАНЦУ. — Во Флоренціи поставлена статуя Галлея, въ Миланѣ — статуя Кавальери; но въ Туринѣ до-сихъ-поръ нѣтъ памятника, который бы напоминалъ, что 25 іюля 1736 г. родился въ этомъ городѣ геометръ, на 23 году своего возраста начавшій свое ученое поприще удивительнымъ разсужденіемъ о звукѣ, — тотъ геометръ, который въ продолженіе пяти-

десяти семи лѣтъ безпрестанно обогащала математику великими открытіями. Нынѣ составилось въ Туринѣ общество, открывшее подписку на акціяхъ въ 5 франковъ для статуи этого геометра—Луи Жагранжа. По собраніи достаточной суммы, общество составитъ проектъ памятника, выберетъ художника, и вспроситъ у правительства позволеніе поставить памятникъ на одной изъ площадей Турина.

ОБЩЕСТВО ТЕРМИТОВЪ (записка Шарля Леспеса). — Термиты, извѣстные обыкновенно подъ именемъ *блхлыхъ муравьевъ*, живутъ большими обществами подобно муравьямъ и пчеламъ; они распространяются по жаркимъ странамъ и входятся въ южной Франціи. Съ недавняго времени начали обращать на нихъ особенное вниманіе: потому что они произвели большія опустошенія въ Ларошеллѣ, Рошфорѣ и во многихъ городахъ Нижней Шеранты. Особенный ихъ родъ водится въ Бордо. Каждое общество состоитъ: 1) изъ работниковъ, 2) стражей, 3) личинокъ и 4) изъ совершенныхъ насѣкомыхъ, способныхъ къ размноженію.

Работники и стража суть насѣкомыя среднія. Первые копаютъ гнѣзда, строятъ галереи и заботятся о новорожденныхъ; вторые же обязаны защищать общество, и должность свою исполняютъ храбро и усердно. Тѣ и другіе никогда не выходятъ изъ своихъ жилищъ.

Личинки измѣняются троекратно. Въ первомъ ихъ возрастѣ нельзя отличить, которыя изъ нихъ будутъ работниками и стражами, и которыя превратятся въ совершенныхъ насѣкомыхъ. У сихъ послѣднихъ признаки крыльевъ начинаютъ показываться во второмъ возрастѣ личинокъ; крылья совсѣмъ вырастаютъ уже въ третьемъ возрастѣ. Одни крылатыя насѣкомыя имѣютъ глаза. По совокупленіи, они теряютъ крылья и причутся въ гнѣзда, гдѣ самцы и самки живутъ до слѣдующаго лѣта, т. е. до времени, въ которое они кладутъ свои яички; слѣдственно эту естественную обязанность они исполняютъ только одинъ разъ въ годъ. Словомъ, общество термитовъ состоитъ изъ многочисленныхъ паръ размножающихся; изъ паръ, которыхъ органы размноженія полуразвиты, но способны къ оплодотворенію, и

изъ множества вѣскомыхъ среднихъ, — изъ работниковъ и стражи.

КРАТКАЯ БЮГРАФІЯ ДОКТОРА БУКЛАНДА (Buckland).—Геологъ, докторъ Букландъ, умеръ прошедшаго 14 (новаго шт.) августа; но наука давно уже потеряла его изъ числа своихъ дѣлателей: еще въ 1850 г. неумѣренные труды разстроили его голову, и до самой смерти умственные его способности не восстанавлились до того, чтобъ онъ могъ возобновить свои ученые занятія.

Букландъ родился въ Атминстерѣ (въ Девонширѣ) 1782 г. Сначала учился онъ въ Винчестерѣ, и въ 1801 г. былъ принятъ въ бурсу Оксфордской коллегіи Тѣла Христова; въ 1803 г. онъ получилъ дипломъ на званіе бакалавра искусствъ, и наконецъ былъ избранъ фелловомъ той же коллегіи въ 1808 г.

Въ это время, въ Оксфордскомъ университетѣ мало занимались естественными науками, хотя и были въ немъ каѳедры ботаники, химіи и минералогіи; но онѣ только напоминали учащимся, что человѣческія знанія не ограничиваются одиѣми науками словесными и математическими.

Склонности привлекли молодого Букланда въ изученію минералогіи; въ 1813 г. онъ былъ уже адъюнктъ-профессоромъ этой науки, а въ 1818. въ томъ же званіи преподавалъ геологію. Лекціи его посѣщали многіе слушатели, и онъ скоро успѣлъ поставить геологію на такую степень, которой она никогда не занимала въ Оксфорѣ. Его преемники, Стрикландъ и Филиппсъ, ему обязаны своими успѣхами.

Въ 1820 г. докторъ Букландъ произнесъ публичную рѣчь, послѣ напечатанную подъ заглавіемъ: *Vindiciae geologicae*, въ которой онъ рассмотрѣлъ отношенія между вѣрою и геологіею, и доказалъ, что между твореніемъ и Божественнымъ словомъ не можетъ быть противорѣчія, и что изученіе естественныхъ наукъ не можетъ вести къ атеизму и безвѣрію; напротивъ, это ученіе способствуетъ познанію Бога и дѣлъ Его.

Въ то же время, докторъ Букландъ защищалъ общее вѣрованіе во всемірный потопъ; но, къ сожалѣнію, впоследствии онъ отступилъ отъ этой справедливой мысли, и въ книгѣ своей, подъ

заглавіемъ: «Геологія и минералогія, разсматриваемыя теоретически», оныя принялъ мнѣнія Лейля и другихъ новѣйшихъ геологовъ.

Имя Букланда прославилось въ Англіи открытіемъ остатковъ животныхъ въ пещерѣ Киркдалъ и въ другихъ мѣстахъ Великобритавіи. Первое извѣстіе объ этомъ открытіи оныя напечаталъ въ «Philosophical Transactions» гдѣ предложилъ свои изслѣдованія о зубахъ и ископаемыхъ костяхъ слоновъ, единороговъ, гиенопотамовъ, медвѣдей, тигровъ, гіевны и шестнадцати другихъ животныхъ, найденныхъ въ пещерѣ Киркдалъ въ 1821 г. Эти изслѣдованія оныя послѣ распространилъ и въ 1823 г. издалъ большое сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Reliquiae diluvianae», или *наблюденія надъ органическими остатками, доказывающими всемірной потопъ*. Такимъ образомъ оныя первый открылъ истинную натуру животныхъ, жившихъ въ Англіи до появленія тамъ человѣка, и потомъ исчезнувшихъ. Въ этомъ сочиненіи, Букландъ описываетъ не одни свои открытія въ Англіи, но предлагаетъ исторію многихъ ископаемыхъ костей, найденныхъ на твердой землѣ, въ пещерахъ Демелъ, близъ Монпелье, и Осселтъ, близъ Бевансона.

Много статей Букланда помѣщено въ «Отчетахъ геологическаго общества» и въ первомъ томѣ «Bibliographia geologiae et zoologiae», изданной въ 1848 г.

Уживчивый характеръ Букланда привлекалъ ему сотрудниковъ изъ его учениковъ и друзей. Въѣстъ съ Конибиромъ (Conybeare), оныя изучалъ мѣсторожденія углей въ Гейландѣ, и потомъ въѣстъ съ нимъ надалъ «Разрѣзы сѣверо-восточнаго берега Ирландіи» и «Объясненія профилей береговъ Девоншира». Въѣстъ съ сѣромъ Генри де-ла-Бешемъ, Букландъ напечаталъ въ «Трудахъ геологическаго общества», разсужденіе о *геологич. окрестностей Веймута*; съ Гринухомъ — о *стекловатыхъ трубкахъ въ пескахъ Сандъ-Гилльса* (въ Кумберландѣ); наконецъ, съ Сикесомъ — о внутренности пещеръ, въ которыхъ жили гіевны. Всѣ эти разсужденія доказываютъ проникательную наблюдательность и неутомимое трудолюбіе. Многія изъ общихъ его заключеній приняты и сдѣланы геологическими законами.

Въ 1825 г., док. Букландъ сдѣлавъ каноникомъ и женился на дѣвнѣ Маріи Морландъ Абингтонъ. Въ 1815 г. оныя былъ на-

бранъ въ члены королевскаго Лондонскаго общества; въ 1829—членомъ его совѣта и занималъ это мѣсто до своей болѣзни въ 1849 г. Геологическое Общество два раза избирало его въ свои президенты. Онъ дѣятельно содѣйствовалъ основанію Британскаго Общества для распространенія наукъ; во второй его сѣздъ въ Оксфордъ онъ былъ его президентомъ. Каждый разъ участвовалъ онъ въ собраніяхъ этого общества и сообщалъ ему множество записокъ важнаго содержанія.

Въ 1847 г. Букландъ занялъ мѣсто куратора Британскаго музея и много содѣйствовалъ распространенію его геологическихъ и палеонтологическихъ собраній. Онъ также помогалъ де-ла-Бешу въ устройствѣ музея практической геологій.

Въ 1845 г. Робертъ Пиль сдѣлалъ Букланда деканомъ Вестминстера; тогда онъ переселился въ Лондонъ. Онъ усердно служилъ общественной пользѣ, и между прочимъ старался сдѣлать доступными для публики прекрасные памятники Вестминстерскаго аббатства.

Обширныя знанія въ геологій помогли Букланду въ изученіи вопросовъ гигіены, вопросовъ о снабженіи жилищъ водою, объ устройствѣ водосточныхъ трубъ, о дренажѣ или подземномъ орошеніи почвъ, и пр.

ГОДИЧНОЕ СОБРАНІЕ ФРАНЦУЗСКАГО ИНСТИТУТА. — 14 (2) августа, Французскій институтъ, состоящій изъ пяти академій, имѣлъ общее годичное собраніе, подъ предсѣдательствомъ Беранже, президента академій наукъ нравственныхъ и политическихъ; Вильмень, Лабуле, Исидоръ-Жофруа Севъ-Иллеръ и Лемознь присутствовали въ немъ, какъ депутаты академій Французской, надписей, наукъ и изящныхъ искусствъ. Въ этомъ собраніи были читаны: рѣчь предсѣдателя, отчетъ о конкурсѣ 1856 г. на премію Вольера, теорія дождей, Бабине, о колоритѣ, Куде, о походахъ Рамзеса II (Севостриса), Руже, и посланіе къ одному критику трагедій, Вьене.

Рѣчь Беранже весьма любопытна. Переводимъ изъ нея отрывки, имѣющіе общій интересъ для любителей наукъ и просвѣщенія.

«Когда, по уничтоженіи старыхъ академій, изъ революці-

онныхъ смуть явилась недолговѣчая конституція III-го года, вмѣстѣ съ мыслию возстановить науки и словесность, тогда всѣ современные знаменитости были приглашены для составленія одного ученаго общества. Разныя его отдѣленія получили общее названіе: *Институтъ*. Этимъ распоряженіемъ хотѣли показывать, что науки, словесность и искусства имѣютъ одну цѣль и должны совокупно споспѣшествовать ея достиженію. Въ то же время предписано Институту представлять законодательному собранію ежегодный отчетъ о трудахъ каждаго отдѣленія. Это постановленіе было исполнено только два раза; послѣ того Институтъ рѣшилъ, что изданіе «Записокъ» его членовъ можетъ замѣнять общій отчетъ.

Вскорѣ потомъ Институтъ отворилъ двери молодому герою, водившему Французскія войска къ незабвеннымъ побѣдамъ. Генералъ, первый консулъ, Наполеонъ считалъ за честь принадлежать Институту, допускалъ въ свои дружескія собранія новыхъ своихъ сотоварищей, и получалъ отъ нихъ свѣдѣнія о новѣйшихъ открытіяхъ. Желая возбудить соревнованіе во всемъ ученомъ мірѣ, онъ установилъ щедрыя десятилѣтнія награды. Были приняты мѣры для соблюденія строгаго безпристрастія въ конкурсахъ. Число наградъ положено тридцать пять; составился судъ изъ президентовъ и секретарей четырехъ отдѣленій Института; обязанность суда состояла въ выборѣ сочиненій, въ приведеніи въ извѣстность открытій и изобрѣтеній, сдѣланныхъ со времени, означеннаго въ декретѣ перваго консула, и въ предварительномъ рассмотрѣніи ихъ достоинствъ. Донесеніе суда и его протоколы представлялись министру, который рассылалъ собранные матеріалы, по принадлежности, по всѣмъ отдѣленіямъ Института. Здѣсь начиналась новая оцѣнка; каждое отдѣленіе составляло подробные разборы всѣхъ трудовъ, указанныхъ судомъ; печатаніе этихъ разборовъ подвергало ихъ контролю публики. Наконецъ императоръ утверждалъ рѣшенія отдѣленій и самъ лично раздавалъ награды въ Тюльери, при собраніи сановниковъ государства.

Благодаря этимъ мѣрамъ, всѣ таланты принявъ участіе въ благороднѣйшемъ турнирѣ. Но наступило время бѣдствій; на императора пала новая забота и онъ не могъ уже раздавать

награды, опредѣляемыхъ Институтомъ. Съ паденіемъ имперіи, были уничтожены и отдѣленія великаго учрежденія; отдѣленія превратились въ старыя академіи, совершенно независимыя другъ отъ друга, и только одинъ разъ въ годъ собиравшіяся въ общее засѣданіе. Но такое разьединеніе не могло быть продолжительное: общія собранія учреждены чрезъ каждые три мѣсяца и чрезъ годъ.

Десятилѣтнія награды произвели соревнованіе не въ однихъ ученыхъ; онѣ возбуждали благородное честолюбіе въ богачахъ, и щедрыя пожертвованія для наукъ и искусствъ потекли въ казнохранилище Института и составили миллионы, съ которыхъ Институтъ получаетъ ежегодный доходъ въ пятьсотъ тысячъ франковъ, для годовыхъ наградъ по предметамъ, назначеннымъ жертвователями, или избираемымъ академіями. Такимъ образомъ сдѣлались незабвенными имена Вольера, Гобера, Монтиона, Морога и многихъ другихъ. Въ последнее время, вдова Леона Фуше успѣшила присоединить къ нимъ имя своего мужа, которому неожиданная смерть не позволила исполнить благороднаго намѣренія. Не осталось равнодушнымъ зрителемъ и новое правительство: для той же цѣли оно назначило *тридцать тысячъ франковъ*.

Соревнованіе между учеными годъ отъ года распространяется. Напримѣръ, въ 1855 г., академія наукъ получила 165 разсужденій; академія Французская — 73 піесы въ стихахъ, 12 сочиненій по предметамъ краснорѣчія, 88 сочиненій нравственныхъ и множество по другимъ разнымъ предметамъ. На конкурсѣ, открытый академіею наукъ нравственныхъ, которымъ требовалось сочиненіе ручной книги политической экономіи для употребленія работниковъ, поступило 34 сочиненія большихъ и даже слишкомъ большихъ.

Послѣ этой статистики наградъ и соискательныхъ сочиненій, Беранже вычисляетъ труды Института и описываетъ его содѣйствіе правительству по разнымъ отраслямъ управленія. Изъ этого описанія намъ показалось любопытнымъ слѣдующее:

«Особенное содѣйствіе государственнымъ людямъ Институтъ оказываетъ по предметамъ экономіи и политики, необходимымъ для управленія. При первоначальномъ образованіи Инсти-

тута, была возложена на него обязанность избирать ежегодно шесть своих членовъ для изслѣдованія во Франціи различныхъ отраслей человѣческихъ знаній. Одинъ изъ нашихъ членовъ, совершенно понявшій пользу такихъ изслѣдованій, почелъ обязанностью привести въ исполненіе прекрасную мысль основателей Института. Почти каждый годъ Институтъ препоручаетъ одному или многимъ изъ своихъ членовъ обзрѣвать или наши департаменты или чужія страны для собиранія *данныхъ*, для приведенія ихъ въ порядокъ и взаимнаго сличенія, и для извлеченія изъ нихъ заключеній, которыми могутъ пользоваться и правительство и общество. Въ предметы такихъ обзрѣвій входятъ физическое и нравственное состояніе рабочаго класса, изслѣдованія причинъ, отъ которыхъ одни наши департаменты отстаютъ отъ другихъ въ образованіи, въ земледѣліи, торговлѣ и промышленности, — изслѣдованія способовъ обработыванія полей и садовъ, и вліянія его на общее хозяйство, — и изслѣдованія причинъ безпрестанно увеличивающихся преступленій до того, что хранитель печати объявилъ, что «нынѣшній способъ наказанія преступленій остается безсильнымъ для исправленія преступниковъ». Институтъ одного изъ своихъ членовъ отправилъ въ Англію, для сравненія исправительныхъ способовъ въ обоихъ государствахъ; исполненіе этого порученія показало превосходство отдѣльнаго содержанія преступниковъ, употребляемыхъ для публичныхъ работъ, потому что у нашихъ сосѣдй преступленія уменьшились въ отношеніи 8 ко 100, у насъ же они увеличиваются въ отношеніи 40 ко 100. Не сомнѣваемся, что такой фактъ обратитъ на себя вниманіе правительства.

Отсюда ораторъ обращается къ учрежденію новыхъ наградъ со стороны правительства.

«До-сихъ-поръ дѣйствія Института относительно конкурсовъ опредѣлялись самыми предметами, входящими въ занятія его отдѣленій или академій, и рѣшенія ихъ принадлежали спеціалистамъ, справедливо оцѣнивающимъ достоинства соискательныхъ сочиненій. Новое постановленіе о наградахъ требуетъ, чтобы въ присужденіи ихъ участвовалъ весь Институтъ, и многіе изъ его членовъ поняли, что они часто не могутъ принимать на себя обязанность судей. Вы приняли во вниманіе такое затрудненіе и рѣ-

шли учредить очередь между академіями, которыя чрезъ каждые три года принимали бы на себя обязанность распределять награды по предметамъ, принадлежащимъ къ ихъ занятіямъ. Такимъ образомъ предметы и занятія академій совершали бы пятнадцатилѣтній кругъ, и ученые соискатели имѣли бы достаточное время обдумывать свои труды и доводить ихъ до совершенства, достойнаго награды. Но разсужденія о смыслѣ закона показали вамъ, что придуманный вами порядокъ не соответствуетъ намѣренію правительства. Дѣйствительно, въ донесеніи министра, объясняющемъ постановленіе, сказано: «Правительство хочетъ, чтобъ судьями были всѣ пять отдѣленій института, и чтобъ изъ ихъ соперничества происходили рѣшенія, опредѣляющія со всею точностью достоинства разсматриваемыхъ трудовъ».

«Вы должны были сообразоваться со смысломъ постановленія. Но какъ въ общихъ собраніяхъ не возможны предварительныя сужденія о достоинствахъ равнообразныхъ предметовъ, относящихся къ наукамъ, словесности и искусствамъ: то вы положили производить эти сужденія въ каждомъ отдѣленіи особенно и сообщать ихъ общему собранію также чрезъ особенную комиссію изъ 21 члена.

«Слѣдуя этому рѣшенію, академія наукъ нравственныхъ и политическихъ донесла, что между сочиненіями, относящимися къ предметамъ ея занятій, ни одно не соответствуетъ программѣ, одни по времени ихъ изданія, другія же, не смотря на ихъ достоинства, не могутъ быть вообщемъ одобрены и удостоены награды. Такимъ образомъ эта академія уклонилась отъ участія въ конкурсѣ.

«Академія Французская слѣжала двойное представленіе.

«Желая обратить награду въ ободреніе поэтовъ, она искала произведеній, подходящихъ подъ условія программы, по силѣ мыслей и красотѣ формъ. Она думаетъ, что эти качества соединены въ «Поэмахъ евангельскихъ» и въ «Симфоніяхъ» Лапрада. Безъ сомнѣнія, въ этихъ произведеніяхъ она не могла одобрить все безъ исключенія; нѣкоторыя подробности подлежатъ критикѣ; но и самая строгая критика должна уступить многочисленнымъ красотамъ, обнаруживающимъ высокія дарованія поэта, — простоту и величіе, грацію и восторженные по-

рымы поэзии. Лапранъ изображаетъ природу съ истинными чувствами, возвышаетъ духъ къ Богу, возбуждаетъ любовь къ религіи; его поэмы — истины и прекрасныя сочиненія литературныя и высокія творенія нравственныя.

•Академія Французская рекомендуетъ «Афинскій акрополисъ» Бёле и того же автора «Наученіе Пелопонеса». За первое изъ этихъ сочиненій ходатайствуетъ и академія изящныхъ искусствъ. Причины выбора двухъ академій различны: занимающаяся распространеніемъ любви къ искусствамъ опѣиваетъ сочиненіе Бёле относительно къ предметамъ ея занятій; академія же Французская одобряетъ форму сочиненія и изящество стиля, соединенныхъ съ обширными изслѣдованіями и счастливыми открытіями.

•Преддверіе и портики, извѣстные подъ именемъ *Пропилей*, составляли великолѣпный входъ въ Акрополисъ или въ цитадель Афинскую. Славный архитекторъ Миезиядесъ построилъ ихъ по желанію Перикла. Всѣ искусства украшали ихъ, в Римляне кое-что прибавили къ ихъ украшеніямъ. Но когда Афины подпали власти Турокъ, тогда варвары отворили входъ въ цитадель, и Пропилей загроздили стѣнами между колоннами, и по сторонамъ пристроили тяжелые бастіоны. Архитравы и фронтоны были совершенно уничтожены. Вѣка протекли надъ развалинами, и Бёле рѣшился возстановить ихъ. Ученые и художники прежде Бёле занимались изслѣдованіемъ Пропилей; но они описывали только то, что видѣли; Бёле сдѣлалъ ихъ предметомъ терпѣливаго изученія. Съ помощію историковъ и поэтовъ древности, онъ угадалъ форму памятника и перестроилъ его по своимъ идеямъ. Когда онъ началъ открывать его, тогда всѣ предположенія оправдались, и теперь Пропилей, освобожденные отъ пристроекъ, представляются путешественнику во всей ихъ красотѣ, и имя Франціи, начертанное на мраморной доскѣ, свидѣтельствуетъ о важныхъ трудахъ молодого Француза и о щедрости націи, помогшей его изысканіямъ.

•Академія Французская, присоединившись къ итиной академіи изящныхъ искусствъ, обратила вниманіе и на «Наученіе Пелопонеса» — на трудъ ученый и остроумный, вышедшій изъ забвенія памятники прекрасной страны, ея писателей, ея геро-

нзмъ и искусства. Въ этомъ трудѣ видны глубокія свѣдѣнія въ литературѣ Греческой; изложеніе легко и изящно; изображенія мѣстностей и климата вѣрны; словомъ, трудъ удовлетворяетъ и любознательности и вкусу.

Академія надписей и словесности сперва обратила свое вниманіе на тотъ же трудъ; но, отдавая полную ему справедливость, рѣшилась предпочесть ему изысканія Ботты и Пласа, одного — начавшаго, а другаго — продолжавшаго открытія въ Ниневіи.

Многіе ученые съ успѣхомъ изучали Египтянъ, Грековъ, Римлянъ и даже древнихъ Персовъ; одни Ассиріане оставались неизвѣстными. Въ древнихъ писателяхъ находимъ только басни, книги библейскія говорятъ объ нихъ только по прикосновенности къ народамъ Еврейскимъ. Знаемъ только, что въ первые вѣка міра существовала великая имперія на берегахъ Тигра; знаемъ, что въ ней столицами были Вавилонъ и Ниневія; въ нихъ было много храмовъ, дворцовъ, великолѣпныхъ алаевъ и обширныхъ укрѣпленій; Ассиріане отличались храбростію и успѣхами въ искусствахъ: но что отъ всего этого осталось? Въ мѣстахъ, гдѣ предполагали Вавилонъ, находятъ горы кирпичей, которыя разрываютъ новѣйшіе жители и ищутъ въ нихъ матеріаловъ для своихъ домовъ; но никто не находилъ слѣдовъ великихъ памятниковъ.

Вотъ все, что было извѣстно, когда Ботта, въ качествѣ консула, былъ отправленъ въ Моссулъ; данныя ему инструкціи позволили ему производить розыски на предполагаемомъ мѣстѣ Ниневіи, въ 16 километрахъ отъ Моссула. Разрытіе начато декабря 1842 г. къ сѣверу отъ селенія Нинивуахъ, въ одномъ искусственномъ курганѣ, съ которымъ селеніе соединялось старою стѣною; сначала оно было безуспѣшно; но, найдши два кирпича съ явноразличными надписями въ ближайшемъ селеніи Хорзабадѣ, Ботта перевелъ сюда работу, и тогда открылъ древній міръ. Ботта долженъ былъ преодолѣть множество препятствій и слѣдять большія издержки; его принудили купить цѣлое селеніе и разрывать позволили съ тѣмъ условіемъ, чтобы мѣсто опять выравнивать и вновь построить селеніе. Религиозно и безкорыстно продолжалъ Ботта свои изысканія и даже съ пожертвованіемъ собственнаго достоянія; но, чтобы не оставить

работу. Французское правительство помогло ему и прислало къ нему искуснаго рисовальщика Фландена.

•Преемникъ Ботты, Пласъ, почелъ за честь продолжать розыски своего счастливаго предшественника, успѣвшаго открыть только четверть Хорзабадскаго дворца: Пласъ отрылъ весь дворецъ, нашелъ ворота и прилежащую ко дворцу обширную ограду, въ которой помѣщался цѣлый городъ. Пласъ подробно изучилъ способъ Ассирійской постройки и вывелъ заключенія, совершенно уничтожившія всѣ прежнія предположенія о восточной архитектурѣ. Благодаря Пласу, мы знаемъ теперь во всѣхъ подробностяхъ дворецъ одного Ассирійскаго царя, современника царствамъ Израильскому и Іудейскому; знаемъ также, что каждый Ассирійскій царь дѣла своего царствованія записывалъ на цилиндрахъ или столбахъ, устроенныхъ вънутри и вѣн дворцовой ограды. Пласъ, для оковчанія трудовъ Ботты, продолжалъ ихъ на свой счетъ, и также разстроилъ бы свое состояніе, еслибы академія надписей и словесности не ходатайствовала о пособіи у правительства, и еслибы правительство не оказало просвѣщенной щедрости.

•По примѣру Ботты и Пласа, Англичане также усердно принялись за розыски древностей Сиріи и Халдеи. Нынѣ эти древности наполняютъ музеи Парижскій и Лондонскій, и представляютъ историкамъ множество документовъ; между ними считается *двадцать тысячъ* клинообразныхъ надписей, число которыхъ безпрестанно увеличивается, и которыя начинаютъ уже разбирать. Академія надписей и словесности надѣется, что новый свѣтъ скоро озаритъ исторію имперій, процвѣтавшихъ между Евфратомъ и Тигромъ.

•Теперь нѣтъ остается сообщить вамъ то открытіе, которое академія наукъ признала достойнымъ награды. Оно относится къ скорости свѣта и сдѣлалъ его Физо.

•Почти два вѣка прошло, какъ нѣзъ вычисленій затмѣній перваго спутника Юпитера заключили, что свѣтъ солнца доходить до насъ въ 8 минутъ и 13 секундъ, т. е. въ одну секунду проходитъ онъ 312000 километровъ, или одинъ километръ въ $\frac{1}{312000}$ долю секунды. Это заключеніе, слѣдствіе логическаго *выведенія*, не было подтверждено ни однимъ непосредственнымъ

наблюдениемъ, потому что находили невозможнымъ опредѣлить скорость свѣта наблюдениями земными: эту задачу разрѣшилъ Физо (*) съ совершенной точностію. Опытъ свой производилъ онъ между Сюренемъ и Моймартромъ, на разстояніи $8\frac{1}{2}$ километровъ; употребленный имъ способъ былъ чрезвычайно простъ и привелъ къ тому результату, что 17 километровъ проходить свѣтъ въ $\frac{1}{14000}$ долю секунды — число, однозначительное съ выведенныхъ изъ затмѣній Юпитерова спутника. Сверхъ того, опытъ Физо доказалъ, что распространеніе всякаго рода свѣта подлежитъ одному закону, т. е. скорость свѣта искусственнаго одинакова со скоростью свѣта естественнаго, солнечнаго, звѣзднаго, и пр. Понятно для всѣхъ, что трудно предсказать слѣдствія этого опыта, но можно предвидѣть, что астрономія воспользуется имъ для точнѣйшаго изученія обращеній небесныхъ тѣлъ.

Но не этотъ одинъ опытъ украшаетъ имя Физо: молодой физикъ бросилъ новый свѣтъ на труднѣйшій вопросъ, относительно котораго ученые составляютъ два лагеря: я разумно способъ распространенія свѣта. Состоитъ ли оно въ *истеченіи*, или въ движеніи волнообразномъ? Если въ истеченіи, — то солнце никакого вещества не приводитъ къ колебанію, а само выбрасываетъ океанъ свѣтящихся частицъ.

Въ началѣ текущаго вѣка, открытія док. Юнга, а болѣе Френеля и Араго, указали на явленія, неизяснимыя по системѣ истеченія, но удивительно легко изясняемыя посредствомъ волнообразнаго движенія; наконецъ и новѣйшіе опыты согласны со вторымъ предположеніемъ. И такъ, теорія волнообразнаго движенія побѣдила теорію истеченія: солнце сообщаетъ волнообразное движеніе жидкости, наполняющей пространство, и которой впечатлѣнія въ органѣ зрѣнія производятъ ощущеніе, называемое *светомъ*. Существованіе этой жидкости, получившей отъ науки названіе *эфира*, физики считаютъ несомнѣннымъ *фактомъ*. Они допускаютъ даже, что эфиръ механически дѣйствуетъ

(*) Напрасно не упомянулъ Беранже, что Физо производилъ свои опыты по указанію Араго, который самъ заимствовалъ идею изъ отъ Витстона, опредѣлявшаго скорость электрической искры.

на вещество: но какое это дѣйствіе? Какъ оно производится? Эти вопросы считались неразрѣшимыми: Физо открылъ путь къ ихъ рѣшенію (*).

Новый опытъ Физо имѣетъ тѣсную связь съ прежнимъ опытомъ: употребивъ даже тотъ же шаръ, Физо доказалъ, что скорость свѣта перемѣняется, смотря по тому, находится ли въ покоѣ или въ движеніи *среда*, чрезъ которую проходитъ свѣтъ. Если столбъ воды въ три метра длиною движется со скоростью 7 метровъ въ секунду, то онъ ускоряетъ свѣтъ, когда лучи его имѣютъ направление, одинаковое съ направлениемъ водянago столба, и замедляетъ, когда лучи движутся противно его направленію.

Какіе будутъ вѣроятныя слѣдствія этого втораго опыта Физо? Вопросъ, о которомъ надобно еще говорить съ осторожностью; однакожь можно предвидѣть, что изъ опыта произойдутъ важныя слѣдствія относительно свойствъ самаго эѳера, — относительно свойствъ, до-сихъ-поръ совершенно гипотетическихъ. Если эѳеръ дѣйствительно распространенъ отъ самыхъ отдаленныхъ звѣздъ, наполняетъ все пространство и проникаетъ во всѣ тѣла: то онъ, безъ сомнѣнія, играетъ важную роль въ механизмѣ вселенной; но эта роль совсѣмъ намъ неизвѣстна. Ученѣйшіе физики думаютъ, что познаніе свойствъ эѳера много объяснитъ явленія вещественнаго міра, и потому отъ этого знанія, кажется, надобно ожидать важныхъ слѣдствій для физическихъ наукъ. Познаніе свойствъ эѳера необходимо не только для теоріи свѣта, но и для теорій тепла, электричества и силъ механическихъ, дѣйствующихъ въ веществахъ.

Второе открытіе Физо заключаетъ въ себѣ первое, и, по мнѣнію академіи наукъ, уже оно одно достаточно оправдываетъ ея выборъ кандидата для трехгодичной награды.

Вотъ открытія, вотъ труды, которые должна была разсмотрѣть центральная коммиссія Института. Разсмотрѣніе было продолжительно и оживленно; достоинства кандидатовъ и ихъ труды сравнивались, взаимно противопоставлялись, оцѣнивались со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ отношеніяхъ. Наконецъ, послѣ мно-

(*) И также по указанію Араго.

гихъ споровъ, большинство склонилось въ пользу Физо. Общее собраніе института утвердило такое рѣшеніе.

•Такимъ образомъ кончилась мирная и ученая борьба, принесшая честь ученымъ, участвовавшимъ въ ней своими важными трудами. Она принесла пользу и самому институту: потому что доказала необходимость тѣсной связи между его отдѣленіями, — необходимость въ томъ, чтобъ они, для успѣховъ науки, развивались своими идеями.

II.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПРАЗДНОВАНІЕ ВЪ КАЗАНСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ СВЯЩЕННАГО КОРОНОВАНІЯ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА.— Профессоръ Казанскаго университета *Киттары* помѣстилъ въ С. Петерб. Вѣд. слѣдующее описаніе празднованія университетомъ священнаго коронованія Государя Императора.— 30-е сентября 1836 года останется надолго памятнымъ въ лѣтописяхъ Казанскаго университета. Въ этотъ день профессоры, преподаватели и прочіе чины университета праздновали коронованіе Державнаго Покровителя наукъ, Государя Императора Александра Николаевича. Особымъ обстоятельствомъ отдали этотъ праздникъ: многіе изъ профессоровъ находились въ командировкахъ, другіе въ отпуску; семья университетская была не полна и только въ послѣднихъ числахъ сентября могла собраться въ полномъ ея составѣ. Праздникъ совершился въ формѣ обѣда въ бальной университетской залѣ; три портрета украшали ея стѣны: одинъ изъ нихъ, превосходной работы Доу, изображалъ основателя Казанскаго университета Императора Александра Благословеннаго, второй—покойнаго Императора Николая I, третій—нынѣ благополучно-царствующаго, обожаемаго Монарха, Александра Николаевича. Первые два портрета имѣли каждый на орлѣ рамы по бѣлому вѣнку изъ цвѣтовъ, послѣдній же былъ убранъ изящной драпировкой и фестонами розъ. Предъ нимъ помѣщалась главная университетская кафедра, украшенная зеленью и цвѣтами, а передъ ней, въ видѣ буквы П, располагался обѣденный столъ, на пятьдесятъ кувертовъ. Кромѣ ректора и профессоровъ университета, въ праздникъ приняли участіе: г. попечитель Казанскаго

учебнаго округа, генералъ-лейтенантъ *В. П. Молоствовъ*, почетный попечитель казанскихъ гимназій *М. И. Мельниковъ*, инспекторъ казенныхъ училищъ округа *Н. В. Чашиниковъ*, директоры и инспекторы Казанскихъ гимназій. Первый тостъ, при краткомъ, но живомъ и сильномъ словѣ, предложенъ былъ *В. П. Молостровымъ* за здравіе Августѣйшаго Виновника праздника, Его Императорскаго Величества Государя Александра Николаевича; самое одушевленное и продолжительное «ура», слѣдовавшее за этимъ тостомъ, слилось съ народнымъ гимномъ: «Боже, Царя храни», исполненнымъ оркестромъ адъютантаго театра. Затѣмъ на университетскую кафедру взошелъ адъютантъ-профессоръ общей исторіи *М. И. Славяскій* и съ чувствомъ и силою прочелъ слѣдующіе стихи, написанные на случай праздника адъютантомъ же профессоромъ *Н. П. Ваиеромъ*.

Свершилось!... Вновь блеснитъ корона!
 Въ сѣньи радостномъ алтарь;
 Па бархатъ прадѣдова трона,
 Подъ гулъ торжественнаго звона,
 Восходитъ новый Русскій Царь!
 И гулъ по всей землѣ несется.
 Шума, народъ ликуетъ вновь;
 Повсюду радость, счастье льется,
 Съ ступеней трона раздается
 Прощенье, милость и любовь...
 Въ страну снѣговъ и запустѣнья,
 Въ страну изгнанья и скорбей
 Достигло слово всепрощенья,
 Звучитъ залогомъ забавленья
 Отъ мукъ, страданій и цѣпей.
 И всюду вѣликъ благодаренья,
 Все блещетъ, движется, живетъ.
 И въ храмъ молиться съ умиленьемъ
 За живнъ Царя, въ живомъ волненьи,
 Стремится радостный народъ.

И мы съ душою преклоненной
 Къ Тебѣ, Богъ истины и силъ,
 Несемъ слова мольбы усердной: —
 Чтобъ Ты хранилъ защитой вѣрной
 Того, Кто правду возлюбилъ,
 Кто міру миръ далъ и свободу,
 Кто свѣтъ науки оживилъ.

.....

И вновь объятія народу
 Съ любовью отческой открылъ.
 О пусть цвѣтетъ страна родная!
 Храни Царя! храни народъ!
 Пусть слава чистая, святая
 Пройдетъ отъ края и до края,
 Изъ вѣка въ вѣкъ, изъ рода въ родъ!

Самое живое одобреніе было отвѣтомъ на эти стихи, звуочной речью высказавшіе чувства, одушевлявшія всѣхъ и каждого изъ присутствовавшихъ. Второй тостъ былъ провозглашенъ за здравіе Ихъ Императорскихъ Величествъ Государыни Маріи Александровны и Александры Олександровны. Третьимъ тостомъ провозглашено здравіе Его Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича и всѣхъ Августѣйшихъ Членовъ Императорской Фамиліи. Народный гимнъ «Боже, Царя храни» и громкое «ура!» сопровождали эти тосты. Четвертый тостъ былъ предложенъ за благоденствіе Россіи, и «ура!» еще разъ огласило залу. Затѣмъ на кафедрѣ взошелъ профессоръ Русской словесности *Н. Н. Буличъ* и прочелъ рѣчь, полную чувствами и глубокой мысли. Она была закончена предложеніемъ тоста за процвѣтаніе наукъ и благоденствіе Казанскаго университета, принятаго съ живымъ восторгомъ. Но эти не кончились еще тосты праздника; за *Н. Н. Буличемъ* вступилъ на кафедру профессоръ Славянскихъ нарѣчій *В. И. Григоровичъ*, и попросилъ позволенія сказать слово на языкѣ Славянскомъ. Вотъ содержаніе рѣчи профессора Григоровича: «Всѣмъ

вѣнецъ на челѣ Его и се въ истиннѣ Дуухъ Божіи ношаашеса врѣхоу глагы Его: зане — зане лоучи благыѣа доуша Его въжгоша свѣтыльннкъ правды и закону, зане правосудіе Его сънать оковы съ ногоу толкыныхъ заточенныхъ, зане милосердіе Его отре съ очію толкыныхъ страждущихъ горькыѣа слъса, зане присытныи оуповаишемъ, крѣпкожъ вѣрожъ оущедри, възнесе люди своѣа. Притецѣиъ оубо и мы, чаждшии о Немъ, доухъмъ къ прѣстолу Творца Всеблагаго и рѣцѣиъ съ кроткыиыи молениемъ: Да благословитъ Его Всевышнии теци плтъ царскыи многоаи лѣта, да оутврдитъ доблестнжъ плеснѣ Его въ дѣлѣиъ течении, іако да вынжъ снзатъ благыи Вѣнценосецъ нашъ побѣдожъ, поборнжъа всѣа врагы ва правды и прѣоуснѣиыиіе свокого народа. За этой рѣчью, напоминавшею своимъ слогомъ времена столь отдаленныя въ нашей исторіи, былъ вторично провозглашенъ тостъ за здравіе Государя Императора, сопровождаемый, какъ и въ первый разъ, одушевленныиъ «ура!». Обѣдъ окончился въ седьмомъ часу — но дружеская бесѣда продолжалась еще очень-очень долго.

СОБРАНИЕ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.— Императорское Русское географическое Общество имѣло 27 Октября первое, послѣ каникулярнаго времени, общее собраніе, въ которомъ, подѣ председательствомъ вице-предсѣдателя, члена государственнаго совѣта *М. Н. Муравьева*, присутствовали: помощникъ предсѣдателя, тайный совѣтникъ *А. И. Левшинъ*, почетный членъ *Ф. П. Литке*, дѣйствительные члены, члены-сотрудники въ почетные гости, всего 82 человекъ. Г. вице-предсѣдатель открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой изложилъ краткій отчетъ о дѣствіяхъ Общества и о состояніи разныхъ работъ его во время лѣтнихъ ваканціонныхъ мѣсяцевъ. Вслѣдъ за симъ секретарь Общества прочелъ краткія извлеченія изъ письма дѣйствительнаго члена *Семенова*, посѣтившаго вынѣшнюю осенью Киргизскую степь Сибирскаго вѣдомства. Путешественникъ сообщаетъ любопытныя свѣдѣнія о поѣздѣ своей на озеро Несыкъ-Куль, куда не проникалъ до сего времени ни одинъ изъ

исследователей, посещавших этот край. Продолжая путь свой изъ Копальскаго укрѣвленія за р. Коксу, я переѣхалъ (пешеть г. Семеновъ) и черезъ р. Или и потомъ, въ концѣ августа, прибылъ въ за-Илійскій край, въ городъ Алматы, какъ его называютъ туземцы, слѣдовательно въ самое отдаленное Русское поселеніе въ центральной Азій. Городъ Алматы лежитъ приблизительно въ одной широтѣ съ Пизой и Флоренціей, въ верховьяхъ системы рѣки Кескелева (на р. Алатиникѣ), у подошвы величественнаго ряда исполиновъ — снѣжнаго хребта Кунги-Тау, ограничивающаго озеро Иссыкъ-Куль съ сѣверной стороны. Хребетъ Кунги-Тау простирается отъ в. къ в. между Кескелевомъ и Тургенемъ, другимъ значительнымъ, болѣе восточнымъ притокомъ Или, заходитъ далеко за предѣлы вѣчнаго снѣга и высотой своею, конечно, превосходить всѣ болѣе-сѣверные, Азіатскіе снѣжные хребты, т. е. Алатау, Тарбагатай и Алтай. Трехглавый исполинъ Таггарыкъ-Тау, поставленный совершенно посрединѣ цѣлага хребта въ верховьяхъ Таггара, также притока Или, живописно одѣтъ ослѣпительною мантией вѣчнаго снѣга и, едва ли своею, даже абсолютною высотой, не поспоритъ съ Монбланомъ. Весь гребень горъ между Кескелевомъ и Тургенемъ такъ высокъ, что въ этомъ промежуткѣ нѣтъ ни одного сколько-нибудь удобнаго горнаго прохода, который бы велъ изъ Алматы къ озеру Иссыкъ-Куль, отстоящему отъ города въ прямой линіи не болѣе какъ на 60 верстѣ. За то на флангахъ своихъ Кунги-Тау значительно понижается, и тамъ найдены удобные пути. Мнѣ предстояло попытаться пройти къ озеру восточною дорогою, составляющею около 250 верстѣ, черезъ высокіе горные проходы Асынь-Тау и Табульга-Су. Съ нѣбольшимъ извѣсомъ казаковъ я совершилъ благополучно путь и перешелъ черезъ всѣ параллельныя кряжи, на которые распадается Кунги-Тау на своемъ восточномъ флангѣ. По р. Тубѣ мы спустились до самыхъ береговъ бурнаго, свѣтло-голубаго Иссыкъ-Куля, котораго солоноватая волны въ этотъ день шумно набѣгали на свой восточный берегъ. Здѣсь я опредѣлилъ температуру кипѣнія воды гипсометромъ, а слѣдовательно гипсометрически и абсолютную высоту Иссыкъ-Куля. Широкая долина р.

Тубъ и параллельной съ нею р. Джиргазакъ отдѣляетъ Кунги-Тау отъ сѣвѣжнаго исполинскаго хребта Мусарта, ограничивающаго озеро съ южной стороны.... Здѣсь я былъ на одинъ только день пути (50 верстъ) отъ горнаго прохода Зауки или Джауки, ведущаго въ теплую Кашгорію и Малую Бухарію къ Китайскимъ городамъ Турпану и Аксу. Не менѣе счастливо удалось мнѣ возвратиться въ Алматы другою, болѣе кружною дорогою, черезъ невысокій горный проходъ Сайташъ. Теперь я отдохну два или три дня въ Алматахъ и затѣмъ отправлюсь по западной дорогѣ на р. Чу. Это новое путешествіе дополнитъ мои изслѣдованія о пластическомъ и геогностическомъ строеніи хребта Кунги-Тау, въ которомъ, не смотря на мои ожиданія, я не видѣлъ и слѣда какихъ бы то ни было волканическихъ породъ, и весь хребетъ нашель состоящимъ изъ сіенита, гранита, діорита и порфира. Вслѣдъ за письмомъ г. Семенова, секретарь прочелъ краткое письмо къ г. вице-предсѣдателю профессора Харьковскаго университета г. *Липина*, который извѣщаетъ о многочисленныхъ мѣстностяхъ въ Бахмутскомъ, Александровскомъ и Славяно-Сербскомъ уѣздахъ, гдѣ найдены въ послѣднее время богатые образцы желѣзной руды, обещающей прочное развитіе разработки. По поводу сообщенныхъ г. *Липинимъ* замѣчаній и образцовъ, предсѣдательствующій въ отдѣленіи физической географіи А. Д. *Озерскій* вошелъ въ словесныя объясненія о положеніи развѣдокъ въ южной Россіи вообще. По его мнѣнію, въ настоящее время трудно еще окончательно выразить сужденіе о благонадежности желѣзной руды, попадающей въ всѣхъ указанныхъ мѣстахъ, и необходимо прежде всего распространить изысканія, чтобы опредѣлить, до какой степени минеральное богатство, замѣченное лишь въ ограниченныхъ развѣткахъ, способно служить къ учрежденію плавильныхъ заводовъ съ обезпеченіемъ имъ своего постояннаго матеріала для разработки. Присутствовавшимъ членамъ въ собраніи сообщено было затѣмъ предложеніе совѣта объ избраніи въ иностранныя почетныя члены извѣстныхъ ученыхъ: члена Парижскаго института *Жомара* и предсѣдателя Австрійскаго геологическаго института, доктора *Гайдимера*, и въ члены-корреспонденты адъютанта его величе-

ства короля датскаго *Ирминера*. Раздѣляя вполне мнѣніе совѣта объ ученыхъ заслугахъ этихъ лицъ, общее собраніе единогласно признало ихъ въ означенныхъ званіяхъ. Предсѣдательствующій въ отдѣленіи физической географіи *А. Д. Озерскій* приступилъ затѣмъ къ прочтенію записки, сообщенной академикомъ *К. М. Беромъ* о путешествіи на рѣку Манычъ. Западная половина Маныча дѣтъ на 30 или нѣсколько болѣе снята вполне на карту; но восточная, образующая болышею частію границу между Астраханскою и Ставропольскою губерніями, еще повнѣ весьма мало извѣстна. Только въ прошломъ году сдѣлана была съемка довольно значительной части Маныча на востокъ отъ устья Калауса, произведенная по приказанію генерала Тагайчинова, по-случаю измѣренія земли, принадлежащей Дербетеевскому Улусу, границу котораго овъ образуетъ. Во время этой съемки часть Манычскаго русла была совершенно суха и предпринятая геодезическія работы весьма мало объяснили наклоненіе Манычской долины. Оба землеѣра, которые были туда командированы, увѣрили академика, что и въ восточной части Маныча вода его течетъ на западъ, между-тѣмъ академикъ вскорѣ самъ личнымъ осмотромъ убѣдился совершенно въ противоположномъ. Излагая историческій ходъ познаній о Манычѣ и долинѣ его, г. Беръ перечислилъ мнѣнія Палласа, Царрота, результаты нивелировки, произведенной Академією Наукъ между уровнемъ Каспійскаго и Чернаго морей, и результаты, приводимые Гомеръ-де-Геллемъ въ опроверженіе точности первыхъ показаній. Изъ повѣрки этихъ различныхъ свѣдѣній и сравненія съ ними результатовъ г. Гомера-де-Гелля, г. Беръ приходитъ къ заключенію и положительно доказываетъ, что Французскій ученый не прошелъ по всей долинѣ Маныча и не могъ произвести въ ней нивелировки, въ чемъ, кромѣ собственныхъ разнорѣчныхъ показаній автора, убѣдили г. Бера и положительныя подтвержденія очевидцевъ, сопровождавшихъ Французскаго путешественника. Сдѣлавъ обзоръ Манычской низменности и долины рѣки, академикъ Беръ описываетъ послѣднюю такимъ образомъ: Рѣка, которая бы вытекала близъ Каспійскаго моря (на 80 или 120 верстахъ) и текла бы вплоть до Дона, какъ это изображается на

всѣхъ нашихъ картахъ, вовсе не существуетъ. Въ западной части долины Маньча дѣйствительно протекаетъ рѣка, образуемая изъ небольшихъ рѣчекъ: Улавъ-Зухи и Хара-Зухи, берущихъ начало изъ горъ Эргени и содержащихъ въ себѣ воду въ теченіе цѣлаго года. Рѣка эта, продолжая теченіе на западъ и, то постепенно расширяясь отъ озеръ, то суживаясь, вливается наконецъ въ Довъ. По восточной, меньшей половинѣ Маньча также течетъ вода, но только весною и позднею осенью. Эту временно текущую воду нельзя даже и назвать рѣкою. Восточная часть долины скорѣе оврагъ, по которому течетъ весною и осенью вода и частію заливаетъ соляныя гравы и хаки, частію наливается въ Кумскую низменность и въ соединеніи съ водою Кумы настоящимъ устьемъ вливается въ Каспійское море. Если называть это восточное теченіе рѣдкою, то въ долинѣ Маньча слѣдуетъ различать двѣ рѣки съ совершенно-противоположными теченіями: западную и восточную. Обѣ эти рѣки бывають въ началѣ весны довольно-страннымъ образомъ соединены между собою при ихъ истокахъ. По выслушаніи этой любопытной записки, собраніе изъявило свою признательность г. предсѣдательствующему А. Д. Озерскому за принятый имъ на себя трудъ изложенія. Въ концѣ записки объявленъ былъ результатъ баллотировки, вслѣдствіе которой оказались избранными въ дѣйствительные члены общества: гг. *А. К. Красовскій, А. И. Штукенбергъ, А. П. Варенцовъ, А. И. Дельвиль, А. И. Заборинскій, П. А. Зелной, А. С. Кандяковъ, Ф. X. Мейенъ, К. К. Фойхтъ, В. С. Барыковъ, А. М. Трескинъ, П. Н. Спасскій, А. О. Пулковскій, К. И. Домонтовичъ, П. А. Булаковъ, В. Я. Фуксъ, М. Е. Салтыковъ и Ф. А. Кони.*

ЗАКЛАДКА УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ ДЕРИТѢ.— Одинъ изъ членовъ Императорскаго Деритскаго университета доставилъ въ редакцію С. Петерб. Вѣд. описаніе торжества священнаго коронованія Государа Императора; въ тотъ же день происходила закладка университетской церкви. Особенное значеніе для насъ — говоритъ корреспондентъ — имѣло еще 26-е число августа тѣмъ, что въ этотъ день, день священнаго коронованія Ихъ

Императорскихъ Величествъ, опредѣлено было совершить закладку университетской церкви, которая должна замкнуть собою кругъ возводимыхъ теперь построекъ, изъ которыхъ одна, именно праваго флигеля при главномъ корпусѣ, только-что подвѣлена подъ крышу. На мѣстѣ, гдѣ предположено соорудить новое зданіе, давно, за нѣсколько вѣковъ, уже стояла древняя церковь св. Маріи, со времени перваго здѣсь городского законоположенія бывшая приходскою; съ внохи Реформаціи она стала главною Пѣмецкою; за три столѣтія предъ симъ, завоевателемъ Ливоніи, царемъ Иоанномъ Грознымъ, возвращена къ прежнему своему назначенію; при Польскомъ господствѣ передана іезуитамъ; королемъ Густавомъ-Алольфомъ, поборникомъ Лютеранскаго вѣроисповѣданія и въ этихъ странахъ его державы, соединена съ университетомъ, имъ учрежденнымъ; за двѣсти лѣтъ опустошена побѣдоноснымъ вторженіемъ сюда войскъ царя Алексія Михайловича; потомъ въ правленіе Карла XI-го опять содѣлалась соборною Лифляндскаго генераль-суперинтендента, и оставалась въ семъ качествѣ до-той-поры, когда покореніе Дерпта оружіемъ Петра Великаго положило наконецъ для его преуспѣванія основы прочныя. Блаженной памяти Императоръ Александръ Павловичъ воздвигъ у насъ высшее учебное заведеніе, даровавъ оному навсегда мѣстность старинной крѣпости, нѣкогда епископскій Вышгородъ (Domberg) и урочище Шведской церкви св. Маріи, которое, будучи увеличено покупкою окрестныхъ участковъ, за полвѣка тому назадъ, отведено подъ новое академическое зданіе и, какъ оному положенъ былъ основной камень 15 сентября 1805 года, въ четвертое празднованіе вѣнчанія на царство Благословеннаго, — такъ вышѣ соединило 26-е число августа, день коронованія и святаго муромозанія Александра II, наше ученое сословіе, съ представителями духовенства, дворянства и города, при возсозданіи этой уже полтора ста лѣтъ назадъ разрушенной храмины евангелическаго славословія. Солнце, оваряя скудельные остатки кладбища, тутъ нѣкогда простаравшагося, и согрѣвая небесной теплотою еще уплѣвншіе камни ветхихъ подземныхъ сводовъ, рассыпало свои полдневные лучи на весмѣтное стеченіе народа и какъ бы вызывало изъ праха при-

вѣтъ минувшаго исполненной ожиданія толпѣ, которая со всѣхъ сторонъ обдавала собою впадину, откуда должно возникнуть предположенное строеніе, обнесенную оградой, богатоукрашенной послѣдними цвѣтами лѣта. По оковчаніи богослуженія въ сохранившейся и занятой библіотекою части развалинъ стариннаго собора (Dom), гдѣ теперь, временно, находится церковь университета, торжественное шествіе его членовъ и чиновниковъ, депутатовъ разныхъ званій и вѣдомствъ, студентовъ и воспитанниковъ Дерптскихъ училищъ, предводимое г. попечителемъ здѣшняго округа, сенаторомъ, тайнымъ совѣтникомъ Б. О. фонъ-Брадде, двинулось съ Домской горы къ мѣсту закладки, гдѣ встрѣчено было хорошъ (*) студентовъ, пѣвшихъ 48-й псаломъ, и гдѣ свяцовый ларецъ, содержащій въ себѣ пергаменный списокъ лицъ, служащихъ теперь въ университетѣ, по одному экземпляру вычеканенныхъ въ текущемъ году Русскихъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ, медаль, выбитую въ память бракосочетанія нынѣ благополучно-царствующаго Государя Императора, и бронзовую вызолоченную доску съ вырѣзанной на ней, соответственной настоящему обстоятельству, надписью, — былъ вставленъ въ отверстіе фундамента г. попечителемъ, при чемъ архитекторъ вручилъ ему лопатку съ известью и молотъ, для утвержденія, тремя обычными уларами, краеугольнаго камня, чему послѣдовали члены совѣта, приглашенныя именитыя особы и выборный отъ студентовъ, а между тѣмъ надъ рытвиной, гдѣ это происходило, даровитый проповѣдникъ нашъ профессоръ *Христиани*, окруженный здѣшними пасторами, произнесенъ въ краткихъ, но сильныхъ выраженіяхъ, приличное совершившемуся дѣйствию слово и наконецъ, громогласная стихера: «Nun danket alle Gott» заключила духовный актъ, послѣ котораго, за разукрашенными столами, близъ возводимыхъ зданій, угощались радушнымъ паромъ работники, принимавшіе участіе въ ихъ постройкѣ».

(*) Всѣми хорами управлялъ учитель музыки при университетѣ, г. Бреннеръ.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ИМПЕРАТОРСКАГО ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА. — 22 ноября было общее собраніе членовъ и корреспондентовъ Императорскаго вольнаго экономическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника А. И. Лесина. Новый вице-президентъ открылъ засѣданіе слѣдующею привѣтственною рѣчью: «Мн. Гг., садясь между вами въ первый разъ на предсѣдательское кресло, долгомъ считаю изъявить вамъ искреннюю благодарность за честь мнѣ сдѣланную избраніемъ въ званіе вашего вице-президента. Избраніе это, съ одной стороны, для меня особенно легко потому, что многие изъ васъ меня лично не знаютъ; съ другой стороны, то же самое обстоятельство затрудняетъ положеніе мое предъ вами. Можетъ быть, нѣкоторые изъ васъ подали въ мою пользу голосъ свой изъ снисхожденія, изъ довѣрія къ чужимъ мнѣніямъ, или наконецъ, по слухамъ, не всегда вѣрнымъ. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ естественнымъ образомъ остается у васъ въ душѣ сомнѣніе, которое разрешится только опытомъ и временемъ, болѣе или менѣе продолжительнымъ. Между тѣмъ я считаю не лишнимъ познакомить васъ съ образомъ воззрѣнія моего на отношенія мои къ Обществу въ совокупности и къ каждому изъ членовъ его въ особенностяхъ. Всякій предсѣдательствующій въ какомъ-либо ученомъ Обществѣ не есть его начальникъ, — а только первый исполнитель его постановленій и желаній. Здѣсь нѣтъ службы, нѣтъ приказаній, нѣтъ подчиненныхъ; во тѣмъ не менѣе здѣсь, какъ и вездѣ, должна быть общая для всѣхъ и каждого подчиненность закону, или уставу, нами управляющему; подчиненность порядку, безъ котораго никакое общество, никакое собраніе существовать не можетъ. Въ этихъ главныхъ элементахъ нашего существованія буду я искать власти мнѣ нужной для управленія дѣлами Общества; въ нихъ же найдете вы, мм. гг., оружіе противъ меня, еслибы я перешелъ границу, избраніемъ вашимъ мнѣ указанную. Будемъ въ этомъ отношеніи равно строги другъ къ другу и выистѣ съ тѣмъ равно снисходительны во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ намѣренія съ чьей-либо стороны уклониться отъ пути безпристрастія. Благо общее да будетъ постоянно цѣлю нашею и единственнымъ свѣтильникомъ, къ кото-

рому должны направляться всѣ намѣренія и дѣйствія наши. Но, призывая на помощь законность, объщая вамъ всегда ставить ее выше всякихъ личныхъ побужденій вашихъ и моихъ, я долженъ прежде всего предложить вамъ обратить вниманіе на самый законъ, или, говоря точнѣе, на уставъ нашъ. Онъ былъ составленъ почти сто лѣтъ навзвѣ, для малочисленнаго Общества людей, другъ другу близко извѣстныхъ; съ того времени не разъ намѣняли вѣкоторыя его части, но измѣненія эти не улучшили, а скорѣе разрушили въ немъ прежнюю гармонію цѣлаго, наполнили его противорѣчіями и сдѣлали неудобноисполнимымъ. Теперь необходимо не только пересмотрѣть его въ общемъ составѣ, но пересоздать, не трогая впрочемъ главныхъ основаній, освященныхъ временемъ и участіемъ Великой Основательницы нашего Общества. Это важное для васъ предпріятіе вызывается многими частными предложеніями членовъ, не перестающими поступать въ теченіе послѣднихъ 12 или 15 лѣтъ. Со-вѣтъ раздѣляетъ убѣжденіе въ необходимости такой мѣры, Высочій Президентъ нашъ удостоиваетъ ее одобреніемъ. Отъ васъ зависитъ рѣшить дѣло балотированіемъ, которое сегодня же будетъ вамъ предложено, на основаніяхъ, особо изложенныхъ въ журналѣ Совѣта. По выслушаніи затѣмъ означеннаго журнала, собраніе, по надлежащей балотировкѣ, большинствомъ голосовъ (81 противъ 4), согласно съ мнѣніемъ Совѣта, опредѣлило слѣдующее: 1) Составленіе проекта новаго устава Общества возложить на Совѣтъ; но между тѣмъ пригласить всѣхъ членовъ Общества доставить Совѣту къ 1-му января будущаго 1857 года свои мнѣнія о нужныхъ перемѣнахъ, дополненіяхъ и исправленіяхъ. 2) Когда Совѣтъ, на основаніи большинства собранныхъ имъ такимъ образомъ данныхъ, составитъ проектъ новаго устава, тогда общее собраніе изберетъ, закрытыми записками, особую комиссію изъ 5 членовъ (по числу отдѣленій), для пересмотра труда, составленнаго Совѣтомъ, и соглашенія съ нимъ въ нужныхъ случаяхъ. 2) За сямъ, когда проектъ будетъ окончательно согласенъ и одобренъ большинствомъ голосовъ собранія, составленнаго изъ Совѣта и особой комиссіи, на что полагается шесть недѣль времени, тогда онъ предложится общему собранію

членовъ Общества на балотированіе въ полномъ его составѣ; а дабы всѣ члены общества могли заранѣе ознакомиться съ его содержаніемъ, то за мѣсяць до балотированія онъ будетъ выложенъ въ библіотекѣ общества, для чтенія желающихъ. 4) Наконецъ, если общее собраніе одобритъ проектъ, то онъ установленнымъ порядкомъ будетъ представленъ на Высочайшее утвержденіе. Въ концѣ этого засѣданія произведена балотировка предложенныхъ Его Императорскимъ Высочествомъ Президентомъ трехъ кандидатовъ на должность непремѣннаго секретаря Общества. По большинству голосовъ, въ эту должность избранъ членъ Общества К. Д. Кавеланъ.

ОБЪ УСТРОЙСТВѢ ИСТИННО-ИСТОРИЧЕСКАГО МУЗЕУМА ВЪ АСТРАХАНѢ. —

Академикъ *Бэръ* пишетъ въ Астраханскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ: «Въ 1853 году, когда я прибылъ въ Астрахань, здѣсь хотя уже существовала библіотека, но ею не пользовались. Однажды мнѣ удалось неожиданно посѣтить ее, послѣ же находилъ ее постоянно запертою. Имѣть закрытую библіотеку все равно, что не имѣть никакой. Теперь, попеченіемъ г. военного губернатора, библіотека для всѣхъ всегда открыта, число книгъ ежегодно получаетъ приращеніе. Вотъ уже прекрасный успѣхъ. Г. военный губернаторъ, пробудивъ изъ мертвага сна и воскресивъ библіотеку, выразилъ свое желаніе устроить музеумъ, въ составъ котораго входили бы всѣ естественныя произведенія окрестныхъ мѣстъ, *Вейдманъ*, старшій учитель естественныхъ наукъ при гимназій, имѣлъ, изъ любви къ своей наукѣ, къ тому также сильное желаніе и притомъ занимался подробнымъ изслѣдованіемъ естественныхъ произведеній своихъ окрестностей. Астраханскому главѣ, члену Императорскаго Русскаго географическаго Общества А. А. *Сапожникову*, первому принадлежитъ честь устройства музеума, въ которомъ онъ принималъ и принимаетъ живое участіе предоставленіемъ денежныхъ къ тому средствъ. Для этой цѣли г. Вейдманъ не ограничился экскурсіями по здѣшнимъ окрестностямъ, но онъ также ревностно занимался собираніемъ естественныхъ произведеній во время путешествія со мною по берегамъ Каспійскаго моря и Кавказу, такъ что онъ уже въ про-

шедшемъ году успѣлъ составить значительное собраніе естественныхъ произведеній этихъ странъ. Слѣдовательно положено уже весьма-хорошее основаніе пожертвованіемъ г. Сапожникова, которое онъ сдѣлалъ своему родному городу, и ревностью г. Вейдемана. Теперешній военный губернаторъ, вице-адмиралъ *Васильевъ* весьма-интересуется поддержаніемъ и дальнѣйшимъ развитіемъ музея, и, безъ сомнѣнія, съ своей стороны, доставитъ къ тому всѣ средства. Кромѣ того, городъ имѣетъ теперь при гимназій преподавателя въ полной юношеской силѣ и съ горячею ревностью къ своему предмету. Онъ энергически сталъ бы расширять музей, еслибъ только ему на это были даны денежные средства. Музей оживитъ не только интересъ воспитанниковъ гимназій, но обратитъ также вниманіе всѣхъ жителей города на полезныя естественныя произведенія, и тѣмъ будетъ поддерживать духъ предприимчивости. Я этииъ опять прихожу къ своему прежнему замѣчанію, что здѣсь чрезвычайно-мало предпринимается опытовъ по различнымъ вѣтвямъ промышленности и отчасти потому, что на свои окрестности не обращается никакого вниманія. Я приведу только нѣсколько примѣровъ. Въ настоящее время здѣсь намѣрены мостить улицы. Для этого нужно себѣ сперва предложить вопросъ: откуда можно достать на это хорошій камень. Еслибы всѣ образчики каменныхъ породъ, которые удобно могутъ быть доставляемы сюда водою, находились въ музей, въ такомъ случаѣ весьма просто можно было сдѣлать выборъ камня въ музей. Теперь нужно издержать много денегъ, чтобы найти хорошую каменную породу, и легко можетъ случиться, что по оковчанію мощенія отыщется гораздо лучшая порода. Въ небольшихъ водовмѣстителяхъ въ сосѣдней степи, равно какъ около Ленкорани, находится весьма много годныхъ къ употребленію пѣвокъ. Былъ ли когда сдѣланъ опытъ къ разведенію ихъ искусственно около города? Въ западной Европѣ торговля пѣвками приняла значительный оборотъ. Такъ для собранія пѣвокъ ежегодно отправляются люди въ Венгрію изъ Франціи (гдѣ, вслѣдствіе большаго недостатка въ пѣвкахъ, старались замѣнить ихъ искусственными средствами), привозятъ ихъ въ Парижъ и наживаютъ при этомъ значительныя суммы.

Разумѣется, нельзя сравнить прибыль, выручаемую отъ пивовъ, съ прибылью, получаемую отъ рыбы; но за то для торговли пивками не требуется почти никакого капитала. Даже въ Москвѣ и С. Петербургѣ эта отрасль торговли уже въ большомъ ходу. Мнѣ извѣстно, что крестьяне изъ окрестности Коломны отправляются для собиравія пивовъ до самой Персіи. Еслибы послѣдніе знали, что ихъ въ нашихъ степныхъ рѣчкахъ огромное количество, они непремѣнно сократили бы свой путь на половину. Далѣе г. Беръ указываетъ на другіе произведенія, которыя могли бы сдѣлаться выгодными предметами хозяйства в промышленности, и въ заключеніе говоритъ: «Изъ сдѣланныхъ мною предложеній, можетъ статься, нѣкоторыя окажутся неудачными, но за то тѣ, которыя удадутся, принесутъ всеобщую пользу. Еслибы какой-нибудь патриотъ въ прошедшемъ столѣтіи употребилъ нѣсколько сотъ рублей на соленіе бѣшенки въ маленькихъ бочечкахъ и ихъ въ такомъ видѣ просто раздарилъ, въ такомъ случаѣ, безъ сомнѣнія, появилось бы требованіе на эту рыбу и доставило бы городу въ короткое время хорошаго сбыта. Рыбы здѣсь достаточно, но надобно только стараться о легкомъ сбытѣ и дешевомъ отправленіи ея. Однакожъ до-сихъ-поръ не пробовали приготовить бульионъ изъ рыбы и ввести его въ употребленіе. Городъ Астрахань уже 60 лѣтъ находится подъ Русскимъ владычествомъ, когда считали невозможнымъ развести въ немъ виноградъ. Не Астраханецъ въ 1613 году сдѣлалъ первый опытъ развести виноградъ, а иностранный монахъ. Императоръ Петръ I, въ бытность свою здѣсь, обратилъ свое вниманіе на садоводство и въ настоящее время Астрахань окружена виноградными садами, доставляющими большому числу людей пропитаніе. Слѣдовательно естественно-историческій музей долженъ, какъ я полагаю, и тому служить, чтобы болѣе познакомиться съ природою, распространить свѣдѣнія о ея произведеніяхъ и обратить вниманіе на пользу ихъ и на ихъ воспроизводительныя силы».

КОНЕЦЪ ХСII ЧАСТИ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА

НА 1857 ГОДЪ.

Отд. I. Дѣйствія правительства. — 1) Высочайшія повелѣнія и 2) Министерскія распоряженія.

Отд. II. Словесность, науки и искусства. — Статьи по части вѣроученія, философіи, законовѣдѣнія, педагогикки, исторіи, словесности, Русскаго языка и другихъ общепользныхъ знаній; путешествія ученыхъ или имѣющія историческую важность.

Отд. III. Извѣстія объ отечественныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Отд. IV. Извѣстія объ иностранныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Отд. V. Исторія просвѣщенія и гражданскаго образованія. — Сюда же относятся и біографіи людей, содѣйствовавшихъ успѣху наукъ и гражданственности.

Отд. VI. Обзоръ книгъ и журналовъ.

Отд. VII. Новости и Смѣсь касаются: новѣйшихъ открытій въ наукахъ и полезныхъ изобрѣтеній; древностей, находимыхъ въ Россіи и въ чужихъ краяхъ; отличныхъ произведеній художествъ, примѣчательныхъ физическихъ явленій, мелкихъ литературныхъ замѣчаній; задачъ, предлагаемыхъ отъ академій и ученыхъ обществъ, разныхъ пособій, имѣющихъ отношеніе къ просвѣщенію, и т. д.

Къ книжкамъ Журнала отъ времени до времени прилагаются картинки, карты, планы, снимки съ почерковъ и пр.

Три книжки составляютъ одну часть, а четыре части — полное годовое изданіе.

Подписная цѣна годовому изданію Журнала — въ С. Петербургѣ 12 рублей сер.; съ пересылкою въ другіе города и съ доставкою на домъ въ С. Петербургѣ 13 рублей 50 коп. сер.

Подписка принимается: въ С. Петербургѣ и въ Москвѣ — у всѣхъ книгопродавцевъ, а для жителей прочихъ городовъ имперіи — въ газетныхъ экспедиціяхъ С. Петербургскаго и Московскаго почтамтовъ и во всѣхъ губернскихъ почтовыхъ конторахъ.

СОДЕРЖАНИЕ.

ОТДѢЛЕНИЕ II.

Очеркъ гимнастическихъ игръ у древнихъ Грековъ. В. В. ТЕХАНОВИЧА	215
Исслѣдованіе профессора Цеха о древнихъ затмѣніяхъ для повѣрки хронологіи и таблицъ луны. А. И. САМЧУ	315
Графическая система Китайскихъ иероглифовъ. В. И. ВАСИЛЬЕВА	233

ОТДѢЛЕНИЕ IV.

Замѣтки о состояніи Англійской литературы въ первую половину 1856 года. В. И. ВОДОВЪЗОНА	61
--	----

ОТДѢЛЕНИЕ V.

Биографіи главныхъ астрономовъ. Посмертное сочиненіе АРАГО. (Продолженіе)	83
---	----

ОТДѢЛЕНИЕ VI.

а) Книги, изданныя въ Россіи:

Обозрѣніе успѣховъ сельскаго хозяйства въ Россіи, соч. Холецкаго (реп. Д. Ш.)	123
Исслѣдованіе объ инородцахъ Казанской губерніи. О бытѣ крестьянъ въ Казанской губерніи, соч. В. А. Сбоева (реп. Д. Ш.).	127
Новые разговоры на Россійскомъ, Французскомъ, Турецкомъ и Татарскомъ языкахъ (реп. П. П. ВЕРИЖИНА)	129
б) Обозрѣніе Русскихъ газетъ и журналовъ за 2-е тридцѣтлѣе 1856 года: I. Богословіе. II. Педагогика. III. Правовѣдѣніе. IV. Политическія науки. V. Географія, этнографія и путешествія. VI. Исторія Русская и всеобщая. VII. Языковѣдѣніе. VIII. Критика и теорія словесности. IX. Исторія литературы. X. Изящная словесность. XI. Свободныя художества. XII. Математическія науки. XIII. Военныя науки. XIV. Науки, относящіяся къ мореплаванію. XV. Горныя науки. XVI. Естественныя науки вообще. XVII. Медицинскія науки. XVIII. Промышленность, технологія и сельское хозяйство	134

ОТДѢЛЕНИЕ VII.

I. <i>Новости по части наукъ математическихъ, физическихъ и естественныхъ</i> : Кровавая рѣка. — Металлическій барометръ-анероидъ. — Замѣчаніе объ образованіи града. — Памятникъ Лагранжу. — Общество термитовъ. — Краткая биографія доктора Букланда. — Годичное собраніе Французскаго института	119
II. <i>Разныя извѣстія</i> : Правднованіе священнаго коронованія Государи Императора въ Казанскомъ университетѣ. — Собраніе Императорскаго Русскаго географическаго Общества. — Закладка университетской церкви въ Дерптѣ. — Общее собраніе Императорскаго вольнаго экономическаго Общества. — Объ учрежденіи естественно-историческаго музея въ Астрахани	136